

ВРЕМЯ ДЛЯ ЖИЗНИ

TARAMANS

Попаданец в альтернативную реальность. Время действия — аналог конца тридцатых годов в СССР.

Мужчина зрелого возраста, после смерти, переносится в тело юноши из компании шпаны. Ничего не зная об истории этого мира, не понимая всех перипетий текущей здесь жизни, пытается встроиться в общество, не забывая, что впереди — Война.

Глава 1

Моросящий октябрьский дождь, который сыпал с неба третий день, к вечеру превратился уже вовсе во что-то непотребное — не то туман, ни то какую-то взвесь, казалось бы, не оседающую на землю. В конце октября темнело уже рано, и Сергей Николаевич Елизаров возвращался с работы домой в потемках. От конторы до дома, где он жил, было минут 25 ходьбы. Общественным транспортом он, по сложившейся привычке, не пользовался (да и чего им пользоваться — если городок можно из конца в конец пройти минут за 50 — час, не более), и сейчас вышагивал по темной улице, перешагивал многочисленные лужи, стараясь выбрать путь посуше. Хотя «посуше» — это громко сказано — такового пути просто не было. Асфальт тротуаров был едва ли не его ровесником, проще сказать, что асфальта не было, а были отдельные его островки.

«Мда... и уличными фонарями наш город явно не богат... если не сказать большего. Хорошо хоть витрины магазинов немного подсвечивают тротуар. Это на центральной улице, а что творится, чуть отойди в сторону?! Там ни фонарей, ни тротуаров. Как там люди живут — лучше вообще не задумываться. Успокаивает лишь то, что такая погода, в общем-то, весной дней 10, да осенью недели две-три. Соответственно, нужно потерпеть...»

Не задумываться... Хотя не задумываться, тоже не получалось. Наверное, как многие мужики среднего возраста, после сорока лет, Елизаров привык постоянно о чем-то думать, размышлять. «Когда я итожу, то, что прожил...». Вышагивая куда-либо, перебирал в мыслях то одно, то другое, скатываясь от «высокой политики», до бытовых вещей. Перебирал свою жизнь, вспоминая различные ее отрезки, и тогда, то чуть улыбался (если вспоминалось что-то хорошее или смешное), то хмурился и матерился про себя.

Что уж скрывать — было в молодости (или чуть позднее) то, что вспоминать было не совсем приятно — кто может похвастать, что не делал в жизни таких ошибок, не совершал поступков, за которые спустя годы, коришь себя — если конечно совесть еще не пропитана или не растрачена в связи с веяниями новой жизни и новизной общественных, мать их за ногу, отношений.

Из своих 47 лет, Елизаров последние семь жил в этом маленьком сибирском городке — родине своей жены. Вообще, жизнь изрядно помотала Сергея по городам и весям — и своей страны, да и за рубежом побывать пришлось. Но за границей — это уже давным-давно, даже забываться стало, где и когда он был.

Родился он неподалеку от места своего теперешнего проживания — почти в таком же городке, одном из райцентров Свердловской области. В маленьком, провинциальном, тихом... Конец 60-х годов... Отец его работал на небольшом местном заводе, постепенно приобретая опыт и авторитет, стал начальником цеха. Мать всю жизнь проработала учительницей в средней школе. Так сказать — обычная советская средняя семья. Поэтому, когда грянула перестройка, а потом и «лихие девяностые», отец, как многие русские мужики, стал попивать — от безнадёги и непонятностей, как жить дальше. Умер в начале 90-х во сне... Инсульт...

Может и к лучшему... Не увидел, как все разваливалось, как «встал» завод. Как новые, «эффективные менеджеры», «хапнувшие» его за бесценок, практически бесплатно, путем каких-то махинаций — посрезали уже изрядно устаревшее (но еще работающее!!!) оборудование и загнали его за бесценок, по цене лома. Корпуса стояли, ветшали, помаленьку

разваливались. Потом в каком-то открылась оптовка, в каком-то — какие-то кустари чего-то там пытались выпускать или чинить...

Остальные так и зарастали бурьяном и кустами. Мать вышла на пенсию и тихо жила в их, уже стареньком, доме, иногда подрабатывая частными уроками, готовя школьников к экзаменам, поступлению в ВУЗы. Но это — все потом, а пока...

Закончив в середине 80-х среднюю школу (закончил, нужно сказать, повыше среднего, но до отличника далеко не дотягивая), начитавшись в старших классах книг «о службе морской, о дружбе большой», Серега, лучшего не придумал, как рвануть в «город славы моряков». Оценки аттестата, неплохая физическая подготовка (в 70–80 годы быть хилым для мальчишек было стыдно), изрядная доля самоуверенности позволила ему поступить в ВМУ. Однако уже к 3-му курсу романтика дальних походов, суровой службы, боевых кораблей куда-то уплыла. «Хорошо море с берега...».

Как оказалось — красоты там немного, а много тяжелой работы, выматывающих вахт, рутины, крепких штормов и большой ответственности. Красивая военно-морская форма (кортик опять же!), «все девки мои будут», ордена на широкой груди, скрывали интриги за «теплые места», муть и унылость дальних гарнизонов, быстро устаревающий в целом флот, бытовые неустроенности, семейные дрызги.

Общее впечатление не сглаживали даже практики на кораблях, когда Серега, в должности курсанта-практиканта, побывал и на «морях полуденных», и на «морях студеных», с заходами в инпорты (в основном — в базы расположения кораблей ВМФ СССР), со стоянками в наших портах-базах (как на Черном, так и на Балтийском морях).

К этому добавлялась новая внешняя политика — «перестройка же, че! новое мЫшление». Средний и старший офицерский состав, как в училищах, так и во флоте все больше охреневал от участвовавших «мирных инициатив» «родного» генсека, болтающегося по миру, как известная субстанция в проруби, и подписывающего все новые и новые мирные договора. Причем чаще «мужик с пятном» болтался в столицах еще вчера потенциальных противников, а сегодня выходит уже и не противников, а непонятно кого...

Тут и эти — «непонятно кто» — начали наглеть явно и недвусмысленно. Кто мог еще пять лет назад помыслить, что какие-то два занюханых корабля НАТО могли впереться не только в территориальные воды СССР, а почти в акваторию главной (ну так было принято считать!) и наизнаменительшей военно-морской базы СССР?

Действия командиров кораблей и командования флота по принуждению к выходу из тервод офицерами (и курсантами) всецело одобрялись (хотя и считались явно недостаточными — «надо было пустить к рыбам наглецов!»). Но между собой господа офицера поговаривали, что как бы такое решение и действия не вылезли боком и комфлота, и командирам кораблей — «в свете новой внешней политики и мирных инициатив»! И уже начинали на дружеских пьянках потихоньку материть и все Ставрополье в целом (как Родину), и ставропольских комбайнеров (как социальную среду, так сказать, взрастившую!), и модную жену, хвостом следующую за мужем-генсеком («Где зимуют Райки? Райки зимуют в норках!» — в смысле норковых шубах), и все «мирные инициативы», и окружающих генсека высокопоставленных лиц.

В общем, Серега понял — «такой хоккей нам не нужен!». Тут подоспел перестроечный Указ о приравнении трех лет обучения в военном училище к сроку срочной службы. Отчислялся Елизаров из училища тяготно и не быстро. Пришлось превращаться из приличного и даже местами бравого курсанта, в самовольщика, гуляку, начинающего

пьяницу и бабника. Хотя «в бабника» в общем и целом даже нравилось, но вот все остальное — с души воротило. Отчислившись и вернувшись домой, выдержал тяжелый и по-мужски резкий разговор с отцом, поболтался по родному городу, получил военный билет, подумал, а затем, созвонившись с двоюродным дядькой, работавшим в Омске на судоремонтном заводе, рванул к нему в поисках работы и смысла жизни.

С трудоустройством никаких проблем не возникло, хотя сначала были какие-то непонятки с квотами на прописку в режимном городе (в Омске тогда был ряд вполне себе ударно работающих оборонных предприятий). Но утряслось все довольно быстро, и, получив комнату в рабочем общежитии, Серега оттарабанил навигацию на рейдовом катере, выполняющем внутривозовые работы.

Затем, купившись на рассказы об интересных рейсах на север, в Обскую губу, про «море рыбы, икры и прочих неплохостей» (да и существенную прибавку к зарплате, чего уж там скрывать!), вторую навигацию отходил рулевым-мотористом на «двухтысячнике». Вроде все неплохо — с зарплатой так и вообще хорошо (мать с отцом успокоились, полагая, что Серега нашел свое), но Елизарова точила мысль, что, убежав с ВМФ в речфлот, он фактически сменил хрен на редьку.

Тем временем личная жизнь потихоньку тоже менялась. Веселые дружеские походы по многочисленным женским общежитиям (как учебных заведений, так и предприятий города), довольно резко пошли на убыль, стоило лишь Сереге познакомиться с Ириной, студенткой пединститута.

Стройная, симпатичная и далеко не глупая девчонка «охмурила» (как потом, через много лет, смеялся Сергей) бравого бабника-рулевого разговорами о литературе, стихами (коих знала множество — филолог же, как иначе!), а в уединении — в своей или Серegiной «общажной» комнате — ярким, потрясающим сексом. В общем, Серега «спекся», и, когда Ирине пришла пора распределяться, он без лишних раздумий уволился с флота и поехал с ней к месту ее будущей работы. Так сказать — голова есть, руки вроде бы тоже не из ж**пы растут, так что найдем — где работать и как жить. Перед убытием к месту работы Ирины, они, оповестив заранее родных с обеих сторон, приехав к ее родителям, быстро организовали и сыграли свадьбу.

Семнадцать лет они прожили в одном из райцентров Омской области — Ирина работала в школе, Серега же, недолго помыкавшись, принял предложение тогда еще работавшего райкома комсомола и по путевке этой, вскоре умершей организации, пошел служить в милицию.

Начинал постовым, потом отучившись заочно в школе милиции, участковым, затем следователем. Родилась дочь, выросла, уехала учиться в Омск и там осталась, выйдя замуж. И теперь самым светлым и любимым существом для Сергея стал внук Егор, маленькая, розовощекая, кудрявая, светловолосая почемучка. Жаль, что привозят его к деду с бабкой нечасто.

Отношения с дочкой все больше становились сложными — по всему судя — из-за зятя. Нет — в целом парень был неплохой, и как муж не из худших. Спиртным не увлекался, относился к дочери и внуку явно хорошо. Но чем дальше, тем больше Сергей не понимал — ни зятя, ни дочь.

Будучи каким-то предпринимателем, зять не занимался чем-либо определенным — то одно у него, то другое. На вопрос Сергея — не лучше ли выбрать более или менее свободное окно в бизнесе и упереться в его развитие, зять отвечал, что сейчас так нельзя — прогоришь,

нужно стараться одновременно вести два-три направления деятельности.

Вот только получалось у него — то густо, то пусто. Причем, когда густо — дочь с зятем затевали какие-то поездки то по Европе, то к южным морям, то меняли машины. А вот квартиры у них все не было, мотались по съемным углам. Такое отношение их к жизни, Сергея раздражало. Жена успокаивала, посмеиваясь — «Стареешь, наверное, вот и ворчишь».

Со здоровьем Елизарова в последнее время стало заметно хуже и если гипертония «поселилась» в нем давно, то боли в сердце, все учащавшиеся, заметно беспокоили.

«Наверное, пора уже... Не вечно же молодым и здоровым быть... «И ходите здоровый, как матрозззз...». Мда...».

В свои сорок семь, Сергей Елизаров уже пережил инсульт, который 7 лет назад и привел к его увольнению из рядов доблестной российской полиции (пardon — тогда еще милиции). Отработав в отделе милиции городка (точнее даже села — городом этот населенный пункт все же значился лишь номинально) 17 лет, карьере Елизаров не сделал. Дослужившись до должности старшего следователя следственного отделения ГОВД, будучи майором юстиции, и в принципе — заработав репутацию неплохого, вдумчивого следователя, тем ни менее у начальства слыл работником неудобным — по привычке задавать «глупые» вопросы — ни ко времени и не «по существу». Причем задавал он их, как правило, в отношении вещей вроде бы и правильных, но уж очень неудобных, прежде всего — для начальства. И ведь знал же Елизаров это за собой, да и коллеги-приятели, не один раз говорили что-то вроде: «Да уймись ты, наконец! Ведь не изменишь ничего, только снова «наскребешь на свой хребет». Но нет — снова «ляпнет» по случаю, толком не подумав, и снова неприятности готовы.

Так что — подкинуть какое-нибудь уголовное дело помутнее, да «по-многоэпизоднее» — всегда пожалуйста, а вот — карьера — увольте... Поэтому, когда после очередной «накачки» у начальника отдела по поводу высказанного Елизаровым недовольства (причем высказанного прямо на общем совещании всего личного состава отдела), вернувшись в свой кабинет, он свалился прямо у рабочего стола, у начальства появился реальный шанс избавиться от него — «по состоянию здоровья».

Пролежав в местной больничке с диагнозом «инсульт» неделю, Елизаров был переведен в областную больницу УВД, где прошел полный курс лечения и был обследован на всяческие имеющиеся у него болячки. Обследование показало букет разных неприятностей, которые в наше время к сорока годам образуются у большинства российских мужиков: от хронического простатита, до гипертонии и ишемии.

Слава Богу, никакой онкологии эскулапы не нарыли! Елизаров понимал, куда ведет сие обследование, но в душе был, в общем-то, не против. Как-то поднадоели ему все эти бесчисленные, бессмысленные (и все возрастающие) бумаги в уголовных делах, морды уголовные, физиономии потерпевших — зачастую немногим лучше морд уголовных, и, хоть и вялотекущая, но перманентная борьба с деятельностью своего начальства.

К тому же в милиции становилось все больше и больше формализма, а не реальной работы, а старые коллеги, с которыми уже давно сложились отношения (пусть и не всегда приятельские) все больше уходили на пенсион.

Заменяющая их молодежь, казалось, на лету схватывала все веяния и новшества по поводу уже упомянутого формализма, наплевательства и готова была в большей части работать на себя, а не на «служба закону — служу народу». В общем, атмосфера в милиции Елизарову все больше и больше не нравилась.

И хотя куда податься, выйдя на пенсию, Елизаров тогда не знал (точнее — не задумывался), появлению в своей палате Маркова, он не удивился. Валя Марков, с которым когда-то вместе (почти в одно время) пришли в милицию, вместе попивали винцо, шлялись «по дамам», и даже пару раз «скатались» в командировку в Чечню в составе сводного отряда милиции, уже года два являлся заместителем начальника отдела по кадровой и воспитательной работе (а проще — замполитом, как по нежелательной привычке, его называли сотрудники отдела). В общем-то, неплохой парень, Валентин Палыч сначала в должности все больше молчал, но входя во вкус, стал все чаще поддакивать начальнику, делать замечания подчиненным, и даже пробовал устраивать разносы. «Старички» (как называли в отделе всех, кто проработал больше 15 лет) несколько раз полушуткой, полувсерьез попеняли Валентину, что мол, заразился начальственным гонором, но потом поняли, что это уже не лечится, раз процесс пошел, и отстали, стараясь поменьше пересекаться с «замполитом».

Валентин, присев возле кровати на стуле, справился о здоровье, так — «дежурно». Мужики-сопалатники в числе четыре, только что, перед заходом Вали, ржущие над очередной «ментовской» байкой, помолчали, и стали негромко переговариваться о чем-то вроде бы своем. Валентин был несколько смущен и мялся, не желая говорить в присутствии посторонних.

— Курить-то не бросил?

—

— Ну тогда — пошли подымим.

Выйдя на лестничную клетку пожарной лестницы, закурили. Помолчав, Марков, прокашлявшись, спросил: «Ты, это... Серега. Что думаешь делать после выписки?».

— Валя, ты ж меня на пенсию приехал выпроваживать? — улыбнулся Сергей.

— Серега, да ты не так...

— Ладно, Валя! Ты совсем-то не ссучивайся, и за дурака меня не держи. Что я — не понимаю, что для Фалина это лучший способ избавиться от меня — вроде и не сам выпроваживает, а заботясь о здоровье.

— Серега, ты мужик нормальный и следовательно хороший, но вот язык твой и отношения с начальником в целом...

— Валя, я что не понимаю, что Фалину главное, чтобы не вякали против него, а уж результаты работы — дело для него даже не десятое... В УВД он все равно вопросы решит и будет в фаворе. Ладно, я понял... Тогда так, Валя — реши все с комиссией, чтобы меня не мурыжили, а я по возвращению с больницы домой — пишу рапорт на пенсию.

Марков повеселел.

— Серега, я уже консультировался — та контузия может здорово тебе помочь!

— Ты, Валя, совсем е**нулся! Как контузия может мне помочь?! — поразился Елизаров.

В далеком уже 2001 году, будучи в командировке в составе СОМа в Чечне, Елизаров «попал под раздачу». Патрулируя в ночное время улицы в зоне ответственности, наряд был обстрелян из РПГ-7. Обстрел был организован хреново... Точнее — никак не организован. Скорее всего — баловался чеченский молодняк, опыта, так сказать, набирался. Пальнули разок из РПГ, дали пару очередей из автоматов — и свалили.

Благо территория рынка, откуда обстреливали патрульных, вплотную примыкала к заросшему кустами склону горы, по которой можно было уйти в любую сторону.

Патрульные, будучи уже немного учеными в обстановке в свободолюбивой Республике

Ичкерия, попадали, кто где шел, потом попереползали в ближайшие укрытия.

Когда обстрел и начавшаяся судорожная стрельба со всех постов СОМа и близлежащей комендатуры окончилась, рысью направились в ПВД, который находился метрах в трехстах от площади. При этом, слава Богу, не забыли прихватить и валяющуюся тушку Елизарова, который был контужен разрывом гранаты РПГ. В ПВД Елизарова привели в чувства, он отлежался с неделю-другую, и вновь стал ходить в наряды и исполнять свои обязанности следователя. Правда голова временами болела, и иногда — сильно.

— Тот же случай был зафиксирован, ты даже страховку какую-то получил! — Марков воодушевленно размахивал сигаретой.

— Да какая там страховка! Даже смеяться было лень.

— Да все равно. Сейчас после комиссии, та контузия, твоя гипертония и этот инсульт — сплести все вместе — получишь приличное выходное пособие. Я уже и с Фалиным об этом говорил — есть у него выходы на ВВК.

— Ну, спасибо, если так. Лишними не будут. — Елизаров задумался.

«Да, было бы неплохо. Если продать дом, добавить выходное пособие — можно купить двушку в городке, где живут теща с тестем».

Этот городок — соседний райцентр, был расположен в ста километрах от города, где жил Елизаров. Жена давно потихоньку капала на мозги о переезде в ее родной город. И Елизаров был, в принципе, не против...

Все прошло нормально. Вернувшись из госпиталя, Сергей написал рапорт об увольнении, прошел комиссию, и, через некоторое время, уволившись, получил неплохое выходное пособие.

Еще некоторое время заняла продажа дома, увольнение жены, переезд... Квартиру Елизаровы купили без особого труда. Жена на работу устроилась вообще мгновенно — при нынешней зарплате у учителей, той нервотрепке, которую они претерпевают с оболтусами (а еще сильнее — с родителями оболтусов), молодежь в школы «сеять разумное, доброе, вечное» совсем не рвется. В школах все больше и больше остается «фанатиков от педагогики», как подкалывал жену Сергей.

У самого Сергея долгое время ничего с работой не выходило. Пришлось даже, задействовав изрядно подержанную, но вполне себе ходовую «Короллку», потаксовать.

Денег, в общем-то, хватало. И милицейская пенсия была нормальных, с учетом населенного пункта, размеров. Получалось даже иногда высылать небольшие суммы в помощь матери (основную помощь ей оказывала младшая сестра, которая с мужем и детьми жила в том же городе).

Да и дочери, периодически подкидывали — на внука, когда у зятя бывали периоды из разряда «не густо». Но необходимость частенько сталкиваться с пьяными, неадекватными пассажирами, разной приклатненной шелупенью, не давала Сергею оснований оставлять поисков работы.

5 лет назад, одна из знакомых жены предложила ему попробовать себя в статусе служащего конторы, где он сейчас и «трудился». Контора была государственная, это гарантировало пусть и невеликую, но стабильную зарплату, без «кидалова», которыми так часто грешат частные предприятия. Подобных учреждений много в каждом районном центре России — различные территориальные отделения: «...надзора», «...контроли» и прочая-прочая-прочая. Задуманные изначально для поддержания различного рода порядка или оказания помощи населению, постепенно эти учреждения переродились в конторы по

организации работы на себя для оправдания существования себя же.

Бесчисленные, все возрастающие кипы бумаг, отчетов, планов, справок, запросов-ответов сначала поражали и возмущали Сергея и его коллег, но затем пришло понимание, что современная государственная машина России так и функционирует — она сама по себе, население — само по себе.

И, слава Богу, если эта машина не мешает жить людям, а то ведь часто — как раз таки мешает, предъявляя абсурдные, взятые с потолка, или возникшие в бредовом разуме требования.

Коллектив учреждения был невелик — всего 12 человек. Мужчин из них было пятеро. С тремя из пяти, Сергей сошелся довольно накоротке — вместе выходили покурить-поболтать за жизнь, обсудить новости городка и политики, поржать над новым анекдотом, а то и попить пивка под вяленую рыбку.

Водку Сергей уже давно не пил, рюмку коньяка мог выпить крайне редко, ну и фужер шампанского — в Новый год. А вот пивко (в умеренных количествах) попить любил, хотя жена и ворчала (он предполагал, что больше для порядка). Пили пиво они тоже, в общем-то, нечасто — раз в два-три месяца. В летнее время — после работы, в пятницу, выходя на речку. В холодное время года, или при плохой погоде — прямо на работе, дождавшись, когда сослуживцы поубегают в пятницу-пораньше по домам, засев в серверной Марата.

Рыбку поставлял Игорь, заядлый рыбак, циник и завянутый холостяк, возраста чуть за 30. Марат был постарше, сисадмин учреждения, бессистемный коллекционер различных интересных штук — от штык-ножей времен войны, до каких-то подсумков-ремней, ранцев и прочего военного и околовоеенного имущества. Причем Марат вполне добротнo знал историю войны, мог довольно квалифицированно (по мнению Сергея) рассказать о технике, вооружении и снаряжении сторон, действиях войск в тех или иных периодах.

Посиделки их получались интересными, никто пьяным не напивался, разговоры получались информативными, заставляя думать, часто искать в Сети и читать разную литературу. С Игорем Сергея еще объединяла страсть к книгам — они постоянно обменивались какими-то находками, новинками, рекомендовали что-то друг другу. Хотя Игорь и посмеивался над Сергеем — тот в какое-то время пристрастился к фэнтази, причем читал как всякие сказки для взрослых — типа Толкиена или Пехова, так и запоем прочитал (а многие не по одному разу!) практически всю найденную в интернете литературу про попаданцев.

Сергей оправдывался-отшучивался что, дескать, сказки тоже нужно читать, что Игорю в детстве явно родители сказок не дочитали, иначе бы он относился к этим книгам по-другому.

Вот сегодня тоже планировали посидеть-попить пивка... Не срослось... А все этот мудака Крупко, новый начальник!

Назначили его в учреждение около полугода назад, переведя из какого-то районного, более мелкого, отделения. Молодой, около 30 лет, довольно рыхловатый мужик, он не скрывал, что это должность для него — ступенька перед назначением в областное управление (то ли родственник у него там был, то ли смог прогнуть перед кем-то из начальства, и сей прогиб ему был засчитан). А посему сразу потребовал «работать по-другому». Как «по-другому», он и сам не мог объяснить, заменяя это объяснение пространными рассказами, как он работал на старом месте (по принципу: «все в г**не, он — в шоколаде»), намеками, как его ценят в областном управлении, и его знакомствами там.

С его приходом небольшой коллектив (в котором раньше отношения были более-менее дружелюбными), стали потрясать склоки, появились откуда-то (и главное — зачем?) любимчики, которые — «вот — умеют же работать», а остальные — балласт. Играть в эти игры Сергей (как, впрочем, и Игорь, и Марат) не хотел.

Хуже всего было то, что с приходом этого «рукамоводителя» те немногие, полезные для остального общества, разных предприятий и учреждений, оставшиеся функции, были свернуты. Прекратились выезды-семинары для работников сельских администраций, предприятий, практическая помощь по обучению, фактически сошли на нет бесплатные консультации для населения. Но вот — Планы! Отчеты! Справки! стали насущным приоритетом.

Вот и сегодня Крупко, приехав вчера с областного совещания, с утра, затеял муторное и долгоиграющее совещание ни о чем, потом прервался на обед, а после него стал по очереди «выдергивать» служащих к себе в кабинет, для проведения каких-то «наставлений» (мля... «по борьбе за живучесть!»). В общем, настроение было испорчено напрочь, и питье пива было отменено на неопределенный срок.

«Уйти, блин... лучше снова таксовать, чем выслушивать такого до***еба! Хотя там тоже не сахар — вполне можно не сдержаться и отмудохать какого-нибудь наглого шпаненка (угу... или они тебя, если их будет двое-трое)».

«Так... спокойно, спокойно... бя... сердце закололо... вот ведь, надо же было... вспомнить этого мудака Крупко...».

Сергей сбавил и так небыстрый шаг, пытаюсь успокоиться и расслабиться...

«Так... думаем о чем-нибудь приятном...».

Но о приятном почему-то не думалось. Вспомнилась дура-коллега Любовь Валентиновна (незамужняя бездетная мадам старше-среднего возраста), которая как-то на предновогодних посиделках (угу... корпоратив, мля... с салатом оливье и винегретом... ну до чего же нашим сейчас нравится называть любое событие по-модному, по-иностранному), послушав, о чем говорят в сторонке Сергей, Игорь и Марат, возопила: «Вы что — националисты?! Как так можно?!». А всего-то обсуждали новый случай-конфликт в Москве между русскими и «москвичами» — выходцами с Северного Кавказа, а также возможности-необходимости покупки «резиноплюя», ТТХ различных «ган**нострелов». И ведь отошли же в сторону, чтобы не мешать женщинам плясать под Сердючку, и говорили довольно тихо — ну на кой хрен она слушала? А потом еще и вопила? Сергей тогда вполне вежливо, повернувшись к коллеге, предложил: «А Вы, Любовь Валентиновна, посмотрите значение слова «национализм» в Большом Английском словаре! Уверяю Вас — никакой негативной информации там не найдете». А эта... потом месяц не разговаривала и даже не здоровалась.

Да и хрен с ней.

«Так... черт... продуктовый прошел. Жена же просила что-то купить на вечер. А что? Не помню. Ладно, вернемся, пройдем вдоль стеллажей и полки — глядишь и вспомнится».

Так что выходило по всем статьям — если «итожить то, что прожил» — в середнячках Серега, по меркам этого городка. Не нищий, но и не зажиточный, и уж тем более — не богатый. Жизнь не удалась? Да хрен его знает, вроде бы все в норме.

И вот еще — «середнячок» — понятие тоже относительное. Если середняк в любом селе (по деревням по работе Сергей поездил-посмотрел, как люди живут — это же тихий ужас!), это одно, то середнячок здесь в райцентре — это уже другое. В областном центре — уже вообще другая категория измерения. А про середнячка-москвича... у-у-у-у-у... так этот

москвич для нашего середнячка-селянина вполне себе олигарх! Типа Ромы Абрамовича!

Вот — улыбнуло — вспомнилось, как в бытность Ромы главчукчей, показывали про него агитку — типа построил то, и открыл в Анадыре се, и выплаты делает, и детям, и чукчам помогает. Потом кадр — спрашивают чуть живого от выпитого аборигена — как Вы относитесь к Губернатору Абрамовичу? Задумчивый абориген попытался встать прямо, икнул, задумался и — выдал: «Абрамович?! ...ик... Он для нас, как Битлз!!!». Вот так — Рома Битлз.

Хотя стоит признать, что почему-то вот Рома у Елизарова ни ненависти, ни неприязни не вызывал. Горбачев, Ельцин, Чубайс — те да, только маты и скрежет зубовой при одном упоминании. А Рома — нет.

Помнил Сергей, как в середине 90-х не выплачивалась зарплата бюджетникам по полгода, как питались только тем, что смогли собрать с собственного огорода. А детей в школу как собрать (дочь тогда в начальной школе училась)? А хоть какую-то одежонку для себя купить? Ур-р-р-роды, мать их!

Вспомнилось как к ним, в райцентр, тогда приезжал какой-то агитатор каких-то выборов. И как Елизаров и его коллеги (менты), стояли в оцеплении в зале ДК на выступлении этого агитатора.

Из зала тогда кто-то спросил, как жить без зарплаты, которую уже восемь месяцев не платят. Этот «хомяк» с улыбкой заявил, что можно пойти в предприниматели, открыть свое дело, стать «средним классом».

И тут Серегу прорвало (до этого он старался не вслушиваться в то, что «плетет» с трибуны этот мудак) — развернувшись из оцепления к трибуне, он, еле сдерживая возмущение и крик, громко спросил: «Если все пойдут в предприниматели, кто будет лечить людей, учить детей, защищать страну, тебя охранять здесь, с-с-сука?!».

Зал и мудак замерли. Благо, мужики из оцепления, быстро сообразили, что может начаться и вытолкали Серегу в коридор из зала, а там вывели чуть не бегом, подталкивая в спину, из ДК и, матерясь, отправили домой: «Иди на хрен! Выпей стакан водки и успокойся!» (угу... где б тогда было еще денег взять на водку...).

Сергей, вспоминал, что тогда он ждал разборок, увольнения. Но обошлось... Начальник ГОВД в то время был из старых. Николаич (царство ему небесное, выйдя на пенсию в конце 90-х, умер через полгода) вызвал на следующий день к себе в кабинет, отmaterил всяко, революционером обозвал, но, выгоняя из кабинета, уже успокоившись, сказал: «Не бойсь, не уволят! Своих не отдаем». Через некоторое время зачитали на планерке приказ о вынесении выговора и тем ограничились.

«Мда... ну вот почему все таки кажется, что люди раньше были лучше? Или только мне тогда встречались хорошие (по крайней мере — больше хороших!), а сейчас — больше плохих? Странно... Наверное и правда старость подбирается — гундю и гундю... Хотя какая еще старость — 47»?

Хм... а может прав Марат, когда, как-то в разговоре, под пиво, обсуждая историю и нынешнюю ситуацию в стране, на вопрос Игоря — а было ли на Руси время, когда было жить хорошо, ответил, что, по его мнению, такого времени — ну более или менее продолжительного — хотя бы на жизнь одного поколения, не было. Были отдельные периоды в 20–30 лет, но не более. Тогда они перебирали долго, и, отчаявшись, Сергей, ляпнул, что он, при возможности, хотел бы жить в период, эдак с 20 по 85 год XX века. «А потом и помереть, чтобы не видеть Меченого и последующего блядства». Игорь хмыкнул:

«А про войну забыл? Вряд ли бы ты выжил...».

«Да и хрен с ним... Тогда хоть знал бы, за что помирать!»

«И все-таки ты, Сергей Николаевич, сталинист!» — подкалывал Игорь.

Сергей задумался — а может и впрямь он сталинист (хотя себя таковым никогда не считал). Да нет, вряд ли... Не впадая в грех обливания грязью всей Советской истории (а уж Сталина пнуть — это же самый цимес!), тем ни менее, он всегда признавал, что то время было крайне сложным, противоречивым (в истории, по крайней мере, и ее осмыслении с точки зрения поколения рубежа XX-XXI века). Вряд ли оно было комфортным. Хотя — опять же — а что, комфортное проживание — в конце концов, предел мечтаний для нормального человека? Чем мы тогда лучше свиньи в теплом хлеву у полного корыта? Где оно, точнее — когда оно — лучшее *время для жизни* в истории России?

Учась в военно-морском училище, Сергей взялся читать (по совету своей очередной подружки) «Архипелаг Гулаг». Не осилил. Какой-то набор сплетен, лагерных баек, нескончаемых повторов, что это время было кошмарно, ужасно, и что нормальному человеку было не выжить. Но ведь народ как-то жил? И даже успешно размножился.

Увидевший в руках у Сергея журнал с «Архипелагом», капитан третьего ранга Паламарчук (немногословный, уважаемый курсантами за строгость, но справедливость, курсовой офицер), взял, полистал, хмыкнул: «Чего ты читаешь это дерьмо? Вон Бондарева или Бакланова, или Быкова возьми почитай — те тоже в то время жили, но «Архипелагов» не писали!».

Потом был вал антисталинской истерии. Печатались книги, исследования, проводились телепередачи. Договорились до 60 млн. расстрелянных. Сергей помнил, как охренел, услышав с экрана эту цифру. Затем где-то увидел, что население страны было тогда 170 млн. «Это что ж — выходит — каждого третьего расстреляли? Бред ведь!»

И с усилением антисоветской и антисталинской пропаганды, он все больше и больше сомневался в правдивости приводимых цифр, «фактов», «воспоминаний». Тем более (так уж совпало), чем больше шел «накат» на СССР и Сталина, тем хуже становилась ситуация в стране, тем хуже жили люди внутри нее. «Как-то это связано?».

Сергей в разное время разговаривал с разными людьми про те годы, про репрессии. Выходило уж вовсе что-то странное — создавалось впечатление, что эти люди жили в разных СССР!

Память, наверное, так «играет» — кто-то помнит только плохое (где-то его крепко обидели), другие говорили, как тогда дружно жили, вместе работали и отдыхали. «Это как же можно дружно жить, работать и отдыхать, если каждый день кого-то из коллектива или семьи, «садят» или расстреливают? Опять бред?».

Мать рассказывала, что в день, когда сообщили о смерти Сталина, в их маленьком заводском клубе был траурный митинг. Народу было битком. И мать рассказывала, что все плакали — мужики, бабы, начальство, простые работяги. Сергей помнил смерть Брежнева, Андропова, Черненко — но не помнил, чтобы видел кого-то плачущим в те дни. В день смерти Ельцина видел матерящихся и плюющих — «туда ему и дорога». Значит, была разница в этих правителях страны — Сталине и всех остальных?

Но, с другой стороны, он встречал родных и близких людей, которые были расстреляны в 30-е годы, чувствовал в разговорах их застарелую боль. Как все это сопоставить, расставить акценты, понять, что происходило, кто прав, кто — не прав?

С продуктами угадал ровно наполовину. Жена поворчала, что памяти совсем нет.

После ужина Елизаров полистал каналы ТВ — в основном Рыбалку-Охоту.

С весны до осени хорошо с приятелем Петром на рыбалку съездить, или на охоту, в сезон! Сама дичь или рыба Сергея не сильно прельщали — «с голоду не пухну»! Это Петруха-маньяк — тому волю дай — рыбачить будет до посинения, и по лесам-лугам бегать за зверем, высунув язык.

Елизарову нравилось, приехав в лес, поставить стан, посидеть тихо с удочкой, или в скрадке с ружьем, или побродить по полям, лугам — не торопясь, и — хрен на ту дичь.

Отдыхать, поглядывая по сторонам, бездумно. Проблемы, заботы уходили в сторону. Потом — сварить уху или супишко из какой-нить утки, похлебать; попить чайку с дымком; поболтать у костра до утренней зорьки, потом поспать в палатке и — отдохнул!!! — домой возвращаешься с сожалением, отрывая себя от леса, покоя, предчувствуя новый ворох забот и нервозности.

Жаль, что такие выезды случаются тоже не часто — раз в месяц, вряд ли чаще. Еще Елизаров любил поковыряться в огороде. Сейчас своего нет, так у тещи с тестем. Не торопясь, с перекурами, но основательно.

Посмотрел, что на е-буке есть из книг старого, ранее понравившегося (искать что-то новое в инете не хотелось). Выбрал Круза, из первых книг, лег читать на диван. Жена привычно расположилась у компа, готовила что-то из своих школьных программ. Она в последнее время все больше погружалась в работу. Казалось, и интересов-то у нее других нет, не то, что раньше — в молодости: и разные посиделки-гулянки, походы по гостям на дни рождений и свадьбы, поездки к родственникам и прочие веселые, и интересные занятия.

Вот так и живем... Работа — дом, дом-работа... Отдушина — книги.

Начала прибаливать голова, давление, чтоб ему пусто было.

Решив лечь спать пораньше, Сергей ушел в спальню. Жена продолжала готовиться к урокам. Он знал, что она может остаться спать в зале — был у Елизарова еще один приобретенный недостаток — храпеть начал, как жена жаловалась.

Уже засыпая, Сергей почувствовал что-то вроде тянущей боли в левой руке.

«Неудобно лег, надо повернуться...»

Но не успел повернуться, как какой-то тяжелый холод навалился на левое плечо.

«Мля... сердце, что ли? Надо корвалолу... жену окликнуть...»

Попытался приподняться... тело было каким-то тяжелым, непослушным... во рту сухо... губы как будто склеились... в голове зазвенело... сильнее, сильнее... темно...закружилось все куда-то... странно...

«Я что — умираю?».

Голова раскалывалась болью.

«Неужели снова инсульт? Лучше сдохнуть, чем терпеть эту боль...»

Болело все тело — так, как вроде бы отлежал, или долго лежал на жестком, комковатом. Но больше всего — голова...

«Так... странно — обычно при давлении у него всегда больше болит место головы, которое в данный момент соприкасается с подушкой. А сейчас — вроде лежу ничком, а болит затылок. Причем болит так, как будто меня кто-то лупит по затылку палкой. Этак — бумс — вспышка боли... небольшой перерыв, буквально секунда... снова — бумс — опять вспышка...»

Сергей натужно застонал, но даже стон вышел какой-то сухой и короткий... «пить...

надо попить...».

«Что у меня с головой?...».

Какой-то тяжелой, в то же время вялой рукой, попробовал пощупать затылок. Рука не хотела слушаться и почему-то качалась из стороны в сторону. Сергей глаз не открывал (попросту боялся), но чувствовал, как она нетвердо покачивается... пощупать затылок... угу... вместо осторожного касания области боли, эта дрянь, эта вялая, но, сука, тяжелая рука, пусть с небольшой высоты, но как могла, так и долбанула, упав на голову... вспышка боли... темно...

«Болит голова... Хреново-то как... тошнит... пить охота...».

Чибис... чибис...

«Какой, на хрен чибис... сдурели Вы что ли — я тут подыхаю, а им чибис какой-то нужен».

Толчок по ноге... еще толчок...

Сергей застонал...

«Так... нужно подняться хоть как-то, попить».

С трудом подтянув ноги и руки, что вызвало опять приступ резкой головной боли, тошноты и головокружения, затих...

«Хоть бы жена услышала и подошла, а то она там спит (или не спит?), а муж здесь концы отдает!».

Потихоньку выпрямляя руки и сгибая ноги в коленях, попытался встать на четвереньки. Покачивало, но получилось. Так. Открыть глаза. Сначала какая-то муть, все плывет... Но постепенно зрение фокусируется.

Трава, земля... Чего это? Повернул потихоньку голову налево, направо. Что это вокруг? А вокруг, как ни странно, какой-то пологий травянистый склон. А вот небольшой глинистый обрывчик. Странно...

Но ладно — сначала попить, с этими ландшафтами потом разберемся. Так же аккуратно поднял голову, осмотрелся. Слева все тот же обрыв, с кустами и ивами. Справа... Справа — пара-тройка (а сколько все же их? не понять — они покачиваются и кружатся) корявых старых ив. Так... а это что? Точнее — кто? В полутора метрах от Сергея, сидел (точнее — полулежал), прислонившись спиной к стволу ивы какой-то мужик. Нужно сказать — какой-то хреновый мужик, чего-то он мутный, бледный и небритый.

— Пить... — простонал Елизаров.

Лицо мужика виделось как-то расплывчато.

— Чибис, мля... Давай уже, очухивайся! — не то простонал, не то просипел мужик.

— Ты кто?

— Конь в пальто!

Мда... информативно. Сергей попытался сглотнуть, но слюны во рту не было вообще. Язык был шершавым и распухшим.

— Воды... есть вода?

Мужик скривился, чуть покачнулся, обхватив живот двумя руками.

— Сзади тебя речка, мля...

«Так... Где Ирина? Ладно... это потом. Сначала — вода. Помаленьку, также на четвереньках поворачиваемся... Рука правая, сволочь, намерена подогнуться. Стоять! Так».

Точно — буквально в пяти метрах перед Сергеем находилась река. Ну — речка. Шириной метров 6–8, не больше. Да и черт с ней, с шириной — главное — это много воды!

Потихоньку ползем к воде.

Остановившись у среза воды, Сергей стал медленно подгибать руки. В последний момент руки в локтях сложились, и он нырнул лицом в воду. Холодная вода подействовала отрезвляюще, сознание вроде бы прояснилось. Поднявшись на руках, он стал жадно глотать воду, много воды. Вроде бы хватит.

Так — теперь назад, на берег. Не успел Сергей развернуться от воды, как его бурно стошнило. Процесс продолжался долго, выматываясь долго, все тело словно выгибалось в судорогах. Через некоторое время полегчало, и Елизаров, открыв, глаза, обнаружил себя лежащим на боку у кромки воды. Умыться... Сергей какое-то время постоял на четвереньках над водой, периодически опуская лицо в воду. Вроде бы получше... Но голова болела по-прежнему сильно.

— Чибис!

Снова этот мужик.

Также на четвереньках, боясь даже пробовать подняться на ноги, Сергей пополз поближе к мужику.

— Ты кто?

— Ты, Чибис, совсем с катушек съехал... — мужик говорил как-то странно, кривя рот, с присвистом, очень тихо. — Здорово тебя по башке приложили... Ладно, времени нет рамсы разводить. Слухай сюда...

— Не... ты кто все же? — Сергей прищурившись (так вроде бы было легче смотреть) попытался рассмотреть мужика.

Лет 30–35 на вид. Волосы спутанные, слипшиеся. На голове какая-то кепчонка (восьмиклинка, блин... Сергей не знал, как выглядит кепка-восмиклинка, но почему-то пришло в голову именно это определение). На мужике был одет черный в полоску пиджак, сейчас измазанный в глине и в каких-то бурых пятнах по нижнему краю. Рубашка без воротника (вроде старинной гимнастерки). Серые, опять же в глине, штаны заправлены в кожаные, с высоким голенищем, сапоги. Одна нога у мужика была поджата, другая выпрямлена.

«Это он меня пихал, когда я в себя приходил?».

Лицо... мутное какое-то лицо. Небритый, кожа серая, какая-то — как у больного. На лбу испарина. Точно — больной! И еще... было какое-то ощущение, что вроде бы подобного вида, так же одетых мужиков Сергей уже где-то, когда-то видел. Думать было больно...

Вот... что-то вспоминается... Блин! В каком-то фильме, про довоенное время, урка был такой же на вид. «Мой друг Иван Лапшин»? Ну, что-то подобное...

— Так, сямка! Слушай сюда, и не базлай! — в интонациях мужика, несмотря на тихий, свистяще-хриплый шепот явно прорезалась угроза.

— Я — Фрол! Вспоминай, давай! Кассу мы брали, помнишь? Вот касса лежит! — мужик чуть вильнул ногой. Сергей перевел взгляд на его ногу. Рядом лежал небольшой фанерный коричневый чемоданчик, с металлическими уголками.

«Угу... у бати раньше такой же вроде был. Он его еще почему-то «балеткой» называл. Хотя нет — тот был поменьше».

Сергей вновь перевел взгляд на мужика.

Тот смотрел на Елизарова, не отрываясь.

Взгляд какой-то волчий, мля... Точно — урка. Причем матерый. Откуда он взялся — такие еще лет 30 назад перевелись. Хотя нет, в начале службы милиции, Сергею довелось

пообщаться с мурым эчарой, у которого первая ходка была в 1947 году. Тоже взгляд был — не каждый мужик выдержит! Хотя уже и лет тому было — как не больше 60, но дряхлым бы его при всем желании не назвал.

Урка коротко простонал, стиснул зубы. Потом осторожно перевел дух.

— Вернешься в Никольск... Пойдешь к Савоське... Он сведет тебя со Шрамом... Кассу отдашь Шраму, он тебе долю даст. Еще... скажешь, что Сова, сука... наколку дал паленую... вохра там была...

Так....

Никольск... Савоська... Шрам... Сова... Бред, блядь, какой-то. У меня что — крышка съехала?

— Я ничего не понимаю... Мы где?

— У-у-у-у... — Снова простонал мужик. — Память отшибло что ли? Так. Слушай сюда. Ты — Чибис! Пацан прибранный, шпанский. Я Фрол, в авторитете. Мы брали кассу в Никольске, в копторге. С нами был Тяпа. Нарвались на вохру, потом еще и лягавый подскочил, попка, мля, постовая... Тяпу положили. Но тот налетчик старый, успел одного из вохры подстрелить (урка криво усмехнулся), да и лягавого вроде бы порешил. Кассу все же взяли. Мы с тобой ноги делали. Сели на лихтер. Там у меня знакомец старый был, ссука штопанная...

Фрол замолчал, коротко подышал, выдохнул.

— Знакомец этот мой — Шраму передай — Короб его кличут, пусть потом разберется с ним, если найдет. Мы вместе с Коробом пару раз на киче отдыхали. Он сейчас на этом лихтере шкипером или как там у них называется... В общем, они решили кассу скрысить, а нас с тобой в питье спустить. Вот там тебе по кумполу и наладили. Только про вольту у меня он не знал. — Фрол снова скривился, вроде усмехнулся... — Я их на арапа взял. В вольте-то маслят уже не было. Пустая вольта-то... — Фрол затрясся (смеется, что ли?), потом дернулся, застонал.

— Только пока я вольту достал, черт один успел мне заточку в бок сунуть, падла. Потом-то отскочил, а мне его, гребанного, и положить нечем было. Но не усекли они...

«Так... лучше бы я в сознание не приходил...».

Фрол открыл глаза.

— Пить мне дай.

— Так вроде бы, если брюхо пропорото — нельзя пить.

Фрол заскрипел зубами.

— Я один хрен кончаюсь... Пить хочу... Ну, ты все понял?

Сергей стянул с урки кепку, прополз к воде, набрал в кепку (больше все равно не во что было) воды, и дотащил до Фрола сколько-то. Сделав несколько жадных глотков, тот сразу покрылся даже на вид липкой испариной.

Елизаров вновь вернулся к воде, умылся, попил. Фрол, похоже, впал в забытье, полусидел, негромко постанывая.

Мутило, голова кружилась, в затылке токало болью... ток... ток... ток...

Надо лечь... Сергей отполз чуть подальше от Фрола, лег на бок.

«Так, разобраться... Сплю, что ли? Сон яркий, прям до краев, и даже дальше. Или бред? Может, где в больнице валяюсь? Это было бы неплохо... Врачи, как их не хают в последнее время, все же работу свою знают, постепенно на ноги поставят... Может быть...».

Закрыв глаза... Угу... Никольск... Фрол-Савоська...

Наверное, он уснул, потому как, когда он, трясаясь от холода и росы, открыл глаза, было темно, но как-то по-утреннему темно, предрассветно. А когда он с Фролом разговаривал, был вроде бы вечер. Ну, по крайней мере — показалось, что вечер.

«Так... А разговор с Фролом был? Он мне не приснился?»

Осторожно (голова болела заметно меньше, но не настолько меньше, чтобы делать резкие движения) приподнялся и сел на землю, повернулся... Хрен там — вон этот урка лежит!

Оп-па... а лежит-то он нехорошо! Живые так не лежат — завалившись набок и уткнувшись головой в землю.

Елизаров на четвереньках подполз к Фролу, несильно толкнул. Молчок. Протянул руку и приложил ладонь к шее.

«Какой, нахрен, пульс! Он же холодный, как та роса!».

Снова отполз от тела.

«Так... нужно думать. А то как-то нехорошо получается — наткнется тут на нас кто-нибудь — и доказывай потом, что к этому жмуру я не имею никакого отношения. Ух-ты... он же что-то про вольту говорил! У него где-то, выходит, ствол спрятан... И чемоданчик еще этот... касса копторга, блин!».

«И вообще — я где? Что за сумасшедший дом на каникулах?! Осмотримся по сторонам. Речка никуда не делась. Что там дальше?»

А дальше речка вроде бы впадает в какую-то большую реку — через кусты видно, метров 30–40 до большой воды.

Сергей прополз до верха невысокого обрыва. Не видно толком — вроде бы кусты, деревья, но вон там прогал виднеется... Так. Надо подождать, пока чуть рассветет. И определяться — где-что-как, и желательно — почему.

В животе явственно забурчало. Вот еще напасть — жрать захотелось... Выбрав позу, как показалось, поудобнее и вроде бы потеплее, задумался. Ладно. Что мы имеем — вроде бы все та же Сибирь — природа явно знакома — и кусты, и ивы, и прочее незнакомыми не выглядят. Разберемся...

Сергей вроде бы задремал, пригревшись.

Когда открыл глаза, стало явно светлее.

«Нужно осмотреться и куда-то двигать — подальше от жмура, ствола и бабла... Вот, блин, влетел незнамо куда, а на уме какие-то пошутилки складываются». Снова поднялся на обрыв.

«Ну, точно — Сибирь-матушка! Сколько он таких ложков и околков прошагал на охоте! Уже легче. Хотя чем легче? Все же где я и почему я здесь?»

Дорог, тропинок, и другого явного и неявного присутствия людей с первого взгляда видно не было. Подойдем к реке. Здесь вроде бы было светлее.

«Странно... Река большая, явно больше Иртыша».

Упс! Сверху по реке чапал какой-то буксир — толком еще рассвело, но что это буксир, видно было явственно.

«А что за корыто может за собой тянуть то ли баржи, то ли еще что-то подобное?».

Чего-то в этих плавающих лоханках не так. Сергей, хоть и давно, но, все же, был речником и насмотрелся на разные виды речных судов.

«Это что же такое — он "колесник", что ли?! Откуда он взялся и на кой хрен его кто-то со свалки вытащил и на ход поставил?!».

До буксира от берега было метров 150, но колесо различалось уже вполне, да и хлюпы от плиц слышались явственно.

«Все страньше и страньше...».

Орать Сергей и не думал — помнил, что за спиной его лежит мертвый Фрол. Да и все равно никто останавливать караван не будет.

Елизаров ошарашено провожал взглядом вереницу каких-то посудин.

В голове вроде как прозвенел какой-то звоночек.

«Как говорил Вини-Пух: «Это ЖУ — неспроста!».

«Ладно, плясать будем от печки. То есть от трупа. Следовательно я вроде бы был неплохой...».

Вернувшись, Сергей внимательно осмотрел все вокруг. Но осматривать толком было нечего (не считая трупа и чемодана). Кроме невнятных следов на слегка прикрытой свежей травкой земле, более ничего не было.

«Это, судя по всему, я вчера елозил».

Елизаров потянул труп, немного разворачивая его на спину.

«Угу... Внешность Фрола со вчерашнего к лучшему не изменилась».

На лице умершего застыла гримаса.

«Мда... а корежило, видать, мужика от боли сильно. Но терпел... Силен волчара был!»

Сергей откинул полу пиджака.

«Ну, вот и волына».

За тонкий кожаный ремешок был заткнут револьвер.

«Наган... Мне такой всего пару раз в руках довелось держать... Потерт изрядно, на барабане воронение фактически стерто. Да и ствол весь пошоркан».

Немного покрутив револьвер в руке, Сергей понял, как открыть дверцу. Прокрутил барабан.

«Не врал Фрол... Патронов ек! Ну и хрен с ними. Он мне все равно без надобности, не хватало еще вляпаться с «горячим» стволом на руках. Бывшие коллеги вряд ли будут снисходительны, не посмотрят, что я пенсионер МВД. А так «машинка» неплоха. В другой раз, при более благоприятных обстоятельствах, я бы не отказался от такой. Только желательно — поновее».

Сергей покрутил головой, выискивая место получше, а потом размахнулся и запустил «наган» в речку — туда, где угадывалось основное русло.

«Вода спадет, но там все равно, даже летом, ручей останется. Так что вряд ли кто найдет. Если только случайно — но тут уж — хрен его знает».

«Так. Это я чего сейчас подумал? И к чему?»

Подсознание, видать, было более сообразительно. Покрутив головой, Сергей хмыкнул:

«Ну, точно — по всем приметам — трава там, листья, полноводная мелкая речонка — весна сейчас. Я бы сказал — вторая половина мая... Стоп! Какая, в жопу, вторая половина мая?! Октябрь же заканчивается!». Сергей с маху сел на землю. От резкого сотрясения голова вспыхнула болью.

«У-у-у-у, мля... Вот дебил-то!»

Отдышавшись, дождавшись, когда голова чуть успокоится, Сергей попытался сосредоточиться:

«Получается — я не только «где-то», но и «когда-то»? Вот блин!»

Взгляд остановился на ботинках.

«Стоп. Что это за гавнодавы?»

На его ногах были изрядно потрепанные, непонятного (по причине старости) цвета, какого-то древнего фасона ботинки. Носки опять же какие-то в рубчик, без резинки, съехавшие наверх ботинок. Дальше были серые в полоску штаны, вытянутые на коленках, и довольно короткие.

Елизаров судорожно стал рассматривать себя: куцый пиджачишко, как с бомжа, рубаха, мягко говоря, несвежая и опять же странного фасона.

«Так! А это что за хрень? Это чья рука?»

Рука, судя по всему, была его. Но это была НЕ ЕГО рука! Худое, но жилистое запястье, довольно длинные (и грязные, надо сказать!) пальцы. Какие-то обкусанные ногти с кромкой грязи под ними.

«Следовательно, значит, был неплохой?! Осмотр тут затеял, место происшествия, бля! А то, что тело не мое?? Этого не заметил, идиот?! Да что же со мной такое???»

Сергей вскочил и, подвывая, принялся бегать вдоль берега. Окончилось это тем, что, споткнувшись, он рухнул и ударился головой.

Опять темнота...

Очнувшись, он сидел, тупо уставившись в воду, довольно долго.

Вновь заурчало в животе.

«А вот хрен тебе, а не жратвы! Нету жратвы, вон воды полакай!»

А воды и впрямь пришлось напиться — и в себя прийти помогло, и все какая-то замена-обманка пищи.

«Как говорил Жирик про Лебеда — удары головой о землю ума не прибавляют. А тут наоборот помогло, не ума, так хоть спокойствия добавилось... Начитался книжек про попаданцев — вот тебе приключения! Лопай полной ложкой — вместо еды!».

Мысли про жену, дочь, внука, мать, сестру были болезненные, но какие-то вялые.

«Видать помер я там...».

Елизаров вновь напился воды. Мысли стали путаться, потянуло в сон.

Подсознание, судя по всему (и по прочитанным книгам, чтоб им!) старалось несколько унять эмоции.

Проснулся Сергей уже явно ближе к полудню — как примерно определил по солнцу.

«Вешаться желания почему-то нет... Стреляться — в «шпалере» патронов нету, да и выкинул его один дебил. Ладно, посмотрим — куда там кривая вывезет. А пока закончить нужно с осмотром — что имеем (или нас имеют? сарказм, аднака!)...».

Сергей вновь подошел к трупу.

«Кажется или он уже попахивать начал? Ладно, досмотреть нужно, может, чего найду, что поможет определиться».

Крови на одежде и теле Фрола было немного.

«Внутреннее кровотечение?...»

Елизаров стал обыскивать карманы одежды умершего.

«Вот когдагодились навыки «мусорские»! — продолжать он невесело подкалывать себя.

На найденном внимании не заострял — «потом все осмотрю», все делал машинально.

В карманах, в одежде нашел помятую пачку папирос «Норд», коробок спичек, несколько купюр и монет. В голенище правого сапога обнаружился нож.

«Финарь», блин. Самоделка, с наборной ручкой, без упора-ограничителя. Острый,

зараза!»).

Вроде бы все... Ни документов, ничего прочего, что могло бы помочь в определении с местом-временем.

«Во дурак-то! Не, я никогда себя особо умным не считал, но что-то туплю не по децки! А деньги?!?! А пачка папирос?!».

Елизаров внимательно рассматривал бумажные купюры и металлические монеты.

«Так. Купюры — достоинством в 3 и 5 рублей, на сумму 36 рублей. Советские. Но я чего-то таких не помню. Ага... Вот и год — 1934. На «пятерке» тот же... Монеты... 10 копеек, 1935 год, 20 копеек — 1936 год. Еще несколько — все тех же лет.... Значит — тридцатые... Вот, Серега, и посмотрим, какой ты сталинист. Да... тут не забалуешь — вмиг лоб зеленкой намажут... И все же с годом нужно как-то определиться получше, может не совсем задница — вроде совсем в конце 30-х лютовали поменьше».

Елизарову совсем не приходило в голову бежать в ближайшую деревню и кричать:

— Я из будущего! Немедленно доставьте меня к Иосифу Виссарионычу! Я его научу, как организовать хорошую жизнь и победить немцев!!!

«Не Лисов я! И далеко не Лисов. И ноутбука у меня с кучей технических ништяков на винте нет! И друзей-страйкболистов, за спиной дружной командой выстроившихся, тоже нет. А на темного эльфа я и вовсе не похож. И историю знаю явно не на должном уровне. В общем — хреново!».

Сергей представлял себе, что в жизни его банально поставят к стенке (хотя бы за кассу копторга и пострелянных милиционера и бойца ВОХРа — ведь хрен докажешь, что ты — не Чибис!), в лучшем случае — в дурку упекут. Не охота ни того, не другого...

А может это — какая-то другая реальность?

Да хрен редьки не слаще, все одно что-то похожее.

Значит, что? Значит — прижать хвост и сидеть тихо-тихо, не чирикаая.

Видать от перенапряга, эмоций почти не было. Так — какие-то дурацкие ухмылки в голову лезли.

Елизаров еще прошелся по карманам Фрола, немного проверил швы одежды.

«Все... больше ничего. Надо его закопать. Как-то совпадает — и по-христиански будет, и от трупа избавлюсь» — опять этот дурацкий сарказм.

Странно... вдруг захотелось закурить.

«Ага... с сотрясом только и курить осталось».

А вообще было странно — Елизаров не курил уже лет 5 и вроде бы не тянуло.

«Это стресс так подействовал или еще что?»

Но курить действительно хотелось. Сергей протянул руку, взял папиросы и спички.

«Папиросы «Норд», 1 Ленинградская табачная фабрика».

Спичечный коробок был изрядно затерт и что на нем было изображено и написано, различить было невозможно. Но коробок был деревянный (как в 70-е!) и явно подлиннее привычного Елизарову.

Найдя целую папиросу, Сергей закурил. Оп! Опять какой-то странный прикол — закуривая, он машинально проделал ряд действий, который намеренно сделать никак не мог — просто не умел. Какая-то хитрая продувка гильзы, постукивание ее о ноготь пальца, затем залом, тоже мудреный и, наконец — прикуривание, какое-то — с вывертом спички пальцами, со щелчком.

«А это откуда? Моторика? Привычка моего, так сказать, носителя? Вот еще напасть —

приблатненные жесты видны натренированному взгляду сразу. Попалиться с ними — как чихнуть... Вот и слова какие-то в лексиконе вылазят, шпанские...».

Нет, блатной жаргон, «музыку», Елизаров немного знал — в милиции же работал. Но не опером, и не на зоне — те знают всю эту шелуху гораздо лучше.

«Да и «феня» за 60 лет изменилась сильно».

Надо думать, как со всем этим выжить...

Надо думать...

Подаваться в воры-жулики, Елизаров даже не рассматривал как вариант. И родительское воспитание, и последовавшая жизнь, со службой в милиции, — все это вызывало стойкое неприятие к «блатате» во всех ее проявлениях. Воровской романтики нет — это все сказки для пацанов и молоденьких дур (хотя часто — для не молоденьких дур тоже). На самом деле, кроме грязи и мерзости в «блатной, фартовой жизни» ничего нет. Нет — был у Сергея в молодости период, когда послушивал блатняк-шансон, и даже что-то нравилось. Но это было давным-давно и прошло бесследно.

Значит... как там у Остапа Бендера? «Будем переквалифицироваться в управдомы?»

А война? «Мы железной стеной, обороной стальной...». Елизаров оборвал себя — «шуточки, бля, дурацкие».

С возрастом его отношение к Войне (именно так — с большой буквы!) становилось все более серьезным. Чем больше узнавал о тех или иных фактах, тем больше поражался дедам — как же они выстояли и победили в этой бойне?

Именно бойне — не потому, что «трусами завалили» — к либеральной брехне и твяканью он относился с презрением, а потому, что враг был уж очень силен и победить его, такого — есть подвиг настоящий. Подвиг всех — и народа, и армии, и правительства, и Верховного — ну что за дурь, право слово — «победил народ, а не Сталин»?!. Вместе все победили, иначе бы и не смогли.

День Победы Елизаров почитал самым главным праздником, но праздником довольно интимным. Не любил официальных торжеств, мероприятий — фальшью от них отдавало. А старался в этот День, оставшись один в квартире, посмотреть фильм из тех, которые почитал за настоящие — «Они сражались за Родину», «Живые и мертвые», «Батальоны просят огня» и подобные. Он не знал своего деда — тот умер в 66, буквально за 2 года до его рождения — вернувшись из Сталинграда-1942 без глаза и без половины легкого. Не знал он и деда по отцу — тот остался на северном фесе Курской дуги, как не знал и старшего брата отца — тот (19-летний пацан!) лежал где-то под Житомиром.

Дед у жены попал в плен под Харьковом, в 1942, и «полной грудью» хапнул плена, до самого 1945. С ним он был немного знаком — успел пообщаться, пока тот не умер. Дед Иван не рассказывал о войне, но почему-то чувствовалось, что досталось ему в полной мере...

«Ну что... значит, будем как-то готовиться. Не в Америку же сваливать, в самом деле. Вот и будет тебе, Елизаров — проверка на вшивость. А помереть — так ты вроде уже помер раз, да и пожил немало — 47 все же возраст, пусть и не из великих».

Так... значит собраться... и трезво, спокойно, вдумчиво. Постараться вжиться, врасти. Поменьше болтать, больше — слушать.

«И, мля — избавиться наконец-то от трупа!»

Сергей поднялся, осмотрелся и присмотрел место — вот здесь: и недалеко от воды и вроде бы весной не заливают (не размочет). Финкой снял небогатый дерн, отложил в сторону. Затем снял с себя пиджак, и стал наваливать на него расковырянную той же финкой землю.

Наковырял — оттащил к воде, высыпал в воду понемногу, небольшим слоем. Так — ходка за ходкой, пока не углубился примерно на 60–70 см. Измазался изрядно, да и вспотел — весеннее солнышко пригревало вполне.

Посидел, покурил. Потом подтащил Фрола к могиле.

«Так. Стоп. Нужно подумать. Сапоги на урке явно лучше бот, которые на мне одеты, да и размер примерно тот же. Пиджак тоже — не сравнить с моей рваниной. Вроде бы и противно, но — надо. А ему уже — не надо!».

С пиджаком сладил быстро, а вот с сапогами намучался.

«Так. Вот еще дилемма — портянок нет. А сапоги и то убожество (типа — носки), что на мне надето, никак не совместимы. Ноги кончу враз».

Сергей посмотрел на ноги Фрола. Портянки в наличие и даже вроде не сильно грязные.

«Надо стирать, хоть без мыла, но все же... А вот портки и рубаху снимать — это уже явный перебор».

Закончив «недолгую гражданскую панихиду» (да что меня все на ха-ха пробивает?), закопав тело, Сергей старательно уложил и подравнял дерн.

Затем решил заняться собой. Разделся и осмотрел — теперь уже — себя.

«Мда... а мыться ты, брат, любил не сильно».

Худое, но довольно жилистое тело. Ростом... а сколько ростом? Лег на землю, отметил, где лежат ступни ног и голова — встал и задумался — а чем измерять? Спичечный коробок вроде бы 5 см. Но то — тот коробок, из прошлой жизни. А здесь вроде бы подлинней.

«Ну, хрен с ним — пусть будет 6 см».

После некоторой возни — получается примерно 176–178 см. Почти как там...

Слава Богу, тело чистое, без наколок — видно не заработал еще Чибис воровских знаков различия.

«И мужской аппарат вполне себе нормальных размеров. И тут повезло!» — всхотнул про себя Сергей.

«А вот возраст — какой?»

Зеркала не было. Судя по телу — либо молодой парень, либо пацан-подросток, но уже из тех, что постарше. Пытался разглядеть себя в воде — ни хрена не выходит — видно, что морда худая, да вроде бы волосы светлые.

«Надо ополоснуться, пока солнце греет — обсохнуть, а то вода сейчас еще не парное молоко».

Помылся в холодной воде, подрагивая, подергиваясь, растирая себя пучками мелкой травы и речным песком. Голову мыл осторожно, только чтобы кровь смыть, к ране даже близко не прикасался. Затем — принялся приводить в порядок (пусть и относительный) одежду.

«Х-х-х-е... Не видят меня дружки Чибиса, или того же Фрола. Стирать чужие портянки — это же полный «фаршмак»!».

«А вот Чибис — все же кто? Что я о нем знаю? Надо думать, вспоминать. В книжках писали (в попаданческих, конечно же!), что память носителя может вернуться, пусть и не полностью. Тогда, где мой рояль в кустах, белый, концертный?! Как без рояля?».

Раскидав портянки по кустам на солнце, стал отстирывать свою рубаху. Дело шло плохо. Воротник был здорово испачкан кровью.

«Мда... без мыла как-то не очень. Тут был «Ариэль» какой...».

Застирал и полы пиджака Фрола — там тоже были видны пятна крови.

Затем снова покурил, посидел на солнышке.

«Пока тряпки сохнут, посмотрю, что в чемодане».

До этого Сергей специально не смотрел в сторону «хабара». Боязно как-то было. Вроде бы есть почти видимая связь между чемоданом и вполне себе реальным сроком, а то и расстрелом. Нынешний УК Сергей не знал вовсе. Ну как — про 58 — кто не слышал? А вот по уголовке — черт его знает.

«Выкинуть его к черту?... А что это изменит? Без денег никуда, даже в «стране победившего социализма». Вернусь в Никольск, урки «предъявят», если кассы не будет. Спрятаться подальше — так без денег опять никак».

В чемодане лежали пачки купюр. Было их немного. Перевязанные полосатыми, разных цветов, банковскими лентами. Причем, упакованных крест на крест лентами не было вовсе. То есть, совсем новых здесь нет. Да и вид купюр был потертым — какие больше, какие — меньше. Наряду с пачками уже виденных «трешек» и «пятерок» — с бойцами-летчиками, были другие, уже с Лениным.

«Так... а это что за «хрустики»? «Червонцы», номиналом в один и три «червонца».

«Это много или мало? Ни хрена не знаю! А «червонец» — это десять рублей, или тот же рубль?»

Как посчитал Елизаров, было здесь около 18 с половиной тысяч.

А вот это уже интересно — на «червонцах» стоял год выпуска — 1938.

«Сейчас 39-ый, что ли? Купюры эти почти новые, еще похрустывают. Нет... Все же, наверное, 1938. Да что ж я опять-то туплю? Дно у чемоданчика газетой застелено же! И газета явно не старая! Или мне мозги стрясли напрочь, или «носитель» был не из гениев и это как-то накладывается?».

Это была не совсем газета. Точнее — обрывок газеты. «Советская Сибирь».

«О как! Сибирь — она большая. Новосибирск? Омск? Томск? Будем рассуждать — имеем в наличие реку, большую реку. Она больше Иртыша — тот я видел в разных течениях. Хотя в низовьях Иртыша — вполне похоже на здешнюю. Опять ничего не дает... Чего-то вроде города Никольска там нет, в низовьях. Ханты-Мансийск? Но в это время он деревней должен быть. Тобольск? Может быть... Но вот Томск и область вроде бы можно отбросить — там, насколько знаю, таких рек нет. Енисей? Да нет... вроде бы... там берега должны быть повыше, погористее, обрывы там... скалы... или нет? Эта река — Обь? Вот похоже на то! Так... Никольск — это Новосибирск, что ли? Наверное — он же Новониколаевском не так давно был. Никольск — Николаевск. Получается — что это не прошлое, а какая-то версия? Или просто местные так Новосибирск кличут? Называли же Екатеринбург — Ебургом. Так... ищем дату издания... че-та нету.... Так, вот что-то — 18 марта 1938 года. Значит все же — 38. Что это дает? А хрен его знает... В НКВД осенью должен Берин прийти. А сейчас значит — Николай Иванович Ежов? Тот еще Малюта Скуратов... А в Новосибе сидит удельным князем Эйхе, сволота, с подачи которого развернули репрессии на простых работяг и крестьян».

После прочтения многих книг у Елизарова сложилось мнение, что пока в середине 30-х репрессии касались «видных партийцев — верных ленинцев», основной массе народа — это было «до лампочки». Типа, «чего-то там грызутся — кто правый, а кто левый». Тем более — невинных среди «пламенных большевиков», после революции и Гражданской не было — практически все в кровушке искупались. Так что — «повадился кувшин по воду ходить».

Чистки НКВД — тоже не затронули массы. Армию «чистили» с 1935 постепенно.

нарастая к 1937 году. И далеко не всех «заживо расстреливали». Так что тоже — покряхтывали, но не более. А вот в 37–38, с подачи части секретарей обкомов — взялись за простого Ваню, вроде как — «а че он в стороне остается, там тоже врагов хватат!». Вот тут уже народ замер! И вроде бы инициатором — главарем секретарской кучки был Эйхе, а одним из активных участников — Хрущев. Уже потом Сталин припомнил «Эйхе со товарищи» продвинутый террор против простых (а Хрущев — соскочил, но свой страх — надо полагать — запомнил).

«Ну да ладно... в большую политику, да и в малую — не ногой. Сидеть тараканом под веником. Что там еще в газете? А больше ничего не понятно — какая-то половинка статьи, что-то про проблемы речных перевозок, лишние расходы при неправильно поставленной погрузочно-разгрузочной работе. Муть».

На другой стороне был обрывок, как Елизаров понял, обзора с какого слета, то ли передовиков, то ли агитаторов.

Скидав деньги назад в чемодан, Сергей задумался.

«Все же интересно — что у меня за «носитель». Молодой совсем, вроде из блатной шушеры... Ага... вот он и рояль».

Постепенно в голове стали всплывать какие-то отдельные картинки. Выбрав место, где молодая травка была погуще, Елизаров улегся, стараясь не затронуть голову.

«Помедитирую... мож всплывет поболее...»

От реки донеслось какое-то «чих-пых». Елизаров поднялся и посмотрел через кусты, не подходя к берегу реки. Опять буксир с баржами. Баржи были больше похожи на «самоходки» 60-х годов, но, судя по буксиру — без самостоятельного хода.

«У нас в затоне что-то вроде этого на свалке стояло. Вроде бы их и называли — лихтера. Там еще в корме несколько кают есть, трюма вдоль корпуса, свой якорь, а вот двигуна нет — так что таскали их как раз таки буксиром».

«Нужно «слиться» с носителем — так вроде в попаданских книгах писали. А, как известно: «Голливуд не врет!».

Сергея Велитарский («о как! даже имена совпали — тезки значит!») родился в 1920 году. Отец его был инженером. Жили сначала на Украине, отец работал на каком-то заводе. Потом — умерла мать (Сергея ее вообще не помнил). Через какое-то невеликое время, отец женился снова. Переехали на Урал. У Сергея родилась сестра.

В 30-м году, на заводе, где работал главным инженером отец Велитарского, случилась авария. Погибло несколько рабочих. И отца, вместе с несколькими коллегами из числа ИТР — «замели». Что было с ними дальше — «носитель» не знал. Молодая мачеха почти сразу же, сдав Серегу в детдом, вместе с младшей сестрой, рванула куда-то на родину, на Украину.

Вот такой невеселый «коленкор»...

Вспоминались еще какие-то картинki... быт («а жили при отце вроде бы неплохо»)... учеба в начальной школе.

Потом — детский дом, где-то рядом с Тобольском, какой-то поселок, фактически пригород. Тут «картинки» были менее комфортные — отношения в этом заведении были все же не домашние, далеко «не...». Затем, после семилетки, — отправка в ремесленное училище.

Сбежал вместе с приятелем. Болтались и вдоль по Иртышу (от Павлодара до Самарово) и по «железке» — от Челябинска до Красноярска. Перебивались случайными заработками, приворовывали. На зиму оседали на какой-нибудь некрупной (но и не маленькой) станции,

работали, где и кем придется. Пару приводов в милицию Серега Велитарский за плечами имел, но — отпускали, так как ничего серьезного за ним не значилось. Власти пытались пристроить пацанов к какой-нибудь учебе, но с началом весны они снова «вставали на лыжи». Приятеля «замели» прошлой осенью на вокзале в Омске, когда он пытался «нарезать у какого-то дяди-сарая «угол». Серега с перепугу рванул в Никольск, где поболтавшись, признакомился с местной шпаной.

Так что последние 8–9 месяцев «носитель» жил в Никольске, приворовывал, бегал на посылках у более взрослых жуликов, набирался блатного опыта. Вот и влип в последнее дело, вместе с Фролом.

«Не весело... Жалко пацана... Все у него как-то кувырком шло, а тут еще и я его «подвинул».

Хотя «подвинул» — не то слово. Елизаров не чувствовал в себе никакой другой личности, кроме своей — Сергея Елизарова. А воспоминания из жизни другого Сергея всплывали в голове, как вроде бы давно виденный, но хорошо запомнившийся фильм. Яркий, с ощущениями, но — только фильм. Мыслей, эмоций Велитарского Елизаров не чувствовал вообще. Вроде растворился тот, оставив лишь воспоминания.

День явно катился к вечеру. Елизаров собрал, помяв в руках одежду.

«Волглая еще... Не дело весенней ночью в сыром — да делать нечего. Может на теле досохнет?»

«Все-таки хорошо, что давным-давно, в детстве отец учил меня мотать портянки». Не с первого раза, и даже не со второго, но намотать этот русский аналог носков получилось вполне прилично — на Серегин неискушенный взгляд.

«Ладно, путь покажет, какой из меня портяночник. Перемотаю, если что».

Осмотревшись, попытался определиться со временем. В ночь брести в неизвестность не хотелось.

«Ночевать здесь, а с утра двигать к людям? Так и сделаем...».

Прошел по берегу, наломал сухих сучьев с ивняка, потом притащил пару полусухих валежин. Костер сложил небольшой — чтобы только чуть грел. Нарезал финкой тонких ивовых прутьев — все не на земле, застелил своим пиджачишкой. Потом снова напился воды.

«Жрать охота... Но за пару дней — не сдохну. А там — видно будет».

Скорчился возле костра. Мысли в голову лезли невеселые.

«Как там Ирина? Как дочь с внуком? Да и мать с сестрой... эх...».

К утру Елизаров решительно окоченел. Пытался размахивать руками, приседать, надеясь согреться. Но делал это аккуратно — голова еще здорово побаливала и временами кружилась. Костерок тепла почти не давал — сухие прутья кончились — норовил погаснуть вовсе. Едва только начало светлеть, Сергей решительно поднялся.

«Надо определиться — в какую сторону двигать. Что вдоль реки — это понятно. Но вверх или вниз по течению? В Сибири вниз по течению населенных пунктов становится меньше. Значит — вверх?»

Рана на голове кровила — это Сергей понял, когда стал умываться. Шея снова была в засохшей крови. Нужно что-то придумать... Ножом Елизаров вырезал кусок подкладки со своего старого пиджака, выбрав место почище. Кусок подкладки сложил в несколько раз, аккуратно положил на рану, не прикасаясь к ней руками, а потом прижал это «сооружение» кепкой Фрола.

«Если не бегать-прыгать и не крутить резко башкой — должно держаться. Вообще — к врачу бы... А то воспалится и придет «пушной зверек».

Покрутил в руках чемодан.

«Нужны будут деньги на расходы... Сколько взять, чтобы не привлекать внимания подозрительно большой суммой? Тысячу? Да нет — многовато. Где-то, то ли читал, то ли слышал, что зарплаты к началу войны достигли 250–300 рублей. Значит — у молодого парня (пацана) может быть, сколько? Ну, допустим рублей 800 — вроде бы с заработков еду».

С червонцами решил не связываться — ну их — их номинала в рублях он не знал. Вскрыл пачку «трешек» и пачку «пятерок». Немного смешал и рассовал по карманам — меньшую часть — в карман брюк, рублей 80-100; остальные — во внутренний карман взятого с Фрола пиджака (пиджак, нужно сказать, был слегка великоват в плечах, но по росту — вполне подошел). Затем в чемодан поверх денег сложил свой старый пиджак: «Хоть сразу в глаза бросаться не будут. Хотя если кто надумает шмонать — один хрен сразу найдут».

Подумал, не выкинуть ли финку, но затем засунул ее в голенище сапога, согнул ногу в стопе насколько раз, осмотрел голенище со всех сторон — вроде не видно и не мешает.

«Все! Люди, я иду к Вам!».

От речушки Сергей прошел вдоль берега с полкилометра, петляя и обходя залитые водой лога и низинки, когда первый раз наткнулся на полевую дорожку. Постоял, подумал — заросшая невысокой молодой травой дорожка с едва видимыми следами узких колес (тележные, наверное), шла как-то не по пути, не вдоль берега. Она выходила из березового леса и, сделав петлю, снова плавно уходила от берега.

«Хрен с ней! А то ближайшая деревня может и в 20 км быть — топай по ней!».

Еще через полкилометра Сергей наткнулся на аборигена — на берегу реки рыбачил мужичок непонятного возраста. То ли пожилой мужик, то ли дед. Подойдя поближе, увидев, что тот посматривает на него с настороженным интересом, Сергей вежливо поздоровался. Тот что-то буркнул, кивнул, взгляд с Сергея не сводя.

«Да что ж он меня так буравит? Или у меня на лбу написано, что я маньяк-убийца?».

Подойдя к рыбаку метра на три, Сергей, остановился. Все же мужик, хоть и здорово пожилой, лет 50, наверное. Щупловатый, в стареньком пиджаке, кепке, простых серых штанах. Одной ноги не было по колено — вместо нее был деревянный протез-палка. Лицо загорелое, до черноты — и где только успел так загореть?

— Ты, паря, откуль здесь взялся? — спросил мужичок.

— Да тут так получилось... — Серега принялся излагать «легенду» — с лихтера меня ссадили.

— С какого — тут вроде лихтера седня еще не плавали?

— Так вчера еще. Я в ложке переночевал у костерка. На ночь глядя не решился идти, да и пьян я был малость.

— Ну что пьян — то вроде б понятно — рожа у тебя больно бледная. А чего ж ссадили?

— Да я Семенычу, шкиперу нашему, высказал, что он нас на артельных обманывает. Думал, парни меня поддержат, а мне бока намяли, по шее настукали, да и свезли на берег на лодке — грят — дойдешь куда-нить, не сдохнешь (только не переиграть с простонародным говором — я его один хрен не знаю, одно-два словечка — не больше!).

— Ну, значит — точно пьян был. Или по жизни дурак — кто ж на старшОго артельного выступает?

Мужик если и не поверил, то чуток успокоился — это было заметно.

— Огоньку не найдется? — что может быть лучшей затравкой для налаживания отношений, чем совместный перекур?

— Есть — мужичок протянул спички.

Сергея, в свою очередь, пачку папирос.

— О, богато живешь, однако! — мужичок искоса посмотрел на Елизарова.

— Да это так... больше перед девками похвастаться — вроде как немного смутился Сергей.

Немного помолчали, попыхивая папиросами.

— Кгхм... эта... дядя... у тебя хлебушка не найдется — со вчерашнего вечера не жрамши?

— А вот не вякал бы против своих и завтракал бы щас — наставительно протянул рыбак, но, тем не менее, потянулся, достал из-за спины какую-то сумку-торбу, вытащил оттуда завернутый в ткань здоровый кусок каравая. Отрезал сточенным перочинным ножиком хороший такой ломоть — протянул Сергей. В брюхе у того громко заурчало.

— От как ты оголодал — засмеялся мужик.

Сергей старался жевать неторопливо, но получалось плохо. Ломоть исчез, как не было. Елизаров немного помолчал, но абориген больше хлеба не предлагал.

«Вот куркуль, мля...»

Он подошел к воде, зачерпывая ладонью, попил воды. Снова закурил.

— Эта... дядя. А че рядом за пристань есть — мне в Никольск нужно.

— Дак Ярцево ж вон на горке. Версты три, не боле.

Сергея присмотрелся в указанную сторону. Километрах в трех, на невысоком холме, среди деревьев что-то виднелось, вроде бы какие-то постройки.

— А че — Ярцево — большое село?

— Дак райцентр, како село — город, тыщ пять поди народа есть! — вроде как с гордостью заявил рыбак.

«Угу... столичный город, блин...»

— Эт ты, дядя, оттуда на одной ноге на рыбалку прыгаешь? — удивился Елизаров.

— Да не... зачем оттуда. Я вон — с Петровки, полверсты не будет — мужик ткнул пальцем куда-то себе за спину.

В той стороне, за деревьями, видно ничего не было, но именно в ту сторону петляла сначала незамеченная Сергеем то ли тропинка, то ли заросшая травой дорожка.

«Это получается от того места, где мы с Фролом оказались, километр-полтора, не больше. Как никто на нас не наткнулся — те же мальчишки? повезло...».

— А до Ярцево отсюда дорога есть, или напрямки по берегу шагать?

— А вот околок обойдешь — там проселок будет. А я сначала удивился тебе — там же ниче, кроме покосов нету, а че на покосе щас делать? — Мужик поглядывал на Сергея.

— Ну, спасибо, тебе, дядя!

— И тебя спаси Бог, паря.

Елизаров пошел в указанную сторону, стараясь не оглядываться и вроде бы непринужденно слегка помахивая чемоданом.

«А ведь он мне чего-то не поверил. Хреновый с меня актер. Надо как-то более естественно держаться. Ладно — не побежит же он на меня доносить, да и как на одной ноге обгонит?».

В Ярцево Елизаров решил, по возможности, не заходить. Ему нужно было вообще обходить небольшие населенные пункты, где все на виду. Тем более — с деньгами.

«По берегу подойду к пристани, так, чтобы не сильно в глаза бросаться. Там определюсь, что и как».

Найдя проселок, Сергей шел, не торопясь — голова снова начала кружиться. Пришлось даже разок сесть — посидеть, так муторно стало. Пару раз попил воды в залитых логах — пробивало на испарину.

«Мне б отлежаться пару-тройку дней».

Сочинял какую-нибудь более-менее правдоподобную «легенду».

«Так. На зиму ездил на заработки в лесопункт — на распиловку леса. Их по реке должно быть полно. Сейчас вроде бы стройки везде идут, и леса требуется много. На обратном пути, возвращаясь, «купился» на предложение знакомого — тоже рабочего, с того же лесопункта, заехать к нему в Ярцево, погулять, в баньке помыться. Поругался по пьянке. Ушел. Еду в Никольск. Вроде бы ничего себе версия. Но это только для парохода. Для местных же — вообще не история, раскусят сразу же. Что говорить местным — хрен его знает. Тем более, здесь пункт милиции точно есть — райцентр же!»

Так что говорить местным любопытным, Серега не решил. Не дай Бог, мент прицепится — сразу можно сдаваться — версия про лихтер не пройдет однозначно, ибо проверяется «на раз».

«Понадеемся на удачу...».

Пока шагал, в голове снова начали всплывать картинки из жизни Велитарского, как-то кусками. Но складывать из них мозаику вполне получалось.

На «скачек» на копторг, Чибис попал, в общем-то, случайно — не его это был уровень, уже явно серьезней, чем тянул пока Чибис. Но что-то там «не срослось», и у Фрола некого было поставить «на-стрем». Его им порекомендовал Хлоп, претендующий на роль вожака их шпанской компании. «Скок» задумывался довольно легким — наводчик (вроде бы работник того же копторга) гарантировал, что зарплату работникам привезут под вечер, причем привезут свои же работники, типа бухгалтера, кассира и еще кого-нибудь из конторы. Чибис должен был стоять недалеко от ворот проезда во двор конторы, поглядывать по сторонам. Фрол и Тяпа попали во двор конторы через забор, с прилегающего двора многоквартирного жилого дома, чье парадное (и двор) выходили на параллельную улицу, прятались до поры в дровяном сарае. Оружие у Фрола и Тяпы было, но им пользоваться не предполагалось. Рассчитывали, что просто припугнут «конторских», и они сами отдадут «кассу». Почему «кассу» везли бойцы ВОХР — Чибис не знал, как не знали, судя по происшедшему и Фрол с подельником.

«Похоже на заготовку «засады» — специально ловили налетчиков. Хотя нет... Если бы «сыскари» ловили — обложили бы со всех сторон, не дали бы уйти».

На улице было довольнолюдно. Изредка проезжали машины, чаще — гужевого транспорт. Проходили люди. Когда машина с «кассирами» заезжала во двор, Чибис увидел вохровцев, но предупредить уже не успевал. К тому же он увидел, что по улице, метрах в ста, в эту же сторону, не спеша идет милиционер. Чибис отчаянно трусил, но, сдерживаясь, искоса следил за милиционером.

Затем события понеслись вскачь: со двора копторга раздались крики, потом выстрелы, «лягавый», вытаскивая на ходу из кобуры наган, рванул к конторе со всех ног. Заорав «атас, лягавые!», Чибис кинулся во двор. Стоявший в конце арки проезда, Фрол, зажатым в руке револьвером, махнул в сторону забора:

— Через забор, блядь, быстро!

Не останавливаясь, пацан пролетел двор и с разбегу заскочил на забор, успев заметить на бегу Тяпу, стоявшего с «вольной» в руке, с каким-то волчьим оскалом смотрящего на людей у машины. У заднего колеса кто-то лежал. Уже перепрыгивая на другую сторону, Чибис увидел, что в арку вбежал милиционер.

Бах! Бах! Бах! Стрелять начали одновременно и Фрол, и Тяпа, и милиционер. Перепрыгнув забор, Чибис не удержался на ногах и пробороздил по земле всем телом. За забором хором орали на несколько голосов. Чибис вскочил, собираясь рвануть на улицу, подальше отсюда, но в этот момент на забор вскарабкался Фрол, держащий одной рукой и револьвер и чемоданчик.

— Помоги!

Серегу подскочил к забору, подпрыгнул, и, вцепившись в пиджак на спине Фрола, стал тянуть его на эту сторону. Краем глаза он видел кусок двора копторга, лежащего ничком Тяпу и милиционера, скорчившегося в арке проезда. Потом они выскочили на улицу, перебежали ее, бежали дворами, сараями, заборами. Уже запыхавшись, оказались недалеко от реки, отсиживались в каком-то старом складе. Когда стемнело, Фрол надолго ушел,

наказав Чибису сидеть, не высовывая носа.

Сторожась, они вдвоем вышли на берег, где их в лодке ждал незнакомый парень и перевез их на лихтер, стоявший на якоре.

«Так... а сколько они «путешествовали» на лихтере? Вроде бы выходило, что утром лихтер взяли на буксир и шли еще два дня. Значит до Никольска на пароходе сутки пути. Ну — приблизительно. Получается, что «уголовка» там еще на ушах стоит? Мда... лезу в развороченный пчелиный улей. Ну а где отсиживаться? Здесь что ли? Да ну на хрен — здесь наверняка тоже ориентировка на розыск есть, а населенный пункт маленький, знакомых нет. Не... однозначно не вариант!».

Так, размышляя, не торопясь, поглядывая по сторонам, он подошел к Ярцево приблизительно на километр. Сам городок стоял на довольно высоком берегу реки, но, судя по всему, шел не вдоль нее, а примыкал какой-то частью, потому как среди деревьев были видны постройки, но не сказать, чтобы много.

«Наверное, дальше от берега уровень понижается и отсюда города не видно».

Сергей присел в тени кустов, закурил и принялся разглядывать берег, видневшуюся пристань и подходы к ней.

«А мне везет — вон какой-то пароход стоит у дебаркадера, и вроде носом в ту сторону, куда мне нужно. А в какую сторону мне нужно? Ну — будем исходить из того, что, судя по воспоминаниям Велитарского, от Никольска они на лихтере сплавлялись вниз. Значит мне — вверх. Так что тянуть особо не стоит — не видно, чтобы он собирался отходить (суеты возле парохода не видать!), но и тянуть не резон, а то останешься здесь, ждать следующего — а это вообще ни к чему».

Подходы к пристани были и вполне себе неплохие. Можно подойти по берегу, (но за тальником!) метров на триста, а там вроде бы какая-то дорога есть. Народ на пристани и вокруг был, и довольно много. Там даже маленький рынок был (вроде бы лавки и навесы виднелись). Дальше были видны какие-то большие бочки (или маленькие цистерны), кучи угля или щебня — далековато, не разобрать...

«Ладно, побрели, помолясь...».

Внимание на Сергея на пристани никто не обратил — то есть его подход со стороны талов остался не замеченным. Здесь былолюдно — толклись люди (с парохода, наверное), приценивались к рыбе, к вареной картошке, пирожкам, которые продавали бабульки; сновали какие-то работяги.

«О — вот и лягавый!»

Ближе к дебаркадеру прогуливался средних лет «мужик в форме».

«Я даже формы этого времени не знаю — встретиться кто-нить из железнодорожников, а я шугаться начну!», и память Велитарского чего-то молчала.

Елизаров, подошел, купил несколько пирожков, вкусных даже на вид.

«А цены — вполне себе божеские, с голоду тут не помрешь, особенно с моими деньгами!» — всохотнул про себя, косясь на милиционера, в готовности куда-нибудь слинять при первом же намеке, что тот направился в его сторону.

«О — а тут даже пивком торгуют! Попробовать что ли, что за пивко предки пили?!».

При всем этом, Серега не забывал присматриваться, пытаясь понять, где здесь кассы, как люди покупают билеты, и как ему пройти на дебаркадер, минуя око «стража порядка». А тот, было видно, не просто так гуляет, а бдит — разглядывает людей, к некоторым подходит, о чем-то разговаривает.

Тем временем, через дебаркадер с парохода резво проследовал молодой парнишка. Одет он был в какую-то робу, заляпанную краской и масляными пятнами.

«Вот кто мне нужен!» — Елизаров глядел на приближающегося парня. Лет эдак около 17–18, щуплый, невысокий, вихрастый, с немного прыщеватым лицом. Парень, судя по его поведению, то же делал что-то, выходящее за рамки его обязанностей — частенько поглядывал через плечо на пароход, явно торопился (хотя мимо «мента» прошел вполне себе спокойно, не обратив на того внимания).

«Не иначе в самоход за водкой?!».

— Эй, флотский! — негромко окликнул парня Сергей.

— Чего те? — поспешая мимо, нехотя отозвался тот.

— Может — по пивку?

Парень как споткнулся, немного удивленно, но уже явно более внимательно посмотрел на Елизарова.

— Я говорю — жарковато. Стоит перевести дух, пивка хряпнуть...

Парень снова покосился на пароход, кивнул.

Взяв пару кружек разливного пива, они отошли чуть в сторону, пристроились у какого-то навеса.

— Говори, че нужно? — парень явно торопился, пиво глотал большими глотками, не смакуя.

— Билет мне нужен до Никольска — постарался равнодушно сказать Сергей.

— Чего проще — топай в кассу, да покупай.

— Да там милиционер пасется... Не с руки мне мимо него шлындать.

Парень уже с интересом посмотрел на Елизарова.

— Натворил чего?

— Да не... у меня документов с собой нету, да и чужой я здесь.

— Ну так документы не причина тебя арестовывать. Может из ссыльных беглый?

— Да нет же — Сергей поморщился — Говорю тебе, документов нет, чужой. Прицепится — объясняйся с ними. А мне в Никольск нужно. Я — доплачу за хлопоты.

Парень на секунду задумался.

— Да билет, вообще-та, не проблема. Ладна, жди здесь, что-нибудь придумаем.

«Блин... забыл спросить — когда отходить пароход будет! Ну — вроде он ничего не сказал, значит — время еще есть».

Парень тем временем нырнул куда-то за ларьки.

«А пиво здесь очень даже не плохое, хотя и резкости в нем не хватает, на мой вкус».

Елизаров отошел чуть в сторону от колготни пристани, но не так чтобы уж совсем в стороне — не хватало еще привлечь внимание милиционера.

В последний момент увидел, как парнишка нырнул с дебаркадера на пароход. В руках у него была какая-то сумка.

«Ну, точно — за водкой гонца отправляли!» — хмыкнул Сергей.

Выбрав из пачки папирос не совсем измятую, тщательно следя за собой, чтобы не выкинуть блатной фортель с прикуриванием, он закурил.

«Надо бы папирос прикупить, есть же здесь где-нибудь?».

Он прогулялся вдоль ларьков, папиросы нашел, но с трудом. Как пояснила бабенка, торгующая в ларьке — мужики все больше махорку покупают, папиросы считаются городской блажью, да и дорого.

Он с интересом поглядывал по сторонам, присматривался к людям, прислушивался к разговорам. Обратил внимание, что практически все одеты небогато — на мужиках какие-то пиджаки, разного фасона, но — видно, что из дешевых тканей и новых почти не видно. Брюки тоже разнообразием фасонов, тонов, тканей не отличались. Из обуви были ботинки (какие-то неказистые все больше), да хромовые сапоги — но это уже, судя по всему, обувь на выход или людей по-здешнему небедных. У женщин — юбки длиннющие, чуть по земле не волочатся, обуви толком не видать, какие-то блузки, и что-то из верхней одежды, бесформенной, чьего названия он не знал.

«Хотя нет — вон дамочка в чем-то вроде матроски, и юбка только чуть ниже колена. Наверное — городская, с парохода. Да — здесь же почти деревня, и значит модами не заморачиваются. Фасоны одежды, обуви, прически могут не меняться десятилетиями».

Сергей вспомнил, что в его детстве бабушка ходила в одежде, вполне похожей на эту, хотя, получается — прошло около 40 лет. Да и разговоры, говор, словечки, выражения, вполне можно было услышать еще в 70-е, где-нибудь в деревне.

Еще Елизаров отметил некую странность — если типажи мужчин (кроме одежды) вполне могли вписаться в 70–80 годы, а то и позднее, то женщины — как раз таки нет. Не заметил Серега красивых, стройных, или хотя бы — симпатичных. На его вкус жителя рубежа XX–XXI века, все здешние обитательницы были страшненькими — какие-то все крупные (но невысокие), с широкими лицами, с мужиковатой, грубой походкой. И еще странно — вот вроде в толпе либо женщины, которых хочется назвать «бабушка» (то есть явно пожилые — по мнению Сергея), или девчонки. Привлекательных девушек, или молодых женщин, он не заметил.

«Тут впору загрустить — как либидо ублажать буду.... Угу... других проблем у меня сейчас нет. Опять хрень какая-то в голову лезет!» — оборвал свои размышлизмы Елизаров.

«Ага... вот и мой приятель». От дебаркадера по деревянным сходням быстро шел «флотский», крутя головой, высматривая, судя по всему, именно его. Сергей пошел навстречу, но не быстро, чтобы встретить его поближе к рынку, а не к месту променада милиционера.

— Так... вот твой билет — протянул парнишка Сергею какой-то маленький картонный прямоугольник — без места, на палубе.

— А это как? — удивился Елизаров.

— Ну, так все местные берут, если едут недалеко.

— Так я по нему до Никольска доплыву, или меня где-нибудь ссадят? — забеспокоился Елизаров.

— Да не бойсь ты... Кто на пароходе тебя проверять будет? Тот же Витька-кондуктор из палубной? Так он мне билет и дал! Да — с тебя пятьдесят... — парень, казалось, не мог стоять на месте, все чего-то оглядывался, в глаза не смотрел.

«Суетливый он какой-то... как бы не подставил или не «кинул».

— Че-т многовато... — специально, вроде как усомнился, протянул Сергей.

— Так там же и Витьке, и мне, да и Витька с кем-нить делиться. И сам билет денег стоит!

«Хрен с ним! Не идти же в кассу проверять — насколько они меня надули».

Сергей отдал деньги. Парень сноровисто сунул их куда-то внутрь рубы.

— Пошли! — пареньку явно не терпелось вернуться на пароход.

— А как мимо милиционера пройдем?

— А-а-а... черт, забыл! Ты вот смотри — ему надоест там бродить, он сюда поближе подойдет, а ты краешком — шмыг и на дебаркадер!

«Угу... а если не отойдет?»

— Я тебя у трапа подожду.

— Отход скоро?

— Не... Еще часа полтора стоять будем, ща догрузят трюм, потом крестьян на палубу примут и вперед. Ну ладно — пошел я. У трапа буду, а если че — там длинного на трапе Витькой зовут. Скажешь, что ты от меня.

— Тебя как звать-то?

— Сенька... То ись — Семен — немного смутился парнишка, и убежал.

Сергей принялся внимательно следить за передвижениями милиционера. Тому и вправду — то ли надоело слоняться у трапа на пристань, то ли он отбыл какой-то номер, но через непродолжительное время, он, не торопясь, побрел к лавкам.

Улучив момент, Сергей вокруг, по краю оживленного пространства, пробрался к дебаркадеру.

«Не оглядываться, не смотреть, где он там. Мне — вообще по хрену, куда он идет — я иду по своим делам, к себе на пароход» — как мантру повторял он.

Уф-ф-ф-ф... Вот уже трап. На палубе, возле сходни, стоял действительно длинный парень.

«Длинный Витек, стало быть. Он и правда длинный, я бы сказал еще и сутулый, весь какой-то нескладный».

Сергей поднялся по трапу и сказал, протягивая картон билета Витьку:

— Тут хлопец, Семеном зовут... я от него — «бля... глупо как, вроде на продбазу с запасного входа, за дефицитом во времена оного».

— Эй, чумазый, это, што ль, твой знакомец? — крикнул куда-то взад себя Витек.

Из какого-то люка вынырнула физиономия Сеньки, а потом и сам он.

— Сам ты немый! — обращение Семену явно не понравилось.

Витек всохотнул, а затем:

— Ты это... бутылка с тебя... или с твоего знакомого — мне, в общем-то, все равно с кого! — Витек явно решил еще добыть с Елизарова что либо, кроме денег.

— Дороговато выходит билетик-то! — Сергей начал злиться. «Разводилово какое-то, блин!».

— Дешевле — в кассе! — Витек явно потешался.

— Ладно... будет тебе бутылка! — Сергей повернулся к Сеньке — Сень, сбегай, я денег дам. Мне не с руки, сам знаешь. Да и тебе на бутылку подкину!

Семен цыкнул сквозь зубы в сторону Витьки, взял деньги и «упылил» на берег.

— На верхнюю палубу пассажирам третьего класса нельзя. Во внутренние помещения — тоже — Витек, криво усмехаясь, искоса следил за реакцией Елизарова.

— Понял. Семен вернется, я, если что — на корме буду.

Елизаров уже более спокойно, не торопясь, прошел по главной палубе к корме парохода.

«Надо где-то место приискать и примоститься, «не отсвечивая».

Тут стояло вразброс несколько скамеек, типа садовых.

«О — вот тут и обоснуюсь! А как ночью? А черт его знает, надеюсь, не замерзну насмерть, перебыюсь как-нибудь».

Елизаров пристроился, поставив чемодан рядом и положив на него руку. Потом покурил и принялся лениво рассматривать жизнь парохода, реки и противоположного берега. Потянуло в сон — все-таки утренняя ходьба, а больше — нервы и мандраж, изрядно вымотали его.

«Сейчас отойдем — и все нормально будет!». Сергей аккуратно, чтобы не задеть рану на затылке, откинулся на стену надстройки. Он задремал, а потом и уснул, не заметив отхода, и не услышав шума и беготни, посвященные этому событию.

— Э! Парень! Проснись! — кто-то тряс его за плечо.

Елизаров приподнялся, протер глаза. Перед ним стоял давешний Семен.

— Че у тя с головой? — было видно, что Сенька обеспокоен.

— А что не так?

— Так кровь у тя на затылке и на шее!

«Вот же блин! Видать пока спал — даванул затылком о переборку, вот и растревожил рану. Но ведь даже не почувствовал!».

Сергей осмотрелся. Вокруг, по палубе были расставлены в беспорядке (не тесно) какие-то телеги, лошади, бродили, сидели, разговаривали, смеялись люди, бегали дети. На него внимания, по крайней мере — явно — никто не обращал.

— А это кто? — ошалело спросил Сергей. «Даже этого не услышал — всю погрузку этого зверинца проспал!».

— А... крестьяне это. Они — кто в Вьяльцево, кто в Дымариху плывут. Сойдут часа через 3–4. Кто и до завтра останется — часть из них в слободку, в Никольск едут, — просветил Сергея Сенька. — Так че у тя с головой? Че кровь-то течет?

— Да я в Ярцево со знакомцем приехал, вроде как к нему в гости, а потом — в Никольск. Вечером сели посидеть-выпить, приезд отметить. Друзья его пришли. Ну, выпили... Они потом с чего-то задираться стали. Слово за слово. А приятель, сука, не вмешивается. В общем — отоварили меня, по башке чем-то дали, да из дома «попросили». Хорошо хоть деньги за весь сезон прошлый заработанные не тронули.

— Вон как... — Сенька был явно в замешательстве.

— Сенька! Ты опять по палубе шатаешься?! А ну — брысь к котлам! — Неподалеку от них стоял колоритный дядька, весь такой старый пролетарий, чем-то похожий на актеров из фильмов недалекого будущего, играющих старых коммунистов-рабочих.

— Так вахты ж не моя, Трофимыч! — взвыл Сенька.

— Так... а это у нас что такое? — Сергей явно привлек внимания «старого пролетария».

— Да парнишка тут... я с ним на пристани познакомился... — зачастил Семен.

Кинув беглый взгляд на Елизарова, Трофимыч, повернулся и бросил назад:

— А ну-ка оба за мной!

Зашли в какую-то кондейку, тут же — на входе в надстройку.

— Чего это с ним? — грозно обратился Трофимыч к Сеньке.

— Да говорит — голову ему в Ярцево разбили. Я ему помог на пароход сесть... — уже каялся Семен.

— Шпаненок? Или беглый? — Трофимыч хмуро воззрился на Сергея.

— Нет... Из Никольска я. Возвращался с заработков со знакомым...

Елизаров пересказал легенду уже Трофимычу. Поверил тот или нет, он не понял.

— Вечно ты, Сенька-засранец, в историю влипнешь! — сплюнул.

— И че терь делать? А — Василий Трофимыч? — тянул «флотский».

— Билет ему сделал?

...

— Пусть плывет, хрен с ним... И еще вот... Там в крайней каюте, на главной, доктор следует... Договорись — пусть посмотрит этого щенка! — Трофимыч демонстративно игнорировал Сергея.

— Угу...

— Спасибо, Василий Трофимыч! — Сергей не мог не поблагодарить за явную помощь.

— Мне твои спасибо до одного места! Но если ты че-т набедокуришь — сам придавлю, воренка! — взъярился «пролетарий», вытолкал их из кильдыма, и, закрыв его, ушел.

— Меня Сергей зовут — повернулся Елизаров к Сеньке.

— Ладно... Давай тридцатку... — вздохнул тот.

— Это еще зачем? — не понял Елизаров.

— Доктор этот всю дорогу от губы коньяк хлещет, как бык пойло. Пузырь ему нужно купить, а коньяк в ресторане первого класса тридцатку стоит! И здесь побудь, я быстро в ресторан, потом к доктору, договариваться.

Через некоторое время Сергей с Семеном входили в каюту. Доктором оказался мужичок лет сорока, в изрядно мятом костюме, несвежей сорочке, с явным «выхлопом» из чеховской бородки. Дополняли картину «интеллигент в возрастном кризисе» красноватые, как у кролика, глаза и красновато-синеватый кончик носа. Семен извлек из робы бутылку коньяка, поставил ее на столик — уже явно все договорено и решено. Пока доктор копался в своем саквояже, Сенька шепнул Сергею: «Он уже одному из наших помогал. Хороший доктор».

Сергей, следуя жесту врача, уселся на стул и аккуратно снял кепку. Врач чего-то топтался сзади, хмыкал, осторожно («руки и вправду легкие!») трогал затылок.

— Блевал? Голова кружилась?

— Угу...

— Ц-ц-ц... зашивать нужно! Ты, юноша, спровори-ка мне горячей воды и пару чистых полотенец! — последовала команда Семену.

Пока того не было, доктор открыл бутылку коньяка, набулькал себе полстакана, одним махом сплотнул, закурил папиросу. Попыхал в иллюминатор, потом вновь налил коньяку, но уже существенно больше половины стакана.

— Пей! Это тебе вместо анестезии! — протянул Елизарову.

— Я столько сразу не выпью! — попытался отнекиваться тот.

— Это не для пьянки, дурень!

Пришлось выпить. На голодный желудок, коньяк какой-то горячей волной долбанул вниз и откатом ударил по голове. Сразу зашумело в голове, все стало далеким и несущественным.

— А ну-ка сядь нормально, прижмись спиной к спинке стула — Сергей с трудом, но выполнил требуемое.

Елизаров конкретно поплыл по волнам, его покачивало. Что там делает доктор, где Сенька — было неинтересно. Лишь раз он почувствовал боль (наверное, пока рану чистили). Сам процесс зашивания раны и перевязки прошел мимо. Потом Сергей, с помощью Семена спустился вниз по трапу и был заведен в какой-то кубрик.

— Это наш кубрик, побудешь здесь до Никольска — Трофимыч разрешил. Вот шконка свободная, ложись, спи.

Сколько проспал Сергей, он не знал. Но по всему выходило — долго. Голова

прибаливала — было не понять, то ли от раны, то ли с похмелья.

«Чемодан! Блядь! Где чемодан с деньгами?»

Сергей подскочил, но тут же сел, успокоившись — чемодан лежал у него в ногах. В кубрике спали два незнакомых парня — «после вахты, наверное». Дверь негромко брякнула, зашел Семен. Посмотрел на Сергея как-то зло и настороженно.

— Никольск далеко?

— Часов через шесть подойдем — Сенька явно не желал общения.

— Так я что — сутки проспал? — поразился Елизаров.

— Ну... около того. Ты это... если одыбал — шагай на палубу. Тут посторонним нельзя быть.

«Чего это он так? Вроде окрысился на меня за что-то».

— Сень — ты чего? Че не так-то?

— Пошли на палубу...

Выйдя на палубу, Елизаров прищурился от яркого солнца, которое уже явно заходило к западу. Постоял, подышал в удовольствие. Семен стоял рядом, но вроде как — отдельно.

— Так ты чего, Семен, озлобился?

— Ты, не знаю как тебя там, Сергей ты или не Сергей... Вот что — в Никольске сойдешь и ни меня, ни Трофимыча не знаешь, понял?! У нас убивцев и ворья в друзьях нет и не надо!

О как! Сергей начал понимать — это выходит, Сенька не утерпел — слазил посмотреть в чемодан. А там деньги, и немалые. Слышать об ограблении он не мог — они с низовьев идут, но вот чего-нибудь такого напридумывать — вполне. Тем более деньги эти, действительно, честно заработать трудно, точнее — долго.

— Ладно, Сема. Ты зла не держи, плохого вам я не хотел и даже не думал хотеть. А что у меня за жизнь — это мое дело.

— Знал бы такое — не в жисть бы с тобой не связался — Сенька все не успокаивался.

— Ладно. Не пыли — я скоро сойду, и вы меня больше не увидите. И вот еще что — скажи, ты про слободку у Никольска говорил — эта та, которая за Каменкой, у камнедробильного? (Всплыло кое-что из воспоминаний Велитарского).

— Ну...

— Ладно... Там и сойду.

Выходило так, что Велитарский пару раз бывал с поручениями у Савоськи (через которого нужно выйти на Шрама, и отдать тому деньги). Жил этот Савоська в бараке, в поселке, рядом с упомянутой слободкой.

Покурил, постояв у поручня, потом пошел к каюте доктора. На стук из-за двери промывали что-то несвязное. Доктор оказался в состоянии, близком к нирване. Потребовалось довольно долго объяснять, кто Сергей такой и что ему нужно. Но в итоге, Елизаров стал обладателем справки о том, что быр-быр-бырский (мда... а почерк у врачей уже в эти годы был специфически неразборчивый!) получил травму головы в результате падения с лестницы (трапа, блин! клистирная трубка! — на пароходе нет лестниц!) парохода «Сибирский пролетарий», чего-то там про тупую рубленную рану головы, про коммоцио серебри и прочая лабуда. Зачем ему эта справка, Елизаров еще не знал, но — глядишь и пригодиться. Опять же — первый здешний документ у него.

Еще через три-четыре часа Сергей стоял на деревянном причале, пытаюсь вспомнить, как идти к Савоське. Вместе с ним, с парохода скатилось несколько телег, сошло десятка

полтора народу, среди которого он и постарался затеряться. Отметил про себя, что ни Сенька, ни Трофимыч на палубе не появились.

«Связываться с ворьем не хотят» — хмыкнул Елизаров. Оно и правильно!

По всему выходило, что заходить в поселок, к бараку, нужно было с противоположной стороны, не от реки, а от города.

«Это примерно часа полтора пешком! Вот черт, стемнеет к тому времени. Хотя — может и к лучшему — меньше глаз».

Савоська — по памяти Велитарского — пожилой мужик лет 50–60, то ли барыга, то ли еще кто — но у урок с ним явно были какие-то дела.

Покружив по пригородной дороге, пытаясь вспомнить, то, чего сам никогда не знал, Елизаров вышел к барачному поселку, действительно, уже в сумерках.

«Так... Савоська живет во втором с краю бараке, с торца».

Зайдя через калитку в окруженный невысоким палисадом дворик, Сергей огляделся по сторонам. Вроде никого, хотя от дверей барака, расположенных посредине этого дощатого приземистого сооружения, доносились негромкие голоса, смех, потом кто-то пытался что-то запеть, но голос сорвался, «певец» закашлялся, раздался хохот.

«Воронья слободка, блин».

Оконный проем был неплотно зашторен, внутри горела лампа.

Сергей подошел к окну, негромко постучал.

— Кто там? (и тише, негромко — «кого там еще черт несет?»))

— Чибис это.

— Какой Чибис? — голос был хриловатый, вроде как посаженный курением или простуженный.

— Чибис. Я от Фрола.

За окном помолчали, потом вроде бы тихо, но экспрессивно выругались.

— Подожди, сейчас двери открою, — за окном промелькнула тень.

Через пару минут, дверь в торце барака чуть приоткрылась, в темноте слегка белело лицо.

— Ты один? А где Фрол?

«Какой же, все-таки, голос неприятный!»

— Один я, один. Че — так и будем здесь базарить?

— Цыц, сямка. Базарить ему. С сопляками такими же базарь, — «о как! а Савоська значит в авторитете, если может со шпанским пацаном так «тереть»?»

Дверь все же открылась.

— Входи. Да осторожней здесь, темно. А свет зажигать я тут не буду.

Через темный коридор, осторожно, Сергей следом за хозяином, прошел к двери, из которой падал несильный, красноватый свет.

Комната одна, но довольно большая, освещалась керосиновой лампой, фитиль которой был прикручен почти до упора, поэтому темно было почти так, же как в коридоре.

Савоська (а это был он — память Велитарского говорила об этом четко) развернулся почти у дверей, не давая пройти дальше.

— Ну, где Фрол? Че молчишь?

«О как! С места — в карьер! Непростые здесь люди водятся. Нужно за языком следить, помнить, что Серега Чибис здесь был «никто» и звать его было — «никак», и номер его был даже не шестнадцатый!»

— Нет Фрола! Кончился. Касса вот, в чемодане. Мне Шрам нужен. Ему все обскажу.

— Шрам ему нужен! Налетчики сраные! Мокроделы! Все б им только с волын шмалять, да перьями размахивать! Наворочат делов, а потом народу мусора воздух перекрывают! Ты знаешь, что после вашего «скачка» красноперые за малым весь город не перевернули?! Всех трясли, и здесь побывали. Кое-кто из фартовых под замес попал, просто так — на облаве! — шепот был свистящий, злой.

«Мля... так еще маленько и он меня тут перышком щекотать начнет!».

— Я не при делах. Я на атанде стоял. Как там вышло — только Фрол знает. Он мне кое-что шепнул, перед тем как откинуться. Шраму скажу.

— Не при делах он... — но уже явно спокойней — Ладно, будет тебе Шрам, но не сейчас. Шраму самому пришлось в тине, как карасю, отсиживаться... Да и сейчас еще красноперые нет-нет да трясут хавиры. Все вас ловят, кхе-кхе-кхе... — «до чего ж приятный дедушка — аж мороз по коже. А уж веселый — не приведи, Господь!».

— Мне б где перекантоваться... Да и похавать что-нить тож неплохо, — жрать хотелось, сил не было терпеть.

— Сейчас посмотрю, что есть. Перекусишь, и на боковую. А я гонца пошлю — Шраму передать, что человечек от Фрола пришел.

Савоська подвернул язычок фитиля в лампе, стало светлее, но не намного. Поковырялся чего-то в шкафу, достал несколько тарелок, поставил на стол.

«Да... негусто. Ржаной хлеб, отварная картошка, да квашеная капуста — вегетарианец он, что ли? Хотя нет — вот и сало. Ну — сейчас отыграюсь за все эти дни, голодные и нервные. Люблю повеселиться, особенно пожрать — так говорил мой знакомый Юрок, еще в той жизни, пошляк и любитель старых анекдотов».

Тем временем Савоська поставил на стол початую бутылку водки, два стакана, плеснул себе на два пальца, вопросительно посмотрел на Сергея.

— Мне чуть-чуть, голова еще болит сильно! — показал на забинтованную голову Елизаров.

— Где это тебя «прилабунили»? На «скачке»? — слегка поинтересовался хозяин.

— Не... уже после... потом расскажу.

— Ну-ну...

После выпитого, а скорее — после съеденного, Сергея сразу разморило, потянуло в сон.

— Курить можно? — вежливо поинтересовался от у Савоськи.

— Кури, я тоже покурю — махнул тот рукой, выставил на стол пепельницу.

Сергей с самого начала не мог отделаться от мысли, что Савоську он уже видел. Не Велитарский его видел — тот-то само собой! А именно он, Елизаров, видел этого человека! Но этого же не может быть?!

Сергей сидел, курил и пытался разобраться — как же так? Он — в своей прежней жизни видел обитателя этой? (изредка поглядывал на хозяина) Вот-вот... где-то рядом ходит узнавание...

«Бля!!! Аж на пот пробило! Не заметил Савоська?! Вроде нет».

Перед Сергеем Елизаровым сидел человек, как две капли воды похожий (по голосу, по манерам, внешне — всяко!) не на живого человека из прошлой жизни! Он был похож на Штехеля из фильма «Ликвидация» Урсуляка. Вот это попадание! Бывает же такое?!

«Ладно... надо спать... а то может еще кто-нибудь привидится — к примеру папаша Мюллер, не к ночи помянутый, в исполнении Леонида Броневского».

— Где мне ухо придавить? — вопросительно посмотрел на старого «одесского-предателя-пособника-врага».

— Пошли...

Вышли из комнаты Савоськи-Штехеля, перешли коридор. Савоська открыл дверь на противоположной стороне коридора, пропустил в комнату Елизарова.

— Вот... комната пока пустая. Хозяин... в командировке, в общем. Пересидишь, пока Шрам не заглянет. Сейчас огня не зажигай, завтра разберешься, где что. Сортир — в ограде, слева от двери. Будешь выходить, возвращаясь — дверь уличную закрывай на крючок. Меня здесь хоть народ и уважает, но мало ли кого случай занести может — зачем нам неприятности? — хозяин негромко сипел, направляясь к двери.

«Ладно-ладно... иди себе — сипи в своей комнате».

— Стой! А как же касса? Забери ее к себе в комнату! — вспомнил Елизаров про чемодан, который уже настолько привычно таскал с собой, что машинально ставил и брал в руки.

«Штехель» не торопясь, по-волчьи — всем корпусом — развернулся, посмотрел на чемодан в Серегиной руке.

— Э, нет — ты его сам Шраму отдашь. Тебе поручили — тебе и выполнять до конца, — «но взгляд, волчара, от чемодана не отводит — хочется тебе его хапнуть, хочется» — про себя усмехнулся Елизаров.

Дверь закрылась, Серега оказался в полной темноте. На ощупь подошел к двери, нащупал крючок, закрылся. Затем также, на ощупь прокрался к кровати (она была заправлена), стянул сапоги — финку положил рядом на пол (если что — дотянуться можно будет!). Вытянулся, не раздеваясь, на кровати.

«Ох, лепота-то какая! Первый пункт плана выполнен — я в Никольске. Подожду здесь Шрама, деньги ему скину (про долю не забыть — мне деньги нужны будут — жизнь начинать практически с начала!), решу с ним, что я уйду, отваливаю, завязываю (нужное выбрать!). И — с чистого листа». Все — сплю....

Сергей проснулся от лучей солнца, которые из окна падали прямо на лицо. Поморщился, прижмурившись, недовольно посмотрел на окно.

«Занавески, блин, низкие... угу, и от пыли серые»

Судя по солнцу, время шло уже к обеду.

Елизаров обвел взглядом свое обиталище. Прямоугольная комната-пенал, метра три в ширину и около 4 в длину. Напротив окна — входная дверь. Беленые, пустые стены. Небольшая кирпичная, оштукатуренная и побеленная печурка возле двери. Между печкой и кроватью, рукомойник. Над ним, незамысловато закрепленный прямо гвоздиками на стене, осколок зеркала.

«О! Надо будет хоть морду свою рассмотреть! Но — потом!».

Напротив печи, по другую сторону от двери, на стене — незамысловатая деревянная вешалка на четыре деревянных крючка. Рядом с вешалкой, какой-то древний, похоже — самодельный шкаф на две дверки. Платяной вроде бы. Затем, после шкафа маленький стол и стул. Через проход — узкая железная кровать, на которой в данное время и возлежал наблюдатель.

«Хилтон, блин».

И везде изрядный слой пыли.

«А жилец стал быть — в командировке. Сейчас, думаю, многие в таких «командировках»».

Сергей прислушался к себе. Явно была слышна тяга к «до ветру». Но — терпимо. Еще смутно пробивалось желание поехать, но — совсем смутно.

«Ладно... можно еще ухо придавить».

Сергей приподнялся, стянул с себя пиджак, бросил его на стол, расстегнул рубашку пониже, с наслаждением потянулся.

«А вот что мы имеет по Шраму?»

В воспоминаниях Велитарского, по Шраму было мало. Видел он его пару раз издалека и судить о нем мог только с некоторых разговоров шпаны. Что, дескать, фартовый авторитетный, но не вор. Вроде бы налетчик, и удачливый, дерзкий. Говорили о нем с уважением и изрядной опаской — мол, «долго не разговаривает».

«Ага... бритвой по горлу — и в колодец. «Доцент», мля...».

Хотя «смехуечки» здесь были излишни — ему с этим «kozyрным» разговор вести и нужно не «промахнуться», а то не только без денег останешься, а и впрямь закопать могут. Еще вроде бы припоминалось, какой-то отрывок разговора, что Шрам из бывших, чуть ли не колчаковский офицер в прошлом.

«Мда... шпиен японской, английской, румынской и прочих разведок!... Не, так дело не пойдет — что это меня на какой-то «несерьез» все время сбивает?! Тут реально можно «налететь» по полной, а мысли все какие-то с «ха-ха»?». Нервишки шалют, не иначе...

Сергей поворочался, улегся поудобнее: «Ладно, война план покажет!».

Вновь разбудил его громкий стук в дверь. Спросонок, от неожиданности, Елизаров подпрыгнул на кровати и несколько секунд, сидя, непонимающе «блымал» глазами.

— Чибис! Помер ты там, что ли?! Открывай!

Сиплый голос принадлежал явно Савоське.

Сергей прошлепал босыми ногами к двери, скинул крючок.

— Горазд ты дрыхнуть! Пошли, ждут тебя.

— Ща я... только в сортир сбегаю... — засуетился Елизаров — мандраж явно был.

— Давай скоренько!

Сергей впопыхах натянул портянки, вбил ноги в сапоги, выскочил на улицу.

«Ага... вот «удобства». С наслаждением облегчился.

«Ну что б еще в прошлый раз сходить, а то как-то знакомство и разговор не с того начинается».

Заметил слева от входа деревянную бочку с дождевой водой, мимоходом плеснул себе в лицо пару пригоршней. Заскочил в комнату, наскоро утерся подкладом пиджака, взял чемодан в руку, и, переводя дух, пошел к Савоське.

Сам Савоська сидел возле приотворенного окна, выходящего на торец барака, курил, оттянув рукой штору. За круглым столом посредине комнаты (а стол-то накрыт, и накрыт явно богаче, чем вчера — отметил Сергей, услышав бурчанье в своем животе), сидел мужчина лет сорока, одетый вполне прилично — а по этим временам даже, наверное, с претензией. Серый костюм, светло-голубая сорочка, галстук чуть темнее, на колене — светло-серая кепка. Нога на ногу, коричневые ботинки явно не старые, начищенные. Пепельные, с проседью, волосы коротко подстрижены. Лицо узкое, какое-то жесткое, на щеке — шрам, большой, идет от левого виска к подбородку.

«Сабельный удар? Х-м-м... а ты видел шрамы от сабельных ударов? Подсознание чего-

то ассоциации подкидывает».

— Добрый день! — решил быть нейтрально-вежливым Сергей.

Савоська промолчал, даже головы не повернул. Мужчина кивнул, указал папиросой на стул напротив себя.

Елизаров сел, сдержал себя, чтобы не рассматривать Шрама («а то у него, может, как у гориллы, взгляд в глаза означает вызов?»), посмотрел на закуски и напитки. Было на что посмотреть — водка, коньяк, какое-то вино в красивой бутылке, да и закусками стол был тоже не обделен.

Шрам затянулся дымом:

— Ну, давай, рассказывай...

— Касса вот, — Сергей подвинул чемодан ближе к Шраму.

— Про кассу потом... Расскажи, что и как там вышло. Про копторг можешь опустить, я примерно уже знаю. Дальше что было?

Елизаров стал рассказывать, «вспоминая», что помнил Чибис. Старался не частить, держать себя ровно.

— Фрол вроде бы ногу ударил или подвернул, я его перетащил через забор... Ну — помог перелезть. Потом срывались дворами. Вышли к складам, на берег, в устье Каменки где-то. Там сидели дотемна. Потом Фрол ушел, вернулся, сказал, что есть лодка и лихтер, который утром вниз уходит. На лихтер нас какой-то парень перевез...

— Знаю, давай дальше — перебил Шрам.

«Блин, как его называть-то? Парни говорили, что он не любит, когда его в лицо Шрамом кличут...».

— Там на лихтере, Короб — ну, знакомец Фрола — такой невысокий, плотный мужик... и еще три хлопца с ним были. Нас в каюту завели. Фрол пошел разговаривать с Коробом. Спать легли. На следующий день, уже к вечеру, я с парнями на палубе, в карты играл... Фрол в каюте у Короба был, «терли» они там чего-то... Слышу ругань пошла, Фрол материться, орет... Короб тоже чего-то кричит. Я туда... Меня уже в дверях чем-то двинули по голове... ничего не помню...

Елизаров перевел дух.

«Блин, медленней нужно, а то — вроде бы с испуга, каюсь... Хотя и испуг есть. Ну — испуг — не испуг, а опасение имеется...».

— Можно мне поесть? — немного просительности в голос.

Савоська хмыкнул (вот жадина, бля...).

Шрам кивнул:

— Да и мы закусим. По сто грамм, Севостьян Игнатич?

«Так вот откуда кличка — Савоська! Как-то несолидно для почти деда. «Как наш барин Севостьян не узнал своих крестьян»».

Савоська разлил водку себе и на палец — Сергею, Шраму налил коньяку.

— Ну, — поднял свою рюмку Шрам, — за помин души Фрола, раба Божьего, хоть и дурак был изрядный!

Выпили. Сергей стал жадно лопать все подряд со стола. Заметил, что Савоська неодобрительно кривится, Шрам усмехнулся уголком рта.

— Давай дальше.

— А я дальше ничего не помню... Очнулся уже на берегу, башка трещит, рядом Фрол погибает. Заточкой его ткнули. Фрол сказал, что он Короба и «кодлу» его «вольной»

припугнул, хотя «маслят» в ней не было. Что Короб хотел кассу прибрать, а нас — кончить. Фрол их заставил нас на берег перевезти. Потом я снова сознание потерял, а когда очнулся — Фрол уже холодный. Кассу он сказал Вам отдать, сказал, что долю мне Вы сами определите.

Сергей заметил, что обращение на «Вы» явно понравилось Шраму — мелькнуло что-то такое в его глазах.

— Считал, сколько там? — Шрам смотрел на Сергея.

— Посчитал... там — еще на берегу... вроде бы около восемнадцати тысяч.

— Ладно... Игнатъич! А кто такой Короб, что-то не знаю такого? — Шрам повернулся к Савоське.

— Да мелькал такой человек здесь. Он вообще-то не здешний, прибылой какой-то... Вроде раньше при блатных был. Я, Евгений Аркадьич, узнаю поточнее — скажу!

«О как! «Евгений Аркадьевич»! Ну, точно — из бывших Шрам. Не простого народа имя-отчество!».

Сергей тем временем насытился, отодвинулся от стола.

— Евгений Аркадьевич! (Шрам немного удивленно перевел взгляд на Сергея) А почему Вы Фрола дураком назвали? — нужно заводить разговор, как-то расположить его к себе.

Шрам хмыкнул.

— Да потому, что привык дуриком на дело ходить. Раз свезло, два свезло, да на третий — вляпался. Еще и Тяпу под стволы подвел. Хотя тот еще дурнее был, бык неподложенный!

— Там Фрол еще говорил, что Сова «паленую наводку» дал...

— Знаю, разобрались уже...

«Сурово у них...».

Вроде бы разговор так и не завязывался. Не с кем Шраму было разговаривать — не его уровня Чибис.

— Эта... Евгений Аркадьевич («вот же блин назвали — пока выговоришь — язык сломаешь»)... просьба у меня... как бы это...

— Да ты не мекай, говори, как есть. Если про долю, так отдам, — скривился Шрам.

— И про долю тоже... Но не о том сейчас...

Шрам более заинтересованно посмотрел на Чибиса-Елизарова. Даже Савоська чути повернул голову.

— Я соскочить хочу... Завязать, то есть... ну — чтобы без предьяв было все...

Шрам и Савоська уже вполне заинтересованно смотрели на Сергея.

— Обделался, значит, — улыбнулся Шрам, — на первом «скачке»?

— Больно уж «скачок» неудачный вышел... Да не обделался («вроде бы обиделся Сергей»)... хотя недалеко было, че уж... Не понравилось мне под пулями бегать. Как вспомню, до се трясет... Да и башка болит сильно... иногда за малым в обморок не падаю, руки трясутся... подведу еще людей, где на деле... — «симулировал» профнепригодность Сергей, упирая на забинтованную голову.

Савоська утратил интерес, вновь пересел к окну, закурил.

Шрам немного задумался, достал портсигар, закурил папиросу.

— Ладно. Ты еще и не блатной. Так — сявка мелкая на побегушках. Я не в претензиях буду, людям при случае тоже скажу. А как ты с Хлопом разберешься — то не мои дела.

«Вот еще, сволота. Что б ему и Хлопу не сказать, чтобы не лезли ко мне, так нет — как же снизойти до шпаны мелкой. Ну ладно — это проблемы другого дня».

— Так что по доле моей будет? — Елизарова немало волновал этот вопрос.

— Тебе бы за «выход» вообще долю не давать. Да ладно... дай чемодан сюда, — Сергей видел, что, когда он озвучил сумму, которую они «взяли» на кассе, это явно понравилось Шраму — глаза у него блеснули довольно, и с Савоськой чуть переглянулся.

— Три косых твои... вот — бери, — Шрам, открыл чемодан, небрежно откинул в сторону пиджак Чибиса, выложил на стол несколько пачек.

— А можно мне «трешками» и «пятерками» взять? Откуда у пацана новые «хрусты» могут взяться.

Шрам одобрительно глянул на Сергея. Тот заметил, что и Савоська тоже с интересом посмотрел на него от окна.

— А ты ничего... соображаешь... может и был бы толк с тебя, если бы не решил отойти, — улыбался Шрам.

— Мне жить еще охота, а такие деньги, хоть и хорошие, но больно уж «горячие», обжечься можно насмерть, — насупился Сергей.

— Это да... тут так и так может выйти, — чуть улыбнулся Шрам.

Он отсчитал Сергею пачки с «трешками» и «пятерками».

— Все, гуляй... Свободен, Чибис!

«Угу... все вышло неплохо... даже хорошо».

— Мне б, Евгений Аркадьевич, с Игнатьичем поговорить...

Савоська повернулся от окна:

— Иди к себе, потом позову...

Уже в дверях Елизарова остановил вопрос Шрама:

— А «волыну» ты куда дел?

— Скинул я ее в речку, боязно было с ней гулять...

Не забыв прихватить старый пиджак (пригодится!), вернувшись в комнату, Сергей немедленно закурил.

«Так... вроде бы все получается. Только бы не спугнуть эту сука, удачу эту. Купились они на бабки, как есть купились! Фактически на «халяву» да неплохой куш! Дальше... дальше... дальше... и потихоньку, «на мягких лапах».

Сергей курил папиросы одна за другой, мельком прислушивался к шуму, разговорам за окном, детскому смеху — обитатели барака явно отдохали после трудового дня.

При этом уши его были повернуты к коридору — нужно еще с Савоськой объяснить, после того как Шрам уйдет. Пытаясь успокоиться, вспомнив, что так и не видел своей нынешней физиономии, подошел к зеркалу.

«Так... волосы и впрямь светлые. Я бы сказал — светло-русые, чуть волнистые. Нос ровный, прямой, ближе к кончику чуть-чуть приподнят. Губы четко очерчены, чуть полноваты. Глаза вроде бы серые (толком не видно, освещение тут не очень!). Лицо чистое, загорелое. Ну что — вполне себе паренек! Как говорится — не урод, и девкам такие вполне нравятся».

Шрам надолго не задержался. Уже через час-полтора («как хреново без часов-то!»), дверь у Савоськи хлопнула, негромко прозвучали голоса. О чем говорили — слышно не было. Затем по коридору простучали шаги. Было слышно, что Савоська вернулся к себе.

Еще через какое-то время (за окном уже смеркаться стало), Савоська приоткрыл дверь:

— Ну пошли поговорим, чего тебе там...

С чего начать разговор, Сергей не знал.

— Тут, уж если так вышло, Севостьян Игнатъич, не поможете? Жилье мне нужно, так затихариться, чтобы и менты не нашли, и Хлоп с кодлой — тоже ничего не знали. Если я в «завязку» уйду, мне нужно... чтобы не знал обо мне никто. Пакостить я не собираюсь, работу вот еще... какую-нибудь, из простецких. А я уж... заплачу за посреднические услуги.

Савоська разглядывал его с интересом:

— Ты чего отойти-то решил. Иль вправду испугался?

— И испугался тоже. Просто понял, что не хочу больше всех этих «дружбанов», пьяных «шмонать» по подворотням противно, жить хочу по-другому.

Савоська, кхекнул, закурил, сидя возле окна, какое-то время раздумывал:

— Пока я что-то подберу, пару дней здесь поживешь, в той комнате. Но! Из комнаты — ни шагу! Чтобы и не видел никто тебя! Да я тебя сам и закрывать буду, когда на работу буду уходить. А про работу — чего ты хочешь?

— Да так, на первое время — полгода-год... Что-то типа сторожа, дворника или истопника какого-нибудь. Деньги-то на первое время у меня есть, а там — видно будет. И желательно — не в самом городе, а где-нибудь — в пригороде, чтобы светиться меньше.

— Документы мне еще нужно сделать, — всплыло в голове необходимое.

— Х-м-м... ксивы — сложнее, да и, вестимо, дороже. Времени опять же займет. А что конкретно нужно?

— Метрики, аттестат о десятилетке, можно еще чего-нить по мелочи, но, чтобы подтверждали предыдущие.

— Это... зачем же тебе все это? — Савоська был явно удивлен.

— А я хочу вообще все заново — имя, фамилию, отчество, легенду продуманную. Чтобы не одна «попка красноперая» не прицепилась.

— Вон че ты задумал... Как шпиён какой! — хмыкнул «Штехель».

Хотя надо сказать, что по мере присматривания к Савоське, его черты похожести с киношным персонажем размывались. Сейчас казалось — ну да, похож, но не более.

— Я тут переговорю с людьми, ежели согласятся — сведу тебя с ними, о цене и что нужно — сам с ними разговор веди.

— Комиссионные — с меня, Севостьян Игнатъич!

Савоська был явно приятно удивлен, но с виду невозмутимо кивнул.

— Еще — одежда нужна нормальная, разная. — Сергей понимал, что начинать жизнь в пиджаке с чужого плеча (тем более — с трупа!) — гораздо хуже, чем, если выглядеть нормально. Принцип — «по одежке» и так далее, еще никто не отменял.

— Как ты все это продумал-то... сопляк же еще... ну что ж — молодца, в общем-то — Савоська покрутил головой — Денег-то хватит? У тебя их сейчас в достатке, смотри не растраться.

— Деньги, Севостьян Игнатъич, дело наживное! Жалеть их — дело зряшное, ради дела че ж не потратить.

— Ладно, буду думать, покумекаю, куда тебя направить, к кому из знакомых.

— У меня ходит прибираться, да еду готовить одна бабенка из барака, вон — из-за стенки. Постираться опять же помогает. Так что — услышишь, что в коридоре, днем — никшни и сиди, как мышь под веником. Мне разговоры разные — не нужны вовсе!

Сергей отметил, что, говоря про «постирушки» Савоська как-то хмыкнул и дернул головой.

«Видать не только готовить и стирать она сюда ходит, кобель ты старый! Ну — это дело

жителейское, в общем-то» — заулыбался про себя Елизаров.

Савоська после разговора явно подобрел, раскочегарил какой-то агрегат («керосинка, что ли?»), поставил чайку.

«Совсем хорошо».

— Меня днем нет — на службе я. Так что, какой-никакой харч я тебе буду оставлять, но — не шибко много. Ведро поганое — опять же в комнате поставишь. Если дотерпеть до вечера — невоготу будет!

— Севостьян Игнатич! А что — Тяпу «наглухо положили»? А он — вохра и лягавого?

— Тяпу холодным в анатомку свезли. А вохра и мент — говорят, выживут, хоть и зацепило их серьезно...

Уйдя в комнату, и завалившись на кровать, Сергей задумался.

Решил он сегодня вопросы вполне себе ключевые. Долю получил, плацдарм для вживания сделан. Заявку на уход из «блатной» жизни сделал, и не был линчеван за это. Тоже — гут!

Со «Штехелем» вопросы порешал. А тот, жучара, по всему видно, связей имеет немеряно. Причем во многих «отраслях народного хозяйства». Заинтересовать мздой, поможет.

Серега спал в эту ночь вполне себе нормально, в относительном комфорте. На кровати, раздевшись. Почему относительно? Белье на кровати было не совсем свежее, пылью в комнате явственно пахивало.

Да и помыться нужно, тело ощутимо почесывалось. Бельишко на себе сменить обязательно. Ну — это вопросы все решаемые, в будущем, дней через несколько.

Утром попаданец проснулся от бряканья замка на двери своей комнаты. Пришел Савоська:

— Вот тебе молока крынка, да полкаравая — с голоду не помрешь! Вот еще — ведро с крышкой. Но — как сказал, старайся терпеть, а то — провоняешь мне здесь все! Я вернусь часам к семи вечера. И — тихо чтобы у меня здесь!

Сергей, после ухода хозяина, умылся. Ну, как можно было — без мыла, зубной щетки и порошка. Морду лица обмыл и хватит! Хорошо, что «Штехель» хоть воды позволил в умывальник набрать.

Потом подумал, разделся до трусов и стал делать зарядку, насколько позволяла площадь малюхошной комнатенки.

«А вот тело это нужно определенно тренировать! Решим организационные вопросы, найдем место жительства и займемся!».

Елизаров в прошлой жизни лет до 35–38 вполне держал себя в форме. Бегать по утрам — не бегал (лениво вставать было!), а месяцев по 6–8 в году в спортзале проводил, любил покататься на тренажерах. Потом проблемы со здоровьем стали доставать, тренажеры забросил, но пешком ходил регулярно-ежедневно. А на охоте вообще мог прошагать за день километров 20–25.

Вот и сейчас запланировал себе — «если завтра война, если завтра в поход — будь сегодня к походу готов!».

«Вот еще проблема: Чибис-то пацан молодой еще, в самой поре юношеской гиперсексуальности. И сегодня утром уже, проснувшись, перед приходом Савоськи, почувствовал, что такое утренняя эрекция. Там-то, в прежней жизни, чуток забываться стало, как это — когда одеяло по утрам торчком стоит, и от этого — ноги мерзнут!».

Время тянулось сырой резиной, медленно и вонюче. Он то валялся на кровати, то — вскакивал и вновь разминался, заставляя непривычные мышцы тянуться и работать. И думок — полна голова.

Периодически мысли сбились на жену, дочь, внука, родственников. Грустновато стало.

«Ладно... тут уж ничего не попишешь... Ирина вполне себе ушла в работу, бывало только и разговоров про учеников, коллег-учителей, проблемы на работе. Дочь — тоже с зятем самостоятельные люди, да и личные отношения стали уже не такими теплыми, как раньше. Матери — сестра поможет. Надо честно признать, что в последнее время только звонил в родной город пару раз в месяц, да деньги время от времени небольшие посылал. Хотя — как мать переживет его смерть — тут уж хрен его знает. Надеюсь, что внуки (дети сестры) ее как-то отвлекут. Вот только Егорка... Теплый маленький воробушек... Глазенки блестят, разрумянится: «Деда, деда! А вот слушай...».

Как многие мужики, с возрастом Сергей становился более сентиментальным, и некоторые вопросы, мимо которых в молодости проходил, не задумываясь, заставляли рефлексировать, а то и прямо расстраиваться. Сейчас еще отголоски этого в голове вертелись, но он заставляя себя переключаться на нынешние проблемы.

Пару раз за день, в коридоре что-то брякало, кто-то ходил. Шаги были легкие, из чего Сергей сделал вывод, что приходящая к Савоське кухарка-прачка — женщина молодая и не грузная. Он даже постарался второй раз выглянуть в окно, чуть отодвинув занавеску, полюбопытствовать, но увидел лишь силуэт, промелькнувший мимо окна.

Но — все кончается. Вечером пришел хозяин, с кем-то перемолвился у входа в коридор, потом прошел к себе. Еще через некоторое время, дверь открылась:

— Вот же... Хоть кол на голове теши! Что — вытерпеть не мог?

Угу... Сергей терпел до последнего, но...

— Сейчас стемнеет — выйдешь, вынесешь. Парашу я за тобой еще не выносил!

Савоська был опять какой-то раздраженный и Сергей с ним пререкаться не стал.

Позже, когда ужинали в комнате Савоськи, за столом хозяин проскрипел:

— Есть у меня знакомая... Вдова знакомца одного. Переговорил я с ней. Живет она одна, дети — поразъехались по своим делам. Согласна она тебя пустить на месячишко. Но — чтобы в порядке все было! Я ей сказал — племянш приятеля давнего приехал, пока на работу определится, пожить негде. Смотри... тетка она суровая, ежели что не так — так под зад коленом быстро наладит! Завтра с утра — съезжаешь от меня.

— На Малой Нахаловке найдешь третий переулок, от Кузнецкого если, повернешь направо. Третий дом — ее будет. Ясно? Вот бумажка, там адрес написан. Найдешь, если надо!

— Так что ж! Я же говорил — мне тихонько нужно сидеть, я же... все в норме будет, Севостьян Игнатъич! — постарался вложить в свои слова максимум честности, — а что по работе? И по одежде?

— Завтра с одним человечком поговорю, о встрече договорюсь... А ты прикинь, че тебе нужно, чтобы время у людей зря не отнимать, — судя по всему, Савоська был не в духе, или просто устал.

Вообще-то Сергей сначала удивился, когда узнал, что тот где-то работает. «Да и вряд ли он простым работягой вкальывает, скорее всего — на каком-нибудь складе-магазине-базе обретается».

В подтверждении его раздумий, хозяин скрипел дальше:

— Как у Евдокии устроишься, на следующий день... То есть — послезавтра! Придешь в столовую, что возле Первомайского сквера, от Красного — вправо свернуть нужно будет, по улице Горького... Найдешь! Там, на задах столовой, склады Общепита расположены. Я там служу! Придешь — ровно к двенадцати. Я там тебя ждать буду, в столовой этой. Там за обедом — и поговорим. Все понял?

— Мне бы мешок какой? Может сидор какой заваливающий найдется... Не бесплатно, конечно, Севостьян Игнатьевич... Так — хоть и маловато барахлишка у меня, но не в руках его носить же?

Савоська вышел в коридор, пошуршал в чулане, вернулся и бросил Сергею на колени старый солдатский сидор:

— Так бери, не нужен он мне.

Сидор был, мягко говоря, изрядно поюзан. Пыльный, с парой небольших дырок у горловины, весь в каких-то пятнах — побольше и поменьше. Ну, дареному коню — никуда не заглядывают!

— Спасибо, Севостьян Игнатьевич!

За чаем Сергей поинтересовался:

— А что там, на улице-то слышать? Чем люди дышат? Легавые еще шустрят?

Хозяин заперхал дымом, засипел. Это он, выходит, смеется так.

— Повезло тебе, дурилка! Слухи ходят — Хозяина-то нашего областного — в Москву вызвали, а там — под микитки, да в кутузку! Если правда — то «товарищи» со своими не церемонятся. В ров сведут, не иначе! Вот и милицанеры, да и гэпэушники и пришипилась — ждут, что там дальше будет. Это же — и у них в «верхушке» головы полетят, новая метла — она же по первой не разбирает, кого метет! Не до шпаны сейчас красноперым — самим бы уцелеть.

После ужина, Сергей, как мог, выхлопал вещмешок, сложил в него деньги, завернутые в старый пиджак Чибиса.

Не спалось долго. Все крутил в голове — и так, и этак. Что сначала, что — потом. Легенда нужна. Стройная, без зацепок и непоняток.

Ну, с ближайшей целью — было более-менее ясно. Сделать через Игнатича документы, приодеться более прилично, пристроится в какое-нибудь место на работу.

«А вот что ты умеешь делать? На завод? Так ни токарь, не слесарь... Куда еще? Нет — неправильно... Сначала нужно дальнюю перспективу нарисовать-обдумать, а потом уже от нее плясать. А что у нас в дальней? А все то же, что и у всех — война... Вот так...».

Отвертеться тут не удастся, да и как-то стыдно, прежде всего перед самим собой... Значит, война. Что нужно делать, чтобы уцелеть (возможно), но не скурвиться? Или чтобы хотя бы впустую не сдохнуть — что было бы обидно? А — готовиться нужно. Опять же как?

Кто у нас самые подготовленные к войне люди, хотя бы — гипотетически. Известно кто — военные, их к этому как раз, таки и готовят. Значит — армия? Чибис (то есть я теперь!) — парень молодой, а значит вполне можно поступить в военное училище. Но вот Чибиса туда хрен возьмут — образование 7 классов, приводы в милицию, и не комсомолец. Значит нужно оформлять новую биографию. Документы за десятилетку делать я уже решил, метрики тоже сделать.

Паспорт? В будущем — дело обязательное, а здесь? Местное законодательство я не знаю. Читал где-то, что паспорта перед войной были далеко не у всех. А у кого они были?

Этот вопрос нужно как-то «провентилировать».

Дальше — комсомол... В своем прошлом Елизаров комсомольцем был. И даже билет сохранил — не по идейным соображениям, а просто — на память. Здесь, наверное, комсомольцы все же идейные. Значит — вступаем? Не так просто... Нужно себя зарекомендовать.

Опять — возвращаемся к месту работы. Ничего не ясно. Ладно — в сторонку пока.

Если училище — то в какое? Авиация — не-не-не. Хотя здесь и сейчас — самая мода».

Но Сергей отдавал себе отчет, что никогда не был технарем, ни в молодости, ни позднее. Не получалось у него с техникой любви, и голова, и руки были по-другому устроены.

«По этой же причине отпадают всякие танковые, артиллерийские и прочие учебные заведения. Значит что? Значит — «махра», «царица полей»! И подаваться нужно в Омск, в училище. Хотя, конечно, уцелеть в пехоте — это даже не лотерея... но — выбирать не приходится. Поэтому — новая биография, документы, ее подтверждающие, вступление в это время, комсомол, училище. Нужно время. Не менее года. Значит только — на следующий год. Так, считаем — следующий — 1939. Два года обучения (вроде бы так?). Значит выпуск из училища — накануне войны. Вот «везуха-то»... Ладно... пока себя не хороним и не плачем — рановато. Как там Павка Корчагин говорил: «жизнь прожить нужно так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы».

«А в преддверии такой войны — тем более. А что ты, старый пошляк и кобель, Елизаров, сейчас имеешь в виду? Да — все! Весело нужно жить, но не как в будущем молодежь «веселиться», а по-хорошему весело. Вот и будем пытаться... Так ладно... А что с биографией? Нужно думать...».

Постепенно в голове стала выстраиваться цепочка.

Был среди знакомых Велитарского паренек. Вместе они воспитывались в детском доме, но после этого Ивана Косова (так звали знакомого), забрала к себе тетка. Она жила в том же Тобольске, но по причине слабого здоровья, и явной скудости жизни, Ивана, сразу после гибели его родителей, к себе не взяла (как помнил Чибис, родители Ивана погибли, провалившись вместе с конем и санями под весенний лед на Иртыше).

В то время, когда Чибис с приятелем раскатывал по всей Западной Сибири, Косов, живя у тетки, подрабатывая по возможности где придется, десятилетку закончил. Потом он уехал с двумя приятелями на строительство порта, куда-то в Салехард. И вот там — погиб, сгорел вместе с еще несколькими рабочими при пожаре склада.

Обо всем этом Чибису рассказал один из знакомых — детдомовцев, с которым Косов и уезжал в Салехард. Встретились они случайно, в Омске, на железнодорожном вокзале, в буфете которого и разговорились. По словам парня — тел Косова и еще нескольких рабочих вообще не нашли — настолько все сгорело, перемешалось при тушении пожара и последующем разборе завалов. Определили, что они погибли — при проверке списков работающих. На вопрос Чибиса, а чего с теткой Ивана, парень ответил, что она умерла еще до их отъезда на Север — именно это и стало причиной того, что парень и еще один знакомый, уговорили Косова ехать на строительство.

«Вот тебе чистая кандидатура. Хотя, конечно, коробит от такой необходимости».

Чибис помнил Косова как неплохого, спокойного паренька. Неконфликтного, малоразговорчивого, улыбчивого. И похожи они были внешне — оба светловолосые, одного возраста и примерно — одного роста. У них даже сложились доброжелательные отношения

в детдоме, где, в общем-то, все старались сбиться в стайки по интересам, и нередко конфликтовали, а вот Косов как-то умел ладить со всеми.

«Конечно, есть опасность, наткнуться на кого-нибудь из детдомовцев, как Чибис тогда на вокзале — с этим парнем. Но чем дальше пройдет времени — тем такая возможность будет меньше. Тут уж — нужно будет держать ушки топориком, и нос — по ветру!».

«Так... резюме — Косов Иван... Алексеевич? Александрович? Или Андреевич? Черт — не помню этого!.. Ладно... год рождения — 1920. Воспитывался в детском доме. Родители? Не помню... Ну пусть будет — отец — рабочий Косов... Алексей? Андрей? Пусть будет — Алексей! Николаевич? и ладно... год рождения — ну... 1893, мать — домохозяйка — Косова Анна? Матвеевна?... год рождения — 1901? пусть будет... Так... школа... В какой школе учился Чибис и Косов? Вроде бы школа № 2 города Тобольска — оттуда и документ будем делать о десятилетке. Метрики — здесь вроде понятно. День и месяц рождения? А-а-а, пусть будет 5 мая... Что еще? Что-то нужно еще — незначительное, и даже необязательное, но, чтобы — подтверждало что-либо из первых документов. К примеру — расчетная книжка с этого порта, трудовых же книжек еще нету... а вот зарплатная — вполне может быть! Так — когда там был пожар? Ведь не может же быть в книжке записей после этого пожара. А вот — до него — вполне! Типа — Косов уехал оттуда еще до пожара, а к погибшим его отнесли по ошибке! Может такое быть? Может... но проверяется это — легко. Одна надежда — так глубоко копать никто не будет».

Сейчас время такое — народ толпами туда-сюда снует, лучшей жизни ищет. Коллективизация, индустриализация, ссылки-высылки... переселение народов. Пожар, по словам парня, был весной, еще по снегу, то есть в прошлом, 1937 году. Блин. Нестыковка — где в этом случае Косов был больше года? А на заработках — Чибис-то многое может вспомнить, вот при случае и поделится воспоминаниями с Косовым, чтобы «прикрыть» его — где был, что делал. Ну — это еще отшлифовывать и оттачивать всю эту легенду».

Будучи на нервах, Сергей все никак не мог уснуть, все ворочался.

И еще... из разговора с Савоськой, что-то царапало мозг... Что-то не так... А вот что? Не мог понять.

«Так. Про бабу и его у нее проживание? Нет, не то... Дальше... Про ментов? Так-так-так... Хозяина в Москве арестовали... Это — Эйхе, что ли? Ну, что того арестовали и к стенке прислонили, Сергей — помнил. А вот когда... да хрен его знает! Точно помню, что шлепнули его до войны. И все же... все же... что-то не так».

Незаметно для себя уснул.

Утром, едва солнце через окно коснулось его физиономии, Сергей вскочил. Накоротке размялся, ополоснул морду лица и с трудом дождался, когда в коридоре брякнет дверь Савоськи. Чуть приоткрыв дверь, посмотрел в щелку — вдруг там соседка от хозяина выходит? Зачем ей его видеть?

Но нет — все нормально, сам хозяин чего-то возился в чулане.

Севостьян Игнатъич, торопил его, еле дождался, как он выпьет стакан молока, закусывая чуть черствую горбушку хлеба:

— Сейчас выходи, но не прямо к городу, а сделай крюк. Пройди вокруг бараков, там основная дорога идет, и народ по ней сейчас на работу попрется. Вот, со всеми, и уйдешь. В толпе-то не так заметно будет...

Бредя среди многих людей, шедших от бараков к городу, Сергей старался исподтишка разглядывать окружающих. Ну что — а не так-то он и отличается от остальных.

В основном здесь были мужики разного возраста, от таких парней, как он, и даже помладше, до уже дедов. Женщины тоже были, но — существенно меньше. Они шли чуть наособицу, стайками.

Уже на городских улицах, народ, шедший от барачков, стал расходиться по разным сторонам. И вскоре Сергей уже шагнул по улице, но в окружении совсем других людей.

«Еще бы найти — где эта Малая Нахаловка! Сам Сергей не знал точно, а в памяти Чибиса все было как-то смутно. Пацан видно город знал тоже — не сильно хорошо!».

Но — язык до Киева доведет!

Примерно через час, с того времени, как он ушел от Савоськи, попаданец нашел-таки и Нахаловку, и улицу, и дом который ему был нужен.

Крепкий пятистенок. Добротный палисадник и забор. Входов дом имел два.

«Так... и какой мне нужен? Посмотрим...»

Если с одной стороны, к калитке в воротах шла довольно натоптанная тропинка, то с другой стороны — травка была не вытоптана, и даже — не примята.

«Значит, мне — сюда, где тропа набита!».

Подойдя к калитке, Сергей чуть толкнул ее, повернув кольцо запора. Не открылась. На бряк скобы за забором залаяла собака, басовито так, по-хозяйски.

«Угу... Бобик-то — не мал размерами, судя по гавку!».

Сергей покрутил головой:

«Ага... Вон калитка в палисадник, можно войти и постучать в окно».

Но — не успел. За забором женский голос прикрикнул на собаку, потом, уже ближе к воротам:

— Кто там? — и чуть тише, — кого это там черт принес...

Загремел запор, калитка приоткрылась. В щель выглянула бабуля, лет шестидесяти на вид.

— Здравствуйте! Я к Вам от Севостяна Игнатьича. По поводу съема жилья.

Бабка открыла калитку, махнула приглашающе рукой:

— Ну, заходи. Не здесь же разговоры разговаривать...

Бабка была еще вполне себе крепкой на вид. Не высокой, но и не низкой, изрядной полноты. Бабка и бабуля! Длинная серая юбка, какая-то плюшевая кацавейка без рукавов, ситцевая поддева, платок на голове.

Они прошли по ограде. Пес, среднего, надо сказать роста, а вовсе не великан, как можно было предположить по «голосу», черно-рыжий и лохматый, чуть побрякивая цепью, настороженно проводил его взглядом. «Бдит, блохастый!».

Пройдя через сени в дом, по приглашению бабуля, сели на кухне. И здесь, и в ограде, Сергей обратил внимание на, можно сказать — образцовый порядок. Нигде ничего не валяется, все прибрано, чисто. И это понравилось.

«Не знаю, сколько мне здесь жить, но, если договоримся — вполне, вполне!».

— Ну, давай! Рассказывай! — бабуля, сложив руки на колени, приготовилась слушать.

— А что рассказывать-то? Ну... жилье мне нужно, на месяц, может быть на два. Пока не устроюсь куда-нибудь на работу, да и жилье какое-никакое подыщу.

— Да про себя рассказывай: кто, откуда. А то, мне Игнатьич сказал только — что, мол знакомца одного племяш... дескать откуда-то с Северов приехал. Хочет на работу устроится.

— Ну... я много, где поработать успел — и в Самарово работал, недолго, правда — с осени — до весны. В Губе вот чуть не два года проработал. Сначала на лесозаготовках, потом — на лесоскладе. Вот... денюжат чуть подзаработал, решил в большой город податься — здесь, говорят, устроится легче. Да и с работой — проще, выбирай, что больше нравится!

На первый взгляд, Сергей не понял, почему Савоська сказал, что Евдокия — баба суровая. Приятная такая бабуля, чистая, ухоженная.

Ну — как может быть ухоженной бабуля с шестью десятками лет за плечами. Но потом, заметил, что, вроде и улыбаясь, кивая его рассказу головой, бабуля — глазами-то не улыбается, все сканирует, сканирует его. И одежду, и лицо. Даже вроде бы и к рассказу толком не прислушивается.

«Что твой опер! Все поддакивает, улыбается, а сама ловит, ловит на противоречиях. Отмечает, как рассказ соотносится с эмоциями на лице, жестами. Ну — тут бабуля тебе ловить нечего! Я в такие игры играть умею — чуть не два десятка лет в ментовке. Пусть и не опер, но головой работать умел, с людьми разговаривать, да внимание мелочам уделять!».

Сергей рассказывал бабушке свою легенду, а сам, в свою очередь, поглядывал, как бабушка все это воспринимает.

— А лет-то тебе сколько?

— Так... восемнадцать же.

— Ишь ты! А я уж думала — постарше ты! Вишь — и вымахал, и плечи вон какие! У меня-то сыны — куда старше, а и поменьше тебя будут, и по-щуплее.

Сергей пожал плечами:

— Ну... в батю, наверное... тот и высок был, плечами не мал.

Потом Сергей рассказал свою легенду, про сиротство, детский дом, житье-бытье у тетки в Тобольске. Потом — про путешествия по Сибири.

— А дядька-то твой, знакомец Игнатъича, где был все это время?

— А я и не знаю... Они с теткой уж лет десять, а то и больше, как не жили вместе. Как хворать она начала, так он и уехал. А куда — не знаю. Я его и видел-то за это время пару-тройку раз всего. Когда он в Тобольск приезжал, батю попроведовать. В последний раз в Самарово встретились случайно, зимой. Поговорили, он и говорит мне — езжай, мол, в Никольск. Там устроится проще будет, и знакомец мой там живет. Я, говорит, про тебя ему отпишу. Вот так — я здесь и очутился.

— А куда устроиться-то хочешь?

— А вот это я и не решил пока. Город-то большой, работы много разной... А то и учиться куда пойду. В школе-то я учился неплохо, подходяще так... Деньжата на первое время есть, а там — видно будет. Но сидеть — не буду. Что-то да найду...

Бабушка, видно что-то для себя решив, встала:

— Ну ладно... Так и быть! Игнатъичу я верю, хотя и сдавать комнату — не думала. Сын у меня там живет, все не жениться никак, все лучшей доли ищет. Сейчас вот, весной — тоже на Север завербовался. Там, говорит, деньги получше платят. Пока — до осени, а там — как пойдет!

Сидя все это время на табурете, за столом на кухоньке, Сергей все выглядывал ненароком — где тот угол, куда его определяют, в случае успехов в переговорах.

Помещение кухни было перегороджено дощатой стеной с проемом, в котором виднелся край кровати. Потом — еще проход в другую комнату. Но что там — видно не было, сам проход был плотно задернут занавеской.

К его удивлению, хозяйка повела его в ограду, потом они обошли дом вокруг, по ухоженному огороду с аккуратными грядками, вдоль стены и зашли с другой стороны. Здесь был еще один вход в дом.

— У меня, как дед помер — старший-то сын уже большенький был. Год-два и заженхался. Потом и обженился вскорости. Вот, мы эту перегородку в доме-то и сладили.

Получалось, что пятистенок, по средней стене делил дом на две половины. Но половины не ровные, одна побольше, другая поменьше. Вот в меньшей половине и стал обитать хозяйкин старший сын с женой.

«А проход меж половинами, выходит, заколотили».

Сергея это даже больше устраивало. Это было — вообще замечательно!

Евдокия Петровна открыла входную дверь ключом.

«Ага... такие же сени, как и с той стороны. Даже — это одни сени были, потом их тоже разгородили».

Внутри оказалась небольшая кухня, и, такая же небольшая, комнатка. Печь — одна, и на

кухню, и на комнату, куда она выходила задней стенкой.

«А что, даже уютно! Кровать хорошая, стол, этажерка, шкаф вот — он-то и закрывает, скорее всего, бывший проход. Который заколотили. И на кухне — все необходимое есть: тоже столик небольшой, пара табуретов, какой-то столик — под посуду. Нормально! Беру!».

— Евдокия Петровна! А сын-то старший с женой, он — где сейчас? — младший-то — понятно, за длинным рублем рванул.

— Да он же отучился у меня, еще до женитьбы. Путейский он. Вот они и уехали в Красноярск. Там ему и должность пообещали, и работу получше!

— Мне нравится, хозяйка! Даже — очень нравится! Давайте договариваться! — «ага... а то время идет, а мне еще к Савоське в столовую плестись! Попробуй ее еще найди, вот так вот сразу — да не зная!».

— Сразу скажу — девок не водить! И компаний чтобы никаких! Чуть что замечу, не обессудь — вон Бог, а вон — порог!

— Да что уж Вы так-то? Согласен я! И девок у меня нет. И какие компании — я только приехал, и не знаю никого?!

— Ну — дурное дело-то, оно нехитрое!

Сговорились по сорок рублей в месяц. Сергей цен по-прежнему не знал, и решил — от добра, добра не ищут!

— Завтракать-то и у меня можешь. Только сразу предупреджу — встаю я рано. Пенсия у меня махонькая, вот — носки, да варежки вяжу, на рынке продаю. Все какая прибавка!

Договорились, что, если Сергей вдруг проспит, хозяйка завтрак ему будет оставлять в своих сенях, на столе.

— Там окошко-то на лето открыто, руку протяни, да за занавеской и поставлю. Разносолов не обещаю. Живу я просто, не трактир тут тебе.

— Да я тоже долго спать не намерен. Так и все проспять можно. Дела — они сами себя не переделают! А вот еще — мне сейчас нужно будет уйти. Мы с Севостьяном Игнатьичем сговорились, что от Вас я к нему на службу приду. Он обещал мне с одежкой помочь — а то приехал в город, где людей полно, а одет — как не пойми кто! Ни на работу не устроиться, ни на учебу — если решу. Стыдно! По одежке встречают, так ведь?

Бабка покивала одобрительно.

— И еще просьба у меня есть — я вот видел у вас баньку в огороде. Мне б с дороги помыться, да бельишко постирнуть, а?

— А вот вернешься, сам и затопишь, сам и воды натаскаешь! Хотя... Верка у меня просилась... мальчонкам своим одежду постирать, да побаниться. Так-то оно — не суббота вроде, но раз так совпало... Скажу ей, протопит, да и воды принесет. И сами, после тебя, помоются, постираются.

— Верка — это... кто?

Бабка неодобрительно покосилась на меня:

— Да соседка... вон — через огород живут. Своей-то бани у них нет. Вот они и повадились ко мне шнырять.

Продолжая идти впереди Сергея, бабка все ворчала:

— Так Андрюшка-то, муж ейный... он вроде и мужик справный, и работающий. Зарабатывает на камнедробильном неплохо. А как аванец, или зарплата — и-е-ех... гулянка на все воскресенье! И дружков евоных полно. Избушка-то у них неказистая. Нет бы — поправить что, а так — то работает с утра до вечера, то гулеванит напропалую! И Верка от

него, если и отстают, то — ненамного! Уж и ребятешек полный двор, трое у них... А все ума в голову не дадут! Беспутные они, как есть — беспути! Она-то полемойкой в какой-то конторе работает. А там — какие деньги? Слезы! Как прогуляются — глядь! А денег-то и нету. И все тогда по соседям ходит, все копейки до зарплаты сшибает! Вот я — тоже, где чем помогу, когда мальчонкам носки свяжу, когда какую копейку дам. А они мне тоже помогают — вон и огород приберут, и с дровами там, где — снег почистят, и еще что...

Дошли до бабкиной половины. Сергей взял свой вещмешок, бабуля отдала ему ключ от теперь его уже половины. Пусть и съемной, и непонятно — на какой срок это будет его дом. Деньги он ей передал сразу за месяц.

Закинув вещи в свою половину, закрыв дверь, он еще и расспросил хозяйку, как лучше и быстрее добраться до места службы Савоськи. Судя по солнцу, времени у него оставалось не так уж много.

«Часы! Часы нужно купить обязательно!»

Еще по пути от Савоськи, Сергей все никак не мог отделаться от мысли, что что-то коробит его, что-то царапает толи взгляд, толи еще как-то беспокоит. Он уже и людей разглядывал-оглядывал, ну — так, чтобы не нарочито; и по сторонам смотрел во все глаза. Но — нет! Мысль никак не формировалась. Ладно, сама созреет.

Шагая по улицам, не забывая поглядывать по сторонам, Сергей задумался — а правильно ли он все делает? Связался с урками, завязал на них определенные планы...

Может быть — правильнее было бы, «сквозануть» подальше, за Урал, куда-нибудь в Россию? Деньги есть, устроиться в каком-нибудь городе. С работой сейчас — везде без проблем. С деньгами и жильем можно было бы подобрать, пусть — времянку какую-нибудь...

Но... На нормальную работу без единой, хоть какой-то справочки, не возьмут.

Нужно хоть что-то... Про документы самого Велитарского, в голове — пусто. Куда пацан дел свои бумаги — не понятно совсем. Ведь должно же у него было быть хоть что-то? Но — ни при себе, ни в памяти — ничего нет. Где он мог их «просохатить»?

Соврать, что — украли, потерял, сгорели? Можно. Но — восстанавливать придется все равно. А значит — мимо органов не проскочить. А там, дадут какую-нибудь временную справку, но запросы в места, где он бывал: учился, работал, жил — все равно направят. И пусть медленно, пусть с проволочками — Сергей представлял, как работает бюрократическая машина, какие-то ответы откуда-то придут. И могут возникнуть вопросы.

Причем вопросы возникнут в обоих вариантах — назовись он хоть Велитарским, хоть Косовым. По Велитарскому сразу станет понятно, что от направления в ФЗУ он отмахнулся, что приводы в милицию у него были.

Про ФЗУ, кстати... Сергей не помнил, когда точно государственная машина начала разворачиваться на подготовку к войне, но знал, что перед войной на предприятиях стали закручивать гайки, вплоть до причисления беспричинно отсутствующих к дезертирам, с привлечением к уголовной ответственности и за прогулы, и за опоздания. И направление в ФЗУ — стали считать чуть ли не мобилизацией в армию. Ну — пусть не в армию, а в промышленность. Сейчас — хрен редьки не слаще. То есть — опять же — дезертирство.

А уж, не дай Бог, всплывет история с этим разбоем! Тогда все — полный северный лис!

И про Косова — тоже возникнут вопросы. Там, конечно, биография куда как чище, но! Как быть с официальным признанием погибшим?

Вопросы, вопросы, вопросы... Вызывать вопросы у органов в это, очень непростое время — крайне опасно. Что уж они там надумают, эти органы! Вдруг у них как раз будет

план гореть по выявлению шпионов Гондураса?

Ну их... Лучше уж жить с ними в параллельных мирах — они пусть живут в своем, а я — в своем!

Поэтому, вопрос с документами можно решить только с криминалом.

По роду своей прежней деятельности, Сергей не один десяток лет имел возможность общаться с представителями «босяцкого» мира.

В основном, конечно, это были — самые низы жуликов. Воришки, хулиганы, пьяные разбойники, или пьяные же «бойцы»... Кражи, грабежи, разбои, хулиганка — вот массив тех дел, с чем имел дело следователь Елизаров.

Но даже среди них, где случайных людей, попавших в «жернова» по пьяни, по дури, по обстоятельствам, было подавляющее большинство, попадались такие матерые сидельцы, у кого ходок за плечами было и три, и пять. А у некоторых — и побольше.

Интересным было то, что такие уголовники были зачастую более вменяемы, чем все эти — «от сохи на время». Он, конечно, поупирается, постарается отмазаться от срока. Но — если припереть его аргументами, логикой, собранными доказательствами...

Они, урки, быстро просекали — где стоит «идти в отказ», может даже — побыковать, а где — поднять лапы и сдаться. Отношение следака на стадии следствия — это тоже немало! Передачи, неофициальные свиданки с родными — был инструментарий у следвателя Елизарова.

А можно и статейку поменять, «группу» убрать, к примеру. И к сбору положительных характеристик и прочего, характеризующего субъекта материалы — подойти не формально. И болячки какие-нибудь найти. Часто следствие по делам — это некий торг, между ментами и задержанными. Ты — веди себя правильно, а мы — лишнего тебе не всунем! А если вообще хорошо себя ведешь — то и «родное» чуть разбавим розовым цветом. Пусть потом судья посочувствует неказистой жизни бродяги.

Как говорил один его знакомый, тоже бродяга со стажем: главное — не сколько сидеть, а — как сидеть!

А вот со случайными «залетчиками», или малолетками, играющими в матерых урок — с теми всегда проблемы были! То бравада дурацкая из них прет, то сопли на кулак начинают наматывать! Нервов на них уходило — куда как больше.

Так вот... По всему выходит, что и Шрам, да и Савоська — люди из серьезных. Не Хлоп, тот же, с его кодлой.

Савоська еще и жадный, его заинтересовать только... Мочить Сергея Савоське — смысла нет, профит — мизер. Да и не мокрушник он.

Нет, может за спиной у него и есть что-то серьезное, вот только — у него возраст, опыт, и не дурак он. Это явно. За три косых мокрую статью на себя брать? Это не Хлоп!

Шрам — тот вообще, похоже, забыл о Чибисе сразу, как ушел от Савоськи. Что он для него — босота дурная!

По документам... Этими делами занимаются совсем другие люди. Эти люди не ходят на «скачок», не лазят по форточкам, «не банкуют на бану». Их дело тонкое, тихое, вполне серьезное, даже — интеллигентное. Картотек клиентов они не ведут — заказ приняли, сделали, деньги получили... Все — мы вас не знаем, и даже никогда не виделись. Да и выходов на них у простой «пехоты» никогда не было, работают они только с проверенными клиентами, либо — по рекомендации от таковых.

Органы... Ну... Органы, возможно, про них знают. Или — догадываются. Но — не всех

не про всех, и не про всё, что они делают.

Есть ли среди них «барабаны». Ну... наверное, есть. Но «барабан», «стукач», агент или сексот — это профессия нервная, крайне опасная и неблагодарная. Таких особей, среди серьезных жуликов — не много. Живут они недолго, а умирают — плохо.

Вот среди гопоты, босяков и прочих мелких жуликов, таких очень немало! Но — что они знать-то могут? Кто им что серьезное расскажет, поручит? Опять же — участие Чибиса в «скачке» — случайность, форс-мажор и накладка.

Поэтому, здесь вроде бы все правильно. Если ничего сверхъестественного не случится, то все должно пройти ровно.

Сергей не собирался с липовыми ксивами шляться по городу с утра до вечера, мозоля глаза и ментам, и жуликам. Когда все пройдет нормально, нужно будет затихариться где-то рядом с городом, но — не в самом Новосибирске.

А вот с Хлопом, и с бывшей компанией Чибиса... Здесь все сложнее! Это, как раз таки — тот контингент, с которым Елизаров так не любил иметь дело в практике следствия. Молодые, дурные, наглые... И — полагающие, что живут вечно и ничего плохого с ними случится не может! Это — с другими случается, тупарями и неудачниками. А мы то — огого!

Такие на свободе долго не ходят, да и живут часто — недолго. Кто-то — отходит в сторону, что у оставшихся считается — «западло», но, в основном — «челятся» по «кичам», набираясь опыта, или землю удобряют.

Из памяти Чибиса, Сергей знал, что в банде у Хлопа — человек пять-семь. Контингент постоянно менялся, по указанной выше причине. Самые опасные это сам Хлоп, и его корешок — Цыган.

Хлопу было лет двадцать пять. Высокий, крепкий парняга. Типичный русак по виду, был он из тех, кого в будущем называли бы — «отморозок». Он уже имел за плечами две судимости: одну — за кражу, другую — за грабеж. Первую — отмотал по малолетке, вторую — уже на взрослой зоне. Как помнится Чибису — рассказывали, что именно на второй отсидке, Хлоп и познакомился с Цыганом.

Хлоп был неумен, но как-то по-звериному хитер. Часто впадал в ярость, тогда глаза его из серых становились тусклыми кусочками льда. Но при этом — Хлоп улыбался. По всему выходило, что Чибис — боялся Хлопа до одури. И еще... После последней отсидки, Хлоп не присмирел, не поумнел, а только налился злобой.

На дело вместе с кодлой он ходил редко, чаще отправлял пацанов парами или тройками — в разные концы города. О каком-то планировании деятельности, речь тоже не шла.

Но вот вдвоем с Цыганом, они отлучались часто. И возвращались всегда с неплохим наваром. Чибис, по хвастливым рассказам самого Хлопа, знал, что промышляют Хлоп с приятелем — грабежами граждан. Все больше — в центре города, где шанс найти «жирного» клиента всегда больше. Запугивая людей, а то и припозднившиеся парочки ножами, отнимали буквально все. Даже тряпками не гнушались, если что понравится. Могли и дамочку раздеть — ради куража. Не останавливались и перед разбоем — Чибис был наслышан, как пару раз Хлоп подрезал «чересчур наглых штымпов».

В общем — сволота Хлоп был — та еще!

Под стать ему был его корешок — Цыган. Хотя цыганом он не был. Был он откуда-то из Средней Азии, толи туркмен, толи — узбек. Но... Цыган был даже опаснее Хлопа. Он просто был умнее того! Всегда был в тени, наперед не лез. Больше молчал, изредка улыбаясь.

Чибис помнил, что пацаны рассказывали, что «Цыган с фанарем — чудеса творит!». То есть — обращается с ножом очень умело!

Вот с такой парочкой ему предстояло иметь дело.

«Шрам... «редиска»... не захотел мараться, передать Хлопу, что Чибис — в завязке». И теперь решение вопроса подзависло.

«Ладно, будем решать вопросы по мере их поступления!».

Так, размышляя, Елизаров прошагал довольно много. Вокруг уже всюду тянулся город, даже вроде бы центральная его часть начиналась.

«Ага... тут не заблудиться бы... Чибису, точнее — его памяти — нужно не мешать. Хотя — тот тоже жителем Новосибирска, а значит знатоком города, не был».

В прежней жизни Елизаров не любил больших городов. Родился и вырос в маленьком, в таком же и прожил основную (и большую!) часть жизни. Большие города его угнетали — «муравейники, блин!». По необходимости находясь в большом городе, в зрелом возрасте, уже на 3–4 день пребывания, начинал ощущать дискомфорт от суеты, мельтешения жизни, старался побыстрее — если возможно — уехать.

Новосибирск потом, в будущем, был городом большим, третьим по населению в России. И даже сейчас — это был большой город! Сергей, работая в речфлоте, как-то раз (еще в той жизни!) проездом был в Новосибирске дня 2–3. По работе города не рассмотрел — некогда было с экскурсиями ходить, оставались лишь какие-то общие впечатления. Понятно, что за 60 лет город изменился, почти до неузнаваемости, но некоторые черты, в виде улиц, некоторых зданий припоминались.

«Это что ж получается — вот эти здания еще в тридцатых... тьфу, ты, блин!... сейчас построили? А они и тогда, в будущем, смотрелись вполне современными — не... ну конечно, подшпугатурили, косметику навели, это — понятно! Но стиль — отсюда?! Это кто ж такой грамотный да весь прогрессивный сейчас так строит, что и через 60 лет здания будут вполне современно выглядеть? М-да... вот тебе и лапотники... Да эти здания, не все конечно, но — многие — даже где-нибудь в США в конце XX века вполне нормально будут выглядеть! Вот тебе и «Россия, которую мы потеряли!». Кто, что и когда потерял, спрашивается, а? Господин Говорухин? Перевертыш и лжец?!».

Елизаров, топая по улицам, всюду крутил головой по сторонам, правда, стараясь при этом, не привлекать внимания. А город был, можно сказать — одной большой стройкой!

«Вот это, блин, объемы! Вот это — строительство! Куда там нам — в будущем. Построят в год одну школу где-нибудь — а воплей-то — на всю Россию, весь мир! А здесь — стройплощадки на каждом шагу, работяги, как мураши снуют. И ведь механизация — чуть ли не на уровне средневековья. Вот это — махина!».

Елизаров даже где-то засомневался в своих оценках в отношении Эйхе. Вот ведь примеры, на глазах, что столица Запсибкрая — это и вправду — столица. Значит, что-то этот «видный партиец» может делать — не только людей пачками стрелять?

Требуемую столовку Сергей нашел довольно легко. Савоська рассказал все правильно и внятно.

Да и его самого — даже не пришлось искать. Когда Сергей подошел к столовой, увидел, что визави стоит в воротах двора столовой и что-то объясняет водителю полуторки.

Пришлось закурить, стоя возле входа в столовую. Игнатич, как оказалось, сразу заметил его, и как только отправил куда-то машину, повернулся к Сергею и махнул

рукой — «иди за мной».

Когда попаданец догнал Савоську, тот махнул кому-то в стороне:

— Это — со мной!

Потом они зашли в длинный кирпичный пакгауз, прошли по нему до какой-то каморки. Стол, пара стульев, тускловатая лампочка под потолком.

— С людьми разговаривал, про тряпье. Сейчас пойдешь в швейное ателье, на углу Красного и Папанина, знаешь, где это?

Сергей задумался. Что-то вроде припоминалось. Кивнул:

— Найду.

— Там спросишь Николая Яковлевича, скажешь — мол, от меня. Продадут тебе, что надо. Но там подороже, сразу предупреждаю. Если нет — в магазинах покупай.

— Да ладно, что б я тогда просил?

— Ну и добре... Как у Евдокии сговорились?

— Нормально все. Приветливая такая бабулька. А я что — я с людьми со всем уважением!

На «приветливую бабульку» Савоська как-то хмыкнул и покосился на Сергея.

— А что там по «ксивам»? Ничего не слышать? — поинтересовался насущным Елизаров.

Савоська вновь поморщился:

— Что ты гонишь-то? Быстро только кошки родятся. К концу недели, так... в пятницу так же, к двенадцати, сюда подойдешь. Я тебе скажу куда потом... Только сразу продумай, что тебе точно нужно. Люди серьезные, за просто так их беспокоить — себе дороже, да и мне — уважение потерять! Понял?!

Савоська «включил» «Штехеля» и от его взгляда у Сергея пробежали мурашки по спине. «Может, когда надо, вот так давить! Вот же — сволота!».

— Так... Я с тобой и пообедать не успею. Ты-то как? Евдокия не накормила?

— Так я же сюда торопился! Тоже не отказался бы червячка заморить!

«Штехель» вышел из каморки в помещение пакгауза, куда-то всмотрелся:

— Витька! Где ты там есть, засранец! Иди сюда, быстро! Все спишь, как сурок по норам!

Сюда прибежал какой-то пацан лет четырнадцати.

«Штехель» повернулся к Сергею:

— Дай ему денег!

— А сколько?

— Пятерки хватит! Так... пойдешь сейчас на кухню, скажешь бабам, что я тут пообедаю, пусть соберут чего-нибудь... на двоих! Понял?

Пока Витьки не было, Савоська листал какие-то амбарные книги. Сергей — молчал.

«Так... пока все идет как надо. Вот только нужно и для себя самого уже привыкать, что зовут меня — не Сергей, а Иван. И не Елизаров я, и даже — не Велитарский, а вовсе даже — Косов. Вот прямо — как «Отче Наш!»»

К удивлению Серг... так — Ивана! Да — Ивана! Так вот — к удивлению Ивана, пацан притащил несколько судков, тарелок и столовых приборов, а также небольшой чайник.

«Как он все это дотащил?! Ему бы в цирке работать, или в каком-нибудь крутом ресторане!».

— А... эта..., - пацан что-то промекал.

— Сдачу — себе оставь, на конфеты... Хотя — все равно махорки купишь! Пшёл

отсюда!

Не торопясь, поели.

«А что — неплохо так! На первое суп, похоже — куриный, ароматный и вполне себе сытный. На второе — котлеты и пюре. И чайком это все хорошенько залили. И чай хороший, правильно заварен! Похоже, Савоська здесь в «авторитете».

Уже шагая вновь по Красному, Иван (ага — именно так!)... Так вот... Иван вдруг резко остановился.

«Не понял... это вот что сейчас я видел?».

Он вернулся несколько метров назад. На входе в одно из учреждений висела вывеска. Казалось бы — ну, вывеска и вывеска. Мимо скольких учреждений он уже сегодня прошел? Да много! Это же центр города, здесь разных «присутствий» как бы не больше жилых домов.

Он пялился в вывеску и никак не мог понять — что его здесь зацепило? Ну, да — «ремсельбур-мур» очередной. И что?

«Так... сначала. «Красно-Сибирский краевой...». Что? Какой на хрен — Красно-Сибирский? Почему — не Новосибирский? Что за нах? Чуть быстрее Иван, в поисках очередной конторы, прошел дальше.

«Вот! Так... опять — «Красно-Сибирский...»! Что за название?».

А потом — еще парочку вывесок. И все они начинались с «Красно-Сибирского», и ни одной — «Новосибирский». Это что за дела такие?

Несмотря на всю сумятицу в мозгах, Иван не дошел, все же до такой дури, чтобы начать спрашивать у прохожих — «в каком городе я нахожусь?!».

Найдя лавочку, он, усевшись, закурил и постарался успокоиться.

«Вот что сейчас происходит? Почему многочисленные вывески не содержат ничего про Новосибирск, зато изобилуют каким-то Красно-Сибирском?».

Предположение, что он сошел с ума, Иван сразу задвинул куда-то поглубже. Перебор получается — меньше, чем за неделю и в попаданцы влететь, и еще с ума сойти! Сумасшедший попаданец — это какой-то сюр!

Выкурив еще пару папирос, чуть успокоившись, Иван решил — пока в качестве допущения и только! Что он попал куда-то не туда! Что это не его прошлое! Такое в книжках тоже встречалось, но — куда как реже банальных попаданцев!

Вот что ранее царапало сознание, но не желало внятно формулироваться в вывод. Это — не его мир!

«Ладно... мне еще перекресток с улицей Папанина не проворонить».

Елизаров шел по центральному, Красному проспекту, стараясь отвлечься от непонятно какого лично для него открытия, что он попал... не туда куда надо! Это хорошо или плохо?

С одной стороны — однозначно плохо! Никакого послезнания у него теперь и быть не может! И еще — он понятия не имел, насколько здесь все совпадает или не совпадает с его историей.

«После самых насущных вопросов, нужно будет найти библиотеку и засесть там на пару дней! Конечно, всего не поймешь, но хотя бы уловить — насколько здесь все так или не так, как было у нас!».

А что здесь может быть хорошего? Пожалуй, при отсутствии послезнания, нет и ответственности за бездействие, не так ли? Надо подумать!

«Ладно! Это все — потом! Ага — я подумаю об этом завтра! А молодец была эта

дамочка! Так и поступим!»

Дальше Иван шел, поглядывая по сторонам, и поражаясь качеству асфальта под ногами.

«Не... понятно, что асфальт не везде — тут даже не обсуждается! Но вот здесь — в тридцатые годы — без той техники — как они умудрились так его положить, блин! Автобан же германский!».

Ну что ж... Швейная мастерская выглядела именно как швейная мастерская — со стеклянной витриной, с манекенами, мужскими и женскими. Вывеска гласила, что мастерская относится к «Запсибшвейартели».

«Ага... значит — контора негосударственная. Тут, я так понимаю, кроме швейной мастерской, еще что-то вроде комиссии, да и ворованным приторговывают, не иначе. Как бы, в противном случае, Игнатич на них выходы имел? Конечно, не все здесь работающие — «жучки теневого рынка», но среди руководства явно криминал (либо близкие к криминалу) присутствует! Ладно... не мне их перевоспитывать и выводить на чистую воду. Мне тут, как раз, чем-ни-то поживится нужно».

Зал внутри был небольшим, и народ здесь присутствовал. Один из служащих (видно по фартуку и налокотникам), что-то негромко обсуждал с молодой женщиной, переворачивая и пощупывая какую-то ткань в отрезе («а дамочка-то очень даже ничего... стройная... экая шляпка на ней! модница, наверное...»). В другом углу, у сооружения вроде кассы, представительный «дядя» зрелого возраста, держа в руках объемный бумажный пакет, рассчитывался с другим служащим.

На Елизарова внимание никто не обращал. Сергей с досадой видел, как клерк у кассы «мазнул» по нему взглядом и вновь вернулся вниманием к клиенту.

«Ага... ну я ж одет явно небогато, это — мягко говоря!».

Дождавшись, когда «кассир» освободится, Сергей подошел к нему и спросил, где он может увидеть Николая Яковлевича. «Служка» вновь провел взглядом по Сергею:

— А Вам он для какой надобности, простите?

— А нам он по торговой надобности! — немного схамил Елизаров. «У-у-у-у... нэпмань недобитые, бля!..».

Кассир немного пожевал губами, вроде как раздумывая, не пнуть ли Елизарова на хрен из ателье — клиентов распугивает! Но потом кивнул, показал рукой на деревянный диванчик — «Подожди здесь!», исчез за внутренней дверью.

Ждать долго не пришлось. Николай Яковлевич (если это был он!) оказался невысоким, худым «старичком», лет, примерно, 60-ти.

— Я Вас, молодой человек, внимательно слушаю!

— Меня зовут Иван, и Я к Вам от Севостьяна Игнатича, он договаривался...

— Ага...

Николай Яковлевич, немного подумал, обвел взглядом зал.

— Пойдемте со мной, — махнул рукой в сторону внутренней двери.

Они прошли по каким-то коридорам, мимо швейного цеха, где стоял стукоток и стрекот машинок, зашли в небольшую комнату, со столом и несколькими стульями.

— И что же Вас интересует? — с некоторым любопытством уставился «старичок» на Сергея, — Точнее — на какую сумму Вы планируете одеться?

«А нас здесь уже в который раз обидеть норовят! — «надулся» Елизаров».

— На сумму... Мне нужно прилично, но без излишеств одеться. А сумма — тут уж как

выйдет, но не астрономического порядка, конечно!

«Старичок» уже с большим интересом посмотрел на Сергея.

— Так, давайте обсудим...

— Ага... давайте обсудим! — «огласите весь список, пжлста!» развеселился Елизаров.

Он начал перечислять то, что ему нужно. Старичок немного послушал, и перебил:

— Молодой человек! А деньги у Вас такие есть?

— Вы полагаете, что Севостьян Игнатич направил бы к Вам какого-то босняка? — деланно удивился. «Ага... джентльмен в поисках десятки!»

Старичок явно смутился, потом приоткрыл дверь и крикнул куда-то в коридор какого-то Александра.

«Не иначе — все же вышвырнуть решили! — продолжал про себя веселится Елизаров».

Но — нет. Пришел Александр, какой-то — никакой человек лет 30 с небольшим.

Стали составлять список. Он получался внушительным. Тут же подсчитывали, сколько это будет стоить. Елизарову, внутренне матюкнувшемуся, пришлось несколько умерить аппетиты.

В итоге он взял пару трикотажных футболок (такие сейчас вся молодежь носит — с воротничком и шнуровкой на груди) одну голубую, с синей полосой на груди (ага... типа «Динамо» или «Спартак» — но логотипа на ней не было), другую светло-зеленую. Взял пару сорочек — белую и синюю.

От настойчиво наваливаемого костюма («посмотрите — чистая шерсть, черный, в мелкую серую полоску!») отказался, хотя мысль и мелькнула — может зря? Купил светло-серые летние брюки, белые парусиновые туфли. Купил темно-серые плотные шерстяные брюки — «на осень и зиму», ботинки черные кожаные («А примерно такие нам в училище выдавали, там еще, в Севастополе, в качестве форменных!»).

— Молодой человек! Ботинки очень, очень хорошие! Сносу не будет!

«Да ладно-ладно, верю...».

Потом Сергей пытался объяснить, что ему нужна куртка летняя — ну чтобы и вместо костюма можно было использовать — с сорочкой и галстуком — «типа парадной одежды», а можно — просто носить, с той же футболкой. Николай Яковлевич посоветался с Александром и тот притащил несколько курток — и удлиненных, и коротких, по пояс, на резинке, на пуговицах и с накладными карманами. Выбрал как раз такую — показалась удобнее.

— А что Вы, молодой человек, ничего зимнего не смотрите? У нас тоже есть, что выбрать! — старичок был явно доволен количеством покупаемого и, соответственно, получающейся сумме.

— А я, Николай Яковлевич, полагаю, что мы с Вами еще сможем встретиться, попозже, ближе к сезону.

«Сомневаюсь я, что мне на все денег хватит, по крайней мере — сначала документы нужно сделать. А там ценник мне неизвестен напрочь!».

— Ну — как знаете, как знаете! Вижу, что клиент Вы солидный, будем всегда рады Вас видеть.

«Ага... деньги Вы будете рады видеть, а не меня!».

«Опс... чуть не забыл!».

— А что — Николай Яковлевич, нижнее белье у Вас есть в наличие?

— А как же не быть! — по жесту старичка, Александр испарился и вернулся с кипой

разного белья.

Сергей выбрал пять трусов, сгонял Александра еще за парой кальсон и фуфаяк — «на случай холодной погоды — это все же Сибирь, и снег в мае — вполне возможен!».

На вопрос Елизарова — можно ли чуть ушить трусы и сделать их на ладонь короче, старичок удивился:

— А зачем? («блин... непривычно мне в таких парашютах... но не объяснять же ему!»), — А-а-а... понимаю... Вы хотите сделать их как купальные?

«Ну, пусть будет так!». Сергей кивнул.

— Это... нужно будет зайти через денек-другой!

— Нет, Николай Яковлевич — вы не поняли. Это нужно сделать сейчас, и я их сразу же заберу!

«А одни — надену сразу!».

Старичок с Александром переглянулись:

— Хорошо... Но придется подождать...

— В хороших заведениях клиенту предлагают чай или кофе, чтобы скоротать ожидание... — Сергей явно проголодался и решил выжать из ситуации максимум.

Старик был явно ошарашен, но сдержался и распорядился.

Прихлебывая чай с каким-то бубликом вприкуску, покуривая папиросу (с разрешения хозяина, конечно!), Елизаров задумался — все, или что-то забыл?

«Да — кепку! Тут без головных уборов никто не ходит, моветон, однако!».

Выбрал из предложенного небольшую, светлую («почти как у Шрама! вот же ж...»).

— Ну-с... будем рассчитывать? — старичок потер руки.

— Вот еще что, Николай Яковлевич... у Вас незнакомую Вам, ну — без выкроек — одежду сошьют? — задумка начала кристаллизовываться.

— Что Вы имеете в виду, молодой человек? У нас — очень хорошее ателье! — старик даже вроде бы обиделся.

— Да нет, Николай Яковлевич, я не хотел усомниться в Ваших мастерах. Просто тут подумалось, что неплохо было бы обзавестись кое-какой одеждой, а в продаже ее явно не видел.

— Интересно, интересно... Объяснить сможете? И — где Вы такую одежду видели? — у старика явно проснулся профессиональный интерес. Александр тоже смотрел с интересом.

— Ну... хотелось бы иметь одежду для непогоды. Но те дождевики, которые сейчас в ходу — громоздки и неудобны в носке, особенно — если активно двигаешься! А так — и в дождь пройтись можно — по крайней мере — не сразу промокнешь, и для занятий физкультурой, спортом подойдет. Опять же — для охотников-рыбаков вещь будет неплохая.

Сергей решил «изобрести» «горку». Нет... он знал, что что-то подобное есть у немцев — у горнострелковых частей и парашютистов, эсэсманов. Но вряд ли здесь пока знают об этом.

«Анорак или парка? Все же лучше парка — удобнее».

По крайней мере, у Сергея, «там», была «Горка» от «Сплава» и ему очень нравилась — удобно, легко, практично.

«А старичок-то явно «навелся». А что если...».

— А как у Вас обстоят дела с авторским правом? — Сергей вопросительно поглядел на старичка и Александра.

— С чем... простите?

— Отчисления за использование идеи? Как тут у Вас с этим? Договоримся? — Сергей решил выжимать из ситуации — деньги-то рано или поздно кончатся, а легких поступлений больше не предвидится.

— Ну... — старичок был явно в замешательстве и досаде, — тут ведь как... что за вещь получится... пойдет ли у клиентов... будет ли спрос...

— А Вы рекламу сделайте! — «не заболтаться бы до неприятностей».

— Это как еще? — старик явно отвлекся от неприятных мыслей о возможной дележке дивидендов.

— А выберете из хороших клиентов человека небедного, довольно известного, рыбака, охотника или спортсмена, да пошейте ему такой костюм бесплатно. А то и не одному, а парочке-тройке, глядишь — дело и пойдет! — Серега, обнаглев, закурил без разрешения.

Старик усиленно думал, раздраженно поглядывая на Елизарова.

— Тут еще неизвестно, что за вещь, и пойдет ли..., - «повторяетесь, любезный».

— Ладно, посмотрим. Объясните, что Вы имеете в виду.

— Нет, Николай Яковлевич, если вещь пойдет — договариваться по отчислениям будете с Севостьяном Игнатичем — «вот так... и Савоську «подцепим» — материально заинтересуем, и с этим стариканом не придется самому торговаться-рядиться... чувствую я, что в здешней действительности не только с евреем торговаться трудно».

«Старичок» сморщился, как от зубной боли.

«Ага... а ты думал! С тем, небось, не забалуешь! По всему видно, облапошить меня здесь хотели!».

По предложению Сергея, Александр принес бумагу, карандаш, и, склонившись над столом, стали «творить». Как оказалось, Александр неплохо рисовал («ну да — если закройщик — то наброски делать всяко приучен!»). Он рисовал силуэты, и по подсказкам Сергея наносил эскиз костюма. Елизаров постарался максимально упростить схему, убрал некоторые накладные карманы, клапана на обувь. Спустя некоторое время общий эскиз был вчерне готов.

— А ткань? — посмотрел старичок на Елизарова.

— Брезент... но желательно — помягче, получше качеством... на плечах, коленях, локтях, ягодицах нужно сделать двойной — и крепче, и влагу лучше держит. Цвет можно оставить и зеленый, но можно и окрасить.

«Про камуфляж говорить не будем — хрен его знает, куда их кривая мысли в этом случае выведет, начнут еще вопросы дурацкие задавать — получается ведь уже армейская форма!».

— Для холодной погоды, можно еще подкладку сделать, к примеру — из шерстяной ткани. А еще лучше — сделать ее съёмной. Нужно — пристегнул на пуговицы, не нужно — отстегнул.

— Брезент... грубо... ну ладно — тут мы подумаем, — старичок задумался.

Александр продолжал прорисовывать отдельные детали. Сергей просто курил.

— Н-да... ну а еще что Вы, молодой человек, можете предложить? — старик тоже решил «ковать железо».

«Да я могу еще многое предложить — вспомнить из прошлого-будущего. Но вот что здесь приемлемо, а что нет; что возможно сделать, а что — хрен там».

Сергей задумался.

«А что, если...».

— Николай Яковлевич! А у Вас здесь только швейная мастерская или сапожная тоже есть?

— Сапожная есть в артели, но не здесь. А что?

— Да есть задумка одна, посоветоваться бы с мастером-сапожником, но хорошим, — следующим «изобретением» Елизаров вспомнил свои берцы.

— Сейчас мы организуем что-нибудь перекусить, а Александр за это время... Александр! Ты меня слышишь! — о как увлекся подручный, дорисовывая эскиз, — нам доставит Трофима из «сапожки».

— Слышишь меня, Александр! — старичок был «в интересе».

Перекус накрыли прямо в этой комнате. И за время ожидания, старичок явно решил «выкачать инфу» из Сергея.

— Так как Вас звать, молодой человек, а то Вы не представились, а я и не спросил.

— Иваном меня звать...

— И как Вы додумались до этого костюма, или учились где? — поглядывал на Сергея-Ивана поверх тарелок старичок.

— Да нет... нигде я не учился. Хотя, учился, конечно же, но в обычной школе. Просто в Тобольске, где я жил у тетки, по соседству жила одна дамочка — дом снимала. Вроде она, то ли ссыльная, то ли еще как... откуда-то она приехала. Толком было неизвестно, она мельком говорила, что жила и в Киеве, и в Москве, и в Ленинграде. Даже вроде бы — за границей бывала. Журналов у нее было много, и наших и с иностранными буквами. Вроде как по шитью. Она же портнихой там, в Тобольске подрабатывала. Народ к ней ходил, все больше — дамочки. А я — по-соседски — то дров ей наколю, то снег почищу... тетка отправляла. А дамочка меня чаем, бывало, поила. Вот я там журналы и листал. Всего, конечно, не помню, но что-то запомнилось — вот этот костюм, например.

«Ага... а старичок-то уши наострил! Не иначе — вербовать будет, чтобы я, значит, выдал ему главные портняжные тайны проклятого буржуинства! А и ладно, может, что вспомню из одежды будущего, и постараюсь объяснить, а они пусть сами рисуют и додумывают. Хотя сомневаюсь, что многое можно будет позаимствовать. А может ему стринги нарисовать?! Вот будет шок у деда! Да нет — еще решит, что я какой «порнушник», Тинто Брасс, блин, Рокко Сильфредди! Значит, что, буду делать карьеру Юдашкина-Зайцева?! Упаси Бог, так начнешь работать в этой сфере, и до смены ориентации недалеко!».

«Еще нужна сумка! Не с вещмешком же везде ходить. А портфели мне и в той жизни не нравились. Что-то через плечо... Мда... «Макспедишн-Фэтбой» или «Джамбо» тут явно не получится, но что-то наподобие — почему нет?».

Старичок глянул мельком на изображенное «что-то вроде РД-шки», только еще и с наплечным ремнем, пожевал губами, кивнул, но — явно не заинтересовался.

Когда уже допивали чай, пришли Александр и мужик — Трофим, значит. Сергей постарался ему объяснить, что ему нужно. Тот долго не мог понять — чем Елизарову не нравятся обычные сапоги. Ну, вот как это объяснить? Типа — привык уже к берцам и отвык от сапог? Но кое-как, с помощью Николая Яковлевича, дело сдвинулось с мертвой точки.

— Пусть голенища тут пониже, но зато при плотной шнуровке, ботинки воды почти не пропускают, кроме того — внутренний язычок тонкой кожи длинный, прошит по всей длине и по высоте — такой же, как голенища, и пришит к ним. Носок и пятка — двойной кожи, толстые, предохраняют ногу от ударов. Вот здесь, по щиколотке, в коже еще один более плотный слой, полосой — защищает голеностоп от вывиха. Подметка из кожи не годится.

Нужна толстая резина, сумеете достать такую?

Старичок кивнул.

— Подошва имеет протектор, зубцы протектора направлены навстречу друг другу, по подошве — к пятке, на пятке — к подошве, чтобы нога не скользила. В подошву еще неплохо было бы впаять тонкую металлическую пластину — от проколов ногу спасет, и тонкая — чтобы гнулась и не мешала при ходьбе. Подошву нужно садить, как на клей, так и прошивать.

«Уф-ф-ф... запарился объяснить! Хорошо, что Александр сразу наброски делал, а Трофим понимал быстро и вопросами хорошими заставлял вспоминать детали. Но все равно — устал лопотать и голову напрягать!».

— Американцы в похожих здесь в Гражданскую расхаживали, — пробурчал старичок.

Всю эту снарягу, Елизарову пришлось покупать на свои кровные — дважды, перед командировками в Чечню. Родное МВД, если чем и обеспечивало командированных сотрудников, так тем, глядя на что — плакать хотелось. Вот так и пришлось начинать разбираться во всех этих рип-стопах, вибрамах и прочим.

Когда Трофим, сняв мерки с ноги Ивана — с запасом, на толстый носок! уже ушел, Иван вспомнил, что хотел еще и часы.

Мастера переглянулись, и спустя пару минут Александр притащил коробку с разными часами. Карманные Иван сразу забраковал. Да и вообще... выбор был — не очень. Кое-как выбрал что-то более или менее понравившееся.

Договорились, что Иван заглянет в ателье через пару недель, на примерку и «горки» и ботинок. Мерки для «горки» Александр с него снял тоже, уже с добавкой на утепленную подкладку.

Под вечер Елизаров освободился, хотя старичок все норовил расспросить, что он еще помнит из иностранных журналов. Потом, все потом. Не все же сразу!

Когда рассчитывались за одежду и прочее, Сергею показалось, что Яковлевич сделал ему изрядную скидку — в первый раз сумма озвучивалась явно другая. Но все одно — на косую Серега отошал.

«О как! Третьей части всех денег — ма! Как корова языком слизнула! Ну ладно... ты мне, старый хрыч, еще за «горку» и берцы отстегивать будешь! Савоська у тебя денежки из горла вытянет! А что эти вещи должны пойти — Серега не сомневался. Пусть не сразу, но помаленьку, по чуть-чуть, но распробуют их!».

В знак «признательности», наверное, но Николай Яковлевич, заявил, что скоро с базы им должны привезти тканей, и он договориться с водителем, чтобы тот подвез Сергея поближе к поселку — «все не ногами в такую даль топать!». Ну что — спасибо, коли так!

Еще Сергей попросил у Яковлевича разрешения и переоделся все в той же комнате в обновки. По размеру все подошло идеально — вот что значит опытный взгляд портных, даже ведь размера не спросили. В парусиновых туфлях, новых летних брюках, в сорочке и куртке (в новых трусах, мать их!), Елизаров чувствовал себя несравнимо комфортнее. Натягивая на голову новую кепку, Сергей подумал, что еще с недельку, и повязку можно снимать.

«А то хожу тут как Щорс, блин!».

Остальные вещи, как новые, так и старые (но отдельно!), Александр увязал в плотный тючок, упаковал в бумагу.

— Ну, мы с Вами не прощаемся, не так ли, Николай Яковлевич! — посмотрел на старичка Елизаров.

— Ни в коем случае, Иван! А Вы подумайте, повспоминайте пока, может, еще что-нибудь вспомните. Если так — то — к нам, Александр поможет в эскизы это переложить.

В общем, расстались вполне довольные друг другом.

Шофером в этой таратайке, называемой автомобилем (вот это полуторка, что ли?) оказался молчаливый тип, с лихо заломленной на затылок кепкой.

«Х-м-м... кепка заломлена — вроде бы должен разбитной парняга быть, а этот надутый, как мышь на крупу. Хотя — может у человека неприятности какие? Да и ладно, подвезет поближе к Нахаловке, и то не ногами топать!».

Вернувшийся в хорошем расположении духа, еще подходя к дому, Иван заметил стройную женскую фигуру, с ведрами на коромысле.

«А это не Верка ли? Которая — беспутная?».

Догнав женщину, поняв, что она — именно та самая соседка хозяйки, Иван зашел вперед и открыл калитку перед женщиной.

— Ой! Напугал как, скаженный! Ты кто? — женщина переводила дух.

— Я — Иван, квартирант Евдокии Петровны, а Вы...

— Верой меня звать! — женщина чуть улыбнулась и стрельнула глазами.

«Так... лет ей... да примерно двадцать три — двадцать пять. Стройная, даже, я бы сказал — худощавая. Рост... хрен знает. Если по себе судить — то примерно метр шестьдесят, может чуть больше. Симпатичная на лицо. Фигуры под одеждой не видно — юбка примерно до середины голени, широкая; какая-то кофта... бесформенная, простецкая. На голове — платок, завязанный узлом на затылке. Одета, конечно, бедненько. Одеть бы ее получше. А еще лучше — раздеть, чтобы оценить достоинства! Вот же... пошляк!»

«А вот интересно — когда она в этом возрасте уже троих ребятишек нарожать успела?».

Решительно отобрав у Веры ведра, без коромысла — он и в той жизни никогда не умел таскать эту оглоблю через плечо, Иван, выяснив, откуда вода берется, сбегал несколько раз до колодца.

Пока таскал воду, сюда пришла хозяйка и предложила Ивану, после бани, зайти к ней — поужинать. Все, что он сегодня поглощал, уже давным-давно утряслось и забылось, поэтому Иван с радостью согласился.

Когда распаковал узлы с обновками и развесил их в шкаф, вынес старую одежду в ограду.

Из бани как раз выходила Верка, которая подкидывала дрова.

— Вера! А у тебя нельзя ли, взаимобразно, одолжить мыла? Вот — постираться хочу, а то в дороге, где только спать не приходилось. Весь вывозился!

— Ты что — сам стираться будешь?

— Ну а кто мне постирает? Я — парень еще холостой! — подмигнул он женщине.

— Ишь ты! Сопля зеленая, а уж с замужней женщиной заигрывает! — возмутилась Верка, но как показалось Ивану — несколько наигранно, — а постирать... и я могу.

— А сколько будет стоит такая услуга? — Иван продолжал улыбаться.

— Да — сколь не жалко! Трешку там дашь, а лучше — пятерку!

Ивану было не жалко, и они договорились.

«Как бы с ней еще о чем-нибудь договорится...».

Но понятно, что форсировать события было бы излишним.

Как же хорошо-то — после бани, да после, пусть и простого, но сытного ужина!

Иван, валялся у себя, на кровати и состояние было — дремотно-расслабленным.

«Пока... Пока складывается вроде бы не плохо. В пятницу, если все пройдет ровно, закажу «ксивы». Там Игнатъич может и с работой что придумает. В библиотеку бы заскочить, посидеть — хоть чуток понять, где я и что — вокруг».

Незаметно для себя, он уснул.

Следующих пару дней, Иван вставал рано, около шести часов. Делал довольно интенсивную зарядку, умывался, завтракал — тем, что оставила для него хозяйка.

Мыльно-брильные принадлежности он купил, по совету Петровны, неподалеку, в бакалейной лавке. Мыло, хозяйственное и туалетное, пару полотенец — обычных, вафельных, зубную щетку, деревянную и с натуральной щетиной, баночку с зубным порошком. Еще — пару ручек с перьями, бутылек с чернилами, несколько простых карандашей, несколько тетрадей, да записную книжку.

«Еще и потренироваться нужно, как этими перьями писать! В глубоком детстве вроде бы писал, недолго. Но уже — и забыл, как это делается. А если — по легенде, я с десятью классами образования — писать коряво будет неприлично!».

Расспросил он Петровну и про библиотеку, объяснив, что еще не определился — может вместо работы, он учиться пойдет. Образование — оно не помешает!

Та не знала, где тут библиотеки, но кивнула:

— Да вон, ближе к центру людей поспрашивай. Язык до Киева доведет!

«Сейчас язык, особенно без костей, он и гораздо дальше завести может! И совсем в другую сторону, туда, где медведей хорошо морозить!».

Но выбрался. И даже нашел библиотеку. Правда все время приходилось по сторонам смотреть — все казалось, что любая кучка парней может оказаться его бывшими приятелями, с которыми встречаться не хотелось вовсе.

В библиотеке записываться не стал, ни к чему. Просто напросился в читальном зале полистать газеты — типа «политинформацию готовлю на работе». Разложил газеты, достал тетрадку, карандаш...

Ну что сказать... Если и есть какие-то расхождения между мирами, или реальностями, то они — не так уж велики. Хотя... с какой стороны посмотреть. Просто — причин этих расхождениям Иван не знал, как не мог сейчас понять — как и на что эти изменения повлияли в дальнейшем.

Он и свою-то историю знал очень посредственно. Несмотря на то, что и в школе любил этот предмет, и позднее — много читал и интересовался разными периодами как истории страны, так и, хотя и в меньшей степени, историей мировой. Просто сейчас в голове у него была каша из фактов, дат и имен. Ну — не историк-профессионал он!

Да, Свято-Никольск, как здесь ранее именовался Ново-Николаевск из мира Елизарова был переименован в Красно-Сибирск буквально недавно — в 1935 году. И, кстати, Новосибирск — был одним из предлагаемых вариантов нового наименования города. Но — вышло, как вышло. Понятно, почему все вокруг, по привычке, называют город Никольском. Просто не привыкли еще к Красно-Сибирску.

Из выуженных в разных подшивках газет сведений, привлекло лишь то, что Фрунзе, Михаил Васильевич, который умер на хирургическом столе в истории Елизарова в 1926 году, здесь прожил до 1929, в котором, все таки — погиб в железнодорожной катастрофе.

Так же, чуть дольше прожил здесь Дзержинский. Но — совсем не на много — пара лет,

буквально. Мелькавшие в газетах фамилии членов партии — вроде бы сходились с известными Ивану. Да, и Киров не был убит на месте, а умер от ран в больнице. Ну тут — как говорится, хрен на скорость не влияет!

Потом он попросил ненадолго учебник истории, уже новый, послереволюционный. Основные даты истории, которые оставались в голове попаданца, вроде бы тоже — корректны.

Так что сумбур, появившийся в голове Ивана, после понимания что он попал «не туда», никуда не делся. Позднее нужно будет более тщательно просмотреть местную историю. А пока — все разговоры с другими людьми — только на бытовые темы.

В пятницу, как договаривались со «Штехелем», он снова был у столовой. Прошел в зал. По причине пока не обеденного времени, людей было не много.

«А неплохо здесь кормят! Вполне! Я-то думал, только Савоську так потчуют, а оказывается — ему из общего котла наливали».

Не успел он начать насыщаться, напротив него за стол сел и сам «вспомнутый».

— Добрый день, Севостьян Игнатьич! Как жизнь, как здоровье? — как там... «Ничто не дается так дешево, но ни цениться так дорого, как обыкновенная вежливость!».

Севостьян коротко взглянул на него, хмыкнул и чуть повернувшись к окну раздачи, как-то неопределенно помахал рукой. Через пару минут, бабенка в белом халате, про которую можно сказать — «метр в кепке», притащила поднос старелками и споро расставила все перед «Штехелем».

Какое-то время ели молча.

— Ну что... вижу приоделся... на человека стал походить. Денег-то много оставил? — собеседник скрипел как колодезный ворот.

— Прилично... Ты, Севостьян Игнатьич, выбери время, заскочи к Николаю Яковлевичу. Я там ему пару идей подсказал, а он заинтересовался... Договорились, что, если идеи «пойдут», он мне деньги будет давать, вроде процента с выручки. Я и подумал — пусть он с тобой рассчитывается, а мы с тобой пополам получившееся поделим. Только вот как его там проконтролировать, чтобы не обманул — тут уж я не знаю... Как тебе такое предложение? — с интересом ждал реакции Савоськи.

Тот удивленно смотрел на Елизарова. Потом покрутил головой, с усмешкой пробормотал:

— Ну и жук ты, Чибис! Ладно, возьмусь за это дело, с Яковlichem договоримся, не забалует... А что ты там ему предложил-то, интересно?

— Да видел как-то в журнале, вроде бы костюм для охоты заграничный, да ботинки высокие — вот и вспомнилось. Может, накапает какая копеечка. А нет — так нет.

— Ладно... Слушай сюда. Сейчас пойдешь в парк Сталина... там веранда на берегу пруда. Найдешь, в общем. Сядешь за столик на веранде. К тебе человек подойдет. Вот ему и расскажешь... про свои «хотелки». Быть тебе там — к двум пополудни! Вижу и «котлы» прикупил... Форсишь, Чибис? Да — дело твое. Скромнее нужно быть, скромнее... тогда и жить будешь долго, и здоровье будет лучше. А вы все... «на хапок» жить норовите, все куда-то бежите...

— Так... думаю и ты, Севостьян Игнтаевич, смолоду-то тоже поживее жил.

«Штехель» вздохнул, ничего не ответил. Потом аккуратно собрал тарелки, и повернулся уходить.

— Севостьян Игнатьич! А про работу — ничего нет?

Тот остановился, чуть помолчал, потом, не поворачиваясь к Ивану:
— В следующую пятницу, сюда же к двенадцати подойдешь...

Прогуливаясь по улице, помахивая купленной газеткой, Иван, не торопясь прошел до парка, прогулялся по аллеям, присматриваясь.

«А ничего так здесь... Чистенько и уютно. Народа немного — ну да и день будний!»

Обратил внимание на парочку девушек, что сидели на скамейке, оживленно «чирикают» о своем. При приближении Ивана, девицы притихли и демонстративно отвернулись. Но взглядом-то мазнули по парню, успел заметить!

«Некогда, некогда мне сейчас! А так бы — хоть и просто посидеть, поболтать. Посмотреть, чем они отличаются от будущих девушек. И отличаются ли вообще?!»

Поглядывал на часы, поэтому, без десяти два Иван занял столик на веранде, лицом к пруду, спиной ко входу. Веранда, несмотря на то что лето пока не наступило, и было довольно прохладно, хоть и солнечно, уже работала и к Косову подошел парнишка:

— Заказывать что-то будете?

— А что у Вас из горячих напитков имеется? — чай бы — не помешал.

Уже потягивая горячий, но — не очень вкусный чай, Иван почувствовал на себе взгляд. Но не успел повернуться, как напротив него за столик сел молодой мужчина, почти его ровесник.

«Х-м-м... одет прилично. Одежда — чуть не один в один как на мне, только тона — чуть другие! Лицо ни капли не напоминает гопоту или босяка. Я бы принял его за студента-старшекурсника, или преподавателя из молодых. Ну... или инженер начинающий».

— Привет! — парень чуть улыбнулся, протянул руку для пожатия.

— И вам — здравствовать! — Иван поздоровался.

— Ну... я тебя слушаю, что, как и сколько... — парень достал блокнотик и карандаш.

— Метрики: на имя Косова Ивана Алексеевича, пятого мая двадцатого года...

Иван диктовал парню данные, с интересом смотрел на того. Блокнот был чуть повернул в сторону, и Косову не была видна рабочая поверхность листа. Однако было понятно, что парень не пишет — просто так быстро и отрывисто писать нельзя. Больше похоже на какие-то значки.

«Может быть скоропись какая-то?».

— Дальше. Аттестат об окончании десяти классов Тобольской средней школы номер два. Оценки: по гуманитарным наукам — четверки и пятерки. По точным — четверки. Можете по химии тройку мне вклеить, — Косов чуть улыбнулся. Парень ему отзеркалил легкой улыбкой.

— Расчетная книжка из какого-нибудь леспромхоза, что-то возле Самарово, или в окрестностях. За прошлый год. Должность — учетчик, нормировщик, или еще какой-нибудь — «подай-принеси». Зарплаты — рублей по четыреста-пятьсот в месяц.

— Чуть больше... я знаю, — парень опять чуть улыбнулся, кивнул головой.

— Хочу еще посоветоваться... Вот — паспорт. Он нужен или нет? — все-таки, этому парню лучше знать, какие документы должны быть у человека.

— Жить будешь в городе? Где работать? Чем заниматься? — собеседник чуть задумался.

— Жить — не в самом городе, но рядом. Работать — да «придурком» каким-нибудь пристроюсь.

— Ага... Не, не нужен тебе паспорт. Ты же на Сибсельмаш работать не пойдешь? Или вон — на моторный? Там, где оборонка, там — да, строго. А так... Зачем плодить лишние проблемы? — парень снова улыбнулся.

— Как говорил один монах — не множь сущности сверх необходимого! — блеснул знаниями Косов.

— Ты посмотри, какая нынче шпана грамотная пошла — про Оккама слышал! — парень снова покачал головой, улыбаясь, — ладно, все это понятно. Сложного тут ничего нет. Через две недели — здесь же.

— Про ценник забыл сказать... Сколько? — Ивану это было важно. Деньги улетали.

— Ну... пять красивых сотенных бумажек, — парень потянулся и встал.

— Подожди... все должно быть в хорошем состоянии, но — не совсем новым! — забеспокоился Косов.

— Ага... вот поучи меня дела делать! — собеседник усмехнулся и легким, чуть пружинящим шагом, удалился.

«А интересный хлопчик! На босоту какую-нибудь не похож вовсе! С таким парнягой и пивка выпить можно, и по девкам сбегать! Приятное впечатление оставляет».

Хотя... если предположить, что он — просто посредник... уж больно молод для профи в таких делах.

Возвращаясь, по пути Иван прошел мимо парикмахерской.

«Так-так-так... Подстричься, конечно, нужно. Чибис-то себя подзапустил изрядно. А мне как-то непривычно с такими патлами ходить. Опять же — смена имиджа. Только вот «вавка» на голове. Она практически не болит, но если растревожить, то — ну его нафиг!».

Все-таки зашел в парикмахерскую. Мастер, довольно пожилой мужчина, как раз заканчивал подстригать какого-то военного, в звании старлея, судя по «кубарям».

«Стоит, или не стоит? Вроде и повременить можно... Но вот таким дикобразом ходить не хочется». Иван задумался...

— Молодой человек! Ну что — вы надумали стричься? — на него смотрел парикмахер. Иван и не заметил, как вышел военный.

— Понимаете в чем дело... И стричься надо, и вот какое дело... Довелось мне тут на пароходе до города добираться. И компания подобралась неплохая. Вот я ночью в уборную захотел. Или как там на пароходе уборная называется..., - Ивану, конечно было известно, что — галюн, но «картину прогнать» тоже нужно.

— Ну вот и скovyрнулся с лестницы, в потемках... Голову разбил. Сейчас и думаю — стоит стричься, или погодить, пока совсем заживет, — Иван почесал лоб.

— Садитесь, посмотрим, что у вас там за рана, — парикмахер махнул в сторону стула.

Встряхнув простыней, и обернув ею шею, мастер раздвинул волосы:

— Так... ну что — аккуратненько обойдем это дело. Да и страшного тут я не вижу. Заживет скоро. Как стричь?

— Бокс! И — покороче! — Елизаров терпеть не мог хоть сколько-то длинных волос.

Мастер защелкал ножницами, аккуратно расчесал волосы.

«А что — вполне нормальная физия! Чуть смугловат... или это уже загар? Лицо чистое, правильной формы. Волосы — светло-русые, прямые. Нос вот — не совсем ровный, но легкая курносинка, пожалуй, и не портит лица. Губы... губы могли бы быть и чуть потоньше. Не совсем губошлеп, но... такие губы — больше девушкам идут, вот!».

Время было, и Иван разглядывал себя. А то — толком-то и не видел. Все бегом-бегом.

«А что — здорово получилось! Эдак — по-спортивному! Нужно еще тушку привести в соответствие с прической. А то Чибис был далек по физкультуре. Ну — это дело наживное. Годы еще вполне юные, мышцы набираются быстро. Это хорошо, что этот телепень еще не успел «партаков» набить, видать не дорос еще до первых «наколочек».

От парикмахерской до Нахаловки Иван шагал вполне себе в нормальном настроении. Потом мысль опять скользнула к вопросу о Хлопе и его банде. Настроение испортилось.

«М-дя-я-я... Чибис-то — точно боялся Хлопа, и еще — Ильяса».

Помнится, что кодла подолгу не оставалась на одном месте. Да и все вместе собирались — далеко не каждый день. Ночевали тоже — где придется, разные благ-хаты, «хавиры» да «малины». Хлоп держал пацанов в кулаке и не баловал деньгами. Сам он, и его «пристяжной» и одеты были получше, и питались тоже — не в пример остальным.

«В основном, получается, в этом краю города, Хлоп с сотоварищи бывал редко, да практически и не бывал. У них в других районах интерес был. А здесь что — частный сектор, и люди живут явно не богато. Да, скорее всего, тут и жульманы — свои водятся. А где свои есть — там чужих не надо!»

И это вселяло некоторую надежду на какой-то период спокойной жизни. А там, глядишь, «корешков» Чибиса или пересажают, или они куда-нибудь «свалят» из города.

«Но надеясь на лучшее, готовься к худшему!».

«Что Хлоп может предъявить? За бабки — что вобщак не внес? Ну да, это так. За «выход» тоже может потребовать. Может... отдать бабки и жить спокойно?».

А вот тут уже натура Елизарова вскипала от злости. Не хрен! И повозжать этих босяков нечего! Так один раз прогнешься — потом шпынять начнут! Нет, хрен им да по всем морде!

«На нож поставят?». Ну... зная дурь Хлопа — вполне возможный вариант развития событий. В воспитательных для других пацанов целях.

Ментам сдадут? Вот это — точно нет! В таком разе — уже Хлопа другие босяки на нож оденут.

«Ладно! Хва помирать раньше времени! Будет день — будет и пища! Но «финочку» нужно все же проверить, подточить и при себе держать!».

Вечер пятницы прошел в блаженном ничегонеделании. Ополоснул аккуратно голову над бочкой с водой, чтобы волосинки смыть, а то — колотья будут немилосердно! Потом — поужинал с Петровной, по ее приглашению. А еще — предложил ей дополнительно заплатить двадцать пять рублей — за харчи. Бабка ни разу не отказалась! И довольная была — что ты!

Надо сказать, что Иван по-прежнему ничего не знал о здешних ценах, и поэтому свое предложение сделал, фактически — наобум. К тому же бабка ничего особого не готовила. Утром ему приходилось обходиться крынкой молока, изрядным шматом хлеба, да вареными яйцами.

А! Да — еще и сало соленое! Надо сказать — очень даже вкусное сало. Все как Ивану, тьфу ты, Елизарову и раньше нравилось — с мягкой, хорошо проскобленной, пропеченной при обделке туши, и зачищенной шкуркой; с несколькими прослойками темно-красного мяска; толщиной этак сантиметра на четыре. Самый смак — если кто понимает!

«А вот интересно — бабка живет в частном доме, постройки — тоже имеются, а из живности, кроме пса, ничего нет. Ни тебе хрюшек, ни кур-несушек, ни козы какой завалящей — йок! Про корову уж и молчу. Ну, корова, допустим, понятно. Там процесс содержания, ухода — очень трудоемкий, одинокой старушке — тягостно. Чем же живет Петровна? Пенсия? Ну — может быть... Хотя, насколько понимаю, пенсии государство определило совсем недавно, и большими размерами они не отличаются».

«На харчи, наверное, хватит, но — не более. Так откуда у нее средства? Дети помогают? Ну-у-у... может быть. Х-м-м... А на хрена мне об этом вообще задумываться? Оно мне надо? Живет и живет себе! Может они, на пару со «Штехелем» периодически по вечерам на «гоп-стоп» выходят? Шучу... Да хрен с ней, бабкой этой. Мне тут жить — край до осени. Там ее сын вернется и съезжать придется. А то — может и раньше!».

В обед... а вот обеда — фактически не было. Сама Петровна возвращалась откуда-то, как она говорила — с рынка, уже ближе часам к двум, а то и трем пополудни. Видать, обедала где-то вне дома. Вот и Иван, в течение дня — должен был заботиться о пропитании сам. Как правило, с завтрака что-то оставалось и голодать не приходилось. Но вот горячего, да жидкого похлебать, очень даже тянуло.

Потому за ужином Иван наедался впрок. Петровна и здесь разнообразием не баловала. Картошка, то отварная, с квашеной капустой, то — жареная; все то же сало и молоко. Яйца. Здесь уже могли быть варианты — если на завтрак яйца были только вареные, то на ужине — могла быть и яичница.

В общем, пища была простая, но — вкусная. Еще бы и побольше ее, а то Иван днем частенько чувствовал, что в брюхе бурчать начинает. И аппетит у него проявился — недюжинный. Но — это понятно, постоянные упражнения для приведения данной тушки к нормальному состоянию, тянули энергию со страшной силой.

Результатов этих упражнений ждать было рано, но Иван и сейчас уже чувствовал, что тело стало более жилистым, с неплохой растяжкой.

«Лиха беда — начало! Мы еще атлета с тебя сделаем!»

Иван еще раз перебрал гардероб — а пока и хватит! Разложил все в шкафу аккуратно, прибрался в комнате. Оно вроде и чисто там было, но пыль уже скопилась кое-где.

«Так... К «Штехелю» мне в пятницу, по поводу работы. По документам встреча — тоже в пятницу, еще через неделю! Чем бы мне это время занять? Ну... зарядку буду делать, потренируюсь в писанине перьевой ручкой. А что еще? Со скуки же здесь взвою. И по городу бродить — риск нарваться на кого из знакомых блатных. Оно мне надо?»

Улегся спать пораньше.

А утром — снова ранний подъем, зарядка, ополоснуться из бочки с водой.

«Утро красит ярким цветом стены древнего Кремля...»

Хозяйка оказалась дома. Из ее пояснений, на рынок она собирается завтра, в воскресенье. А сегодня — банный день, постирушки там всякие, то-се... дела домашние.

— А что, Евдокия Петровна, я считай неделю — свободен. Может по хозяйству что помочь надо? Мастер я, конечно, невеликий, но какую-никакую работенку смогу выполнить, — Иван, а ранее — Сергей, просто так сидеть на попе ровно — не любил. И книг нет, почитать нечего.

Хозяйка отказываться не стала. После завтрака она провела его в сарай, где, по ее словам, нужно было навести порядок, вытащить и расколоть несколько неподъемных чурок, оставшихся с прошлых привозов дров. Да и так еще... по мелочам.

— А с обеда — воды натаскаешь. Сначала постирушки затеем, Верка обещалась прийти. А потом — уже вечером, подтопим баньку получше и сами помоемся.

«Верка... Верка — это хорошо! Это просто — здорово, если Верка... А то — по утрам явный дискомфорт ощущается, ага. Вот еще и пододец бы к ней найти, к Верке этой!».

Иван не заметил, как сам увлекся с возней по хозяйству. Благо старая одежда была в наличие, даже отстиранная Верой. Новую не придется пачкать.

Вроде и порядок был в сарае, и сложено все более или менее, но... Это ведь как водится — начни порядок наводить — все, это надолго. Это не так лежит, это — не так весит, а это — вообще здесь лишнее. Как правило, при проведении таких мероприятий и вещи обнаруживаются, давно потерянные и даже — забытые.

При уборке в сарае, нашлось немало и инструментов, кроме тех, что были в порядке развешаны по стенам, да разложены по полкам.

Нашел Иван и какие-то куски кожи. В основном — только «на выброс», по причине засыхания ее «вусмерть», аж лопаться стала, когда он ее попробовал размять. Но пара кусков, вроде еще может пойти в дело, если маслицем смазать, да дать отлежаться-пропитаться. Что это за кожа, Иван определить не смог, да и знаний таковых не было. Крашенная в коричневый цвет, кожа была не толстая, и для его задумок — подходила.

Решил Иван какую-нибудь сбрую себе пошить, для финки. Вопрос с Хлопом и компанией — стоит остро и безопасность свою нужно как-то обеспечивать. Ну, пусть не безопасность, а возможность самозащиты. Не в кармане же «финярь» таскать! Благо и дратву Иван тоже обнаружил, в небольшом количестве.

Кожи, пожалуй, хватит на какие-то неказистые ножны, да ремни. Иван прикинул в голове — подвес нужно делать на голень. Сейчас штаны — не в обтяжку, как в будущем. Вполне широкие, поэтому, если продумать, примерить — может что-то и получится. Доставать будет не очень удобно, из-под штанины. Но другого варианта Иван не видел.

«Как там говорил восточный мудрец и воин Абдулла? Кинжал хорош для того, у кого он есть! И плохо тому, у кого его не окажется в нужный момент! Ага... а Сухов его — из револьвера!».

Некоторую долю уважения сей герой кинематографа у Елизарова всегда вызывал. «Враг,

конечно, но — такой... С уважением, да!».

Еще нашел какой-то совсем заржавевший толи штык, толи — тесак. Рукоять была деревянной, лопнувшей повдоль. Какие-либо надписи или клейма — не читались под слоем ржавчины. Длинной — сантиметров сорок, и это только — клинок. А еще он был чуть изогнут, на манер сабли. Знаток «холодняка» Елизаров был очень посредственным.

«Может — это бевут? Тоже вроде бы изогнут... Хотя — нет, вот явно место крепления к стволу оружия... Да и хрен с ним! Но — прибрать нужно. Хозяйка вряд ли его помнит, этот кишкорез».

Работая, Иван все раздумывал — а что общего у этой, пусть и непростой бабки, и Савоськи. По каким-то обмолвкам было понятно, что Савоська был знакомцем ее умершего мужа. И все.

В памяти всплыл фильм — «Тени исчезают в полдень», где вот такая «компания» из Устин Акимыча, его супруги и «Купи-Продая» — очень «порезвились» во время Гражданской, и чуть позже. А потом — ушли в тину, и гадили всем, до кого руки дотягивались еще очень долго.

«Вот взять «Штехеля»... Лет ему около пятидесяти. То есть, к моменту Революции и Гражданской — был вполне взрослым мужиком. На господ «ахфицерОв» он не походит вообще... Может из купчишек, таких — средней руки. Это гораздо ближе к нему по типу. А купчишки, да еще и затаившие против большевиков — они в Гражданскую тоже хорошо так прошлись по врагам частного капитала. Кровушки на них — ого-го! А еще — они хитрые, куда как хитрее — «белой кости, голубой крови»! И Шрам у него в знакомых! Да, и пусть... мне их на чистую воду, что ли выводить? Так и меня — тоже — выведут, и еще как!»

«Сегодня выведут на темный двор солдат и старшина скомандует им — «Целься!».

«Нет, понятно, что за тот разбой, «вышку» ему, как Чибису — не дадут. И крови на нем нет, и роль — так себе. Но — соучастие, налицо. А значит — корячится ему годков этак пять-семь. Не улыбалось ему это, вообще! А потом что — «... а у лагерных ворот, что крест на крест заколочены, надпись — «Все ушли на фронт»? Не-е-е-е... не надо нам такое! Лучше я уж как-нибудь сам определюсь — кем и когда!».

Потом Иван переколотил все старые чурки. Тоже работенка была — аж взмок весь!

— Ты их сразу и тащи к бане! Сегодня ими и протопим! — дала команду хозяйка.

Потом натаскал воды, затопил баню. Сел перекурить, а там и Петровна пришла — на обед позвала.

После обеда, он снова размялся, в ограде. Здесь было хорошо — травка-муравка затянула всю ограду ковром. Невысокая еще, но густая. На ней так здорово поваляться, греясь на солнышке. Даже задремал чуток.

Подскочил от насмешливого голоса:

— Ты тут как на пляже вылеживаешься! Курортник! — ага... он же еще и штаны стянул, в одних труселях развалился. Неудобно перед женщиной!

Верка стояла, вытирая руки о передник и улыбалась.

«В бане прибиралась, наверное!»

— Привет, красавица! Как делишки, как детишки? Все трудишься?

— Так, а что делать? И детей обиходить нужно, и муж с работы придет — ужином накормить. Вот — и постираться надо! Сидеть не приходится!

«А она — очень ничего! Не красавица, но — приятная на лицо. По фигуре, ну — тут только предположить можно — сухощавая, «прогонистая» такая. Но силенка есть — вон и

руки видно, крепкие. И ноги, голени, по крайней мере, тоже жилистые... Эх, Вера-Вера! Как бы мне до тебя добраться?»

— Вот же где бесстыжая морда подрастает! Всю меня обсмотрел, ощупал глазами. Молодой, да ранний! — Вера тихо засмеялась, — смотри, Андрюшка-то если увидит, то и морду набьет!

— Да зачем же ему видеть-то? Не зная, крепче спишь, и мыслей дурных в голову не лезет! А вот — хороша ты, Верочка! Ох, хороша! Так бы и познакомился с тобой поближе! Может тебе помощь какая нужна? Что-нить притащить, оттащить? Сбежать куда?

— Оттащить, притащить! Знаем мы вас, таких таскунов! Сначала-то сладко, а потом, как горько становится, то вас и след простыл!

— А зачем же — горько? Нужно, чтобы только «сладко» и было. Горечь нужно — обойти. Ежели с умом-то...

Иван чувствовал, что от этой пикировки у него что-то теплое поднималось от груди, а в труселях... тоже что-то поднималось. Пришлось сесть на задницу, чтобы прикрыть руками эту часть тела.

— А только сладко, Ваня, не бывает. Оно всегда рядом, и всегда вместе, это горькое и сладкое.

— Сладка ягода в лес поманит,
Щедрой спелостью удивит.

Сладка ягода одурманит,
Горька ягода отрезвит!

Сам от себя не ожидая, Иван тихо запел вдруг возникшие в голове строчки песни. Пел тихо, чтобы только Вера слышала, и смотрел, смотрел той в глаза. А глаза, сначала удивленно распахнувшиеся, чуть подернулись поволокой, затуманились.

— А дальше... дальше спой! — негромко сказала она, когда он замолчал.

— Ой, крута судьба, словно горка,
Доняла она, извела,
Сладкой ягоды — только горстка,
Горькой ягоды — два ведра!

Я не ведаю, что со мною,
Для чего она так растет...
Сладка ягода — лишь весною,
Горька ягода — круглый год!

Над бедой моей ты посмейся,
Погляди мне вслед из окна.
Сладку ягоду рвали вместе,
Горьку ягоду — я одна.

Вера стояла, слушала, пригорюнившись, закрыв рукой с прихваченным краем передника рот. А Иван постарался петь как можно душевнее, тщательно проговаривая слова и вкладывая в них чувства.

Когда он закончил петь, Вера будто бы всхлипнула, и уже поворачиваясь, чтобы уйти:

— Сволочь ты, Ванька! Кто ж такие песни бабам поет! Как по душе каким скребком!

— Вер!

Но она уже ушла по огороду в сторону хозяйской половины.

«М-да... что-то я не так... вот — «поцарапал» бабенке что-то в душе! И еще... совесть у тебя есть, Елизаров? Ты же знаешь, для чего она тебе, эта Верка!»

Совесть была... вроде бы. Но и желание... тоже было. Дилемма, блин!

Иван ушел в дом, оделся и сел за стол, тренироваться в письме. «Надо совершенствоваться! Расти над собой! Вот и тренируйся, кобель, выводи буквы!».

Но через некоторое время, через открытое окно кухни, услышал из огорода громкие голоса. Ругались Петровна и Верка. Точнее, по голосам — не ругались, а, вроде бы, спорили о чем-то, или препирались. Слышно было плохо.

Иван встал, потянулся и решил выйти во двор, покурить.

По огороду, к бане прошла Верка.

Иван выглянул за угол дома, Петровны видно не было, ушла. Из бани вышла Вера с ведром в руке, вылила на межу грязную воду.

— Вы чего там ругались? Что не поделили?

— Тебе какое дело? Поругались, да поругались... Не лезь куда не просят! — Верка была злая.

Хмыкнув, Иван отошел во двор, сел на лавку и закурил.

Через некоторое время, Вера снова вышла из бани, прошла во двор с ведрами, направляясь к калитке.

— Не ругались мы... так... поспорили чуть. Денег я в долг у нее попросила. Деньги у нас кончились, а она — ни в какую. Говорит, еще с прошлого раза не отдала, — Верка стояла, чуть покачиваясь, в раздумьях — идти дальше или спросить. Иван уже понимал, о чем пойдет речь. Ну — тут семь пядей во лбу быть не нужно!

— Вот, Петровна говорила, ты с Северов приехал. Парень денежный... дай бедной женщине рублей пять, выручи, — и Верка смотрела уже с вызовом, с усмешкой.

— Да дать-то... можно. Но..., - Иван опять прошелся взглядов по Веркиной фигуре, с головы до ног.

Та все поняла:

— Ах, ты... сопля зеленая! Вот же... Сейчас как дам ведрами, да по харе наглой, похотливой! — возмущение женщины было искренним.

А вот Иван — стусевался, все же совесть еще чуток оставалась.

Он догнал Верку уже у калитки, зашептал горячо:

— Ну стой, стой же! Погоди! Ну... чего ты. Я же слова не сказал, а ты уже — «ведрами по харе»! Ну... зачем ты так? Ну... нравишься ты мне, что уж тут! И что? Женщина ты красивая, я парень — молодой... Что не понятного-то. Это же... И что кричать-то? А ну — кто услышит? И мне — стыдоба, да и тебе — приятного мало!

Он держал ее за руки, а она отворачивал лицо.

— Да кто услышит-то... ведьма эта... к приятельнице своей ушла. Только к бане теперь вернется, — Верка говорила негромко, продолжая смотреть в сторону.

— Так... давай я сам за водой схожу. Иди, занимайся своими делами, — Иван отобрал ведра у женщины и пошел к колодцу.

Сбегав первый раз, Иван проверил чан с горячей водой, долил до полного. Потом решил сходить еще раз — в баке с холодной водой тоже место было.

Когда вернулся, подходя к бане, услышал, шорох и плеск воды.

«Верка... стираться пришла...».

Во рту разом пересохло, в голове — зазвенело. Он поставил одно ведро на землю, второе поднял выше и жадно напился из него. Потом закурил, явно пребывая в сомнениях. Папироска «вылетела» в три затяжки!

Крадучись, как кот за птичкой, Иван зашел в баню. Там было сумрачно, а со света — так вообще казалось темнотой. Зажмурившись и вновь открыв глаза, Иван увидел, что Вера стоит, наклонившись над корытом на лавке. Стояла она спиной к нему, длинная юбка была подвернута под пояс. Стройные, мускулистые, хоть и несколько худоватые ноги были оголены до середины бедер. Белели в сумраке бесстыже и притягивали взгляд. Услышав или почувствовав его, Верка замерла, а он, сделав еще шаг, обхватил ее руками за попу.

Чуть помедлив, но не дождавшись решительного сопротивления или возмущения, Иван рывком расстегнул ремень, одним движением сдернул штаны с трусами вниз, и закинув ткань юбки повыше, приник к женщине. Завозился, пытаясь в потемках, на ощупь, определиться, где здесь что. Его «что» уже буквально дымилось от нетерпения.

Хмыкнув, Вера протянула руку взад себя и все сделала сама.

«Ох... как будто в первый раз. Сейчас главное — не «отстреляться» раньше времени! Как там... дважды два... четыре. Дважды три... шесть!».

Примерно на «пяти», Вера начала постанывать, и чуть подаваться ему навстречу. В бане было слышно только прерывистое дыхание, да скамейка, с тазиком на ней, чуть постукивала ножками по полу. Потом и вода в тазике стала хлюпать, пытаясь выплеснуться им под ноги.

— В-в-в-а-а-а-н-н-я... только... не в меня! Слышишь! Не в меня!

Ваня — и слышал, и не слышал.

«Ох... сладко-то как! Как же... хорошо!». Мысли Ивана сбивались, порхали где-то под низким и изрядно закопченным потолком бани.

Но... он все сделал правильно!

— А-а-а-х... сладко как! О-о-о-х-х... что же ты, паразит, делаешь со мной! — Вера промычала грудным, низким голосом.

Она чуть выпрямилась. А он, приобнял ее за талию, не отпуская от себя, поглаживал ее, такую нежную, кожу.

— Ну... отпусти..., - женщина попыталась освободиться.

«А вот — хрен там! Еще хочу!»

Он грубовато развернул ее к себе лицом, чуть приподняв, посадил на край полка, и наклонившись, поцеловал ее — долго и нежно.

— Ох... где же ты... так целоваться научился... парнишка же еще... совсем...

— Тебе нравится?

— Очень.

— Ну — значит и хорошо!

Он продолжал ее целовать, а сам мял ей ягодички, поглаживал по спине, притягивал рукой за шею.

— Ваня... ну хватит... получил же свое. Отпусти! — Вера пыталась упереться руками ему в грудь, но — слабенько и неотчетливо.

Иван просунул руку между ее ног, чуть раздвинул их шире, и снова приник к ней. Сейчас все получилось сделать самому.

— Ох... как же... хорошо. Еще... еще, — Вера уже сама крепко обнимала его за шею.

Дышала в шею горячо и очень-очень возбуждающе.

— Помнишь? Не в меня...

Второй раз Иван растягивал еще дольше. Вера уже ничего не говорила, лишь стонала и мычала ему в грудь.

«Ф-у-у-х-х... как же... здорово!»

Какое-то время они продолжали так стоять, он — обнимая ее за попу; она — охватив его ногами, и обняв за шею.

— Ты... ты — большой там... Не ожидала. Даже испугалась сначала.

«Одно из двух... либо она сейчас так мне комплементы раздает, либо — действительно, раньше у нее... были поменьше. Интересно тоже — у нее трое детей, а... ну, не сказать, что как у девочки, но — вполне себе... ощущательно так».

— Мне очень-очень понравилось! Ты — очень хороша!

Вера хмыкнула:

— А что... у тебя были... много было женщин?

— Были... да.

Помолчали.

— Ох и кобель подрос! Вот же — не повезет какой-то бабе с таким кобелиной! — Вера покачала головой.

— Ну... тебе же было хорошо? — Иван чуть отстранился от женщины, посмотрел ей в глаза.

— Да я про другое сейчас, — как-то грустно усмехнулась та.

«Да все понятно. Жена тоже, пока не остепенился, не раз плакала. А уж скандалы были — пыль до потолка!»

Еще поцеловав ее, он отпустил. Развернулся, зачерпнул пригоршней воды из бачка, наскоро обмылся.

— Выйди... Мне тоже обмыться надо! А то придет еще эта старая гримза, не дело мне блудом пахнуть!

Иван вышел из бани, присел на кучку поленьев, наколотых им с утра, закурил. Потом подумал, сходил в дом, вернулся. Когда Вера вышла из бани, он придержал ее за руку:

— Постой... Ты уж извини, что так вышло. Но... я и правда — помочь хочу. Сколько тебе денег нужно?

Вера удивилась, потом чуть задумалась и уже с улыбкой сказала:

— А сколько не жалко!

«Вот же лиса! И как теперь это понимать?»

Он вытащил из кармана впопыхах прихваченные из дома деньги, не глядя и не считая, протянул ей:

— Вот...

Она была более обстоятельна. Взяла, расправила, пересчитала:

— Двадцать пять! Как деньги будут — сразу отдам!

— Забудь! Не надо мне от тебя денег! И еще... Вер! Мы... еще... ну...

Она посмотрела на него удивленно, заулыбалась:

— А вот теперь видно, что сосунок ты еще! Ну кто так с бабой разговаривает?! Мя-мя... ну что это такое! А я уж думала, с виду — парнишка, а ведет себя как мужик тридцатилетний! Как так? А вот сейчас — все, как и положено! — и негромко засмеялась.

— К-х-м... так что? Придешь ко мне, когда Петровна куда-нибудь уйдет?

Она чуть отвернулась от него, потянулась сладко, как кошка, вся — вытянувшись «в струнку»:

— Ну куда тебя денешь-то... приду. Как время будет! Только — чур — рот на замок!

Иван хмыкнул:

— Так у меня здесь и нет никого! Мне что, Петровне, что ли разболтать?

Вера чуть нахмурилась:

— Той и разбалтывать ничего не надо! Сама все узнает, все выведает. Ведьма старая! Ну все... пойду я. И не вздумай при других на меня пялиться, или что-то говорить. Понял!

— Понял, понял...

Верка негромко засмеялась, потянулась к нему и сладко, но коротко поцеловала.

Сидеть в доме после происшедшего Иван не мог. Накатила какая-то эйфория, что-то внутри него бурлило, переливалось, булькало и не давало спокойно сидеть или лежать. Накинув на плечи куртку, Иван вышел из дома и пошел — прогуляться.

«Тут же Обь рядом! Схожу, посмотрю...».

Чуть спустившись вниз, к берегу, пройдя пару улиц, и выйдя, судя по близости верхушек тальника над кровлями домов, на крайнюю к берегу улицу, Иван покрутил головой:

«Тут проходов к берегу не видно. Налево или направо? Мужчине привычнее — налево! Решено!».

Это оказалось неправильным. Пройдя изрядное расстояние по улице, он так и не нашел прохода к берегу. Возможно, в каждом доме, в конце огорода была персональная калитка к реке. Но вот с улицы — проездов или проходов не было. Пришлось возвращаться назад.

А вот если бы повернул направо — буквально через пару кварталов — был широкий даже не проход, а проезд! К берегу.

Вышел на берег, опять — взгляд налево, взгляд — направо. Тропинка вдоль берега идет. Есть такое дело. А сейчас куда? Здесь обрыв... неглубокий, но пара-тройка метров есть. Спрыгнуть-то — не проблема, а назад как?

Снова пошел налево. А вот сейчас — бинго! Метров через пятьдесят, тропинка выходила на изрядную такую полянку, со спуском к воде. В обрыве были вырублены ступеньки, на полянке — стояли пара вкопанных лавочек, и даже — дощатый стол.

Народ здесь по вечерам, судя по всему, «расслабляется».

Сидел, курил, шурясь на солнце...

«Как интересно... Давно у меня такого не было! Вот вроде бы — в прошлой жизни женщин у него хватало. Но таких ярких ощущений, такого восторга... да, наверное, с молодости не было. Если подумать — может это не мои эмоции, а Чибиса?»

В памяти пацана был эпизод. На какой-то «хавире», Хлоп притащил пьяную «маруху», и «с барского плеча» — презентовал ее пацанам. Вспоминалось, что их было четверо, сам Чибис, да еще трое таких же молодых шпанят. Баба была толстая, неопрятная, да и возрастом была — как бы не к сорока. В общем, воспоминания можно охарактеризовать как мерзотные, не иначе. И самому Чибису было противно вспоминать, да и приятели его — деянием не кичились.

«Мда... а здесь — восторг, чуть не переходящий в экстаз. Что-то мне такие эмоциональные качели... не очень. Получается — голова у меня соображает вот так, а эмоции — несколько... по-другому. Интересно, это уже шиза или еще в рамках нормального?».

Следующие дни для Ивана тянулись несколько тяготно. Физические упражнения,

писанина, валяние на кровати, опять упражнения... Скучно!

Со скуки же, взялся и перекопал Петровне огород — время подходило грядки делать, да картошку садить. Потом и грядки сделал. Нашел в сарае длинную бечеву, из палок сделал колышки, отбил грядки на земле, и накидав земли, граблями очень аккуратно разровнял.

В процессе краем глаза видел, что в огород несколько раз выходила Петровна, смотрела. Но не ругалась, а значит — все нормально. Пару раз мелькнула на соседнем огороде Вера. Один раз подошла к забору:

— Ишь ты как! Грядочки-то — как одна, ровнехонькие, славные такие! Красиво сделал!

— Могу и тебе с этим помочь!

Вера задумалась на секунду, и тихо ответила:

— Нет... не надо. А то Андрейка чего-нить себе надумает! Не нужны мне скандалы, да тумачи!

Разбавило скуку лишь одно утреннее появление у него Веры. Видно, узнав, что Петровна «упылила» на рынок, она и прибежала. Правда, только на пару часов, ну — может чуть больше.

За это время Иван и сам выложился до тремора в коленях, и женщину вымотал до изумления. Ну... понять можно — тело молодое, эти короткие встречи его не устраивали.

«Маловато будет...».

Получается, соседка «это» дело любит. А муж? А что муж... Иван видел его мельком в окошко, когда они приходили к Петровне в баню. Ну, мужичок... Среднего роста, не сильно-то и статный, проще сказать — довольно доходной, лет тридцати на вид. Поэтому, когда Вера говорила, что пожалуется мужу и Ивану будет «атата!», выходит — больше пугала.

— Я уж думал — позабыла ты меня, Верочка! Глаз не кажешь! Или не понравилось, а может — обидел чем? — Иван расцеловал женщину, крепко обнимая и затискивая ее.

Она посмеивалась, дышала прерывисто:

— Скажешь тоже... У меня же муж есть, и с ребятишками возни сколько... Дом... Огород. Да и работа тоже. А если эта ведьма узнает — солоно мне придется! Андрейка расскажет — опять в синяках ходить!

Было похоже, что и она ждала этого визита. Оба — как с цепи сорвались! Как еще одежду друг друга не порвали, пока раздевались...

Вот только, к сожалению Ивана, несмотря на доступность Веры в сексе, и ее интерес к этому, были и свои «тараканы-ограничения»!

М-да... это в будущем — все такие «продвинутые», и позы разные, и способы... А здесь — миссионерская, да «раком», или как вариант — «по-собачьи». Вере последние — очень нравились. Кое-как уговорил ее — сесть сверху. Ну, а про что другое — все пресекало возмущениями — «я тебе что, шлюха распоследняя?», да фырканьем.

Еще пару раз выбирался в библиотеку. Листал подшивки газет, брал некоторые учебники, просматривал. Знатоком истории Сибири он не был. Так, читал в прошлом какие-то статьи, смотрел документальные фильмы. Но в памяти — мало что осталось.

Удивило то, что, фактически военным начальником, который внес наибольший вклад в освобождение Сибири от белых и интервентов, был некий Азин, про которого в той, своей истории, Елизаров вообще ничего не слышал. Упоминалась в статье в честь пятнадцатилетия освобождения Сибири, и фамилия Блюхера. Но как-то так, больше вскользь.

И общее впечатление о Гражданской здесь — она была более ожесточенная. Если в той истории, красные воевали с белыми жестко, а вот с интервентами — могли быть и какие-то

договоренности, то здесь — и партизаны, кадровые части красных «хлестались» и с теми, и с другими предельно жестко, не разбираясь, так сказать — в сортах дерьма.

«Да и правильно! Пришли туда, куда вас не звали — будьте готовы получить за все сполна!».

Почитал учебник и в части Гражданской там, в России и на Юге. Вроде бы — все сходится, и фамилии, и, вроде бы, даты. Вот и Азин снова промелькнул — только упоминался уже в Польском походе, где и погиб.

И сейчас, «наверху», все более знакомые фамилии — те же Сталин, Молотов, Жданов, Каганович. И дедушка Калинин кому-то и что-то вручает.

«Да-а-а... без поллитры — не разобраться, где тут отличия от моей истории! Ладно, займемся бытом. А на «высокие ебенья» — положим!».

В пятницу Иван вновь входил в столовку, при которой работает «Штехель». Он чуть припоздал, и поэтому увидел «Савоську» уже в углу зала, где тот обедал с каким-то пожилым мужиком.

— Добрый день! Севостьян Игнатьевич! Извините, чуть припоздал!

Тот, кивнул и рукой показал на стул за столом:

— Обедать-то будешь?

— Не откажусь! — горячего да жидкого похлебать — очень не против!

— Вот, познакомься, Василий — тот паренек, про которого я тебе говорил, — Игнатьич, продолжая аккуратно хлебать суп, кивнул собеседнику на Ивана.

— Иван... Косов моя фамилия, — Иван внимательно посмотрел на мужчину. Ровесник «Штехеля», тот был чуть пониже ростом, более subtilный и изрядно... поюзанный.

«Савоська» все же попредставительнее будет!»

— Игнатьич говорил — работу ищешь? Говорит, парень ты серьезный! А где работал и кем? — Иван был готов к таким вопросам и не замешкался:

— Да на Севере работал. Недалеко от Обдорска... Там порт расширяют, вот я и работал там — разнорабочим. Потом поближе перебрался, под Самарово, в леспромхозе чуть больше года.

Мужик заинтересовался:

— А кем в леспромхозе работал?

— Сначала — в деляне, сучкорубом. Потом — ногу подвернул, на берег перевели. И точковщиком, и нормировщиком был.

— О как! А к нам точковщиком пойдешь?

Савоська вмешался:

— Василий Тимофеевич — он мастером на Лесобирже работает! Вот я и замолвил за тебя словечко!

Иван задумался. В принципе, работу точковщика он знал. В прошлой жизни доводилось вести довольно много уголовных дел по незаконным порубкам. Но что-то — не манит!

— Извините... но точковщиком... я же и оттуда уволился... В общем, начальство там что-то мутило с объемами заготовок. А крайним бы я пришелся! Вот я и «слинял» от греха подальше. Что-то... не манит меня такое! Боязно!

«Штехель» посмотрел на него с интересом и хмыкнул негромко.

Помолчали. Было видно, что этот Василий Тимофеевич — разочарован.

— Ладно... есть еще одно дело. Мы сейчас здание одно должны отремонтировать и передать в совхоз, это в Буграх. Знаешь, где это?

Иван покачал головой:

— Да я и приехал-то пару недель назад.

— В общем... на той стороне Оби, где станция Кривошеково, чуть поодаль, левее, есть деревня — Бугры, там еще Вертково есть и... эта... как ее — Ерестная, во! Вот их, эти деревни, объединили в совхоз. Вроде бы — подсобное хозяйство Сибкомбайна. А у нас, в Лесобирже, болтается в хозяйстве здание одно... На черта его вообще брали в свое время — я не знаю! И далеко оно от биржи, и добираться неудобно. Как раз на околице этих Бугров и стоит. Вот в тот совхоз мы и должны его передать. Клуб из него делать будут. Но сначала райком потребовал его отремонтировать. Вот сейчас и ремонтируем. Туда директором назначили из города музыканта какого-то молодого, вот — нужно еще сторожей... они же — и рабочими будут, пока ремонт идет. А потом — там и сторожа нужны будут, и дворник, и истопник. Я штат этот у директора нашего видел.

— Так совхоз же, потом-то и своих наберет, а этих всех — разгонит, не так разве?

— Может и так, да вот сейчас речь идет, что мы, не только здание отремонтировать должны, но — вроде как уже готовым клубом его передать совхозу. Вот — как-то так... Не иначе, директор наш перед райкомом в чем провинился, что ему такую нагрузку определили, — усмехнулся рассказчик.

«А что? Предложение — неплохое! Если подумать — там же и жилье какое-то найти можно. Да вот, так же как сейчас — у какой-нибудь бабули комнату снять. И с городом рядом, а не в городе. И работа — непыльная, особых навыков и умений не требующая. И времени свободного много. А что зарплата там, скорее всего — маленькая, так мне многого и не надо. Одежду купил, на зимнюю — тоже хватит. На еду и той зарплаты будет вполне! Да и кто мне запретит, что-то другое потом поискать? А так, приживусь, принохажусь — там и видно будет! Нет, надо соглашаться!»

— Согласен! Подходяще мне. Я же думаю — может на следующий год поступлю куда. В этот-то год — на вряд ли, позабыл все, что в школе учил! Вот — за год и позанимаюсь, вспомню все. А там и определюсь, куда поступать. Подходит мне Ваше предложение!

— Ну... тогда в понедельник, к девяти часам, жду в нашей конторе, на Лесобирже. Знаешь где это?

Иван не знал, но время выяснить — еще есть.

— Да что ты задумался? Там, рядом с Евдокией, паромная переправа. Вот и попадешь сразу — к Бирже, — это уже «Штехель» подсказал.

— Спасибо!

— Ну и тебе, Игнатъич, спасибо — за обед! Идти мне надо, сейчас на вокзал, да на «передвижке» к себе на Биржу, — Василий Тимофеевич тоже откланялся. Иван уже знал, что «передвижкой» местные называли поезд, который ходил от вокзала на левый берег Оби. Такая предтеча электрички.

Подождав, пока мастер уйдет, Иван протянул Савоське свернутые купюры.

— Три сотни, за все содействие... Хватит? — дождавшись утвердительного хмыка, — и еще раз, спасибо Вам, Севостьян Игнатъич, за помощь. Я добро помню, глядишь — и Вам тоже пригожусь. От души говорю.

Все-таки он здорово помог Ивану, этот непонятный криминальный тип.

«Штехель» покосился, усмехнувшись, на него:

— Хрусты так и раскидываешь! У самого-то на кармане что останется? Сторожем-то много не зарабатываешь, на харчи если только. Даже на папиросы не хватит. А уж девкам на

помады — и вовсе не хватит.

Но деньги взял.

— Хрусты летели и летели! А мы с тобой давно вспотели — мы танцевали модный танец «Карамболь»! — задумчиво пропел Иван, — будет день, будет и пища!

— Ты так скоро в комсомол запишешься, а Библию вспоминаешь! Товарищи не поймут! — Савоська явно троллил его.

— Может и запишусь... если возьмут. Только я их за религию агитировать не буду. Дело явно зряшное!

«Штехель» засипел, заперхал — засмеялся, значит.

— А что, Севостьян Игнатьич, Вы у нашего знакомого портного были?

— Заезжал, было дело... Только там еще — не в шубу рукав. И будет ли толк — не поймешь!

«Ну... этот тип вероятный доход мимо носа не пропустит! Здесь можно быть спокойным!»

В субботу, с утречка его опять посетила Вера.

«Все-таки в чем-то Петровна права. Вера, похоже и правда, на «передок» слаба. Но это — мне только на руку! Хотя... в данном случае — на другое, г-х-м, ... место, да!»

В этот раз они не набрасывались друг на друга, как изголодавшиеся любовники. Несмотря на большое желание перейти к... делу, Иван довольно долго целовал женщину, поглаживал и ласкал ее по ногам, попе, спине. Чем и довел ее до нужной кондиции.

Потом они, по предложению Ивана, расположились на полу, на сброшенном с кровати одеяле. Вот тут он опять оторвался!

«Вот ведь! И так — нельзя, и этак — «как ты можешь такое предлагать»! Три позы! Всего три! А про минет — мне хватило только заикнуться, чуть по голове не получил! Обидно, да!».

Уже провожая женщину, он стоял у открытой форточки на кухне и курил, отдыхая.

Вера, накинув кофточку, все никак не могла подтянуть юбку, чтобы затянуть на ней завязки. Запутавшись, она что-то пыталась поправить, наклонялась, тянула юбку вверх, потом — снова опускала ее, чертыхалась.

— Ну ты помог бы, что ли! Стоит, разглядывает, да усмехается!

Иван в данный момент вовсе не усмехался, а со все возрастающим «интересом» разглядывал попу подруги.

«Эх! Ей бы чуточку поправиться! А так — формы — очень ничего! Правильная такая попа!»

Сам не понимая, что делает, Иван сделал шаг к Вере, и пристроился к ней сзади. Та, полагая, что он и правда решил ей помочь, затихла, наклонившись.

— Ты... ты что, сдурел, Ваня! Ты... не туда же! Что ты делаешь! Ты... ну-ка перестань! Я тебе говорю!

Но его уже было не остановить. Он только сильнее прижимал ее к себе, и двигался, двигался.

— Ну... давай же уж быстрее, что ли...

Потом, когда он снова закурил, сидя привалившись к печке:

— Вот же дурак! Ой, дурак какой! Совсем чокнулся!

— Извини... не удержался. Больно уж вид у тебя был сзади... аж в голове зашумело!

— Ты что... смазывал его что ли? А чем?

Иван кивнул на стоящую на столе плоску с домашней сметаной.

— Я ж и говорю — дурачина! Сметану испоганил!

Иван опешил:

— Ты чего? Я же... я же ее двумя пальцами из плоски зачерпнул! А ты что подумала?

Вера секунду смотрела на него, а потом «прыснула»:

— Ох и морда у тебя сейчас была! Ох и морда! — она, закатываясь от смеха, чуть согнулась.

«Это она так подколола меня, что ли?»

— Ну-ка пусти, — Вера отодвинула его и скрылась за занавеской, где в кухне стоял раковина, побрякала носиком раковины, поплескалась водой, через некоторое время вышла, посмотрела на него, и опять расхохоталась.

Потом Вера чуть успокоилась, и уже от двери:

— Слушай! А у тебя цыган в роду не было? — с усмешкой смотрела на него.

Иван задумался. У Елизарова — цыган точно в роду не было, а как там у Велитарского, или у Косова — Бог весть!

— Да вроде не было! А ты чего спросила-то?

— Да бабы как-то рассказывали, что вот у цыганок такой способ есть — когда баба понести не хочет, а мужу же — не откажешь, вот так они и делают. Вот я и говорю — цыган! Чтобы не вздумал даже о таком впредь думать, понял? А то — не приду больше!

Он поднялся, подошел к ней и обнял:

— Ну, прости, прости! Правда, что-то нашло... Как затмение какое! Тебе не больно?

— Больно, конечно... Ну — не сильно. Уже прошло! Но — ты меня понял, никогда больше! Понял?

— Да ладно, ладно, красивая моя! Извини. Что уж тут — если ты на меня так действуешь — аж голову теряю!

Увидев, что Вера довольно улыбнулась, потискал ее за попу и повернул к двери:

— Иди... а то — хозяйка вот-вот вернется!

В понедельник, ранним утром, поживаясь от прохладного ветерка, переправившись на пароме через Обь, он нашел контору Лесосклада.

Тут удачно вышло — когда он спросил у Петровны про паром, она и рассказала, как туда пройти, да как он, этот паром ходит — расписание его. Оказалось, что с конца апреля и до конца октября, практически от Малой Нахаловки, где он сейчас и проживал, и, практически к Лесобирже, через Обь ходит паром.

Чтобы точно не опоздать к назначенному времени, он пошел на переправу еще к семи утра. Паром представлял собой этакую небольшую баржу, с прицепленным к ней с боку, маленьким парходиком-буксиром.

«Ишь ты, какой «чих-пых» интересный! Маленький, даже меньше «путейца» из будущего того мира, откуда сюда свалился Елизаров. Утянет ли такую баржу?».

Меж тем на баржу, кроме людей, которых уже набралось человек двадцать пять-тридцать, заезжали телеги, и даже парочка полуторок. Но «чих-пых» справился, правда — небыстро.

Василий Тимофеевич отругал его, за то, что приперся без документов, потом — заставил записать на листке карандашом личные данные:

— Ты чем думал-то? На работу устраиваешься, а пришел без документов. Хоть метрики

бы принес!

«Ага... они у меня будут только через неделю, в пятницу!». Ну — не говорить же об этом мастеру?!

— Ладно... Сейчас сам отнесу на оформление, попрошу, чтобы так записали. Но — смотри! Если что — чтобы сразу представил!

Вернулся он минут через пятнадцать:

— Так... загвоздка тут есть — инспектор наш уехал. Оформит потом. И вот еще что — придешь сюда в следующий вторник. Там вроде бы еще кого оформлять будут, а уж потом — я вас отправлю с кем-нибудь на то здание. Всех сразу.

И пошел, бурча о том, что весь этот бардак, да клуб этот — ему надоели хуже горькой редьки.

«С одной стороны — хорошо. К тому времени уже и ксивы уже будут готовы. С другой — хотелось бы, чтобы этот неопределенный период закончился побыстрее!».

Времени было «вагон», и Иван решил прогуляться, посмотреть, где эти Бугры, да будущий клуб — чтобы иметь представление.

«Ну да, прав был Тимофеевич — на кой черт брать себе объект, который расположен километра за три от основной территории?!».

Пару раз спросив дорогу до Бугров у встреченных людей, он добрался наконец до деревни. Благо погодка стояла чудесная, и прохладное утро, сменилось тем же утром, но уже с пригревающим солнышком.

Иван сегодня оделся в старую одежду — на работу же шел устраиваться! И поэтому, по пути, ему пришлось дважды перематывать портянки — все что-то мешалось или съезжало туда, куда съезжать не нужно!

«Забыл совсем как правильно портянки мотать! А там, с самого начала, на берегу — нормально так замотал, ничего не сбивалось. Ладно... научусь, руку набью, как говорится!».

«Ну что сказать... Объект действительно стоит чуть наособицу от деревни — метров сто до околицы, чуть больше!».

К самому зданию он подходить не стал, прошел мимо — вроде как в деревню. Но сел под забор у первого же дома и закурил.

Будущий клуб представлял из себя немаленькое здание. Одноэтажное, оно состояло из кирпичной, оштукатуренной и побеленной центральной части. Если навскидку — так метров двенадцать-пятнадцать длина стороны. Эта часть, похоже, квадратом будет. Над ней, имелся мезонин, или как его правильно назвать — второй этаж, который только над частью здания — в данном случае, центральной. Два крыла здания были бревенчатыми, уже изрядно серыми от времени.

«Ага... а клуб-то выйдет немаленьким! Это не изба-читальня какая-нибудь!».

Вокруг здания отсутствовал хоть какой-то забор — так и стоит «во чистом поле!».

«М-д-я-я... тут работы, даже на взгляд — месяцев на пять! И окна кое-где выбиты, и вон — стена чуть темнее, а, значит, крыша протекает. Про штукатурку и побелку центральной части — вообще молчу. Я почему и понял-то, что здание кирпичное? Вон пятнами все это по отваливалось! Тут тебе, Ваня, не сторожем истопником работать, а разнорабочим, грузчиком, да строителем — как раз до осени! И если так его восстанавливать, как сейчас идет — так и на пару лет растянуть можно!».

В настоящий момент только пара мужиков что-то ковырялась на крыше.

«Кровлю чинят, выходит! А нет — вон и третий мужичок появился. Ну что сказать —

ударные темпы! Если директор Лесобиржи будет так организовывать работы, то у райкома у нему вопросов будет еще больше! Ладно... наши, посмотрели на место будущей работы, надо возвращаться!».

За неделю, борясь со скукой, Иван переделал, пожалуй, всю работу в доме, и во дворе Петровны. Ту — которую она ему поручила. Бабка была очевидно довольна, потому как, и отношение ее к нему явно улучшилось.

Она уже и по вечерам могла с ним поболтать о том, о сем.

— Мы же сюда в восемнадцатом приехали, я, муж мой, да сыновья. Младший-то вообще маленький был, да и среднему — только шесть лет исполнилось. А старшему — Мите только десять было. Да времечко-то было — ой и лихое! Страх, что творилось — и в городах, и по дороге. Муж мой — тот был мастером на «чугунке». Вот и средний сын в него пошел, тоже — путейский.

— Да здесь осели, пришлось — сыновья разболелись. Помыкались мы, победовали! И тиф-то тут, и голодуха, и не горазды всякие! Митя вот у нас помер... Простыл... да и сгорел в неделю...

— Какие-никакие деньги у нас были — вот дом этот купили. Потом уж, как война кончилась, муж в депо устроился. Опять же — мастером. Справно жить стали, ничего не скажу. Только вот муж болеть стал, да в тридцать первом году и помер.

— Слава Богу — средний сын был уже взрослый, работать стал, семью содержать. Так и младший вырос. Сейчас — и разъехались...

А вот про Савоську, да его связи с ее мужем — ни словом не обмолвилась.

«Вот даже предположить не могу — что их связывало раньше! Получается, что никаких ей не шестьдесят лет... Лет пятьдесят от силы, не больше. Потрепала ее судьба, что и говорить. А пенсию ей, тогда — как назначили? Все-таки, больше ей — пятьдесят пять вроде должно быть, или здесь снова все не так, как у нас было?».

Во время очередного визита Вера дополнила рассказ Петровны:

— Я малая совсем была, когда они здесь поселились, толком и не помню этого. Сам-то — справный такой дядька был. Серьезный, да строгий. Все в визитке путейской ходил и в фуражке. А Петровна, та — как мыла кусок, со всеми перезнакомилась, ко всем влезла. Хитрая она! Нет... Так-то жили нормально, по-соседски. Но — они как-то... зажиточнее. Вроде и денег у них особых не было, но — получше они жили. Потом дядька Ефрем помер. А через два года — и мамка моя умерла. Мне ж всего семнадцать лет было... Дура-дурой! А Василий их... ну — Петровны, получается средний сын — и ну ко мне подкатывать, ну — обхаживать! Вот я дура и клюнула! А Петровне-то — зачем такая сноха сдалась? Сам же видел — их дом, и наша избушка развалюшка! И — ни денег у меня нет, ни родни какой... Сама тянулась, тянулась, чтобы лишнюю копейку заработать! Ага... а как у меня живот показался — ух! Петровна такие скандалы, такие склоки стала заводить! Что ты!

— Вот так и развела нас с Васькой. Правда, вот — с Андреем свела, сосватала. Надо же куда-то чуть ли не сноху пристроить, чтобы люди языками не болтали! Он же... Андрей-то у меня, издалека. Тоже никого рядом нет. Приехал — на заработки из своей деревни, да так и остался, со мной...

«Блин... Санта-Барбара какая-то! Чего только в жизни не бывает!»

В очередную пятницу, в назначенное время, Иван вновь сидел на веранде, в парке Сталина. Народу здесь было чуть больше, чем в первый раз — благо погода располагала. Лето уж совсем вступило в Сибирь. Солнечно, даже — чуть припекает. Листва на деревьях,

травка, пичуги разные — все действовало на Ивана как шоколад. Читал в прошлом, что шоколад способствует выработке эндорфинов — гормонов счастья. Ну — счастье, не счастье, а настроение у него было — отличное. Вот и на девушек, встреченных на улице, по пути сюда, пялился в открытую, улыбался. И, что характерно, некоторые ему улыбались в ответ! И можно было бы — замутить, но — встреча важная! Никак не пропустить!

Представитель творческой интеллигенции, а кто сказал, что «блиноделы» — не творческая интеллигенция в криминальном мире, прибыл вовремя! Опять умудрился зайти со спины, присел за столик, посмотрел на початую кружку пива перед Иваном, хмыкнул.

— Пиво будешь? — проявил радушие тот.

Парень чуть задумался, потом махнул рукой:

— А давай!

Иван обернулся к прилавку и показал рукой на свою кружку, поднял вверх один палец. Продавец, он же — официант увидел, кивнул.

Дождались, пока принесут кружку пива, да какие-то баранки на тарелке. Парень, смачно отхлебнув из кружки чуть не половину, протянул Ивану сложенную газету:

— Все готово. Можешь посмотреть.

Присутствующие на веранде граждане сидели поодаль от них, но — тем ни менее, Иван, стянув газету себе на колени, приоткрыл листы.

«Так... аттестат. Нормально. Не знаю, как должен выглядеть здешний аттестат, но документ выглядел почти новым, так — чуть потертым, совсем слегка. Метрики... тоже почти новые, чуть потасканные... копия».

— Копия? — Иван удивленно смотрел на парня.

То слегка пожал плечами:

— Так проще. Оригинал утрачен, взамен его выдан новый документ. Старить не пришлось... Почти. Да не бойся, все в лучшем виде!

Иван тоже пожал плечами.

«Ну, пусть так. Ага... расчетная книжка тыр-пыр-тырского леспромхоза. Наименование организации — чуть заляпано какой-то темной жидкостью, читается плохо... масло машинное, что ли... Листы подзасалены, даже вот и отпечатки пальцев есть, но смазанные, неопределяемые. Обложка — тоже имела вид многоюзанной, как сказали бы в будущем. Ну, а что — нормально, как мне кажется. Вполне добротная работа! Если через эксперта не проводить, так девяноста девять процентов граждан скажут — настоящие документы».

— Г-м-м... ну что — работа сделана качественно. Работа должна быть оплачена. — Иван вынул документы из газеты и сложил их во внутренний карман куртки, висевшей у него за спиной, на спинке стула. В газету же сложил деньги, потом вернул ее парню.

Тот в свою очередь, чуть развернул ее, глянул, кивнул и одним глотком допив пиво, поднялся:

— Бывай, босота! Не залетай по-крупному! Если что понадобится, через Игнатьича найдешь!

Миг — и нет его.

«Вот же деловой — до изжоги!».

А Иван еще заказал кружечку пивка. Очень уж оно ему понравилось. Не такое резкое, и крепкое, как в будущем. А так... больше похоже на квасок домашний. Но все же градус в нем чувствовался.

«Кайф! Солнышко, парк, вон видно — девушки гуляют! И — молодость!»

Нет, все же настроение у него — замечательное!

Не торопясь, прогулочным шагом, дошел из парка до швейной мастерской. Здесь его уже встретили более уважительно. А что — приличный молодой человек, одет неплохо. Чистая публика!

В том же кабинете, тот же Александр и мастер Николай Яковлевич показали ему скроенные горку и берцы.

— Костюм мы решили сделать чуть больше — думаем, из чего подкладку куртки пошить.

— А что тут думать? У Вас «шотландка» есть? Только сделайте подкладку все же съемной. По крайней мере — вот эту, для меня. А там — как хотите!

Примерил. Неплохо, совсем неплохо! Верх куртки, плечи и верх груди они сделали двойной тканью, как он и говорил. Так же — двойная ткань была на локтях, на коленях штанов и на заднице.

«Странно... вроде и брезент, а какой-то мягкий, не коробит вовсе. Но — здесь они перемудрили. Эта ткань, как по мне, будет сильнее воду пропускать. Ладно — хозяин-барин!»

Ботинки были тоже... как сказать — сверстаны «наживую». Подошва, показалось — чуть тонковата. Сантиметра полтора-два. Но — это, скорее всего, по причине технологий.

«Сейчас, похоже, все подошвы — вообще из кожи делают. Пусть толстой, но кожи. А у нее износ должен быть — изрядным. Ладно, пусть так будет. А вот кожа, на ботинках — порадовала, толстая, но мягкая, в характерных таких «пупырышках».

— Это свиная кожа, Иван, — давал пояснения Яковлевич, по причине отсутствия Трофима, — бычью решили не ставить. Она хоть и толстая, но — грубая, почти не гнется. А телячья — наоборот, тонкая. Ее мы поставили на подкладку. Так что — вот что получилось!

«Носки они на ботинках зря так заузили. Все какие-то штиблеты ваяют! И ведь говорил же — чтобы ноге в носке было свободно! Ладно... на ноге сидят приятно».

Иван передал мастеру задаток за «горку» и ботинки.

— Так... а — сумка?

Мастер шлепнул себя по лбу, махнул рукой Александру. Тот притащил требуемое.

«Так... что тут? Не... так дело не пойдет! Они опять какой-то саквояж смастырили!»

— Уважаемые! Если костюм и ботинки — вполне устраивают... Хотя — ботинки... Я же просил Вас не заужать носок — даже в шерстяном носке ноге должно быть свободно в ботинке. Не болтаться, а — свободно. Хорошо сидеть на ноге, но не давить по ширине, по объему. Предполагается, что человек ходовой охотой проходит за день километров десять, а то и больше. Представьте, что будет с ногами, если ботинки жмут изначально? Через три, максимум пять километров, человек останется без ног. А в лесу — это почти наверняка — труп!

— Так вот... сумка. Здесь нужно усилить, да-да... вот — под ремнями. Боковые крепления — тоже. Вот сами ремни — да, тут все нормально.

«Ремни они скомбинировали — застежки — кожаные, а сами ремни брезент, как бы не тройной, прошиты качественно, вроде бы и внутрь для объема, но и плотности что-то засунули. Да и по ширине — вполне!».

— Теперь — верхний клапан... он должен быть точно не промокаемый. Да хоть «чертову» кожу поставьте.

— Александр! Помнится мне, у какого-то из наших, как говорили, был ранец

германский. Вроде там верхний клапан был из телячьей шкуры..., - обратился мастер к напарнику.

— Ну, шкура мне представляется лишней. Да и дорого выйдет, скорее всего. А «чертова» кожа — дешевле! — внес я свои «пять копеек».

Потом обсудили, что должно быть внутри ранца. Остановились на двух отделах, расположенных вдоль. Добавили еще два кармана — под клапан, на наружной стороне ранца. Небольшие, под различные причиндалы. Поспорили за вертикальные карманы на торцах ранца. Еще больше поспорили за дополнительные ремни на днище — для подвеса.

— Да Вы и сами можете определиться — как удобнее. К примеру, насыпали в ранец песку до верху, и пусть Ваш работник, из тех, кто помоложе, оденет на плечи, да походит-попрыгает немного. Видно будет — что удобно, а что — нет. И сразу ясно станет — где усиливать нужно.

Потом попили чаю, успокоились и еще раз прошлись по всем пунктам. И наконец-то пришли к консенсусу!

— Катарсис, мля... — я выдохнул.

Александр весело хмыкнул, а старый мастер удивленно-осуждающе покосился.

— Вот что я еще Вам предлагаю! Когда будут готовы мои вещи? Ага-ага... через неделю...

«У-п-с... а через неделю — я уже буду работать. Так свободно временем уже не пораспоряжаешься!».

Объяснил работникам иголки и ножниц. Поморщились, но договорились — на следующее воскресенье. Так же — на обеденное время.

— Так вот! Когда будет все готово, то есть в воскресенье. Я, естественно, все примерю и вот тут можно будет начать — рекламную компанию. Как? Пригласите фотографа — пусть сделает несколько фотографий каждой вещи отдельно, а потом и меня в них — с разных ракурсов.

«Фотографии, говорят, если крупные — будут дорого стоить?»

— Ну... тогда — фотографии во что-то типа альбома, клиентам показать. А крупно — как на плакате — рисунки. Художника-то найдете? Ага... вот и ладненько. И повесите их... да вон — в фойе, рядом с кассами. Пусть взгляды притягивают. Мужчины и заинтересуются.

«Промоушн, это вроде бы называется... или нет?».

Потом Иван спросил про опасную бритву. Уже не раз потирал себя по подбородку и с неудовольствием ощущал тонкие волосенки. Так-то их щетиной не назовешь, молод еще, но и «козлячью» бороденку заводить — никакого желания.

Александр принес набор. Новый. Бритва, помазок, стаканчик. Еще в наборе была керамическая палочка — для правки, а на крышечке набора, изнутри — зеркальце.

«Х-м-м... и вовсе не «Золинген», как можно было подумать! Вообще какая-то неизвестная ему фирма. Ага... «Шведен», страна-производитель, то есть. Ну — «Шведен» — тоже неплохо!».

А денежки-то улетают!

Во вторник, уже к восьми утра, Иван был у конторы Лесобиржи. Дождавшись у крыльца прихода Тимофеича, спросил:

— Доброе утро! Ну, что, Василий Тимофеевич! Получается что с клубом?

Тот сморщился, как от лимона:

— Клуб этат... в печенках у меня сидит! Вот спихнули на меня эту доуку, а кто все

делать-то будет... и-эх! — он махнул рукой, потом посмотрел на Ивана, — вон, вишь в курилке мужики сидят? То твои... коллеги, ага! Вместе работать будете, на клубе. Ждите там. Планерка у директора закончиться, я выйду и все обскажу.

Иван подошел к стоящим неподалеку скамейкам, на которых сидели двое пожилых мужиков. Оба лет по пятьдесят, одеты... ну — как сельские жители сейчас одеты. В рабочее, что не жалко!

Поздоровался, присел рядом. Один из мужчин, видом посправнее, коротко кивнул, посмотрев с любопытством. Второй — ничего не ответил, даже не посмотрел в сторону Ивана.

«Вот же... еще один... чудак! Поздороваться что ли тяжело?».

Через некоторое время к ним подошел Тимофеич:

— В общем так, мужики! Вы трое оформлены. Пока — рабочими на стройке. Потом, как клуб закончат, то — перед передачей, переоформиат на должности сторожей, да еще ставки истопника, да дворника — меж вами поделят. Подходяще так должно выйти! Сейчас идете на место, присмотритесь, что и как, что там делать в первую очередь, что — после. Там сейчас директор уже должен быть... Прости, Господи! Кто это чудо в директоры назначил! Чем люди думают?!

Тут уж Иван с мужиками переглянулись — что там за человек-то такой, если Тимофеич, так относится?

— Ладно... то дело — другое! Часа через два... ну, может — три... к обеду — точно! Я подъеду, инструмент там привезу, еще чего. Да и своим взглядом посмотреть хочу, что там сделано, да что делать нужно. Какие материалы привезть надо! Вот, мужики, парень, зовут Иван! Вы уж своим взглядом посмотрите, что к чему, а Иван — запишет. У тебя сколь классов образование? Десять? Ну — почти инженер, что ты! Вот так... набросайте, что и чего. Лады? Ну — все, а побег! А то у меня и кроме этого клуба забот — полон рот!

Вновь принятые работники поднялись, переглянулись и подались по дороге в сторону деревни, а стало быть, и клуба.

Шагалось легко. Утром, солнышко, воздух свежий — лепота!

За плечами Иван нес вещмешок, который ему еще Савоська «подогнал». В мешке лежал котомка с продуктами, собранными Петровной. Изрядная часть каравая хлеба, все те же варенные яйца, шматок сала в тряпице, пара луковиц, да бутылка с молоком, чье горлышко Иван заткнул подстроганной по размеру палочкой. Вполне хватит нормально пообедать!

Еще в вещмешке лежала финка в новых ножнах. Сбрую Иван брать не стал — к чему лишние вопросы. А нож — так у каждого нормального мужика при себе нож имеется, такой, не такой или вообще — перочинный, но ножик хоть какой должен быть! Ножны и сбруя у Ивана получились неказистые, но вполне — рабочие. Примерил по ноге, походил, даже — попрыгал. Не болтается, не давит. А что — непривычно, так — со временем привыкнет.

Сначала взяв привычный ему темп, Иван заметил, что мужики сразу стали отставать. Мало того, что — возраст, да еще один из них, тот, что не погнушался поздороваться — сильно хромал. Пришлось остановиться, дожждаться их, а потом — приноравливаться к их неспешной ходьбе.

Идти тут — километра три, как не больше. Постепенно, слово за слово, все-таки разговорился этот, хромой мужик. Второй, нелюдимый который, шел впереди них метрах в пяти, и в разговоре участия не принимал.

Отвечая на вопросы, Иван рассказал о себе, что, мол, приезжий, здесь — меньше

месяца. Детдомовский, чуть больше двух лет работал на Севере. Что — решил все-таки учиться, вот — приехал в Никольск, к знакомому дядьки. Тот и сосватал его на эту работу.

— Так что ж... если учиться надумал, зачем на работу устроился?

— Так за два года-то, все, что в школе учил — уже подзабылось! Куда я сейчас поступлю? В ФЗУ, разве что. Ни в техникум какой, ни в училище... Вот и решил, поработак зиму, учебники возьму, вспомню что, а на следующий год — уже поступать решу. Правда, еще не определился — куда.

Так, за разговорами, не торопясь, они дошли до клуба. На лавке у входа, сели, покурили. А тут и Тимофеич на полуторке подъехал.

— Ну что? Смотрели уже? Что тут к чему? — сразу с места и в карьер.

— Так... когда бы мы успели-то? Только ж дошли! Вот — и сигарку еще не скурили! — возмутился «нелюдимый».

«О как! Он говорить умеет! Первые слова, что от него услышал!» — Иван был удивлен.

— Что-то долго ходите... Ладно! Где тут директор этот! — Тимофеич по-хозяйски зашел в здание, — Илья Николаевич! Директор! Илья Николаевич! Вы где тут?!

И чуть слышно добавил:

— Ну и где этот блаженный?

«Почему блаженный? Что-то я уже боюсь — этого директора!».

К удивлению Ивана, никаким блаженным появившийся в вестибюле здания молодой мужчина не выглядел.

«Ну да... как на вид — то на директора клуба... да на любого директора! Этот человек не тянет».

На вид, этому парню было лет двадцать пять — двадцать семь. Одет — по-простецки: штаны, туфли неказистые, простая сорочка с подвернутыми рукавами. Буйная шевелюра темно-русых волос, худощавый. Можно сказать даже — худой. И рост — повыше Ивана. Сутуловатый какой-то, нескладный. И еще — очки, с какими-то дико толстыми стеклами.

«Так он же — слепой фактически! Ну да... как и кто его сюда определил? Теперь понятно, почему — блаженный!».

И вид у этого... директора был довольно растерянный.

— Ну что, Илья Николаевич! Осмотрелись? Как Вам здание? Работы много? — Тимофеич явно решил победить это «недоразумение» напором.

Директор постоял, задумавшись, слегка покачиваясь с пятки на носок, потом почесал затылок, снял и протер очки. Вид без очков у него был донельзя потерянный!

«Как есть — блаженный!».

— Видите ли... Василий Тимофеевич! Я... как бы это сказать... я — не строитель! Я — музыкант, и еще — организатор культурной деятельности, если так можно выразиться! Мне сказали при назначении, что я буду работать в клубе. А вот клуба — я не вижу. Помещения — да, имеются. Но — абсолютно не приспособленные. Я бы даже сказал — в полуразрушенном виде! И где тот клуб, который я должен возглавить?

«А что — он прав! Не такой уж он и блаженный, выходит».

— Ну ладно... ладно. Все будет, все отремонтируем, все наладим... Согласно смете и планам. Вы планы смотрели, Илья Николаевич?

— Смотрел. Но мало, что понял.

— Г-х-м... давайте снова пройдемся, посмотрим. Иван! Бери листок и карандаш, пойдешь с нами. Делай сразу заметки — где, что и сколько!

«Вот же... я если бы я не взял карандаш и тетрадку. Ну так — вдруг что записать придется. На чем бы я сейчас писал? Похоже ничего и никогда не меняется — делай то-то и то-то, а чем делать, на чем делать, начальство не волнует! Не может делать — ты и виноват!».

Втроем они пролазили от крыши по всем помещениям, вплоть до осмотра кирпичного фундамента. Первым шел Тимофеевич, потом — Илья, ну а Иван — за ними. Где говорили писать, он писал, где говорили что-то начертить, он чертил. На каком-то этапе, Тимофеич, в очередной раз не добился требуемого ответа от Ильи, перевел взгляд на Ивана, а тот — возьми ему и ответ! С этого момента, расстановка сил и средств — поменялась. Впереди, по-прежнему шел Тимофеич, за ним — уже Иван, а сзади плелся Илья.

«Ага... кровля — металлическая... ну — понятно, кровельное железо. Красить нужно, да перед покраской — прогрунтовать, а то — на два-три года только и хватит!».

Дальше — остекление здания... Окна, надо сказать, здесь — очень большие! Как бы не метра два в высоту, по ширине, правда — всего метр. И их охренеть как много! Многие шибины выбиты и забиты фанерой. Тимофеич, как стали подсчитывать требуемое количества стекла, взгрустнул! Потом — прошлись по помещениям.

«Как-то по-дурацки здесь планировка сделана. На первом этаже — всего три больших помещения. Крайние помещения, и огромный холл. Непонятно — это так изначально сделано, или уже после — под себя кто лепил?».

В процессе всего этого у Ивана вдруг заурчало в животе. Илья покосился на него, но промолчал, а Тимофеич усмехнулся:

— Ну все правильно — война-войной, а обед-то — по распорядку!

Иван предложил свою котомку в качестве перекуса. Точнее — то, что в ней было!

У Тимофеича тоже что-то имелось. Позвали водителя с полуторки, да мужиков. Правда те — отказались. Им до дома — рукой подать, сходят на обед по домам.

В фойе выбрали пару досок, положили их на какие-то чурки, получился стол. Иван и Тимофеич выложили свои припасы.

Директор было отказался, но пристыженный мастером — «Не по-людски как-то получается, не по-русски!», присел с ними.

Вчетвером сметали все быстро и подчистую. Правда — стаканов не было, и пришлось в конце обеда, бутылку с молоком передавать по рукам. Но — ничего! Справились!

Обедали споро, не задерживаясь.

Потом — продолжили «исследовательскую деятельность».

— Так... вот по плану — то, что слева от входа... ага... библиотека! То, что справа — актовый зал... ну и комната для занятий, — это Тимофеич пытается разобраться с планом.

— На втором этаже... так-так-так... а — вот! Кабинет директора и еще какое-то помещение... Ни хрена не понятно... что здесь написано-то! Иван! Может ты с твоими глазами разберешь — что тут написано?

Но и Иван тусклые иероглифы плана разобрать не смог.

— Ладно... по ходу дела — разберетесь, что тут у Вас будет!

— А это что за помещение? — Иван углядел дверь из холла, под лестницей на второй этаж.

— А пойдем, посмотрим!

Ну... зашли, посмотрели. Помещение небольшое, три на четыре, примерно. Чтс характерно — имеет выход на тыльную сторону здания, на улицу, то бишь!

— Да хрен его знат, что это за «кильдюм» такой, — Тимофеич смачно выматерился.

Эта коморка была изрядно завалена всяким хламом. Тут и какие-то сломанные лавки, и старые оконные рамы и какие-то мешки — непонятно с чем. Пахло затхло, и с изрядной гнильцой!

М-да... работы тут — пиздец сколько! Даже Илья, хоть и не от мира сего, но — проникся, впал в депрессию.

— Илья Николаевич! Вы... бросьте так уж реагировать! Как говорят наши идеологические противники — уныние суть тяжкий грех! А уж комсомольцу... Вы ведь комсомолец? Во-о-от! Тем более — не пристало! — это Иван пытается поддержать директора.

— Василий Тимофеич! Вы же понимаете, что втроем мы будем года три все это восстанавливать! К тому времени, что мы первое восстановим, уже снова ремонтировать придется! Нужно как-то донести до директора Биржи, что на объект нужно перекинуть рабсилу. Причем — квалифицированную, а не тех — бери, кого не жалко!

— Илья Николаевич! Вы же входи в райком комсомола? — на слова Ивана Тимофеич напрягся — видать боится, что клязу в райком «скатят». Но он зря так думает, Иван сейчас — по другому поводу.

— Н-у-у-у... да. Там меня тоже принимали, перед назначением.

— Вот! — Иван для весомости поднял палец кверху, — нужно просить закрепить данный объект за комсомольской организацией какого-то предприятия. Субботник там устроить, ребят задействовать на ремонт! Сообща то — и батьку бить куда как сподручнее!

Тимофеич повеселел:

— Точно! Ну... и мы тоже — молодежь нашу привлечем к этому делу! А как жа! Нужное дело ведь делаем!

Потом прошли вокруг здания.

— Так... сарай нужен! Пока — как склад под материалы, чтобы в здании под ногами не болтались. А потом — дровяник будет!

— Первым делом — туалет на объекте нужно сделать! А если людей будет много, а тем более — и парни и девчонки — то не одинарный, а двойной!

Тимофеич как-то с уважением посмотрел на Ивана:

— Правильно! С этого и начнем! Ты... Иван, вот что — давай-ка напиши все, что мы тут намерили. Распиши — чего и сколько нужно. Посчитай там... ты ж у нас — грамотный. Десять классов — не хухры-мухры!

— Василий Тимофеич! Так когда же мне этим заниматься-то? На работе тут — до шести, пока до дому доберусь — все восемь! За ночь я все это не успею — факт!

Мастер постоял, подумал, почесал затылок:

— Вот что! Мужики, — он махнул на так и сидящих на лавочке перед зданием коллег Ивана, — завтра пилмат на туалет примут, да его сооружать начнут. А ты — сегодня тебе вечер, завтра день, да вечер — но к послезавтра, утром! представь мне расчет весь! К директору пойду! На хрена мне здесь за весь бардак крайним оставаться?

Шагами они измерили расстояние от здания, вколотили колышки. Обозначили, значит, границы сарая-дровяника, потом и туалета.

Возражений такой план работ у пожилых сторожей — не вызвал. Что там? Туалет сколотить — не столяра работа! А плотничать русский мужик — всегда умел. Все — своими руками у себя в хозяйстве делалось!

Директор клуба начал излучать робкий оптимизм.

Уже когда Тимофеич убыл на полуторке назад, на Биржу, а мужики — ушли к себе по домам, директор пожал Ивану руку:

— Спасибо тебе, Иван! Я же во всех этих делах совсем никак не разбираюсь! И еще... слушай... если между собой, без посторонних, зови меня просто Ильей. Сколько у нас разницы-то в возрасте?

«Ага... зовите мне просто — Ильич! Тут не в возрасте дело, а в статусе! Ну... может быть и научиться когда-нибудь, заматерееет».

«Это... что же получается... мы с этими расчетами — часа четыре, а то и больше по зданию пролазили. Вечер уже! И мне пора домой двигать!».

Вместе с Ильей они дошли до «железки», станции Кривощекково, то есть. И еще и там постояли, пока «передвижка» не подошла.

Илья рассказал Ивану вкратце свою биографию — и что учился он здесь, в Никольске. И что в семье он — «последыш», а две старшие сестры, обе уже замужем, и с детьми обе — живут здесь же, в городе. Что с детства любил музыку, занимался ей всегда. Уже после школы, отучился в техникуме, работал в филармонии.

Тут Илья несколько сморщился. Видать — не задалась у него работа в творческом коллективе. Потом — в отделе культуры горисполкома. Ну — не великой шишкой, «подай-принеси». И все время просился отпустить его «на землю». Вот — его и отпустили! Тут и непонятно — радоваться или плакать, от такого назначения? Выплывешь — молодец! Нет? Да и хрен с тобой!

И он сейчас очень боится не оправдать «высокое» доверие!

— А ты — на каких инструментах играешь? — хотелось бы сбить это душеизлияние. Очень уж похоже — что Илья и правда, не от мира сего. Такой... домашний мальчик, хранимый от невзгод, и вот — нашел, кому можно поплакаться в жилетку. Как-то неприятно Ивану стало.

Илья задумался. Потом принялся загибать пальцы:

— Гармонь, баян, аккордеон. Ну — это в принципе — почти одно и то же! Дальше — гитара. И шести-, и семиструнная. Труба, вот еще. Флейта. Скрипка. Да... на ударных — тоже пробовал, но недолго совсем!

Иван — охренел!

— Так ты — человек-оркестр! Как ты все это осилил?

— Ну... я же говорю — я музыку люблю. С детства занимаюсь. Там же как? Стоит только один-два инструмента освоить — а потом каждый следующий — уже легче и легче! Вот как-то так!

М-да... Елизарову в той жизни не приходилось встречаться с такими людьми. Он и сам еще в старших классах брэнчал на гитаре. И в училище — тоже. Тоже брэнчал. Но потом — все реже и реже. И его навыки — «три аккорда, три аккорда — я тебе сыграю гордо!».

Оказывается, директор — вовсе не блаженный, а кто-то, больше похожий на гения? А они, как известно, все на голову больные?! М-да... тут нужно думать — к хорошему это, или к плохому. Но пока — дико интересно!

Проводив Илью, Иван рысью понесся к парому. Вроде бы как раз успевал. И успел.

Все складывается успешно, даже страшновато — где эта хренова черная полоса? И что она принесет?

Вчера, по возвращению домой, Ивану пришлось выслушать ворчание хозяйки — «дескать, не привыкла она так поздно ужинать!».

«Можно подумать — кто-то просил его ждать?».

Но потом, когда ужинали, все интересовалась, как там у Ивана складывается. А как складывается — он и сам пока не знает! Рассказал все, как есть.

— Так, сторожам же платят мало. Как на эту зарплату жить-то?

— Ну, там еще ставки дворника, и истопника есть. Вот мы, с другими, и будем все это тянуть, да делить.

— Там тоже — крохи!

— На жизнь, на продукты то есть — хватит. Жениться я не собираюсь. Зато времени свободного будет достаточно, чтобы на следующий год подготовиться и поступить куда-нибудь учиться.

Петровна головой кивала, но губы — поджала. Не одобряет, значит! Да и ладно!

Иван сказал, что ему поручили сделать расчеты по стройке, поэтому завтра на работу он не пойдет. А вот — послезавтра, ему нужны будут продукты с собой, пообедать.

И опять хозяйка недовольна — толи они вместе едят, то есть — стоимость продуктов для нее вдвое меньше, толи — Ивану отдельно собирать!

«Перетерпит! И так плачу ей и за житье, и за продукты!».

Она опять напомнила, что Иван живет у нее — только до октября, до приезда сына.

«А то я не помнил! М-д-я-я... а бабуля-то и правда — не подарок!».

Придя к себе, Иван достал тетрадку с записями, просмотрел, задумался. Не строители он, это — понятно! Но какие-никакие планы его составлять учили. Поэтому — вперед!

Разбил по пунктам — покраска-расчеты, побелка-расчеты, ремонт стен-расчеты. Добавил плотницкие работы, благоустройство... ну — это уже хотелки!

Сидел, считал, писал, чиркал... Потом — плюнул и завалился спать!

«Широка страна моя родная! Много в ней полей, лесов и рек!»

Шесть утра. Утренняя зарядка и Иван напевает, то вслух, то — про себя. Сегодня небс чуть хмурится, солнышка нет, и ощутимо прохладнее.

«Интересно, а почему хозяйка радиоточку не проведет? Или здесь еще радиофикация до Нахаловки не дошла? Или — она не проводит радио по принципиальным соображениям?»

Отжимания, приседания, подтягивания — Иван для этого присмотрел неплохую балку в сених. Осторожно попробовал — держит! Ну — вот и вместо турника порботает!

Все вместе, с разминкой — чуть не полтора часа занимает!

Потом — водные процедуры. Шведский несессер он опробовал — очень неплохо вышло. Сейчас хоть подбородок можно потрогать без неприязни к себе, родимому!

Потом — заглянул за занавеску в окно сеней хозяйки. Ее уже не было дома.

«И хорошо! А то она что-то в последнее время как-то «доставать» начала. Еще и после рассказа Веры — положительных чувств к Петровне не добавилось. Вера может и слукавила, но... судя по характеру Петровны — скорее нет, чем да.

А потом и Верунчик пришла. Она уже практически не стесняется Ивана, и после очередного «подхода к снаряду», лежа на одеяле, на полу, не заворачивается во что попало, как гусеница.

Этому способствует и то, что Иван, без устали нашептывает ей, какая она красивая, да как ему нравится ее фигура. И между прочим — почти не врет!

Фигура и правда — очень неплохая. Красивая даже, можно сказать, фигура. Тут диету соблюдают — вынуждено. Особенно вот такие семьи, без особого достатка. А вот физической работы — через край! Поэтому у Веры жирок на теле и найти-то... сложно. Хотя чуть-чуть того жирка бы — не помешало. В некоторых местах.

Ну и грудь... да. А чего ожидать от женщины, которая родила и выкормила грудью трех детей? Правильно! Иван — и не ожидает, и не заморачивается этим!

Сейчас Вера лежит на боку, обняв его рукой и закинув ему ногу на... как раз на то место, которым еще несколько минут назад восхищалась. Дыхание у нее еще не восстановилось полностью, и она нашептывает Ивану в ухо так горячо, что еще чуть-чуть и ее нога будет мешать... естественному процессу эрекции.

А что она нашептывает? Ну... глупости всякие... как ей хорошо и прочее.

— И что — всегда так?

— Ну... а ты как думаешь? Андрей на работе так устает, что придет, поужинает, по дому что-то поработает — и спать. Вставать-то опять — в половине шестого. Пока позавтракал, да на работу бежать. До работы-то — неблизко! А сейчас, знаешь, как строго стало — чуть опоздаешь, что ты! И посадить могут!

— Вот... Андрюшка... если и захочет чего... то — пара минут и все... а мне как быть? Да и сама, бывает, так устану — не до игр мне этих. А вот так с тобой, по утрам — ох хорошо! Да и ты, кобелина, умеешь... всякое! Доставить бабе... И вот не смотри на меня так, не смотри! Все эти непотребства — даже не предлагай!

«Ага... непотребства — не предлагай, а сама — снова дышит глубоко-глубоко! А ну-ка, Верочка, иди сюда!».

Игрища их продолжались часа три.

«В охоту она входит что ли? Первые разы-то — чуть что — и сразу бежать! А сейчас... пока не настанется всласть, не уходит! А мне — даже и в радость! Хороша Верка, все же! Еще бы и эксперименты разные не отвергала...».

Х-м-м... сметану... он ей предлагал. Но! Хихикает, и отказывается. Может и получится ее «дожать»?

После ухода подруги, проведя водные процедуры снова, уселся за стол, продолжать расчеты. Просмотрел, что успел накидать вчера, кое-что поправил, и — дальше.

К вечеру что-то начало вырисовываться. Еще раз проверил — пойдет! Если что не так — шлите квалифицированных инженеров!

Посидел, подумал... и принялся переписывать все ручкой. И практика писанины чернилами, и — все же покрасивее будет. Почетче!

Утром — уже стоял у конторы наготове. Отдал Тимофеичу, тот пролистал, хмыкнул, посмотрел одобрительно:

— Ты пока посиди здесь... вон — в курилке. Я сейчас сам просмотрю, потом — к директору. Если вопросы будут — чтобы был готов ответить!

Ну — сидеть, это не мешки ворочать! Посидеть — всегда пожалуйста!

Сидеть пришлось часа два. Потом появился Тимофеич, хмурый:

— Все... топай в клуб. Работы там — по ноздри!

— Тимофеич! А что ты хмурый-то такой? Или расчеты неправильные, или что директору — не понравилось?

— Да расчеты правильные! Мы сейчас их втроем, с инженером еще, проверяли. Только получается, что Биржа столько денег туда вбухает — ой-ой-ой! И ведь хрен откажешься! А кому такое понравится? И как это все до осени завершить?

Возле клуба мужики-сторожа возились с возведением туалета. Точнее — туалет был уже почти возведен — каркас заканчивали обшивать досками.

«Монументальное строение получилось — на два отсека, да по два посадочных места в каждом!».

Ну что, пришлось включаться. Материал был в достатке, инструменты — тоже были. Правда мужики матерились, что топоры, да молотки привезли — на тебе, Боже, что нам негоже! Они из дома принесли свои инструменты.

Как сказал Осип Миронович, один из мужиков — тот, что хромой:

— Этим инструментом, который Тимофеич привез — только руки себе отбивать, работать — ни хрена не выйдет! А руки-то — свои, вот и пришлось свое притащить!

Познакомились с ним поближе.

Осип Миронович, да Яков Иванович — это тот, нелюдимый, да желчный.

Работали практически молча. Уже вскорости стало понятно, что Иван против них — ни хрена не работник. Дядьки работали споро, только изредка перебрасывать некоторыми уточнениями, да вопросами — ответами.

Ивану осталось довольствоваться статусом — «подай-принеси-пошел...». Он не обижался. Работник из него, на фоне мужиков — аховый. К обеду объект «Эм-Жо» был готов. Жаль сдавать его некому.

Потом сообща копали ямы под столбы для сарая. Сарай получался — изрядный. Примерно — пять метров на восемь.

Так и потекли дни недели. Утро — ранний подъем, зарядка, скорый завтрак, потом — рысью на паром. К половине девятого — нужно быть возле клуба.

Сарай они закончили за пять дней.

Тимофеич, приехав с очередной партией материалов, похвалил:

— Ну вот — хоть видно стало, что что-то делается...

Мужики сами поделились, как сторожить клуб. А что тут кумекать — ночь через две, как иначе?

Для того, чтобы было место, где «куковать» ночами, освободили ту самую, непонятную комнатку с выходом на зады здания. Мужики сколотили топчан, стол, и пару лавок. Мироныч притащил какую-то старую, всю затертую до залысин овчинную доху, застелил ее на топчане.

Мужики, а именно Яков, пояснили и по назначению этой комнаты:

— То людская была, — и на вопрос Ивана — что это значит, пояснил — ну, прислуга здесь жила.

Выяснилось, что дом этот построил в конце прошлого века сын одного из местных купчишек.

— А для чего построил, он, пади, и сам не знал! Хотя... тут ведь — вон там, видишь? Речушка к Оби течет. А батя этого полудурка извозом занимался — по реке товар возил. У него несколько барж было, да пароходов небольших штуки два или три. Помню — на лодке из Оби можно было чуть не до этого дома доплыть. Это сейчас речушки — обмелели.

— А может — типа дачи себе строил, кто его сейчас разберет? У них же, у богатеньких — свои причуды были. Как чё — моча в голову вдарит, и не перечь ему! Я уже бОльшим

пацаном был, помню... да только что-то не задалось у купца этого молодого. Больше времени дом пустой стоял...

— А потом, после революции уже, и купец этот куда-то подевался... А батя-то его, вроде бы, еще раньше преставился!

— Тут же... еще лет сорок назад — никакого города и вовсе не было! Село было — Рыбачье, то — да! А города... нет. Потом — взгоношились все! Чугунку вести затеяли, потом, слышим — мост будут строить!

— Не иначе, купцы здешние — мзду кому надо дали — вот тут мост и начали строить! И быстро так расти село стало! Народу, народу понаехало! Ну а что ж — работы-то полно, да и платят... так — подходяще. С окрестных сел, да деревень охочие до заработка ехали и ехали!

— Сам видел — граф этот... Фридрих! Немец — точно! Вот он приезжал! Не иначе — ему мзду ту и сунули! Что бы мост тут построили!

«Какой немец, какой граф? Что-то дядя пугает! Хотя... где-то читал, что бывал здесь министр двора Николашки, Фридерикс, вроде бы. Может он его и имеет в виду?».

Улучив момент, поинтересовался у Осипа — что это с Яковом? То молчит, да рожу воротит, как будто червонец в долг ему дали, да теперь — вот пора возвращать пришла. То — вот как сейчас — разговорился?

— Да желудком он все мается! Давно уже... несколько лет. То — прижмет, то отпустит. Как отпустит — тут он вроде и человек-человеком, а как прижмет — ну чистый упырь! Сейчас-то еще ничего, а вот весной или осенью — вообще «в лежку» лежит, только зубами скрипит! Он поэтому ни раньше, в колхозе, толком работать не мог, ни сейчас — в совхозе. Вот — в сторожа и подался! Мы уж лет пятнадцать по соседству живем.

Когда подошла его, Ивана, очередь сторожить, хоть и воровать из клуба было еще нечего, он старался бдить. Жулики, конечно, не придут, а вот местные пацаны залезть, да что-нибудь напакостить — это запросто! Иван и с вечера все обошел, посмотрел и внутри здания, и снаружи, да и в течении ночи пару раз поднимался — прогуляться, и покурить. Да и зябко было ночью!

«Вот бы Верку сюда! Ух! Мы бы с ней оторвались!».

Но — не судьба!

Директор все больше пропадал в городе. Приезжая, жаловался, что никто и ничего в клуб давать не хочет! Ни книг в библиотеку, ни — музыкальных инструментов, ни мебели.

— Илья Николаевич! Опять напоминаю — не получится у тебя ничего, если ты вот так — один будешь барахтаться! Найди знакомых из комсомолии, сходи в райком, обозначь проблему. И помощи попроси! Ты же не себе в карман все это просишь!

— Неудобно людей беспокоить! Что у них, своих проблем мало?

«Вот же — пентюх! Тютя-матютя!».

— Смотри... ты так ничего не решишь, только людей подведешь, кто тебя сюда назначил!

Но, мало-помалу дело начало двигаться.

Подзуженный Иваном, Илья все же сходит к руководству совхоза, и, на следующий день в клуб пришли человек пятнадцать подростков. Сообща они прибрались внутри, вынесли весь мусор, да помыли полы, пыль и паутину со стен смели. Толку это дало — немного, но хоть не страшно внутрь здания стало заходить!

Еще через пару дней в клуб пришли пара человек — печники. Ивана поставили к ним в

подсобники. Мужики походили, посмотрели имеющиеся печки-«контрамарки», и решили — лучше уж новые сложить, чем вот это дряхлое старье пытаться отремонтировать. Таких печей в здании стояло — аж шесть штук! По две на каждое помещение.

«Представляю, сколько тут дров нужно — чтобы все их протопить!».

Иван сначала вытаскивал кирпичи на улицу, чистил их какой-то железякой, потом — мыл в старом корыте, аккуратно укладывал штабелями. Жестяные кожуха печей мастера осмотрели и признали годными, отставили в сторонку — для новых «контрамарок».

Потом пришлось в товарном количестве месить глину, и опять таскать те же кирпичи — только уже назад, в клуб. Работа грязная, утомительная. Уматывался Ванька — что тот раб на галерах!

Мужики-сторожа тем временем, после постройки туалета и сарая, взялись по разметке копать ямы для ограды клуба — начальство посовещалось и для «благолепия» решило обнести очаг культуры штакетником.

Иван возвращался домой чуть не с последним паромом. Хоть и лопал, все, что Петровна ему накладывала с собой, изрядно отошал. Вкалывать-то приходилось — «нипадецки»!

Увидев это, Мироныч с Яковом — стали подкармливать его домашними припасами. Мужики частенько брали харч с собой, чтобы не терять времени на походы на обед и назад. Тем более, Тимофеич пообещал, что, если в срок клуб отремонтируют, да начальство довольным останется — вытребовать им премию! В срок, как понял Иван — к концу августа.

А эпопея с печками продолжалась чуть не две недели!

Мироныч с Яковом, тем временем, «ревизовали» оконные рамы клуба. Все их необходимо было вытащить, осмотреть и решить — что в починку, а что — вон, в печи, когда их возведут!

После печек, Тимофеич «озадачил» Ивана — покраской крыши. Благо, что он услышал слова Косова о необходимости грунтовать кровельное железо перед покраской, и привез немаленький такой бачок с какой-то «хренью», которую и нужно было использовать в качестве — грунтовки. Хрень эта была темно-коричневого, почти черного цвета, очень густая и вязкая, и отвратно воняла!

— Это... Тимофеич. А я не сдохну от этой отравы, пока крышу мажу? — с сомнением смотрел Иван в бачок.

— Ничё! Ты ж на крыше — на открытом воздухе будешь! Ветерком будет обдывать! А другого у нас нет!

«Креозот какой-то, что ли? Да нет... тем же дерево пропитывают. Железу-то от этого — какой прок?».

К облегчению Ивана, из совхоза, по просьбе Ильи, прислали пятерых пацанов лет по тринадцать-четырнадцать.

— Только, Иван — ты смотри там за ними, чтобы не свалился никто с этой крыши! В тюрьму ведь пойдем вместе с тобой! — страдал директор клуба.

Но — ничего, общий язык с пацанами Иван нашел, работали они — споро, без нареканий. Только вот один из них, все норовил подколоть Косова, все как-то подъялдыкивал. Поганец мелкий!

Улучив момент, Иван закатил тому в лоб пару «военно-морских калабах», как научился когда-то в училище. Пацан надулся и пообещал привести из деревни «старшаков», чтобы они разобрались с наглым «городским». В ответ Иван предложил пацану пойти на хер, а он вдогонку еще и руководству совхоза расскажет, как доблестно и, можно сказать, героически,

работал этот хлопек на ремонте совхозного клуба.

Ну да, не педагогически получилось, но он, Косов, еще с той жизни придерживался принципа — «Два удара в «душу», заменяют пару часов политбесед!».

Пацан до конца малярных работ рта больше не раскрывал. Ну — вот, что и требовалось доказать! Воспитательный момент сказался — не иначе!

Через некоторое время, остальные пацаны объяснили Ивану, что Сенька — этот несовершеннолетний наглец — так себя ведет, потому как водится с Петькой Бычком, местным первым хулиганом. Вот и обнаглел, набрался замашек!

Уже уходя с покраски крыши, этот Сенька и пообещал Ивану скорую встречу с его приятелем. Иван в ответ усмехнулся и выбросил это из головы.

Время шло, клуб — преображался! Уже и крыша сверкала новой, зеленого цвета краской, и кое где новые рамы желтели, и новые печки уже опробовали — «пустили дым»! Но работы еще оставалось — до хрена!

Видно, в какой-то момент Илья Николаевич — «созрел», и в один из дней объявил, что завтра приедут представители Приреченского райкома комсомола. Посмотреть, что тут делается, оценить фронт работ, определится, какая помощь нужна.

«Ну, главное, что бы — помогли!».

Отношение к комсомолу у Ивана было... сложным. В той жизни он застал такое очковтирательство, пустую говорильню, излишний пафос и размахивания лозунгами. Такие комсомольские вожаки были в памяти у Елизарова. И еще он помнил — кто в числе первых участвовал в «раздербане» всего и вся в стране!

Хотя Елизаров и сам состоял тогда в комсомоле. Но — больше числился, чем активничал. Так тогда и сложилось — молодежь, почти поголовно комсомольцы, были сами по себе, а комсомольские вожаки — сами по себе. Пересекались они, как правило, только при проведении каких-то календарных мероприятий, и не более.

«Как там говорил один из героев первого «Брата» — Да пидоры они все!». Пусть и по другому поводу, но — здесь это тоже применимо.

А вот местные комсомольцы были для Косова — «терра инкогнита»!

«Ну... посмотрим! В конце концов, если думать про поступление в училище, то вступать в комсомол — придется, иначе никак!»

Но посмотреть — не получилось! В самом начале дня прикатил на все той же полуторке, с тем же шофером, Тимофеич и волевым решением забрал Ивана, для проведения погрузочно-разгрузочных работ!

Требовалось съездить на какой-то склад, где загрузить ящики со стеклом — для окон клуба. А затем, соответственно — привезти их сюда и разгрузить! Все это заняло весь день, и с комсомолией встретиться Ивану было — не судьба.

Но какой-ни-какой толк от этого визита — был.

Через пару дней, вместе с Тимофеичем, в клуб приехали еще пара мужчин, представительного вида. Они, вместе с Ильей, ходили, посмотрели на наши дела и удалились. Илья объяснил, что это приезжали какой-то руководитель из «Сибкомбайна» и директор совхоза. Но о чем эти руководители договорились, Илья не знал.

А на следующий день на стройке появились некие «бравые молодцы», в числе пять, которые за день вкопали все столбы штакетника, а потом и сам штакетник — закончили! Теперь осталось его еще покрасить — и красота!

Стало ясно, что руководство совхоза и завода решили не надеяться только на

Лесобиржу, и принять участие в ремонте здания. Потом через несколько дней, здесь же появилась довольно большая бригада молодых женщин и девушек, которые за три дня провели все штукатурные работы — и внутри здания и снаружи.

Ох и запарились же они с Миронычем, и Яковом им глину месить, да подтаскивать.

Сначала Иван с интересом поглядывал в сторону этой бригады. Но быстро понял, что никого в его вкусе среди этих женщин нет. Основная часть дам была, как раз таки в тренде этого времени.

Невысокие, крепенькие такие, как грибы боровики. Лишь одна из молодых девушек заслуживала внимания — та и ростом была повыше, да и фигура у нее была — более отчетливо выражена. Талия, попа, грудь... На лицо правда — простовата.

И что еще остановило Ивана от флирта — когда она ловила его взгляд на себе, густо краснела, и впадала в ступор. Это было замечено и другими женщинами, которые стали всюю посмеиваться и отпускать довольно соленые шутки.

— Ты нашу Клавку не смущай! Ишь, кобель тут нашелся! Если что — то сосватаем мы ее быстро, а дурного в голову не бери! — со смехом прокомментировала ситуацию бригадир штукатуров, этакая бой-баба, которая не понять, где была шире — в попе, или в груди.

Иван с внутренним испугом заверил женщин, что ничего дурного он и не думал, а так... шутовал просто.

Женщины довольно быстро освоились, и уже через полдня всюю командовали и им, и Миронычем с Яковом.

Если мужики отделались лишь очень интенсивным физическим трудом, то Ивану пришлось солоно вдвойне — он от этих «штукатуров» колкостей в свой адрес наслушался, натерпелся!

Продукты женщины приносили с собой, и обедали в клубе, на организованном для этого столе — четыре доски на козлах. Иван «проявил заботу» — по его просьбе Мироныч притащил из дома старый котел, литров на десять, и перед обедом Косов заваривал в нем чай для штукатуров, на разложенном возле сарая костерке из всяких обрезков.

Его заботливость была отмечена, и на второй день женщины, узнав, что он живет в городе, пригласили его к своему столу. Мужики — уходили на обед домой, не желая связываться с «такой оравой бабья!».

Иван также выложил все, что прихватил из дома. Обедали дружно и весело. Правда, все веселье, в основном крутилось вокруг Ивана. Он пытался отшучиваться, сам подкалывал бабенок, но — численное преимущество, оно — и в Африке остается таковым!

— А вот, бабоньки, анекдот такой:

«Перед Международным женским днем, решила редакция одного из женских журналов, провести опрос женщин на тему: «Как женщины выбирают себе спутников жизни?» и для этого было решено идти «в народ», спрашивать самих женщин на улицах города.

Видят корреспонденты, идет первая пара: он — высоченный мужчина, плечи — косая сажень, кулаки — как гири пудовые; она — маленькая, хрупкая, как ребенок. Вот и спрашивают ее, мол, как вы выбирали себе спутника жизни?

Она, в ответ: я, дескать, думаю, что женщина должна быть за мужчиной — как за каменной стеной, он должен быть надежен как гранит и силен как цирковой силач! Вот так и выбрала!

Ну что — мотив выбора — понятен.

Идут корреспонденты дальше. Видят — идет пара. Красивые оба, примерно одного

роста, спортивные, подтянутые.

Опять с вопросом:

— Как вы выбирали себе спутника жизни?

Она: Я считаю, что муж и жена должны делить все тяготы и лишения жизни, сообща решать проблемы, быть — как одно целое!

Ага, опять понятно — муж и жена — одна сатана! Или — два сапога — пара, как вариант!

Идут дальше... Смотрят из магазина выходит пара. Она — здоровенная, высокая, и в объеме — не рябинка! А следом за ней — муж: мелкий, чахлый и весь такой... невзрачный.

Опять вопрос — а как вы выбирали себе мужа?

Дама прокашлялась и густым басом: Я считаю, что все мужики — гавно! Вот я и выбрала себе кучку поменьше!».

После бурного и продолжительного хохота, а анекдот — зашел, однозначно! Все та же бригадирша опять с каверзой:

— Это что же получается — вон у тебя какой рост! То есть — гавнистый ты не в меру!

Ивану осталось только плечами пожать.

— Ну, давай еще!

«Что еще им рассказать-то... чтобы без каких-то будущих терминов или отношений...»

— Ну, слушайте:

«Сидит мужик дома, в Москве. Выходной день, он — расслабился, пару бутылочек пивка взял... отдыхает, в общем! И тут слышит — по радиоточке такое объявление:

Журнал «Работница» в преддверии Женского дня проводит викторину. Необходимо правильно ответить на три вопроса про женщин, приз — тысяча рублей!

Мужик обрадовался и даже — воодушевился: «Тысяча рублей! А я же — три раза женат, пятеро любовниц в разное время! Что же я, женщин не знаю, что ли?! Однозначно — выигрыш мой!»

Приготовил листок бумаги, карандаш — вопросы записывать. Ага... так-так... ну — это то — понятно! Это я — точно знаю! Ага... второй вопрос... Ну — это вообще легко! Ха-ха-ха... тысяча рублей! Так, третий вопрос. Ага... ну — и тут все понятно!

Ответы запечатал в конверт, отправил. Ждет в воскресной передаче результатов конкурса, ну — и свой триумф, конечно же!

О-п-с... объявляют результаты... Первым все правильные ответы прислал пятиклассник Петя Иванов...

Как так?! Да быть такого не может! Какой-то пятиклассник — и лучше его баб знает?!

Мужик возмущен! И объятый праведным гневом, идет разбираться в редакцию журнала.

Там его встретили, приняли и согласились разобраться в ситуации.

— Ну-с... давайте посмотрим. Так... первый вопрос был — отчего женщина получает наибольшее удовлетворение? Вот пятиклассник Петя ответил, что наибольшее удовлетворение женщина получает от материнства! А вы, мужчина, что нам написали, да и нарисовали, к тому же?!

Мужик смущен... ну да... промашка вышла.

— А второй вопрос?

— Давайте посмотрим, что там у нас по второму вопросу... Так. Второй вопрос — Какой орган у женщин является наиважнейшим? Петя снова правильно отвечает: Наиважнейшим органом женщин является Всемирный женский конгресс. А вот вы,

уважаемый, что написали? И к тому же — и нарисовали в письме?

Мужик подавлен. Но — бороться, так — до конца!

— Так... смотрим третий вопрос... ага — на общее знание женщин! Вот — Где у женщин наиболее курчавые волосы? Вот победитель написал — наиболее курчавые волосы у женщин Зимбабве! А вы... вот вы — что написали и нарисовали, а?

Мужик в расстройстве выходит из редакции:

— Нет... ну как так? Три жены, пять любовниц! А где у баб эта самая зимбабва — вообще не представляю!».

Уже после обеда, улучив момент, бригадирша, зажав Ивана в угол своей необъятной грудью, шепотом спросила:

— Вань! А это... а что такое — зибабва? А то — бабам непонятно, да и мне самой — любопытно.

— Зимбабвэ, Зинаида, это такая страна в Африке. Там негры живут, а у негров — волосы очень кудрявые. Вот как — каракуль видела? Вот также — и везде! А «там» — еще кудрявее! — и Иван, осмелев, тискнул женщину за... бедро, ага...

— Ты, Ванька, смотри — не балуй! А то, не ровен час, разохочусь, да прижму тебя всерьез! Только боюсь — помрешь ты. Придавлю же, как кутенка!

«Не-не-не... не надо! Действительно, так и помрешь в расцвете лет!».

Женщины... это дело, конечно, хорошее! Нужное, такое, дело! Но вот — не так, когда их много, и они активно оттачивают на тебе свое остроумие!

И пусть в начале он еще пытался отшучиваться, а то и пощипывать-потискивать молодух за разные интересные места — в шутку, то потом — как тот медведь, старался побыстрее унести ноги от этих «неправильных пчел»!

Последней каплей стало то, что, уже уходя, бабенки всей гурьбой, всласть потискали его, зажав в сених клуба. Щипались — больно, хохотали, даже в какой-то момент Иван почувствовал, что в свалке кто-то весьма ощутимо тискает его за самое дорогое!

Слава ВКП(б), что продолжалось это — недолго!

Когда бабы вывалились из клуба, и с хохотом пошли по тропинке, их встретили ухмылками сидящие на скамейке Мироныч и Яков:

— Что же вы, бабоньки, делаете? Зажулькали совсем нашего парня! Затискали всего! Заклевали парнишку! А если он сейчас всех баб бояться начнет? Ежели у него — со здоровьем мужским что приключится? — нараспев притворно гнусавил Мироныч.

— Котенка по рукам затаскаешь — он срать, где попало будет! — вторил Яков.

«Ф-у-у-х... ушли наконец-то! Нет, так-то я женщин люблю, но, когда их вот так много, да еще они и настроены игриво — ну его на хрен!».

— Вот Ваня! Будешь знать — бабы, они — страшная сила! Они, если толпой — и медведя сомнут-истреплют!

— А вам бы только хиханьки, да — хаханьки! — Иван был смущен, и, краснея, пытался привести в порядок свой гардероб.

«А ведь по всему выходит — успеем мы к сроку-то! Это же — здорово! Практически внутри — побелка и покраска остались!».

С побелкой и покраской вновь помогли власти совхоза — прислали стайку девчонок и пацанов. За три дня все побелили, потом — промыли полы, и затем уже — покрасили! Совсем другой вид стал у клуба, совсем другой! Действительно похоже на клуб. Свежая побелка на оштукатуренных стенах. Новые рамы блестят свежей краской. И полы — еще

припахивают олифой. Так мы и до срока успеем все сделать! Вот, только с инвентарем пока — никак! Нет ни инструментов, ни мебели, ни книг.

За весь этот, очень насыщенный событиями месяц, он встречался с Верой всего трижды. Забегался, заработался... И не то, чтобы — не хотел этих встреч, но — не получалось! Даже после ночных дежурств не всегда доводилось домой уйти, отоспаться. То одно, то другое! И Илье отказать, в его просьбах, тоже не получалось.

Но зато все три эти встречи были — фейерверк чувств и эмоций! Вера вошла во вкус, и теперь уже Ивану приходилось задумываться — а хватит ли сил? Одно дело — сидишь дома, ничего не делаешь, а секс — как изюминка этого отдыха. Другое — вот так: навкалываешься, а потом... надо не ударить в грязь лицо!

И Иван — старался. Тем более, что его старания вознаграждались не только... физическим наслаждением, но и удовлетворением от вида как в эмоциях тает женщина!

Вера была благодарной... Фактически — она сама предложила заменить сметану — растительным маслом... Он был аккуратным и нежным.

— Ну... если это можно... ну — чтобы не залететь... да и тебе — нравится же... давай попробуем, — Вера была смущена, но за смущением чувствовалось и любопытство.

Вот только его намеки и предложения... минета — по-прежнему не вызывали у нее энтузиазма. Хотя и прежнего возмущения — уже не было.

А еще он выбрался в швейную мастерскую.

Все было готово.

Но! «Горка», не вызывала у него нареканий — все было качественно и аккуратно. Все же мастера решили по-своему — костюм был пошит не совсем из брезента. Как называется эта ткань — Иван не знал. Помягче брезента, но тоже — плотная. И подкладка — какой-то шерстяной материал. И не зеленым или песочным получился костюм, а больше — коричневато-оливковым. Но в общем — получилось здорово!

Впрочем, и сумка... пойдет! Имелись ремни, как для ношения за спиной — по типу ранца, так и крепления на длинный ремень — для ношения на боку. В меру жесткая, вполне вместительная. Удобная сумка.

А вот берцы... это было вовсе не то, что он хотел! Нет, так-то — качество было на высоте, да! Но... довольно тонкая резиновая подошва, хотя и с протектором, была недостаточно жесткой. И в итоге кожа верха... тоже была мягкой. Вышло — что-то среднее, между борцовками будущего и берцами. Эдакие спортивные сапожки, которые очень хорошо сидели на ноге, но вот защиты... вряд ли давали в требуемой степени. Да и на износ... ну... сколько-то прослужат. Вот правда ведь — «лучшее — враг хорошего!». Улучшая вещи по своему разумению, мастера, в итоге, сделали не то!

Все сомнения Иван высказал Яковлевичу и Александру. Вот только понял — что не примут они его претензий. Да и пусть!

Потом в мастерской появился фотограф со своей треногой и громоздким аппаратом. Тут Иван уже не дал слабины — что он, фотографий в интернет-магазинах не видел, что ли? То есть, как подать товар лицом — знал. А не это вот все: «станьте вот так! ножку вот так поставьте! лицо — вот сюда смотрите!».

Провозились довольно долго. В конце, Яковлевич, видно, что скрепя сердце, выдал Ивану аж — пятьдесят рублей! За модный показ, ага! Да и хрен с ними! Если дело пойдет. Савоська с них свой, а значит и Иванов процент снимет, как пить дать! Расстроили они его, как есть разочаровали...

— Иван! Тут мне ребята из комсомола подсказали, что наглядных материалов у нас в клубе нет. Вывески вон — и той нет. А это — непорядок. Предложили подумать, как это исправить, — опять директор пытается нагрузить попаданца.

— Так это же дело художника, разве нет?

— Ну... мне предложили одного... Только... похоже, толку с него не будет. Он какой-то... пропойца похоже. А других — нет. У своих художников-оформителей и так задач очень много. Их нам, даже временно — никто не даст. Давай думать будем, что делать, — и смотрит как какающая собачка!

Косов почесал затылок. Ага! Все зажило, как на собаке. Уже даже не болит, да и шрам на голове — не сразу-то под волосами найдешь! Снова почесал «бестолковку» в поисках мысли!

«Не художник я, это — точно! В училище, помниться, был опыт написания вывесок, да табличек. Хотя и там он был не самым исполнителем, а скорее — подсобником. Парень один из взвода хорошо писал разными перьями, да шрифтами — вот его и отрядили на оформление всякого-разного».

А Елизаров уже — в помощь к тому напросился. Кстати! Довольно бластное место это было, в военном-то училище! Вместо занятий по строевой подготовке, под морозящим зимним дождиком Севастополя, или под пронизывающим ветром — первокурсам сидеть в теплой Ленинской комнате и чертить всякое-разное. Есть разница? Канэчна, дарагой!

Попробовать-то можно. Что-то ведь тогда освоил, чего-то нахватался. Вспомнить только.

— А краски, перья, материалы? И еще — что писать будем? Вывески, транспаранты, плакаты?

Илья пообещал, что и краски, и перья он найдет! Только вот по времени — опять очень ограниченно все.

«Да что ж ты будешь делать? Хватай мешки, вокзал отходит!». И все уже нужно сделать — вчера!

— Так, Илья! Давай составим перечень чего нам нужно. А потом — это перечень разобьем по приоритетам.

Ну да, куда же мы, русские, да без «Добро пожаловать!». Это к спеху? Не совсем? Ах — только к открытию? Значит — в сторону пока!

Вывеска клубу точно нужна. Ну там — тыры-пыры клуб совхоза такого-то... время работы... выходной день. Это все понятно.

— Где вешать будем? Из каких размеров исходить?

Ага... тут тоже — определились. Уже легче.

— Слушай... мы же должны быть благодарны... ну там... Лесобирже — за ремонт. Совхозу — за поддержку, Сибкомбайну тому же — их ведь рабочие здесь тоже трудились.

Затаял Иван еще один стенд — типа «Строительство ведет СМУ... «рембырмыр»... директор — Пупкин, парторг — Васькин. Если все идет как надо — честь и хвала этим Пупкиным-Васькиным. А если затяжка со сдачей объекта — а вот у нас и виноватые уже есть! Мотивация называется!

Илья засомневался... но не устоял под напором демагога-попаданца.

«Ты что — сомневаешься в сроках сдачи объекта? Это... волюнтаризм, батенька! Если не вообще — троцкизм-утопизм! Хотя... у троцкизма же, второй характерный признак — ледорубизм, так вроде бы?».

Иван задумался — а где здесь иудушка, где — эта политическая проститутка? Ну... что его нет в газетах — это понятно. А вообще — он есть? Или уже — он был? И ведь не спросишь же в лоб:

— Не подскажите, а где сейчас бывший лев Революции? Жив или отдал душу — не известно кому? — и даже не понятно — а вот в этой реальности был вообще Лев Давыдыч, или как-то — обошлось?

«М-дя-я... здесь у меня... пробел. И надо поменьше иронизировать над всем этим, даже — про себя. А то — вякнешь что-нибудь про товарища Крупского... И не поймут ведь! Да ладно — если просто — не поймут! А то ведь — порвут как Тузик грелку, или в мрачные подвалы отведут, с обязательной дезинфекцией лба зеленкой!».

— Илья! А вот — твои знакомые комсомольцы... Они кто — какие-то высокие чины или как?

Илья сначала не понял, посмотрел на Ивана с недоумением, потом — развеселился:

— Да нет... Ты не так все понял! Я же не был ни в каком райкоме. Просто у меня дружок есть, Виктор — мы и в школе вместе учились, в последних классах, и сейчас — дружим. А вот у Виктора — есть сестра, Кира. Вот она у нас — активный комсомольский деятель. Очень активный, да, — тут Илья несколько смутился, снял очки и протер их платком, — то есть... она — комсомолка. Из таких... активистов, вот! Она и в мединституте, где учится — входит в бюро комсомола, и сейчас, летом — на общественных началах, в бюро райкома. Очень активная девушка! Вот я, когда у них в гостях дома был, в разговоре и упомянул, что не все гладко у меня выходит. И, как ты советовал, попросил ее, через райком — о содействии. А уж потом — она сама все организовала. Да они же сюда приезжали... Хотя... ты же тогда за стеклом ездил. Да... не видел ты их.

— А кого их? Ты говорил про одну девушку, а сейчас — вдруг — их?

— Да у нее еще подруга есть, тоже комсомолка. Вот они и приезжали тогда, посмотреть, что и как, чем помочь. Ведь это они и к директору совхоза ходили, и на Лесобирже были, и даже — в Сибкомбайн съездили.

«М-да... действительно — очень активные девушки! Что-то я их уже боюсь, таких деятельных комсомолок! Как-то с юности у меня сложились не очень хорошие отношения со всеми этими старостами классов, секретарями бюро, и прочими общественниками. Нет... понятно, когда человек таким образом карьеру делает. Это, конечно, плохо, но — понятно! А вот когда — на общественных началах, да без всякой личной заинтересованности... Тогда — ой! Лучше подальше от таких деятелей, тем более — девушек! Замудохают своими идеями, да активностью. Шило в жопе — это... неудобно как-то».

И Иван ушел с головой в творчество. Обговорив с Ильей вид аншлага клуба, вытребовал с того материалы, краски и кисти, начал творить! Хотя тут больше расчета и аккуратности, чем творчества и вдохновения. Ну какой художественный экстаз может вызвать вывеска? Да — никакого. Если она сделана качественно — тогда просто пройдет человек мимо, кинет взгляд и дальше пошел. А тут труд... кропотливый, мать его... труд!

Потренировался на разных бросовый материалах, выбрал шрифт, согласовал его с директором и — вперед! С непривычки ковырялся с вывеской аж три дня. Потом — закрыл ее стеклом, а рамку, чтобы влага не попадала, ему помог сделать Мироныч.

А ничего так получилось! Вполне аккуратно.

Потом Косову пришлось прерваться на оформление библиотеки. Из Лесобиржи привезли кучу досок, окромленных и выструганных, сухих и гладких. Вот и начали они

собирать из досок стеллажи. И собрать их нужно было много — помещение все-таки большое, а его еще и разделить нужно — на зону с детской литературой, на взрослую, и на фонд читального зала.

Потом, когда стеллажи собрали, покрыли их морилкой, расставили по местам, и даже прикрепили к полу уголками. А то — рухнут, как домино, и пришибут кого-нибудь. Она, классическая литература — очень весома и вполне убийственна, в определенных ситуациях.

Постепенно клуб наполнялся всем необходимым. Так же с Ильей съездили и получили музыкальные инструменты — несколько гитар, пару гармоней, баян и один аккордеон. Над последним директор очень уж трясся — какой-то немецкой фирмы инструмент. Были еще несколько балалаек, и какая-то труба. В этом Иван не разбирался совсем. Как особо ценное имущество клубу был передан патефон с набором пластинок!

Оставаясь на ночное дежурство, теперь Косов брал гитару — все веселее! Директор заинтересовался, послушал как Иван бренчит, поморщился как от зубной боли... и взялся за его обучение. Косов сначала фыркал, что, мол, только для себя, что не мыслит себя матерым «игруном». Но Илью, что называется — закусило!

— Нам, со временем, нужно иметь свой ансамбль! Вот нас уже — двое: я и ты. Ничего! Подучу тебя и вполне справишься. Нам не в филармонии концерты давать. Но уровень нужно хоть какой-то — да дать!

Стенд с организациями-спонсорами Иван тоже оформил. И это — не прошло мимо внимания руководителей этих организаций. Тимофеич пожаловался, не иначе! Примчался директор Лесобиржи, потом директор совхоза и каждый с вопросами — «а зачем это?», «а как это?» и с предложениями — «не стоит так-то... вот!», «убрать это нужно!». Ну да — они тоже не дураки, чувствуют, чем вылезти это может. Но тут и директор клуба уперся, проявил характер!

Актальный зал, он же — зал для занятий музыкой, тоже привели в соответствие. Даже зеркала вдоль длинной внутренней стены повесили! На вопрос Ивана — «зачем», Илья огорошил его, что в дальнейшем в его планы входит и создание танцевального кружка, из учащихся местной школы.

«Весело здесь со временем будет!».

Привезли и кинопроектор. А директор вызвал Ивана и предложил ему — обучиться работе киномеханика! Не больше, и не меньше! Блин! Вот же несет его как — вот на хрена козе баян, если конь не музыкант?! Все доводы Косова, что он здесь — очень временно, директор отмел классическим: «Надо, Ваня! Надо!».

«Ладно! Редиска ты, нехороший человек! Что-то с тебя нужно за это взять... Вот только — что?».

Постепенно у Ивана сложилось впечатление, что вот эта комнатка, где сейчас сживали сторожа в ночное время, вполне может служить для него, для Косова, временным пристанищем.

«От Петровны-то все равно съезжать... не сейчас, так — по осени. И чем это — не место для временного проживания? Навести порядок, отмыть, побелить. На окошко — штору... печка есть. Те же мужики и нормальный топчан, и стол с табуретом сколотить помогут».

А Илья — и не думал ему отказывать! Он согласился моментально. После того, как ему нормальный кабинет оборудовали — в комнате мансарды. У директора получилось даже уютно. Большой стол, пару стульев, шкаф, и даже — привезенный из какого-то учреждения

старый кожаный диван — с откидными роликами, и полочкой, не иначе как для слоников.

«Семь слоников! Слоники! Чудесные слоники! Вы наши кумиры, мы ваши поклонники!».

Правда, Илья, будучи натурой творческой, а значит — безалаберной, моментально навел в кабинете бардак, который говорил, что данное учреждение вполне себе работает, и работает — уже очень давно! Стопки нот, какие-то книжки, брошюры, методички — заполнили не только стол и шкаф, но — максимально быстро распространились по всем горизонтальным поверхностям кабинета.

«Ага... такая — рабочая обстановка! А что — на некоторых высоких проверяющих это действует. Работают люди, не штаны протирают!».

В этот день Иван, составив в ряд несколько столов в библиотеке, корпел над вывеской «Добро пожаловать!». Кумачовая ткань была натянута на каркас из брусков. Хорошо натянута, грамотно — спасибо Миронычу и Якову!

Оформитель разбил площадь вывески линиями, сделанными простым карандашом, расчертил квадраты под буквы, и сейчас, высунув язык от усердия, пытался вывести вторую букву. Первая — вполне себе получилась, и нужно было не «налаживать» с последующими.

В фойе клуба слышались какие-то бодрые голоса, даже смех. И вроде бы — даже женский.

«Вот на хрена вы сейчас сюда приперлись?! Мне бы, как «маститому» художнику сейчас — тишины и покоя, чтобы никто не отвлекал и не мешал! А тут Ильюша в последнее время все экскурсии водит! И руководство всякое... Хотя здесь ничего не попишешь — оно, руководство, имеет право знать, как обстоят дела на вверенном объекте! А на кой хрен он припер вчера учителей местной школы? Знакомство с сельской интеллигенцией? А все эти пионЭры, и прочие представители сельхозтоваропроизводителя? Вот сейчас пойдет у меня все вкривь и вкось — кто виноват будет?».

На какое-то время голоса стихли — не иначе в актовый зал директор их повел.

Потом... Иван скривился. «Ага! Сюда идут». Топоток каблучков по свежеекрашенному полу приближался.

«Ладно! Прервемся — покурить все равно надо!».

Иван стоял с кистью в руке, рассматривал квадраты — не ошибся ли где в расчетах? когда дверь библиотеки распахнулась, и Илья завел сюда несколько человек. Продолжая пребывать в раздумьях по поводу расчетов транспаранта, Косов, машинально поздоровался с вошедшими, мельком взглянув на них.

«Ага... два молодых мужика. Даже — парни это. И две — девушки. Ну — и кого нам принесло на этот раз? Хотя... девушки — это даже приятно!».

Попаданец обратил внимание на первую.

«А что? Очень даже приятная девушка! И прическа такая, симпатичная, кудряшками. И на лицо — симпатяга, правильные черты лица, веселая улыбка. И фигурка, похоже, очень даже... очень! Хотя — ростом бы чуть повыше».

Девушка была одета в летнее светлое платье чуть ниже колена. Рукава короткие, фонариками. Красивые ножки были чуть подернуты загаром. Туфельки светлые на ножках.

«Интересная девушка, да!».

Два парня. Один — постарше, типичный для этого времени парень — широкие летние штаны, парусиновые туфли, сорочка с закатанными рукавами. Лицо, открытое, хорошее такое лицо... с улыбкой.

Второй... второй — тоже очень уж типичный такой вид. Только не здесь. А... западнее гораздо. Ага... белокурая бестия! Настоящий ариец! Волосы русые, почти блондин, зачесаны назад. А вообще — стрижка короткая, спортивная. И сам такой же... спортивный. Широкие, явно накачанные плечи; шея — как у бычка племенного, мускулистая, длинная. И лицо... Иван даже позавидовал немного — вот же красавчик эталонный! Нос прямой, подбородок чуть тяжеловат, глаза... похоже — серые, довольно льдистые. И даже какая-то неприязнь внутри шевельнулась — вот же сволота! Викинг сраный!

Тем временем, Илья решил представить Ивана пришедшим:

— Иван! Вот мои друзья, про которых я тебе рассказывал. Это — мой друг, Виктор! — указал он на парня с открытым и веселым лицом.

— Это — Сергей! — ага, вот значит как «арийца» кличут. Не в тему как-то — Сэр Гей. Его должно было звать — Максимилиан, или там — Фридрих, или еще как-то. А — Сергей жидковато для такой-то морды!

«Интересно! А чего это я так завелся? Ну — ариец, ну — бестия. Мне-то что? Да параллельно на него! Тьфу на Вас! Тьфу на вас еще раз! Бунша Иван Васильевич, млять!».

Но все же что-то закусило Ивана на этом Сергее, это — да!

— Это — Зиночка! — указал Илья на красивую девушку.

Вот здесь Иван искренне сказал:

— Очень приятно, Иван! А вы — красивая! — чем заставил ту довольно улыбнуться.

— А это — Кира, сестра Виктора! Именно Кира и Зина так помогли нам в ремонте клуба! Ну — помнишь, я тебе рассказывал, что представители райкома комсомола пообщались с руководством организаций..., - Илья мог трюндеть что-нибудь о руководстве организаций, или еще — о чем угодно.

Потому как Косов попросту впал в ступор. Он только повторял про себя раз за разом:

«Вот же бя... вот же бя... вот же...».

Потому как вторая девушка... она была... вот если просто сказать — «чудо как хороша!» — значит, ничего не сказать!

Высокая, практически одного с Ивана роста. Смуглая кожа, такая, как бывает у курортниц к концу сезона. Когда первые «обгорания» уже позади, и загар лег ровно, так как и надо. Кареглазая, с темно-каштановыми, почти черными, очень густыми волосами, подстриженными под какое-то подобие «каре».

«Очень авангардно сейчас, когда подавляющее большинство девушек и женщин так и ходят с косами! Я бы даже сказал — несколько вызывающе выглядит эта прическа!».

Она была вовсе не худенькой, и даже — не такой стройной, как ее подруга. А была она... спортивная. Вот! Крепкая, ладная, с высокой грудью, которую отчетливо облежала футболка — такая же, как взял себе в ателье Иван. И талия... талия была — очень отчетливой.

Она стояла перед ним и улыбалась. От солнечных лучей из окна казалось, что ее глаза были медового цвета, с непонятным, каким-то зеленоватым оттенком, который чуть поблескивал-промелькивал в глазах.

Иван наконец осознал себя, как и то, что пауза затянулась.

— Иван! Очень приятно! — хрипло прокаркал он и протянул руку девушке.

Она опустила взгляд, и брови ее поднялись в удивлении. Она, а за ней и ее подруга — прыснули смехом. Косов посмотрел на свои руки. Оказалось, что он все это время стоял и тискал рукой кисточку, отчего вся ладонь у него была в белилах.

Опустив руку, он спрятал ее за спину. Потом поднял эту руку и зачем-то почесал нос. Тут уже обе девушки расхохотались от души.

«Вот что я творю, а? Что за бред? Что со мной происходит? Прямо — как Шурик в том фильме «Наваждение», где он здоровался с девушкой посредством книги! А ну возьми себя в руки, клоун!».

Иван хмыкнул, скосив глаза, поглядел на свой нос.

«Ну да! Вся физиономия в белилах! Точно — сегодня, как и вчера, на арене — клоуны!»

Кира на этот раз сдержалась и повернувшись, отошла к транспаранту. Ее подруга, прикрыв рот рукой, продолжала хихикать, глядя на Ивана.

Он покосился на Киру. Сейчас она стояла спиной к нему, и чуть наклонившись, разглядывала нанесенную им на кумач карандашную сетку.

«М-да... с попой у нее — тоже... все на высшем уровне!».

Кира была одета в брючки, наподобие бриджей. Они опускались чуть ниже коленей, и там манжетами охватывали ее ноги. Бриджи изрядно облегали ее попу и верх бедер, отчего стало окончательно ясно, что Косов — погиб!

«Вот это — фемина! Это ж... пиздец просто, а не женщина! А вот такие штанишки — это тоже — вызов обществу? Когда все ходят в платьях или юбках?».

И только затем, Иван, опомнившись, заметил с какой нескрываемой неприязнью на него смотрит «ариец».

«Оп-па! А он — ее бой-фрэнд выходит? Или — просто воздыхатель? Если — воздыхатель, то и подвинуть эту бестию — вовсе не грех!».

— Иван! А вот что это за линии на ткани? — Кира выпрямилась и с улыбкой посмотрела на него.

Он снова потер нос — «ну чешется же, блин!»:

— Так ведь я — не художник-оформитель. Рисовать не умею. Вот и приходится — сначала сделать клетки, потом — наброски букв по клеткам. А уж потом — по контурам — белила наносить!

— Интересно! Я сама в школьной стенгазете рисовала, но там мы просто сразу перьями писали, — Кира смотрела на него с улыбкой и неким интересом.

«Так... мне надо выйти, отдышаться и покурить! А то — мы вот-вот с этим «гансом» сцепимся! Он, не отрываясь, на меня пялится. Ага... покусился на его «лебенсраум».

Когда он вернулся в библиотеку, Илья уже заканчивал свою экскурсию.

— Ну, я вижу — у вас дело идет на лад! Практически все уже сделано, так — мелкие штрихи у вас остались. А что вы придумали по поводу открытия клуба? Это ведь дело такое, не ординарное! Тут не получится просто перерезать ленточку, — Кира поглядывала на Илью, и, почему-то, на Ивана.

Илья всунул пальцы в свою шевелюру и энергично ее потрепал:

— Тут, Кира, дела обстоят не очень... Нужно, конечно, концерт дать! Но вот с кем это организовывать и как? Со школой я переговорил, они могут показать несколько номеров. Но не более того, а вот чем дальше заполнять программу?

— Открытие клуба для местных жителей, работников совхоза — это, конечно, событие! А пойдете, да подумаем вместе. Ну что, Илья, приглашаешь нас в свой кабинет? — она улыбалась.

«Как же здорово она улыбается! Какая все-таки девчонка!».

Вместо мыслей у Косова опять — один романтик!

Илья засуетился:

— Да! Пойдемте в мой кабинет, вместе подумаем. Сообща может что и получится.

— А ты, Иван, разве не идешь с нами? — красавица повернулась к нему.

— А я-то Вам зачем там нужен? Где я и где — концерт? — Косов удивился и развел руки, но при этом все равно любовался ею.

— Ну как же? Вон как тебя Илья нам расхваливал — что и энергичный ты, и предложения постоянно какие-то выдвигаешь, и работник хороший.

«Ага... я еще и крестиком вышивать умею!». Так и хотелось заявить, что он попрется за ней куда угодно. Вот только «арийская морда» мешает!

Но — пришлось идти, Илья тоже активно увлекал его вслед за всей компанией.

В кабинете Илью засмущали подколками о творческом беспорядке в директорском кабинете. Он начал судорожно пытаться прибрать бумаги, но только наводил еще больший беспорядок.

— Так! Илья! Сядь на диван и не мешай нам. Мы с Зиной сейчас все приберем! — «какая активная комсомолка»!

— Может... пока вы тут мозговой штурм устраивать будете, я сметаюсь к Миронычу, да организую какой-никакой чай с перекусом? — Иван действительно не понимал, что он может предложить. А вот сбегать к коллеге по сторожевому делу, перехватить у него сальца, да еще чего на «пожевать» — он мог.

— Как ты интересно сказал — мозговой штурм! Это что такое? — включился в разговор Виктор.

— Та-а-а-к... пока мы не увлеклись этим непонятным термином... мужчины! А где та сумка, которую вы несли всю дорогу от дома сюда? — Кира встала посреди кабинета, прервав уборку.

— Точно! Я ее внизу оставил! — Виктор выскочил и загрохотал вниз по лестнице.

— Мы в прошлый раз, пока сюда приехали, да пока с Ильей обо всем переговорили, проголодались — просто страсть как! — Зина, улыбаясь, посмотрела на Илью, — вот и решили сегодня с собой бутерброды взять!

Илья покраснел:

— Да я как-то... все — так... перебиваюсь...

«Да... перебивается он. То я его подкармливаю, то мужики-сторожа. Точно — не от мира сего Илюха!».

Иван спустился вниз, вымыл руки и раскопегарил керосинку, поставив на нее большой пятилитровый медный чайник, приобретенный им по случаю на маленьком рынке, возникшем на станции Кривошеково. Пока ждал кипятка, закурил.

«Вот чего я так нервно... по-мальчишески, отреагировал на Киру. То, что она красива, сомнений нет. Что она полностью в его вкусе, тоже. Но вот чтобы — так?! Ведь по сути — старый, циничный кобель! И женщин у меня в той жизни было много. Влюбчивостью — никогда не страдал, только дважды в жизни что-то чувствовал, кроме плотского влечения. Это — совсем в молодости, жена Ирина. И потом, уже ближе к тридцати, тоже был эпизод. Встретилась ему одна особа, от которой, на какой-то момент, Сергей Елизаров потерял голову. Хорошо, что этот момент был короток, пару недель, может чуть больше длилось то наваждение. И слава Богу, что та... особа... быстро уехала к себе на Родину, побыв в гостях у своих родственников».

«А что — сейчас? Ладно... Надо взять себя в руки, и успокоиться! Может она... во сне

храпит и... попукивает?! А может она... детей не любит и кошек в детстве мучила?! И вообще — корыстная карьеристка и... агент Дефензивы, вот!».

Взяв закипевший чайник, Иван вернулся в кабинет директора уже более или менее спокойным.

— Ну ты где пропал? — в кабинете дым стоял коромыслом.

— Да! Ты так и не объяснил, что такое — мозговой штурм! — это уже Кирин брат вспомнил.

— А давайте сейчас прервемся, выпьем чаю, съедим что-нибудь, успокоимся. Глядишь какие-нибудь мысли и посетят наши головы.

Во время перекуса, Иван старался в сторону девушки не смотреть.

— Мозговой штурм... я где-то в журнале читал, что на Западе так называется прием выработки решения, когда участвуют все члены коллектива. Каждый может предложить что угодно, пусть это и покажется сначала — явной глупостью. Все мысли фиксируются... ну — записываются. А когда фонтан мыслей иссякает, то уже, успокоившись, каждое предложение рассматривают со всех сторон. Что явно не подходит — откладывают в сторонку. Но не выбрасывают — а вдруг в другой раз подойдет? И вот так вырабатывают решение по проблеме.

— Х-м-м-м... я так и подумал. У нас так тоже часто бывает. Правда это в основном — в курилках случается, а не за столом у руководителя.

— Виктор у нас — химик-технолог, — с явным пиететом уведомил Косова Илья.

Во время штурма всей компанией нагородили тоже... немало. Потом, откидывая явно завиральные темы, стали копошиться во всем остальном.

— Так... что у нас получается? Зиночка, огласи что там вышло, — Зину посадили за стол в качестве секретаря штурма.

— Так... ага... школа. Илья — тебе предметно переговорить с учителями, что и сколько они могут показать. Составить хронометраж, ну... примерно.

«Про хронометраж номеров я удачно ввернул. А то... будет либо недобор, либо — перебор!».

— Дальше! По предложению Ивана, мы с Кирой узнаем в институте, кто из студентов в городе, и кто из них может быть привлечен на концерт, — Зина это говорила с сомнением. «Ну — понятно, середина лета, сессия сдана, «студеры» — в разъездах».

— Исходим из того, что концерт не может быть маленьким. Меньше полутора часов — нас не поймут, зачем людей собрали! — Илья тоже размышляет, — то есть... в идеале... два отделения. Первое — выступления руководителей... всех уровней... и здесь же — выступление детей. Дети — местные, взрослые — тоже. А родители и родственники всегда с удовольствием смотрят на своих детей.

— А вот второе отделение... здесь что-то глухо. Ну... хорошо, если мединститут пару номеров нам даст. Лесобиржа та же... хотя вот здесь — сомневаюсь. Может быть на Сибкомбайне кто-то из самодеятельности есть? Но — тоже вряд ли... Они и открылись-то всего пару лет назад. Коллектив молодой, толком не сложился еще. И как там у них с культурой — я понятия не имею.

— Так... это мы берем на себя, — вставила слово Кира, — и совхоз может что-то выдать.

— А может не мудрить... Пригласить какой-нибудь коллектив, в качестве общественной нагрузки, к примеру. Райком может помочь? — тут пришлось все-таки

посмотреть на предмет своего... слабоумия.

— Не знаю, Иван... Обычно такое планируют задолго. Все коллективы знают — где и когда им выступать. И кто же обрадуется дополнительной нагрузке? А брать кого-ни-попадая... что же за концерт у нас получится. Опозорится-то не хочется..., - сомневается Илья.

— А вот другие коллективы... ну — выступает же кто-то в летних садах, на танцевальных площадках, в ресторанах, на худой конец? — Косов пытался найти еще варианты.

«Как-то они переглянулись... непонятно. И Илюха недовольно отвернулся. Остальные мнутя. Что там такое им известно?».

— Есть, Ваня, такой коллектив. Знакомые у меня... есть. Выступают, как ты и сказал по площадкам, но в основном — в ресторанах. С ними можно переговорить... Но ведь они — за деньги работают! А где мы деньги возьмем? Никто нам денег не выделит, — не поворачивая головы от окна, Илья задумчиво произнес.

— Ну почему же не выделяют? Если вот с Лесобиржей переговорить, с совхозом тем же. Не думаю, что там очень уж большие деньги нужны. За час, ну полтора, максимум работы — сколько они возьмут? Рублей триста?

— Это только за выступление, скорее всего... А им же и инструменты нужно перевезти, и потом — обратно все забрать... Машину нанимать нужно. — Илья по-прежнему смотрит в окно.

— А что это за коллектив такой? Где они выступают? Где в основном работают? Какой репертуар? — что-то народ и вовсе замолчал, продолжают переглядываться, да на Илью поглядывают.

— Что-то мы накурили тут... Иван! А пойдем-ка на улице «посмолим»! — поднялся Виктор и прихватив попаданца за локоть, потащил за собой вниз, а потом и из клуба.

— Ты это... В общем, не знаешь ты, конечно... Но у Илюхи нашего... проблемы с этим коллективом были. Так вот! — отойдя за угол, что бы из мансарды слышно не было, говорил Ивану Виктор.

— Ты объясни толком! Я же не знаю ничего — вот, может и наступил Илье на больной мозоль!

Из короткого рассказа Виктора получалось, что в этом чертовом коллективе, выступает Илюхина «бывшая» и его, более успешный соперник. Илья и сам там какое-то время подрабатывал, пока не случился «треугольник».

— Они с Варькой учились в техникуме, вместе. Ну там... «лямур-тужур». Он же, Илья-то — гений, можно сказать. И на инструментах многих играет, как... Хорошо, в общем, играет. И даже — музыку пишет, правда, стесняется признаться, и не показывает никому. Мы с ним со школы дружим, потому я — знаю. А Варька эта... стерва корыстная! Пока Илья в техникуме блистал, она к нему и приклеилась. А потом, видно, поняла, что — чудной он, да к жизни толком не приспособленный... в общем — денег там больших ждать не приходится. А тут этот Калошин их в коллектив к себе позвал, временно, так... на подработку. Вот она хвостом и закрутила! Илья ушел от них, и от Варьки, и из ансамбля этого.

Виктор прикурил новую папиросу:

— Х-а-а... А Варьку... Калошин этот бросил через пару месяцев. На хрен она ему сдалась, певичка сраная! У него этих прощмандовок по ресторанам — куча!

— Так что... ну — расстались они и что? Илья, что — до сих пор по ней сохнет, что ли? Ну, крутанула баба задницей, что теперь-то? На хрен ее послал, да и все! Что — других баб мало? — Иван понимал, конечно, что у других людей такие ситуация могут вызывать другие чувства, но вот он — такой!

Виктор с интересом посмотрел на него, хмыкнул:

— А ты «ходок» что ли? Что-то молод как-то для этого?

— Тут возраст — не помеха. Да и года — быстро прибывают, оглянуться не успеешь, а уже по отчеству называть начнут! — вместе с этой темой, Иван пытался найти другие варианты наполнения концерта, потому отвечал Виктору изрядно задумавшись.

— Да... Виктор! Нам, похоже, контактировать придется и дальше. Просто, чтобы расставить все точки над «и»... Кира... она — с Сергеем, да? У них серьезно все?

Брат комсомолки рассмеялся:

— Ага! Запал на Кирку, да? Да ты не первый, не тушуйся... и, кстати, сразу это было видно! — потом посерьезнел, — не, Ваня, там тебе ничего не светит! Они со школы еще вместе, со старших классов! Похоже, к свадьбе все идет. Серега — парень серьезный! Аэроклуб наш закончил, сейчас в авиационной школе учиться. Намерен после этого в училище поступать! Так, что брат — не светит тебе ничего, с нашей Кирой Александровной! Серега, он знаешь какой? Прямой как лом, и надежный как... не знаю с чем сравнить. Правда... иногда... чересчур правильный какой-то. Ну, в общем я тебе объяснил.

«Э-э-э-х-х... ну почему так, а? Вот же... заноза! На хрен мне с ней вообще встречаться было?!».

Виктор с улыбкой поглядывал на явно огорченного Косова, когда сюда же подошел Илья.

— Иван! Знаешь, а твое предложение вполне здоровое! Если их... этих... пригласить, концерт мы дадим очень даже неплохой. При всех... частностях, Игорек Калошин и сам играть умеет, и коллектив у него — очень слаженный. И опыт у них — большой. А про вокалистку... Ну... Виктор тебе уже, наверное, все рассказал.

Виктор попытался что-то сказать, но Илья отмахнулся:

— Да ладно... Там уже все отгорело, да бурьяном заросло! Неприятно, конечно, будет с ним общаться... Но — ради дела — перетерпеть стоит! Пошли дальше совещаться, да планировать!

Косов приотпустил директора вперед, а Виктора придержал за локоть:

— Ну... а с Зиной — у тебя тоже серьезно?

Тот удивленно посмотрел на «кобелирующую личность»:

— А ты — тот еще жук! Здесь, знаешь... все — по-другому. Зиночка — она подруга Киры, они вместе в институте учатся, да все эти..., - Виктор неопределенно покрутил рукой в воздухе, — общественные дела вместе решают. Похоже... у Зиночки какие-то планы в отношении меня. Но — они точно не совпадают с моими планами. Нет — так-то она девушка хорошая... и красивая, и не дура... Но — не мое! Вот только что я тебе скажу! Если ты серьезно — то пожалуйста. А если так... для баловства... То и я тебя не пойму, а уж как не поймет тебя Кира!!! И это — даже намного хуже, чем мое непонимание! Понял? Я тебя предупредил!

«Да что ты будешь делать?! Куда ни кинь — всюду клин!».

— Ладно... понял.

— Ну... смотри. Еще раз — я тебя предупредил!

Оказалось, что пока они отсутствовали, Илья вновь согрел чайку, и вся компания сидела и, прихлебывая чай, решала — где найти денег!

— Илья! А ты мне так и не ответил — а какой репертуар у этого коллектива?

Илья скорчил недовольную физиономию:

— Иван! Ну какой репертуар может быть у ансамбля, который зарабатывает по «кабакам», да по танцплощадкам? Ну... цыганщина там всякая... Утесова они перепевают, Лещенко... Изабеллу Юрьеву... Погодина там, Шмелева.

— Еще у меня вопрос — а вот... если новые песни? Они возьмут в качестве оплаты?

Вопрос вызвал, мягко говоря, удивление у всех присутствующих. Все с интересом смотрели на Косова.

«Ну а что? Чем я хуже других попаданцев? Воровство, говорите? Ну... это — с какой стороны посмотреть! Мир это другой, и будут ли здесь сочинены те песни — тоже неизвестно. Согласен... так себе «отмазка»... Ага... вот такое я «ага»! Да и — хрен с ним!».

— Ты хочешь сказать... у тебя есть песни, которые можно петь? Причем не своим знакомым, не девочкам на скамейке, а с эстрады? — Илья был удивлен и, скажем так, настроен довольно скептически.

— Илья! Вот говорят, что у евреев есть такая традиция — отвечать на вопрос — вопросом! Ты вроде бы не... или я чего-то не знаю? Скажу так — у меня есть кое-какие... наброски. А вот довести их до ума, думаю, поможешь мне именно ты!

Иван старался не обращать внимания на удивленные взгляды и Киры, и Зины.

— Ой! Ваня! Ты что, правда пишешь стихи? — Зина была в восторге.

«А вот — не надо мне тут! Меня по поводу тебя — строго предупредили! А вон... на подружку твою... я и сам смотреть не хочу! Чтобы не впасть опять в ступор!».

— Об этом я говорить не хочу! Неделанная работа... г-х-м... никому не показывается! Вот если у нас с Ильей что-то получится... да? Человек-оркестр?

Илья был задумчив.

— Иван! Это, конечно, вариант! Если песня того стоит — ее, без сомнений, Игорёк возьмет! Но... это же... ты же деньги потеряешь! За каждую песню исполнитель должен платить авторам! Именно для этого песни регистрируются... хотя... сам этот механизм регистрации — я толком не знаю. А уж исполнитель, не важно — в кабаке он поет, или с летней эстрады... да хоть со сцены в филармонии! Он должен платить отчисления авторам! А это — может и прилично получится! Зачем тебе терять эти деньги? Может проще найти наличные и заплатить им разово?

— Давай не делить шкуру неубитого медведя! Как говорится — курочка в гнезде, а яичко... г-х-м... в общем, не будет пока об этом!

Несмотря на попытки Зиночки «раскрутить» Косова на прочтение «его нетленок», несмотря на молчаливо приподнятую бровь Киры и ее заинтересованный взгляд, Иван не сдался. Да и говорящий взгляд «викинга» — тоже не способствовал!

«М-д-я-я... с будущим «сталинским соколом» у нас сразу возникла взаимное чувство... И это чувство — вовсе не любоффф! Да и хрен с ним, с «арийцем» этим! Так и подмывает показать ему язык и немного пофлиртовать с Кирой. Но... похоже, с этой девушкой флиртовать — себе дороже! Но... как же хороша!».

Еще раз обсудив план действий, проговорив, кто и чем занимается, гости — уехали. Косов старался не замечать взгляды девушек. Ни к чему это! Вон — у него Вера есть. Для блуда. А заводить серьезные отношения... глупость это! И уехать ему придется через год, а

потом... и вовсе... Ни к чему!

А директора накрыл творческий зуд! Вот от кого избавиться будет сложно! Да и надо ли? Все же, если слова некоторых песен она помнит, а музыка? Напеть мотив сможет, а вот обработать, положить на ноты?

— Так... Илья! Ну вот что ты на меня нападаешь? Ничего я тебе пока не скажу! И знаешь, что? Я сегодня остаюсь в ночь, а утром убываю «творить», пока мой пегас не ускакал. Или там — муза не отказала во взаимности. Вот послезавтра, возможно, принесу чего-нибудь для обсуждения, лады? Да... и еще — я завтра с собой одну гитару возьму, ты не против? Обязуюсь вернуть в целостности и сохранности!

— Бери! Но послезавтра жду от тебя какой-нибудь результат!

«О как! Однако у Ильи начали проклеиваться нотки руководителя!».

Оставшись в клубе один, Иван побродил по улице, покуривая в задумчивости, затем попил чайку. В голове все перебирал варианты.

«Так... Что нам требуется? Нам требуются три, или четыре песни, которые «лапались» у нас в кабаках. Понятно, что никаких Высоцких, и уж тем более — Цоев быть не должно. Сейчас и здесь эти песни — просто не поймут. Там и мелодии, и ритмы — абсолютно другие. Так здесь не принято. Хотя... что-то из Высоцкого может вполне зайти. Ладно, это оставим на «потом». Что мы имеем? Сельский клуб, где все слушатели — деревенские жители. И даже приглашенные гости — в подавляющем большинстве, в недавнем прошлом — такие же деревенские! Поэтому что? Песни нам нужны... поближе к народным, и без «зауми» разной, философской. Без иносказаний и гипербол. Простые, мелодичные, легко воспринимаемые на слух нынешней публикой».

Вернувшись с перекура в клуб, он завалился на топчан, и принялся перебирать струны, пытаясь вспомнить что-то из своего прошлого. Благо, что он вырос в позднем СССР и эстрада в то время не убежала далеко от народа. Но и не опустилась до уровня «поющих трусов». Многие песни он помнил хорошо. Многие — хуже, так — пару куплетов, а то и только припев.

«Кабацкие» значит, но без хулиганства... Ага! А как там начинается «Мохнатый шмель»?

Перед глазами замаячил Никита-бесогон, со своими пышными усами, но, почему-то в мохнатом и округло-мягком желто-черно-полосатом костюме шмеля, с прозрачными пластиковыми крыльями за плечами. Почти сразу, после появления, Никита сменил умильно-сладострастное выражение лица, на крайне недовольное и уставился на Ивана, шевеля усищами.

«Недоволен значит наш всенародный режиссер! А что я? Украл что ли? Да эти стихи — вообще Киплинга, и перевод — не помню чей! И что Вы на меня так, гражданин Паратов, уставились? Сие творение Вам не принадлежит! И вообще — с таким именем-отчеством, Вам, уважаемый, надлежит быть лысым! Так что нечего здесь недовольство проявлять, а извольте отправиться в цирюльню, и чтобы назад явились с гладким как коленка черепом, розовым, как попка младенца! Выполнять!».

А вот про попку, наверное, зря... После убийства к месту выполнения задачи Михалкова, перед Иваном вдруг возникла Кира. И была она почему-то в спортивных стрингах и минималистичном лифчике, как на выступлениях бодибилдерш! Она прошла перед Иваном как по подиуму, покрутила попой, потом исполнила твирк, и уселась на стул, перекинув ножку на ножку, как Шерон Стоун в известном фильме. Причем Иван четко

понял, что стрингов на Кире уже нет, хотя ничего разглядеть меж ножек так и не смог!

«Викинг Барби» — почему-то всплыло в голове. Валькирия, блин!

Иван проснулся от собственного стога.

«Вот же, блядь! Приснилось что ли? Ну и сны у Вас, гражданин попаданец! Похоже — «крыша» начала течь! И вот что с этим делать — ни хрена не понятно!».

И в штанах... сплошное неудобство.

«Так и до поллюций недалеко!»

Косов поднялся и энергично размялся. В комнатухе было изрядно холодно, а за окном уже ощутимо светало.

«Поспал называется!»

Гитара лежала рядом с ним на топчане. Ну — хоть не уронил и не сломал, уже хорошо!

«Так... сейчас архи-важно, чтобы Верочка поутру пришла! А то... прямо и не знаю, что делать! Нет... так-то — знаю... но — как-то не комильфо!».

Иван кое-как смог дожидаться утром Мироныча и Илью. За эти несколько часов, он несколько раз принимался делать зарядку. Делал долго, до седьмого пота! Потом пил чай. Потом — снова делал зарядку. Но в голове продолжала оставаться какая-то муть из обрывков образов Михалкова, Ларисы Гузеевой — «а Гузеева в молодости была — ого-го!», и постоянно наплывающем образе Кире, в костюме фитоняшки на выступлении!

Прихватив гитару, сумку, кивнув Миронычу, буркнув Илье — «все, пошел, пока вдохновение не ушло!», Иван рысью отправился на паром.

Уже дома, скинув одежду, он вышел в ограду и вновь, и вновь прогонял комплекс уже затверженных упражнений.

— Привет! А ты что, как оглашенный-то — все приседаешь да отжимаешься! Ты посмотри, пот как ручьем с тебя течет! Вот — бешенный какой, а!

«Ф-у-у-х-х... пришла! Ох — хорошо-то как!»

— Ты не представляешь, Верочка, как я по тебе соскучился! Просто — не представляешь!

— Ну тихо, тихо... Вот дурачок-то где! Ну... давай я тебя обмою, иди сюда, к бочке, — Вера тихо засмеялась и нагнув его к бочке с водой, принялась обмывать водой, — а горячий-то какой! Прямо пышет жаром от тебя! Ты не заболел ли, Ванюшка?

От ее рук его еще больше кинуло в жар:

— Это я от тебя заболел, Верочка! Ну давай, не томи, пошли в дом... уже терпеть невмочь!

Женщина тихо засмеялась и пошла в дом.

— Ну ты что? Ты что? Ты же мокрый весь, сейчас и меня всю замочишь! Ну погоди, дай раздеться-то! — Вера, тихонько смеясь, пыталась отпихнуть его от себя.

— О-о-о-х-х-х... Ваня... что же ты делаешь... ох... Еще, еще... ох, не могу... ну — не торопись ты так... а-а-а-а-х-х-х...

В этот раз он умучил женщину до невозможности.

Через пару часов она, лежа на мокрых и сбитых в ком простынях, на скинутом на пол матрасе, все не могла отдышаться:

— Ты что же... сегодня... как с цепи сорвался... ей богу! Ты же замял меня всю, поломал... ох... все ноет так... пошевелиться больно! Как одурманил тебя кто!

— Ну... так пришел-то я все же к тебе... разве нет? — он лежал, уткнувшись лицом в подушку, и тоже никак не мог восстановить дыхание.

«Нет... так — тоже не дело! У тебя крышу рвет от одной дамочки, а эта женщина... почему должна страдать?».

Покряхтывая как старик, Иван поднялся на руках, и оглядел Веру. Она даже не думала скрывать свое голое тело, лежала раскинувшись, и закрыв глаза. Только, в пику ее словам, на губах ее блуждала довольная улыбка.

— Погоди... дай я разомну тебе немного ножки... вот и животик... тоже..., - он стал поглаживать ее, стараясь хоть чуть изобразить что-то похожее на массаж.

— Еще... еще, сделай вот так... да, да... приятно... а-а-а-х-х-х...

Вот этот «ах» — снова накрыл Ивана с головой. Замычав, он еще чуть раздвинул Веру ножки и опустил меж них лицом.

— Ты что... ты что, сдурел? Ай... Ваня... что ты... что ты делаешь... а-а-а-а-х-х-х...

Потом он приподнял и закинул ее ноги себе на плечи, для удобства доступа... ага.

Вера мычала, закрыв себе рот обеими руками. Ее тело изгибалось на матрасе, она то прижималась к нему, то отодвигалась и ерзала бедрами по сторонам. Потом — резко стиснула его голову ногами и напряженно выгнувшись, замерла. Не слышно было даже дыхания. Через несколько мгновений она с всхлипом втянула в себя воздух, и ее грудь заходила ходуном.

А с Ивана как волна схлынула. Стало легко по всему телу. Только в голове слышался какой-то комариный звон. Он подтянулся на дрожащих руках по матрасу вверх, к Верину лицу, и очень нежно поцеловал ее в губы. Она молчала.

Он уже стал дремать, обнимая ее, когда она вдруг рывком повернулась к нему:

— Ты что же творишь, засранец этакий! Ты зачем же так делаешь, а? — потом обхватила его руками за шею, и уткнувшись носом ему в плечо, разревелась.

«О как! А что не так-то?». Мысли в голове ворочались нехотя, как в мёде.

«Мед в голове! — откуда это?».

— Вер! Ну ты чего, а? Ну... ну что ты, милая... я... я обидел тебя чем? Зачем ты плачешь? — вот как ее успокаивать, и самое главное — отчего успокаивать?

Постепенно Вера успокоилась, и пошмыгивая носом, обиженно выговаривала Косову:

— Ты, Ваня — как есть балбес! Ну вот что ты делаешь, а? Ну... ладно... я — такая вот... и мужики у меня были... ну — кроме тебя и Андрея... да — еще и Василия. А сейчас я что делать буду? Ну кто вот так меня... приласкает, а? Это же... как забыть-то такое? Сволочь ты, Ванька!

— Ну я же здесь, с тобой! Разве же тебе плохо? — Иван прижимал женщину к себе, поглаживал ее по спине, спускался руками к попе и потискивал ягодицы.

— Ну... ты же все равно... уедешь... вон — осенью тебя Петровна выселять будет... уже сказала. А я как тогда?

— Ну... как минимум еще год я никуда не уеду. А Петровна... да пошла она... я уже нашел себе место для жизни. И еще — что же мы встретиться не сможем, что ли? Ну... если захочешь, конечно... Ну — ведь найдем, где встретиться, правда ведь?

— Ох, Ванька... Ну вот зачем ты вообще сюда приехал, а? Ну — жила же я как-то до этого... без этого всего... а сейчас как? Попробовав-то?

— Девонька-кисонька! Я тебе обещаю, пока я здесь, в Никольске, я всегда буду хотеть тебя... И, в общем... мне с тобой очень хорошо!

Иван снова стал целовать Веру. Лицо, шею, плечи... опускаясь все ниже и ниже...

Когда Вера, чуть пошатываясь и с шалой улыбкой на губах, ушла, Иван задумался.

«А вот повезло же тебе, сраный попаданец, что подвернулась тебе такая женщина! Если бы не Вера — чтобы ты делал, с юношеской гиперсексуальностью и опытом зрелого мужика конца двадцатого века? Благодарен я ей? Безусловно! Надо ей подарок какой-то сделать... Вот только вдвоем подумать, как «залегендировать» этот подарок. Кто-то может сказать — она блудница, и, в общем-то, будет прав. Только я так говорить не буду, ибо — «кто без греха, тот пусть первым бросит в нее камень!». Но это буду не я, это — точно!».

После ухода Веры, он навел порядок в комнате, проветрил ее. А то запах стоял такой... определенно возбуждающий.

Выйдя во двор, посидел, блаженно расслабившись и лениво покуривая, почувствовал голод. Этот «не дядька» быстро и уверенно набирал обороты и заявлял о себе со все большей силой.

«Так... а моя ответственная квартиро-сдатчица оставила ли мне что-нибудь, или по своей склочности упылила на рынок, позабыв про меня?».

Но нет... Зря он наговаривал на Петровну. Как всегда, на столе в сенях ее половины, стояла крынка с молоком, в плетеной корзинке, накрытой полотенцем, подсыхал изрядный ломоть ноздреватого хлеба, а рядом лежали пара вареных яиц, кусок сала и луковица.

«Ну что ж... маловато, конечно, но — сойдет! Все-таки надо выбраться в город, зайти в какую-нибудь столовку. Жуть как хочется горячего и жидкого! Супца бы какого-нибудь, а лучше — борщеца! Да с изрядным ломтем мяска на кости! Интересно, а как сама Петровна обходится все время в сухомятку? Или она днем где-нибудь перехватывает?».

Столовка — это, конечно, здорово! Но умяв все припасенное для него хозяйкой, Ивана неудержимо потянуло в сон. Ну да, ночью толком не спал — все какое-то... этакое снилось, потом — интенсивные физические упражнения, а потом — и сексуальные, не менее интенсивные! А сейчас-то — брюшко полное, тепло от него по телу расходится и клонит, клонит на подушку!

«Так, ладно... Пару часов — посплю, голова лучше работать будет!».

Парой часов — не обошлось, Иван продрых аж до шести часов вечера! Даже стыдно стало — а как там Вера, после таких-то кувырканий, да возня по дому и с ребятишками?

За стеной иногда слышалось постукивание, да побрякивание, из чего он сделал вывод, что Петровна — уже дома.

«Ладно, умыться, поужинать и садиться за тетрадку, кропать вирши. Чужие, конечно! А как иначе прожить попаданцу! Все-таки для всегдашней русской интеллигенции — «ворюги милее, чем кровопийцы». Вот и будем — те, кто «милее»!».

Постучав к хозяйке, Иван поздоровался.

— Ну, хоть сегодня вовремя пришел! — Петровна опять чем-то недовольна.

За ужином он обрадовал ее тем, что директор, после открытия клуба, согласен на его заселение в комнатушку, под лестницей. Хозяйка никаких эмоций явно не выразила. Ну и Бог с ней.

«Так... «Шмеля» значит — берем! Да там и песенка-то — недлинная».

Откуда-то Иван помнил, что перевод так и невспомненного им автора, был куда как короче, оригинальных стихов Киплинга. Да и ладно! Если в восьмидесятых года песня так пошла в народ, то и сейчас будет — не хуже. Будем надеяться!

Потом Косов решил записать слова той песни, что пел Вере, когда они... ну в первый раз. Ага... «Горькая ягода».

«Правда, не понятно — она будет подходить по типажу этой певице... бывшей Илюхи. Тоже — посмотрим!».

Дальше... Что там еще — «кабацкого»? Да что думать-то? «Глаза напротив» Ободзинского; «В шумном зале ресторана», там, где про поэта, это точно должно женщинам

зайти!

Что еще? А вот — близко к народным, точнее — к народу: «Мы на лодочке катались» и «А он мне нравится». Уж больно ему нравилась Валентина Толкунова. Ну а про Герман — тут уж и вовсе говорить ничего не надо!

А еще Иван записал слова песни, которая никак к «кабацким» не относилась, но ему нравилась еще с юности, про «заречную улицу». Ее он не собирался отдавать в уплату. Да и не «кабацкая» она вовсе. Но она ему напоминала собственную юность и его родной городок. Поэтому, закончив с писаниной поздним вечером, он вышел в ограду и тихонько, как только можно, попытался самостоятельно подобрать аккорды. Получалось откровенно плохо! И сам-то он играл, как пьяный босяк в подворотне, а с подбором музыки — вообще швах!

«Ладно... оставим это Илье. Да и предложить ему стать соавтором — автором музыки. А что не так? Пусть Илья хоть в будущем какую копеечку получит!».

Иван не сомневался, что песни пойдут, а значит, в какой-то момент настанет необходимость их легализации, регистрации и прочей бюрократии.

Наутро Илья огорошил его известием, что завтра к ним в клуб приедет этот пресловутый Калошин и бывшая Ильи. Звать ее, оказывается — Варвара.

— А чего так рано-то? У меня же и по песням — так... наброски только. И с музыкой — вообще никак. Я думал, ты мне поможешь с этим, ну... ноты там... то-се..., - Косов был растерян.

— Иван! Ты не понимаешь! Чтобы музыканты освоили новую песню — недели мало. А у нас, по плану, открытие клуба, и значит — концерт уже через три недели! Времени вообще нет! Поэтому — вовсе не рано!

— А как ты... ну — уговорил этого Калошина, и... певицу к нам приехать? Что за песни пообещал? Ты же — даже не видел еще текстов, и музыки вообще нет! Илья, я считаю — это... авантюризм какой-то! Вот!

Илья задумался, почесал переносицу, потом улыбнулся и сказал:

— А это ты, Ваня, на меня так влияешь! Ты — вон, все торопишься, на месте не сидишь, все что-то тебе нужно, чего-то не хватает. Я бы и правда — еще пару месяцев назад так бы не поступил, а сейчас — вот...

«Ну вот — опять за ribu гроши! Я-то тут причем?».

— Да... Иван! Я вот что еще хотел сказать... Когда ребята приезжали... ну... видно было, как ты на Киру смотрел. Я вот... не мое, конечно, дело. Но — не лезь туда. Она девушка красивая, этого не отнять... и умница тоже. Я сейчас даже не про Сергея... хотя он тебе точно нос расквасит, если будешь продолжать в том же духе!

Иван сидел, опустив голову, слушать все это — было неприятно!

«Неужели я так явно себя вел? Если даже Илья, не от мира сего, и то — заметил. Вот же... Вот на кой хрен она мне повстречалась?»

— Имей в виду, Иван... У них с Сергеем все серьезно. Они давно уже вместе... ну — дружат. Да и характер у нее — очень непростой! Она... лидер — вот! С ней... с такими девушками просто — не бывает!

— Да с чего ты все это напридумывал?! Ну да, красивая девушка! И да — понравилась она мне! Но мне и Зина — тоже понравилась, что с того?

Илья задумался, опять почесывая нос:

— Нет... там — не так... На Зину ты просто смотрел, так... с удовольствием. А вот на Киру — либо вообще старался не смотреть, либо замирал, уставившись. Это видно было.

— Ну ладно... ну — мало ли кто и кому понравился? Переживу... совет им да любовь, с Сергеем этим! Все... давай закругляться с этим, да делом заниматься.

— Иван! Понимаешь, я почему тебя прошу... не лезть к ним. Я... я эту семью давно знаю. Наверное, как они сюда, в Никольск переехали, да Витька к нам в класс учиться пришел. Мы с ним как-то сразу подружились. Я и дома у них бывал часто, и Киру знаю еще, когда она девчонкой с хвостиками была... Думаешь, ты первый, кто на нее вот так реагирует? Да за ней всегда поклонники табунами ходили, пока Серега их не отвадил! Но... вот что мне не понравилось... Кира... она в таких случаях как-то весело и с шутками, но не обидно, ставит парней на место. А вот здесь... она не так себя вела. Поэтому... я и прошу тебя... ты же парень умный. Не лезь к ним, не ломай там все, что сложилось уже давненько.

— Все, Илья... Все. Я понял. Закончили с этим. Пойду, покурю и начнем делом заниматься.

Косов вышел на крыльцо, присел на лавку и закурил.

«Ну... что я на нее так отреагировал — тут... хоть и не все понятно, но — пусть! Она очень, очень мне понравилась. Даже не так... я даже думать о ней не могу. Там, внутри сразу что-то дрожать и вибрировать начинает. Именно внутри, а не в штанах! Хотя... в штанах — тоже все беспокойно! Но здесь — самое страшное... нет, не так. Самое неприятное, что — дрожь эта именно внутри, аж мутить начинает, когда о ней думаю. И во рту... как будто медом намазано, сладко так... Влюбился что ли, пень старый? Вот на хрена мне это было нужно? Все вроде шло по плану: работу нашел, с временным жильем — определился. Планы на будущее понятны — на следующий год поступать в Омское пехотное училище. Потом... потом похоже все тоже самое — как и у нас было. Пережить эту мясорубку — и не надеюсь. Это... нестрашно. Нет... не так... неприятно это — вот! Но умом я понимаю, что уже одну жизнь прожил, нормальную такую жизнь. А это вторая... ну... должен сделать, что... должен! Страшно струсить в последний момент, оказаться... не мужиком. Потерять уважение и людей, а еще — самое страшное — перед самим собой уважение потерять! Тогда и жить-то — зачем? А вдруг... мне и еще какую-нибудь жизнь подкинут? Ну а почему нет? Хотя... губу-то раскатывать не стоит...

Да... о чем это я? Ага... про Киру. И вот при таких раскладах... и правда — а зачем девушке голову глумить? Зачем все это начинать? А ведь с Кирой, если начинать, то только всерьез! Это не Вера, и никакая не другая девушка или женщина! Тут... серьезно. И никак по-другому!

А вот... Илья сказал, что она на меня реагировала странно, не так как всегда... Ну... это тешит самолюбие. Сумел заинтересовать девушку. Ну и ладно! Согласен и с Виктором, и с Ильей. Не стоит оно того, не надо опаскудиваться совсем! Все... решено! Кира — просто знакомая, без малейших планов на продолжение! Решил? Решил! Мужик сказал — мужик сделал! Х-м-м... А вот Сереже я бы арийскую морду все же подрихтовал бы! Тут даже дело не в Кире... ну... не только в ней, да. Просто... бесит он меня, бесит! Все... разложил по полочкам, решение принял!»

Косов повеселел и насвистывая, направился в кабинет в Илье. Песни-то кто за них писать будет? Так! Ну, Илюха, сейчас будем решать — кто из нас Пахмутова, а кто — Добронравов!

И уже перед кабинетом Ильи поймал себя на мысли: «А сможешь вот так вот — просто мимо нее ходить, просто общаться, как с обычной девушкой? Что ты себе врешь-то!».

Иван встал как вкопанный. Мгновенно охватила дикая злость — на себя, на такого...

распиздяя. Аж скулы свело!

«Брысь! Брысь, на хер, все такие мысли! Ты что — не мужик? Держи себя в руках, тряпка!».

В той жизни что-то подобное с ним было дважды. С Ириной, женой — все закончилось браком. А второй раз... Хорошо, что все закончилось именно так, как закончилось! И вышибал эту муть он из себя долго! А как вышибал? А — кинулся в безумное такое блядство! Баб в этот период у него было — жуть просто! Разные. Красивые и не очень, стройные и не очень. Умные и дуры. Не разбирал! Через полгода, примерно, успокоился. Прошло. Наваждение это. Как — переболел!

«Может и здесь так же поступить? Надо подумать!».

Иван сунул Илье тетрадку с текстами песен, а сам встал у раскрытого окна, и бездумно плясая на дома близкой деревни Бугры, курил.

— Г-х-м... к-х-а... это... это ты все вчера написал? — Иван не оборачивался, но по голосу Ильи определил, что тот — мягко говоря — удивлен.

— Да нет... наброски у меня давно уже были... Так, пару-тройку строчек тут, пару четверостиший — там... Вчера просто свел все, постарался пригладить. Вот — как получилось.

Посмотрев на Илью, который сидел, тупо уставившись в стену напротив, затушил папиросу в приспособленной консервной банке:

— Ну — что думаешь?

Илья вздрогнул, встрепенулся как конь, и даже потряс головой.

— Так... что я думаю... что я думаю... Я вот так сразу и не скажу, что я думаю. Не могу сформулировать. Но... вот эти песни — Игорь однозначно возьмет! Даже... даже жалко этому козлу их отдавать! А вот эти... не знаю, подойдут ли они Варе. Надо будет посмотреть, попробовать, послушать. Та-а-ак... а пойдем-ка в актовый зал, там помещение лучше к этому приспособлено. Ты мне сначала напоешь, как сам представляешь. Я послушаю.

Илья прихватил из комнаты перед его кабинетом, которую превратили в склад музыкальных инструментов, аккордеон и они пошли в актовый зал.

— Видишь ли... здесь, конечно, фортепиано больше бы подошло. Или — пианино, на худой конец. Но — нету! Поэтому — аккордеон! Ну не с гитарой же музыку подбирать?

— Странно... а почему не с гитарой-то? Чем она тебе не угодила?

— Ну как объяснить... Гитара... она же — ну цыганщина там, дворовые песенки... не серьезно. Аккордеон — это инструмент!

Иван с Ильей был не согласен!

Взял в руки ту гитару, которую брал с собой, задумался, потом попробовал взять аккорд.

«Нет... не так! Вот... И опять — не то, не совсем — то, что надо! А вот так? Ага... уже лучше!».

Илья с интересом смотрел как он пытается подобрать аккорды, ждал.

— К долгожданной гитаре я тихо прильну!

Осторожно и бережно трону струну...

И она отзовется, зазывно звеня,

Добротою наполнит тебя и меня.

— Ага... тоже твое?

— Нет, не мое. Слышал просто, понравилось!

— Ну вот, как я и говорил — цыганщина! Особенно — припев! — Илья подумал и улыбнулся, — а зачем, когда ты пел, то — с каким-то акцентом, что ли?

Иван смутился:

— Ну... я когда ее услышал, запала она мне. А пел ее — толи румын, толи венгр... не знал я его толком. Вот как-то и запомнилось так.

— Кстати! А ее тоже можно Калошину предложить, думаю она ему понравится!

Они проторчали в зале до вечера. Спорили, ругались, пробовали снова и снова. Расходились по разным углам, прерывались на чай и многочисленные перекуры. В один момент — чуть не подрались! Иван был очень удивлен, когда Илья, этот «тютя», вдруг полез на него с кулаками, и принялся дергать за грудки!

— Ну вы еще подеритесь! Музыканты! — остановил их Мироныч, который с интересом наблюдал за ними из дверного проема актового зала.

К вечеру вымотались до предела!

— Так, Ваня. Надо остановиться. Ты как — сможешь сегодня домой не ездить? Переночуешь в своей комнате, на топчане, а я — у себя в кабинете, на диване. А завтра, с раннего утра — отшлифуем все до упора. К их приезду нужно показать товар лицом! — Илья с замученным видом, с растрепанной прической выглядел безумным профессором.

«В своей комнате... Кстати, мужики сторожа восприняли это пока формальное вселение — по-разному. Мироныч вполне спокойно, а вот Яков — с явным недовольством!»

— Ты, что же, сосед, надулся? Человеку жить негде, углы снимает. А мы — что не найдем себе потом угол, где приткнуться да ночь провести? Вон — сиди в библиотеке, да читай книжки разные, или газеты. Все умнее будешь! А отоспаться — и на утро, дома, сможешь! — Мироныч урезонил Якова, и тот промолчал.

Иван договорился с Миронычем, что потом нужно будет переделать стол, топчан, лавку, какой-никакой шкафчик соорудить, под всякое-разное — чтобы уже не бытовкой строительной смотрелось помещение, а жилым уголком.

Иван, по предложению сторожа, сбегал к тому домой, чтобы жена собрала им какой-нибудь перекус. Поужинали уже поздно, в комнате Ивана, попили чай, перекурили.

— Так... учиться тебе Ваня гитаре придется всерьез, тут уж я от тебя не отстану, — Илья говорил устало, но твердо, — а потом, к осени ближе... за аккордеон я тебя усажу!

— Это... к-х-к-х-а-а..., - Иван закашлялся, — это — зачем же... аккордеон? Я тебе что — музыкант, что ли? Да и... сложный же он!

— Ничего он не сложный... помаленьку-потихоньку... освоишь! И здесь — поможешь, и потом — в жизни пригодится, и не спорь со мной! — вот так «тютя»! Я же говорил — начальник в нем прорезается! Мироныч лишь усмехался, дую в кружку с горячим чаем.

— И вот еще... Песни завтра представлять будешь ты! — Илья смотрел на него своим близоруким взглядом. Но взгляд был... твердым, ага.

— А здесь-то — почему я опять? Кто из нас музыкант — я или ты? — Иван был возмущен, — вот так и живем, Мироныч! Все норовят на шею сесть и ножки свесить!

— Пойми, Иван! Я музыкант, конечно... Но — не певец. И они об этом знают. Зачем ставить себя сразу в заведомо проигрышную позицию. А ты что — ну да не певец, и что? Это и понятно. Ну — спел как мог, какие претензии? И, кстати, ты зря так говоришь — голос у тебя вполне приятный. Такой... немного на баритон походит, когда поешь. Ну — не

оперный певец, само собой. Но... если бы с тобой позанимались наши преподаватели — вполне бы для эстрады подошел. Я, знаешь ли, и похуже голоса слышал. И ничего — выступали люди со сцены, да еще и апломбом! У нас, в культуре, знаешь какие типажи встречаются? Гонору, спеси — ого-го!

Они сидели с Миронычем на крыльце, курили, глядя на деревню. Илья уже давно ушел спать, а Ивану не спалось. Что-то не выходит у него жить спокойно, размеренно, как думалось. Ни одно, так — другое, все что-то — наперекосяк!

Было тепло, по-летнему ясное звездное небо над головой. И даже комары куда-то пропали. Огни в деревне были редкими. Тихо и хорошо. Лишь изредка то тут, то там погавкивали собаки во дворах. После такого нервного и утомительного дня — лепота! И мысли про Кир... так, не будем! Нет их, этих мыслей! Вот — лучше о Вере думать! Но думать о Вере мешал попыхивающий самокруткой рядом на крыльце, Мироныч.

— Ты слышь, паря, Тимофеич тут приезжал. Говорит — на днях привезут дрова, долготьем. Вот нам их пилить, а потом и колоть нужно. А то, чем топить-то столько печей зимой будем? Да и просохнуть им, дровам этим, надо! Времени-то теплого, сколько еще будет — ну месяц, полтора, не больше. Мы завтра с Яковом козлы собьем, под распиловку.

— Ну что ж... привезут — будем пилить, да колоть! Наше дело телячье...

Мироныч покосился на него, хмыкнул.

— А я вот, Осип Миронович, все спросить хотел... Как-то имя-отчество у вас... вроде — не здешнее. Отчего так?

Тот пыхнул самокруткой:

— Так я, паря, и не местный! Я ж — с Белоруссии, ну — это сейчас так называется. А тогда — с Виленской губернии, да.

— А как же вы тут оказались?

— Да как... революция, а потом — Гражданская... они ж здорово людей-то перемешали. Люди с севера на юг перлись, а кто — с востока — на запад, а кто — наоборот! Кто — воевал, а кто — от войны бежал. Всякое было...

— Я вот — в вёске своей жил, не тужил. Ну как не тужил... Бывало и потужить приходилось, да. Там же как — то недород, то еще какая чума на людей свалиться. Но ничего так — справно жили. Не хуже других. Дом у меня был, хозяйка да ребятишек уже двое. А потом — война эта... Не, меня так-то не призывали. Только уже на второй год, когда наши царские генералы уже и Польшу просрали, стали нас привлекать, мужиков, по обозной надобности. Фронт-то уже и недалеко от нас был. Не близко, конечно, но — и не далеко. Хорошего в той повинности было мало — ну как крестьянину радоваться, у него же всегда забот, полон рот! А тут — вози то продовольствие, а то и снаряды-патроны разные. Раненых опять же — в тыл. Но грех говорить, и фураж лошадям выделяли, и самих, нас — кормили справно. Да деньжишек мало-мало подкидывали, да. Но все равно... не к душе все это было. Работа-то дома стоит! Ее кто за тебя делать будет?

— А потом... германец попер, попер — дуром прямо! Вот я и попал, как кур в ощиц! Собрали нас, в очередь кто, и погнали на лошаденках — кто патроны везет, кто еду. На передовую, значит. А оттуда, чтобы порожнем не гонять — раненых. Ох и много же их было, ох много! Нам уже и те патроны — в радость казались! Они же, патроны-то, не орут благим матом, да и не мрут на каждой версте! Всё мы с мужиками тряслись, когда же это кончится?!

— А только сдали их в госпиталь — прискакал, значит, офицер и ну — уговаривать нас,

что, дескать, еще бы ходку сделать. Дескать — очень уж патроны на передовой нужны. Деньгами нас соблазнил, паскуда... Вот... Вернулся я домой только через месяц после отъезда. А там... в веске нашей, за это-то время... штабов каких-то понагнали, еще какие-то части, склады. А дома моего — нету... Ни жинки, ни детишек... Одни головешки... Соседи уж рассказали, что прилетал, значит дирижабль германский по ночи, да давай бомбы скидывать... Вот — куда попал, туда — попал! Так я... один и остался.

— И знаешь, Иван... Такая злоба меня взяла, такая злоба! Продал я свою лошаденку, пил... неделю, не меньше. А потом — пристал к одной добровольческой команде. Очень уж мне хотелось хоть парочке германцев глотки взрезать! Своими руками чтобы... Чтобы в глаза их посмотреть, значит...

— Вот так, до семнадцатого года и провоевал, да.

— Ну что — получилось отомстить? — Иван смотрит на Мироныча, досталось же мужику!

— С избытком! Нас там таких... охотничья команда подобралась. А что — мне тогда аккумулятор двадцать пять было. Силенки-то были, были... Вот мы и порезвились... с германцем-то. И сами, конечно, ложились... ну — кому не свезло. Но и кровушки их — попили вдоволь. Я ж и Егория получил. К семнадцатому уже и второй маячил... да вручить не успели. Закрутилось все. А потом — помотало меня... И под Петроградом повоевать успел, и на Дону... с Сиверсом. А потом нас — вот сюда отправили, Колчака, с-с-собаку, кончать!

— А здесь уж меня, в стычке одной, в колено-то и ранили. Оставили меня здесь, в госпитале, а наши то дальше пошли, гнать этих сук. Вышел я из того госпиталя, толком ходить не могу. Куда податься? И дома нет... Вот я здесь к хозяйке-то и прибился... У нее же мужик-то помер, а с ребятенком одной — солоно. А там уж и сын у меня здесь образовался. Так и живу здесь. Уж скоро двадцать лет.

— Так получается — снова у Вас двое детей?

— Ну... так получается. Дочка-то — она от первого мужика. Но — ничего так, тятей меня называет. Она же малая совсем была. Муж вот только у ней...

— А что не так с мужем? Пьет поди?

— Да не... Так-то он мужик справный, работающий. В колхозе они тут живут, недалеко. Верст двадцать. Только... из беляков он, поганец.

— Как из беляков? Офицер, что ли?

— Да какой офицер... тьфу ты... мобилизованный он. Все оправдывается, что, дескать, три месяца всего прослужил у Попеляева. И в боях, дескать, не бывал. А потом — в лес убег, с еще несколькими. Партизанил, значит.

— Так что ж ты, Мироныч, его тогда — шпыняешь?

— У беляков был? Был!

Помолчали. Мироныч свернул новую самокрутку.

— А что... здесь сильно воевали-то с беляками?

— Так... а как иначе-то? Ведь сволота же! Так-то... если мобилизованные, то могли и не кончать, ежели в плен брали. А уж если офицер, а тем более — если из казачков! Что ты! Они ведь, тьфу ты... они нашего брата — не жалели. А уж казачки-то — живодеры те еще были. И если кто из молодых еще... тут по-разному могло быть. А вот из старых возрастов — ух и лютые были, ох и злыдни! Ну да и к ним у нас — особое отношение было, ага!

— А вот интервенты? Они тоже лютовали?

— Да по разному... Если где часть в порядке, офицеры там... вроде и ничего такого. А вот всякие команды... те тоже были сволочи. Все по селам шныряли, продовольствие, фураж. Грабили, конечно. И баб валяли. И попробуй против вякни — быстро оформят как большевистского партизана. А там — конец один. Американцы тут были... французы... немного, правда. Американцы — те торгаши бессовестные, все какие-то купи-продай. Ну да, мы их тоже не баловали! На хер ты сюда пришел? А пришел, так не жалуйся!

«М-да... сурово тут было, и кроваво. Да и у нас — примерно также. Это только к концу семидесятых почему-то в фильмах и книгах стали белогвардейцев облагораживать. С какой целью? Да, понятно, с какой! А потом и вовсе — хруст булок, балы, юнкера, барышни-гимназистки! Все в розовом цвете, да все эльфы благородные!».

— Может — по чайку, Мироныч?

Попив чаю, Иван завалился спать.

«А не прост Осип Миронович, не прост! И повоевал... добро, и крови на нем...да».

Поутру, как уже привык, Иван поднялся рано. Выскочил за клуб, стал разминаться, делать зарядку. К тому времени, когда проснулся Илья, он уже бодрый, умытый и свежий сидел в комнате, пил чай с Миронычем.

— А ты где умывался-то, Иван? — физиономия директора была изрядно помята, как будто полночи пил горькую.

— Так вон, за печкой же умывальник, Мы с мужиками уже давно его там поставили!

— А ты чего не переезжаешь-то, не обживаешься? Договорились же, — Илья вытерся поданным ему Косовым полотенцем.

— Не... я так не хочу. Обустроить все нужно, как положено. Чтобы жить нормально, а не как бродяга, — чуть не ляпнул, как бомж!

Попив чай, они снова пошли в зал.

— Давай прогоним все еще раз, посмотрим, что получается. Я думаю, Калошин с Варей приедут часам к одиннадцати, — Илья снова уселся с аккордеоном в руках.

Ну что, прогнали. Получалось вроде бы неплохо, как на взгляд Косова.

— Так. Ладно, хватит! Нам не с концертом перед ними выступать. Если, как ты говоришь, этот фраер в музыке не лох, то он сразу врубится, подойдут ему песни, или нет. А я, пока время есть, лучше вон до станции сбегаю — что-нибудь на бутерброды куплю, да еще что. Может вина какого-нибудь взять? У нас же — деловые переговоры будут, нужно контрагентов умаслить. Ты как думаешь, Илья?

— Иван! Ну вот что ты за человек — то шпана какая-то из тебя прет, то, как приказчик купеческий заговариваешь! А по поводу вина... лишнее я думаю, это..., - Илья морщился.

— Ну... по поводу шпаны — я ж детдомовский! Как говорится — «Бытие определяет сознание»! Воспитание хромает, ага! И вот ты не прав! Даже если тебе эти люди неприятны — сделай вид, что тебе насрать! Будь вежлив и корректен! К тому же — будет дама, а она, хоть и твоя бывшая, но обхождение все-таки нужно иметь. Иначе и связываться с ними не надо было!

Илья махнул рукой, мол, делай как знаешь!

Он успел к одиннадцати. И колбасы купил, на вид — неплохая, даже сыр какой-то у бабули взял. Хлеба свежего опять же... А вот с вином — долго пробегать пришлось. Уже собирался и вовсе возвращаться, но добрые люди подсказали, где тут бакалея продается. Вино он здесь еще не пил, потому выбрал больше — по цене, что подороже. Да там и не винный супермаркет будущего был, а лавка бакалейная. Ну — пусть не лавка, а магазин, но

все же выбор был не богатый. Вот еще — шоколад прикупил!

Они сидели в зале, когда гости зашли в клуб. Илья все показывал Косову, как правильнее, по его мнению, играть «Улицу».

— Здравствуйте! — звонкий голос, красивый.

«Ага... это значит бывшая... пассия Ильи. А что — вкус у нашего директора явно есть! И пусть женщина все-таки была в каноне красоты именно этого времени, а значит — не совсем во вкусе Ивана, но стоит признать, что — да! Приятная особа... внешне. Он-то представлял себе кого-то в стиле Любви Орловой, но вот — ошибся. Нет, пожалуй, от Орловой у нее что-то и было. Рост вот — метр с кепкой. Метр шестьдесят, вряд ли больше. И фигура такая... низ — несколько тяжеловат. Хотя... эта серая юбка чуть ниже колена, почти облегающая ее широкие и довольно тяжелые бедра, ей шла. Ага! Взгляд притягивает. Светлая блузка, тоже вполне подходит. Грудь такая, заметная, не сказать, что уж прямо сильно большая. Но — заметная. Полные голени ног... она, похоже — еще и танцует. А на ножках-то — чулки, не иначе. Как их там... фильдеперсовы, во! А на лицо... какая-то смесь, ага — микст, от Элины Быстрицкой, Аллы Ларионовой, Людмилы Чурсиной. Брюнетка, но не жгучая, а так... Но приятная, приятная особа! И — ухоженная, явно следит за собой».

Иван встал, подошел и довольно неожиданно и для себя, и уж тем более — для нее, поцеловал ей руку.

— Здравствуйте! Вы — Варя? Илья рассказывал про Вас, — она метнула взгляд на Илью: что он там «хорошего» мог рассказать про нее? — что Вы — начинающая, но талантливая певица!

Женщина заулыбалась, и чуть покраснела щечками.

— Ну уж так прямо и талантливая?! Это вряд ли он мог сказать... Может просто — неплохая или там... хорошая. Но уж — не талантливая! Признайся — сам придумал? А ты... - она протянула и посмотрела на Илью.

Тот тоже поднялся:

— Да. Надо Вас представить... Иван — это Варвара Александровна! Это — Игорь. Ты уж прости, — он повернулся к мужчине, который зашел вслед за дамой, — не помню, как тебя по отчеству... Это — Иван!

— Ну, Илья... ф-у-у таким быть! Варвара Александровна! Как будто мне лет сорок уже. Варя! Просто Варя!

«М-да... а она умеет быть... обаятельной, что ли... Хотя — несомненно — хищница!».

— И мне очень приятно! — хотя... вот про этого типа — явная ложь.

«Тип», кстати, выглядел очень неплохо. Этаким типаж, который нравится женщинам. Особенно, если они не умны. Высокий, стройный, одет неплохо. Светлые летние брюки, парусиновые легкие туфли, сорочка светло-зеленая, с чуть расстегнутым воротом, аккуратная кепочка на голове.

«А вот усики эти — дурацкие!».

Нет, усики вовсе не были по-гангстерски тонкими, ниточкой. Просто — как-то уж чересчур аккуратно подбриты, открывая верхнюю губу.

«И вообще он похож на... жиголо! Точно! Ему бы вместо кепки — шляпу, да пиджак светлый! И всё — все дамы чуть больше сорока — его! Но это не здесь, а где-нибудь в Европе. Здесь-то народ попроще. Хотя, полагаю, на определенную часть дам достатка выше среднего — он, без сомнения, и здесь оказывает определенное воздействие!».

Илья явно нервничал:

— Ну что... можно приступить?

— Илья! А давай проведем нашим гостям небольшую экскурсию. Наверное, им интересно, чем же теперь руководит их знакомый, — сам он попытался, подмигивая, дать понять Илье, чтобы он временно передал «бразды правления» ему.

«Вот не доверяю я способностям Ильи проводить такого рода переговоры! Варенька эта — та еще лиса, а уж про этого... Игорька — и говорить нечего! Явно наглый типус, с таким карманы проверяй через каждые пару минут, альфонс сраный!».

Что-то Илья все же понял, так как несколько коряво отступил чуть в сторону.

— Мужчины! Давайте сделаем перерыв небольшой, буквально — несколько минут! Дайте даме припудрить носик! Иван! Можно тебя на пару минут? — «лиса» подхватила Косова под локоть и повлекла его к выходу.

В сенях клуба она остановилась, оглянувшись, проверила, не видно ли их из фойе, и бесцеремонно подтянув Ивана к себе за рубаху, прошептала:

— Ваня! Не дай оконфузиться бедной девушке! Уже из последних сил терплю! Где у Вас здесь... удобства? Ну — не в ограде же вы... это делаете?

— Мадам! Ну как вы могли такое подумать? Мы, конечно, не в Париже, но уж уборная, пусть и простая, у нас все же есть! Пошли покажу! — интересно, вот она так специально придумала, чтобы показать какая она простецкая... девчонка, или действительно — прижало?

Она хихикнула и вновь прицепилась к его локтю:

— Веди, показывай... И, если что — то вернее будет — мадмуазель, а не мадам! Или ты тоже норовишь меня в возраст ткнуть? Мне всего двадцать шесть!

— Извини... как-то не подумал. А когда ты спросила, можно ли меня на пару минут, я уже готов был заявить, что с такой женщиной, да всего пара минут — это преступление!

— Пошляк! — хихикнула она и ткнула его кулачком в бок.

Он довел ее до угла клуба, кивнул на «удобства» и отвернувшись, закурил.

«Так-так-так... планы надо менять. Если до того момента, как он увидел Игоря, он был готов отдать тому эти песни безвозмездно, но сейчас... планы — поменялись! На хрен этого прощельгу! Нет, на концерте-то он нужен, конечно. Но вот бесплатно? Будем торговаться, как одесситы на Привозе!».

Сзади хлопнула дверка туалета.

Натянув улыбку на «фейс», он повернулся.

— Я думаю, мадмуазель не против пройти к умывальнику?

— Да... не помешало бы.

— Пойдем, красавица, я готов служить тебе проводником хоть всю жизнь!

— А позволь спросить... а сколько лет проводнику, — Варя чуть игриво наклонила голову, но вот глаза ее — не улыбались, они как будто приценивались как... как, к вроде бы и не нужной, но и немного интересной, вещи.

«Ну — хищница... да, довольно корыстная особа. Но стоит ли осуждать? Что ты, Елизаров, в той жизни таких «продуманных» женщин не видел? Да видел, и не раз. С ними, кстати, много проще, чем с романтично настроенными молодыми особами».

Когда Варя помыла руки, скептически осмотрев будущее местожительство Ивана, готова была к продолжению общения, они вышли в фойе.

— Так... здесь у нас будет библиотека. Книг еще нет, завезем чуть позже... Здесь, как вы видели, актовый зал, он же — зал для занятий. Предполагается несколько кружков — и

хорового пения, и танцевальный кружок, и инструментальный ансамбль. Здесь же и кинофильмы будем показывать. Так... ну что — все. Можно приступать к разговору, все политесы соблюдены?

«Ну вот... Ильюша! Переговорщик из тебя...».

Илья, надо отдать ему должное, писал ноты утром, после последнего их «прогона» буквально на слух. И передал их Игорю и Варя, которые сидели сейчас на скамейках, поставленных квадратом в актовом зале. Они сначала несколько отстраненно смотрели в них, но потом было видно — дошло! И уже Игорь просматривал ноты более внимательно, чуть покачивая головой. А Варя, так же внимательно читая ноты, беззвучно шевелила губами, видно «про себя» слова пыталась напеть.

Илья был напряжен, глядел в окно зала, а Иван — якобы лениво покуривая, старался внимательно следить за мимикой оппонентов.

«Нет... или я ничего не понимаю, или им — нравится! А Варя, кстати, вполне попадает в типаж песен. Ну, тех, которые для нее и писались».

— Так... хотелось бы точно узнать — а кто автор песен? Или — авторы? Поймите правильно — я не хочу попасть впросак! — Игорь переводил взгляд с Ильи на Ивана.

— Автор стихов — вот, Иван! — Илья кивнул на него.

— А автор музыки — Илья, — в свою очередь кивнул Косов на Илью.

— Нет! Не так! Музыку мы писали вдвоем! Иван придумал мелодию, а я — только обработал ее, и положил на ноты! — ну что за упрямец, а?

Здесь Иван заметил, как Варя с жалостью посмотрела на директора, а потом опустив глаза в ноты, вздохнула.

— М-да... это все интересно, но как бы — послушать? — Игорь со всех сторон хотел посмотреть «товар».

— Ты же понимаешь, что из инструментов у нас только аккордеон, и певца опытного — тоже нет. Но если вы не против, Иван вот споет, а я буду за аккомпаниатора, — Илья встал и взял аккордеон.

— Я все же буду подсматривать в лист, хорошо? И — не судите строго, это только чтобы вы понимали, как это должно звучать, не певец я — а зачем я перед ними оправдываюсь?

«Так... надо настроиться... и... как это — постараться петь с душой! А как это сделать? Ну... а вот я Варя ее буду петь!».

Под аккомпанемент Ильи, он спел сначала «глаза», а потом и «Ах, какая женщина».

«А она засмушалась! И глазки опустила, и чуть раздумянулась! Понравилось значит?».

— Варя! Что ты думаешь? — обратился к певице Игорь. Они наклонились друг к другу и начали шептаться.

— А хорошо спел! Добротно так! — негромко похвалил Ивана напарник.

Варя подняла голову:

— Иван! А мои песни — покажешь?

— Ну-у-у... тут уж вообще не знаю... они же женские!

— А давай вдвоем? Ты начни, а я — подхвачу. Я понятливая! — и она, задорно тряхнув головой, встала рядом с ним.

Она была действительно понятливая. Ему пришлось спеть лишь первые куплеты с припевами в каждой песне, как она подхватывала. Нет... и он, да и она тоже — и «лажали», и сбивались! Но ведь все понимали, что с первого раза спеть — не получится. Глаза у Вари

блестели, на губах была довольная улыбка.

«Значит и ей — нравится!».

Игорь Варины песни толком не слушал, так — вполуха. Все заглядывал в ноты своих песен, думал. И как только Илья закончил играть, потащил его к окну, где стал негромко, но напористо что-то втолковывать.

«Так... а вот это мне уже не нравится!». Иван хотел подойти к ним, но Варя взяла его под руку:

— Да ну их! А хорошие у тебя песни получились! Людям точно по душе будут! — потом помолчала, — и сам ты спел неплохо... мне вот — понравилось!

«Она что — меня кадрит?».

— А еще у тебя есть что-то? — и она пристально посмотрела в его глаза.

— Может... и есть. Но вот — как договоримся?

— А что бы ты хотел? — она улыбалась.

— Ну... я — молодой парень, ты — красивая женщина... Мне продолжать?

— У-у-у... кобель! — вот как-то не искренне у нее вышло. И возмущаться не стала.

«Говорю же — вот с такими корыстными всегда проще договорится!».

— Илья! Игорь! А давайте пройдем в более удобное помещение! — Косов посмотрел на директора и кивнул в сторону лестницы в мансарду.

Мужчины, о чем-то продолжая негромко спорить, пошли вперед. Иван, снова подхваченный под руку Варей, за ними не торопились.

— Ты откуда такой взялся? — она спросила негромко, чуть придерживая его за локоть.

— С Северов приехал, работал там пару лет. А здесь... да пару месяцев всего, вот — пристроился здесь временно... За зиму думаю чуть подготовиться, освежить школьный курс в памяти, а уж следующим летом — поступать куда-нибудь.

— А стихи... ну — песни давно пишешь? — она смотрела внимательно, оценивающе.

— Да я их и не пишу... так... Там что-то услышал, и как-то само приходит. Тут чем-то навеяло... То есть — целью себе это не ставлю.

«Как-то она оценивающе меня разглядывает? Наверное, я выгляжу постарше реального возраста. Да и одет прилично! Хорошо, что рабочую одежду на смену здесь оставляю, а езжу в чистой».

— Варенька! Мне кажется, что нужно тебе сразу объяснить, чтобы не было потом непонимания. У меня планы... не связанные ни с культурой, ни с Никольском. То есть... если вдруг мелькнула мысль на серьезное что-то... не стоит. Вот песни тебе подготовить — это одно... а что другое... нет, не надо! Я, конечно, с радостью соглашусь посвятить тебе свое время... какое-то. Но... в общем, ты всё поняла, я думаю. Смотри сама — я предельно честен! Ты мне нравишься как женщина, я тебе нужен — как источник песен. Найдем общий язык?

— М-да... такой молодой — и уже такой циничный! Я поняла тебя... я... подумаю, — чуть отодвинувшись от него, она демонстративно его оглядела, улыбнулась, — а что — вполне симпатичный мальчик, и знает, что хочет. Откуда только в таком возрасте такой цинизм и похоть, как у старого сатира?

Она негромко засмеялась и ткнула кулачком его в живот:

— О-о-о! И мышцы есть! Интересно-интересно. Спортом занимаешься?

Он взглянул на лестницу — «уже поднялись?», потом взяв ее за руку, подтянул ее к себе и прижав, крепко поцеловал в губы. А она — и не сопротивлялась! Но через пару секунд

отодвинула его от себя:

— Ну вот! Нахал! Всю помаду стер!

Лестница была довольно узкой, с двумя короткими пролетами и крошечной площадкой между ними. Иван пропустил Варю вперед. Ступеньки были круты, а ее юбка довольно узкой. С улыбкой посмотрев на него, она пальцами приподняла юбку и медленно стала подниматься по лестнице.

«Кто и кого соблазняет? Я — ее, или она — меня?». Ножки приоткрылись намного выше коленей.

«Да... ножки чуть полноваты, но формы — очень соблазнительные!».

— Ваня! Хватит пялиться на мои ляжки! Это — бессовестно, между прочим! — чувствовалось, что она улыбается.

В пару шагов он догнал ее, и запустил руку между ног. Выше, выше — до самой попы. Она на секунду приостановилась, потом все же легонько шлепнула его по руке:

— Ну, это уже совсем неприлично! Перестань! — ага... а сама это чуть слышно прошептала. Что же не кричишь, не возмущаешься?

Он придвинулся к ней еще ближе и шепнул:

— Как я тебя хочу! У меня голова кружится!

Она — так же шепотом:

— Мало ли кто и чего хочет! Прекрати, имей совесть!

Он приподнялся, держась за перила, придвинулся к ее ушку губами и сказал ей, что у него выросло на том месте, где раньше была совесть.

— Вот же хам! Иван! Ты переходишь границы, остановись!

«М-да... что-то и правда меня занесло!».

— Извини... и правда, что-то я... но ты сама виновата! Зачем ты такая красивая? О! кажется есть пара новых строк! — он опять придвинулся к ней и прошептал, про то, что нельзя быть на свете красивой такой!

Она повернулась и с удивленным интересом посмотрела на него.

Тут их, такое интересное общение, прервал альфонс Игорь:

— Иван! Варя! Ну, где вы там потерялись?

Она стиснула его кисть своей рукой и быстро простучала каблочками вверх по лестнице.

Иван чуть задержался. «Ага, а юбку сейчас уже и не приподнимала! То есть — и с начала не было такой необходимости? О женщины! Вам имя вероломство!».

Стараниями Ивана, в кабинете Ильи был вновь восстановлен порядок. Из шкафа он достал тарелку с бутербродами, бутылку вина, шоколад.

— Извини, Илья... а то — команду тут, как у себя дома. Но, ребята, не знаю как Вы, а я — зверски проголодался! Давайте перекусим, а потом и делами займемся. Согласны? Сейчас я еще чайник на керосинку поставлю!

Он сбежал вниз, заскочил в свою комнату и попросил зашедшего сюда Якова:

— Яков Степанович! Там к директору гости приехали — по поводу концерта договариваться. Я здесь чайник поставлю, ты присмотри, пожалуйста, а как закипит — крикни меня, я сразу прибегу.

Так же бегом вернулся в кабинет директора.

— А здесь у тебя, Илья, миленько так..., - услышал он последнюю фразу Вари.

«Вот так оставь Илюху одного с ними — так одна соблазнит, чего доброго! А второй —

«разведет», как кролика!».

Он уже давно заметил, что здесь люди... нет, они вовсе не были глупее или ограниченнее тех людей — в будущем. Но были они здесь... неторопливые какие-то, и на слова, и на мысли, и на поступки. Поэтому, наверное, все, что делал Иван, казалось окружающим эдаким напором, постоянным движением, а то и хаосом.

«Ну — что выросло, то — выросло! Как сказал поэт: «И жить торопится, и чувствовать спешит!».

Когда он зашел, Игорек уже что-то активно «впаривал» в уши директора, невзирая на его вялые возражения.

— Что-то я не понял? Мы же вроде бы решили прерваться на перекус и чай, а ты, Игорь, опять о делах?!

Он открыл вино, чуть понюхал его.

«Вроде бы и неплохое...».

— Извини, Варя, я в винах этих — ничего не понимаю. Вот — купил, что показалось получше, — он посмотрел на женщину. Та в ответ, неопределенно махнула рукой, типа — «пойдет!».

— Ну что — попробуем? — фужеров у Ильи, конечно же, не было. А Иван — не догадался посмотреть в бакалее. Пришлось разливать по чайным кружкам. Варе выделили ту, что была попримечнее. Пригубил вино.

«А что — красное полусухое. Название — вообще ни о чем не говорит! Ну, так... в меру терпкое, чуть сладковатое, с приятным ароматом и привкусом. Нормальное вино!».

Выпив вина и словав бутерброд, Иван закурил, поглядывая на присутствующих. Илье, понятно, все происходящее не нравится, и только в силу необходимости, он терпит гостей. Варя как-то ушла в себя, задумавшись, и чуть улыбаясь, помалу прихлебывая вино. Вот Игорь — тот тоже недоволен, но причина явно не идентична недовольству Ильи. Похоже, что присутствие Косова прохиндею сильно мешает.

— Ну... давайте я начну. Если никто не против! У нас есть несколько новых песен, которые нужны и тебе, Игорь, и тебе, Варя. Нам нужно — ваше участие в концерте. Причем, не просто участие, так — номер отбыл и до свидания! А нужен нам хороший концерт! Потому — от вас работа, это — понятно! От нас... Илья пообещал эти песни. Так мы с ним изначально и договаривались. Но ситуация — несколько изменилась. Свое предложение мы сделали, еще фактически не имея этих песен в готовом виде. А сейчас понятно, что они получились — неплохие. Да что там, неплохие! Хорошие песни получились! И ты, Игорь, это прекрасно понимаешь! Поэтому, первоначальная концепция нашего предприятия — несколько видоизменилась. Мы не будем передавать Вам песни — навсегда и безвозмездно!

«О как! Как все вскинулись-то! Игорь с возмущением, Варя — тоже, пусть и более спокойно. Даже Илья и то пялиться на меня с недоумением!».

— Хорошие песни, которые востребованы людьми, основа благосостояния артистов, которые их исполняют, не так ли? Я понимаю Ваше возмущение. Но, согласитесь — поймечь с нас шлягеры, так их кажется называют, за полтора часа работы? Те песни, которые будут вам приносить доход, причем — хороший доход и долгое время, за полтора часа работы? Извините, но жизнь нас учит чему? А учит она тому, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке!

— Илья! Я не понимаю, кто здесь директор, ты, или вот этот наглый юноша? — влез со своим недовольством «альфонс».

— Игорек! Вот тут ты конкретно не прав! В некоторых кругах говорят, что «наглость — это второе счастье!», назвав меня наглым юношей, ты, по факту, назвал меня — счастливым юношей. Причем — выразил недовольство! Ты завидуешь моему счастью? Так что ли? Так зависть — это плохое чувство! И еще как говорят — «завидуй молча!». Далее, здесь в нашем разговоре — нет ни директора, ни подчиненного. Есть два соавтора хороших песен. И к чему ты подталкиваешь Илью? Чтобы он забыл, что он мой соавтор, и включил «административный ресурс»? Так Илья не такой человек, совесть у него есть! — ну вот, Илюха смутился, и злобно покосился на Игорька, что и требовалось!

— Игорь! Я не хочу ругаться, но свои и Ильи интересы я готов отстаивать! И что в этом плохого? Я уже понял, что, в сфере культуры отношения между творческими людьми сродни паукам в банке. Это как пойти стричься к хреновому, но наглому мастеру — так подстригут, что хоть уши бы целыми остались!

Тут Иван поймал на себе взгляд Игоря.

«Ути-муси-пуси! Какие мы злые, как мы желваками-то двигаем! Как бы у Игорька так морду не переклинило! Ага... решил взглядами пободаться? Ну — давай!».

В прошлой жизни Елизарову приходилось встречаться с разными людьми — и с жуликами всех мастей, и с «братвой», и представителями других силовых структур. Из этого он вынес несколько уроков — нужно уметь, в определенных ситуациях, конечно, взглядом показать способность и желание действовать — жестко, грубо, напролом!

Как говорил как-то ему знакомый «фобос», из «тяжелых», во время командировки в горах Ичкерии — «чтобы «на базаре» не съехать — дави врага взглядом!». На вопрос — как это?

Ответил:

— Смотри ему в глаза, не отводи взгляд, вызови в себе, внутри, желание убить оппонента! Злость, бешенство, готовность идти до гонца! Даже — пусть ценой собственной смерти! Но есть нюанс — делай это только глазами! Не корчь морды — иначе это будет воспринято, что ты — псих! А от психов, в таких ситуациях, стараются избавиться радикально! Псих — значит ты — недоговороспособен! Значит, ему, чтобы выжить — нужно убить тебя!

— А тебе же нужно — забороть врага, чтобы он сдал назад, а потом — довести разговор до нужного тебе финала! Так вот — держи покер-фейс! Но глазами — дави, дави, дави, блядь! Убить его, суку! Глотку перегрызть — здесь и сейчас! И хуй с ним, что будет с самим тобой! В могилу его утащить, за собой! Сдохни, тварь! Вот такие эмоции должны быть у тебя в глазах!

— Можешь даже потренироваться, перед зеркалом! Даже нет, не так! Этому — нужно тренироваться у зеркала! Нашурай ее, эту волну в себе, подними ее, чтобы с головой накрыла, и пошли ее в глаза!

— Все бойцы, неважно кто они — «чехи» здесь, «братки» у нас дома, гопота разная — они же как собаки — это вот шкурой чувствуют! Собака же как? Она бросается только на того, кто ее боится. Ну — если это простая собака. Служебная-то — она натренирована на такие взгляды — агрессией отвечать!

— Так вот... в таком противостоянии — кто кого переглядел, тот и выиграл. Психологически. И пиздежь, когда говорят, что можно, проиграв психологически, выиграть по факту. Ты — сдался, ты дал слабинку, ты — уже проиграл! Все!

— И что — это действует всегда?

— На девяносто девять процентов! За исключением тех случаев, когда у тебя в оппонентах оказался, к сожалению, более сильный воин. Не физически сильный, психологически. Да ты и сам, наверняка, видел, что подчас — более слабый с виду... ну — дрищ какой-то! А «душок» у него — сильнее, чем у «качка». И вот уже «качок» смущенно отступает перед тщедушным «ботаником». Заметь — с виду «ботаником».

Вот сейчас и послал Иван такую волну Игорьку. Ха! Сработало! Отвел взгляд прощельюга! Аж пот пришлось бедняге вытирать! Торкнуло его, и хорошо так!

А потом Иван сделал ошибку. Не «погасив» взгляда, он перевел его на Варю. Она широко распахнула глаза, побледнела и втиснулась в диван.

Он опустил голову и прикрыл глаза рукой. «Вдох-выдох, вдох-выдох, и еще раз! Фу-у-ух-х... вроде бы все!».

Иван вновь посмотрел на Варю, улыбнулся и подмигнул ей. Она ответила ему робкой улыбкой.

— Знаете... как-то слышал анекдот о людях искусства. Сидят два пожилых артиста в гримерке. Вечер, спектакль прошел, устали оба. Но один все же чуть поживее. И вот этот живчик этак вальяжно говорит второму:

— Что-то ты сегодня играл... так, без души... вяловато как-то...

Второй посидел, помолчал и отвечает:

— Знаешь... приснился мне ночью сон. Как будто умер я и вот — подхожу к воротам рая. А Петр мне и говорит: «Извини, уважаемый, но впустить я тебя не могу! Не велено мне артистов впускать!»

И тут вижу я, а за оградой — ты разгуливаешь, довольный такой!

Вот я Петру и говорю: «Как же, артистов не впускать! А вон же — ходит у вас артист!».

Петр оглянулся, посмотрел и так, с ухмылкой: «Да какой он артист?! Так... лицедей презренный!».

Илья засмеялся, даже Варя улыбнулась, но Игорь остался хмурым.

— Ну так что, Игорь? Будем договариваться?

— Я не услышал предложений..., - тот продолжает хмуро глядеть в окно.

— Ага... лет тронулся, господа присяжные заседатели! — Варя опять улыбнулась.

— Ну так вот... сколько вы берете за такие концерты? — Ивану и правда интересно, сколько зарабатывают музыканты.

Игорь покосился на Варю:

— Ну... пятьсот. И еще — доставка инструментов и людей на место, а потом — все назад!

Девушка чуть подняла бровь.

«Пиздит! Как Троицкий, Лев Давыдович, пиздит!»

— Ладно. Пусть так. Сколько вы заработаете за наши песни, за вечер в кабаке?

— Да как я могу сказать-то? Как тут посчитаешь?

И опять помогла Варя, точнее — ее мимика. Выходит — примерно можно посчитать!

— Игорь! Ну что мы тут как дети? Знаю-не знаю... хочу-не хочу. Давай все-таки взрослому, ага!

— Ну... тридцать... может — пятьдесят.

— И это — за вечер! — Иван поднял палец в потолок, — а за месяц? Триста? Пятьсот? Мне кажется, что побольше! Поэтому вот наши предложения — мы даем вам эти песни бесплатно, но! На полгода! И с условием, что пока их народ не знает — перед каждым

исполнением вы называете имена и фамилии авторов. Ну... Пусть — три месяца! Потом, еще три месяца, можешь не называть, если тебе так трудно.

— Потом, когда они пойдут в народ, а мы решим вопросы с регистрацией, будь любезен — на общих основаниях, по репертуарному плану, с отчислениями. Договорились?

Тот молчал, размышлял. Но постепенно его лицо разглаживалось. Видать — прокубатурил, сколько поймает, вот и успокоился.

— Ладно! По рукам!

— Ну вот! Давайте «спрыснем» наш пока устный, но договор! Ведь договор, как говорится, есть продукт при полном непротивлении сторон!

И опять Варя тихо засмеялась. А вот Игорек видно, что не читал классиков!

— Илья! Покажи мне... куда там у вас можно...

Парни вышли из кабинета, а Иван потянул Варю к себе. Она сначала опешила, но отбиваться не стала. Он прижал ее к себе, а руками начал всю тискать за попу. Они целовались, причем девушка отвечала ему.

«Ох какая попа! Большая, упругая! Вот чего мне не хватало с Верой!».

Она все же чуть отодвинулась от него:

— А ты интересный! И напор вон какой. Девушкам такие нравятся.

— А уж ты, Киса, как мне нравишься! Вот прямо сдержат себя не могу!

— Ты все же как-то сдержи себя! А вот... ты сказал, что еще песня для меня есть. Правда?

— Зачем же я буду тебя обманывать? Я же рассчитываю на взаимность? — он попытался поднять ей юбку и запустить свои ручонки туда. Но тут Варя уперлась:

— Ты что — совсем сдурел! Парни же сейчас вернуться!

Услышав голоса внизу, они разошлись. Он — уселся на край подоконника, закурил, а она вернулась на диван.

Потом Илья еще долго спорил с Игорем — они все смотрели в ноты, ругались, что-то чиркали, даже иногда привлекали Варю, чтобы она рассудила их. Но той это скоро надоело, так как в любом случае, она, поддерживая одного, вызывала недовольство другого.

— Иван, а пойдём еще чай поставим, а то эти двое еще долго так ругаться могут.

Они спустились, поставили чайник на керосинку. Косов снова попытался «распустить» руки, но Варя довольно твердо пресекла это.

— Ну что ты такой нетерпеливый. Дай девушке подумать, пошли вон — на лавочке посидим, пока вода греется.

Они сидели на лавочке, Варя, подняв голову к солнцу, закрыв глаза, жмурилась и улыбалась, а он курил, поглядывая на нее.

— Тебе уже доложили... что мы с Ильей... ну — раньше вместе были? — она опустила голову и отвернулась.

— Да.

— И... что ты думаешь?

— Что думаю? Знаешь, я тебя не осуждаю. Как там — «не судите, и не судимы будете!». Всем хочется устроить свою жизнь, а уж девушкам — так тем более. Хороший достаток, дом, семья, дети... Что уж тут непонятного?

Варя, повернув голову, с удивлением смотрела на него:

— Знаешь, я родилась и выросла... тут — неподалеку. Небольшая железнодорожная станция, колхоз рядом. И мамка, и папка — вкалывают всю жизнь, а все концы с концами

свести не могут. Нас пятеро в семье, ребяташек. И я решила, что так жить не хочу. Правильно ты сказал — хороший достаток, дом, семья, дети. А там что — в колхозе всю жизнь коров за дойки дергать? Или шпалы укладывать, да костыли заколачивать? А Илья... я к нему очень хорошо отношусь... правда-правда... только вот он — этот достаток мне обеспечить никак не сможет. Не тот он человек! А годы-то идут. Вот так и получилось...

— А Игорь что — может обеспечить?

Она хмыкнула:

— Ну да... тут я ошиблась. Так-то он неплохо зарабатывает, только вот... козел!

— А что не уйдешь куда-нибудь?

— А что я еще умею? Только петь, да танцевать? Все более или менее хорошие места — уже давно разобраны, да еще и очередь туда стоит! И все — через кровать! Да меня бы и это не остановило, как ты понимаешь... Вот только ничего хорошего не предлагают. Вот в койку — часто. А как-то жизнь устроить — желающих нет. Ты вот тоже... ну — хоть не врешь и песни обещаешь. Может с этими песнями — заметят меня, да получше устроится получиться?

— Почему же обещаю? Я их и даю тебе, разве нет?

— А еще — какую? Ну — любопытно же! Ну... не мучь девушку.

Эту песню он довольно часто слышал, правда ни про авторов, ни про время ее написания — ничего не знаю. Она ему нравилась — задорная такая, веселая.

— Давай я тебе пару куплетов напою. Только негромко, почти на ушко, подсядь поближе...

— В роще пел соловушка, там вдали,

Песенку о счастье и о любви

Песенка знакомая и мотив простой

Ой! Как ты мне нравишься! Ой-ёй-ёй-ёй!

Иван увлекся, встал у лавочки и пел чуть громче, чем хотел. Даже пританцовывать начал, видя, как Варя покраснелась и заблестела глазками. Песня ей нравилась, тут и слепому было бы видно! Она тоже вскочила и закружилась в танце.

— Вот... такая песенка! Ну как тебе!

Она подскочила к нему, и обняв, расцеловала, правда — только в щеки.

— Здорово! Правда — здорово! Ой, как же я рада, что Игорь уговорил меня сюда приехать! Я ведь не хотела! Какой ты молодец, Ваня.

«Ага... молодец-то — молодец, а только стоило ему за попу ее взять — сразу отскочила!».

— Так... а как же нам это все на музыку положить, ноты записать? Илью снова просить — я не хочу. Как же быть-то?

Она смотрела на него с ожиданием, что он и найдет решение.

— А ты... ты же тоже музыкант? Ты сама сможешь подобрать ноты, записать?

Варя явно загрустила:

— Во-первых — мне негде это делать. Во-вторых... н-н-н-е-т... не получится у меня. Это Илья у нас — музыкант талантливый, он даже пробовал сам что-то сочинять. А я... так, певичка. Ну играть могу — на гитаре, на аккордеоне немного. Нет, Ваня, не получится.

— Ну вот что с тобой делать, а? Ладно... давай подумаем.

Они вернулись за давно уже закипевшим чайником. Здесь он вновь развернулся к ней:

— Ну-ка... иди сюда! — обнял ее, притянул руками за попу, но целовать не стал. Глядя в глаза, сказал:

— Попробую с Ильей переговорить. Скажу — что лишним номер для концерта не будет. Уговорю. Вот только... смотри, Варенька... если обманешь меня — хрен тебе, а не песен в дальнейшем!

— Тебя попробуй обмани... вон как зырнул на нас с Игорем. Как волчара матерый! Знаешь, я еще маленькая была, а у нас на станции, зимой, волк повадился в стайки лазить — то овцу задерет, то кур передавит. И собаки его боялись, даже тьякнуть не смели. Но потом мужики его подловили. На наш двор притащили, а он живой еще был. А нам же интересно! Вот мы и разглядывали его. Подходить-то боялись, а так — чуть поодаль стояли. Матерый был волчище — ну тятя так мой сказал. И вот смотрю я на него, а вдруг — он глаза-то и открыл! И взгляд у него такой... такой тяжелый, умный... и вроде как видно, что будь его воля он бы всех нас загрыз! Я тогда так испугалась, как завизжу... Знаешь, даже описалась с испуга! Вот и ты так же — как зыркнул, меня аж в дрожь кинуло... и сразу тот волк вспомнился.

Она даже не обращала внимания на то, что его руки весьма вольно мнут-поглаживают ее попу, все смотрела в его глаза.

— Я, Варюшка, своих не грызу. Я своими дорожу, а уж женщин — только поглаживать, да ласкать умею. Ну... если только чуть-чуть кусну тебя ... вот, за попу. Не больно... Я ведь и правда тебя очень хочу!

Она сама поцеловала его в губы.

— Ну все, все... пошли. А то нас мужики уже потеряли, еще невесть что подумают!

Они вернулись в кабинет директора, но там никого не было. Зашли в актовый зал. Игорь и Илья были там. Оба взъерошенные, как воробьи после драки, сидели друг возле друга, оседлав скамейки и что-то чиркали в нотах.

— Ага... вот так будет лучше, — Илья взял стоящий рядом на полу аккордеон и заиграл. Иван узнал «Глаза».

«А похоже! Я не музыкант, не могу определить — на сколько процентов Илья попал в прежнюю, знакомую мне мелодию. Но — похоже!».

— Я сейчас наверх сбегая, чашки принесу. По-моему, их сейчас наверх не загонишь, Варя снова убежала в кабинет.

Когда вернулась, принесла не только чай, но и остатки вина в бутылке.

— Да черт с ними! Давай вот, вино допьем! — она налила и протянула Ивану чашку. Иван медленно выщедил вино, глядя на нее. Она, видя это, зарумянилась, отвернулась и допила свое.

— Ну так что? На этом остановимся? — Илья посмотрел на Игоря.

Тот задумчиво почесал карандашом нос:

— Ну... пока да! Я потом еще подумаю, может что поправлю!

— Мужчины! Я вам чай налила! Вот! — Варя поставила перед ними чашки с чаем, поломала на обертку плитку шоколада, — а мне Иван еще одну песню сочинил, вот!

«Не выдержала, все рассказала! А я думал, как Илью к этому подвести!»

Игорь покосился на Варю с явным одобрением:

— Вот ведь! На ходу подметки рвет! А что за песня? Можно услышать?

— Не-не-не... не сейчас. Уже голова кругом идет от этих песен, нот и прочего. Я

понимаю, вы фанаты музыки, но я-то обычный человек! Я и так этим уже сыт по горло! Илья, еще одна веселая, задорная женская песенка нашему концерту ведь не помешает, правда?

Илья вздохнул, покосился на Варю, и промолчал.

Илья с Калошиным еще договаривались по репетициям. Косов в это дело не влезал. Игорь пообещал, что через две недели, они снова приедут уже с какими-то результатами.

— Что значит — с какими-то? Через три недели все должно быть готово, а значит и пару репетиций нужно будет здесь провести! Здесь, а не где-то там! — Илья вновь взбодрился, не иначе, — а генеральную — вообще всех нужно будет здесь собрать, отрепетировать весь концерт! Полный прогон устроить!

Они опять сцепились с Игорем, который доказывал, что если пионеры и прочая самодеятельность идут первой частью, то и нечего им, то есть его ансамблю, здесь делать!

— Ансам-бля..., без ансам-бля, сам бля... — пробормотал Иван.

— Что ты говоришь? — оба повернулись к Ивану.

— Да нет... ничего. Просто анекдот вспомнил, про пьяного конферансье.

— Расскажи, а то и правда уже устали и надо заканчивать, — попросила Варя.

— Да он... глупый.

— Давай глупый! Нам сейчас — любой подойдет! — разминая папиросу, сказал Игорь.

— Ну...

«Идет концерт на летней эстраде. Между номерами, пожилой конферансье в гримерке прикладывает к бутылочке коньячка. И уже ближе к концу концерта, почти на бровях, выходит на сцену, объявлять очередной номер:

— Счас пирд вами вы-ы-ступит сионист Пидоров! Прдон! Пи-о-ни-ст Сидоров Выступает маэстро без ансамбля...сам бля... то есть один бля! Во бля!».

Творческие люди развеселились и наперебой начала вспоминать смешные случаи на концертах. Правда, Иван ничего толком не понял, так как они, рассказывая ему всем им известные курьезы, хохотали, перебивали друг друга, что-то мычали нечленораздельно. В общем, богема, мля!

Фух... Иван умылся после утренней зарядки, даже обмылся, и теперь отдуваясь, вытирался полотенцем, стоя во дворе дома.

«А нормально так посидели вчера. И гостей проводили уже без этой, поднятой на загровке щетины! Видать прав был Матроскин, когда говорил, что совместный труд — он объединяет! В нашем случае, даже вот таких людей, которых друзьями-приятелями точно не назвать! Надо будет с Илюхой еще поговорить. Так сказать, провести психологическую беседу, по поводу — прощения долгов... разных. Нет, Игорьку этому — может и не прощать. А вот с Варей... как-то нет у меня к ней такого... осуждающего отношения. Ну да... хочет девушка комфортной жизни. Вильнула хвостом, и при этом ошиблась. Бывает!».

Косов, в прошлой жизни Елизаров, вообще не был склонен осуждать женщин. Как их осуждать-то? Это же женщины! С мужской точки зрения — у них и ума-то нет! А в тех, редких случаях, когда ум все же есть — то он явно дан этим особям врагом рода человеческого, а значит сей ум — дьявольский! Вот и получается — «Ибо не ведает она, что творит!» А уж если женщина красивая, то и вообще... не осуждать ее надо, а... взять с нее виру, определенным способом!

«М-да... про способ. Вчера он явно... переволновался. Варя эта! «Эту сову мы

разъясним!»). Интересно, а Вера сегодня придет? Хотелось бы, чтобы — да!».

Вчера он отпросился у Ильи на сегодня, на полдня — отоспаться.

Он успел позавтракать, и даже поскучал немного. Правда — с гитарой в руках, пытаюсь самостоятельно подобрать ноты к еще одной песне.

«Может... предложить ее Илье, на концерт? А что — она должна понравиться людям!»

Вот он и лежал, мурлыкал себе под нос, подбирая аккорды:

— Услышь меня, хорошая,

Услышь меня, красивая!

Заря моя вечерняя,

Любовь неугасимая!

— Ваня! В-а-а-нь! Ты дома? — все-таки пришла, хорошая моя!

— Ну а где я могу быть, радость моя! Дом-то открыт. Заходи быстрее! Соскучился я по тебе, страсть как соскучился! Иди ко мне, Верочка!

— О-о-о-х-х-х! Вот какой же ты... сладкий, Ванюшка! Я прямо вся таю с тобой! — Вера пыталась отдышаться.

Они лежали на одеяле, привычно расстеленном на полу, оба мокрые от пота, но — довольны-ы-ы-е-е-е...

— Вань... а вот правда... ты вот так... меня ласкаешь... даже совестно как-то мне становиться. Тебе со мной хорошо? Нет... вот правду скажи!

— Верочка! Кисуня! Ну как же... ты же видишь, как я с ума схожу с тобой! — ага, опять устроил секс-марафон! Не иначе — вчерашние игрища с Варей, не доведенные до логического... конца, так повлияли на его тягу к Вере.

Вера опять лежала, закинув ногу на него, и что-то чертя на его груди пальчиком. Было немного щекотно.

— А мне вот все кажется... что я тебе что-то... недодаю... Вот... даже не знаю, что такое сделать, чтобы как-то отблагодарить за все... ты вон какой... умеешь все такое.

— Ну... ты же вот... с маслом тем же... постным... видишь же, как мне хорошо? А вот тебе — правда не больно? Не болит у тебя там, после этого?

Краем глаза Иван видел, как залилось румянцем ее лицо.

— Ну... когда как... иногда — даже приятно... а иногда болит... уже после этого, потом! И знаешь, что я подумала... только... стыдно мне как-то...

— Ну — говори, что ты, Киска, стесняешься? Я же вот — перед тобой весь... открытый. Или не доверяешь мне?

— Да нет... просто... ну... ты тогда предлагал, а тебя наругала... вот. Если хочешь, давай я попробую... ну сделать это... только я... не умею, как это...

«Оп-па-на! Однако Вера до минета созрела?»

— Знаешь, радость моя! Что я тебе сказать хочу... Если ты решилась... есть одно большое НО! Я хотел бы, чтобы ты это делала не потому, что я этого хочу. А потому, что ты этого сама захотела бы! Мне кажется, что женщины доходят до этого... ну — чтобы сделать это... Потому, что сами хотят этого! Вот видишь... даже не могу тебе толком объяснить! Понимаешь, какой я телепень?

— Да ладно тебе, телепень! Никакой ты не телепень! В-а-а-а-нь... а может я и правда — этого хочу? Знаешь, я давно себя блядью считаю... но вот так хорошо мне ни с кем не было!

И должна же я как-то суметь тебя за все это... отблагодарить? Ты же ласковый такой, как телок!

«Вот... такого комплимента я точно не ожидал!».

— Слушай, глупенькая... никакая ты не блядь! — Иван сдвинул ее ножку и повернувшись навис над женщиной, — даже не думай такие глупости! Ты... прелесть ты, вот кто! Давай-ка я тебя снова приласкаю.

Иван прихватил ее рукой за попу и ощутимо так сжал!

— Нет... погоди! Я уже сегодня все свое получила! Не мешай мне... а то сейчас забуду, что сказать хотела. Ну, Ваня!

Вера уперлась руками ему в грудь и чуть отодвинула от себя.

— Вот... я хочу... сама хочу — слышишь! Только я не умею. Ты подскажи мне как это делать, а?

Иван почувствовал, как от этих разговоров у него опять начал... проявляться интерес к жизни.

Вера посмотрела вниз и хихикнула.

— Слушай! А как так-то... Он ведь такой большой. Как его вот... как его в рот-то взять? Он же не войдет!

Косов вздохнул.

«Придется проводить ликбез!».

Он, подбирая слова, начал объяснять женщине, но она прервала его, положив ему палец на губы:

— Подожди... Я сейчас простыней укроюсь, будешь мне рассказывать, а я сразу — пробовать.

Она закопошилась, пытаясь вытащить из-под него ткань.

— А зачем тебе укрываться-то?

— Ну ты что?! Как зачем? Мне же... стыдно будет! Ты еще и подглядывать начнешь! Я со стыда тогда сгорю!

— Верусик! Ты меня вроде бы и слушала, а не услышала! Если тебе стыдно — значит и делать этого не надо! Зачем? А то еще и... тошнить тебя начнет!

— Да ну... прямо там! Что я — девочка-малолеточка, что ли?

«М-да... женская логика!».

— Ну а если не девочка, то зачем укрываться? Отчего тогда стыдно?

Вера задумалась, потом — покраснела:

— Не знаю... только как-то все равно стыдно. Немного... но — стыдно.

— Поэтому я и предлагаю тебе — давай отложим это. Вон, со сметаной ты тоже сначала против была, а сейчас же — вполне привыкла, так ведь?

Она тихо засмеялась:

— Ну так... с таким ебарем... ко всему привыкнуть можно!

— Вот я и говорю — давай повременим! А когда тебе неважно станет, так хотеть будешь — тогда и попробуем.

— Ты, Ваня, все же какой-то дурак, честное слово! Баба тебе сама предлагает, а ты — кочевряжешься! Все... разозлил ты меня, вот!

Но по женщине что-то заметно не было, чтобы она злилась.

— Тогда... вот — ласкай меня снова! Уговариваешь его тут, понимаешь! А он еще и кобенится!

— А ты думаешь — я откажусь? Вот уж — не угадала! Иди ко мне, сладкая моя!

Когда он после обеда приехал в клуб, там его ждало не очень приятное известие. Дрова-таки — привезут сегодня! Уже позже, Иван обошел эту кучу бревен и присвистнул! Охренеть! И как же это все — перепилить, да потом — переколоть?! Без бензопилы, вручную.

— К-х-е... а ты, паря, мастёр, по бабам-то! — пила швыркала туда-сюда по бревну, вгрызаясь в древесину, Мироныч поглядывал на него с усмешкой, — как ты павлином-то вчера вкрут этой крали выхаживал!

Иван остановился, выпрямился, и почесал нос — чешется, зараза! Пыль что ли?

— Это когда же ты тут был, вчера-то? Якова — вот видел, а тебя, Мироныч, даже не заметил!

Он снова схватился за ручку «дружбы-два».

— Х-х-х-а-а... так ты вчера и лося бы не заметил, пробегил он рядом! Да и она, что та горлица, все ворковала, да по сторонам не оглядывалась! Ты смотри, паря, городским-то голову можешь и дурить, а вот ежели ты так с нашими деревенскими девками кружить начнешь, то — парни тебе быстро голову-то под крыло загнут-завернут! Или — батька ейный, или братовья! Смотри, остерегайся! Тут, в деревне, это сладкое дело-то — шибко опасное выходит! Я и сам, в молодости, бывало, ох и куролесил, ох и дуругонил! Ну, бывало, что и отхватывал, не без этого! Иной раз вспомню — аж ребра ноют, как мне тогда ума вкладывали! Как только башку не стряхнули, с блядками этими! — Мироныч крутил головой и весело хмыкал.

Уже в первый день этой каторги, к вечеру, Ивану хотелось сдохнуть, от этих дров! Сначала — стой раком, тягая пилу туда-сюда. И ведь руку не сменишь — пилят-то рабочей рукой, а она у него только правая. Попробовал пилить левой, но быстро понял, что — ни хрена не получится! Пила ровно не шла, все норовила пойти винтом, оттого не шла в распил, а лишь елозила да дергалась.

Они менялись — двое пилят, один — рубит уже напиленные чурки. Еще он был очень «благодарен» Тимофеичу — ведь именно он припер эти дрова с Лесобиржи. Несколько «захаров» пришло груженными сюда! Яков сразу определил то, что Иван слету и не заметил! Мужик мельком глянул еще на первую машину, когда она разгрузалась:

— Тьфу ты, блядь! Одни комли привезли! Упиздякаемся мы с ними! Это ж кому спасибо-то сказать, за такие дровишки?

— Да ладно тебе, Яша! Глаза бояться — руки делают! Зато — комлистые, они жаркие! — Мироныч был настроен более оптимистично.

— Вот что ты за человек, Осип! Какой, на хрен, руки делают?! Вот поотшибаешь руки эти колуном, когда тюкать все это начнем, вспопашешься!

Но и правда — делать было нечего, надо как-то эту хрень побеждать!

Яков был прав, комлистые чурки, то есть — пиленные из кряжей, ближних к корню дерева, кололись плохо! Тем более, хлысты эти были не из свежего пила. Где-то уже полежали, «подвялились», как сказал Мироныч. Так что Иван даже не мог сказать — что было более тяжким — пилить лес на чурки, или колоть неподатливые чурки колуном!

Пять дней! Пять дней ухайдакали они втроем на это дело! А потом, еще и таскать и складывать уже поленья — в сарай! Как прикинул Косов, получили они, примерно, шестьдесят кубометров дров. Мироныч еще и сомневался — как бы маловато не было, на

зиму-то. Все же — шесть печей топить, если не считать маленькую, в ивановой каморке.

Периодически к ним подходил Илья, пытался что-то сказать, но глядя на выразительную морду Ивана, старался уйти.

Второй день был еще более тяжким! Казалось, что болело все тело! И похрену, что он каждый день интенсивную зарядку делает. Болели ноги, болела спина, болели отбитые колуном руки.

Лишь на третий день Ивану стало полегче. Толи он втянулся, толи уже боль так притупилась, стала привычной.

Мироныч еще и подкалывал, дескать, попробуй-ка «христианского» труда. Яков пытался тоже вначале гундеть на него, что плохо пилит, неумеха, рукожопый. Но Мироныч видно шепнул мужику, что Иван — детдомовский, потому и научится всему этому было негде.

Но все когда-нибудь кончается. Перепилили и перекололи они эти дрова! И поленицы теперь стояли в сарае ровные, аккуратные. Теперь Косов знал, что нужно сделать, чтобы человек испытал катарсис! Именно он, этот «сис» его и накрыл, когда он вышел из сарая, отнес очередную пачку поленьев, а Яков вдруг скинул «верхонки», выматерился и сказал:

— Все! Пиздец! Шабаш!

«Не верю! Эта хрень не должна была кончаться! Это — наказание, а не «христианский» труд!».

Потом они пошли к Миронычу, где уже была вытоплена баня, и там Иван подвергся жесточайшему истязанию этих двух извергов! По очереди они «охаживали» его вениками, то березовыми, то — пихтовыми. Похоже, им доставляло удовольствие, смотреть на его физиономию при экзекуции.

— А ты силен! — протянул Мироныч, когда они в третий раз вышли из бани, и сидели на лавке, — мой пар только я сам, да вон — Яков вытерпеть и можем! А уж венички наши и моего зятя заставляли убегать из бани, а он-то у меня орясина — та еще!

Но Иван не очень хорошо воспринимал все эти слова. Казалось, что и зрение у него было странное, тоннельное. И краски окружающего мира как-то померкли. Пришло отупение.

Потом сидели за столом, ели какие-то блюда, приготовленные хозяйкой, супругой Мироныча. Мужики подливали себе и Косову самогона, на что хозяйка даже заворчала на них — «чего парня-то так накачиваете? сами-то пьянчуги со стажем!».

Он помнил, что в итоге он хотел сам дойти до клуба, где и намеревался упасть на свой топчан и помереть, но Мироныч все же проводил его.

Утром Иван проснулся и долго лежал, уставившись в потолок над топчаном, пытаясь понять — помер он, или еще нет? Или все это сон? А дальше «будильник» его убедил, что никакой это не сон, и даже — не тот свет, и что жизнь продолжается. И что если он сейчас не встанет, и не пройдет до «удобств» то либо мочевой пузырь его лопнет, либо он уподобится грудничку, писающему в пеленки, и пускающему пузыри.

По возвращению его из «будки раздумий», выяснилось, что жизнь-то — не так уж и плоха. И помирать ему — рановато. И что есть такие приятные «моменты», как Вера. А еще приятный «момент» — Варя, который ему необходимо еще изучить и освоить!

Да, жизнь продолжалась! И это было — хорошо!

Вся последующая неделя была не менее напряженной, пусть и не такой физически тяжелой, как предыдущая.

Настала пора получать для библиотеки и перевозить в клуб книги, журналы и газеты. Своей подписки у клуба еще не было, как и его самого — по факту его еще не открыли. Вот и пришлось собираться со всего города подшивки газет и журналов. Илья ругался, что отдают по принципу — «на тебе Боже, что нам не гоже!». Примерно так же дело обстояло и с книгами — отдавали из различных фондов списания, запасников и прочей хрени. Новые книги тоже были, но их часть была очень незначительной.

Иван подсказал Илье, что стоит посмотреть и на разных складах, куда свозили из библиотек разную макулатуры — выведенные из оборота книги и журналы.

— Сейчас нам главное наполнить фонд, а потом, постепенно, когда нас в график снабжения включают — будем менять.

Директору пообещали, что на первое время — примерно на месяц, им для обучения выделяют опытного библиотекаря.

— Опять — проблема! Штата клуба еще нет, то есть нет и библиотекаря. Кого этот опытный работник будет учить? Меня? Или... тебя? — Илья посмотрел на Ивана.

— Найн! Найн! Их бин большой! — тому вовсе не улыбалось тянуть еще и эту нагрузку.

— Ну, Иван! Первое же только время! Просто — понять, как там и что, какие тонкости есть, а потом — передашь эти знания уже штатному библиотекарю.

— Илья! Ты совесть-то имей! Даже не передо мной, а перед мужиками нашими, сторожами! Ты меня и так уже в киномеханики записал, теперь еще и библиотекарь! Я же и сторожить в свою смену должен, потом — и печки топить, и снег убирать, чистоту блюсти. Да и сейчас в клубе работы еще полно. Мужики вон работают, а я, по их мнению, прохлаждаюсь! Еще и в уборщицы меня запиши!

— Да ладно тебе ныть-то! Киномеханик — это же только по вечерам пару раз в неделю кино прокрутить! Кстати, как там по обучению-то договорился?

— По вечерам? Дважды в неделю? А получить ленты, а журнал вести, а возить их из киносети, а потом — назад? А учебой этой — мне когда заниматься? Илья! Ты и впрямь становишься настоящим директором — поставил задачу, а как ее выполнять — тебя «ниипет!».

Директор слегка смутился.

— Ну... мы же договорились, что ты, пока, кроме своей сторожевой смены, больше не будешь привлекаться к работам в клубе.

— Ну — спасибо! Ну — благодетель! А три раза в неделю, после обеда — на учебу в киносеть ездить? А все эти руководства и методички изучить, а потом — сдать экзамен, чтобы «корочки» получить? А сейчас — ты зачем меня взял? Для компании? Эти книжки мы еще несколько дней будем по городу собирать! А потом — все это нужно расставить грамотно! И еще — библиотекарь..., - Косов покачал головой.

В киносети, куда его направил Илья, ему удалось договориться с двумя мужиками, которых ему назначили в наставники, что всю документацию он будет изучать самостоятельно, дома, а, приезжая сюда — только показывать знание изученного, да какие-то тонкости постигать.

— Так не делается! Есть курсы киномехаников, вот их и нужно тебе пройти! — сразу стал возмущаться один из его наставников, постарше, кто встретил его в методическом кабинете киносети. Второй наклонился к нему и что-то пошептал на ухо.

— Что значит — не успеет? Курсы — вон с сентября..., - снова «шу-шу-шу» на ухо, — да мы-то тут причем? Ну кто так делает? Когда у Вас там открытие этого клуба?

— Через две недели, — Иван с интересом осматривался в кабинете, разглядывая стенды и плакаты, а также установленные на столах кинопроекторы.

— Млять! Все у нас через жопу, и все нужно — быстро! Так! Какой Вам там аппарат выделяют?

Косов посмотрел в бумаги, которые ему выдал Илья:

— Да нам его еще не выдали. Вот — только накладная. Какой-то шестнадцать тире толи «зэ-пэ», толи «три пэ».

Мужики переглянулись:

— Ну — нормально. Узкоплечный, хоть клуб этот свой не спалишь!

— А почему я должен клуб спалить?

Ему объяснили, что пленка тридцать пять мэмэ — она, конечно, хорошая пленка, только вот очень уж пожароопасная — горит весело и ярко. А эта, шестнадцатимиллиметровая — не горит!

Косов вспомнил что-то про пожар на теплоходе вроде бы «Победа», который тоже, как предполагали, загорелся от каморки киномеханика. Курил тот, при перемотке пленок. И людей там погибло много.

«Ну — хоть здесь нормально!».

Потом они все же нашли общий язык, а то, что у Ивана — десять классов за плечами, да еще и сообразительность он проявил, смягчило наставников. Они объяснили Ивану, что должно входить в комплект кинопроектора:

— А то, знаешь ли, могут и надурить! Особенно если увидят, что киномеханик ты аховый, и ни хрена не понимаешь! Запомни: кроме самого проектора, в комплект входит переносная динамическая звуковая колонка, тоже в чемодане; экран в тубусе... ты, кстати, как получать будешь — экран обязательно проверь! Тоже... могут старый вместо нового засунуть! Еще должна быть тренога... ну — подставка раздвижная механическая под проектор. А-а-а! Еще и стабилизатор тока. В общем, как получишь — лучше к нам приедешь, мы посмотрим, все ли получил, да что и подскажем! Какой-никакой тебе ЗИП соберем.

Потом, когда они вышли покурить, тот мужик, который был поспокойнее, да помоложе, сказал:

— Это даже и лучше, что ты так будешь учиться, и зачет сдавать. Мы тебе много что рассказать и посоветовать можем. А то, на курсах, когда группа большая — понял ты, или ни хрена не понял — кому это интересно? Все бегом-бегом!

И вот... библиотека. Илья сделал с ним только один заезд, а потом, снабдив Косова бумагами на получение, объяснив, и даже записав, где и что брать, отговорился подготовкой к открытию клуба.

— Блять... ну как всегда — «Сама-сама-сама! Бегом-бегом-бегом!» — Иван матерился вполголоса, таская стопки книг из очередного подвала очередной библиотеки, и грузя их в кузов полупорки, выделенной Лесобиржей.

Он уложился в два дня! Просто больше книг нигде не давали. Он даже договорился с одной тетенькой, что заберет штук пятьдесят книг еще с «ятями». Почему их до сих пор не

отправили в макулатуру — не понятно. Но книги были — солидные, с добротными переплетами и даже с цветными иллюстрациями. Они так и лежали стопками в подвале, Косова дожидаясь.

— М-дя... как ты говоришь... Ты зачем их то припер? А вот это — подшивки журналов «Нива», «Русский вестник», «Русское слово»... Они же еще — царские! Там же... а ну как пожалуется кто?

— А чем ты полки библиотеки заполнять собрался? Вот ты знаешь, сколько жителей в трех деревнях совхоза? Нет? Так я тебе скажу — всего одна тысяча семьсот сорок человек! — это Иван слышал, когда Илья проводил экскурсию по клубу учителям школы, а детей и молодежи в них — больше двухсот человек! Чем ты им жажду знаний удовлетвори будешь? А что царские — так можно же перебрать, просмотреть... Оставить только такие — общеразвивающие... про природу там, про путешествия.

«А лет через сто — эти журналы вообще будут библиографической редкостью, и стоять будут — соответственно! Но... ни я, ни Илья до этого — точно не доживем!».

— Ты, Илья, скажи лучше — как подготовка к концерту идет? Что получается? — Ивану тоже было не все равно.

Тот опять яростно расчесал свою шевелюру:

— Ты знаешь, боюсь сглазить, но вроде бы — налаживается все. Я и детские номера просмотрел, в школу ходил. Нормально... ну... для деревни! Мы их потом еще подтянем! Глядишь, через годик совсем другой уровень покажем! А вот в соседней деревне парень нашелся. Как он на гармонии играет — блеск! Там даже и учить — только портить! Правда есть один... ну, не недостаток, а... перебор, вот! Он так на гармошке наяривает, так поет — весь в песню и музыку уходит! Но — здорово получается! Так... азартно, на кураже!

— Кстати... я тут к Калошину заезжал! Они тоже хорошо уже репетируют. И у Вари вроде бы все нормально выходит. Да! Ты же сейчас в город часто будешь выбираться — заехал бы, посмотрел сам. Может что и подскажешь. Не Игорю... ты ему сильно, видать, дался в тот раз, он тебя слушать особо не будет! А вот Варе..., - Илья прикурил папиросу, — я вообще-то редко курю. Просто сейчас на нервах все время.

— Да... вот еще что! Мы с ребятами решили в воскресенье на речку выбраться, отдохнуть, позагорать. А то уж и лето скоро кончится, а не разу не встречались вот так. Раньше то мы — каждое воскресенье, то в парке встречались, то — вот на реку выбирались. То на лыжах катались. Ты как? Пойдешь с нами?

Ивану такое предложение было довольно неожиданным. Вроде и согласен — надо чуть развеяться от всех проблем и нервотрепок. Покупаться, позагорать, да и пообщаться — тоже. А то у него здесь и поговорить-то особо не с кем. Вера... Ну — там другое!

Но! Большое такое НО! Там наверняка будет... Кира. А опять взбалтывать все то, что хоть чуток, но начало оседать... Не хотелось!

— Илья! Ну... там же у Вас своя компания уже сложилась! Что я буду вам мешать? У Вас и разговоры уже свои, и отношения... Зачем влезать? Да и сам же говорил... про Киру.

Илья подумал, погрыз губу:

— Нет. Ерунду ты говоришь! Про Киру — ну, мы с тобой поговорили. Что лишнее рассусоливать? А про свою компанию... Ну и что? Ты парень вон — компанейский, шепутной. Нормально все будет! А то представил нас, как... кружок закрытый какой-то. Нормальная компания! Все! Даже не думай отказываться!

Косов задумался. Все ж таки отдохнуть в хорошей компании... хочется.

— А что с меня требуется? Ну... продукты там... напитки. И где это вы все собираетесь проводить?

— Продукты? Да — что возьмешь! Хотя... вот — чайник нужно взять будет! Он же у нас здесь есть? Есть. А так... да много и не надо. Напитки... тоже — на твой вкус, — потом Илья посмотрел на Ивана, — спиртное парни и так возьмут. А ты — ну что сочтешь нужным. Согласен? А собрались мы — вон на острове, на Оби отдохнуть. Лодку парни найдут, когда и куда тебе подойти, я тебе позже скажу.

— Так... у меня есть еще с час времени. Ну-ка, Ваня, пошли в зал. Покажешь, что у тебя там с гитарой получается, да и песни твои прогоним!

«У-у-у... злыдня! А я уж думал пораньше домой сквозануть, да отдохнуть!».

Надо сказать, что Илья, несмотря на вид — «не от мира сего», был товарищ — с характером, особенно насчет того, что касалось музыки. Он вот так периодически отлавливать Косова и заставлял показывать того, как он освоил очередной «урок» директора. Здесь уж Илья не сдерживался. До мата, конечно, не доходило, но высказать Ивану, что он думает по поводу его рук, кривых, и его отношения, безалаберного, мог довольно резко!

Иван показал Илье, что он уже смог освоить. Тот покивал головой, к удивлению, замечаний не делая. Хотя в предыдущие несколько раз, довольно больно шлепал прутиком по большому пальцу левой руки, которым Иван так и норовил прижимать верхнюю струну, беря аккорды.

— Куда ты палец суешь! Не нужен он тебе там. Тебе и четырех пальцев вполне хватит!

И вообще отказывался слушать мычание Ивана, что так, дескать, привычнее.

— Надо играть правильно, а не «как привычнее»!

Сейчас Илья довольно хмыкнул и сказал:

— Ну, что у тебя слух есть, это и понятно. И гитару ты осваиваешь тоже... довольно быстро. Раньше же играл? Ага... ну вот — эти блатные аккорды тебе и мешают. Все лезут и лезут, когда отвлекаешься. Ну ничего, я из тебя еще гитариста сделаю, душой любой компании будешь! И не забудь — с осени начинаешь осваивать аккордеон! И не хочу ничего слышать!

Потом они прогнали песни, которые на концерте должен будут спеть Иван.

— Ты что так тихо поешь?! Что там шепчешь-то? Не услышат же тебя люди! — недоволен был Илья.

— Так я что — орать должен?! Эти песни кричать не надо, они с душой поются!

— С душой — это не значит шёпотом! Шёпотом — это вон, девицам на лавочке будешь напевать! Пой нормально!

В общем, чуть не поругались!

А в клуб железнодорожников, где арендовал зал для репетиций своего ансамбля Калошин, он все-таки заехал.

Зал был большой и сейчас, по понятным причинам — пустой. Солнышко в это время светило с какой-то другой стороны, и в зале было довольно сумрачно. Лишь над сценой горела неяркие лампы.

Калошин, еще человек пять парней, чего-то негромко обсуждали, собравшись кружком. Варю Иван увидел, сидящей на крайнем сидении первого ряда.

— Здравствуйте! Разрешите присутствовать?

Варя явно обрадовалась, а вот Игорек протянул:

— А-а-а-а... вот еще один автор пожаловал? Инспектировать будешь? Мужики — вот

этого юношу зовут Иван. Он автор текста новых песен.

Мужики с интересом посмотрели на Косова.

— Игорь! Ну могу же я просто полюбопытствовать, как у Вас получается? Я же не просто — «мимо проходил» для этих песен. Мешать не буду, просто посмотрю-послушаю. А вдруг что и подсказать смогу — со стороны-то виднее.

— Ага! Со стороны — всегда виднее! — с сарказмом протянул «альфонс».

— Могу и просто — помолчать! Анекдот про советчиков я знаю.

Судя по виду людей — им этот бородатый анекдот был неизвестен.

— Ну как же... Ведь старый уже давно! Ну ладно! Знаете, почему нельзя заниматься..., - Иван покосился на Варю, — плотской любовью с женщиной на центральной площади города?

Кто-то их музыкантов высказал предположение, что в милицию заберут!

Но Иван выдержал паузу:

— Потому что прохожие советами заипут!

Под смех музыкантов, он прошел к Варе и присел рядом:

— Привет, красавица! Ты как всегда — неотразимо выглядишь! — потом чуть наклонился к ее ушку, — вот до чего же ты, Варенька, хороша! Так бы и съел тебя! Ну... или хотя бы — куснул разочек!

Она, улыбаясь, ткнула его кулачком в бок:

— Вон, слушай! Сейчас тебе Игорь специально прогон песен сделает!

Первую песню, «Глаза», Калошин спел сам.

«А что — хорошо спел! Голос, конечно, далеко не Ободзинский! Но там и сравнивать глупо. Но спел — душевно!».

Потом, после недолгого совещания, Калошин спустился в зал, и присел рядом с Иваном, и посмотрел на него.

— Ничего не скажу — хорошо спел. Мне понравилось!

А вот второй исполнитель «Ах какую женщину» пел уже гораздо хуже, на его, Ивана, непрофессиональный взгляд. Так он Калошину и сказал:

— Я думаю, что у тебя бы лучше получилось. А тут... чувства не хватает. Как-то уж... равнодушно. Там же — страсть такая, приглушенная — да, но... даже боль, переживание, что эта женщина не с ним. А у твоего парня... как констатация факта — да, она не с ним. Так и хочется продолжить — да и хрен с ней!

Варя засмеялась, потом приобняла Ивана под руку.

Калошин нахмурился, поиграл желваками:

— Так... еще один прогон! Пою сам! — И резво заскочил на сцену.

Они с Варей прослушали вариант Игоря.

— Вот так он меня и выкупил... козел! — она порозовела и со злостью смотрела на Калошина.

Иван с сочувствием посмотрел на женщину, потом встал и похлопал:

— Bravo! Игорь, я уверен — все женщины в зале будут писаться от такого исполнения!

Как тот не сдерживался, но было видно, что он доволен словами Косова.

— Иван! А ты сам не хочешь спеть? — Калошин приглашающе повел рукой на сцену.

«Во как! Это что — провокация? А-а-а-а... да и хрен с тобой!».

Варя подбадривающе подмигнула ему.

Поднявшись на сцену, Иван, взял протянутую ему гитару, тронул струны.

«А хороша, гитара-то! Хороша!».

Он спел сначала «Гитару», а потом — «Улицу» и закончил — «Услышь меня, хорошая».

— Ну... я подумал тут. «Гитару» мы у тебя тоже возьмем! — кивнул Игорь, — а остальные песни, хоть и тоже очень неплохие, но... не наша тема. В ресторанах они не пойдут.

Потом они, пока музыканты перекуривали, обсудили, что Калошин и компания собираются исполнять на концерте в клубе.

«Неплохой концерт должен получиться!».

— Игорь! То, как вы будете исполнять мои песни, мне, по большому счету... не очень интересно. А вот Варю я хотел бы услышать! Можно это устроить?

Он наклонился к Варе:

— Я, хорошая моя, хочу, чтобы на концерте тебя увидело и услышало начальство. А уж как ты это споешь... Глядишь и в филармонии еще блистать будешь! — женщина зарумянилась от удовольствия, представив, наверное, как это было бы здорово.

А вот ее исполнение ему... не сказать, что не понравилось. Но — не вдохновило!

— Так! Варюша! Я понимаю, что, скорее всего, так тебя учили петь в техникуме. И так, я думаю, ты поешь со сцены. Ты поешь хорошо, но... чувств... как-то не видно. Вот сама подумай — о чем эти песни? Вот про лодочку... Она же — задорная, веселая! Молодая девчонка рассказывает, как все это происходит... Она же, песенка-то — она про деревенских жителей. Кому как не тебе ее петь? И, знаешь, что... можно... да и нужно чуть движений прибавить. Ты вот танцуешь... ну — кадрили ту же? Танцуешь? Ну вот... хоть пританцовывай, что ли. Вживись в образ этой девчонки — веселой такой, живой!

Они еще раз пять прогоняли эти песни. К концу Варя хоть и устала, но получаться стало... лучше.

— Ты еще подумай. Вот отдохнешь, подумаешь... Представь, на концерте зрители не песню слушать должны, они должны видеть вот эту самую девчонку — озорную, этакую... шило в попе, вот. На месте не сидится ей, и все наказания и возражения — ей не по чем! Кстати! А у тебя костюмы-то для песен есть? Вот сама посмотри, что нужно, чтобы петь эти песни. Тут, я думаю, городская одежда... не очень подойдет. Да, нарядная, но... не совсем городская!

Варя задумалась:

— У меня есть знакомая... она помощником костюмера в театре работает.

— Вот! Приди к ней, спой эти песни... только хорошо спой. Чтобы она прочувствовала. И вместе подумайте, что из одежды тебе здесь нужно.

Репетиция у музыкантов заканчивалась, и Варя предложила:

— Ваня! Пошли перекусим что-нибудь. Проголодалась я — просто жуть!

Они с Варей зашли в какое-то... кафе, что ли. Плотненько так перекусили. Что он, что она.

«Ага... а рассчитывать — ему. Ну... тут другого не ожидалось!».

И была у него мысль, что... Варя пригласит его к себе. Обломись! Он проводил женщину до остановки, где она чмокнула его в щеку и уплыла на трамвае в одиночестве.

«Мне кажется... или здесь уже каким-то «динамо» попахивать начинает?».

Так он и промотался до самых выходных.

В субботу он пробежался по магазинам, купил для себя шесть бутылок пива и еще четыре — газированной воды.

«Буду пить пиво! Когда свежее — оно здесь очень даже ничего! И не опьянеешь от него, если на день растягивать».

Потом подумал и докупил все же пару бутылок красного полусухого вина, как в прошлый раз — показалось оно ему вполне неплохим. Еще сторговал у бабульки на рынке большой каравай свежего хлеба, немалый такой кусок соленого сала, несколько луковиц.

«Что я — не знаю, как на природе, да на свежем воздухе, аппетит разыгрывается? Не знаю уж, что там ребята, или точнее — девушки, возьмут из продуктов, но что-то подсказывает, что жареное на костре сало — тоже вполне пойдет!».

Взял еще чайную заварку, из тех, что подороже в магазине. Конфет взял нескольких видов. Всегда чаем такие посиделки заканчиваются. Все это сложил в свою новую сумку.

Утром в воскресенье, выйдя в ограду дома делать зарядку, щурясь на солнышко, решил: «Что-то прохладно с утра, ветерок потягивает».

В общем, одел он свою новую горку, и берцы натянул. А если что — куртку и скинуть можно! Футболка, штаны, берцы на ногах — вполне себе вид!

«Угу... сам себе не ври! Там же Кира будет — вот и неохота босяком выглядеть!»

Он вышел, по договоренности, на тот кусок берега, где ранее уже сидел на лавочке. Успел покурить, когда услышал от реки негромкие разговоры и девичий смех. Спустился к воде — сверху подходила немаленькая лодка, довольно плотно загруженная народом.

Когда по команде Виктора, сидевшего на корме за рулем, он с мостков запрыгнул в лодку, то ему сразу же вручили весло — «работай, мол!».

Ну а что, можно и погрести. Кроме уже знакомых ему людей, в компании он заметил еще одну девушку. Но пялится он не стал — было неудобно. Тот же Илья быстро представил его незнакомке, и они отправились дальше по течению.

«Ага... Тоня. Ну... если подумать, то Тоня — она с Ильей. Его девушка, что ли? А он ничего про нее не говорили. Даже не обмолвился не разу, тихушник».

Соседом по скамейке гребцов, как это не было неприятно, оказался Сергей. Он периодически косился на Ивана, но молчал, только вот мордой закаменел.

Ну да, еще бы ему не каменеть, когда на скамейке напротив, очень близко — практически колени к коленям, сидела Кира. Сегодня она была в летнем ситцевом платье, и была чудо как хороша.

«Угу... нашему подлецу все к лицу!».

Светлая тонкая ткань платья туго обтягивала крутые бедра, а когда она оборачивалась назад, чтобы перекинуться словами с сидевшей позади ее Тоней, ткань с ее коленей предательски ползла вверх, открывая такие красивые, небольшие, четко очерченные колени. Загорелые ножки были... хороши. А так как девушки оживленно переговаривались, то ткань эта уже довольно скоро открыла и бедра, чуть не до их середины. Повороты девичьего тела, заставляли платье и на груди натягиваться... очень соблазнительно. И спина ее — тоже привлекала внимание — такая она была... четко очерченная, правильной формы.

Рядом с Кирой сидела Зиночка. Она была тоже — очень красива. И стройные ножки, и бедра, и довольно высокая грудь. Вот только для Ивана она явно проигрывала по привлекательности соседке. Явно...

Иван старался сосредоточиться на гребле. Он и так уже несколько раз плеснул веслом, не приноровившись еще к движениям. Лопасть его весла то чересчур глубоко погружалась в воду, выходя из глубины рывком, и даже чуть обрызгивая сбегаящей водой сзади сидящих, то шлепала практически по поверхности, отчего лодка ощутимо дергалась.

Даже Виктор посоветовал ему грести ровнее, аккуратнее. А его «вынужденный напарник» чуть презрительно скривил губы.

«Твою мать! Ведь ты, в прошлой жизни учился грести на шлюпках, даже в соревнованиях училищных участвовал! Соберись! Так... лопасть весла должна входить в воду на две трети, не меньше, но и не больше! Работаем и спиной, и ногами!».

Но... ножи Киры, которые — буквально перед носом, не давали толком сосредоточиться.

Наверное, Сергей увидел мельком брошенный взгляд Ивана на свою подругу, он кашлянул и сказал:

— Кира! Вы бы с Зиной пересели лицом к Тоне. Вам и общаться так будет удобнее, и коленями стукаться не придется.

Кира удивленно посмотрела на Сергея, потом на Ивана, хмыкнула и кивнув Зине, чуть приподнявшись, развернулась лицом к корме лодке. Только вот это перемещение облегчения участи Ивана не принесло. Потому как садясь на скамейку спиной к парням, и она, и Зина, аккуратно поправили платья. И теперь перед взорами парней оказались их попы. А там было на что посмотреть!

«Вот же черт! На кой хрен я на все это подписался?!».

Сергей, со все большим раздражением поглядывал на Косова. Потом, улучив момент, наклонил голову к нему и прошипел:

— Хватит пялиться! Слышишь?!

Стараясь работать веслом правильно, Иван и сам уже был на взводе, и не менее ядовитым шипом ответил:

— Мне что — глаза закрыть? И вообще... может я на Зиночку смотрю! Ишь... нашелся тут... Отелло!

Похоже девушки что-то услышали, потому как Зиночка с улыбкой обернулась, а потом наклонилась к Кире и что-то сказала ей на ушко. Та тоже повернулась, вся изогнувшись при этом, чем заставила Ивана простонать... где-то глубоко внутри, потом кинула взгляд на них с Сергеем и весело засмеялась:

— Вы гребите, гребите, не разговаривайте! А то будем до обеда к острову идти!

Потом повернулась и приподнявшись, еще более туго подтянула платье снизу.

Иван не сдержался, выматерился про себя и сплюнул в воду. Сергей же, стиснув зубы, стал демонстративно пялиться в другую сторону.

Все эти перипетии привели к тому, что парни все же приноровились друг к другу, и, будучи доверху наполненными раздражением, заставили лодку очень ощутимо ускориться.

Виктор с кормовой скамейки, с улыбкой смотрел на весь этот «спектакль», правя рулем, а потом, когда лодка чуть не полетела по глади реки, удовлетворенно кивнул:

— Вот! Так держать! Выражаю гребцам свое искреннее удовлетворение! — потом помедлил и гаркнул: Гребцы! Мать вашу! Не слышу ответа!

Не известно, что хотел сказать Сергей, он только приподнял весло над водой и набрал воздуха в грудь, как Иван приподнялся со скамейки, сделал придурковатую морду и прогавкал в ответ:

— Рады стараться, Ваше пре-вос-хо-ди-тель-ство!

Девушки засмеялись, а Виктор, несколько опешив, протянул:

— Ну... так то уж зачем? Лишнее это!

— Балбес! — прошипел Сергей, когда Иван вновь сел рядом.

— Вот здесь... согласен! Признаю... бываю несколько придурковат!

Чем опять вызвал смех девушек.

Потом они опять набрали хороший ритм. Иван даже не глядел в сторону Сергея, а регулировал свои движения по ощущениям — все-таки их плечи соприкасались.

Вдоль города, на Оби, имелись несколько островов, и все они располагались вдоль левого берега. Было похоже, что молодежь здесь уже бывала не раз, потому как они резво прошли мимо двух островов, зашли в протоку и пристали к третьему острову.

«Ага... а вон — выше по течению остался проход в затон Лесобиржи! Знакомые места».

Довольно большой кусок песчаного пляжа, метров на двадцать от воды, и примерно на тридцать — вдоль кромки, был вполне себе уютен. Выше от воды располагалась приличная поляна, подходящая по размеру. Вокруг кусты ивняка, а поодаль от берега виднелись и березки. Здесь уже было готовое костровище, с рогатинами и перекладиной. Даже какие-то стволы старых деревьев лежали по всем четырем сторонам от костра, а в воду вели мостки, сколоченные из старых, посеревших досок.

«Хорошее место, уютное. Да и город по другую сторону от острова, на этом же берегу — только какие-то редкие сараи стоят, да чуть дальше — виднеются корпуса Сибкомбайна. И выехали так рано, наверно, чтобы больше никто место не занял».

Вся компания стала вполне организованно сооружать бивак. Уже через несколько минут начали пощелкивать мелкие прутья в разведенном костре, девушки занялись столом, сооруженным из довольно большого куска брезентового полотна.

Виктор вытряхивал из мешка какой-то бредень.

— Так... парни! Девушкам не мешаем! Сергей, Иван — помогайте, растягивайте его по берегу.

Сам Виктор сходил к кустам и вырубил две жердины, для привязки их к краям бредня.

— Сейчас парочку тоней кинем — все на уху что-нибудь добудем! Серега, давай вглубь лезь! Иван! Вдоль бережка пройдитесь, во-о-о-он оттуда начинайте, и сверху — вниз! — Виктор продолжал командовать.

И действительно, за три тони парни добыли разной некрупной рыбешки — вполне хватит на уху!

Иван, чувствовал себя немного не в своей тарелке — компания чувствовалась слаженная. Виктор, и девушки периодически подшучивали над Ильей:

— Ты, Илья, посиди в сторонке пока! Ты у нас уже — какой-никакой, но — директор! Что тебе в воде плюхаться, да рыбой руки пачкать!

Девушки, практически сразу по прибытию, удалились в кусты и вышли оттуда уже в купальниках. Ну как, в купальниках... На взгляд Ивана, это можно было назвать трикотажной мужской майкой, сшитой в промежности. Купальники были разного цвета. У Киры — и Зины — белые, а у Тони — черный.

Кира... ну что — Кира? Кира была... хороша. И раньше Иван млел от ее фигуры, а здесь убедился — она именно настолько хороша, насколько он и предполагал. Она вообще была девушка высокая, вряд ли ниже самого Ивана. И с Сергеем они подходили друг другу — просто здорово! Красивая пара! Была она... очень спортивной. Кто-то может быть и сказал бы — слишком уж... спортивная. Но — не Косов! Широкие бедра, сильные длинные ноги. Даже сейчас, в условиях покоя, явно видимые мышцы и на бедрах, и на голени. Попа... очень крепкая, мускулистая, высоко поднятая. Талия довольно узкая. Ивану стало интересно, а вот если бы купальник был отдельным, видны ли у нее мышцы пресса? Грудь для ее

комплекции — скорее небольшая, но не менее «двойки». Высокая, красивая шея. И очень смуглая кожа. Все вместе... не давало Ивану спокойно смотреть на девушку. Он пусть и с усилием, но отвел от нее взгляд.

Зина была просто красивая девушка. Красивая, стройная, высокая. Но — просто красивая...

Подруга Ильи была много проще девушек. Невысокая ростом, с неявно выраженной талией, небольшой грудью. Единственно, что понравилось Ивану — ее ножки. Тоже крепенькие такие, ровные и полные ножки танцовщицы. На лицо она была — милой. Круглолицая, чуть курносая. Но судя по всему — веселая, общительная и добрая хохотушка!

Все это Иван разглядел, исподтишка поглядывая на девушек, в процессе чистки пойманной рыбы.

Виктор подошел, посмотрел. Одобрительно кивнул и, усмехнувшись, спросил, глядя на нож:

— Откуда такой жиганский «фонарь»?

Иван поморщился:

— По случаю достался.

Повесив котелок, с налитой водой и помещенной туда рыбой, на перекладину над костром, Иван, не торопясь вымыл руки, и закурил.

— Иван! Иди к нам играть! — окликнула его Зина.

Неподалеку девушки и Сергей расположились с волейбольным мячом.

— Илья! Последись за ухой? — обратился он к сидящему на бревне и щурящемуся на солнце парню.

— А что делать надо? — тот растерянно смотрел на котелок.

— Как закипит, и начнет образовываться пена, снимать пену и вон, в сторонку стряхивать! — Косов — протянул Илье ложку, насаженную на выстроганный из прута черен.

Сначала он играл, как был — в футболке, штанах и берцах. Только куртку скинул. Потом стало жарко, скинул и футболку, и берцы. Играл босиком.

В этом теле играть в волейбол ему еще не доводилось. Это в прошлой жизни и в школе, и после, он с удовольствием постукивал в мяч.

«М-да... Рядом с Кирой и Сергеем, да даже — рядом с Зиной смотрюсь я сейчас бледно!».

А еще... он просто тупил, боясь посмотреть в сторону... в определенную сторону! И если на Зину он мог смотреть, и с удовольствием смотрел; на Тоню смотрел с улыбкой — экая «зажигалочка», то вот... нет, не мог!

Он вернулся к костру, а его место занял Виктор. Тот тоже играл легко и с удовольствием. Иван почистил картошку, лук и все остальное для ухи. В свое время, и в очередь туда поместил.

— Так... рыбацкие ухватки знаете? — отдуваясь после игры, сюда же подбежал Виктор.

— Это какие? Что конкретно?

— Вот, головешку нужно будет в уху сунуть! — Виктор показал на костер.

— Тогда уж и водочки плеснуть не помешает! — хмыкнул в ответ Иван.

— А ты ниче так... понимаешь! — с одобрением улыбнулся Виктор, он повозился с одним из вещмешков и перекинул Ивану одну «белоголовую».

«Ребятки-то с деньгами! Водочка — не из дешевых!».

Он уже немного нахватался знаний цен и пристрастий местного населения.

Когда уха уже была готова, он произвел все необходимые манипуляции по ее «доводке».

— Ну все, можно разливать!

К брезентовому «столу» подтянулись и остальные.

— Так... девушки! Вы что употреблять будете? Есть водка... — начал перечисление Виктор.

— У меня есть две бутылки вина... красного, и пиво тоже есть, — Иван в свою очередь начал опустошать свою сумку, доставая из нее припасы.

— Вино... вино, это дело хорошее, конечно... но вот — под уху? Под уху — только водочка! — Виктор с укоризной посмотрел на Косова.

Девушки сомневались. Зиночка с большим одобрением посматривала на вино, а Кира была согласна с тезисом брата. Все посмотрели на Тоню. Ты залихвацки махнула рукой, улыбнувшись:

— Под уху — водку! — и до того у нее это получилось смешно, что все расхохотались.

— Ну... тогда и я выпью водки! — Иван присоединился к обществу.

Все присутствующие похвалили Косова за вкусную уху, а Зиночка улыбнулась и глядя на него, спросила:

— Иван! Вот ты и готовить, оказывается умеешь, и стихи пишешь. А еще какие у тебя есть скрытые таланты? — интересно-интересно... а вот она как-то уж совсем демонстративно не глядит в сторону Виктора! Они что — поссорились? Окончательно или как? Виктор же, после ухи и пары рюмок водки, был настроен благодушно и на все Зиночкины «крючки» не реагировал.

— Еще он неплохо поет свои песни, — тут уж влез Илья, как будто кто-то его просил!

— Зиночка! Красавица ты наша! А кто тебе сказал, что я стихи пишу? — девушка была в недоумении, — то, что я написал тексты нескольких песен, вовсе не означает, что я поэт и пишу стихи.

Народ был в удивлении — ну как же, вот ведь — песни...

— Знаете... по-моему мнению, тексты песен нельзя в полной мере назвать стихами. Погодите! Дайте объяснить! — Иван поднял руку, — тексты песен только на первый взгляд — стихи. А так это просто текст — ритмичный, или мелодичный, несущий некую смысловую нагрузку. Вот если текст песни не петь, а попытаться просто прочитать, как стихи — думаю не получится. Выйдет все равно песня. Конечно, некоторые стихи — ложатся на музыку, но не все, далеко не все. А поэт, или стихи — это про другое.

— А кого ты можешь привести в пример? — с интересом посмотрела на него Тоня.

— Ну... вот, к примеру:

— Нас водила молодость в сабельный поход.

Нас бросала молодость на кронштадтский лед!

Боевые лошади уносили нас,

На широкой площади — убивали нас!

Иван читал это стихотворение не задумываясь. Энергетика строчек накрывала с головой. Он даже чуть прикрыл глаза, чтобы не видеть глаз удивленных и задумчивых глаз Киры.

— Вот..., - он перевел дух, — вот — это стихи! С большой буквы стихи! А не то, что...

Он открыл бутылку пиво, налил себе в металлическую кружку и залпом выпил.

— Ой! Мне тоже так нравится Багрицкий! — всплеснула руками Тоня.

— То, что говорит Иван, спорно, по крайней мере, — поправив очки, начал Илья.

— Извини, что перебиваю, но, думаю, что не просто так поэтов разделяют на поэтов и поэтов-песенников.

От выпитых пары рюмок Илья покраснелся и раздухарился:

— А вот я с тобой не согласен!

— Погоди, Илья! Вот послушай — что есть текст песни без музыки? Ничего! А вот если композитор музыку к тексту хорошую подберет — тогда да, песня, что говорится — выстрелит! То есть... текст без музыки... так себе затея. Ну — пусть так: хороший текст и отличная музыка дают в итоге песню. А вот хорошие стихи — они и сами по себе хороши, без всякой музыки.

Двигая свою речь, Иван ненароком поглядывал, как не его слова реагируют друзья. Сергей — тот делал вид, что весь разговор его вовсе не интересует. Тоня слушала с интересом, Виктор с интересом и улыбкой, Илья все порывался возразить, и только последнее его заставило несколько задуматься. Кира смотрела, улыбаясь, куда-то вдаль и лишь искоса поглядывала на него, и перешептывалась с Зиной.

— Иван! А тебе кто из поэтов нравится? — вот и Зина подключилась, только не ясно — сама, или по «наводке» Киры. Ивану хотелось бы — чтобы последнее.

Он задумался, почесал затылок и немного растеряно пробубнил:

— Ну как... как и всем, наверное, Есенин, Маяковский, Блок, — он здесь хоть и старался читать, но времени было мало, да и времени этого он здесь провел тоже — немного. Что тут у перечисленных поэтов написано, а что нет — есть ли разница с его прошлым-будущим, он не был уверен.

— Есенин — кулацкий поэт! — четко и как будто в никуда отчеканил Сергей.

— Ну... вот это ерунда, по-моему. Есенин — русский поэт! Да у него много деревенских стихов, да и... кабацких таких, тоже немало... Но — он русский до самой глубины души. Он болел за Россию, был патриотом своей Родины. А что он, как человек... такой — неоднозначный, то — и время такое было, многие не могли найти себя. Вот и метался человек, то творил, то — пил...

— То блудил! — закончил за него Сергей.

«Вот же зануда правильная!».

— Ну да... не без этого! Но и тут... Испокон веку отношения между мужчиной и женщиной являлись и являются — краугольным камнем... что ли, всего сущего на земле!

— А вот мне кажется, что классовая борьба — является краугольным камнем! — и вот не понять же — он, этот зануда, сейчас серьезно говорит, или просто — подкалывает Ивана.

— А здесь ты ошибаешься! Как минимум — в определениях! Впервые о классах заговорил Маркс, если не ошибаюсь. До этого про понятие такое «классы» — даже не задумывались. Были различные слои населения, интересы которых то совпадали, то различались, иногда — кардинально, вплоть до крови! Слои, сословия, группы людей — но не классы. А вот отношения между мужчиной и женщиной — были всегда. С тех пор, когда обезьяны определили себя людьми. Даже и до этого — эти отношения были, пусть и в своем животном виде.

Иван понимал, что он утрирует, что — дает неверные определения, но остановиться не мог. И чего тут было больше — хмеля от выпитого, желания привлечь внимание к себе одной особы, или еще что-то — было непонятно!

— И вот когда человек, в данном случае — Есенин, находится в вот таком раздразе, не может найти себя, здесь и происходит и пьянка, и прочее..., - он покосился на девушек. Но было видно, что вовсе не шокирует их.

«Ну да... тут детей нет! Все люди взрослые! И что такое эти отношения знают не понаслышке. А вот... у Киры... с этим... тоже... есть?».

Он неосознанно скользнул взглядом по девушке, уперся глазами в ее такую... попу, и почувствовал, как густо краснеет.

«Ну вот еще! Как школьник-пионер, чес-слово! Все надо завязывать с такими разговорами!».

Похоже той же Зине тоже надоели эти словопрения, и она протянула Илье:

— Илюша! А сыграй нам что-нибудь, пожалуйста!

Директор уже был увлечен шушуканьем с Тоней, и потому отмахнулся:

— Нет... вон — пусть Иван сыграет! Вы же хотели услышать его песни? Вот пусть и споет!

«Вот же... сволота ленивая! Он, значит, лямур-тужур тут крутит, а я — отдувайся?!».

Но заставлять себя упрашивать он не стал, взял в руки гитару и перебором проверил струны.

— Вторую струну чуть подтяни! — кинул ему Илья.

Иван спел «Весну». Народу понравилось, но девушки приняли ее без особого восторга. Потом спел «Услышь меня...». Тут уже реакция с девичьей стороны была более благосклонной.

— А... другие песни, те, которые вы Калошину отдали, — девушки были в курсе этих отношений. «Вот же Илюша, болтун!».

Пришлось петь. И вот тут уже девушкам очень понравилось. Это было видно не вооруженным глазом. Но та же Кира, если и выказывала эмоции, то только чуть... и как-то — непонятно. А вот Зиночка... та да — даже глазки у девушки затуманились!

— Вот ты рассуждаешь про стихи и поэтов, про классы и определения. Это что же... вот так в детдоме что ли учат? — опять эта «бестия» встряла! Тоже мне, энкаведешник нашелся.

— А ты, Сергей, много с детдомовскими общался, чтобы такие вот штампы ставить? Или полагаешь, что если из детдома — то либо шпана, либо дурачок? — ага... смутился! морда нордическая, — ты ошибаешься! И в детском доме люди разные... кто и правда — шпана, и глуповатых немало, но и вполне нормальные люди есть. И даже, не поверишь, умные встречаются! А про то, что я говорил... Я всегда, сколько себя помню очень любил читать: и в детском доме все подряд читал, и после, когда у тетки жил и в школе учился. А когда на Севере работал, так там, несмотря на тяжелую работу, тоже есть время свободное. И все напечатанное — книги, газеты, журналы, веришь или нет — до дыр народ зачитывал! За новые газеты или книги — чуть не дрались в очереди!

«Да, такое бывало. Только не на Севере, а командировках, в Чечне, где и правда, печатного слова не хватало, и немногие книги ходили по рукам до состояния полной негодности!».

— А про шпану... ну так я и не отрицаю, и самому пришлось пообщаться с разными гопниками, и среди этой публики знакомства есть.

Иван снова взял гитару:

— С одесского кичмана сбежали два уркана.

Сбежали два уркана да на во-о-олю...

Он пел, подражая услышанной где-то по телевизору манере исполнения этой песни Розенбаумом. «Косил по одесского еврея!».

— Ну эту песню и Утесов поет! У него-то всяко лучше твоего получается! — фыркнул Сергей.

«Зараза! Ладно, слушай еще».

— Вечер наступает! Фонарики зажглись.
Звездочки как рыбки по небу расплылись.
Только мне не спится, я с собой в ссоре,
И гляжу на небо в клетчатом узоре!

Закончив этакий «романтик» в приклатненном стиле, Иван снова налил себе пива и закурил.

Сергей с улыбкой что-то шептал Кире в ушко, а та — улыбалась. «Похоже, если я и привлек чье-то внимание, то вон — только Зины!».

Докурив, мысленно махнув рукой на последствия, он снова взял гитару:

— Говорят, что некрасиво, некрасиво, некрасиво
Отбивать девчонок у друзей своих!
Это так, но ты с Алешкой несчастлива, несчастлива,
А судьба связала крепко нас троих!

Тут уже внимательно слушали все. «Эк у тебя морду-то перекосило, харя твоя арийская! Так тебе!».

— Это что-то новое? Ты мне еще такое не показывал! — заинтересовался Илья.

— Да... ерунда это... дворовая такая песенка, — отмахнулся Иван.

А Сергей похоже не в шутку вскипел. «Да и хрен с ним, козлом этим! Надоел, с мордой своей смазливой!». Обстановка явно накалилась.

— А пойдемте купаться! — выручил Виктор Косова, да и всю компанию.

«Ф-у-у-х-х... слава тебе господи!».

Но Иван рано радовался. Хоть купание проходило весело, в какой-то момент он отделился от компании и в свое удовольствие отдался плаванью.

«Хоть хмель так выгнать! А то что-то явно на шкандаль нарываюсь».

Он нарезал «саженками» протоку, то вверх, то вниз. Когда изрядно подустал, вернулся к биваку, и по дну подошел к берегу.

«У-п-с... м-д-я-я-я... а кто говорил, что будет легко? Никто не говорил!».

Три девушки стояли у края воды и оживленно о чем-то беседовали. Трикотажи их купальников намок и не то, что что-то открывал, но... прилип к некоторым местам... больше, чем надо!

Ни девушки, ни парни на это внимания не обращали. По крайней мере — внешне. Наверное, это было — привычно. Иван же на такое отреагировал... Да... отреагировал. Пришлось делать вид, что еще — не накупался.

Оказалось, что у Зины очень неплохая грудь с задорно торчащими сосками. А у Тони...

был очень обтянут... скажем так — низ живота. Что тоже... спокойствия не прибавляло. Кира... оказалось, что у Киры все же есть что-то вроде кубиков пресса на животе.

Потом они опять играли в волейбол, дурачились, играли в города и прочие немудреные игры. Водка кончилась, да и ее и брали-то немного — пару бутылок всего. Потихоньку было выпито и вино. Пьяных не было. Так, легкий хмель присутствовал.

— Иван! А ты спортом занимаешься? — Кира смотрела на него... с какой-то снисходительной улыбкой, как показалось.

— Нет... Так — зарядку делаю, для себя, и все.

— Ну... это ты зря! Спортом нужно заниматься, да, Сережа? — и она чуть сжала рукой плечо своего друга. Да, там было широкое, мускулистое плечо.

Иван хмыкнул, здесь он «арийцу» явно проигрывал.

— Ну ничего! Мы тебя вовлечем в какой-нибудь клуб, правда Зина? Будешь ты и кроссы бегать, и на лыжах ходить! Негоже комсомольцу быть слабым! Ты ведь намерен вступать в комсомол? В-о-о-т! Нормы ГТО нужно сдать всем — и парням, и девушкам!

Нет, Косов был не против и бегать, и нормы сдавать. Вот только как-то эта активность комсомольская от Киры, здесь и сейчас, показалась не к месту!

Потом Иван жарил сало на прутьях, перемежая кусочки сала с нарезанным кольцами луком. Несмотря на то, что сначала все, и особенно девушки, без энтузиазма встретили его предложение о жаренном на костре сале, но продукт общими усилиями был съеден без остатка. Под ивановское же пиво.

Затем снова купались, благо погода радовала, солнышко изрядно припекало. Иван, поняв фишку «предательского» трикотажа женских купальников, старался особо не приближаться к девушкам, после их выхода из воды.

Пили чай с разными конфетами, общались уже довольно лениво — от отдыха тоже устаешь!

Иван обратил внимание, что если с утра мимо их стана несколько раз проплывали лодки — как правило, с ищущими такое же место уединения отдыхающими, то после обеда посторонних практически не было.

На вопрос Ивана к Виктору — почему так, тот, подумав, ответил:

— Ну, все же далековато от города, от центра, то есть. Люди не хотят так далеко забираться. Это еще по пути на отдых — хочется уединения от компаний, а уже на обратном пути долго махать веслами — желающих мало. Пацаны могут еще сюда рыбачить приплыть... А так... маловато здесь людей. Мы потому и выбрали это место.

Когда компания стала собираться в обратный путь, так... не торопясь, вразвалочку, Иван решил еще раз окунуться — а то когда еще выберешься на реку? А учитывая, что дело уже к осени — да до нее рукой подать! так может и до следующей весны не получится.

Он заплыл по протоке довольно далеко, практически к верхней оконечности острова, и там развернулся — назад.

«Что-то я переборщил, кажется...». Купание уже удовольствия не приносило, мышцы рук, а еще больше — ног были забиты, и их стало тянуть. Верный признак близких судорог. Вот еще не хватало!

Он повернул к берегу и найдя место, где можно было вылезти и не перепачкаться в иле, вышел из воды. На небольшой полянке он поприседал, помахал руками, разгоняя кровь, прислушался к себе — вроде нормально.

«Так... сейчас бы еще тропу к лагерю найти, чтобы этими «кущерями» не

пробиваться!»).

И такая тропка нашлась. Иван шел по ней не торопясь, пытаясь разглядеть — есть ли здесь еще места, пригодные для отдыха. А что — может и пригодится в будущем...

Через какое-то время-расстояние ему показалось, что рядом кто-то негромко разговаривает, или даже — громко шепчет. Он сбавил шаг, стал прислушиваться.

«Вот не хватало еще вляпаться под конец пикника! А вдруг Илья там с Тоней... ну, на что-то под конец решились? Или Кира... со своим «викингом»?». Последнее было — крайне неприятно! Крайне!

Но все оказалось банально. Чуть поодаль он сначала увидел два белобрых затылка, а потом разглядел в камышах и обоих их обладателей. Пацаны лет по десять-двенадцать что-то увлеченно разглядывали в стороне воды. Пара удочек с простыми удищами из прутков черемухи или еще какого дерева, говорили о занятии пацанов, здесь, на острове. Вот только что они делают именно сейчас и здесь?

Иван еще чуть сдвинулся в сторону и сквозь камыш разглядел голое женское тело.

«Ага... вот оно — постижение подрастающим поколением взаимоотношений полов. В данном случае — в виде подглядывания! Так... а ведь здесь, уже рядом наша поляна! Это они за кем-то из наших девушек секут? А вот это уже зря! Не позволим, не простим!».

Иван еще подобрался поближе и осторожно, чтобы не спугнуть юных вуайеристов, протянул руки и крепко ухватил мальцов за уши — каждого, за одно из «ухов».

— А ну-ка — тихо! Не орать! Что это мы тут делаем, а? — шёпотом спросил Иван.

Пацаны явно испугались, но, как он им и сказал — кричать не стали. Иван поднял голову и обомлел: по колону в воде, нагнувшись стояла Кира и ополаскивала свой купальник! Вид был... очень!

Замерев в позе «не ждали», Иван потерял бдительность и пацаны, благо все так же без криков, вырвались из его рук и рванули в камыши. Только шелест пронесся!

Косов чертыхнулся и проводил их взглядом. Догонять? А зачем? Глупо.

Вот только, хоть этот шелест был едва слышен, но все же — слышен, и когда Иван вновь поднял голову, он встретился с насмешливым взглядом девушки. Кира стояла выпрямившись, и отжимала купальник сильными руками.

— Ну что? Нагляделся? — «Бляха-муха! Это же она решила, что он за ней подглядывал! Вот стыдоба-то! Сейчас еще и ославит перед компанией! Как же стыдно-то! Хоть под землю проваливайся!».

Девушка по-прежнему с усмешкой глядя на него, вышла из воды, перекинув мокрый купальник через плечо. Она даже и не думала прикрываться!

— Ну, что скажешь? — она стояла перед ним — руку протяни — уперев руки в бока, — Понравилась?

— Ты... ты красивая... как..., - черт, даже горло перехватило! — статуи бы с тебя лепить... вот!

Девушка чуть разочарованно, как показалось Косову, протянула:

— Ага... девушка с веслом! Ваня! Ты — дурак?

— Н-н-н... наверное...

Она вздохнула, чуть качнула головой:

— Поддай мне... вон — трусики и бюстгалтер.

Он продолжал статуей стоять и молча пялится, как она надела трусы, потом как-то ловко — бюстгалтер, а потом требовательно протянула руку к нему.

— Что?

— Вот же... платье сзади тебя на ветке! — она опять усмехнулась.

— Ага...

Она ловко подобрала руками подол платья, потом натянула его себе на голову. А здесь вышла заминка — тонкая ткань на все еще мокрое тело натягиваться не хотела! Кира потянула, потом хихикнула и тихо прошептала:

— Ну что стоишь? Помоги девушке!

Он шагнул к ней, вытянул руки и стал натягивать платье. Вышло совсем несуразно — получилось, что, в процессе, он обнял ее. Она чуть замерла, потом в проеме ворота показалась ее голова и лицо, чуть зарумянившееся, с удивленной улыбкой.

— Ты что, меня лапаешь?

А он опять молча замер, как кролик перед удавом.

— Вот еще, не хватало! Сергей увидит — морду тебе набьет! Завершим отдых мордобоем, да?

Она отодвинула его от себя:

— За мной не ходи! Вон — хоть вокруг обойди что ли...

Пошла по тропинке к поляне.

— Кира! — она чуть замедлилась, — Кира! Я... я и правда — не хотел, так вышло по-дурацки... А ты и правда — очень красивая!

Ему показалось, что она тихо засмеялась, потом тряхнула головой, рассыпав волосы, и ушла.

Он сел на землю и закачался:

«Что же такое со мной! И в ступор от нее впадаю! И влипаю в ситуации дурацкие! И веду себя — не менее по-дурацки! Стыдно-то как! Хоть — топись!».

Он еще чуть посидел, потом немного успокоившись, решил вернуться в стан по воде. Зашел в воду, и не торопясь поплыл по протоке.

«Сергей увидит — морду тебе набьет! Еще кто кому набьет! Видали мы «викингов» и покрупнее».

Хотя, надо признать, Сережа этот — жлоб немалый, и морду-то он Косову, скорее всего, и правда бы — набил!

Когда он подплыл к их полянке, народ уже весь был одет, и даже немного встревожен.

— Иван! Это — несерьезно! Ну что ты делаешь? Мы же договорились — собираемся! Ну ладно, искупнуться! Но ты же пропал надолго. А если бы ты утонул? Что нам тут думать? — Виктор высказывал ему серьезно и хмуро.

— Ладно, ладно! Все нормально! Увлекся маленько, время не рассчитал! Все... Сейчас пару минут, и я собран!

Он, отойдя чуть в сторону от поляны, снял и отжал трусы, особо не беспокоясь, что его кто-то может увидеть, натянул их влажными на тело. Потом вернулся и быстро оделся.

— Все! Я готов!

Они опять с Сергеем гребли. И тут уже, против течения, особенно когда вышли в Обь, пришлось неслабо так напрячься!

Кира опять сидела рядом с Зиной, лицом к ним с Сергеем, и всю дорогу молчала, чуть отвернув голову и глядя на воду. Зина несколько раз пыталась ей что-то сказать на ухо, но та лишь отмахивалась и чуть улыбалась.

Когда Иван понял, что ему стало совсем жарко, он кивнул Сергею, мол, «обожди»,

стянул с себя куртку и накинул ее на плечи Зине. По воде уже и впрямь чуть тянуло ветерком.

Как они дошли до места высадки Ивана, он и не заметил. В голове было пусто.

Выпрыгнув на мостки, он кивнул компании и зашагал на берег.

— Иван! Не забудь — тебе завтра после обеда в киносет, а вечером — твоя смена! — крикнул ему вслед Илья.

Он только махнул рукой, не оборачиваясь, дескать — «помню».

Уже сходя с мостков, он услышал, как Виктор спросил у Ильи:

— Чего это с ним? Вроде же не пьяный?

— А я знаю? Может голову напекло, а может наплавался так, до одурения! — ответил тот.

«Ага... напекло и наплавался! Блядь! Вот — хоть увольняйся и уезжай куда! Все — через жопу!».

Несмотря на то, что, придя домой, отказавшись от ужина с хозяйкой, он, обмывшись из бочки холодной водой, завалился на кровать, уснуть он долго не мог.

«Наваждение какое-то, блядь! Вон зачем мне это все?! И ведь женщины вокруг есть! И Вера, и Варьку-динамовку дожать можно... и нужно! И даже — Зина. Она вроде бы тоже проявляет к нему внимание, и с Виктором у них... что-то не слава Богу все. А вот не идет у него из головы эта комсомолка! И ведь обстоятельства постоянно так складываются, что... не встречаться с ней вообще! Выкинуть из головы! Но... пока не пройдет этот концерт, да вот еще — пока не начнутся занятия у нее в институте, похоже встречаться с ней все же придется!»

Вроде бы даже задремал. Но снилось какая-то хрень, отчего он просыпался, ворочался, вставал и ходил попить. Потом снова засыпал, снова просыпался, шел в туалет, курил, сидя на лавочке в ограде дома, и снова ложился.

Уже под утро ему приснилось и вовсе непотребное: Кира стояла перед ним там, на берегу, как и вчера, полностью голая, чуть удивленно и насмешливо спрашивала: «Что? Вот так прямо — совсем не нравлюсь?!». Потом она откуда-то брала маленькую резинку, улыбаясь, потягивалась и закладывала волосы в хвост, а потом чуть изогнувшись опускалась перед ним на колени, и запрокинув голову, так же улыбаясь, спрашивала: «А если вот так?». А потом... потом... он проснулся весь в поту и сладкой истоме.

«Блядь! Блядь! Вот же... трусы стирать!»

Он подхватил мыло, выскочил в ограду и прямо возле бочки стащил с себя трусы и постирал их. Тщательно отжал и вернувшись в сени, повесил их на веревку. А затем снова, с голым задом, сидел на лавке и курил.

«А почему она волосы-то затягивала в резинку? У нее же они и так — короткие?».

Иван выматерился, сплюнул, вернулся одеть другие трусы и, под только начинающимся рассветом, принялся делать зарядку. Интенсивную, до пота и дрожания рук и ног.

Они снова лежали с Верой на матрасе, на полу. И снова женщина постанывала, и чуть дрожала, отходя от безумия дикого секса, который ей устроил Косов.

«Вот же, маньяк! Умотал женщину до полусмерти!».

Мысли лениво шевелились в голове, и он с нежностью смотрел на ту, которая дает ему хоть какую, но физическую разрядку, от того сумасшествия чувств к другой.

— Ванечка... как же с тобой... сладко..., - постанывала женщина.

Он поглаживал ее, чуть целуя плечи, шею, верх груди. Тело ее было горячим и чуть солоноватым от пота.

Он откинулся на спину, а Вера уже привычно закинула ему ногу на живот. Чуть позднее, отдышавшись, она завела уже привычную игру, рисуя пальчиком на его груди только ей одной видимые рисунки.

— Хорошая моя... я вот что спросить хотел. Ты вот так... ко мне относишься. И я тебе очень-очень благодарен на то, что ты приходишь. Не знаю, как сказать... Я ведь вижу, что... живете Вы небогато. И Андрей у тебя, и сама ты — тянетесь, тянетесь, а денег все нет и нет. Давай я тебе хоть в этом помогу. Много не смогу, и сам — не богач, но хоть сколько-то... все — помощь, а?

Она подняла голову и посмотрела не него, улыбнулась:

— Ну... не хотела бы, не пришла... А помочь, ну... давай, не откажусь. Денег у нас и правда вечно нет. А то одно нужно, то другое.

Он подскочил с матраса, кинулся к одежде, выгреб все деньги из карманов. Получилось не так, чтобы много — рублей пятьдесят, если навскидку, не пересчитывая. Основные его деньги лежали в заначке, и оставалось их там — не сказать, чтобы много.

Иван протянул Вере скомканные деньги, она взяла, и так же, не глядя, засунула их под свою, сложенную на стуле одежду.

— Спасибо тебе, Ванюшка! Ты добрый и не жадный. А какой умелый..., - она снова начала поглаживать и сжимать его... г-х-м...

Хорошо быть молодым! Организм работает как часики, и перерывы можно делать небольшими, а уж при такой стимуляции...

В последнее время, Вера приходила, едва только калитка брякала за ушедшей Петровной. Часа четыре у них на игрища были. Иван и количество таких подходов уже не считал — зачем? Ведь так хорошо!

— В-а-а-а-нь! — он чуть приподнял голову и посмотрел на нее, — Ваня! Ну... я уже правда... сама хочу, вот! И даже не против... ну... чтобы ты смотрел.

— Что — и правда хочешь?

— Правда, правда!

Он согласился.

— Ты только подсказывай... хорошо, Ваня? А то... бабы-дуры все только болтают да хихикают, а как и что — никто толком не говорит! Да и стыдно-то... спрашивать. Надумают же невесть что, да разнесут... языками своими!

— Ты вот... начни с того, что просто подвинься к нему ближе и просто разгляди его получше.

— Ну, Вань... что я... в нем не видела-то?

— Вер! А мне вот любопытно... но, если не хочешь, не отвечай. А тебя много мужчин было?

Она фырнула, покосилась на него, прервав процесс разглядывания:

— А тебе это зачем? Ревнуешь, что ли?

— Ну может и ревную... А если правда... не ревную, но как-то... царапает по душе-то.

Она подвинулась к объекту исследования поближе, чуть покрутила его вправо-влево. Потом хихикнула, и померила, поставив одну ладошку на другую. Две ладошки его явно не закрывали. Побольше он был.

— Батюшки! Вот ведь и чувствовала, что он у тебя большой! Но вот так... вроде как померить... Ой! Даже и не вериться, что он вот весь в меня входит. А уж если... ну... с маслом сзади... вот же где страх!

— Ну и какой же это страх, если тебе от этого так хорошо?

— Ну... так-то — да... но не думала как-то об этом... вот мы бабы — все-таки бляди какие, а? Чем больше — тем лучше нам, да, Ваня?

— Ты глупости-то не говори! При чем здесь — бляди? Нормальные такие желания — получить удовольствие, если уж... этим делом занялась. А если он совсем... маленький — то какое здесь удовольствие, правда ведь?

— Ну... ты тут не хвастайся! Мне и раньше... бывало хорошо, а там размеры были... не такие, а куда как скромнее... Правда... не так хорошо, как с тобой. И вот — способы ты всякие такие знаешь... Иной раз... у меня обмирает все — думаю, а что — так тоже делают?

— Ну вот... а как теперь больше всего тебе нравится?

— Вот все ему знать нужно? Ты что любопытный-то такой? Ну ладно... ну... вот когда я на спине лежу, но ноги — подняты. Или еще — когда я на четвереньках, а ты сзади. Сверху сидеть на тебе — тоже нравится... только если ты снизу все сам делаешь! А если... ну — сзади, с маслом... то — лучше на боку, когда ты сзади... и так сладко целуешь меня и в шею... и в затылок, там, где волосы заканчиваются. Правда, Вань! Мне тогда и больно-то не бывает. А так сладко-сладко становится... и пальцами своими ты еще так... у меня между ног... ох как хорошо!

Иван видел, что глазки у Веры стали шальные, с такой... поволокой. Она стояла на четвереньках перед ним, все потискивала его... и глядела ему в глаза. Вот только были большие сомнения, что она сейчас его видела.

«Ушла в себя! Вернусь не скоро!».

Он кашлянул. Она встрепенулась, широко открыла глаза, и поволока стала рассеиваться.

— Вот... ты опять меня отвлек! Ну, давай, говори — как нужно? — логика женская, она такая!

— А ты уже насмотрелась на него? — он улыбался.

— Д-а-а-а... он красивый... он так мне нравится! Вот правда! Даже укусить его хочется!

— Не-не-не, хорошая моя! Вот кусать его точно не надо! Ему такое обхождение не понравится!

Урок продолжался еще долго. Вера... была старательной ученицей. И похоже — ей самой это нравилось. Нравилось даже то, что он смотрит на нее. Правда долго играть в «гляделки» у нее не получалось. Она начинала часто дышать, чуть постанывать и закрывала глаза.

— Ты зачем опять глазки закрыла, красавица? — шёпотом позвал он ее.

— М-н-н-я... я не могу на тебя так вот долго смотреть. У тебя такой блуд в глазах, что меня аж даром обдаёт... и я... теку вся... вот, не могу долго смотреть...

Он прислушался к себе. Пока она вряд ли сможет его довести до оргазма. Учить еще ее и учить, но как же она ласкова!

— Вань! А давай я масло принесу... я уже не могу терпеть... так хочется!!!

Топоток босых ног по доскам пола...

— Вот... только знаешь как? Ты сначала меня поласкай... ну... там, ага! У тебя такой язычок... ох какой он! А потом я... на бочок лягу... И ты... будешь целовать меня в шею, покусывать... и пальчиками там, пальчиками... О-о-о-х-х...

Открытие клуба, а значит и концерт — все ближе. К ним как-то вдруг зачастили все — и из Лесосклада, из руководства совхоза, и еще какие-то незнакомые-неизвестные. И все что-то ходили-смотрели, а уж Илью-то как замучили! Ивану казалось, что еще чуть-чуть и директор начнет кусать всех этих посетителей-проверяющих.

Кира и Зина тоже наведывались частенько. Зина отдала ему его куртку и поблагодарила. А глаза у нее были... не понять какие. Вроде бы как — спросить что-то хочет, но... сдерживается. И еще — улыбалась.

Кира же была тоже улыбчива, но вид делала, что ничего такого и вовсе не произошло. Даже вроде бы не обращала внимания, что Иван изрядно смущается при виде нее. Но он видел, что иногда она улыбалась, отводя взгляд в сторону.

Эта неделя была бешеной. В клубе постоянно толклись какие-то люди — взрослые и дети, знакомые и незнакомые. Суматоха!

«Блин! Когда же это кончится-то?».

За два дня до открытия, в клуб приехали все калошинцы, с самим во главе. Ну что сказать? Работать ребята умели, не отнять! И все инструменты сами затащили, прошлись по сцене, переговариваясь между собой, обмениваясь какими-то им одним известными фразами. Потом встали, и отыграли все, что было нужно. Здорово отработали! Даже Илья признал — молодцы!

С Игорем Иван больше не конфликтовал, даже шутками перебрасывались порой. Как сказал ему Калошин:

— Я должен был попробовать перегнуть Вас. Мы же за денежку работаем, есть-то все хотят, и почему-то — что получше требуют! Мне в ансамбле абы кто не нужен, а значит и зарплату людям я должен платить привлекательную. Ну — не вышло с Вами. Но жизнь-то продолжается. Чего уж теперь ругаться? Глядишь, ты еще что-нибудь нам подкинешь.

Потом помолчал и продолжил негромко:

— Ты это... Иван! С Варей держи ушко остро! Она баба умная, тоже может попробовать тебя облапошить. Да что там может попробовать? Она точно так сделает! Не ошибись. У меня же нет того, чем она может тебя прельстить, а она — умеет, да! — как-то сально у него получилось это...

А Варя на сцене была — хороша! Похоже она приняла то, что он ей советовал, да еще и сама подумала. Вот и выдала — ух! От ее исполнения песен даже Мироныч стал своей больной ногой притопывать, да и Яков плечом подергивал — «хороша, стервь!».

Мироныч подошел к нему и придерживав за локоть сказал:

— Ты это, паря... смотри — девка-то — огонь! Такие ух как умеют парням головы глумить! И не думай, что ежели ты ее целовал, да за задницу тискал — что все, твоя она! Хрен там! Таковую попробуй еще удержать в руках! Оно-то для баловства... такие девки — ох и хороши! А вот ежели что серьезное... то — не советую!

Окружающим людям, смотревшим на генеральную репетицию, солистка тоже очень понравилась. Ладная, в ситцевом простеньком сарафане чуть ниже колена, в простом светлом платке, наброшенном на плечи, она была — очень и очень хороша! А уж по канонам здешней и нынешней красоты — так и вообще, восходящая звезда Никольской эстрады! А уж как она в конце песни закружилась, да сарафанчик до середины бедра у нее поднялся — фурор, не иначе! И пела она — очень здорово! Косов не мог сказать — лучше или хуже, чем Толкунова или Герман. Наверное — по-другому, но тоже — здорово!

«Мда... похоже «динамо» — оно не то, что назревает! Оно уже вызрело, и хрен тебе Ваня, что достанется из этого местечкового великолепия! На концерте явно будут какие-то местные шишки, и Варя, очень на то похоже — упускать свой шанс не собирается! Вон как щечки-то горят, и глазки блестят! Видит же, как на нее реагирует народ, особенно мужская его часть!».

Улучив момент, он прижал ее за вешалкой, которую организовали в фойе, перед дверью в его каморку:

— Варя, Варя, Варя... Душа моя! А что же ты так забывчива? Позабыла мил-дружка Ванечку, а? А ведь мы, я думал, с тобой обо всем договорились? Или жизнь на этом кончилась, или тебе в будущем песни новые будут не нужны?

Эта лиса, улыбаясь, внимательно выслушала его слова, даже позволяя себя изрядно так потискать, а потом прошептала ему на ухо:

— Ну что ты, Ваня! Ну что ты надумываешь всякое на бедную девушку? Все я помню. Но сам же видишь — и не время, и не место! Людей же вокруг сколько? И где же мы с тобой миловаться будем? Не у всех же на виду, бесстыжий! Мы не помрем, вот прям завтра, что же — времени не найдем, да чтобы в уюте да хорошенечко так... близко познакомиться?

Увидев взгляд Ивана, направленный в сторону его каморки, засмеялась:

— Ну... может и вариант, конечно. Но не сейчас же? Ну все, все... пусти, а то не дай бог, кто увидит!

От ее слов, да такого горячего дыхания, да прямо в ушко... Иван размяк и выпустил Варю из своих похотливых и загребущих рук. Ух и стерва, тут Яков прав.

А Варя была права — вокруг много людей, и не все они занимались своим делом. Кое-кто и увидел, то, что видеть вовсе не стоило.

Когда он вышел покурить, и сел на крылечко, возле входа в свою каморку, из-за угла вышла Зина. По ее устремленности было понятно, что вовсе не прогуливалась она здесь случайно.

— Вот уж Ваня, не подумала бы, что ты такой кобель! И что ты там за вешалками с этой... прости господи... делал? Песенки разучивал? А ну-ка подвинься... дай девушка сядет, невежа.

Зина села рядом с ним на крыльцо. Эти ступеньки и так широкими было не назвать, и сидела она сейчас, прижавшись бедром к ноге Ивана.

— Зиночка! А пристало ли комсомолке — господа поминать? Разве это... не дурной тон для современной девушки?

Та отмахнулась:

— Да ладно! Понятно же, что это просто присказка такая! Так ты мне не ответил. Что ты там с этой... делал?

Иван «включил чекиста»:

— С какой целью интересуетесь, гражданочка?

— Вань! Ты тут дурака не включай, так же ты говоришь, да? Спросила — значит надо.

Иван задумался:

— А позволь спросить — кому это надо? Тебе... или... Кире?

Девушка рассмеялась, махнув в его сторону рукой:

— Что, несчастный влюбленный, не можешь успокоиться никак?

— Зин! Вот сейчас... сейчас я серьезно хочу тебя спросить... как умную, и э-э-э-э... не злую девушку, которой я плохого вроде бы не делал... А что... так заметно, ну... про Киру?

Она, как показалось, с жалостью на него посмотрела:

— А ты думаешь, что нет? Ты, Ванюша, и так-то... умным не выглядишь. Вон, хотя бы по этим, твоим шурам-мурам с Варькой этой — понятно. Ну... бывает. Мужчины, они вообще, как смазливое личико увидят, немного больными становятся. А если к этому личику и задница смачная прилагается, то болезнь резко начинает прогрессировать. Буквально — на глазах. Вот и ты — такой же! Она тебя вокруг пальца сейчас водить будет, дурачка этакого! Илью вон, в свое время, замотала. Потом, выгоду почуяв, к Калошину переметнулась. Но тот парень-жох, он свое не упустит, но и мозги себе заси... запудривать не дал. Та еще сволочь!

Иван сидел, несколько опешив от напора девушки. Как-то она представлялась ему немного другой. Красивой такой, стройной куклой. Недалекой и не очень умной. А здесь получается, что он здорово ошибся.

— Ну что сидишь, глазками блымаешь? Не ожидал такого услышать? Так я, как и предмет твоего воздыхания, врачом хочу стать. А медики они, если не знаешь, люди довольно циничные. И говорят, как правило, то, что думают. А-а-а-а... тебя сбило с толку, что я раньше такой... куклой была... глазками так — мырг-мырг, ротик приоткрыт, улыбка глупая в пол лица, да? Ой, какие Вы парни все-таки предсказуемые, как с Вами легко... и даже иногда скучно! Да мы с Киркой уже сколько раз так проделывали! Знаешь, как ржем потом, когда Вас наедине вспоминаем? Важные такие, умные, речи двигают, про все знают, а на бедную девушку смотрят как на... болванчика такого — дескать, что с нее возьмешь, ну дурочка, зато — красивая. Самооценку вы так себе поднимаете! А это значит — что она у вас изначально — ниже нижнего! Иначе и поднимать-то ее нужды бы не было!

— Знаешь, Зина..., - Иван задумчиво произнес, — вот сейчас... правда! Очень стыдно. Очень! И обидно, да!

— В-о-о-от! То, что стыдно, это говорит, что ты не совсем потерянный человек! А то, что обидно — так это твое мужское самолюбие зубками скрипит! Так... особь мужского пола! А дай-ка девушке папироску!

Иван удивленно уставился на Зину:

— Ты что... куришь?

— Ну а что тут такого? Вам, значит, бабуинам озабоченным, можно нервишки никотином лечить, а бедной девушке — нельзя что ли? Это в тебе сейчас шовинизм говорит? Или ты опять свою недалекость и косность проявляешь?

— Да нет... не в том дело. Просто... очень неожиданно это. А Кира... она тоже курит?

— Ну вот... он опять, как тот глухарь на току... все про одно, да про одно! И бу-бу, и бу-бу... Слушай! Ты о чем-то еще можешь говорить, или только про свою Киру? Тут, если ты не заметил, рядом с тобой девушка сидит, и причем — вполне красивая! Здесь я без ложной скромности могу говорить. Да — я и сама знаю, что красивая, и мне об этом сотни раз говорили! Ну что — дашь папироску?

— Да на, на..., - Иван вытащил из кармана пачку и протянул Зине.

— Нет... это все же... очень тяжелый и запущенный случай! Ну, где твое обхождение, валенок ты сибирский! А вытащить папиросу из пачки, а дать прикурить девушке?

Иван сделал, что она требовала. Зина сидела, откинувшись на перильца крыльца, и чуть затягиваясь, выпускала дым чуть вверх. Он отметил, что курила она — красиво!

— И все-таки... а если кто увидит, что ты куришь? Неудобно же выйдет?

— Я, конечно, могла бы сказать, что мне — плевать. Но говорить так — не буду, потому что это была бы ложь. Мне не плевать на мнение окружающих, и потому здесь ты! Если кто

выйдет, ты сразу возьмешь у меня папиросу и будешь курить, прикрывая слабую девушку от гнева и неодобрения окружающих!

— Ага... вон значит как! Ну — теперь-то даже мне понятно, да! И все-таки ты не ответила — Кира тоже курит?

Зина с интересом посмотрела на него:

— Слушай, Косов, а это что-то меняет... в твоём отношении к ней?

Иван подумал и помотал головой:

— Ничего не меняет!

— Вот! А значит — зачем ты спрашиваешь? Ну так и быть... Кира... тоже курит. Но очень редко, очень. Так только... когда мы с ней вдвоем и хочется поболтать по-девичьи. Она у нас — спортсменка! А я — нет! Кстати, большинство медиков, в том числе и женщины — курят! Ты не знал об этом? Так — знай! Медики — они вообще очень эмансипированные люди. Тебе знакомо это слово, Иван!

— Зинуля! Ты палку-то не перегибай, а? Да — знакомо. Вот что ты за человек такой! Я с тобой постоянно с мысли сбиваюсь? Так... ага... тебе интересно стало, что я с Варей делал за вешалкой, или — Кире?

— Ну... Кира об этом еще не знает! Вот я и хочу понять — стоит ли ей знать или нет?

— Странные у вас отношения — ты сама определяешь, что стоит Кире знать, а что нет!

— Вот что я тебе скажу, Ваня! Кира — моя подруга! Лучшая подруга, заметь! Если надо будет, я тебе за нее глазенки выщарапаю, понял? Вот я и думаю, что ты за человек такой?

— А что... тебе и... Кире — не все равно, что я за человек?

— Точно... дурень! Если спрашиваю — значит, не все равно!

— А... тебе или Кире?

Она захохотала, потом закашлялась и сунула папиросу ему в руку.

Он подумал и чуть похлопал девушку по спине.

— Ой... подожди... сейчас пройдет! Ну до чего же ты смешной, Иван! Ты... мы с тобой по кругу ходим. Вы влюбленные — все такие?

— А ты... никогда не любила?

Она стала серьезной, задумалась, и чуть грустно сказала:

— Нет... надеюсь, что только — пока нет! Хотелось бы, знаешь ли, проверить это на себе. Каково это быть — таким больным! — и опять улыбается.

— Извини... у меня вопрос, может показаться нескромным... а что... у тебя с Виктором?

— Вот как?! Уже и ко мне клинья подбивать решил? Ох ты какой! А что... это даже будет интересно! Ну давай, разрешаю! Подбивай! И кстати — когда похлопывал меня по спине, мог бы и ниже руку опустить! Я бы не обиделась и по физиономии бить не стала бы!

Иван задумался, глядя вдаль.

— И о чем мы задумались? — глаза девушки смеялись.

— Я вот думаю... если начну подбивать клинья к тебе... я ведь Киру точно потеряю.

Зина чуть наклонилась и посмотрела ему в глаза:

— Точно, болен! Ваня! Тебе и так там ничего не светит, понимаешь? Кирке просто интересно, понял? Ну, а какой девушке не будет интересна такая ситуация — рядом Отелло, а какой-то юный паж так вздыхает, так вздыхает... и глазами поедает!

Иван не сразу понял, что она чуть приобнимает его. Но он был не против. Сейчас он обдумывал, что, получается, Кире он все же интересен. И этого пока было достаточно!

— Так ты не ответила — а что у тебя с Виктором?

Зина вздохнула, убрала свою руку с его плеча:

— А ничего у нас с Виктором! Да и не было ничего! Это я, дура, с Кирой на спор пыталась его... обворожить! Мы знакомы уже давно, как только родители Киры сюда переехали. Мы же одноклассники — я, Кира, Сергей.

Девушка засмеялась:

— Ты знаешь, а ведь Сергей за мной ухаживал, пока Кира у нас в классе не появилась! А потом — вот так!

— И ты... не обиделась... за такое?

— Я? Обиделась? — она опять засмеялась, — ты Сережу просто не знаешь! Он и раньше был... правильный! А когда подрос — просто жуть! Я бы с ним и дня не провела вместе! Или он бы меня убил, или я — его!

— А у них...

— А у них там все... немного странно. Он и правда очень любит ее. Просто вот такой... прямой как столб телеграфный! И еще он — красивый, сильный... Настоящий мужчина. Знаешь — вот как в книгах про рыцарей пишут! А она... позволяет себя любить. Но она очень хорошо к нему относится! — Зина с подозрением посмотрела на него, — не скажу, что любит! Но... очень хорошо. У них, пожалуй, к свадьбе все идет.

— А ты... и Виктор?

Она улыбнулась:

— Здесь как получается... Ну, знаешь, когда девочка часто ходит к подруге в гости, а у подруги — старший брат. Умница, красивый, обходительный!

— Он тебя что — соблазнил? — нахмурился Иван.

Зина опять расхохоталась:

— Вот ты смешной! Да нет, конечно... Просто в какой-то момент... девочка начинает замечать, что старший брат подруги — он красивый, умный парень. А тот, дундук, не видит эту девочку в упор! У него там... да, много поклонниц! И он... тоже — кобелирующая личность! Как вот — некоторые! — Зина с насмешкой посмотрела на Ивана, — а потом девушка подросла, и брат вдруг увидел, что... она красивая. Нет! Он не кинулся ее соблазнять, развращать и прочее! Просто — увидел, что она выросла и что она — красивая! Отношение у него к ней поменялось. Ну а девушка... а у девушки уже были мальчики, что она — монашкой сидеть должна, что ли? И вот как-то девочка, в разговоре со своей подругой, решает, а ну как — попробовать захомутать этого взрослого красавца. Подруга ее отговаривает, но той — хочется!

— Дай папиросу! — Зина протянула руку. Потом, закурив, продолжила:

— И надо сказать, что Витя, он был честен — он сразу объяснил мне, что... у него нет ничего серьезного в планах. Он сейчас — весь в работе, что-то, рассказывал, у них интересное там, на заводе. И женщин ему хватает! Правда они всё какие-то — временные, так... подружки на время. Так что... погуляли мы с ним... некоторое время. Пообщались. И в общем-то — обижаться на него нечего — он же сразу объяснил, что... Ну вот! Такая история глупой девочки!

Иван обнял ее:

— И вовсе эта девочка не глупая! Она — хорошая, красивая, умная. Просто... это — не ее! Думаю, будет еще у девочки и принц, и настоящая любовь!

Она прислонилась к нему, и даже голову на плечо положила.

— Думаешь будет?

— Обязательно будет! Вот только я... не понял, а зачем ты... решила блюсти мою мораль, скажем так?

Она выпрямилась, посмотрела ему в глаза и засмеялась:

— А ты — интересный! Симпатичный вон какой! Не глупый, песни пишешь, поешь здорово... и — бабник!

Последнее как-то не ложилось в схему у Ивана.

— И что из этого следует? Прости... не понял!

— А она... у нее ноги короткие и жопа толстая! Что тут непонятного? Объясняю для... мужчин! Видит девочка — мальчик неплохой. Буквально на дороге валяется. А рядом этакая ворона кружит, вот-вот этого мальчика схватит и съест! А мальчик этого не понимает и сам к вороне тянется! Вот и решила девочка — спасти мальчика... А вдруг... ну... потом — пригодится!

— Зина, Зина, Зина... вот как тебе объяснить, чтобы ты поняла, и не обиделась. Понимаешь, красавица, я здесь — временно. У меня в планах на следующий год поступить в Омское пехотное училище. И я отсюда — уеду. И вряд ли когда вернусь! Поэтому — забивать голову красивой девочке — мне вовсе не хочется! И мальчику тому, который кажется таким... беззащитным, от той вороны нужно только одно... Ну, ты, понимаешь, о чем я. Кстати! Вороны — очень умные птицы, да и вовсе не страшные, даже — красивые. Это же — не курицы, в конце концов! И вороне, похоже, быть в итоге... Вот! Я тебя не обманываю!

Она отмахнулась:

— Да про ворону я так... с раздражения! Варька она, хоть и блядь изрядная, но все же — красивая. Что я — не понимаю, что ли? А почему — в Омское пехотное? И почему — через год?

«Вот же... это она, получается, второй раз вот так пробует завести что-то личное. И второй раз — натывается на, примерно, то же самое? И ведь не дура! Хотя... женщины, они такие... женщины!».

— В Омское, потому что здесь ничего подобного нет. Почему на следующий год — потому как за прошедшие пару лет я напрочь забыл всю школьную программу и хочу за это время все это вспомнить, восстановить все знания.

— Ага... значит — у меня есть год! Ну что же — и это неплохо! — Зина была удовлетворена его словами и выглядела даже довольной.

«Блин! Она, вообще, чем думает? И слышала ли меня?».

— Красивая! Ты меня слышала — я тебе открытым текстом сказал, что мне надо от Вари! — он начал раздражаться.

— Ну и что? Что есть у нее, чего нет у меня? — Зина была удивлена.

«Твою мать! Такой откровенности я здесь еще не видел! Она что — мне вот так просто предлагает себя в кровать? Или — все же не понял, и здесь что-то другое?».

— Вот так... сразу? Сама... ты понимаешь, что... по идее я тебя должен всячески добиваться, домогаться, завоевывать!

— Ну а кто тебе не дает это делать? Добивайся, домогайся, завоевывай! Наградой буду я, что тут непонятно? И еще... я не совсем еще решила, нужно ли мне это, вот! Просто увидела вас с Варькой и взбесилась!

«Так... я сейчас похоже сойду с ума! Она что — ебнутая? Вот же... невезуха. Такая

красавица и такая больная на голову!».

— Зиночка! Девочка моя! Ты понимаешь, что... мне нужно будет от тебя?

— Я, между прочим, старше тебя! И если уж брать медицинские термины... я давно не девочка! И да, я понимаю, что тебе будет нужно! Ты думаешь — мне это не нужно? Пусть и чисто физиологически?

«Так... мне нужно срочно покурить! А то голова уже дымиться! А вот — у Ильи в кабинете не осталось ли коньячка? Он тут кого-то из начальства угощал! Не может он мне не дать стописят коньячка! Иначе окажется без соавтора, которого увезут в «дурку»!».

Уже заходя за угол, он подумал — «а может она пьяна? ну не пьяна... а... ну замахнула чуток, для храбрости? Да нет же — от нее спиртным не пахло совсем! Девушкой от нее пахло... хороший такой, приятный запах... духами чуть пахло. Что-то легкое, цветочное. А запаха спиртного не было!».

Зина шла за ним и что-то смеясь, рассказывала. Ему приходилось иногда улыбаться, хотя он и не понимал, о чем речь. Они пошли вокруг клуба, потому как вести Зину через свою комнату он опасался, а ну как — нападет... с сексуальными гнусными целями? Да и он тоже — не железный, девушка-то красавица. Просто — тараканы у нее в голове! Большие такие тараканы!

Как там в фильме, про Володьку, который женился: «Мамуля! Мамулечка! Утомились, да? У плиты перегрелись?».

Оказалось, что Калошин и компания уже грузятся в машину. Варя сидела в кабине и была удивлена, когда увидела Ивана с Зиной.

«м-д-я-я... все страньше и страньше... как говорила одна девочка... и тут тоже без девочки не обошлось!».

В самом клубе, слава богу, народу уже практически не осталось!

Иван подошел к директору и попросил дать ключ от кабинета.

— Так, подожди, сейчас вместе поднимемся! — Илья провожал артистов.

Когда они зашли в фойе, здесь их встретила Кира. Все вместе они поднялись в кабинет директора, где Иван спросил:

— Илья! У тебя там коньячка не осталось? Что-то вот так коньяка захотелось, прямо — жуть как!

— А ты знаешь, я, пожалуй, тоже хлебну. Девчата! Вы как, поддержите мужчин? Извините, вина — нет! Так-так-так... где же оно...

Откуда-то снизу, из недр шкафа, Илья извлек початую бутылку коньяка, блюдце с каким-то печеньем, несколько конфет, и поломанную на дольки шоколадку, в разорванной обертке.

— Ох, Илья! Тебе Тоню сюда поскорее нужно перетаскивать. Она тут и кружки будет вести, и порядок у тебя наведет. А то у тебя не кабинет, а берлога какая-то, — Кира с улыбкой покачала головой.

Когда Косов сел на диван, Зина непринужденно разместилась рядом с ним, вызвав тем самым удивленную улыбку Киры, и явную озадаченность Ильи. Но тот на это внимание не акцентировал, а сразу переключился на опрос присутствующих — кто и что думает про генеральную репетицию. И Иван, и девушки в один голос заявили, что, если не случится что-то совсем уж плохое, открытие клуба и концерт должен получиться — неплохим.

Илья, наконец-то разлил коньяк по кружкам, и они дружно «вздрагнули».

— Многовато что-то ты нам налил, Илья. Нам еще до дома добираться, будем сейчас в

передвижке на всех перегазом дышать, — Кира укоризненно посмотрела на Илью.

— А вы — закусывайте! Вот — шоколад берите! — не совсем логично ответил директор, — да вон, Иван Вас проводит! Проводишь же, Иван?

— Конечно! Какие могут быть вопросы? — между тем Иван почувствовал, как Зина подвинулась к нему поближе и приобняла за руку, вызвав еще одну приподнятую бровь у Киры, и чуть нахмуренное недоумение у Ильи.

Они еще немного поговорили, потом Кира, взглянув на часы, засобиралась.

— Зина! Ты идешь... или нет? — увидев, что Илья вновь с головой залез в шкаф, а значит — не слышит, спросила Кира, улыбаясь.

— Кира! Ну что за вопрос? Иду, конечно! Пошли, мой верный рыцарь! — она потянула Ивана за руку.

«Упс... а вот сейчас ее, кажется, и в правду подразвезло!».

Пока Кира отлучалась, Зина, притиснувшись вплотную к Ивану, глядя в глаза, спросила:

— А правда, что ты в воскресенье за Кирой из кустов подглядывал?

«Тьфу ты, бя... вот же... женщины!».

— Нет, не правда! Я по тропинке мимо шел, к поляне. А тут Кира ополоснуться решила. Вот так, случайно, получилось!

— Угу... ты вот так перед Серегой оправдывайся! У-у-у... кобель! — потом повернулась к нему спиной, и потребовала, — ну... обнимай меня! Замерзла что-то!

А когда он вынес свою куртку, и накинул Зине на плечи, та с чего-то вдруг разобиделась и до самой станции шла молча. А в вагоне передвижки они сели напротив него, и всю дорогу Зина что-то нашептывала Кире на ухо, периодически тыкая в его сторону пальцем. Кира иногда смеялась, иногда что-то с улыбкой возражала Зине, но тоже — шёпотом, отчего Ивану содержания слышно не было. Иногда она с удивлением поглядывала на него.

«Ну и пусть их!».

Девушки категорически отказались, чтобы он проводил их от вокзала до дому, мотивируя это тем, что жили они рядом, на Красном, в соседних домах, а вот Ивану до Нахаловки топтать еще изрядно!

Ну и ладно! Что-то сегодня этих двух девушек было слишком много. Как по нему!

И вот настал тот самый, долгожданный день. Еще только самое утро, а уже очень-очень хочется, чтобы он, этот, мать его, день уже закончился. Суматоха, нервотрепка, мельтешение знакомых и незнакомых лиц. Команды, подаваемые как самим директором Ильей, так и еще массой вполне себе незнакомого Ивану народа. Какие-то тетеньки, смутно припоминается, что учителя из местной школы, потом — вроде бы кто-то из администрации совхоза, и еще какие-то вовсе — пигалицы. И команды эти зачастую противоречат ранее отданным. Ну все — как всегда у нас: «хватай мешки, вокзал отходит!».

И вроде бы все сделано, ан нет — целая куча каких-то вещей забыта, а те, которые не забыты — помещены, поставлены, повешаны совсем не туда. И их срочно нужно тащить в другое место, и уже даже не сейчас, а буквально — вчера!

Как же это все знакомо, и так же это — буквально до тихого мата, зубовного скрежета, постепенно перерастающего в тщательно скрываемое, но вот-вот пробьющееся наружу бешенство... Бесит, мля!

Из мыслей — только та, которая затвержена в мозгах несчитанных поколений курсантов военных училищ, а, так же, ментов — «для курсанта/мента праздник, как для лошади свадьба — голова в цветах, а жопа — у мыле!».

Уже к началу двенадцатого часа, Иван, тихо, но с душой матерясь, попытался скрыться от этих Содома и Гоморры у себя в комнате, чтобы хоть чуть передохнуть, но лишь открыв дверь, был оглушен многоголосым визгом. Как оказалось, его комната, о чем его, конечно, забыли предупредить! была выбрана в качестве примерки-раздевалки для местных артистов — как несовершеннолетних, так и постарше.

— Молодой человек! Что Вы себе позволяете? — негромко, но внушительно спросила его, вытолкав в фойе, дама средних лет. Причем, выталкивала она его всем корпусом, по причине чего, Косов ощутил собственным телом, что достоинства у дамы... вполне себе неплохие! Это, в какой-то мере, сбило накал его возмущения от неожиданной оккупации родной комнаты.

— Я себе позволяю, извините? Вообще-то — это моя комната, и я здесь — живу! — Иван был возмущен, но постарался переключиться с неуместного сейчас чувства, на более... положительные, принявшись разглядывать даму.

«Довольно высокая, стройная, одета как городская... Лет тридцати на вид. На лицо вполне себе приятная, только вот эта шишка из волос на затылке... как-то уж очень обезличивает ее».

— Ваша комната? А-а-а-а... а вы... вы — Иван, да? — дама сменила тон с возмущенного на несколько извиняющийся, — просто нам Илья Николаевич, предложил... в качестве комнаты для переодевания... получается — Вашу комнату. Вы извините нас, но там сейчас девочки переодеваются. Наверное, сегодня Вам придется потесниться, Вы не против? И прекратите уже, наконец, так беспардонно меня разглядывать! Вот уж не подумала бы, что в нашем клубе работают такие... нахалы!

Последние фразы дама прошипела, чуть порозовев щечками.

— Как-то неловко получается — вы меня заочно знаете, а я вас — вообще никак! И, если уж рассуждать логически, и даже, филологически точно — потесниться, то есть предоставить место, чуть подвинувшись на своем пространстве. То есть — по вашим словам,

я должен находится там, внутри комнаты, пусть и забившись куда-нибудь в уголок! Что же — я не против! Даже интересно будет! А веду я себя так, прелестная незнакомка, потому как должен соответствовать прищандоренному вами мне штампу — беспардонный нахал!

Дама снова начала набираться возмущения, но Иван перебил ее, пока невыплеснувшийся, напор:

— Так все же... как к вам обращаться и кто вы?

— Меня зовут Елизавета Николаевна, я учитель музыки в нашей школе! — и снова она ее прервал:

— Очень приятно, очень! Елизавета Николаевна! Насколько я знаю, для переодевания ваших артистов, а так же как комната отдыха, было выделено помещение библиотеки, не так ли?

— Да, так. Но детей много, вот в библиотеке, под присмотром нашей пионервожатой, разместились младшие школьники, а здесь — девушки старших классов.

«А интересно было бы полюбопытствовать, если тут — старшеклассницы. Абыдна, понимаешь!».

— Ладно... не будем спорить и уж тем более — ругаться! Накладка, обычная для таких мероприятий! Вы меня тоже — извините, не знал. И уж точно — не хотел ничего эдакого...

Учителька чуть успокоилась, но от двери не отошла.

«Видно не верит она в мои наичестнейшие, и наичистейшие помыслы».

— Извините, у меня вопрос — а сейчас вы что с ребятами будете делать? Вроде бы все репетиции уже прошли, и даже генеральная — тоже?

— Вот... решили, пока время есть — еще раз прогнать все номера. За полтора-два часа уложимся. А потом отпустим ребят чуть отдохнуть, до шести вечера. Но реквизиты и костюмы оставим здесь. Вы не присмотрите за ними?

— Ну так... могу дать ключ от замка на входной двери, а вторую дверь можете изнутри на крючок закрыть. Понимаете, у меня сегодня — куча хлопот, и меньше их не становится. Мало ли куда меня могут отправить? Кстати... Вы говорите, что отпустите ребят до шести часов отдыхать, до начала концерта. А вы уверены, что дома им дадут отдохнуть? Может для кого из родных этот концерт так, танцульки да ничего серьезного? Уработают до шести часов ваших артистов, как они выступать будут?

— Знаете... с этой стороны... мы не подумали. А ведь вы можете быть правы! И что же делать?

— Да вот прогоните репетицию, да оставляйте детей здесь. Пусть вон книжки почитают, журналы полистают. А нет — так на заднем дворе для них и какие-то игры можно устроить.

— Г-х-м... вы правы, конечно, но детям же и питаться нужно, пообедать! Что же они, до вечера голодными сидеть здесь будут?

— Ну-у-у... мы что-нибудь придумаем! Вот... у нас чайник есть — большой, на пять литров. Чай можно и здесь сделать. Можно отправить кого-нибудь... да вон — до Кривошеково, там в бакалее каких-нибудь пряников купить, или еще что — на бутерброды, хотя бы.

Учительница подумала и чуть смутилась:

— А где деньги на это взять?

«Ага... вот же клоун, опять влез! И что теперь — «И вновь на сцене Иван Балтимор Наш томатный спонсор! Так, что ли?».

— Не думаю, что это будут какие-то большие деньги. Могу выделить я.

Елизавета, блин, Николаевна усмехнулась, глядя на него с удивлением:

— У Вас что, здесь такая большая зарплата?

— Честно говоря, зарплата... очень небольшая. Но это же — разовая акция, не так ли?

Да он был и рад найти уважительную причину для того, чтобы свалить из этого бедлама хоть на часок. Примерно столько он и отсутствовал. Денег он потратил не особо много — купил три больших булки свежего хлеба; батон какой-то толстой колбасы на бутерброды, что-то вроде «Докторской»; и большой кулек пряников. Все купленное и принесенное он передал Елизавете, к-х-м, Николаевне, которая смотрела на него уже не так враждебно.

Пока он ходил, работники культуры прогнали детские номера, и заканчивали номера для старшеклассниц. Косов стоял в фойе с Ильей, когда они, эти оккупанты его комнаты, быстро прошмыгнули мимо них, с интересом поблескивая по сторонам глазками.

«А ничего они! Есть там... экземпляры, ага! И не скажешь, что им лет по пятнадцать-семнадцать всего! Вполне себе... кобылки!».

— Ты меня не слушаешь, Иван!

— Илья! погоди, не злись! Вот смотри — мы все, что могли уже сделали. Номера — поставлены, люди — все готовы, отрепетировано все, насколько возможно. Сейчас уже ничего не исправить, а вот испортить — легче легкого! Вот только влезь сейчас со своими корректировками, и все посыплется на хрен! Люди растеряются, начнут сбиваться, ужас-нах! Так что набери в грудь воздуха, медленно выдохни, и успокойся! От нас никто не ждет здесь уровня областной филармонии, и уж тем более — какого-нибудь московского концертного зала. Покажем, что можем, на следующий год — подготовимся лучше. Главное — не облажаться сейчас, да повысит уровень в следующий концерт. Покажем положительную динамику, это — оценят.

— Слу-у-у-шай! А пойдём к тебе, да по грамульке коньячку примем, а? Расслабим нервы, приведем в порядок мысли! — директора нужно было выводить из того состояния нервного напряжения, а то еще Кондратий хватанет — и нет Илюхи!

— Ты совсем сдурел, Иван! Какой коньяк? Скоро уже народ собираться начнет, руководство приедет!

— Ну тише, тише! Что же ты так верещишь, как будто я тебе невесть что предложил! Тогда пошли перекурим!

На это Илья согласился. Он попытался пройти через комнату Ивана, что тот мягко, но непреклонно это пресек, напомнив, что там сейчас... юные девичьи тела находятся без упаковки. То есть — вообще.

— Вот как ты можешь, а? Ты... подчас циничен без меры! Ну что это за выражение?

— То есть это я — циничен без меры? А не ты, который хотел ворваться в комнату, где юные девушки сейчас переодеваются? Я правильно понял? Ты — врываешься, как маньяк... и ты — молодец! Я — тебя сдерживаю, напоминая о девушках, и я — циничен? Скажи мне, Илья Николаевич, такой логике тебя в школе учили, или это я что-то пропустил?

— Ты... ты — несносен! Ты прекрасно понял, что я имел в виду!

— Ну вот! Что и требовалось! Ты возмущен, ты пышешь негодованием, а значит, когда успокоишься, то нервишки твои — расслабятся!

Несколько снизило градус напряженности, по крайней мере у Ивана, прибытие в клуб Киры и Зины. Косову не было известно — сами ли они напросились на это, или же таковым было очередное общественное поручение у этих двух неугомонных девушек, но они должны

были вести концерт. Кира — первое отделение, где предполагались выступления руководителей и детей, а Зиночка — второе, более неформальное отделение концерта.

Девушки и оделись соответственно. Кира была одета в костюм, темно-серая юбка чуть ниже колен облегала ее бедра, делая ее вид... не совсем официальным. А жакетик, также приталенный, показывал, что верх у девушки также достоин внимания. Светлая блузка и галстук дополняли ее вид. Причем Иван не мог бы сказать, что это: этакий официоз, или довольно утонченная сексуальность. По меньшей мере на него, вид Киры действовал вполне определенным образом.

Зиночка была более демократична, и, в то же время, очень привлекательна. Темно-синее платье, по французской длине чуть прикрывало колени. Верх платья был несколько пышноват, но грудь все же не скрывал — вырез имел место... довольно глубокий. Широкий плиссированный струящийся низ в движении обтекал ее... все обтекал, если короче.

Иван чуть приподнял бровь — девушки были очень хороши. Они были... очень разные, но обе чертовски хороши!

«Вот интересно — они так всегда подбирают своей гардероб, после взаимных консультаций и оценок?».

— Милые дамы! Разрешите мне проявить все мое восхищение Вашей красотой и юностью! Я готов припасть к вашим ногам и облобызать такие красивые, и такие влекущие к себе колени! — Иван подошел к девушкам и наклонился, чтобы поцеловать им ручки.

Зина манерно протянула свою, затянутую в цвет платья лайковую перчатку, с вырезом. Было видно, что ей — очень приятны его слова.

— Не слишком вычурно, Иван? — Кира насмешливо улыбалась, а руку протянула для рукопожатия.

— Видите ли в чем дело, Кира Александровна, красавица Вы наша! В прошлый ваш визит, мне было категорически рекомендовано ухаживать, обольщать, и даже помогать... не в отношении вас, к сожалению. А кто я такой, чтобы противится воле таких красоток?

Смеясь, Кира повернулась к подруге:

— Не кажется ли тебе, Зиночка, что в данном контексте, наименование нас красотками, несколько... легкомысленно. Не скажу, что вульгарно!

Зина, так же играя, протянула:

— Ах, Кирочка! Прости моего кавалера! Он груб и не отёсан. Что поделать, рыцаря ты отобрала. Приходится довольствоваться таким вот... лесорубом. Иван! Ты же работал лесорубом? Ну вот, как я и сказала.

Улучив момент, Иван чуть наклонился к Кире:

— А где же твой Отелло? Где этот брутальный тип с обличем Сигурда Змееглазого? Неужели он отпустил Вас одних, без должного сопровождения? Или Вы — сбежали? В таком случае, мне страшно за Вас! Ревность его непомерна, а значит и месть будет страшна!

Девушки смеялись, но Кира, чуть тише добавила:

— Не следует обсуждать за спиной отсутствующих, не находишь?

Иван почесал нос:

— Да, ты права. Грубовато и... нехорошо получилось. Так же где Сергей?

— У него сегодня полеты, так что он очень занят.

— Илья! Где нам можно присесть и передохнуть после дороги? И я не отказалась бы от чая, Иван!

Косов не знал, что там «накубатурили» с прошлого раза эти две... комсомолки, но

решил: «А почему бы и нет? Буду играть такого Зиночкиного воздыхателя! Мне это ничего не стоит и не сложно — девушка-то действительно красива. Глядишь, и правда что-нибудь обломится. А нет? Так и будем воспринимать как игру. И Кира... постоянно рядом. Это хорошо... или нет? Вот и сам не могу сказать — то я хочу, чтобы вовсе ее не видеть, то... хочется быть с нею рядом, пусть и не с нею быть...».

Они поднялись в кабинет к Илье. Причем, как и в прошлый раз с Варей, Иван воспользовавшись тем, что он шел последним, вслед за Зиной, опять «распустил» руки. Запустил их ей под недлинный подол платья. Она остановилась и обернулась к нему, шепнула:

— Домогаешься? Правильно. Продолжай, мне нравится! — и медленно продолжила подниматься по лестнице.

А Косова, надо сказать, кинуло в жар. На ножках девушки, и как он только не разглядел сразу! были одеты чулки и подняв руки выше, он нащупал тот край, где шелк чулок переходил в нежную кожу ножек. И понятно, что кровь бросилась к его голове! Кто же из мужчин останется равнодушным от ощущения этого перехода — шелк ткани и шелк нежной кожи?

Похоже он судорожно вздохнул, ибо Зиночка вновь становилась и повернулась к нему лицом.

— Ты и правда такой... заводной? Я думала, что ты... просто играешь так вот... в такого самца озабоченного...

Он чуть подвинул ее на ступеньке, и встав рядом, вновь запустил руки под подол.

— Как же тут играть-то... в такой ситуации? Когда разум отлетает неизвестно куда? — он за попу подтянул ее к себе и крепко поцеловал.

Правда... одним глазом косил в сторону прикрытой двери в кабинет директора.

— Ох... ты мне платье помнешь! Не забыл еще, что и мне, и тебе на сцену выходить? Но... давай еще разок... вот так поцелуй. Мне понравилось!

Когда спустя несколько секунд они вошли в кабинет, Иван машинально потирал губы рукой. «Мдя... помада-то еще не придумана такая, что бы не размазывалась!». Зиночка, в свою очередь, сразу подошла к зеркалу на стене и стала непринужденно поправлять макияж, достав столбик помады из сумочки.

Илья, не обращая на них внимания, что-то расстроено рассказывал Кире. Та же, кивая директору головой, чуть удивленно покосилась на подругу.

«Поиграть решили? Ну что же — поиграем!».

«Как там было? А-а-а... вот:

— Моя мама варит кофе! Подождем мою маму?

— Подождем, твою мать!».

— Иван! А кто такой... этот Сигурд Змееголовый? Или как ты Сергея назвал? — Кира смотрела на него, и было не понять — с недовольством за своего друга, или просто с интересом.

— О, это был такой... легендарный тип! Сигурд Змееглазый! Сын Рогнара Лодброка! Великий викинг и сын великого викинга! От их имен дрожала вся Британия. Именно в их времена англичане называли викингов Карой Господней. Так уж они им дались! А почему Змееглазый? По легендам у Сигурда был настолько тяжелый и пронзительный взгляд, что даже матерые бородатые викинги, у кого за плечами не один кровавый набег на Европу, мастера копья и топора, и те не могли выдержать его, этот взгляд! Его еще называли

Бескостный, потому как он был мастером мечного боя, причем бился так, что говорили, что у него костей вовсе нет — такие финты он умел делать!

— Слушай, Ваня! А откуда ты все это знаешь? — Зиночка прильнула к нему.

— Я, красавица, читать очень люблю. Вот и попалась мне как-то книга про викингов, а потом уже и Калевалу прочитал. Эпос такой скандинавский.

Попив чай, они отправились осматривать клуб, в целях нанесения последних штрихов. «Они отправились», это означало, что отправились девушки, а Илья и Косов — сопровождали их, по необходимости давая пояснения, или что-то исправляя прямо на ходу.

Ивана даже забавляла такая ситуация, и он всю подыгрывал комсомолкам.

«Ну и пусть девчата поиграются, да и Илья вон — отвлечется».

Косову категорически не нравилось то, что происходит внутри него по отношению к этой, безусловно, очень красивой и интересной девушке. Головой он понимал, что эти потрясения ему абсолютно не нужны. Но... понимал он это, лишь вне ее присутствия рядом, и уже успокоившись от предыдущей встречи.

И вот новая встреча, и снова — томление в груди, мысли путаются, вяло трепыхаются, как будто запугавшись в вате, во рту — толстый и безобразно беспомощный язык. Которым только и остается что-то мямлить, и выдавать несвязанные слова и предложения, а то и просто — странные звуки. Это и пугало, и раздражало невероятно. Но — опять же, пугало и раздражало уже потом, когда он успокоится.

В голове мелькало лишь одно предположение — клин клином вышибают! Вот охмурить Зиночку, добиться своего от Вари, продолжить свое общение с Верой. А на данном этапе... поменьше пялиться на предмет своего сумасшествия, чтобы не погружаться в омут карих глаз, не млеть и не дрожать от этой улыбки, не трястись нервно от ее смеха, то задорного, а то... какого-то игриво-завлекающего, таинственного...

Они обошли клуб, выслушали страхи, страдания и терзания директора. Обратили на себя внимание всех более или менее взрослых людей, принимающих участие в концерте. Пару раз Иван даже ловил взгляды молоденьких девушек, смотрящих с интересом на него, Илью, и — с неприязненным вниманием — на Киру и Зину.

«Ну да... тут такие парни интересные, творческие... А то, что они с Ильей являются авторами нескольких песен, слушки уже стали расползаться! И тут эти две... городских! Что-то ходят, высматривают, непринужденно общаются с нами! Нет... ни мне, ни тем более Илье — вот это внимание местных красавиц и даром не нужно! У Ильи есть Тоня, а мне... разборки с местными парнями, а еще хуже — с родителями девиц... никуда не уперлись!».

«Ильюху все же коньячком нужно отравить! Пусть тремор снимет!».

Тем временем стали прибывать еще люди. Сначала на каком-то очень интересном «пепелаце» прибыли Калошин и Ко. Это незнакомое Ивану чудо автопрома было несколько похоже на автобус на базе ГАЗ-51, только побольше и в ширину, и в длину. А еще у него был большой задний свес. Эта деталь кузова настолько выбивалась из представления о необходимом и достаточном размере предмета, что Иван не выдержал и подойдя к водителю спросил:

— Извини, можно вопрос задать? А при таком свесе сзади, когда с места съезжаешь — морду не задирает?

Очень важный парняга, в до белизны вытертой кожаной куртке и кепарике на затылке, сначала с недовольством отвлекся от извечного важного занятия всей шоферни, которая здесь и сейчас хочет показать свою важность, а именно — обпинывания покрывал,

сплюнул, потом достал пачку папирос из кармана, закурил:

— Бывает... если в горку, или резко газку прибавишь с места. Или — вон как эти... артисты, которых привез! Говорю им — не складывайте все на заднюю площадку, так нет же... Не понимают ни хрена!

— Ну ничё! Зато — концерт посмотришь, да и «левак» опять же — чем плохо?

Парень с подозрением покосился на Косова:

— А чё «левак»-то? Чё — «левак»? Они в кассу предприятия заплатили, вот и вожу их. «Ага, ага! Верю! Ладно... дело-то не мое».

Калошинцы шумно спорили с директором, по поводу места размещения их инструментов. На сцену нельзя — до них там люди будут выступать, да они и сами не горели таким желанием. В кабинет Ильи? Так туда еще начальство заходить будет. А куда тогда?

Под лестницей в мансарду имелся довольно немалый чулан. Вот Иван и предложил разместить там инструменты, а ключ от чулана — передал Игорю.

Он поручкался с Калошиным, обчмокался с Варей, перенес в связи с последним тяжелый взгляд Зиночки, и улыбку Киры, и следом за всеми, поднялся в кабинет. Здесь уже было шумно — артисты пытались разместиться на единственном диване, да паре стульев. Иван, воспользовался суматохой, и умыкнул один стул, подставил его ближе к дивану, где с краю села Варя.

Была она непривычно молчалива и серьезна. Даже чуть бледна.

— Волнуешься? — наклонился к ней Иван.

Она чуть удивленно посмотрела на него, качнула головой:

— Нет... Настраиваюсь.

— А разве можно вот так... серьезно настраиваться. Перегоришь так на нервах, и на сцену выйдешь уже выжатая как лимон из чая.

Она поморщилась:

— Да я обычно проще к этому отношусь... Только вот сегодня — не хочу провалиться!

— А с чего ты провалишься? Опыт выступлений у тебя есть, поешь ты здорово, танцуешь замечательно. Так чего же переживать? Вот хочешь анекдот? Слушай...

Он наклонился к ней и практически в ушко стал нашептывать смешной, но очень пошлый анекдот. Варя сначала фыркала, а потом расхохоталась.

— Э-э-э-э... Вы чего там так веселитесь? Мы тоже хотим посмеяться — затянул один из артистов, но Иван отмахнулся:

«Вот Варю встряхнул, и довольно!».

Потом он уступил стул Илье. А его поманил за собой Калошин. Они спустились вниз, вышли на улицу.

— Слушай, Иван! Наша размолвка позади, не так ли? Вот... чтобы, так сказать, углубить дальнейшее сотрудничество, я подумал... В общем, мы уже неделю обкатываем Ваши песни — и на танцплощадке, и в ресторане. Идут! Очень хорошо идут песни! И... чтобы Вы ничего не затаили, чтобы ты и дальше... делился с нами! Вот! С Ильей я не стану разговаривать на эту тему, он человек..., - тут Игорь неопределенно помахал рукой, потом достал из кармана свернутые вдвое купюры, — здесь триста! Пока — ваша доля, поделишь сам с Ильей. Хорошо?

«Отлично просто! А то мои запасы тают, тают, как мартовский снег!».

Они вернулись вовремя: в кабинете назревал скандал. Илья пытался воспрепятствовать артистам... пригубить по «маленькой».

— Так! Стоп! Илья, дай мне сказать, — вмешался сходу Калошин, — ребята! По стопке, и не больше! Всем понятно?

Директор махнул рукой, а народ одобрительно зашумел, стал активно двигаться, доставая из сумок бутерброды, какие-то конфеты и несколько бутылок коньяка.

Иван снова уселся на освободившийся стул, подвинулся к Варе:

— Хорошая моя! А ты — не хочешь тоже рюмочку пропустить, на разогрев?

Она засмеялась:

— Да какой сейчас разогрев? До выступления еще часа два, уже все выветриться успеет! Попозже — можно было бы, да эти пьянчуги разве оставят?

— А мы сейчас заначку сделаем! Ну-ка, хлопцы, вот-вот... Вот эту бутылку давайте мне. Это мы с Варенькой потом, перед выходом, для храбрости примем! Да, красавица? — и он прибрал за диван бутылку с двумястами граммов золотистой жидкости.

Как-то Иван позабыл про присутствие Киры и Зины. А последняя была явно недовольна. Услышав последние слова Ивана, она решительно поднялась с дивана:

— Вот! Садитесь, а то мельтешите перед глазами! Иван! Дай-ка я к тебе на колени присяду, чтобы стенки не подпирать.

К его удивлению, она потянула за собой и Киру. Раздвинула решительно его ноги и села на одно колено, на второе указала подруге:

— Садись! Вот! Ваня против не будет! Не будешь же, Иван?

Это была приятная, но все же тяжесть. Косов хмыкнул про себя, но что делать — придется терпеть!

Потом девушка решительно взяла его руку и положила себе на талию, потом приобняла одной рукой, и прошептала на ухо:

— А ну-ка прекращай мне тут заигрывать... с разными!

Воспользовавшись суматохой, Иван чуть опустил руку с талии Зины на ее бедро, и немного сжал.

— Вот! Так-то лучше будет! — опять шёпот на ухо.

Стаканы дважды успели пройти по кругу. Наливали и впрямь — «по чуть-чуть», граммов по тридцать-пятьдесят, не больше. Не пили только Варя и Кира. А вот Зина перехватила одну порцию, предназначавшуюся Ивану и залихвацки «хряпнула», вызвав одобрительные возгласы и смех парней.

Потом началась суматоха — к клубу подъехали парочка «эмок». Начальство прибыло!

По предложению Ивана, они всей гурьбой вывалили из клуба и обойдя здание, расселись на лавочках позади него.

«Хорошо, что я уговорил здесь эти четыре лавки вкопать!».

Откуда-то появилась гитара. Ивану было хорошо, и даже не от выпитого — что он там выпил-то... пятьдесят граммов? С одной стороны у него сидела Варя, с другой — Зина. Девушки подчеркнуто «не замечали» друг друга. Кира же осталась с Ильей, встречать гостей.

Концерт шел своим чередом. Народу в зал набилось — битком! На первых рядах скамеек, как водится — руководство: и свое, и приглашенное. Потом — работники совхоза. Молодежи оставалось стоять у стенок зала, да заглядывать в распахнутые настезь окна, которые все же додумались раскрыть все. Люди стояли и в раскрытых больших дверях актового зала.

С большим трудом Ивану, с помощью привлеченных им Мироныча, и Якова, удалось

оставить свободным вторые, малые двери, в актовЫй зал, и проход к ним. Из этих дверей можно было сразу подняться на сцену. Что и делали артисты, пока — доморощенные.

Открытие клуба началось, как водится — с перерезания ленточки. Иван был немного удивлен, с каким вниманием народ внимал всей этой процедуре, как внимательно слушал речь представителя горкома ВКП(б), потом — директора совхоза, директора Лесобиржи, представителя завода «Сибкомбайн».

«Тут — либо люди еще не привыкли к таким событиям, которые касаются напрямую и непосредственно их самих, либо — недостаток любых форм развлечения. А может — они просто более искренние, чем там... у нас?».

Потом довольно долго люди ходили, глазели внутри клуба, а потом — рассаживались в актовом зале. Концерт шел гладко, без особых накладок и шероховатостей. Все очень душевно принимали песни и танцы ребятишек, а потом — бурно аплодировали девушкам постарше.

Ивану, в его прошлом вдоволь насмотревшемуся разных концертов и шоу, пусть и по телевизору, было не так все интересно, как местным. Но вот этот гармонист, которого так хвалил Илья — и впрямь поразил. Парень так залихватски, с такой душой пел песни, а играл — по мнению Косова, так виртуозно, с коленцами, что ему оставалось только головой крутить да прицокивать — вот же ж мастер!

Кира очень четко и без ошибок вела концерт. Несколько официально, но все же — хорошо. А Косов поймал себя на мысли, что с раздражением поглядывает на некоторых, из властей предержавших, кто позволили так уж... с симпатией разглядывать девушку. А этот... горкомовский, еще и перешептывался о чем-то с директором «комбайна», поглядывая на ведущую.

Он стоял в проеме малых дверей, а Илья и Калошин, шёпотом рассказывали ему — кто есть кто из посетивших клуб начальства. Здесь, кроме названных руководителей района, совхоза и предприятий, оказался еще и представитель культурно-массового отдела горкома, а также — кто-то из филармонии.

«Вот они, Варины варианты!» — усмехнулся про себя Иван.

Потом был перерыв, но народ, в основной своей массе, из зала не уходил — боялись потерять места. Только некоторые мужики потянулись к выходу, на перекур.

Во второй половине концерта сначала «блистал» Калошин. Он пел очень хорошо... Но — все же деревенские люди, это не посетители ресторана, и не завсегдатаи танцплощадок, и, как показалось Косову, песни людям — не зашли. Нет... были, конечно, среди женщин и те, кто «поплыл» под этот «романтик». Вот, к примеру, та же Елизавета, свет Николавна, стоявшая чуть позади Ивана, рядом с дверями, дышала как-то... неровно, а потом и вовсе — всхлипнула. Он чуть покосился на учителя музыки. Та, достав из карманчика носовой платок, смущенно поглядывая на Косова, промокнула уголки глаз и, как бы извиняясь, прошептала:

— Очень уж трогательно!

Он улыбнулся в ответ, и так же — шёпотом:

— Вам понравилось? — и потом непонятно для чего добавил, — это мы с Ильей написали. Я — стихи, а он — музыку.

Увидев удивленно распахнутые глаза женщины, улыбнулся и чуть развязно подмигнул ей.

«А что? Она — еще очень и очень ничего! Как в будущем таких называли — мильфа! Да

и лет ей сколько — ну... тридцать пять, максимум! А мне тогда было почти пятьдесят! Так что она для меня того — привлекательная девушка, не старше!».

А потом... на сцену вышла Варя. Он, в перерыве, успел заскочить в кабинет и пользуясь тем, что Калошин с музыкантами уже ушли на сцену готовиться, а Илья о чем-то трындел с руководством, плеснул все-таки и Варе, и себе по чуть коньячку! Потом, когда она занюхивала «дозу» шоколадкой, приобнял ее за попу и сказал:

— Красавица моя ненаглядная! Я верю в тебя! Ты — лучшая певица! Сейчас ты их всех околдуешь! — а потом, чуть прикусил ей мочку ушка и добавил, — но меня ты не проведешь, Киса! Ты все равно будешь моей, пусть и ненадолго!

Варя засмеялась и отпихивая его руками сказала:

— Тебя вон — уж и не отпускают вообще! Как на цепь посадили! Зиночка эта своего не упустит!

— А я, Варюша, как тот кобель, хоть раз в год, да сорвусь с цепи, чтобы вволю покурлесить на свободе!

Так, смеясь, они и подошли к залу.

Зина, надо отдать ей должное, несмотря на явную, или наигранную ревность, очень душевно объявила Варю. И комплиментов ей наговорила — и какая та красавица, и какой талант, и про «восходящую звезду нашей эстрады» ввернула. Ну, честно сказать, последнее — это он ей насоветовал, стоя у Зины за спиной, перед ее выходом на сцену. За что и получил острым локотком в живот!

А свои выходы... он их и не заметил. Нет, они с Ильей, конечно, вышли, спели. Точнее — он пел и играл на гитаре, а Илья — подпевал и аккомпанировал на аккордеоне. Переживал ли Косов, волновался? Все-таки — первый выход на сцену, перед людьми... А вот — так... Звон в голове, и он все делал на автомате. Только в какой-то момент он почувствовал, что теряет понимание, что поет и как играет. Но, найдя в зале чьи-то девичьи глаза, своим взглядом зацепился за них. И дальше пел для этой незнакомки. И с удовольствием увидел, к концу, выступления, что девушка зарумянилась и смущенно потупила взгляд. А значит — спел он... неплохо, по крайней мере!

Уже потом Илья сказал ему:

— В какой-то момент я почувствовал, что ты... как это сказать... поплыл. Даже — чуть испугался. Но ты — ничего, молодец, выправился и закончил — очень прилично!

Так вот... Варя. Тут — как и ожидалось — фурор! Она настолько слилась с песнями, настолько задорно их исполняла, так приплясывала и кружилась, что... Ивану показалось, что у людей будут долго болеть ладони. Как они аплодировали этой девушке! А этот... из культуры, да и филармонист... они и к сцене подскочили, и наперебой что-то говорили Варе. А та — цвела от успеха! Она бисировала снова и снова. Потом поклонилась залу и негромко сказала, что так рада, но — вот выложилась вся для них, такой хорошей публики, для таких замечательных людей!

Молодец, что скажешь, очки зарабатывать девушка умеет!

Потом, по окончании концерта, к Илье подошли несколько парней и девушек, с ними был и директор совхоза. При поддержке руководства, молодежь уговорила Илью, провести еще и танцы, недолго, час-полтора, не дольше, под патефон.

Калошин со своими музыкантами загрузились в свой автобус, и захватив с собой Киру и Зину, уехали. Варя, вся ушедшая в себя, и продолжающая улыбаться, даже сидя в автобусе, уехала с ними же.

Они с Ильей остались на хозяйстве. Помогал им в поддержании порядка Мироныч, чья очередь была сегодня сторожить. Косову хотелось лишь одного, покурить в спокойствии, умыться, да завалиться спать. День был... тяжелый.

Они сидели в фойе на скамейке, и вяло переговаривались. Мироныч все нахваливал концерт, говорил и говорил, как людям понравилось. Это он Илью успокаивал так. Самого Косову было уже как-то... похрен! Он даже на девушек, которые периодически шныряли мимо, не обращал внимания. Устал! И их, девичьи, заинтересованные взгляды вызывали лишь раздражение.

Уже ближе к окончанию танцев, когда народ еще несмело, но уже потянулся на выход, Иван встал и вышел на крыльцо клуба, покурить. Вечер был замечательный. Небо ясное, очень звездное. Прохладно уже, но так — свежестью наполняется грудь. Хорошо!

Ага... хорошо. Вот только от недалекого заборчика послышался возмущенный девичий голос, что-то кому-то выговаривающий. А потом и вскрик.

«Твою мать! Ну почему у нас всегда так на Руси? Непременно найдется какая-нибудь гнида, которая все испортит?».

Ну да, хочешь-не хочешь, а влезать придется. Иначе, если сразу не дать укорот, в клубе и возле него станут твориться всякие непотребства. Иван выкинул окурок в обрезанную бочку рядом с крыльцом, вздохнул и направился в темноту.

Темнотой она была, конечно, только возле источника света. Чуть дальше были уже различимы и силуэты людей, и даже можно было разобрать — кто и где находится. Да и из окон клуба света было вполне достаточно.

«Так... чуть поодаль две... нет — три фигуры. Это явно парни! А вот здесь? Здесь две девушки, и какой-то... шкет малорослый! И что происходит? Да — понятно все! Этот шибздик куражится над девчонками, а вон те — оказывают моральную поддержку и похихатывают негромко».

— Так, сопля зеленая, ты чего к девушкам привязался? А ну — кышь домой, там тебе горшок уже давно отбой протрубил! — Иван все еще надеялся, что удастся разойтись разговорами.

— А чё те надо?! Ты кто такой? — сопляк явно наглел, имея поддержку за спиной.

— Опс... да это все знакомые лица! Сеня! Ты опять бурагозишь? — да, это был его наглый напарник по покраске крыши.

— И чё? И чё те надо?

— Тебя что переклинило? Или пластинку заело? Я тебе сказал — пошел на хрен! И подальше от девчонок держись! — злость стала накатывать волной. Сколько он в той жизни таких наглецов малолетних учил уму-разуму! — Если тупой, и не понял, объясняю — я тебе в лоб щелкну, у тебя позвоночник в трусы высыпится, понял, щенок?

— А кто это тут малых обижает? — послушалось из сумрака, от тех фигур, видимых ранее.

«Бля... вот ничего не меняется, ни-че-го! Придется драться... а я так устал, и так не хочется».

— Петь! Это тот городской... Помнишь, я те грил! Наглы-ы-ый, страсть! — подал голос шакал Табаки.

— Ты еще здесь? Не зли меня, уши поотрываю, жертва аборта! — да, не педагогично! Но если эта сявка уже к этим годам такой гнилой, вряд ли что путного из него выйдет.

— Я спросил, ты чего малых обижаешь? — фигура придвинулась ближе и стало видно,

что это парень лет девятнадцати-двадцати, — а-а-а-а... артист!

«Мда... и тут все не слава Богу! Коренастый, невысокого роста, с длинными руками, и кулачки у него... м-да... неплохие!».

— А ты тут кто такой? Защитник убогих и тупых? Обзовись, баклан! — сам того не желая, Косов перешел на феню.

— Чё-о-о? Я те щас обзовусь! — крепыш подвинулся еще ближе.

«Скорее всего это и есть тот самый Петька Бычок, которым этот сопляк меня тогда пугал. Самый первейший деревенский хулиган. Ну что — надо искать плюсы в любой ситуации. Если я его сейчас «уроню», на меня здесь уже никто прыгать не станет. А если он меня... то... нет! Надо урыть босоту, а то мне здесь жизни не будет!».

— Так! Петя! У тебя имеется вопрос? Я понимаю, ты тупой и ситуацию влет не просекаешь. Природа на тебе отдохнула. Но! Не здесь! Пошли, босота, вон — за угол. Чего людям отдыхать мешать? — уже идя первым за угол, Иван краем глаза увидел, что два девичьих силуэта в светлых платьях все-таки не ушли и сейчас намереваются проследовать за парнями.

«Может это такая разводка была? Типа девушку обижают, а потом на ее крики прибежавшего защитника — метелят? Да нет... вряд ли. Просто здесь драка — это зрелище. А уж драка незнакомца против местного «царя горы» — так и вообще — событие!».

Завернув за угол, и осмотревшись в свете окон клуба, Иван решил — вот и место, а другого не надо. Ничего под ногами не лежит, ничего не мешает!

«Так... Бычок этот — ниже меня на полголовы, значит и руки у него — короче. Держим на расстоянии? Да вот не факт! Руки у него какие-то длинные, как у гамадрила какого, может и вовсе не короче, чем у меня. Колотухи у него... мда-а-а... крепкие такие колотухи! Значит под них попадать точно нельзя. Это как под пресс попасть — и с одного раза можно нокаут выхватить. Значит двигаемся, и работаем на контратаках. Ноги вот еще подключить, но... здесь и сейчас ногами не бьют. Прокатит ли это у местных, или сочтут ниспровергателем устоев... ага «повинен смерти!»? Да и хрен с ним! Понеслась душа в рай!».

В прежней жизни Елизаров особым драчуном не был. Приходилось в молодости порой драться, но кого сие миновало? А вот по эмоциям Чибиса... как-то... азарт какой-то проявился. Тело он успел чуть подкачать, мышцы есть, и силенка чуток накоплена.

— Ну и чё ты хотел, городской? — ну да... как же без базара-то перед дракой?

— Ты, Петя, разумом скорбен? И кто тебе такое погоняло дал — Бычок? Ты не Бычок, ты — баран тупорылый! Животное дикое и тупое! Иди сюда, я тебе нос откушу и кадык сломаю! — если часть своих слов Косов говорил вполне громко, чтобы и другие услышали, то часть — тихо, чтобы слышал только Бычок. Вот как про кадык и нос — зачем кому-то думать, что Косов — буйный сумасшедший, а вот Петя — пусть задумается, вдруг и уверенности у него поубавится. Сам же начал резко накачивать себя, как тогда «тяжелый» учил!

Взревев, этот малохолный кинулся на Ивана. «Правда — бычок! Ему еще и руки в голову приложить — типа — му-у-у-у! Забодая!».

Как-то очень уж прямолинейно противник поступил. Иван сделал быстрый приставной шаг влево, чуть присел, а правую — подставил противнику.

«Бдыщь! Ага — большой шкаф громче падает!» — во всеуслышание прокомментировал Косов. Бычок снова взревел и как резиновый мячик подскочил с земли.

«Ух какой прыгучий! Нет, все же надо ему чуть ножку подправить!».

— Ты, с-с-с-у-ка, чё пинаешься? — заорал в ответ на его лоу-кик в бедро Бычок.

«Ага... а вот чё — что-то ты, Петя, прихрамывать стал. Не нравится?»

Косов еще раз отпрыгнул в сторону, уходя от броска противника.

— Ты че не дерешься? Чё? Зассал? Дерись, блядь! — Петруха явно не обладал железными нервами.

«Жалко по яйцам бить нельзя — не поймут! А то бы у меня этот поросенок уже в пыли валялся!».

Потом Косов сделал явную ошибку — он пошел на Бычка. И если его пара ударов непонятно куда попала, и попала ли вообще — у Бычка не было видно фатальных повреждений, то плюха, полученная в ответ Иваном, ему явно не понравилась. В голове зазвенело, а рот наполнился соленым и вязким.

«Вот сука! Как он мне вlepил, а?! Зубы целые? Ага... вроде целые! Не-е-ет, такой хоккей нам не нужен!».

И Иван снова заплясал перед соперником, не отzываясь на оскорбления и поношения.

«Ждем, ждем! Он явно ошибется! Ага! Вот сейчас! Н-н-н-а-а-а...».

Уловив начало очередного рывка Пети к себе, Иван опять ушел влево, только, не подножку сделал, а, скручивая корпус, согнув правую ногу в колене — и как косою по горизонтали — н-н-н-а! куда-то в брюхо Бычку!

«Ох ты ж ни хрена себе! Вот это у него силища!».

Ивана напором противника развернуло вокруг оси, и швырнуло на землю. Он только краем уха услышал, как утробно хрюкнул Бычок. Значит удар все же прошел! Быстро вскочив, Иван снова приготовился попрыгать.

Но Бычок стоял, тяжело и сипло дыша, пытаясь восстановить дыхание.

— Что, Петя, не все коту масленица? Когда-то и пиздюлями огрестись надо, а? Ушлепок! Ну иди сюда, кункин сблевыш!

«Какой он нервный, однако!».

Бычок снова взревел, и бросился на Косова. А вот правую руку он чуть опустил зря!

Иван опять пропустил Бычка мимо себя, но ухватил его за запястье обеими руками. Разворачиваясь, он провел того по кругу, чуть приподнимая руку противника, потом резко пошел на сближение.

«Н-н-н-а-а-а, тебе! Снова коленом в живот! В-о-о-от! Сейчас куда как ловчей вышло!».

Х-х-екнув, крепыш начал сгибаться, клонясь головой к земле.

«А мы — поможем!».

Чуть подпрыгнув, Иван сверху ударил Бычка локтем, всей массой тела. Уже в последний момент, испуганно мелькнула мысль — ведь убить так можно! Но... что не делается — все к лучшему! Удар у него не вышел. Точнее... вышел не совсем таким, как задумывался — не в основание шеи, а значительно ниже. Как бы даже не между лопаток!

Но Бычку хватило. Он со всего маху сунулся головой в землю.

«От-так! Сука! Еще бы добавить, кулаком в затылок! Чтобы — наверняка! Но — опять нельзя, лежачего не бьют!».

Петя замычал, и попытался подняться на дрогнувших руках.

— Ты, сука, лучше лежи! А то ведь я не сдержусь и от души приложу! Тогда тебя, Бычка, только на мясокомбинат!

Но тот все же стал подниматься и уже достиг позы — «на четвереньках». Иван

примерился, но, скосив глаза, понял — не стоит! Вокруг стояла довольно густая толпа молодежи.

«Эк, сколько-то Вас набежало?! Это просто зрители? Или стоит ждать мстителей за поражение местного бойца?».

А в голове у Ивана было... нехорошо. Перед глазами чуть плыло, и в ухе... левом... что-то пощелкивало. Он чуть пошевелил нижней челюстью. Вроде бы на месте, особых резких болей нет. А остальное — заживет!

К удивлению и некоторому удовольствию Косова, из толпы вокруг слышалось:

— Во как Бычка-то уработал! Молодец музыкант!

— Ага... давно не получал, вот и опиздюлился!

И чей-то звонкий девичий голос:

— Так и надо, скотине! Обнаглел в край!

Сюда же протолкался Илья с Миронычем. Илья все щурился и со своим зрением никак не мог разглядеть в потемках — кто, что и к чему. А Мироныч оценив ситуацию, распорядился:

— Все! Расходимся все! Нечего здесь глазеть! Ну — смахнулись парни один на один, что тут такого-то?

Краем глаза Иван видел, как Петьку подняли на ноги и увели. Только откуда-то из-за людей слышался звонкий голос Сеньки:

— Не по-честному дрался городской! Вот Петька в следующий раз ему отвесит! Вот тогда юшкой и умоется! — затем слышался звук оплеухи, и «адвокат» затих.

— Ты как паря? Не сильно он тебя помял? А то — у него-то дури хватает! Мозгов нет, так зато дури на десятерых, — Мироныч стоял и пытался разглядеть физиономию Ивана, — на-ка... пошли на свет!

Только тут Илья, похоже, понял, что дрался именно Иван.

— Иван! Я вот тебя понять не могу! Тебе это зачем было? Что ты тут устроил? Не хватало еще — клубных работников обвинят в хулиганстве!

— Илья... ты помолчи, пожалуйста, — говорить становилось ощутимо труднее, язык шевелился плохо, и во рту постоянно скапливалась кровь, — потом объясню.

Они зашли в клуб, прошли в комнату Косова. Он умылся, а потом повернулся к Миронычу:

— Мироныч! Посмотри, что там?

Тот повертел Косова со стороны в сторону:

— Щека у тебя, парень, прямо как подушка надувается. Изнутри рассек, не иначе. Ты вот что, погодь — я домой сбегая, хозяйке своей накажу, она отвар на утро сделает, промывать надо!

Иван разделся, покурил — все болеть будет меньше, а потом завалился спать.

Поутру зарядку делать не пришлось. Вся левая часть его физиономии распухла подушкой, даже глаз чуть «прижмурился», болела голова. Мироныч притащил целую кринку какого-то отвара и заставил поласкать рот.

— Ты, Иван, сейчас еще отлежись. Только полоскать не забывай — каждый час. Да получше, получше! Не жалея отвара. Если что — моя хозяйка еще сделает!

Он еще несколько раз заходил к Ивану, рассказал, что Илья поутру уехал в город, и что он, Мироныч, выяснил, из-за чего произошла драка.

— Эти щенки все Ленку тиранят! Хорошая девка, работающая. Да и уважительная такая. Она сейчас на «Сибкомбайн» устроилась. Только не повезло ей — училась в фезеу, да там

окрутил ее какой-то... А она, дура и повелась, как та тёлка на веревочке. А варнак этот — бросил ее. Она тут чуть не померла, когда ребенка скинула. Вот эти... вроде как за гулящую ее и поносят! А заступится и некому — одна она у матери. А ты молодец, Ваня! Молодец!

— Так сколько же ей лет, той Ленке? Я, честно говоря, и не разглядел ее в потемках-то.

Мироныч, нахмурившись, посмотрел на него:

— Ты, парень, это брось! Она, Ленка эта, обжегшись на молоке, сейчас и на воду дует! А лет ей... не то шестнадцать, не то семнадцать. Не обижай ее, даже не вздумай!

— Мироныч! Ну ты сейчас это о чем? У меня и в мыслях не было... чего-то там... к Ленке. Просто пожалел девчонку, которую эти упыри подначивали. Без всяких мыслей таких!

Он договорился с Миронычем и Яковом, что те возьмут на себя пару его, Ивана, смен, а он — поедет домой и отлежится. Все-таки его каморка пока таковым не была. Нет здесь уюта. И мебель нужно переделывать, хотя той и не много ему нужно, да и вообще... пообжиться.

И вот уже третий день он отлеживается в своей съемной комнате. И если пару дней ему было откровенно хреново — болела голова, подташнивало, да и щеку подергивало, то на третий день он почувствовал явные улучшения. Даже опухоль на физиономии стала спадать. Ну — так ему показалось, когда он разглядывал себя в зеркало, возле умывальника.

По мере спадания головных и прочих болей, ему все сильнее хотелось жрать! А вот щека изнутри еще болела сильно. Ощупывая ее языком, Иван чувствовал немаленький такой рубец, который и есть нормально не давал, да и говорить было... сложно.

Что послужило такому быстрому выздоровлению, Косов не знал. Толи отвар этот, толи на нем просто как на собаке все заживает...

И в который уже раз Иван поблагодарил неизвестно кого, что рядом с ним живет славная женщина Вера! Она пришла утром во вторник, но только ахнула, когда увидела его, такого красивого.

— Это где ж тебя так разукрасили? Кто это... да и за что?

— Пусть не лезут, а то — хуже будет!

Вера развеселилась:

— Кому хуже-то? За девку, поди, подрался?

Ивану пришлось рассказывать.

— Вот хоть и прав ты, по рассказу... Да только, что же до драки все доводить?

— Так получилось... Да и не обошлось бы там без драки! Не за эту девчонку, так за другое мы с этим... козлом сцепились бы!

— Ну... хахаль из тебя сейчас никудышный, давай хоть поухаживаю за тобой.

Она, по просьбе Ивана, взяв у него деньги, сбегала и купила курицу, молоко, свежего хлеба. Курицу она отварила и с бульоном принесла ему.

— Вера! Бульон-то я выпью, а курицу... ты — вон пацанам своим унеси. Все равно мне сейчас жевать... не очень выходит.

Но она все же нарезала мелко часть мяса, сложила его в кастрюльку с бульоном:

— По чуть-чуть ешь. Или бульон пей!

«Все-таки Бычок голову-то мне стряхнул! Вот же — сволота! Если уж так разобраться — никакой Бычок не первый боец на деревне. Да, силушки там — мама не горюй! Но и бойцом его не назовешь. Тупой как валенок, но — сильный! Похоже, что сильным бойцом его считают только пацанва и молодежь. Случись... да вон с тем же Сергеем за Киру

биться... вот там бы он вряд ли что мог сделать. Видно, что Серега — парень резкий!».

Только вот — драки за девушек в прежней жизни Елизаров не признавал. Все равно выбирает девушка, а если уж она выбирает по бойцовским качествам... то тут что-то не то. На его взгляд! Получается, что нормального парня, но среднего бойца, она оставит ради матерого мордоворота, пусть он и туп, как пробка? Да... хрен их этих женщин знает!

По мере его выздоровления, то есть, практически уже на третий день, игривость в его отношениях с Верой вернулась. Но, учитывая его состояние... все приходилось делать — медленно и печально.

— Ты, Ваня, извини, но без содрогания я пока на тебя смотреть не могу. Так что... давай выбирать способ, чтобы я не видела твоей мордахи. А лучше... давай я поучусь дальше... ну ты понял?

Она училась, потом Иван не выдерживал и ставил ее на четвереньки! Но все же накал этих отношений был далеко не прежний. И они больше разговаривали.

— Слушай... мне не удобно было спрашивать... А вот как ты так надолго ребятишек одних оставляешь?

Она хмыкнула:

— Как надолго? Часа три... ну может — четыре. Так я и на работу, к вечеру, так же ухожу. Да и ребятишки у меня... Младший-то Петька... Вот же бутуз — просыпается ранним-рано, еще и Андрей на работу не ушел. Потом покормлю их, он повозится часов до девяти-десяти и спать заваливается. И уж до обеда его не разбудишь! Средний же, Колька, тот, конечно, не такой. Но вот старший мой, Василий... Ты знаешь, какой он мужичок растет? Рассудительный такой, домовитый. Он и за братьями присмотрит и порядок в доме поддерживать помогает.

— А сколько ему уже?

— Да шесть скоро!

«Это получается... сыночек-то Петровны... Веру обрюхатил — ей еще и семнадцати не было. Тоже — мудака! И потом — шмыг в кусты! Да и Петровна, та еще змея! Как же Вера терпит их по соседству, да и общается еще? Хотя... а что ей остается делать?».

— Слушай... А вот Андрей твой... он ничего не подозревает... ну... про нас?

Вера чуть затихла, положив голову ему на грудь:

— Может что и подозревает... Он, знаешь... ко мне раньше куда как хуже относился. И поколачивал, бывало. И на Васю первое время все шипел. А сейчас... может свыкся, а может, что средний, да младший на него так похожи... Спокойнее он стал. А про тебя... у нас с ним бывала раньше ругань... ну... я его чуть шпыняла, что он со мной... ну — редко. Он мне как-то в сердцах сказал, что, дескать... заведи себе бычка-производителя, да успокойся и не лезь ко мне. Слабоват он в этом, честно говоря...

— Но Андрей-то... он у меня хозяйственный, домовитый. Ему вот — бригадиром предложили! А что — он пьет немного... да редко пьет, можно сказать! И к работе ответственно относится. Вот он и думает... Не хочет отвечать за людей-то.

— А ты, Вера, не думала работу другую найти?

Она помолчала:

— Да мне уж предлагали тут... нянечкой в детский садик идти. Ну я... что-то сомневаюсь. Зарплата там не лучше моей сейчас, а работы — как бы не больше. Да и график там — три дня работаешь полными днями, потом два дня — отдыхаешь! А сейчас я, считай, весь день дома, только вечером на несколько часов ухожу.

— Так... за то и ребяташек можно будет пристроить туда же! И все же работа — почище, и с детьми опять же. А потом, глядишь, в педучилище поступишь... да хоть и заочно! И через пару лет — уже воспитателем будешь! А это уже — не уборщица, согласишься?

— Да думала я... и так вроде, как ты говоришь, можно... да привыкла уже. Вечером на три-четыре часа сбегаешь на работу, полы там помоешь — и дома!

Иван уже задумывался о то, что он как-то и привык к Вере. Нет! Не как к жене, конечно! А как к такой... более или менее постоянной подруге. Если брать чисто физиологический аспект их отношений, то она его устраивала полностью. Да, не такая красавица, как Варя или Зина, не говоря уж о...

Но — хорошая и без закидонов, как у тех красоток. И еще он подумал — не Вера ли является причиной, что он все никак не переберется жить в клуб?

— Ну вот смотри, хорошая моя... Осенью мне все равно отсюда съезжать придется. Буду я жить в клубе, там уже и комната мне есть, и договорился с директором. И как же мы с тобой?

Женщина опять замерла:

— А ты... что... и потом хотел со мной...

— Ну а почему же нет-то? Конечно хотел!

Похоже она была ему благодарна за это желание продолжить их отношения, потому как пылко потянулась к нему и попыталась поцеловать, забыв о его «героической» морде.

— Бля! Вера! Ну ты что? — он скорчился, когда она неловко ткнула его в большую часть головы.

— Ой, Ванечка! Извини, хороший мой! Ты знаешь, я так... рада. Ну... что ты... тоже хочешь продолжать, что нравится тебе!

Он почесал большую щеку:

— Ну и вот... представь. Ты будешь работать нянечкой. Как ты там сказала — три через два, так? А эти два, к примеру, скажешь Андрею, что будешь подрабатывать еще где-то, уборщицей — все в дом денег побольше. А сама — будешь приезжать ко мне. А? Как тебе?

— Вань! Так там же — убираться нужно будет. А когда же мы... ну... ты понимаешь?

— Глупая! Да я сам к твоему приезду там порядок наведу! Тебе только зарплату получать, да... в гости ко мне ездить. Как тебе?

— Ну... не знаю, Ваня. Так-то вроде и хорошо... но... как-то сложно все будет.

— А что сложного-то? А иначе — где же мы с тобой встретимся, душа моя?

— Ну... давай, Ваня, я еще подумаю.

К пятнице он «одыбал» практически полностью. Щека слева еще была чуть припухшей, но — это дело времени. Еще недельку и как новенький будет! А пока он начал потихоньку заниматься — делал зарядку, играл на гитаре.

А еще — вспомнил и записал тексты нескольких песен. Из тех, что, по его мнению, могут здесь и сейчас прийтись «ко двору». Причем, если песни женские — понятно, что для Вари, вспоминались и подбирались неплохо, то — Калошину шли явно нехотя, через «не могу». Он подолгу застревал на половине, а то и меньше текста; никак не мог вспомнить полностью куплеты и припевы. Выдавливал из себя, из памяти — буквально по строчкам. Да и с мотивом — тоже что-то странное: то казалось — вот он, а через некоторое время думалось — да не, хрень какая-то!

В итоге он решил пройтись, прогуляться. Нужно было все-таки заглянуть в киносет,

отметиться и показать знания, полученные из проштудированных инструкций, методичек, технических описаний.

Уже по пути он решил заглянуть к «Савоське».

«А почему бы и нет? Заодно и пообедаю в столовой».

Он заглянул в столовую, потом прошелся по улице туда-сюда и, наконец, увидел того мальчика, который как-то приносил им обед в пакгауз.

— Привет! Слушай, а как бы мне Севостьяна Игнатьича увидеть? Он на месте сейчас?

Пацан подтвердил, что да, завхоз в пакгаузе. Через некоторое время знакомец Ивана подошел к воротам, увидев его, махнул рукой, мол, ступай за мной. И одет, как и прежде — чисто, но скромно. А ведь деньги есть у него, не может не быть. И живет в бараке. Шифруется, как шпион!

— Севостьян Игнатьич! Может пообедаем заодно?

Тот подумал и кивнув, направился в столовую. Сели, как и в прошлый раз, в углу. Сначала помолчали, насыщаясь, а когда одна из столовских женщин принесла им чай, «Савоська», чуть усмехнувшись, заговорил:

— Я тут про тебя слышал — ты этим... поэтом заделался. Песни говорят пишешь, да и поешь? Как обустроился-то? Считай месяц, как ни больше, глазу не кажешь.

Иван довольно обстоятельно поведал, что песни — не только его заслуга, и обустроился он — неплохо. И что занят был — не продохнуть!

— Ну-ну...

Иван спросил, как идут дела в швейной мастерской.

— Ну что сказать... Есть у них заказы на этот костюм, есть! Только вот пока дело идет ни шатко, ни валко. Спрашивать пока с них нечего. Может попозже, ближе к зиме, за осень то есть, что и проявится.

Иван решил для себя давно, что связей с «Савоськой» терять не стоит — многих он знает, этот барыга, многих! И вдруг что и самому Косову понадобится? Да и язык за зубами «Савоська» держать умеет, иначе бы с ним такие как Шрам — дела бы не имели.

— Ну, ладно... Пойду я. Мне сейчас в киносеть нужно. Я ведь, Севостьян Игнатьевич еще и на киномеханика учусь. Буду фильмы в клубе крутить, все какой заработок.

— Ну... может и правильно... Да! Вот еще что хотел сказать... Тут, слышал я, дружки твои бывшие, Чибис... говорят люди — спрашивали они о тебе.

Настроение Ивана как-то резко упало. Мля! Расслабился! Он уже и думать забыл с существовании Хлопа с кодлой.

— И что же — искали сильно? — вот ради такой информации и стоило уже поддерживать связь с барыгой.

— Так я и не сказал, что искали... Говорю же — спрашивали... Не сильно, видать, ты им и нужен. Другие дела, поди, есть. Но — интересовались, может кто видел — куда делся. Так-то слух среди людей прошел, что ты долю в общак отсчитал, свое получил, да в сторону отошел. Но... ты же лучше корешей своих знаешь. Так ведь? Хлоп — он же дурной, да и жадный, к тому же. Как еще не на нарах — удивляюсь я! Видно — фартовый! Ну — это до поры, до времени! С такими делами, как у них, с этих копченым... ага... с Цыганом. Им долго на воле не гулять. Или вообще — прикопают где-ни-то. Больно много брать на себя стали. Людей не уважают, дела опять же — грубо ведут, грязно... Ну да Бог им судья! Ведь сколько веревочке не вейся — а конец-то все же будет!

— Спасибо, Севостьян Игнатьевич, за информацию! Учту!

Тот захекал, заклекотал, ухмыляясь:

— Учти, учти. Ты бы по городу с оглядкой ходил. Дружки-то твои... они же не вспомнят бывшее-доброе. Они тебе предъявят! Ты бы... дал им часть какую, да разошелся с ними вчистую.

— Я... я подумаю. Еще раз — спасибо!

Идя в киносет, Иван материл себя!

«Девочки, песенки... Расслабился, придурок! Вот же с-с-у-у-ки где! Что им не сидится на жопе ровно, этому Хлопу с Цыганом?! Да не бабок им надо! Это же — понятно. Им нужно что бы пример был — без их ведома никому из гоп-компании выйти нельзя. Если бы он сразу кинул им кость... ну — половину там... они, конечно, покуражились бы, но вид сделав, отпустили бы... точно! А сейчас... Сейчас — по-всякому может быть! Могут и «подколоть», чтобы неповадно было! Или отлупить до полусмерти! Хрен знает, что на уме у этих отморозков! И прятаться... а сколько прятаться? Полгода? Год? Ждать, пока их посадят, или шлепнут при задержании? Хлоп и раньше был больной на голову. А сейчас, по словам «Савоськи» — вообще с глузду съехал. Если «люди» им не довольны — это о многом говорит! Там... в «людях» — институток нет, и, если уж они недовольны делами Хлопа! М-да...».

По-быстрому отбив номер в киносети, пообщавшись с наставниками, показав знания, он побыстрее вернулся домой. Посидел, успокоился, подумал.

«Город все же не маленький. И если до сих пор он как-то «проскакивал» мимо «знакомцев», то может и дальше такое прокатит? Но все же... нужно подготовиться к возможной встрече».

Он достал финку, осмотрел, заново заточил, до состояния бритвы. Потом осмотрел сбрую, и решил переделать ее.

«Сейчас уже не лето. Ловчее будет ее на руку переделать. Так и доставать удобнее, не надо наклоняться, да штанину приподнимать. А в его «горке» и берцах — штанину поднимать и вовсе — непросто!».

Покалякал, помудрил, да и соорудил, что-то более или менее удобное. На горке рукав утягивается на пуговицу. Расстегнуть его — дело куда как быстрее, чем раньше — с ноги доставать. Потренировался, потом помахал ножиком. В прошлом, в бытность его еще ментом, им приходилось периодически бывать на занятиях по специальной физической подготовке. В основном, это было — самбо, но бывало, что кто-то из знающих мужиков, кто проходил «срочку» в разных «интересных» частях, что-то да показывал с ножом. Так — чтобы хоть знали, как оно бывает. Только вот помнил он, что один такой человек говорил им:

«Ребята! Если у Вас нет пистолета, то лучшим приемом от ножа будет — убежать! В крайнем случае — хватайте палку, камень... да что угодно! Может и повезет!».

И тогда, а сейчас — тем более, Иван рукопашником не был. Поэтому надо надеяться не встретиться с этими мудаками вообще! Но уж если не повезет... тогда, как та крыса, загнанная в угол — биться до последнего. Другого и не придумать.

После дежурства, поболтав немного с Ильей, который потом убыл в город, посидев и попив чай с Яковом, он вернулся домой.

Суббота здесь — рабочий день, а потому Верочка пришла. Муж-то — на работе. Иван не стал ее огорчать, тем более чувствовал себя куда как лучше, и устроил так любившийся женщине секс-марафон.

К его удивлению, позу «б9» женщина не одобрила:

— Ну Ваня... ну посуди сам... или ты, если я тебя раньше доведу... перестанешь меня ласкать. Или я зайдусь совсем и забуду, что нужно делать. Нет уж, мил-дружок, давай будем ласкать друг друга по очереди!

А делала она это все лучше и лучше!

Потом, повернув ее на живот, присев над ней, он поглаживал ей спину, попу, ноги. Этаким непрофессиональный массаж, из области «рельсы-рельсы, шпалы-шпалы».

«Вот ведь — классная же баба! Только фигура у нее... худощавая больно. Как та девочка! Или — как гимнастка-художница, жилистая уж больно!».

Несмотря на все нервы, дальнейшие две недели прошли вполне себе и тихо, и спокойно. Иван, в свою очередь, ездил сторожить в клуб, немного общался с Ильей, болтал и распивал чай то с Миронычем, то с Яковом.

Вот у Ильи пока еще работа не вошла в колею. У него уже произошла парочка скандалов с временным библиотекарем. Клавдия Захаровна, женщина средних лет, но, судя по всему — со склочным характером, никак не могла понять — почему она должна месяц ездить сюда, в библиотеку, из города, несмотря на то, что ей и учить-то пока некого. Ну нет пока в клубе штатного библиотекаря, не приняли еще! Директор же никак не мог определиться, кого взять. Вроде бы и была парочка кандидатур, но что-то у Ильи вызвало нежелание их брать.

Косов в эти дела не влезал: только попробуй проявить интерес — тотчас тебя и припадут. А оно ему надо? И он в очередной раз выслушивал бубнеж Ильи про то, как его шпыняют за наполнение штата, про требуемые с него планы и прочие организационно-бюрократические дела.

— Что-то наших красавиц давно не было? Ты их не видел, случайно? — с началом учебного года, ни Зина, ни Кира в клубе не появлялись.

— Ну... так учеба же у них началась. Третий курс меда — это серьезно... Что — соскучился уже? — Илья с улыбкой посмотрел на него.

— Да как сказать... Вроде бы Зиночка какие-то обещания давала, надежды внушала... А сейчас — как отрезало.

— Дай девчонкам в колею войти, после лета-то. Погоди, еще встретитесь!

Они с Ильей сейчас пересекались ненадолго — только по утрам, когда Иван, после дежурства уже собирался уезжать домой.

— Ты что не переезжаешь-то? Давно уже навел бы порядок в комнате, да и жил. А не мотался туда-сюда. Сейчас, погоди, еще и паром к Лесобирже снимут, тогда вообще тебе на передвижке придется ездить. А там от вокзала еще до твоей Нахаловке добираться.

А Иван все тянул... Не хотелось ему с налаженного быта срываться. Да и Вера еще...

— Вань! Меня снова в садик звали!

— Ну а ты? Что тянешь-то? Петровна мне сказала, чтобы в начале октября я съезжал. Сын ее вроде бы должен в октябре вернуться с Северов.

— Да не знаю я... И с тобой расставаться мне не хочется... Сладко-то как... с тобой встречаться. И вроде бы привычно уже все... работу я имею в виду. А там... как еще пойдет!

— А Андрей что говорит? По поводу садика?

— А он — ни бе, ни ме! Вроде, говорит, и ребятишки пристроены будут, что — хорошо, и вроде — дома меня не будет целыми днями. А я еще возьми еще... про то, как ты говорил... ну — про подработку у Вас в клубе, уборщицей. Так он вообще — зубами скрипеть начал! Всяко обозвал меня, думала — побьет! Связалась, говорит, сучка, со щенком

малолетним, не наблюдаешься никак, говорит...

— Ну... тут не знаю, что и сказать... в драку с ним за тебя лезть... мне тебя, конечно, жаль. Но он же вроде как — в своем праве будет! После такого тебе только уходить от него.

— Ты сдурел, что ли, Ванька! Какая драка! Ты чего это надумал? Не надо ничего такого! Сама разберусь... Я ж после... одна с тремя детьми останусь! Куда мне потом-то?

Уже ближе к концу сентября, Илья попросил Ивана остаться на разговор, не уезжать сразу.

Они сидели, пили чай в кабинете директора. Илья чего-то мялся, все никак не мог начать.

— Товарищ директор! Ну что Вы тянете-то? Ты, Илья, меня не увольнять ли собрался, что-то смурной какой-то? Если увольнять — то это в тебе совесть говорит, не иначе! Ишь что задумал — соавтора песен — с глаз долой, а самому, значит, все сливки снять? — Иван шутил, пытался расшевелить Илью.

После того, как он чуть не насильно вручил тому сто пятьдесят рублей — долю от денег, переданных Калошиным, у Косова не было сомнения, что Илья его обманывать не будет. Не тот человек! Скорее — еще и свою долю Косову оставит.

Директор сначала удивленно смотрел на него, потом удивление перешло в возмущение. Потом — на лице промелькнуло озарение и понимание, и он замахал руками на Косова:

— Вот, Иван, шутки у тебя... дурацкие какие-то! А про сливки... Ты знаешь, что Варк взяли в филармонию?

— Ну... рад за нее! Но этого и следовало ожидать, разве нет? — «только вот «динамо» ее — тоже не забуду!».

Директор помялся:

— Ну да... в общем-то — заслуженно. Она вполне на том уровне и выступает. Только вот... речь там зашла о твоих... ну ладно, ладно! наших песнях. А они, как ты понимаешь — никак не оформлены. Филармония же — учреждение государственное, серьезное. Там все по правилам — репертуарные планы, концерты, оформление договоров, отчисления... В общем, они хотят нас с тобой видеть. Предлагают подъехать, переговорить и все документально оформить.

— Это только песни Вари? Или и то, что мы Игорю передали — здесь же?

— Там все сложнее. Знаешь, для любого музыкального коллектива быть за филармонией — это очень неплохо! Эдакая стабильность и официальный статус. Но... есть и обратная сторона монеты — всяческие согласования, те же репертуарные планы, да и проверки разные... возможны. Поэтому Игорь — может и взбрыкнуть. Ты же сам уже понял, что у него характер — сложный. Мне сказали, что ему тоже сделали предложение, но как они там договорятся, мне неизвестно.

— Ну... а ты сам как думаешь? Нам это — надо? Или все же — больше им, филармонии надо? Тогда пусть уж сами сюда приезжают, да разговоры разговаривают.

— Иван... я бы так не наглел. Мы с тобой... как авторы вообще неизвестны. Я даже не знаю всех этих бюрократических ходов, как там все это оформляется. А так — филармония берет все на себя. Да и деньги... тебе, что — они не нужны?

— Ну как не нужны? Еще как нужны! Вон, как сам понимаешь, с Варей у меня ничего не вышло, — Иван сделал вид, что не заметил, как Илья поморщился, — Зиночка меня позабыла-позабросила. А девушек охмурять — денежки нужны! Всякие там кафе, рестораны... шампанское, пирожные... цветы опять же... Ладно! Съездим. А когда?

— Давай так... я завтра забегу в филармонию. У меня и так с утра совещание в культотделе. Договорюсь с ними... Скажем... на послезавтра. Как тебе — удобно будет?

— Как скажите, майн либе директор!

— Клоун...

В филармонии, еще направляясь в подсказанный им кабинет, в коридоре, они столкнулись с Калошиным. Игорь был деловито озабочен.

— Привет! Тебя тоже совратили-соблазнили? — Иван подмигнул тому.

— Ну-у-у... можно и так сказать. И я решил согласиться. Есть некоторые неудобства... но в целом — приемлемо! Та-а-а-к... Илья! Я сейчас Ваню на пару минут у тебя умыкну, не против?

Илья посмотрел на часы:

— Только если совсем на пару минут! Если дольше — мы может опоздать. Неудобно будет!

Они отошли к окну в торце коридора:

— Так! Иван, признавайся! У тебя есть еще что-то? — было видно, что Калошин крайне заинтересован, «чтобы было»!

— Вот... не готов тебе сказать! Вроде бы и есть... Но мы с Ильей еще даже не сиделись что-то думать по поводу музыки.

Калошин кинул взгляд на ожидавшего в коридоре директора:

— А-а-а... а если без него? Ну... может и я смогу партитуру записать?

Косов хмыкнул:

— Нет, Игорек! Так я не играю! Илья и только Илья! Ты совсем уж за свинью меня не держи, ага!

— Да нет... что ты. Ну... Иван! Тогда — я первый, кто это увидит, да?

— А как здесь, в филармонии к этому отнесутся?

— Так Вы же авторы! Вы можете поставить и условие — сколько-то времени эти песни исполняет коллектив Калошина! Кто же вам что-то против скажет?

— Ну... если так, то — могу обещать. Право первой ночи — за тобой!

Тот засмеялся, хлопнул Ивана по плечу:

— Договорились, значит? Вот спасибо! — потом наклонился ближе, — а о материальной компенсации договоримся позднее!

— Только... Игорь. Там уже речь пойдет не о трехстах рублей.

Калошин посмотрел с некоторым уважением, кивнул:

— Я понимаю. И заранее — согласен! — потом помолчал, и вновь наклонившись к Ивану, прошептал, — а Варька-то... нашла уже себе покровителя! А я тебя предупреждал!

— Я думаю... что она еще ко мне обратится. Вот тогда и пойдет серьезный разговор!

Калошин вновь засмеялся, и махнув рукой, пошел к выходу.

Переговоры, если так можно было назвать это действие, вели двое чиновников в возрасте. Один — представительный мужчина, даже несколько — лощеный, был постарше. А второй — невысокого роста «не дурак поесть», помладше. Старший довольно четко и ясно разложил все по полочкам — по поводу договоров, регистрации произведений на Красно-Сибирскую областную филармонию и прочая. Второй же, как будто был чем-то недоволен, и все поглядывал на Ивана и Илью с каким-то недоверием, все морщился и пыхтел.

— Извините! Мне вот до этого момента все понятно, и все устраивает. А вот по авторским отчислениям, что-то я не услышал вовсе или как-то... пропустил?

Илья укоризненно на него посмотрел, но Косов сделал «морду тяпкой».

— А это Вам сейчас объяснит Виталий Иванович. Он у нас по части бухгалтерии и финансов.

Толстяк опять поизображал из себя детский паровозик, и с явной тоской стал объяснять им, что и как. Причем делал он это так невнятно, что и старший несколько раз поглядывал на него с недоумением, а потом и с явным раздражением.

— Знаете, Виталий Иванович... Я, конечно, дико извиняюсь! Но не надо нам здесь изображать вселенскую грусть! Ваше желание сэкономить деньги филармонии нам понятно, и даже где-то... положительно оценивается. Но мне кажется, что речь сейчас идет не об экономии денег государственного учреждения, а зарабатывании этих денег этим учреждением посредством использования наших с Ильей, — он кивнул на директора, — результатов интеллектуального труда. И в этом случае, все, что вы сейчас делаете... больше похоже на облапошивание доверчивых простаков. Вы как на базаре, честное слово, недотеп разводите! У Вас цыган в роду не было?

Старший посмотрел на Косова... с веселым удивлением, а потом перевел взгляд на толстого — с раздражением.

— Молодые люди! Давайте поступим следующим образом: все проекты договоров, и приложения к ним — предложения по авторским отчислениям, Виталий Иванович приготовит на бумаге. Илья! Вы сможете подъехать, скажем — послезавтра. Получите все, посмотрите, изучите, обсудите. А там и подпишите. Только прошу не затягивать!

А погода испортилась. Ну, это и не удивительно. Удивительно то, что до сих пор простояла такая сухая и солнечная. И эта непогода сподвигла Ивана вплотную заняться своей комнатой.

Он договорился с Миронычем и Яковом. Втроем они разобрали то непотребство, которое больше походило на предметы из строительной бытовки, чем на мебель из жилой комнаты. Перебрали, прострогали, и снова собрали. Получилось уже куда лучше.

Мироныч, косо посмотрев на Ивана, кинул Якову:

— Не, Яша... тут эти доски на топчан не пойдут. Тут плахи нужны, не менее семерки, а садить их будем на бруски, не менее чем по три дюйма. Ты на этого посмотри... То, что ты предлагаешь — он расштатает за пару недель. Я так думаю, Яша... Когда он сюда переселится, нам и вовсе не придется с тобой дежурить — он все наши дежурства себе будет забирать. Оно и правильно — тут к нему бабы табунами будут ходить. А нам — слушай все это непотребство по ночам? Не... он все одно спать не будет, вот пусть заодно и сторожит!

— Хорошо устроились! Они, значит, будут по домам все время спать, а в клуб только за зарплатой приходить? А я значит — отдувайся за троих?

— Отдуваться-то ты по другому поводу будешь! — Яков тоже захехекал, поддерживая Мироныча.

Так, препираясь, они и навели порядок в Ивановом кильдюме.

Возвращаясь с очередного занятия в «Киносети», Иван пробежал по нескольким адресам, которые посещал еще при сборе всего-всего в клуб. Пользуясь знакомствами, он то тут, то там приобретал разные мелочи для обустройства своего жилья.

Так, на одном складе, он приобрел, фактически за бесценок, изрядный кусок бархатного занавеса темно-синего цвета. По словам кладовщика, занавес это лежал у них давно, так как не пользовался спросом по причине нестандартного цвета — всем нужны были или зеленые, или бардовые занавесы. А вот синий... не шел. Толи от старости, толи от хренового

хранения, ткань его стала сыпаться. Но для Ивана — сойдет!

Он и соорудил перед своей дверью в каморку, по задней стене раздевалки, такую шпалеру — и двери не видно... да и в качестве какого-никакого звукоизолирующего барьера — сойдет. Илья, кажется, мельком услышал подколки мужиков по поводу вождения сюда женщин, да «непотребные звуки», и запаниковал:

— Иван! Ну... ты же понимаешь, что у нас тут люди будут постоянно? Дети же, в основном. А ты... ну... если кто к тебе придет? Неприлично же получится.

Косов про себя потешался:

— Уважаемый директор! Ну что же мне... как я без личной жизни-то? Я же не монах какой!

Но смех — смехом, а какие-то меры предпринять нужно было. Кроме этого занавеса, Иван еще и входную дверь оклеил кусками войлока, прихваченного с того же склада.

— Вишь, Яков, как продумано парняга к разврату готовится?! Все продумал! — подкалывал его Мироныч.

В итоге получилось даже где-то уютно. Комната три на четыре. Широкий топчан вдоль стены, которая примыкает к лестнице в мансарду. Напротив — крепкий стол. Пару ящиков на стенах — под все. Еще один ящик, побольше, под столом. И шкаф под одежду, рядом с дверью в фойе.

Вот только денег в заначке оставалось все меньше. А еще и одежду зимнюю покупать. Тут остается лишь надеяться на Калошина, отчисления с песен, да невеликую зарплату. Как посчитал Яков, за все исполняемые ими обязанности: сторожей, истопника, дворника, на них троих получалось рублей по восемьдесят на брата. С голоду не помрешь, но и... маловато будет!

— Ну все, Ваня! Уговорил ты меня, я и согласилась. На следующей недели нянечкой в садик выхожу. И насчет ребятишек — тоже договорилась, берут их троих. В разные группы, правда. Ну ничего, пообвыкнутся! Ну что, рад? Два дня будет выходных. Буду к тебе приезжать в гости.

Он обнял Веру, приподнял и закружил по комнате.

— Еще как раз, хорошая моя! Еще как!

— Ну а если рад — покажи! А то... пока ты болел, все у нас как-то было... без огонька. Как у мужа с женой. Хочу — чтобы как раньше ты меня любил! Страстно! До головокружения!

Иван был и рад соответствовать ожиданиям женщины. Тем более, что за прошедшее время, Вера и сама... набралась опыта, и могла посоперничать с женщинами в воспоминаниях Елизарова, из будущего.

Ох как она... соответствовала!

— Ты слышал, что у нас тут, в Нахаловке... ну, не совсем у нас, а на Большой Нахаловке, милиция облаву устраивала? Не слышал? Да ты что?! Кого-то искали, да все эти «малины» выворачивали. Народу, говорят, поналовили — страсть! Бабы говорят, даже стреляли! Мазурики какие-то попались и ну палить по гепеушникам, а те — в ответ! Вот страхи где, да, Ваня?

— А кого ловили-то? Что слышно? — «может и знакомцев моих так вот заметут? Было бы очень неплохо!».

— Так откуда я знаю-то? Бабы у колодца говорили, что и баб там каких-то непотребных — тоже вывозили. Вот хорошо все же, что у нас поселок не такой шебутной. Народ-то у нас

все ж таки справный, да домовитый живет. А там... на Большой-то Нахаловке — все какие-то оборванцы, да лиходеи. Все притоны какие-то, да бродяги!

И еще, с этой новостью об облаве, у Ивана мелькнула мысль, как помочь подруге... материально. Как залегендировать подарок. Он пробежался до швейной мастерской, пообщался с Яковлевичем, Александром, попил у них чайку. И прикупил разного материала, небольшими отрезами. И сатин-ситец на трусы, да занавески, потом — шерстяной ткани — получше, из расчета на костюм, еще ткани — на платье там, да юбки. В общем — хороший такой тючок получился. Завернутый в холщовую ткань.

— Вер! Ты помнишь, мне рассказывала, про облаву в Большой Нахаловке? Ага... Слушай сюда! Ты в ту сторону по каким-нибудь причинам ходишь?

— Ну так... у меня есть там знакомые. А что нужно-то?

— Вот... смотри, — он развернул перед ней тюк с тканями, — Андрею скажешь, что нашла этот тючок... да вон — на тропинке, вдоль реки которая. Шла, шла... да вот в кустах и нашла. Только особо не болтай про это! Найдешь у кого ребятишкам, Андрею, да себе какую одежонку пошить?

— Да откуда у тебя все это? — Вера ошарашенно перебирала ткани, все щупала их, мяла.

— Откуда, откуда... Купил! А вот, что бы ты могла объяснить, откуда — вот эту историю и придумал! Еще раз — шла к знакомой в Нахаловку, вдоль реки. И нашла этот сверток. И пошьешь и себе, и мужу с ребятишками, ну... что там получится. Андрею — вот думаю, костюм выйдет. Тебе — вот платье, да юбка с блузками. И ребятишкам еще вот... в общем — смотри сама!

— Так ты что... это мне, что ли? Ой, Вань! Да куда мне столько-то! Тут же всех нас обшить можно!

— Погоди... не тарахни языком. А кроме ткани, в свертке... вот — еще четыреста рублей было. Поняла? Это тебе — швее заплатить!

— Ванька! Ты что же со мной делаешь?! Я же... я же чем рассчитываться-то с тобой буду? Тут же... если деньгами — на... много здесь.

— Перестань болтать! Лучше иди сюда... и начинай рассчитываться! Ну же, красавица ты моя!

Жизнь в Сибири — если подумать, довольно сложная штука. Пять месяцев в году — зима, с ее метелями, морозами и прочими «удовольствиями», вроде короткого дня, когда в десять утра — еще темно, а к четырем пополудни — уже смеркается.

Еще по паре месяцев приходится на весну и осень. И лишь три месяца — лето. Ну как, лето? Как такового, лета может и не быть. Вообще! Просто люди не снимают курток и плащей, плавно переходя в осень. И даже зеленая трава, и листва на деревьях — просто часть пейзажа. Температуры — не радуют. А потом, после осени — снова зима.

И даже если — вдруг! лето жаркое, то всякая летающая кровососущая тварь его основательно так подгаживает!

И все равно, как показывает история, люди из центральной части России, а иногда даже — из благословенной Украины... даже из вроде бы цивилизованной Прибалтики — сюда ехали еще в девятнадцатом веке.

И те же столыпинские переселенческие вагоны — вовсе не были первыми, кто привез переселенцев на эти земли. Телеги, розвальни, а то и просто — пешедралом...

Это подумать только — как же далась людям на их исторической родине та «благословенная» жизнь при царях-батюшках, что они от родного порога перлись с чадами и домочадцами в эти края, вовсе не обетованные.

Иван знал, что разные источники говорили, что от тридцати до пятидесяти процентов этих переселенцев потом нищими возвращались назад. Подпитывая недовольство «богоизбранным» царем-батюшкой и всей его камарильей.

Но! Все же — не менее пятидесяти процентов этих крестьян вгрызались зубами в эту землю и хоть как-то, хоть чем-то обустроивали ее, делая своей новой родиной. И все вышеуказанные неблагоприятные факторы их не останавливали. И уже потом, через поколение-другое выковывались новые люди. Кого потом стали называть — сибиряки. Такие русские ваньки-встаньки...

«Мороз? Какой-то такой мороз? Эта вот эти двадцать пять — тридцать градусов, мороз, что ли? Х-х-а-а... Вот ежели сорок-пятьдесят! Тогда — да, студенна! А так, чё? Жить можно! И вообще — сибиряк, это не тот, кто не мерзнет, а тот, кто тепло одевается!».

«Ну болота вокруг, и чё? Комары? Ай, да ладно! Это вас, городских, комары жрут, а мы — местные! Они нам как родные, и родню они — не трогают! Зато на тех болотах — ут্যা-то сколько! Стреляй не хочу! Ленивый только с голоду тут пухнет!»

«Зато ни исправника тут, ни других кровопийц-крючкотворов! И бар здесь отродясь не бывало! А земли вокруг! Да сколь хошь, столь и паши! Только б пупок не развязался, пахать-то землю эту!».

И долгое время эти сибиряки основательно так поддерживали государство — своим трудом, а нередко и кровью. И только в начале двадцать первого века наметилась противоположная тенденция — люди стали уезжать из Сибири. Ну кому охота тут сопли морозить, когда есть куда более комфортные края для проживания?

Не говорю уж о «взбесившейся» в последнее время «в, на»... Но и Кубань, и Крым, Ставрополье...

«Куда Вы едете? Кому Вы там нужны?»

— А здесь кому?

— А я Вам тоже не отвечу!».

То есть у сибиряков есть одна черта в характере — радоваться хорошей погоде! Причем — независимо от времени года.

Морозец десять-пятнадцать градусов. Деревья в инее. Денек солнечный, звонкий. Небо голубое, но по-зимнему неяркое. Воздух — чистейший! Значит, что? Лыжи на ноги и в лес, парк, на поля! Или просто — на горку, с санками! Весело, шумно, радостно на душе!

Солнышко пригревает, листва начинает только-только распускаться. Еще еле-еле видна, и создает легкую зеленоватую дымку на деревьях. Но запах свежей, молодой листвы уже кружит в воздухе, и голова от этого чуть дуреет! И девушки... девушки скинули осточертевшие за долгую зиму шубы, пуховики, пальто. И такие красивые, что оторопь берет! Ну как тут не радоваться таким денькам?

И осенью, после череды хмурых и уже не теплых дождей, когда начинаешь грустить и усилием воли настраиваешься на эту долгую белую «смерть»-зиму... Вдруг — дней пять, а то и десять — тепла, солнца, желтых и бордовых листьев, которые еще висят на деревьях, или кружат по ветру, или шуршат по аллеям парков, по лесным тропинкам. Бабье лето!

Оно случается не каждый год, далеко не каждый. В конце сентября... Или даже — в начале октября! Ну, что же делать — «Какие бабы, такое и лето!». Но как пропустить эти последние теплые и звонкие деньки? И хоть просто — прогуляться по лесу, парку, скверу. Попинать листья ногами, подышать воздухом.

— Иван! Тебе привет от всех друзей, и от Зиночки — персонально! Они зовут и тебя, и меня в это воскресенье в парк Сталина, погулять, посидеть на веранде. Не знаю, что у них там еще в программе..., - Илья улыбался.

«А что... сходить надо! А так, что-то рутина начинает затягивать! Развеяться, с Зиночкой пофлиртовать, подурочиться!».

За это время случились некоторые события. Так, Иван, наконец-то, переехал в свою комнату, в клубе. Перевез свои немногочисленные пожитки, расплевавшись с Евдокией Петровной. Нет! Он вовсе не ругался с ней, вежливо даже распрощались. Но чувствовалось что и она рада его отъезду, да и он — не грустил о расставании с этой «милой» старушкой.

Налаживание нового быта опять повлекло за собой расходы. Те же подушки-одеяло и прочее постельное белье. И чашки-кружки-ложки тоже. И теперь сторожа по вечерам заходили к нему — попить чайку, да поболтать. И Илья тоже предпочитал перекусывать и чаевничать не у себя в кабинете, а у него в комнате.

Правда, они чуть не поругались. Ивану пришлось приложить все усилия по убеждению директора, призвать в помощь все свое терпение... Когда он предложил принять на должность уборщицы — Веру. Так-то Илья был вовсе и не против.

Пока, временно, помещение убирала какая-то пожилая тетка, родственница Якова. Но та была и сама не рада, что согласилась — дескать, и здоровье у нее плохое, и помещений — много, и ходить, постоянно убирать, за многочисленными посетителями: в утренние и дневные часы — в основном ребяташки, а по вечерам — и взрослый народ, который приходил в кино, а то и в библиотеку.

Да, Иван начал крутить киноленты, получив удостоверение киномеханика. Сначала — все же волнуясь, но втянувшись буквально за несколько сеансов. Аппарат был довольно простой в обслуживании, не капризный. Приходилось раз в неделю ездить в киносеть, менять пленки, вести журнал. Подчас — даже ругаться из-за выбора картин, или качества лент. Но то были такие, повседневные, рабочие проблемы.

И вот — Вера. Сначала Илья горячо поддержал предложение Ивана. Однако, после его слов, что, дескать убирать он будет сам, Косов, директор заткнулся, с недоумением смотрел на него, а потом — начал возмущаться.

— Илья! Ну вот — какая тебе разница, кто будет фактически убираться? Главное — чтобы чистота в клубе была. А это — я тебе гарантирую.

Директор пыхтел, сопел и все одно повторял, что так делать нельзя.

— Ладно... давай так — ты оформляешь уборщиком меня, а как я распоряджусь этой зарплатой — это уже мое дело! Так устроит?

Илья вновь начинал гундеть, что это нехорошо, если твоя знакомая будет приезжать сюда. Типа — что люди скажут!

— Илья! Не могу понять — что людям до моей личной жизни? Человек приезжает пообщаться... г-х-м... со мной. В моей комнате! Не в фойе же... мы общаться будем. И что тут такого? И кому какое дело? Да и приезжать она будет — пару раз в месяц!

В общем, уговорил. Хотя начальство еще некоторое время пыхтело и не успокаивалось. Типа — «облико морале»!

— Ты мне скажи, уважаемый директор, ты отказываешь мне в помещении? Скажи прямо! Ведь ты сам мне предложил эту комнату в качестве места для проживания, не так ли?

По «беканью» и «меканью» Ильи было понятно, что он... как-то не подумал о... посетителях. Точнее — о возможных посетительницах.

— Илья! Так я же не монах! И не древний старик, в конце-то концов! Что в этом странного?

Уже в конце переговоров, Илья что-то заикнулся — «а как же Зина?».

— Знаешь! Зиночка с Кирой, похоже такое занятие себе придумали — поиграйся с парнишкой, называется! Покрути попой, поулыбайся, потешь свое «эго». Я не против. Но я понимаю, что это просто игра. А мне, Илья, нужна женщина.

— Как-то у тебя это... цинично звучит. Даже... по-скотски, извини меня!

— Ага... по-скотски, значит?! А когда я тут, недавно, получил пи**лину от того Бычка, она за мной неделю ухаживала, бульонами поила, да бельишко мое стирала. Вот такое — по-скотски? Или нет?

Директор стушевался и замолчал. Потом подумал:

— Ладно... дело твое. Но постарайся особо не афишировать... все это.

— Нет, блин! И правда — афишу повешу и буду билетки продавать! Илья! Ты о чем говоришь?

Косов потом злился, а Илье, видно, было неудобно за этот дурацкий разговор.

И вот — они ехали отдыхать с компанией в парк. Денек и правда был чудесный. С утречка еще было откровенно прохладно, но по всему видно — днем будет теплынь и солнечно.

— Может, все-таки нужно было гитару взять? Ну там... культурная программа данного мероприятия не должна пугать людей лакунами? — все спрашивал Косов Илью в вагоне передвижки.

Директор и сам зачастую оставался ночевать в клубе, когда его что-либо задерживало, а то и погода была... не так чтобы — с удовольствием идти от клуба до станции Кривошеково. Вот и сегодня они оба выдвигались из клуба.

Илья отмахнулся:

— В крайнем случае, я зайду в парке в летнюю эстраду, да возьму гитару у знакомых.

Они еще сезон не закончили, еще пару недель по выходным, вечерами там на площадке будут играть.

Недалеко от вокзала они встретили Тоню. Она чинно поздоровалась с Ильей, а Ивана чмокнула в щеку.

— Ну как настроение у работников сельской культуры? Готовы посвятить день ничегонеделанью и отдыху? — «молодец девчонка! Илье все-таки повезло с ней!», — а тебя, Ваня, ждет нелегкое общение с Зиночкой! Она очень недовольна, что ты ее позабыл! И носа не кажешь!

— Это не я ее позабыл, а они, как только отметились высокой активностью в деле становления культуры в отдельно взятом селе, носа к нам, в подшефное учреждение, не кажут! У-у-у... функционеры-карьеристы! Правда, Илья?

Илья, улучив момент, когда Тоня отвлеклась на что-то, наклонился и прошептал Ивану на ухо:

— Ты... меня извини. Я... тогда, когда мы с тобой повздорили по поводу твоей знакомой, все думал, что ты меня... за Тоню укоришь! А ты — промолчал, даже слова не сказал!

Косов с удивлением посмотрел на директора:

— Вот смотрю я на тебя, Ильюша... Ты и впрямь — не от мира сего! С чего бы я тебя укорять вздумал? Тоня — твоя подруга... Возможно даже — будущая супруга! И брось ты уже, наконец, стесняться и мямлить! Клубу нужен, кроме инструментального, и танцевальный коллектив! И Тоня, на роль его руководителя и хореографа, подходит как никто другой!

«Ага... она уже пару раз оставалась ночевать с Ильей, у того в кабинете! И чаи они гоняли у Ивана в комнате. Да и позавтракали у него же. Илья, правда, краснел и бледнел... Тоня тоже сначала вроде бы стеснялась, но пришла в себя довольно быстро. Молодец!»

— Тонечка! А скажи мне, танцевальная ты наша, когда же ты все-таки у нас обоснуешься? Меня это очень уж интересует! — Иван обратился к девушке.

Та, чуть покраснев, посмотрела на Илью:

— Вообще-то недельки через две, три... Я сейчас как раз увольняюсь с прежней работы.

— Видишь ли, радость наша, я очень уж дубоват... И подчас мне неловко, что я вообще не умею танцевать! Вот и думаю, может ты, кроме детишек и меня возьмешься... несколько обтесать в плане танцевальном?

— А что? Возьмусь! С радостью! Да и парочку номеров можно будет поставить, правда, Илья? Ты знаешь, Ваня, Илья — он очень неплохо танцует, только его на сцену не выгнать!

Директор опять покраснел:

— Ну, Тоня...

— А что Тоня? Ты же в своем «кульке», пока учился, и курс хореографии проходил. Знаю я — там парней раз-два и обчелся! Вот со всеми девицами там и перетанцевал!

— Вот, Тонечка... не разу не удивлен! Ни разу! Я уже давно понял, что Илья Николаевич наш — он отъявленный ловелас! И только старается казаться этаким... скромником! Ты имей в виду — у него, поди, побед за плечами — не счесть! Вот же где — развратный тип!

Так пикируясь, и попеременно вгоняя Илью в краску, они и подошли к парку.

Всю остальную компанию они встретили уже на одной из аллей.

Кира была со своим викингем, Зиночка...чем-то недовольна. Через некоторое время,

причина недовольства Зины проявилась — откуда-то с боковой аллеи вышел Виктор с незнакомой Ивану дамой.

Ну что сказать... Женщина была яркой. И на лицо красивая, и фигура — вполне себе хороша. Была она явно старше всех в компании, да и самого Виктора — как бы не старше!

Когда они подошли, Зиночка стала уделять внимание Косову, пожалуй, даже и с перебором:

— Так... ну-ка давай отойдем вон туда, на аллею. И там ты меня поцелуешь, понял! Ну — так как ты умеешь, сладко и долго!

«А что я? Я — не против!».

После их, вроде бы скрытного и даже чуть стыдливого, поцелуя, Зиночка явно «просканировала» — видели ли присутствующие, а особенно — «эта мерзкая тетка!», как Иван ее целует. Ага... видели! Это — хорошо!

Косова даже слегка забавляла эта... детскость, что ли.

— Зинуля! Ты же вроде бы остыла к Виктору? Зачем же все это? — шептал он ей на ушко.

— Ну остыла... ну и что? А чего он нормальную девчонку не нашел? Приперся с этой старухой!

— Кисуля! На мой взгляд, ты не права. Вполне себе эффектная женщина. Нет! С тобой она, конечно и близко не сравнится! Тут и разговора быть не может! Но... может она — более опытна в постели? С этой стороны не думала?

Зина оценивающе посмотрела на даму:

— Ну... если только с этой стороны... Ну — не знаю! Чего там может быть такого-то?

— О! Милая моя, там такое может быть... что ты даже не представляешь! Все может быть очень и очень по-разному. Как в балльной системе — от ноля до десяти! Ты, внешне, конечно, превосходишь ее как... вот даже и сравнить не знаю с чем. А вот в том смысле... Не знаю, не знаю...

Зина посмотрела на Ивана:

— Вот тоже... кобель ты, Ваня! И все Вы, как один, похотливые кобели! — правда по тону ее слов было неясно, это она — с негативом так сказала... или какой-то интерес все же слышится.

Парк был большой. И красивый: ухоженные аллеи, частые зоны отдыха со скамейками и разными... как их там... малыми архитектурными формами. И множество деревьев — и березы, и липы, и высокие тополя. Похоже, судя по высоте деревьев, либо парк этот — довольно старый, или же здесь лес был когда-то, и кто-то умный додумался не выпиливать его при разбивке парковый аллеи.

Фонтаны, правда, уже не работали — все же по ночам уже и минуса можно было ждать.

А так... как Елизаров и любил — довольно тепло, солнце пробивается через еще не облетевшую листву деревьев. Довольно много людей вокруг — и так как они, компаниями; и парочки; и люди семьями, с детьми.

— Вот смотри, Зина, — оставив Сергея чуть впереди, Кира, приобняв подругу за талию, пошла рядом, — видишь... Косов меня назвал вот этой статуей! Тогда, на острове!

Она покосилась на Ивана и засмеялась. Впереди по аллее виднелась большая статуя девушки с веслом. Красивая, кстати, девушка, в смысле — статуя.

— Это не совсем так! Кира девушка, а значит забывчива! Я сказал тогда, что она красива и с нее можно ваять статуи. Но не говорил, что она — именно вот такая!

— Ты, Ваня, какой-то дурачок! Я иду рядом с тобой, а ты моей подругой восхищаешься, — Зиночка демонстративно надула губки, — ну-ка быстро говори, как я красива! И что я красивее, чем злюка Кира!

Иван, улыбаясь смотрел на девушек. Они были действительно красивы — обе. Кира снова была в тех штанишках-бриджиках, и в тонком свитере, с косынкой на плечах. Зина, как мадемуазель, была в платье и в не длинном плаще.

— Зина! Я не могу вот так прямо сказать — кто из Вас красивее! Если я скажу, что красивее Кира — ты обидишься, а Сергей... набьет мне морду! Если я скажу, что красивее ты... Кира обидится. И Сергей снова — набьет мне морду! Вот как мне быть?

— Ладно! Можешь не говорить, раз такой трусишка! — Зина снисходительно помахала ручкой.

Когда Кира отошла, а Иван проводил ее взглядом, Зина, уже с другой интонацией спросила:

— Тебе что, правда так нравится Киркина... задница?

— Фу такой быть, Зиночка! Фу, как грубо! Задница! Ты бы еще заявила — жопа!

— Ну ладно, ладно... Спрошу по-другому — тебе нравится ее... попа?

— И я честно отвечу — да, нравится! — и тут же получил кулачком в бок!

— А моя, что — не нравится? — Зиночка надув губки, нахмурилась, но глаза ее смеялись.

— Видишь ли, красавица... Я твоей-то и не видел. Но очень! Очень хотел бы посмотреть, чтобы иметь представление, и смочь сравнить!

— Вот же... Ты же на острове, когда отдохали, видел. Я же в купальнике была.

— Так это когда было-то? Я уже и забыл. У меня зрительная память — знаешь, какая слабая! Вот если бы сейчас... освежить память. А еще лучше — дополнить тактильными ощущениями... Тогда да! Я мог бы сказать: ты, Зиночка — истинная Афродита Калипига!

— Ха... а ты, что — знаешь перевод ее прозвища? — хитроватый взгляд Зины.

— Ну-у-у... я, конечно, дремуч, как древняя сибирская тайга, и древнегреческого, признаюсь, не изучал... но что это переводится как Прекраснопопая — знаю.

— Смотри-ка ты, какой он начитанный..., — потом Зиночка наклонилась ближе, — может быть, когда и увидишь... вблизи.

— Что значит — вблизи? Я, душа моя, хотел бы и... как Вы медики говорите — пальпацию произвести!

— Ну... это как вести себя будешь!

Тут послышался звонкий голос Киры:

— Ну что, может на аттракционы?

Собравшись кружком, компания посоветовалась, и большинством поддержали предложение подруги Виктора, которую он представил как Таню — прохладно еще, на аттракционы-то. Вот после обеда — будет в самый раз!

Они решили пройти на веранду, и попить горячего чая.

— Старушка простудиться боится! — прошипела ему в ухо Зиночка.

Косов посмотрел на нее с улыбкой:

— Зин! Ты же умная красивая девушка. Взрослая! А шипишь, как девчонка! Ты же сама говорила, что к Виктору — никаких претензий не имеешь?

— Вот что бы ты понимал в женщинах! Претензий не имею! Ну... мог бы он чуть-чуть и пострадать, видя меня с тобой?

— А зачем?

— Вот Вы дурни, все мужики! Затем! Так понятнее?

— Вот! Вот сейчас — все понятно стало! Сразу бы так объяснила! — Иван откровенно потешался.

— Так... Косов! Меня категорически не устраивает, как ты себя со мной ведешь! Вот! Сейчас, пока вся компания пойдет и займет столики на веранде, мы с тобой куда-нибудь спрячемся... и ты будешь меня целовать! Сильно и страстно! Ну... как ты умеешь!

— Я-то не против! Но... зачем? Можешь объяснить?

— Вот ты меня бесишь прямо! Что за вопрос? Зачем-е-ем? — передразнила она его, — ты должен постоянно хотеть меня... ну — целовать, как минимум! И еще... у тебя после поцелуев такая улыбка дурацкая... и глаза — шалые. А то ходишь тут и снисходительно на меня поглядываешь! Все! Пошли искать укромное место!

И они нашли такое. За какими-то елками. Нацеловались — всласть! Иван изрядно помял Зине платье, нещадно задирая его. И даже — случайно, конечно... провел пальцами по ее трусикам... между ног. И с удовлетворением отметил, как девушка вздрогнула, но не отстранилась.

Чуть позже она, с силой упершись ему в грудь, отодвинула от себя:

— Ну все... все. А то и правда — заиграемся!

— А ведь глаза у самой шалые! — Иван с улыбкой любовался Зиной. Она была хороша! Разгоряченная, с румянцем на все щеки, чуть взлохмаченная. И улыбка — ничуть не смущенная!

«М-да... с этой девчонкой бы... у меня в комнате, к примеру, пообщаться. Горячая, похоже, очень!».

— Ну и пусть... шалые! Я, Ванечка, тоже человек. И у меня тоже... Ну все, пойдем! — она подхватила его под руку.

— Подожди! Нужно немного постоять тут... Давай я покурю, ты не против? — он достал папиросы.

— Ну чего ты? Там покуришь! — Зина тянула его вперед.

— Да подожди ты... Вот ведь... и правда — как маленькая. Мне... успокоиться нужно. Не могу я сейчас на аллею выходить. В таком вот... состоянии.

Она непонимающе посмотрела на него, потом, догадавшись, перевела взгляд вниз.

— Ой! Я и не подумала! Ничего себе, какая у тебя... реакция на меня и мои невинные поцелуи! — Зина тихо засмеялась.

— Вообще-то — это называется по-другому, но реакция — да, созвучно. И поцелуи твои были не невинны, а провокационны! — Иван курил глубокими затяжками.

— Все... пойдем!

— Ну-у-у... даже обидно где-то. Как-то ты быстро успокоился, — она опять его троллила, как сказали бы в будущем.

— Знаешь, Киса... Если бы набралась смелости, я бы тебе показал, как я быстро... или не быстро, успокаиваюсь.

— Ну... может когда-нибудь и наберусь, — улыбаясь, шла она рядом.

Когда они подошли к веранде, их компания уже оккупировала пару сдвинутых столов в углу. Парни, скучковавшись, что-то решали. Похоже, планировался заказ. Подведя Зину к столу, он усадил ее:

— Держи мне место! А то знаю я Вас людей культуры, медиков, да летчиков с

химиками — оглянуться не успеешь, а все уже занято!

Потом он подошел к парням.

— Иван! Как ты думаешь, водка или коньяк? — посмотрел на него Виктор.

— Так что тут думать-то? Давайте я закажу на свой вкус.

Он прошел к прилавку, дождался, пока освободится буфетчик. Народу на веранде было довольно много — почти все столики были заняты. Люди отдыхали, слышался женский смех, громкие разговоры.

«Пьяных нет. Ну да — еще утро не кончилось. К вечеру здесь, наверное, весело!».

— Уважаемый! Что Вы можете предложить нашей дружной компании? Хочется согреться немного, перекусить, а потом — чай. — кивнув в сторону своего стола, обратился он к невысокому, очень немолодому, весь в морщинах, и чем-то похожему на актера Глузского в старости, буфетчику.

— Согреться? Водочка есть, хорошая, — увидев, как Иван поморщился, — есть коньячок, «КВ», пять звезд, очень неплохой коньячок!

— Уважаемый! А давайте договоримся так — сверх стоимости заказа чаевые десять процентов! Ваши предложения?

Настроение — отличное! Хотелось куролесить, веселиться и жить со всеми дружно!

«А-а-а-а... одна живем! Что есть деньги? Дорожная пыль и мы будем их подбирать по мере необходимости! В крайнем случае — сяду на режим жесткой экономии. А там — зарплата нас все равно догонит, да и отчисления — начнут же они когда-нибудь капать? Или вон — Калошину что-нибудь загоню, в качестве эксклюзива!».

Старичок оживился:

— Ага... значит — коньячок, как я сказал — «КВ», две бутылки? Нет? Значит — бутылка! Девушкам есть вино — настоящая «Хванчкара»! — увидев, как Иван скептически поднял бровь, старик закивал, — не сомневайтесь, настоящая! Для хороших людей держим! Что же это я? Шашлычок! Как же... чуть не забыл! Можно сделать шашлычок! Вырезка свежая, но придется обождать с полчаса. Баранина? Нет... есть и баранина... но — не советую! Лучше свиная вырезка! С вечера замариновали! Ага... так... ветчинка есть, колбаска хорошая! Сыр вот, опять же!

Договорились на легкую закуску, «пока не поспеет шашлык, ага, по двести грамм на лицо; нарезочка там, опять же — овощи, помидоры, огурчики, да — это к шашлыку! Пирожные есть — эклеры свежайшие, рекомендую! Чай... как можно? Ну что Вы, молодой человек? Ну ладно — сделаем по-купечески, черный! Лимончик к чаю? Да-да... Что? Глинтвейн? Ну... не знаю, не знаю... пряностей особо-то и нет!

Когда Иван «засветил» буфетчику «лопатник», чтобы тот не сомневался к платежеспособности, тот, чуть наклонившись над прилавком, вроде как про себя, спросил:

— Из фартовых, что ли? Что-то я не разберу! Вместе с чистыми пришел, а ведешь себя как фармазон? Или кот? Так молод еще для кота?

— А с какой целью интересуется? — прищурился Иван, чуть нагнав зла в глаза.

— Да я так... для себя только. Не пойму, как вести себя с тобой, — отвел глаза буфетчик.

— Ну так... да и не стоит знать-то, зачем? Севостьяна Игнатьича знаешь, — и увидев понимание о ком речь, — знакомец я его. Просто знакомец!

Когда он вернулся, девушки недовольно зашумели:

— Скоро или нет?

Но тут же появился шустрый парнишка в белом фартуке, и стал расставлять на столе тарелки с ветчиной, бужениной, колбасой и сыром нескольких видов. По мере увеличения количества тарелок недовольство за столом стихло, все удивленно смотрели на Косова.

— Ну чего Вы? Есть просто сильно хочется! Не завтракал я сегодня! — развел руками Иван.

Потом появилось вино, бутылка коньяка. Причем аппетит проявили все, а не только оправдывавшийся Иван. Мужчины выпили по тридцать коньячку, закусили и закурили.

— Ты, Иван, как тот купчина — что есть в печи, на стол мечи! — чуть прищурившись от дыма протянув Виктор, — имей в виду, расходы вскладчину. Иначе никак!

— Да и ладно! Как хотите! Девушки! Подождите, не так быстро! Сейчас еще шашлычок будет, а потом к чаю перейдем!

К удовлетворению Косова, от шашлыка никто и не думал отказываться.

— Вань! А что ты это так... раздухарился! — Зиночка, сидящая рядом, прильнула к его плечу.

— Ну... может я на тебя впечатление хочу произвести, — посмотрел на девушку, засомневался, — или наоборот, показать какой я транжира, и что меня не стоит воспринимать всерьез! И мои слова про то, что я просто есть хочу, не прошли? Ну... ладно.

Тем ни менее, с шашлыком допили и вино — девушки; и коньяк — мужчины. Да и что там пить-то — ноль пять литра да на четверых крепких молодых мужиков, да под такую закуску?

Все же к чаю пришлось попросить еще бутылку коньяка. Только налить его в заварник, для антуража. Да и разливать по стаканам с чаем удобнее.

— Парни! Кто желает чаю по-адмиральски? — Иван понимал, что это — не по-адмиральски, но его понесло. Хорошая компания, красивые девушки, легкий хмель. Настроение — замечательное, чес-слово!

К удивлению, чай с коньяком захотели попробовать не только парни, но и девушки. Так — по чуть-чуть, по граммульке!

Иван откинулся на спинку стула — в одной руке папироса, за другую — приобняла Зина.

— Ваня! Илья! А почему Вы гитару не взяли? Ну... спели бы сейчас! Хорошо же сидим, весело! — Зиночка блестит глазками. В сторону Киры Иван старается вообще не смотреть.

— А я предлагал Илье, но он категорически отказался! Говорит, не буду я баловать своим искусством этих предателей, забывших нас в отдаленном клубе, и за месяц не приехавших ни разу! А может мы, говорит, уже померли, от коклюша, или свинки? А они и не знают — может нас схоронили давно? И глаз не кажут!

— Иван! — смеясь, сказала Кира, — это болезни — детские, взрослые ими не болеют!

— А кто сказал, что мы с Ильей взрослые? Я вот — умишком слаб, по разуму — дитя дитем; Илья же — по жизни из детства не вышел. Наивный, совестливый, чуткий, как... как собака спаниель, вот!

Но Илья все же сходил к своим знакомым, и принес гитару. Правда, сыграв пару композиций, которые Косов «в упор» не узнал, передал гитару ему:

— Давай, Иван! У тебя лучше получится, да и практика тебе нужна!

Косов, находясь в прекрасном расположении духа, «дал»! Сначала спел «Шмеля», потом «Гитару». Народу понравилось, даже с соседних столиков ему похлопали.

— Ваня! Спой «Глаза», ну пожалуйста! — протянула Зина.

— Только за поцелуй!

— Ну что — прямо здесь, что ли, целовать? Имей совесть!

Он спел и «Глаза», и в «Шумном зале ресторана». Даже краем глаза видел, что несколько пар танцевали под «Глаза» на помосте веранды.

— Очень хорошо спел! Даже лучше Калошина! — похоже Зина немного... окосела.

— Ну... лучше, не лучше... но спел и правда — неплохо! — задумчиво произнес Илья, — я же говорил, у него неплохой голос!

— Парень! А спой что-нибудь... такое..., - окликнули его от соседнего столика.

Он посмотрел. «Ага... похоже кто-то из урок. Но — серьезный, не босяк. И морда незнакомая».

— Следующая песня звучит для моей девушки, Зины! — та встрепенулась, уселась ровно, и кивнула налево-направо, юморно представляясь.

Зачем он запел этот явный блатняк, Иван объяснить себе не мог:

— На этом скоке я сорвал немалый куш,
И лег на дно, покуда не утихнет шухер.
И заповедная непуганая глушь,
Меня узнала, как геолога Андрюху.

Может это натура Чибиса его так подвела в это момент?

Люди слушали. Причем слушали все, и простые, и явные интеллигенты. Ну да, в России интеллигенция всегда испытывала тягу ко всему блатному, тихо попискивая от восторга. Достаточно было посмотреть — кто сидел в зале на концертах того же «Лесоповала», Новикова или Танича.

Особенно ему удавались припевы. Как там с душой тянул Трофим:

— Судьба моя — змеюка подколодная!
Ужалит в тот момент, когда ее не ждешь.
Пусть я играл крапленою колодою —
Пропал, ей Богу, ни за грош!

Ему хлопали. А этот бродяга, протянув: «Все зло в них, в бабах!», и лихо замахнул стопарь.

Потом Иван глянул на подругу Виктора:

— А эта песня звучит для всех Татьян:

— Ее глаза небесно-васильковые притягивали взгляды как магнит...

Зиночка выразила недовольство после окончания:

— Чего это я буфетчица вдруг?

— Ну... там же она не буфетчица, а агент под прикрытием! Понимать надо!

— И чего это ты ей, этой старушке, песни вдруг поешь? — уже шипя в ухо, и пощипывая за бок.

«Так... надо завязывать это представление!»

— А пойдете на карусель?

На карусели было здорово! Сиденья были на двоих, и они кружились с Зиночкой. Он обнимал ее одной рукой, а другой — делал вид, что все пытается поправить подол ее платья, который бессовестно задирался от порывов ветра! Она смеялась, и на ее щечках были явственно видны ямочки! А когда она запрокидывала голову, ее шея... как же хотелось ее поцеловать!

«Ах какие у нее все же ножки! Да в чулочках!»

Спасибо карусели и за то, что хмель выдуло под ноль!

«Что-то я расслабился... как бы не в перебор!».

И это сразу стало ясно — когда Сергей, вроде бы со скуки, предложил ему прыгнуть с вышки. Парашютная вышка была видно со всех сторон в парке. На вид — метров тридцать, не меньше, а то и все пятьдесят. Периодически, было видно, как парашют скользил вниз по тросу с новым желающим.

— На слабо берешь? Врешь — не возьмешь! Пошли!

Девушки забеспокоились, решили отговорить их:

— Сергей! Ну ты то — понятно. У тебя этих прыжков с парашютом уже больше двух десятков! А если Иван ноги переломает? Ну что вы затеяли? — это Кира.

Зина смотрела, чуть прикусив нижнюю губу, и молчала. Может это и послужило последним толчком к тому, что Иван, коротко бросил «белокурой бестии»:

— Пошли...

Но уже на стадии подъема на вышку, у него мелькнула мысль:

«А вот на кой хрен мне это надо?». И сам себе ответил: «Теперь уже и правда — надо! Назад уже никак!».

Наверху изрядно поддувало. Иван старался с равнодушным видом озирать окрестности. «А красиво — если отсюда смотреть!».

Инструктор коротко глянул на Сергея:

— Сколько прыжков?

— Двадцать два, — улыбнулся тот.

Инструктор коротко кивнул, и повернулся к Ивану. Осмотрел Косова:

— Ну хоть у кого-то обувь нормальная, — это выпускающий про его берцы, — значит так... Не ссы, все будет путем! Здесь лететь-то секунд пять, ну семь — край. Запомни — ноги держишь вместе, чуть согнув в коленях. Понятно? Ну все... ждем.

Он посмотрел, как парашют подняли вверх, потом — как Сергей сноровисто одел и затянул на себе ремни подвесной. Инструктор, тем ни менее, все тщательно проверил.

— Готов? Пошел!

Глядя на ускользящий вниз купол, Иван хмыкнул про себя:

— Да и правда, чего тут сложного-то?

Но вниз смотреть почему-то... не хотелось! Пересилив себя, он нашел взглядом стайку их компании и помахал рукой. Потом перевел взгляд и стал смотреть вдаль.

— А ты — ничё так..., - ухмыльнулся инструктор.

— Да какой там... ничё. Девушки наши внизу стоят, вот и вынужден... «ничё так».

Инструктор засмеялся:

— Да, если девушки, то — понятно.

Закрывая обзор вперед, на тросе подняли вверх купол парашюта.

— Так... Давай, одевай ремни, — парень помог ему нацепить на себя сбрую, — ну... готов?

— Сейчас... погоди, — Иван сделал несколько энергичных вздохов, вентилируя легкие, на секунду сосредоточился, впрыснул в себя злость.

— Готов!

— Пошел!

— Джеронимо!!!

Зачем он это заорал, он и сам не мог понять! Наверное, он закрыл глаза на секунду, потому как, когда открыл — земля была опасно близка. Дух перехватило. Только в последнюю секунду он вспомнил: «Ноги!». Потом — удар по ногам, и он мягко повалился на бок.

«Ф-у-у-ухх! На куй этого Сережу!».

Попытался подняться, но в правую ногу кольнуло. Не сильно, но ощутимо! Блядь такая! И ведь знал, и сказали ему там, наверху, а вот все равно — не сгруппировался и про ноги забыл! «Пенёк!».

Он все же поднялся, и принялся отстегивать ремни. К нему подбежал Сергей, Кира и Зиночка.

— Ты как? Нормально? — Сергей выглядел чуть встревоженным.

— Норма... только вот про ноги все же забыл... Похоже — лодыжку потянул.

— А ну-ка... пошли вон, на скамейку. А с тобой, Сережа, мы дома поговорим! — Кира была сердита.

Они перешли к скамейке неподалеку от загона вышки.

— Снимай ботинок! — «как она красива! валькирия! я бы и полностью разделся под ее команды!».

— Кирочка! Да не стоит беспокоиться! — попытался он заулыбаться.

— Так! Я вот сейчас кому-то покажу — Кирочка! Снимай ботинок, я сказала! Мальчишки! Вечно Вы что-то пытаетесь всем доказать!

— Ага... писканьями все меряемся! — пробормотал под нос Иван, но девушки услышали и прыснули!

— Вот это точно! Только не понятно — зачем? — Кира улыбалась. Откуда она достала бинт, Косов не видел.

— Ну как зачем? Что тут непонятного? У кого больше — тот и мужик! А кто так — писюн косопузый! Можно еще посоревноваться, кто дальше, или кто выше напишет! — все же адреналин неслабо так в голову дал, и Иван сейчас «нес пургу» на отходняке.

Зиночка откровенно потешалась, Кира — тоже улыбалась. А вот Сергей — хмурился.

— Ну... это Вы уж как-нибудь без нас организуйте, эти соревнования!

— Ну что, Серега? Слабо? Я тебя всяко переписаю — по всем видам многоборья!

Тот хмыкнул и отошел чуть в сторону, к остальным.

«Хорошо, что с утра намотал в берцы чистые тонкие портянки. А то — стыдоба бы была!».

Кира быстро и ловко туго замотала ему голеностоп:

— Все! Портянку намотай тоже потуже, и на ногу ступай осторожно! Домой как приедешь — лучше в холодной воде ногу подержать! Потом — снова повязку! Через недельку все пройдет!

Они прошли в летнее кафе, сели за столиками и полакомились мороженым.

Зиночка сидела, прижавшись к нему и шептала Ивану на ухо:

— Ты, Ваня, и правда, какой-то дурачок! Ну чего ты на его подначки поддался? У

Сережи этих прыжков уже... он, наверное, года два уже прыгает! Он и Киру тоже туда заманил, в этот клуб.

— У Киры есть прыжки? — как-то это... в целом — неудивительно, но все-таки!

— Ну да... она раз пять... вроде бы... прыгала. Только не здесь, а с самолета.

— Ну вот видишь! И как мне в таком случае отказываться?

Зина отстранилась от него, посмотрела:

— А ты все также к Кире неровно дышишь? Серьезно?

Косов хмыкнул, приблизил ее и наклонившись к ней, прошептал:

— Красавица! А не хочешь ли ты поехать ко мне в гости? Я тебе покажу уголья совхоза.

Мы пройдем с тобой по полям и лугам. А когда нагуляемся, я напою тебя чаем с малиновым вареньем. У меня есть, одна соседка угостила — жена Мироныча!

— Ты сейчас гулять не сможешь, у тебя нога болит! А значит — потащишь бедную девушку сразу к себе в берлогу и примешься назойливо соблазнять! Знаю я тебя! — она негромко смеялась, — а если серьезно... не знаю, Ваня... я как-то не готова. Вроде бы и хочется, но чего-то боязно...

Она толкнула его в бок:

— И вообще ты хам! Такое предлагать девушке!

«Ну и ладно! Хвостом крутит, а до главного дойти — «чего-то боязно!», и ведь, похоже, уже давно не девственница. Интересно, когда Вера приедет?».

Она, Вера, уже была у него в гостях. Один раз. Правда несколько стеснялась, и было видно, что ей неловко.

— А ничего у тебя тут, даже уютно!

Она покрутилась по комнате, заглядывая в шкафы, разглядывая повешенную Иваном на стену карту мира.

«Да она же просто стесняется!» — понял Косов и подойдя сзади, обнял женщину:

— Ну ты чего, Вер? Ну что ты, как будто мы и незнакомы?

— Ваня... я чего-то стесняюсь. Место... непривычное. День-деньской... И люди здесь рядом... за стенкой!

Он плотно занавесил окно, сделанной из обрезка того же занавеса, ночной шторой. Стало почти темно.

— А так? — он обнимал Веру, и нежно целовал.

— Ну... не знаю. Все равно — стеснительно как-то...

— Интересно получается — там у Петровны, ты рисковала, что она может вдруг раньше вернуться и не стеснялась, и не боялась. А здесь, когда мы одни — стесняешься.

— Ты не понимаешь. Там — другое! Ну да, эта гримза могла прийти раньше, ну и что? Ну поругались бы мы с ней, поцапались. Ну... Андрею бы она рассказала, поддал бы он мне... да она по улице бы растрепала. Но это же... как-то привычно, от нее, змеюки, такое ждатель. А тут... вон... я же слышу — ребятишки ходят.

Это она, конечно, привирала — слышно ничего не было. И шума в клубе никакого не было, да и людей было — раз, два и обчелся! Время-то еще раннее.

Но он все же смог ее растряссти, а потом и возбудить. Это было, конечно, не так отвязно, как у них получалось раньше. Но Косов надеялся, что со временем Вера привыкнет.

— Ты о чем это задумался, что у тебя такая улыбка на физиономии? — вернула его в чувство Зина.

— Да так... думаю вот... ничего мне от тебя не дожидаться. Это называется — «динамо»

крутить. Ну... давать ложные надежды, на что-то раскручивать... Девушкам это свойственно.

— И чего тогда твоя улыбка такая... развратная, вот! Если бы ты об этом думал — ты бы злился, хмурился. А ты — как тот кот, который сметаны объелся. Не ври мне, Ваня!

Возможно, они бы и поругались, но тут компания начала закругляться. Ну да, времени-то уже как бы не к пяти часам!

А Иван решил сходить... в общем, нужно было слить все то, что он ранее выпивал.

Виктор махнул ему рукой, указывая направление, где в парке имеется необходимое Ивану.

«Ага... от центральной аллеи, чуть вбок, по другой аллеючке, а потом — еще правее, почти в угол парка».

Ну да... дощатое строение, крашенное известью. И елки вокруг стеной. Уединенно так.

Уже выйдя из строения и повернувшись к аллее, он услышал сзади смех и противный, до озноба от узнавания, голосок, протянувший:

— Нет, ты посмотри, Чилим — кого мы видим! Это же Чибис! Один на льдине, ломом подпоясанный! И не замечает своих корешей, и не здоровкается! Смотри-ка, зазнался видать совсем!

«Твою же мать... Допрыгался!».

Он, не торопясь, повернулся:

— Даров, Димка, — Димка Плехов, по прозвищу Чилим, такой же, как и Чибис детдомовец, прибившийся к банде Хлопа, — привет, Лаврен! Не суетись, не мелькай! Че ть картину гонишь?

Если бы здесь был один Чилим, можно было бы и не беспокоиться. Тот был нормальным парнем, вполне здоровым. Ну а что в компании шпанской, так то обстоятельства так сложились. Договорились бы. Типа — ты меня не видел!

А вот Лаврен... Эта тля нормальной не была! Мелкий, суетливый, похожий на крысеньша пацан, он активно «шестерил» Хлопу, да и Цыгану — в рот заглядывал. А значит, или Хлоп с Цыганом где-то рядом; или же им об этой встрече донесут уже сегодня.

«Нет... Чилим на драку не полезет, ему это и на хрен не надо! Да и мелкий тоже прыгать не будет, если только... если только пахан где-то рядом!».

— Че надо? Давай весь расклад в кучу, разберемся, порамсим и разойдемся краями!

— Это как же краями? Ты, Чибис, говорят по бестолковке на «скачке» получил, вот ты рамс и попутал! Ты бабки в компанию не занес? Значит — в косяках по ноздри! Так не делается, и ты это знаешь. Ответить надо!

— Отвечу! Только не перед тобой, босота косорылая. Ты, тля, ходи-ка лучше подальше. А то, что-то за базаром не следишь. Метлой метешь, аж пыль летит!

И Лаврен, и Чилим, похоже, несколько обомлели. Ну да, Чибис раньше никогда особо борзым нравом не отличался. Нет, не терпила, конечно, но и не правильный, матерый бродяга.

— Да ты ваще края потерял, Чибис! Ты че из себя тут строишь? На гоп один раз сходил и типа урка-положенец? За базар ответь, а то и ботала своего лишиться можно!

— Это ты, что ли, сявка, мне язык резать будешь? Шелупень плюшевая!

Косова закусило. Можно было попробовать «на базаре съехать», но — с кем? С Лавриком, что ли? Себя не уважать!

А тот ощетинился и бросился на Ивана. Косов уже сместился чуть назад, вернувшись в

стене туалета, опершись на него спиной — чтобы спину обезопасить! Потом, потихоньку, опустив руки, расстегнул пуговицу на манжете рукава, и чуть дотронулся до рукояти финки в ножнах на подвесе, на предплечье.

«Ага... здесь родная!».

И чуть спокойнее стало. А вот почему Лаврен такой борзый — непонятно! По физическим кондициям он и в подметки не годился вообще никому из банды.

Косов, пользуясь ростом, а значит и длиной рук, перехватил Лаврена за плечи и кинул взгляд на Чилима. Тот стоял нахмурившись, но в драку не лез.

«Будем надеяться, что так и будет! У нас вообще были неплохие отношения! Вроде бы...».

Он рывком развернулся, и прижал Лаврена к доскам стены.

— Ты что ли мне предъявляешь? Ну давай — предъяви! И слюной не брызгай, мудень! Башку оторву!

Косов расслабился... непростительно расслабился. Он почему-то решил, что пацаны вдвоем — Лаврен и Чилим. Он по-прежнему краем глаза видел сзади слева так и стоявшего на месте Чилима. А вот справа сзади...

«Твою же мать-то!» — мелькнула мысль, когда он почувствовал несильный укол в поясницу.

— Постой спокойно! — а вот и Цыган... и тихо-то как подошел! Сейчас чуть надавит и пиздец почке!

— Ну что, Хлоп? Подколоть его? — явно усмехается, с-с-с-у-у-ка...

— погоди, Цыган! Подколоть успеешь! Чибис! — вот и эта рожа появилась!

Почувствовав, как убрался от спины нож, Иван попытался рывком развернуть так и болтающегося в его руках Лаврена, и толкнуть на Цыгана. Толкнуть-то толкнул, да вот только этой хитрой копченой морды за спиной уже не было! Цыган плавно скользнул назад, держа дистанцию, и даже не взглянув на отлетевшего в сторону Лаврика.

Чуть нагнувшись, напружинив ноги, Косов поводит перед собой выхваченной финкой.

— Ну! Что надо?

Перед ним в паре-тройке шагов — Цыган, со своим свиноколом в правой руке. Улыбается, падла! Чуть дальше — Хлоп, сволочь белобрысая. Тоже щерится!

Челим так и стоит, хмуро глядя в сторону. Лаврик на жопе, шустро перебирая ногами, отполз назад и вскочил на ноги:

— Не, Хлоп, ты видел? Он, падла, ваще оборзел!

Хлоп чуть повел рукой, и Лаврен заткнулся.

«Ах как плохо-то!» — Плохо! Он и против одного Хлопа — не уверен, что вытянул бы! А тут еще и Цыган!

— Ну... чего предъявите?

— А что — нечего, по-твоему?

— Я бабки Шраму отдал. Вобщак — отстегнул. Свою долю получил и на дно лег! Какие предъявы?

— А друзей-корешей ты, Чибис, забыл? А у кого кормился чуть не год? С кем корешился? Нехорошо! — настроение Хлопа Ивану явно не нравилось. Не бабок Хлоп от него ждет! Похоже... не разойдемся.

И такая злость внутри него поднялась! Вот живут же рядом люди. Где-то работают, что-то строят — заводы там, школы или еще чего-то... семьи, к примеру, создают! С девушками

гуляют! А тут — эти упыри бродят! Сука! Ведь ничего хорошего у них за душой, ни хрена!

— Ну все... базара не будет! Поразмсим по-взрослому... да, Хлоп? Хоть одному из Вас да кишки выпущу, бляди!

Он видел, что Цыган удивленно чуть поднял бровь. Да и Хлоп — похоже озадачен таким настроением Чибиса.

— Смотри-ка, Цыган! И впрямь ему, похоже башку-то стряхнули! Совсем очумел!

Иван видел, как Хлоп сделал шаг вперед и чуть в сторону, выходя из-за Цыгана. Из рукава у Хлопа показался кожаный мешочек, размером с кулак. Чибис знал, что это такое. Хлоп вообще был любителем, скажем так, оружия ударно-дробящего действия. Небольшие дубинки, или кистень, как этот — сшитый из толстой мягкой кожи и набитый дробью небольшой мешочек, на недлинной металлической цепочке.

И он сделал шаг вправо, смещаясь вдоль стены туалета, пытаясь прикрыться Цыганом.

«Так себе прикрытие... Но хоть не сразу вдвоем, хоть секунду выиграть!».

Цыган — тоже с интересом смотрел на Чибиса. Нож в его руке чуть подрагивал и, казалось, жил своей жизнью — острое его постоянно покачивалось: верх-вниз, вправо-влево.

А вот... про кавалерию из-за холмов Косов-то и забыл! А бандюганы похоже выпустили из виду.

Резкий крик стегнул по ушам:

— А ну в сторону! Что здесь происходит?! отошли, я сказала! — Иван чуть скосил глаз.

Кира! Глаза сверкают, румянец на щеках, грудь вздымается. Дева-воительница!

Сергея здесь же, пытается задвинуть ее себе за спину, что не очень-то и получается. А вот и Виктор сдвигается в сторону, заходя шпане за спину. И чуть поодаль Зиновья, прикрыв рот рукой, с широко открытыми глазами, а за ней и остальные.

— Атаанда, Хлоп! — ну да, Лаврик подал сигнал как-то... вовремя, ага!

Но и Цыган, который чуть повел головой, оценивая ситуацию, и Хлоп, усмехающийся, не торопились отходить от Косова.

— Тихо, тихо, граждане! Все нормально, все ровненько! Ну встретили знакомца, поговорили! Что тут кипишь поднимать? Ша! Уже уходим! Цыган! Ноги! — Хлоп, продолжая улыбаться, не торопясь, ушел в елки. Цыган, кивнув Ивану, как доброму приятелю, так же не торопясь, нырнул следом. А Чилим и Лаврен уже и раньше сквозанули.

Только откуда-то из-за елок голос Цыгана весело вякнул:

— Ты, Чибис, ходи да бойся!

А из Косова, как будто стержень выдернули. Нет, он не упал и даже не сел. Остался стоять. Только чувствовал, как по спине стекают капли пота, и неприятно холодит поясницу мокрая от пота ткань рубашки.

— Ты как? Цел? — Виктор, подойдя к нему, внимательно осмотрел с головы до ног, достал из кармана платок, протянул, — вытри лицо!

— У меня свой есть! — Иван попытался одной рукой достать платок и с недоумением посмотрел на финку. Потом попытался вставить ее в ножны под рукав. Получилось не с первого раза.

Сергей, наконец-то смог отправить Киру к остальным, подошел сюда.

— Кто это был, Иван?

— Как они и сказали... знакомцы, — Косов обтер лицо, с удивлением посмотрел на ставший мокрым от пота платок.

— Ну у тебя и знакомцы..., - начал Сергей.

— Погоди, Серега! Что они хотели, эти знакомцы? — Виктор был серьезен. Ну да, будешь серьезным, когда чуть в поножовщину не влез.

Иван рассказал наспех придуманную историю:

— Я, как Вы знаете, детдомовский. А в детдоме... не сказать, что прямо все — малолетние преступники. Но всяких хватает. Вот мой приятель детдомовский, здесь уже, и связался с этими... А через него и я с ними познакомился. Так... пару раз посидели, пивка попили. А потом приятель мой — пропал. Толи в тюрьме сидит, толи в бега подался. Я с ним в последнее время редко виделся... весной еще, в последний раз. Они говорят — задолжал он им, вот они с меня, как с приятеля и решили стребовать.

«А что... вполне нормальная легенда, на мой взгляд».

— Угу... ладно. Так! Сергей! Планы меняются! Давай проводим Ивана до передвижки, чтобы еще каких знакомцев не встретил.

— А почему они тебя Чибисом называли? — любопытно Сереже!

— Старая, еще детдомовская кличка... Ну — песня еще детская есть. Знаешь — у дороги Чибис... Вот... как-то так. Только вот что, Виктор! Провожать меня не надо! У меня вообще сейчас желание — где-нибудь хорошо поесть, а еще лучше — и выпить!

Сергей хмыкнул, посмотрев на него. А Виктор попытался отговорить Косова. Но тогда отпустило, хорошо так отпустило! Прорезался дикий голод, и явное желание вмазать граммов триста!

— Нет... Вить! Не уговаривай! Что мне теперь — спрятаться под печку и сидеть там как мышь? Да пошли они на хрен! Ты лучше посоветуй, где можно посидеть, выпить. Чтобы место культурное и люди приличные вокруг были, а не шпана эта сраная!

Они посоветовались, встав в кружок. Иван в обсуждении участия не принимал, стоял, покурявая рядом. К нему как-то тихо «прилепилась» Зина.

— Ваня! Я так испугалась! Даже стыдно сейчас! Вон как Кирка... Как гаркнет на них! А я... чуть не описалась. И у тебя глаза такие были... белесые какие-то... как неживые! И ножик этот страшный в руке. И эти... они как будто из фильма какого... злодеи!

Он приобнял ее:

— Ну — успокойся, малыш! Все позади, мы их победили, и они трусливо сбежали! Одна вон Кира чего стоит! Это ты правильно сказала — как она рявкнула на них, я чувствую, у меня у самого колени затряслись! Но мы ей говорить же не будем — что у меня колени тряслись, а ты — что чуть не описалась! А то возомнит из себя невесть что, да будет нас постоянно так криком пугать!

— Вот тебе все смешно! А мне и правда... страшно было!

— А знаешь, Зина, а поехали и правда ко мне? Прижмешься так ко мне, я тебя обниму, и станет нам так тепло и уютно!

— Так ты же в ресторан всех зовешь?

— А мы после ресторана и поедем, а? Хорошая моя...

— Ну... не знаю я. Ты... меня хорошо попроси... может я и соглашусь.

— Договорились! Я буду очень хорошо тебя просить! А пока — пойдем куда-нибудь, съедим много горячего вкусного мяса и запьем это небольшим количеством хорошего алкоголя.

Илья и Тоня извинились, но сказали, что у них другие планы на вечер. Оба они как-то посматривали на Ивана... настороженно.

Виктор с Таней заявили, что они и планировали закончить вечер в каком-нибудь

ресторане. Похоже, что Кира уговорила Сергея присоединиться. По предложению Виктора они отправились в ресторан, где играет ансамбль Калошина.

«А что? Тут довольно славно! Зал не очень большой... такой — камерный, можно сказать! Публика явно не ниже среднего! Много мужчин в армейской форме, красивых наряженных женщин!».

Похоже, что Виктора здесь знали. Покосились, правда, на Ивановы берцы и штаны от «горки», но столик им выделили. Причем — неплохой, недалеко от сцены, но и не в центре зала. В ряду у стены.

Виктор буквально всучил Ивану деньги, собранные вкладчину за стол на веранде. Но Косов, в свою очередь, заявил, что эти деньги он сейчас и потратит, и чтобы компания не «ломалась».

— Я, друзья мои, скоро стану известным поэтом-песенником, а значит за мои песни мне будут идти отчисления! Буду я, Зиночка, богат и знаменит, имей это в виду!

Но, как видно, Иван несколько ошибся... Здесь и сейчас, богатство не являлось целью для людей. По крайней мере, для вот этой компании. Ну, или так сделали вид, Иван еще не разобрался! Все решили, что Косов — пошутил.

Калошин, надо сказать, заметил их практически сразу, сначала помахал рукой со сцены, а потом, улучив момент, подошел к столу и поздоровался.

— Ты как, Иван, не созрел еще для дальнейших творческих успехов? Ждем, очень ждем!

Как он и хотел — мясо было много, оно было хорошо приготовлено. Хотя... сейчас ему было главным то, что оно горячее и его — много. Решили не разнообразить выбор напитков: пили уже коньяк, нужно и продолжать в том же духе!

А — хорошо! Очень хорошо! Ивана стало отпускать, он много шутил, рассказывал анекдоты, отчего его спутники так привлекали внимание посетителей взрывами хохота.

— Молодец! Ты на правильном пути! Так и уговаривай меня, я вот-вот готова согласиться ехать к тебе! — еще и шёпот Зиночки в ухо поднимал... градус настроения.

Потом Калошин произвел диверсию! Они там, музыканты эти, что — тоже принимают на грудь, что ли? Зачем было объявлять, что следующая песня... быр-быр-быр, автор которой... быр-быр-быр... сидит в нашем зале! Поприветствуем, друзья!

Хорошо, что Иван уже «откушал» к этому времени граммов двести пятьдесят — триста коньячку. Настроение было... хорошим! Он поднялся на эстраду, поручковался с парнями-музыкантами. А потом...

— Знаете, есть одна легкомысленная, но веселая песенка. Она, я думаю, вполне подходит для воскресного вечера, в кругу друзей:

— В темно-синем лесу, где трепещут осины.
Где с дубов-колдунов облетает листва!
На поляне траву зайцы в полночь косили,
И при этом напевали странные слова!

«Что, слава Семена Семеныча Горбункова спать не дает? Уймись совесть!».
Потом он исполнил «Красное платье» группы Штар. Зине, он видел, очень понравилось!

— Друзья! Эту песню... я хотел бы исполнить для девушки Зины, которая сидит за моим столиком! И к которой у меня смешанные чувства. Почему смешанные? Потому что...

несмотря на всю мою нежность к ней... порой мне хочется повторить поступок Отелло... или Синей бороды. Мужчины! Вы, конечно же, тоже подчас испытываете схожие чувства? С одной стороны — хочется обнять и расцеловать, а с другой — придушить, не так ли?

Он спел «Глаза» Ободзинского, глядя в глаза Зины. А та... она сияла!

«Странно... мне так кажется... Кира как-то сейчас оказалась в тени подруги... или только кажется? Или с коньяком пора заканчивать?».

Калопшин, провожая его со сцены, прошептал:

— Ну вот видишь, а то говорил — ничего нет! Пока нечем обрадовать! Я к тебе загляну на днях, переговорим!

Потом они еще пили кофе с мороженым. А Зина нашептывала ему на ухо, что поет он куда как лучше «этого Калошина!». Расстались они у ресторана, шумно и весело! Даже викинг — и тот изображал такого — рубаха-парня! Вот только Кира что-то была... не настолько весела. Ну да и пусть ее!

Он, продолжал разгул, прижимая одной рукой Зину, а другой рукой — сверток с собранным ему в ресторане «на вынос». Умудрился поймать какую-то машину, высypал шоферу все оставшиеся деньги и попросил довести их. Толи денег там оставалось много, толи парень был и правда такой сердечный, только они оказались у клуба довольно быстро.

Здесь Зиночка... затормозила:

— Ваня! Что-то я... как-то боюсь тебя, правда! Вот уже жалеть начала, что согласилась!

— Душа моя! Я сейчас докажу тебе, что твое решение было абсолютно верным! И доказывать буду до утра!

— Вот... еще больше стала бояться!

— Ну что ты! Посмотри сама, какой я ручной, белый и пушистый! Я — сама нежность! О! Песня... «Покроется небо пылинками звезд, и выгнуться ветви упруго! Тебя я услышу за тысячи верст, мы эхо... мы эхо... мы звездное эхо друг друга!».

Похоже, это было последнее, что сразило Зиночку наповал!

Он сначала старался быть нежным, чутко прислушиваясь к девушке. Голова шла кругом от того, как она таяла в его руках. Вроде бы она кричала. Но помнил он это смутно. А вот дальше... Коньяк из пакета, собранного в ресторане, был явно лишним, и ему, и ей. Нет... так-то все было хорошо. То есть им было хорошо. Но голову и она, и, что самое главное он, потеряли совсем!

Наверное, Мироныч, который дежурил сегодня в клубе, ушел погулять в ночь. Потому как спать он бы точно не смог!

Уже когда в окне начало синеть, а он отпаивал ее крепким чаем, Зина, закутавшись в простыню, отвернувшись, шептала:

— Косов! Ты — подлец! Так нельзя поступать с девушками! Все, что мы делали сегодняшней ночью... это как-то неправильно! Так нельзя делать! Я и половины из того, что мы делали... не то, что не знала! Я даже не представляла, что так можно делать! Ты подонок, Иван!

Он, подхватил ее на руки, крутанулся вокруг себя, и опустил ее на топчан.

— Не смей ко мне прикасаться! Мне так стыдно! До чего я докатилась! Косов! Тут же должен быть сторож, правильно? Это что же — он все слышал? Ой, Божички! Стыдно-тс как! Он не мог не слышать... мы так кричали... я так кричала! Почему ты не закрывал мне рот?!

«Ну... вообще-то закрывал. Ладони вон... искусаны. И... его она тоже изрядно покусала, а про спину... даже говорить не хочется! И даже там... тоже саднит! Как она не откусила...».

— Ты хочешь поспать чуток? Или... нет!

— Да что тут спать-то осталось! Prospлю институт! Нет, спать мы не будем! Я вот... кое что... повторила бы... если ты не против...

Когда он провожал ее, сначала до передвижки, а потом — так решив, и до дома, она вовсе не выглядела замученной и не выспавшийся. Наоборот, девушка вся светилась.

— Не смотри на меня! Иван! Мне и правда стыдно! Что мы творили с тобой! Это нехорошо... но как же хорошо было! Ты, Ваня, свинья натуральная! Вот как быть... и Кирке похвастаться хочется... вот до дрожи хочется. И понимаю — что могу так упасть в глаза подруги! И знаешь, что — ты мерзавец еще и по той причине, что испортил меня! Я чуть не половину не помню вовсе, или помню — очень смутно! А это очень обидно, вот!

— Не смей на меня так пялиться! У тебя сейчас такая похоть во взгляде, что мне дурно становится!

«Странно... какая похоть? Мне вот спать хочется, как из пушки! Шарёнки сами так и закрываются! Сейчас бы проводить Зину, вернуться, выпить чаю и часиков на пять — в люлю!».

— Зин! Ну... если ты не помнишь половину... может как-нибудь повторим? Чтобы лучше запомнилось?

— Замолчи! Не смей мне такое говорить! Мне... нужно все обдумать, пережить. Я не знаю... я не знаю, если бы все вернуть... вот — вечер. Согласилась бы я, если бы знала, что меня ждет?

— Ну, солнце мое! Мне даже... обидно как-то. Я думал — девушке понравилось... а ты — вон как!

— Молчи! Ты глупый самец, Иван! Ты ничего не понимаешь! Мне... может мне и понравилось... просто я смириться не могу с тем... что я вот это все... позволяла.

— Так ты не только позволяла. Ты и активнейшее участие принимала! Ты меня буквально подталкивала к продолжению... этих гнусностей! Ты провоцировала меня... своим телом, своей страстью!

— Ты меня добить хочешь? Ну да... давай — добивай! Вань! Я сейчас со стыда сгорю, здесь же, в вагоне люди. И мне кажется... что они все видят, знают, чувствуют, какая я развратная.

В вагоне, вообще-то, было человек пять, семь от силы. И сидели эти люди далеко от них, и люди эти буквально клевали носами, пытаясь добрать у сна еще чуть-чуть. И никаких флюидов похоти и разврата они явно не чувствовали!

Но Зиночке было плевать — она вновь и вновь переживала прошедшую ночь.

Уже неподалеку от ее дома, когда она потребовала, чтобы дальше он ее не провожал, она, глядя ему в глаза, сказала:

— Ваня! Ты меня развратил! И вот что... если ты, Косов, меня вдруг бросишь, ты будешь последним мерзавцем! И я тебя... убью.

— Ты хочешь... развращаться дальше? И тебя ничего не останавливает?

— А что мне остается делать? Ты вынуждаешь меня падать все ниже и ниже! В этот сладкий омут! Ты — маньяк, Иван!

— Ну... вообще-то я как-то тебя предупреждал об этом. Разве нет?

— Плохо предупреждал! Ты вообще, Ваня, косноязычный! И вот еще что, кобель! Я уверена, что у тебя есть еще бабы! Но! Чтобы, когда я буду приезжать... или еще как-то... встречаться с тобой... что бы и близко их рядом не было! И близко! Понял?

— Надеюсь, ты предупредишь заранее?

— Ты — сволочь! Наглая, подлая сволочь! Ты даже не убеждаешь меня, что я у тебя одна! Ты ничего не отрицаешь!

— Я не могу тебе врать, радость моя!

— Вот! Вот в этом ты весь! Все не провожай меня! Мне нужно побыть одной! Так.. куда ты пошел?! А поцеловать?

— Зинуля! Ты знаешь, мы с тобой, как супруги, которые прожили вместе уже лет пять, а то и семь! Причем, судя по твоему характеру, в родне у тебя явно были евреи!

— Ты очень хорошо целуешься, Ваня! Очень! Ты дурак и не видел, как я плыла уже после первого твоего поцелуя! Ты слепец! Вот был Гомер — слепой поэт! А ты — слепой мерзавец!

— Когда тебя ждать в гости?

— Я постараюсь держаться как можно дольше! Я сильная, ты знаешь? Как можно дольше! Может получится забыть все, что было?

— Вот...

— Что?

— Опять песня:

— Я тобой переболею, ненаглядный мой!

Я тобой перетоскую-переворошу,

По тебе перетолкую, что в себе ношу.

— Вот как у тебя это получается, а? О-о-о-о... я поняла — я твоя муза! Вот! Цени! Ну.. поцелуй же еще... и я пойду.

И уже уходя:

— Комнату обязательно проветри, хорошенько! А то мне опять стыдно! Там... там мной наверняка пахнет! И еще... постельное белье — обязательно постирай! И... хоть чуть-чуть скучай по мне! Стой! Поцелуй еще разок!

«Как там:

— Трясаясь в прокуренном вагоне

Он толи плакал, толи спал...».

«Мда... вчера я прошел по краю. Просто чудом... Почему ребята пошли меня искать? Почему не ждали на аллее? Надо будет выяснить — это кто такой, с такой чуйкой? Но как же они меня бесят, эти упыри! Просто — как вспоминаю, так и хочется... убить! Да, убить! Причем так... с удовлетворением! Не с удовольствием, а — с удовлетворением, вот!

Нужно еще с фонарем что-то делать! Нужен упор. Да, гарда. Фонарь он что — рабочий режик, чтобы ни за что не цеплялся! А боевой нож — тем больше на укол работают, а не режут! Вот и нужно подумать, как упор сделать!

Если бы у меня вчера финки не было, эти... мудаки — даже не задумались бы! А так — чуть притормозили, и ребята подоспели!

Но Зиночка... как же хороша! И правда — обидно, что не все помнится отчетливо! Вот если сравнить... Веру и Зину. Ну, Вера, благодаря моим стараниям, уже куда как более опытна! А Зиночка... она, конечно, более фигуриста... очень уж приятно ее... в руках держать!

Но Вера... она проста и понятна. У нее все — на виду. А Зиночка... посложнее. Там такие тараканчики в голове... милые, конечно, но — ага, тараканчики! И вот эти страсти по стыду и возмущению по поводу разврата... что-то говорит мне, что это... картинка такая! Глазки уж очень у нее блестели, когда расставались! А все равно — хороша! Вот так бы — запереться с ней в квартире, чтобы удобства под рукой; затариться продуктами, чтобы никуда не выходить; залезть в койку... и дня на три! Хорошо бы!

И так крутится в голове мысль... а вот что ей хочется Кире рассказать, поделится... это она правда хочет? Интересно! Вот бы послушать, как это будет происходить? Если будет, конечно! И... как Кира к этому отнесется? М-дя...».

Иван начал бегать по утрам. Погода не радовала, но он нашел такую тропинку, по прибрежному лесу. Там трава и дерн, грязи практически нет, даже в дождь. Вот и пусть! Методом «тыка» наметил себе дистанцию — примерно пять километров. А еще — нашел на Лесоскладе, благо его там помнят, пару бревен, да выпросил трубу, полуторадюмовку. Сколотил турник возле дровяного сарая. А в сарае, выбрав балку понадежнее, повесил самодельную боксерскую грушу. Ну как грушу — взял пару хороших, новых мешков из дерюги, вставил один в другой, для пущей крепости и надежности, насыпал до половины мешка подсушенный песок, вперемешку с опилками. Вот и груша. А то ходят тут... Бычки всякие. Мало ему Хлопа с Цыганом, так еще и эти — парнокопытные...

Вся эта визг-культура полезна еще и в свете будущего поступления в училище. Там задохликам тяжело!

Да и Кира... с этим викингем. Тоже на нервы действуют. Но по-разному действуют. Если она... понятно как. И даже чуток комплексовать рядом с ней начинаешь, настолько она физически развита. Блин... опять ее вспомнил, там... на острове!

То этот Сэр-Гей... злость вызывает! Надо все же подтянуться поближе к ним, по уровню подготовки. Чтобы стыдно не было!

Так что, бей, Ваня по мешку, наработывай удар, ставь его! Всем Бычкам на зависть! И нож... с ножом — сложнее. Совсем разбирать? А потом, а ну как не соберешь? Надо подумать, взвесить все. А еще бы — с кем посоветоваться... Но с кем? Знакомых такого рода у него не было. Может — опять у Игнатъича спросить? У него же знакомых — куча!

И еще вопрос — ты, дурень, на веранде на кой хрен кичился знакомством с ним, перед буфетчиком. Язык мой, враг мой! А еще — «ума нет, считай — калека!».

Жизнь потекла размеренно, неторопливо. И Ивану даже как-то нравилось. А что — утром встал, на зарядку. Пробежка, турничок, поколотил по груше! Потом — умылся, позавтракал. Прибрался в комнате. Если надо — поездка в «киносеть», а нет — так и вовсе славно!

Он, как и договаривались с Ильей, несколько раз в день прибирался в клубе. Подметает, если нужно — помоем пол! Осенью грязи с улицы таскают — в достатке! Потом — занятия на гитаре.

Если что помочь нужно в библиотеке, так он тоже не отказывает. Илья никак не может найти постоянного библиотекаря. Эта женщина, которая временная, все наседает на

директора.

Уже вечером, когда все уходят, он моет полы везде и уже капитально, тщательно! А зачем ему это нужно — на упреки нарываться?

Зина что-то подзапропала опять. Видно — борется с собой, точнее — с семенами разврата, посеянными им, мерзавцем Косовым. Ладно, будем успокаивать себя поговоркой: «Коготок увяз — всей птичке пропасть!».

— Ну ты, паря, даешь! Я ж не знал, куда мне деться! Ох она и кричала! Думаю, да что ж он... убивает ее там, что ли? Дак... ежели так-то, что ж так долго-то убивает! Вот же кат где! — это Мироныч его так «троллит», поводу той ночи, с Зиной, усмехается, сидит рядом, — я уж и на улицу вышел, погулял, да покурил. Ну думаю, все... унялись! А захожу... слышу — нет! Все дальше идет!

— Мироныч! Ты мне сейчас завидуешь, что ли? — пытается как-то пресечь дальнейший разговор Иван, — так, говорят, что зависть — плохое чувство! Да брось врать-то, что уж так она кричала. Может так... вскрикнула пару раз тихонько, да и все.

— Зависть, говоришь? Ну — может и так... Эх-ма... молодость-то прошла! Да быстр так, зараза! А и не пару раз она вскрикнула... не-е-ет... ты, Ваня, брось! Ты, однако, тот еще кобель! Это ж надо — так девку довести, чтобы она голосила, как плетьюми ее дерут!

— Ну ладно, ладно! Хватит уж! Чего там... а я тебя и не видел тогда!

— Так как же ты бы меня увидел? Вы ж мимо меня пронеслись, как гонится за Вами кто-то! Ну ты-то пер, как лось во время гона, ничего не видел! А она-то что, пьяная была, что ли? Да вроде нет... своими ногами шла. Это тебе, паря, повезло, что не Яков дежурил. Он бы молчать-то не стал, выматерил бы Вас, да всю охотку бы и сбил!

— А что Яков, такой высокоморальный тип?

— Да ты знаешь, он как брюхом-то маяться начал, такой злобный стал. Все ему не так, все не эдак! Так-то он тоже... раньше... блудливый был. Но горяча, горяча девка тебе попалась! Прав ты! Аж завидки берут!

— Да будет тебе! Хватит уж... Скажу лучше — это правда, что опять дрова привезут?

Мироныч помолчал, попыхивая самокруткой:

— Да не... Там директор совхоза... вроде как — мало, говорит, дров запасли. А что ж?! Шесть печей топить зиму, может и правда — мало. С Лесобиржи согласились еще пару машин привезти. Только — горбыля. Там его колоть-то не нужно будет, только пилить.

Это их посетил директор совхоза, Тихонюк Николай Ефимович. Прошелся по клубу, кое-что указал Илье. Ну так... больше для порядку! И потом заявил, что, так как «концерт они, значит, на открытие-то подготовили куда как хороший, то уж и к двадцать первой годовщине Революции, стал быть... нужно не хуже сделать! А еще лучше — чтобы, значит, поэты-композиторы и новыми песнями, про революцию, стал быть, порадовали! Пусть, значит, знают, что вот все поют известные песни, а у нас — вона как! свои, да не хуже!».

Илье оставалось только почесать затылок и с надеждой посмотреть на Косова.

Приходится морщить лоб и вспоминать что-нибудь... соответствующее. Наброски у Ивана уже есть, но Илья торопит — мало того все это написать, нужно и музыку подобрать, да разучить. Подготовиться! А времени остается — чуть больше месяца!

— А что, Мироныч, вот директор-то, Тихонюк, он местный, или тоже откуда-то приезжий?

— Не совсем местный, но он еще до революции сюда приехал. Из переселенцев, что ли? А потом, уже в Гражданскую... ага, партизанил здесь. Даже каким-то начальником был. Ну и партийный, опять же! Одно время он на «Металлстрое», это так раньше «Сибкомбайн» назывался, каким-то снабженцем был. Ну... мужик он хоть и строгий, но хозяйственный. Серьезный такой... руководитель.

Илья, наконец-то, нашел библиотекаря. Молодая женщина, зовут Лидия Тихоновна. По фамилии — Сергеева. Она, наверное, была бы вполне симпатичной, но вот только сейчас была как-то болезненно худа, даже — казалась изнеможденной. Одета вполне себе со вкусом, правда одежда на ней сейчас... болтается как на вешалке.

— Ты, Мироныч, нашу новую библиотекаршу знаешь, что ли? Вроде здоровкался, как со знакомой?

— Ну так... она же у нас здесь в школе года два, или три учителькой проработала! Особо я ее не знаю, но — мимо же в школу ходила, здороваемся! Она, вишь ты, заболела тяжело. Как бы не год проболела, может и поболее... Со школы-то ушла, вот... к нам решила, значит. Ну да — все ж в библиотеке полегче будет, после болезни-то! Они с мужиком ее — домишко прикупили, на станции. Он у нее какой-то инженер... все по реке туда-сюда носится. С весны и до осени. Путеец, вроде это называется.

Новую библиотекаршу Илья представил работникам. Она была приветлива, улыбчива. «А что вид такой больной... Ну — может и оправится»!

А Иван выдохнул с облегчением — библиотека, как угроза дополнительной на него нагрузки, отпала! Сергеева быстро разобралась с временной библиотекаршей, и приняла бразды правления книжным царством в свои руки.

Узнав, что Лидия Тихоновна учитель русского языка и литературы, Иван договорился с ней, что она с ним позанимается, по утрам, когда в библиотеке практически никого не бывает. А то столкнулся тут Косов с фактом, что некоторые правила русского языка несколько отличаются от тех, что он изучал когда-то в школе. Немного, но все же он допускал досадные ошибки. Сослался на то, что подзабыл уже школьную программу. Все эти «итти» вместо «идти», «чорт» именно с буквой «О», да еще что-то с предлогами, и глаголами. Библиотекарша похвалила его за хороший почерк — не зря он тогда тетрадки списывал, да руки чернилами пачкал!

Библиотекарша была благодарна ему еще и за то, что он, после ее слов о скудности книжного фонда, проехался в свободное время по известным ему местам, из которых получали книги, да и собрал... разную макулатуру. Макулатурой он считал все эти... дамские романы. Всяких Мопассанов, Бальзаков, и прочих... Стендалей. Даже Бунина где-то откопал, в залежах, списанных из библиотек, но пока, по разным причинам, не отправленных в макулатуру книг. Здесь Бунин тоже был в запрете, по причине эмиграции и явной антисоветской деятельности в «заграницах».

— Иван! А ты читал Бунина? — с интересом посмотрела на него Лидия.

Он постарался сдержать улыбку, но получилось не совсем:

— «Темные аллеи»? Читал, да.

И отвернулся, увидев, что дама чуть покраснела.

«Ну да... это уже штамп — интеллигентным дамам, как правило, не хватает нормального мужика, чтобы... «отвлек» от лишних умствований!».

— А как ты относишься к русской классике? Вот я думаю предложить Илье Николаевичу попробовать создать театральный кружок...

— Знаете, Лидия Тихоновна... Где-то прочитал такую фразу, что классическая русская литература писалась «барами, о барах, и для бар». Поэтому, наверное, она — не очень близка большинству школьников, которые все же больше — из народа. То есть, переживания Анны Карениной не близки простым русским женщинам. А князь Андрей, с его

размышлениями — не очень понятен большинству мужчин. Нам ближе Платон Каратаев... Или тот же капитан Тушин. У простых людей вообще... Проблемы другого рода. И мне больше по душе произведения Шолохова, Алексея Толстого. Там все как-то ближе и понятнее. Но «Темные аллеи» — да, интересны! — не преминул опять вогнать в краску библиотечаршу.

Как оказалось, Лидия Тихоновна приятельствует с Елизаветой Николаевной, школьным учителем пения. Та уже несколько раз забежала в библиотеку, поболтать, да попроведовать подругу. А Ивану было интересно общаться с этими двумя женщинами — Лидочкой и Лизой, как он их назвал для себя. Они были совершенно другими, чем его новые знакомые. С некоторыми претензиями на интеллектуальность, и даже — утонченность. Ну — как ведут себя типичные русские интеллигентные дамы, с высшим образованием, начитанные, но... несколько оторванные от жизни.

Если с молодежью — Кирой и ее компанией, можно было позволить себе подурачиться, дать волю этакому «внутреннему босяку», то здесь все по-другому. Нет, так-то и его знакомые из молодежной компании вовсе не были глупыми. И Виктор, и Илья. И Кира с Зиной. Но все же они были другие. Новая молодежь нового общества.

Тут же приходилось несколько сдерживать себя, фильтруя шутки, анекдоты. Иногда и пошучивая, этак... на грани флирта, но не явно. Больше показывать свою начитанность, как бы невзначай.

«Интересно... Вот для Косова — эти дамы явно старые. А для Елизарова — молоды. Не почему-то с ними... оттачиваешь юмор. Да и выглядеть стараешься все же поумнее».

С подобными представительницами интеллигенции Елизарову приходилось много общаться в той еще жизни. Ну — так и жена была из того же круга. Вообще и тогда, и сейчас Иван с некоторой долей снисходительности относился к таким дамам. Был им присущ некий апломб, даже, и не редко, определенный снобизм. Не очень умный, ага. Забавно наблюдать со стороны. Но некоторые дамы были не лишены определенного шарма.

Вот и Лиза, с Лидией были ему интересны. И Елизавета — уже сейчас. И Лидочка — когда оправится от болезни, то обещает стать вполне симпатичной женщиной.

«Так что — оттачиваем слог и ум в словесных баталиях!».

Были ли у него какие-то намерения по отношению к ним? Да Бог весть! Но — интересно, интересно пофлиртовать чуток с ними.

И он с готовностью отзывался на все просьбы Лидии Тихоновны помочь в делах библиотеки — то стеллажи по-другому разместить, то книги расставить. То — вот, помочь карточки оформить. А то им бланков не дали — сами сделаете! Но он с удовлетворением видел, что библиотека становится какой-то более уютной, обжитой.

Хотя... он и вообще по клубу не отказывал в помощи. И Илье, и той же Тоне.

Тоня, которая все-таки перешла к ним в клуб, развила бурную деятельность, и теперь после обеда и до самого вечера в зале полно ребятни. Илью Тоня «припахала» в качестве аккомпаниатора. А вот знай, как хорошо раньше-то было, когда сам директор, и ходи — руки в брюки и указывай подчиненным! Ну хоть порядок навела теперь в кабинете директора.

Илья, видать, уже понял, насколько свободно себя чувствовал ранее. И налившись злобой в тоске по утраченной свободе, заставляет Ивана заниматься, кроме гитары, еще и аккордеоном.

— Илья! Может все-же гармонь, или там... баян? Ну что — аккордеон-то? Он же, зараза, сложный!

— Не ной! Мы с тобой договаривались! Вот! Будь добр, занимайся!

И, сатрап, каждый день проверяет, как Иван усвоил предыдущий урок.

Инструментов у них сейчас вполне хватает. Гитар пять штук, из которых одну, что получше, Косов уволок к себе в комнату. Обосновал тем, что — занимается и музыку подбирает. К песням.

Вот еще — пара аккордеонов, несколько гармоней и баянов. Балалаек штук семь, если не больше. Иван инструменты не считал, так только, на глаз определяет. Даже парочка барабанов есть, и горн. Или — труба? Тут Косов вообще разницы не знает. Далек он от духовых инструментов.

Директор набрал ребят в ансамбль, сейчас готов с ними с утра до вечера возится. Поэтому в клубе подчас — сплошная какофония! Они с Тоней даже цапаются, когда требуется освободить зал для занятий танцевального кружка. Все перепираются, кому заниматься в зале, а кому — и фойе достаточно.

Но фойе... дело такое. Люди все же ходят в библиотеку, отвлекают от занятий ребятишек.

Но вся эта суета, в основном — после обеда. А с утра — более или менее спокойно!

Иван показал Илье свои наброски песен. Опять большинство песен получились женскими. Илье, как видно, это не особо по нутру, но — терпит. Интересно, что Тоня довольно спокойно относится к упоминаниям о Варе, и к тому, что песни Иван сочиняет, получается для бывшей пассии Ильи. Может она избрала такую линию поведения — дескать, смотри какая гнусная женщина была рядом с тобой раньше, а вот сейчас — какая хорошая я?

Хотя — вряд ли. Больше похоже, что Тоня и правда такая легкая на характер, и незлая. Но вот, когда занятия с ребятишками ведет — дисциплина у нее есть, и довольно жесткая.

Но занимаясь всеми этими делами, Иван, не переставая думал про ситуацию с Хлопом. И даже не столько о том, что остался целым, можно сказать — случайно; а о том, что его эмоции по отношению к ситуации и этим бандитам были... странными. Не очень-то и понятными, если рассуждать логически. Ну, давно понятно, что разум — это одно, а вот эмоции — это несколько другое. Иван не был специалистом в области психиатрии, просто во время учебы прошел курс судебной психиатрии, да потом несколько раз по уголовным делам приходилось консультироваться с врачами. То есть — только в общих чертах.

«Вот есть разум... и тут я проблем у себя не вижу... в общем-то. А вот с эмоциями... порой — просто беда! Головой понимаю, что нужно делать вот так, а захлестнет эмоциями — и все! Никаких доводов разума! И эмоции подчас такие... не свойственные в прошлом Елизарову. Получается они — больше Чибиса, эти эмоции? Выходит — шизофрения, это не раздвоение разума, а раздвоение эмоций? Значит что? Значит — говорить «сошел с ума» — неверно! Вернее будет — «душевнобольной», если душа — это эмоции? Ну не разум же является душой?!».

Сейчас он разумом понимал, что одним из способов его дальнейшего поведения является «уход в тину». Сидеть в клубе «тихэнько» и не отсвечивать. Возможно такое? Вполне! Жить есть где, одежда есть, деньги есть, в деревне есть магазин, то есть с голоду не помрешь. Вот и живи так! Но — не хочется так жить! Как-то... противно! И самому себе — стыдно.

Какие еще варианты? Сдать Хлопа ментам? Не... не вариант! Тогда и сам он сядет, и надолго. Вообще не вариант!

Что еще? Отдать деньги, все что есть? Эти... суки... показали, что деньги им особо не нужны. Нет, забрать-то они — заберут, только Ивана все равно отмудохают и покуражатся, или просто зарежут.

Тогда что? Получается — ударить первым... И в эмоциях были сомнения в осуществимости этого, но отрицания как такового — не было. Понимал ли он, что придется убить и Хлопа, и Цыгана? Да, понимал. Причем — как-то по-разному понимал. С точки зрения Елизарова, оба этих мудака давно уже зря топчут землю. Никакой пользы людям от них нет, а вот вреда — полно!

К примеру, есть другие представители преступного мира. Тот же Шрам, или Савоська. Но Шрам, преступным путем поимев денег, на эти деньги дает жить другим, тоже пусть не самым лучшим людям — тем же торгашам, у которых одевается; тем же проституткам, чьими услугами пользуется. А от тех — эти деньги уже идут другим.

Савоська — тот вообще встроен в какую-то сложную преступную схему по обороту денег. Там тоже столько жучков крутиться, все кушают-пьют, да еще и родных обеспечивают. То есть — тоже бесполезен для определенной части общества.

А эти... мразоты... только гадят другим, причем гадят — жестко, вплоть до увечий, а все полученное — прожирают, пропивают бездарно. Такие даже для самих урок — не очень удобны. Да что там неудобны, от таких стараются держаться подальше! Они как взбесившиеся собаки, которых просто необходимо даже не изолировать, а уничтожить!

Есть отрицание необходимости убийства Хлопа и Цыгана? Нет, отсутствует. И в прежней жизни Елизаров не понимал где-то читаной фразы, так любимой русской интеллигенцией, что, дескать, если не можешь вернуть жизнь умершему хорошему человеку, не отнимай жизни у плохого. Где здесь связь? Где логика? Ну... русская «интель» много чего взяла на вооружение, из мыслей разных умных людей. Но! Возможно, мысли были поняты неправильно, или просто выдернуты из контекста. Да и кто сказал, что пусть и умные люди всегда «сыплют» только умными мыслями? Им что, вообще не свойственно ошибаться?

Эмоции же Чибиса... несколько другие. Он просто очень боится этих отморожков. А где такой сильный страх, там и сильнейшее желание избавиться от причин данного страха. Причем радикально избавиться!

И херней маются те, кто блеет про «не убий»! Они просто не видели никогда своими глазами убитых такими отморожками людей, изнасилованных женщин, не видели горя пострадавших от таких зверей. А если и видели, но все равно — «не убий», значит — сами твари равнодушные, и лицемерные, не способные сопереживать чужому горю. Их, таких «гуманистов» просто не касалось подобное.

То есть — решение принято. А вот как его воплощать? Ну... найти-то их можно. Пробежаться осторожно по известным Чибису малинам, да хавирам. Поспрошать людей. Его многие знают, а не знают — так все равно видели с кодлой, а потому такой интерес будет понятен.

Ну вот нашел... и что? Против всей кодлы? Нет, не реально! Там и Хлопа, с Цыганом — «за глаза»! А по одиночке эти твари не бродят, всегда парой. А то и с остальными. Как-то стараться подгадывать? Ладно... будем думать. Война план покажет!

Шли дожди. Погода совсем уж испортилась. И даже вода в Оби прибыла. Мироньч с Яковом несколько раз звали его с собой, на рыбалку. Тут многие, живущие рядом с рекой, занимаются этим. У Мироньча и лодка есть, небольшая, деревянная.

Вот они несколько раз порыбачили, по Оби с сетями. Как называли мужики — со сплавной сетью, или — в другой раз — с «донкой». Выбор снасти проходил по неизвестному для Ивана алгоритму. Только что понял — со сплавной сетью рыбачат на отмелях, а вот с донкой — по глубине.

Рыбы было немало. Тут были и белорыбица, попадались и стерляди. Иван себе рыбу не брал, неохота возится и готовить на керосинке. Но от ухи в гостях у Мироныча, или жарехи, то есть жареной рыбы, принесенной Яковом ему в клуб — не отказывался.

— Весной-то... в талах, на фитили язь хорошо идет! Тут же водой все заливают — да иной год чуть не до клуба нашего вода доходит! Вот он и прет, язь-то, в кусты на прожор! Но то — весной, а сейчас рыбы, конечно, поменьше, — объяснял Мироныч, выбирая рыбу из сетей.

Как понимал Иван, мужики брали его с собой как рабочую силу, на веслах работать. Пока он греб, куда указывали, Яков с кормы лодки выкидывал сеть. Рыбачили, как правило, уже в сумерках. Косов не очень понимал, что заставляет мужиков в дождь и ветер заниматься этим — промокнешь, да замерзнешь на ветру, аж зубы чаканют.

— Ты, Иван, какой-то неженка — чуть ветерок подул, все — замерз. А рыбки-то тоже хочется! Как без рыбки-то, да рядом с рекой жить? — пенял ему Мироныч.

А вот после этой рыбалки хорошо было, придя домой к Миронычу, попариться в бане, а после и за столом посидеть, принять рюмку-другую очищенного самогона, да под душистую ушицу!

— Так ты что, ни лодку не прибираешь, ни весла не уносишь? — удивлялся Иван небрежности Мироныча.

— Так тут, считай, у каждого своя лодка! Все про всех знают, на реке-то. Кому чужая-то нужна? Да и увидят люди, потом — нехорошо может быть... если кто возьмет!

Вот с Верой... как-то было все не хорошо. Выходит — расстались они с ней. Она еще дважды приезжали к нему. Но чувствовалось, что никакого особого желания у нее — не было.

— Ванечка! Ну ты сам подумай — раньше же никто о нас с тобой не знал, и не видел. А тут... все же люди видят, что я к тебе езжу. Пусть и незнакомые люди, но все же... стыдно мне так-то!

В ее приезды они не столько занимались сексом, сколько лежали и болтали. Настаивать Иван не считал возможным. Нет, конечно и секс был. Но все какой-то... Быстрый и неловкий, будто и впрямь стыдились оба чего-то. Она по-прежнему была нежна, и теперь — очень умела, но того накала, той прежней страсти не было.

— Андрюшка-то мой... согласился все же на бригадирство-то. Хоть и материться, да вроде как привыкает, людьми-то руководить. А мы ему такой костюм заказали, так хорошо ему будет! На примерку уж пару раз сходили. Слушай! Он такой представительный в нем, в костюме-то! Я смеюсь, говорю — прямо начальник! Ага!

— А что он по тканям-то сказал? — Иван лежал на спине, курил, стряхивая пепел в поставленный рядом с топчаном, на табуретке, черепок. Вера лежала, укрывшись одеялом, закинув ногу и руку на него.

— Ой! Что ты! Сначала так ругался, так ругался! Орет — на кой ты его подобрала, сверток этот! Я же, как ты и сказал, говорю ему — шла по тропинке, да вот — нашла. Наверное, кто-то из жуликов, когда облава была, выкинул! Он говорит — вот узнают эти прощельги, что тряпки их у нас, да придут разбираться! Чем отдавать будешь? Кункой своей

будешь рассчитывать? А если с ребяташками что уделают?

— Ну... потом успокоился, — она хихикнула и покосилась на Косова, — ну... я его успокоила. Как ты меня научил!

— Ты что, ему минет делала? — поперхнулся Иван дымом.

— Ну а что такого? Муж же он мне! Не все же только тебе сладенького пробовать!

— И что? Не побил он тебя за такое?

Вера помолчала.

— Сначала-то опешил... А потом орал. Кричит — «блядь ты, Верка, поганая! Как ты только после этого-то детей целовать будешь?!». А я что... молчу. Но я же видела — понравилось ему. Очень понравилось! А потом... уже и не кричит.

— А я и себе юбку, да жакет пошить заказала. Да ребяташкам и рубашонки, и штанишки. Приоделись мы, Ваня, в общем! Спасибо тебе, хороший мой!

— Ну а как у тебя на новой-то работе дела? Привыкаешь?

— Да что ж... привыкаю. Так-то... там же ничего нового для меня нет. Так же с детишками возишься целый день, да убираешь там все, моешь! Просто ребят там много. Устаю, конечно, к вечеру. Но — заведующая наша вроде бы довольна. Я тут ей заикнулась... ну — что думаю вот, в педтехникум заочно поступить. Так она так обрадовалась — говорит: «Конечно надо поступать! Выучишься — воспитателем станешь!». А я Андрею сказала, так он хмыкнул, головой покрутил, когда, говорит все успевать-то будешь? А я, такая, так вот — попривыкну, присмотрюсь, да и поступлю! И ему говорю — да и ты присмотришь, может в какое училище поступишь. Сейчас вот бригадиром стал, а там глядишь и до прораба дорастешь! Молчит он... но вроде бы задумался.

Получалось... что Веру нужно было — отпускать. Жалко, конечно. Да и привык он к ней. Хорошая она, и ласковая. А уж как в постели — так и вообще! Но... что же женщину-то неволить, если без желания она теперь к нему едет. Нет! Расставаться нужно по-хорошему, не озлоблять Веру.

Второй раз он постарался показать ей все, что мог... как раньше. Им было хорошо. Но видно и женщина почувствовала что-то.

— Ты, Ванечка, очень хороший! А уж сладкий-то какой! Только... ты уж прости меня. Я ведь от тебя только хорошее и видела.

— Ладно, Вера... Чего уж там. Я же все понимаю — у тебя семья, дети. Зачем же мне все это рушить? Нет. Я тебе только добра желаю.

— Вот все ты понимаешь, хороший мой... Как я тебе благодарна за это!

Напоследок Вера... показала, как она благодарна ему. Аж до звона в голове и сбившегося дыхания! А уж какая ласковая была, горячая, умелая...

Он проводил ее до станции, посадил на передвижку.

— Ваня... ты же все-таки не забывай меня... совсем уж. Мы же и недалеко живем... Может, когда и получится еще повидаться...

Косов, выбрал время, и по пути из киносети, обменяв ленты с фильмами, заехал в парикмахерскую, а потом, подумав, зашел и в швейную мастерскую. Николай Яковлевич немного засуетился, и шепнул ему:

— А что? Деньги-то я Игнатьичу передал! Так что — с ним сам разбирайся. У нас перед Вами долгов нет!

— Да я по другому поводу, и без претензий, — «ага... значит нужно навестить «Штехеля», что-то он мне... задолжал!», — мне, Николай Яковлевич, кое-что из вещей

нужно.

Купил он себе толстенный, ручной вязки свитер, с высоким воротом и с подворотом, лыжную шапочку, да пару теплого нательного белья. А еще — отрез байки на теплые портянки, да одеколон еще, ну да — все тот же «Шипр». И на будущее договорился, что в конце ноября приедет, что нужно ему будет зимнее пальто, валенки, да шапка... пусть хоть и кроличья.

Вот только пальто сейчас мужские... м-да... они же чуть не до щиколоток! Сговорились, что Ивану подберут полупальто, до середины бедра.

Александр, который и приносил все это в ту самую, знакомую Ивану комнату, негромко спросил:

— Девушкам, дамам подарок не желаешь сделать? Есть чулки фильдеперсовы, есть белье заграничное.

Иван сначала хмыкнул, покосившись на портного, потом задумался.

— Ну... белье-то нужно брать по размеру. А сейчас... я размеров не знаю. А вот чулки... и, если еще и с поясом, там размер и не нужен. Принеси! Глядишь, кому и презентую.

Потом он осмотрел все-таки принесенное Александром белье и развеселился:

— Заграничное, говоришь?! Александр! Так это белье я же тебе и рисовал, в какой-то из своих приходов к вам! Ты что — забыл, или... несколько обнаглел, мне это впаривать?

Тот смутился, но ненадолго.

— Извини... А ты знаешь — пользуются у дам спросом, между прочим! Мы даже несколько швей дополнительно на это дело посадили!

— Да ради Бога! Пусть Вам в прибыль! Только... отстегивать нам с Игнатичем не забывают. А так — успехов и прибылей!

Он взял пару чулок, да пару поясов — черный и белый. Выбирал... чтобы поуже были. А то сейчас это — как отдельная деталь туалета, ага... широкая такая! Нет — если у дамы есть животик, то может и неплохо, и даже — вполне оправдано. Подтянуть там что-то и где-то... Только Иван не был поклонником «рубенсовских» дам!

В следующий свой приезд в город, он забежал к «Савоське», и тот, немного помявшись, отдал ему сто пятьдесят рублей.

— Твоя доля! Как договаривались — пятьдесят процентов, из того, что мне отдают в мастерской.

Иван не возражал. К сожалению, никакой новой информации о бывших приятелях Чибиса, «Штехель» не владел. К сожалению? Или — к счастью? Тут так сразу и не скажешь.

Однако, человек предполагает, а Бог — располагает!

Уже в самом конце октября, топя из киносети к вокзалу, Иван заметил у входа в рюмочную, знакомое лицо. Перейдя на другую сторону улицы, зайдя в проулок, он закурил, пытаясь немного успокоиться и сосредоточиться, осмотрелся.

«Вроде бы больше никого не видно!».

Постоял еще немного, потом перешел улицу, и толкнул входную дверь. Окинул взглядом сумрачное помещение.

Народу немного, и слава всем Богам! из его бывшей компании — здесь только самый адекватный, а именно — Димка Плехов, который «Чилим». Тот сидел, уставившись в кружку с пивом и чего-то бурчал себе под нос.

«Пьяный что ли?».

— Здорова, Димка! — Иван все-таки решился и подойдя к столу, уселся на стул, так, чтобы видеть и входную дверь в забегаловку.

«Да нет, не пьяный. Хотя и перегар от него есть».

— А... Чибис. Здорова! — Чилим не горел желанием общаться, хотя и злобой не пыхал. Был хмур и несколько... растерян, что ли.

— А ты чего один? Где братва лихая?

Димка покосился на него с непонятной усмешкой, прикурил папиросу, помахал рукой перед лицом, разгоняя дым.

— Да так... Кто где, — Чилим отвернулся.

— Пиво-то хоть ничего здесь? Или — моча? И да — тут пожрать можно, или отрава голимая?

— Да нет... и пиво — нормальное. Если вон буфетчику лишний рублик накинуть, и что-то похавать тоже есть.

— Ты будешь? Я плачу! — Косов встал, намереваясь пройти к стойке.

Димка вздохнул, чуть подумал:

— А-а-а... пожрать нужно, это — точно!

Вдвоем они прошли к стойке, взяли по паре кружек пивка, еще какие-то жареные колбаски с тушеной капустой.

«Смотри-ка — прямо Бавария!» — усмехнулся про себя Иван.

Они сначала молча поели, и уже после, отхлебывая пиво, закурили.

— Так что за проблемы? Может и я чем помогу? Ты же знаешь, Димка — у нас с тобой всегда все ровно было! — Косову нужно было вытянуть Чилима на разговор.

Похоже, что пиво, да «на старые дрожжи», у Плехова легло... хорошо. Он явно повеселел, да и расслабился.

— Хреново все, Чибис! Жука и Лаврена неделю назад... нет — десять дней назад, ага! замели возле рынка. Жук там лопатник у кого-то подрезал, да... неровно получилось, спалился. Его там крутить стали. А Лаврен... придурок! вытащил шабер и ну им размахивать... долбоеб! Вот его и помяли там... торгаши эти. Да здорово, говорят, помяли! На тюремную больничку свезли, цинканули нам. А Жук в предварилровке чалится.

— Ну а где... эти Ваши... блатная элита, бля! Или в тину ушли? — Лаврена Ивану было несколько не жалко, сдохнет — туда ему и дорога!

— Ага... Хлоп и Цыган... мать их! Эти два утырка пару дней назад... в сквере, в центре. Базарят — приметили парочку, карась такой жирный, и с ним цыпочка... тоже ничего так прикинута. Парочка эта там... в любофф играла, кароча! Вот Хлоп с Цыганом и повели их, подождав, когда голубки созреют в гнездышко лететь!

— Ну... в подворотне, как водится, карась огреб по башке кистеньком. Ты ж знаешь — Хлоп это дело уважает! Но... вроде мужичок-то крепкий оказался. Хлоп говорит — пришлось добавить! А Цыган в это время цыпу под ножом держал.

— Да ладно бы так... это же все понятно. Ну... гоп-стоп и все дела! Так нет же — цыпа эта Хлопу чем-то приглянулась... Бля... сука, ну до чего же долбоебы! Ну... в общем, Хлоп давай эту кобылку распрягать... Карочь... задвинул он ей лысого, а она... тоже дура, бля... заявила, что, дескать, мужик ее — какой-то начальник и типа — пиздец вам! Цыган grit... Хлоп-то разъярился и давай ее там... всяко, карочь... и туда, и сюда! А потом еще и Цыган! А когда уже уходили, Хлоп этой дуре еще и по голове кистенем тюкнул!

— Пиздец какой-то! Они что — совсем ебнулись, что ли? Уже со скачков на взлом

мохнатых сейфов перешли? Это же зашквар! Бля... я даже не знаю... так опарафиниться... пиздец просто! А как их сейчас в хате встретят, если менты примут?

— Так вот же... о чем и разговор! Они в последнее время вообще... ебнулись! Цыгану уже месяца два, а то и все три кто-то дурь привозит. Забористая такая шала! Вот они и пыхали, на пару! Похоже... они и в этот раз вообще без головы были!

Ивана опажнуло жаром: карась жирный... цыпочка прикинута! Это не Сергей ли с Кирой? Гневом обдало лицо, затряслись руки!

«Убью, суки! Убью! На лоскуты резать буду!!!».

Потом выдохнул, чуть успокоился, подумал — нет, не похоже. И цыпа кричала, что мужик ее начальник, да и не стояла бы Кира «под ножом»! И Сергей — тоже парень крепкий, вряд ли бы просто так сдался бы!

Но полного успокоения все же не пришло — вот же твари, что творят! Ну, гниды! Мелькавшее ранее желание убить этих двоих получило очень сильную подпитку! Нельзя, чтобы такие твари по земле ходили! Нельзя! Не правильно это!

— Ну и где сейчас... эти взломщики? — процедил Иван.

Чилим с интересом посмотрел на него, видно что-то почувствовал.

— Сейчас... погоди. Нужно еще пивка взять! — парень сам сходил к прилавку, вернувшись, принес еще по паре пива.

— Они сваливать решили. Хлоп говорит... солнца южного хочется, на хрен эту Сибирь, и зиму эту. Вдвоем, прикинь, да?! Мне сунули пять сотен... базарят — все, дальше сам по себе! Сука! Да у них же сейчас бабло-то всяко есть! Гниды, бля! У Фатьмы они... помнишь, где это? Ага... Вроде бы седня вечером на товарняк прыг — и к морю! У Цыгана там, на «железке» какие-то концы есть. Говорит — нам бы только из города чухнуть, а там — ищи ветра в поле!

«Так... у Фатьмы. Сегодня... товарняк».

По памяти Чибиса, Иван помнил, что есть такая толи «тычка» у Цыгана, толи — вообще родственница. Живет она... ага! На берегу Оби, почти в конце города. Там еще тропинка вдоль берега есть, потом — через овражек, а там и до «железки» — рукой подать.

«К мосту они не пойдут! Там охрана. Да и неудобно там подсаживаться на товарняк — насыпь высокая, голая, ни кустов, ни деревьев... пока еще туда залезешь, можно и назад слететь! То есть... пойдут они вдоль берега, чтобы не выходить на улицу, на всякий случай! А тропинка... неудобная, узкая совсем. Берег подмывает постоянно, можно и в воду ухнуть! Там нормальные люди-то и не ходят. Но к Фатьме той же — вполне нормально, по тропинке, потом по проулку — и вот он, ее домишко! Потом... после овражка... они свернут направо, чтобы выйти к железке. Потом есть... одна будочка. Еще стрелка на путях, паровоз едет медленно. Вот там они и будут садиться!».

Как помнил Иван, Чибис был пару раз у той Фатьмы. Ничего так бабенка, молодая, лет двадцати пяти. Смуглая очень, а глаза... глаза у нее всегда были злые. И шпану она ни во что не ставила. Только Цыгана признавала, да вот Хлопа, похоже, побаивалась.

«Да и хрен с ней, с Фатьмой этой! Она мне и в хрен не уперлась! Тут у меня другой интерес!».

Косов и сам не заметил, как задумался, перебирая варианты. Прихлебывал пиво, да изредка затягивался папиросой.

— Ты что задумал-то, Чибис? — он встряхнулся и поднял взгляд на Чилима, — на кой хрен они тебе нужны? Пусть катятся! Тебе же спокойнее будет!

— Ты чего? Ничего я не надумал! Вот тоже думаю — съебутся они отсюда и мне спокойнее жить станет!

— Ага... А Хлоп и правда на тебя злой был! Тогда, в парке, я уж думал — все, не разойдетесь вы миром! — было видно, что Димка уже изрядно опьянел.

— Ладно, хрен с ними! Ты-то что надумал? — надо переключить Чилима на другое.

Димка посопел, поплюмкал губами:

— А не знаю я... Я тут пока прибился к одной... Но тоже — долго не поживешь у нее. Вот видишь, как у тебя ловко вышло — соскочил, да еще и с деньгами. Пристроится сумел. Нормально, чё! А я... хрен знает! Вот думаю... может мне в Кунгур податься? Это на Урале есть городишко такой. У меня там тетка живет. Я же после детдома к ней поехал. Вот же где дурак был! Не понравилось мне, что тетка давай мной командовать — вот устроим тебя туда-то, вот — девушка по соседству живет хорошая, поженим тебя. Ты бы, Чибис, видел — какие у этой соседки были сиськи! Обалдеть! А я что-то испугался — думаю, а ну как придавит она меня ночью этими сиськами, и пиздец Митрию придет! И — сбежал, дурак! Сейчас бы жил — как сыр в масле катался!

— Так может еще не вышла замуж, соседка та?

— Да где там! Уже два года прошло! — видно, что сейчас эти сиськи испуга у Димки не вызывали, только грусть от своей прошлой дурости.

— Ну... не проверишь, не узнаешь! Так ведь?

— Ну... так-то... да. Как вариант... Наверное, так и сделаю! Сегодня еще заверну к своей марухе, а завтра... на хрен все это! Надоело! Тетка командовала видите ли! А Хлоп не командовал? Не... дурак я был! Как есть — дурень!

Они посидели еще с полчаса, и Косов оставил Чилима за кружкой пива.

Домой он возвращался «на автомате». Из головы все не шло: «у Фатьмы... сегодня... товарняк». Сосредоточенность прерывалась какими-то непонятными приступами азарта, которые, нужно признать, приходилось подавлять. Что было — непросто!

Он все крутил в голове:

«Так... туда перееду на лодке. По нашему берегу на веслах пройду выше моста, и даже чуть дальше, чем нужно. Потом — уже вдоль того берега спуститься по реке ниже. Главное — не промахнуться, а то с воды все по-другому кажется. Там... придется подождать... где-то возле тропинки. Даже прямо рядом с проулком, что ведет к дому Фатьмы, чтобы не пропустить этих выблядков! Потом... потом... ага. Там есть несколько кусков берега, подмытые водой. Там только тронь их — рухнет все вниз, похоронит — хрен кто найдет!».

Вспомнился случай из прежней жизни Елизарова и его милицейской практики.

Приехал как-то в конце весны участковый из одной прибрежной деревни. Привез мужичка с собой. А мужичок готов написать явку с повинной. Рассказывал, что глубокой осенью предыдущего года поехал он на Иртыш, порыбачить. Осенний метляк, если кто понимает, стерлядь бывает, что даже и с икрой попадается! Ага... А так к нему подгрёб еще один рыбачок, изрядно уже налитый самогоном. Из соседней деревни. Ну — костерок, ночь, самогонное вино, мужицкие разговоры. И выясняется, что тот, кто подгрёб на лодке — зечок со стажем; а тот, что с явкой — служил прапором на одной из зон Севера. И ведь так совпало — что примерно в одной местности. Один сидел, другой — охранял! Ну... зечка этого пьяный гонор взбудоражил схватиться за нож, а бывший прапор... топор рядом лежал. В общем — закопал он этого зечка тут же — под речным яром, прямо рядом с урезом воды. Лодку — отправил в свободное плаванье по Иртышу — пусть думают, что этот мудень из

лодки по пьянке выпал и утоп!

Но вот за время прошедшее стало мужика что-то доводить. Говорят — что где-то и у кого-то еще остался такой атавизм как совесть. Наверное — это про данный случай. Вот, спустя полгода, мужик и не выдержал, пришел к участковому, с повинной головой.

Ну, как водится, собрали опергруппу... Эксперт там, следак из прокуратуры, «це понятия, це — подставные», в общем — все как положено! Только вот... не нашли они ни хрена! Две недели копались вдоль берега — весной разливом подмыло несколько участков берега, и они рухнули. Берег — изменился, масса упавшего грунта была... весьма изрядной, да еще и водой замыло все это. Перекопали «туеву хучу» кубометров песка и ила, протыкали берег щупами на несколько раз, да на несколько километров! Ни хрена! Потом — плюнули! Тем более, покойный характер имел поганый, успел «достать» всех родных и соседей по месту жительства. Да и сожительнице его — все его тумачи не терпеть больше!

Нет, так-то... «убивец» что-то ей там заплатил. Неофициально, что бы шум не поднимала. Да и поменьше разговоров было. А сам «убивец»? Да домой отпустили — «нету тела — нету дела»! И такое бывает...

Боялся ли Иван? Сложно сказать... Что-то мелькало такое... на периферии чувств. Но он старался сразу же гнать от себя это, накачивал, накачивал себя. Вспоминал рожу Хлопа, ухмылку Цыгана... А еще — этот рассказ, про последнюю пакость этих уродов! Это — особенно хорошо отгоняло всякий страх перед задуманным! Злость, злость и только злость! Убить сук! Убить как бешенных собак!

Он немного раздумывал, что взять с собой. Финка... или тот, найденный в сарае у Петровны штык? Штык был длинный, тяжелый. Он еще когда шил сбрую для финки, обрезками кожи замотал треснувшую рукоять. Получилось вполне удобно и крепко, пусть и неказисто. Ну — его не в музей на витрину вешать! И сам клинок он отчистил, отполировал. Даже какое-то клеймо стало чуть проглядывать и надпись... Остеррайх... Австрия, значит?

Потом все-таки отложил штык в сторону. Ну не умеет он им работать! По типу клинка — тут больше рубящие удары предполагались, чем колющие. Представил, как этот штык смотрелся бы на длинной старинной винтовке — бердыш какой-то получается! Да и хрен с ним!

Так... лопата, веревка... спички, завернутые в кусок кожи, чтобы не промокли...

Вроде бы все. А времени еще — полно, и ехать рано. Завалился на топчан, взял гитару, начал что-то брэнчать-наигрывать... и не заметил, как уснул.

Проснулся рывком — «бля! проспал! ф-у-у-х, нет... еще только начинает смеркаться! Но — пора выдвигаться, пора!».

С собой Иван взял еще купленную на рынке, старую и уже изрядно запаянную фляжку, тоже непонятного производителя. Во фляжке плескался фирменный самогон Мироньча. Постоял у клуба, покурил...

«Хочешь-не хочешь, а делать — надо! Вперед, мля!».

Он прошел по берегу, столкнул лодку на воду, нашел в кустах прислоненные к иве весла, и потихоньку погреб вдоль берега, вверх по течению. На берегах уже было изрядно темно, и даже огоньки стали появляться — все больше и больше. А на воде — еще светло!

«Так... достаточно. Вот здесь нужно переплыть на ту сторону! Ага! Вон этот поселок... та-а-а-к... значит, Фатьмы хата... вот где-то здесь должна быть!».

Он нашел требуемое только после третьего причаливания к берегу — далеко вверх ушел. А за ивами, которые росли вдоль берега, домов было почти не видно. Ткнул лодку в кусты

ив, привязал ее к коряге. Аккуратно, чтобы не брякнуть, сложил вдоль лодки весла. Не торопясь, вылез на берег, размял ноги, и постоял, покурил. Здесь было тихо, только иногда, поодаль взлаивали собаки во дворах.

«Ну да... дом Фатьмы еще и расположен удобно... для разных темных дел. Вроде бы и не с краю поселка, а так... чуть ближе остальных к берегу. Поэтому стоит как бы наособицу».

Он прошел вдоль по тропинке, вглядываясь в берег. Шел аккуратно — было уже темно и свалиться с обрыва вниз сейчас — вот вообще не надо такого!

Это только кажется, что ночью — совсем уж темно и ничего не видно. Всегда есть хоть какой-то источник света, хоть самый мизерный. Да и глаз человека все же устроен так, что чуть постоишь в темноте, и начинаешь уже что-то различать — вот какое-то строение; вот — дерево; и вот тропинка под ногами, хоть чуть-чуть — но посветлее окружающей земли. Ага, спасибо тому же «тяжелому», который и учил их всему этому в Чечне, тогда — почти семьдесят лет вперед... или двадцать назад. Как посмотреть!

«Вот вам нужно патрулировать улицы этого села ночью. Хотя, как по мне — дурь, бля, несусветная! Ты не видишь ничего, не слышишь — из-за своих шагов — тоже ничего, а тебя и видят, и слышат! Ну — это дело вашего начальства, не буду его критиковать! Как по мне — толковее было бы садить вас в секреты, каждый раз меняя места «засидок». И выдвижение в секрет должно быть скрытным! Так... ладно! Вот — тебе нужно идти от точки А до точки Б. Не включай фонарь! Ни в коем случае! Без фонаря тебя видно метров за двадцать максимум — если без «ночника»! А с фонарем — да, блядь, за все триста метров ты виден! Ну кто тебя не наебнет? Только ленивый, слепой, да... пьяный комендантский контрабас! Хотя и он тоже... наебнет! Тут же как... Враг толи попадет, толи нет... а свой по своему — попадает всегда! Иди без фонаря, не торопясь, почувствуй куда ногу ставишь! Не громыхай подошвами! Тебе чего — лень ногу выше поднять? Блядь! Вы меня слышите или ни хуя не слышите? Нет... мне, конечно, говорили, что менты тупые, но я не думал — что настолько! Так! Продолжаем! Разговаривать не надо. Не надо разговаривать, я сказал! Заткнись, блядь! Так понятнее? Ну вот — умные же люди, все понимают! Только — русские! Пока, мля, матом не покроешь — ни хуя не понимают! А как покроешь — ну умницы, интеллектуалы же... Бля! Уступают по уму только «шпицам», а это, если кто не знает — сама тупая собака из всех пород! Так! Что, бля, непонятно?! Какого хуя? Кто меня просил «тактику» провести? Вы просили? Так заткнитесь и не пиздите! Продолжаем! Вот... разговаривать не надо! Все нужно обсудить еще до выхода — порядок действий, кто как идет, кто и куда падает... ну — в случае чего! У хороших групперов — это уже автоматом выходит, а у вас... ну — как выходит. Поэтому — обговаривайте все — ДО выхода! И если вдруг... ВДРУГ! я сказал — что-то нужно сказать другу Коле — только шёпотом, на ушко. Выбрали место, присели, чтобы не отсвечивать и на ушко, ласково... не привлекая внимания. А чтобы получилось все это — сначала... ну вот так, антабкой — стук-стук негромко. Все знают — камрад хочет привлечь внимание! И тогда — рукой... рукой вот так... да подойди ты ближе, вот! отошли вот так в сторонку и ты скажешь ему все, что думаешь... и по поводу его самого, и про его жену... и даже — про любимую собаку! Кто курит ночью в патруле?! По ебальнику мерзавца! Потому как — он враг твой! Зашли в укрытие... сели на дно окопа... накрылись чем-нибудь. Вот тогда можно покурить! Но — лучше — не надо! В располаге покуришь! Ни хуя с тобой за эти пару часов не будет, не помрешь!».

Вот и сейчас он постоял, подышал... и начал вполне себе видеть. Нет, не так, как днем,

конечно, но — сносно! Взял из лодки лопату, отошел на выбранный участок берега и поглядывая по сторонам, прислушиваясь, выкопал канаву — два метра в длину, да в глубину с полметра. Хватит!

Подошел к яру, посмотрел:

«М-д-я-я-я... тут на честном слове все держится. Чуть толкни сверху и вот этот кусок... метров пять длиной... ага, метра четыре высотой... а толщиной? А хрен его знает! Все это рухнет вниз, нахуй! Пошли-ка отсюда, пока не похоронило!».

Он вернулся к проулку, поднялся на яр, нашел куст толи черемухи, толи ивы — в темноте уже хрен различишь! А нет... все же — черемуха, размял сорванный прутик в пальцах! И присел в этом кусту. Чтобы не затекали ноги, приспособил на два сучка лопату черенком, получив этакий насест. Накинул капюшон на голову, покурил.

«Блядь! Дождь начинает накрапывать! Хотя... это даже и к лучшему!».

Откуда-то Косов помнил, что «движ» товарных составов начинается примерно с одиннадцати вечера и примерно до двух часов ночи.

«Время еще есть! Даже рановато я сюда прибыл, как бы не околеть тут под освежающим октябрьским сибирским дождиком!».

Страх по-прежнему не было. Немного потряхивало, но это скорее — от адреналина. Не перегореть бы! Иван несколько раз поднимался на ноги, приседал, напрягал мышцы, разгоняя кровь. Здесь, на берегу, было довольно темно. А вот на улице, за домами, горели, хоть и редкие, но фонари. Метров через пятьдесят-семьдесят. И горели еле-еле. Но крыши домов, да и верхушки заборов на фоне этой подсветки были видны. Постепенно холод все же пробирал!

«Для меня здесь главное преимущество — внезапность нападения! Нужно хоть одного вывести из строя сразу! Если нет... ну — тогда все будет печально! Кто из них пойдет первым? Да — Хлоп и пойдет, к ворожее не ходи! Он всегда впереди идет, а хитрый Цыган — всегда позади на шаг-два. Так что, первым — Хлоп. Бить в брюхо».

На занятиях по физподготовке, когда обязательная программа пройдена, менты, особенно из молодых, из десантуры, или других «спецов», иногда что-то показывали остальным.

«Не бейте в грудь! Не старайтесь попасть в сердце. Вы точно не попадете! А вот в ребро — попадете наверняка, и либо время потеряете, либо вообще — нож сломаете! Брюхо — вот ваша цель! И бить нужно не один раз, акцентировано, а несколько раз, короткими ударами! Как шилом шьете! Раз-два-три! Отскок! Оценка состояния противника! Если попали как надо — все, он уже не противник! Ему больно, очень больно, и он уже ни о чем не думает, только о том, как ему хреново! Но! Не кидайтесь на него, даже если он уже погибает — вполне можете нарваться на удар! Контролируете его? Просто толкните его — рукой, или ногой. Он упадет. Все — можно добить!».

Т-а-а-а-к... Мля... Момент истины... Брякнула щеколда на калитке. Все. Дождался. Идут.

Иван приподнялся, пару раз чуть присел. Совсем чуть-чуть, только кровь разогнать, напряжинил ноги, сгорбил. Слышно было, как что-то негромко сказал Цыган. Хлоп в ответ негромко засмеялся:

— Ничё! Она крепкая, выдюжит! А горячая она, Фатъма-то! Я уж думал — брюхо мне вспорет!

«Они что, напоследок Фатъму «отхарили» что ли?! Она же Цыгана подружка, или

родственница? Они что — совсем оскотинились?! Вот же... животные!».

Нет, так-то Косов был вовсе не против свального греха — каждый развлекается как может, и групповуха... ну — кому что! Но... ведь по согласию это должно быть. А эти... Получается, по словам Хлопа, Фатьма была — против?

Пиздец Вам, суки! Косов, как учили, бросил от живота и груди вверх ярость и с глухим рыком, поднимаясь рывком, сделал шаг вперед и вправо, одновременно нанося удар снизу вверх Хлопу в живот. Н-н-н-а-а, сука!!! На-на-на!

И сразу за этим, резкий толчок левой рукой в грудь. Чтобы он, падая, хоть как-то зацепил Цыгана. А сам — еще пара приставных шагов вперед и вправо, выходя из-за падающего.

Удар... С-у-у-к-а! Цыган успел отпрыгнуть от Хлопа и Косова назад. Неловко, взмахнув руками, но — успел! Вот же ж! Удар Ивана вспорол пустоту.

— Сюда иди, блядина! — издав утробный рык, Косов делает шаг вперед.

Как и когда Цыган успел выхватить нож, Иван так и не понял. Он даже не увидел, а скорее почувствовал движение слева снизу и интуитивно выставил чуть согнутую в локте левую руку наружу, ставя блок. Что-то сильно ударило по руке, укололо предплечье. Предполагая, что следующий удар будет прямой в грудь, он попытался отступить назад, отмахиваясь одновременно ножом на уровне груди. Нога поехала по мокрой траве.

«Блядь!».

Но, к его удивлению, Цыган не торопился нападать. Выставив левую руку чуть вперед, отведя правую с ножом назад, для удара, Иван наклонился. Цыган почему-то отступал. Не нападал, не бежал, а пятился назад.

Косов присел пониже, чтобы лучше видеть силуэт противника. Тот, наткнувшись спиной на забор, стал оседать, заваливаясь на бок.

«О как! Это что сейчас было?».

Помедлив секунду, пытаясь понять в чем тут хитрость, он осторожно сделал несколько шагов вперед. Так... слева, свернувшись в позу эмбриона, чуть слышно всхлипывая, лежал Хлоп.

«Здесь, похоже, все удачно! А что с этим... чуркой?».

Приставными шагами, по кругу, как сказали бы в будущем — «нарезая пирог», Иван двинулся вперед. Там, куда упал Цыган, под забором, было особенно темно. Тем более, Косов, пытаясь разглядеть силуэт врага на фоне фонарей, изрядно «засветил» глаза.

«Тихо? Никто не орет... Не стонет. Не, я туда к нему наклоняться — погожу!».

Иван, чуть поворачивая голову, огляделся. Никого. Тихо. Только показалось, что вроде бы что-то побулькивает.

«Может эти... уроды, спиртное несли?».

Потянул носом воздух. Водкой не пахло. Кровью вот пахло... Да. Потом у забора что-то чуть шевельнулось, и Иван сделал несколько шагов назад, присел на одно колено. И опять тихо.

«Да не... не стал бы он столько выжидать! Дурь это! А что тогда случилось-то? С испуга он помер, что ли? Да ну нах!».

Иван посидел еще. Потом, осмелев, аккуратно вытащил из кармана куртки папиросы, закурил. Все было тихо.

«Бля... сиди — не сиди, а делать-то что-то надо! Заканчивать все!».

Он осторожно подошел к забору. Здесь был виден более темный силуэт лежащего.

Обойдя его, зайдя под правую руку, Иван толкнул Цыгана ногой. Ни-гу-гу! Потом пригляделся и с трудом различив в правой руке нож, выбил его осторожным пинком. Отошел и подобрал оружие. Снова вернулся и уже смелее подхватил Цыгана за одежду, выволок его поближе к Хлопу, где было чуть виднее.

«Бля-бля-бля... Как так получилось-то?! Это что же — я, пытаюсь отмахнуться от него, угадал Цыгану в шею? Да ловко как угадал — чуть не до позвоночника распахал. Кровищи-то, кровищи... То-то он сразу заваливаться начал! Ну да помер Максим — и хрен с ним! Что там с Хлопом?».

Твою же мать! А вот Хлоп был еще жив! Все так же скрючившись, сжав брюхо руками, он был без сознания, но вблизи было видно, как подрагивает от мелких вздохов его спина.

«Ага... в больничку я его сейчас потащу! Нет, сука! Начал дело — надо и заканчивать!».

Вытащив фляжку, Иван присосался к ней, заглотив чуть не треть содержимого. Потом осмотрелся, подошел к Хлопу, примерился.

«Да ну на хер! Не буду я ему глотку пилить! Одного вон... уже хватит!».

Прицелился, приставив финку в спине, и ударом другой руки, резко загнал ее на всю длину лезвия. Хлоп выгнулся, чуть задрожал и опал, как будто из него воздух выпустили.

«Пиздец котенку, больше срать не будет! Это меня видать уже самогон догоняет!».

Вспомнив про укол в руку, на ощупь, нашел порез на рукаве куртки, ткнув туда пальцем, почувствовал небольшую боль. Похоже, что порез, причем совсем небольшой. Приспустив куртку, он, поверх одежды, замотал руку платком и туго затянул.

«Дома более тщательно все обработаю и перевяжу!».

Как не потряхивало Ивана, но нужно было заканчивать. Он оттащил сначала одного, потом и другого вниз, с яра на берег, чуть задумался.

«Вот два фрага. Есть друп... или это лут?»

Похоже, его неслабо так «ведет». А еще и дождь усиливается! Он аккуратно, чтобы не испачкаться, раздел... теперь уже трупы. С Хлопа снял вещмешок. У Цыгана была небольшая сумка через плечо. Оттащив тела в вырытую канаву, чуть присыпал песком. Собрал шмотки в узел, и, вместе с вещмешком и сумкой, отнес к лодке. Это чтобы, даже если найдут, по одежде не смогли опознать.

Поднялся на яр, укрывшись капюшоном покурил, и, помогая себе веслом, обрушил подмытый кусок берега вниз.

«Вот так! Как здесь и было!».

Уже сверху, как было можно в темноте, он осмотрел обвал.

«А то еще как рассветет, окажется, что вся земля рухнула не туда, куда нужно! Да нет... все вроде бы нормально!».

Затем он прошел к месту схватки, и здесь, уже особо не скрываясь, со спичками, прикрывая их от дождя руками, осмотрел место. Все было в порядке.

«Ну а кровь? Кровь к утру — замочет так, что хрен кто и что заметит! С собачкой-то, конечно, можно найти. Но кто и зачем сюда с собачкой придет?».

Уже сидя в лодке, Иван тщательно осмотрел-обшарил все карманы одежды убитых, все что находил — складывал в свою сумку, для более позднего и тщательного осмотра. Одежду свернул в вещмешок, туда же добавил пару камней, подобранных на берегу и раскрутив мешок за ляжки, закинул его метров на тридцать в реку.

«Так... все. Надо домой подаваться... мокрушник, бляха-муха!».

Но что-то не давало ему отчалить.

«Да что же такое-то? На кой хрен мне все это надо?».

Матеря себя на чем свет стоит, он снова вылез из лодки, поднялся на берег и пошел к дому Фатьмы. Ну да, он же помнил, как покойный сука Хлоп сказал, что та крепкая, выдюжит. Может она сейчас кровью истекает, может помощь требуется?

«Вот же... гуманист сраный! Она же тоже преступница! Блядь! Косов — что ты творишь, а?!».

Он подошел к воротам и постоял, прислушиваясь. Тихо.

Осторожно, не брякая воротинной и щеколдой, зашел в ограду. Опять тихо.

Так же, тихонько ступая с пятки на носок, прошел в сени и легонько потянул дверь. Та открылась без скрипа. И опять тихо! Оглядев через приоткрытую дверь кухню, чуть освещенную керосиновой лампой, буквально просочился внутрь.

«Вот не хватало еще, чтобы хозяйка, в благодарность за «бурный секс» с покойными, охреначила меня сейчас каким-нибудь топором!».

Постоял, стараясь дышать чуть слышно. Потом, чуть отстраняясь от дверного проема, заглянул в комнату, приглядываясь к полумраку.

«Мда... бардак, конечно!».

Как написали бы в милицейском протоколе, в помещении были «явно видимые следы борьбы». Что-то валялось на полу, осколки посуды, тряпки. На развороченной кровати лежала, скрючившись, хозяйка.

— Фатьма! Фатьма, ты меня слышишь? — чуть слышно позвал ее Иван.

В ответ женщина застонала, потом резко повернулась на кровати к выходу.

— Что? Ты кто? Тебе чего надо?! — и снова застонала.

Даже в такой ситуации, Косов отметил, что женщина все же — красива. Смуглая, с крепким телом. И черты лица — правильные.

— Не пугайся! Я... ничего плохого я не сделаю. Я... слышал, что тебя... избили. Тебе помощь нужна? Может... в больницу... врача..., - «вот зачем я сюда пришел? Если ей и нужна помощь, то явно — не скорая. Следов крови... ну — по крайней мере обильных следов крови — нет. До утра она вполне доживет, а там и сама, если надо в больницу уйдет. Вот вечно ты, Ваня, какую-нибудь хрень сотворишь!».

— Ты кто такой?! А эти... где?

— Нету их... ушли они! Не бойся их! Они уже ничего плохого не сделают! — «уходить нужно, а я тут... психологическую помощь оказываю».

Что-то видать женщина в его словах разобрала, потому как более внимательно взгляделась в него.

— Ты же из них... Ты же раньше с ними был? Ты бывал уже здесь, у меня? — она пыталась прикрыться обрывками одежды.

— Ладно, Фатьма... пойду я, все уже кончилось! Это точно, не бойся!

— Ты... ты что... где они?

«Твою мать, Ваня! Все! Что ты прикипел здесь?».

— Еще раз спрашиваю, Фатьма — тебе нужна помощь?

Она помолчала, глядя на него:

— Ты их что... убил?

— Твою мать! Женщина! Ты слышишь, я тебя спросил — нужна ли тебе помощь? — Иван начал злиться и на себя, и на нее, и на дурацкую ситуацию.

— Подожди... сейчас, — она чуть помотала головой, — дай воды...

Он вернулся на кухню, нашел более или менее чистую кружку, зачерпнул из бачка воды и зайдя в комнату, протянул кружку женщине.

Она судорожно пила, закашливаясь и расплескивая воду.

— Дай еще... пожалуйста...

Пока она напилась, он смог оценить, что особой помощи ей не требуется. Ну да, вон щека припухшая, и глаз начинает заплывать, губы разбиты. Руки в синяках, царапины и ссадины на теле. Но... в общем-то состояние... не смертельно все, в общем!

— Фатьма! Мне идти нужно.

— погоди..., - вот чего не было у нее, так это слез.

«Мда... сильная дамочка. А может — привычно для нее такое? Да нет... вряд ли. Вон глазами как сверкает!».

— Они ушли... или...

— Или, Фатьма... Или...

Она задумалась, не отводя взгляда от него.

— Ты же... этот... Хлоп все на тебя матерился. Говорил, что кишки тебе выпустит!

— Ну... не вышло у него.

— А... а Ильяс? — «вот сейчас как прыгнет она на тебя, за милого дружка мстя!».

— И он... там же. Мстить будешь? Ты же вроде его подружка... была? — вот тут и правда интересно. А то Цыгана «завалил», а здесь еще какая вендетта вылезет?

— Ты сдурел что ли, парень?! — она была искренне ошарашена, потом выругалась на каком-то неизвестном Ивану языке. Но что это ругань, было понятно сразу.

— Я тебе ноги за это целовать должна! Скажи... ты точно их... убил? — она с такой надеждой смотрела на него, что...

«Блядь! Тут какие-то прямо шекспировские страсти разыгрываются! Цыган и правда был ебнутый, что за спиной такие... обиды оставлять!».

— Точно, Фатьма, точно... Они сейчас... по Оби, к Северу движутся. По течению.

Она снова выругалась, а потом заплакала. Но не как девочка — навзрыд, а молча, но как-то — облегченно. Просто слезы катились из глаз.

— Как же так... Фатьма? Я думал, вы с Цыганом... ну с Ильясом — любовники, или вообще — родственники. А тут вон как...

Она вытерла слезы рукой и снова засверкала глазами:

— Ильяс, он..., - и снова яростная ругань, — пес он! Об одном жалею, что не сама я его зарезала! Не знаю, как ты их убил, но — плохо убил, быстро! Я бы не так убила! Я бы..., - и она чуть слышно завывала, покачиваясь.

— Ну ладно, Фатьма... Мне и правда уже идти надо. Если тебе помощь не нужна, я пойду. А ты... не убивайся так. Все прошло, этих... собак... больше нет. И никто не узнает... ну... ты поняла.

Он повернулся уходить.

— Подожди! Как тебя найти? Как зовут тебя?

«Зовите меня Супермэн, бля! Надо заканчивать этот водевиль! Цыганщина какая-то!».

— Иван меня зовут! И искать меня не надо. Все — я ушел!

— Да подожди ты... Ты... если что, на рынке меня найти сможешь, на центральном рынке. Где фруктами торгуют. Я умею... быть благодарной! И я должна тебе!

Уже уходя, он все-таки отметил, что женщина и правда красива. Даже сейчас, после всего, что ей пришлось пережить.

Вернулся он домой уже под утро. Довольно быстро докатившись вниз по реке, он долго искал место, где обычно оставлял лодку Мироныч. Потом весла поставил на место. Вроде бы все нормально.

Придя домой, отмахнувшись от Якова с его подколками — «к кому же паря здесь нырять-то, да чуть не всю ночь?!», он, скинув только куртку, согрел чайник, попил чаю, а потом стал разбирать. Прежде всего — свою одежду. Как не берегся, а кое где темные капли, похожие на кровь были. Замочил в тазике костюм, потом хмыкнул, разглядев, что же его спасло от более серьезной раны на руке. Оказалось, что, когда он еще собирался, решил чуть ослабить сбрую на ножнах, что вешал на предплечье. Побоялся, что перетягивать руку будет, и та будет затекать. Вот, когда он финку выдернул из ножен, похоже и ремни, и сами ножны чуть провернулись, вокруг предплечья. Изрядный прорез был на ножнах, изрядный. Б-р-р-р... что бы могло быть, если бы вышло по-другому!

«Распластал бы мне руку мудака Цыган! И кровищи бы потерял не меряно, а то и там бы скопытился. Ну... по крайней мере, не прибрался бы за собой!».

Да и вообще, стоило себе признаться, что только благодаря везению все закончилось так, а не иначе.

«Кто-то видать мне там шепчет! Спасибо ему, этому — кому-то!».

А вот с Фатьмой... Стоило ли туда идти? Сейчас-то понятно, что нет. А тогда? Ладно, все по поговорке — буду жалеть о том, что сделал! Да и вряд ли она побежит в милицию. И молчать будет. Скорее всего... Похоже она не столько с преступниками якшалась, сколько с конкретным Цыганом. А с остальными — поскольку те были с Цыганом.

Потом стал разбирать «трофеи». А что? Схватка была? Была! Значит — что с бою взято, то — свято!

Ну что сказать... деньгами вышло больше пяти с половиной тысяч. Очень солидный кусок. Очень. Не зря Чилим обижался на этих двух мудаков — выделить пацану пятьсот рублей, когда у самих больше пяти тысяч на кармане? Это даже не жадность... Это — хрен пойми, как называть! Все больше и больше оправданий этому убийству он находил. А когда распаковал два свертка — один поменьше, другой побольше, так и вообще у него сомнений не осталось! И там, и там были всякие цацки. Рыжье, рыжевье, рыжики... В свертке поменьше, похоже это — Цыгана, этак с кулак размером, украшений было, само собой поменьше. Но, даже не будучи знатоком ювелирки, Косов мог сказать, что, похоже, этот сверточек куда как больше стоит, чем сверток побольше. Тот, который в два кулака. Там все больше предметы простенькие были.

«Так! Вот это мне — на хрен не всралось! Все это, понятно, что снято с людей! Палево это все! На кой хрен Хлоп и Цыган с собой это тащили — вообще в голове не укладывается! Они что — не могли это барыгам спихнуть? Идиоты! А у меня как раз есть такой барыга на примете! Есть! Вот ему и спихнем за долю!».

Иван решил не откладывать это в долгий ящик, и побыстрее избавиться от золота.

«Вот отосплюсь и к обеду рвану к «Савоське», скину это все. Поменяю на обезличенные денежные знаки!».

Вот только что делать с ножом Цыгана, Иван не мог решить! Выкидывать — так ведь такая вещь! Он не разбирался в металлах, но рисунок на клинке был виден невооруженным глазом. Все эти полоски, линии, ворсинки! Серая красивая сталь! А что это конкретно — булат, дамаск, харалуг или еще что-то — Иван не знал. Еще было похоже, что этот нож был

сделан из обломка прежнего кинжала, гораздо большего размера. Этот-то... сантиметров пятнадцать-семнадцать в длину. Рукоять сделана... не понять из чего сделана, но оплетена кожей, и аккуратно так оплетена — куда как аккуратнее, чем сам Иван оплел рукоять штыка. И ножны — тоже хороши, из толстой кожи, качественно так прошиты. Даже какой-то орнамент на ножнах выдавлен. Пижоном Цыган... был...

Было ли Ивану как-то... противно, тянуло ли его блевать от содеянного, или от картинок, что пришлось пронаблюдать? Да ни хрена подобного! Он твердо знал, что сделал доброе дело. Вот как-то неприятно было вспоминать... это — да! Но — не противно, точно! Да и если разобраться — вот с тем же Цыганом получилось вообще непонятно! Он же так до последнего и не понял, что произошло. А вот, когда Хлопа добивал... тут — да... неприятно.

Разобрав и попрятав все по нычкам, Иван вышел на улицу, покурил, да и завалился спать. Правда граммов двести... все же принял, ага! От простуды!

На следующий день он, не откладывая в долгий ящик, отправился в гости к «Штехелю». Нашел его, как и не раз прежде, за вкушением обеда в столовой. Ну да — время-то обеденное!

Он чинно поздоровался, взял себе несколько блюд — если уж выпало горячим да жидким напитаться, что, прямо скажем — не каждый день случается, то и нечего тут ерепениться!

После обеда, поглощая чаек с булочкой, Иван сказал:

— Севостьян Игнатьевич! Дело есть, довольно серьезное. Потому не здесь, ага!

Тот только кивнул в ответ.

Они прошли вместе в пакгауз, и зашли в коморку Штехеля.

— Что у тебя опять? А то... у тебя не может же быть что-то простое?! Все у тебя как-то... с подвырветом!

Иван даже чуть обиделся — чего это? Хотя... на этот раз и действительно...

— Игнатьич! Тут дело такое... наследство мне досталось. Только — непростое, а... довольно горячее. Ага! Надо бы его как-то... скинуть. И даже — не здесь, не в Никольске, желательно! Половина — вам!

Савоська насупился, некоторое время смотрел на него не отрываясь:

— Я уж думал ты за голову взялся, а ты — опять за старое, что ли? Дурья твоя башка! Чего тебе не сидится на жопе ровно, а?

— Тут, Севстьян Игнатьич, как сказать... не от меня одного это зависело, вот... Пришлось как-то так...

— Ладно... чего там у тебя?

— Рыжье у меня. И немало!

Вот сейчас Штехеля проняло. Он удивленно смотрел на Ивана:

— Песок что ли? Где ж ты его взял-то?

— Да нет... не песок. Я, Севстьян Игнатьич, дверь-то закрою, а?

Штехель удивленно смотрел, как Иван прошел к двери, приоткрыл ее, посмотрел в склад, а потом закрыл и запер изнутри.

Когда он, достав из сумки сначала один сверток, развернул его, Штехель уставился на кучку золота, почесал нос. Потом Иван достал и развернул второй сверток. В ответ на это Савоська достал из стола початую бутылку коньяка и набулькал себе с половину стакана.

— Игнатьич! Ты бы мне тоже... налил, а?

Они выпили, посидели, покурили. Все это время Штехель молчал. Потом проскрипел:

— Так... откуда все это? Пока не ответишь, я тебе ничего не скажу. Рыжья... и правда немало. Так только... ты чего это, чей-то общак подломил, что ли? Я за такие горячие дела не берусь! С меня люди потом спросят! А мне жить еще охота!

— Нет, Севостьян Игнатьич, ты не так понял. Рыжье это чистое. Ну как чистое... понятно, что с людей оно снято. Но это не людское. Это — ничье теперь!

— Давай, рассказывай!

— Помнишь, ты мне говорил, что Хлоп и Цыган меня ищут. Вот — нашли! Теперь это выходит, мое наследство. От них осталось.

— Ты что же... замочил их что ли?

— Так, а что мне оставалось делать? Там либо они меня, либо я их! Мне, получается, повезло больше. А им... не повезло!

— От вы ж... мокрушники сраные! Все у вас не так как у людей! Все у вас через жопу! — Савоська разорвался минут пять. Потом успокоился, снова закурил.

— Знает кто, что ты их... уделал?

— Нет... там чисто все получилось, — слукавил Иван, — не найдут их.

Штехель долго смотрел на него с непонятным выражением лица.

— Я вот не пойму вас... что ж вы за люди-то выросли? Те... ушлепки беспредельные... Их уже и на правИло собирались кликнуть, очень уж они... людям жить мешали... безголовостью своей, да наглостью. Так выходит — и ты не лучше! Двоих закопал, и сидит тут... спокойный такой!

— Ты, Игнатьич, меня с ними не ровняй! — выверился Иван, — они и правда — берегов не видели, для них кровь, что водица была. Мамку родную за пятак зарежут! А я... почистил тут, пока вы собирались их править! За людей выходит работу сделал! Какие ко мне вопросы?

— А ты что ж — законник что ли? По уму если, тебе нужно было людям сказать, предъявить Хлопу и этому... копченому. На толковище бы разобрались!

— Ага... стали бы они того толковища ждать! Нет меня — значит и предъявить некому! Есть человек — есть проблема, нет человека — нет проблемы, не так что ли? Да и кто со мной на толковище бы базарил? Я же отошел... Один на льдине, ломом подпоясанный! Ты что ли, за меня бы впрягся? Нет? Вот то-то же! Да ладно... чего уж теперь! Что с рыжьем делать будем? Заметь — я со своей доли согласен в общак лавэ отстегнуть! Все как положено!

— Положенец... нашелся тут! Молчал бы в тряпочку, мокродел сраный! Вот же где... берсерки безголовые!

Иван развеселился:

— Тогда уж пусть я буду — ульфхеднар! Это мне больше нравится!

Штехель с интересом посмотрел на него:

— А это кто такие... те, что ты сказал?

— Да все та же скандинавская мифология — викинги там, берсерки, ульфхеднары. Берсерки — это в переводе... что-то вроде — медвежье сердце... воины, которые в бою теряют разум и бьются невзирая на раны и боль. Подчас и не разбирая, кто перед ними — свои или чужие. А ульфхеднары... это тоже воины, только... волчья голова. Те тоже суровые воины, только с головой все-таки дружат.

— Ишь ты... ученые все пошли! Вот я и говорю — не разбирают, где свои, а где чужие.

Они выпили еще. Потом Савоська вышел в склад и поорал того пацана, а когда пацан

прибежал, отправил его за закуской, в столовую. Иван понял, что — сошло ему с рук. Скорее всего, Штехель все-таки даст знать кому надо, что Хлоп с Цыганом... все! Но дальше последствий — не будет. Вот и ладушки!

Они, уже под спокойный разговор, допили эту бутылку коньяка.

— Я так думаю, что... тысяч на десять того рыжья будет. Есть там цацки, которые... не просто так. И прав ты — здесь их скидывать... не нужно. Отправлю через людей куда подальше. А там — кто их узнает? Но бабки эти мы получим не скоро. Нет... не так. За часть цацек, что попроще — деньги будут через пару недель. А вот другие... там — разное может быть. Если кому понравится... так деньги сразу отдадут. А нет... так только месяца через два результат будет. Понял ли?

— Понял. Только, Игнатъич, у меня такая просьба — с тех денег, что быстрее будут, мою долю в общак отслюнить надо. И еще... там на киче сейчас два пацана чалятся. Это из нашей... банды шпанята. Погоняла — Жук и Лаврен. Второй на больничке сейчас. Говорят, помяли его сильно, на задержании. Вот этим парням — отдельно бы грёв заслать. Должок у меня перед ними, получается. Точнее — не мой должок, а Хлопа с Цыганом, но если лавэ их у меня будет, то я должен грёв подогнуть. Правильно?

Штехель посмотрел на Ивана... с уважением, что ли:

— Добро! Дело хорошее. Людей на киче греть нужно, то дело благое. Я людям за тебя скажу... не про Хлопа, конечно, а про то, что грёв засылаешь, даже когда отошел. Люди это оценят!

«Да и про Хлопа ты тоже... да наверняка скажешь! Только бандитам Хлоп этот — никуда не уперся!».

Так и порешали. Уже идя домой, Иван решил, что деньги, вырученные с золота, он — тоже куда-нибудь отдаст.

«Да вон — Вере, хотя бы! Пусть свою избушонку отремонтируют, все получше жить станут!».

«Да... с Верой как-то... жалко все же. Нравилась она ему, нравилась! Ну что же! Значит нужно снова кого-то для... г-х-м... искать. Зиночка — опять потерялась, носа не кажет! Варя — хитрожопая до изжоги! Ну ничего, ничего! Она еще ко мне придет — вот тогда я и взыщу с нее сторицей! А пока... да хрен его знает! Может стоит как-нибудь вечером в ресторан к Калошину забежать. И культурно время проведу, да и Игорь, наверняка, кого-нибудь да посоветует! Есть же там... этуали? Не может их по ресторанам не быть! Этакие звезды... полусвета».

Уже вечером, засыпая, у него мелькнула мысль:

«А может и правда... зайти как-нибудь на рынок, да на центральный? В ряды, где фруктами торгуют? Фатьма... она и правда... очень ничего так дамочка!».

Тем временем приближалась дата праздничного концерта, посвященного очередной годовщине Великого Октября. Здесь и сейчас это вовсе не очередная официальная дата, которую празднуют во многом — формально. Это действительно праздник для подавляющего большинства населения. Нет, наверняка есть те, кто держит фигу в кармане, но показывать эту «фигу» хоть словом, хоть делом — чревато. Даже очень чревато!

Илья, как и в прошлый раз, уже начинает психовать — все плохо, все не готово, все — не так! Даже с Тоней они пару раз поругались! И некоторая отстраненность Косова поэтому весьма злила директора. Но решив проблему... самую большую свою проблему, да! Иван включился в подготовку концерта.

Было, как и ранее, решено первым отделением концерта поставить номера детей. Декламация, песни, какая-то хореографическая постановка, которая опять же послужила поводом для ссоры Тони и Ильи. Здесь Иван поддержал Тоню — ну невозможно меньше чем за месяц добиться хоть какой-то слаженности в танце!

Второе отделение концерта — взрослые артисты местной самодеятельности. Нашлись несколько молодых женщин, которые очень неплохо поют. Аккомпаниатор здесь — сам Илья.

Пытались пристроить к этим номерам Николая Ганина, но, после некоторых проб, женщины взбунтовались. Несмотря на весь свой артистизм и великолепную игру на баяне, Ганин был... Ганин! Он не мог одинаково ровно сыграть хоть несколько раз ни одной песни. Уходил в себя, в песню, в игру с импровизациями, и там получалось у них с женщинами — кто в лес, кто по дрова. Николай ругался, что женщины — петь не умеют, а те наседали на него, что он сам по себе, а не с коллективом.

Решили — не портить номер, директор сам подыграет певицам!

А Ганин... Ганин будет играть и петь — соло! Иван с Николаем разучили песню «Я назову тебя зоренькой», предполагая, что Ганин будет играть на баяне и петь, а Иван — на гитаре и подпевать ему. Но по той же причине дуэт не сложился.

— Илья! Ну что ты в самом деле! Николай сам и сыграет, и споет отлично! Я-то тут зачем?

Себе и директору Иван оставил четыре песни. Они с Ильей уже разучили их, записали ноты для передачи в филармонию. Но премьера песен, по общему мнению, должна была состояться именно на концерте. Песни всем очень понравились. Тоня, присутствующая на репетициях, сказала Ивану:

— Вань! А как так получается — ты же такой несерьезный человек. А песни у тебя — вон какие получаются? Хорошие такие, душевные и серьезные...

— Знаешь, Тонечка... Мы, наверное, все не очень простые люди. Думаю, в каждом живут и плохие, и хорошие черты. Да и вообще, в жизни нет абсолютно белого, или абсолютно черного цветов. Так и у нас — все перемешано. И одного без другого не бывает. Ну... это мое мнение.

В преддверии праздника в клубе появились две звезды — Кира и Зиночка. Викинг был — в сопровождении. Зиночка демонстративно дулась на Ивана, подчеркнуто игнорировала. А тому было... забавно. Все играет... девчушка.

— Так, товарищи! Надеюсь, Вы не забыли, что Приреченский райком комсомола

шефствует над Вашим клубом? И что мы с Зиной снова ведем Ваш концерт? — Кира смотрела на них строго, но глаза... смеялись.

А ему было так радостно ее снова видеть! И внутри снова что-то защемило...

Потом Кира, как и прежде, развила бурную деятельность, все расспрашивала Илью о концерте, о чем-то смеялась с Тоней, чмокнула в щеку Ганина. Девушка-метеор!

Во время генерального прогона, Зина под села к нему и чуть покосившись, прошептала:

— Ну... и что ты можешь сказать в свое оправдание? Ты понимаешь, что ты — подонок! Ты мерзавец, который соблазнил девушку и бросил!

— Нет мне прощения, Зиночка! Я все понимаю, но... никак не придумаю, как мне ее загладить перед тобой, красавица! Вина моя столь велика, что... даже слов нет, насколько гнусным я себя ощущаю! А ты такая... такая... Теряюсь я пред тобой. В оправдание могу лишь сказать, что воспользовавшись твоей минутной слабостью, позднее я ощутил себя столь ничтожным и дрянным человечком, что не смог предстать перед тобой вновь, — Иван все добавлял и добавлял «трагизма» в голос, но закончил вполне своим, без игры, — тем более, что в институте, рядом с вами постоянно такие умные молодые люди! Надежды советской медицины! Пироговы и Мечниковы, Склифосовские и Боткины, Бурденко и Гамалеи... Лысенко и Вавиловы, Тимирязевы и Курчатовы.

Зина со все большим удивлением слушала его «спич», а потом фыркнула:

— Ты что несешь?! Последние — вообще не медики! Они... агрономы, вроде бы, или физики!

— Ну вот видишь, насколько я темен и далек от науки! Как тебе с таким Митрофанушкой в свете появляться?!

— Клоун ты, Косов! Хватит придуриваться, начал тут... прибедняться! Так... ну-ка целуй меня... в щечку! И проси прощения! А то... в следующий раз приеду со скальпелем, и... «подложу» тебя, как те же ветеринары бычков!

Он наклонился к ней и прошептал:

— Может сбежим отсюда ко мне в комнату, и там я как следует попрошу прощения?

— Вот еще! Совсем сбрендил, Ваня? Люди кругом! — так же, но только возмущенным шёпотом в ответ.

Но Зина все же была хороша! Он чуть подзабыл уже, насколько она... красива!

— Радость моя! Ну вот... опять ты меня... «динамишь»! Неужели настолько плох я был в прошлый раз? — тут он опять начал играть, но и проверить нужно было — насколько девушке запомнился тот первый раз.

Она поглядела на него:

— Косов! Ты — нахал! — «ага... а щечки-то зарумянились!», — знаешь же... что вовсе... неплох! Что ты... как девушка на комплименты напрашиваешься?

— Так может... все же в комнату?

— Ваня! Ты несносен!

— Ну как же не сносен-то? Ты сидишь рядом, а у меня аж дыхание перехватывает! И рука сама тянется обнять тебя. И поцеловать хочется, что вот... аж губы сводит от желания!

«А девушке приятно, приятно такое слышать! Щечки огнем горят и глазки заблестели!».

Тут его одернул гневный голос директора:

— Иван! Мне сколько раз тебя звать на сцену?! Ты когда серьезно будешь относиться к работе?!

«Упс... неловко получилось! И смотрят многие на нас... Вон — даже Лидочка с Лизой

поглядывают с неодобрением, но и с любопытством, шушукаются».

Он поднялся на сцену, чуть помешкал, настраиваясь. Тронул пальцами струны, и потом — сразу:

— Бьют свинцовые ливни,
Нам пророчат беду!
Мы на плечи взвалили
и войну, и нужду!

И Илья подхватил на аккордеоне, стал подпевать.

— Плохо! Плохо, Иван! На песню настрой должен быть, а ты... Серьезнее, Иван!

Но вот людям, которые сидели в зале, уже после прогона своих номеров, тем — явно понравилось! Многие даже хлопали. И Кира... с какими горящими глазами... сидит в первом ряду!

— Так, Иван... Все, настроился? Давай, как и договорились, я начинаю, — и Илья заиграл вступление на аккордеоне.

Выждав время, Иван запел негромко:

— Забота у нас простая,
Забота наша простая.
Жила бы страна родная —
И нету других забот!

Пели они с Ильей... неплохо. Только вот в куплете про любовь... Иван невольно опустил глаза, чтобы — вдруг не встретиться с глазами Киры...

И опять вступление — за Ильей, и снова Иван начинает:

— Остался дом за дымкою степною,
Не скоро я к нему вернусь обратно.
Ты только будь, пожалуйста, со мною,
Товарищ Правда,
Товарищ Правда.

Ну что это... если не успех? Уже все в зале колотили в ладоши, не жалея своих конечностей! А крику сколько было, крику!

— Ребята! Дорогие Вы мои! Какие же Вы молодцы, вы же и сами не знаете! — к ним вдоль стены зала пробирался невысокий худощавый человек лет сорока на вид.

Иван с недоумением посмотрел на Илью. Тот шепнул в ответ: «Парторг совхоза, Васильев Иван Степанович!». Парторг забежал на сцену и затряс руки директора:

— Илья! Вот нет слов! Нет слов просто! — потом повернулся к Ивану, — ну что, тезка, дай я тебе руку пожму! А мы с директором еще говорили, мол, удивят нас чем-нибудь хлопцы, или нет! Удивили, еще как удивили! Вот молодцы-то где! А, товарищи?! — парторг повернулся к залу.

«Ого! Какое дружное подтверждение!». Народ что-то выкрикивал, продолжал хлопать, шумел и обсуждал новые песни.

— У нас, вообще-то... еще одна песня будет! — Косов, скромно так, чуть пошаркивая ножкой... ну, ножкой он, конечно, не шаркал. Но приятно, приятно, черт возьми!

— Да? Это же здорово! Ну все товарищи, садимся, садимся. Послушаем, что нам ребята еще приготовили.

Негромкий проигрыш на гитаре. Иван помнил, как здорово это выглядело в фильме. «Ну так там... и актер был — ого-го какой! Смерть всем бабам, называется!»

— Поле, русское поле...

Светит луна или падает снег —
Счастьем и болью связан с тобою,
Нет, не забыть тебя сердцу вовек!

И это песня... что называется — зашла в зал!

— Так я директору и скажу, дескать, проспорил ты мне, Ефимыч! Как есть проспорил! Удивили ребята, сильно удивили! — после окончания прогона высказывал Васильев Илье и Ивану, — как он Вам поручение-то дал... ну — чтобы, мол, не хуже, чем на открытии клуба песни были... А сам-то говорит, не верю, говорит... не смогут ребятки что-то путное сообразить, времени у них мало. А оно вишь как! А я думаю, дай погляжу, как там дела с концертом-то. Вот Вы, дорогие мои, удружили, так удружили! Да, Иван! А что ты про улицу-то не спел? Хорошая же песня! Н-е-е-е-т... надо и ее спеть обязательно! И людям же нравится, да!

— А Вы, комсомолия, куда смотрите? Вот человек — такие песни сочиняет, а почему он еще не в комсомоле, а? Недоработка, товарищи, как есть — упущение! Я как член партии Вам говорю, что это надо исправить! Как же так-то?

Кира смущалась, краснела и старалась не встречаться с Иваном взглядом. Тот тоже как-то присмирел.

«Как же мне хочется, чтобы она так смущалась, но не от выговора парторга...».

Когда он провожал Зиночку и Киру с Сергеем на передвижку, Кира спросила у него:

— Иван! А почему ты, действительно, не вступаешь в комсомол?

Он хмыкнул:

— Кира! Раньше я работал все больше в местах, где вообще... комсомольская работа была не очень налажена. Там много бывших зэков, да и прочего элемента было большинство. А здесь? Да все как-то... то некогда, то еще что-нибудь. Да и не знаю я как это делается! И к кому обращаться с этим вопросом.

Она задумалась:

— Ну, считай, что обратился. Я подумаю, как это все провести. И вот что, Зина, ты, кроме всяких там любовей, должна взять над Иваном и комсомольское шефство. Устав чтобы он изучил, и вообще... по текущему политическому моменту разбирался.

Зиночка, пользуясь тем, что они с Иваном шли чуть позади, скорчила мордашу и показала Кире в спину язык, вот так — «бе-бе-бе»!

Уже на платформе, он, пока ждали поезда, приобнял Зину и с улыбкой спросил:

— Ну что, ответственно-закрепленная за несознательным элементом, где будем изучать Устав комсомола? Может быть ко мне приедешь... на днях. Ну чтобы никто не мешал погружаться в глубину текущего политического момента?

Зина фыркнула:

— Ага... с тобой поизучаешь Устав! У тебя одно на уме! Так углубишься в текущий момент, что..., - тут Зина мило покраснела.

— Ты, Киса, совсем позабыла обо мне! Вот как бы мне... освежить в твоей памяти... некоторые эпизоды наших отношений?

Тут их окликнула Кира. Они подошли ближе.

— Я совсем забыла Илье сказать! Мама спрашивала — что-то Ильюшка давно к нам в гости не заходит. Так вот! После демонстрации, ждем Вас в гости, тебя, Илью и Тоню! Так что никаких планов не стройте, никакие отговорки не принимаются!

— Кира! Все же как-то неудобно... У Вас наверняка гости будут — друзья родителей. И мы еще... компанией завалимся.

— Ерунда это все, что ты говоришь! Илья у нас был частый гость. И Тонечку мама хорошо знает. А что гости... Ну да, будут папины коллеги, сослуживцы, с женами. Но квартира у нас хорошая, мы их не стесним. Да и веселее им будет, они всегда рады с нами пообщаться. Правда, Сережа?

Викинг подтвердил, что, мол, так и есть, люди все хоть и серьезные, но компанейские и в общении легкие.

Косов не понял, как к этому отнестись. С одной стороны, отпраздновать в хорошей компании — что же тут плохого; с другой стороны, насколько он знал со слов Ильи, отец Киры — военный в чинах немалых. Значит и компании взрослых будет соответствующая. Косяка бы не упороть... Да и быть весь вечер... рядом с Кирой... Как-то нервно может получиться. Здесь, конечно, ему Зина поможет скрасить вечер, но все равно...

Концерт прошел отлично. Опять в зале было — негде яблоку упасть!

В начале, как водится, была официальная часть. Выступали и местные руководители, директор совхоза и парторг, были и приглашенные — от райкома и завода «Сибкомбайн». Среди официальных фраз и речей, Иван смог вычленить и вполне интересное для себя. Как оказалось, в трех отделениях совхоза, по числу деревень в него входящих, трудятся двести девяноста восемь работников. Есть молочно-товарные фермы, есть откормочный комплекс и свинофермы, имеются и обширные посевные площади. Директор сетовал, что все те продукты, которые «выдает нагора» совхоз, не покрывают необходимого для завода. Что требуется кардинальное укрупнение хозяйства, а вот людей и мощностей — не хватает. Озвучил директор и планы — начнется строительство жилья для работников, с целью — привлечь в совхоз дополнительных работников.

А что? Вполне себе интересно! Нужно же знать, где живешь, чем дышит предприятие, где ты, пусть и в клубе, работаешь.

А потом был непосредственно концерт. И все участники отвели свои номера без особых ляпов. Особенно понравился Ивану Ганин. Вот же где самородок русский! Стоя в проеме малых дверей, возле подъема на сцену, Иван и сам не заметил, как стал подпевать заводному баянисту.

— Подставляй-ка губки алые,

Ближе к молодцу садись!

Играл и пел Николай все больше русские народные, но здорово же! Здорово! Спел он и новую песню, про «зореньку». И Иван видел, как улыбаясь, вытирали глаза, зрительницы в зале. Значит и эта песня — понравилась.

Свои с Ильей песни они отыграли... нормально. Людям тоже нравилось! Уже после концерта, к ним подходили и сам директор совхоза с парторгом. Хвалили, жали руки. И

другие люди тоже благодарили за хорошо поставленный концерт, и за песни. Ну... возможно, что люди просто не избалованы зрелищами. Хотя Ивану хотелось думать, что все-таки — концерт был и впрямь неплох.

Иван был на кураже, да и по рюмашке коньячку они уже приняли. Может потому, когда к нему, улучив момент, подошла учитель музыки Елизавета Николаевна, и спросила, когда же он напишет что-то для школы, Косов, придвинулся к ней, положил руку на... попу, прошептал:

— Елизавета Николаевна! Красавица Вы наша! Но как бы поэта... вдохновить на творчество! Я бы Вам... определенно что-то придумал.

Женщина сначала так опешила, что даже руку его не сразу убрала, а потом, покраснев, прошипела:

— Вы, Иван, редкостный нахал! И... кобель блудливый! За каждой юбкой волочится готов! Вон... у Вас... девушка Ваша в зале! И еще... ходят тут к Вам!

Потом чуть успокоилась:

— Руку убери! Не было бы здесь людей... я бы тебе по наглой смазливой морде нахлестала, хам!

— Ну что Вы, Елизавета Николаевна?! Ну что Вы так-то? Я же... просто Вы очень интересная женщина. А я... после концерта... взбудоражен. Так что... извините, если что не так. Но... ведь правда же, что Вы — красивы!

Отодвинувшись друг от друга, они с натянутыми улыбками пропустили мимо себя людей, кивками поприветствовав тех.

— Знаешь, Иван... Я сначала даже подумала, что ты... очень приятный, образованный молодой человек. А получается, что ты самоуверенный сопляк! Я чуть не вдвое тебя старше, а ты мне такие предложения делаешь!

— Ну, если уж начистоту, Елизавета... Николаевна! Вы очень привлекательная женщина. Я бы даже сказал — молодая, привлекательная женщина. А для таких женщин... возраста нет. Ну пусть... женщина бальзаковского возраста. И извините, если обидел.

Она успокоилась, хотя щечки еще были розовыми.

— Давай так, Иван! Сделаем вид, что ничего не было, и ты мне... ничего не говорил. А может ты пьян... немного? Вот и не сдерживаешь свои порывы?

— Хорошо... пусть так. Я немного пьян, и не смог сдержать своего восхищения от твоей, Лиза, красоты! Прощу меня простить за несдержанность!

Потом он чуть наклонился к ней:

— Но, Лиза... попа твоя и впрямь очень хороша, как и вся ты! И я бы... очень хотел... познакомиться с тобой поближе.

Не дожидаясь гневного ответа от вновь ошарашенной женщины, он поспешил в зал, где стали готовить зал для танцев, убирали скамьи, открыли для проветривания форточки окон.

— Ты о чем это так с той старушкой шептался, Косов?! — он не увидел, как сзади к нему подкралась Зина. А вот ее щипок... очень болезненный, надо признать! не почувствовать было невозможно!

— Ну что же ты так, Зиночка?! Больно, ей богу! И ни о чем мы с Елизаветой Николаевной не шептались. Она напоминала мне, что я обещал ей песню для детей. Вот я... и пообещал! Ай! Ну что опять-то?! Зина! Это уже неприличным становится, люди же увидят! Да и больно...

— Вот выведешь ты меня, Ваня! Я тебя поколочу! А чтобы тебе больнее было, я еще

Кирочку позову.

— Вдвоем с Кирой? Душа моя! Так я уже согласен! Когда и где? Я весь в томлении!

— Клоун! Вдвоем с Кирой?! Похотливый ты... козел! Я вот еще и Сергею сейчас расскажу, он тебе морду начистит!

— Не... Не хочу, Зина, с Сергеем! Он мне не нравится. Я вообще... не по этому делу!

Хорошо, что они с Зиной... общались шёпотом. А то бы — что люди бы подумали?

«А про то, как Лиза сказала «ходят тут к Вам!», это не иначе Лидия все же видела, как к нему приезжала Вера. В первый-то ее приезд Лидии не было, а вот второй раз... библиотека была открыта, ага! Вот же... женщины! Это получается, они ему косточки-то уже перемыли!».

Зачем он все это сделал с Лизой, Иван и сам не смог бы себе ответить. У него, как он уже не раз замечал, на эмоциях могло быть такое-этакое... Шизофрения... она такая.

А десятого, пройдя с Ильей и Тоней в колонне работников совхоза по Красному проспекту, они направились в гости к Каухерам. Парни тащили купленный торт, и «жинтыльменский» набор, состоящий из бутылки коньяка, бутылки водки, и двух бутылок вина, красного и белого.

Из разговоров Ильи и Тони, он понял, что отец Киры с месяц назад вернулся из командировки. Причем Тоня говорила об этом с каким-то пиететом.

«Это о чем они?».

На вопрос, где в командировке был Каухер-старший, ребята с удивлением поглядели на него.

— Иван! Ты что, с Луны свалился? Он же в Монголии был! — Тоня была даже возмущена неведением Ивана.

«Бляха... муха!».

А как он мог это пропустить? Нет... в газетах-то промелькивали сообщения о конфликте с японцами в Монголии. Но все как-то... мельком и невнятно! Типа — пограничный конфликт... воинские формирования Монгольской народной армии, при участии советских военных специалистов... еще что-то.

«Вот же — погрузился в текущую жизнь, подготовка клуба, личная жизнь, то-сё! Как говорил один Карл — «Бабы и вино доведут да цугундера!». А может и у нас там... сначала также особо не распространялись о конфликте? Или же — здесь это по-другому шло?».

Елизаров, конечно же, был в курсе данного исторического события, там, у себя, в истории. Но только в общих чертах. И уж точно не был знаком с тем, как советская пресса тридцатых освещала эти боевые действия.

«Получается, батя-то у Киры — боевой мужик?!».

В центре Красно-Сибирска, и по Красному проспекту, и на соседних улицах были расположены районы новой жилой застройки. В будущем это бы назвали жильем класса «премиум». Ну да, новые дома; квартиры по три, четыре, а то и больше комнат, полностью благоустроенные; с лифтами в подъездах, а в фойе домов — консьерж. Сейчас здесь так живут очень и очень немногие люди. Вот и пара-тройка домов, относящихся к жилью командного состава Сибирского военного округа, были из этого разряда.

Они подождали, когда консьерж созвонится с квартирой Каухеров, уточнит по гостям, а потом поднялись на лифте на третий этаж.

«Ну да... светлый холл; чистые, широкие лестницы. Лифт опять же... чистый и даже с зеркалом. И расположение квартир — интересное! Получается, на этаже — три квартиры: с

одной стороны две, и с другой стороны площадки — еще одна квартира. И даже лестничной площадкой это назвать... сложно. Скорее, тоже — холл. Даже картины на стенах висят и вдоль стен — диванчики стоят, пусть и деревянные, но все-таки! И еще — какие-то цветы в кадках. Неплохо живет комсостав!».

Из холла имелись застекленные двери в изрядную по размерам лоджию, которая, судя по всему, выходила во двор дома. Интересно!

Встреча и толкотня в прихожей квартиры была немного сумбурной. Их встречали Кира и Виктор. Девушки — почмокались в щечку, парни обменялись рукопожатиями.

— Проходите, проходите! Папы и дяди Зураба, с дядей Васей еще нет. Ну — там понятно, пока парад закончился, да пока части в казармы вернулись... Они чуть позже будут. А я пока Вас с мамой и с женщинами познакомлю, — Кира была одета в темно-синюю юбку, чуть ниже колена, и голубую блузку. Ей очень шло!

Иван опять заставил себя не пялиться на девушку.

— Кира! А куда торт и спиртное... определить? — он не знал, куда деть коробку и бумажный сверток с бутылками.

— Пойдем! Я тебе покажу. Нет, не надо разуваться!

«О! Еще один показатель! В доме не разуваяются. Хотя... если в доме будут военные... Неловко как-то им будет, в портянках-то, если сапоги снять! Тапочки на портянки — тоже не айс!».

Он прошел вслед за девушкой по широкому коридору.

«Ага... кухня. Неплохая такая кухня, метров двадцать в квадратах! Завидуешь? Да нет... злуюсь, пожалуй. Я, конечно, понимаю, что военные... в больших чинах... но вот, пожалуй, с этих времен и началось расслоение в советском обществе. Когда одни, пусть и по заслугам, живут в таких квартирах, а другие... ютятся в бараках. И чем, к примеру, хуже какой-нибудь сержант, так же воевавший на Халхин-Голе, даже — раненный, даже награжденный, но — вернувшийся после демобилизации в свой барак... ну — пусть в домишко неказистый! Чем он хуже... этих больших командиров?».

Потом Косов чуть разозлился на себя, что не может внятно ответить на вопрос; вот такое неравенство в жилье — это правильно, заслуженно, или нет? Сейчас так живут военные в больших чинах, ученые и преподаватели ВУЗов, творческая элита, руководство областей и страны, предприятий. Потом так же захотят жить их дети — а что, если уж привык так жить, как после этого жить в бараке? Вот и получается — новый класс аристократии зародился уже сейчас.

«Ладно... ты же примерно представлял, что так есть и будет? Ну тогда на кой хрен перся сюда в гости? Что — не мог «отмазки» придумать? Вот... тогда — не чирикай, и не мешай людям отмечать праздник!».

— Иван! Вот, поставь все сюда на стол! Я сейчас маме скажу, и она распорядится всем этим, как нужно! — Кира была приветлива. А у Косова в груди... опять томление.

— Ты... очень хорошо выглядишь, Кира! Как всегда... впрочем, — прокаркал он пересохшим горлом, — а можно мне водички... попить.

— Ну конечно! Сейчас налью. Или может быть — газводы, или вот — компот? Ты знаешь, тетя Аня Шедько такой вкусный компот варит, — похоже она говорила что-то еще, но Иван не слышал, а только смотрел на нее.

Кира не могла не заметить его взгляда, и зарумянившись, засуетилась, наливая компот.

— Ну вот... какая же я безрукая! Пролила! Сейчас затереть нужно! — а вот наклоняться

ей... не нужно было. Юбка... да и блузка тоже... так предательски обтянули ее спину... и ниже, что Косов явственно почувствовал, как ему не хватает воздуха.

Чтобы хоть что-то сделать, он наклонился, чтобы перехватить половую тряпку из рук девушки, помочь... Но столкнувшись с ней лбами, позорно завалился на задницу.

«Хоть вытереть она успела... и то — слава Богу! А то сидели бы сейчас напротив друг друга на полах... да в луже компота! Картина маслом, ага!».

Кира, хохоча и потирая лоб рукой, сидела сейчас напротив него, опершись спиной о кухонный стол. Ноги ее были вытянуты по полу и практически касались ног Ивана. Юбка довольно узкая, изрядно поднялась и оголила, предательница! такие красивые ножки! чуть не до середины бедра!

— Вань! Ты чего? — позвала она его негромко.

Он встряхнулся как пес, пытаясь сбросить оцепенение. Все это время он самым бессовестным образом разглядывал... ноги... да.

— Я? я... ничего. Я... просто... вот, — предельно информативно высказался Косов.

Кира с улыбкой чуть удивленно посмотрела на него.

— Ваня, — очень вкрадчиво, почти шёпотом, — Вань! Скажи честно... я тебе очень нравлюсь, а?

— А-к-х... г-х-м... я..., - со ступором сделать пока ничего не удавалось, и только прокашлявшись, неожиданно для самого себя сказал, — очень...

— А как я тебе нравлюсь? Вот ноги мои... нравятся? — чертовка довольно легко приподняла одну ножку, заставляя юбку сползти еще выше., даже край чулок стал виден... и даже еще чуть повыше!

— Очень..., - проскрипел Косов, потом замотал головой.

«Так... этот гипноз пора прекращать! Немедленно! А то... скандал может получиться».

— Кира... ты зачем так... Ты же и сама знаешь... это — не нравится, это... другим словом называется, — опять лезет с языка, сам не знаю что!

— В-а-а-а-нь... а хочешь, я тебя поцелую, а? — а вот здесь она переборщила!

Иван быстро приходил в себя, и улыбнулся:

— Кирочка! А вот это — уже не твои слова, а Зиночки! И прошу тебя... не надо издеваться надо мной. Ты же знаешь, когда ты рядом — я больной! А над больными издеваться — грешно.

Девушка удивилась и задумалась — «где оступилась-ошиблась?».

Хорошо, что он успел подняться и протянув руку, помог подняться Кире. Как только это произошло, в кухню зашла женщина... очень похожая на Киру, только явно старше.

— Кира, что тут у Вас? Как пропали куда-то? — женщина с подозрением посмотрела сначала на девушку, удивленно подняла бровь и перевела взгляд на Ивана.

— Мам! Я тут... Ивану попить хотела дать. И компот разлила, вот... подтирала... пол.

«Эх ты! А еще меня совращаешь-соблазняешь! А сама-то «палишься» на ровном месте!».

Кира явно покраснела щечками, что добавило подозрения в глаза ее мамы.

— Спасибо, Кира, за компот! Знаете... я, наверное... домой пойду. Что-то я себя неважно чувствую... Наверное... я заболеваю. А ну как что заразное, да еще и вас заражу. Извините, пожалуйста, — Косов попытался «откланяться».

— Иван! Ты что придумываешь-то? — возмущенно воскликнула дочь.

— Это что за выдумки? — не отставала от нее мать, — так... Кира! Пойди и представь Ивана гостям! Я тут сама разберусь с полом и компотом! Здесь, Иван, целая куча

медработников, и мы вас вылечим, при необходимости, конечно!

Чувствуя, как полыхают от стыда щеки, Иван на прямых ногах, вышел из кухни в коридор. Услышал, как сзади сердитым шёпотом мать выговаривала дочери:

— Кир! Ты чего тут устроила? Ты... ладно! Потом поговорим! Иди!

Дождавшись Киру в коридоре, Иван, отвернувшись в сторону, спросил:

— А где у Вас... туалет?

— Прямо по коридору... вон, видишь двери, — Кира тоже отводила взгляд.

Он прошел в туалет, не прикрывая за собой дверь, умылся, и напился из-под крана.

— Ты чего... двери не закрыл? — девушка стояла, прислонившись плечом к косяку.

— Я... мне просто умыться нужно было. И напиток! Кто-то компотом полы моет, а не гостей угощает!

Кира засмеялась:

— Ой! И правда, я же тебя так и не напоила!

Уже протискиваясь мимо нее в коридор, Иван мстительно прошипел:

— А тебе тоже... умыться бы не помешало! Щечки-то вон как горят! Сережа еще чего придумает!

Они прошли в зал.

«Ага! Тут тоже... квадратов тридцать, не меньше! У-у-у-у... буржуи советские... воинского сословия!».

Это его взбодрило!

— Иван! Разреши тебе представить наших друзей... Вот — Анна Афанасьевна, супруга папиного сослуживца!

«Невысокого роста полная женщина... Лет сорок пять, похоже... Явно такая... домашняя. Хозяйка, наверное, хорошая. И компот этот скорее всего — ее. На хохлушку похожа, вот!».

Он довольно бесцеремонно перебил девушку.

— Кирочка! Ты не права! Это не женщин мне представлять нужно, а меня — женщинам! Представь меня, пожалуйста! — ага! Вот уже и ему удалось смутить эту красавицу!

Он раскланялся с улыбчивой толстушкой, чуть пожал ее руку. Угу... тоже врач, как и мама Киры. Это его Тоня просветила, кем работает мать его... предмета обожания.

Повернулся ко второй.

«Ого! А вот здесь явно не тот типаж! Эта... дама явно не тех кровей и не того происхождения!».

Второй женщиной, сидевшей в зале на стуле, была... как раньше писали — «жгучая брюнетка». Также примерно того же возраста, но... все остальное было категорически не так как у «хохлушки». Все еще хорошая фигура, стройная. Интересное, даже можно сказать утонченное лицо. Аристократическое — опять штамп такой! Тонкие черты лица, высокий лоб, нос чуть с горбинкой... но — так даже интереснее смотрелось. И руки... холеные такие, красивые руки, с тонкими длинными пальцами и тонким же запястьем. И глаза... охренеть какие карие глаза, с пушистыми длинными ресницами вокруг.

«Таковыми пальцами нужно держать длинный мундштук с тонкой папиросой и томно поглядывать вокруг, эдак... чуть лениво и пресыщенно! Очень, очень красивая... дама! По-другому и не назвать! Похоже... кавказское здесь что-то есть».

— Тамара Георгиевна! Разрешите Вам представить — это Иван, наш хороший друг!

Кстати! Он поэт и написал уже несколько очень хороших песен!

«А вот это зря, Кирочка! Я вообще-то сюда отдыхать пришел! А после такого... играть и петь придется. А как откажешь такой... даме?».

— Иван! Тамара Георгиевна очень хорошо играет на рояле, она работает в пединституте, преподавателем.

Он подошел ближе и чуть улыбаясь, пропел:

— Где Вы теперь? Кто Вам целует пальцы?

Куда ушел Ваш китайчонок Ли?

Вы, кажется, потом любили португальца.

А может быть с малайцем Вы ушли?

Женщина засмеялась и подала ему руку. Кивнув головой, и даже чуть щелкнув каблуками, Иван склонился над рукой.

«Здесь рукопожатие не подходит абсолютно! Не та дама! Хотя... пижон ты, Ваня! Как есть пижон!».

И он чуть поцеловал запястье.

Тамара Георгиевна удивленно подняла брови, с улыбкой протянула:

— Однако! Кирочка! Где Вы нашли такого молодого человека?

Было видно, что Кира чуть нахмурилась, так... слегка. А вот Зиночка, что стояла чуть поодаль с Сергеем, Ильей и Тоней, закусил губку.

— Иван работает в клубе, где директором Илья. Там мы и познакомились.

«Странно... и это жена командира в чинах? Больше походит на салонную даму, этакую светскую львицу... из прошлого».

— Иван! А мы сегодня услышим Ваши песни? Будет любопытно...

— Прошу меня простить, княгиня, но я сегодня не в голосе. Да и инструмента нет. Еще раз, миль пардон, мон шер! — «что я несу! пиздец какой-то! хотел же не косячить!».

Женщина опять была поражена. Воспользовавшись этим, Кира оттащила его к молодежи, где им сразу завладела Зиночка.

— Нам нужно серьезно поговорить, Иван! Кирочка, с твоего разрешения, мы воспользуемся твоей комнатой? — и она затащила его в одну из дверей.

В комнате Киры находились Виктор и Таня. Ничего такого, женщина подкрашивала губы, а Виктор ей о чем-то со смехом рассказывал.

— Виктор, Татьяна! Нельзя ли попросить Вас об одолжении? Мне крайне срочно необходимо поговорить вот с этим... обалдуем!

Виктор с улыбкой кивнул, а Таня даже с каким-то сочувствием посмотрела на Ивана, выходя из комнаты.

— Ты что творишь... клоун? Ты чего это перья распустил перед... Тамарой? — она шипела ему в лицо.

— Зин! Да ты чего? Ничего я перья не распускал! Просто... старался быть галантным и всего лишь...

— Ой, придурок! Ты знаешь, кто она и чья жена? Хотя... откуда ты это можешь знать? — Зиночка была и впрямь... толи встревожена, толи расстроена.

— Ее муж, Кипанидзе Зураб Шалвович — начальник особого отдела Н-ской стрелковой дивизии! А она, к твоему сведению, и впрямь — грузинская княжна. Понял? Он, как и все грузины — ревнив до одури. Они... как говорят, еще до революции познакомились. И всю Гражданскую вместе провоевали.

Зиночка перешла на шёпот, горячим своим дыханием прямо ему в ухо сбивая с него всяческий серьёзный настрой.

— Он, как я сказала, ревнивый, а возможности у него — ого-го! Тебе это надо? Поулыбался какой-то старой перечнице, а потом... Ладно! Может и пронесет... Хотя... поговаривают, что она тоже... молоденьких лейтенантов любит. А эти лейтенанты... после этого... едут служить куда-нибудь в Кушку, или еще в какую тмутаракань. И это — в лучшем случае... а то и... куда-то переводятся... в неизвестном направлении.

— Зин..., - перебил он ее, — слушай... а может это ты сама ревнуешь, а? Навыдумывала тут семь верст до небес... И страсти-то какие! А про княжну... Так в Грузии, до революции любой джигит, который имел саклю и пять баранов — считался князем. Соответственно — жена его — княгиней, а дочь — княжной. Так им интереснее жить было!

— Да ты..., - Зина как-то «сдулась» и чуть успокоилась, — может и правда... враки это все. И может... и правда — ревную?

В комнату зашла Кира.

— Ну чего Вы тут? — судя по виду Кире, она не особо волновалась. Значит и правда — Зиночка... преувеличивает?

— Знаешь, Кира... Мне кажется... эта тигрица... эта хищница! Тамара эта! Она на Ивана нацелилась, вот! Кошка облезлая! — Зина снова начала распаляться.

Кира с сомнением посмотрела на Зину, потом на Ивана:

— Зин! Мне кажется, ты зря волнуешься. Ну да, Иван, конечно, тот еще... балбес. Но вряд ли Тамара так явно будет демонстрировать свой... интерес. А ты, Ваня, перестань корчить из себя... непонятно кого.

— А что... правда, как Зина говорит, что эта весьма интересная дама соблазняет молоденьких мальчиков, а потом их ее муж гнусно расстреливает по подвалам?

Девушки обалдело смотрели на него. Потом Кира расхохоталась, а Зина возмущенно замахала руками:

— Я не так все говорила! Что ты выдумываешь-то?

Кира успокоилась:

— Ну про соблазнение... сплетни такие ходят, это так. У дяди Зураба несколько раз помощники менялись. Но, насколько я знаю, они все уходили на повышение. Да он и сам — ходок тот еще...

Тут Кира как-то резко замолчала, а Зина отчего-то покраснела и отвернулась.

«Так-так-так... тут явно скелетики в шкафчике имеются, явно! Надо будет, при случае удобном, попытать Зиночку... даже знаю, как ее пытать буду!».

— Ты все же, Иван, поаккуратнее с Тамарой. Она женщина красивая, и еще... не совсем старая, — Зина здесь опять хмыкнула, — а Зураб... они уже давненько, насколько я понимаю, больше просто как друзья, а не супруги. А что не разводятся... так и Зурабу это по службе боком может выйти, и Тамаре терять положение... не хочется. В общем... веселятся как могут. Но порознь.

«Все-таки Кира... умна. По-житейски. И выглядит старше той же Зиночки... по рассуждению».

Они вернулись в зал, где, похоже, что Тамаре наскучило сидеть просто так, за разговорами. Илья уже усаживался на стуле, одевая на плечо ремень аккордеона.

Кира шепнула:

— О как! Уже к соседям успели сходить за инструментом. А то у нас в доме только

старая Витькина гитара лежит.

— Так... Иван! Вот гитара, развеселите женщин своими песнями. А то мы уже наслышаны, что они хороши, но хотелось бы услышать их своими ушами, — Тамара была напориста.

«А все-таки женщина — очень красива! Вамп! И это черное бархатное платье ей очень к лицу».

Они с Ильей исполнили «Глаза напротив», причем Иван, на всякий случай, старался не встречаться взглядом с Тамарой. Потом спели «В шумном зале ресторана». Точнее Илья только играл, а Иван пел и играл на гитаре.

— Вот значит как! А мы с Зурабом не так давно в ресторане были, слышали эти песни. Мне очень понравились. А теперь мы и с авторами знакомы! Очень хорошо! Похваляюсь женщинам на работе! — Тамара улыбалась, но пару раз Иван поймал ее взгляд на себе... Вроде бы...

— А давайте я Вам еще песню спою, тут что-то пришло в голову... Нет, Илья, Я тебе еще ее не показывал. Я сейчас спою ее, как сам вижу. А потом мы с тобой обсудим, может что в музыке и поправим.

Иван поправил гитару, откашлялся, настраиваясь:

— Очарована, околдована,

С ветром в поле когда-то повенчана.

Вся ты словно в оковы закована,

Драгоценная ты моя женщина!

Душевно получилось, что там говорить. Женщины расчувствовались, Анна вон и платочек уже достала. А Зиночка... он смотрел ей в глаза, пока пел. Зиночка... вот не уверен, что не... кончила. Только вот... Тамара опять смотрела на него.

Слава всем Богам, в этот момент пришли мужчины!

В прихожей стало шумно, кто-то громко смеялся, кто-то басил. Потом его представили прибывшим. Ну да, остальные-то уже не первый раз здесь в гостях сживаются.

Отец Киры... был невысок ростом, чуть полноват. Черты лица были... какие-то простецкие. Светлые, не особо густые волосы, с заметной уже залысинкой, брови как сильно выгоревшая солома. Он постоянно улыбался, то подмигивал кому-то, то — поддакивал, то о чем-то шутил. Постоянно крутил в руках небольшую трубку.

«На Визбора похож очень!» — мелькнула у Ивана тень узнавания.

Мда... товарищ старший батальонный комиссар, судя по трем «шпалам» в петлицах, и звездам на рукавах кителя. Вот только иногда глаза его, очень светло-голубые, не смеялись, в отличие от лица.

«Тоже... из птенцов Дзержинского? Или действительно — политработник?».

Интересная они пара — родители Киры. Он... такой типичный прибалт, даже, судя по фамилии, скорее — прибалтийский немец. Она же — яркая, статная казачка. Чуть располневшая с возрастом, но до сих пор не потерявшая южной красоты. И что забавно — она заметно выше его! Контрастом они смотрятся. Но видно, что отношения очень хорошие.

Эти... грузинские демоны... были тоже интересной парой. Он, невысокий, изрядно седой. Какой-то весь резкий, взрывной. Шумно говорит, шутит, смеется. Усики эти дурацкие, под Гитлера. Ну сейчас такие усы — в тренде. Вот и у товарища комполка Шедько такие же.

Грузин был похож... на Симонова. Который Константин, поэт. Только уже... когда тот

после войны был. Иван, точнее Елизаров не раз видел его выступления по телевизору, в записи. Да... похож. Этот уже — товарищ полковой комиссар. Однако, уже старший начальствующий состав, прочем, как и отец Киры.

А вот комполка был — под стать жене. Нет, так-то он был высок, здоров как медведь, шумный, с бритой наголо большой головой. Три «шпалы» в петлицах — подполковник. Но — вот они органичная пара. Хохлы. В хорошем понимании этого слова. Дополняли друг друга. Пара, да!

Наготовлено у Каухеров — можно было всех жильцов дома накормить. По шуткам и подначкам сидящих за столом, мать Киры, и жена комполка, уже давно устраивают такие поварские соревнования, по праздникам. Одна — хохлушка, другая — кубанская казачка. Что в принципе — рядом. Вот и ломился стол... от всего.

Очень быстро Иван понял, что, если еще чуть-чуть то он умрет от разрыва желудка.

«Нужно выйти, покурить. Встряхнуться как-то».

— А где можно покурить? — негромко обратился он к Виктору.

— Да! Точно! Пора промяться и покурить! Товарищи командиры! — басом скомандовал комполка.

— Мужчины! Курить в лоджии, или в холле! А то вы мне всю квартиру прокурите! — потребовала мама Киры.

Они вышли все вместе на лоджию, где уже курили компанией мужчины из соседних квартир. В подавляющем большинстве — в военной форме. Сразу возник треп. Анекдоты, смех.

Иван не удержался:

— Один интеллигентный мужчина, преподаватель института, филолог, приходит на работу после праздников с шикарным синяком под глазом. Коллеги сразу сочувствовать, расспрашивать — хулиганы, грабители? Да нет, говорит, были мы с женой на праздниках в гостях. А там, так совпало, из гостей мужчин — почти все военные. Вот в перерыве празднования, все мужчины вышли на балкон покурить. «Вы знаете, я не курю, — продолжает рассказ филолог, — но решил выйти за компанию. А на балконе... ну, как водится, различные смешные случаи, анекдоты... И вот один военный начинает рассказ: «Помню был у меня один хер в роте...». Вы же знаете, коллеги, я человек интеллигентный, перебивать людей — нехорошо... но я же еще и филолог! Вот и пришлось поправить товарища — говорю ему: товарищ командир, по правилам русского языка, правильно говорить не «в роте», а «во рту».

Военные сначала чуть помолчали, а потом — грохнуло! Его хлопали по плечу, жали руку, мужики повторяли на все лады про «в роте» и «во рту».

«Не любят у нас военные интеллигентных преподавателей! И это, похоже, было всегда и будет в будущем!».

— Разговаривают красный командир и инженер с завода. Инженер командиру: Нет, так-то вы, военные, ребята неплохие, только... туповатые какие-то. Командир — инженеру: Ха! Если Вы такие умные, то что же по утрам на работу строим не ходите?

Здесь смеха было поменьше, так... поулыбались немного.

— Проверяющий часть старший командир советует командиру полка: А здесь, на твоём месте, я бы поставил шлагбаум! Ну — или толкового майора, — опять вызвал смех у товарищей командиров.

Потом какая-то женщина, заглянув на лоджию позвала соседскую компанию назад, за

накрытые столы. Иван остался один с отцом Киры, Зурабом и Шедько. Уже спокойно переговаривались, командиры обсуждали какие-то рабочие моменты. Конечно, не секретные — упаси Бог! Потом Каухер обратился к Ивану:

— Иван! Я слышал, ты на следующий год в училище собрался поступать? А в какое, если не секрет?

«Слышал он... интересно, от кого он слышал о моих планах? От Киры? Да — вряд ли! Сомневаюсь, что она стала бы обсуждать мою персону с отцом. А вот с матерью... ну да, могла. Если у них отношения — соответствующие. А та уже — вот ему! Да и ладно, я секрета из этого делать не собираюсь. Просто интересно, под каким «соусом» обсуждалась моя... морда».

— Да какой секрет?! Тем более от командиров такого ранга. Тем более, от представителей армейской контрразведки. Особые отделы, это же — контрразведка, правильно?

Каухер хмыкнул, попыхивая трубкой.

А вот Зураб немного... ощетинился.

— А ты, Иван, где раньше жил? — уставился «грузин» на Ивана своими карими глазами.

«Ню-ню... и чего?».

Иван вкратце изложил имеющую место «легенду».

— А сейчас где работаешь?

— Так в клубе, в совхозе. Нас там трое — мы и сторожа, и истопники, и дворники. Я вот еще и киномеханик.

— А что же... другого места работы ты не нашел?

— Да я за два с лишним года... позабыл все, чему в школе учили. Как поступать в училище-то? Опозорится не хочу, вот и готовлюсь. На Севере я денег чуть прикопил, приехав сюда приделся, вот — на работу устроился. А что зарплата маленькая... так мне на жизнь хватает. А поступать я планирую в Омское пехотное.

— Х-х-х-а-а-а..., - это уже Шедько засмеялся, — а чего ж к «коням»-то? Чего ж не другое какое?

Иван удивился:

— А почему — к «коням»? Оно ж пехотное, а не кавалерийское.

— Да не... все правильно, пехотное! Только вот уже с десятков лет Омское пехотное дает такую физподготовку, что на всех соревнованиях в округе, его курсанты все первые места берут стабильно. Вот их и прозывают — «кони», что носят они что твои жеребцы племенные! Что в беге, что на лыжах! Ну и стрельба у них — очень прилично поставлена. Говорят, что даже до революции Омский кадетский корпус всегда выделялся физподготовкой. А вот умом... как-то не так уже! Но ничего не могу плохого сказать — к нам лейтенанты все больше неплохие приходят. Нормальные хлопцы!

— А что — в другое училище? Техническое... Авиационное, или танковое, например? — опять интересуется Каухер.

— Тут видите, в чем дело... У меня как-то с техникой... не очень. Там же — математика та же... Все эти теории крыла, или баллистика орудий. Я об этом как подумаю, мне... что-то дурно становится.

Мужчины вежливо посмеялись: «если точные науки не даются, то да — только в пехотное!».

Потом и их позвали за стол.

Сейчас уже за столом толком и не ели, так — выпивали нечасто, да закусывали. Больше разговаривали. Сергей, к примеру, на вопрос опять же Каухера, стал разливаться соловьем по поводу полетов.

«Интересно получается... Папа Киры как бы ненавязчиво дает понять дочке... да и всем присутствующим, насколько Сергей более предпочтительней... ага — как зять!».

— Где начинается авиация, там заканчивается порядок! — ляпнул Иван.

Сергей запнулся на середине фразы, а остальные посмотрели на Косова — кто с улыбкой... вон — как Шедько, даже засмеялся! а кто и с недоумением.

— Есть такой анекдот: взлетает бомбардировщик. Командир спрашивает штурмана: Эй, штурман! Ты карты-то взял? Тот отвечает — а как же! Лететь-то долго — аж две колоды карт в карманах! Командир: я тебя про полетные карты спрашиваю! Тьфу ты, мля... опять по пачке «Беломора» лететь!»

Народ посмеялся. Сергей же насупился, как и недовольно взглянул на Ивана Каухера старший.

— Иван! Илья! Тут Зина рассказала, какие Вы отличные песни написали! Как люди на концерте их здорово принимали! Спойте нам! — это Тамара намеренно, или так... случайно выправляет ситуацию за столом.

«Ну что же... может это и к лучшему! А то вон — папы Киры уже посматривает... странно. Да и Сережа-викинг насупился!».

Последние их песни... всем понравились.

— А хорошие, да! Хорошие песни Вы написали, ребята! Правильные! — вот даже Зураб одобряет!

— Иван! А... что-нибудь... лирическое ты можешь спеть, — опять эта... Тамара.

«Вот лирику... не стоило бы. Что-то внимание этой дамы... меня, несколько настораживает! Особенно... в присутствии ее мужа!»

Но делать нечего...

Иван чуть перебором струн настроился, вспоминая, что можно еще спеть. Плотные занятия с гитарой последние полгода давали ему навык подбирать аккорды практически на ходу.

— Ну вот если это:

— Целую ночь соловей нам насвистывал,

Город молчал и молчали дома.

Белой акации гроздь душистые,

Ночь напролет нас сводили с ума!

Присутствующие за столом молчали, погрузившись кто в воспоминания, кто — в лирику песни.

— Ах как хорошо! Молодец, Ваня! — Тамара захлопала в ладоши.

Зураб же покачал головой:

— Белогвардейщина какая-то, честное слово!

Его жена завозмушалась:

— Ну что ты, Зураб?! Ну какая белогвардейщина? Красивая песня! Это твоя, Иван?

— Нет, что вы! Слышал где-то... просто понравилось.

Супруги Шедько тоже поддержали Тамару, отстаивая песню.

— Ну... если белогвардейщина... А вот про эту что вы скажете, Зураб Шалвович? — Ивана тоже чуть обидело такое отношение.

— Призрачно все в этом мире бушующим.

Есть только миг, за него и держись!

Есть только миг между прошлым и будущим,

Именно он называется жизнь!

Иван вспомнил, насколько ему казался непонятым разрыв между внешним видом Анофриева и его голосом. Простецкий же мужик, а голос...

И опять его слушали в полной тишине.

— И опять — белогвардейщина! — кивнул головой Зураб!

«Вот же... редиска «гэбэшная»! Все ему не так... Наверное, хватит уже провоцировать особиста? Веду себя как... полный придурок!».

— Ну, Зураб... Тут и я с тобой не соглашусь. Белогвардейщины здесь нет. А вот непонятный такой... идеалистический душок, что ли... да, слышится, — это уже Каухер старший.

«Как бы меня тут... после окончания вечера не «приняли»! Завязывать нужно с выступлениями!», раздумывал Иван, пока часть присутствующих вступила в спор по поводу идеализма и его содержания в этой песни.

Ситуацию спасла хохлушка Шедько:

— А давайте народные споем!

— А — давайте! — Иван решил... реабилитироваться.

— Нэсэ Халя воду — коромысло хнеться!

А за нэй Иванко, як барвинок вьется!

Песню подхватили супруги Шедько. Пели они здорово, голосисто, весело.

Потом Иван снова взял гитару:

— Ничь яка мисячна, зоряна, ясная,

Вьдно хучь голки збырай!

Выйды кохана я працею зморэна

Хучь на хвылыночку в гай!

Тут Анна Афанасьевна подпевала одна. Ее супруг с улыбкой смотрел на жену.

«Какая славная они пара, все-таки!».

— Так ты шо ж, Иван, из наших мабуть? Из малоросов? — по окончании песни спросил комполка у Косова, пока его жена вытирала слезы с лица платочком — расчувствовалась.

— Та ни, дядьку... С кацапив я. Або размовляю трошки, — заулыбался Иван.

— Це дуже гарно, парубок! Це дуже цікаво!

— Могу и так, — Иван перевернул гитару и на манер бубна застучал, все громче напевая песню, которую помнил еще со школы, той еще — Елизарова.

— Жужуна цвима мовида,
Диди миндори данама.
Данама, данама, данама
Диди миндори данама.

Тамара, да и Зураб опешили, а потом женщина стала активно подпевать. Ее муж тоже, улыбаясь, чуть слышно пел.

Когда Иван закончил петь, Тамара вскочила со своего стула, обежала стол и расцеловала его в щеки.

— Иван! Еще раз! Зураб, ну что ты сидишь? Иди, станцуй с женой!

Иван снова пел, отстукивая себе и паре танцоров ритм. Чуть позже музыку подхватил на аккордеоне Илья. Остальные, смеясь и хлопая, смотрели как пара Кипанидзе здорово выплясывает посреди зала. Она ходила павой, а он, вокруг нее, выдавая коленца — крутился чертом!

— Ай, молодец! Ай, спасибо! Удружил, Ваня! — раскрасневшийся после танца особист хлопнул его по плечу и вполне благосклонно смотрел, как супруга снова расцеловала Косова в щеки.

Потом они снова пошли курить. Но атмосфера уже была куда как теплее, чем в первый раз. Даже Каухер... как-то по-другому смотрит.

— Слушай! А откуда ты знаешь и украинские, и грузинские песни? — спросил Каухер, и вроде бы даже — без неприязни.

— Ну как сказать... я два года на Севере отработал. Там же... люди разные есть. А вечерами, в бараке лесорубов или строителей — чем заняться? Вот... кто в карты играет, кто читает, а кто — песни поет. А память у меня всегда была неплохая!

Комполка Шедько, уже изрядно выпивший, гудел ему на ухо:

— Ты, Иван, этих не слушай! Летчики, танкисты, моряки еще! Без пехоты, Ваня, армии не бывает! И правильно решил, что в пехотное, правильно! Оно — привычнее, да и надежнее! Я тебе вот что скажу — тебе, Иван, к поступлению в училище, надо бы курсы стрелковые закончить. Чтобы значок, значит, был! Ворошиловский стрелок! И лучше — второй степени! Там, в Омске это оценят! Да и нормы ГТО сдать обязательно! И опять же — с отличием, вот! У меня знакомые в Доме Красной армии есть. Можно, конечно, в любой клуб записаться... Но у нас там... более ответственно подходят. Пусть и жестче спрос, зато и знаний — больше. Я договорюсь, чтобы тебя приняли. Но! Сдавать будешь сам, без поблажек! Ты меня не подведи. Понял, Иван?!

«Дело нужное! И стрелковая подготовка и физическая — точно пригодится, и к поступлению, и потом. В училище легче будет!».

— Спасибо, Василий Николаевич! Не подведу, обещаю!

Вечер продолжался. Несмотря на обилие закуски, народ все же постепенно поднабрался. И Косов тоже чувствовал легкое опьянение. В какой-то момент гости переместились в холл на этаже, перемешались там с людьми из других квартир. Откуда появился патефон, Иван не знал. Начались танцы.

Благо, что Тоня хоть чуть-чуть, но натаскала Косова. Уж вальс-то он мог танцевать без особой опаски. В основном, он танцевал с Зиной, на которую было довольно забавно смотреть. Девушка... изрядно поднабралась. Нет, со стороны все смотрелось вполне пристойно, но Иван, танцуя с ней, понимал, что и прижимается она к нему сильнее, чем

надо, и зарумянилась, и смеется очень уж заразительно. Даже мило насупилась, когда Косов все же станцевал с Тамарой.

— Иван! А как тебе удается писать такие хорошие стихи к песням? — женщина, танцующая с ним, тоже, как и Зиночка, дистанцией себя на ограничивала. И похоже, что Тамаре нравилось, что он чуть конфузиться от такой... близости. Ага... не оконфузиться было сложно. И духи у нее подобраны хорошо — очень уж подходит аромат к грузинской красавице, какой-то... пряный и чуть горьковатый. И ткань платья, мягкая на ощупь, очень выгодно подчеркивала, что фигура у Тамары еще — ого-го! И эта легкая улыбка на губах. И взгляд карих глаз, затененных такими длиннющими ресницами.

«Ведьма, не иначе!»

— Я, Тамара, и сам не знаю, как это получается, — ага, сейчас вот скажу — «а воруя я! краду интеллектуальную собственность!», — иногда кажется, что я где-то слышал уже какие-то строки... ну вот — похоже... как-то. Иногда... что-то навеет. Ситуация какая-нибудь или еще что... А вот когда уже есть несколько строк, или даже — четверостиший, тут уже приходится думать, чем их дополнить. Но — тоже чаще всего происходит спонтанно!

— Интересный ты... паренек! И внешне... и пообщаться с тобой... интересно! Как будто тебе на восемнадцать лет, а... лет так тридцать, а то и тридцать пять! То — юноша, а то — уже и мужчина зрелый!

Иван с облегчением выдохнул, когда танец закончился. А то и сама женщина на него действовала... и разговор этот... тоже. Когда на какое-то время она замолкала в танце, то так прижималась к нему, что казалось, что вальс вот-вот перейдет в танго. Танго Тоня его тоже учила танцевать, только вот похвастаться здесь пока ничем не мог. Сложновато оказалось за такое время изучить все фигуры этого чувственного танца. Поэтому, когда музыка стихла, Косов определенно чувствовал... стеснение в штанах. Тамара улыбнулась, казалось бы, случайно провела рукой, задев... область стеснения, ага! и негромко сказала:

— И за это... за комплимент... тоже спасибо! Надеюсь, не в последний раз видимся!

В ответ он смог только наклонившись, поцеловать ей руку, и отвести к диванчику, где о чем-то спорили и смеялись ее муж и еще несколько военных. В холле и на лоджии уже находились не менее тридцати человек. Кто-то курил, общаясь; кто-то танцевал, как сам Косов только что; было и несколько кучек по интересам — болтали сидя в уголке женщины, в углу несколько мужчин хохотали, явно обмениваясь анекдотами. В общем празднование явно перешло в фазу — все друг другу братья и сестры, все — одна семья. Люди заходили в квартиры, выходили из них; кто-то подходил с других этажей, или уходит куда-то. Броуновское движение, не иначе.

Иван еще пару раз станцевал. Один раз в какой-то совсем молоденькой девчушкой, которая донимала его расспросами, кто он, у кого в гостях, чем занимается, любит ли он читать, и что ему нравится из музыки. Вот же болтушка!

Второй раз он танцевал с подружкой Виктора, Татьяной. Здесь все было спокойнее, комфортнее.

— Ну что, отдохнул? — смеясь глазами, спросила его Таня.

— Мда... даже не знаю, что и сказать. Компания, конечно, хорошая, но вот отдохнул ли я...

Она засмеялась.

— Ну так... нечего было хвостом крутить перед Тамарой. Зиночка вот тебе покажет «кузькину мать», готовься. И танцуешь ты весь вечер то с одной, то с другой. Какой же

девушке это понравится.

— Да как отказаться-то? Девушкам, а тем более зрелым женщинам отказывать никак невозможно!

Татьяна засмеялась:

— Вот-вот... так и затааскают по рукам, как котенка! Гадить где попало еще начнешь!

Кто «сдал» их с Ильей, осталось неизвестным, но только в какой-то момент, незнакомая ему молодая женщина захлопала в ладоши, привлекая к себе внимание, а потом громко сказала:

— Товарищи! Среди нас находятся молодые дарования, которые написали уже довольно много известных песен! Паша! — обратилась она к какому-то майору, — помнишь мы на концерте были, там еще певица, Вера Конева так хорошо пела? Так вот — это песни этих молодых ребят. Давайте все вместе попросим их что-нибудь спеть? — и сама же начала хлопать в ладоши, повернувшись к Косову, и стоявшему недалеко Илье.

«Пиздец подкрался незаметно! Узнать бы, кто это нас так сдал?».

Пришлось снова петь. И практически — весь свой, слава богу, пока еще небольшой запас выданных «в народ» песен. Хорошо, что Илья взял на себя конферанс, и несколькими фразами давал знать Ивану, какая песня следующая. Уже к середине этого импровизированного концерта, у Ивана стало побаливать горло, а потом, уже к концу, он и вовсе стал похрипывать, «как старый инструмент баян»!

И даже теплый чай, который организовала мамы Киры, снял боль в горле лишь частично. Наградой, если это так можно назвать, ему стали горящие глаза Зиночки, Тамары, и, как не странно, этой девчухи-болтушки. На Киру он старался вообще не смотреть!

А вот Зиночка сделала вывод. И даже правильный!

— Тебя невозможно никуда брать с собой в компании, где есть хоть одна... симпатичная женщина! Ты, Ваня, несносен! Все! Я обиделась и сейчас уйду домой! А ты меня — проводишь, и это не обсуждается!

Ну а что, а? Что тут можно сделать? Только согласиться. Тем более, Иван и сам уже чувствовал некоторую усталость. Нет, не физическую, а... устал от большой компании, где он и не знает никого толком, от необходимости постоянно «фильтровать» слова, от Тамары и ее мужа устал! От внимания посторонних людей — тоже устал. Успех у людей, и даже их искреннее внимание и дружелюбие... тоже нужно дозировать!

Пока они спускались по лестнице, Зина ему негромко выговаривала:

— Ну что такое, Иван! Ну как мне к этому относится — и Тамара к тебе липнет, и вон... с Татьяной этой ты во время танца мило чирикаешь! И даже эта... мелочь, эта Ленка соседская, уж на что — сопля зеленая, малолетка! И та тоже... сю-сю-сю... ах, Ванечка! Ах, какой...

— Да девчуха-то эта причем? Я же с ней только один раз потанцевал и все! Да и молоденькая она совсем! — тут Косов явно лукавил. Вполне уже сложившаяся девушка была, эта Лена. И все при ней... «в плепорцию». А через пару-тройку лет — вообще будет очень красивой девушкой.

— Эта — молоденькая? Ей уже семнадцать! В выпускном классе учиться! Знаю я таких! — «может, потому что сама такая была», с улыбкой подумал про себя Иван.

— Она, Ленка эта, частенько к Кире забегает, поболтать! И очень уж ее интересуют проблемы... медицинского вопроса взаимоотношений полов. Так что — не звезды тут мне, Ваня! Так же ты говоришь?

— Ну все, все, Зиночка! Успокойся уже и прости! Из того, что ты сейчас мне предъявляешь — я и в половине не виноват! Что уж тут делать... если красота моя пленяет всех женщин окрест, а богатый внутренний мир и природное обаяние — заставляет неровно дышать всех девочек, девушек, женщин на пару сотен метров вокруг!

Они уже спустились почти до фойе на первом этаже, когда возмущенная его тирадой Зиночка, повернувшись к нему, чтобы высказать — все-все, но оказалась в его объятьях.

Иван крепко поцеловал девушку. Через пяток секунд Зиночка все же смогла вырваться из его рук.

— Так! Ты, Косов, совсем обнаглел! Вот все Кире выскажу, чтобы больше вообще не разу тебя не приглашала! Каков наглец! Красота у него, видишь ли! Богатый внутренний мир и природное обаяние! Вот же... подлец где!

— Ну все, все, красавица! Ну — успокойся! Я же пошутил, неужели не понятно? Рядом с тобой — мне хоть наглостью и беспардонностью надо отличаться, если больше нечем. Пошли выйдем на улицу, и ты на холодке — успокоишься.

На улице было безветренно, а потому морозец градусов... в двадцать пять почти не ощущался. Было свежо и приятно дышать свежим воздухом.

— Давай прогуляемся немного, душа моя! Прямо вот не хочется мне так с тобой расставаться. Ты не замерзнешь? — Иван вспомнил, что на Зиночке сейчас ботики, на которые она успела сменить туфли, а вот выше — все те же тонкие чулки. Переодеваться девушка — не посчитала нужным. Ну да — тут до ее дома и ста метров не будет.

— Ну... если недолго, то не замерзну. Но как замерзну, велю тотчас доставить меня к дому, понял, нахал и хам?

— Так точно! Товарищ самый красивый главнокомандующий! — сдохмил Косов, приложив руку к шапке.

— Вот! Вот умеешь же, Ваня, правильно смотреть на жизнь! И слова у тебя находятся хорошие, и ведешь ты себя вполне сносно! — Зина тоже смеялась.

Они и правда чуть прошли по улице. Потом Иван развернул девушку по направлению к ее дому, замерзнет ведь. Девушкам нельзя мерзнуть, особенно — вот в таких тонких чулочках!

Перед ее подъездом Косов остановился, думая прощаться. Но Зина потащила его в подъезд. Здесь было гораздо проще, чем в подъезде дома Каухеров. Ни тебе фойе, ни консьержа. Но — тепло и места для поцелуев вполне хватает. А неяркий свет от ламп очень подходит для романтических подъездных свиданий.

Они довольно быстро запыхались. Помада у Зиночки была напрочь «съедена» Иваном, пальто ее — растегнуто, и даже... юбка была поднята... до неприличия. Зиночка, пытаясь отдышаться, чуть отодвинула его от себя.

— Подожди, подожди... вот же... глупый! Ну дай сказать-то!

— Ну о чем здесь говорить, красавица! — руки его всю исследовали девичье тело, хотя и с трудом проникая в... некоторые места, через преграды одежды. Иван всю раздумывал — будет ли удобно... мда... повернуть ее и чуть нагнуть? Или — просто посадить... вон — на подоконник. Вроде бы... высота вполне подойдет для такого дела. Одновременно он прислушивался к звукам в подъезде. Получалось, что за все время... ну как? минут за пятнадцать... пока никто не прошел. Значит, что, успеем? А Зина как к такому отнесется? Ну... если ее еще чуть довести... то, думаю — нормально отнесется.

— Ванечка! Ну подожди же ты... ну подожди! Дай сказать!

— Ну что еще, радость моя? Тебе... не нравится?

— Ну вот... так. Быстро поправил мне юбку! Быстро! Вот мне такого еще не хватало — чтобы потом кто-то из соседей родителям наклеветал, что их дочь... в подъезде раком стоит! Совсем обалдел, Косов? Вот... держи дистанцию и слушай меня!

Обескураженный таким отпором Иван, чуть отошел от Зины.

— Так! Успокаиваемся оба! И потом... тихо и спокойно... идем ко мне домой! — Зиночка хихикнула, увидев ошеломленное лицо Ивана.

«М-да-я-я... пришла пора знакомиться с родителями? Как-то... неожиданно. Мы же вроде бы с ней разговаривали, что не претендуем на серьезность отношений. И что теперь?».

— Ой, Косов! Ты меня когда-нибудь до смерти со смеху доведешь, со своей такой физиономией! У тебя же на лице написано, как ты не хочешь встречаться с моими родителями! Ах ты, подлец! Ах ты, гнусный развратник! — она, уже не скрываясь, смеялась, прикрывая рот ладошкой.

— Ладно... сейчас успокоюсь. Вот... сейчас, сейчас... скажу... Так, Иван! Я приглашаю тебя к себе домой, потому что..., - «ну к чему эти театральные паузы»? — потому что у меня родители уехали! Вот! Представляешь — они вернуться только послезавтра, к вечеру! Ну как тебе?

Ему было — «очень даже — как!». Он обнял ее и закружил по площадке. А потом аккуратно поставил на ноги и поцеловал — очень нежно!

— Ах! Ну все, Ваня, идем! Или ты думаешь, что я тоже... не человек что ли я? — горячим шёпотом поделилась Зиночка.

Они поднялись на второй этаж, где девушка открыла дверь ключом, и они зашли в темную квартиру. Здесь они снова не удержались и принялись бешено целоваться. Правда все же понемногу смещаясь куда-то в темноту квартиры, оставляя на полу частями одежду и обувь.

Пытаясь отдышаться, но уже не сопротивляясь все более наглým посягательствам рук парня, Зиночка простонала:

— Ваня! Может все-таки... разденемся как-то спокойнее... дай хоть свет включить. Ведь сейчас упадем куда-нибудь и побьемся. О-о-о-о-х-х-х... да... вот так, хороший мой.

Это «хороший» добрался руками... куда надо!

«Протанцевав» таким образом до какого-то дверного проема, они ввалились в такое же темное помещение, и Иван, нащупав ногами ковер на полу, довольно бесцеремонно опустил на него подругу.

— А-а-а-а-х-х... да... так... хорошо-то как! — Зиночка сама «заходила» в желании. Некоторое время они... молчали. Потом девушка начала постанывать... все громче и громче.

— В-а-а-а-н-я! В меня... можно сегодня. Да, хороший мой! Только... поглубже... о-о-о-х... еще! Еще!

Когда она «взорвалась», он чуть сбавил темп... А потом... потом резко ускорился, и — да! Да!!!

Потом они чуть отдохнули.

— Иван! Может... уже... выйдешь из меня, и встанешь? Нужно собрать одежду... и хотелось бы... все-таки... в спальню перейти...

— Что-то ты, красавица, быстро успокоилась? — Иван начал снова двигаться... по чуть-чуть, но... ускоряясь.

— Ну что же ты делаешь... ну как тебя о чем-то просить... если ты все по-своему

делаешь... а-а-а-х... ну... что же ты? Еще... еще... быстрее!

Иван, набрав темп, немного подумал, потом приподнял ножки девушки, и перекинул их на свои руки. Одну... другую...

— Ой! А вот так... уже... чересчур глубоко... потише, родной мой...

А через некоторое время:

— Вот сейчас... сейчас уже можно... да... да. Глубже и сильнее, а-а-а-х...

Так, спустя немного времени, лодыжки Зины оказались на плечах Косова. Девушка уже зажимала себе рот руками и только глухо стонала.

Потом... потом они снова отдыхали, лежа рядом на ковре. Он, лежа чуть сбоку, целовал и покусывал открывшийся в процессе сосок такой классной грудки, а рукой... рукой он поглаживал у нее между ножек.

Шёпотом:

— Все-таки... Ваня. Надо встать и перейти в спальню. И одежду... собрать тоже надо. И... вообще-то я ванну хотела принять. Ты, Ванечка, дикарь... орангутанг какой-то. Набросился на меня! Ты, если не заметил... я сегодня почти трезвая, вот! Не хочу, чтобы как в тот раз... все в тумане было! Вроде и хорошо... а утром почти ничего и не помню. Все какими-то кусками... Вон Кира спрашивает, а я ей только — все было ах как! А как это «ах как!» и сама толком не помню... Ой! Чего это я языком-то... Ой!

«Мдя-я-я... выходит... интересуется кое-кто... как тогда было! Ну... подруги же ж... но вот... неожиданно, да! Хотя... может... и нет ничего неожиданного?».

Он приподнялся на руках и поцеловал девушку в губы.

— Хочешь запомнить? Ну-у-у... ладно. Я... постараюсь.

— Ваня! Ты не слушай, что я тут мелю, а? И... Кире... не говори, что я проболталась, а?

— Хорошая моя! Красавица! Ну как ты считаешь — при каких таких обстоятельствах я могу Кире рассказать, что ты проболталась?

Она задумалась, засмеялась.

— Нет... при каких обстоятельствах... я представить могу. Только... вряд ли они, такие обстоятельства возникнут. Хотя-я-я-я...

Но что «хотя» Зиночка не пояснила. Она довольно сильно оттолкнула его от себя, и поднялась на ноги.

— Вставай, развратитель невинных дев! Приберем одежду, чаю попьем... что ли. А потом... потом — я в ванну.

«Ага... невинная дева. Тут кто кого еще соблазнил. Приводит мужика в квартиру, когда родителей нет. Оба — подшофе, а в результате — развратитель — он! Нормальная женская логика, чё!».

Когда загорелся свет, Иван прикрыл глаза рукой, полежал и поднялся.

«Ну — ты же хотел с Зиной остаться в квартире денька на два? Вот! Не два денька, но — немногим меньше. И да... нужно показать девушке весь багаж... знаний и умений. Чтобы ей было, что вспомнить, и чем... поделиться с подругой, ага!».

Он перехватил Зину, когда она пыталась надеть какой-то длиннющий халат.

— Краса моя ненаглядная! У меня к тебе просьба... Большая-большая! Вот, что хочешь за ее исполнение сделаю!

Она немного стеснялась своего... вида. На ней был только бюстгалтер, пояс и чулки. Но — когда вот так, с просьбой обращаются, да еще и обещают сделать «все, что хочешь!», какая женщина останется незаинтересованной? Зина только прижалась к нему, не давая

рассмотреть себя... с ног до головы. А мордашка ее была крайне заинтригована!

— Хорошая моя! А давай ты — вот так и будешь ходить, а? И свет мы совсем гасить не будем... Ну — можно вон торшер оставить, или настольную лампу?

Она чуть зарумянилась щечками.

— Ты... совсем бессовестный, да? Ну как мне так ходить-то? Это же... стыдно. Перед парнем так разгуливать.

— Ты же медик? Помнишь — ты сама говорила, что медики... они более циничны и бесстыжи.

— Ну... не до такой же степени. Да! Я же ванну хотела принять! Все равно снимать придется! — ишь как обрадовалась, выход-то нашелся!

— А зачем тебе сейчас в ванну? В ванну можно и потом, чуть погода. А хочешь — вместе ванну примем?

— Как вместе? — вот тут она удивилась! — как же... вдвоем там... мыться? Это же не мытье будет, а...

И девушка еще больше покраснела.

— Эх, Зиночка! Вот нет в тебе того романтизма, нет! А представь — я бы тебе и спинку потер, и ножки вымыл...

Она, похоже, живо представляла, как бы это было. И щечки совсем красные, как две помидорки, и глазки — блестят-блестят! Девушка даже закашлялась, от картины, представшей в ее воображении.

— Знаешь... я подумаю. А вдруг и соглашусь! Интересно же... Только потом. А сейчас я одна. Понял? Одна. А ты пока... вон на кухне что-нибудь пошеруди. Ну там... чай. Бутерброды какие-нибудь.

Прихватив все-таки халат, девушка ушла в одну из дверей. И защелка с той стороны щелкнула! У-у-у-у... консерватор! Или... консерваторка? Как там будет это слово женского рода?

Иван прошел по квартире, любопытствуя. Ну что? Тоже — очень такая... «некислая» квартира. Попроще, конечно, чем у Каухеров, но все равно... Три комнаты, поменьше площадью, чем у родителей Киры. Неплохая кухня, довольно просторный коридор. И что заметил Иван — мебель здесь все же получше, чем у Каухеров. И со вкусом подобрана. Ну да — там же все казенное, скорее всего. А здесь люди под себя обстановку подбирали.

Зашел на кухню. Посмотрел по шкафам, из чего тут бутерброды делать? Ага... под окном — встроенный холодильный шкаф. Так... что тут у нас? Ага... вот мясо есть, какие-то свертки, но сильно уж смерзшиеся, так просто не достанешь. Пошарился еще по шкафам. Мда... Зиночка, похоже, хозяйка-то... та еще. Полбатона копченой колбасы, да кусок изрядно подсохшего сыра. Полбуханки изрядно черствого хлеба.

В шкафах еще обнаружился бумажный мешок с картофелем; мука — тоже в бумажном мешке, поменьше размерами. Бутыль с постным маслом...

«А вот это... ага! Точно нам пригодится! Она же просила... ну как... показать ей «мастер-класс». Надо соответствовать!».

Так... лук... какие-то крупы... пакетики с самыми простыми приправами — лаврушка там, черный перец, соль. Ага... чай, и неплохой похоже.

Ну ладно... что там? Бутерброды? Значит — бутерброды!

К тому времени, как он соорудил тарелку с бутербродами, и вскипятил воду в чайнике, заварил чай, вылезла из ванной и хозяйка квартиры. Она была в таком длиннющем

бесформенном халате, да еще и голова замотана в полотенце, на манер тюрбана. Очень милый вид у нее был! Иван подошел, обнял ее и наклонившись к шее, сильно втянул воздух. Пахло теплом, уютom и... девушкой. Чистым девичьим телом! И он опять потерял голову.

К бутербродам они перешли... нескоро. Зато — обследовали Зиночкину спальню и ее кровать. Кровать была — вовсе не узенькой девичьей кроваткой, а вполне себе... супружеским ложем. Полуторка, как минимум!

Отдыхая после приступа... интереса к чистому девичьему телу, они валялись на взбитом белье. Причем Зиночка — уткнувшись головой в подушки, и вообще не «заморачиваясь», что она — полностью голая, лежит раскинув ножки и чуть оттопырив попку.

Девушка приподняла голову, и, глядя на него мутными, но блестящими глазами, произнесла:

— Косов! Я не могу понять — где изысканность, где тонкий душевный трепет, где безумные ласки? Пока я вижу... и чувствую... только сплошное, ничем не прикрытое насилие. Грубое, какое-то дикарское... насилие.

— Тебе плохо, душа моя? Или... больно? — Иван протянул руку и погладил ее по спине, от шеи и до попы.

Девушка вздрогнула, но не отстранилась.

— Плохо? Или больно? Н-н-нет... и не плохо, и не больно. Было очень хорошо... И мне... хочется еще!

Они оставили гореть настольную лампу на столе. И девушка сейчас абсолютно не стеснялась своей наготы. Она была красива!

— Так... давай несколько изменим... наше общение, краса моя ненаглядная! Ложись вот так... да, на спинку, поудобнее! Вот... дай-ка мне вторую подушку... так, вот так мы ее положим, тебе под попу... и вот так, — Иван сполз по кровати вниз, к ногам девушки, — нет-нет-нет... вот ножки как раз сдвигать не нужно. Не нужно... их, как раз-таки, чуть приподнять нужно! И вот еще что — закрой глаза и не подглядывай!

Последняя фраза Ивана была — явной провокацией! Ну как же? Закрывать глаза и не подглядывать? Ага-ага!

Как она металась по кровати и стонала! Как стискивала ноги и подергивала попой! Мда... и правда — развратник! Чему девушку учит... где же она еще такого найдет? С кем такое почувствует?

Поэтому, когда она отдышалась, он так... намеком... предложил ей... поменяться ролями. К его удивлению, особых возражений не последовало! И даже глаза ему закрывать не предложили. Правда вот исполнение... хромало! Поэтому, поняв, что... разрядится у него не получится, он потянул ее к себе и усадил сверху.

К бутербродам они вернулись... ближе к утру. Попивая чай на кухне, сидя на стуле в том самом халате, Иван глядел на девушку напротив. Она, держа кружку в руке, забыв о чае, чуть улыбаясь, глядела в темное окно.

— Ну что ты, радость моя? Не жалеешь, что не пьяна, как в тот раз?

Она тихо засмеялась, покачала головой:

— Нет, не жалею. Все... очень ярко и здорово! Только... у меня чуть-чуть болит уже... там. Наверное... надо поспать?

— Вот еще... глупости говоришь! Сама потом будешь жалеть о бездарно потерянном времени. А что чуть болит... мы немного по-другому попробуем!

И они попробовали.

— Ну... как?

— Знаешь... я не могу сказать, что я... в восторге. Но... было интересно попробовать. Слышать-то я слышала, а вот самой... не доводилось. Но... такого блаженства... как если по-другому... точно не было.

Потом они принимали ванну... вместе. Для этого ему пришлось опять раскочегаривать колонку. Он, как и обещал, «потер ей спинку». На что она стонала, и закусывала губки. Потом — помыл ей ножки, во время чего она довольно мурлыкала. А потом... ему пришлось нести ее в кровать на руках, ибо Зиночка банально вырубилась, прямо в ванной.

Проснулся он, когда в окнах только начинало синеть. Девушка спала, отвернувшись к стенке, стащив с него все одеяло, и подмяв под себя обе подушки.

«Ну это даже не штамп! Это обыденность, такое вот поведение в кровати! Ага... надо что-то сообразить насчет «пожрать»!

Когда она, через пару часов, вылезла на кухню, замотавшись в одеяло, сонная, теплая и очень милая, он предложил ей:

— Яичница с колбасой? Тосты с вареньем? Яйца пашот? Кофе или чай? А борщ будет к обеду!

— Это что сейчас было? Ты что мне сейчас предлагал? Это что — все есть? И ты... это сам приготовил? Не верю... так не бывает! Вот только попробуй сказать, что этого ничего нет! Я тебя самого съем, за такие обманы!

Но все что он перечислил — было. Поизгаляться пришлось, конечно. Но он — справился. Ну какой пятидесятилетний мужик не сумеет это все приготовить. Сложнее всего пришлось с яйцами пашот. Но — мастерство не пропьешь!

Глядя, как Зина все это лопаает, он с улыбкой спросил:

— Ну что? Нравится?

С полным ртом, а потому не очень внятно, она ответила:

— Знаешь, Косов... Я выхожу за тебя замуж! Ты — сочинишь отличные песни, и скоро станешь знаменитым поэтом-песенником. Будешь зарабатывать очень неплохие деньги. Мы переедем в Москву, и будем жить... ну, где там все наши знаменитости живут? Я не знаю... Потом ты — бесподобен в постели... я раньше и предположить не могла, что мне будет... так хорошо! И ты — так готовишь! Ну и на морду ты... не так что уж и очень страшен!

Он был... несколько удивлен таким спичем! А девушка продолжила:

— Ага! Испугался! Я тебе еще не все сказала! Я, конечно, буду тебе изменять. Ну а как иначе? Все богемные люди, даже в социалистической стране, так живут! Успокойся! Ты мне тоже будешь изменять! Тут ничего не поделать, поэтому я — не против! Потом... потом ты меня откормишь! Я буду толстой-толстой! Меня перестанут замечать другие мужчины. И вот тут, Ваня, наступит для тебя самое страшное — тебе придется со мной спать! Или я... буду водить домой молоденьких курсантов... или бойцов из воинских частей. Они — всегда голодные... И на пожрать, и на женское тело! И я стану тебя постоянно пилить... за всяких там... певичек... или прочих... балерин! Вот такое счастье, Ваня, нас с тобой ждет! Ага! Боишься? Вот то-то же! Бойся!

Допив чай, она сказала:

— Ой... какое пузико у меня образовалось... даже самой страшно! Иван! Я сейчас в ванну. Утреннее омовение и прочий туалет. Потом... потом, Ванечка, мы с тобой немного выпьем... и повторим все, что делали ночью. Для закрепления урока... так сказать. А может ты и еще что-нибудь вспомнишь? Давай, вспоминай, пока я в ванной. И еще... там в спальне

родителей, в трильяже, у мамы... разные крема стоят. Тащи их все к нам в спальню... Буду смотреть и пробовать... все же натер ты мне немного... изверг!

Уже по пути домой, вымотанный до предела за прошедшие двое суток, Иван подумал:

«Ну вот, сбылась твоя мечта — двое суток с Зиной, почти не вылезая из постели. Понравилось? Или... разочарован?».

И сам себе ответил:

«Да не в коем разе! Все было... замечательно! Жаль повторить это... не получится. Слишком уж много обстоятельств вместе сложилось! А может... получится? Мы же не умерли, так почему же — нет?».

Они так и не спали толком все это время. Засыпали на час-полтора, потом, стоило кому-нибудь завозиться и тот, кто просыпался, будил второго ласками. Вставали, ели, пили чай, принимали ванну. И снова неслись в койку.

«Все-таки как здорово быть молодым! Когда и с... потенцией все на уровне, и с выносливостью — тоже все нормально! И знания прошлой жизни... и в сексе, и просто в общении... знание женщин... даже — вот опыт и навыки в приготовлении пищи! И то — есть!».

Иван сейчас ни о чем не жалел! Ни о том, что попал сюда. Ни о том, что познакомился со всеми этими людьми. А как жалеть о знакомстве с такими женщинами?! А будущее... страшное такое? А — пусть это и будет платой за вот это время! Время, где ему так здорово!

«Аминь! Мля!».

Зима в Сибири, она такая... зима. Или ясные дни, и тогда мороз от двадцати и до... хрен знает сколько! Ну... градусов до тридцати с небольшим. Это пока было. А дальше — посмотрим. А если потеплело, скажем градусов до пятнадцати, а то и десяти? Тогда — снегопады, а то и метели — обильные, которые в два-три дня могут подвалить снежка этак сантиметров до пятидесяти-семидесяти.

Это к чему? Да к тому, что не каждый день выходит делать привычную физзарядку. Утром, часов в шесть, проснешься, а «за бортом» минус тридцать и здоровенное здание клуба уже выстыло. А к девяти часам нужна уже комфортная температура. И печей, «контрамарок» — шесть. Их все нужно затопить, проследить, чтобы дрова занялись, дожидаться определенного горения и потом — наглухо закрутить наружную винтовую дверцу. Печь начинает отдавать тепло минут через тридцать-сорок, а основательно прогреется еще через час-полтора. И вот тогда она будет держать тепло до вечера. И в помещениях становится тепло часа через три-четыре. Вечером опять же — последовательно почистить все печи, заложить снова дрова, растопить, проследить, закрутить. Да и дров на утро принести, чтобы подсохли получше. Времени уходит — масса! Да еще и печку в своей комнате — тоже протопить дважды в день, чтобы самому не околеть!

Дела с печами Иван заканчивал часам к семи, половине восьмого. А если снегопад — лопату в руки и кидать снег от крыльца и до... бесконечности. Не дело, если тропинка к клубу будет замечена!

Ну тут — голь на выдумки хитра. Еще в ноябре, с началом снегопадов, Косов углядел, что из совхоза, к станции, после каждого снегопада по дороге проходит трактор с клином. Это такое приспособление на колесах, где имеется косой отвал, который и сгребает снег в сторону. Прошел трактор в одну сторону, и половина дороги — чистая; вернулся от станции к совхозу — и другая сторона дороги почищена. Иван дождался, когда трактор будет возвращаться со станции назад и замахал руками.

Мда... сейчас трактора, как правило, кабины не имеют. Никакой. То есть — вообще никакой! Ни железной, ни фанерной, ни брезентовой. Водитель «железного коня» сидит за рычагами управления открытый всем ветрам и морозам. Телогрейка, черная от масла; ватные штаны, такого же колера; треух, чуть почище... немного почище. Морда у «тракторбека» — красная от ветра и изрядного морозца, по периметру — на треухе куржаком покрытая. Что его физиономию со стороны делает — почти черной. Ну да — белый, чистейший иней и вот это...

— Чё те надо? — склонился тракторист в сторону обочины, где, изрядно озябнув за время ожидания, подпрыгивал Косов.

— Земляк! Пройдись клином до клуба и назад, а?

Тракторист вылез из-за рычагов, спрыгнул на землю, потянулся и внимательно посмотрев на клуб, сплюнул:

— А оно мне надо?

— Да тут дела-то — двадцать минут! — Иван посмотрел на прикуривавшего папиросу парня — «пижон! все деревенские махру «шабят» и не выпендриваются, а этот — папиросы!», — Понял! Не дурак — не с того зашел! Поллитра!

Тракторист крикнул, с интересом посмотрел на Ивана:

— Ну-у-у-у... поллитра... многовато будет! Стакан нальешь?

— А то!

Парень кивнул головой, залез назад на трактор, дернул рычагами и свернул с дороги в совхоз к клубу. Косов заспешил следом. Проехав чуть дальше окончания участка клуба, огороженного шпакетником, парень сделал широкий разворот и направил трактор по другой стороне предполагаемой дороги. Дождавшись его у калитки, Иван махнул рукой. Тракторист, не чинясь, остановил трактор, и не глуша технику, спрыгнул на землю.

— Пошли, — махнул ему Косов.

Вместе они зашли в клуб и прошли в комнату Ивана. Здесь он достал из шкафчика бутылку «беленькой», «набулькал» полный двухсотграммовый стакан; откромсал приличный ломоть хлеба от ковриги, только вчера испеченной женой Миронича; отрезал изрядный кус соленого сала, и соорудив русский бутерброд, протянул его трактористу. Потом хлопнул себя ладонью по лбу — «забыл!», достал из ящичку небольшую луковицу, раздавил ее в ладонях, и положил на стол, рядом с солонкой с серой солью крупного помола.

Тракторист крикнул, посмотрел на Ивана с уважением:

— Как у тебя... скусно получилось! Ну что — с таким уважением, дак почему ж не помочь-то!

Он аккуратно взял пальцами, черными от машинного масла, стакан и, не торопясь, небольшими глотками, выцедил весь, не отрываясь. Потом протяжно выдохнул, мотнул головой, взяв луковицу, густо макнул ее в солонку и с хрустом, смачно, вгрызся. Луковица «ушла» в два укуса. Потом тракторист взял бутерброд, и сразу скусил от него не менее трети.

«Силен, бродяга! Такой «хлеборезкой» — да медку бы хапнуть!».

Не торопясь, тракторист прожевал закуску, со вкусом потянулся:

— И-э-х-х! Хорошо-то как, и нутро сразу же теплом взялось! Ты это... паря! Ежели чё — дак я всегда помочь готов. Гляди-поглядывай на дорожку, ага!

Иван протянул руку:

— Иван!

Поручкались.

— Петр!

Потом тракторист с сомнением посмотрел на пол:

— А ить наследил я тебе! Ругаться будут?

Косов отмахнулся:

— Сейчас подотру! Делов-то!

Так и повелось — после снегопада Петр чистил дорогу, и обязательно, без напоминаний, прочищал отрезок до клуба. Даже если Ивана на месте не было. Но Косов рассчитывать с трактористом не забывал.

А вот внутри палисада, от крыльца и до калитки, а также от крыльца — до дровяника, и чуть дальше — до туалета, тут уже приходилось чистить руками. Благо снеговых лопат еще Лесобиржа заготовила несколько штук.

Работы порой — на пару часов махания лопатой. Вот и зарядка! Но, в случае свободного времени, Иван не забывал заскочить в сарай, постучать по самодельной груше. Плохо только, что с морозами, смерзлись в мешках песок с опилками. Косов уже пытался греть и сушить их на печи, даже короб специально под это нашел. Но — только чуть мороз, и «груша» его превращалась в монолит, а разбивать руки об этот мешок, толку никакого, только стесанная кожа на кулаках, да боль в суставах. Оставалось заниматься на турнике.

Повезло, что Илья, услышав его сетования о необходимости занятий физкультурой и сложностях этого в зимний период, привез лыжи, лыжные палки и ботинки. И даже денег не стал брать — сказал, что это ему подарили лет пять назад, а сам Илья — не физкультурник.

Косов проторил лыжню по маршруту летнего бега. После каждого снегопада это приходилось делать вновь и вновь. Тяжко это — пробивать лыжню по сугробам сантиметров тридцать-сорок глубиной, но зато и ноги накачал, и дыхалку привел в порядок. А уж выносливость его теперь — наверное, такой у него никогда и не было! Ни в прошлой жизни, ни в этой. Все эти упражнения, постоянный физический труд на свежем воздухе, а также вполне обильное питание привели к закономерному результату — и мышцы у него появились — «будь здоров!», и фигура... тоже ничего так. До Сергея, конечно, все еще не дотягивал. Абидна!

Занимаясь всеми этими работами и упражнениями, времени подумать было — навалом! Вот Иван и раздумывал надо всем, что с ним случилось за последнее время. Прежде всего, его беспокоили продолжающиеся «взбрыки» эмоций, голова отключалась и оставалось только материться, когда разум брал верх и Иван обдумывал, что оно еще «натворил». Особых «косяков» вроде бы не было, но страшновато было, что это — «до поры, до времени!».

В той же компании, на праздновании годовщины Октября — что мешало вести себя более неприметно? Его новые знакомые... люди — непростые, как минимум. Мягко говоря... И причин к нему присмотреться более внимательно у того же папы Киры — было достаточно. И Зураб еще... а уж про флирт с Тамарой... Вот — только материться и остается! Нет, так-то она женщина, конечно, очень интересная... да что там?! Красивая она! И даже этот разрыв в возрасте, для человека из двадцать первого века — не критичен! Но! Она как та змея, с такой красивой шкуркой, такими притягательными движениями... и — смертельно опасна. Как там Зураб к этому отнесется, насколько ему наплевать на интрижки жены? Данунах! Что у тебя — женщин нет? Есть!

Правда, Зина опять куда-то пропала. Но, при желании, можно найти себе... предмет ухаживаний. Особых сложностей в этом Косов не видел.

А родители Киры? Ее мать он так и не понял. Хорошая хозяйка, вкусно готовит, врач. Отношения в семье, похоже, тоже — вполне себе в норме. А вот что она за человек? А если подумать — а ему это зачем? Папа же, Александр Иванович, думается — еще из тех, ленинских латышских стрелков. Остатки преторианской гвардии. По повадкам — больше чекист, чем военный. И на политработника, по размышлению, он похож не очень!

Вот тот же Шедько, комполка, подполковник — более понятен как человек. Выходец из командиров Гражданской войны. Все-таки смог как-то отучиться, не остаться малограмотным малоросским красногвардейцем. И жена его тоже понятна — простая хохлушка, но — сумевшая получить образование. То есть — на попе ровно они оба не сидели, голова у них есть! А еще Иван благодарен Шедько за то, что тот не забыл своего обещания и передал через Киру и Илью записку — к кому обратиться в Доме Красной армии, чтобы записаться в стрелковый кружок. И навыки обращения с оружием нужно иметь, да и тот же значок к поступлению в училище — не помешает!

Все остальные его новые знакомцы, которым его представляли тогда — особо не запомнились. Люди, живущие по соседству с Каухерами, такая компания, пусть и довольно специфичная. Все же не обычные люди, а военные в немалых чинах. Но что ему это дает? Да особо и ничего! Что он, разыскивать их будет? А зачем? Да ХЗ! Про командирскую башенку

рассказывать? Или про промежуточный патрон? Ага-ага! Вот тогда тот же Зураб Шалвович точно заинтересуется, только вот уже не как очередным хахалем своей жены, а молодым парнем, чьи знания — не понятны! Кто такой? Агент Сигуранцы? Или — Дефензивы? Или японской военщины? Откуда у хлопца испанская грусть? От зусулов подсыл?

А вот интересно все-таки... Гулял он в такой компании, люди были нетрезвы, раскрепощены. А вот каких-то разговоров о каких-нибудь... репрессиях или о коллегах, попавших под «жернова сталинской гэбни» — не слышал. Или — плохо слушал? Или — люди все же умнее, и в таких компаниях о таком не говорят?

Елизаров же знал немного о своей истории — в общих чертах, далеко не в деталях. А здесь как? Вот у них... там, с тридцать четвертого по тридцать восьмой... или даже — сороковой годы... насколько он помнил — из рядов РККА было уволено около сорока тысяч командиров. Именно — уволено, а не расстреляно, как писали потом либероиды. А уволить человека можно по разным основаниям. К примеру — по достижению предельного возраста. Или — по состоянию здоровья. Или — за совершение порочащих звание командира проступков. Что — красные командиры «водовку» не пили и блуд не тешили? Да л-а-а-дно!!! Вполне себе люди, а не «гвозди», или стальные большевики! И среди них разные есть, ой — разные! Не все же они — Держинские, аскеты из аскетов! Или Сталины — в одних сапогах, и в одном кителе всю жизнь проходившие!

Или те же интенданты в СССР не воруют? Да что Вы говорите? Это новый вид красны интендантов, специально выведенный в пробирке?

Помнится смотрел как-то, в прошлой жизни, несколько серий «Тубус-шоу» про Генерального конструктора и КБ ракетостроения. Мама дорогая! Как самозабвенно «барабанили» друг на друга эти советские ученые-конструкторы в командирской форме! Как же они стучали друг на друга?! Да ладно бы — по причине и способами, которые были приняты в среде обывателей! Ну там... у соседа Петьки жена красивая! Вот мы Петьку-то и солнечный Магадан спровадим, да жену его... ага! Или — у Ивана Ильича комната получше, и вид опять же из окна! Тук-тук-тук на Ивана Ильича! А комната — совсем другим людям досталась! Обидно! Ну... а что у нас — бумага кончилась? Или чернила вдруг подорожали? Пишем дальше — надеюсь, что в очередной раз-то повезет и комната отойдет... кому надо!

Нет... советские ученые-ракетчики — они писали... по принципиальным соображениям, будучи твердо уверенными, что их предложения и изыскания — точно нужны Стране Советов, а вот Королёв... тот занимается разбазариванием народных средств, тянет время, сука! И нужно еще, товарищи чекисты, проверить — просто ли он от скудости ума такое делает, или же — намеренно, умышленно вредит и саботирует!

Да и сам Генеральный... тоже в этом был изрядно.

Ага... так вот. Из сорока тысяч уволенных командиров, только восемь тысяч были привлечены к уголовной ответственности. Восемь — из сорока! Учитывая, что командирский корпус РККА был тогда... как-бы не за сотню тысяч. Из восьми тысяч привлеченных к уголовной ответственности командиров, сколько было привлечено не по политическим статьям? Или командиры уголовных преступлений не совершали? Да совершали, конечно же! Ладно — пусть все восемь тысяч — пошли по «писят восьмой». А сколько из них расстреляно? Тут Елизаров — не помнил...

Так что разговоры об «обезглавливании РККА накануне войны»... Они такие, спорные Или в это время все военные училища, академии — позакрывались и никого не учили, не выпускали?

А-а-а-а... вон в чем дело! Речь, наверное, идет о расстрелянии маршалов РККА. Вот где причина поражения в первый период войны! Вот где она порылась, собака серая! Ага... Тухачевский, «красный Бонапарт»; Блюхер, который в последнее время, командуя Дальним востоком, положил на службу вторую половину своей фамилии. Кто там еще? Егоров? Из старых офицеров. К революции — подполковник, эсер со стажем... вроде бы. То есть — с начала военной карьеры — фигу в кармане держал, против «царя-батюшки»? Во время Первой мировой — с 1914 по вторую половину шестнадцатого — в боевых действиях не участвовал, был на преподавательской работе. Потом — взрыв храбрости и героизма. Ну... бывает. Того же Кожедуба если вспомнить. Но и в семнадцатом — против большевиков выступал рьяно. А вот потом — в числе командиров Красной армии. Перековался? В Гражданской были и успехи, и... неуспехи. То же бывает. Потом — все больше на командных должностях. И проскакивало у него... недовольство тем, что мало его ценят. Интересно — а куда больше-то? Ты ж — один из пяти маршалов!

Остались только Буденный и Ворошилов. Двое из пяти. То есть, если разобраться... все пятеро — не те люди, которые помогли бы... ну — легче войти в войну.

Да и по остальным... военным начальникам — тоже вопросы...

Был ли сам Елизаров сталинистом? А тут вот — вопрос! Сталин что — был господом Богом? Нет, не был ИВС непогрешимым, всезнающим и всемогущим. И ошибок у него было... довольно. Да ту же территорию Белорусии — на кой хрен пшекам после войны отдали? А территорию Германии — им же? На кой? И за что? Нахуя, и главное — зачем?

Но... СССР победил в войне, имея этого человека у руля. Это факт! А был бы другой? А вот — ХЗ! И если бы не коллективизация, где бы брали хлеб для строителей массы предприятий, а потом — для их рабочих? А если бы не индустриализация — чем бы воевали с Гитлером? Голой жопой? Ну да... навоевали бы.

Спорно все это... очень спорно. И убежденности в правоте Сталина Елизаров не имел, и осуждать того... не имел желаний. Или... бесстыжести?

Так что... делай, что должен — и будь, что будет!

И вообще... по репрессиям. Помниться в Чечне, когда были спокойные вечера, сошлись они в диспутах с одним фээсбэшником, не тем, который — «тяжелый», а другим. Этот «фобос» приходил к ним играть в шахматы с Саней Клюкиным. А Саня был — непобедимый среди их компании.

Так вот, в разговорах, да за чаем, этот подполковник, опер, между прочим, сказал, что после окончания института, пару-тройку лет просидел на обкатке, в архивах. Был конец восьмидесятых, новое веяние, плюрализм и прочие перестройки. Выходит — молодому оперу ФСБ заняться больше нечем было, как только сидеть в архивах и готовить дела репрессированных для их пересмотра.

По мнению «фобоса», семь или даже восемь из десяти, кого тогда провели через всю эту машину, были осуждены, в принципе, за дело. Не были они совсем уж невиновными. Другое дело, что статьи им вменяли — не те, по которым их нужно было судить. Вместо халатности — диверсию шили; вместо какого-нибудь преступного бездействия, повлекшего что-то тяжкое — «каэра» лепили; вместо бытовухи — вспоминали вдруг, что, к примеру, муж убил не просто любовника жена, а — партийного или советского деятеля. И пусть этот «деятель» был чиновником самого низшего ранга, но — в совпарторганах же! А значит — терроризм!

Будучи сам «ментом», Елизаров знал, что это — вполне себе применяемая практика —

переквалификация преступления. С более мягкой статьи — на более тяжкую. Как, впрочем, и наоборот, тоже работало. В общем, «палки» органы рубили, работу показывали.

Был ли Сталин виновен в этом? Ну да, как руководитель государства, он несет ответственность за все, что внутри него происходит.

Были ли невинные? Конечно были! Со слов того же «фобоса» — двое-то из десяти — вообще ни в чем виновными не были! Их-то за что? Трагедия? Безусловно!

А в общем... за тридцать лет, с 1923 по 1953 годы, по «каэровским» статьям были привлечены к ответственности три с половиной миллиона человек. Не сорок, не шестьдесят, а три с половиной. Много? Да вроде бы — много. Но — за тридцать лет! А так уже — вроде бы и не так много. Семьсот тысяч расстреляли. Много? Очень много! Но, осуждая репрессии, не нужно судить за все семьсот тысяч. Здесь были разные люди, в том числе и те, у которых руки по локоть в крови, еще с Гражданской. Причем — как с той, так и с другой стороны. Они-то эту пулю заслужили точно! И те же сорок тысяч особо опасных рецидивистов, расстрелянных по приказу Ежова. Такие же, как Цыган с Хлопом. О них тоже стенать, заламывая руки? Или все же взвешеннее нужно подходить? Как мух и котлеты, или — зерна и плевелы?

А потом еще — три с половиной миллиона... на все население страны — меньше двух процентов выходит. Если в среднем по годам раскидать. Это много? Получается, девяноста восемь человек из ста это не коснулось.

А затем... еще. ЮраВДудь... с «родиной нашего страха». Десять лямов насчитал, прошедших через Колыму. Совсем сдурел? Примерно тогда же в Интернете, Елизаров нашел одну диссертацию магаданского препода-историка, который очень подробно разобрал все «за Колыму». Оказалось, что в период с 1934 по 1953 год через Колыму, Дальстрой, если что, прошло около трехсот сорока тысяч человек. Из которых три четверти — уголовники. Все это время Елизаров не мог найти ответ на вопрос — зачем врать? Разве трагедия этих двух из десяти, осужденных невинно — меньшая трагедия? Нет, ни хрена не меньшая. Ну — по крайней мере, для Елизарова. А вот для либероты, выходит, намного меньшая! И так почти во всем, что касается темы репрессий — куда ни копни, либо явная ложь, либо передергивание фактов.

Это как с темой холокоста. Был холокост? Несомненно! Трагедия это? Бесспорно! А зачем врать? Сначала, как помнил Елизаров, считалось, что евреев было убито шесть миллионов, потом — восемь, остановились на десяти. Зачем? Помнится, задался этим вопросом некто Юрген Граф. И что? А законопатили немца на десять лет! Ни хрена ж себе ему срок отслюнили! За отрицание холокоста, который тот вовсе не отрицал, а лишь пытался разобраться, как все было на самом деле, сколько жертв.

Причем, вопли про холокост и про разные концлагеря, а также цифры уничтоженных в них евреев, как-то обходили стороной тот факт, что славян всех мастей в тех же концлагерях уничтожили не меньше, а то и больше? Где конференции про геноцид славян? А кто считал, сколько цыган немцы уничтожили? Что они — не люди, что ли?

Уже будучи на пенсии, задался он как-то вопросом, посмотрев передачу по местному ТВ — а сколько здесь убили людей, во время репрессий? Получалось, что около двух тысяч человек «исполнили». А копнул поглубже — оказалось, что в этот городок свозили осужденных как бы не со всей Омской области. А по передаче выходило, что чуть ли не в каждом райотделе милиции области в то время стреляли, стреляли, стреляли... И примерно — так же, по две тысячи. Спросил у одного «деятеля» из движения «Мемориал». И что? А ни

хрена — стал сталинистом и оправдателем всей гэбни! Как посмел такие вопросы задавать? Как вообще такие мысли в голову прийти могли?

Вот и думал Иван обо всем этом, топя печки; кидая снег; бегая на лыжах вдоль Оби.

«Рефлексия, говоришь... Ага! Что я — не русский, что ли?! Нужно еще с кем-нибудь за рюмкой посидеть, поговорить об этом! Только вот... может быть чревато!».

Все-таки не утерпел... Когда к нему вечером зашел Мироныч, и они пили чай, под треп обо всем, Косов, вздохнул, достал рюмки и нехитрую закуску, разлил. Мироныч немного удивленно посмотрел на него, но рюмку выпил.

— Ты чего хотел-то, Иван? — закуривая, спросил сторож.

— Да вот, Мироныч... Вопрос такой... непонятный. Сам знаешь, у меня здесь никого, с кем можно было бы... Вот хочу твоего мнения спросить... да не знаю как. Очень уж вопрос... непростой.

— Так чего ж ты жмешься, как девка?

— Мироныч! Вот скажи мне... у Вас... народа много позабирали... ну — «гэпэушники»?

Мироныч хмыкнул, из-под бровей зыркнул на Ивана.

— Ишь ты... Да... вопрос-то непростой. И ты правильно делаешь, что... не всем подряд его задаешь. Не каждый... правильно поймет, — помолчав ответил Мироныч.

— Вот смотри... Был у нас тут молодой мужик. Вроде и нормальный, а все как... ребенок несмышлёный. Уже и женат, и детей двое, а все одно. Где бы не работал, все у него через жопу выходило. Не... не потому, что рукожопый, а все с придурью какой-то. Ну... поставили его конюхом. И был у нас жеребец. Не сказать, что совсем уж чистокровный, но справный такой коник, красивый. И на соревнованиях даже призовые места брал. Так вот... угробил же коника этот придурок. Гонял его, нравилось галопом дураку поскакать. И напоил холодной водой. Дурак, что с него взять!

— В общем... посадили этого придурка. А жена у него красавица! Поехала она, значит, туда. И я уж не знаю, перед кем она там ноги раздвигала, а только комиссовали этого мужика, ага. Привезла она его домой. Ему бы посидеть годик-два тихо, жопу прижавши, так он же — дурак! Давай гоголем по деревне ходить, да еще и попивать начал, бахвалиться. В общем, приехали за ним. И все... с концами пропал. Вот и посуди сам!

Помолчали.

— А вот в колхозе, где моя падчерица с зятем живут, другой случай был. Давно уже лет пять, однако. Был у них там председатель колхоза. Так себе председатель... И попивал, да и на руку нечист. И уж хозяйственным его никак было не назвать. В общем, дрянной человечиска. А еще там счетовод был. Тоже — тот еще, прости господи... И вот у них — то ругань до потолка, то — пьют вместе. И как-то разругались они по пьянке — вдрызг, до мордобоя, да. Председатель этот, возьми да напиши, значит, донос на счетовода. Что, дескать, в Гражданскую он у Колчака служил, и чуть ли — не офицером. Ну, того, значит — под микитки, да в «гепеу». А он же, не будь дурак — тоже молчать не стал и вывалил, все что знал, про того председателя. И того — туда же, за растраты, да прочее.

— А в прошлом годе, на станции-то, Кривошеково, говорят, человечка заарестовали. Люди бают, и впрямь колчаковцем был, даже навроде как у казачков, в карателях, значит, злобствовал.

— А в тридцать втором годе... тоже случай был... недалеко тут. Падеж скота пошел, да что ты! И в колхозе, и в частном стаде — мрут коровенки! Толи киргизы какую-то заразу

занесли... Они же нередко сюда скот на продажу гоняли. Толи еще что... А только человек пять сразу — арестовали. И ветеринара местного, и еще кого-то... Вроде, как и содержали скот-то плохо... от того и падеж этот.

— Вот, Ваня, и посуди сам — правильно «гепеу» делает, или нет? Может кого и зря... Только вот — не всех-то зазря, думаю...

Мда... вот такой разговор вышел. И ни хрена он, разговор этот, сомнения у Ивана не развеял. Вопросы как были, так и остались.

Он съездил в Дом Красной армии, нашел инструктора, представился честь по чести.

Невысокий, худощавый, с обильной сединой, но с военной выправкой, мужичок пожевал губами и сказал:

— Если бы не просьба Шедько, я бы тебя не взял. Занятия идут уже с начала октября. Считай, чуть не полтора месяца ты пропустил. Пока теория идет. Надо догонять! Сможешь?

Иван заверил, что — да, сможет.

Мужичок представился:

— Артемий Сидорович Квашнин! Капитан запаса. Пойдем-ка, посмотрим, что ты можешь, а то... может и братья смысла нет. Ребята у нас в кружке хорошие, серьезные подбираются. Не все, правда на вторую степень сдают, но уж первую степень «Ворошиловского стрелка» получают все! И в соревнованиях участвуют тоже. Кстати! Ты знаешь, что вторую степень ты сможешь получить только, если сдашь ГТО на золотой значок?

Иван уже знал об этом. Нормы были — очень серьезные. Не мудрено, что не каждый сдает на вторую степень. Там и не допустят до сдачи, если ГТО не сдашь!

Они прошли по коридору, и в вестибюле свернули под лестницу, ко входу в подвал.

— Здесь у нас стрелковая галерея... Небольшая, но пятьдесят метров, чтобы первую степень получить есть. С винтовки малокалиберной стрелял?

Там... Елизарову доводилось стрелять практически из всего оружия, которое было в арсенале МВД. А уж из гражданского — и подавно. Но здесь...

— Только из охотничьих ружей.

— И как? Успешно?

— Ну... уток влет брал. На крупного зверя — не ходил, точно.

— Ладно, посмотрим...

Ну что? Тир как тир... Сколько он таких видел! И винтовка, все та же знакомая ТОЗ-8, с мушкой и открытым секторным прицелом. Однозарядная, как водится.

Краткий инструктаж по мерам безопасности. Артемий Сидорович выдал ему пять патронов. Для стрельбы лежа был приспособлен старый гимнастический мат.

«Ну что? Вдох-выдох, вдох-выдох, вдох-выдох...». Выстрел, перезарядка. Снова — вдох-выдох. Сделав пять выстрелов, Иван, не вставая, доложил. Потом встал, предъявил патронник винтовки к осмотру.

— К мишени!

«А неплохо так! Для этого тела, которое вообще никогда не стреляло — сорок очков!».

— Ну что... не безнадежен! Работать можно. Сейчас я тебе выдам необходимую литературу. Через две недели — проверю лично! Наставления по стрелковому делу винтовки Мосина, образца 1891/30 года, а также — ТОЗ-8, револьвера Нагана — чтобы от зубов отскакивало! Не наизусть, но знать — близко к тексту! ГТХ оружия — наизусть! Остальную литературу — изучить тщательно, с конспектом. Конспект, кстати, тоже буду проверять. Все

понятно?

— Понятно! — «хорошо, что вспомнил, что «так точно!» — здесь не говорят!».

Изрядно загрузив сумку полученной литературой, Иван отбыл домой.

«Так... три раза в неделю — с семнадцать часов, трехчасовые занятия. Иногда, примерно раз в месяц, дополнительные занятия по субботам. Как правило — с выездом на полигон. Там, кроме стрельбы, еще тренировки — в военном городке, как сейчас называют. У нас это — полоса препятствий. Бег, сейчас по времени года — на лыжах. Но не простой бег, а в военной форме, с оружием и боеприпасами, дополнительным грузом в вещмешке, да по пересеченной местности! Мда... легко не будет! А шо — кто-то таки обещал легкой жизни? Не? Вот и не пиши!».

А потом, уже дома, вечером, Иван, просматривая методички по нормам ГТО, а также стрелковой подготовке, понял — это — жопа! Причем с большой... нет — с очень большой буквы. Сдача второй ступени ГТО, по нормативам, могла растягиваться до двух лет, с начала прохождения испытаний. Для этого претенденту выдавалась специальная зачетная книжка.

Чего там, в тех нормах, только не было: и бег — простой; и бег на лыжах, и просто, и не просто — в форме, с полной выкладкой, да еще и грузом за плечами, так, чтобы вся амуниция в сумме составляла двадцать восемь килограммов. И плаванье — четыреста метров на время; и ныряние на пять метров с доставанием предмета со дна; и полоса препятствий, которую нужно было пройти за определенное время, с полной выкладкой, да еще — восемь! Восемь, мать его, Карл! Раз! И еще раз — на время!!! А полоса препятствий здесь, на минуточку — четыреста метров длиной, и она — ни хрена не пустая, а с препятствиями различными! Раздел про гимнастику... он пока побоялся открывать.

«Вторая, мать его ступень! И «Ворошиловский стрэлец» тэж — друхай ступэни! И двух лет у него ни хрена нет! Нет у него этих двух лет!».

Особо доставило — это плаванье на время — четыреста метров. И в прошлой жизни Иван особым пловцом не был. Сдавал, конечно, нормативы в училище — куда без этого, но не более. А потом — ну так, в свое удовольствие поплавать, поплюхаться в воде. Желательно в компании с девушками. И тренироваться в плаванье — где? Только с весны, а к июлю эту хрень нужно уже сдать!

И еще — прочитал, что обязательным для сдачи норм ГТО второй степени является получение удостоверения на право вождения: мотоцикла, легкового автомобиля, грузовика, трактора. Только не понял — удостоверения должно быть на все виды техники, или на какой-то один вид? И где этим заниматься? Надо спросить инструктора, может что посоветует?

«Это же как... напрячься придется?! Охренеть! И «взад сдать» не получится... стыдно! И Кира узнает... да и Зиночка... тоже ничего хорошего. А они узнают — точно! Сирожка позаботится!».

Получалось, что время сна придется сократить до физиологически необходимого минимума? Нет, так-то он и так спит не много. Но... иногда, после обеда...

«А теперь — хрен там! Ладно... раньше времени помирать-то не будем, а?!».

А еще — работа, ага! А еще — песни. Тут уж так — «назвался груздем, полезай в короб!».

Не поймут, если он с какой-то периодичностью... ну — пусть и не часто! Не станет выдавать песни.

«Мля... а как же... интимная жисть, а? Это чего же мне, монахом становится?! Вот же... комсомольцы-добровольцы. О! а этой песни, похоже еще нет. Насколько помню, она

после войны уже будет написана. Чем ни вариант? Да! Еще же и в комсомол вступать нужно! Бля-бля-бля! Когда это все успевать-то?».

Как-то грустно стало... Оставалось только сцепить зубы и рвать жилы. А еще — жесткий тайм-менеджмент! Хотя... вот он, что Велитарский, что Елизаров, по своему характеру, да отношению к жизни и этот самый тайм-менеджмент... они как-то параллельно существовали.

«Бум меняться! Бум!».

Пришлось сидеть, пытаться что-то планировать. Чиркал на бумаге распорядок дня, рвал листы, потом — снова писал, думал. По стенам он развесил начерченные собственноручно таблицы с ТТХ оружия, различными схемами, методиками определения расстояний и прочим.

Как известно, имеется несколько способов запоминания чего-либо, когда работают зрительная память или слуховая, либо моторика. Вот он и пытался задействовать их все — конспектировал методички и наставления, проговаривал их тексты вслух, читал каждую на несколько раз, разглядывал таблицы и схемы на стенах, отводил взгляд, пытался воспроизвести по памяти.

Еще в училище был у них один препод, который советовал, что сложные, технические тексты лучше всего запоминать, читая несколько раз.

— Первый раз — можете прочитать поверхностно, быстро, не вникая в суть вопроса. Второй раз — читайте тщательнее, стараясь отметить определенные моменты. Не стесняйтесь прерваться, отвести взгляд на посторонний предмет и попытаться повторить про себя прочитанное. Третий раз — самый важный. Здесь нужно вникнуть в детали, даже с карандашом в руке посидеть. А еще лучше — несколько задачек на тему порешать, примеры разобрать. И обдумывайте прочитанное и решенное. Можно и назад вернуться — проверить себя, правильно ли понял. Четвертый раз — контроль себя, вычитка — все ли понял. И пятый — снова легкое, поверхностное чтение. Если Вы будете так учиться — даже сложные технические тексты будут запоминаться надолго, и суть вопроса останется в голове на всю жизнь.

«Курки» охреневали — пять раз каждый параграф? Это сколько же над учебниками сидеть нужно?

Препод усмехался — молодежь, все хочет быстрее и без особого труда.

— Можете сократить чтение до трех раз. Но сразу предупреждаю — будет еще труднее, а в головах останется меньше. Экзамен-то сдадите, только вот как служить потом будете, без теоретической базы в голове?

Такой он был, капитан второго ранга Рябинин.

Иван сейчас и пытался воплотить эту методику. Сложно. И в голову особо ничего не лезет — разучился головой думать; вроде и память хорошая, молодая, но, чтобы туда что-то уложить — в это же вникнуть надо! И прерываться приходится часто — работу все же надо... работать. По пятницам так же в «Киносет» скататься, а в субботу, к вечеру — все подготовить к вечернему киносеансу.

И Тоня постоянно напоминала, что следует продолжить обучение танцам, отрывала его от занятий. Вальс у него уже вполне себе неплохо получался. И девушка потребовала перейти к фокстроту — сначала медленному, а потом и быстрому.

— Потом — за танго возьмемся! — она иногда пугала его своей упертостью в отношении к занятиям. Причем — как строга она была на занятиях с детьми, так безо

всякого снисхождения она гоняла и Ивана.

Косова немного смутил во время этих танцев тот факт, что Тоня вела занятия в трико, плотно облегающем тело. Хотя девушка была не совсем в его вкусе — невысокая, да и довольно худощавая, но... в танце ощущать рядом с тобой девичье тело в одном трико было несколько... некомфортно. Да и ножки у нее были — очень и очень... И — попа... тоже.

Илья, похоже, тоже не был в восторге от их занятий и старался в это время быть в зале. То — аккомпанировал им, хотя в наборе пластинок уже были необходимые мелодии, то еще с чем-то копошился на сцене. А иногда директор и сам танцевал с Тоней — показывал мастер-класс, то есть! А танцевали они здорово. Косов отдавал себе отчет, что у него так, если когда-то и получится, то еще очень нескоро.

Забавно все же было наблюдать, как директор ревнует Тоню. Так как работа ее продолжалась чуть не весь день — сначала с ребятами, чьи занятия в школе шли во вторую смену, а после обеда — с теми, кто учился с утра, то практически весь день она находилась в трико. Илья даже, как несколько раз слышал Косов, выговаривал ей, шипя, что дескать — неудобно: девушки с парнями, бывает в библиотеку приходят, и даже взрослые. А она здесь в трико разгуливает! Это же все-таки деревня, здесь нравы не такие, как в городе. Но Тоня, вполне обоснованно, по мнению Косова, отвечала, что это трико — по факту ее рабочая одежда.

Они по-прежнему иногда заскакивали в его комнату — попить чай, а то и пообедать.

— Это что же ты тут поразвешивал? — близоруко щурясь, разглядывал по стенам все его пособия Илья.

— Вот... хочу нормы ГТО сдать и на «Ворошиловского стрелка» претендовать!

Тоня одобрительно кивнула, жуя бутерброд:

— Молодец!

А Илья удивился:

— Ты что же — на вторую степень решил замахнуться? Это же... очень сложно! Там люди и за два года-то — не все могут подготовиться и сдать. А тебе же — летом уже уезжать. Или передумал?

— Нет... не передумал. Но я постараюсь.

К их чаепитиям частенько присоединялась и Лидия Николаевна. Библиотекарша смушалась, поясняя, что не хочет стеснять ни Ивана, ни их.

— Лидия! — Тоня с самого начала перешла с той на «ты», — ну чего ты придумываешь? Ну какое стеснение? Или ты целый день есть не будешь? На станцию, домой к себе, на обед, каждый день не набегаешься. Неужто не проще — вот взять бутерброды, Иван чай согрел — так и перекусила.

— Мне не сложно, Лидия Николаевна, и действительно — давайте уж без этих... мерехлюндий интеллигентских. Мы же — коллектив, не так ли? Значит должны жить дружно и помогать друг другу! — поддержал Иван Тоню.

Надо сказать, что с момента ее прихода на работу в клуб, библиотекарша несколько оправилась после болезни, и уже не смотрелась «бледной тенью». И щеки порозовели, и поживее стала. Да и округляться начала... в нужных местах. Иван это сразу заметил — женщина становится вновь привлекательной. Похоже, что и Лидия тоже заметила его взгляды в ее сторону. Может поэтому она так и смушалась? Или ее подруга Елизавета ей что-то напела про него? Хотя... и у самой Лидии — глаза есть, и поведение Ивана — для нее не секрет. Аморальный тип!

А вот когда Тоня с Ильей по каким-то делам уезжали в город, Лидию на чай в комнату к Ивану, похоже — и на аркане не затащить! Он попытался пригласить ее, но женщина густо покраснела, и категорически отказалась.

«Ну и тараканы у нее в голове! Может она — сама что-то там навывдумывала, вот и полагает, что он сразу же ее в койку потащит? Нет... так-то я и не отказался бы, но — не совсем уж... маньяк!».

Не уговорив библиотечаршу на чай в его комнате, он в душе плюнул, налил большую кружку крепкого чая, сделал пару бутербродов — один с колбасой, другой — с вареньем и унес той в библиотеку.

— Знаете, Лидия... Николаевна! Ваша стеснительность... как-то переходит границы, не находите? Вы очень привлекательная женщина, но Вам нужно обязательно поправляться, а значит и питаться нормально! Вот! Нужно есть, и набираться сил!

— Иван... Вы со мной сейчас как с маленьким ребенком разговариваете! — попробовала возмутиться женщина.

— Ну так Вы не ведите себя... таким образом! А давайте... я сейчас и себе чаю налью, принесу сюда и мы с Вами вместе почаевичаем?

Сначала женщина больше молчала, ела бутерброд, чинно откусывая его маленькими кусочками, запивая чаем. Но потом, после пары анекдотов — вполне пристойных, кстати! — она чуть повеселела и начала отвечать ему, и даже улыбаться.

— Извините, Лидия Николаевна... У меня вопрос. Может он покажется Вам бестактным, но меня очень интересует — чем вызвано Ваше отношение ко мне? Такое..., - он покрутил рукой в воздухе, показывая, какое отношение имел в виду.

Она вздохнула, покосилась на него:

— А ты сам, Иван, разве не понимаешь?

— Ну, знаете ли... что я там могу понять? Может я вовсе не так все понимаю, напридумываю себе невесть что! Да и... женская логика... она не очень понятна, с мужской точки зрения.

Она помялась:

— Иван... ты ведешь себя... не совсем...

— Высокоморально и духовно?

— Ну вот! Ты опять все... с насмешкой!

— Да нет... правда, Лидия... Николаевна — я хочу понять. Хотя бы потому, чтобы между нами не было недомолвок, и мы могли спокойно работать, бок о бок. Помогая друг другу. Разве это плохо?

Она непонятно на что разозлилась. Немного. Но — оживилась.

— Иван! Я замужняя женщина. А ты... подчас ведешь себя... предосудительно! И тем самым... бросаешь тень и на окружающих. Вот!

— То есть я — настолько аморален, что компрометирую Вас, если вы просто работаете рядом?

Она подумала, помялась:

— Ну... не все, конечно, это видят и знают. Но... это есть!

— Не все видят и знают, но Вы боитесь компрометации? То есть Вы — сами что-то увидели, сами поразмыслили, и решили — это предосудительно? Так?

— А к кому женщина приезжала? А кто с Зиной... по углам тискается? А кто Лизу за... попу хватал? Этого недостаточно? Знаешь, Иван, ты — молодой парень, а ведешь себя... как

распущенный тип, причем — как... старый сатир!

Косов про себя восхитился!

«Старый сатир? Мда... Так ведь оно именно так и получается! Вот это интуиция, вот это — образность мышления!».

— Давайте так... Во-первых, если я старый сатир, ну — по крайней мере так себя веду, может перейдем на ты? Хотя бы, в своем кругу, без посторонних?

Она, чуть подумав, согласилась.

— Тогда, во-вторых, Лида... Я молодой мужчина, — она хмыкнула, — ну а кто я, по-твоему? Так вот... я молодой мужчина. И вполне естественно, что у меня... бывают женщины. Серьезных отношений я не завожу, потому как планирую летом уехать, буду поступать в военное училище. Об этом я честно говорю... своим знакомым. Но при этом, физиология остается физиологией. То есть влечение к женщинам я никуда не уберу. Или ты отрицаешь саму природу человеческую?

— Ничего я не отрицаю... Но как-то это все... Ну ладно! Есть девушки, которым может быть и устраивают такие... временные отношения. Но ведь та женщина, которая к тебе приезжала... мне кажется, что она — замужем. Замужних, знаешь ли, видно! Это я тебе как замужняя женщина говорю! Это же...

— Ага! Скажи — грешно! Может ты и в церковь ходишь, Лида? — хмыкнул Иван.

— Нет, в церковь я не хожу. Но ведь у нее муж... да и дети, наверняка...

— Лида! Ты вот взрослая женщина, а как ребенок, честное слово! Ну пусть — молоденькая девчушка! Ах-ах! Как же так?! Или ты не знаешь, что подчас отношения в семье... не такие, как хотелось бы женщине? И в этих самых отношениях... муж не силен, так скажем? Как тогда быть?

«Оп-па! А она покраснела! То есть — тут я в болячку умудрился попасть? Ну что ж, как старый сатир — буду иметь в виду!».

— А Лизу тогда... зачем лапал? Она же... ей же уже за тридцать! А тебе — восемнадцать! Нашел бы... помоложе.

— Лизу я, положим, не лапал! Вот что за выражения у филолога? Лизу... я погладил, не сдержавшись. Каюсь! Иногда... бывает у меня, когда эмоции забегают вперед разума. И еще... Лиза — красивая женщина! А сколько ей лет? Да какая разница! Ты вот любишь русскую классическую литературу, так ведь? — дождавшись кивка женщины, он продолжил, — в книгах, да и в жизни, чаще, конечно, бывает наоборот — женщина молода, а мужчина — уже... зрелый!

«Упс! Опять она покраснела! Да что же такое — что не скажу, то «в цвет»!».

— И это вроде бы — нормально, да? Ну — привычно, так скажу! А если наоборот? Почему это... порицается? Но... опять же — ты филолог и любишь русскую литературу. Бунина с его «Темными аллеями» — любишь?

«Да что же она так краснеет-то?».

— А еще — сколько лет было Анне Карениной? А Вронскому?

Женщина задумалась.

— Там вроде бы... не явно как-то... Не помню!

— Ей было двадцать восемь, а ему — двадцать три. Если хочешь проверить — перечитай внимательно. Ну так что — осуждать будешь?

— Ну... Анну хоть и жалко, но и осуждать есть за что! — ишь как философский спор Лидочку раззадорил!

— Вот как? Морализаторством, значит, будем заниматься?

— Слушай! Ну как так? Ты — сопляк еще... а аргументы вон уже какие приводишь!

Заранее подготовился, что ли?

— Лидочка! Когда крыть нечем — так и на оскорбления перейти можно? Сопляк... Эх!

Что ж Вас так, интеллигентных-то людей, эта самая интеллигентность так быстро покидает! Аргументы нормальные есть?

Было видно, что женщина разошлась не на шутку.

— Так! Предлагаю перемирие. Налью горячего чая, а ты пока... аргументы подбери, хорошо?

Иван вернулся к себе, закурил в ожидании, пока нагреется на печке чайник. Потом усмехнулся своим мыслям, и, налив чай, еще раз подумал, махнул рукой и плеснул в кружку для Лиды чуток коньяку. Совсем чуть-чуть, чтобы даже запаха не чувствовалось. Потом и себе — тоже плеснул.

Коньяк, вино и водка — у него всегда стояли в тумбочке. На всякий случай! Вон — водкой он за чистку снега рассчитывается. Или как тогда — с Миронычем по паре рюмок за разговором приняли. А вдруг гости какие? А вино? Ну... для дам-с!

Лидочка сидела задумавшись, и глядела в окно.

— Ну что? Что нам скажет русская классическая литература? Вот, Лида, пей чаек! Я и заварил его, постарался. И вот медок в плошке. Мед, как врачи говорят, он на кроветворение благотворно влияет, и на желудок... Да много на что!

— А я вот не буду, Ваня, с тобой спорить! В чем-то ты прав. Не даром же Льва Толстого за «Анну» тогда критиковали! Дескать, мораль подтачивает! Но все равно... как-то это не хорошо!

Она уже хлебнула глотка два или три, отставила от себя кружку и с подозрением на нее посмотрела. Потом перевела взгляд на Ивана.

— Думаешь подолью тебе в чай что либо, да потом соврашу? — засмеялся Косов.

Она хмыкнула, вновь отпила чай, и махнула рукой.

— Ну не до такой же степени ты... мерзавец? Да и что ты в чай мог добавить?

Они еще посидели, поболтали, больше не касаясь спорных тем. Косов снова травил анекдоты, женщина смеялась. А потом:

— Слушай... а правда, что ты... предлагал Лизе песню написать... ну... за это... — она сама свернула на скользкую тропинку в разговоре.

«Опьянела что ли? Да нет, не может быть! Там и коньяка-то было — граммулька! Или... тема для женщины... интересна?».

— Лидочка! — а она уже нормально воспринимает такое к себе обращение, — и снова... не совсем так. Я предложил ей... стать моей музой. Ну, каюсь, наверное, это прозвучало... двусмысленно.

— А что... Лиза... тебе нравится? — Лида снова смотрела в окно.

— Лида! Ну... чтобы ты лучше понимала. Я считаю, что женщины, по крайней мере, в нашем, советском обществе — они его лучшая половина! Лучшая! Они и умнее, пожитейски; они и терпеливее; они и трудолюбивее мужиков; они... да просто — женщины красивее! Надо признать, что у Бога женщины получились лучше мужиков. Во всем! То есть я... скажу так — люблю женщин! А если женщина еще и красива... Ну как тут не потерять разум?

— А Лиза... красивая, да! И ты, Лидочка, тоже очень красивая! Очень! — женщина

сначала хотела возмутиться, но как-то... передумала. И зарделась.

Вот такой у него вышел разговор с Лидией Николаевной. И не сказать, чтобы она... «расплылась» перед ним. Да и цели он перед собой такой не ставил. Но отношения стали более теплые, что ли. Нормальные отношения! И он мог пошутить, и она его как-то «подколоть», и чай она с ним уже пила, болтая о разном. Вот только в его комнату по-прежнему заходить не хотела, если не было Тони и Ильи.

Как оказалось, Лида умела очень неплохо танцевать. И если Тоня по утрам решила давать ему очередной урок танцев, и, если посетителей в библиотеке не было, Лида с удовольствием становилась в пару к Ивану. Тоня говорила, что так, со стороны, ей виднее огрехи Косова. Да и как партнерша по танцам, Лида все же больше нравилась Ивану. Просто типаж такой, более ему симпатичный. Да и Илье как-то спокойнее.

А вот другой разговор, который состоялся примерно в то же время, Косову не понравился категорически. Началось с того, что его кто-то окликнул, когда он тащил дрова из дровяника. У клуба стоял молодой парень, ему не знакомый.

— Привет! Ты меня ищешь? — «кто это? Вроде и видел в клубе, а кто такой — хэзэ!».

— Да, Иван, переговорить надо!

— Ну, пошли! — кивнул Иван на вход в клуб.

Дождавшись, пока Косов скинул дрова у печи, парень обстукивал валенки на ногах. Они прошли в его комнату, где пришелец довольно бесцеремонно уселся на табурет.

— Я — секретарь комсомольской организации нашего совхоза, Лазарев Дмитрий! — парень протянул руку Косову.

«Ага! И что главе местного комсомола от меня нужно?».

— Нам поступил запрос на выдачу характеристики... на тебя. Из Приреченского райкома комсомола. А потом мне звонила Кира Каухер, просила ускорить это дело, — парень как-то изучающе разглядывал Косова.

И это — «нам поступил», и поведение, и взгляд «комсомольца» — не понравились ему.

«Похоже, что парняга-то... зазвездился, что ли? И не похож он на деревенского. Назначенец быть может? И руки вон у него... не в мозолях. Ну ладно... послушаем, что скажет этот... секретарь».

— И мне, честно скажу, Иван, эта ситуация не по душе! Если ты решил вступить в комсомол, то почему не пришел ко мне? Мы бы посидели, обговорили все, дали бы тебе какую-нибудь общественную нагрузку, присмотрелись какое-то время. А так — кто-то сверху решил, что этот человек достоин, а человек этот в нашу ячейку — и глаз не кажет! И вот эта... Каухер... Я понимаю, что она инструктор райкома... на общественных началах. Но... может ли она что-то решать? Или у Вас с ней...

По этим многочисленным «мы бы посидели», «мы бы обговорили», «дали», «присмотрелись» как-то... Ивану стало не по себе.

«Мы! Николай Второй! Мля... как же... противно! Вот же ж, человек, а?!».

Косов понимал, что формально этот... Дима — прав. Если решать этот вопрос, то начинать надо с первичной ячейки. Но... Не он принимал такое решение, а парторг подвинул Киру к решению этого вопроса! И потом — так демонстративно указать, что Кира — «на общественных началах», а этот... значит — номенклатура? И этот намек — «или у Вас с ней»!

«Похоже — гавно-человек!».

— В чем ты прав, Дмитрий, так в том, что мне начинать нужно было именно с

первичной ячейки. Но дело в том, что... начинал-то не я! Парторг совхоза спросил у меня после концерта — почему я не в комсомоле, а потом попенял Кире, что комсомол ничего не предпринимает для принятия меня в свои ряды! Именно поэтому Кира и занялась этим вопросом, а, не потому что... «у нас с ней»! У нас с ней — дружеские, товарищеские отношения и не более! У нее, кстати, парень есть! И вообще... такое отношение к ней, активной комсомолке, общественнице, студентке-отличнице с твоей стороны, Дмитрий, не очень понятно!

— И еще... по общественной нагрузке... Я здесь по сменам — и сторож, и дворник, и истопник. А кроме того — киномеханик. И по клубу в целом... у нас, знаешь ли, принято помогать друг другу. Вот у директора спроси — отказываю ли я ему в помощи, если такая необходима. Или у библиотекаря спроси! Сейчас я занят в стрелковом кружке в Доме Красной армии, намерен сдать на вторые степени и «Ворошиловского стрелка», и ГТО. Ты представляешь нагрузку и объем материала, который нужно усвоить? А еще... песни мои слышал? Когда мне их писать, если еще и общественную нагрузку тянуть? Нет! Я не отказываюсь, просто объясняю, что не груши тут ху... к-х-м... околачиваю!

Постепенно Иван, разозлившись, стал довольно резко выговаривать. Зря, конечно, но — опять эмоции!

Похоже секретарь опешил от такого напора, а может понял, что изначально взял не тот тон, да и наговорил... двусмысленного. Но только в ответ на речь Косова, возмущаться не стал, а посидел, помолчал, глядя на Ивана, потом хлопнул ладонями по коленям, поднялся и уже в дверях, повернувшись, сказал:

— Ладно... характеристику... я напишу. Если вопрос решиться положительно... да. То — придешь, встанешь на учет. Там тогда и поговорим! И нагрузку все-таки... мы тебе придумаем!

— А я и не отказываюсь... — кинул в спину Лазареву Иван.

«Как-то не очень начинается у меня отношения с этим... местным секретарем комсомола! Гавна бы не сделал... Похоже, что он — может!».

И все-таки Косова не оставляла мысль... посетить-таки... центральный рынок, а именно — фруктовый его павильон. И как-то это было... двойко. С одной стороны, что уж греха таить, понравилась ему Фатьма. Была она как-то притягательна, что ли...

С другой стороны — ну вот на хрена ему столько денег? Даже тех, что были наличкой — ему на этот год... даже меньше уже осталось до отъезда в Омск, и поступления в училище. С лихвой!

А тех денег, что вручил ему Штехель, да еще и вручит... На кой хрен они ему? Да и противные это были деньги, за рыжье, снятое с людей. Часть, как он уже решил, он отдаст Вере, на всякие хозяйственные расходы. А другую часть... Все же это были деньги Ильяса, а Фатьма, как ни крути, бывшая подруга усопшего. Потому, будет правильно отдать эти деньги ей. Ну вот такие выверты его, Косова, мозга. Типа пенсии вдове.

Декабрь в этом году, после первых, непривычных еще людям морозов, которые ударили сразу после Октябрьской, стоял довольно теплый. Градусов десять, может пятнадцать морозца. И снежок пролетал, легкий, пушистый.

«Ага... работки — подваливает!».

Иван оделся в свою горку, она, да с подстежкой из «шотландки», вполне качественно еще грела. Берцы, на теплые байковые портянки, сидели на ноге мягко и плотно. Прямо нравилась Ивану его одежда! А вот еще недельки через две, придется перелазить в зимнее.

Полупальто, хоть и вполне неплохое, было несравнимо тяжелее куртки. Даваленки еще... Нет, так-то Иван вполне ценил эту сибирскую обувь, но пока к ней привыкнешь... И ноги еще натрешь, пока не растопчешь их по ноге. И голень тоже по первой натирать будет!

Он прогулялся по территории рынка, соображая, а не нужно ли ему что-то купить. Вроде бы ничего и не попало на глаза. Картоху — он всегда у Мироныча взять может. Да и прочую морковку-свеклу. И яйцами теми же у Якова всегда можно разжиться, как и молоком.

Поэтому он перешел в ряды, где еще были видны скудноватые полки с фруктами, да укутавшиеся «гости с юга» торчали за прилавками такими воронами.

«М-да... а похоже, что они уже все и поразъехались. Остатки продают».

Здесь виднелись горки хурмы, каких-то зеленых яблок, да сухофрукты были разложены на прилавках, застеленных газетами. Фатьмы здесь явно не было. Он прошелся туда-сюда. Продавцы, сначала оживившиеся при виде его, снова расселись по лавкам, изредка переговариваясь, негромкими гортанными фразами.

— А где еще фрукты посмотреть можно? — обратился он к ближайшему, не старому еще мужику.

Тот мотнул головой в сторону:

— Павильон... да. Там фрукты...

Ага, значит в павильоне. Иван прошел в дощатый пристрой кирпичного здания рынка. Здесь было темновато. Несильные лампочки, горевшие под высоким потолком, света особо не давали. Было ощутимо теплее, а потому, наверное, и продавцы были поживее и пошустрее. Хотя... ассортимент и здесь не был особенно широким. По сравнению с уличными рядами, добавились какие-то груши, да яблок было чуть больше и количеством, и по сортам.

Косов прошелся, покрутил в руке грушу, раздумывая брать или не брать. Потом обратился к продавцу, который ему показался более общительным.

— Мне женщину здесь найти нужно. Фатьма, знаешь ее? — с удивлением увидел, как продавец «закрутил носом», что-то сразу плохо понимать русский стал.

— Еще раз повторю — мне нужна женщина, которую зовут Фатьма. Она работала здесь, и она местная. Так понятно? — «что они крутят? Хотя... у них здесь, как на любом рынке — свой мирок, куда чужому так просто и не попасть. А здесь приходит какой-то «штымп» и чего-то хочет...».

Продавцы перешли на свой, и некоторое время переговаривались, косясь на Ивана с недовольством. Потом тот, к которому он обращался, что-то крикнул в сторону коридора, ведущего дальше, в служебные помещения.

«Чего-то мне все это нравится перестает! Что-то не так... Вот своей «пятой» точкой чувствую!».

Из того коридора появились двое парней. Перекинулись парой фраз с продавцом, и махнули Ивану рукой, дескать, «топай за нами». Ну что ж, пришел, так надо идти, раз зовут. Косов, опустил руку и, как будто потирая запястье, незаметно расстегнул манжету рукава, освобождая доступ к рукояти ножа.

Как интересно... что-то видимо в нем изменилось, со времени... «приключения» с Хлопом и Цыганом. Испуга не было вовсе, а был мандраж от вероятной драки, да еще накатывал от живота к голове какой-то дурацкий азарт, даже идиотская улыбка нет-нет да вылазила на губах.

«Бля... маньяк как он есть! Или адреналиновый наркоман? Черт... у меня даже ноги как-то... в пляс идут!».

Парни, как видно, вообще не опасались его и расслаблено шли впереди по коридору, переговариваясь и посмеиваясь. Вот только некоторые слова, из их разговора, Иван, кажется, понимал. И ему они крайне не нравились!

Еще в начале девяностых, когда он начинал работать в райотделе «пэпсом», работал вместе с ним один паренёк. Был этот парень родом из Таджикистана, и занесло его в сибирские ебенья, получается — по поручению аксакалов его аула.

Далер, как звали этого таджика, служил в армии вместе с еще одним «пэпсом» — уже из местных, Колей Бабичевым. Именно последний и позвал Далера сменить мотыгу декханина на малой родине, на форму милиционера в маленьком сибирском городке. Такое предложение было целиком и полностью поддержано и родными Далера, и старейшинами аула. Какие продуманные, однако, были в ауле аксакалы!

Далер проработал вместе с ними года три, потом, опять же — вместе с ними, попробовал поступить в Омскую высшую школу милиции. Но, не пройдя туда по конкурсу, поддался на уговоры присутствующих здесь же представителей Новосибирской средней школы милиции, и подал документы туда, на заочную форму обучения. А потом, буквально через год, и совсем переехал в Новосибирск.

Так вот, Коля Бабичев, лет через десять, ездил в гости к Далеру, и по возвращении, рассказывал, что Далер уже вовсе не Далер Шарипов, а Далер Анзурович Шарипов. Подполковник милиции и очень... небедный человек. Похоже, что их бывший сослуживец был таким эмиссаром для всех людей из солнечного Таджикистана. И переселенцев, и гастарбайтеров! И очень, очень уважаемый человек! Ага, все как положено — двухэтажный коттедж в местной «долине нищих», навороченный джипарь, ну и прочие атрибуты успешного человека!

Но... это было в будущем, а пока Далер был простым ментом, и наматывая по городку круги пеших маршрутов, о многом рассказывал своим сослуживцам. Что-то было смешным, что-то — странным, что-то — непривычным. Ну а что в первую очередь интересует молодых русских мужиков от иноязычного коллеги? Правильно — какие есть маты в его родном языке, да как можно обматерить неприятного человека. Вот что-то и вспомнилось с тех времен Косову-Елизарову.

Косову не понравилось, что имя Фатьма в разговоре соседствовало со словом «джалаб», что, насколько он помнил, значило — шлюха. А поглядывая на него, один из парней, с усмешкой произнес «девуна», что означает — дурак. Если он ничего не путает. Но тут — лучше перебзеть, чем недобздеть!

Парни были молоды. Один постарше, лет так двадцати — двадцати двух. А второй, чуть получше одетый, так вообще — как бы не младше Ивана.

Они, в таком порядке, дошли по коридору до перекрестка с еще одним, и здесь остановились. Тот, что постарше, как-то уж совсем небрежно остановил Косова, уперевшись тому в грудь рукой.

— Сдэс стой, да, — и усмехнулся, падла!

Послышались чьи-то шаги, и Иван, не дожидаясь прибытия этого неизвестного, чуть подсев, резко пробил правой рукой «невеже» в брюхо. Ага, где-то в район печени. Это больно, очень! Все его тренировки и «постукивание» по мешкам все же давали результат.

«Эк его скрючило-то!».

Иван же, сделав шаг ко второму, одновременно вытащил нож из рукава, и с силой толкнув оппонента в стене, прижал тому нож к щеке. Этак — острием к глазу. Как-то не показался ему этот «вьюнош» бойцом. Вот тот, второй, который сейчас валяется на полу, поопаснее будет.

Скосил глаза в сторону примыкающего коридора. Там стоял седоватый, лет сорока, таджик.

— Эй, уважаемый! Какой глаз ему лучше вырезать — правый, или левый? — одновременно с вопросом, Иван перенес финку к другому глазу пацана.

— погоди! Не надо ничего резать! — старший говорил по-русски почти правильно. По крайней мере — все было понятно.

— Ну как не надо? Очень даже надо! Этот ишак, и сын ишака... оскорбил и меня, и... мою женщину, — почему Иван назвал Фатьму своей женщиной, он и сам не понял.

Опс! А вот и сам предмет обсуждения — Фатьма подошла и стояла сейчас за этим старшим таджиком. Иван видел, что женщина, вначале какая-то снулая, прямо на глазах стала преобразаться. И глазки заблестели, и щеки розоветь стали. И выпрямилась она.

— Он извинится, да! Сейчас извинится! Не режь его! — особого испуга у старшего Косов не видел, а поэтому решил нагнать страсти.

— Вы, басмачи сраные, что-то совсем охренели! Вы здесь, в России, а не у себя в кишлаке! Это там Вы — воины Аллаха, моджахеды, а здесь Вы никто! Кишки Вам выпустить, что ли? — он прижал нож посильнее, и по щеке пацана потекла капля крови.

— А ты не боишься? Ты же отсюда не выйдешь! наших здесь много, всех не зарежешь! — прищурился таджик.

Ивана это... как-то развеселило. Это и нравилось ему, и не нравилось. Нравилось... потому как он ощущал себя... как в игре. Такой — опасной, но и очень будоражащей кровью. Прав был Савоська — есть здесь что-то от викингов. А не нравилось, потому как головой он понимал, что это — не здоровое все. «Крыша у меня едет, что ли?».

Вот этот его негромкий смех, похоже, очень не понравился старшему таджику.

— Как у Вас там говорится — «иншалла». На все воля Всевышнего! Меня-то, может быть и порежут, но вот его, — Иван кивнул на пацана, — да и тебя я распластать успею, это точно! Ну что — торопишься к гуриям, уважаемый? Поиграем? А то — может и остальные Ваши со мной не сладят? Иншалла...

— Подожди... разговаривать будем, да, — и таджик что-то быстро залопотал Фатьме.

Ишь как! Та гордо подняла голову, и довольно резко отвечала ему. Обмен мнениями длился недолго. Таджик замолчал, что-то обдумывая, потом снова повернулся к Ивану:

— Я не знал... То есть мы — не знали, да! Поэтому, я приношу извинения, — и он снова что-то сказал Фатьме, на что та фыркнула.

— Значит так, уважаемый... Сейчас ты заплатишь Фатьме, все, что должен заплатить! Туда же добавишь каффару — за оскорбление моей женщины, и меня. Ты понял?

— Я понял, ултуручи... Мы... заплатим.

— Ну вот... говорят же умные люди, что добрым словом и ножом, можно добиться большего, чем просто — добрым словом! — хохотнул Иван.

Иван с интересом наблюдал, как таджик передал женщине свернутые в трубочку деньги, достав их из кармана халата. Та бойко пересчитала и что-то сказала ему. Старший поморщился и добавил еще.

Фатьма кивнула, и, улыбнувшись Ивану, сказала:

— Муж мой, мы можем идти! — о как! он уже ее муж? Или она так «картину гонит»?

Он убрал нож в ножны, и подтолкнул пацана к старшему, бросив ему в спину:

— Рав ба керам! Кери хар!

Старшему же он, чуть поклонившись, но все же улыбаясь:

— Ассалямю алейкум ва рахматуллах! Пошли, женщина! — это уже Фатьме, и направился к выходу.

«М-да... водевиль продолжается, блядь!»

Выйдя из павильона, он повернулся и взял женщину под руку:

— Слушай... жена моя, — тут он все-таки не сдержался и засмеялся, — а здесь где-нибудь можно поесть? Хочется много горячего, вкусного мяса!

— Здесь шапшычная рядом. Эти..., - она кивнула назад, — как раз там кушают. Не побоишься туда пойти?

— Ты напрашиваешься на наказание, женщина! — нахмурил он брови, но не выдержал, улыбнулся.

Она посмотрела не него:

— Какой ты все-таки мальчишка еще, Иван! — тоже заулыбалась.

Когда они расположились за столом в фактически пустом заведении, Фатьма что-то сказала буфетчику. Тот поморщился и ушел на кухню.

— Сейчас все будет. Не принято у них, чтобы женщина сидела за столом с мужчиной.

— Я знаю, — кивнул Косов.

— А откуда ты турецкий знаешь? — ей было интересно.

— А я его и не знаю. Так только... несколько фраз. Слышал где-то, да запомнил.

Она хмыкнула. И уже он, в свою очередь, поинтересовался:

— А что ты тому, седому, там сказала?

— Я же слышала, что ты назвал меня... своей женщиной. Вот и сказала, что ты — мой муж. И... что Ильяса и Хлопа ты убил.

«Вот ни хрена ж себе! Такую известность... на хрен бы не нужно!».

Увидев, что он нахмурился, она поспешила объяснить:

— Никто не узнает! Здесь не принято что-то рассказывать...посторонним! А Ильяса и Хлопа они боялись. Ну... не то, чтобы боялись, но — не связывались. Еще когда мы с Ильясом... стали жить... Я пожаловалась как-то, что меня здесь подчас обижают. Они пришли сюда. Ильяс одному... особо назойливому... рожу ножом порезал. А Хлоп другому — руку сломал, дубинкой. Их здесь как сумасшедших принимали. Буйных таких, опасных. Вот ты — их убил! Значит — еще более опасный!

«Ни хрена ж себе у меня... репутация складывается!».

Он с аппетитом ел ароматное, правильно приготовленное мясо. Заметив, что женщина ест мало, без аппетита, уставился на нее:

— Фатима! Тебе нужно есть. Женщина должна быть с хорошей попой. Иначе скажу «талак» трижды — и все! Эх! Пивка бы еще, или вина... красного сухого.

Она засмеялась:

— Нет... Здесь такого нет. Можно по пути взять, в магазине.

Они медленно, прогуливаясь, шли к дому Фатимы. Она молчала, изредка косясь на него, держала его под руку.

— Ты что-то хочешь спросить?

— Нет... хотя... да. Слушай, а как мне дальше жить? Ильяса нет. Он хоть изредка, но

давал мне деньги. Вот сейчас я и работы лишилась. Я, конечно, что-нибудь найду... но не сразу.

Он шлепнул себя рукой по лбу:

— Извини! Из головы вылетело, с этими арабскими страстями! У Ильяса... были деньги. Поэтому, вот. Здесь две тысячи. Это пока! Чуть позже — будут еще. Месяца на три-четыре тебе хватит за глаза.

Она, взяв и спрятав деньги, помолчала, а потом спросила:

— А ты... снова уйдешь? У тебя кто-то есть, да?

Он засмеялся:

— Да тут сразу и не скажешь... Вроде и есть, а вроде... и нет. Там все... игры какие-то.

Похоже, ее это вдохновило. По крайней мере, она повеселела и заявила:

— Так как ты назвал меня своей женщиной, нам нужно зайти в магазин и купить что-то поесть, — потом смутилась, — а то у меня дома еды-то... почти и нет. Как мужчину кормить? Решись еще, что я плохая жена и «талак»!

Они зашли в магазин, и Иван, особо не глядя на деньги, набрал всего, на что падал взгляд — его или Фатимы. Уже с полной авоськой в руке, Иван шел, поглядывая на женщину. Та взяла его под руку, и о чем-то задумалась.

— Слушай... Ну, почему меня так... неласково встретили торговцы на рынке, это мне немного понятно. Я — чужак и лезу в их, пусть и временный мирок. А почему у тебя... там, на рынке... такие отношения сложились? Плохие, как мне показалось. Вы же земляки, вроде бы... и должны помогать друг другу. Или я чего-то не понимаю?

Женщина, сначала неохотно, но потом рассказала, что:

— Да не своя я им. Точнее — вроде своя, но еще хуже, чем чужая.

— Это как так?

— Сложно это все объяснить... тому, кто не знает, как эти отношения там складываются. Я же сюда еще с родителями приехала. В тридцатом... Да и там, еще в Туркестане, тоже мы своими... можно сказать, не были.

Из ее рассказа Косов уяснил, что отец ее был родом из Чимкента. Ее дед был горожанином, гончаром. То есть от начальной своей общины в ауле, или кишлаке, Иван не знал, как там правильнее, дед уже отошел. И не был в полной мере своим для бывших односельчан. Потом, когда ее отец отучился, стал грамотным, что тоже было большой редкостью для тех мест и того времени, был взят на работу в управу градоначальника, то они еще больше отделились от родственников. Потом отца перевели на работу в город Верный.

— Это сейчас Алма-Ата называется, — Фатима подняла голову и посмотрела на него.

Иван кивнул, мол — знаю.

— Там он с мамой и познакомился. Отец мамы, то есть дед мой, был из казаков, а бабушка — из местных таджиков, живших в городе. То есть, в итоге, мы еще больше отделились от махаллы. Уже и не понять кто, то ли таджики, то ли... не совсем.

— Я плохо это все помню, маленькая была. Но... там же и до Революции не сильно-то спокойно было. Периодически слыхали — то там стреляли, то тут — беспорядки. Но если до семнадцатого года, хоть видимость спокойствия была, то после русским было безопасно только в самом городе. А мы... не то, что русские, но уже и местными нас не считали. Отец — чиновник, мать — домохозяйка. Когда белые ушли, вообще страшно было... одно время. Но управляться и новым властям как-то надо было. Вот отца снова позвали... уже в исполком, делопроизводителем. А потом, когда Турксиб строить начали, ота в управление

строительством перешел.

— В тридцатом... отца сильно избили. А кто — так и не нашли. Он чуть не умер. Вот мы сюда и переехали. Домик этот купили. Только падар... так и не оправился тогда, умер через два года. Мой старший брат к тому времени уже отучился на машиниста. Уехал в Талды-Курган. Там у него сейчас семья, дети. И мама туда к нему уехала, когда я здесь замуж вышла. Не понравилось ей, что за русского. Только недолго мы прожили с Кириллом. Он на стройке работал... Погиб, сорвался с лесов. А детей... не вышло у нас что-то.

— Я в столовой работала, при депо. Случайно встретилась с приезжими...оттуда. Они торговать приезжали. Так... слово за слово, разговорились. Они же здесь толком не знают ничего. Да и по-русски хоть как-то... один из десяти если разговаривает. Они меня и уговорили, к ним на рынок перейти. Когда надо что-то объяснить, или с кем договориться. Показать, что, как и где. Сначала-то и правда платили хорошо. А потом... и платить стали меньше... да и руки стали распускать. Ну да — баба, да одна! Вдова. К тому же — вдова русского. И заступиться некому. Поэтому я, когда с Ильясом познакомилась, сначала даже рада была. Уже потом поняла, кто он такой. Да поздно было, и он, Ильяс-то, все-таки на место этих... с рынка поставил. А как слушок прошел, что Ильяс куда-то пропал... Эти снова — осмелели.

В доме было холодно, печь уже давно остыла. И Иван первым делом принялся за ее протопку. Обратил внимание, что дров в сарае было... кот заплакал. Да и сарай тоже, судя по всему, зиму не переживет. Раздавит его снегом, такой он весь кривой и косою от старости.

— Вот тебе первое дело, женщина! Среди соседей найдешь плотника, или просто — мужиков рукастых. Пусть сарай тебе новый поставят. Пока земля не застыла, и столбы вкопать еще можно. Потом — закупишь дров, наймешь людей, чтобы они и привезли, и сложили. Потом... потом закупишь продуктов. Муку там, мясо, картошку. В общем, все что нужно. И вот еще что... Через несколько дней я приеду, вместе сходим в... одно место. Нужно тебя приодеть. Если уж ты... моя женщина, то и выглядеть должна красивой.

Ивану нравилось смотреть, как расцветает от его слов эта и так очень привлекательная женщина. Потом, в какой-то момент, она чуть загрустила, и он спросил:

— А теперь что не так? Чего ты опять увяла?

Она помолчала, отведя взгляд, а потом:

— Ваня! Ты останешься... на ночь?

Он хмыкнул:

— А ты сама этого хочешь?

Она смутилась, но потом подняла взгляд и сказала:

— Да... Хочу.

В доме уже чуть потеплело. За окном клонился к вечеру неяркий, пасмурный день, и поэтому в доме был полумрак. Он подошел к ней, обнял. Ее губы были в меру полные, и целовать их было очень здорово. Сначала она стеснялась, но постепенно стала отвечать ему.

Когда он стянул с нее юбку, и начал поглаживать по попе, в очередной раз отметил, что попа у нее ... тоже очень даже ничего. В меру полная, округлая... очень аппетитная.

«Так и укусил бы ее... за округлости! Х-м-м... а кто мне мешает это сделать?».

Фатма чуть отстранилась от него:

— Подожди, подожди... я разденусь.

Он стал активно ей помогать, не забывая между делом и с себя стягивать одежду. Оставшись голой, она в первый момент попыталась прикрыться руками, но потом отвела их,

и посмотрев на Ивана — «ну вот я! как? нравлюсь?», и увидев явное его «одобрение», обняла и продолжила целовать.

Она... и правда хотела. И еще как хотела! Очень горячая была. Она не была настолько умела, как Вера. После его обучения. Но энтузиазм Фатьмы... зашкаливал. И не понять Ивану было, что это — благодарность женщины, ее голод по мужчине, или она такая и есть — знойная, смуглая красавица.

После... первого раза, после этого взрыва эмоций, они отдыхали недолго. В доме было уже темно, и Иван мог только на ощупь «разглядывать» женщину. И ему нравилось то, что он ощущал. Но мужчина все же любит глазами, поэтому он попросил ее зажечь свечу. Она немного смутилась, но все-таки зажгла какой-то огарок.

Неяркий, колеблющийся свет этого «огрызка» добавил очарования в ее облик. Она и так была красива той восточной красотой, которую на ее родине принято называть порождением иблиса. А сейчас, в полумраке, ее смуглое, такое изящное и одновременно крепкое тело, заводило его еще больше.

«Она гибкая как... сильная змея. Не тонкая, а... хищно-опасная, вроде бы и мягкая на ощупь, но под смуглой кожей чувствуются мышцы».

У нее были волосы, как говорят поэты — цвета воронова крыла. Изначально они были заплетены в толстую косу, закрученную большой шишкой на затылке. Фатима хотела их распустить, но он попросил пока обождать — «мешаться будут». Коса с затылка все же раскрутилась, и Иван сейчас, лежа на спине и отдыхая, играл с ней, кончиком щекотал женщине спину. Она вздрагивала, чуть слышно хихикала, даже попеняла ему: «Щекотно же, Ваня!», но он продолжал забавляться, поглаживая на закинутую ему на живот смуглую, полную и красивую ногу, которую он и поглаживал правой рукой.

«А там, между ног, у нее волосы закручены плотными кудряшками... прямо каракуль какой-то... и очень жесткие, как проволока».

Иван поймал себя на мысли, что уже давно привык, что здесь женщины о депиляции пока еще и не догадываются. Он сначала просто поглаживал ее, успокаивая. Но потом поглаживания стали... более нескромными, и женщина ответила ему. Дыхание ее начало сбиваться, а потом она стала постанывать. Косову же нравилось смотреть, как Фатьма поначалу как будто удивленно прислушивалась к своим ощущениям, а потом отдавалась им со всей страстью.

Через некоторое время, опытным путем, было установлено, что Фатьме больше всего нравятся три позы — на спине, с чуть приподнятыми ногами; догги-стайл, когда она покорно замирала перед ним, прогнувшись; и — наездница. Похоже, что последняя была для нее новинкой, так как, когда Иван, чуть приподняв, посадил ее на себя, первое мгновение она замерла, не понимая, что делать. Но после его подсказок, сделанных больше руками и движениями, чем словами, она вздохнула и стала опускаться на него. Медленно, прислушиваясь к себе, и постоянно чуть замирая. Потом, когда она почти полностью опустилась на него, она открыла глаза и наклонившись, спросила шепотом:

— А дальше... что делать?

— Скачи! Ты же — восточная красавица, тебе должны быть привычны скакуны. Вот и... скачи!

Она негромко засмеялась:

— Скажешь тоже... я и на коне-то никогда не сидела.

— Просто делай, как тебе приятнее...

Она стала двигаться, сначала робко, потом — все смелее. Нарастивая скорость или снижая ее, меняя амплитуду движений, или наклоны тела. Периодически она наклонялась к нему и целовала в губы. Иван придерживал ее за бедра, поглаживал и стискивал ягодицы, потом начал играть с сосками крепких и упругих грудей. Он чуть сжимал их пальцами, поглаживал, а потом притянув Фатьму к себе, потянулся и стал поочередно ласкать их губами. Облизывать, потискивать, покусывать... Похоже, именно это и довело ее до точки. Она замерла, подрагивая, и чуть слышно постанывая. А Косов же, чуть приподняв ее за бедра над собой, стал «помогать» ей снизу. Все сильнее и сильнее.

Женщина упала ему на грудь, закрыв его лицо волосами все же раскрутившейся косы, и стонала все громче и громче, а потом стала и вскрикивать, когда его движения стали максимально резкими и сильными. Кончили они вместе.

Чуть отдышавшись, Иван поймал себя на мысли:

«Синяков бы у нее на попе не оставить... Похоже, я чересчур сильно их сжимал, когда... был на пике!».

Женщина молча лежала на нем. И эта горячая, упругая тяжесть так нравилась Ивану, что... он снова начала потихоньку двигаться снизу. Медленно... Ласково... Поглаживая спину от плеч и вниз... переходя на ягодицы.

Она снова начала постанывать.

«Как она быстро... отвечает. Очень чувственная...».

Фатьма приподнялась на руках и поставив локти ему на грудь, посмотрела Ивану в глаза. Хрипловатым шёпотом спросила:

— Ваня... а ты зачем так смотрел на меня... когда я... скакала?

— Потому что ты очень красивая, и потому что ты мне очень нравишься... а когда вот так... на мне сидела — так вообще... очень-очень красивая! А тебе не понравилось, что я смотрел?

Она опять уткнулась ему в грудь, и куда-то подмышку прошептала:

— Мне очень понравилось... На меня так никто не смотрел... Только ты сейчас... не останавливайся. Я чуть передохну и снова... поскачу... Это было... очень сладко!

Потом они снова отдыхали и предательское брюхо выдало Ивана с головой, заявив, что съеденное на рынке мясо... уже — все!

Фатьма подскочила и уставившись на него, чуть испуганно сказала:

— Сейчас я... что-нибудь приготовлю! Чуть-чуть подожди!

Иван притянул ее к себе за талию:

— Ничего готовить не нужно! Там есть хлеб, колбаса... Чай только вот согреть бы!

Женщина встала с кровати и попыталась натянуть юбку. Он придерживал ее:

— Красавица... если тебе не холодно, не надо одеваться. Мне очень нравится на тебя смотреть...

Потом он сходил на улицу, накинув на себя только куртку, покурил, и захватив дров, вернулся в дом.

— Печку подкину. Чтобы тебе холодно не было!

Она, нарезаая продукты на бутерброды, не поднимая головы тихо засмеялась:

— С тобой, Ваня, не замерзнешь!

Они попили чай. Потом Косов, подумав, открыл бутылку красного вина, налил себе и ей. Он смотрел на нее, любуясь бликами огня из приоткрытой двери печи на ее теле, а она молчала, чему-то улыбаясь.

Когда он потянул ее снова на кровать, она чуть замерла:

— Ваня! А тебе... не противно, что... вот... тогда Ильяс с этим... Хлопом. Вдвоем...

Иван обнял ее покрепче, распуская руки... везде распуская...

— Ты сейчас глупость сказала. И нет — мне не противно! Я об этом вообще не думаю. Сейчас ты со мной, и мне с тобой — очень хорошо. А то, что раньше было... то — былшем поросло!

Фатьма вздохнула.

— Хочешь, чтобы я доказал, что не противно? Хорошо...

Он приподнял ее и поставил на четвереньки на кровати, с краю. А сам присел у кровати на колени. «Да... так вот удобнее всего!». Женщина сначала не поняла, что он намерен делать и стояла покорно и молча. Но... когда он приник к ней...

— А-а-а-а-х-х... В-в-в-а-а-н-я-а... Зачем так... О-о-о-о...

Он с удовольствием и удовлетворением смотрел, крепко держа ее руками, как она содрогалась от наслаждения.

«Везет мне здесь с женщинами! Вера была хороша. И Зиночка — тоже. И вот — Фатьма... Пожалуй, она наиболее страстная из всех моих... знакомых!».

Если Вера была — хороша, но вот... чуть худовата; Зиночка, безусловно, красива и чувственна, но такой страсти в ней нет.

«А здесь... фейерверк какой-то!».

Когда они, в очередной раз отдыхали, Фатьма, положив голову ему на грудь, и закинув на него ногу, спросила:

— А вот ты сказал... ну... что вроде бы и есть у тебя кто-то... а вроде и нет. Это как?

Косов засмеялся и покосился на женщину:

— Ты ревнуешь, что ли? Не стоит... Там... знаешь... как игра. Девочка еще молоденькая, ей и хочется, и колется. Она то сама ластится, то потом — по месяцу носа не кажет, ни слуху о ней, ни духу. А мне... всерьез-то если... это и не нужно...

Он протянул руку, взял папиросы и спички, закурил.

— Я не предупредил тебя сразу... Мне через год нужно будет уехать. И я не знаю... вернусь сюда когда-нибудь, или нет. Потому и серьезного ничего заводить не буду. Вот... решай сама.

Она помолчала. Вздохнула:

— Год — это немало! А ты мужчина, ты сам решаешь, как поступить. И я... не ревную. Мужчине, если он может содержать семью, можно иметь четырех жен. А ваши... эти русские законы... они глупые.

Косов засмеялся:

— Может ты и права. Но тут и тебе решать. Я обманывать тебя не собираюсь. Помогу, конечно. Но если что — ты мне скажи, и я больше не приду.

«Только вот приходиться сюда — все же хочется!».

Они не спали всю ночь. Ивану нравилась эта женщина, а ей... похоже... тоже нравилось.

— У меня теперь работы нет, рано вставать никакой нужды нет. А ты... ты не торопишься?

Косов улыбнулся:

— Нет. Завтра до вечера я свободен.

Удивило его и то, что Фатьма довольно спокойно отнеслась к его предложению...

попробовать по-другому.

— А что ты удивляешься? На юге... это давно известно. Бача бази — слышал про такое?

Иван, то есть Елизаров, слышал. Об этом ему рассказывал его знакомый, который воевал в Афгане.

— Это, конечно, харам, — продолжала женщина, — но... там это, хоть и скрывается, но... распространено. Особенно раньше, среди богатых. Ну а тот, кто победнее, это делал со своими женами. Так что... это для меня... не ново. Ильяс... он же тоже таджик был.

Ему нравилось, что с одной стороны, она готова была обсуждать это, а с другой — все же смущалась. Уснули они уже когда рассвело.

Придя к назначенному времени в Дом Красной армии, Иван был остановлен в фойе не в меру бдительной старушкой-вахтером. Его слова, что он занимается в стрелковом кружке, бабульку не убедили — «Чёй-та я тебя раньше не видела!». Благо в фойе откуда-то из коридора вышел паренек лет шестнадцати, и подойдя к ним, спросил у Ивана:

— Ты Иван Косов?

Получив подтверждение, паренек кивнул бабуле — «наш человек», и та, ворча за отсутствие какой-то «членской книжки», была вынуждена пропустить Косова.

— Я — Аркадий. Тоже занимаюсь в кружке. Меня Артемий Сидорович за тобой послал. Иди, говорит, в фойе и дождись Косова Ивана. Тебе что, членскую книжку не выписали, что ли?

— Нет... Видно забыли.

— Ну ничего, выпишут. Так-то все проходят, только сегодня на входе баба Груша сидит, а у нее с бдительностью — у-у-у! на пятерых! А ты что так поздно записался-то? Занятия уже идут почти два месяца. Как догонять-то будешь? Мы же скоро к стрельбам перейдем, а ты еще теорию не освоил? А группа у нас хорошая, дружная! И ребята все интересные! А ты чем увлекаешься?

Ивану было сложно вставить что-то свое в это непрерывное словоизвержение, и он, пару раз набрав в легкие воздуха для ответа, и выпустив его — за отсутствием паузы в речи парня, решил помолчать. Благо и пришли они быстро.

Ну что сказать — обычная учебная аудитория. Только многочисленные плакаты по стенам на различную воинскую тематику, да различные макеты оружие, его частей и механизмов на стендах, давали понять, что учат тут вовсе не филологии. Почему-то вспомнилась Лидочка, и Иван не смог удержать легкую улыбку.

«Все-таки она — интересная женщина!».

И эта постоянная легкая пикировка с нею, на грани флирта, изрядно взбадривали Косова, заставляя искать умные, или — остроумные ответы. Да и просто поболтать с ней было интересно, далеко не глупая женщина. Правда очень уж в литературу упертая, и может потому несколько от реальной жизни оторвана. Профессиональная деформация, не иначе. Хотя какая профдеформация — она же молодая еще?

За столами, расположенными в три ряда, сидели парни и девушки. Разного возраста, на вскидку — от пятнадцати и до... примерно двадцати двух-двадцати трех лет. Девушек было пятеро, а нет — шестеро. Одна уж очень коротко, под мальчика, была подстрижена. И парней... ага — пятнадцать. С ним, стало быть — шестнадцать.

Аркадий уселся за третий стол у стены и махнул Ивану:

— Вот там, за загородкой, вешалки. Раздевайся быстрее, сейчас Сидорович придет.

Поздоровавшись, Иван прошел за фанерную перегородку, и снял верхнюю одежду.

«Фу-у-ух! Хорошо, что успел. Опаздывать, да еще в первый день — очень... не очень!».

На него с интересом смотрели, даже оглядывались.

«Ну да, они-то уже за полтора месяца перезнакомились! А я — человек новый, да и не понятно, как взяли, если столько уже пропустил?».

Он, поймав на себе взгляд какой-то девчушки лет пятнадцати, не удержался и подмигнул той. Девчонка фыркнула и отвернулась. Потом, наклонившись к уху соседке, что-

то пошептала. Соседка тоже оглянулась на Ивана и негромко засмеялась.

«Ну нет... это уже — перебор! Вот с такими... пигалицами я еще не заигрывал! Нет девочки, с Вами у меня будут только товарищеские отношения! А может они с чего-то другого смеются? Что-то уж сильно я возомнил себя неотразимым. Морда у меня что ли испачкана, или волосы торчком? Или ширинка расстегнута?».

Мельком осмотрев себя, Иван убедился, что туалет его — в порядке, и достав расческу из сумки, быстро причесался. Ну вот — почувствовал себя спокойнее. А то хихикают тут... разные.

В этот момент в аудиторию вошел инструктор. Прозвучала команда «Смирно!», которую подал все тот же Аркадий, дневальный — не иначе. Все встали у столов.

— Здравствуйте, товарищи! Вольно! Можно садиться! Так... Ага! Косов прибыл! Вот с тебя мы и начнем! Товарищи! В нашем кружке пополнение! Вместе с Вами будет овладевать стрелковой наукой Косов Иван. Косов! Выходи сюда, представься, расскажи товарищам немного о себе!

Иван вышел как было указано. И кратко — родился, крестил... так, это не отсюда! Воспитывался в детском доме. Закончил десять классов. Два года работал на Севере. Приехал в Красно-Сибирск весной. Работа — киномеханик в клубе совхоза «Заречный».

— Собираюсь следующим летом поступать в Омское пехотное училище, потому здесь. Опоздал к началу курсов... по обстоятельствам. Товарищ инструктор! Доклад закончил, слушатель Косов!

Похоже, что своим спичем он несколько озадачил своих «соучеников», и даже Квашнин был удивлен.

— Молодец! Вот, Чайкина, как доклад строить нужно! Четко, по существу дела, без лишних слов! — девушка, к которой обратился инструктор, была немного смущена, а на Ивана «зыркнула» с раздражением.

— Так, Косов! Продолжим с тобой. Я давал тебе литературу и предупреждал, что ведение конспекта является делом обязательным! Ты готов представить его к проверке?

«Х-м-м... а что? И готов!».

Он старался вести конспект аккуратно, как учили сначала в училище, а потом — в Высшей школе милиции. И не просто — четко, «экстрактно», но и с долей некоторого шика — с подчеркивание текста, там, где надо акцентировать внимание; со всеми необходимыми абзацами, столбцами-таблицами и прочими пояснениями.

Как говорили в училище — «Любой офицер в своей карьере может попасть служить в штабные подразделения, а значит штабную грамотность нужно нарабатывать уже сейчас! Учитесь оформлять бумаги аккуратно, четко, и даже — красиво!».

Квашнин полистал общую тетрадь, приподняв бровь, похмыкал, и передавая ее Ивану, сказал:

— Ну что... сказать нечего — молодец! Некоторым, товарищи курсанты, — «все-таки курсанты, а не слушатели» отметил для себя Косов, — стоило бы посмотреть конспект курсанта Косова и взять его для себя, как пример! Но! Как мы с тобой договорились — ты в течении двух недель должен наверстать упущенное, догнать группу. А это значит — через две недели — вся теория, с тебя!

Потом, неожиданно для Ивана, инструктор стал гонять его по знанию магчасти и ТТХ оружия, и «мосинки», и «тозовки» и револьвера Нагана. Хорошо, что память у него сейчас отличная, и что все же с наставлениями он посидел. Так что — ответил. Инструктор

хмыкнул, и посмотрел на Ивана, как тому показалось, с уважением.

После этого Кваشین отправил его на место. Далее была теоретическая подготовка — типы патронов, что-то из баллистики, схемы, таблицы и прочая муть, которую Косов и в прошлой жизни не уважал.

«Придется все это зубрить!».

Занятия проводились в две пары, с перерывом между ними в десять минут. В перерыве к нему подошли ребята, из тех, кто постарше — познакомиться. Два парня и три девушки. Две Наташи, Ирина, Артем и Саша. Поболтали. Косов держался довольно отстраненно, хоть и доброжелательно.

Наташи учились в медицинском училище, собирались, по их словам, получив некоторый опыт работы в больнице, продолжить обучение а мединституте. Они были забавной парой: одна, ростом в полтора метра, не более, была пышкой, а вторая — рослая девица, толстой не была, но была излишне крупноватой, в плечах и бедрах. До эпитета «баба-мужик» не дотягивала, но лишь чуть-чуть. И, в противоположность штампам — именно крупная Наташа была хохотушкой, а вот «мелкая» — сама серьезность. Забавно! И еще непонятно — чего это «мелкая» такая... сдобненькая. Ведь чтобы сдать нормы — нужна очень неслабая спортивная подготовка.

Ирина была довольно интересной девушкой: чуть выше среднего роста, с хорошей фигурой и привлекательным лицом, она обладала выдающимся бюстом. Даже как-то странно смотрелось, размер эдак четвертый, не меньше.

С некоторым удивлением оглядев такое «богатство», Иван поймал на себе неприязненные взгляды обоих парней.

«Ого! Да здесь похоже «треугольничек» назрел! И мой удивленный взгляд неправильно поняли. Не объяснять же парням, что в глазах Косова, такое «достоинство» — скорее недостаток! Вот никогда не понимал юношеской заикленности на размерах женской груди! Нет, «нулевочка» — это, конечно, плохо, но и все что больше «тройки» — тоже излишества нехорошие!».

Сама обладательница, судя по заинтересованному взгляду, так же неправильно оценила его удивление.

«Ну да пусть их! Потом может и дойдет, что мне все это — абсолютно «параллельно»!».

Ирина уже работала в одной из больниц города. Но собиралась перейти на работу в одну из воинских частей, а потому этот статус — ворошиловский стрелок, с соответствующим значком, да на такой груди! ей очень бы не помешал.

Привлекли его внимание несколько пареньков, лет по пятнадцать-шестнадцать. Держались они несколько на особицу, и практически не общались с другими. И между собой они разговаривали короткими отрывистыми фразами. Очень серьезные подростки.

— А это кто? — спросил он у одной из девушек.

Она проследила за его взглядом:

— А-а-а... это «шестаковцы». Не обращай внимания, они всегда так себя ведут. В серьезность все играют.

Косову стало интересно, кто же такие, эти — «шестаковцы». Из рассказа понял, что есть в Красно-Сибирске такая спецшкола — им. ГСС Шестакова, который и был ее основателем и первым директором.

— Сам он погиб в тридцать первом, на КВЖД. А школа сейчас специализируется на подготовке к службе в Погранвойсках. Вот они — такие! Целеустремленные, серьезные,

даже чересчур серьезные, — хмыкнула девушка, — ну и другие для них... не то, что пустое место, но... не ровня им. Они нацелены на служение, а мы — так, погулять вышли. Прожигатели жизни мы, вот!

Интересно! В прежней жизни Елизаров слушал, что были такие спецшколы — артиллерийские, военно-морские, какие-то еще. Но вот так — столкнуться с учениками таких школ, не ожидал.

— А разве у них в школе нет стрелкового кружка, если она такая... специализированная?

— Есть! Но там они сдают только на первую степень, а вот за второй — приходят сюда!

Поболтать еще с компанией он не отказался бы, но перерыв есть перерыв. Дальше снова — внимание к словам инструктора, конспектирование, зачерчивание таблиц.

После занятий они вновь немного пообщались с новыми знакомыми, уже стоя на улице, возле ступеней Дома Красной армии, и распрощались до следующего занятия.

«Все-таки «упереться» с этой теорией в следующие две недели придется!».

На следующее утро, директор огорошил его новостью:

— Иван! Ты знаешь, что некоторые наши песни в филармонии записали и сейчас начали крутить на радио?

Косов полагал, что когда-нибудь это случится, но за суетой повседневности, умудрился забыть.

«Слава настигла его неожиданно!»

Хотя какая слава? По словам Ильи, их серьезные песни несколько раз, с разбросом в месяц, прокрутили по местному радио. Кто-то из знакомых директора, сказал тому, что запрос на эти песни есть, они понравились и начальству и, судя по откликам, — людям, потому стоит ждать их дальнейшей раскрутки.

«А что мне от того? Деньги капать начнут интенсивней? Но сейчас меня эти деньги вообще не интересуют, и так имеющихся — не освоить. Не в загул же пускаться!».

— Иван! Ты что — не снимаешь деньги с книжки? Перечисления же туда идут! — Илья был удивлен.

— Знаешь, дружище, я как-то за всей этой суетой и учебой... и забыл об этом. Да и на что мне деньги? На еду мне и зарплаты вполне хватает. Ты же знаешь, я многое из продуктов — вон, у Мироныча, или Якова покупаю. И качественнее у них — все же со своего хозяйства, да и денег они берут немного. Даже неудобно как-то, вроде как подкармливают меня за копейки какие-то.

Илья хмыкнул:

— Ну ты все же поинтересуйся. Там пока немного, но постепенно отчисления будут нарастать.

«Ага... у него же Тоня! Она хоть и не заядлая растратчица, не фифа какая-нибудь, но все же — женщина, а значит деньги Илье сейчас постоянно нужны. Да и, насколько я знаю, он и своим родителям помогает».

— А я как раз хотел тебе предложить несколько текстов. Мотив у меня, вроде бы, есть. А вот обработать все, на ноты положить... Я же все-таки Елизавете обещал песни для школы.

При упоминании учительницы музыки, директор чуть поморщился. Он в последнее время вообще стал как-то негативно относиться к общению Ивана с Лидией и Елизаветой. Нет, не то, чтобы он открыто высказывал претензии, или как-то пресекал их общение. Но, в

очередной раз, застав Ивана за чаепитием с библиотекаршей и ее подругой, неявно выражал неудовольствие. Причем Илья не поминал рабочий режим или еще какую-нибудь производственную дисциплину. Косов решил, что Илья заботится о моральном облике женщин, который мог пострадать от общения с ним, личностью явно аморальной и распущенной.

Иногда Косов ловил себя на мысли, что его начинает раздражать такая... нарочитая «правильность» директора. Тот и раньше был не от мира сего, а со временем становится все большим ханжой.

«Или на него так Тоня действует? Хотя... те же занятия танцами она со мной продолжает. Правда в последнее время предпочитает, чтобы я танцевал с Лидией. Или — с Елизаветой».

Да, та как-то заскочила в гости к подруге, и застала их в разгар очередного урока. Была удивлена и обрадована, когда Лидия предложила подруге подменить ее, так как в библиотеку пришли посетители. А танцевала Лиза очень хорошо, не так правильно, как Тоня, но более зажигательно, чем Лидочка. Ивану была интересно с ней танцевать. Правда — и сложнее. Партнершей Лиза оказалась более требовательной, чем ее подруга.

— Давай на днях посмотрим, что ты написал. Сейчас времени совсем нет. И да, чуть было не забыл — надо съездить в филармонию, у них там какие-то вопросы по нашим песням, что-то еще подписать нужно или еще какая-то бюрократия. Ты выбери время, съезди, а потом и мне расскажешь, что и как, — Илья задумчиво потрепал свою шевелюру и направился наверх, в свой кабинет.

В филармонии, куда он заехал по пути из «Киносети», его направили в один из кабинетов. Там его встретил незнакомый мужчина средних лет, и представился фининспектором Якушевым, Петром Сергеевичем.

«Странно... фининспектор? Это же вроде бы... уже не филармония?».

Ответив на ряд вопросов по поводу своих песен, а также оформлению бумаг здесь в филармонии осенью, Иван стал догадываться, что что-то и как-то похоже их с Ильей... надурили. Потом Петр Сергеевич предложил ему пройти в кабинет к заместителю руководителя филармонии. Туда же подошли и вызванные инспектором бухгалтер и юрист учреждения.

Косов в этих разговорах ничего не понимал, только отвечал на задаваемые вопросы, да с удивлением поглядывал на краснеющего и потеющего бухгалтера, и на нервно курящего возле окна зама.

«Да и пусть их! Я здесь ни хрена не понимаю, но ничего предосудительного не делал. А как уж оформлены договоры, да бухгалтерские бумаги — мне и вовсе невдомек!».

Когда его отпустили, он вздохнул с облегчением — не привык он ко всей этой тягомотине! Даже в прошлой жизни, работая следователем, он как черт от ладана старался бежать от уголовных дел по экономическим преступлениям. Там, чтобы откопать хоть какие-то зерна истины, да изложить их в виде обвинения, нужно столько бумаг перелопатить, что просто — ой!

Уже в фойе филармонии он неожиданно столкнулся с Игорем Калошиным.

— Привет, Иван! Сто лет не виделись! — улыбался тот.

— И тебе — здравствуй! Как сам, как семья? — поприветствовал Косов.

В ответ Калошин хохотнул, махнул на Ивана рукой:

— Чур меня! Какая семья, Ваня?! Моя семья — я да музыка! А все остальное... не

созрел я еще до принятия такого ответственного решения! А женщин мне и так хватает.

— Ну ладно! Рассказывай, как дела, как работа, как творчество? — Ивану и впрямь было интересно, как живет сам Калошин, его ребята. Ну — и Варя, конечно.

— Знаешь, я с утра «нежрамши»! Тут неподалеку столовая есть, пойдем поедим, да и пообщаемся, — выслушав предложение Игоря, Косов прислушался к себе и кивнул — «перекусить бы не помешало!».

За столиком небольшой, но вполне чистой, и даже уютной столовой, Игорь огорошил Косова:

— А ушли мы из филармонии, Иван! Вот так вот — недолго длился наш роман с сим учреждением культуры! После того концерта... ну ты помнишь? Приглянулись мы парочке ответственных товарищей из областной культуры. Но товарищи эти, они же летают высоко. И уже через пару недель они про нас и забыли. А в филармонии мы и на хрен никому не нужны! У них уже свой, давно устоявшийся мирок. Там все уже расписано давно — кто, где и что. А тут мы, такие красивые, да интересные. Вот и давай нас совать куда ни попадая — то там в концерте нужно поучаствовать, то сюда съездить рабочий коллектив порадовать. Да ладно бы еще — полноценные концерты, а то так... пару-тройку песен споем-сыграем, да и пошли на хрен! И по деньгам... мы же уже и отвыкли за зарплату-то работать. А зарплата там — кошкины слезки! И левака срубить — шалишь! Нужно высоко нести знамя работников культуры! Так что народ у меня начал ворчать да на сторону поглядывать. Вот и все, развод и девичья фамилия!

— Ну а сейчас вы где и что? Есть варианты? — Иван с интересом поглядывал на Калошина, не забывая поглощать котлету.

— Ну... мы же не лаптем щи хлебаем! Да и люди многие нас знают! Вот — поступили предложения — либо вернуться в ДК железнодорожников, где мы с начала и были, но! Есть предложение — пойти коллективом в ДК «Сибкомбайна»! А это, знаешь ли, предприятие! Огромное, и будет еще больше! Это и фонды разные, и свободы все-таки побольше! Я уже и на «смотрины» съездил, переговорил с руководством ДК, и даже — с рядом руководителей завода познакомился. Да некоторые же тогда на нашем концерте у Вас в клубе были, так что уровень наш представляют. Не художественная самодеятельность! И дают нам право шабашить в ресторане — а? каково? Нет, так-то — на танцах там сыграть, вечер какой отвести — это мы всегда — пожалуйста. Но и колымнуть — тоже нужно!

— Так Вы в тот же ресторан вернетесь?

Игорь чуть сморщился:

— Не... туда мы возвращаться не будем. Там руководство сменилось, строже все стало. Там же, в «Центральном», все больше начальство — и краевое, и военных всяких полно, руководители все больше. Вот новое начальство... тоже стало строже к репертуару относиться. Цыганщина, видите ли, всякая им не нужна! А что прикажете в ресторане играть? Гимн, что ли? Или партийные да комсомольские песни? Не знаю, не знаю... чем люди думают?

— Так вот... пригласили нас в ресторан «Приобье», не знаешь такого, — увидев покачивание головы Косова, Калошин объяснил, — ну... это тоже в центре. И ресторан очень даже неплохой, немаленький. Вот там тоже начальство сиживает, но все больше — из торгово-хозяйственного актива, да руководители предприятий разных. Попроше публика, но! С деньгами! Так что — вполне рыбное место!

— Так что же — такое рыбное место, да пустое было?

— А там... другая проблема. Работал там со своей джаз-бандой Степа Кривцов. Нормальный коллектив, надо сказать! Только Степа сам давно уже... попить стал. Да и, поговаривали, марафетом баловаться начал. Вот и распустился коллектив. Претензии у администрации начались... слово за слово... В общем — мы там теперь будем! Я, правда, парочку ребят Степиных к себе перетащил — хорошие музыканты, на уровне! Так что — заходи, если что! Столик хороший я тебе всегда организую, с людьми познакомлю. Я там и так многих уже знаю, так что — знакомства там можно занять интересные.

Косов был удивлен, что в это время вполне себе употребим кокаин, он же марафет. Нет, так-то — знал, что в Революцию, в Гражданскую войну, да и после — в период НЭПа эта зараза была очень распространена в стране. Но чтобы сейчас, когда вроде бы «гайки» завернули и вольницу — прикрыли? Так и спросил у Калошина. Тот, с удивлением посмотрел на Ивана:

— А ты что этой дрянью заинтересовался?

— Да я так... больше удивлен! Думал — искоренили это давно...

— У нас, знаешь ли, у людей — если что дерьмовое, да пакостное... оно всегда трудно искоренимо! Это к чему хорошему человека нужно за шиворот тянуть. А в дерьме он и сам с удовольствием вымажется! Так что... есть такое дело. Не в открытую, конечно, далеко нет... Без знаний к кому обратиться — не найдешь! Но, если у людей есть деньги, да есть дурь в башке, то и дурь всегда найдется, — Калошин засмеялся получившемуся каламбуру.

— Особенно в таких местах, где разные дядечки любят погулять... там и определенные девицы всегда ошиваются. А девицы, если под марафетом — они, ох и бойкие! И дядечкам это нравится. Дорого — это само собой! И опасность загреметь — тоже есть. Но — запретный плод сладок! Слышал такую сентенцию?

Иван кивнул.

«М-да... времена идут, меняются. А люди — остаются прежними! Определенная часть людей!».

— А ты, юный поэт, не имел дела с девицами под марафетом? — Калошин, смеясь, смотрел на Ивана.

— Нет. И даже не знаю — стоит ли?

— А вот тут я бы не был таким категоричным! Там знаешь ли... такой фейерверк чувств! Такая похоть лезет из, казалось бы, еще недавно такой серьезной и скромной женщины! Так что... не знаю, не знаю... возможно ли такое... да без порошочка!

— Ладно! Ты давай, завязывай... меня, такого юного и скромного... совращать! Разными похотливыми наркоманками...

Калошин расхохотался:

— Это ты — юный и скромный?! Ха! Насмешил! — Игорь вытер слезы, выступившие в уголках глаз, — ну ладно еще — юный... Но скромный? Ага! Ты еще монашком прикинься! А представь — так вот, после ресторана, когда девушки уже изрядно поднабрались, везут их... к примеру — в баню! Есть! Есть места! И вот там — еще и марафет! Там такое начинает твориться, что ты! Доводилось мне пару-тройку раз в такой компании людей песнями радовать!

— И что... власти, ну — партийные там всякие... на это дело просто так смотрят?

— Ну как же... не смотрят, конечно! Но кто ж об этом во всеуслышание рассказывает? А среди начальства — даже среди военных, а уж тем более — всяких хозяйственников... там тоже... есть любители повеселиться. Только все это в таких местах происходит, куда

постороннему хода нет. А платят там, Ваня!!! Я порой и за месяц работы столько не получал!

— Ну ладно, ладно... Разошелся! Тоже мне... Мефистофель нашелся. Ты мне лучше расскажи, как там Варя?

Калошин опять развеселился:

— Ну вот, а говорил — скромный, да юный! А чуть разговор зашел о девках — сразу про Варьку вспомнил!

— Да хватит уже! Сказал же! И мне, действительно, не безразлично, как там у нее дела.

Игорь чуть успокоился, попивая компот.

— Да так же, как и у нас! Она же думала — ухватила Бога за бороду! Ага! Прыгнула в койку тому хрену из культуры и все! Жизнь удалась! Да не тут-то было! Ее в той филармонии ждали еще пуще, чем нас... как же! Там уже все ступеньки расписаны, и все-все девицы расставлены по ранжиру! Кто, что и с кем! Там такие змеи есть — ты не поверишь! А я говорил Варьке! Ну как же! Послушает она! Вот и настучал кто-то из этих змеюк жене тогс хмыря! И стало Вареньке и больно, и страшно! А эти... суки... еще и потешаются! В общем предложил я ей с нами уйти. А она, дура, еще на что-то надеется... сомневается.

— Так ты ж тоже — согласился тогда в филармонию уйти! Чего же тогда над Варей куражишься?

— Да не куражусь я! И — да, тоже дурака сваял! Понадеялся! А ведь знаю эту клоаку творческую...

— Так где она сейчас? Чем занимается?

— А-а-а-а... также — ездит по всяким выездным. Шпыняют ее, суют куда ни попадя...

— Да, кстати, — Калошин оживился, — ты слышал, как филармония твои песни записала? Нет? Ха-ха! Лучше и не слушай, в таком разе! Это что-то совсем страшное!

— Что же там страшного-то?

— Да там такие певцы — слушать противно! Уши заворачиваются, и скрежет зубовой!

— Да скажи ты толком!

— А что говорить... Есть у них там... всякие заслуженные певцы. Начальству, как водится — жопу вылизывают. А вот голос... хотя и голос вроде есть, но петь не умеют! Песни... с чувством нужно петь, с чувством! А не этот елей и патока! Там такая срань получилась, не могу передать!

— Да мне как-то... все равно! — тут Иван, конечно, лукавил. Ему было не все равно!

— Ага-ага! Ты бы услышал — так бы не говорил!

Немного помолчали. Потом Калошин спросил:

— А ты-то что в филармонии делал?

— Да я сам толком не понял. Попросили заехать, пояснить, как договоры подписывали, да еще какие-то вопросы задавали.

— А кто?

— Мужик... представился фининспектором.

— Ага! Значит и правда — не врал слушок! Так им, сукам и надо! Пусть сейчас повернутся! Сейчас их за жопу-то возьмут!

— Да ты объясни толком, что происходит?!

— Я сам точно не знаю. Просто слышал разговор, что эти песни Ваши филармония как-то криво оформила. По всем кабакам города своих шпионов разослали, да застращали всех по поводу рапортчиков, и отчислений. А сами... шепчутся люди, что и Вас они дурили, и государству что-то недоплачивали. Вот их за жопу-то и взяли! Ай, как хорошо!

Сам Косов не мог определить свое отношение к этому. Денег он будет получать больше? Ну... вроде бы и хорошо! Жучков этих на чистую воду выведут? Тоже, наверное, неплохо! Но что бы так радоваться, как Калошин? Поводов — не видел.

— Ты просто не понимаешь, Ваня! Там руководство... материться хочется! Небожители, блядь! Ну, и круг приближенных к ним! А остальные — если и не рабы, то где-то близко! Вот их сейчас и причешут, бар этих! Ведь сами они ни хренашеньки в творчестве не понимают, а гонору — по верх бровей! Так! Такую новость нужно непременно отметить!

Калошин вскочил и пошел к раздаче. Там он негромко переговорил с какой-то женщиной, и через несколько минут вернулся с заварником в руках.

— Так-то тут нельзя... Но если хорошие люди просят, то — можно! Давай, по стопке примем! У них там, по слухам, опять же... и без того грешков хватает! Там и концерты левые, которые по предприятиям, да мимо кассы. И еще — по хозяйственной части. Так что солоно им придется, если раскручивать начнут, солоно!

Они приняли по стопарику, с оглядкой. Но народу в столовке, по причине неурочного времени почти и не было.

— Слушай, Иван! А у тебя... еще песни есть? — Калошин был напорист и нагл.

Иван помолчал, но потом нехотя признал:

— Есть... Правда они опять же — больше женские.

Игорь ухмыльнулся:

— Все-таки ты не оставил мысль Варьку на спинку уложить! Что она — запала тебе так в душу, что ли? Так — баба, как баба. Ничего там необычного нет. Даже и попроще будет в этом деле, чем... некоторые. Уж я-то знаю!

«Вот отчего у него периодически выходит это как-то... скабречно! Вроде и мужик неплохой, а прорывается иногда... эдакое!».

— Это не специально... даже не для Вари, — Иван разозлился сам на себя — «чег мямлю!», — да и злость меня берет! Вроде бы все... ну — к этому шло, а потом она — раз — хвостом вильнула и нет ее!

— Ага! Она, Варька, такая! Ее сразу нужно брать, пока не сорвалась!

Приняли по второй.

— Игорь! А я вот не могу понять — музыканты у тебя стоящие, сам — поешь! Варя, вот тоже — очень неплохая певица! Почему бы Вам не сделать такой коллектив... ну как, к примеру, у Утесова, в Москве?

— Ишь ты куда махнул! У Утесова! — Калошин помолчал, — да была мысль такая! Но сначала все в организационные вопросы упиралось, все-таки нужно быть под кем-то! А потом — характер у Варьки — это что-то! Как взбрыкнет, так только — бежать!

— Ну так... когда Вы... вместе были... что же ты тогда ее в шоры не взял?

— Ага! Ее возьмешь... как же! Хотя... наверное, предложу ей... к нам. А у тебя много песен есть? Ну — сколько? Две там, три...

— Штук десять...

— Сколько? Десять песен? Серьезно? — Калошин был ошарашен, — ты хочешь сказать, что за это время ты сочинил еще десять песен? Десять... так... да еще три тех у Вари. Да у меня... ну — мне которые ты отдавал. Так это же... это же полноценный концерт можно сделать! Конферанс еще... шутки-прибаутки. Часа на полтора концертного времени. Даже — на два!

— Так! Иван! Сейчас допиваем, расходимся. Время у нас еще есть. Потом... думать

нужно! Встретимся обязательно. Тем более — мне теперь фактически мимо Вас... ну — клуба вашего ездить! Обговорим! Знаешь... Если ты не врешь, я эту Варьку... я сам тебе ее и постель притащу! И даже свечку держать не застремаюсь!

— Угомонись, сводник, блин! Не нужно мне никого тащить. У меня и так... с этим делом все в норме. Есть к кому... на огонек заглянуть. Просто... еще раз говорю — бесит, что она меня так... обманула!

— Вот-вот! Ладно! Все! Разбежались! Но с Варькой-дурой я все-таки поговорю!

Говоря Калошину про то, что у него есть к кому на огонек заглянуть, Иван имел в виду Фатьму. Понравилась ему эта женщина. И внешне понравилась, своей восточной красотой; и фигурой — ладной, гибкой, сильной; и своим мусульманским отношением — есть мужчина, значит женщина должна сделать, чтобы с ней ему было хорошо! Тут и еда, и отношение. И постель, конечно...

Ему удавалось заезжать к ней не чаще одного раза в неделю. Очень уж он в последнее время занят — тут и работа, и занятия в кружке, и занятия спортом тоже не стоит прекращать. Хотя, будь его воля, он бы если не полностью переселился к ней, то заезжал бы гораздо чаще. Все-таки организм восемнадцатилетнего парня давал о себе знать — «Хочу всегда! Хочу везде!». Да и уютно ему с ней было.

Кавказская, а также среднеазиатская кухня была его слабостью в прежней жизни. Нет, он и русскую очень уважал, и украинским блюдам — отдавал дань уважения. Но — именно кавказская, или кухня Средней Азии — это какая-то именно мужская кухня. С обилием мяса, с достаточным количеством острых и пряных приправ. Очень сытная! Лагман обычный, или жаренный; бозбаш или мостава, казан-кебаб... Каждый его приход его ждало что-то из этого «праздника желудка»!

А Фатьма была — на высоте как повар! Она была во многом на высоте. Ну — по крайней мере — на кухне, и в постели. Да и хозяйкой она оказалась весьма рачительной. Иван в первый раз не очень рассмотрел подробности ее жилища, но сейчас было ясно — в доме есть хозяйка. А значит в доме — чистота и уют! Наверное, в будущем, да и сейчас тоже, многие бы сказали, что это мещанский уют: все эти занавесочки, рюшки, кружевные накидки, обилие подушек на кровати. Но Косову здесь и сейчас — нравилось!

К тому же Фатьма на полученные деньги затеяла приличную такую стройку. Уже во второй свой приезд Иван увидел, что старый сарай полностью разобран, доски и бруски аккуратно сложены у стены, также как и небольшой запас сухих дров. А еще через неделю во дворе женщины красовался свежими желтыми досками новый сарай, битком набитый сухими колотыми дровами. От досок на легком морозце очень приятно пахло смолистой сосной. Правда, самих строителей он не застал, ну да и приехал он уже когда стемнело.

— Ругаться с ними пришлось! Пару мужиков даже выгнала — один постоянно полупьяный приходил, а второй сразу начала намеки делать, да пытался руки распускать! — жаловалась женщина.

Еще через неделю Иван с удивлением увидел в ограде дома, чуть дальше дровяного сарая свежий сруб бани.

— Ну, Ваня, я же понимаю, что баня нужна! Просто у меня раньше возможности не было. А сейчас — не дело это, воду на печи греть, да на кухне в тазике обмываться. Вот еще пару недель, как мужики обещают, полностью баню закончат. Вот тогда можно будет и помыться!

Косов подхватил женщину руками под попу и закружил вокруг себя:

— Пригласишь баньку обновить?

Она смеялась:

— С тобой, пожалуй, помоешься, в бане-то?

Когда они ночью лежали, отдыхая, на кровати, Иван разглядывал ее при скудном свете свечи. Ее смуглая кожа в полутьме казалась почти черной. Но вот капельки пота, выступившие на небольшом, но таком ладном животике, были отчетливо видны.

«Как там говорила Мерлин Монро — «женщина без животика, как квартира без мебели!».

Очень приятно было поглаживать этот животик, то стискивая его, то проводя по нему пальцами, стирая эти, такие притягательные, капельки пота.

Она чуть слышно смеялась своим грудным смехом:

— Ну, Ваня! Ты когда так пальцами проводишь... у меня что-то в животе подергиваться начинает, и дыхание перехватывает. И там... внизу мокро становится!

Он приподнял голову и прихватил губами сосок. Потом пустил в дело и кончик языка.

— Ну что же ты! Ты же обещал дать мне отдохнуть, хоть чуток! В-а-а-а-н-н-я-а...

Потом они опять отдыхали. Точнее пытались отдохнуть.

— Вот зря я тебя послушала и свечу зажгла! Если бы не свеча, ты бы меня не видел, и был бы спокойнее!

«Свеча... горела...».

— Мело, мело по всей земле

Во все пределы.

Свеча горела на столе,

Свеча горела...

— Это твои стихи? — она подняла голову и зачаровано смотрела на него.

— Нет... Этот Борис Пастернак. Поэт, живет в Москве.

Она вздохнула и засмеялась:

— Тоже, наверняка, такой же кобель, как и ты! Видишь, как написал! Как такое писать, если сам не испытал? Иди сюда, хороший мой!

«Как на женщину стихи подействовали — то «дай отдохнуть!», то — «иди сюда!».

— Слушай... а тебе... не больно так вот... когда сзади?

Она улыбнулась:

— Иногда... но не сильно! А когда мы вот так... на боку, а ты сзади... а еще рукой... пальцами там мне ласкаешь... то вообще не больно! А так хорошо, что... что плакать хочется! Думаю, а повторится ли такое блаженство? А вдруг нет?! А еще... когда ты в это время мне шею целуешь... а-а-а-х-х...

— Вань! Поспать нужно хоть немного!

— Ты куда-то завтра с утра идешь?

— Нет... но мужики же придут, баню строить. Их и встретить нужно, не дело ведь... если придут, а хозяйка и носа из дома не кажет!

— Ну выйдешь... на пару минут, да назад.

— Ага... кто же так делает? Скажут — она до обеда спит, лентяйка! Знаешь ведь — соседи прославить могут быстро, потом долго не отмоешься!

Она сначала стеснялась делать минет при свете, пока Иван не сказал:

— Тебе нравится доставлять мне удовольствие? Нравится, когда я на вершине блаженства?

— Глупый! Ну конечно нравится! Как это может не нравится? Я женщиной себя тогда чувствую!

— Ну вот и смотри на меня! Как твои ласки приводят меня в неистовство. По лицу смотри, по глазам — что мне нравится, а что — не очень!

Она очень быстро научилась делать именно так — смотреть на него, лаская. А его самого с ума сводили ее карие, почти черные при свете свечи глаза! И тени на стенах... и черные волосы, заплетенные в толстую косу, и закрученные на затылке. Правда уже изрядно растрепавшиеся от их безумств.

«Суккуба, честное слово! Суккуба!».

Похоже, она сама стала заводится от вида всего этого... «непотребства». Потому как, на половине пути, абсолютно неожиданно для него, вдруг с чуть слышным рычанием, отрывалась и усаживалась на него сверху. И он подчас бывал в растерянности — огорчаться от прерванного процесса, или же радоваться ощущению горячего гладкого тела на себе. А от его ласк Фатьма теряла голову, и по их окончанию могла подолгу лежать на спине, не реагируя на его слова или прикосновения.

«Ах, какая женщина!».

Он заранее договорился в ателье, что придет с женщиной, которую нужно будет приодеть. Фатьма сначала отнекивалась на его предложение — «дескать у меня и так все есть!», но потом, когда он рыкнул — «иди за мной, женщина!», улыбаясь, пошла. Это было такое кокетство, наверное? Ну какая женщина откажется от обновок?

Когда они пришли, и Александр провел их в знакомую уже Ивану комнату, Фатьма ощутимо стеснялась. Портной довольно равнодушно кинул взгляд на нее. Но только пока она не сняла верхнюю одежду!

— Какая красивая женщина! — задумчиво протянул мастер.

А той это очень понравилось. Она гордо выпрямила спину и уже смотрелась не «бедной родственницей», этакой «замухрышкой», а — королевой!

— Мне нужно снять размеры, — немного нерешительно подошел к Фатьме с метром в руках портной.

— Ну снимай! Кто же спорит? Мы же все понимаем, да, дорогая? — обратился Иван к женщине.

Она промолчала, как молчала и все время снятия замеров. Хотя была довольно смущена, а потом и возмущена. Косов, пряча улыбку, наблюдал, как Александр тщательно, по несколько раз, обтягивает лентой бедра, попу, талию и грудь женщины.

«Мда... что-то Александр и впрямь... увлекся. Как-то уж очень тщательно все... перемеряет!», — смотрел Иван на порозовевшие щечки подруги, и ее носик, чьи крылья уже отчетливо трепетали от возмущения.

Когда портной вышел, сказав, что сейчас принесет альбом и карандаши для эскизов, Фатьма не выдержала:

— Он меня всю обшарил! Везде потискал! Как ты можешь смотреть, как твою женщину так лапают?! — «змеиный шип у нее сейчас особенно удался!».

— Красавица! Он же портной, он и должен снять с тебя мерки. Разве не так? А если тебе придется к врачу идти, к гинекологу? Тот еще и раздеться заставит! Врача что — убивать нужно будет? — Иван довольно откровенно забавлялся ситуацией.

Фатьма ничего не ответила, только отвернувшись, что-то шепотом по-тюркски высказала... нелицеприятное. Непонятно только — про Ивана, про портного, или про них обоих.

Иван осмотрелся. А комната-то изменилась, с тех пор, когда он здесь был в последний раз. Нет, ничего такого... кардинального. Просто к уже привычному столу и паре стульев, добавилась настенная вешалка, куда они и повесили свою верхнюю одежду, да большое, во весь рост зеркало на стене.

«То есть, скорее всего, здесь принимают клиентов, кого по каким-то причинам не стоит дезавуировать? Бывают такие? А хрен его знает! Наверное, бывают».

Когда Александр вернулся с альбомом для рисунков и пучком простых карандашей, они расселись за столом. Сам Косов — рядом с портным, а Фатьма — чуть поодаль. Она сначала делала вид, что ей не интересно, что там рисует по подсказкам Ивана Александр. Но потом — косила взглядом все больше и больше, а потом — вообще перегнулась через стол, не отрываясь наблюдая за их работой.

Любой мужчина в двадцать первом веке, если он не самый распоследний быдлаган, которому наплевать на женщину, живущую с ним рядом, так или иначе, а видел основные тенденции в женской одежде. Здесь и телевизор, и кинофильмы, и книги. Да и просто — жизнь, идущая рядом, мимо, вокруг. Глаза же есть? Уши в наличие? Ну так хоть что-то да останется в памяти мужчины. Что носили женщины, как одевались...

Вот Косов и предложил одеть его женщину в несколько нарядов, для разных случаев. Ну... классика — платье-футляр. Длина — чуть ниже колена, рукав — три четверти. Ткань... Вот ткань — тут карты в руки портному!

Александр почесал нос:

— Бархат?

— Ну-у-у... как вариант, да. Цвет..., - Иван пригляделся к Фатьме, — либо темно-синий, либо — темно-зеленый.

— А почему не темно-бардовый, к примеру? — удивился портной.

— Ну ты посмотри на женщину, — от этого предложения Александр несколько смутился, но... посмотрел, — она яркая брюнетка. Волосы — смоль, кожа — смуглая. Одень ее в бардовый и что?

— Что? — переспросил портной.

— Да получим цыганку! Красивую, конечно, но — цыганку! А моя женщина не должна быть похожей на цыганку.

— Спорно, как мне кажется..., - начал портной.

— Пусть спорно! Но я — заказчик, в конце концов!

— Тут... не поспоришь.

— Да! Дальше — второе такое же, но из темно-серой шерсти. Хорошей, тонкой шерсти! Есть такое?

Мастер снова почесал нос:

— Найдем!

Дальше обсуждали юбки. А что тут обсуждать? Юбка-карандаш! Классика жанра! И опять — одна темно-серая, с завышенной талией. Вторая — с обычной талией, но уже черная. Длина — французская, классическая.

— Очень узкая... юбка-то получится. Нет, так-то ткань чуть тянуться будет. Но... как дама будет ходить в такой юбке? — Александр по-прежнему старался не смотреть в сторону

Фатьмы.

Та тоже очень заинтересованно смотрела на Ивана.

— А для удобства ходьбы... Мы делаем разрез сзади. Не до середины бедра, а чуть ниже.

Портной закашлялся, потом извинился.

«У него явно хорошее воображение! При такой... попе, как у красавицы, да еще и юбка облегает, да еще и разрез. Пиздец всем мужикам — это называется! Табуном следом будут брести!».

— Думаешь, будет плохо смотреться? — лицемерно-озабоченно насупился Косов.

— Смотреться будет... очень хорошо! Привлекательно смотреться будет! — портной опять кинул косою взгляд в сторону женщины.

— Ну вот и хорошо!

Потом обсудили еще юбку-годе, где на уровне колена ткань была чуть присборена.

— Опять... очень неудобно в носке будет! — пожалел Фатьму Александр.

— Нужно просто уметь ходить! Не в развалочку, как пьяный моряк, и не размашисто, как пролетарий по родной стране. А элегантно, мелкими шажочками, покачивая бедрами!

Портной опять поперхнулся.

Далее обсудили блузки к юбкам. Остановились на четырех, классического вида, без всяких вычурных воротников.

— Да! К юбкам нужен пиджачок! Обязательно — черный, чтобы подходил ко всем!

Ага... и это обсудили, и нарисовали!

— Что-то из верхней одежды заказывать будете? — несмотря на уже накопившуюся усталость, Александр возбудился стоимостью заказа.

— Шуба нам не нужна! Пальто зимнее, классическое, приталенное, но не расклешенное! Воротник... мех, но что-нибудь попроще. Лиса там, писец... Дальше! Пальто демисезонное, тоже примерно такое же! На зиму — берет меховой. Лучше — американская норка. Шаль еще!

— Норки нет. Есть куница, пойдет?

Косов подумал и махнул рукой.

Дальше шла обувь. Сапожки зимние, на меху. Сапожки-ботинки демисезонные. Туфли летние, босоножки.

«Что-то я уже притомился!».

— Александр! Ну ладно я. Меня Вы как клиента не цените! — портной вскинулся — «неправда!», — но дама-то! Дама! Ей-то Вы можете предложить чай, хоть с баранками? С голоду помрет — Вам же стыдно будет!

После чаепития, во время которого Иван несколько раз поймал на себе ТАКОЙ взгляд женщины, что и усталость куда-то делась! они выбрали еще наручные часики. Золото подсунул Шурик! Барыга хренов, так и норовит без штанов оставить клиента! Пришлось взять, а что делать? Терять лицо перед женщиной, да после всего этого заказа?!

«Это не наши методы!».

Еще... еще цепочку золотую, со знаком Зодиака — в котором родилась Фатьма. Еще — брошку на пиджачок! Еще... браслетик на правую руку!

— Не понял! Александр, что вы бубните мне на ухо? Повторите. Что? — Косов и правда отвлекся, пытаясь подсчитать траты, но постоянно сбиваясь.

Портной мялся, краснел, но повторить громко — отказывался.

— А! Понял! Ну мы же здесь все взрослые люди, все же понимаем! Дамское белье? Конечно нужно!

Вот только здесь Александр окончательно спасовал. Он притащил ТРИ! Коробки разного белья, но объяснять, где и что — категорически отказался!

— Я прикинул... по размеру должно подойти. Тут... разное. Чулки и пояса тоже здесь есть! Я пойду... а когда закончите подбирать, в коридор выйдете, да крикните меня. Я и подойду... сразу.

Весь пунцовый, мастер — испарился, как и не было!

Фатьма хихикнула:

— Смешной он! Вроде и мужчина уже взрослый, а стесняется как мальчишка!

— Так... радость моя. Раздевайся, красавица. Подбирать будем!

На слабые возражения женщины, что, дескать — мастер сказал, что по размеру подойдет, значит осталось только по виду и цвету выбрать, Косов принялся довольно бесцеремонно «помогать» ей.

Спекся он быстро. Примерно на третьем гарнитуре, красного цвета. Трусики и бюстгалтер. Пояс и чулки — и так были на ней. Чего там подбирать: цвет пояса — черный; чулки — фильдеперсовы, чуть темнее, чем кожа женщины.

Благо, что на двери был шпингалет. Фатьма только пискнуть успела, как он повалил ее грудью на стол.

«Ох как! А она, оказывается тоже... готова? Видно, не одного меня все это так... возбуждало?».

Окончательно выбило его из колею зеркало на стене — большое, в рост! Очень правильно показывало нужный ракурс.

— Ваня! Ну что ты? Ну потерпи до дома! Ну все... разочек только... и все! О-о-о-х-х...

В общем... прибарахлились, ага!

По пути домой Фатьма долго молчала. Потом спросила:

— Ты сейчас денег выбросил... потратил на меня. Много. Очень много! Зачем?

— Не знаю... Может потому, что ты очень красивая женщина. А у красивой женщины и одежда должна быть... красивой. Вот уеду через полгода, в такой одежде ты быстро мужчину себе найдешь. Да не такого, как я, а настоящего! Чтобы мужем стал, а там... глядишь, и дети появятся! Семья у тебя будет. А я... я буду радоваться за тебя, если все так получится.

— Странный ты...

— Почему странный?

— Ну... обычно мужчины, они такие... собственники. А ты так спокойно говоришь мне о других мужчинах.

— Краса моя ненаглядная! Я же тебя сразу предупредил, что уеду. И забивать тебе голову собой и нашими отношениями считаю — неправильным. Сейчас мне очень хорошо с тобой. Надеюсь, тебе тоже... А жизнь, она длинная. Женщина должна иметь мужа, детей. Тогда у нее и на душе будет покой. Разве нет?

Она прижалась к нему плечом.

— И что, ты совсем меня не ревнуешь? Вот совсем-совсем? Вон как этот портной на меня смотрел! А как общупал всю, гад такой! А ты... споко-о-ойный такой сидит. Даже — улыбается!

Ревновал ли он Фатьму? Он задумался. Не сказать, чтобы совсем уж был равнодушен к

поведению Александра.

«Вот тоже — не понятно. У портного бывает масса клиенток, и многие из них — вполне интересные дамы. Что же он так на Фатьму-то навелся? Типаж совпал?».

— Я не могу сказать, что был совсем спокоен, когда он снимал с тебя мерки, — Иван улыбнулся, — просто у тебя такое лицо было... обескураженное и возмущенное! А еще ты на меня все время поглядывала — когда же я на него с кулаками полезу! Забавно!

— Я без тебя на эти примерки — не поеду! Вот! Так и знай!

— Ну-у-у-у... придется ехать с тобой, что поделаешь. Только ведь я опять приставать начну. Не боишься?

Она в ответ засмеялась.

— Вань... а я тебе нравлюсь?

— О как! И что это был за вопрос? Разве я не доказываю тебе раз за разом, насколько ты мне нравишься?

Она довольно заулыбалась. Помолчала...

— Слушай! А вот вся эта одежда... она же вся... облегающая! А что мне делать, если я вдруг... потолстею?

— А вот толстеть тебе не надо, душа моя! Ты сейчас в отличной форме, просто прекрасно выглядишь. Такая... не женщина — мечта!

«Ага... есть такое. Почему-то все кавказские и азиатские женщины с определенного возраста вдруг резко начинают поправляться и даже... стареть быстро. Генетика что ли такая? Нет... так-то и в зрелом возрасте встречаются ух какие женщины! Та же Тамара! Не дай Бог еще встретиться! Но, все же — это, думаю, исключения!».

— А я тебе для этого, радость моя, покажу несколько упражнений, чтобы и талия была как сейчас, и попа оставалась такой же красивой. И осанка горделивая, и ножки — стройные!

Правда, как можно было предположить, по возвращению домой, показ упражнений... затянулся. По понятным причинам.

— А сколько раз их делать, эти упражнения? — женщину явно заинтересовало.

— Каждый день уделяй этому час-полтора. Встань пораньше, или наоборот — после обеда, ближе к вечеру делай. Количество подходов я тебе сказал, повторений — тоже. Первое время будут болеть мышцы, или будет лень все это делать. Но нужно пересилить себя. Считается, что примерно через три недели придет привыкание, и уже сама будешь хотеть все это сделать. Увеличивай количество повторений, чередуй упражнения.

Косов с удовольствием смотрел, как голая подруга, лежа на кровати, и высунув кончик языка от усердия, записывает в тетрадку всю информацию.

«Ну вот как тут удержаться, а? Такой вид! И мертвый бы ожил!».

Они выловили его, когда он возвращался от Фатьмы. Уже стемнело, и он торопился к вокзалу, на передвижку. Три парня, один совсем юный, можно сказать — пацан, а двое — посolidнее. Возраста Ивана или чуть старше. Ага... и с места в карьер:

— Ты чё тут трешься? Чё ты тут к нашим бабам бегаешь? Чё, а?

Косову стало смешно — Фатьма существенно старше этих... женихов. Она и с ним-то, только по воле обстоятельств. А этим... вряд ли что «светило»! Он, улыбаясь, подошел ближе. От рослого парня явно несло перегаром, да и второй, который стоял справа сбоку, тоже был подшофе.

— Это кто ж здесь — ваши бабы? Уж не Фатьма ли? А, ушлепки? А она об этом знает?

Вот бы посмеялась...

Разговаривать было особо и незачем. Здесь явный «наезд» на чужака, чтобы поставить на место.

«Ага... это наша корова и мы ее доим!».

Только вот Фатьма на корову как-то — вообще...

«А-а-а... понеслась душа в рай!».

Иван чуть подался влево, чтобы расстояние между ним и правым было более приемлемым. А потом...

Этот удар им тоже показывал один из инструкторов. Удар, в общем-то, довольно подлый, неожиданный. Наносится он не по противнику, который перед тобой, а по тому, кто — сбоку справа. Ну, как вариант, можно демонстративно сделать шаг влево и повернуться к оппоненту правым боком, выходя на позицию. Потом, правая рука уходит вниз налево, к поясу. Как говорил тогда «сенсей»:

— Вы как будто шашку... ну — или меч вынимаете из ножен. Только рука не останавливается, а идет вверх, к морде врага. Резко! И кисть расслаблена... не кулаком, еще раз повторяю. Получается, как удар плетью. И бить нужно не по подбородку, и не в лоб. А то так пальцы себе отобьете, а толку не будет. Только нос, или глаза. Но не забывайте — удар, если он правильный — резкий, очень неприятный. Можно и глаза супостату повышибать! Вот и думайте — нужны ли вам проблемы с превышением необходимой обороны? Утрата зрения — это тяжкие, однозначно!

Поэтому — нос! От хорошего удара в нос, человек теряет ориентацию мгновенно. Искры и слезы из глаз, ослепляющая боль. Все — противника нет! Возможно, он отойдет, через несколько минут, но кто же запретит добавить парню, пока он зажимает лицо и подвывает — тихо... или погромче. Тут — на усмотрение самого потерпевшего...

Попал хорошо! Хлопчик пошел куда-то в сторону, явно не видя куда направляется. То, что доктор прописал! Но не орет, надо отдать должное — шипит, невнятно матерится, но — не орет! Значит придется добавлять!

Так... второй. Ага! И соблюдать правила честной драки Иван вовсе не намеревался — их трое на него, одного! А значит... Подшаг к фронтальному противнику... поближе... ага! Руками за отвороты полушубка, небольшой потяг на себе — чтобы «ухажер» корпус-то отклонил, сопротивляясь, а место нападения... ага — приблизил! и правым коленом — н-н-н-а-а-а! по самому дорогому для каждого мужика!

От как хорошо! Этот только что-то хрюкнул, и пластом рухнул на утопанный снег улицы. Иван повернулся к пацану... Но тот уже мелькал где-то метрах в двадцати, уносясь по переулку в неизвестность.

«А хорошая стартовая скорость у мальчишки! Но вернемся... к нашим баранам».

Этот... временно кастрированный лежал, скрючившись, в позе эмбриона и негромко, на одной ноте, «пел» незнакомую песню.

«Клиент к разговору не годится!».

Второй стоял наклонившись, метрах в пяти, и вытирал лицо подхватываемым с обочины снегом. Периодически чего-то пытаюсь вскрикнуть в адрес Ивана. Речь была мало разборчива, но маты — явно присутствовали.

«Хорошо стоит!».

Пара шагов, чуть подпрыгнуть, оттолкнувшись левой ногой, и правой... Нет... второго-то зачем выводить из обоймы мужиков, пусть и временно. По заднице, только по заднице!

Но удар вышел ладным, и парень отправился в недолгий полет.

«Сугробы здесь очень хороши! Большие и пушистые! Ну... я надеюсь, что пушистые!».

Косов подошел к «летчику» и за воротник фуфайки вытянул его на дорогу. Подбил парню ногу и вновь уронил на землю; уперся коленом тому в поясницу; пользуясь тем, что шапка слетела при ударе, запустив руку в волосы, задрал голову вверх. И, достав правой рукой финку из положенного ей места, покрутил ее перед лицом парня.

— Глаза открой! Глаза открой, сука! — он шипел тому в ухо негромко, но... с чувством, — видишь? Я тебя, баран, спрашиваю — видишь?

Тот попытался кивнуть оттянутой назад и вверх головой.

— Это я сегодня добрый... Просто пиздюлей вам отвесил. В следующий раз — резать буду! Ясно? Ясно, я тебя спрашиваю? — для придания особого внимания, ткнул с размаху головой в наледь дороги, — И, если кто здесь, в вашем блядском собачьем хуторе, на Фатьму хоть слово плохое скажет, хоть покосится недобро... Вам пиздец придет! Именно Вам, ты понял, сямка?!

Несмотря на вновь обильно потекшую из носа «барана» кровь, Иван вновь с силой воткнул того мордой в дорогу.

— Я вас, бляди, запомнил! И того щенка — тоже! Так и знайте! С-с-с-с-у-у-чата! С кем связались, а?! Пехота, бля! Все понял? Я спросил — ты, перхоть подзалупная, все понял?!

Тот, не отрывая головы от дороги, закивал. Молча.

— Ну... лежите. Отдыхайте... босота!

Будучи человеком непритязательным и в той жизни, Косов мог довольствоваться малым. Но все же бытовой комфорт в прошлом — он вспоминал с ностальгией. Даже обмыться после работы или занятий спортом негде. Приходилось греть воду на печи или на керосинке и обмываться в комнате.

Вспомнилось, как один из его однокашников по училищу, Вовка Шаповал, редкостный блядун и дамский угодник, по пятницам — в винно-банный день, намывая причиндалы под душем, наставительно говорил:

— Попрошу запомнить, товарищи курсанты! Главное в деле офицера ВМФ — чистота половых органов! Вдруг решится какая фемина вам доставить оральное удовольствие, а у вас — вонь как от козла! Будет неудобно!

И, как не старайся, а все равно воды на пол нашлепаешь. И уборку потом делать! Ну — хоть в комнате у него вследствие этого всегда порядок и чистота. Это, кстати, заметили и Тоня, которая шпыняла этим директора, приводя в пример попаданца; и Лида, которая по-прежнему хоть и отказывалась пить чай в его комнате, но все же пару-тройку раз была вынуждена зайти — по каким-то рабочим вопросам. Даже один раз — с Лизой. Вот та осматривалась с любопытством!

Мда... так вот — про баню! Качественно помыться ему удавалось только по субботам, в бане у Мироныча. И даже — не каждую субботу получалось — кино же крутить надо! Вот и приходилось бегать в баню ранним вечером, а уж после — снова работать. И какой, скажите, может быть кайф от бани в таком случае? Хорошо еще, что одну субботу в месяц Илья, волевым решением, назначил технической. Что уж он под этим имел в виду, Иван не знал. Но ему хватило и того, что раз в месяц он мог полностью расслабиться! Его отношения с Миронычем были очень хорошими.

Да и с Яковом, он более или менее сошелся. Особенно после того, как посоветовал

Якову в период обострения его болезни, питаться диетически.

— У тебя же, Яков, не весь год желудок болит? Нет? Ага... весной и осенью. Ну — как почти у всех язвенников. Так вот... если ты знаешь уже, пусть примерно, когда тебя начнет крутить — переходи на определенную пищу. Полностью тебе это не поможет, но хоть боли будут не такие сильные. Какую пищу? Да вот — с сентября, к примеру, жаренное нельзя! Острое — тоже нельзя. Поменьше соленого. Копченое — исключить!

— Так что ж мне... с голоду помирать, что ли?

— Ну ты уж брось... Чего это с голоду? Каши есть? Есть! Молочное опять же! Вон — яйца... но только — вареные, не жаренные! А лучше — вообще сырые пей! Хлеб — только мякушку; корки, особенно поджаренной — не надо.

— Да... так и пить бросишь, мать его...

— А вот пить, кстати, можно! Только в меру, не по поллитра за прием. Стопку — ничего страшного.

— Ты откуль все это знаешь-то?

— Так сам же знаешь... у меня девки знакомые — они же на докторов учатся. Вот... в разговоре и услышал.

Мужик засмеялся, заперхал дымом:

— Так вы что ж... про медицину все общаетесь? Я думал, чем другим... занимаетесь. Ха-ха-ха!

— Одно другому не мешает! И кстати — когда куришь, дым попадает в желудок и раздражает. Тоже бы — поменьше курить, особенно когда приступы.

— Вот жа жисть кака! Вот и нахрена она тогда, если то — нельзя, друго — нельзя! А этого — помене!

— Ну... смотри сам. Я тебе посоветовал, а как ты там поступишь — хозяин-барин!

В бане у Мироныча, как-то в субботу, он и познакомился с зятем коллеги и его семьей. Дочка с мужем приехали погостить чуток у родителей, ребятишек привезли погостевать. Жили они в деревне, километров двадцать-тридцать от Никольска.

Косов, заранее предупрежденный Миронычем о приезде его родных, улучил время и сбегал на станцию — там магазин был все же лучше, чем в селе. Купил конфет и пряников ребятишкам, для мужиков... ну и для себя тоже — пива. После бани. Пиво здешнее — ему все больше нравилось. Интересное было и на вкус, и на упаковку — бутылки были по ноль семь литра, темного стекла. Пиво было совсем не крепким, отдавало хлебом. После бани — так прямо в плепорцию! Вот попаданец и купил сразу штук десять! Одному, конечно — многовато, но, если Мироныч, да зять... Да может и сама хозяйка с дочерью, после баньки-то — по стаканчику выпьют!

Баня у Мироныча, как всегда, была натоплена — филиал ада на земле! Если на полок залезть, то и волосы потрескивать начинают; а дышать — только через руку, прижатую ко рту. Они втроем сначала посидели, чтобы пропотеть. Потом Мироныч, побряхывая, полез на полок:

— Ну-ка, Ваня, похляш-ш-ш-и меня веничком!

Иван не заставил себя ждать. Отходил мужика со всем старанием!

— Ох ты ж... От хорошо-то как!

Мироныч дождался, пока зять Тимофей и Иван по разу взберутся на полок, и пошел в предбанник. Они выскочили следом.

Разлив пиво по принесенным с собой кружкам, сидели, отдыхались. Первую кружку Иван, после пекла парилки, выдул залпом. А вот вторую уже — тянул с наслаждением, не торопясь. Допив свою кружку, Мироныч хлопнул себя по мосластым коленям, и сказал:

— Пойду я в избу... Что-то сегодня днем грудь давило. Погода, что ли поменяется... А вы — парьтесь.

Они с Тимофеем снова зашли в баню, ополоснули полок, поддали парку и снова — углубились в «садо-мазо». И еще сделали два захода в баню. Хорошо!

Попивая в предбаннике пиво, Иван, поглядывая на мужика, спросил:

— Тимофей! Я вот стесняюсь спросить... А что у вас с Миронычем... как-то — натяженно в отношениях?

Тот поморщился и вздохнул:

— Да этот... бульбаш... все никак не успокоиться. По поводу того, что я в Гражданскую сначала у белых был. И ведь — не сам пошел, мобилизовали! Там же не спрашивали — хошь-не хошь. Да и пробыл я у них всего три месяца. А потом мы с парнями, нашими — деревенскими... осмотрелись когда... и ушли по весне в лес! Ну их на хрен, беяков этих.

— Тяжко было?

— Где? У белых? Или в лесу? А... да... что там, что там — не сладко. Но у белых, хоть и кормили, и форму выдали, а все равно — хуже было! Насмотрелись мы там, что ты! Нас все больше в охране, да во всяких оцеплениях держали. Ну а как? Парнишки мы были все молодые, и винтовку-то в руках не держали. А так-то... ох и лютые там были! И слова поперек не вякни! Сразу — плетей всыпят! У нас так пару парней засекали. Один сразу богу душу отдал, а второй еще с неделю мучился. Фельдфебель у нас был... из старослужащих. Ох и сволочь, ох и зверь! Скольким он зубы повышибал — без счета! Ну да — мы тоже память имеем! Когда уходили — оружиеку вскрыли, подгадав, когда эта гадина в карауле будет. Вооружились, значит справно так, еще кой-чего из нужного прихватили. А уже уходя — придавили гниду! Вот веришь-нет — такое душевное облегчение я тогда почувал, когда кончили его! Прямо благодать по душе разлилась!

— Нас тогда одиннадцать человек ушло... Правда, к приходу красных пара человек из отряда сбежали — домой подались. Еще трое — погибли, когда фуражиров разных контриковских по деревням гоняли. А я вот еще... больше года. Вслед за белыми, аж до Спасска Приморского... это уже возле Владивостока. Ох и гнали мы их, ох гнали! Но они же... суки... огрызались! Там же, к тому времени-то, одни идейные оставались. Да и воевать они умели, не отнять! Там я пулю-то и словил. Чуть не полгода в госпитале отлежал, думал уж — ноги протяну. Но ничё — выкарабкался. А потом еще месяца три до дому добирался, да все с приключениями... э-э-х-х! Ладно, пошли уж в дом. Там уже и стол накрыли поди, да и бабам помыться тоже надо!

Супруга Мироныча, с дочкой, и внучками ушли в баню, а они втроем сели за накрытый стол. По причине приезда родственников, хозяева постарались накрыть его получше. Особых деликатесов нет, но — еда вся качественная, своя, вк-у-у-у-усная! Иван принял на грудь пару стопок и дальше уже отказывался. Тимофей, да и сам хозяин, такому делу не препятствовали — им больше достанется.

— Ну что, как там вас в этом годе рассчитали-то? Как по трудодням вышло? — поинтересовался Мироныч у Тимофея.

Тот, не торопясь отвечать, закусил рюмку самогона квашенной с клюквой капустой. Смачно так закусил! С хрустом! И не хочешь есть, а после такой демонстрации — рот сам

слюной затекает.

«Может зря отказался от еще одной рюмки? Вон как Тимофей смачно выпивает-закусывает!».

Иван прислушался к себе. После жара-пара бани, да пивка, да и самогонки, навалилась сладкая истома. Ноги стали ватные. Тут не то, что идти куда-то, тут и шевелится — не хочется. И даже мысли в голове тянутся медленно, лениво...

«Не... хватит! А то вообще так сомлею!».

— А что на трудодни... Подходяще так получилось! Я амбар, считай, весь забил — там и рожь, и овес с ячменем, и греча есть. И картошки осенью накопили изрядно так! Да подсвинка в ноябре придавил! Нет... хорошо в этом году. Веселей жить-то стали, а?! У нас, как три года назад, председателя-то... «никчему» этого сняли, да посадили... другого, значит, привезли. А ничего так... хозяйственный такой мужик. За работу, правда, спрашивает, но и дела наши налаживаться стали. Уже, получается, второй год — все побольше на трудодни выходит. И школу новую поставили, клуб вот собираются летом срубить. Ничего так... подходяще жить стали.

Мужики выпивали и закусывали не торопясь, размеренно. Поэтому, когда вернулись с бани женщины с детьми, Мироныч с зятем еще и первую бутылку не «уговорили».

Жена Тимофея была смачная женщина лет тридцати пяти. Эдакая типичная русская баба, широкая в кости, большегрудая, и большепопая. Но при этом толстой ее было не назвать — чувствовалось, что силенка в ней есть.

«Ну да — поработай-ка в колхозе с утра до вечера! Да еще и домашние дела, да хозяйство. Тут лишнего жирка не будет, не успевает он образовываться!».

Они вообще были под стать друг другу — Тимофей и его жена. Оба широкие, высокие, русоголовые.

«Ага... а вот с конфетами, да пряниками — он попал впросак! Мироныч-то не говорил, сколько лет внучкам. Внучки, да внучки — и все! А то, что одной уже шестнадцать скоро, да и вторая — хоть и голенастая, еще не очень складная девчонка, но — тоже четырнадцать! Ребенком уже назвать сложно! Разве что — пацан, последыш. Тому на вид — лет семь-восемь!»

Сейчас девки эти сидели напротив него за столом и нет-нет, да ловил Косов их взгляды на себе. А еще... после бани... они, как и мать, были одеты в юбки и рубахи, но разгоряченные тела эти одежки так облегали, да обтягивали... Прилипнув, где не надо! Приходилось отводить взгляд. Все больше старался глядеть на хозяина, или — вон... на Тимофея!

Женщины после баньки налили себе из выделенной бутылки по стакану пива. Даже старшей дочери — с полстакана выделили. А что — почти невеста уже! Разговор за столом между тем тек неторопливо, за жизнь, да за быт.

— Я тут в Никольске часть зерна продам. Договорился уже. Да тебе на поросят что-то привезу. А так — вон девкам моим и материалу надо на юбки всякие купить, да еще кой-чего, — продолжал рассказ Тимофей.

Ивана после бани, выпитого, и съеденного начало клонить в сон. Уже с трудом держал нить разговора, лениво выбирая со стола, что еще съесть. А осоловелый взгляд нет-нет да натыкался на туго натянутые на груди рубахи, сидящих по другую сторону стола девушек... и даже — жены Тимофея.

«Вот ведь... натура какая! И не хочешь же, а глаза сами куда не надо сворачивают! И

отводишь их, а потом раз — и снова туда же пялишься!».

Уже подпивший Тимофей, наверное, перехвативший его взгляд, вдруг засмеялся:

— А что, Ваня! Может сосватать за тебя вон — Ирку, старшую? Ты гляди — девка уж выросла! Сам видишь — красавица у меня доча! А нет — так вон младшая... Светка! Но тут подождать чуток надо! Годика два! А? Иван? Парень ты серьезный, видный! Слышь, мать! — обратился он к жене, — как тебя зять-то такой? Нормально же?

Супруга его явно неискренне возмутилась:

— Ты, Тима, как чуть выпьешь, так чё попало буробишь! Какая свадьба-то? Ирке ж учится еще надо, вроде ж решили уже! А эта еще и вовсе не выросла, одни мослы! — «ага... а сама — зырк на Ивана... эдак — оценивающе! И похоже, по взгляду, что вполне он ей приглянулся, в качестве потенциального зятя!».

Косов чуть разозлился:

«Вот так и попадают парни! В баньке попарили, пару стопок налили, а как расслабился — вот уже и влип! Зятя, ага! Тут и саму эту... тещу — драть и драть! Вон какая... сочная сидит!».

Девки тоже вроде пофыркали возмущенно на слова отца, а сами косятся на попаданца.

«Не... такой хоккей нам не нужен! Надо чайку хлебнуть, да и сваливать... подобру-поздорову. Пока не охмурили, как ксёндзы Козлевича! Тут уже одним блюдом не выйдет... тут — только после свадьбы!».

Когда он попросил у хозяйки чая, Мироныч, тоже уже изрядно принявший на грудь, расхохотался:

— Вот ты дурень, Тимка! Ну кто ж так вываживает, а? Напугал Ивана, вот он и сбегает Сорвался у тебя зять, как есть сорвался! Да и... не нужен такой зять моим внучкам! Он, Ванька-то, хоть и молод, а ходок уже тот! Ага! Там все больше девки-то городские, барышни такие...

«Не-не-не! Баня у Мироныча — это зер гут, спорить не буду! Но не в такой компании! Вот уедут эти... его родственники, тогда и пойду мыться!».

Иван вышагивал к клубу, и с наслаждением вдыхал морозный, чуть пахнувший дровяным дымком воздух. И опьянение куда-то улетучивалось. Хорошо!!!

Сегодня получилось съездить в «Киносеть» с утра пораньше. Пришедший в клуб совсем ранним утром Яков помог Ивану почистить выпавший за ночь снежок, и остался топить печи. Поэтому Косов вернулся в клуб к обеду. Есть хотелось уже «неподецки», но он забежал в библиотеку, поинтересоваться, здесь ли Лидия.

«Если на обед домой не ушла, можно и вместе пообедать!».

Косов купил по пути, в буфете на вокзале готовые котлеты, и сейчас поставил их в кастрюльке на теплую еще печь в комнате — разогреться немного.

У Лиды в гостях была подруга Лиза, они — чаевничали.

— Ну вот! Опоздал! А я хотел Вас котлетами угостить, а вы уже пообедали, получается?

Женщины заулыбались.

— Вань! А ты знаешь, я бы еще перекусила. А то у Лиды к чаю — только сушки! — Лиза уже давно не дичилась его.

И даже, когда они изредка занимались танцами, позволяла ему обнимать-прижимать ее несколько теснее, чем было нужно. Вот только пару раз, когда Иван, в качестве проверки, решал опустить руку... г-х-м... ниже талии, быстро и уверенно пресекала «непотребства». Молча, не возмущаясь. Поэтому Косов полагал, что делает это она больше по причине того,

что рядом — Лида. Но попробовать это проверить — пока не удавалось. Лиза приходила только тогда, когда библиотекарь была на месте работы.

Разогрев котлеты, Иван нарезал хлеба, подумав, добавил ко всему еще и порезанного соленого сала. Сало Мироныч солил — бесподобно! Именно так — как надо! Толщиной сантиметров пять, оно было с прослойками мяса. Ароматное, с тмином — или как его называл Мироныч — анисом, с укропом и чесноком! И Косов не мог обойтись без этого русского, а также украинского и белорусского продукта.

Приготовив все, он вернулся в библиотеку и пригласил женщин к себе в комнату. Лидочка, как всегда, засомневалась и зарумянилась, а Лиза, подумав, согласилась и принялась уговаривать подругу.

— А если в библиотеку кто придет, а меня нет? — слабо сопротивлялась та.

— Да кто сейчас придет? Школьники — еще на занятиях, а взрослые — на работе! К тому же — у тебя, Лида, сейчас законное время обеда! Ну сама подумай — даже если кто и придет, большей неловкостью станет, если пришедший увидит нашу компанию, расположившуюся за столом в библиотеке. Разве не так? — Иван присоединился к уговору.

Вместе они пришли в комнату Косова. Лида ела стеснительно, по чуть-чуть. А вот Лиза, молодец такая, не жеманилась и составила Ивану конкуренцию в поглощении продуктов.

— М-да... может — по чуть-чуть? Не пьянки ради, а аппетита для? Коньячка? Хороший коньячок! — Косов с улыбкой наблюдал за реакцией женщин.

Библиотекарь опять покраснела и отнекивалась. Елизавета смотрела на подругу, выжидая решения.

— Лидочка! Гордость ты наша... филологическая! А почему? Как будто я тебе что-то... непотребное предлагаю? Я же говорю — по чуть-чуть! По пятьдесят граммов, для аппетита! Коньяк, в небольших количествах, вообще идет как лекарство.

— Ну уж... скажешь, лекарство! — женщины засмеялись.

— А что? Нормализует давление, улучшает работу пищеварительного тракта, снижает нервное напряжение.

— Это тебе... твои подруги рассказали? — как бы мимоходом спросила Лиза, демонстративно разглядывая схемы баллистики, таблицы с ГТХ оружия, развешанные на стенах.

— Я и сам читать умею. Ну и — да, они что-то такое тоже упоминали.

Косов сейчас любовался обеими женщинами.

Лида уже совсем оправилась от болезни, округлилась в нужных местах и выглядела, если не красавицей, то очень привлекательной дамой. Лиза же, она и ранее притягивала взгляд. А сейчас разругалась и была... очень хороша. Обе женщины сидели за столом по обе стороны от Ивана. Лидочка — с торца стола, а Лиза — рядом с Косовым. Их, в общем-то не короткие юбки, при посадке на табуреты подобранные хозяйками, были чуть выше коленей. И попы облегали!

— А я согласна... немного выпить. На работу мне сегодня уже не идти, с детьми общаться не буду. Никто и не унюхает! — махнула рукой Лиза.

— Вот! Видишь! А ко мне еще люди будут приходить, вдруг кто перегар учует? Нет, Иван, не удобно! Ну ладно, ладно! Ты мне в чай потом чуть плеснешь. Согласен? — сдалась и Лида.

— Только, Иван, прекрати пялиться на наши коленки! — улыбалась Лиза.

— Вот-вот! Ничего непотребного он не предлагает! — подхватила ее подруга, — тебе

только чуть уступи, так и сама не поймешь, как уже и такие предложения поступят!

«Как-то Лида сегодня... раздухарилась! Обычно она... мягко пресекает такие разговоры. А сейчас — сама об этом? Может стоит попробовать быть понастойчивее с этими дамами?».

Хотя... и сам Косов не мог понять — а зачем ему это? Есть у него Фатьма, которая только рада будет, если он переедет жить к ней. И тогда — зачем ему другие? Той вполне хватит — очень уж страстная подружка у него.

«Натура кобелиная вылезит, что ли?».

— Ну, красавицы-умницы! За Ваше здоровье! — Иван поднял рюмку с янтарной жидкостью. Плеснул-то он немного побольше пятидесяти граммов — себе и Лизе. И махнул рюмку. Но вот глотать не спешил.

«А хорош здесь коньяк! Не делают здесь еще разные фальсификаты! Вроде не из самых-самых знаменитых, а просто — качественный и... недешевый».

— Э, нет! Так дело не пойдет! Лизонька! Ты же интеллигентный, умный человек, а базовые понятия... основы, я бы сказал, винопития — не знаешь! Не знаешь? Ну вот смотри, сколько ты сразу нарушила. Во-первых, тостуемый пьет до дна! Я пил за Ваше здоровье, а значит Вы тостуемые, то есть — в честь кого произнесен тост! Не выпить в этом случае до дна — показать свое неуважение к тостующему. На Кавказе, к примеру, можно и обидеть человека! Да и в других компаниях — тоже... невежливо. Во-вторых, коньяк не следует сразу глотать. Надо покатавать его по рту, подержать на языке — чтобы почувствовать весь его аромат. Все эти тонкости вкуса и послевкусия, оценить букет напитка. Коньяк же чем еще знаменит? Часть его впитывается прямо в слизистую оболочку рта — в небо, в язык. Вот сама попробуй, делай как я!

«Ага... вторая рюмка пошла!».

— Вот же где... змей-искуситель! Иван! Если бы здесь не было Лиды, я бы решила, что ты меня спаиваешь... с самыми гнусными целями! — улыбалась Лиза.

— Обидеть хочешь, да? Я же... с самыми лучшими намерениями! — сокрушенно покачал головой Косов.

— А лучшие намерения — они для кого лучшие? Для тебя? — смеялась женщина.

Лида тоже улыбалась, слушая их пикировку.

— Ну да... есть в этом что-то... Во рту приятно тепло стало. И по пищеводу... такая волна тепла. И внутри — тоже тепло во все стороны идет! — прислушалась к себе Лиза.

— Ну вот видишь, красавица! Разве я тебя обманываю? — кивнул Иван.

— Ты не обманываешь, нет! Ты просто — не договариваешь! А почему у меня в голове так... зашумело? Почему так... быстро опьянение наступает? — обвиняюще ткнула в него пальцем Лиза.

— Это такая волна. Она быстро пройдет, и останется только состояние покоя и комфорта.

— Иван! А где... твоя подруга, извини за нескромный вопрос? Что-то давно ее не видно, — прищурилась на Ивана Лиза.

Косов хмыкнул про себя — «интересуетесь, значит? То есть — какой-то интерес ко мне имеете?».

— Да Вы знаете, милые дамы... даже не знаю, как сказать... Там и изначально было... как-то несерьезно. Как такой — каприз девушки. Мимолетный каприз, который прошел. Растаял как туман. И все! Она, судя по всему, забыла про меня. Новые люди, новые

мужчины... быть может.

На него с интересом посмотрела Лида:

— А ты — почему не напоминаешь о себе? Почему не борешься за девушку?

— Вы же знаете, что я собираюсь уезжать летом? Ну так — а зачем тогда вселять в девушку какие-то чувства? Нет... ну значит и нет. А Вы откуда все это знаете?

Лида отвела взгляд, а Лиза засмеялась и ответила:

— А нам Тоня все рассказала. Только вот ты... только половину сказал. Там и с твоей стороны — ничего серьезного не было! Ты... ловелас и повеса! Кобель!

— Ну, Лизонька! Ловелас — это как-то уж сильно громко сказано! Кобель — оно попроще и ближе подходит.

Она засмеялась:

— Вот! Даже и не отрицает! — она повернулась к подруге, — ты посмотри, Лида, какой ничем не прикрытый цинизм!

— Да-да! Неприкрытый цинизм и нарочитая похоть, возведенная в абсолют! — повинно качал головой Косов.

— Ого! Какой ты страшный человек! Ты даже не собираешься хотя бы казаться лучше!

— Лучше быть, чем казаться! А, кстати, где у нас сегодня Тоня и Илья?

Ответила Лида:

— У Ильи сегодня опять какое-то не то совещание, не то — учеба. А Тоня сказала, что поедет в отдел культуры. Они и ночевать останутся в городе. Только завтра приедут.

— Так... пока я не забыла! Иван! Ведь ты и меня обманул, подлый обманщик! — опять направленный на него изящный пальчик Лизы.

Он опешил.

— Когда это я тебя обманул, услада моих очей? Ничего же не было... между нами!

Лиза расхохоталась:

— Нет, ты слышишь, Лидочка! Ничего же не было! — передразнила она Косова, — и быть ничего не могло, сопливый ты наглец! Ты забыл, что обещал мне песню? А? Что скажешь?

«А дамочку-то, похоже, «повело»! Эх оно как! Всего-то сто пятьдесят коньяку?».

— Ну почему же забыл, Лиза? Ничего я не забыл! Да и как можно забыть про обещание, данное такой красивой даме? Просто текст песни у меня есть, а вот музыки — нет. Хотя... мелодия-то есть. Но вот — на ноты не положена! Тут уже от Ильи зависит, а он чего-то в последнее время — все занят и занят! Может ты с ним сама поговоришь?

Лиза подумала и тряхнула головой:

— Нет уж, Ванечка! Не буду я с ним разговаривать! А то... Тоня неправильно понять может! Тоже решит, что я ему чего-то должна... за песню.

— Ты что, проговорила ей о моем... глупом предложении к тебе? — «ох как тут все запущено! Спрашивается — зачем она рассказала Тоне о моем предложении «рассчитаться» за песни?».

Здесь снова вмешалась Лида, рассмеявшись:

— Иван! Просто Лиза тогда так возмущена была... твоим поведением, что... как-то рассказала Тоне об этом!

Иван покачал головой.

— Так, дамы. Пьем чай! Лидочка! Тебе добавить в чай, как ты говорила?

Она качнула головой:

— Добавь! Только совсем немного!

— погоди, Лида! Он сказал, что песня у него есть! Пусть споет! — Лиза уставилась на него.

Похоже, библиотекарьше уже не совсем нравилось, что происходит, потому она немного раздраженно посмотрела на подругу и криво улыбнувшись спросила:

— И что... рассчитывать тоже будешь?

Лиза посмотрела на нее.

— А я — подумаю!

Иван решил прекращать это, уже не очень смешное действие, снял со стены гитару.

— Здесь не гитара нужна, но пусть будет пока так:

— Орлята учатся летать.

Им салютует шум прибоя,

В глазах их небо голубое...

Ничем орлят не испугать!

Орлята учатся летать!

Когда он закончил петь, женщины молчали. Лида — удивленно глядя на него, а Лиза — уставившись глазами в стену.

— Отлично! Песня просто — замечательная! Только с Ильей договорись о музыке., — опять же, Лиза не глядела на него.

В этот момент хлопнула входная дверь в клуб, и Лида подскочила, бросилась к двери из комнаты.

— Это, наверное, ко мне в библиотеку!

Лиза помолчала, потом спросила:

— У тебя есть папиросы?

— Да... А разве ты куришь?

— Иногда...

Закурив, не глядя на Ивана:

— Будешь требовать... расчета?

Он закашлялся.

— Если только... если только это не испортит в конец наши... с тобой отношения. Я не хочу... чтобы ты плохо ко мне относилась.

— А ты считаешь, что я к тебе хорошо отношусь?

«Вот же... бабы... они такие... бабы! Вот хрен поймешь, что они хотят на самом деле! И вот такие — интеллигентные дамочки в этом плане хуже всего! Сказать — не нужно ничего от тебя? А ну как — обидится — пренебрег! А если сказать — а ну-ка давай... И опять — хам, наглец и потаскун! Я ведь и забыл о тех своих словах, про стимуляцию творчества! Ну... почти забыл! А тут гляди-ка — не только не забыли, но еще и рассказали всем... И Лиде, и Тоне!».

Косов наклонился к ней, благо сидела она почти вплотную, и шепотом:

— Я очень хочу тебя! Но мне не все равно, как тебя добиваться! И если ты скажешь твердое «нет», значит — нет!

Она встала и отошла к задней двери комнаты.

— Открой дверь, тут крючок тугой.

Иван подошел и со щелчком скинув крючок с петли, открыл дверь. В комнату ворвался морозный воздух. Они стояли практически вплотную.

— Поцелуй меня! — отставила руку с папиросой в сторону.

Он целовал ее нежно. Лиза стояла, сначала просто подставив губы, а потом постепенно стала отвечать ему. Протянув руку, он приобнял ее за попу и притянул к себе.

— Не сейчас... Отпусти, сейчас Лида вернется!

Иван наострил ухо, прислушиваясь к тому, что происходит в фойе. Но отпускать ее не спешил. Лиза выбросила папиросу в снег на улицу, прикрыла дверь, и повернулась к нему. Косов снова стал целовать ее, женщина отвечала все более активно, а потом обняла его за шею.

— Ну все... все. Отпусти. Давай уже чай пить.

«Писец! Как мне «нравятся» эти «закидоны» — кто бы только знал! На хрена тогда сама затеяла этот разговор?».

Он поставил чайник на керосинку, и сев на топчан, стал перебирать струны гитары. Лиза стояла у дверей, отвернувшись от него.

«А все-таки она — хороша! Вон какие ноги длинные и красивые! По крайней мере — до колена, как сейчас видно! Да нет — там и выше все в норме, бедра же видны под юбкой. И попа — шикарная! Грудь тоже — очень ничего! На лицо — так просто — красавица. Вот только эти тараканы в голове, блядь! Это что-то!».

— А у меня... еще песни есть. Детские.

Она хмыкнула, посмотрела на него:

— Все-таки хочешь меня... соблазнить?

— А ты... не хочешь? Или хочешь?

— А я... не знаю. Вань! Ты же младше меня... намного. Зачем я тебе? Вон... у тебя молоденькие девушки есть.

— А мне может быть такие как ты нравятся? Интересные, красивые женщины...

Она засмеялась.

— А-а-а-а... Лида — тебе тоже нравится? — и смотрит внимательно.

«И что тут говорить? Чего она ждет?».

— Да, нравится. Вот ничего здесь не поделать — вы обе мне нравитесь!

Она хмыкнула, покачала головой.

— Ну ты и фрукт! Тебе же восемнадцать. Откуда... такое?

В этот момент за дверью послышались шаги и в комнату зашла Лида. Она с недоумением перевела взгляд с Ивана на подругу.

— Ой! Я кажется... невовремя.

— Не говори глупостей, подруга! Сейчас этот мальчишка будет нас чаем поить! Ну давай, завари чай получше, да доставай... что у тебя есть? Мед? Очень хорошо! И варенье? Отлично! И давай, признавайся, какие у тебя еще песни есть!

— Вы что — поругаться уже успели? — Лида была ошарашена, — а с чего?

— Представляешь, Лидочка, этот юнец сказал, что я старая для него и поэтому ему от меня ничего не надо! Представь — так меня... оскорбить?!

Похоже, физиономия у него была... та еще. Потому как обе женщины, посмотрев на него, расхохотались.

«Весело им, самкам собаки! Ничего-ничего! Будет и на нашей улице праздник! Я тебя, Лизонька, еще... уестествлю... самыми разными способами! Тут уж... дело принципа

становиться, как в ситуации с Варенькой! Тем более... ты сейчас сама показала, что дело это — небезнадежное!».

После посиделок с Лидой и Лизой, он напрягся и смог вытащить из памяти еще несколько детских песен, которые записал. А потом — насел на Илью, и они за несколько дней записали музыку к текстам. Переругались за это время — просто вдрызг! Илья стал изрядно доставать попаданца своим менторским тоном, нравоучениями, и зачастую подчеркнутым морализаторством.

Они бы и совсем разругались, и Косов уже стал серьезно задумываться о переезде к Фатьме, но ситуацию несколько сглаживала Тоня. Поняв, что плодотворной работы авторов может не получиться, она просто приходила и сидела, пока они подбирали музыку и спорили. В самые бурные моменты, прямо вмешивалась, остужая Илью и укоризненно поглядывая на Ивана. Под ее взглядом, Косов тушевался и старался вести себя сдержаннее, а Илью она пару раз просто брала за руку и уводила в кабинет, откуда он возвращался уже более спокойным. После разговора... или какой другой релаксации. Хотя... сомнительно.

В итоге, когда они прогнали уже итоговые варианты, Тоня, а также пришедшая в зал Лида, захлопали в ладоши.

— Какие же Вы молодцы, ребята! Какие славные песни у Вас получились! — Тоня была искренне рада. Она расцеловала Ивана в щеки, а надутого директора — прямо в губы! И поцелуй, как заметил Иван, был вовсе не целомудренный.

«Интересно, а сколько эта славная девушка будет терпеть занудство Ильи? Она что — и правда его любит? В общем-то понятно, почему в свое время Варя сбежала от Илюши к Калошину!».

Несколько смущенно директор бормотал:

— Нет, так-то еще нужно отшлифовать. Не нравится мне кое-что, как-то неправильно звучит!

Они уже более или менее спокойно переместились в комнату Ивана, и пили чай с пирожками, которые принес Косову Мироныч. Здесь же сидела и Лида, слушала, улыбалась, попивая чай.

Еще они обсудили, как передать песни в райком комсомола, скажем так — для согласования. Иван рассказал Илье про ситуацию в филармонии, и про догадки Калошина с обманом при оформлении песен, и денежным отчислениям за них. Директора это не удивило.

— Вполне возможно такое! Я немного знаю руководство филармонии. Там, действительно, странные, если можно так сказать, люди. Случайные в искусстве.

Илья принялся спорить с Тоней, как лучше все это сделать, чтобы и песни до людей дошли, и самим обманутыми не остаться.

— Слушай, Иван! Я тут Киру видела, она про тебя спрашивала, говорила, что ты совсем забыл про вступление в комсомол. Ты хоть готовишься? Устав знаешь? По политическому моменту в стране и мире — готов на вопросы ответить? — вспомнила вдруг Тоня.

Косов хмыкнул и несколько растерянно почесал затылок. Устав-то он читал. Немного. И газеты тоже почитывает, чтобы уж совсем из жизни не выпасть. Но вот выдержать серьезный опрос... Тут он уже не был уверен.

— Знаете, парни, что я придумала? — Тоня лучилась радостью, — а что, если, договориться с Кирой, и твое вступление в комсомол совместить с таким концертом, для

актива райкома? Соберутся товарищи работники, общественники еще, а Вы перед ними выступите! Это будет самой лучшей характеристикой для тебя, Иван! С такими-то песнями!

Директор почесал нос, буркнул что-то.

— Илья! Ну что ты бурчишь? Скажи толком, что не так? — Тоня переключилась на критика ее предложения.

— Да нет... все так. Хорошее предложение! Только вот... согласятся ли в райкоме? Там люди тоже заняты.

— Вот и совместят работу с отдыхом! И Ивана примут, и концерт послушают!

— Ребята! А мне вот непонятно — а Лиза-то с ребяташками могут уже эти песни разучивать? — Лида переводила взгляд с Ивана на Илью.

Илья задумался.

— Да что тут думать-то? Конечно же — пусть разучивают, да поют! Чего ждать-то, пока все эти бюрократические вопросы разрешаться? Эти же песни для детей и есть! — не понял молчание директора Косов.

Илья кивнул головой:

— Думаю, будет правильно, если Елизавета Николаевна придет сюда. Мы с ней поработаем, чтобы она сама песни разучила. А может... сразу с ребяташками? Хотя нет... пусть сначала одна придет! Вот завтра пусть и приходит, сразу после уроков!

Когда Тоня и Илья ушли, Лидочка чуть задержалась в дверях комнаты.

— Иван... Я хотела с тобой переговорить, — женщина явно мялась, не решаясь начать разговор.

— Ну так... садись. Давай поговорим, — Косов не понимал, что ему предстоит услышать.

«По прошлому разу? Ну да... и я как-то перегнул. Наверное... и Лиза что-то уж быстро захмелела. Вряд ли она стала бы целоваться и так себя вести, будучи трезвой».

— Я не знаю, с чего начать... Может это и не мое дело, — женщина залилась румянцем, — Иван... А что ты испытываешь... к Лизе? Пойми, мы подруги, и мне не безразлично, что происходит с ней.

Она отводила взгляд и старалась не встречаться с ним глазами.

«Ну вот еще... Вот как общаться с этими... интеллигентками? Насколько легче с женщинами попроще! Что ей говорить-то? Что я хочу трахнуть ее подругу? Так я и ее саму трахнуть бы не отказался!».

— Лидочка! А ты сама как считаешь, что с ней происходит?

Она засмушалась еще больше.

— Я... я не знаю. Она как... сама не своя была. Ведет себя... как девчонка молоденькая! Понимаешь, Иван... Только пообещай, что все что я скажу останется между нами? Иначе ничего говорить не буду!

«Как будто это я этот разговор затеял!».

— Да, обещаю! Можешь быть спокойна, то, что я услышу, никто не узнает!

— Видишь ли, Иван... Она, Лиза... она очень хорошая! Умная, веселая. Учитель хороший, ее дети любят!

«Господи! А это-то тут при чем? Ее любят дети, ее уважают родители, ага!».

— Только вот ей... не повезло. Она же... она замужем была. Вот! Они с мужем сюда приехали, в Красно-Сибирск, по его назначению. Он — командиром РККА был. А здесь он... с другой спутался! Представь! Ну не подлец ли? Таковую умницу и красавицу на кого

променял?! Хотя... нет. Та — тоже ничего себе была дамочка! Но... такая, деревенская. Кровь с молоком, как говорится! А сама... дура душой! Но — хитрая! — речь Лидочки особой логикой не блистала. Было видно, что женщина волнуется и стесняется.

— И вот... Он сначала... просто изменял Лизе. Встречался с той... кобылой! Извини уж меня, но что есть, то есть! А потом, когда Лиза узнала... случайно... устроила Павлу скандал. Он собрал вещи и ушел!

«Типичная история... Банк Империл! Мля! Это называется — горе от ума! Скорее всего, парняга-то тоже был... не городской! Жена... такая женщина — умница, красавица. Закомплексовал хлопец. А тут — понятная и привычная бабца появилась. Вот и рванул красный командир туда, где проще и понятнее!».

— Извини! А что... детей у них не было?

Лидочка вообще вся запунцовела.

«Что это с ней? Чего она так? Что я не так сказал? Блядь! Дебил! У нее же тоже детей нет! Вот же я — идиот! Язык без костей, голова — без мозгов!».

Он подскочил к женщине, присел перед ней на колени и взял за руки.

— Лидочка! Ты прости меня, идиота! Я ведь не хотел... Просто — дурак дураком!

Она попыталась вырвать ладошки из его рук и вскочить. Но он не дал. Встал, притянул ее к себе и обнял. Мельком заметил, что на глазах у той набухли слезы.

«Вот же баран... бесчувственный!».

Она попыталась вяло вырваться, но он опять удержал ее. Только прижал к себе сильнее. Гладил по волосам, шептал какую-то успокоительную чушь ей на ушко. А потом... губами и поцелуями стер слезы с ее щек.

— Ну что ты... ну что ты, родная моя... Ну перестань! Дурак я, как есть дурак... Глупый...

Лида стояла, уткнувшись ему в грудь, чуть слышно всхлипывала и вздрагивала плечами.

«Хуже нет... вот так успокаивать женщину! Расцарапал ей... болячку... грязными когтями!».

Постепенно женщина успокоилась.

— Ну все... пусти... все... все, я спокойна! Пусти... а то... еще Илья... или Тоня зайдут, а мы тут...

Он обхватил ее лицо руками, нежно, почти невесомо. Поднял его вверх, к своему лицу.

— Дай я посмотрю, как ты успокоилась... Ну что ты... ну? Хорошая моя? Зачем плакать? Все будет хорошо!

А потом... чуть наклонился и нежно поцеловал ее в губы. А она не отстранилась. Правда и не поддержала — тоже.

— Ну все... давай ты сейчас умоешься. И мы чаю попьем, хорошо? Может — с коньячком?

Она криво улыбнулась еще дрожащими губами:

— Ага... с коньячком! Вон как Лиза... в прошлый раз! Нет уж! Тебе меня подпоить не удастся!

— Ну что ты! У меня и в мыслях не было! Да и в прошлый раз... я и сам не ожидал, что так получится. Просто Вы держите, держите в себе всё... нервы постоянно напряжены, а потом — раз! И срыв! Надо же... как-то уметь расслабляться, скидывать с себя все эти беды и тревоги. Отдыхать душой и..., - Иван поперхнулся, проглотив окончание фразы.

Она засмеялась:

— Хотел сказать — и телом? Да? И ты тут как тут? Помощник — телом отдохнуть...

Он опять поцеловал ее.

— А вот зря ты смеешься! Зря! Уже и врачами доказано, что женщине нужно... отдыхать... и телом тоже! Знаешь, что такое оргазм? При этом в голове у женщины формируются гормоны счастья. И даже как обезболивающее действует! И почаще, почаще!

Она, смеясь, оттолкнула его:

— Да-да... и тут ты, как тот доктор! И излечит, исцелит добрый доктор Айболит! Целитель нашелся!

«Да... Лысый из Браззерс!».

— Лидочка, душа моя! Но разве я не прав? Ну подумай сама..., - он попытался снова ее обнять.

— Ваня... отпусти! Войдет кто-нибудь! Неловко же получится!

Он все же обнял ее, поглаживая по спине. Потом подумал... и рискнул опустить руки пониже.

— Ага... а я думаю — когда же он начнет? — она засмеялась, уткнувшись ему в грудь.

Он продолжал ее поглаживать по попе, чуть сжимая ладони.

— Ну все... все. Прекращай! Мы же поговорить хотели. Забыл?

— Тебе не нравится?

Она помолчала:

— Нравится... Но это ничего не значит!

«Если женщина говорит, что это «ничего не значит», тут несколько вариантов — что это все же «что-то значит», что это действительно — «ничего не значит», или же — значит, но вовсе не то, что ты подумал!».

Он поцеловал Лиду и почувствовал, что пусть и очень слабый, почти неслышимый, но все же отклик в ее губах был.

Тяжело вздохнул, и отпустил.

— Ты чего так вздыхаешь? Расстроен? Надеялся на что-то большее? — она смотрела уже весело, — тут две интересных женщины к нему чуть в постель не упали, а он грустно вздыхает!

— Ну... не упали же!

— Ваня! Я вот хотела спросить — ты с чего такой... Не знаю даже как сказать...

— Озабоченный? — хмыкнул Косов.

Она засмеялась:

— Ну да!

— Лидочка! Я молодой парень, мне положено хотеть женщин — так природой заложено! А тут Вы... красавицы, умницы! И что? Или было бы лучше, если бы чурбан-чурбаком бы сидел?

Опять легкая тень промелькнула на ее лице.

«Похоже, чурбан — ее муж!».

Но она встряхнулась, как та собака, и посмотрела на него:

— Так... Все-таки... Лиза, она уже три года одна. И никого к себе не подпускает!

— А... были варианты?

Лида усмехнулась:

— Варианты, как ты говоришь, были. Подкатывали, если можно так выразится, к ней тут... некоторые. Только вот она — все с улыбкой, да смехом... и ни-ни! А сейчас... я даже

не могу понять, что произошло. Ну да... симпатичный мальчишка! Смазливый даже... Ну... умный, не отнять. Стихи вон пишет! Но все равно — мальчишка! И вдруг... Слушай! Вот я и в школе, и так... по жизни, видела массу парней твоего возраста. Но... ты ведешь себя... странно! Откуда такая напористость, такой... опыт в общении с женщинами? Как будто мужчина опытный, и бабник отъявленный?

— Это... плохо?

— Ну а что же здесь хорошего? — удивилась она.

Он задумался.

«Штирлиц был близок к провалу!».

— Видишь ли, красавица...

— Вот! Вот — опять! — она обличающе ткнула в его сторону пальцем, — никогда, никогда восемнадцатилетний парень не стал бы обращаться так к женщине, которая старше него!

Он поднял руки:

— Все! Сдаюсь, сдаюсь! Признаюсь — во мне сидит демон похоти, силами зла завладевший телом юноши! — Иван помолчал, — так лучше?

Она, чуть прищурившись, наклонив голову набок, разглядывала его:

— Знаешь, если так было бы можно — это все бы объясняло! Инкуб? Или какой-нибудь... сатир?

«Ну да. Дама же начитана... сверх меры!».

— Страшно тебе, женщина, сосуд греха?! Как не упорствуете Вы с Лизой, а соблазню Вас обеих! Вы будете принадлежать мне! И только мне! Вы будете выполнять все мои прихоти! Трепещи — ибо прихоти сии будут безгранично греховны! Я ввергну Вас в пучину похоти и сладострастия! Вы забудете самоё «Я»! Вы забудете стыд, а Ваша скромность сгорит как мотылек на огне свечи! — басом пророкотал Косов, на последних словах раскинув руки в стороны и вверх.

Она хмыкнула:

— Надо было стоя это произносить — было бы достовернее!

— Ну вот... хреновый с меня актер, да?

— Да нет... вполне нормально получилось. Так все-таки ты... за кем ухлестываешь? За мной? Или за... Лизой?

«Как там в «Винни Пухе»:

— Вам хлеб чем намазать — медом, или сгущенным молоком?

— И того, и другого... и можно без хлеба!».

— Вот почему в жизни чаще всего вопрос стоит — или-или? Почему нельзя — и то, и то? — расстроился Косов, вполне искренне, между прочим!

— А ты нахал, Ванечка! — она была удивлена. И его слова ее развеселили!

«Вот что-то мне сейчас подсказывает, что она даже как-то облегченно это произнесла... Или я ошибаюсь?».

— А что делать-то? Не мы такие — жизнь такая! Слышала небось: наглость — это второе счастье?

«Ага... где была скромность — там вырос... ага — он!».

Лида покачала головой.

— Только, Ваня, если ты хоть словом, хоть делом... Лизу обидишь... я не знаю, что с тобой сделаю! Так и знай! Она... я пока болела, она... она — горшки за мной выносила!

Она... она как сестра мне. Ясно тебе?!

— Да почему же я ее обидеть захочу? Ты уж монстра из меня не делай! Я... я к тебе и к Лизе... я очень хорошо к Вам отношусь!

Она вздохнула:

— Похоже, чая я сегодня не дождусь...

Он поставил чайник греться.

— Слушай... только пойми меня правильно... Я понял, как все было у Лизы. И почему ты так к ней относишься. А про себя... почему за себя не переживаешь?

Они пили чай, и Иван слушал, и слушал Лиду. Она безропотно согласилась на коньячок в чай, и ей даже помогло это. Хоть с грустной улыбкой, но вполне спокойно, она «плакалась в жилетку» Косову.

Ну да — умненькая девушка. Хорошо училась, вполне себе красавица. Но вот мама у нее... мда. А папа — похоже — подкаблучник! Так часто бывает в семьях интеллигенции. А потом мама решила, что если уж дочка заканчивает институт, то пора присматривать ей «подходящую партию». И присмотрела. А то, что мужчина старше дочери лет на пятнадцать — так что с того? Самостоятельный, хозяйственный, с высшим инженерным образованием. Только вот — сухарь и педант. Ну так — это даже и не недостаток, в глазах матери-то!

Похоже и сама дочка думала — да хоть за кого, лишь бы от мамы подальше!

«Какой-то Ипполит получается! И тут я, как тот Лукашин — распиздяй, но — такой обаятельный!».

Они проговорили долго. Точнее — она говорила, а он только поддакивал, хмыкал, и выражал прочие маловербальные эмоции. В процессе Лида выпила три кружки чая, да все — с коньяком. Отчего повеселела, зарумянилась и стала выглядеть куда как привлекательной.

— Ну вот... поплакалась в жилетку... Надо идти работать! — она встала и попыталась выйти.

Он опять придержал ее, обняв и поцеловав.

— А Лиза? Она в качестве жилетки не подходит?

— Ха! Много ты понимаешь в женских разговорах! Подходит, конечно! И не раз уже использовалась. Только... Иногда и мужское плечо рядом нужно. А так... Если я начну ей в жилетку плакаться, там у нее и своих проблем... Знаешь... Как же это... Вот — резонанс получается — мои слезки, да плюс — ее печали! Такой рев в два горла получается, что только вино и спасет! А с вином-то — и спиться можно. Очень быстро.

— Ладно, Ваня, спасибо тебе! И хватит уже меня за... попу тискать! Все, все... Отпускай!

А перед дверью — сама поцеловала его! И очень нежно! Вот так вот!

На следующий день они с Ильей устроили презентацию песен перед Елизаветой Николаевной. Учитель пришла не одна, а с молоденькой девчушкой. Тоненькая, русоволосая, эдакий — мышонок! И глазками так — глядь-глядь по сторонам. Но сурьезная — жуть! И галстук пионерский на тонкой шее. Но на лацкане платя — комсомольский значок.

— Это наша пионервожатая, зовут ее — Катерина! — представила Лиза девушку.

— Ну... «Орлят» Вы, Елизавета Николаевна, уже слышали! — в присутствии других Иван был с женщиной официален.

— А можно... еще раз. Пожалуйста! — Лиза посмотрела на него. И что-то мелькнуло у нее в глазах, неофициальное.

Ну что же... Спел, под аккомпанемент своей гитары и аккордеона Ильи.

— Это же... Это же — как здорово! — восторженно посмотрела на Лизу Катюшка.

Они втроем с Ильей принялись обсуждать, как бы это звучало...

— Хор. Здесь должен быть хор с солистом! — произнес Иван.

— Да, правильно! Катя, солистом будешь ты! — без тени сомнений посмотрела на пионервожатую Лиза. Та смутилась. Они еще поспорили — девушка пыталась предложить другие кандидатуры.

— Не спорь! Я знаю твой голос! А то, что ты предлагаешь, может быть и неплохо, но и только!

— Дружба крепкая не сломается,

Не расклеится от дождей и вьюг!

Нужным быть кому-то

В трудную минуту,

Вот что значит

настоящий, верный друг!

Последний куплет он пригласил их спеть всем вместе. Ох уж эти восторженные, горящие глаза! Девичьи, женские! Они пели все вместе — и он, и Илья, а также Тоня, Лиза, Катя и даже подошедшая сюда Лида!

Когда восторги женского пола стихли, от дверей зала послышались звонкие аплодисменты. С удивлением Иван увидел, стоящую в дверном проеме Киру. В расстегнутой короткой шубке, в меховой шапочке, с румянцем на щечках и с горящими глазами — она была чудо как хороша!

— Как я вовремя! Какая чудесная песня! Илья! Иван! Вы... вы просто — молодцы! У меня просто слов нет, какие Вы молодцы! — восторженно звенел ее голос.

«А вот Лиза с Лидой, как-то... переглянулись!».

— Кира, здравствуй! Очень хорошо, что ты приехала! Вот, оценишь наше творчество, — Илья здесь был кстати! — у нас еще несколько песен есть.

Зрители-оценщики расселись по скамьям зала. Лиза, Лида и пионервожатая — в одну группку, а Кира, и примкнувшая к ней Тоня — в другую.

— Вместе весело шагать по просторам,

по просторам, по просторам!

И конечно припевать лучше хором!

Лучше хором, лучше хором!

Здесь зрители уже самостоятельно присоединились к ним с Ильей на припевах.

— В школьное окно смотрят облака,

Бесконечным кажется урок!

Слышно, как скрипит перышко слегка,

И ложатся строчки на листок!

Допевая песню, Иван видел, как расчувствовались женщины. Покусывала губки Кира

как, достав платочек, вытирала уголки глаз Лида; даже Лиза прикусила поднесенный ко рту кулачок. Только Катя просто восторженно смотрела во все глаза на Ивана.

«Ну... это она еще просто молодая совсем, чтобы не испытывать таких чувств, как остальные женщины. А вот этот восторженный взгляд — мне не нравится! Совсем не нравится!».

— Песня выпускников! Это песня выпускников, правда ведь, Елизавета Николаевна?! — по окончании песни повернулась Катя к учительнице.

— Да, так и есть, Катюша! — расчувствовавшаяся Лиза, улыбаясь сквозь слезы, ответила той.

Оставив Илью с Лизой и Катериной что-то обсуждать в зале, он, с Кирой и Тоней прошли в фойе.

— Чаем напоишь, Иван? — улыбалась Кира.

— Тонечка! А пошли с нами чайку выпить? — пригласил он.

— Тогда уж... всех нужно приглашать. Время уже — обеденное. Вот и попьем чая, все вместе!

— Лады! Я пошел чайник ставить. На такую компанию надо большой ставить, а он не быстро закипит.

— Иван! Можно у тебя в комнате одежду скинуть? — спросила Кира.

— Пойдем, — отчего-то он смутился.

Когда они зашли, он принял у девушки шубку и шапку, повесил их в шкаф.

— Вань! Ты бы не краснел так, когда я к тебе обращаюсь, — улыбалась Кира, — мне даже не понятно — ты такой... бабник... а так краснеешь! С чего бы это?

«Троль! Она троль восьмидесятого левела!».

Спасло его то, что следом, постучав, в его комнату зашла Тоня, а потом и все остальные. Весело переговаривались, делились мнением о песнях

— А Катюша где? — удивился Иван.

— Убежала Катюшка! Что-то совсем засмушалась она. Хотя так-то она бойкая у нас! Даже удивительно! — пожала плечами Лиза.

Лида наклонилась к той. Ивану послышалось «инкуб», произнесенное шепотом. Лиза удивилась, потом наклонившись к Лиде, что-то шепнула, фыркнула, засмеявшись. Кира удивленно посмотрела на женщин, но промолчала.

В такой большой компании общение было затруднено, хотя Иван предполагал, что Кира пришла с какой-то конкретной целью. Обсудили их песни — тут все были в восторге. Особенно соловьем заливалась Лиза, рассказывая, как здорово будет, когда она со школьным хором их разучит.

— Мне кажется, что и... вы... Елизавета Николаевна, и вот Тоня, делаете большую ошибку, пытаясь привлечь к своим занятиям как можно большее количество участников, — решил донести свое видение Косов, — что хоровое пение, что — вот танцы, они, как занятия любым другим творчеством — не каждому даются. Нет слуха, нет голоса — и вот участник хора уже портит все пение других. Так же и с танцами — если человек коряв от природы, как его не учи, ничего стройного, плавного и красивого не выйдет.

Обе молодых женщины, переглянувшись, бросились в атаку:

— Иван! Ты ничего не понимаешь! Практически любой голос можно встроить в хор, если знать как! — это нападала на него Лиза.

— Любого человека можно научить танцевать! И ты сам тому пример! — обвиняюще

наставила не него палец Тоня.

— Погодите, погодите! Дайте сказать! Вы даже не выслушали до конца! Я не спорю — почти любого можно научить танцевать... более или менее хорошо. Но! Для выступления со сцены — этого явно недостаточно! И ладно бы, если человек сам старается исправлять свои огрехи, пытается развиваться. А если — нет? Вот посмотри на себя, Тоня! Ты уже давным-давно занимаешься танцами. У тебя и фигура сформировалась под эти занятия, вон какая стройная, ножки крепкие. Растяжка опять же. Шпагат-то делаешь и продольный, и поперечный. И сейчас не манкируешь разминкой, даже перед занятиями с детьми.

После слов Ивана, все тотчас же посмотрели на девушку, которая продолжала оставаться в трико, после занятий с детьми. Тоня смутилась такому вниманию и заерзала.

«А что — и правда, ножки-то — на зависть многим девушкам и женщинам!» — подумал Косов и поймал на себе недовольный взгляд директора. «Бля... об этом Отелло я как-то и не подумал!».

— И вот представь, Тоня, к тебе приходят ребята у которых ничего этого нет — ни физической подготовки, ни той же растяжки, да даже чувства ритма — нет! И что получится? Да ничего хорошего! Будут они плясать у тебя — кто в лес, кто по дрова! Те, кому от природы достались хорошие данные, будут укладываться в картинку, а кто нет — портить всю малину!

— И вот... Елизавета Николаевна! У кого есть голос — тот будет петь, а у кого нет? У кого медведь на ухе потоптался?

— И что же ты предлагаешь? — спросила учительница.

— Вам необходимо провести отбор! Кто соответствует требованиям — с тем вести плотные занятия, даже... пусть будет — кто подает надежды. А если нет — то и время тратить не стоит! Подтягивая отстающих, вы теряете время, и не получаете результата!

Огрёбся он славно — и от Лизы, и от Ильи. Только вот Тоня в его осуждении участия активно не принимала. Была задумчива. Видно, и у самой что-то такое в голове мелькало!

Потом Тоня озвучила Кире предложение по концерту в райкоме, приуроченному ко вступлению Ивана в комсомол. Та заинтересовалась и пообещала подумать и посоветоваться с комсомольцами. Так вся компания «щербетала» довольно долго, уже и темнеть за окном начало. Только Лида время от времени уносила в библиотеку, когда приходили читатели.

— Иван! Ты проводишь меня до станции? — обратилась к нему Кира.

— Да, конечно!

Они вместе вышли из клуба и некоторое время шли молча. Падал легкий снежок, погода была чудной. Чтобы не молчать, Иван спросил:

— Ну как у тебя дела? Как учеба?

Девушка хмыкнула, покосилась на него:

— Да нормально все! Учусь...

— Да! А что это Зиночки давно не видать? Пропала с концами!

Кира негромко засмеялась:

— А это у тебя спросить нужно — это что за отношения у Вас, если Вы по месяцу не видите?

— Да какие там отношения... Подруга у тебя... видно поиграть вздумала, да что-то быстро наигралась.

— Ну не скажи, не скажи! Первое время после того застолья, она как на крыльях летала! Все щербетала — ах-ах! А сейчас... повздорили мы с ней! — нахмурилась Кира.

— А что так? Вы же подружки — не разлей вода?

— Да... А ты знаешь, что у нее новый ухажер появился? — Кира с интересом смотрела на него, ожидая реакции на такое известие.

— Да ты что? Ах негодница! Ох и изменщица! — картинно возмутился Косов, а потом расхохотался, — да на здоровье! Главное, чтобы ей понравилось! Ну что смотришь? Думаешь — ревновать и беситься буду? Нет! Не буду. Зиночка, конечно, девушка красивая и... мне было хорошо с ней. Но вот не капельки не ревную. А знаешь почему? Да потому что мы с ней сразу определились, что ничего серьезного у нас с ней быть не может... так... временная интрижка!

Кира была... обескуражена и видно, что раздосадована.

— Ну... так же нельзя! Отношения... это же — серьезно! Я вообще не думала, что Вы такие... легкомысленные!

— Ладно про нас с Зиной! У Вас-то с Сергеем как?

И опять заметно, что она недовольна.

— Да что у нас с Сергеем... Нормально все. Сережа все учится. На аэродроме целыми днями пропадает, бензином уже весь провонял. И появляется, как ясно солнышко зимой — ненадолго.

«Скучно как-то... без интереса».

— Ты вот лучше скажи — ты в комсомол вступать намереваешься, или нет? Или тебе все равно? — нашла тему поинтереснее Кира, и сразу оживилась.

— Ну так... вроде бы уже обсудили, разве нет?

— Ты знаешь... этот Ваш комсорг совхозный... Тот еще фрукт оказался! И с характеристикой все тянет, и вообще... какие-то разговоры ведет. Вы с ним поругаться успели, что ли?

— Да так... Не поругались, скорее — не сошлись во мнении, — пожал плечами Иван.

— Он какой-то... с душком, как по мне!

«Это точно!» — молча согласился с Кирой Косов.

— Да? Что-то он против тебя затаил, мне кажется! А ты знаешь... что он — ко мне подкатывать пытался! А когда я выразила недоумение, перевел на шутку! А еще... он все какие-то намеки делал... ну... про нас с тобой... Как мне показалось! — девушка засмеялась и посмотрела на него.

Они уже, вроде бы и не торопясь, а тем ни менее — подошли практически к станции. Стемнело, и девушка, в своей короткой кроличьей шубке и меховой шапочке, казалась Ивану... какой-то загадочной. И лицо только угадывалось в темноте, чуть отсвечивали глаза на огни станции, да все чудилась улыбка на ее губах.

Все это время державший себя в руках Иван, старавшийся даже не показывать своего волнения от близости Киры, буквально давивший это самое волнение внутри себя, вдруг не выдержал. Он потянул девушку на рукав, разворачивая ее у себе лицом, а потом сделал шаг и оказался вплотную к ней.

«Как хорошо, что все-таки она пусть и высокая, но примерно моего роста! Глупо было бы сейчас тянуться губами к ее губам!».

Ее глаза смотрели с интересом и... ожиданием. И губы, такие близкие и манящие!

Он обнял ее руками за талию и...

Сзади слышались пьяные голоса. Кто-то что-то весело обсуждал, обильно перемежая родную речь, не менее родными ядреными оборотами.

«Млядь такая! Что бы этим алкашам по другой дороге не пройти! Ур-р-р-роды, блядь!». Девушка отстранилась от него и была тоже обескуражена!

А алкаши все ближе подходили к ним. Косов повернулся посмотреть — от крайних строений станционного поселка по дороге в совхоз шли двое. Один пониже и пощуплее, а второй — коренастый... и какой-то... знакомый. Уличные огни станционного поселка засвечивали, не давая разглядеть подходящих. А вот они с Кирой — напротив, были как на картинке!

— Это ты посмотри, мелкий, кто это у нас тут любовь крутит! Это ж артист! Ох ты ж! Повезло нам!

— Ага... он! И смотри-ка, какая с ним фря городская! — фальцетом донеслось от мелкой фигуры.

«Бычок... Вот так встреча! А я о нем и забыл!» — с досадой подумал Косов.

— Ага, ага! Щас мы с этим артистом поговорим, а потом и фрэй этой займемся! Ну что, певец-киномеханик... забыл про меня? А я вот нет... удачно, удачно все вышло сегодня! И посидели славно и вот... размяться не помешает!

— Ты, баран, прошлый раз забыл? Размяться ему. Сейчас ты у меня, тля, разомнешься! — Ивана как-то сразу накрыло злобной волной.

«Вот же ж... сука где, а? И так все было славно... Кира... А теперь... И что эта тварина про Киру вякает?!».

Косов машинально потянулся к рукаву пальто.

«Нет! Нельзя! Только кулаки, а то прирежу еще эту падаль, а потом отвечай за это гавно!».

— Иди сюда, мразь! Я тебе в прошлый раз до конца не объяснил, где твое место! Сейчас буду исправлять ошибку!

Но Бычок, видно сделавший выводы с прошлой стычки, на рожон не лез. Он отошел чуть к центру дороги и стоял, опустив руки и набычившись.

— А ты, сопляк, если целым остаться хочешь, беги отсюда! Иначе — жопу распиною! — рявкнул Косов.

Но пацан только хмыкнул и отошел чуть подальше.

Они немного походили друг против друга, внимательно глядя на соперника. А потом...

«Три пятнадцать! Понеслась!».

Иван не стал ждать, и быстрым шагом, сократив расстояние, попытался пнуть Бычка в бедро. Не получилось. Тот все же помнил прошлый раз, и отпрыгнул назад.

«Да вот ни хрена у тебя не выйдет!» — Иван продолжил движение и еще раз попытался пнуть соперника, теперь уже — под колено. Благо на ногах были берцы, а не валенки, которые хотел одеть сначала.

«Пофорсить перед девушкой захотелось, вот они, эти берцы — сейчас к месту и пришишь!».

— Ты чё опять пинаешься, козел! — заверещал откуда-то сбоку прихвостень.

Вроде бы попал, потому как Бычок взревел и бросился ему навстречу.

А потом — они месили друг друга. Куда только делись все занятия Косова, его отработка ударов по мешку с песком?! Драка, обычная драка, дикая и ожесточенная!

Косов все пытался уклониться от прямых ударов Бычка, помня про его кулаки. Но вот уже и правый глаз залило — не иначе бровь разбита! И дышать как-то... не получается в полную грудь.

Косов отскочил назад, разрывая дистанцию, сплевывая на снег кровью.

«Пиздец губам! Нацеловался всласть!».

Радовал тот факт, что и Бычок, стоявший в этот момент полубоком к уличным фонарям, обильно кропил снег юшкой, стекавшей из носа.

Кира стояла на противоположной стороне, прижав руку ко рту. Молча стояла.

«Ай молодец девушка! Ай молодец! Никаких тебе истерик; глупых криков — «Прекратите немедленно! Я сейчас милицию вызову!»». Понимает, что и милиции тут не вызвать, и драку — не остановить. А значит — правильно! Не мешать!».

Бычок опять с ревом бросился на Косова, попытался обхватить и сбить с ног.

«На хуй, на хуй — кричали пионэры! Если он меня собьет, а потом и сверху усядется — все, пиздец!».

Иван развернулся боком, сбил руку, идущую на захват и крепенько так! на — в морду, промелькнувшую мимо!

«Ага... хорошо пошло!».

Бычка повело в сторону. Не давая ему развернуться и прийти в себя, Косов снова подшагом вперед, и снова — правой!

«Ай бя... как нехорошо... в лоб! Кисти — писец! Больно-то как! Аж в глазах прояснилось!».

Но и Бычка опять повело. Не упуская момента, Косов с разворота вбил носок берца в брюхо противнику. Тот хекнул и, вроде бы, попытался упасть.

«Хрен там! Вот же скотина крепкий какой, а?!».

Опять стоят напротив друг друга. Только вот Иван чуть отдышался, а вражине этому — не дал. Тяжело дышит Петруха, никак дыхалку не восстановит.

И снова Косов пошел вперед, пытаясь вырвать инициативу. Вот только... не дал ему это сделать пинок по ноге... прилетевший откуда-то сзади.

— На тебе, сука! На! — «это ж шакаленок все-таки влез в драку? вот же сучонок! ну... погоди, я до тебя доберусь!».

А пока, сбитый на шаге, Иван упал на Бычка, фактически обхватив того за одежду.

«Хорошо, что вообще не упал ему под ноги!».

А сзади слышались взвизги, маты и крики. Кричал пацаненок, и что-то зло выговаривала Кира.

«Ого... там похоже... кого-то уму-разуму учат?».

Ожидая удара сверху, который бы и поставил конец противостоянию, Косов, категорически не желая этого, пошел на заведомо нечестный прием. Отпустив правой рукой одежду Бычка, с короткого замаха, он пробил как получилось... ага... именно туда и пробил! Получилось... не очень. Но удар все-таки своего достиг!

Бычок успел ударить его сверху, только Иван чуть отвернул голову. Прилетело все равно — очень неслабо! В глазах сверкнуло, и Косов повалился на снег дороги. Правда, сознания не терял, и, хоть и не видел ничего вокруг себя, но все же — поднялся на ноги и постарался отскочить в сторону.

Проморгавшись от звезд и слез в глазах, Косов увидел, что Бычок стоит, согнувшись и чуть присев.

«Ну и мы мешкать не будем!».

Толчок левой ногой, ногами — ножницы и правой ногой — в ненавистное рыло! Да чуть с разворотом! А потом — прыжком сверху на завалившегося, и...

А вот добить ему не дали!

И крик Киры:

«Ваня! Не надо! Не трогай его больше!». И чьи-то цепкие и сильные руки, стащившие Косова с поверженного Бычка.

— Вот же... блядь! И ведь совсем ненадолго задержались! Ну Петька, ну козлина же!

«Это еще кто?».

Мужиков было двое.

«Если сейчас полезут — ни хрена не смогу сделать!».

Мысли пугались и в глазах плыло.

— Так... это же — киномеханик наш, да? Девушка! Этот парень в клубе работает? — доносилось как сквозь вату.

— Да... да. Ваня! Ты как? Ваня! Не молчи, слышишь меня? — это Кира. Косов это понимал.

— Давайте так сделаем — я Вам сейчас помогу его до клуба дотащить. А вот Николай и этот... щенок... Петьку доведут до дома.

Потом его вели. Ноги стали ватными и изрядно заплетались одна о другую. Голова чего-то прямо не держится, все норовит вниз опуститься.

В клубе начался переполох. Когда его завели в комнату, он все заваливался на спину, на кровати.

— Иван! Сиди ровно! Дай я тебя осмотрую. Иван! Сиди, кому говорю! — это Кира.

И лампочка эта... под потолком. Такая тусклая, казалось бы, в другое время... сейчас светила так ярко, что резало в глазах. Мелькали какие-то лица...

«Ага... вот Илья... что-то бубнит, возмущается! А это... бледное лицо... это — Лида. Очень испуганно на него смотрит! А вот и Лиза... эта — сосредоточена, помогает Кире. Вот и Тоня... мелькнула...».

— Что-что... Сотрясение явное! Так... подними голову, дай осмотрую. Вот же ж! Нос набок... Буду править! Лиза! Подай... полотенца какие-нибудь... Да, вот эти! И тазик какой-нибудь, а то зальем сейчас здесь все!

Потом была резкая боль. Опять слезы из глаз, и маты с языка!

— Ну все, все... Успокойся! Вот же... как ты материться-то умеешь! А нет... не все... Терпи, сейчас еще поправлю!

«Хирург-косметолог хренов! Ай бля!».

— Так... здесь все! Конеч, Ваня, твоему красивому носику! Будет у тебя теперь шнобель, как у матерого боксера! Лиза! Вот так... да. Полотенце держи! Ага... здесь шитье нужно! Илья! Иголки тащи, буду выбирать! И нитки! Тоня! Нитки есть? Да, покрепче нужны! А спирт или водка есть?

Иван, соображавшись сейчас крайне хреново — ткнул рукой в стол:

— Там... водка...

— Молодец... соображаешь! А губы-то... губы... Пельмени какие-то! Все девки! Не целоваться Вам больше с такими ровными Ваниными губками! — Киру несло.

«Она кого сейчас успокаивает? Меня? Или себя?».

В ответ на пассаж Киры о его губах, Лиза фыркнула, а Лида что-то возмущенно пробормотала, отрицая.

— Да ладно! Он что — с Вами обеими целовался? Ага-ага... чего уж отрицать-то? А я-то думаю, что ж он Зинокку-то позабыл? А тут — понятно, такой цветник!

Лиза что-то буркнула Кире, про перебор.

— Да успокойся уже, Лиза! Мне вот обиднее — я-то... и не успела ни разу поцеловаться с ним!

Кира нависала над ним, что-то оттирая чем-то влажным и пахнущим водкой, что-то разглядывала, абсолютно не обращая внимания на его постанывания и шипение при манипуляциях.

— Все Вы, врачи... садисты! — пытался вякнуть он.

— Вот! Видите — живой! Еще и критикует профессионалов! А вы говорите — убили убили. Живой он. И вполне здоровый! А шрамы, они украшают мужчин! Так... давай-ка мы тебя разденем, мне осмотреть нужно.

Он попытался привстать, чтобы раздеться.

— Ты сиди уж! Мы сами... как-нибудь. Лиза! Поможешь? А ты Лидочка, если так боишься всего такого... ты бы лучше вышла. Ага, Тоня! Спасибо! Так... эта игла не пойдет... эта — тоже! А вот эта... эта — нормально будет! Только вот как бы нам ее — загнуть, а?

— Там Мироныч пришел... может он поможет? — пискнула из угла Лида.

— Да, зови его сюда.

Мироныч смутно помаячил в дверях:

— Ага... понял. Сейчас в печи нагрēju, да согну... Да я понял, я аккуратно! Ванька! Эты ты что же — опять с Петькой схлестнулся? Вот же дурак где, Петька этот! Ну — по нему уже давно тюрьма плачет! Ты давай, Ваня, держись... Сейчас тебя эта... докторша добивать будет! Я их племя знаю, они, если раненый не помирает, они — шибко сильно обижаются и тогда всласть мучают его! Им без этого — никак! Они... эта... с людских страданий кормятся...

На Кирина возмущенный возглас, Мироныч захохотал и вышел.

«Шутники, блин!».

Когда его раздевали, он слабо трепыхался, пытаясь помочь.

— Так... это что? И это тебе — зачем? — Кира строгая, прямо — жуть!

«Это они финку в наплече увидели?».

— Так... колбаску там порезать... сальце. Хлеб опять же!

— Шутим, значит? Ладно, потом поговорим!

«Ну вот... до трусов растелешили! И не стыдно же... девушкам? И вон... одним глазом вижу... Лида в углу сидит и тоже смотрит!».

— Ага... синяк... большой! Ну-ка выпрямись! Вдохни глубоко! Еще! Боль есть? Нет... так, дай я послушаю!

«И наклонилась так... нескромно. И ушком прижалась! И вроде боль чуть меньше стала... даже!».

— Не пойму! Будем исходить из того, что трещины в ребрах есть. Тугую повязку на грудь! Ага... правильно, Лиза, эта простынь подойдет!

На слабые возражение Косова оставить ему пространство для дыхания, Кира строго:

— Вот давай ты не будешь под руку лезть! Больной! Ведите себя прилично!

«Это она на его попытку потрогать ее колено?».

— Ага... вот и игла! Ну все, Ванечка! Теперь-то я тебя помучаю! Голову подними! Выше! Ага! Держи так! Лиза, придерживай его, чтобы не дергался!

— Мне так неудобно... сбоку. Давай я на топчан залезу и буду сзади его держать!

— Вот видите, больной! К Вам женщины сами на кровать лезут, а Вы спокойно

посидеть не можете!

— Может... водки ему дать, чтобы не так больно было? — подала голос из угла Лида.

— Г-к-х-м... ну... можно и дать. Хотя... при сотрясении вообще-то не положено. Ну да ладно, налей ему... полстакана хватит!

Он забулькал водку как воду. А потом сидел, только изредка шипя, когда было особенно больно.

— Ну вот... видите, девушки, какой красавец у нас получился! — Кира «жжет»!

— Ты, Кира, видно уже не раз так вот... шьешь! Вон как уверенно, и быстро все сделала, — удивляется Лида.

— Ага... вообще-то я шила первый раз в жизни. Раньше только видела, как другие шьют! — немного смутилась мадмуазель-врач.

— Так это ты на мне... руку набиваешь? — пытался крепиться Косов.

— Вот! Явный пример, что водка ему была не нужна! Он и так бы не умер! А сейчас мы имеем наглого и пьяного пациента!

«Имеем... ага... тут его только и иметь. Коли сам ничего не может!».

— Вот! Я же говорила — наглый и пьяный!

«Это что я, вслух что ли последнее сказал?».

— Так... губу шить не буду. Так заживет. Она же не насквозь разрублена. Ну да — шрам останется, ну и что с того?

Потом, когда его уже обтерли частично водкой, а частично — мокрыми полотенцами, и уложили на кровать, женщины прибрались в комнате, его закачало и куда-то понесло — все быстрее и быстрее. И он уснул.

Он валялся в своей комнате уже пятый день. К нему постоянно забегала Лида, все следила за его состоянием.

Сотряс дал о себе знать, и когда он на следующее утро попытался встать, чтобы пойти и справиться... надобности, его кинуло назад, на топчан, а потом еще и замутило. Хорошо, что Лида была рядом, а то бы и облевал и себя, и все постельное белье.

Очень было неудобно, когда женщина подкладывала под него какую-то чашку, в качестве утки. Он отворачивался к стене и крепко зажмуривал веки.

— Ну чего ты стесняешься? Вот же — глупый! Тебе сейчас лежать надо спокойно! — тихо говорила Лида. И пальцы у нее были... ласковые. Правда, когда Иван, чуть приоткрыл веки, было видно, что женщина сама покраснела.

В такие минуты Иван скрипел зубами и обещал Бычку самые жуткие казни!

И Лиза заходила каждый день, попроведовать. Она немного сидела у кровати, что-то ему рассказывая негромко. И было так хорошо и покойно, что Иван засыпал.

Но уже на третий день стало будто бы полегче.

«Как на собаке заживает!».

Но женщины не давали ему вставать с кровати еще пару дней. Видя, как ему неловко, Лиза, как-то раз проводя эти... «утиные истории», наклонилась у нему и шепотом произнесла:

— А ты ничего там... немаленький!

Он повернул к ней голову:

— Хочешь попробовать?

Она засмеялась:

— Может и попробуем... когда выздоровеешь... А то посмотришь на тебя и прямо оторопь берет — это как же человека «разукрасить» можно?!

«Вот еще... подкалывает!».

А потом к нему заглянул... ага, на огонек, милиционер.

— Косов Иван? — милиционер посмотрел на него и отвел взгляд.

«Мда... с непривычки-то — наверное очень уж «интересное» зрелище я представляю. Как только женщины — Лиза и Лида, его не пугаются? Или привыкли уже?».

— Он самый, товарищ...?

В милицейских званиях этого времени он не разбирался совсем. Да и необходимости такой не возникало.

— Инспектор Цыбин, Павел Геннадьевич!

Был инспектор лет двадцати семи на вид. Подтянутый, чистая форма сидела на нем, как влитая. И на лицо приятный такой — мужественная физия слуги закона!

— У меня к Вам будет несколько вопросов. Вы можете сейчас разговаривать? Как самочувствие?

— Ну... товарищ инспектор, самочувствие мое... бывало и лучше. А разговаривать? Так мы же уже разговариваем, не так ли? — из-за распухших губ говорил Косов невнятно и как-то противно пришипетывая и бубня.

Инспектор кивнул и уселся на табурет у стола.

— Мне вас опросить нужно... по поводу драки.

— А что, есть какое-то заявление?

«Неужто Бычок заяву накатал? Да быть такого не может! Или он уже совсем — гнида? Его же потом в деревне совсем уважать перестанут!».

— Есть заявление, да.

— А... от кого заявление, товарищ инспектор?

— А Вам, Косов — не все ли равно? Заявление есть, мы проводим проверку!

— Нет, товарищ инспектор, не все равно! И Вы сами это прекрасно понимаете! Неужели Бычо... то есть Петр заявление написал?

Инспектор поморщился:

— Нет... заявление написала его мать! Да Вам от этого не легче, Косов! Вы знаете, что у Селиванова перелом нижней челюсти? Так что... подумайте, Косов, что может Вас ждать впереди.

«Не знал я раньше фамилию этого мудака! Селиванов Бычок, выходит!».

— А что меня может ждать впереди? Или такое понятие, как самооборона — в советском Уголовном Кодексе отсутствует? Иду провожать девушку, со станции вываливаются нам на встречу два пьяных обалдуя, и начинают оскорблять меня и девушку. А потом — и драка началась! Или вы на моем месте не вступились бы за честь девушки?

— Я не на Вашем месте, Косов! И никогда не буду! И вот что... ты мне тут не дерзи, понял, сопляк!

— О как! То есть вежливость рабоче-крестьянской милиции — это миф? Или Вас так руководство с людьми разговаривать учит? Или Вы не проверку проводите, а номер отбываете, а для себя уже решили все — и кто прав, и кто виноват?

Инспектор был удивлен отпором. Ну да — молодой парень не пасует перед представителем власти, а задает неудобные вопросы!

«Не поверю, чтобы он не знал, что из себя представляет тот Бычок! Звание первого»

местного хулигана — это, знаете ли, дело такое — громкое! А тут мент вдруг хулигана отмазывать начинает! Как говорил Винни: «Это «жу» — неспроста!». Тут вариантов ровно два: или Бычок этот — штатный «барабан» инспектора; или же... чей-то родственник. Похоже — второе! Кто-то же ему позволил свою «славу» заработать!».

— Или Вы, товарищ инспектор, чьи-то вышестоящие указание отрабатываете? Кто-то в родственниках у Петьки Бычка? Да?

«А вильнул взглядом-то... вильнул, ментяра позорный!».

— Ай как некрасиво-то, товарищ инспектор! Ай как нехорошо! Тут ведь... давайте откровенно, да? Дело ведь можно и по-другому повернуть, а?

— Да как же ты, Косов, его повернешь — подрались двое. Только вот тебе не повезло — телесные повреждения у Селиванова тяжелее. Вот и отвечать тебе придется! — вновь «поймал струю» инспектор.

— А Вы посмотрите, как выходит: идут двое молодых людей. Я вот — рабочий человек, киномеханик клуба, человек в деревне не последний, — «ишь, усмехнулся ментяра на «не последнего человека», ну ничего — дальше я тебя получше огорошу!», — никаких прежде дел, связанных с нарушением закона, не имел. Характеристики — отличные. Песни вот пишу. Не слышали их по радио, товарищ инспектор? Ну — еще услышите! Ага... значит идут двое молодых людей. А вот девушка-то — и вовсе инструктор райкома вэлкаэсэм!

«Не будем акцентировать, что инструктор Кира — на общественных началах! Зачем этому менту это знать?».

— Не знали? Ну что ж Вы так? Она тут к нам частенько ездит! Она закреплена за нашим клубом от комсомола! Вот и тогда она тоже приехала — с нашими новыми песнями хотела познакомиться. А уж стемнело тогда — вот я и пошел ее на станцию провожать. Ведь как знал — что какая-нибудь пьяная гопота привяжется!

— Так вот... подходим мы к станции, и вываливают на нас эти двое! Оба пьяные, заметьте! И начинают они куражиться... девушку всяко-разно... ну не буду повторять их слова. А уж планы-то свои в отношении нее, они очень красочно расписали, да! И ведь не могли не знать ее, она же тут часто бывает! В клубе-то! И на концертах, и на всяких мероприятиях. Не мог Бычок ее раньше не видеть, не мог!

— Так там же уже темно было! Сам же говорил! — «а вот тут уже мент пытается отмазаться! И это — гут!».

— Темно-то, темно, но — не совсем же! Разглядеть-то можно было! Они же, говнюки эти увидели, что со мной девушка, не так ли? Да и я их образумить пытался, не молчал! Не сразу же в драку кинулся! Так вот... что же получается, товарищ инспектор?

— Ну и что получается, Косов? — как-то криво усмехнулся мент.

— А получается, что уже не драка двух парней произошла, а самое, что ни на есть, покушение на представителя власти! Райком же у нас власть, или нет? — Косов вперил единственный сейчас, незакрытый опухолью глаз в инспектора.

— Что ты тень на плетень наводишь-то? Ты же с ним и раньше уже дрался! — попытался перейти в атаку мент.

— Ага! Вот-вот-вот... интересно получится может! Тогда этот Бычок к девушке приставал. Точнее — к двум девушкам! Надо спросить — они комсомолки или нет? И я тогда так же — защищал девушек-комсомолок! Получается, что у Вашего Селиванова какая-то злоба в отношении комсомола, этого молодого отряда большевиков. А здесь уже... политикой попахивает, не так ли? Статья писят восьмая, правильно же, товарищ инспектор?

Тот сидел, нахмурившись, и о чем-то напряженно размышлял.

«Да и что тут думать? Кубатурит сейчас инспектор, как бы ему — «вагончиком» в этом составе на статью не раскрутиться! Бычок-то, конечно, «паровозом» пойдет; родственник Бычка — тоже в числе первых, а вот инспектор — уже как соучастник! Ага... тут уже — группа лиц, по предварительному сговору. Да и контрреволюционную организацию гепеушники им спроворить могут! А тут уже — не срок и солнечный Магадан, а реальная пуля в башку светит! Ну думай, ментяра, думай!».

— Или же... товарищ инспектор... могло ведь и по-другому все быть, а? Ну шел Селиванов после работы, выпимши, понятное дело. Ну — упал! С кем не бывает? Челюсть-то и хрустнула! А тот шпаненок, что с ним был, ему и помог до дома дойти! Разве не так дело было?

Инспектор как-то дико посмотрел на Косова:

— Так... ты, Косов... лежи, выздоравливай! Но никому о нашем разговоре — ни-ни! И вообще... о драке никому, понял?!

— Да понял я, понял. И с людьми я переговорю, которые здесь были, когда меня избитого притащили. Дескать ничего не было, никакой драки. Вот!

— К-к-к-а-кими людьми? С кем это? А кто здесь был-то? — «херово ты к беседе с фигурантом подготовился, товарищ инспектор!».

— Ну как же... Директор клуба был, преподаватель наш, из танцевального кружка. Тоже была. Библиотекарь еще была. А-а-а-а... да — еще и учительница была, со школы. Мы им новые песни написали, вот она и пришла их с директором разучивать!

«Что-то «взбледнулось» ему... и пот вон на лбу выступил! Жарко натопил в клубе сегодня Мироныч!».

— А... они точно... поймут... ну — про то, что драки не было?

— Тов-а-а-арищ инспектор! У меня со всеми ними — очень хорошие отношения! Если я попрошу их, точно все поймут!

— Ты это... Косов! Ты вот... все правильно понимаешь! Ты зри в глубину... политического момента! Надо сделать там, чтобы — комар носа не подточил!

— Сделаю! Только уж и Вы там... объясните... руководству своему, что палка-то она — всегда о двух концах!

С тем и расстались!

А вот Кира — не появлялась!

Тоня привезла на второй или третий день какую-то мазь, в баночке. Сказала — Кира передала! Чтобы мазал мазью все побитые места.

— А сама она что же... не приехала?

— Так сессия же у нее! Там такая нервотрепка! Когда ей времени-то найти? — получил ответ от Тони.

Толи мазь эта желтая, вонючая, толи бадяга, принесенная от жены Миронычем, а опухоли и синяки сходили с него активно!

«Вот же блядь такая, этот Бычок! Опухоль с носа почти сошла. И Кира права — шнобеле получился... боксерский! И такая «гуля» над глазом, на брови — что просто — ах! Еще и нитки торчат! Красавелло... красавчег... красапет!».

Иван разглядывал себя в зеркало на стене.

Сидевшая здесь Лида, не выдержала, прыснула в кулачок.

— Ты чего? — покосился на нее Иван.

— Да ты сейчас... я вот в книжке на картинке видела... медведь такой есть. Панда называется! Только вот у него все наоборот — морда черная, а под глазами — круги белые. А тебя — лицо светлое, а под глазами — черные круги! — и смеется уже открыто, змеюка!

— Хи-хи-хи... бе-бе-бе! — скорчил насколько мог морду и передразнил женщину.

— Ой, не могу! Ой, умора! — женщина «закатилась» еще больше, да так, что откинулась на табурете на стену и даже приподняла ножки, засучила ими.

«Мда... и юбка приподнялась, открывая такие красивые, округлые коленки!».

Видно, поймав его взгляд на свои ноги, Лида, еще всхлипывая, и утирая слезы рукой, поправила другой юбку и, задыхаясь от недавнего смеха, прошептала:

— Ну вот... поправляться начал. Уже и на коленки заглядывается! Только, Ваня, погоди пока нас с Лизой соблазнять. А то ты сейчас, как соблазнитель-то... не очень! — и опять расхохоталась, откидываясь к стене.

«Вот же... зараза такая!».

А потом случилось то, что давно уже могло случиться. Неприятно, конечно, но... что делать?

В дверь к нему постучали, и заглянувшая Лида, недоуменно и обескураженно, негромко сказала:

— Иван! Тут тебя... человек ищет! Вот... спрашивают тебя!

Потом отодвинулась и пропустила в комнату... Фатьму.

Та, зайдя, рассмотрела Ивана:

— Ага... понятно, почему ты пропал! Это кто ж тебя так, мил-дружок Ванечка?!

«Это она что же — для Лиды так сказала? Раньше вроде бы... сдержаннее была, на людях-то?».

Потом его подруга повернулась к Лиде и попросила:

— Вы не могли бы оставить нас вдвоем? Нам поговорить нужно!

Та, бросив удивленно-раздраженный взгляд на Ивана, прикрыла за собой двери.

Фатьма была одета в новое пальто, и новый меховой беретик. Ей было очень к лицу и выгодно подчеркивало ее красоту — и лица, и фигуры!

— Вань! Ну и напугал ты меня! Тебя все нет и нет, я уж извелась вся — куда пропал мой мужчина? Вот видишь, даже без тебя в ателье сходила! Как тебе?

Она крутанулась вокруг себя, демонстрируя пальто, берет... и всю себя. Даже вид женщины в верхней одежде очень... воодушевил Косова.

— Ты...к-ха...к-ха... раздевайся... Вон в шкаф пальто повесь и берет тоже!

— Ага... я только спросить хотела.

Она сняла одежду. А под пальто — платье-футляр! И только сейчас он разглядел, что на ножках — новые ботики, и... чулки фильдеперсовые!

— Ты, красавица моя, совсем с ума сошла? В таких тонких чулочках среди зимы да по улицам расхаживать? Простудишься же!

— Ну-у-у... на улице не сильно-то и холодно! — «а ведь, похоже — врёт! Вон щечки как покраснели. С мороза, не иначе!», — хотя... да, коленки что-то щиплет!

— Ну-ка, хорошая моя... Вон там керосинка. Быстро ставь чайник, будем тебя отогревать!

Фатьма хлопотала по комнате, а потом — и за ее пределами. Набирала воду, ставя чайник; что-то нарезала, и все время что-то болтала, болтала, болтала... то смеясь, то

вопросительно поглядывая на него.

«А зачем она за водой в фойе ходила? Там у нас стоит бачок... для ребяташек, когда те приходят к Тоне и Илье заниматься. Но ведь и в комнате... вон — стоит бадейка с чистой водой! А-а-а-а... похоже... ну да, женские штучки — показать людям, какая она заботливая! А еще — какая красивая, и какое у нее платье, и ботики, и чулки! Писец! И как мне теперь с Лидой, а потом и с Лизой... объясняться? Штирлиц был как никогда близок к провалу!».

А ведь и правда — очень ей все идет! И платье, особенно, когда она вот так наклоняется-изгибается! И ножки... ну пусть только видимая часть — голень... очень красивая, полная. И волосы, ее красивые волосы — тоже как-то уложены! А уж шея... такая длинная... и вот этот царственный поворот головы! Очень красивая женщина!

— Ваня! Ну ты чего молчишь? Я ему рассказываю, рассказываю... а он все молчит, только смотрит и улыбается!

«А ведь я скучал по ней. Вроде бы и не вспоминал, а вот сейчас увидел и понял — соскучился!».

— Я тебя не сильно пугаю, краса моя ненаглядная? Мордой-то я сейчас — красавец! Вылитый дэв, или кто-там у Вас самый страшный?

Она присела к нему на топчан, ласково погладила по руке.

— Глупый ты, Ваня! Мужчины — они все глупые... Ну что... страшный! Скажешь тоже! Это же все пройдет. И синяки пройдут, и шрамы незаметнее станут. Вот расскажи, ты где же так... отметился?

Он, глядя на ее колени, и даже — выше, так как платье, когда Фатьма села, поднялось существенно, коротко рассказал, как все произошло.

— Вот! Видишь — мужчина! А тот... баран — он хоть живой остался? — поглаживая его по руке, спросила женщина.

— Ну уж ты из меня монстра-то не делай! Тут же как... честная драка, на кулаках. А как уж ему досталось... не знаю. Мне тут сказали, что челюсть у него сломана. Но ничего — ему полезно поголодать, и так ряху наел!

— А почему — поголодать? Он что — есть не сможет?

— Да там такие проволочные скобки ставят — зубы стягивают. Пока кости челюсти не заживут, не срастутся. Месяц примерно ему только жидким питаться, что меж зубов пропустить можно. И... это... красавица... Ты перестань так меня наглаживать! А то я... что-то волнительно мне становиться!

Ага... как же! Фатьма коротко взглянула на него, чертенком игривым... блеснула своими карими глазами и стала поглаживать вовсе не руку. А район простыни, который уже и так изрядно набрал в размерах!

— Ты что делаешь? А если кто зайдет? Зачем мучишь меня? — прохрипел Косов.

— Зачем мучаю? Совсем не мучаю!

Она вскочила с топчана, и, подскочив к двери, быстро задвинула на ней щеколду. А потом как-то... одним рывком через голову стащила с себя платье.

«Ох ты ж... трусики красные... пояс черный. Бюстгалтер — тоже красный, и эти чулочки! Смерть мужикам! А фигура-то! Аж кровь в голову ударила, и на пот что-то пробило!».

— Ванечка! Я понимаю, тебе сейчас двигаться нельзя... Но ты и не двигайся, я сама все сделаю! Лежи, хороший мой...

Она снова присела на топчан, но уже по-другому, подальше, в ноги. Просунула сначала

руку под простыню, и...

«Ох какая ручка ласковая и умелая!».

Потом она стянула с него простыню и трусы и встала над ним на четвереньки, демонстрируя свое тело в красивом белье.

— Я сама... сама все сделаю! Ох как я хочу... чтобы тебе хорошо было!

И головой своей брюнетистой... верх-вниз... верх-вниз...

У Косова перехватило дыхание. Не удержавшись, он стал негромко постанывать. А чертовка, периодически выпуская... предмет обработки изо рта, поглядывала на него с улыбкой, продолжая работать ласковой рукой.

— Нравиться? Нравиться, Ванечка? — и снова верх-вниз голова, верх-вниз, — вот так, хороший мой... а то ходят тут вокруг... кобылки разные! Нет уж... все это мое!

Надолго его не хватило. Очень уж картина была... впечатляющая. А про ощущения — вообще промолчать только!

«Как там в будущем... в интернет-мемах было... «Представь! Она не сплевывает! — Святая женщина!».

Ага... когда он задергался, задвигал телом, она лишь плотнее прижалась к нему, обняв руками за ягодицы. И даже зарычала... вроде бы...

Когда он лежал, отдыхая:

— А как же... ты? Я сейчас... не очень-то... что-то могу.

Она тихо засмеялась:

— Так я... тоже. Вот... теперь трусы все мокрые! Как домой в мокрых-то ехать?

— К-х-х-а..., - закашлялся он, — так ты... вон — сполосни под умывальником, да у печки повесь. Они же тоненькие, быстро высохнут!

Потом он курил, стоя у приоткрытой двери на улицу, и старательно отводил взгляд от смуглой голы попы у умывальника. Фатьма, похоже, видела эти его... недюжинные усилия. Потому как улыбалась.

Они пили чай, женщина рассказывала ему про жите-бытье.

— Ваня! Мне же баню достроили! Так все здорово получилось! Вот приедешь, я тебя в бане попарю! Знаешь, как в бане все хорошо дед Митяй сделал! Говорит, что ни у кого такой бани нету! Вот!

А он сидел, улыбался, насколько позволяли его разбитые губы, и думал, что сейчас у нее под платьем только чулки и пояс. И опять что-то... шевелилось.

— Я смотрю, ты и в ателье сама ходила. А говорила — стесняешься Александра!

Она кинула на него взгляд:

— Ты ревнуешь что ли... Вань? Ну да... ты же потерялся куда-то. А там — сроки были назначены. Вот... набралась смелости и пошла.

— И как?

Она развеселилась:

— Слушай... там так смешно было! Этот портной... ну, Александр. Он, похоже, еще больше меня стеснялся. А уж когда понял, что я — без тебя пришла... Я думала — все, совсем мужик сомлеет. Но ничего, крепкий оказался! — и смех у нее такой — негромкий, заливистый, — он все норовил выйти, когда я переодевалась. Но потом — просто отворачивался.

«Ага... отворачивался! Там зеркало такое, что отворачивайся, не отворачивайся!».

— Ну вот... а он, такой, говорит — следующая примерка через неделю. А я ему — а

нельзя ли, Александр, сейчас все сделать? А то я — сильно занятая женщина! А он... помялся, помялся, и отвечает, мол, можно, только вот ждать придется. А что я? Говорю ему — подожду! Он убежал, а потом и чай мне принес, и конфеты, и баранки свежие, мягкие! Представляешь? Вот так я все сразу и забрала! А тебе нравится?

И опять — встала и покружилась, позволяя разглядеть себя со всех сторон! И улыбается, улыбается... Вот же ж!

— Только вот... Александр этот! Вредитель он! Он на подклады, и на платья, и на юбки шелк поставил!

— И что с того? — удивился Иван — «шелк же — это же хорошо? или нет?».

— Да с того, что теперь и платья, и юбки... постоянно поднимаются. Особенно при ходьбе! Пройдешь немного и чувствуешь — платье уже чуть не на поясе! Постоянно поправлять приходится!

«Мда... это явно — диверсия! Причем умышленная такая! Заранее обдуманная!».

— Иди сюда, красавица, — прохрипел он, протянув к ней руки.

— Стой, стой, стой, Ваня! Тебе сейчас нельзя же!

— А мы вот так сделаем!

Он лег на топчан и усадил ее на себя сверху. Фатьма только платье приподняла!

— Ох! Хорошо-то как! — простонала, направляя его в себя.

Он опять уплыл куда-то. Только вот активничать ему... ага, рано! В голове замолотили какие-то молоточки.

— Я сама... сама... лежи, Ванечка!

Он тискал ее попу, лежа с закрытыми глазами, слушая ее стоны. К финалу они пришли практически вместе. Она упала ему на грудь и рыча, вцепилась ему зубами в плечо.

«Ох ты ж как... больно!».

— Ну вот... что же я наделала? Ты и так... весь побитый, а сейчас еще и плечо... вот какой кровоподтек! — корила она себя.

— Перестань! Все нормально, пройдет этот синяк! Я вот что сказать хочу... Новый Год на носу! Давай вместе его встретим, у тебя? — предложил он, когда они снова пили порядком остывший чай.

Фатьма взвизгнула от радости и бросилась ему на грудь.

«Ох как... ребра-то...».

— Ой! Прости меня! Прости дуру такую!

— Ты и я, да? Я всего-всего наготовлю! В баню ходим! А что мне надеть? Платье это? Или другое? Или юбку?

— Мне понравится, если ты будешь как сегодня — в трусиках, лифчике и чулках с поясом!

Она зарделась.

Когда она уходила, то, несмотря на все увещевания, он натянул брюки и куртку, вышел проводить на крыльцо.

До самого вечера его никто не беспокоил. А потом зашла Лида.

— И что это за... Шамаханская царица была? — не глядя на него, очень сдержанно поинтересовалась она.

Иван хмыкнул:

— Как ты ее... поэтично назвала. Фатьма, она моя знакомая. Хорошая знакомая. Я ей как-то помог, а потом она мне помогала. Я ей очень благодарен. У нас — хорошие

отношения.

— Ага... и сегодня она тебе... тоже помогала, — фыркнула Лидочка, развернулась чтобы выйти, — ты бы проветрил здесь... а то... так помощью пахнет.

И уже в дверях:

— Ох и сволочь же ты... Ваня!

Мдя... вот и как тут быть?

А тут еще и Ильюша этот, мать его...

Пришел, вроде бы — чай попить. Сам мялся, мялся, а потом и выдал:

— Иван! Мне категорически не нравится, как ты себя ведешь! Ты, работник культурного учреждения, вечно в какие-то драки влазишь. Вон... морда у тебя... Как ты к людям-то выйдешь? Тебе надо кино крутить, а ты избитый здесь лежишь! Стыдно должно быть тебе, стыдно! Мне вот за тебя — стыдно, что у меня работник такой! Безалаберный хулиган какой-то! А еще... эти твои... беспорядочные отношения с женщинами! Как же ты... в комсомол-то вступать будешь? Если ты вот такой весь!

«Ишь ты... раздухарился! И что ему мои отношения с женщинами?».

— А давай, Илья, я график составлю — когда, с кем, какими способами! И тебе на подпись принесу! А ты этот график, как директор учреждения, завизируешь! — не сдержался Косов.

— Ты что... ты что мелешь-то?! Ты! Не понимаешь, что ли?

И пошла бодяга...

«И опять пошла беседа про коварный Зарубеж!».

Немного успокоившись, не слушая Илью, Иван перебил его:

— И про драки... Ты, Илья, либо не понимаешь, либо... лукавишь сейчас! Прошлый раз — я заступился за девушку. Сейчас — вторая серия того случая! Это тебе понятно? Или нет?

Но Ильюше было не сбить с намеченного пути. Он как тот глухарь на току, про свое, да про тоже самое!

Косов не выдержал:

— Так! Ты чего добиваешься-то?

Встал, достал тетрадь из тумбочки, вырвал листок. Нашел карандаш и...

— Что это? — похоже Илья, даже не заметил, погрузившись в речи, что делал Иван.

— Заявление... на увольнение. Ты же к этому ведешь? Ну так — вот! А если ты... в общем — дай мне дня три, максимум пять... Я заберу вещи и съеду отсюда! Так тебя устроит?

— Ты... ты... ты — несносен, Иван! Я вовсе не этого хочу!

— Хватит, Илья! Достал уже. Правда — достал... до печенки! Если ты такой правильный во всем, то должен понимать, что люди — они разные! Не все такие, как ты! Далеко не все! И воспитывать ты поздно взялся! И женщин я люблю, и любить буду! И наглецам, и подлецам всегда буду морды бить! Все... достал. Дикси!

Илья вскочил, попытался что-то сказать, но только бестолку разевал рот. Потом махнул рукой и выбежал из комнаты.

«И заявление не взял, мудень!».

Иван аккуратно сполоснул морду лица, оделся и пройдя через фойе в библиотеку, положил на стол перед Лидой листок с заявлением.

«Хорошо, что в библиотеке никого нет, людей своей мордой не пугаю!».

Похоже, что с Ильей... они переборщили с громкостью... во время разговора. Ибо

Лидочка сидела бледная с испуганно раскрытыми глазами.

— Вот, Лидия Тихоновна! Прошу Вас передать это директору. А то он... забывчивый, оставил мое заявление на столе.

Лидочка судорожно вздохнула.

— Ну как же так... Ваня... Так же нельзя! Зачем ты... заявление это. Ну — поругались, ну — бывает! Вон Вы как бывает ругаетесь, когда песни записываете! И ничего же...

— Лидочка! Это — другое! Там мы... творчески спорим. А здесь... можно сказать — мировоззренческая конфронтация. Вот такой я! Какой есть, что уж... И меняться — не планирую! И ты уж... тоже прости меня. Я тут перед тобой... и Лизой... хвост распускал. Но... я не обманывал Вас. Какой есть — такой есть! Ладно... чего уж теперь!

Не глядя на женщину, он вернулся к себе.

«А вот перед Лидой... да и Лизой — и правда, почему-то неудобно! И ведь вроде не обманывал, ничего не обещал... А все равно... что-то в душе свербит! Ладно! Перемелется — мука будет!».

Настроение... Настроение, оно — ага! Ни к черту настроение! И погода еще... закружило, завьюжило! Валит и валит этот снег! Хоть голова еще и кружится порою, но шевелиться-то надо...

Уже через неделю после драки, Иван стал выходить на улицу, чистить снег. Так-то он и раньше выходил — не дело это, когда молодые и очень симпатичные женщины за тобой утки выносят! Против шерсти это выходит!

Но вот... кидает снег. Благо рассветает поздно, и люди в клубе появляются еще позже — после открытия. Так что физиономией своей Косов никого не испугает. А работники клуба, они и так его уже видели, и, похоже, притерпелись. Да и нос уже пришел в норму. Почти. Бровь вот только... Да чай горячий еще не попьешь — губы болеть начинают.

«Все-таки сука, этот Бычок! Мудень тупорылый!».

Мироныч, как-то придя на работу, рассказал, что бабы в деревне языками чешут, что буквально убил! убил киномеханик клубный Бычка! Что мамка евойная жалилась, что всю-всю физию сыночка изуродовали, что лежит, болезный, и только молоко, да кашку жидкую потреблять может, да яйца, если они сырые. А так — всю пастёнку мальчонке проволокой связали-стянули. Ни рта не раскрыть, ни слова не молвить! Мычит и мычит Бычок...

«Ну так... обычное дело — если Бычок, то тебе мычать — самое оно!».

Хотя... про физиономию попаданческую...

Наверное, он слишком уж переживал за свой внешний вид. Вон, когда кино пришлось в субботу крутить, то волей-неволей пришлось перед людьми показаться. Он и приготовил все заранее — и проектор выставил заблаговременно, и динамики проверил, пленку зарядил. Все работает! Только чтобы меньше мордой перед народом светить.

Но все равно, перед началом сеанса, пришлось, так сказать, выйти к людям. Проектор-то запускать-включать еще при свете нужно. На ощупь-то — не настолько он опытен, как киномеханик. И ничего! Поглядывали люди, конечно, даже — шушукались. А вот пальцем никто не тыкал, не смеялись.

И даже, что характерно, некоторые смутно знакомые парни и мужики подходили, здоровались, руку жали. Так-то с ним и раньше все здоровались. Тут, у деревенских, принято с людьми при встрече здороваться. Пусть даже и с шапочно знакомыми, а то и вообще — незнакомыми. Но все больше кивком, да издалека. А здесь — прямо за руку, да лично!

«Авторитет у местных поднялся, что ли?».

И эти две девчухи, за которых он еще осенью «впрягся», с тем же Бычком «схлестнувшись» — вполне даже одобрительно поглядывали. Они, эти двое, вообще после того случая, да с тех пор, как он кино начал крутить по субботам, как-то ненавязчиво садились рядом с проектором. Сначала Иван и внимания не обратил. Ну — пришли, ну — сели, и что? Он, в общем-то, и лиц их тогда, осенью, не запомнил. Только какие-то стройные силуэты в светлых платьях. А потом... Сидят рядом, и пусть сидят. Хотя... он даже дополнительный динамик в «Киносети» выпросил — рядом повесил на стену.

К проектору изначально шли два динамика, да в самом проекторе — еще один. Вот два — он разместил стационарно возле сцены на противоположных стенах, чтобы людям в первых рядах лучше слышно было.

Так-то, конечно, качество звука тут — мама дорогая! Что-то шипит, булькает и бухтит.

И почему это так — толи от качества заезженной пленки, толи уж звуковоспроизводящее оборудование такое — ХЗ, как говорится! И опытные мастера руками разводят — дескать, «а что ты хотел? твой сельский клуб — это не кинотеатр «Октябрь» на Красном проспекте!».

Вот он и выклянчил дополнительный старый, но починенный динамик, и повесил его на заднюю, от сцены, стену. И девчонкам этим лучше слышно, и другим — тоже. Сейчас хоть люди перестали ломиться на первые ряды, чтобы не только иметь возможность смотреть фильм, но и слушать.

Еще пришлось повоевать с мужиками и парнями по поводу курения во время сеанса. И добром объяснял, что, мол, днем здесь дети занимаются, и о пожарной опасности говорил, и проветривал постоянно — перед сеансом, и после. Но — ни хрена русскому Ване не понятно! «Хочем — и курим!». А вот и хрен Вам, да на все рыло! Останавливал сеанс, включал свет и — ждите, люди добрые, пока проветриться! Даже пару раз пришлось сунуть в бок кулаком парочке недорослей из непонятливых! После первой стычки с Бычком, поубавилось количество желающих с них «помахаться», а сейчас курильщики сошли на нет!

Вот и в прошлую субботу пришли девицы, чинно сели рядом, поздоровавшись кивком головы. Та, за которую он тогда вступился, всегда смущается. Тихая, как пришибленная. И глаз-то лишний раз не поднимет!

«Мда... поломал какой-то мудака девке жизнь! Сейчас только если найдется какой-нибудь нормальный парень, да снова ее «оживит». А то так и будет — серой мышкой жить! А сам-то ты — не такой мудака? Ага... вроде — нет. Я никого не обманываю, жениться не обещаю, и в вечной любви не клянусь. Да и вообще... с девушками стараюсь не связываться! Ну их! И взрослых, пусть и молодых, женщин вокруг хватает!».

«Ага! А Зиночка? Не девушка что ли? Э-э-э нет! Она по годам-то, конечно, девушка, а вот... по развитию да характеру — уже вполне развившаяся, стервозная такая... особа! И ей я тоже ничего не обещал! Мало того — сразу обрисовал характер возможных отношений!».

Вот и сидели эти девчушки рядом с ним. «Мышка» сидела тихо, только косилась иногда. Так — украдкой! А вторая, подруга, та — побойчее! Она и нашептала ему на ушко, какой, значит он хороший, Иван Косов. И какая сволочь этот Бычок! И что так Бычку и надо! И шёпот ее... Точнее — негромкие слова, шёпот бы он и не услышал, рядом-то с динамиком! так теплым воздухом изо рта щекотали ему ухо, что он не удержался, приобнял ее за талию и тискнул. Она же — ожидаемо пискнула, развеселив Косова.

— А ты вот меня не боишься — с таким-то рылом синим, да разбитым? — так же негромко произнес он ей на ушко.

— А чего ж бояться-то? Синяки — они сойдут, а ты... хороший.

«Ну да — ладно! Пусть их... может и найдется хороший парень. А мне... не! не надь!».

Через день после ругани с Ильей, к нему зашла Тоня. Ну... зашла и зашла!

Иван, раздумывая над каждой вещью, разложенной на топчане, пытался как раз сообразить — откуда это все и когда он так успел обрасти имуществом? Вот и разбирался — что сразу с собой взять, а что — потом, в следующие приезды.

Тоня молча, мышкой, села на табурет и некоторое время сидела, наблюдая за ним. Потом вздохнула:

— Вань! Послушай меня, пожалуйста, хорошо?

Он повернулся к ней, посмотрел.

«Опять в трико! Вот что ее жених не запретит ей так по клубу ходить? Где его мораль в этом случае? Но — признайся Ваня — ножки и попа у нее и в самом деле — класс!».

Он присел на другой табурет:

— Тонечка! Слушаю тебя внимательно!

Она смутилась:

— Ты мог бы... не так откровенно разглядывать мои... колени?

Иван поднялся, подошел к окну и открыв форточку, закурил:

— Так будет лучше?

— Ну вот что ты за человек, а? Ну что ты щетинишься, как ежик? — теперь она смотрела на него укоризненно.

«И так плохо, и эдак — нехорошо!».

— Ты не права, Тоня! Я тебя внимательно слушаю. Ты же знаешь, я к тебе всегда... с симпатией!

Она опять смутилась.

— Не надо ко мне... с симпатией. Пусть лучше будет — по-дружески, хорошо?

— Как скажешь, хорошая! Как скажешь!

— Ну вот как с тобой разговаривать?

— Так что ты хотела, Тоня?

Она, видно, настроилась... Решилась:

— Ваня! Ты ведь хороший парень! Ну что Вы поругались так... с Ильей?

Косов глубоко затянулся, выпустил дым в форточку:

— Даже не знаю, что сказать... Тоня! Мы все — взрослые люди...

Она хмыкнула, улыбнувшись:

— Ага... в восемнадцать-то лет...

— Ну... кто-то и в тридцать мальчишкой останется. Кстати — а это не так и плохо, знаешь ли! Быть мальчишкой даже в сорок — это здорово! Я сейчас про способность принимать мир вокруг нас. Про радость от хорошего, и честное, неподдельное возмущение от плохого! Про солнечное утро, про лес... про реку — вот там! — он кивнул головой по направлению реки, — про теплый летний дождь; и про первый снег; про первые проталины в начале весны... Радоваться всему этому — это же здорово, да?

Она машинально кивнула головой, улыбаясь.

— Но и в сорок лет, и в восемнадцать — нужно принимать решения и совершать мужские поступки. К друзьям нужно быть... честным, верным, искренним. К людям — добрым, да? А к врагам — непримиримым; подонков и мудаков — нужно бить по морде! Они только это и понимают, поверь мне!

Она сидела, внимательно его слушая, распахнув глаза.

«Вот ведь — славная такая девушка! И что она нашла в этом... моралисте?».

— Я, наверное, слишком пафосно говорю... Просто хочу, чтобы ты поняла... А вот слова... подобрать сложно. Но к чему я? Да — кто-то и в сорок лет — мальчишка, в хорошем смысле этого слова. А кто-то — в двадцать семь — как тот дед семидесятилетний, все гуньдит и гуньдит, все и всем недоволен, все ему не так!

Она отвела взгляд и сделала вид, что не услышала, или не поняла, про кого речь!

— Нет... ты все правильно говоришь! Только... а как же... вот так... с женщинами. Ты же... перебираешь, как...

— Менял я женщин, там-дарьям-пам, как перчатки.

Носил я шляпу, там-дарьям-пам, шапокляк!

А мой нахальный смех всегда имел успех...

Косов скорчил нагловатую, шпанскую морду, предельно самодовольно усмехнувшись... Потом решил, что ведет себя... по-детски как-то.

— А просто понять, что кому-то нравятся... просто нравятся женщины... сложно? Вот все женщины, а? Мне они — очень нравятся! И что в этом плохого? Я же не веду себя... вот помнишь, не так давно была у молодежи модной теория «стакана воды»? Что «комсомолка должна...

Она жестом остановила его:

— Я поняла, про что ты. Это — плохо! И мы осудили эту... ошибку!

— Вот! Только это две крайности! Одна — вот этот «стакан воды», а вторая — предельно морализовать все вокруг! «Они любили друг друга. Женились. Прожили долгую жизнь и умерли в один день». Это... сказка. Так не бывает! Точнее... может и бывает, но... редко! Очень редко! Можно сказать — идеал отношений. А идеал... он недостижим!

— Как это недостижим? Разве...

— Если идеал достигим, это — не идеал, а цель! Которую можно достичь, и даже разбить этот путь на этапы! Вот ты же не скажешь — мне нужно полюбить Илью, а для этого я должна сделать... и по пунктам — первый, второй, третий! Нет? Что, глупо? Согласен! Пойми, Тонечка, люди — они разные! И физически, и духовно, и нравственно! Их, конечно, нужно воспитывать, делать лучше... Но не ломать через колено! Ничего этим не добьешься!

Она задумалась, потом встряхнулась.

— Я понимаю тебя... наверное. Только... что хотела сказать... Илья — он хороший, честный, прямой. Он не умеет врать! Вот и сказал тебе, что... не нравится ему... твоё поведение. А ты... решил, что он говорит, как руководитель! А он говорил, как товарищ, вот!

«Ну... как раз как руководитель он и говорил... вообще-то... Но... идеалисты они тут... многие! И это — пиздец как страшно! Карьеристы, приспособленцы, ворюги, пьяницы, всякие разложенцы — они хоть понятны... по-человечески. Ясно чего они хотят. При случае их можно и даже нужно лупить! Но вот такие... мечтатели... А может — это я не прав? Может там, в будущем мы разучились вот так... гореть чувствами? И выродились все? Хрен знает!».

«А еще... или я не понимаю этого... Илью. Или она в нем ошибается. И эта ошибка может ей очень дорого обойтись!».

— А вот ты... про любовь так... А вот... ты меня извини, конечно... А вот — Кира?

«Угу-м... и что ей отвечать? «ты не понимаешь, это — другое?»».

— Кира... Кира. А что Кира? Кира... это подруга, нет... даже невеста Сергея! Ести такие строки:

— А если случиться, что он влюблен,

А я на его пути —

Уйду с дороги, таков закон:

Третий должен уйти!

— Ой! Как здорово! Это опять твоё, да? — Тоня восхитилась.

«Да они прямо толкают меня на плагиат! «Не виноватая я! Он сам пришел!»».

— Ладно, кисуля... мы поговорили. Только вот к чему пришли? И таки да — как Илья позволил тебе прийти ко мне? И не ревновал? И не будет ревновать?

Она покраснела.

«Ага... значит ревнует все-таки!».

— А Ильи нет... он уехал в город. И про ревность... Нет, не ревнует, — «а вот тут явно врет! это видно», — и еще... давай мы не будем говорить, что я с тобой... разговаривала? Хорошо, Иван? Скажу, что разговаривала с тобой не одна, а... с Лидой, к примеру. Или... еще и Лизой. Не увольняйся, Ваня! Не надо! И уезжать тебе никуда не нужно! Ну ведь славно же у нас было! Вы, вон — и песни какие сочиняли, и общались мы тут... дружно! Разве нет?

«А вот не уверен, что Лида... или Лиза поддержат этот обман! После... Шамаханской-то царицы!».

— А ты... уверена, что Лида согласится подтвердить твои слова? Что... она тоже не хочет, чтобы я уезжал?

Тут Тоня развеселилась:

— Ваня! Ты меня извини, но... ты слишком уж возомнил о себе! Ну да, Лидочка рассердилась на тебя, когда эта... твоя знакомая приехала. Но Ваня! Лида — замужем! А ты симпатичный, конечно... Но ты... мальчишка! Не обижайся, хорошо? Пойми правильно, ладно?

«Чего-то я тут не понимаю!».

— Так... что-то я не пойму — то ты осуждала меня, что я женщин так... перебираю. То — как-то несерьезно... по поводу Лиды. Объясни, пожалуйста!

Она еще больше развеселилась, махнула рукой:

— Да что тебе можно объяснить? Ты же все равно ничего не поймешь! Вы, мужчины, в некоторых вопросах какие-то... туповатые!

«Ага... некоторые вопросы — это женская логика называется! Тут — да! Хрен разберешься!».

Вот так он и остался... и на работе, и по месту жительства.

Вот об этом и размышлял попаданец, лопатя так не останавливающийся снегопад.

С Ильей вышел... эдакий — вооруженный нейтралитет. О чем уж говорила с директором Тоня — Иван, конечно, не знал. Но, когда Косов зашел к директору, тот хоть и отводил взгляд, но разговаривал ровно, спокойно. Они договорились, что Иван возьмет неделю в качестве отпуска — как раз следующая суббота оказалась без киносеанса. И синяки сойдут, и попаданец сможет расслабиться и окончательно успокоиться.

«Поеду к Фатьме! Новый год, отдых, погуляем. Может и в ресторан какой ходим. Вон — Калошин же приглашал приходить, заодно и посмотрим, что там за новое место работы у знакомых музыкантов. Да и вообще... просто по городу погулять, мороженое съесть, в кино сходить с красивой женщиной — это ли не отдых? Все! Решено! Так и сделаю. Ага... еще бы к Савоське заехать. Уже больше двух месяцев его не видел! Новости разузнать, да и деньги — забрать. Должны же с ним уже рассчитаться за «рыжье»? И с ателье процент тоже уже должен был накопиться».

А вот с Лидой, и Лизой... Иван как-то даже побаивался встречаться. Ну... не то, что побаивался... а так — было очень неудобно. Что-то в душе свербило.

«Неужели совесть? Да нет... просто — «уходя — уходи», а здесь назад отыграл. Не совсем по-мужски вроде бы? Или нет? Хрен его знает!».

Но Лида, к которой он зашел в библиотеку, была явно рада известию о том, что увольняться он не будет. Только эта радость, мелькнувшая в глазах женщины, и пробежавшая тенью улыбки по губам, сразу сменилась подчеркнутой холодностью. Не льдом и стужей, а вежливой отстраненностью, скажем так.

Он, несмотря на это, всучил Лиде ключ от его комнаты. Хотя она и отнекивалась сначала.

— Лидия Николаевна! Позвольте сказать! Хоть и получилось, как... получилось, но все же я не окончательная свинья! И прекрасно понимаю, что и Вам, да и Илье с Тоней, нужно где-то обедать... чаю выпить. Лиза придет... Где Вы можете «пошептаться»? А меня неделю не будет — можете смело заходить. Там и заварка, и сахар... Да Вы и сами все знаете! Все... не буду отвлекать от работы. Я — ушел!

Фатьма была искренне рада! У нее и вкусности были приготовлены!

С полным брюхом Косов отвалился от стола:

— Ф-ф-ф-у-у-у... душа моя! Я воспринимаю это как диверсию! Ты специально закармила меня всем вкусным, чтобы я не приставал к тебе!

«Тут и лагман, и мясо тушеное, и что-то вроде чак-чака — к чаю».

— Ты что же — каждый день так готовишь?

Женщина улыбнулась:

— Так я же понемногу готовлю. Вот ты пришел — а накормить тебя у меня есть чем!

— Так... а если бы не пришел?

— Ну... что-то сама съем, а не съем, так вон, у меня по соседству семья живет. Живут они совсем бедно. Женщина уже пожилая, двое внуков у нее. А дочка... пропала куда-то года два назад. Уехала вроде по набору на стройку какую-то и все... Живая или нет, где она — никто не знает! Мы с ней росли вместе. Только Нинка... она как подрастать стала, так все вольничала.

— Может им помочь чем?

«Деньги-то у меня еще есть, да и скоро — еще будут. К Савоське только забежать нужно!».

— Так я и так им... и крупы отнесла, и мяса немного, муки тоже. А картошки у них и так своей вдоволь.

— Радость моя! Мне сейчас по делам нужно будет по городу пробежаться. Вернусь ближе к вечеру. Тогда мы с тобой и обсудим нашу новогоднюю программу.

— А я думала, мы с тобой будем дома сидеть. Я вот и баню хотела к вечеру истопить. Ты же баньку мою даже не посмотрел!

— Мы все с тобой успеем! И в бане помыться, и поболтать. И еще кое-чего..., - Иван, улыбнувшись, подмигнул женщине, а та, смутившись, засмеялась, — я же неделю тебе буду надоедать всяким-разным! Ты еще и не рада будешь! В ресторан вот я хочу с тобой сходить — надо же тебе в людях в новых нарядах показаться! Таковую красоту — как в четырех стенах прятать?

Новый год, это такое... Была у Ивана задумка — сделать подарки своим знакомым. Как тут с этим дела обстоят, он не знал. А спросить у кого-нибудь — забыл.

«Ну... будем исходить из привычек прошлой жизни! Поэтому, сначала нужно навестить Савоську. А то денег может и не хватить!».

Старый барыга был на месте. И как всегда — чем-то недоволен. По крайней мере, встретил он Ивана без особой радости.

— Нарисовался, хрен сотрешь! Два месяца тебя не видел, и еще бы столько же не встречать! — проскрипел он.

— И Вам здравствовать, Севастьян Игнатьевич! С наступающим Вас Новым годом Пусть он принесет Вам только хорошее! — подчёркнуто весело поприветствовал Косов знакомого.

— За деньгами пришел? Пошли ко мне...

В знакомой комнате Савоська отсчитал Ивану деньги. Много. Даже больше, чем предполагал Косов. Иван удивленно посмотрел на барыгу. Тот, судя по всему, неправильно понял, подумал, потом достал из тумбочки еще небольшую пачку и сунул ее в руки Косова.

— На... теперь все! Там... больше получилось. Некоторые из вещей... они... с историей оказались. Знающие люди оценили. Ушли вещицы далече, тут не объявятся. И это хорошо!

Косов почесал нос, хмыкнул.

— А с ателье... где ж процент? Я туда забегал на днях, Александр сказал, что они ежемесячно лавэ отстегивают. У Вас же не забалуешь, Севастьян Игнатьич!

Тот посидел, покачавшись на стуле, проскрипел что-то, пристально глядя на Ивана, потом передал ему еще небольшую пачку мелких денег.

— Все теперь... Рассчитались!

Косов аккуратно сложил все деньги в портмоне.

«Ого! Даже толком не застегивается! Неплохо я подогрелся, будет на что подарки выбрать, да и не скупиться при этом!».

— А ты... я смотрю, все никак спокойно жить не хочешь. Вон... морда опять в синяках! И нарываешься, и нарываешься! Смотри, Чибис, нарвешься когда-нибудь!

— И вечный бой, покой нам только снится! Слышал, Игнатьич, такие строки поэта? Вот как-то так! Не мы ищем неприятности — они сами нас находят!

— Ага-ага... ищешь ты... на жопу приключений! Когда только голову свернешь? Чтобы и не видеть тебя больше!

— Что-то ты сегодня не в духе, Севастьян Игнатьич. Случилось что, или просто... не с той ноги встал?

Тот махнул рукой:

— То не твоего ума дело!

— Ну ладно... когда так. Еще что спросить хотел... Там как со знакомцами нашими... ныне покойными. Все спокойно? Или кто что спрашивает, или предъявить хочет? Что люди говорят? И еще — грев-то парням тогда отправили? И по общаку как? Лавэ передали?

Савоська снова уставился на Ивана тяжелым взглядом.

— На кой бы хрен эти жмурики людям понадобились? Помер Максим, да и хрен с ним! А предъявлять? Кому за них кто предъявлять бы вздумал? Волки беспредельные... туда им и дорога! Грев твой — передали. Только этот... что в больничке валялся... помер он. Такая малява пришла. И по общаку... я закон знаю! Или ты меня в крысы решил определить? Так и предъявляй тогда на правИле, при людях!

«Ишь какое настроение у него... хреновое! Чего это он так вздыбился?».

— Да ты что, Севастьян Игнатьич! И в мыслях не было! С чего это бы я тебе, да предъявлял? Просто спросил — людям деньги переданы или нет! Ты чего это такой... ошетиненный?

— Ты... Чибис, мля... Гуляй отсюда! Не хрен тебе тут делать! И мне работать не мешай, понял?!

«Мда... чего-то старый взбесился... Да и хрен с ним! Мне с ним детей не крестить!» — раздумывал Иван, шагая по улице.

«Подарки... подарки... подарки. Дело-то несомненно хорошее! Вот только... Кому и что дарить-то? Деньги. Деньги есть! Так... по персоналиям. Илья... хоть он и мудака, но... Все же надо! К тому же — директор! Как не лизнуть? Ага... это я так стебусь сам над собой! И что этому морализатору подарить? Да... ручку! Авторучку! Сейчас такие уже есть даже в наших ебнях! Не «Паркер», конечно. А есть уже «Паркер»? Да не — обрыбится Илюша «Паркер» ему дарить! Дальше. Кто там еще из мужиков? Ага. Миронич и Яков. Ну с Яковым — проще — табак хороший подарю, и трубку тоже. Хотя и Мироничу тоже самое! Теперь — женщины! Их — много! И тут... все гораздо сложнее!

Первая... любимая жена, тык-скыть, Фатьма! Я ей уже напрезентовал, конечно. Но все-таки — Новый Год! Золотишко у нее — есть... уже! Опять — одежду? Или белье? Хрен знает! Надо подумать... Дальше — подруга Ильи Тоня! Духи? Косметика какая-нибудь? А что сейчас есть из косметики? Ну... пудра какая-нибудь... помада там... Хотя, вот не помню, чтобы она была как-то покрашена! Она вообще красится или нет? Опять думки! Дальше — Лиза... и Лида. Вот так и подмывает им презентовать такой... хорошо подобранный и немаленький набор белья! Так сказать — и подарок, и провокация! Но... даже в моем времени, белье дарили только близким женщинам. Которых уже... ага, познал мужчина! А вот так... точно — провокация! Интересно посмотреть, как отреагируют дамы! Мдя-я-я... вот оденут те лифчики тебе на уши, вот будет тогда... умора! А кто еще? Зиночка? Да ну на хрен! Пусть ей... ухажер теперешний покупает подарки! Кира? Вот Кира... надо бы. Но! А что дарить? Тут и духи, и косметика — не в масть! И белье — там точно можно рассчитывать на «трусами по морде»! А что тогда? Может... тоже — ручку? Хорошую такую... Полное собрание сочинений Ленина, блин! Как убежденной комсомолке!».

«Ладно... Вере бы... но — расстались! Чего там бывшее... теребить! Так! Я знаю, с кем можно посоветоваться, и где все это достать! Ага — в ателье! Там эти жучки хитромудрые... У них, похоже, все есть! А чего нет — то точно достанут! Да и с Александром посоветоваться можно. Он вообще... как-то выбивается за рамки просто портного. Нет, так-то — портной, конечно. Но уже как-то — пошире! Наверное, в будущем его бы назвали — стилистом. Там и одежда, и украшения, и та же косметика, с, мать ее, парфюмерией!».

Александр был на месте. Иван дождался, пока портной проводит парочку, состоящую из пожилого представительного мужчины, и того же возраста дамы, и сказал тому, что ему срочно требуется консультация.

В знакомой комнате он объяснил мастеру суть своего затруднения — нужны подарки к Новому году, много. Как для мужчин, так и для женщин. Удивился, в свою очередь, что подарки уже вполне себе принято дарить, по словам Александра.

— А какие подарки нужны? Что ты сам думаешь по этому поводу? — задумался Александр, посмотрев на Косова.

«Интересно, он ко мне — то на Вы, то на ты!».

— С мужчинами — все довольно просто! Мне нужно два курительных комплекта — трубки, наборы по уходу за ними, и хороший табак. Еще нужна хорошая авторучка, было бы замечательно, если бы она была... в подарочном варианте. Ну, там... коробочка, чехольчик и прочая лабуда!

— Иван! Ты понимаешь... это же не наш профиль, — вопросительно посмотрел на него

Александр.

— Понимаю. А еще я понимаю, что у Вас есть нужные связи для того, чтобы это все достать!

«Думаю, у этих прохиндеев что-то вроде торговой сети, с разной специализацией. Понятно, что оформлено, скорее всего на разных людей — все эти кооператоры, паи и прочая!».

— Ну-у-у... подумать-то можно. Где все это достать. Только вот и времени остается всего чуть больше недели.

— Александр! Вот не надо клевать мне мозг, и делать такой задумчивый вид. Ваши возможности мне примерно понятны. А я, если Вы забыли, вполне себе платежеспособный клиент. И доказывал это уже не раз, не так ли?

Портной сразу же сделал вид, что он вовсе не то имел в виду, и стал растекаться мыслью по древу, воркуя о том, что Иван давний, уважаемый клиент, и даже — больше того! в какой-то мере — и деловой партнер!

— Ага, ага... Вот есть в тебе, Александр, что-то от богоизбранного народа. Хотя по обличью — типичный русак. Ты, деловой партнер, скажи-ка мне — юбки, блузки и платья, которые мы для моей знакомой тут с тобой рисовали, уже пустили в дело? Или еще почесывается?

Тот немного смутился, и признался, что да — уже начали пробовать и единичные заказы уже есть.

— Единичные — это пока, и ты, Александр, это прекрасно понимаешь! Ты только с отчислениями за авторство не «налажай». А то Севастьян Игнатьевич с Вас же три шкуры снимет! И кстати! А чего Вы еще не организовали фото- и художественные эскизы этих нарядов, для наглядности?

Александр помялся и признался, что все это у них в задумках есть, но только после Нового года.

— Как-то Вы раскачиваетесь долго. Ты же наверняка уже просек, насколько это будут привлекательные наряды?

Александр снова стал что-то объяснять про сложности с разработкой лекал, про неопытность закройщиц и швей, про недопонимание со стороны руководства артели.

— Ага... так бы сразу и сказал, что опасаются чего-то старички Ваши. Так ведь? Николай Яковлевич, что ли, против?

— Да он не то, что против. Просто для них это... как-то немного вызывающе выглядит эта одежда, непривычно. Коротковато и... излишне облегающе. Вот и бояться, что не пойдут модели, а деньги нужно вложить.

— Да с чего бы они не пошли-то? Ты же сам видел, насколько красивы в них женщины! Портной смутился.

«Наверное, Фатьму вспомнил!».

— Иван! Не все женщины настолько красивы, как Ваша... знакомая.

— Это да... здесь я полностью согласен. Фатя... она — очень яркая женщина!

Потом Александр помолчал, дожидаясь, пока Иван прикурит папиросу, и, видно было, решился:

— А вот если уж речь зашла о фото и художественных эскизах... Как Вы, Иван, смотрите на то, чтобы... Ваша знакомая поучаствовала, в качестве модели. Извините, если чем затронул!

По виду, Александр даже побаивался, чтобы Иван не вспылит — фотографировать его женщину, да в разных видах!

«Ну да, он же не знает о моем попаданстве. И насколько это в будущем престижный для женщин вид деятельности! Думает — взревную сейчас и морду бить кинусь!».

— Надеюсь, это — будет оплачено?

— Ну, конечно. Как в тот раз, с Вами — несколько фото, потом наш художник несколько эскизов сделает!

— Я поговорю с Фатьмой. Только... Вы же понимаете, Александр, — тут Иван, как бы доверительно чуть наклонился к портному, и понизил голос, — она... женщина восточная. К такой демонстративной публичности не то, что не привыкла. Она даже ей претит, насколько я это понимаю. Постараюсь уговорить! Но! Вы уж ее, в таком разе, с оплатой не обидьте!

— Ну что Вы, Иван..., - Александр начал распинаться, что, дескать — «ни в коем разе, даже в мыслях не было, да никогда в жизни!».

«Ну да... как он на нее в тот раз неровно дышал, так стоит думать — что даже из своего кармана скорее доплатит, чем обманет!».

Александр не иначе как воодушевился предстоящей фотосессией, и поэтому дальнейшие переговоры о подарках пошли не в пример легче.

— Трубки, как я понял, нужны разные, так ведь? Есть табак, трубочный, голландский. Брикетами по фунту и по два фунта. Подойдет?

— Пойдет! Только трубки... не нужны какие-то совсем уж — супер-пупер! Так... неплохие, но и не более.

Договорились.

— Ручки есть, и в подарочном варианте тоже.

«Ну что — тоже зер гут!».

— О! Чуть не забыл! А вот тоже ручка, но — для девушки. Серьезной, студентки, комсомолки. Очень активный и ответственный товарищ!

Александр потеребил нос, потом — почесал затылок. Посмотрел на потолок.

— Набор имеется. Подарочный, очень изящный такой. Несколько предметов — сама ручка, чернильница, еще что-то из канцелярии. Какой-то поделочный камень... такой — розоватый. Я в камнях не разбираюсь, но — красиво. Правда, дороговато! Он, если честно, у нас давно обретается, гарнитур этот. Мужчине такой не подойдет. Говорю же — изящная вещица. А вот девушке, или женщине... Тем более такой, как Вы сказали, думаю — в самый раз!

«И тут определились!».

— Так... перейдем к более сложным вещам! Нужно два подарка — для молодых и очень привлекательных женщин!

Александр как-то укоризненно посмотрел на Косова.

— Ну что еще? Ты чего тут подумал? — «это он решил, что я это от Фатьмы... налево хожу? Ага! От такой красавицы — да налево! Кошунство!»., — это мои коллеги... по работе! Ну да — молодые и красивые! А что — так не бывает?

«А чего это я перед ним оправдываюсь-то?».

Портной вздохнул.

— Коллеги эти... Ваши... дамы замужние или нет?

— Одна замужняя, а другая — нет... разведена.

«Опять эта укоризна во взгляде!».

Косова это изрядно разозлило:

«Еще один моралист на мою голову!».

— Могу предложить подарочные наборы. Один, значит — «Красная Москва», духи, пудра, губная помада, тени... вроде бы. Второй — той же фабрики, но — «Красный мак». Примерно то же самое!

Иван решил чуть потроллить высокоморального товарища:

— И вот еще что... нужно скомплектовать два набора. Дамского белья. В каждый набор — гарнитуры белый, красный, черный! И чулки к каждому: к белому — самый светлый тон; к красному — средний, можно телесного цвета; к черному — самый темный тон чулок. Все это должно быть красиво упаковано... Коробка общая, в ней — каждый гарнитур в своей коробочке. Сможете такое осилить?

Александр снова косо глянул на Косова, во взгляде так и читалось:

«Коллеги? Ага, как же! Верю!».

«Да и хрен с тобой, Золотая Рыбка! Думай, что хочешь! Моралист хренов!» — так же взглядом надавил Иван. Дождался, пока портной отведет взгляд.

— Вот только... вручать такой подарок напрямую... Можно скомпрометировать дам, не так ли?

Александр чуть слышно хмыкнул и уставился в стену.

— А мы вот что сделаем! Нужно изготовить две таких... открытки. Назовем их — подарочные сертификаты. К примеру... подарки я вручу на работе, и к ним — сертификаты из Вашего ателье. Дамы придут сюда. А Вы... вроде как не определено белье им, а типа — лотерея проводится! И вот они — выиграли эти гарнитуры! Как тебе такая вуаль подарков?

Портной подумал:

— А что... интересный ход! Только вот... как мы определим, что дамы именно те, кому Вы эти подарки дарите?

— А Вы на открытках... номера укажите! Якобы, каждый сертификат — номерной! И на гарнитурах — те же номера!

— Ну Вы же, Иван, понимаете, что такие гарнитуры... они недешево будут стоить?

— А Вы сейчас и проведите калькуляцию. Мне самому интересно, что получится!

Посчитали... Даже с учетом скидки, которую согласился сделать для Ивана Александр, один гарнитур тянул почти на семьсот рублей!

«Вот ни хрена ж себе, они цены на трусы задрали!».

— Вы... к-х-м... к-х-м..., Александр, трусы не из парчи ли византийской... шьете?! Это... что за конские цены?

Александр откашлялся, приготовился вещать о порядке ценообразования.

— Так! Давайте опустим... все эти... прелюдии, мастер! — остановил его «на взлете» Иван, — согласен, чулки — это дело привозное и недешевое. Ладно — бюстгалтер, там конструкция — как у новейшего истребителя. Но трусы-то зачем так... наценять. Тряпочка, должным образом сшитая. И в поясе — ничего сложного нет.

— Вы не понимаете... там — фурнитура, прищепки эти...

— Ага-ага... Решили сделать сегмент не для бедных? Ну и зря!

Александр, похоже слово сегмент не понял, но общий смысл фразы уловил. Отвел взгляд.

— При таких ценах сколько гарнитуров Вы продаете? Ну — скажем в месяц? Ну — десять, пусть — двадцать! Ох, и озолотились! Получили семь... или четырнадцать тысяч! —

Иван покрутил головой.

— А что — скажите небольшие деньги? — «ошетинился» портной.

«Как там было у Жванецкого — «Что Вы воруете с убытков?! Воруйте с прибылей!»».

— А если бы Вы поставили ценник... к примеру в двести рублей, Вы бы продали не десять-двадцать, а все сто комплектов! Уже — двадцать тысяч! На треть больше! На треть!

— Да мы только одни чулки по семьдесят рублей за пару получаем! Как за двести?!

— Ну вот посмотрите — семьдесят рублей за те же чулки! А еще сто тридцать — за сам комплект! Мало Вам? Там же себестоимость в рублей тридцать-сорок выходит! — конечно Косов не знал конкретную цифру, но прикинул «пол-палец-потолок».

Александр промолчал.

«Ага! Значит, где-то так и есть!».

— И, если Вы все же хотите остаться ателье не для всех — расширяйте ассортимент! Придумайте что-нибудь поярче, покрасивее!

— Да что там придумаешь-то? — хмыкнул Александр.

— Так..., - вскипел Косов, — если Вы сами не хотите... мозгами работать, могу подсказать что-нибудь! Тащите пару комплектов, будем смотреть!

Когда портной принес названное, они стали перебирать-рассматривать.

— Ну вот... напрашивается само собой! Смотрите — Вы шьете их из двух видов ткани: трикотаж и что-то хлопковое, так?

Александр кивнул головой.

— Трикотаж... тянется. Не пойдет! А вот на этот... хлопковый комплект. Вот сюда сделать вставки... пусть из гипюра... что ли! Можно как накладки, сверху: сбоку, или сзади, или — наоборот, спереди! А можно вообще — вставить кусок по бокам, к примеру. Или вообще — полностью так сделать — полупрозрачными. А еще — с цветом комбинируйте: на красные трусики можно нашить черные кружева, или наоборот. Белое с черным, черное с белым!

Александр задумчиво перебирал в руках женские трусики.

— Ткань-то... жестковатая, некомфортно будет даме. Натирать... в таких местах!

— Ну так — это же не белье повседневной носки, а для... адюльтера! Представьте — как на мужчину будет действовать такое белье!

Александр, похоже, представил и покраснел.

— Вот! Видите! У Вас, как у творческого человека, хорошее воображение! И как Вам?

Портной отвел взгляд, проямлил:

— Не знаю, не знаю... Не думаю, что... наше начальство будет радо такому предложению.

— Да Вы им объясняйте — нужно идти вперед! А продажи, уверен, будут! Увидит дама такое... и сразу все поймет! Они... дамы, в этом деле очень хорошо соображают!

— Тут... еще многое зависит от того, как это подать! Вот если бы... Ваша знакомая... согласилась на демонстрацию таких комплектов! Нет! Мы бы... закрытый показ организовали, конечно! Пригласили бы постоянных клиенток... из такого... состоятельного слоя.

Иван расхохотался.

— Не могу предположить, как Фатьма воспримет такое предложение! Как бы мне... сковородкой по голове не получить!

— Ну... мы бы что-нибудь придумали... для сохранения инкогнито! Маску там...

Теперь уже Косов задумался.

— А ведь это — идея! Только одной манекенщицы будем мало. Хотя бы трех нужно! Причем... одна брюнетка, одна — блондинка, и третья — шатенка! И подобрать к ним гарнитуры! Чтобы женщины видели — вот мой типаж, значит мне подойдут вот эти гарнитуры! И... чтобы закончить образ... и — чтобы инкогнито — шляпки там, с вуалью. Перчатки в тон гарнитуру — по локоть! Туфли опять же! Представьте такой показ!

Портной ушел в себя. Но глаза горели, а руки нервно мяли очередные трусики, из принесенных гарнитуров.

«Ишь как его закусило! Будем организовывать модный дом Красно-Сибирска!».

— Только вот боюсь... настучат на нас... в органы! Как бы аморалку не впаяли! — погрузился Александр.

— Так Вы таких клиенток на показ пригласите, чтобы их мужья и решали вопросы — впаивать Вам что-либо или нет! А уж жены, если им понравится, не позволят мужьям-начальникам принять глупое решение!

— В любом случае... это дело не быстрое! Нужно придумать и пошить пару-тройку десятков готовых комплектов. И моделей еще подобрать!

— А вот тут — могу участвовать в отборе! — развеселился Косов.

— Ну как Вы... можете? У Вас... такая подруга, а Вы еще что-то ищите! — опять мораль и укоризна!

— Так! Ладно, это дело мое — искать или нет! А вот для упомянутой Вами дамы... мы подарок еще не подобрали! Давай, Александр, помогай! Посоветуй!

Портной задумался ненадолго:

— Я вот обратил внимание, что, когда Вы украшения подбирали, что серьги забыли! Есть у нас одни. Думаю, они подойдут.

Мастер ненадолго убежал и вернулся, неся в руке маленькую, аккуратную, темно-зеленую коробочку.

— Вот, смотрите! Белое золото, с янтарем. Обычное золото, мне кажется, не подойдет! Ваша дама смуглая, и обычное золото будет сливаться с цветом кожи. А вот белое — будет заметнее. И янтарь — под цвет глаз!

«А что — симпатично! Очень! Беру!».

— Хотя, скажу откровенно, Александр... Я думал все-таки не про золото! А парфюм какой-нибудь... или еще что-то из ароматов.

Тут Александр задумался «наподольше». Потом хлопнул себя по лбу рукой и снова унесся в «закрома родины».

— Вот..., - чуть запыхавшись, сказал мастер, — у нас как-то... доставка была. Из Средней Азии. Все разошлось, а вот... пара наборов остались. Просто мы не знали, кому это предложить. Да, если честно, и сами не очень понимаем, что это и как использовать.

Перед Косовым лежал на столе этакий... ящичек.

«Сделано интересно, аккуратно и красиво. Но... необычно!».

— Тут написано не по-русски, и что это и к чему, я, чтобы так — наверняка — не знаю. Могу только предположить, что это какие-то средства по уходу за телом. Нам сказали, что это, вроде бы, из Персии.

Иван открыл ларец.

«Два флакона побольше... граммов на двести пятьдесят, может триста. В одном — светло-желтое что-то, тягучее — видно через стекло. А в другом — темно-коричневое, тоже

— маслянистое».

— Могу предположить, что вот в этих вот... больших флаконах — это что-то вроде масла для тела. А в маленьких... даже — не знаю. Тоже масла какие-то, благовония, — Александр и сам с интересом разглядывал набор этих... средств.

Штук пять-семь разного размера, и разного цвета жидкостей внутри... флакончиков. Граммов... по пятьдесят, или семьдесят в каждом, навскидку.

Косов почесал кончик носа.

«Интересно! А вот Савоська сразу на мою физиономию внимание обратил — на сходящие синяки. А Александр — ни слова не сказал. Как будто, так и надо! Хотелось бы знать — за кого он меня вообще принимает? За какого-нибудь... бандита?».

— Беру... Но беру — как кота в мешке! Вы сами не понимаете, что это, и я могу так же... попасть впросак с таким-то подарком! Возьму... по себестоимости! Сколько?

«М-да... не дешево! Да и хрен с ними, этими деньгами!».

Взял... оба набора. «Пусть будет «про запас»!».

— Ну все, Александр! Мы с Вами уже и так... засиделись! Побегу. Дела-дела-дела. Загляну к Вам через пару дней — заберу все подарки. Надеюсь успеете?

Портной выторговал себе три дня для подготовки всего заказанного.

— И еще, Александр — взяли бы Вы в разработку мое предложение — по подарочным сертификатам! Сами подумайте — мужчинам довольно часто приходится дарить дамам подарки. И для мужчин это — не очень приятный процесс. Сама процедура выбора, я имею в виду! А так — купил сертификат: на сто, или двести рублей... да пусть — на пятьсот! Тут у кого какой карман и кошелек! Подарил даме — и голова уже не болит: понравится или не понравится подарок! А дама сама придет и выберет, что ей больше по душе! Только сразу продумать нужно — может уже готовые комплекты сформировать? Или там... наборы моделей одежды — каждый под свой сертификат. К примеру! Пришла, выбрала, сходила пару раз на примерки и довольна! И еще! Почему у Вас такая скучная реклама? Где красочные вывески, где фото красивых женщин в Ваших нарядах? Где каталоги моделей? Так и будете... просто ателье. Хорошее, качественное, но — ателье! А что бы не подумать — Модный дом Александра! А? Как звучит? Здорово же, согласны!

— Ага! Модный дом Александра... скажите тоже! Там... старые мастера... они такие... консерваторы! — понурился портной.

— А Вы их прибылями заинтересуйте! Прибылями! Сидят пеньки старые, ничего не делают, никакой ответственности, а денежки — капают!

«Так я... в кутюрье какого-нибудь превращусь! С ориентацией бы моей ничего не случилось!» — подкалывал себя попаданец, весело шагая к дому подруги, — «он Ялдашкин, он Вафлюшкин — не без Зайцевых ушей!».

В доме у подруги было... уютно.

«И сытно!» — с чувством полного брюха отвалился Иван от стола.

— Ты, радость моя кареглазая, меня так совсем задержишь! Буду толстым, ленивым и важным, как Ваши баи... в прошлом!

— Ты, Ваня, не потолстеешь! Ты вон какой стройный и поджарый! И как мужчина... неутомимый, — чуток покраснев, польстила Фатьма Косову.

Ну а как? В отсутствие Ивана, женщина опять наготовила всяких вкусностей. А в процессе готовки, на небольшой ее кухоньке стало жарковато, и женщина была одета в легкий, короткий халатик. Как тут сдержаться? Никак такое невозможно!

«Ага... халатик! Рубашка это моя была! Вот ведь — и времена другие и нравы, а привычки женские — все такие же! Увидит мужскую рубашку, и сразу — хватать! И на себя ее! А что — я не против! И вид такой... очень жизнеутверждающий! И запах от рубахи приятный! Дурманящий от этой рубахи запах! Правда... постирать ее все же придется! А то в клуб приеду, а там — тоже женщины! А у них нюх на такое дело — собачки позавидуют!».

В общем, чуть не пригорело у хозяйки варево! Чуть не пригорело! И не надо мужчину обвинять в легкомысленности, если сама... провокаторша!

А вечером они опробовали новую баньку Фатьмы. И еще как опробовали! В процессе опробования, помывку все же произвели, да! И попарить женщину Иван все-таки смог. А вот от этого Фатьма была не в восторге!

— Вы, русские, какие-то... странные! Зачем стегать себя этими... вениками? Все-таки это... больно!

Они потом пили чай, расслабленные, чистые. И Иван поглядывал на притихшую женщину, которая задумчиво смотрела в темное окно, и иногда улыбалась.

— Тебе хорошо, душа моя? — как хорошо смотреть на всем довольную женщину!

Она встрепенулась, посмотрела на него, закивала:

— Да, Ваня! Мне очень хорошо! И спокойно так, и радостно! И ни о чем думать не хочется!

— Ты зарядку делаешь, как я сказал?

Она чуть погрузнела:

— Делаю. Все как ты говорил. Только... больновато. И ноги тянет, и поясница ноет. И попа тоже ноет!

— А пойдём-ка... я тебе массажик сделаю, чтобы легче было. А что все ноет — это нормально. Это мышцы тела еще не привыкли к нагрузкам! А потом наоборот будет — мышцы будут ныть, если заниматься перестанешь. Зато фигура у тебя будет — еще красивее! Хотя... пока — красивее и не надо. Но ты же хочешь сохранить красоту тела подольше, а?

Лежа после «безумств» в кровати, и глядя на разметавшуюся рядом женщину, Косов думал:

«Чего же тебе еще надо, собака?! Вот женщина — красивая! Все как ты любишь — фигура, лицо... Отношение к тебе — лучше и не надо! А ты все... как кобель, с цепи сорвавшийся — носишься-носишься, все что-то ищешь!».

«Нет... если разобраться... вот именно в данный момент — больше ничего не надо! Ни о чем, и ни о ком больше и не думаю! Но когда уеду, в клуб — день-два и по-другому смотришь на Лиду, на Лизу. Уже — чего-то и надо! Признайся, мудило — даже на Тоню поглядываешь? Ну... да, поглядываю. А что тут такого? Нравятся мне женщины и все тут! Что тут поделывать? И нужно ли что-то делать? А вот... не знаю. Живу тут... как в присказке — «Шло, ехало, брело! Потерялось — не мое!».

Мышцы и правда требовали нагрузки — уже втянулся Иван в постоянные физические упражнения. А здесь, у Фатьмы, выбор упражнений был существенно ограниченным. Иван по привычке вставал рано. За окном еще темным-темно, и разметавшаяся по кровати женщина была веской причиной никуда не ходить, а заняться более приятными делами. Но — сила воли плюс характер! Ос-с-с-с... ядрена вошь!

И Иван выходил на улицу, чистил снег, носил воду. Выбрав подходящую балку в сарае, опробовав этот брусочек на прочность, стал подтягиваться. Как положено — не менее пяти подходов! И отжимания, отжимания! А мороз... а что мороз? Мерзнет тот, кто не двигается!

А так — аж пар валит от Косова!

Потом — протопка печи. Сидишь, покуливаешь в приоткрытую дверку печи, думаешь...

«Занятия в стрелковом кружке пропускаю... Нехорошо! Как бы не нагнали меня оттуда! Но и с синяками там появляться — не стоит! Надо выбратся в клуб, взять конспекты, наставления и еще — штудировать, штудировать и еще раз... конспектировать! Как раз... через пару дней съезжу. Подарки заберу у Александра, и вручу! Жалом повожу — что там в клубе и как! Да и женщин моих нужно попроведовать... Лиду и Лизу. Подарки, сертификаты...».

Про подарки... Была у Косова еще там, в прежней жизни, такая дурацкая черта характера — приготовил подарок, а ждать до даты события — ну так невмоготу, ведь хочется убедиться, что не ошибся в выборе. В общем, вручал раньше, чем было нужно!

Вот и тут... После бани-то, в самый раз, тело женщины обиходить! Вот он и вручил набор этих... масел Фатьме. Сказать, что она обрадовалась — ничего не сказать! Женщина замерла, уставившись в ларец, а потом с придыханием спросила:

— Ваня! Это что... персидские благовония? Как же... Это же... Это же так дорого! И где ты их достал? Я только там, в детстве, слышала про них. И несколько раз видела, только по одному-два флакона! А здесь... полный набор!

— Да? И что — это такая редкость?

— Не то, чтобы редкость... но и не везде их найти можно. Там, у нас — еще можно. А здесь, в России... не знаю. Да и пользоваться ими, думаю, мало кто умеет! Раньше такие подарки только богатые люди... купцы там... или еще кто... могли своим женам позволить.

— А ты — знаешь, как ими пользоваться?

— Ну... не очень. Кое-что помню, по разговорам. Вот эти два флакона, — она показала на большие, — это масла. Ими тело смазывают. Но... не думаю, что нужно все тело смазывать — запах уж больно стойкий, да и переборщить можно легко. И еще — не каждой женщине подходит то или иное масло. А вот эти, маленькие, это благовония. Тоже подбирать нужно! И еще..., - она тихо засмеялась, — по-моему, вот эти, это... возбуждающие средства. Слышала, что есть возбуждающие для мужчин, а есть — для женщин.

— Попробуем? — воодушевился Косов.

Она удивилась:

— А тебе зачем? У тебя и так все в порядке. Даже... иногда... чересчур! — снова негромкий смех.

— Вот еще бы знать... как подбирать эти запахи, — женщина задумчиво перебирала флакончики.

— Да что там знать-то?! Возьми и нанеси по капле из разных флаконов — на одно запястье, и на другое. Только нужно время, когда они чуть впитаются в кожу. Сразу не поймешь.

Они попробовали. Наверное, Косову медведь не на ухо, а на нос наступил. Ему казалось, что и то, и другое средство — подходят подруге. Но сама Фатьма так не думала, правда и определиться сразу не смогла.

— Да, точно! Нужно подождать... потом будет ясно, где мое, а где — нет.

А афродизиаки... они все-таки опробовали. Ага! Действуют! И — еще как!

Глядя на спину и... попу подруги, которая стояла на четвереньках, Иван думал:

«Есть ли что-нибудь более красивое, чем красивая женщина... в такой момент? Как она подрагивает всем телом, как, при тусклом свете свечи, стекают по ее спине капельки пота, и скатываются в ложбинку поясицы? Смуглая кожа, постанывания, постепенно переходящие в сдавленные крики (несмотря на уткнувшееся в подушку лицо), разметавшиеся по подушке черные волосы...

Так... мля... не думать, отвлечься... таблица умножения, где ты? Ау! А что еще красивого есть в нашем мире? Да много чего есть! Море вот — оно всегда красиво. Утром и вечером, с тихую погоду и в шторм! Лес поутру и вечером, на закате. Поле в ключьях тумана. Тихая речка и лесное озеро, осенью в период листопада... много чего красивого есть! Горы! Как красивы горы! Ох как... они красивы! Терпеть, мля... Но... женщина в моменты страсти — красивее всего!».

Подруга судорожно вздрагивала и чуть слышно, протяжно выла в подушку.

«Вот! Вот... сейчас уже... будет можно!».

Косов сам резко дернулся, и рыча от захлестывающих эмоций, опустил на спину женщины.

Через некоторое время он очнулся от... минета, приподнял голову. Фатма была ласкова и, теперь уже — очень умела. Поблескивали от удовольствия ее глаза; волосы, рассыпавшись вокруг, практически закрывали... «поле боя». Она поняла это, отвлеклась, и, скрутив волосы, закинула их за спину. Снова приникла к нему. Иван закрыл глаза и откинулся на подушку. А через некоторое время стонов уже не мог сдержать он.

Они, как и в первый раз, лежали на кровати — он, лежа на спине, курил. Второй рукой поглаживал ее по спине. Она, закинув ногу ему на живот, обнимала, отдыхая и восстанавливая дыхание.

— Слушай, красавица! Тут Александр... ну — портной в ателье. Помнишь такого?

В ответ она хмыкнула. Ага... помнит.

— Ну так вот... Он просит, чтобы ты согласилась попозировать фотографу, в этих юбках, блузках, платьях. Они там рекламные плакаты будут делать, или каталоги... что-то такое. Ты как? Согласна?

Она чуть затаилась.

— Вань! А разве это... прилично? Для женщины? Так выставлять себя на показ? Это же все пялиться будут! А потом... вдруг кто из знакомых узнает? Еще и пальцем тыкать будут! Как мне тут жить?

Он негромко засмеялся:

— Интересно ты рассуждаешь! Ты — молодая и очень красивая женщина! И одежда эта — тоже красивая! И ты в ней... красивее вдвойне! Чего тут неприличного? Ты же не голая там будешь фотографироваться! Хотя..., - закашлялся, поняв, что проболтался.

— Т-а-а-к... ну-ка, Ваня... рассказывай все! — Она сначала приподнялась на локте, а потом, не отрывая от него своих ведьмовских глаз, уселась на него сверху, — рассказывай! Ты что — продал меня, что ли?

Он закашлялся от дыма.

— Ну ты... к-х-а... скажешь тоже — продал! Там просто... кроме фото в одежде... они еще и закрытый показ планируют. Дамского белья!

— Ты сдурел что ли? Иван! — она ошарашенно замерла на нем.

«Вот же... чертовка! До чего хороша! Сейчас мы тебя... разыграем!».

— Нет, ну а что такого! Таковую красоту, как у тебя, прятать грех! Это же — достояние

Советской республики! А достояние республики — оно принадлежит всем гражданам нашей страны! Вот! И если ты этого не понимаешь, то это не есть хорошо! В тот момент, когда, все граждане нашей страны, как один... в едином порыве так сказать! строят первое социалистическое общество, не место таким собственническим инстинктам! Красота, она, знаешь ли, должна принадлежать всем! Вот! Что плохого, если наши сограждане, глядя на тебя будут получать эстетическое удовольствие?

— Удовольствие, говоришь? Сейчас как стукну! Гаденыш! Чтобы я... чтобы... голой перед людьми? Да я...

— Стоп-стоп-стоп! Ишь как раздухарилась! Не надо меня бить! Успокойся, я сейчас все объясню! Да погоди ты! Фатя! А ты знаешь, что еще красивее становишься, когда злишься?

Она выдохнула:

— Фатя... так меня отец звал.

Он приподнялся на кровати и обнял ее:

— Ну все, все... красавица! Пошутил я! Пошутил, понятно?

Она прилегла на него, но взгляд не отрывала. А потом, наклонив голову вниз, ловко и быстро цапнула за грудь.

— Ой как больно! Ты что же... Нет, ну правда — больно! Ишь зубки какие острые! Вот же... лисица! Черно-бурая!

— Давай... рассказывай. Что Вы там с этим Александром задумали!

«Ага! Рассказывай, мил-человек, что вы там в МУРе с Фоксом сделать удумали!».

Он рассказал ей.

— Нет, Ваня! Я не понимаю, ну как ты мог на такое согласиться? Я! Голая! Перед людьми!

— Опять не так! Не голая, а в белье! И не перед всеми людьми, а только перед женщинами! И не ты одна... там еще пару женщин привлечь к этому делу предполагается!

— Ага? Может тем женщинам и привычно, вот так перед другими голышом разгуливать! Может они..., - тут она, не иначе, как от избытка чувств произнесла что-то потюркски, — а я, Ваня... Слушай, зачем ты меня обижаешь?

Ване пришлось убеждать женщину, что никаких помыслов ее обидеть у него не было. Убеждал... долго. Чуть не час! Фатима успокоилась. Вроде бы. То есть методы ей нравились, а вот результат — был не ясен!

— Ну ты как, милая?

— Я, Ваня, с тобой... всегда как! Как ты говоришь — с большой буквы «как»! Ох как мне... хорошо! Только не начинай больше, ладно?

— Ну... ладно. Хотя там и заплатить обещали!

— Опять!!!

И снова укус! Да не один! И кулачки у нее... хоть и небольшие, а крепенькие!

— Красавица! Ты забыла... ой! Что меня тут недавно... да что ж ты будешь делать-то! Меня тут били уже... недавно! Ай, бля! И я еще... ну хватит, а! я не выздоровел... полностью! Ай, ребра!

Она опомнилась, снова уселась сверху.

— Что — правда больно? Вань! Я и забыла совсем, что ты весь избитый! Ну... извини... давай я тебя... полечу.

Лечение Косову... очень понравилось! Очень!

Они опять, запыхавшись, отдыхали.

— А ты знаешь... мне понравилось вот так тебя... мутузить! Мутузить! Слово-то какое... интересное! Вань! И что... ты бы и правда... разрешил мне так... голышом разгуливать? Даже перед женщинами? Ты знаешь... женщины... они тоже бывают... Я бы со стыда, наверное, сгорела! Вот представляю — иду такая... в этом красивом белье. А может среди них... эти... извращенки поганые имеются, а? И они не на белье смотрят, а... Ой! Ваня! Стыдно-то как!

«Ага... стыдно. А у самой... между ног почему-то влажно стало! Рука-то моя так там и лежит!».

На третий день он все-таки вырвался из этого царства обжорства и... излишеств всяких... нехороших. Хотя нехорошие излишества были — очень хороши!

Заскочил в ателье. Перебрал подарки.

«Так... два комплекта курительных. Ага! Вот этот — точно Якову, он попроще. А этот... этот хорош! Х-м-м... может и мне что-то такое себе приобрести? А что — вон и Сталин трубку курит; и тот же Симонов, который Константин; и фото Гайдара он тоже, с трубкой — видел. Ладно, подумаю! На улице-то всяко папиросы удобнее! Ага... Ручка — для Ильи! А что — вполне! Делово так, симпатично! Набор для Киры. Тяжеленький такой, стационарный. Ручка и все остальное, действительно, такое — стильное! Есть вкус у Александра, есть! Так... два парфюмерно-косметических набора. Тоже — аккуратно все упаковано, даже с изыском каким-то. Попробуем, понюхаем... Так! «Красная Москва» — она более резкая, какая-то... прямая, что ли. Это — для Лизы! А вот тот «Красный мак» — он все-таки по-нежнее, более спокойный. Это для Лиды! Кого забыл, а? Блин! Тоня! Точно!

— Александр! Совсем забыл! Есть еще одна девушка! Она — хореограф, руководитель нашего клубного танцевального кружка! Что можно подарить девушке, если она даже не краситься?

Тот помолчал, подумал, почесал затылок, а потом — и лоб.

— У нас есть трико для занятий танцами... ну или спортом! Гимнастки вот еще, в таком занимаются! Хорошее трико! Даже — заграничное!

— А как по размеру понять?

— А какая девушка? Ну — рост там, вес... ну — габариты, если можно так сказать?

Косов объяснил на пальцах. И Александр принес требуемое!

— А, знаешь, что, Александр... А давай-ка мне еще один такой... сертификат. Для этой танцовщицы. Тоже пусть будет!

Ателье, Косов понадеялся, что только — пока! ничего не придумало, как штамповать сертификаты на обороте обычных новогодних открыток. На лицевой стороне — все как обычно: зайчики, белки, олени, Дедушка Мороз. А на другой стороне — пропечатано типографским способом: «Новогодний подарочный сертификат. Стоимость сертификата — договорная, фиксируется отдельным платежным документом. Номер сертификата...» и номер — соответственно!

— Быстро подсуетились! Только... на будущее — лучше все-таки самим открытки придумать, свои, так сказать — фирменные! — посоветовал он портному.

— Руководство решило, что твоя задумка — дельная! А по виду — потом что-нибудь придумаем! — ответил тот.

«Уф... все! Хорошо, что я тогда сумку себе пошил такую удобную! Все вошло! Так... теперь — в клуб! Вручать подарки и узнать обстановку!».

В клубе было все в порядке. Был такой период затишья — когда дети, приходящие с утра, уже ушли; а другие, с обеда — еще не пришли.

«Тишина. А где все? Так... библиотека... закрыта! Может у меня — чай пьют?».

Иван, подойдя к двери в свою комнату, остановился прислушался.

«Ага! Слышу — вот Тоня что-то говорит. А вот Лидочка что-то весело отвечает! А вот и Лиза — смеется! Все здесь — и это здорово!».

Он постучал в дверь и услышал — делово так — «Войдите!». «Х-м-м... Лиза!».

Ну что — вошел!

— Ой, Ваня! — это Тоня. И она точно рада.

Лида тоже сначала улыбнулась, а потом приняла спокойно-равнодушный вид. Демонстративно. А Лиза... вот молодец! сидя на табурете, так, чтобы не было видно Лиде, подмигнула ему.

— Здравствуйте, дамы! Здравствуйте, дорогие мои работницы культуры и образования! Извините, но костюма Деда Мороза я не нашел. И тем ни менее, в преддверии Нового, одна тысяча девятьсот тридцать девятого года, я хочу взять на себя функции именно этого доброго и хорошего старичка! А именно, поздравить Вас с наступающим Новым годом, и вручить Вам, умницам и красавицам, небольшие подарки!

Женщины сначала слушали Ивана с улыбками, а потом — и удивленно.

Пользуясь их замешательством, Иван снял верхнюю одежду, и начал демонстративно копаться в сумке.

— А скажите-ка мне милые девушки, умницы и красавицы, нет ли среди Вас той девочки Лизы, которая учит местную ребятню песням славным, приобщая их к культуре?

Тоня — молодец — включилась в игру, дисциплинированно поднял руку, как примерная ученица:

— Есть, Дедушка Мороз! Вот она сидит — наша красавица, умница, и хороший товарищ!

— А расскажи-ка мне, Лизонька, стишок махонький! А в ответ — получишь подарок от дедушки!

Лида, улыбаясь, смотрела на это действие, а Лиза, подчеркнуто серьезно встала, оправила блузку и юбку и набрала воздуха в легкие.

— Так... стоп-стоп-стоп, милая девочка! Чтобы тебя было видно всем ребятам, будет лучше, если ты встанешь на табурет! — продолжал балаганить Иван.

Лида прыснула в кулак. Лиза секунду подумала, а потом, чуть приподняв юбку для удобства, отважно вскочила на табурет.

Честно сказать, что она читала, какой это был стишок, Иван — не слушал. Потому как совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки от него, были ее колени. Он ведь присел на табурет: играть роль дедушки, так отыгрывать ее до конца, вот он, кряхтя, и уселся. А теперь — вот они, такие красивые, округлые коленки! И юбка еще, приподнятая, так предательски не опустилась назад! И чуть приоткрывала низ бедер женщины. А если еще и чуть снизу смотреть...

«Блин! Ты же несколько часов назад с красивой женщиной... кувыркался! Какого же хрена... ты опять... вскочил! Ну что с этой, блин, потенцией делать?».

Наверное, возникла пауза. Потому как Иван вдруг заметил, что Тоня выжидающе смотрит на него; Лида — тоже, но чуть удивленно, а вот сверху на него уставились пара

серых глаз, и бесята-бесенята в этих глазах так и скачут, так и прыгают! И улыбка на губах!

— Дедушка устал, да? — пропищала сверху Лиза, — замучился, бедный, подарки ребятишкам развозить, задремал!

«Вот же... зараза! Клара Румянова тут нашлась!».

Он нарочито вздохнул, кряхтя потянулся.

— Права ты, доченька! Нелегко труд бабушки! Стар стал, притомился! Но стишок твой мне понравился, понравился! А скажи-ка, Лизонька, хорошо ли ты себя вела весь год? Делала ли уроки, что задают учителя? Не баловалась ли? Помогала ли взрослым?

— Да, бабушка! Я вела себя хорошо! Вот и девочки могут подтвердить это! — Лиза сверху уже откровенно смеялась.

«Девочки» активно закивали, подтверждая примерное поведение подружки.

— Ну что ж! Тогда заслужила ты подарочек от Мороза! Заслужила! Вот тебе мой подарок! — Иван протянул женщине завернутый в оберточную бумагу подарок.

— Спасибо, бабушка! — Лиза бодро спрыгнула с табурета, обняла Ивана и смачно поцеловала в щеку.

«Эх... в губы-то было бы... лучше!».

— А где у нас девочка Лида? Наслышан я, что познала она много книжек разных — умных и интересных! Пусть расскажет она стишок хороший, поучительный!

Лида встала:

— Бабушка! А можно я не буду на табурет становиться — ребятам и так меня видно?

— Ну что ж... читай с места!

Он с улыбкой смотрел, как Лида читает какой-то, ранее ему неизвестный детский стишок.

«Она совсем оправилась от болезни. Очень хорошо выглядит! Даже не узнать в этой стройной и симпатичной женщине, ту доходягу, которой она была еще три месяца назад!».

— Молодец, Лидочка! Вот будет славно, если все ребята, которые приходят к тебе за книжками, будут так же любить стихи и прозу, знать наших поэтов и писателей, расти умными и славными детьми! Вот тебе мой подарочек маленький!

Лида с улыбкой взяла свою коробку.

— А еще есть здесь девочка Тоня. Девочка хорошо танцует, и учит танцам детишек местных! Где эта прима нашего клуба? Где эта Терпсихора нашего совхоза?

Женщины снова засмеялись.

Тоня встала.

— Бабушка! А можно мне, вместо стиха, танец показать?

— Отчего же нет, милая! Покажи танец, порадуешь старое!

Тоня здорово отбарабанила чечетку — залихватски, даже как-то... хулигански!

— Ай молодец, ай — хороша! Вот тебе, девочка Тоня, мой подарочек! Радуешь и бабушку, и ребятню местную и в следующем году!

И Тоня получила свой тючок оберточной бумаги.

Немного подпортила картину... Лиза. Видно, не удержалась, и пока остальные продолжали выступления, стала распаковывать подарок.

— Иван! Так... нельзя! Это... дорого! Ну... не знаю, даже что сказать!

— Не знаешь, что сказать — промолчи! — слышал я такую мудрость, — Иван досадовал — ну что такое-то, блин горелый!

Лида тоже оставилась на открытую коробочку с пузырьками, флакончиками и

коробочками. Но — молчала.

И лишь одна Тоня его порадовала! Она взвизгнула радостно и обняла его сзади, со спины:

— Это что — трико? Ой, спасибо-спасибо-спасибо! Ванечка! Если бы только знал, как ты меня порадовал! И какое трико! Где ты только взял такое чудо! Это же... заграничное... Австрия, по-моему! И-и-и-и..., - и опять объятия со спины.

— Ну что опять, девушки, — спросил чуть устало у Лизы и Лиды Иван, — ну что опять не так?

— Ваня! Но это и правда — дорого! — негромко сказала Лида.

— Не дороже денег! — отмахнулся он, — да и не так уж это и дорого! А деньги... вон они... постоянно мне капают на книжку, за песни. И куда мне их? Ну правда... красавицы, примите, не обижайте!

— Ваня! — подала голос от топчана Тоня, — Ваня! Можно тебя попросить... мне не терпится! Можно ты выйдешь, а? Примерить хочется — сил нет!

«Вот же... какая она славная! и простая».

Иван вышел через заднюю дверь на крыльцо и закурил, с удовольствием вдыхая морозный воздух. Буквально через пару минут в окошко стукнули.

«Можно заходить?».

Трико было серого цвета. Облегало ладную фигуру девушки очень... хорошо! Тоня покрутилась вокруг себя, демонстрируя со всех сторон.

— Ну как! — затаив дыхание, ожидала она вердикт.

— Во! — вытянул он к ней руку, и поднятым большим пальцем, — слов нет, как тебе здорово в нем, Тонечка! Вот только одно — НО! Она так тебе идет, что, боюсь, к тебе на танцы будут записываться не только ребяташки, но и парни встанут в очередь! Ты же сама говорила, что парней-партнеров не хватает? И еще... как еще это трико Илья воспримет!

— Так! Я в зал, там зеркало большое! А Илья... нормально воспримет! Я с ним беседу проведу! И парни... а что — и правда нам на танцах парни нужны! Мало их у нас! — Тоня выскочила за дверь.

Женщины переглянулись.

— Ли-и-ид! Тебе не кажется, что этот кобелек собрался и Тоню... соблазнить? — протянула Лиза с улыбкой.

«Вот же... красавица! И чтобы тебе не промолчать?».

Лида усмехнулась, а потом спросила:

— Слушайте! Мне показалось или... и правда — на Тоне трико это... просвечивается? Ну... как-то неудобно может быть — даже трусики видны. Если присмотреться, — смутилась Лида в конце вопроса.

«Мда... я тоже такое заметил. Толи размер... чуть узковато девушке, толи — так и задумано?».

— Да ладно... Это же — трико. Чуть растянется в носке — и все будет нормально! — не совсем логично заявил Косов, — а трусики... вот на пляже никто же не задается такими вопросами. А там, кроме трусиков и лифчиков, на девушках вообще ничего нет. И на демонстрациях первомайских девушки в колоннах спортсменов идут — никто же ничего против не имеет? И да — трусики нужны такие, чтобы не стыдно было... да.

«А я знаю, где их взять! Вот Илья-то «порадуется!»» — поехидничал про себя попаданец.

— Знаете... милые дамы! Вот что я хочу Вам сказать... Может я где и в чем-то и виноват перед Вами... За что прошу прощения! Честно! Простите! Но вот какой я есть — такой и есть!

Он пожал плечами и покрутился вокруг себя, демонстрируя — вот какой! Как несколько минут назад Тоня!

— Ладно, подруга! Давай этого... Деда Мороза чаем поить, а то — неудобно получается! Человек подарки привез, а мы его даже чаем не напоим? — предложила Лида.

Лида в ответ расхохоталась:

— Вообще-то... это мы у него в гостях! Не забыла, подруга?!

Они пили чай. Как-то Иван психологически вымотался от этого... представления, и больше молчал, хотя видел, что женщины переглядываются между собой и поглядывают на него.

— Да вот еще... чуть не забыл! Там, где я брал эти подарки... Там это ателье акцию проводит. Вроде как — по привлечению клиентов. В общем, они там придумали разыграть лотерею — подарочные сертификаты. Вот я и взял... на Вас, на всех. Вдруг что и выиграют, эти открытки!

Он передал женщинам открытки.

— Вот еще... для Тони!

— Погоди... ты сказал — ателье! А это какое ателье? — вдруг насторожилась Лида.

— Да какая разница? Ну там... что-то — ЗапСибАтелье... вроде бы так.

Лида смотрела на подругу выжидающе.

— Ты, парень, совсем сдурел! Это же... Это, подруга, одно из самых модных и дорогих заведений в городе! Вот так-то! — сказала Лида Лиде.

«Х-м-м... а я и не знал, что у Александра со товарищи — такая репутация!».

— А ты как туда попал-то? — теперь обе смотрели на него.

— Да я еще по весне, сразу по приезду... спросил знакомых, где одежду приличную можно купить — вот мне и посоветовали. Там и одевался. А потом — они еще меня привлекали, когда новый костюм придумали, вы видели — в котором я хожу... Вот и фотографировался я в нем. Там и до сих пор эти фотографии на окнах висят. Реклама.

— Наш пострел — везде поспел! — засмеялась Лида, — а когда розыгрыш этой... лотереи? Когда можно будет результаты узнать?

— Да уже послезавтра! Они перед новым годом все хотят провести. Видели же — открытки новогодние!

Лида вышла в библиотеку — пришли читатели. Они с Лизой сидели вдвоем, молчали.

— А ты... Шемаханской царице своей... тоже подарок вручил? — усмехаясь, спросила женщина.

«Вот же... уже и прозвище придумали! А все Лидочка!».

— А ты сама как думаешь, красивая? — немного устало спросил Косов.

— И что в тебе бабы находят, а? — задумчиво произнесла Лида, глядя в окно.

— Может я... обаятельный?

Она засмеялась:

— Наглец ты! Наглец и кобель! Хотя... и обаятельный, тут не поспоришь! Может... что-нибудь споешь? — кивнула она на гитару.

— Потом... как-нибудь. Что-то я и правда, устал. Пойду Илье подарок вручу, и поеду. Мне еще в пару мест заскочить нужно. Успеть до конца дня.

— А ты... где сейчас? У царицы этой? — Лизу, похоже, заинтересовало.

Он только кивнул, попрощался, и взяв одежду в руки, прихватив сумку, отправился в кабинет директора.

— Привет, Илья! Вот заскочил... поздравить с наступающим Новым годом! Вот — подарок тебе мой, — он вручил Илье коробочку с авторучкой.

Директор был хмур.

— Ты зачем... такой подарок Тоне сделал? Я тебе потом деньги отдам! И мне ничего не нужно было!

— Илья! Даже не начинай, а то — опять поругаемся! Подарок — он и есть подарок! И деньги мне не нужны. А не нравится подарок, или я тебя чем не устраиваю — так выброси его! И я же предлагал — уволюсь и все твои нервы закончатся. Вроде поговорили, что опять начинать-то? И у меня просьба будет — вот еще Кире нужно подарок передать. И Миронычу с Яковом. Сделаешь? Ну вот и спасибо! Все! Я пошел! С наступающим! Вернусь на работу второго января! Адиос, амиго!

«Нужно еще к Калошину заскочить, насчет ресторана договориться!».

Не сразу, и не вдруг, после расспросов прохожих, но ресторан он нашел! Довольно старое трехэтажное кирпичное здание. Похоже, что на первом этаже — ресторан, а вот что выше?

Швейцару он сказал, что ищет приятеля — Игоря Калошина, который работает здесь, в ресторане, руководителем музыкального коллектива. Калошин его встретил с радостью.

— Как дела? А ты вовремя! Мы тут решили твоих «зайцев» петь — вот отрепетировали. Послушаешь?

— Ну — давай!

Они прошли в зал ресторана.

«А что — очень неплохо! Зал немаленький, и по всей длине разделен на этаких три воображаемых части рядами круглых колонн! И столики такие — солидные, и стулья. И скатерти — чистые и довольно консервативные. Мда... уже хочу сюда прийти с Фатмой!».

Иван поздоровался с парнями-музыкантами, присел за первый столик. Калошин пошушукался с коллегами. Спели.

«А неплохо! Они вообще — по манере исполнения, и даже внешне немного напоминают бит-квартет «Секрет», тот который — Максим Леонидов, Николай Фоменко и компания».

Косов показал Калошину большой палец. Тот снял гитару и спустился в зал.

— Поговорить надо! — обратился к нему Иван.

— Пошли — отойдем вон туда, за колонны. А то сейчас ребята репетировать продолжают, чтобы разговору не мешали.

— Слушай! А у Вас тут кофе варят? Чтобы — настоящий? И варили правильно — и турке?

Калошин удивленно посмотрел на него:

— Вот уж не думал, что ты кофе любишь?

— Ну... не то, что люблю. Просто иногда хочется...

— Сейчас все организуем! — Калошин ненадолго исчез.

— Ну, давай, рассказывай, что тебя привело в этот вертеп, в гнездо чревоугодия, винопития и разврата? — Игорь смеялся.

— А я что — святой?! Мне тоже... иногда хочется прикоснуться к таким грешкам! А

вообще — нужно столик заказать, на послезавтра, на субботу!

— Да не вопрос! Хотя, понимаешь, сейчас предновогодняя неделя, столики практически все заняты уже загодя. Но! Для меня нет ничего невозможного! А если я уж пригласил тебя сюда, то — тем более! — поднял ЧСВ Калошин, — ты будешь один? Могу и дамочкой обеспечить! Чудно проведешь время, обещаю! А могу и двух ангажировать! Ну — соглашайся! Возьму недорого — только твою бесценную душу!

— Где расписаться кровью? — Иван изобразил стойку сеттера. Калошин заржал! — Нет, Игорь, я буду с дамой!

— Мда... С Зиной, что ли? — удивился Игорь.

— Нет... не с Зиной. Сия неверная особа бросила меня, умчалась вдаль со счастливым соперником!

— Куда умчалась? — не понял Игорь, — я же ее на днях видел!

— Да успокойся ты, шутю я, шутю! Мы расстались!

— Ага... судя по тому, что будешь с дамой, горевал ты не долго!

— Да я вообще не горевал. Хотя стоит признать, что Зиночка была хороша... в определенных обстоятельствах.

Калошин опять заржал, как конь.

«Чего-то я пошлю... не замечалось такого за мной ранее! Калошин на меня так действует — точно!».

Допив кофе — неплохой, кстати! Иван отправился к своей зазнобе.

«Неплохой ресторан похоже! Посмотрим, что там за кухня, и что там за контингент!».

Следующие несколько дней можно было отнести к полноценному отдыху. Иван по-прежнему вставал рано, делал зарядку, топил печь, завтракал с подругой. Попробовал посмотреть, как занимается женщина, но — ничего из этого не получилось. Он старался ответственно следить за правильностью выполнения ею упражнений — приседаний, качания пресса, отжиманий. Давал советы, поправлял. Но очень скоро его консультации переходили к прямым приставаниям и далее — в более приятные занятия. В конце концов, Фатма рассердилась:

— Слушай... мне, конечно, очень нравится твое внимание! Но, если ты хочешь, чтобы я хорошо и правильно занималась всем этим, найди себе занятие. Хорошо? Только не обижайся...

Хорошо, что Косов в свой визит в клуб, прихватил с собой свои конспекты, наставления и прочее. Усевшись за столом на кухне, он читал, конспектировал, пытался запомнить — проговаривал, закрыв глаза, пытался воспроизвести пункты и параграфы в памяти. И даже, штудируя порядок сборки и разборки оружия, пытался воспроизвести все этапы, закрыв глаза и представляя перед собой иллюстрации наставлений. Занимался этим часами, и вроде бы начал все это запоминать.

По крайней мере, когда Фатма, по его просьбе, глядя в брошюры, задавала вопросы по тактико-техническим характеристикам, он практически не ошибался.

«В общем-то, теорию можно сдавать. Вот еще разборку-сборку бы... но тут без оружия ничего не сделать. Мышечную память в голове не отшлифуешь!».

На улице ощутимо похолодало, поэтому, когда они решили сходить в кино, передвигаться пришлось легкой рысцой. Сначала они посмотрели фильм «Чапаев». Косов смотрел этот фильм не раз, но это было так давно! И вновь он смотрел на героев ленты уже с легким снисхождением. На его взгляд, фильм был... довольно наивным, несмотря на всю драматичность и даже трагизм окончания. А вот Фатма и другие зрители сопереживали очень живо.

— И что тебе не понравилось? Хороший же фильм! — укоризненно смотрела на него подруга.

— Да не знаю, как объяснить... Вот непохоже как-то на реальную жизнь. Нет, в целом-то фильм хороший, а Василий Иванович — герой, тут не поспоришь. Но вот... диалоги эти... поведение героев... Ну вот ты можешь поверить, что Петька с Анкой могли вот так... про «щечки» разговаривать? А ведь они — взрослые люди, и в боях уже бывали. Жизнь, то есть, знают. И тут — «щечки» эти и прочие... детские заигрывания.

А еще Косов помнил «Конармию» Бабеля. И там эти боевые подруги выглядели совсем по-другому, нежели героиня «Чапаева». Эдакие оторвы, которые прошли и Крым, и Рим: видели множество раз смерть, во всех ее проявлениях, в самых неприглядных видах. Да и нравственностью особой не отличались. А «Чапаев»? Ну — для агитации и пропаганды, а еще — для воспитания подрастающего поколения.

На следующий день они вновь пошли в кино. Тут уже попаданец, наученный опытом, решил посмотреть более легкое кино. Из комедий «Волга-Волга» и «Веселые ребята», он выбрал первый фильм. И искренне улыбался, глядя на героев Ильинского, Орловой и других актеров. При взгляде на Орлову, вспомнил о Варе.

«Вот же... кобель, и правда! Рядом же сидит такая красавица! Как она заразительно смеется!» — улыбаясь, думал он, — «А ты все о других бабах думаешь!».

Про ресторан он сказал Фатьме, сразу по возвращению в ее дом. Она всполошилась:

— Вань! Ну чего мы туда пойдем? Я и в ресторанах-то никогда не была! Вообще не представляю, как там и что. Я же опозорюсь... и тебя опозорю! Там же публика такая, все больше важная и бывалая! Да еще и не простой ресторан, а в самом центре. Может не пойдем, а?!

— Нет уж, красавица! Обязательно пойдем! И перестань уросить — ничего там страшного нет. Люди как люди: сидят, выпивают-закусывают, веселятся, танцуют...

— Вот! Я и танцевать-то не умею!

— Можно подумать, я умею! Там же не конкурс бальных танцев. А потоптаться в обнимку на пяточке возле сцены — какие там умения нужны?

Хотя тут он немного привирал, успокаивая подругу. Тоня, а потом и Лиза вполне сносно научили его танцевать вальс, фокстрот, и даже быстрый фокстрот.

— Ну... вальс-то я все же умею танцевать, мы же и в школе танцевали. И потом, на танцплощадку в парк бегали с подружками, — призналась Фатьма.

— Вот видишь! А про опозорить... Ерунда это все, никак ты не можешь опозориться. С твоей красотой, да еще и в этих вещах... новых... Ты же самая красивая там будешь! Какой уж тут позор?

— Ну... не знаю. А что мне надеть? — женщины, чё!

— А вот давай посмотрим...

Женщина с подачи Косова, и при его горячем участии, устроила подбор гардероба в ресторан. Подбор вынужденно прерывался... пару раз всего. Ну слаб Косов на женскую красоту, слаб!

Определились на юбке и светло-синей блузке. Очень уж хороша была подруга в этой одежде! Юбка была облегающая с высоким поясом, и очень подчеркивала и талию, и попу! Подобрали и украшения к выходу. Хотя тут и подбирать особо нечего было. Немного их у Фатьмы.

Сам же Иван очень сожалел, что нельзя надеть те же штаны от горки и берцы. Все же — более культурное место, не парк отдыха. В день похода в ресторан, пришлось съездить в клуб — за парадно-выходными штанами и сорочкой. Привык уже Косов ходить в берцах, штанах от горки, да свитер сверху!

Уже на подходе к клубу в голову пришла мысль:

«А что, если женщины уже побывали в ателье, увидели, что готовит им подарочный сертификат?».

И вот угадать, какая реакция будет у них на провокацию, устроенную Иваном с бельем, он не брался. Вполне может быть, что ждет его «шкандаль с очередной обструкцией»! Даже желание на какой-то момент идти в клуб пропало!

«Может — ну его, этот парадно-выходной вид? Хотя... тогда от Фатьмы тоже — наслушаешься! Не-е-е-т, затеял всякие каверзы устраивать — хлебай ложкой результаты до конца!».

Но ему повезло. В ограде клуба он встретил Мироныча с Яковым, которые двуручкой пилили на дрова березовые бревна, которых привезли целый штабель! Поручковались, мужики решили сделать перерыв, попить чайку.

— А где все? — спросил Косов, оценив гулкую пустоту в клубе.

— Так... директор опять куда-то в город умёлся. А потом и бабенки, все три, чего-то пошущукались, да следом рванули, — пояснил Яков.

«Ага... это просто здорово! А рванули они, скорее всего — именно в ателье! Так. Задерживаться тогда здесь не стоит! Шмотки в зубы и быстро-быстро — назад! Лучше я потом, когда они успокоятся, от них все выслушаю!».

Мужики вскипятили воду в чайнике, заварили чай, расселись покурить.

— Ты, Иван, в честь чего эта... подарки эти нам-то? — Яков смотрел чуть исподлобья.

— А чего? Новый год же на носу! Принято, вроде как, подарки на Новый год дарить? Или не понравился подарок? — Иван укладывал в ранец вещи.

— Да не... Так-то оно так... Только вот... не дорого ли отдал, за подарки эти? — Миронич тоже был как-то недоволен.

— Есть места, где эти подарки... не так дорого стоят, — врал Косов, — или табак не понравился?

— Да не... так-то табак хороший, душистый! — Яков мялся.

— А чего тогда? Все приятнее, чем вашу махорку тянуть.

— Дак... а када кончицца, чё делать? Мне такие деньжищци тратить не с руки! — ну да, Яков — скуповат.

— Ну тогда... возьми да разбавь свою махру этим табачком. Все приятнее курить будет, и на дольше хватит.

Мужики посидели, подумали, а потом один, а потом и другой достали из карманов трубки, принялись их набивать.

— Да вот жа... ишшо — трубку-та на улице как покуришь? То ветер, то дождь, то еще какой... мороз! Неудобна же! — ворчал Яков.

— А это, Яков, так и задумано! Меньше курить будешь, здоровья больше! Выберешь время и место, сядешь неторопливо, да покуришь. А не так, как сейчас — все впопыхах да на бегу!

— Ишь ты... на все, Осип, у него ответ есть! — покачал головой Яков.

— А Вы что меня не дождались-то, с дровами? Кто сейчас в шею гонит? Дрова же есть! Я после праздника приеду, да со второго и начнем пилить, да колоть. Втроем — все не вдвоем!

— Да мы потихоньку, не торопясь. Там и на тебя хватит! — Миронич попыхивал трубкой.

«А табачок и впрямь душистый, вкусный такой! Даже вроде бы шоколадом пахнет. Нет... все-таки нужно у Александра еще трубку и табака взять — для себя!».

Быстренько выхлебав чай и попрощавшись с мужиками, Иван рванул на станцию.

Ближе к вечеру мороз, и так не большой сегодня, и вовсе пропал. А с неба стал валить густой и пушистый снег хлопьями.

«Лепота! Градусов пять-шесть, не больше! И Фатьма не замерзнет, в чулках своих! Ее же не заставить что-то потеплее под юбку надеть!».

Несмотря на слова Калошина, особого ажиотажа возле ресторана не наблюдалось. На крыльце здания стояли, разговаривая несколько мужчин, которые мельком глянули на Косова, а вот Фатьму проводили долгими заинтересованными взглядами.

«И это она — в верхней одежде! А когда снимет пальто и берет? Как бы мне не пришлось подручными предметами в ресторане отбиваться... от ценителей женской

красоты!».

Дверь была не заперта изнутри, и они свободно прошли в фойе ресторана. Стоявший внутри у дверей швейцар, представительный мужик лет пятидесяти, в каком-то зеленом сюртуке с золотыми галунами на рукавах, спросил:

— У Вас заказано? А то... так-то у нас все занято, — «это опять вид подруги сделал представителя этого, довольно хамоватого племени, таким вежливым?».

— Да. У нас заказан столик. Калошин Игорь, руководитель Вашего музыкального коллектива заказывал. Кстати... его бы предупредить как-нибудь, что мы пришли, — Иван вопросительно посмотрел на швейцара.

— Ага... Вы проходите в гардероб, раздевайтесь. Я сейчас позову его, — швейцар, взглядом проследив за ними до стойки гардероба, заглянул в двери зала и махнул кому-то рукой.

Фатьма была довольно скованна и выглядела чуть испуганной.

— Красавица моя! Ну что ты? Мы же обо всем поговорили, да? Ты здесь — королева! Лучше и красивее тебя здесь никого нет и быть не может! А уж твой наряд — и вовсе предмет зависти и обсуждения для дам в зале! Вот сама сейчас увидишь! Ну же... встряхнись, голову подними, плечи разверни! Грудь держим высоко... благо у тебя есть и здесь чем гордиться! — он приобнял ее за талию, пошептал в ушко и слегка чмокнул в щечку.

— Ага! А вот прически нет никакой! Все, наверняка, с прическами, а я вот так — просто с косой, шишкой на затылке!

— Да у тебя такие волосы, и такая шишка — всем на зависть! И такая косица заставляет волей-неволей поднимать голову повыше, что — очень хорошо смотрится! А шея у тебя — как у лебеди!

— Ой, Ваня... ну вот... не надо было бы нам сюда идти! Дома бы...

— Так! Все-все-все! Тебе в дамскую комнату нужно? А то — пошли в зал?

Подруга закивала головой и быстрым шагом удалилась по направлению, указанному милостивой гардеробщицей.

Фойе ресторана было довольно просторным. Слева от входа располагался большой гардероб. Паркет на полу, белые стены и потолки в лепнине. Справа от входа — огромные двери в зал, сейчас приоткрытые, но занавешенные тяжелыми даже на вид зелеными бархатными шторами. За дверью в зал, до самых дверей в туалетные комнаты, по стенам — сплошь зеркала. Кушетки вдоль стойки гардероба и зеркальной стены.

К зеркалам Иван и подошел, вынул расческу из кармана, причесался.

«А что? Вполне себе симпатичный молодой человек! Рост — чуть выше среднего здесь и сейчас. Стройный, даже подтянутый! Но и плечи узкими не выглядят... широкие плечи, ага! Не шкаф платяной, трехстворчатый, но — видно, что силенка есть. Морда лица... тоже — вполне в норме! Губы... могли бы быть и потоньше, как на мой взгляд. Такие губы... вот девушкам хороши, а мужикам и потоньше можно бы! Нос... нос мне Бычок, сука, поправил! Но и сейчас — видно, что нос ломан, но — вполне себе ровный. Спасибо за это Кире, а тс бы щеголял сейчас кривым! Шрам на губе почти не виден — говорил уже — как на собаке заживает! А вот бровь... м-да... бровь видно — перечеркнута розоватым шрамом. Кира и здесь постаралась — шрам ровный и совсем нетолстый, но... пока виден!

Г-х-м... а хорошо, что Фатьма заставила меня эту «удавку» под курточку надеть! С галстуком-то вид куда как более серьезней. И к сорочке он подходит хорошо! Ну ладно... а

то люблюсь собой... как нарцисс какой-то... или вообще — педик?! Ну, где там моя красавица?».

Косов вспомнил, как подруга спросила, зачем он постоянно носит на предплечье ножны с финкой.

— На всякий случай, душа моя! Только — на всякий случай! Видишь ли, Хлоп и... Ильяс — они же были не последними, кто не в ладах с законом, здесь — в городе. И вероятность, встречи с такими персонажами, вовсе не нулевая. И для того, чтобы не быть беспомощными в этом случае, я и ношу эту финочку!

Вообще, с самого начала, по молчаливой договоренности, они не вспоминали обстоятельства их знакомства. Косову-то было не особо приятно думать о прошлом, а уж про женщину — и говорить не стоило. Но после его слов, она нахмурилась, и, помолчав, спросила:

— И все-таки... мне важно! Неужели ты даже не вспоминаешь, что... ну — что они меня тогда...

— Радость моя! Я же тебе уже говорил — то, что у тебя было до меня... За то, что они с тобой... они уже ответили, и больше ответить не могут! Ты же ни в чем не виновата? Зачем ворошить все это, тем более, если тебе так неприятно и больно вспоминать?

Она помолчала и сказала:

— Я сейчас уже успокоилась. И... как-то не так трясет от воспоминаний. Но разве тебе не... противно после этого со мной?

— Да нет же, красавица! Я об этом... не думаю. Мне с тобой — хорошо, очень хорошо! И все! Но... если ты хочешь поговорить об этом... давай как-нибудь выберем время и спокойно все обсудим, хорошо?

Она кивнула ему в ответ.

«Видно придется психотерапевтом работать. А что делать?».

— Ого! Все-таки решил выбраться, повидаться со старым другом?! — окликнувший его Калошин был весел, и даже... несколько бесшабашен.

«Да он пьян, собака!».

— Привет-привет, Игорь! А ты что же... вот в таком состоянии — работаешь? — Косов был удивлен.

— В каком-таким состоянии? В нормальном я состоянии! У меня, если что, и повод есть, понял?

— И каков повод? — все же Игорь был не настолько пьян, как показалось сначала.

— Да день рождения у меня сегодня, понял! День рождения! И я сегодня — не работаю, вот! Парни и без меня справятся. Точнее — уже справляются! А я — гуляю! Так ты все же один? Ха! И это — здорово! Я сейчас тебя с та-а-а-кими феминами познакомлю, что просто — ах! Пойдем-пойдем, сейчас сам все увидишь! — Калошин подхватил Косова под локоть и потащил в зал.

— Стой-стой-стой! погоди ты! Я не один! Моя дама сейчас в туалетной комнате.

— М-да? Ну и зря! Я тебе — предлагал! — Игорь чуть покачнулся, но устоял на ногах.

— Сдается мне, что если кто-то не прекратит возлияния, то фемины будут огорчены! — засмеялся Иван.

— Э-э-э-э нет! Я — вполне! Они от меня сегодня никуда не уйдут! — помахал перед Косовым пальцем именинник, — х-о-о-т-я... может ты и прав. Нужно сделать перерыв в приемах алкоголя.

Косов увидел, как в фойе вышла Фатма. И была она — очень красива: облегающая черная юбка с высоким поясом подчеркивала узкую талию, и тесно сидела на бедрах и попе; синяя блузка, заправленная в юбку, никак не скрывала очертания высокой и немаленькой груди. Смуглая, с длинной шеей, с толстой шишкой закрученной на затылке косы, волосы черные, как смоль. Ножки, хороших форм, в меру полные, открытые от колена и ниже. Ботинки на аккуратных ножках.

«Хороша!».

— Ты представляешь... как я тебе и говорила, стоит немного пройти, и эта юбка... зараза... начинает ползти вверх! Вот хоть каждую минуту ее поправляй! Ой! Простите! Я и не заметила, что ты не один! — женщина, сначала несколько озабоченная и раздраженная, смутилась. Очень мило так смутилась, от чего стала еще интереснее!

— Ох ты ж, мать честная! — выдохнул Калошин, — ну-у-у... брат — не ожидал! Это твоя дама? Охренеть! Теперь я понимаю, почему ты отказывался от моих... предложений! Немедленно представь меня, Иван!

Косов с улыбкой смотрел, как похоже искренне удивлен Игорь. А женщина зарделась от такого ничем не прикрытого восхищения.

— Фатма, милая моя! Это мой приятель — Игорь Калошин, он певец и музыкант, руководитель музыкального коллектива, который здесь работает! Игорь! Это моя подруга, Фатма!

— Караевна..., - прошептала, чуть подавшись к нему женщина.

— Что? — не понял Иван.

— Караевна! — прошипела ему в ухо подруга и довольно больно щипнула за бок.

— А-а-а-а... точно — Фатима Караевна! — Косов даже не помнил ее отчества!

«А зачем она так вот решила представиться? Женщинам, вообще-то не свойственно так... подчеркивать свой возраст. Если только она... не хочет, чтобы новый знакомый имел какие-то виды на нее. Наверное!».

— Очень! Очень приятно! Не ожидал, не ожидал от Ивана, который, в общем-то, между нами говоря, довольно простоватый тип, знакомства с такой женщиной! Вы просто потрясающе красивая женщина, потрясающе! Я сейчас ничуть не лгу, и ни капли не преувеличиваю! — как-то уж чересчур увлеченно «затоковал» Калошин.

«Это чего это он? Взбесился, что ли? Особо озабоченным Калошин не выглядел никогда, да и сам сказал, что его за столом дамы ждут! Чего это он так... перья распустил? Надо осаживать!».

— Так... Игорек! Если ты не забыл — Фатма моя дама! Моя! И она пришла со мной! А если кто-то... как-то об этом решил забыть... то ведь он и упасть может... случайно. Нос разбить, при падении. Все же спиртного нужно употреблять в меру, ага! Чтобы не запинаться при ходьбе!

Калошин заткнулся на полуслове, непонимающе посмотрел на Ивана. Потом почесал пальцами упоминающуюся часть лица.

— Ага... чего это я... да! Нет, Иван... ты не так все понял! Я искренне! Подчеркиваю — искренне! Восторгаюсь красотой женщины! — Калошин чуть наклонился к Фатме, — честно признаюсь — я практически уверен, что сегодня в зале этого ресторана нет более красивой женщины, чем Вы, Фатима!

— Калошин! Ты опять?! — Косов нахмурился и ощутимо ткнул кулаком в бок приятеля. Тот «ойкнул» и сделал шаг назад, укоризненно посмотрев на Ивана.

— Вот так-то лучше, приятель! Так-то — лучше! — попаданец постарался максимально выразительно посмотреть на Калошина.

Тот опять почесал нос и спросил:

— Ну... хотя бы на тур вальса я смогу ангажировать твою... подружку?

— А это нужно спросить у нее самой!

Женщина все время стояла и смотрела с улыбкой на этот спектакль.

«А ей очевидно нравится такое внимание мужчин! Видно же! А я что, ревную, что ли? Да не-е-е-е... Хотя... Вот же — мудака! Может и правда — нужно было дома остаться?».

— Знаешь, Ваня... появилась небольшая проблемка... да. Не могу я посадить Вас к себе за столик. Дамам будет испорчен весь вечер! А я, как ты понимаешь, на это пойти не могу! Т-а-а-а-к... так! Сейчас все сделаем, пойдемте за мной! — и Калошин целеустремленно пустился в зал, не забыв при этом придержать тяжелые бархатные шторы в дверях, пропуская вперед себя женщину.

«А вот мне уже шторы держать не стал! Отчего они и смазали по физиономии! Ну — мудака, что еще сказать! Не хотелось бы и впрямь ему ряшку «чистить»!».

Пока Косов выпутался из штор, Калошин, элегантно, под ручку вел Фатьму в зал. Пришлось догонять их быстрым шагом!

«Ну... мудень! Допросишься ты у меня, ох и допросишься!».

Зал был практически полон народа. Люди сидели, выпивали-закусывали, разговаривали, смеялись, спорили. У эстрады, под негромкую музыку, толклись несколько пар.

«Интересно-интересно! Это мой второй заход здесь в такие учреждения. В первый-то раз, после стресса встречи с бандой Хлопа, на нервах... а потом уже — под изрядной дозой коньяка, я и внимания не обращал особого на окружающих, куролесил. И Зиночка еще рядом была. А сейчас — интересно посмотреть на публику!».

Со слов Калошина, Иван знал, что, то — прежнее место было более... начальственным. А здесь... Разные люди. Мужчины и женщины. Молодые и постарше. Видны военные кителя — правда, судя по петлицам, особо высоких званий здесь не было.

«Ага... старлей, еще старлей... капитан... вот уже — целый майор! И вон там, вроде бы... подполковник. Если я правильно вижу — три шпалы».

Полувоенных кителей было больше. На порядок. Эта одежда сейчас в тренде! Но и гражданских костюмов — вполне хватает, даже больше всех прочих. И дамы — всякие, красивые и не очень, обычные такие. Постарше и помоложе, даже есть... ага... вон — совсем уж какие-то юные! Но уже — при макияже! Боевая раскраска, ага! Похоже, что это такие... профессионалки, если они уже здесь есть!

Калошин с Фатьмой шли медленно, он что-то все говорил ей на ушко, а она шла немного растерянно, то прислушиваясь к словам спутника, то оглядываясь на Косова, притормаживая Игоря, чтобы дождаться Ивана. Они остановились посередине зала, в крайнем к стене проходе. Калошин замолчал, когда Иван подошел к ним, и передал руку женщины Косову.

— Сейчас! Буквально пару минут, пару минут! Подождите здесь!

Они стояли, поглядывая на окружающих. И Иван видел, что внимание к себе они все-таки привлекли. Скорее — Фатьма привлекла, а не он.

«Не льсти себе, ага!».

Она тоже ощутимо нервничала, оказавшись на глазах многочисленных людей, и Иван взял ее под руку.

«Надо успокаивать! А то еще рванет убежать отсюда! Вот видок-то будет! А Калошин, козел, еще получит за такой... афронт!».

Он наклонился к женщине и на ушко:

— Чего тебе этот мудака рассказывал? Соблазнял, поди?

Она вздрогнула, немного растерянно и непонимающе посмотрела на него.

— Я спрашиваю — соблазнял он тебя? И чем, если не секрет?

Она чуть замешкалась, приходя в себя, а потом улыбнулась:

— Ну как сказать... Вроде бы и нет. А по сути — да!

— Имей в виду... у меня и длиньше, и толще!

Она непонимающе посмотрела на него.

«А что? Клин — клином, так сказать!».

Потом она поняла, фыркнула и засмеялась. А еще — ткнула его в бок.

— Пошляк! Вот еще... нашел же что сказать?! И, кстати, откуда ты знаешь — что длиньше и толще? Мерили, что ли? — она откровенно уже смеялась.

— Не мерили. И я даже не видел его... аппарат. Но — уверен!

Она засмеялась сильнее, прикрывая губы рукой.

— Ой, Ваня! Какие же Вы, мужики, иногда глупые! Как мальчишки малые! Честное слово!

«Ну вот... так-то лучше!».

Иван поймал на себе взгляд молодой женщины, сидящей за ближайшим столиком. Та с интересом смотрела на него, а вот переводя взгляд на Фатьму, явно сочилась неодобрением, даже — неприязнью. Хулиганя, Иван снял руку с локтя Фатьмы, и демонстративно провел ладонью по... бедру и попе подруги. Брови женщины медленно поднялись вверх.

«Аниме! Честное слово!».

Увидевший его жест спутник наблюдательницы, не поняв подоплеку происходящего, незаметно для других подмигнул ему и показал поднятый большой палец руки, спрятав ее под стол.

«Одобряет, значит!».

Фатьма удивленно посмотрела на Косова, а потом что-то поняв, хмыкнула, повернулась к нему и приобняла его за талию.

«Вот так! Знай наших!».

А вот теперь, когда его подруга стояла полубоком к залу, внимания они привлекли еще больше.

«Тут, похоже, интересы разделились! Женщины — оценивают юбку, ну... и осуждают владелицу. А мужики, все как один — очень внимательно разглядывают... да, разглядывают то, что в юбке!».

К счастью, тут подошел Калошин.

— Фу-у-ух... все нормально, вопрос решил, пойдете! — он повел их дальше по залу, — цени, Иван! Тут есть несколько столиков, их почти никогда не занимают. В расчете на то, что может приехать кто-то из высоких гостей. Вот один такой я и организовал для Вас.

Столик и правда был — интересный. Точнее — это был один из нескольких столиков, расположенных вдоль стены зала, в нишах, сделанных арками. И все они были — незаняты!

«Выходит, действительно, из резерва верховного главкомандования этого ресторана!».

Предназначенный им был очень удобен: с него была видна эстрада и площадка перед

ней, а также первые пара рядов столов в зале. Если чуть повернуться, через проемы между колоннами им была видна значительная часть зала. А вот они, напротив — видны очень небольшому числу посетителей.

— А вон мой столик, видите — второй от эстрады, видите, компания? Так что — если что-нибудь понадобится — только махните рукой, хорошо? — интересно, что обращался он вновь только к Фатьме.

Она, улыбнувшись, кивнула Калошину.

— Ну вот и славно! Отдыхайте! И еще... Иван! Я напоминаю, что у меня ангажемент на тур вальса с твоей дамой! Не смотри на меня так и не скрипи зубами — тут я не отступлю ни на шаг! — повернулся к Фатьме, — Вы не откажете мне в такой любезности, не так ли?

Она засмеялась и снова кивнула Игорю.

Иван, усадив подругу за столик, плюхнулся на стул сам и облегченно выдохнул.

«Что-то и как-то пошло не так! Отдых... пока, надеюсь! Не выходит!».

— Знаешь, дорогая, я вообще-то... не ревнивый. Но сейчас что-то... мне не нравится! И еще... я очень хочу тебя! — неожиданно даже для себя закончил Иван.

Женщина удивилась, а потом рассмеялась. В приглушенном свете арки она казалась еще смуглее, чем была. А вот зубки были — как будто сахарные, белые-белые.

— Ванечка! Ну ты же понимаешь, что пока — никак! Сам так захотел! Вот и терпи! — потом чуть помолчала, — а вот то, что ты меня ревнуешь... знаешь, как мне это нравится? Очень нравится! И... да! Я тоже очень хочу тебя!

«И вот как тут прикажите отдыхать?».

К ним подошел молодой официант, оценивающе посмотрел на женщину, и вернул на лицо прежнюю, невозмутимую мину.

— Что будете заказывать?

На столе уже стояла ваза с фруктами. Яблоки и виноград. Сырная нарезка. Нарезка из буженины, колбас и ветчины. И все...

— Красавица моя! Что бы ты хотела? — Иван передал ход женщине.

Она оживилась, даже потерла руки:

— Ты знаешь, что-то я проголодалась! Так..., - женщина листала меню, — вот... осетрина..., салат... вот этот.

— Еще? Все? А пить что будете? — официант смотрел на женщину.

— Пить? Ну-у-у... я не знаю.

— Возьми белое, полусухое. Если ты рыбу выбрала. Конечно, нужно сухое, но там — кислятина, бе-е-е... А десерт? Ну ладно, десерт потом закажем!

— Так... А Вы, молодой человек?

— А я... молодой человек, — вернул подачу Иван, — салат «Оливье» делаете?

— Делаем... Но сразу хочу предупредить — рецепт не классический, если Вы понимаете, о чем речь!

— Ага... значит телятины там нет? Как нет и паюсной икры, правильно? Печально, печально... Ладно, несите, попробуем! На горячее — мясо! Большой кусок горячего жаренного мяса!

— То есть — шашлык по-карски? — уточнил официант.

— Именно — он! И грамм триста коньячку! Какой у Вас имеется коньяк?

— Предупреждаю — «Двина» — нет! Кончился! — судя по сарказму в голосе халдея — его никогда и не было! — вот есть КВВК. Будете?

— Да, вполне!

В ожидании заказа они сидели, разглядывая людей, слушали эстраду.

— Мне так неудобно! На меня все пялились! А эти... дамы... Думала дырку прожгут в юбке!

— Ну так я же тебе говорил, что ты будешь самой красивой здесь.

— Не скажи! Вон, смотри какая за столом у Игоря сидит!

«Ага... ничего себя так! Правда только на лицо, и грудь неплохая. А что там дальше — не понять!».

— Ты зачем меня по попе гладил? Я т-а-а-а-к удивилась! А потом поняла. Как это? Эпатировать решил, да?

— Какая ты у меня умная и с хорошим словарным запасом.

Женщина возмутилась:

— Вообще-то я в школе училась! И училась хорошо, к твоему сведению!

— А почему я книг у тебя не видел?

— Я раньше любила читать. А потом... как-то не до того стало. Поменялось у меня все в жизни. Не до книг стало.

— А вот это ты брось! Сейчас у тебя снова все поменялось. Может ты еще учиться пойдешь! Сейчас хорошее образование — очень востребовано. Можно же и заочно учиться?

— Не знаю, Ваня... Хорошо бы. Я и сама бы хотела, наверное. Но... не знаю.

Они плотненько перекусили. «Оливье» был вполне на уровне. И шашлык был достойный. Фатьма споро расправилась с рыбой, и сейчас сидела, попивая вино и разглядывала людей в зале.

— Такой кусок съела. Растолстею и ты меня бросишь!

— Во-первых, ты делаешь зарядку! А во-вторых... я тебе помогу не потолстеть, другими упражнениями!

Она чуть покраснела и засмеялась.

— Пойдем-ка танцевать, красавица! — решил Иван, услышав знакомую мелодию вальса.

— погоди! Ты прав... это вино... кислятина!

Она ненавязчиво огляделась, и плеснула в свой пустой бокал коньяка из графина.

— Вот так... будет лучше!

Они, взявшись за руки, направились к эстраде. И Косов увидел, что Калошин, направлявшийся к их столу, сокрушенно взмахнул руками.

«А ты как думал?! Хрен тебе — да по всей морде!».

Полноценного вальса здесь получить не могло — пятачок был невелик, а желающих потанцевать — хватало! Иван обнял женщину за талию, а она, немного подумав, положила голову ему на плечо. И пахло от нее благовониями — ненавязчиво, в меру, и очень приятно!

Потом они снова сидели за столом, разговаривали. Она улыбалась, смеялась над рассказываемыми им анекдотами. Коньяк в графине убывал, чему был причиной и сам Косов, да и женщина ему периодически помогала. Попаданец заказал второй графинчик портрета пробегающему мимо официанту. В голове появился легкий хмель, внутри было тепло, а в целом — хорошо, уютно. Фатьма покраснела от выпитого, и Иван откровенно любовался ею.

— Ваня! Не смотри на меня так! Ты меня смущаешь. Будь мы дома... я бы знала, чем ответить на твой взгляд. А здесь... не смотри! — она смеялась чуть слышно и Косов... млел!

— Здравствуйте, дорогие мои земляки! Здравствуйте, гости нашего замечательного ресторана! Спасибо Вам за Ваши поздравления! В ответ я хотел бы отблагодарить Вас, исполнив песню, которую написал мой друг... да! Не побоюсь этого слова — мой друг! Наш земляк, присутствующий здесь Иван Косов! Иван! Иди сюда! Пусть люди видят, кто пишет для них такие замечательные песни! Косов! Я к тебе обращаюсь!

— Бля, бля, бля! Да ты, Ваш-Бродь, уже нарезался! Когда так накидаться-то успел? — растерянно сказал, глядя на эстраду Косов.

А там, уже с гитарой в руках, призывно махал ему рукой Калошин.

«Вот не хотел же я этого! Не хотел! Разгул этот молодецкий! Пляски богатырские! Визг поклонниц, злобные взгляды мужей и воздыхателей женско-девичьих!».

— Это он что — тебе, что ли кричит?! — Фатьма была удивлена.

— Пойдем! Он же не успокоится! Пойдем, постоишь возле эстрады, пока я этого утихомириваю... А то, оставишь тебя здесь одну, так — украдут!

— Ты бить его собрался? Не надо Ваня, он же не со зла, просто выпил лишнего! — подруга немного испугалась.

— Да не буду я его бить! Сейчас споем пару-тройку песен, он сам уймется! — Косов встал, взял за руку женщину и повел ее к эстраде.

— Вот! Вот он, наш поэт! Мой друг и просто — замечательный человек — Иван Косов! Ага! Обратите внимание — какая красавица рядом с ним!

К удивлению Ивана, Калошин не выглядел совсем уж пьяным. Игорь крепко держался на ногах и вполне уверенно перебирал струны гитары. В другое время все происходящее возможно приняли бы за скандал, но народ в зале был уже... теплый!

Косову пришлось помахать рукой Калошину и раскланяться перед людьми. Теперь и он уже чувствовал внимание. Большею частью — со стороны женщин. Наверное, Фатьма что-то тоже почувствовала, потому как приобняла его за руку, крепко прижавшись и прямо заявляя — «Мое!».

Калошин спел «Глаза напротив». Хорошо спел, не отнять! С чувством, проникновенно!

«Только, зараза такая, почему-то смотрел на Фатьму! Убью гада!».

Потом Игорек спел «В шумном зале ресторана». Опять — здорово! Правда... женщин уже вполне себе повизгивали перед эстрадой. До поклонниц будущего им было далеко, конечно. Но Иван чувствовал, как эмоции начинают захлестывать зал. Да и его тоже, что уж там! Вон Фатьма как смотрит... на Калошина! Сволочь, этот Игорек!

Он подошел к своему столу и налив, замахнул сразу стопку коньяка.

«Так... свадьба, похоже, пошла на самотек!».

Он вернулся к эстраде, где его подруга даже не заметила его отсутствия. Калошин, заметив его, махнул рукой. А потом... потом гадский Игорь сделал жест, который можно было расценить — «А что — слабо?».

«Да ни хрена не слабо!».

Он поднялся на площадку, благо и высоты там было сантиметров тридцать-сорок — не выше. И протянул руку к одному из музыкантов, с просьбой дать гитару. Тот, улыбаясь, снял ее и передал Косову. Оркестранты переглядывались и смеялись.

«Ага! Батл сейчас будет!».

— Здравствуйте, дорогие друзья! Игорь уже представил меня Вам! Спасибо Вам за аплодисменты и такую оценку моей скромной деятельности! И для Вас..., - он кивнул Калошину:

— Мохнатый шмель — на душистый хмель!

Игорь дал ему возможность спеть первый куплет и запел второй. Так они и исполнили всю песню. А вдвоем — пели куплет! Хмель уже шумел в голове, Ивану было хорошо. Все люди — братья! И его женщина — вон как на него смотрит!

В таком же стиле они сбацили... именно — сбацили! «Красное платье!».

А потом Иван чуть отвлекся. И Калошина уже рядом не было.

— А сейчас, друзья, я хочу спеть Вам песню, которую мой друг еще не знает:

— Очарована, околдована, с ветром в поле когда-то повенчана!

Вся ты словно в оковы закована, драгоценная ты моя женщина!

Иван заметил, что «драгоценная женщина» танцует именно с «моим другом»! Но песню же нужно было допеть!!!

«Все-таки бить морду ему придется! И чего он ее лапает?!».

К сожалению, ему пришлось петь на бис! Немного успокоило, что Калошин с Фатьмой уже не танцевал. Но она танцевала с каким-то... летчиком-капитаном! Этот, надо отдать ему должное, вел женщину сдержано, вполне пристойно. Но и чего-то нашептывал ей на ушко! Она хоть и улыбалась «летуну», но все-таки поглядывала на Ивана.

Закончив петь, передав гитару музыкантам, он спустился в зал и, подойдя к женщине, взял ее за руку.

— Тащ-щ-щ к-тан! Это все же — моя женщина! — глядя в глаза мужику.

Тот дернул уголком рта, но сдержался.

«БКЗ на груди. Испанец? Уважаю, но мое — не замай!».

— И-эх! Пацан, ну зачем тебе такая женщина, а? — приблизив голову к Ивану спросил летчик, — ты еще... молод, а она — женщина с большой буквы!

— Товарищ капитан! — практически по буквам протянул Косов, — это — моя женщина! Нехорошо!

Капитан усмехнулся.

— Нехорошо будет герою летчику морду бить! — в-о-о-т, а теперь он уже не усмехается!

— А ты наглец! А осилишь-то? — оскалился красный командир.

— Полагаю — да! Но наносить урон нашим вэ-вэ-эс — не хочу! Думаю, как командир

Вы примете правильное решение!

Тот цыкнул зубом, опять дернул уголком рта, но, чуть задумавшись, кивнул головой.

— Ладно! Не буду портить вечер... такой женщине! — развернулся почти строево! и ушел к своему столику.

Фатьма все это время стояла, замерев и не дыша, вцепившись руками в рукав куртки Косова.

— М-да... погуляли. А где этот хмырь... Калошин? — спросил он у подруги.

Она чуть ожила, но продолжала смотреть на него несколько... испугано.

— Этот... хмырь сидит у себя за столом! Я его отшила! Правда-правда, Ванечка! — она обняла-обхватила его за плечи, — ну ты что? Ничего же не было!

— Ага... не было. А кто тебя за попу тискал?

Она смутилась, промолчала.

— Пошли... за стол. Кофе хочу! Крепкий! Чего-то я охмелел!

Они вернулись за стол. В ожидании кофе, Фатьма молчала, отводя от него взгляд.

— Так... даме — мороженого! И ликер! Какой у Вас есть?

Еще помолчали.

— Я что... здорово пьян?

Она чуть осмелела, посмотрела на него:

— Да нет... в общем-то. Вполне трезвым выглядишь. Только... лицо у тебя было... и глаза — бешенные! Я испугалась, Ваня!

— Ладно, все! Сам дурак! Нужно было и правда — дома сидеть! В тепле и уюте! И не подвергать... подругу... всяким соблазнам!

Она хмыкнула:

— Да я все понимаю, Ваня! Просто... как-то в какой-то момент... расслабилась, что ли? Вроде же — так хорошо все было! А как Вы здорово пели! Правда — здорово! А ты мне так... дома, никогда не пел.

Кофе чуть взбудрил и немного прогнал хмель.

Она поднялась:

— Ну что... домой пойдём?

Он встал, подумал:

— Давай подойдем... к твоему поклоннику этому. Попрощаемся, все-таки день рождения у человека. Перебрал, с кем ни бывает. А что бабник... так я и сам такой же.

Они подошли к столу Калошина. Компания уже чуть убавилась, а оставшиеся были изрядно... ага, изрядно. Сам Калошин с мутноватым взглядом внимал какому-то мужику, который что-то горячо ему доказывал. На Ивана и Фатьму он внимания не обратил. Уже не мог, наверное. Рядом с ним сидела «ничего себе» дамочка. Компания же, в отличие от именинника, встретила их дружелюбно. Им освободили два стула рядом с Калошиным и его подругой. Какие-то две женщины сразу что-то зашебетали Фатьме, спрашивая про ее юбку и блузку.

Пользуясь тем, что подругу отвлекли, а сам Калошин — практически ушел в нирвану, Иван наклонился к улыбнувшейся ему подруге Игоря:

— Ты видела, как он с моей женщиной танцевал? — она скривилась и покосилась сначала на Игоря, а потом — на Фатьму, продолжавшую болтать с женщинами.

— Видела..., - чуть слышно шепнула она.

Он еще чуть наклонился к ней, запустил руку под скатерть, и наощупь найдя ее ногу, провел по ней вверх, прямо под платье. Женщина вздрогнула, чуть покосилась на него, но ногу не убрала, и руки его скидывать не стала. А затем улыбнулась.

«Блядь! Определенно — блядь!».

Продолжая поглаживать и стискивать нежную кожу ее ноги, в промежутке между чулком и трусиками, он снова прошептал:

— А я бы тебе... вдул! Ты... очень даже... Как ты на это смотришь?

— А... подруга твоя как на это смотрит? — также улыбаясь, прошептала она.

— Ну... не здесь и не сейчас! Согласна?

Она засмеялась:

— Почему бы нет?

— Ну ладно, Киса... еще увидимся! Пока! Передавай привет этому... ловеласу, когда из нирваны вернется!

«Вряд ли она поняла, что такое нирвана. И зачем я это сейчас сделал? Дурак, потому что! И... пить мне нельзя выходит? Ладно... разберемся!».

Он потянул подругу за руку:

— Спасибо всей честной компании! Именинника еще раз поздравляю! И да..., - «как же ее зовут? Света? Вроде бы так ее называли... что-то слышал!» — Светочка! Напомни ему, что мы с ним договаривались встретиться, обсудить новые песни. Числа второго-третьего — пусть ко мне подъедет, переговорим!

Та активно закивала, продолжая улыбаться.

«Точно — блядь!».

Выйдя в фойе, Косов остановился и почесал подбородок.

— Слушай, душ моя, а ты в туалет не хочешь? А я забегу...

В туалете тоже все было вполне на уровне. Приличная, по местным меркам, кафельная плитка, кабинки, раковины напротив. Стоя над унитазом, Иван задумался:

«Что-то меня сегодня не туда понесло! Не сложилось с отдыхом? Бывает. Чего же я так злюсь? Ревную Фатьму? Ну... да, есть такое. Но все равно — как-то на нервах весь. И чего пристебался к этой девке? Блядь, блядь... а может и не блядь вовсе, а просто я ей понравился, а вот Калошин — нет? Может быть такое? Да запросто! Ладно... это все следствие, а в чем причина-то?».

Тут его размышления были прерваны громким разговором зашедших в туалет мужчин.

— Да он это, точно! Я сначала тоже засомневался. А потом присмотрелся — вот же рожа резанная, думал — если бороду отпустил, то и не узнают его? — весьма громко вещал кто-то.

— Ты это... ори потише! — второй голос был пониже и... постарше на слух.

— Да нет здесь никого, видишь же! Ну и что делать будем? Валить его надо, валить, суку!

— Заткнись, я тебе сказал! Валить, валить... мокрушник нашелся. Этот козел, сука каппелевская, сам кого хочешь завалит! У него крови на руках — как у дурака фантиков по карманам.

— Щур! Да ты что? Нас двое, а он один! Я же не говорю — здесь прямо валить. Уходить будут, выйдем следом, а там, где-нибудь, как получится. Или ты ему Короба простишь? Корень же твой был!

— Хавальник завали, сявка! Про то, что Короб моим корешком был, я лучше тебя знаю! Думать надо! Посмотреть, прикинуть!

— Да он опять свалит на полгода куда-нибудь! И ищи-свищи его! А так — и за корешка поквитаемся, да и на карманах у него тити-мити точно есть! Всегда он был в козырях, ферт денежный!

— Так у него тоже, небось, железо на кармане имеется! А маслину в башку по глупости получать у меня желания нет! Ладно... сидим тихо, смотрим в оба. А там, глядишь и срастется все пучком!

— Ты только... слышь, Щур, ты видел фря при нем какая козырная? Эта... потом шалаву бы эту разложить неплохо, а?

— Ты, сопляк, никак все удовольствия разом решил получить? И Шрама положить, и бабосиков срубить и лохматый сейф вскрыть?

— Так а чё? Её же все одно на глушняк придется класть. Чё такая мадама просто так пропадать будет? Дурь слить — чё плохого-то?

Разговор перемежался то журчанием струи, то фырканием крана раковины. Но, в принципе, все было понятно — кто-то из блататы решил свести счета... с кем? Со Шрамом.

«А эта кликуха мне знакома! И лицо со шрамом — как раз у ее владельца! Больше, чем полгода не видел его, и еще бы столько же не видеть! А вот слышать — слышал! Савоська говорил, что на правИле, Шрам предъявил некоему Коробу, а потом и грохнул, по решению воровского сходняка. А Короб... это тот самый Короб, на лихтере которого порезали Фрола, а Чибиса, то есть — меня... точнее — прежнего владельца этого тела! отоварили дубиной по башке. Так бы и хрен с ними, уркаганами этими, пусть меж собой сами разбираются. Но... есть некое НО, которое не дает так уж наплевательски к этому отнестись. И что это? А то, что кроме урок, которые есть зло; есть еще урки, которые не чтут даже воровские законы. То есть — еще большее зло! Такая вот нехитрая цепочка вырисовывается: — люди, то есть общество; урки, которые попирают общественные законы и правила, но чтут свои законы; и еще урки, которые не только потирают общественное, но и плюют на воровское! А таких нужно — уничтожать, это суть благо и для общества! Поэтому что? Нужно как-то предупредить Шрама!».

Тем временем урки закончили свои дела в туалете и, судя по шагам, подались на выход. В последний момент Иван чуть приоткрыл дверь кабинки, но все что он увидел, это высокую и худую фигуру, а также второго, который был пониже первого, но покоренастее. Второй еще чуть повернул голову, что-то говоря напарнику, и стало видно часть лица: высокую залысину, бакенбард и сломанный нос. Даже не сломанный, а как будто вдавленный в переносице, отчего этот шнобель был похож на портрет императора Павла Первого — ну как его изображали на картинах. Насколько помнил Косов — еще с той, прошлой жизни.

«Так... нужно Фатьме что-то сказать, что задержусь буквально пару минут, пару слов кинуть нужно человеку!».

Фатьма стояла уже в накинутом пальто, держа беретик в руке и разговаривала о чем-то с двумя молодыми женщинами. Подходя к ним, Косов услышал часть беседы. Фатьма говорила собеседницам, что вся ее одежда пошита в ателье ЗапСибартели, что там много очень интересных вещей, и что даже в конце января ателье планирует провести показ новых моделей!

«Ага... тут беседа, если не прервать, может и на пару часов затянуться! Так что — время у меня будет, чтобы осмотреться в зале и найти способ предупредить Шрама!».

— Радость моя! Мне нужно буквально пара минут. Вспомнил кое о чем, что нужно сказать Калошину!

Женщина отвлеклась, и с недоумением произнесла:

— А он тебя поймет сейчас? Он же уже... ну ладно, иди. Я здесь тебя подожду!

Отходя от кучки адептов моды, он услышал негромкие слова, сказанные Фатьмой:

— Девочки! А какое у них дамское белье! Я, конечно, не могу сейчас показать Вам, вот прямо здесь, но поверьте — просто ах!

Он зашел в зал и зайдя за колонну, стал осматриваться.

«Ага... похоже Игорек окончательно спекся! А вот его подружка этим очень недовольна! Не видать Светочке бурного секса этой ночью! Так... ладно! Где наш субъект? Этот штымп что-то говорил о том, что женщина со Шрамом — очень красива, а сам Шрам — с бородой. Ищем мужика с бородой, и красивой женщиной. Ну — или наоборот! Не... не женщину с бородой. Тут, слава всем богам, Кончиты Вурст еще не в тренде!»

Теперь, когда Косов знал, кого искать, его поиски не были долгими. И Шрам был вполне узнаваем. Аккуратная бородка и усы делали его лет на десять старше. Но все равно — узнаваем. К тому же и сейчас Шрам был одет очень элегантно, как всегда. Темно-серый

костюм был очень хорошо сшит и сидел как влитой. Этакий денди, правда — уже зрелого возраста.

И дама при нем было тоже очень интересная. Не во вкусе Ивана, но — да, очень хороша. Утонченность, шарм, даже некий аристократизм. Еще она ему кого-то напоминала!

«Кого же? Опять из прежней жизни? Вроде бы так!».

Он пытался поймать мысль.

«Ага! Фильм какой-то... что-то про белогвардейцев. А этот Щур еще Шрама обозвал сукой каппелевской! Он у Каппеля служил? Ладно... так... фильм! Ага — вот оно! Не помню, как фамилия этой актрисы, но она снималась в «Дни Турбиных», еще старом, советском фильме. Как там... Елена Тауберг? Вроде бы... Ну да ладно! Теперь нужен подход к Шраму!».

Иван не стал мудрить, и сделав вид изрядно хмельного повесы, чуть покачиваясь, пошел по проходу между столиками. Уже проходя мимо нужного стола, он как будто что-то вспомнил, и остановился. Потом обратил внимание на людей рядом, довольно натурально, как ему показалось, удивился и, наклонившись, попросил «облобызать ручку столь прелестной дамы!». А потом, чуть подняв голову, и подмигнув Шраму, довольно развязно и громко попросил:

— Уважаемый! Не разрешите ли пригласить Вашу даму на танец? — и снова подмигнул.

Шрам чуть наклонил голову в сторону, как будто разглядывая столь нелепый персонаж, почесал кончик носа и — соблаговолит. Иван подал даме руку, и повел ее, удивленную, на танцпол, как сказали бы в будущем.

— Мадам! Покорно прошу меня извинить за столь неуклюжую клоунаду, но мне очень нужно перемолвиться с Вашим спутником. Буквально пару слов. Дело это касается Вашей же безопасности. Прошу Вас... давайте я сейчас Вас возьму... чуть ниже спины, а Вы мне дадите пощечину, ну и заявите, что дескать — нахал. А потом вернетесь к своему столику и передадите Евгению Аркадьевичу, что я буду его ждать в вестибюле... Нет! Там нельзя, могут заметить. Давайте Вы не будете меня бить, а просто оттолкнете и вернетесь к столику. А я буду ждать его... да вон там, за рядом колон, где вход на кухню. Вы меня понимаете?

Дама все это время внимательно и с улыбкой слушавшая его, несколько не напугалась его заявлению.

«Странная она! Похоже — такая же безбашенная, как и сам Шрам!».

— Знаете, молодой человек! Давайте все же дотанцуем до конца мелодии и не будем привлекать внимания. Если Вы говорите, что за нами наблюдают! И да, даже если Вы опустите свою руку мне ниже спины, то я ничего против иметь не буду! Мне это даже интересно... и все эти шпионские страсти — тоже! Только все-таки давайте развернемся так, чтобы Евгений не заметил Вашей руки на моей заднице!

Они танцевали, а Иван думал, что в вестибюле его может ждать подруга.

«Или они там все также обсуждают тенденции моды? Пусть обсуждают!».

— Ну и чего же Вы замолчали? Где Ваши манеры, молодой человек? Развлекайте же даму!

«Что ей говорить? Что она красива, и он пленен ее красотой? Ерунда какая! Я ей про опасность, а она «и ухом не вильнула»! Сумасшедшая? Да нет... не похоже!».

— Ну если Вы так и будете молчать, то я могу и впрямь принять это за оскорбление! Ладно... говорить буду я, — меж тем, к удивлению Косова, дама сама, своей рукой, перевела его руку себе ниже спины, — а вы, молодой человек, очень недурно поете! Это и правда —

Ваши песни? А где Ваша ослепительно яркая подруга? Кстати! Где она пошла свои вещи? Ну что вы молчите, в конце-то концов? Скажите хоть — Вам нравится моя задница... ну так — наощупь?

«Пиздец! Кино и немцы! А задница-то и впрямь — очень даже ничего!».

— Ну вот, хоть рука ожила, если уж язык отнялся! — дама излучала сарказм! — меня Елена зовут! Если уж вы сами позабыли поинтересоваться у дамы ее именем!

— Секс не повод для знакомства! — ляпнул Иван первое, что взбрело на ум.

— Как Вы сказали? Секс? А это что? — заинтересовалась с улыбкой Елена.

— Секс... это соитие!

— Это получается... соитие — не повод для знакомства? Да Вы, юноша — гусар! — засмеялась она.

— Все мы гусары... в каком-то смысле... и при определенных обстоятельствах... — проямлил напоследок Косов.

«Точно! Она — чокнутая!».

— Знаете, юноша, мне даже было бы интересно с Вами дальше пообщаться! Жаль, что танец закончился так быстро! Я служу в театре оперы и балета, костюмером. Может Вы захотите меня посетить... и мы продолжим нашу беседу? Елена Завадская! Запомните! А пока — всего доброго!

«Ну и что тут сказать? М-д-я-я-я...».

Он поцеловал даме ручку, провел ее до столика, кивнул Шраму, а сам вернулся за ряд колонн, и дошел до входа на кухню. Здесь имелся недлинный коридор, практически не видимый из зала.

Он курил, ненавязчиво поглядывая по сторонам. Вечер уже заканчивался. Посетителей осталась едва ли половина от начального количества, и официанты мимо Ивана пробежали не часто.

— А я сначала и не понял, что это ты, Чибис! — подойдя, сказал Шрам, — был-то мелким, худым шпаненком, а сейчас — вон, молодой повеса. Даже Елена заинтересовалась!

Шрам улыбался, только глаза его — оставались серьезными!

— А она... Ваша подруга? Или...

— Подруга! Но... просто подруга! Или даже так — хорошая знакомая! Так что, Чибис, если решишь приударить за ней, я против не буду! — улыбнулся Шрам.

— А она... всегда такая... странная? — неловко поинтересовался Косов, все же женщина была... несколько эпатажна. Нет, не внешне, а по поведению!

— Она... любит вводить людей в недоумение. Но в уме ей не откажешь! И еще... некоторая склонность к одному белому порошку, если ты понял, о чем я.

«О как! Это то, о чем говорил Калошин?».

— Ну да ладно! Не будем о моей знакомой! Ты хотел о чем-то предупредить?

— Да! Случайно услышал, как двое в туалете обсуждали планы мести одному человеку, который хоть и скрыл шрам бородой, но был ими опознан.

— Ага, ага... ну так я примерно и представлял. Некоторым все неймется! И кто же это был?

— Некий Щур, так его называл подельник.

— А ты их видел?

— Одного, по голосу молодого — только со спины. Второго, лет сорока на вид, мельком, полубоком.

— А этот Щур... он высокий такой, сутулый? — цепко глядел на Ивана Шрам.

«Проверочка? Эх, дядя, дядя! Хотя... его понять можно!».

— Нет. Щур невысокий, коренастый; залысины, нос сломан, даже вдавлен на переносице, — хмыкнул Иван, — речь шла о некоей мести за корешка Щура — Короба. Ну, Вам виднее.

— Ага... понятно про кого идет речь, — протянул Шрам, — так их двое? Не слышал — железо есть при них?

— Похоже, что есть, потому как Щур сказал молодому, что у Шрама железо ТОЖЕ может быть!

— М-да... вечер перестает быть томным! Кстати! А где твоя красавица? Или умыкнул кто? — усмехнулся Шрам.

— Это — моя подруга! — твердо сказал Косов, давая понять, что его отношение к Фатьме, не аналогично отношению Шрама к Елене.

— Да ладно, ладно! Я и не претендую! Мне, видишь ли, этого добра хватает! — засмеялся Шрам, — я почему спросил? Подстрахуешь меня? Ты же... мне Игнатъич рассказал, крови не боишься?

«И вот что ему отвечать? Что, дескать, нет? Это твои проблемы? Зассал, Чибис? Вот же я вляпался! Опять — двадцать пять! Тогда-то хоть был сам за себя, а здесь ради чего? Да и Фатьмой рисковать? А куда ее деть? Может таксомотор у ресторана будет? Они хоть и нечасто — мало их еще здесь, но бывают. А если нет? Соскочить? На кой нужен мне этот авторитет у воров?».

Но в душе Косов уже понял, что соскочить — не получится. Что-то закусилось уже у него внутри — нельзя отходить в сторону и точка! Да и при всем остальном, Шрам был все же... посимпатичнее, чем те мазурики.

Иван обдумывал все это, смоля папироской.

— Лады! Как и что делать? — как в омут с головой!

Шрам с интересом смотрел на него.

— Смотри-ка ты... Не ожидал, если честно! Не ожидал! Ну ладно... если все пройдет гладко — за мной должок будет! А если нет..., - он засмеялся, — то и нет! Что тут обсуждать?

— А делать будем следующее! Сейчас ты находишь свою подругу, и вы возвращаетесь в зал. Посидите еще с полчаса, кофе выпей. Пусть красавица твоя десерт какой-нибудь возьмет. Увидишь, как мы уходим, проследи, как эти двое подадутся следом. Не спеши, но и не тяни. Мы пойдем так — тут, если по улице направо свернешь, квартала через два будут участки под новую застройку. Видел, наверное, заброшенные и частично разобранные дома? Да... так вот: пойдем мы через эти кварталы. Не исключено, что урки знают, где живет Елена, а к ней — как раз можно этими участками пройти. Запомни — второй переулок налево будет наш. По нему и иди! Аккуратно! Не торопись! Что услышишь — действуй! Я рассчитываю один с ними справиться, но не факт, что получится. Второго я не знаю, а этот Щур — мужчина с историей, бродяга давний, матерый. И да — второго ствола у меня нет, поэтому ты лезешь в дело только в случае необходимости. Понятно!

— Не нравится мне все это! На живую нитку все сметано! Если, когда, в случае чего... Может... по-другому поступим? — сомневался Иван.

— И как же, по-твоему? — с интересом смотрел на него Шрам.

— Давай — мы пойдем вперед! На этом проулке найду место и затихарюсь! Пропущу

Вас вперед, дождусь этих сук и — на мягких лапах пойду следом за ними! Когда они тебя догонят — сразу бью сзади, не дожидаясь всех этих базаров!

— Х-м-м... а сможешь? Так вот — на мягких лапах? — теперь уже сомневался Шрам.

Иван даже сам не заметил, как перешел с ним на «ты», а тот, вроде бы — был не против!

«Растет авторитет Чибиса в преступных кругах! Уже мурые волчары с ним на «ты»! Ага! Ты поерничай, поерничай! Потряхивать что-то начинает! Адреналин что ли? Не перегореть бы раньше времени!».

— Я — постараюсь. Но и ты ушки топориком держи! Если услышишь кипеж сзади, поможешь!

— Нам бы вообще без шума обойтись! — с досадой протянул Косов.

— Да это — понятно! Но... тут уж куда кривая вывезет! — «а Шрам-то — тоже фаталист!».

— Ладно... все! Тогда мы пошли! Эй! Человек! Бутылку коньяка мне с собой... да... пару яблок, что ли..., - Иван видел, как Шрам поморщился, — да я — не сейчас! Потом уже... за кровь! У охотников такая примета есть — добыл зверя, пей за кровь — иначе в будущем удачи не будет!

— Ха-ха-ха... интересный ты тип, Чибис! — развеселился Шрам.

— Да уж... сам себя подчас охуеваю! — грубо ответил попаданец.

Он вышел в фойе, и быстро оделся. Фатма уже ждала его, стоя одна.

— Ну куда ты пропал, Ваня! — с обидой протянула она.

— Так Вы же так мило беседовали, что я не решился прервать Ваш разговор с дамами! — торопясь выйти, бормотал он.

— Так... красавица! А теперь слушай меня и не перечь! Включи хорошую мусульманскую жену, и слушай своего мужчину! Мне сейчас не возражения твои нужны, а — уважение к словам мужчины, поняла!

Почувствовав что-то, подруга только кивнула головой.

— Ай, молодец! Ай, умница! Так вот... мне нужно помочь человеку, попавшему... в неприятности! Если не помогу, его могут убить! Не только его, но и его... подругу! Так вот... Сейчас ты быстренько идешь домой! Одна! — «блядь! Машин нет совсем! Видно, ранее уходящие разобрали все немногочисленные такси!».

Она молчала, но было видно, что испугана.

— Ну... не пугайся, хорошая моя! Все будет хорошо! Не забудь, что нам с тобой еще Новый год встречать послезавтра! Так что — все будет хорошо!

— Ваня... а можно... я с тобой, как-нибудь... или где-нибудь подожду..., - и столько тоски было в ее глазах... столько боли... это как щенка или котенка на улице бросить!

«Блядь-блядь-блядь! Ну и что делать-то? И одной ей идти... неблизко! Куда ни кинь — везде клин!».

— Так... смотри. Пойдешь со мной! Там... найдем какое-нибудь место, потише. Будешь ждать меня! Если услышишь шум... выстрелы там... или крики — бежишь домой и бежишь быстро-быстро! Да нет — все хорошо будет, обещаю! — Иван видел, что успокоить женщину он не может — просто голова сейчас о другом думает.

«Успокоитель из тебя, мудака, как и балерина — хреновая! Опс! А Елена же в театре оперы и балета работает! Там же этих самых балерин — как блох на Барбоске! Вот бы туда, как лисе в курятник! А что — здорово же? Или нет? Твою мать! О чем я сейчас думаю!!!».

— Все, женщина! Не хнычь, не плачь и не мешай мне! — грубо заявил он, хотя женщина и шла молча, только иногда косясь на него карим глазом!

«Ой, мудака! Мудака же ты — Косов!».

Они прошли эти два квартала. Слева начался район сносимых построек.

«Так... вот он начался! Нам — в первый переулок. А там — смотрим место. Близко от улицы — не стоит! Вряд ли мазурики будут нападать рядом с оживленной улицей! Хотя... улица сейчас ни хрена не оживленная — ни машин, ни людей!

— Ты куды мяне кличешь, послухай — заверуха-мятель, завируха!

На дворэ ни машин, ни людей!

На дворэ ни машин, ни людей!

Псих! Как есть — псих! А еще Елене удивлялся — она, дескать, психованная! Сам-то... давно ли на себя в зеркало смотрел? Сам на мокрое идешь... с неизвестным результатом, да еще и женщину свою туда же тянешь! Дебил, блять!».

Снег продолжал идти. Мягкий, пушистый, большими, даже какими-то громадными хлопьями. И тишина на улице... Как вымерли все вокруг!

«Так... где, блядь, этот переулок?! Уже сколько прошли, а его не видать! А может — уже прошли? Там какие-то прогалы в ряду домов были... Не... то — просто уже снесенные дома! Вот, кажется, он и есть! Да, похоже — он! Теперь ищем место!».

Они прошли вглубь квартала.

«Так... это что — забор, что ли? А какого хрена он поперек улицы идет? Это — не переулок, что ли? Вот же... блядь! Сейчас завалят Шрама! Хотя... Шрам-то — ладно! У него вся жизнь — по лезвию! А Елена тут причем? Так-так-так... и что делать?».

— Слушай сюда, девочка моя! Вот... иди сюда! Видишь, тут затишок такой! Вот здесь стой и никуда не уходи! Как закончится все — я тебя найду, поняла? Вот давай-ка... сейчас эту доску вот так положим, ага! И вот так... пальто мое! Вот — садись сюда! Ага! А вот еще... шапку под ножки тебе, чтобы ножки в ботиках не мерзли!

— Вань... а как же ты... раздетый совсем!

— Так на улице и не холодно совсем! Смотри сама — тепло же! А пальто и шапка — только мешать будут! Ну все! Сиди тут и никуда! Слышишь — никуда не уходи! Поняла?

«Хорошо еще что снег свежий валит — на фоне снега эти завалюхи, заборы и сараи — темными пятнами! И почти светло, от снега этого!».

Он шел вдоль забора, вышел на чистое место.

«Здесь? Слушай! Слушай вокруг все, дебил! Спланировал через жопу, так выбирайся из этой самой... жопы!».

«Еще чуть пройти... по переулку? Или — опять нет? А вот... вроде бы слева что-то слышно было! Тихо, тихо! Сердце-то как, блядь, колотиться! Так... вот сюда пойдём!».

Он попытался посчитать — сколько времени прошло? Где сейчас должны быть Шрам с подругой? Ни хрена не считалось!

Ему повезло! Не иначе кто-то ворожил Косову... Или черт ли ему в кашу плюнул?!

«Опс... вот там... вроде бы голоса. Тихо-тихо! Тихенько-тихенько! На мягких лапах! Точно! Здесь! Теперь только не шумнуть ничем, ненароком!».

Он завернул за угол какого-то строения. Голоса были еле слышны.

«Еще чуть ближе... еще чуть-чуть!».

Это был какой-то навес. Большой такой, на многочисленных столбах-подставках. Косов одним глазком, половиной лица выглянул из-за угла. Белой шубкой в темноте выделялась

Елена. Шрама почти и не видно — его закрывал собой высокий силуэт.

«Это молодой что ли? А где — второй? Ага... вот ты где... с-с-у-ка!».

Щур стоял позади и чуть правее молодого. Присмотревшись в сумраке снежной зимней ночи, Иван разглядел в руке у него какой-то предмет.

«Да ствол это, что гадать! Нож бы хоть чуток отблескивал!».

Шаг... еще шаг. Чуть пригнувшись, финка — уже в руке... и чуть подрагивает от нетерпения! Еще шажок... маленький такой... совсем маленький!

Похоже, Шрам что-то заметил — он-то, в отличие от бродяг, к нему лицом стоит! Да и на фоне снега... Ивана должно быть видно. О чем шла речь между оппонентами, Косов даже не прислушивался. Он слушал снег у себя под ногами... еще слушал, как громко бухает сердце в груди.

«Так и Кондратий хватит, от волнений жутких! И умру во цвете лет, с номерочком на ноге!».

Похоже, в последний момент Щур все-таки что-то услышал, потому как начал поворачиваться.

«Ну уж нет! Хрен тебе, да во все пузо! Зря я что ли так перетрухал, в поисках вас!».

Два быстрых шага вперед. Рука снизу вверх. Удар получился не сбоку в шею, в практически в переднюю часть шеи! Понимая, что удар не вышел, Иван, в последний момент, чуть дернул руку, делая не только тычок, но и режущий удар.

Тут же негромко хлопнуло дважды. А уже начавший поднимать руку со стволом Щур, вдруг дернулся и заперхал, заперхал, пытаясь второй рукой зажать рану на шее.

«Шалишь, дядя!».

Еще подшаг и еще удар снизу вверх, уже — в живот. Чуть согнувшись, Щур повалился навзничь.

«Вот так-то, блядь!».

— Ну ты, Чибис, и мясник! Ты что же... так грязно-то!

— Да не стоит благодарностей, Евгений Аркадьевич! — Ивана начало ощутимо потряхивать.

«И финка еще в руке так скользит! Не потерять бы! А голос-то у Шрама... дрожит! Ага Дрожит! Не железный он, этот убивец! Так... а где же сумка-то моя... с коньяком?! Сейчас меня отходняком накроет — надо бы принять граммов сто пятьдесят... за упокой душ... грешников этих! Ага... а сумка-то у Фатьмы осталась! Еще попробуй... найди сейчас Фатьму!».

— А Вы как, Елена? С Вами все нормально? — Иван решил поинтересоваться.

«Ну да... я тут сам чуть не обосрался... а женщине-то — каково?».

— Да... Иван! У меня все... нормально.

Косов даже не стал смотреть на молодого — живые так не лежат! Все же стреляет Шрам... отменно! И выстрелы такие негромкие! Что у него за ствол, интересно?».

Иван присел на корточки, положил финку рядом и стал сгребать снег, и оттирать руки. Они уже становились липкими, а не скользкими.

«Ну да... кровь же запекается. Или нет?».

— Да что ты там трешь? Ты же весь... в крови! Не видишь, что ли? — опять «умничает» Шрам.

— Я, Евгений Аркадьевич, не филин. В потемках видеть не умею!

— Ладно, не обижайся. Но все-таки ты, Чибис — мясник! Ну кто ж так... работает, а?

— Зато — тихо!

— Ладно... что дальше будем делать? Уходить нужно! Вроде бы все тихо сладили, но — мало ли?

— Мне... мне за Фатьмой нужно сходить. Она здесь рядом... где-то.

Шрам хмыкнул.

— Да где рядом-то?! Она же вон, сзади тебя стоит!

Косов рывком поднялся и повернулся. В трех метрах за ним, держа в охапку его вещи и сумку стояла Фатьма.

— Ты... ты как здесь?! Я тебе где сказал быть? Я тебя спрашиваю — где ты должна была быть?!

— Ваня! Я боялась... правда. Я очень боялась... вот... и пошла за тобой!

— Вот же...

Его оборвала Елена:

— Не смей кричать на девочку! Не смей! Вот еще... вздумал так кричать на красавицу! — и уже обращаясь к Фатьме, — иди сюда, милая! Уже нечего бояться! И он на тебя кричать не будет!

— Так... господа хорошие! Это, конечно, все очень интересно! Но нам нужно уходить отсюда! — это Шрам подал умную мысль.

Косов помолчал, успокаиваясь.

— Ладно! Вы идите... а я сейчас... приберусь здесь!

— Что делать-то собрался? — Шрам интересуется.

— Тут... в соседнем дворе... я, проходя, погреб заметил. Вот туда и определим... тушки. Надеюсь, до весны сюда никто не сунется. А там их... мыши съедят!

— Иван! Я попросила бы тебя... Давай без этих... излишне натуралистичных подробностей! — возмутилась Елена.

— Вот же черт! Хорошо! Давай помогу! — соизволил снизойти Шрам.

Пока женщины стояли чуть поодаль, метрах в двадцати, они перенесли трупы в соседний двор. Шрам намерился уже скинуть их в погреб...

— Стой! Сейчас я...

— Что ты делать собрался? — удивился Шрам.

— Что с бою взято, то — свято! Трофеи! Общмонаю покойничков. Вы же, Евгений Аркадьевич, непременно побрезгуете, не так ли?

Мужчина негромко засмеялся:

— Слушай! Ты не из казачков ли будешь? Все замашки — как у них!

— Не знаю... из детдомовских я, — пробурчал Иван.

Пара портмоне, часы у Щура, еще какая-то «гайка» на пальце.

— Надеюсь, ты пальцы ему резать не будешь? — опять засмеялся Шрам, — или и тряпки их приберешь? Вон смотри — и обувь еще неплохая.

— М-да... обидеть норовите, господин хороший, — посмотрел на того Иван.

Шрам осекся, помолчал, а потом признался:

— Извини... И правда — что-то я в перебор ушел! Извини! — потом все-таки поправился, — и все-таки ты мясник! Ну кто же так...

— А я и не отрицаю, что ни хрена не умею. Да и времени у меня не было! У негс «волына» в руке, поворачиваться уже начал! Куда его бить, чтобы сразу вырубить?

— Ладно, ладно... Что сделано, то сделано! У тебя вроде бы коньячок был. Нужно

нервы успокоить.

Иван подошел к подруге, которая стояла вместе с Еленой.

— Милая! В сумке бутылка коньяка, да пара яблок... Поддай, пожалуйста, а то у меня руки...

— Да у тебя не только руки! У тебя и лицо... Снегом оботрись! — Елена смотрела на него... странно, — и вы что тут... пикник собрались устраивать? Уходить нужно!

— По чуть-чуть надо... А уйти — успеем. Все тихо вокруг, суетиться не нужно!

Косов опять присел на корточки, стал набирать в руки снега и тереть-тереть руки. Тщательно, даже — ожесточенно!

— Подожди, Ваня... дай я тебе лицо оботру! — Фатьма подошла сзади, приобняла за плечи.

Он стоял, смотрел на женщину, а она, подхватывая снег рукой, оттирала ему щеки, нос, подбородок.

— Я так испугалась за тебя... и просто... испугалась, — чуть слышно шепнула она ему.

— Все закончилось, все позади! Не бойся, хорошая моя...

— Ох... хорош коньяк! Лена! Ты выпьешь? — предложил Шрам Елене.

— Да! Обязательно выпью! — женщина взяла бутылку из рук приятеля.

— Фатя! Тоже выпей обязательно! Нервы — их беречь нужно! Полегчает сразу! — шепнул Иван подруге.

Фатьма сделала несколько глотков и поперхнулась.

— Вот, Иван! Как босяки в подворотне, ей богу! А стакана не мог взять? Бедная девочка вынуждена давиться. И что-то закусить нужно было взять! — это Елена учит его уму-разуму.

— Там, в сумке пара яблок есть!

— И как их нам делить? — продолжала предъявлять претензии женщина.

— Так вот — нож же!

Шрам подавился дымом и, прокашлявшись, расхохотался.

— Этим ножом... яблоки резать? Иван! Да Вы — эстет! Поклонник французских извращенцев?

Елена тоже посмотрела на Косова, как на сумасшедшего.

«М-да... как-то я... и не подумал, предлагая! Или я так отупел, или уже... привыкать к крови начал?».

Он тоже выпил, да не пару глотков, как женщины, а — изрядно присосавшись к бутылке. Граммов сто-пятьдесят, как не двести. Стало тепло, спокойно и... хорошо! Голову охватила волна отупения, думать ни о чем не хотелось.

— Вот что... Иван! Как бы ты не оттирался, все одно — вся одежда в крови. От тебя сейчас кровью несет... как на скотобойне! Евгений! Его же сейчас... любой постовой схватит! У меня предложение — мы все вместе сейчас идем ко мне. Там попытаемся привести в порядок одежду, попьем чаю. Ты, Иван, нормально умоешься, а потом уже и пойдете домой. И не желаю слушать никаких возражений, — заявила Елена, в ответ на робкую попытку Фатьмы сказать, что «может все-таки мы домой».

С шапкой на голове, с накинутым на плечи пальто, чтобы не испачкать подклад, он шагал следом за Шрамом и его подругой и размышлял о том, как он опять вляпался в такой «блудняк». Фатьма шла рядом, взяв его под руку, молчала.

«Это хорошо, что она молчит! Сколько, все-таки, положительных черт в этой женщине! Если бы не... будущие обстоятельства, чес-слово — женился бы на ней, и пропади все

пропадом!».

Предновогодье. Классное время! Подготовка всяких вкусностей, ожидание праздника, предвкушение...

В прошлой жизни Косов уже все это переживал не раз. Сначала, в молодости, встреча Нового года проходила бурно, в компании таких же молодых людей. Общение, выпивка, танцы, веселье. Потом... количество гостей постепенно уменьшалось, а бурное веселье сменилось просто хорошим общением. Потом... потом... как-то все куда-то подевались.

«Иных уж нет, а те — далече!»

Последнее время в той жизни встреча Нового года происходила тихо и... уютно. Готовилось что-то вкусное, но не в том количестве и не во многом разнообразии. Спокойно, с женой... Просмотр каких-то праздничных программ, спокойные разговоры. По сути — довольно скучно.

Но сейчас... вместе с новым телом и новой жизнью к Косову вернулось и то предвкушение, ожидание чуда. Химия молодого тела, не иначе! Но даже, если включить разум, откинув эмоции...

«Хочется ли тебе шумной веселой компании? Ну... может быть. Хотя... событий-то в последнее время было с перебором! Уютный теплый дом, красивая и очень ласковая женщина рядом, вкусные блюда. А что еще надо?».

Практически весь день тридцатого декабря Иван и Фатма отсыпались от происшедшего. Вернулись они домой, уже когда почти рассвело, и весь день спали, ели, занимались сексом. Несколько раз просыпаясь, Косов чувствовал на себе приятную, теплую тяжесть женского тела. Фатма, после такого... г-х-м... происшествия буквально вцепилась в него, и даже во сне не хотела отпускать его от себя. Чуть пошевелишься, а она лишь теснее прижмется, судорожно вцепиться руками, закинет ногу... И все это — не просыпаясь!

«Довел девочку, старый козел... в молодом теле!».

Даже поднимаясь в туалет, по крайней мере назревшей необходимости, Ивану приходилось буквально с силой отрывать от себя ее руки.

После всего происшедшего, когда они пришли домой к Елене, подруга все больше молчала, бросая быстрые взгляды то на Ивана, то на Шрама. Потом, спустя какое-то время, немного расслабилась.

Косов все прокручивал перед собой события прошлой ночи. Нет, никаких таких угрызений совести, и кровавых мальчиков! Те, кого они убили, вовсе не были невинными жертвами. Сволочи еще те! Просто было неприятно вспоминать. Грязно все получилось, кроваво... через жопу! Но он понимал, что все это было вынуждено. И полагал, что, если бы все отмотать назад, он поступил бы точно так же. Только... может быть — более умело и продумано!

Квартира Завадской располагалась в старом трехэтажном кирпичном доме. Очень такая... нехилая квартирка. Пусть и двухкомнатная всего, но... и центральное отопление, и водоснабжение с канализацией — все было в наличие. Да и комнаты были — тоже вполне себе полноразмерные, не клетушки.

Хозяйка, не успев скинуть и убрать в гардероб шубку, скомандовала:

— Иван! Растапливай титан в ванной! Тебе нужно хорошенько отмыться! А одежду... одежду давай нам, попробуем с Фатей что-то придумать. Замочим ее, а потом попробуем

отстирать.

— Там в холодной воде нужно замочить, а то кровь не отстирается! А может... может — просто выкинуть? — засомневался Косов.

— В холодной воде, говоришь? Это ты мне, мальчик, костюмеру со стажем, будешь рассказывать, как за вещами ухаживать? Какая самоуверенность! Или глупость? Фатима? Он у тебя глупый... или самоуверенный?

Подруга довольно робко улыбнулась:

— Нет, он вовсе не глупый. А самоуверенный... ну, может немножко!

— А выбросить? Выбросить мы их всегда успеем! Или ты настолько богат, что может менять гардероб каждый день? Вещи-то не из дешевых, я такое сразу вижу. Да и как ты домой пойдешь, если одежду выбросить? Ладно без куртки, но — без брюк?

Иван споро раскочегарил титан. И осмотрел себя в настенное зеркало в ванной комнате.

«М-да... как не оттирали его морду там снегом, но кровавые мазлы, и даже засохшие капли... От как! А волосы-то! Фатьма их не трогала, а там... писец! В колтун кровавый сбились сбоку! С тебя, Ваня, убивец, как с говна пуля! Поизляпался весь, с головы до ног. Правду Шрам сказал — мясник!».

Пламя в круглой колонне титана гудело и в ванной уже ощутимо потеплело. Неожиданно раскрылась дверь и в ванную зашла хозяйка. Она была уже переодета в домашнее зеленое платье, которое ей тоже очень шло.

— Ну ты что, еще не разделся? Давай, снимай с себя все! — довольно бесцеремонно заявила Елена.

Косов замешкался. Нет, так-то она женщина видная. Даже — красивая. И при других обстоятельствах, Иван не раздумывал бы — «Такая женщина командует раздеваться в присутствие себя!». Но сейчас? Фатьма где-то рядом, да и Шрам тоже в квартире.

— Ты что, стесняешься? Ой, как это мило! Ну же... мальчик... я не кусаюсь... правда-правда! — Елена говорила негромко и чуть хриловато... очень возбуждающе, — а давай я тебе помогу.

«Нет, точно у нее с головой что-то! Может она — нимфоманка? Ее так прет от вида крови? Или от молодых парней?».

Но пасовать в таких обстоятельствах было стыдно, и Косов принялся стаскивать с себя куртку.

«Не-е-е-е... тут похоже — на выброс только. И рукав весь в пятнах, и спереди — тоже!».

— Давай, давай! Брюки тоже снимай, их тоже застирывать придется — вон капли, не видишь разве?

— Может я сам... как-нибудь? Или пусть Фатьма одежду примет? — не глядя на Елену спросил Иван.

— А ты все-таки стесняешься! Как же так? Живешь с такой красавицей, а ведешь себя как... мальчик-колокольчик? — негромко засмеялась хозяйка.

«Вот... и правда, чего это я?!».

Иван принялся решительно стаскивать с себя брюки.

«Хорошо, что кальсоны чистые и целые! А то был бы — как тот Василий Иванович, из анекдота!».

Оставшись в майке и кальсонах, Иван демонстративно нахально уставился на Елену.

— Ну вот... таким-то ты мне нравишься больше! — Она протянула руку и погладила его по щеке, — сладкий такой мальчик! Хотя и крови не боится! Ох какой... мальчик!

Иван почувствовал ее руку у себя на члене, который предательски стал просыпаться.

«Мальчик, мальчик... ответить бы сейчас... что-нибудь в духе — «Мой мальчик тебе в рот не влезет!». Ладно, мы в гостях, не буду хамить! Но как же от нее отделаться?».

— Мне кажется, Елена, сейчас все это... несколько не ко времени. Не находишь?

— Ну почему же? Я могу все... быстро. Французский поцелуй. Знаешь, что это? — она продолжала наглаживать его по члену через кальсоны, — а у тебя... размер оказывается! Очень неплохой!

— Знаешь, красавица, мне кажется, что ограничиваться в общении с тобой только минетом, это как вкусный тортик только разок лизнуть! Вроде и приятно, но очень мало! Если уж... грешить, то — по полной! А так... только обидеть красивую даму.

— Ты прав, конечно! И я рада, что ты это понимаешь! Но, полагаю, что наша встреча еще состоится, да? И про лизнуть, — опять чуть слышный смех, — я тоже запомню!

Она стиснула его последний раз за вставший уже колом... предмет и, засмеявшись, вышла.

«Вот же! А взгляд какой откровенный и томный! Извращенка! Но такая... «ябвдул!»! Потом, как-нибудь!».

Он услышал, как хозяйка спросила у Шрама:

— Евгений! Ты не будешь против, если я дам твой халат юноше? А то ему совсем не во что одеться после ванны!

Он поскорее скинул с себя майку и кальсоны и не дожидаясь полного нагрева воды, полез в ванну. Отмывался тщательно, на несколько раз! Уже с намыленной головой, ничего не видя, он услышал, как дверь в ванную приоткрылась. Даже вроде бы смешок услышал, но никаких поползновений не последовало, и дверь закрылась. Уже более спокойно он домылся и до скрипа вытерся висевшим на вешалке полотенцем. Махровый халат, длиннющий, чуть не до самых пят, был комфортен.

Он вышел в коридор и зашел в столовую. Шрам сидел на стуле, за круглым столом, без пиджака и без галстука, покуривал папиросу. На столе стояла початая бутылка коньяка, стакан.

— Садись, Чибис, закуривай. Примем еще чуть коньяка, выпьем чаю. Да, я благодарен тебе за помощь. И ты не обижайся, что мясником тебя назвал. Действовал ты и впрямь... грязновато, но — эффективно! Удивлен, не скрою! Мне, когда... про Хлопа и этого... второго, рассказали, я, признаться, и не поверил. Сомнения меня взяли — как простой босяк, шпана, пацан фактически, мог с двумя совладать? Пусть тоже такими же босяками, но — наглыми, дерзкими, более опытными! А сейчас — да, признаю! Вырос волчонок с молодого еще, но — волка!

«Чего-то он такими... картинными, книжными фразами заговорил? Выпил что ли? Или как его подруга — порошочка нюхнул?».

— Время идет, все мы — меняемся, не так ли? — «блядь... прямо — светская беседа какая-то получается!».

— М-да... тут я, мой юный друг, вынужден с тобой согласиться! А вот ответ мне на такой вопрос... тебя потом, вот такие... убитые — не беспокоят?

Иван хмыкнул.

— «И мальчики кровавые стоят!». Нет, Евгений Аркадьевич, не беспокоят! Не те это люди, чтобы они ко мне во снах являлись! Невинными душами они никак не являются!

Шрам задумался, покачивая ногой, перекинутой через колено другой:

— Тут ты прав... Не овечки они! Вовсе нет!

— А мне вот интересно... после случившегося... Вы же вроде должны мне хоть чуть-чуть доверять?

— Ну да, — развеселился Шрам, — на вышку мы с тобой наработали! А с учетом прежних заслуг, так сказать, то — наверняка!

— Щур этот... там — еще в туалете... назвал Вас... сукой каппелевской. Он обосновано так... сказал?

— Ну что же... если мы с тобой теперь подельники, да по самому, по мокрому... Тебе сейчас и самому в «гэпэу» бежать — никакого резона! Товарищи, они может и поблагодарят за информацию, но — лоб зеленкой все одно намажут! И — да! Служил я с Владимиром Оскаровичем, был такой эпизод в моей биографии!

Попивая коньяк, и покуривая, они беседовали. Шрам рассказал Ивану, как ушел с последними пароходами из Владивостока. Потом — Северо-Американские штаты, которые Шрам, судя по реакции, невлюбил. Дальше — даже Южная Америка увидела молодого «штабса». Европа... А после этого — в числе многих белогвардейцев, прослышав про амнистию, он вернулся в Советскую Россию.

— Представь! Я даже в Университете доучиться успел, в Казани. А дальше... дальше — товарищи как-то потихоньку опять за нас взялись! Вот и пришлось... переквалифицироваться в бандита. Нет, ты не подумай! Я, если официально, вполне законный гражданин «эрэсэфэсээр», законопослушный юрисконсульт одной из крупных артелей, в ...одном из городов Поволжья. И здесь я — по делам артели, на химкомбинат приехал, договора на поставки химреагентов заключать. И документы у меня в порядке — ни один лягавый не придерется! Но вот «гепеушникам» попадаться все же не стоит! Там у нас, Чибис, даже не артель, а целое объединение! Кожи для армии выделяем! Нужное для страны дело — обороноспособность повышаем!

— У меня просьба, Евгений Аркадьевич! — дождавшись поощрительного кивка, Иван продолжил, — не могли бы Вы, при посторонних, по крайней мере, называть меня Иваном? Мне моя «погремуха» — поднадоела как-то!

Шрам хмыкнул, улыбнулся:

— Ну что, резон в твоих словах есть, не отнять! Хорошо, Иван, пусть будет по-твоему!

За время их разговора женщины прошли в спальню, потом назад — в ванную, судя по всему. И Фатма уже была переодета в недлинный халатик!

— Ну что ты смотришь так неодобрительно, Иван? Не будет же девочка, в таких хороших и красивых вещах, твою одежду застирывать? — укоризненно заметила Елена.

Иван пожал плечами — «А я что? Я — ничего против не имею!». Периодически он прислушивался к тому, что происходит в ванной и на кухне. Слышно было немного — негромкие разговоры, даже — вроде бы — смех.

Видно, навеяло рассказом Шрама и Иван, взяв гитару, висевшую на стене, стал перебирать струны. Увидел, как в дверном проеме появились женщины, с интересом смотревшие на него.

— Я в весеннем лесу пил березовый сок,
С ненаглядной певуньей в стогу ночевал.
Что имел — не сберег, что любил — потерял!
Был я смел и удачлив, но счастья не знал!

Шрам, слушавший его поначалу со снисходительной улыбкой, замер и улыбка сама сошла с лица. Елена слушала с широко распахнутыми глазами. А Фатима... слушала с таким чувством в глазах, что Косов смутился!

«Что же я, зараза, делаю — совсем бедной девочке голову задурил!».

— И носило меня, как осенний листок.

Я менял имена, я менял города.

Надышался я пылью заморских дорог,

Где не пахли цветы, не светила луна.

«М-да... песня, как говорится — зашла!».

Косов старался этим показным цинизмом сбить смущение от такого восприятия песни слушателями.

«Но допеть-то теперь нужно?».

— И окурки я за борт бросал в океан,

Проклинал красоту островов и морей

И бразильских болот малярный туман,

И вино кабаков, и тоску лагерей.

Приходилось отводить глаза от Шрама, и от Елены, которая видела, как принимает песню ее приятель, и очень была этим обеспокоена. А у того ходили желваки по скулам, и даже капельки пота выступили на висках!

— Зачеркнуть бы всю жизнь да сначала начать,

Полететь к ненаглядной певунье своей.

Да вот только узнает ли Родина-мать

Одного из пропавших своих сыновей?

— Я в весеннем лесу пил березовый сок...

Повисла тишина. Шрам выдохнул, потянулся и налил себе коньяку. Много. Потом подумал, и налил Ивану. Ничего не говоря, большими глотками «высадил» напиток, и только закурив, спросил хриплым голосом:

— Это кто ж... такую песню сочинил? Точно, что не ты! А кто тогда?

— Я не знаю, Евгений Аркадьевич! Я на Севере два года работал — в леспромхозе. Там люди разные. Вот кто-то спел, и мне понравилось. А память у меня хорошая.

— Точно не знаешь? Это же кто-то из наших был! Может даже — знакомый мой!

— Не знаю, Евгений Аркадьевич! Только могу сказать, что леспромхоз был из «вольняшек», «зэка» у нас не было. То есть, если кто из Ваших знакомых — так он живой и на воле!

— Ну да, ну да... Этот кто-то — спрятаться там решил, не иначе! А что? Не самая глупая мысль!

— Ну хватит, мужчины! Мы уже все сделали. Ваня! Вроде бы все отстиралось. Фатима у

тебя — молодец! Нужно подождать, пока подсохнет — мы одежду возле титана повесили. Часа полтора-два нужно ждать. А потом — отгладим и можете идти. Давайте я чай поставлю и бутерброды сделаю. Нужно перекусить что-то — время-то уж к утру идет!

Женщины опять ушли на кухню.

Шрам уже немного успокоился и расслабился.

— А ты, Иван, оказывается, человек творческий. Песни сочиняешь, поешь... Кто бы мог подумать? Удивляюсь я тебе — откуда что берется?

«Ага... много ты знал того, прежнего Чибиса! При любом раскладе — Вы и пересеклись бы лишь случайно, и, скорее всего, Шрам бы его и не заметил, мимо прошел! Кто сямка пристяжная, а кто — Шрам, авторитет, на сходнях бывает!».

— Все мы подчас не те, кем кажемся, не так ли?

— Может быть, может быть... Слушай, а Елена-то на тебя — запала! Я это сразу увидел. Песни твои ей понравились или еще что. Ты смотри, она дама — настойчивая! — Шрам развеселился.

— Я вот спросить хотел..., - Иван почти шёпотом обратился к Шраму, — мне показалось... или и впрямь... она — какая-то странноватая, нет?

Собеседник его хмыкнул, и посмотрел на него искоса, и тоже, понизив голос:

— Она с точки зрения обычных людей... немного — того, — Шрам поднес руку к виску и чуть покрутил двумя пальцами, — но разум у нее есть, и очень неплохой, скажу я тебе. Она... из балетных, если тебе это о чем-то говорит.

Шрам с сомнением посмотрел на Ивана, решил, что — «нет! ни о чем это ему не говорит!», продолжил:

— Балетные, то есть те, кто в балете танцуют, они все... странные немного. У них там свой мирок. И считают они себя — не меньше, чем элитой людей творческих! Богема! Там все танцоры — гомосексуалисты. Ну — почти все! Да и женщины... тоже через одну... поклонницы трибадийской любви. Знаешь, что это такое?

Иван машинально, думая о своем, сказал:

— Трибада... или иначе — Лесбос. Остров возле Греции. Там еще храм древнегреческий стоял, не помню кому. Жрецы храма — все женщины. Вот и развилось у них там... это самое. Лесбиянки, если проще!

— Смотри-ка ты! Он еще и начитанный! — удивился Шрам.

— Ага... я вообще читать люблю. Читаю все, что под руки попадет.

— Она, Елена, то есть... чтобы ты знал — еще из смолянок! И это кто такие — ты тоже знаешь? — выжидающе уставился на Косова собеседник.

— А что там знать-то — воспитанницы Смольного института. Так ей сколько лет тогда? Его же вроде бы в семнадцатом еще закрыли!

— Ну так я и не сказал, что она его закончила. Девчонкой она была, когда революция произошла. Они с родителями сюда побежали... от смуты. В Сибирь. Вот уж не знаю, на что ее родители тогда надеялись. Вот так здесь и живет. А лет ей — тридцать пять.

— А вот — квартира эта, она — чья?

— Это ей от мужа покойного осталась. Он у нее режиссером был в театре. Она его младше была намного. Кстати, по причине вышесказанного, я бы, на твоём месте, и за подругой своей приглядывал! А то они уже долго вместе с Еленой наедине — как бы чего не случилось, — развеселился Шрам.

В этот момент в столовую зашли женщины, неся тарелки с бутербродами и чашки с

чаем.

— Ну вот, посмотри, Фатима, они без нас веселятся, а мы должны как пчелки хлопотать! Обстирывай их, корми, пои. Так! Мужчины! Сейчас пьем чай, а потом, раз уж нам предстоит ждать, пока одежда Ивана высохнет — будете нас развлекать!

«Что она сейчас имела в виду, эта извращенка?».

Нет, так-то Иван вовсе не был замшелым консерватором, и все эти лесбийские игры относил к грехам небольшим, в отличие от гомосексуализма. Так — «шалят девчонки! дурью мучаются — но грех это небольшой, пусть пошалят!». Даже забавно было бы посмотреть, а может и поучаствовать. Только вот Фатьма, как он предполагал, будет резко против! Не стоит даже и заикаться!

Но Шрам развеял его сомнения, указав на него самого:

— Вот Иван пусть Вас и развлекает! Тебе же, Елена, понравилось, как он поет?

— Да, Иван! Спой нам!

Он попытался отнекиваться — ну кому охота под утро концерт устраивать-то? Да после такого... запоминающегося дня.

— Время к утру. Зачем соседей Ваших беспокоить, Елена?

— Вздор! Здесь вполне хорошие стены, никто и ничего не услышит, и мы никого не побеспокоим!

Пришлось петь. Как и предполагалось — весь репертуар Калошина. Весь этот «а ля романтик». Потом спел про гроздь акации, потом, вспомнив — про черные подковы на снегу. А потом — совсем притомился. А Елена слушала внимательно, даже — слишком внимательно. Это было заметно. Уже и Фатьма... как-то ощетибилась!

Благо песни петь уже не мог — начал сипеть!

Шрам поднялся, раскланялся и попросив прощения, удалился спать, отговорившись усталостью.

— А у меня еще вопрос, Ванечка! Вот Фатя мне рассказала, что именно ты в ателье рисовал эскизы ее одежды! И еще... когда она переодевалась, я видела ее чудное белье. И, с ее слов, — это снова ты! Мне вот интересно, а какие у тебя еще таланты?

«М-да... и кто Фатьму за язык тянул, все это рассказывать? Хотя, понятно, кто тянул — вот эта дамочка! Как-то раньше не замечал у Фатьмы особой болтливости. Или мадам эта обладает способностью разговаривать человека? Тогда ей в самый раз в «гепеу» работать!».

— Да какие там таланты, Елена... Так, где-то что-то видел, где-то о чем-то слышал.

Косову пришлось повторить ту легенду, что он втемяшивал мастерам в ателье — про соседку-швею в Тобольске, про заграничные журналы. Похоже, Елена не поверила:

— Знаешь, по роду деятельности, мне приходится знакомиться с новинками моды, в том числе и заграничной. В нашей глухомани, конечно, не все и не сразу доходит, но и к нам попадают такие журналы. И вот что-то я такого не припомню...

Стараясь увести разговор в сторону, Иван рассказал о задумке провести в ателье показ моделей. Елена не была удивлена, а значит и про это уже слыхала от Фатьмы, только детали ее интересовали. Косов, что мог — то и рассказал, пояснив, что идея не его, и по сути — он к этому никакого отношения не имеет.

— Ну так уж и не имеешь? А разве ты не позволишь своей подруге, — тут Елена погладила по руке сидящую рядом Фатьму, — участвовать в этом показе? Это же просто глупо — не использовать ее красоту?

К удивлению Ивана, Фатьма уже никакого явного отторжения от этого действия не

выказала.

«Интересно девки пляшут! И что — она уже и на показ белья согласна?».

— Я думаю, мне нужно обязательно связаться с представителями этого... ателье. Я и раньше не раз слышала, что там шьют качественные вещи, а теперь — вот уже и не просто качественные, а очень удачные модели! И задумки у меня по поводу такого показа есть! Там нужно еще парочку девушек-моделей подобрать!

— Ага... брюнетка есть. Нужны — блондинка и шатенка, ну то есть — рыжая. Для полноты комплекта.

— Вот видишь! Ты тоже это понимаешь! Правильно! И у нас в театре такие девушки есть! И они вполне привычны демонстрировать себя, причем — даже в белье! Можно устроить небольшой отбор. А ты, Иван, будешь участвовать в отборе? — Елена чуть улыбнулась и искоса бросила взгляд на Фатьму.

«Провокатор хренов! Поп Гапон в юбке!».

Фатьма вспыхнула, бросила испепеляющий взгляд на хозяйку квартиры. Та, вполне будучи довольна реакцией девушки, негромко засмеялась и вновь погладив ту по руке:

— Ну что ты, девочка! Я шучу, шучу! Хотя... было бы неплохо, если бы такой мальчик, имеющий вкус к женщинам и их одежде, посмотрел взглядом со стороны. Оценил, так сказать! Да успокойся, успокойся, милочка — в твоём присутствии, конечно же!

Иван, не желая продолжения таких провокаций, плеснул чуть коньяка по бокалам:

— Ну... прозит! За сбывчу мечт, так сказать!

Елена засмеялась, а потом, когда они выпили, обратилась к Фатьме:

— Фатя! Если мы договоримся до показа, нужно будет с тобой немного позаниматься. Ты, конечно, красива — тут и спору нет, но все-таки я кое-что доработала бы... Походку, осанку, поворот головы. Это как огранить шикарный алмаз, когда от природы красивый камень превращается в ослепительный бриллиант. Смотри, мальчик, когда твоя подруга засияет — ее будет очень трудно удержать в руках. Столько мужчин будут претендовать на ее руку и сердце, что ты можешь просто не справиться.

Косов, чувствуя большую усталость, и абсолютно не чувствуя никакого желание упражняться в изящной словесности, хмуро буркнул:

— Да полноте, Елена! Какие руки и сердца?! Скорее — за обладание красивым телом начнут соревноваться!

— Ну-у-у-у... Иван! Как-то ты грубовато... Хотя, да — больше всего будет именно таких поклонников. Но ведь могут быть и мужчины с серьезными намерениями! Что ты сможешь им противопоставить?

«Так... нужно собираться. В конце концов, на улице вовсе не мороз, и в волглых шмотках смогу добежать до дома! А то хозяйка... уже утомлять начинает! Не было бы рядом Фатьмы и Шрама... я бы показал тебе, фифа, что я могу... противопоставить!».

Уже не сдерживаясь, Косов рубанул:

— Я — лучший ебарь на территории «рэсэфэсэр»!

Женщины замерли. Потом в глазах Фатьмы мелькнул огонек, и она, прикрывшись руками, затряслась в смехе! Елена выдохнула задержанный от неожиданности воздух и тоже засмеялась:

— А ты... очень самоуверен, Ваня! Очень!

К удивлению Косова, Фатьма успокоилась, но продолжая улыбаться, сказала:

— А он не врет! Он и правда очень хорош... в этом!

«Вот так-то! Знай наших! Не все тебе нас в смущение вводить, и мы кое-что можем!».
Только вот, уже уходя, Косов снова поймал на себе заинтересованный взгляд хозяйки.
«Может зря мы... гусей-то дразним?».

— Иван! Ну мы договорились, да? Ты предупредишь этого мастера... Александра, что я зайду к ним числа третьего-четвертого?

Косову не оставалось ничего другого, как только кивнуть.

Праздничные яства они готовили вдвоем. Ну как вдвоем? Он — на подхвате, конечно. Картошку там почистить; мясо, как сказали порезать. Лук этот... опять же — почистить и покрошить. Когда подготовительные мероприятия были закончены, его от дальнейшего отстранили самым бесцеремонным образом.

— Слушай, красавица! А что, если мне баньку протопить? Так сказать — к вечеру попаримся, и оставим всю грязь и все прежние грехи в уходящем году?

Женщина ненадолго задумалась и согласилась:

— Да, будет неплохо!

Но натаскав воды в баню, затопив ее, он опять остался не у дел. В голове было пусто, думать не чем не хотелось. А мысли о прошедших событиях он старательно гнал из головы.

«Помер Максим — да и хрен с ним!».

Уже вечером, чистый и умиротворенный, он с удовольствием смотрел на подругу, которая тоже была задумчива.

— О чем задумалась, хорошая моя?

Она встряхнула головой, улыбнулась:

— Да так... ни о чем в общем-то... Вань! А вот скажи, ты и правда бы был не против, если бы я... в этом показе согласилась бы участвовать?

«Сама созрела, или Елена ее так... подготовила?».

— Абсолютно не против! Красивая женщина, красивая одежда! Чего тут стесняться-то? Да и будут там, скорее всего — одни женщины. Александр-то говорил, что показ закрытый будет.

— Ага... Александр говорил... А то я не знаю, что это твоя идея!

— Ну — пусть так, моя идея. Ну и что в этом плохого?

— А если там... не только женщины будут? И как тогда?

— Так в одежде-то — чего здесь такого? Ты же не стесняешься по улицам ходить? Ну и какая разница? Прошлась туда-сюда, сменила одежду в раздевалке, снова — прошлась.

— Да-да... а белье показывать?

— И что?

— Ну ты вот... совсем уже! Как в белье перед чужими ходить?

— Давай так... показ, скорее всего, будет и правда — закрытый. Это дело такое... новое для нашего города. Побоятся эти организаторы так уж, «на широкую», это все проводить. Обзвонят постоянных клиенток, из тех, что посolidнее, какие-то приглашения пошлют. Дело — сугубо женское, поверь — ни один нормальный мужик на такое мероприятие не пойдет. Сидеть в зале, где вокруг тебя подавляющее большинство — женщины, для мужиков не очень-то привлекательно. Нет... в принципе... могут оказаться пара-тройка человек. Может — из подкаблучников, кого жена притащит, или еще что-то в этом роде.

— А вот мне интересно, хорошая моя, тебе самой это интересно стало поучаствовать, или... Елена уговорила.

При упоминании новой знакомой, Фатма чуть заметно, но — покраснела.

— И сама... и она — тоже. Она... знаешь, я ее немного боюсь. Нет, не так... не боюсь, а как-то — опасаюсь, вот! Она с придурью какой-то. Но... и интересная тоже. Веселая такая, случаи разные смешные рассказывала. Умная она... и — красивая. Только... она меня все приобнимала, поглаживала по-разному, — женщина покраснела еще больше, — она меня даже... за задницу тискала, вот! Сумасшедшая какая-то!

— Ну а ты что же? Не могла остановить ее, что ли?

— Знаешь... с одной стороны, мне так стыдно было... А с другой... она что-то говорит, говорит... негромко так. И я как в оцепенении каком-то... И знаешь, что самое стыдное, Ваня? Мне в какой-то момент... приятно стало. Вот даже сейчас — стыдно! Но... лучше я уж все расскажу тебе. Она меня обняла... а я чувствую... а я сама ее за попу наглаживаю. И она меня... поцеловала. Знаешь... как приятно! Не так как ты... по-другому совсем. Но — так приятно и сладко! А потом... потом... я как очнулась. Думаю, что же я такое делаю? Оттолкнула ее...

Немного помолчали. Ивану было интересно, но... не очень.

— И что дальше? Она обиделась?

— Ты знаешь — нет! Она засмеялась и сказала, чтобы я не обижалась, что просто я такая красивая, что она не могла удержаться. Представь — я, получается, еще и виновата!

— А дальше что?

— А мне... как-то жалко ее стало. Она красивая такая, элегантная, как... как королева. А я ее отталкиваю... А напоследок она сказала, что... подождет. И вот я сейчас побаиваюсь — а чего она подождет?

Было видно, что женщина действительно переживает, вон как разволновалась: и глаза с поволокой, и дыхание прерывистое.

«Собьет с пути истинного Фатьму эта... лесбиянка! Ну-ка... нужно выводить ее из такой... нехорошей задумчивости!».

И Иван, взял подругу за руку, увлек ее на кровать.

А через некоторое время, решив немного пошалить, спросил у женщины, которая была полностью «погружена в процесс»:

— Ну так ты чего... я не понял толком... ты решила ей отдаться?

«О как! Бах — и глаза открылись широко-широко! И дыхание резко изменилось! И... похоже меня сейчас будут бить!».

— Ты, Ваня, совсем рехнулся! В такой момент... и такое спрашивать?! Все! Уйди от меня!

Благо Иван был в тот момент... сверху, нависая над красавицей:

— Э-э-э... нет! Давай, признавайся! Надумала мне изменить, с этой... красоткой?! — и движения... резко-резко, посильнее и... глубже!

— Ах! О-о-о-о... Ваня... ты сдурел? Ох... не так... не так сильно!

— Ну так отвечай своему... мужчине! Ну же!

— М-м-м-м... еще! Еще! Нет... не хочу изменять тебе!

Иван чуть ослабил «натиск», добавил ласковости в свои действия:

— Точно... не хочешь? Ты сейчас... не обманываешь?

— О-о-о... хорошо... да... так вот! Нет, Ванечка! Не обманываю... как я сейчас... тебя могу обмануть?

«Да кто ж Вас поймет, Евино племя! Если Вы сами себя не понимаете! «Я вся такая внезапная! Такая противоречивая вся!».

Потом... поглаживая ее животик рукой и покусывая его:

— А я и не был бы против!

Впавшая в нирвану Фатма не сразу поняла:

— Ты сейчас... о чем?

— Да говорю — было бы интересно узнать, кто тебя лучше язычком ласкает — я или она!

— Ты опять про это?! Ну, погоди! Сейчас я тебе... иди сюда! Иди сюда, кому сказала! Куда?!

— Да мне... в туалет нужно, срочно!!!

— А ну — стой!!!

«Ага... как же!!! Знаем мы Вас... «а ну — стоять!», а потом — очень больно может быть!».

— Ты, Ваня, балуешься и шалишь, как ребенок... или подросток! Вот — вымахал какой... и еще это... отрастил! Мне вот даже больно было!

— Ну извини, извини, хорошая моя! Придуриваться чего-то захотелось! Не хотел, чтобы тебе больно было! Простишь?

— М-м-м-м... а вот ты сказал... ну... кто лучше языком... я вот чего-то опять захотела. Наверное — чтобы лучше запомнилось. А то — как сравнивать?

«М-да... тоже — «тролль» еще тот! Или «тролльчиха»? Или — «троллица»?».

— А вот... ну — что она сказала, что хочет со мной позаниматься... Это как именно? Ну, Ваня! Я сейчас серьезно, ну что ты опять за свое? Правда — это как заниматься?

— Ну-у-у-у... я думаю, хочет она тебе походку поправить, осанку... еще что-нибудь.

— А как это?

— Ну — упражнение для осанки я и сам знаю. Так... вот встань у стены. Ага... вот так. Пятки должны касаться стены. Ага, правильно. Попа — тоже! Так... ага! И плечи... расправь плечи. Грудь выше и вперед! Вот! Прижмись к стене, да — спинка ровная, затылок — тоже в стенке! Та-а-а-к... где мои книжки. Вот! Смотри! Я сейчас тебе на голову положу книжку. Вот! Чувствуешь? Так вот — ты должна идти плавно и ровно, чтобы книжка не упала!

Фатма плавно, небольшими шажками двинулась вперед.

— Вот! Плавный и ровный шаг! И так нужно привыкнуть ходить. И еще... шагая, ножки ставишь на одну линию. Представь линию перед собой, и вот на нее и ставь ноги. Носочки в стороны... чуть-чуть. М-да... тут и правда нужно Елену. Вот репетировать будете — посмотришь, как эти девушки из балета ходят.

Фатма с подозрением посмотрела не него:

— А ты тоже... будешь смотреть? На этих... танцовщиц?

— Ну... может разок и посмотрю. Нужно же знать, кто с моей красавицей будет соперничать.

— Ага... можно подумать только для этого!

— Ты ревнуешь, радость моя? А с чего это? Кто совсем недавно жаловался, что, дескать и больно ей, и уже устала?

— Я тебя... обманывала! Вовсе не устала, и боль эта... она приятная боль!

— А — докажи!

— И — докажу! Иди сюда!

Второго января, с утра, он был — как штык! у клуба.

Вспомнилось, что предстоит ему встреча с его знакомыми женщинами, с которыми он так... провокационно пошутил. С подарками.

«Тихонько надо! Сейчас только одним глазком посмотрю — кто где и как мышка — шмыг! в свою комнату! А там переоденусь, глядишь и мужики подойдут, дровами займемся. Все хоть немного отодвину... расплату!».

Он зашел в фойе, огляделся.

«Библиотека уже открыта. Ага... и в большом зале слышна музыка. Тоня, значит, с ребятишками уже занимается. Вот — голос ее слышен! Печи уже топят, значит Яков... или Мироныч... домой пошел, позавтракать!».

Иван подошел к прикрытой двери в зал. В щелку было видно часть ребятишек, старательно повторяющих какое-то движение, с шагом и поворотом.

«А вот и Тоня. Точно... чуть просвечивает это трико! Ого! А она, похоже, уже в новых трюсиках! Вон какие аккуратные и... привлекательные!».

— А кто это такой, за девочками нашими подглядывает? Это не пропавший ли наш Ваня-киномеханик?».

Насмешливый голос сзади заставил Косова вздрогнуть и замереть.

«Лиза... Ну что? Как веревочке не вейся — а кончик все одно будет! Приходит час расплаты! И так гулко еще — захохотать! Ха-ха-ха-ха! Умри, несчастный! Шаляпин, бля!».

Скорчив мордашу как у Кота в «Шреке», Иван медленно повернулся и проблеял:

— Тетенька! Простите меня! Я больше не буду, чес-слово! Я не нарочно — так получилось! И вообще это не я был! И Вы — не так поняли! Я — хороший!

Лиза, сначала опешив, засмеялась:

— А пойдём-ка, невиноватый, в комнату! Я тебе, знаешь, что расскажу?!

— Не пойду я с Вами никуда! Я Вас боюсь — Вы меня бить будете! — продолжать придуриваться Косов.

— Ну... бить? Это стоит обдумать! Хорошая идея, правда! Пойдем-пойдем, мальчик! Я вот, знаешь, чего тебе дам?

«Сказал бы я, чего бы я хотел, чтобы ты мне дала! Да, боюсь, только хуже будет!».

Лиза что-то заметила в его лице, потому как, продолжая улыбаться, протянула:

— О-о-о-о... горбатого — могила исправит! К твоему сведению, глагол «дать» может быть использован во многих значениях! А не только в одном, о котором ты подумал! Подумал-подумал — у тебя это на физиономии написано! Так! Все! Пошли быстро! — и она, подхватив его за воротник пальто, потащила в комнату.

— Потом... еще и Лида присоединится... к наказанию! Но пока! Я сама хочу насладиться пытками и побоями!

«Как-то все у нее двусмысленно получается! Или нет?» — задумался Иван, перебирая ногами.

— Вот же орясина вымахала! И опять... мои слова не нужно трактовать никак иначе — бить тебя будем! Пытать и издеваться! — чуть запыхавшись, Лиза затащила его в комнату.

«А зачем она... щеколду задвинула?».

— Ну вот... и все, Ванечка! — предвкушающе протянула женщина, — скидывай пальто! А то в пальто ты ничего не прочувствуешь!

— Лизавета Николавна! Ваши действия полностью непрофессиональны, непедagogичны, и, я бы сказал, даже предосудительны, с точки зрения наших, советских законов! Вы же — учитель! Педагог! Советская женщина — в конце концов! Где «понять и

простить»? Где — «милость к падшим призывал»? — Ивану пришлось подчиниться, он стянул с головы шапку и с плеч — пальто, бросил одежду на топчан.

— Все! На милость Вашу надеюсь и уповаю! А также — припадаю к ножкам Вашей милости, таким стройным и красивым! — с этими словами Иван и впрямь упал на колени перед женщиной и попытался ее обнять. Получилось... не очень. Не как задумывалось! Вместо талии обнять получилось... попу. А головой Косов уткнулся в живот женщине. Точнее — даже чуть ниже!

«Бля... не хотел! Правда — не хотел! Но как от нее приятно... пахнет. Женщиной!».

Иван непроизвольно несколько раз глубоко вздохнул. И руки, обнимая женщину, предательски, сами по себе, начали поглаживать «объект объятий».

— Вань! Ты ведь и правда... нахал! — Лиза замерла, но отталкивать его почему-то не спешила.

— Еще какой! — не отнимая головы от ткани юбки пробормотал попаданец.

— И что дальше? — похоже, она улыбается.

— А дальше... дальше... Я скучал!

— А вот врать-то не надо! Скучал он! Ну-ка вставай! Вставай, балбес, вдруг кто зайдет! — Лиза потянула его на ноги.

«Да как сюда кто зайдет, если ты сама двери закрыла?».

Он поднялся на ноги, всюю работая руками, как ленивец по дереву, обхватив женщину.

— Ну что, всю облапал? — Лиза сдерживала улыбку.

— Ну как же всю? Вовсе не всю! Да и какое это — «облапал»? Вот если бы ты, радость моя, позволила... я бы показал тебе, что значит — «облапал»!

Он задержал свои похотливые ручонки на талии женщины.

«Оттуда и до попы — рукой подать, и груди — недалече!».

Она молчала, и выжидающе улыбалась.

Чуть промедлив, он наклонился и стал целовать ее в губы. Сначала чуть-чуть, потом — настойчивее. Она отвечала! Не совсем уж развязно — не с языком в рот! но вполне активно. Они даже чуть запыхались, а у Ивана очень уж взволновался... первичный половой признак!

— Ну все... все. Ваня! Так! Отпусти меня. И руку из-под юбки вынь.

«А как она там, эта рука, вдруг оказалась? Вот уж — «ибо не ведаем, что творим!».

— Так... молодец! Ручку вынул, ага... и юбку эту поправь, задрал-то как, бессовестный! Вот... попей водички, успокойся. И садись — разговаривать будем!

— Тогда... если разговор предстоит — может быть чаю? — засомневался Косов.

— Ну ставь чай... Сейчас еще и Лида подойдет, чайку попьем. А может и Тоня освободится... Не боишься, что мы втроем тебя пытать начнем, проходимца-обманщика? — улыбалась Лиза.

Иван с удовольствием смотрел на женщину.

«Села чинно. Ножку на ножку, коленки красивые, полные, а чашечка небольшая такая... изящная. Бедрa широкие, притягательные. Ручкой подбородок подперла, на губах полных, красиво очерченных — улыбка. И глаза прикрыты пушистыми ресницами, но бесята в глазах — проскакивают!».

Иван все думал, почему она ему так нравится? Вроде нет в ней той яркой красоты, как в Фатьме. Да, веселая, умная, красивая...

«Вот Лида, к примеру — та женственная, спокойная, доброжелательная. Но — мягкая какая-то, покладистая... Хоть и вполне симпатичная Лидочка, и фигура хорошая. Но все же

Лиза более притягательна для него. Она чем-то на Киру похожа! И живая такая же! С ней не соскучишься. Но и характер есть, чуть что не так — взрыв эмоций!».

Она наблюдала за ним, как он набрал воду в чайник, раскопчегарил примус.

— Ну давай... рассказывай, как ты надумал такой подарок нам сделать? Ты, Ваня, не понимаешь, что ли, насколько это... двусмысленно. И даже — не очень-то и прилично, женщинам такие подарки дарить? Ведь не невесте, не жене! Даже — не подруге! И сразу — троим! А? Что скажешь? Ты, наверное, и Шамаханской своей царице, такой же подарок сделал? Ну — там-то ладно, там — понятно все. А нам?

Косов потер кончик носа:

— То есть... то, что Вы просто выиграли лотерею по сертификату, такой вариант не рассматривается? Ну... просто совпадение. Не?

Она опять засмеялась:

— Ты это Тонечке можешь рассказывать. Ага, она — поверит! Или вон — перед Ильей оправдываться. А мы с Лидой сразу поняли — что-то тут нечисто! Еще когда пришли, вышел этот... мастер Александр, оглядел нас... как-то с интересом, подозрительно. Потом кивнул головой, и попросил подождать. А потом женщина вышла и коробки эти нам вручила, сказав, что — выигрыш по сертификату. Только вот, Ванечка, они же даже номера сертификатов не смотрели — как же они определили, что именно наши выигрышные?

«М-да... прокол! И я ничего об этом не говорил... или говорил? Не помню! И Александр не смикитил! Хотя мог бы, мог! Ну да — с того актер, как с меня балерина! Вот так и «палимся» — на мелочах!».

— И что же Вы? А Тоня — тоже поняла?

— А вот тут я не поняла сама — что там Тоня решила! Нам предложили пройти в комнату, там еще зеркало такое большое. Мы же не знали еще, что в коробках. Я как открыла, так сразу и подумала — «Вот Ванька! Вот — гавнюк какой!».

— А Лидочка?

— А что Лидочка? Переглянулись мы с ней, а тут Тонечка повизгивает от радости. И что нам делать — тебя ругать? Так зачем девушке сюрприз портить? Хотя Лида тоже... немного ошарашена была.

— Ну как хоть — все подошло?

— Подошло, подошло... Скажи честно — посмотреть, поди, хочешь? Хочешь?

Иван смутился.

«Ну — хотелось бы... но кто ж ему даст-то... посмотреть?».

— И правильно — не получишь! — Лиза засмеялась, — Лидочка еще шепчет мне, может откажемся? Неудобно! Да и как я мужу объясню, откуда такая красота? А я думаю, нет — шалишь, не откажусь. Ну и Лиду уговорила. А Лида уж потом, так же и мужу объяснила — мол, по лотерее в ателье выиграли.

— Так... подошло. А хоть понравилось?

Лиза посмотрела на него пристально.

— И понравилось тоже. Только вот мы так и не решили еще — что с тобой делать? Толи обцеловать всего, толи — побить, за наглость, самоуверенность и такую... беспардонность.

— Вот честно, Лиза, скажу — как на духу! Лучше бы... обцеловать. Ну... и продемонстрировать... хотелось бы, ага...

Она расхохоталась, запрокидывая голову, потом, чуть успокоившись, достала платок, промокнула уголки глаз.

— Нисколько не сомневалась в таком твоём ответе! Ну... Лида пусть сама тебя расцеловывает. А меня ты уже поцеловал, хватит!

— Не-не-не! Так нечестно! Это я тебя сам целовал, а не ты меня целовала! То есть — это вовсе не твоя благодарность была!

— Ну и наглец! Ох и наглец! — она встала, глядя на него в раздумьях, чуть покачалась на носках сапожек, и подошла вплотную.

— Ну что... давай, благодарить буду.

Глаза в глаза... и искорки в глазах женщины. А у Ивана аж дух перехватило, как у пацана юного, еще прыщавого, от первого поцелуя. Поцелуй был долгий, но не страстный, а чувственный, нежный.

«А руки? А что — руки? Они сами по себе живут, вон уже всюду путешествуют по бедрам, попе Лизы. Вот и юбка снова поползла вверх, а ручонки похотливые — нырьк под юбку! И снова — в путешествие, по ягодицам, бедрам! Тревелеры хреновы! Они — шарят, а получать, в случае чего, будет морда!».

Но женщина не препятствовала этому путешествию до тех пор, пока одна из рук не скользнула вниз живота. Вот тут — твердое такое «стоп»! А жаль!

— Успокойся... неугомонный какой! И даже по морде тебя бить бесполезно! — шёпот чуть хрипловатый, и дыхание прерывистое.

— Ну что же ты и меня... и себя мучаешь? Я же вижу, что ты сама хочешь, — шёпот в ответ, и легкие поцелуи ушка, и исследованием языком завитков, и — с легким покусыванием мочки.

— Ага... ты сам-то понимаешь, что... не время... да и не место! Ну все... все. Стой! — она чуть оттолкнула его от себя, мягко, вовсе не грубо.

— И да... у меня к тебе... серьезный разговор будет. Вот все думала, думала... стоит ли вообще разговор вести, но... решила, что — стоит! — она поправила волосы и снова села на табурет.

— Ты о чем сейчас? — Косов постарался взять себя в руки.

— Потом... не сейчас. Правда, разговор будет... ладно, все — потом, в более спокойной обстановке, я сама решу, когда..., - она говорила как-то туманно, интригуя Ивана.

— То есть... оценить, насколько тебе хорошо в подарке, мне не светит? — укоризненно посмотрел на нее Косов.

— Я... погляжу на твое поведение! Тебе еще благодарность от Лиды принимать, если она решится, конечно! А про Тонечку... тут даже и не знаю, светит ли тебе чего, да и... стоит ли?

Тут в дверь толкнулись снаружи.

— Ой! Дверь-то заперта! Что могут подумать? Ты зачем ее закрыл?

Иван не успел возмутиться, что вовсе не он закрывал дверь, как в комнату вошла Лида. Увидев Косова, она встала как вкопанная и покраснела.

— Здравствуй, Лидочка! — Иван излучал всю полноту радости от встречи.

Женщина удивилась, но постаралась не подать вида.

— Здравствуй, Ваня!

Видимо, не желая повторения сцены с объяснениями и претензиями к попаданцу, Лиза заявила:

— Лидочка! Я уже ему все высказала, можешь не тратить свое красноречие. И нервы — потому как этот молодой человек вовсе отказывается воспринимать, что можно и прилично,

а что — делать в обществе не принято! Так что, считай и за себя, и за тебя я уже все ему объяснила.

— Ну правда, Иван, так же нельзя..., - все-таки начала Лида.

— А знаете, что, красавицы, — довольно невежливо перебил ее Косов, — в конце января ателье будет проводить показ моделей одежды. Говорят, у них есть очень интересные модели. Вы не хотели бы посмотреть — я могу сделать ангажемент.

Женщинам — было очень интересно! Очень! Тема с неловкостью по поводу новогодних подарков отошла в прошлое.

— Но ведь судя по качеству белья, вещи там будут пусть и красивые, но очень недешевые! — сомневалась Лида.

— Подруга! Ты забываешь, что у нас есть человек, который вхож в это ателье! Может он и скидки какие-либо может устроить? — хитро поблескивая глазками, косилась на Косова Лида.

Иван пожал плечами. Может он устроить скидки для своих знакомых или нет? Вроде и да, но что, если Александр вдруг «упрется рогом»?

— Да! Иван! А мы видели твои фотографии, где ты в этом... своем костюме! Ты там очень хорошо получился! — улыбается Лида.

Женщины решили, что ангажемент на показ им очень нужен! Вот только по Тонечке есть сомнения — захочет ли, или — отпустит ли ее Илья? Пришлось спрашивать у самой девушки, так как она тоже забежала попить чая.

— Ой, Ваня, я так тебе благодарна за этот сертификат! Ты бы только знал, как я тебе благодарна! Это просто чудо какое-то..., - тут Тоня поперхнулась, видно сообразив, что рассказывать парню про женское белье все же не стоит. Она чуть смутилась, но приобняла его и чмокнула в щеку.

Это было тоже — непросто. Ибо пришлось обнимать ее в ответ и подставлять место для поцелуя. А девушка была в трико и очень разгорячена закончившимися занятиями.

«Какая она горячая! И трико еще это... просвечивает, блин!».

Потом они пили чай. Лида, увидев его оценивающий взгляд на изгибы тела Тони, усадила ту подальше от Косова.

«И очень хорошо! Спокойнее так!» — подумал он.

Женщины разговорились. Как оказалось, в последние дни прошедшего года, фактически спонтанно, у руководства совхоза возникла идея провести праздничный концерт для работников. Концерт был подготовлен силами ребяташек, занимающихся у Тони танцами, и у Лизы — пением.

Тоня начала ворчать, что номера пришлось «верстать» впопыхах и чуть ли не на коленке. Лида смеялась, отвечала, что и так получилось вполне прилично — людям понравилось.

— Да, Иван! Ребята исполнили твои песни! Знаешь, как их тепло приняли зрители?! Да и самим ребятам песни очень нравятся!

Лидочка подтвердила, что концерт все-таки получился неплохой.

«Ну да — при столько редких зрелищах у жителей села, да еще — их же дети и поют-танцуют?! Кому же это не понравиться?».

Потом Тоня убежала — должны были прийти на занятия танцоры старшей группы.

— Ну так что, Лидочка! Тут нам кое-кто предложил отблагодарить его — за подарки! Поцелуем! Ты как — согласна? Я уже свой — отдала! — с улыбкой смотрела на подругу

Лиза.

Лида ожидаемо смутилась и посмотрела на Косова:

— Иван... что, правда, так... вот... отблагодарить?

Тот задумался и машинально почесал нос.

— Знаешь, красавица... мне будет достаточно знать, что тебе понравился подарок. И все! Если не хочешь, можешь не целовать. Я — пошутил, сказав это Лизе.

— Не-е-е-т! Так не честно! Я же тебя целовала?! — возмутилась та.

«Вот как девчонки, право-слово! Вроде и лет уже к тридцатнику, а что-то — расшалились!».

Лиза, улыбаясь и поглядывая на Косова, принялась что-то нашёптывать подруге. Та опять смутилась, покраснела и отпихивалась от Лизы.

— Ну, не хочешь — как хочешь! А-а-а... может я тогда за тебя... отблагодарю? — нашлась Лиза.

Лида, похоже, была против и такого расклада.

— Подруга! Ну ты что как девочка-припевочка! Давай, целуйся тогда!

— Лиза! Не смущай подругу! Не надо заставлять ее делать то, чего она не хочет!

К удивлению Ивана, Лида встала и подошла к нему.

— Ну почему же... Я хоть и не такая... бесшабашная как Лиза, но чувство благодарности и мне присуще! — улыбнулась «тихоня».

Поцелуй был существенно короче и менее чувственный, чем у Лизы.

«Ну да... разные характеры, разные темпераменты! Если бы еще была возможность — попробовать ее как-то расшевелить?!».

— А еще..., — это Лида на ушко ему, — мне все это белье... очень-очень понравилось!

— Может... покажешь... как-нибудь? — тоже шёпотом на ушко ей.

Она чуть покосилась на подругу, тряхнула головой:

— Может... когда-нибудь и покажу!

«О как! Вот тебе и тихоня! Интересно — послушать бы, что они про него наедине говорят?».

Такое интересное времяпрепровождение разрушил директор клуба. Постучав в дверь, он вошел в комнату.

— Иван! Здравствуй! Завтра нужно будет показывать кино. У тебя все готово?

— Да что там готовить-то? Ленты у меня есть. Надо — значит покажем! Хотя вроде бы завтра же выходная суббота, или я что-то путаю?

— Нет, не путаешь, все верно. Но — нужно! И да — нужно бы поменять ленты! Что-то новое привезти!

— Тогда нужно ехать в «Киносеть». А я хотел мужикам помочь с дровами...

— С дровами... с дровами никто не торопит! Потихоньку-помаленьку и перепилите-переколите! А сейчас поезжай, смени ленты.

Иван чуть не ляпнул: «Яволь! Май фюлер!».

Лида ушла к себе в библиотеку, а Лиза напросилась с ним в город.

— Ты просто так... туда-сюда проболтаешься со мной? И охота «сопли морозить»?

— Фу как некрасиво! Иван! Ну что у тебя за манеры?! «Сопли морозить»! И да, заняться мне нечем — сейчас же каникулы, не помнишь? В школе я все, что нужно сделала — могу и прогуляться. Или тебе не хочется пройтись с приятной женщиной под ручку? Тогда так и скажи!

— Ну что ты?! Ты не так все поняла! И пройтись с тобой под ручку — очень даже не против! Ну тогда поехали!

А ведь, действительно, здорово же вот так — пройтись под ручку с красивой женщиной? Погода — прекрасная: небо светло-голубое, почти без облаков; снег искриться под солнцем; морозец... морозец мог бы быть и поменьше. К «двадцатке» примерно.

Иван шел с Лизой, болтал, сыпал шутками и анекдотами. Лиза смеялась, прикрывая носик рукой в красивой — белой шерстяной, с какой-то вышивкой цветными нитями варежкой. Хо-ро-шо!

И даже чемоданчик с лентами не так оттягивает руку.

«Интересно все же... о чем она хотела со мной поговорить? И почему сейчас не говорит? Ведь никто же не мешает?».

Но разговор все вился обо всем, и ни о чем.

Когда приехали в «Киносеть», Иван, пользуясь знакомствами, быстро-быстро поменял ленты. Лиза сидела на скамейке в вестибюле, ждала его. Потом они снова гуляли по городу, не торопясь, наслаждаясь общением. Лиза, та еще язва, не раз, и не два погружала Ивана в задумчивость или заставляла чертыхаться, когда он попадал впросак от ее вопросом или замечаний. Она искренне хохотала над его глупым видом в такие минуты. А он, в свою очередь, любовался ею.

Потом... потом Лиза как-то разом задумалась.

— Ты чего, красивая? Или опять какую-то каверзу замысливаешь?

Она чуть улыбнулась:

— Я вот тебя все никак не могу понять... Вот молодой, красивый, даже можно сказать — талантливый парень... это если помнить про твои песни! А ведешь себя непонятно! Другие как-то... познакомившись с девушкой или женщиной... которая нравится, ухаживают, серьезные отношения выстраивают. А ты вот так... С царицей этой своей... Вот меня с Лидой все пытаешься..., - она засмеялась, — да вот и Зиночка у тебя была недавно. И с Кирой... В общем — видно, как ты к ней относишься! Ты как будто... избегаешь серьезных отношений!

Он хмыкнул и покрутил головой.

— Душа моя! Разве я кого-нибудь обманываю? Я и Зине сразу сказал, что ничего серьезного у нас с ней быть не может. Я не скрываю, что намерен уехать летом. Вернусь ли я сюда... когда-нибудь? Да — Бог весть! И, кстати, Зина это поняла, приняла. И даже то, что мы с ней расстались, говорит, что она поняла. А когда появился более серьезный... вариант — сделала свой выбор.

— Вот и тебя... разве я обманываю? Вселяю надежду? Или Лидочку? Мне кажется, что нет! Обманывать людей... вообще — нехорошо! А обманывать женщин?! Нет... я так не могу и не хочу. Как уже говорил — я такой, какой есть. Плохой, хороший — тут дело каждого оценить самостоятельно. И не имея возможности, заметь — именно — не имея возможности завести серьезные отношения, я веду себя... Женщин я очень люблю, вот!

— Ладно... все понятно и ясно с тобой, молодой кобель! — женщина тряхнула головой, — а вот угостить женщину чем-нибудь горячим? У тебя такого желание нет?

— Есть! Есть такое желание у молодого кобеля! Куда сударыня пожелает пойти?

Она засмеялась:

— А сударыня... толком и не знает, куда здесь можно пойти! А-а-а... вот! Есть тут неподалеку неплохая булочная, мы как-то с Лидочкой сюда заходили. И можно там

перекусить и чаю горячего выпить!

Кондитерская была и правда довольно уютная. Небольшая буквально с несколькими столиками. И в ней одуряюще вкусно пахло свежей сдобой!

Они полакомились: он — свежими и еще теплыми булочками, а Лиза — эклерами.

— Фу-у-у-х... переборщила я с третьим эклером! Вот растолстею и перестану подвергаться твоим нападкам!

— А не пожалеешь? — Иван протянул руку и закрыл ею, ее руку на столе, — и, знаешь, я даже знаю некоторые упражнения, которые могут позволить женщине сжечь лишние калории!

— М-да... я догадываюсь о чем ты ведешь речь, но... не готова к этим упражнениям, — но руку свою она не убирала.

— Точно — не готова? А может быть... попробуешь? Вдруг тебе понравится?

Она засмеялась:

— Я вот даже уверена, что ты сделаешь все, чтобы мне понравилось! Ваня... руку убери и сотри эту улыбочку с лица! Вон, видишь, как кассирша на нас косится?

— Может она просто завидует?

— Может и завидует. Только зачем подавать людям повод для зависти?

Иван вспомнил, что обещал Елене поговорить с Александром по поводу показа!

— Лиза! Недоступная ты моя! Давай зайдем в ателье, я кое-что должен передать мастеру!

Она удивилась.

— Правда-правда! Вот только сейчас вспомнил!

В ателье Александр неодобрительно посмотрел на Ивана, оценив коротким взглядом Лизу, которая, ожидая Косова, прохаживалась, рассматривая образцы тканей и разглядывая модели одежды в журналах.

— Вот не нужно на меня так смотреть, Александр! Не нужно! Черного кобеля не отмоешь до бела! Я к тебе, вообще-то, по делу! Разговор по показу еще в силе?

Александр как-то неопределенно покрутил рукой, но затем кивнул.

— И что означает сия пантомима?

— Она означает... что идея есть, и она нравится. Только вот как воплотить ее, реализовать — мыслей нет!

— Вот! Вот где собака порылась! И тут к Вам на помощь опять приходит все тот же славный, умный и... да — скромный! Иван Косов!

Мастер хмыкнул и вновь покосился на Лизу.

Чуть придвинувшись к нему, Иван негромко спросил:

— Ты чего это на мою... знакомую косишься? Опять зависть? Или раздумываешь — не настучать ли на меня Фатьме?

Александр посмотрел и ответил:

— Настучать? А смысл? Я же видел, как она к тебе... к Вам относится! А смотрю я на... Вашу знакомую, потому как недоумеваю — как Вам везет знакомиться с такими... красивыми женщинами?

Косов заулыбался — «завидует, чертяка!»:

— Слышал, небось, поговорку — «Везет тому, кто везет!». А может быть я — просто умный, красивый и в целом — обаятельный? Не?

Александр растерянно почесал затылок, а со стороны Лизы послышался тихий, но

заливистый смех. Она, видно не выдержав, подошла к ним, и взяла Косова под руку:

— Не находите — каков нахал, да? И скромный! Ну до чего же скромный этот юноша?

Александр кивнул:

— Я с самого первого дня нашего с ним знакомства понял, что скромность — это основная и главная черта характера Вашего... друга.

— Так... я хоть и умный, но вот сейчас... не очень понимаю — это что сейчас, надо мной насмеваются? Ладно вот эта красавица — красавицы они такие... а если еще и умницы, то вообще — атас! Но вот Вы, Александр?! Не ожидал, не ожидал от Вас! Как говориться — «И ты, Брут?».

— Так! Ладно! Самозванцев нам не надо — командиром буду я! Ви хотите песен? Их есть у меня! Александр! У меня есть тот... точнее — та, кто Вам все организует! Причем — по Высшему разряду! Как в лучших домах ЛандОна и ПарижА! Ну — как? Сразил я Вас Сразил?

Александр молча ждал продолжения, а Лиза смотрела с интересом.

— У меня есть знакомая! Просто — знакомая, — Иван покосился на Лизу, — она служит главным костюмером в театре оперы и балета! И она очень заинтересовалась Вашими моделями одежды, мастер! А когда я ей рассказал про задумку показа — она вообще была в восторге! «Ах-ах! У нас же такого еще никто не проводил! Мне непременно нужно помочь коллегам по швейному цеху! Это так интересно!»

— Она и правда очень умная и грамотная в этих делах женщина, — уже серьезно говорил Косов, — и она просила передать, что на днях... буквально сегодня-завтра она посетит Ваше ателье, чтобы предварительно обговорить основные вопросы. И даже готова договорится с парочкой девушек, кто будет представлять модели на показе! Ну как Вам? Неплохо, да?

Александр покачал головой, повздыхал о чем-то и согласился, что — «да! это было бы замечательно!».

— Ну так — ждите! Она придет! Зовут ее — Елена Завадская! — потом воспользовавшись тем, что Лиза уже направилась к выходу, наклонился поближе к мастеру и прошептал, — сами посмотрите, насколько она красива, эта костюмер! Там такая дама — просто ах!

Портной укоризненно покачал головой и закатил глаза.

— Значит, наш мальчик уже до театра оперы и балета добрался?! А там столько балерин, столько девушек! Пропадет, как есть пропадет, негодник! — вот сейчас было непонятно, это Лиза злится так, с улыбкой, или снова — «троллит?»

Она вновь шла, задумчиво улыбаясь. Только кивала головой, наверное, в такт каким-то своим мыслям.

— Радость моя, красивая! Ну что за подозрения? Я даже не знаю, где этот театр находится, — «хотя мысль о большом количестве балерин, она... мысль эта — заслуживает самого пристального внимания, да!», — а с Еленой я познакомился случайно... в общем-то! Она — подруга моего знакомого! Посидели, попили чаю, в разговоре я упомянул о словах этого Александра. Все! Больше ничего и не было!

— А чего это ты оправдываешься передо мной? С чего бы это? — она смотрела на него... «опять подкалывает!».

— Да я... это же извечная мужская роль — оправдываться перед женщиной, даже ничего еще не совершив! И вообще... слушай! Ну что мы как дети малые, а? Я... я давно и

очень сильно... хочу тебя! Вот! Да и как мне кажется... тебе я тоже нравлюсь! И чего теперь? Долго ты меня так вот... за нос водить будешь? По-моему, более взрослым будет сказать — «да-да, нет-нет!».

Она, неожиданно для него, расхохоталась:

— Слу-у-у-шай! Ты такой смешной, когда сердишься! Как ежик пыхтеть начинаешь! — она теснее прижалась к его плечу, и потянувшись, чмокнула в щеку.

«Как мне помниться... недавно еще кто-то примерно это же говорил — про ежика! Или нет?».

— Только, Ванечка... у меня к тебе будет серьезный разговор. Я уже изрядно откладывала его... крутила его в голове и так, и эдак. Все никак не решалась. А тут... если ты так ставишь вопрос... ребром. Ну что же, пусть будет!

— Как ты знаешь... моя подруга... Лида, то есть! Она уже давно замужем!

«Ага... давно — аж пять лет! Или примерно столько!».

— А вот... детей у них нет. Так-то ее супруг... он, хоть человек и сложный, но Лидочку любит. По-своему. У него давно уже была семья. Жена, дочка маленькая. А в начале двадцатых... они тогда в Поволжье жили. И если ты знаешь, в Поволжье тогда было... плохо. Жена и дочь... умерли. Тиф. А он столько лет никого рядом видеть не хотел. И вот — Лидочка. И — нечего... Вот даже не знаю, как говорить-то... А они очень хотят ребенка, очень! У них даже ссоры уже были. И к врачам... разным тоже ходили.

«М-д-я-я... Такого я не ожидал, если честно! Нет, так-то Лидочки я... домогался, чего уж. Но вот так, целенаправленно, не блуда ради... а как это назвать... помощь оказать?».

— Погоди-погоди... это... очень неожиданно... как-то.

Было видно, что сейчас Лиза говорит очень искренне, переживает за подругу.

— Да что там... погоди?! Ты же... ну... можешь? Ты же сам — хотел! Или струсил?

«Вот ни хрена себе, заявочки! Уже и на слабо берут? Пиздец просто!».

— Да погоди ты! Я же... я не струсил! Просто... одно дело так... просто. Другое — вот так, серьезно!

— Да кто тебя просит-то, серьезно?! У нее муж есть, и она его... любит!

«А вот тут — не факт! Ой, не факт!».

— Нет... успокойся. Давай — как взрослые люди! А как же — если она не может понести... а тут — вдруг. И как тогда — ее муж?

Лиза помолчала.

— Да нормально все будет! Она рассказывала, что он как-то в сердцах бросил, что, мол, могла бы и на сторону сходить! Очень уж он ребенка хочет, говорит — вдруг помру и никого не оставлю. Напоследок хоть... потетешкаться. А знаешь, Ваня... я раньше к нему хуже относилась. Ну — сухарь, педант, этакий... сухарь, в общем. А после того, как Лида рассказала... Жалко мне его стало. И понимать я его вроде бы стала лучше. И Лида... она так и сказала... что после его слов, оттаяла она к нему. По-доброму, по-человечески оттаяла.

«Как тут все... непросто! «Санта-Барбара» какая-то...».

Косов был в... полном раздразе! Одно дело — так, ради блуда, с пусть и привлекательной женщиной... Но вот так... это совсем другое дело!

Видно, что какое-то смятение отразилось на его физиономии, потому как Лиза, вдруг снова приникла к нему и горячо зашептала на ухо:

— Так вот, Ванечка! Ты мне и правда, очень нравишься, очень! И ты прав, я тоже тебя... хочу! Но вот... только после этого, после Лиды, понял! Понял, я спросила? — она

отстранилась и довольно сильно стукнула его по плечу, — А иначе — никак! Ясно?!

«Вот же блин... и чего теперь-то? согласишься? Или... нет? И мужика этого... понять можно. Если сам никак, а детей хочется? И вот, попаданец, может и правда — стоит оставить после себя хоть одного человечка? Или ты думаешь уцелеть в будущем? Все четыре года — уцелеть? Не знаю, как правильно! Не знаю!».

В молчании они доехали до клуба. Сначала Лиза пыталась его разговорить, даже что-то шутила. Но потом, видя, насколько он ушел в себя, отстала и лишь крепко держалась за его руку, поглядывая время от времени с озабоченностью, и даже — чуть с испугом.

Когда они уже заходили в клуб, она шепнула ему:

— Ваня! Ты Лиде пока ничего не говори, хорошо? Если... если согласишься... Я сама с ней поговорю. Обещаешь?

Он молча кивнул головой.

Вжик-вжик-вжи-и-и-к... Пила двуручная «абнакнавеная» то деловито повизгивает, то протяжно верещит, а то — замолкает, когда ее закусывает в комлистом, витом стволе березы.

— Ты, Ванька, как варенный сёдня! Ты робить буш, али как! — недовольно ворчит Яков.

«Будешь вареным, когда вчерашний разговор с Лизой из головы не выходит!».

Распиловка длинномера на дрова для клуба, с утра, еще только рассветать начало, закипела. Работали, как и прежде, втроем. Двое — на пиле «Дружба-два», один, кому в данный момент выпало отдыхать, сменив род деятельности — тюкает чуть в стороне уже напиленные чурки колуном. Так по кругу и идут — полчаса распиловки, потом один уходит на колку, двое — продолжают пилякать! За час работы с пилой правая рука от плеча и до кисти затекает кровью так, что кажется — тюкни ее топором — ни хрена не почувствуешь. И в спину отдает тянущей болью от однообразного длительного нелегкого физического труда.

«Х-а-а-а... ни хрена не знают разработчики компьютерных игр физического труда. Там эти... крафтеры, по-моему, персонажи, которые постоянно занимаются тяжелым ручным трудом, должны быть теми еще монстрами. Корявыми, нескладными, и гипертрофированными правыми плечами-руками — лесорубы там... или еще какие пильщики. Ну — правыми, если человек правша, или левыми — если левша. Но это уже гораздо реже. Левшей-то крайне мало! А уж обоеруких — вообще единицы на тысячи! Так что бойцы мечами обоими руками должны были быть — крайне редкими!».

Это он так от мыслей про Лиду отбрыкивается!

Уже дважды Косов переходил на колку чурок. Сначала кажется — вот он где, кайф! После пилки долготья! А потом и от колки дров начинает неметь поясница, и уже возникают мысли, что на пиле-то — не так уж и плохо! Мужики — вон, работают и работают, как двужильные. Правда, если с утра они еще веселились, чего-то подшучивая — то над друг другом, то, что чаще, над Иваном, сейчас и они уже замолчали. Только изредка что-то скажут, по делу. Усталость накапливается.

«А про Лиду... тут как-то все сложно и непонятно!».

Хотя — чего тут непонятного? Лиза все изложила — отчего-почему и зачем. И вроде бы все понятно, а свербит у Косова чего-то в голове. Вроде как все это — неправильно! И маета какая-то в душе. Вроде — нехорошо это все! С одной стороны — понятно, надо помочь женщине. Только вот помощь эта... какая-то... одно дело — простой, незамысловатый блуд! Весело, чувственно, оставляет приятные воспоминания. А здесь... Маетно...

«Отказаться? Можно, конечно... А потом — как? Не отказываться? Совместить, тыкскить, приятное с полезным? Не по-человечески как-то... И уже ни хрена приятным этот адюльтер не представляется!».

А в башке отчего-то крутиться и никак не хочет уходить пошлый анекдот про примерно такую ситуацию. Косов его уже гнал-гнал, а это пошлятина — ни в какую! Вот и сейчас вспоминается:

«У одного из приятелей семья — на зависть многим: жена красавица, детишек трое и все, как один, крепенькие, резвые, умницы! А у второго — детей нет, и все никак не могут

появиться. Уж они с женой и кучу обследований прошли; консультации разные; санатории опять же... И все — напрасно! Не получается детей и все тут!

Вот этот, несчастливец, как-то зазвал дружка к себе, пивка попить. А там, на кухне, негромко — так, мол, и так! Ты ж друг мне?! Выручай! У тебя-то вон ребятки какие! Сделай моей жене ребенка!

Дружок опешил, почесал затылок — «да как так-то? друзья ж мы с тобой! не по-людски как-то?».

А первый — да ты не думай! Мы уже с женой все обсудили, согласны и она, и я! Ну все, все! Топай в спальню, она там уже... переживает, небось, ждет!

Дружок снова почесал затылок — а что, жена у первого — женщина видная, фигуристая, и на лицо симпатичная! Да и чего только не сделаешь, ради друга! Эх-ма... пошел.

Первый сидит, переживает, ждет... Курит одну за другой. Рюмку принял — от нервов, потом — вторую.

Прошло время, заходит второй на кухню, смущенно разводит руками:

— Ты прости, дружище, чего-то сегодня вообще настроения нет! Так только... в рот дал и все!

Вот и тут тоже... только такой пошлятиной смущение от себя отгонять!

Что характерно, вчера, после их прихода с Лизой в клуб, он сразу прошел к себе в комнату, весь в раздумьях и на нервах. Лиза — прошмыгнула в библиотеку. Но потом — ни она, ни Лида к нему в комнату — не заходили. Когда они обе ушли — Иван не видел. Вечером, так же в раздумьях, практически «на автомате» крутил фильм в зале, машинально здоровался со знакомыми и незнакомыми жителями села, даже с девчушками не шутил, не смеялся.

И сегодня проморгал приход на работу Лиды. А первому с ней заговорить... стеснительно как-то. Как мальчик, чес-слово! А что — подойти и эдак, по «поручик Ржевский» — «Мадам! Готов впендюрить!». Не! И сам Косов к Лиде относится хорошо, чтобы так себя вести, да и Лида — не поймет такого!

Иван сначала даже не услышал слов Якова.

— Чего? Не понял!

— Я тебе говорю — учителька вон... с крыльца машет! Ну не нам же с Осипом, в самом деле! Тебя зовет, иди!

Иван повернулся. На крыльце стояла Лиза. Увидев, что он видит ее, как-то несмело махнула рукой.

«Правда зовет!»

— Я сейчас! — он скинул голички на чурку, потянулся, разминая поясницу, подхватил с сугроба жменю чистого снега и протер руки, а потом обтер и лицо. Пошел.

Лиза ждала его в вестибюле.

— Пойдем к тебе... Поговорить нужно! — и пошла впереди его в комнату.

«Смущена... щечки краснеют, глаза отводит!».

Села на табурет:

— Вань! Вот, не знаю, как сказать... Мы с Лидой поссорились!

«О как!».

— А чего так?

— Да не знаю я... я вчера как-то пыталась ей объяснить... А она обиделась, и как давай

на меня ругаться! Вот... не знаю, что теперь делать! — непривычно было видеть веселую и уверенную в себе Лизу в таком... обескураженном состоянии.

«Это что же получается? Лиза, так сказать, по своей личной инициативе вчера «выступила»? Никакой договоренности с Лидой не было? Вот как! Ну уж эти женщины! Особенно — интеллигентные! Которые всегда все лучше всех знают — что и как нужно другим!».

Иван чуть повеселел — необходимость вступать в, пусть и приятную, но все же — по необходимости, связь с Лидой — отдалялась, а может и вообще сойдет на нет. Он закурил, раздумывая, приоткрыв заднюю дверь, пускал дым струйками наружу.

Лиза ждала, не отводя от него глаз.

— Вань! Ну что теперь делать-то? А? Подскажи, ты же умный парень... Это же моя подруга лучшая!

Косов медлил:

«А вот пусть... помучается!».

— Ну что я могу сказать... Выходит — ты по своей инициативе вчера со мной разговаривала?

— Ну как... по своей... Так-то мы с Лидой... Примерно, так и раздумывали... Но все больше — со смехом. Вот я и решила...

— Ага! А она, значит, обиделась?

— Ну да... Ваня, а что мне сейчас делать?

Он развеселился:

— Ну как что? Ты сама сказала — только после Лиды. Лида сейчас, как я понял, отпадает. Поэтому что? Правильно! Ты первая на очереди! И, полагаю, единственная! Так что, красавица, раздевайся!

Лиза, широко открыв глаза, пыталась вдохнуть. Потом возмущенно замахала на него руками:

— Ванька! Сволочь ты такая! Я к тебе как к человеку, а ты все шуточки шутить! — она вскочила, накинула на плечи пальто и попыталась выбежать из комнаты.

«Ага! Шалишь!».

Косов догнал ее у дверей, остановил, потом развернул к себе лицом. Губки у Лизы тряслись, щеки покраснели.

«Расплачется сейчас!».

Он обнял ее, и преодолевая несильное сопротивление, стал целовать. Когда она стихла и возмущение немного улеглось, Лиза чуть расслабилась, его поцелуи стали более продолжительными и нежными, а руки опять отправились в привычный уже для них путь — открывать неизведанное под юбкой!

— Ваня... что делать-то мне теперь?

— А теперь... красавица моя... ты пойдешь в библиотеку... дождешься, пока никого не будет... и попросишь у Лиды прощения... скажешь, что... была душой, что хотела, как лучше... что очень себя коришь за... неуместную инициативу, вот!

— Ну как же... ох... ну перестань же... ну чего ты? Ну... Ваня... ну нельзя же так! Ах Ну что же ты делаешь, а? Ваня... мы же с ней... о-о-о-о... мы же с ней об этом... ах... разговаривали. Она же сама... говорила... ну перестань же! Я думала... что все серьезно! Ну что же ты...

— Может и серьезно... только вы же тогда... смехом все это... обсуждали, да? А вот как

ей всерьез на такое решиться? А ты... еще и подталкиваешь. Да так — довольно бестактно!

Лиза чуть вырвалась из его рук, и возмущенно глядя на него, сдувая выпавшую прядку волос с лица:

— Да почему — бестактно-то... мы же подруги!

Иван продолжал... исследовательскую деятельность... под юбкой.

— Вот я и говорю — иди к ней! Повинись, что решила подтолкнуть ее... думала, как лучше... и очень за это себя коришь! А ее — очень любишь, и очень сожалеешь, о своем поведении!

Несмотря на нервы и состояние женщины, Косов, судя по всему, нечаянно нашел... руками что-то, от чего Лиза негромко застонала и чуть обвисла на нем:

— Ну что же ты делаешь... Перестань же... Сам же говоришь... а-а-а-х... к Лиде идти... а сам... что делаешь?

— Тебе приятно, душа моя?

— А-а-а-а-х... очень, — последнее совсем чуть слышно, — но, Ванечка... не время же сейчас... отпусти.

Косов вздохнул, и сам себя матеря:

— Тут ты права... не время. Ну что — пойдешь?

Лиза, продолжая обнимать его, вздохнула:

— А что делать? Пойду...

— А вот... если все-таки думаешь, что Лиде это надо... Приходи сегодня попозже. Вот сама и попробуешь, стоит ли оно того, чтобы советовать подруге.

Она подняла голову и посмотрела ему в глаза:

— Так я же говорила... что... после Лиды...

— С Лидой ты была не права. Не с того начала. Может и второй быть — тоже неправильное решение? Вот... поделишься с ней опытом, а она больше заинтересуется, а?

— Ох и нахал же ты, Ваня! Ох и нахал! А если... мне не понравится? Что же мне, Лиде врать тогда?

— Ну почему врать-то? А что — не понравится... Мне кажется, ты и сама понимаешь, что понравится! Очень понравится! — она снова поцеловал ее.

Юбка у нее была... в районе пояса. И даже трусики были приспущены.

«Сам не понял, когда я это... сотворил!».

— Я... я подумаю. Может ты и прав... И вот еще что, нахал... руки вымой. Они сейчас мной так пахнут, что даже мне самой... чувствую я это!

Косов демонстративно поднял руку, поднес к носу и вдохнул:

— А мне очень нравится! Очень!

Лиза покраснела и покрутила пальцем у виска:

— Ты, Ванечка, точно — сумасшедший! Как тот... кобель... за течной сучкой!

— Вот еще что... Я пойду дальше с дровами упражняться. А ты, как вы поговорите, позови ее чайку попить. Где у меня что хранится, ты и так знаешь. Вон... в тумбочке, если нужно, бутылка коньяка початая стоит. Ну... в общем — разберешься! А чтобы Лида не стеснялась, я еще часа два с половиной, а то и три колотиться на улице буду.

К вечеру он так... упиздякался с дровами, что с тоской думал о своем приглашении Лизы. Усталость сидела в каждой мышце и хотелось только одного — лечь и полежать спокойно хоть полчаса. А лучше — до утра! И как здесь... чтобы ей понравилось?

А она и не пришла! Что это было — обман или женщина поняла, что как мужчина он

сейчас не опасен? Косов не хотел об этом думать, и даже был благодарен ей... Ну — если только это не обман, а понимание тяжёлого физического труда.

Три дня они валандались с дровами. Три дня тяжкой пахоты, так привычной для любого деревенского мужика. В конце уже Иван даже удивился, когда Мироныч сел на последнюю оставшуюся чурку, поставленную на «попа», и сказал:

— Шабаш, мужики! Отработали!

Потом они еще перебирали дрова в дровянике. Сухие — перенесли ближе ко входу и сложили поленицами, а свежие, сырые — также в поленицы, только вдоль задней стенки этого большого сооружения.

— Иван! У ты есть чё? Ты парень куркулистый, у ты должно быть! — Яков интересуется «за выпить».

— Есть! Как же не быть — к людям нужно относиться легче, с понятием! Что ж я — не знаю, что ли? — Иван был вымотан побольше.

«Вроде и физкультурой занимаюсь, и «мышца» есть, и от физического труда не бегаю, и моложе их! А вот мужики сейчас выглядят хоть и усталыми... но вроде и запасец силенок еще есть. Что же я себя так хреноваستنенько осуюся?».

Они еще посидели, выпили «постописят», закусывая принесенным Миронычем салом, и грузочками Якова.

— Ты, Яков, вроде осень пережил без особых неприятностей с брюхом-то? — тщательно пережевывая закуску, негромко спросил Мироныч.

— Да так... как-то. Ага... вроде не так мучался. Дак вот жа — этот соплячишка и посоветовал... эту, как ее... диету, вот! А я... как тот дурень — возьми да расскажи своей-то! А она уж... вот ведьма-то где! Одними кашами всю осень меня и потчевала! Я ей грю — мяска пожарь, чё-та давно уж не было! А она — вот кашу жуй, да молочком запивай! Я как тот парасенак, скоро хрюкать начну! Верись-нет — два месяца без мяса! Как тот поп в Великий пост!

— Ну так — зато без болей! — не одобрил нападок на Ивана Мироныч.

— Ну... так-та оно — так! — вынужден был согласиться Яков.

Еще посидев и покурив, мужики подались по домам.

У них сложилось неплохое взаимопонимание. И работа была поделена удобно для всех. Когда Косов был на месте в клубе — мужикам не нужно было тащиться на дежурство, сторожить. А чего? Иван на месте, всяко пройдет пару раз вечером, посмотрит за порядком, да и ночью — нет-нет, да сбегает в туалет, обозначая присутствие сторожа. И печки протопит, и даже снег — почистит, если его уж не сильно много выпадет! То есть — мужики могли по несколько дней в клубе не появляться. Зато и когда Ивану нужно — он уезжал на несколько дней, вот — как к Фатьме, Яков и Мироныч сами распределялись, кому и сколько работать!

В его взаимоотношения с женщинами мужики не вмешивались. Яков лишь иногда фыркал и крутил головой. А Мироныч как-то, покуривая, сказал:

— Ты, Иван, смотри... С этими мадамами... поаккуратнее. Бабенки они все же в селе уважаемые, не подгадь уж им. Чтобы люди-то не знали...

Лиду за эти дни он видел пару раз, мельком. Не единым словом не перемолвились — Ивану было некогда, а женщина, видимо, не горела желанием общаться. Лиза же в клуб не заглядывала. Хотя еще в тот день Иван видел, что и чашки были помыты, и стопарики — тоже. Коньячка даже немного убавилось. Значит — разговор какой-то все же был.

«Чего они там надумали? Да Бог весть! Ладно, что ни делается — все к лучшему!».

На следующий, после завершения ударного труда день, Косова огорошил директор. Илья, придя в комнату, посидел, повздыхал, а потом известил:

— Иван! Я был... в филармонии. Тебе тоже нужно туда заехать. Они переделывают договоры на песни, нужно подписать.

И видя, что Ивану как-то... все равно, добавил:

— Несколько... наших песен отобрали для просмотра в Москву. Понравились они там кому-то.

Косов сидел, шгудирюя свои конспекты и особого интереса к сказанному — не проявил. Ага — тут нужно каким-то образом индульгенцию получить в стрелковом кружке, чтобы не выпнули за пропуски, да сдать нормы на «Ворошиловского стрелка», пусть и на первую степень.

— Иван! Разве тебе не интересно, что твои песни будут исполнять по радио известные исполнители? Может... и Утесов будет петь, или там... Козин, или Лещенко. Или — Клавдия Шульженко?

— Ну что мне сказать? Будут петь — значит хорошо, не будут — не заплачу.

— Странно ты относишься к такому...

— Илья! Ну... написали мы их и хорошо! Все, пошли дальше. Или мне начать себе... памятник сооружать? Вот — прямо перед клубом? А что — красиво будет! А давай — такой... двойной памятник — мы оба, в обнимку... Или там — ты сидишь, а я стою рядом?

Директор недовольно закрутил головой:

— Так... ладно. Дело это твое! Завтра, часам к десяти, будь готов — придет корреспондент из газеты «Сибирские зори», будет у нас с тобой интервью брать. Приоденься как-нибудь почище, что ли...

«Как будто я тут как бомж хожу?!».

— А корреспондент — женщина? — решил подколоть Иван Илью.

— Почему женщина? Мужчина... — не понял сразу тот.

— Эх, жаль... С женщинами у меня как-то лучше разговор складывается, — притворно огорчился Косов.

Что-то буркнув, Илья вышел из комнаты.

Следующим утром Иван задержался с зарядкой. Две недели пропуска бега на лыжах дали о себе знать — на обратном пути своей натопанной дистанции Иван больше просто шел, чем бежал. Да и выпавший за это время снег заставил сначала пробивать новую лыжню, что изрядно вымотало Косова. Так, весь в мыле, он прибежал в клуб, а еще — топка печей!

Так что, когда в клуб приехал невысокого роста молодой человек, корреспондент, Иван еще всю бегал от печи к печи с кочергой и дровами. Даже с Лидой поздоровался опять на бегу! В общем, когда его позвали в кабинет директора, он был... не в лучшем настроении, да и порядком извозившийся в саже. Похоже, с Ильей корреспондент уже переговорил, осталось лишь задать несколько вопросов Ивану.

Ничего неожиданного не произошло. В смысле — вопросов. Где родился-учился, как сочинялось, что планируете делать дальше. Ну как что? Жить планирую! А что еще ответить? В целом, все прошло довольно скомкано. Ивану показалось, что «журналюге» было не очень интересно, и он просто отбивал номер. А может — просто сам песен не слышал, и слушать не захотел? Ну да — что могут придумать какие-то люди из сельского клуба? Один вон вообще — печник чумазый! Тили-тили... трали-вали... не более того.

«Может у него, как и у меня утро не задалось?».

А вот в стрелковом кружке Косову пришлось повертеться на пузе! Пришлось! Очень уж недоволен был инструктор отношением Косова к обучению. Чего вовсе не скрывал и прямо так и сказал — в лоб! Хорошо, что Иван догадался приехать в Дом РККА пораньше часа на два, чем начинались занятия, иначе бы... было неудобно перед своими товарищами по обучению.

— Я готов к сдаче теоретической части подготовки! — заявил он, выслушав все то, что думает о нем Сидорович.

— Готов он! Самоуверенность — вот что отличает Ваше поколение от действительно серьезных людей! — инструктор покрутил головой, — вот прямо — готов?

Косов подтвердил.

— Ну... смотри! За язык тебя никто не тянул! — Квашнин посмотрел на часы, — так... Лазарев должен быть в тире. Это наш второй инструктор! Ну... пошли, посмотрим, насколько твои слова не расходятся с делом.

— А там... комиссия? Я думал... как-то все это... организовано будет, — удивился Косов.

— Если ты и впрямь все сдашь — протокол оформим после! А комиссия? Она же подписывает ведомости с результатами, которые мы ей и готовим! — Квашнин был настроен решительно.

В небольшой комнатке рядом с тиром в подвале здания, при довольно скудном освещении, в присутствии второго инструктора, Квашнин гонял Косова, что называется — «и в хвост, и в гриву!». Иван аж взмок, отвечая на вопросы дотошного Сидоровича. Даже второй инструктор, тоже зрелого возраста, полноватый, весь из себя бывший военный, удивленно посматривал на Артемия Сидоровича, иногда переводя взгляд на Ивана. Почему бывший военный? Так их за версту видно!

Похоже Квашнин решил не ограничиваться стандартными вопросами из билетов, а прогнать Косова, как разгильдяя и нарушителя дисциплины, по всему курсу. Попаданец — Слава хорошей памяти! — отвечал четко, сыпал цифрами «тэтэха», выдержками из Наставлений и примерами боевого использования оружия. Откуда примеры? Ну так... в прошлой жизни Иван любил почитать журналы по оружию. Главное, чтобы не переусердствовать и не начать вываливать что-то из области будущего.

Но пару раз Квашнин смог его поставить... да, смог. Иван начал «плавать». И вот тогда, этот Лазарев, пристально посмотрев на Косова, перевел взгляд за спину Квашнина.

«Оп-пачки! Да тут же таблицы висят! Что же я раньше, придурок, на стену-то не взглянул? Ну спасибо тебе, инструктор Лазарев! Огромное спасибо!».

— А что, Сидорович! Давай парня — на огневой рубеж! Теорию он знает! Чего ему еще тут штаны просиживать? Посмотрим, как отстреляется — да и в добрый путь! — Лазарев был немного вальяжен, но — очевидно же — на стороне попаданца!

— Это... с какого это перепугу? Теория! Потом только практические стрельбы! — Квашнин, казалось, был еще больше раздосадован, как «отстрелялся» Косов.

— Да ладно тебе! Чего ты... излишне «уставщину» тут разводишь?

«Да он же знает, что отстреляюсь я тоже нормально! Еще на приеме в кружок это показал!».

Но все же Квашнин пояснил:

— Он на вторую степень нацелился! А на занятия не ходит, непонятно чем занимается!

Вот — видишь морда разбитая была! Бровь! Видишь, свежий рубец? — объяснял свое неудовольствие инструктор.

— Ну так давай и спросим его — где он свои «награды» заработал? — по-прежнему снисходительно вещал Лазарев.

— Ага! Сейчас он тебе начнет рассказывать про хулиганов, спасенную девушку, и героически побежденных двадцать человек, — Сидорович был наполнен сарказмом.

— А что... боец! Рассказывай, где заработал ранение? — развеселился Лазарев.

— Ну... девушка и правда была. Только я не ее спасал. Там... довольно длительные личные неприязненные отношения... с одним молодым человеком. И двадцати хулиганов не было. Был он один. Могу сказать только, что он и вправду... здоровый такой.

— Ну и — результат каков? На тебе мы видим! А у соперника? — поинтересовался Лазарев.

— Я его после этого не видел. Но по словам знакомых — челюсть он еще лечит.

— А что? Молодец, боец! — улыбнулся Лазарев, — кстати... тут у нас в Доме РККА есть секция бокса, не желаешь посетить?

— Извините... хотел бы, да времени нет на все! Я же работаю, вот — учусь у Вас, да и еще — дел полно!

Квашнину, видно, надоело выслушивать это вполне доброжелательное общение, и он скомандовал:

— Курсант Косов! На огневой рубеж — шагом марш!

— Есть! — машинально рявкнул Иван, и развернувшись как положено через левое плечо, четко отбивая шаг отправился по указанному адресу.

Уже отходя от кабинета, он услышал, как Лазарев спросил у Квашнина:

— Ты чего на парня ополчился? Видно же, что готовился. Вон посмотри — и строевик, похоже, изрядный!

— Не люблю распиздяев! — буркнул Сидорович.

Косов отстрелялся ожидаемо — неплохо! Не отлично, а, именно, — неплохо! Лазарев удовлетворенно кивнул головой, а Квашнин поморщился.

— Сидорыч! Дай ему с нагана отстреляться!

— Зачем? Это же другой курс подготовки! — недовольно посмотрел на коллегу Квашнин.

— Да любопытно просто!

— Любопытно ему... Ну что, Косов, готов с револьвера показать свои... умения?

В прежней жизни Елизарову доводилось стрелять из револьвера Нагана, но только — один раз. И впечатления были... сложными, мягко говоря. Довольно легкий и прикладистый «ствол», только вот... спуск тугой, да процесс перезарядки — мама не горюй! Ладно там — когда его принимали на вооружение в Русской императорской армии, может он и был хоть как-то — на уровне. Хотя... везде описываемые требования — «чтобы коня на скаку останавливал» — были весьма сомнительны уже тогда! А сейчас... есть же уже Токарев! Да, пусть пистолет не без недостатков, но — явно шаг вперед. А наган... Ладно, у него не спросили, ага!

— Готов, товарищ инструктор!

Лазарев вернулся в комнату, погромыхал там железом и вернулся, держа в руке револьвер и пару колодок с патронами.

— Обращаться умеешь? — протянул оружие и боеприпасы Косову.

— Только... теоретически.

— Ну... это мы уже убедились. Снарядить барабан!

— Есть снарядить барабан!

«Так... освободить окно, повернув шторку... Семь патронов... есть!».

— Курсант Косов к стрельбе готов!

— Курсант! Мишень номер три!

— Курсант Косов, мишень номер три! Цель вижу!

— Огонь!

«Бля... эта дурацкая стойка... стрельба с одной руки!».

Косов, не торопясь, встал в стойку, держа оружие в опущенной правой руке, присмотрелся.

«Дистанция — двадцать пять. Норма! Медленно, не торопясь... Тянем! Руку покрепче! Подводим под обрез мишени!».

Бах!

«Не торопимся! Поправить оружие, вернуть его на линию прицеливания! Вдох-выдох! Тянем!».

Бах!

И так — семь раз!

— Курсант Косов стрельбу закончил!

— Медленно, Косов, медленно! Норматив имеется и по стрельбе на время! Как выполнять его будешь? Ладно! Оружие — к осмотру!

Повернувшись к мишени всем телом, Иван открыл шторку револьвера, левой рукой не торопясь провернул барабан, вытряхивая гильцы из барабана на столик у огневого рубежа, и показывая каморы.

— Осмотрено! Курсант Косов! К мишени!

— Есть!

«Ага! А неплохо так! Семь попаданий в мишень... Так... Шестерка, еще шестерка... девятка... Опля-ля! Три десятки! И восьмерочка еще! Пятьдесят девять! Ай да я! Второй раз держа этот ствол в руках! Хотя... у Фрола же я такой же брал... но выкинул потом!

— Вот ни хрена ж себе! Сидорович! Ты это видел, а? — Лазарев был явно... очень удивлен, — ты раньше стрелял с револьвера?

— Нет, товарищ инструктор! Впервые попробовал!

— А если еще позаниматься с ним, а? Сидорович? На соревнования же можно ставить!

«Вот на хрена попу гармонь?! Мало мне проблем по жизни, так теперь и это?».

Квашнин как-то недоверчиво разглядывал мишень.

— Ты, эта... Вильгельм Тель... Давай на огневой!

— Есть, на огневой рубеж!

— И это... Косов! Ты это брось... вот так — по старорежимному отвечать! «Есть», — протянул Квашнин насмешливо, — еще «слушаюсь» заори!» Или — «никак нет!». «Не могу знать!» — это как вариант!

— Извините, товарищ инструктор! Просто не знаю еще как правильно отвечать...

— Ладно... дуй на огневой, — похоже, что настроение у Квашнина поднялось.

Косов отстрелял еще семь патронов. К сожалению, улучшить, и даже — повторить первый результат не удалось. Всего — пятьдесят шесть!

— Нет... ну если позаниматься! — настаивал Лазарев.

— Подумаем! — кивнул Квашнин, — сам понимаешь, на соревнованиях такие зубры попадают — семьдесят из семидесяти бьют и стабильно, как в аптеке! Для кружка — пятьдесят девять — результат очень достойный. А вот дальше... не... не пройдет!

Попросив разрешения, Косов попробовал стрелять с двух рук, отводя курок револьвера большим пальцем левой руки. Шестьдесят пять!

— Опять — дырка от бублика! Нельзя так стрелять на соревнованиях! — явно расстроился Квашнин, — ладно, ковбой сраный, топай в класс. Сейчас я подойду!

— Товарищ инструктор, разрешите вопрос!

— Ну чего тебе еще, разгильдяй! — сморщился инструктор.

— Все-таки... я сдал? Или... не сдал?

— Топай в класс, я сказал! — рявкнул Квашнин.

Лазарев, стоя за спиной Сидоровича, улыбался и кивал головой.

«Понятно! Зер гут, как говорится! Абгемахт!».

Как ни странно, оказалось, что Иван решил вопрос со сдачей всего и вся довольно быстро. Учебная аудитория еще была пуста, и он немного послонялся по коридору, в ожидании начала занятия. Постепенно начали прибывать соученики, или одноклассники. Как их еще назвать?

Серьезные «шестаковцы» прошли стайкой, только кивнув в качестве приветствия. Девушки — обе Наташи, Ирина, а также воздыхатели последней — в числе двух, пришли чуть позже. Мимо в аудиторию прошмыгнули еще парочка девчушек помладше. Зашла туда же и та нескладная, короткостриженная девица.

«Как-то маловато курсантов стало? Тоже пропускают? Или — вообще бросили занятия?».

Молодежь подошла к Ивану и поздоровалась. Девушки поинтересовались, куда он запропал.

«А что говорить? Подрался и отлеживался дома? Не серьезно!».

Но говорить, в общем-то, и не понадобилось. Ирина, как самая глазастая, сама увидела шрам на брови, и, улыбнувшись, спросила:

— Ага... понятно! Ты, оказывается, драчун? Дома поди отлеживался?

Ну а что? Оставалось только кивнуть.

Один из парней, а именно Артем, с неодобрением поглядывая на Косова, начал что-то вещать о том, что драка — не наш метод, а комсомолец должен вообще уметь разрешать конфликты без рукоприкладства.

Иван не стал дожидаться развития лекции, и довольно грубо осек говоруна:

— Иногда пытаться что-то объяснить — как метать бисер перед свиньями! Некоторые индивиды понимают только силу, и кулак — как ее явный выразитель!

Красотка Ирэн засмеялась:

— Так вот по тебе и видно, что не всегда объясняющий кулаками бывает успешен!

— С чего ты это взяла? Это, — Иван показал на свое лицо, — так... на сдачу дали! А тот индивид, полагаю, «быковать» больше не будет! По крайней мере, в моем присутствии. И если я здесь, то тому идиоту еще пару-тройку недель челюсть восстанавливать: кашку жидкую цедить, яйца сырые пить и так далее. В общем — на вынужденной диете он!

После этого, он прошел в аудиторию, и окинув ее взглядом, направился к столу, за которым сидела та, короткостриженная. Хотя волосы у нее уже хорошо отросли и были стянуты в недлинный хвостик.

— С тобой можно сесть? — обратился к ней Иван.

Девчонка пожалала плечами и чуть отодвинулась на скамье.

Иван уселся, достал из сумки конспекты, наставления и прочее.

«Хотя мне вроде бы это уже и не нужно. Ну да — пусть! Пусть Квашнин видит, насколько он серьезно подходит к учебе!».

Покосился на соседку, которая сидела с подчеркнuto независимым видом.

«Х-м-м... а она оказывается — очень даже ничего! Симпатичная, даже — очень симпатичная. Ее бы еще чуток подкрасить, прическу навести, да одежду другую. И прямо красотка бы была!».

Девушка была одета в серо-коричневую юнгштурмовку; прямую, «никакую» юбку темно-серого цвета.

«Прямо как специально — отыгрывает этакую серую мышку!».

— Извини... Если уж позволила сесть рядом... Как-то невежливо будет не познакомиться. Меня Иваном зовут, а тебя?

Она чуть повернула к нему голову и чуть слышно:

— Светлана...

— Светлана... Красивое имя. Света... Светлая... Извини, я тут многое пропустил.. вынужденно. А чего это людей так мало на занятиях?

Девушка чуть пожалала плечами и также тихо ответила:

— Кто-то уже сдал на первую степень и ему этого достаточно. Одна из девочек уехала... вроде бы. А пару мальчишек — вообще отчислили с курса. Они вроде бы подрались, что ли... - Света покосилась на бровь Ивана, — Я не вникала.

— А тебе... разве недостаточно первой степени?

— Недостаточно, — она резко показала головой.

— И еще раз извини... А почему ты с девушками не общаешься? Как-то все время наособицу.

Она чуть подняла возмущенно брови от такого любопытства, потом подумала и все же ответила:

— Я в городе недавно. Вообще никого не знаю. Да и... не хочу навязываться.

В это время в аудиторию зашел инструктор. Один из воздыхателей Ирины подал команду, а затем доложил.

Когда все сели после команды, Квашнин прошелся перед кафедрой, покачиваясь на носках, задумчиво почесывая ухо, потом встрепенулся:

— Так... Косов! Стрелковую книжку оставишь мне, я сделаю записи о сдаче курса. Вот, товарищи курсанты, типичный пример разгильдяйства и недисциплинированности! Косов пропустил две недели занятий! И — без уважительной причины! Но! Все-таки имея голову на плечах, за это же время смог подготовиться и сдал сегодня и теоретическую часть курса, и практические стрельбы! Можно было бы и похвалить... Но! Учитывая его проступок, похвалы он не дождется! Так что... мотайте на ус — заниматься нужно усиленно, в том числе — самоподготовкой. При этом не забывая о дисциплине и ответственном отношении к учебе!

«Ага! Педагогический момент в действии! Дети! Не будьте как Ваня!».

А инструктор тем временем продолжал:

— Дисциплина! Без нее даже хорошо подготовленный стрелок, это — не боец! Воюют не только практическими умениями, но и — головой! Думайте о том, что предстоит сделать.

Ответственно подходите к порученной задаче! Соображать нужно быстро. Оценил обстановку, сделал анализ, продумал пути решения — исполняй без промедления!

— Как Вы знаете, кроме непосредственно огневой подготовки, боевая подготовка в Рабоче-крестьянской Красной Армии включает в себя разные дисциплины. Здесь и физическая подготовка; и навыки оказания первой помощи товарищу... да и себе — тоже! И никуда мы не денемся без политической грамотности бойца! Это, в чем-то, даже поважнее будет всего остального!

«Ага-ага... «Ну ты же — коммунист! И пулемет застрочил вновь!»».

— Значит, что? Настоящий коммунист, комсомолец... да и просто грамотный беспартийный боец нашей Красной Армии должен правильно оценивать складывающуюся политическую обстановку! Недаром политзанятия и политинформация занимают такое большое время в подготовке бойцов и командиров! И вот сейчас мы проверим, как наши товарищи знают и владеют политической ситуацией у нас в стране, и за Рубежом!

Косов почувствовал, что его неприятности — вовсе не кончились!

«Похоже... Сидорович решил все же повозить меня мордой... по какашкам! Сейчас, сейчас... Так, а что мы там имеем... в политическом моменте? Вспоминай давай! Газеты же читаешь! Не только блудом единым жив человек! Так-так-так...».

Косов все-таки находил время пробежать по страницам газет. И вот что интересно — каких-либо бросающихся в глаза отличий от своей прежней реальности он не находил. Хотя... и знатоком своей истории он был — тем еще! Но в целом... в целом вроде бы все идет — как и там шло.

— Косов! Расскажи нам о складывающейся политической ситуации. Освети, так сказать, перспективы развития нашей страны в окружении буржуазных стран.

Иван поднялся, одернул куртку, подправил воротник свитера, откашлялся.

— Разрешите вопрос, товарищ инструктор!

— Слушаю тебя!

— У доски? Или... с места?

— Ну почему же с места? Вопросы серьезные, требующие внимания и ответственности. Чего у Вас, товарищ курсант, явно не достает! Так что — прошу к доске! А впрочем... почему к доске? Давайте-ка — за кафедру!

«Что же он так на меня... ополчился?».

Иван четким, почти строевым шагом прошел на указанное место, остановился за кафедрой, чуть подумал — с чего начать?

— Товарищи! Трезво оценивая происходящее в мире, могу сказать, что ничего хорошего в ближайшее время нашу страну, и народы, ее населяющие — не ждет!

— Вот как? — инструктор прошел по аудитории к задним рядам столов и там остановился у стены, — и что же подтолкнуло Вас к таким пессимистичным прогнозам?

— Это, товарищ инструктор, не пессимизм, а трезвая оценка ситуации! Поясняю! Сейчас у нас январь одна тысяча девятьсот тридцать девятого года. Что мы имеем по обстановке? Она и ранее особо нас не радовала, не давала расслабляться! Как правильно сказал Иосиф Виссарионович Сталин — за десять лет мы должны пройти путь в пятьдесят, в сто лет. Иначе нас сомнут! Ни для кого не секрет, что доброжелателей первого социалистического государства рабочих и крестьян за рубежом, во власть предрержащих кругах нет. Об этом говорят постоянные нападки на наши границы все время с начала существования нашей страны. Это и нападения со стороны Польши в начале двадцатых

годов; нападения белогвардейских шаек с территорий прибалтийских лимитрофов; нападения белофиннов в начале и конце двадцатых годов. Среднеазиатские басмачи, японская военщина, шайки разбойников-горцев, белокитайцы и белогвардейское охвостье и прочая, прочая, прочая. Это, не считая внутренних врагов, которые зачастую — еще опаснее, потому как бьют в спину, исподтишка! Сейчас я назвал только военную составляющую конфликта. Как сказал Владимир Ильич Ленин — «Война — это продолжение политики другими средствами!»! То есть для того, чтобы на тебя не напали, нужно быть сильным! Зримо сильным, ощутимо сильным!

Иван передохнул чуток, и несколько воодушевился, видя удивленные глаза той же Ирины; внимательные — Светланы.

— От как шпарит! Прямо как по написанному! — это воздыхатель пышногрудой Ирэн так прошептал, не понять, правда — одобрительно или осуждающе.

— Партия и наш народ сейчас делают все возможное для повышения боеготовности наших армии и флота. Сделано много, но предстоит сделать еще больше! Если посмотреть на происходящее за последние годы, что мы видим? Капиталистические страны, скрипя зубами, смотрят на успехи нашей страны! Они не примирились с самим нашим существованием. Ведь само существование первого в мире государства рабочих и крестьян ставит под угрозу их собственное существование! Это же такой пример для рабочих западных стран! И что же они делают, капиталисты то есть? А они вскармливают и буквально уже выпестовали авангард капиталистического мира против нас — нацистскую Германию! Как известно, канцлер, а как еще его называют — фюрер германской нации, Адольф Гитлер, еще в начале двадцатых годов, в своей программной книге «Моя борьба» указал, что Германии остро не хватает жизненного пространства — «Лебенсраум». И где же он такое пространство видит? А на Востоке! То есть — он нацелен на наши земли, что очень даже отлично совпадает с устремлениями англосаксов, французов и прочих... европейцев!

Покашливание инструктора отвлекло Ивана.

— Ты, Косов, все правильно говоришь! Все правильно! Только вот... тягаться с нами Германия пока не может! Кишка тонка! — Кваشین рубанут рукой, ставя точку в своем высказывании.

— Согласен, товарищ инструктор! Но! В ваших словах есть и ключевое слово — «пока»! Пока не может! Ибо что мы видим? Реваншистские настроения в самой Германии — очень высоки! И они только усиливаются благодаря пропаганде нацистов! Ведь так размазать страну, как размазали после Империалистической войны Германию страны Антанты... это ведь страшно представить! Они и нас пытались... во время гражданской. Только — не получилось! И озлобленный десятилетием нужды германский народ жаждет отмщения! И ему укажут путь, на Восток! Сначала англичане с французами отдали немцам Рурскую область, потом — Австрию! А, на минуточку, Австрия — еще совсем недавно была вполне себе мощная, в том числе и в военном плане, с очень неплохой промышленностью, страна. Далее — Судеты, а потом — и полностью Чехословакия! Которую называют «оружейной лавкой» Европы! А что дальше?

— Так между нами — Польша! — выкрикнул с места другой воздыхатель.

— И что? Что помешает нацистам объединиться с теми же поляками, которые по сути — одни из самых непримиримых наших врагов! Или просто — растопчут немцы поляков, как Бог черепаху! — не сдержался Косов, — а польские ресурсы — промышленность, технику, вооружение — используют против нас!

— Так у Польши же — договор с теми же французами! — сказала заинтересованная Светлана.

— Да кто из буржуев будет соблюдать эти договоры, если это не выгодно! Или наоборот — выгодно не соблюдать? Таких друзей, как говорится — и врагов не нужно!

Народ в аудитории зашумел, уловив паузу в выступлении Ивана. Все бурно обсуждали услышанное. Даже — обычно сдержанные «шестаковцы»!

— Так! Тихе, тихе! — Квашнин принялся успокаивать курсантов, — и что же, Косов? Какой вывод?

— Вывод? Вывод простой — готовится к войне! Как сказал Владимир Ильич — «Учиться военному делу надлежащим образом!».

— Да мы их! Мы все равно их разобьем! — кто-то из «шестаковцев» не выдержал.

— Не сомневаюсь! Наше дело правое, и победа, несомненно, будет за нами! Но! Готовится нужно всеми силами. Драка будет страшная! Ведь что получится? Гитлеру отдадут всю Европу, весь промышленный и экономический потенциал! Всё! Только бы — против нас! Так уже, бывало в истории, когда армии Наполеона включали в себя армии всех завоеванных стран. И тут... шапками не закидаешь!

— М-да... Косов, хорошо выступил! Спорно, конечно... по некоторым аспектам! Но — хорошо! Не ожидал! — Квашнин был задумчив.

— И что же — французы и англичане будут стоять в стороне? — это снова Светлана.

— Ну как... в стороне. Тут вариантов может быть несколько... К примеру — они займут нейтральную позицию, а когда мы друг друга истреплем хорошенько, включатся в драку, чтобы результаты себе загрести. Им же не важно, кто победит. Германия? Хорошо — с большевиками разделались! Мы победим — значит снова всю Германию можно растащить по своим сусекам! Или же... и это — скорее всего, на мой взгляд! сцепятся они между собой, обязательно сцепятся! Натура у них такая!

— Так тогда и мы в сторонке постоим, понаблюдаем! — это опять один из воздыхателей.

— Знаете... как мне кажется — разнесут немцы французов! Порвут как Тузик чужую фуражку! Ведь если вспомнить прошлую войну... Германия тогда практически в одиночку... Австрию можно не учитывать! дралась и с Россией, и с англичанами, и с французами. А на последнем этапе и американцы подключились! Немцы — умелые и злые, как мне говорили те, кто сражался с ними в Империалистическую. А французы... а что — французы? Прошли времена Наполеона. И сейчас лягушатники — дамская мода, вино, всякие изысканные блюда... Англичане? Так те — снова за Канал спрячутся, если только жарко станет! Флот у них самый сильный в мире — отсилятся!

— А американцы? — снова вопрос с места.

— А американцы... они же — те же самые англичане, только еще хитрее! Они будут делать только то, что для них выгодно!

Дискуссия продолжалась еще около часа. Занятие, по факту, было сорвано, но Квашнин не прерывал острый разговор, сам участвовал некоторыми фразами, вопросами. А может это и было так задумано — как политбеседа?

— Ну что же, Косов, молодец! Интерес у тебя есть! Есть! Вот только и дисциплинку бы подтянуть! — завершил диспут Квашнин, — а Вам, товарищи курсанты, тема для вдумчивого изучения — что я могу сделать здесь и сейчас, чтобы помочь своей стране!

После того, как Квашнин вышел из аудитории, за ним потянулись и другие. К

удивлению Ивана, задержались обе Наташи, Ирина с воздыхателями, и... Светлана.

— А что, товарищи, нет ли у кого желания продолжить наш разговор? — Косов хоть и порядочно выдохся, но идти домой пока не хотелось.

— А где? Если здесь... так скоро выгонят — закрываются уже аудитории, — заинтересовалась Ирина.

«А правда — где? Гулять по улицам? Ну — зимой много не нагуляешь!».

— А может быть... зайдем куда-нибудь перекусим? Я, вот честно скажу — с обеда ничего не ел! Очень бы... не отказался!

Подключились Наташи:

— Так уже закрыты столовые-то! Только рестораны работают!

— А может — в ресторан? — огорошил курсантов Косов.

Народ начал переглядываться:

— Как это... в ресторан? Да и не одеты мы соответственно! — Ирина оглядела себя и подруг.

— Ну почему, если в ресторан, то это — на гулянку? Ведь можно просто зайти, посидеть, перекусить! Даже без спиртного! Это же... если так уж... просто точка общепита! — Косов прикинул наличность, так как не рассчитывал на какую-то особую платежеспособность и девушек, и парней, — да и нормально Вы одеты! Сегодня — обычный будний день, не праздник! Поэтому — зачем огород городить? Зашли, посидели, пообщались, перекусили! Все!

Девушки переглядывались растеряно, но без особого неприятия. Просто предложение Косова было — неожиданным! А вот парни, те явно были смущены — ну это-то понятно, денег особых — нет.

— Ладно, коллеги по овладению огневой подготовкой, мое предложение таково: идем в ресторан. Еще раз — не кутить с цыганами, не пить шампань со льда, а пообщаться, поесть в культурном месте. И таки да! Я — плачу!

— А ты что, такой... денежный? — Ирина смотрела с каким-то... новым интересом.

— Ну... скажем так — у меня, помимо заработной платы, небольшой, кстати! имеются еще доходы. Так, Светлана! Ты чего там стоишь в сторонке, как неродная? Ну-ка, подходи ближе! Нельзя отрываться от коллектива! — обратился Иван к новой знакомой.

— И какие же у тебя доходы? — с сарказмом и подозрением смотрел на него Артем. Второй, Александр, тоже смотрел так — «да! откуда доходы?!».

— Друзья! Ну что Вы, в самом деле-то? Нормальные такие доходы, вполне законные! С них даже налоги удерживаются!

— И все-таки? — Ирина продолжала пытаться его.

Иван протянул руку и довольно бесцеремонно подтащил за локоть ближе к себе Светлану. Та посмотрела немного возмущенно, но ничего не сказала, только руку свою у него отняла.

— Ирина! Ты же медик, а не фининспектор! И даже — не оперуполномоченный «энкаведе»! Ну к чему эти допросы?

— Так! Пока не скажешь — мы никуда с тобой не пойдём! Правда, девочки?! — девочки дружно подтвердили. И даже Светлана, чуть помедлив, кивнула головой.

— Да что же такое? Ну... отчисления мне идут. Из филармонии! — Косов начинал закипать.

— А за что эти... отчисления? — это уже одна из Наташ.

— За что, за что? За песни! — досадовал Иван.

— О-о-о-х... девчонки! Я же совсем забыла! Я же еще спросить хотела! В «Сибирских зорях» недавно статья была, про молодых ребят, которые замечательные песни пишут! Вот хотела спросить — не тот ли ты Косов, про которого статья. Да засомневалась как-то! А это правда — ты? Вот здорово-то! И как интересно!

По виду молодежи, парни и девушки были... удивлены, мягко говоря.

На посыпавшийся град вопросов Иван демонстративно махнул рукой:

— Так! Мы идем? Или — нет?

Компания, попереглядывавшись, идти согласилась.

— А куда пойдем? — это Наташа большая.

— Ну-у-у... не знаю. Есть у меня знакомый в одном ресторане, можно туда попробовать. Думаю, места там сегодня будут.

Название ресторана снова ввели народ в некоторый ступор. А парни еще больше сконфузились!

— Это же центр! Это же дорого, наверное! — засомневалась Ирина.

— А я больше нигде и не был! Если есть другие предложения — озвучьте!

Предложений не было, и они дружной компанией отправились на улицу. Иван, улучив момент, пока девушки щебетали-прихорашивались, шепнул парням:

— Так, парни! Вы меня не подведите! А то решите в последний момент слинять. А мне как потом девушек до дому провожать? Разорваться, что ли? И про деньги не думайте — уж двести рублей я всяко найду, понятно?

Парни согласились, но были задумчивы. Отправились гулять до ресторана, разобравшись по парам — Иван сам предложил Светлане взять его под руку. Та, немного подумав, согласилась.

«Похоже, что гулять под ручку, здесь сродни сформировавшейся паре!».

Ирина благосклонно взяла под руку Александра, а оставшийся ухажер принял с обеих сторон Наташ. Смотрелось, надо сказать это довольно забавно — не отличавшийся богатырскими статями парень посередине, а по бокам одна рослая девушка, и, с противоположного — метр с кепкой, но — объемная. Тротуары в центре города были широченные, а время года, да и время суток — не создавали массовости пешеходов. Так и шли, практически полностью завладев тротуаром.

— А все-таки... Иван! А каковы отчисления — за песни? — любопытство не давало покоя Александру.

«Нет, так-то они — комсомольцы истинно-верующие, но! И материальное благополучие, похоже, им не чуждо! Ага... аскеты — товар штучный!».

— Ты знаешь, Александр, а я как-то и не вникал в этот вопрос! Изначально — даже не думал об этом, потому как и не знал. А сейчас этими вопросами занимается мой соавтор, директор нашего клуба. Он автор музыки к моим текстам!

Интерес к теме проявляли все присутствующие, кроме, на вид — Светланы.

— Так ты что же... даже не интересовался этим? — удивилась Ирина.

— Да как... пару раз заходил в Сберкасса, снимал деньги, когда понадобились. Нужно сказать, там суммы перечислений — не очень большие. Может быть — пока? Вот говорят в Москве нашими песнями кто-то заинтересовался. Может сейчас побольше будет. А размер разового отчисления — так я его не знаю! — пожал плечами Косов.

— Это потому, что у тебя жены нет! Ну или — подруги! — засмеялась Ирина.

— Не-не-не! Я в этом деле вовсе не тороплюсь! — категорически отрицал, улыбаясь, Иван.

— А что так? — это уже кто-то из Наташ, идущих чуть впереди спрашивает.

— Ну... тут вопрос такой... сложный и... многогранный, что ли... Как я сказал на занятии, полагаю, что в скором времени нам всем придется воевать. И... оставлять молодую женщину с ребенком вдовой... как-то... неправильно, думаю.

— Что-то так... невесело. Мы ведь в ресторан идем, или нет? — снова Ирина.

— Да, идем! А потому — давайте сменим тему, — предложил Иван.

— А как это — писать стихи? Как это у тебя выходит? — негромко спросила Светлана, но, похоже, ответа ждали все.

— Да тут... сам не всегда понимаю. Иногда — услышишь какую-то фразу, и она понравится... или просто — запомнится! А к ней — другая подходит. Вот так... помаленьку и выходит. Иногда — довольно быстро складывается, а иногда... как запор! И крутишь, и крутишь эти слова в голове, а ничего не выходит! Уже и сам себя материшь, психуешь. А потом — раз! И вот оно!

Иван покосился на девушку, которая задумчиво шла рядом.

«Она, как мне кажется, сама пишет!».

Он чуть наклонился к ней и шёпотом спросил:

— А ты сама... не пишешь? — и по досаде, промелькнувшей по лицу девушки, понял, что не ошибся. Только тема, судя по всему, для нее была больной, а значит — съезжаем с нее!

— Слушай! А вот мне... интересно. Можешь не отвечать, если по какой-то причине это... неприятно. А почему ты так... И прическа такая... нестандартная, и как-то сутулишься ты, и особо не общаешься ни с кем? — воспользовавшись тем, что остальные чуть ушли вперед, спросил Иван.

«Комплексы, что ли?».

Она опять поморщилась, и Иван уже подумал, что не ответит, но девушка решилась:

— А тебе непонятно? — и посмотрела на него.

Косов помотал головой- «нет!».

— Я... дылда! Как лет в тринадцать начала расти, так всех в классе обогнала. Вот... И нескладная... худая.

«Бля... какая ересь!».

— Ты сейчас — серьезно это говоришь? Нет! Ты пойми... я сейчас и правда — очень удивлен, если ты серьезно!

— А чему тут удивляться? — с вызовом смотрела на него девушка.

— Та-а-а-к... Слушай сюда! Высокие девушки — это вовсе не уродство, а наоборот — преимущество перед другими! Вон, посмотри — идет Наташка большая! Намного ты ее выше? На пару-тройку сантиметров? Или вот — Наташка маленькая! Что, так было бы лучше? У меня, знаешь, есть знакомая девушка, которая как бы не повыше тебя! И ничего — спортсменка, общественница, студентка. И очень красивая! Вот еще — у тебя длинные красивые ноги, а это всегда замечают мужики!

Она недоверчиво фыркнула:

— А ноги-то ты как мои успел оценить? Я вроде бы юбку не задираю!

— А тут и не надо ничего задирать! Юбка у тебя хоть и длинновата, но довольно узкая, так что — ножки прямые и длинные! Талия — тонкая, грудь... грудь тоже очень

красивая! — тут Иван соврал не потому, что у нее некрасивая грудь, а просто в юнштурмовке было не очень-то понятно!

— Так что — если не сутулится, а наоборот — выпрямить спинку, подать грудь вперед, научится ходить правильно — ты будешь привлекать взгляды большинства окружающих мужчин!

Она опять фыркнула:

— Так уж и большинства? И, кстати, почему — большинства, а не всех, в таком уж случае?

— Есть еще и небольшая часть мужчин, которые, по неизвестной мне причине, предпочитают таких девушек, как Наташка-маленькая. Мелких и пухленьких! — «ну вот, хоть улыбается!».

— А ходить правильно...

— Я знаю, как ходить правильно — я до четырнадцати танцами занималась! — отрезала Светлана.

— Ну вот видишь! Значит — нужно только подумать, изменить свое отношение к самой себе, и перестать... комплексовать по поводу своего роста!

— Как ты... интересно сказал — «перестать комплексовать!» — задумчиво протянула девушка.

— И еще... у меня знакомые есть... Так вот, от них я слышал, что в Москве... или в Ленинграде, при какой-то швейной фабрике открыли Дом мод, где демонстрируют новые модели женской одежды. И, рассказывали, что туда отбирают девушек не ниже метр семидесяти пяти! Представь! — про это Косов ничего не слышал, но предположил — а почему бы и не быть такому?

— Ладно! Уговорил — я подумаю! — девушка улыбалась.

— И еще... как надумаешь — юбку покороче! Не длиннее, чем на пять сантиметров ниже колена! — строго-наставительно проговорил Иван.

Она засмеялась:

— Ага, это чтобы ноги можно было оценить?

— Именно! — поднял он палец вверх.

Уже знакомый швейцар вполне спокойно пропустил их в ресторан.

«Ну я же говорил — в будний день здесь никакого ажиотажа нет!».

— Добрый вечер! — поздоровался с ним Иван, — не подскажите — мы с друзьями решили чуток посидеть, отметить сдачу мной экзамена за курс подготовки. Столики свободные есть?

Швейцар, судя по взгляду и доброжелательной улыбке, его признал и кивнул головой:

— Есть, как не быть! День же будний, и никакой не праздничный! Проходите в гардероб, а потом — в зал! Столиков свободных в достатке сегодня.

И девушки, и тем более — парни, немного замешкались с заказом блюд, и Косов опять взял все в свои руки.

— Уважаемый! — обратился он к официанту, — мы жутко голодны, и хотели бы вкусно подкрепиться! Так что нам — салатики на Ваш вкус, горячее... Парни наверняка предпочтут что-то мясное!

Тут его перебила Наташка-большая:

— Я бы тоже... чего-нибудь мясного и горячего!

Народ засмеялся и чуть расслабился.

— И все-таки... Может... вина? Легкого? А парни — как Вы смотрите на пивко? По бутылочке? Всем завтра на учебу, на работу — но винца или пивка? Почему бы нет? — предложил он.

После заказа, девушки принялись откровенно разглядывать зал, а парни о чем-то шушукались.

— А ты здесь уже не раз бывал? — заинтересовалась Ирина.

— Ну как не раз... два раза только и был. Тут мой знакомый, про которого я говорил, руководителем музыкантов работает. Что-то не видно его сегодня...

Музыканты на эстраде имелись, а вот Калошина видно не было. Увидев взгляд какого-то из парней на эстраде, Иван помахал рукой, и получил ответную улыбку и кивок головой.

Постепенно народ разговорился, девушки смеялись шуткам Ивана, да и парни ощутимо расслабились.

Под десерт Иван заказал девушкам ликер, а парням — под кофе — по рюмке коньяку.

— Я вот думала-думала над твоими словами, Иван, и решила, что ерунду ты говоришь! Про молодую вдову с ребенком! — мотнула головой Ирина.

«Смотри-ка! Она не пропустила мои слова мимо ушей!».

— Обоснуй! — кивнул он.

— Если так рассуждать, то военным семьи вообще иметь нельзя! У нас же постоянно какие-то конфликты — то на Западе, то — на Востоке, а то и на Юге! Что же теперь — все военные должны обет безбрачия давать? Или в монахи записываться?

«Интересная мысль! А она — вовсе не дурочка красивая. В голове и мозги имеются!».

— Ты знаешь... может быть ты и права! — задумчиво протянул он.

— А ты не думаешь, что вот такое решение... у тебя... это просто трусость!

«О как! Вот так меня... в трусости, еще никто не обвинял!».

— Знаешь, Ирина... я как-то не готов ответить тебе сразу. Мне нужно поразмышлять.

Уже на выходе, парни спросили у него, немного смущаясь — а во сколько вышел их ужин? Иван ответил, сам при этом удивляясь:

— Да Вы знаете, други, и сотни рублей не получилось!

Он провожал Светлану, благо идти было тоже — недалеко. Она с родителями проживала в центре города.

«Опять удивление! Это же тот самый дом комсостава, где Кира живет! Ладно, промолчим об этом, сделаю вид, что не знаю».

«Чего-то на передвижку идти неохота! А не отправиться ли мне... к Фатьме? А уж утром, пораньше — домой, в клуб?».

Топая домой к подруге, Косов с усмешкой подумал про себя:

«А вот если так — приходишь ты к Фатьме, а там — какой-нибудь штымп? Может быть такое? Да не... вряд ли. Ну — а если все-таки? М-да... будет... неприятно. Сцену ревности устраивать будем? Да нет... на кой хрен? Она же мне не жена! Но... неприятно! Все-таки хорошо, что Фатьма... это именно — Фатьма! Вот с той же Зиночкой такое вполне могло быть! И что? Тройничок? Да не... тут народ, похоже до такого еще не додумался! Или... где-то такое уже есть? Хотя по моему отношению к Зине — стоило бы попробовать. Да и ей, скорее всего, было бы интересно. Или не решилась бы на такое? А под настроение? А под изрядную дозу алкоголя? Ты вот тоже про предков не совсем так представлял. А тут — люди как люди. Хорошие и не очень; явные упыри и такие — правильные, как тот же Илья; И Лиза, и Лида... Так! Про Лиду — не стоит и думать, я еще ничего так и не решил, как там

поступить! А уверен, что именно ты, сам, будешь решать? Или как всегда — мужики делают то, что задумали женщины?».

«А вот зачем я организовал этот поход в ресторан — я и сам себе ответить бы не смог! Пообщаться захотелось? Ну да, есть такое дело. Ведь если подумать, почти за год нахождения здесь, у меня знакомых-то появилось — раз, два, да обчелся! И с новыми людьми хотя бы просто поболтать — уже неплохо. Светлана эта... интересная девушка, правда, похоже — там такие тараканы в голове, что просто — ой! Ухлестывать за ней собираюсь? Вовсе нет. Просто — интересная девушка и все! Зачем, зачем? Да жрать просто хотел и все! А в компании даже просто поужинать — все веселее!».

Подруга еще не спала, и как всегда, явно была рада ему. Расцеловались, разобнимались! — Красавица! Ужинать — не буду, только что из ресторана!

И на молчаливый вопрос в глаза женщины:

— Сегодня сдал зачет по курсу! Удачно все вышло. Рад безмерно! Вот и пригласил своих одноклассников немного посидеть, поужинать. А вот от чая твоего, от душистого и крепкого — ни разу не откажусь!

Они сидели, пили чай, а Иван с удовольствием смотрел на подругу.

— Ты чего, Вань? Что ты на меня так смотришь? — немного смутилась она.

— Да вот... никак не привыкну — какая ты у меня красивая!

— Ну... скажешь тоже... красивая!

— Не спорь с мужчиной, ханум! Мужчина сказал — женщина сделала... по-своему! — грозно нахмурил брови Косов.

Она засмеялась.

Уже лежа в кровати, после всех страстей, он лениво покуривал, стряхивая пепел папиросы в поставленную на рядом стоящую этажерку пепельницу. Женщина опять лежала на его груди, закинув ножку на его ноги, и уткнувшись ему в подмышку.

— Вань! — негромко, из подмышки.

— У?

— Ваня! А ко мне в гости Елена приезжала...

«О как? Интересно-интересно!».

— И зачем эта дама пожаловала? И как вообще она тебя нашла?

— Ну как нашла... я ей в тот раз сама сказала, где живу. Но мне все же очень неожиданно было, что она вот так... приедет. А зачем? Да так... поболтали, вина вон, которое ты покупал... ну — красное сухое... выпили, чаем ее напоила.

«И все, и все? Помолчу, похоже Фатьме самой поделиться хочется!».

— Так она, получается, долго у тебя была?

— Ну как долго... хотя, в общем-то — да, довольно долго.

— И о чем общались? Не приставала она к тебе? — Иван погладил бархатистое смуглое женское бедро.

Фатьма чуть слышно засмеялась:

— Да нет, не приставала. Хотя... было видно, что так... с интересом на меня поглядывает. Но — не более! А вообще она интересная! И рассказывает интересно, и что-нибудь смешное тоже... Умная она, очень! И красивая!

— А еще... Ваня... она про тебя много спрашивала.

«М-да... это ей еще зачем?».

— И что спрашивала?

— Ну... так... и как познакомились, и вообще... И вот... про это тоже спрашивала! И мне уже это... как-то не понравилось. По-моему, ты ей очень нравишься, Вань!

— А про это — это про что?

— Ну что ты как маленький! Ну... спрашивала, как мне с тобой... в постели. Как ты... ну — про это, в общем.

— Ну и что? Ты не ответила?

Женщина помолчала, потом вздохнула:

— Ага... ей не ответь! Она, знаешь, как на разговор выводит! Сама не поняла, как уже все-все ей рассказала. Да и выпили мы уже к тому времени вино... так что так хорошо, душевно как-то было. Знаешь, мне иногда и самой-то стыдно... ну... или неловко вспоминать, как мы с тобой... что делаем. А тут... как язык кто развязал. Как болтушка, честное слово!

— М-да... ну рассказала, и рассказала, чего уж теперь. Да и вообще... чего нам с тобой стесняться-то? Мне с тобой хорошо, тебе со мной... надеюсь тоже. А остальные — пусть завидуют!

— Так она и так... похоже... завидует она. Она... как-то так... намеками. Мол, я только попробую разок и все.

— Ну а ты чего?

— А что я? Ты — мужчина, тебе и решать! Если мужчина может содержать женщин, то он может иметь четырех жен!

Он засмеялся:

— Не... четыре — уже много! Ладно там... две! Ну... пусть — три. Хотя и три — уже слишком! Но я сейчас не об этом. Мы же с тобой обговорили раньше все, да? Сама-то ты как к этому бы отнеслась? А еще — выгонишь меня, да и дело с концом! А мне не хочется тебя терять!

Женщина, услышав, судя по всему, приятное для себя, вздохнула, и обняла его еще крепче!

— Так ты мне не сказала, про свое отношение.

— Н-у-у-у... не знаю я! Вроде бы и жадность есть, а с другой стороны... она — красивая.

— Так! А скажи-ка мне, красавица, а ты про себя и ее — ничего не думала?! — Иван приподнялся и посмотрел на Фатьму.

Она чуть пискнула и глубже закопалась ему подмышку.

— Нет, так дело не пойдет! Ну-ка иди сюда! Иди-иди!

Он обнял ее и с силой потянув, посадил ее на себя сверху.

— Ну, давай! Кайся! Рассказывай мне про свои мысли крамольные, да думы стыдные!

Она попыталась лечь ему на грудь и спрятать лицо под густыми волосами.

— Нет-нет-нет... я сейчас пристану и буду пытаться! Помнишь, как в тот раз я тебя пытал?

— Помню... это была очень... сладкая пытка!

— Вот! Сможешь утаить от меня, во время пытки что-нибудь?

— Ванечка! А ты... попытай меня, попытай!

От таких слов, произнесенных горячим шёпотом, и... г-к-х-м... мертвый проснется! Она чуть покачивалась, сидя на нем, а он ласкал ее соски языком, а руками поглаживал-потискивал попу.

— Ну что, приступим к допросу? — и у самого голос хриплый, — скажи-ка мне, красавица, посещали ли тебя мысли греховные... в отношении Елены?

Женщина чуть всхлипнула, посильнее опускаясь на него.

— Не молчи, грешница!

Она чуть застонала и попросила:

— Давай я на тебя лягу... а ты сам, снизу... может тогда смогу... раскаяться?

Ага! Были мысли, были! Фатьма даже постанывать начала громче! А уж... намокла так, что, казалось бы — дальше не куда! Призналась она во всем, призналась!

Горячечным шёпотом шептала на ухо:

— Ну... ты же меня ласкаешь? Вот я... о-о-о-о-х-х... я вот тоже подумала, а как это... ласкать женщину языком. И так что-то мне горячо-горячо стало! Не поверишь... аж в пот кинуло! А-а-а-х-х... еще... еще! Сильнее! Еще сильнее! О-о-о-о... Интересно мне стало...

— А еще о чем говорили, — уже восстанавливая дыхание после затянувшегося марафона, спросил Иван.

— Ой, да ни о чем таком... больше. Ну... уговаривала они меня в этом показе участвовать, и в белье — тоже! Еще — она говорила, что мне с работой может помочь, чтобы чистая была и нетяжелая.

— Про работу? — удивился Косов.

— Ну да! Я же уже, считай два месяца не работаю. Неправильно это. Думала, может пс столовым пройтись, может где повара требуются. А Елена говорит — вот еще! Такой красавице да картошку чистить, кастрюли мыть, да сальности всякие от посетителей выслушивать!

— И что она предложила?

— Да пока ничего конкретного. Сказала — подумает!

— А с показом ты уже все решила?

— Ну... Ваня, просто одежду показать — это одно. Мне самой даже интересно. А вот с бельем... я еще сомневаюсь.

— Да нормально все там будет, с бельем этим. Я же рядом буду, приобниму, успокою, чтобы не сильно волновалась.

Она ткнула его кулачком в бок:

— Знаю я, как ты успокаиваешь! И ты мне ничего не ответил... про это... с Еленой, если...

— А что отвечать? Это если бы ты с мужчиной... То я строго — против! А с женщиной... Ха! Да это баловство только! Можно же девчонкам иногда побаловаться!

— Ну-у-у-у... так даже неинтересно! Я думала, он ревновать будет, кричать, ругаться! А ему все равно! — она чуть наигранно надулась.

— Чего это мне все равно? Вовсе мне не все равно! Мне очень даже... интересно посмотреть на такое — хоть одним глазком! А уж если... поучаствовать, то я обеими руками — за!

— Вот же ты, Ваня, развратник! Сам... вон какой! И меня на такое непотребство подбиваешь!

— Не подбиваю! И не заставляю, заметь! Просто говорю, что я бы изменой это не посчитал. Вот!

«Интересно — почему, когда остаюсь ночевать у Фатьмы, спать приходится очень мало. Это я такой? Или она такая? Или мы оба — такие?».

Иван шагал утром на передвижку, и отчаянно зевал. Несмотря на все старания, к девяти часам утра в клуб он опоздал. Проспали они, а затем — уже и торопиться не стоило. Проснувшись, по обоюдному молчаливому согласию, они продолжили ночные дела. Не, не так — поставили точку во встрече! Здорово же начинать свой день с таких... приятностей? Потом он, не торопясь умылся, позавтракал и потопал.

«А может зайти в ателье, благо — почти по пути? Узнать, как там Александр дышит, после встречи с Еленой?».

Александр дышал... нормально. Но на вопрос Ивана, только головой покачал:

— Откуда вы их берете, таких своих знакомых? Это же... не женщина, а настоящая катастрофа!

— Это — чего это? Катастрофа? Как ты... да к такой интересной даме! Наверное, я передам ей такую твою характеристику. Посмотрю, как она отреагирует!

Александр был против передачи данной информации Елене. Категорически против!

— Да что случилось-то? Можешь толком сказать?

Ну что? Этого следовало ожидать!

Елена прошлась по ателье, с интересом все осмотрела, а потом в пух и прах раскритиковала все задумки по поводу показов.

— И то ей не так, и другое — не эдак! И помещение — никуда не годится, и гардероб для зрителей не так и не там; и комната для переодеваний — вообще не там! Вот только модели одежды и белья смотрела с интересом и удовольствием! Очень ей все понравилось! А еще и несколько хороших предложений подала. В общем... даже сомневаюсь, что из этого что-то выйдет. Руководство наше... может испугаться такого размаха. Все же планировалось... кулуарно! А здесь...

— И что, все так плохо?

— Да... не знаю! Она сказала, что и с Яковлевичем она хочет встретиться и все обсудить.

— А я думаю — она права! Если уж проводить мероприятие, так — чтобы результат был. А результат в данном случае — масса новых клиентов у ателье! Значит — нужно все обставить — без сучка, без задоринки!

— Это понятно, но вот энергия у... Вашей знакомой! Прямо — хоть отбавляй!

— Но какая женщина, не так ли, Александр? — Иван подмигнул портному.

Тот несколько смутился и темы не поддержал.

— Так когда все решиться-то?

— Не знаю... Может и впрямь ее свести с моим начальством, пусть побеседуют, авось и выйдет что толковое?

— Ну ладно... я загляну, через недельку, мне уже даже интересно стало, что у Вас получится, и как это все будет выглядеть! Ах да, хотел спросить — на показ же нужно не одну-две модели одежды, а как бы не тридцать-сорок? У Вас есть в наличие такое количество?

— И эту проблему мы тоже понимаем, работаем над этим. Вот здесь участие Елены будет — очень кстати! А так — да. Возможно, показ нужно будет перенести на пару недель.

— Ну, как говориться — Бог в помощь!

По приезду в клуб, его встретил Илья.

— Иван! Тебя с утра Лазарев искал, чего-то поговорить хотел. Просил в семи часам вечера к нему зайти.

«Лазарев? Какой Лазарев? Это инструктор стрелкового кружка, что ли? А чего он тут... забыл? Да не...».

Не сразу Иван сообразил, что речь шла о секретаре комсомола совхоза.

«А чего ему... Так! Опять какие-то проблемы со вступлением? И чего-то он долгие размышлял?».

— Илья! А где его искать-то? — окликнул он уже уходящего в свой кабинет директора.

Тот почесал нос и ответил:

— Ну как где? В конторе совхоза, конечно! А вот кабинет... да там спросишь!

В семь часов Косов заходил в кабинет комсорга. Кроме Лазарева за столом сидели еще пара парней лет двадцати пяти и незнакомая Косову девушка. Так-то вроде бы всех видел в клубе, но лично знаком не был. Вежливо поздоровался со всеми и выжидающе уставился на комсорга.

— Вот, товарищи... Это — Косов Иван. Он работает у нас в клубе киномехаником. Вот... написал заявление о вступлении в комсомол, да что-то и носа больше не кажет. Наверное, сильно занят!

«Вот этот сарказм — он к чему? Не нравится мне такое начало!».

Присутствующие с интересом разглядывали попаданца.

— Ну а что? — протянул один из парней, — действительно — сильно занят! То дерется, так что людей калечит, то все в амурные похождения не наиграется!

«А ты что за гусь такой?».

Девушка молчала, разглядывая Косова. Еще один парень хмыкнул и покрутил головой.

«Похоже... будет не легко, а то и вообще прокатят с «комсомолией!»».

— Мне позволено будет ответить? Или я тут... как подсудимый, так и буду стоять, выслушивая, какой я плохой человек? — Иван разозлился, но старался сдерживать себя.

— Да конечно же... вот стул, бери, садись! — Лазарев, казалось, излучал одну доброжелательность.

— Так вот... про сильную занятость. Кроме обязанностей киномеханика, я выполняю работу сторожа — в свою смену, а также — истопника и дворника. Да и просто — работы по клубу всегда хватает! Что касается драки... Здесь мне вообще не понятно — или Вы не в курсе, как все произошло, или же — по какой-то причине заведомо предвзято относитесь. Что и вовсе непонятно! Тот же Бычок — известный задира, хулиган и драчун, и вам это известно не хуже, чем мне! И если я дал ему отпор, то с чего это я вдруг стал виноватым?

Тот же парень протянул:

— Ну да, конечно! Дал отпор хулигану — челюсть ему сломал! Человек месяц лечился! Это что же за отпор такой?

— А мне не понятно — ты его друг? Или как-то странно выглядит... Хулиган периодически бьет парней, задирает и оскорбляет девушек, а комсомолия никаких мер не предпринимает? А когда кто-то осек дебошира, еще и порицание от бюро комсомола получает! Странно это все! Странно!

«Похоже, Лазарев, сука, все срежессировал заранее! Но девушка молчит, да и второй парень — тоже!».

Тут молчун подал голос:

— Дмитрий! А почему на бюро не присутствуют остальные члены? Насколько будет правомерно принимать решение?

Лазарев чуть поморщился и объяснил:

— Да все нормально! Ребята отсутствуют по уважительной причине. У нас шесть членов бюро. Из них я, как комсорг, с правом решающего голоса. Большинство есть! Так что и решение будет вполне законным!

— Ну а что... про амурные похождения можешь пояснить? — это уже девушка.

Иван чуть подумал, откашлялся:

— Здесь я тоже не очень понимаю суть претензий. Есть какие-то жалобы на меня? И с чего Вы взяли, что у меня есть — «амурные похождения»? Где-то плачет брошенная мной беременной комсомолка? Или я семью молодую разбил? Или девушек перебираю, как перчатки? Да вроде бы нет... Или я чего-то не понимаю, и в Устав «вээлкаэсэм» внесли обязанность соблюдать целибат? Или комсомол — это монашеский орден?

— Вот, видите! Я ж Вам говорил — ты ему слово, он Вам — десять в ответ! — потряс пальцем комсорг.

— Ну так... мне задают вопросы, я отвечаю! Что опять не так?

И снова «молчун» подал голос:

— И все-таки... Дмитрий! Я не понимаю, зачем ты нас здесь собрал? И бюро все же не полное, если уж вопрос так принципиален! А про Бычка того, так я его знаю побольше вашего — мы росли рядом, хоть я чуть постарше! Правильно парень сделал, что поддал Бычку! Я уж пытался Бычка как-то вразумить... по-соседски. Но у него же дури — на пятерых! Ничего не понимает, балбес!

Лазарев покачал головой, недовольно взглянув на парня.

— Ну что ты на меня смотришь? — парень рассердился, — ты, Дмитрий, хоть и комсорг, но в целом — такой же комсомолец, как и мы! И похождения эти... амурные. Больше на сплетни походит! Вот еще бабкины сплетни мы не разбирали!

— Он вообще не участвует в жизни совхоза! Хочет вступить в комсомол, а общественную жизнь — игнорирует! — аргументирует комсорг.

Все присутствующие посмотрели на Ивана.

— И здесь не согласен! Времени, действительно, часто не хватает. Кроме работы, я в стрелковом кружке Дома Красной армии занимаюсь. Трижды в неделю. А общественная жизнь... меньше, чем за полгода мы подготовили и провели три концерта! В двух из них я принимал самое непосредственное участие!

— Это, само собой, дело работника клуба! — взял слово первый парень.

— Сторожа? Или истопника? У меня в обязанностях нет участия в творчестве! Тем ни менее, я участвовал в концертах.

Девушка помялась, но все-таки спросила:

— А это правда, что ты песни пишешь?

— Тут правильнее сказать — мы пишем! Я пишу тексты, пробую подбирать мелодию. А Илья... ну — наш директор, он как профессиональный музыкант ровняет эту мелодию, чтобы текст песней стал, записывает ноты. Без него бы ничего не вышло. Так, что половина — это точно его заслуга!

— Это не является общественной нагрузкой! Тем более, Вы за песни деньги получаете! — снова комсорг.

— Не за все песни мы получаем деньги. Вот, к примеру, детские песни мы в школу, Елизавете Николаевне передали. Там — ни копейки не получили. Вы же слышали эти песни на Новогоднем концерте? Ну — вот, пример!

— Это вы вдвоем делаете, сам же сказал! Какая же это общественная нагрузка? — снова вступил подпевала комсорга.

— То есть, ты считаешь, что общественной нагрузкой может являться только то, что ты делаешь в одиночку? Так, что ли? А если вдвоем — уже нет? Что за бред? А как же — коллективизм? Или этот термин не применим в общественной работе? — что-то этот цирк уже начал бесить Косова.

— Да погодите Вы! Я так понимаю, никаких особых претензий к парню мы предъявить не можем? Да и зачем, не понимаю! А вот Вы кое-что пропустили мимо ушей! А я, как завсектора спорта, хочу спросить — ты говоришь, что занимаешься в стрелковом кружке?

— Ну да... Вот, недавно сдал нормы «Ворошиловского стрелка» на первую степень. Правда, документы еще не получил, — немного сконфузился Иван.

— Да ладно... с документами! Дмитрий! Я тебе говорил, про соревнования в середине февраля, помнишь? Вот тебе и человек к нам, в команду! Иван! Ты на лыжах бегаешь же? Мне кто-то говорил...

— Ну... для себя больше! Не чемпион, точно!

— Мы тут все... не чемпионы! Нужно выставить команду — три парня, две девушки. Парни — лыжные гонки на «десяточку», девушки — «пятерка»! И стрельба!

— А что? Я согласен! Чуток потренируюсь только!

— Вот! Вот Вам и общественная нагрузка у парня, выступит за честь совхоза! Ну что — все тогда? А то мне уже бежать нужно! — «молчун»-спортсмен приподнялся.

— Да погоди ты! Решение не принято, голосовать нужно! — комсорг был явно не доволен таким «раскладом».

— Так давай голосовать! Претензий к парню нет! Или есть? — «молчун» оглядел коллег.

Девушка подумала и покачала головой:

— Нет у меня вопросов, я — за!

Подпевала глядел на комсорга.

Тот поморщился и кивнул:

— Ну, смотри, Косов! Драки эти... прекратить! И с девушками... как-то упорядочивай свои отношения!

«Ага-ага! Упорядочу — понедельник, среда, пятница! Смена «объекта» — один раз в неделю! Вот вроде бы взрослые люди, а... херней маются!».

На улицу они вышли вместе с «молчуном». Тот покосился на Ивана:

— А ты что же? Меня не помнишь, выходит?

Косов покачал головой:

— Нет. А должен был помнить?

Парень засмеялся:

— Николай! — протянул руку, — Ивкин Николай! Это же я тогда с одним приятелем вас с Бычком растаскивал, на дороге, возле станции! Сцепились как два кобеля, не разнять было! А ты... ничего так! Здорово поддал Бычку!

Они шли по улице вместе — Ивкину было немного по пути.

— Я ж с Бычком вместе вырос. Он года на четыре младше. Все пытался его образумить, но... не получается. Хотя... знаешь, я и сам лет до восемнадцати — тем еще хулиганом был! Сейчас я слесарю на мащдворе здесь! Ну ладно, бывай! Ты давай, потренируйся, что ли, на лыжах побегай! Может в кружке и пострелять побольше получится? Было бы неплохо! А про соревнования... ну — когда там и что, я тебе потом скажу, когда все прояснится!

Они поручковались, и разошлись.

«Придется пару недель упереться на лыжне! Понятно, что особых результатов я не добьюсь, но и совсем уж позорно выступить не хочется!».

Свою подготовку он решил провести так: утром, в качестве разминки, пробегать как обычно пять километров. А вот во второй половине дня, если нет занятий в кружке, еще одна тренировка с пяти километров, с плавным переходом к концу второй недели на десять километров.

«Херня, конечно, полная! Никто так не готовится. Но... а что делать? Хоть чуток к дистанции привыкнуть! И получается... к Фатьме в гости эти две недели не заехать. Точно — вынужденное воздержание, как на бюро и посоветовали!».

К концу второй недели Иван скинул килограммов пять веса. Хотя и раньше толстым не был. А сейчас и вовсе — одни мослы остались. Тяжко было — очень! К «пятерке»-то уже привык, а вот два раза по пять... ох и тяжело! Через силу, ломая себя.

«Интересно — а вот эти соревнования можно будет внести зачетом на «золотой» значок ГТО, как того требует вторая степень «стрелка»?».

И на занятиях в кружке он подошел к Квашнину, спросил про усиленную подготовку по стрельбе из винтовки. К его радости, Квашнин ответил согласием. Как оказалось, кроме него, в их группе, в этих соревнованиях будут участвовать половина «шестаковцев», а также, к удивлению Ивана, Ирина.

— А что ты удивляешься? Очень многие из молодежи будут участвовать. Вот и я тоже, от своей больницы. Ну — пока от больницы, а потом, может быть, если переведусь в воинскую часть, от них буду участвовать. Не знаю пока, как там будет.

Его отношения с одноклассниками по кружку, после их посиделок в ресторане, несколько улучшились. Друзьями они не стали, но некоторое подобие приятельских отношений, установилось. Правда, несколько напрягало то, что, похоже, Ирина им заинтересовалась. Нет, никаких поползновений к переводу отношений в более близкие не было, но разговоры, беседы, какие-то вопросы от нее сыпались постоянно.

Ивана немного позабавила та обескураженность Ирины, по поводу его равнодушия к ее, без сомнения выдающемуся бюсту. Вон как парни косились, и чуть не в открытую вздыхали. Ну что делать — не любитель Косов таких... статей!

А вот со Светланой было интересно поболтать. Она рассказывала, как они с родителями жили на Дальнем Востоке, какая там природа, про людей, ее окружавших. С ее слов, отец ее был военным инженером, который довольно долгое время служил практически на границе с Китаем, и некоторое время назад был переведен в Красно-Сибирск. Никакого флирта с девушкой Иван не допускал, даже мыслей не было. Интересный и симпатичный человек.

Их начали вывозить на потрепанном «захаре» на полигон одной из воинских частей, для проведения стрельб и тактической подготовки. В части им подобрали форму, из разряда — «очень б/у». Девушек одели в серо-зеленые бушлаты, а парням выдали длиннющие шинели. Комфорта в них было мало, а возни — много.

Они много бегали, ползали, до изнеможения проходили полосу препятствий.

Когда Иван подошел более серьезно к изучению всего того, что ему было нужно для сдачи норм ГТО, то ему стало очень грустно. И стрельба там была — вовсе не самым сложным делом. Он даже успокоился по поводу стрельбы. А вот физподготовка... Где прикажете готовиться к зачетам по плаванию? Четыреста метров он должен проплыть за десять минут! А доставания предмета с пятиметровой глубины? И тоже — на время! Гребля на лодке — два километра за двадцать минут! Спецназ отдыхает!

Там была и лыжная подготовка. Бег на лыжах, с полной выкладкой, с винтовкой за плечами. Двадцать километров за два часа тридцать минут. Зимний поход на сорок верст с ночевкой в лесу!

И что характерно, основную массу молодежи все это как-то совсем не пугало.

— Товарищ инструктор! А вот предстоящие соревнования — они могут пойти в зачет сдачи норм?

— Могут! Но! Нужно выполнить определенный норматив. Если не уложишься в отведенное время — будешь сдавать нормы отдельно!

А вот та же гимнастика у Ивана особых тревог не вызывала. Все эти прыжки через коня, упражнения на турнике были привычны и вполне выполнимы.

И вот еще... где и когда сдавать на удостоверение на право вождения мотоциклом, легковой и грузовой автомашиной? Видно, не просто так сдачу всех этих норм растянули по времени на два года.

«Может, можно будет в училище что-то досдать, уже после поступления?».

Все это время со своими подружками в клубе, Лизой и Лидой, он практически не виделся. Перипетии их отношений под гнетом постоянной физической усталости ушли на задний план. Лида, при редких встречах, была вежлива, доброжелательна, но — было видно — старалась свести их общение к нулю. Лизу он тоже видел только мельком, пару раз. Она чуть виновато улыбалась ему при встрече, и не более.

За пару дней перед соревнованиями, вечером, к нему в клуб заскочил Коля Ивкин со свертком подмышкой.

— Привет! Ты куда-то запропал совсем, я уже пару раз забегал, да тебя все нет и нет!

— Ну как куда? Тренируюсь, на лыжах бегаю, в кружке занимаюсь. У нас сейчас там тактика и стрельбы пошли — по полдня на полигоне проводим.

— Стрельбы... Стрельбы — это хорошо! Я на тебя надеюсь! А то у нас ребята... нет — так-то мы ходили несколько раз на завод, там у них в подвале Дома культуры тир есть. Но результаты — так себе... если честно! У меня — еще более или менее. А у ребят... Сам понимаешь — пострелять несколько раз из винтовки, это вовсе не научиться стрелять хорошо.

— Ну ты тоже... от меня особых результатов не жди! Послушал я ребят в кружке — там на этих соревнованиях такие зубры участвуют, что ты! Говорят — пятьдесят из пятидесяти — стабильно выбивают! Кто, если вдруг! сорок девять выбьет — так неудачный день, считают!

— Да я все понимаю! Нам пока только участие обозначить. Мы уже два года соревнуемся, но похвастаться — нечем!

— Чай будешь? У меня и пирожки есть!

Коля подумал, улыбнулся и махнул рукой:

— Давай! А то что-то забегался я...

Иван вспомнил про заседание комсомольцев:

— Вот... а мне талдычат, что общественной работой не занимаюсь. А когда ей заниматься-то? Времени — вообще ни на что не хватает! Подругу уже две недели не видел, скоро отставку даст! А мне тут... «амурные похождения»!

Ивкин расхохотался:

— Да забудь ты! Дима этот... Лазарев... Он что-то много на себя берет! У нас здесь еще год назад секретарем организации Дуся Векшина была. Вот она была — действительно секретарь! Жалко, уехала! По направлению совхоза в Омск, в сельхозинститут поступила, на агронома. А какая девушка была! — Ивкин подмигнул Ивану, — вот все при ней! Я даже клинья пробовал подбивать, но — куда там! Серьезная — жуть! А жаль, жаль... А вот еще... тут у Вас на открытии клуба... и потом еще ее видел! Девушка была — такая высокая, смуглая! Вот тоже — красавица! Ты с нею же знаком?

— Кира ее зовут, — Иван что-то загрустил, чего-то ему вдруг невесело стало при воспоминании о комсомолке-красавице, — там... все грустно! У нее такой парень, что нам с тобой, Коля, ничего не светит! Будущий летчик-истребитель!

— А ты, я посмотрю, в ее сторону глядел! Глядел! — Ивкин хлопнул Косова по плечу, — признайся, вздыхаешь об этой Кире?

Косов поморщился.

— Да ладно, Ваня! Не журишь! Вокруг вон сколько девчонок красивых! — Николай засмеялся.

— Ага... девчонок красивых! А потом — опять аморалка!

Ивкин расхохотался:

— Да брось ты! Это Лазарев тебя что-то невзлюбил! А так... дело-то молодое! Нет лишнего-то позволять себе не нужно, а так... Понятно же — мы ребята молодые! А про Лазарева... документы оформили, должен он их в райком передать. Я, кстати, проверю — передал или нет. Съездишь на бюро райкома, посмотрят на тебя, на вопросы ответишь. Да все нормально будет! Да! Я чего пришел-то? Вот...

Ивкин взял брошенный на топчан сверток, развернул оберточную бумагу.

— Дирекция совхоза нам, тем, кто участвует в соревнованиях, костюмы лыжные закупила. Мы-то все по размеру брали. А тебя не было, так я взял как на себя. Мы примерно и ростом, и по телосложению похожи. Примерь-ка!

Николай передал Косову темно-синий зимний костюм «с начесом». На манжетах куртки и на воротнике были белые полоски.

«А что — очень даже симпатичный костюм! И модный сейчас — вон даже редкая «молния» от груди до горла!».

— Вот спасибо! А то я уже думал в своем брезентовом костюме бежать!

— Не... не надо! А костюм у тебя, кстати, очень даже хорош! Ты где его покупал?

— Я его не покупал, мне его сшили в ателье! — Иван рассказал, где именно был пошит костюм.

— Подумаю! Может тоже такой себе закажу!

Косов показал Ивкину свой костюм. Тот поглядел-помял куртку и брюки:

— Точно закажу!

— Потом как — лыжный костюм постирать-погладить и сдать назад? — спросил Иван у Николая.

— Зачем? Нет, ты сейчас включен в состав команды совхоза. Костюм остается у тебя! Потом еще летнюю форму получим — ну там, майку, трусы. Мы же не только зимой в соревнованиях участвовать будем. Мы и летом тоже честь совхоза защищаем. В футбол-волейбол играешь?

— Давно уже не играл. Но — постараюсь вспомнить. Только вот, Николай, я же летом собираюсь в Омск ехать, хочу в училище поступать. Поэтому, долго Вас поддерживать в спорте не смогу.

Ивкин почему-то обрадовался:

— Да ты что? Правда, что ли? Нет, ты серьезно сейчас говоришь? Ха, брат! А это просто здорово! Меня же тоже летом призвать должны! Да что там — должны? Точно — призовут! И знаешь куда? В Омск, в танковую школу! Я сейчас по направлению «Осоавиахима» на тракториста учусь, чтобы, значит — готовый мехвод боевой машины! Как здорово! Хоть один земляк в Омске будет!

— Ну... ты не радуйся, раньше времени-то! Вдруг еще не поступлю!

— Да ладно! Поступишь! У тебя же десятилетка за плечами? Вот! Чего там? С таким образованием сейчас парней немного! Семь классов, максимум — девять! Все!

Они еще поболтали немного, и Ивкин убежал.

«А вот лыжные ботинки, которые тоже были в свертке с формой, мягко говоря — не очень! Кожа дубовая, их... смазать маслом нужно. А потом — разношивать еще месяц! Ноги я кончу моментом, если побегу в них! В своих берцах побегу, как сейчас бегаю, решено!».

В день соревнований все совхозные спортсмены собрались в клубе. Кроме Ивана и Ивкина, сюда пришла та девушка с заседания ячейки — Клава, как оказалось после знакомства, и незнакомая Ивану совсем юная девушка.

— Это наша Паша! Прошу любить и жаловать! — представляя Ивана девушкам, смутил ее Николай.

Третий паренек тоже был Косову незнаком.

— Михаил! — баском представился тот сам, протягивая Ивану руку.

— Так! Все на месте, все готовы! Выдвигаемся на станцию! — командовал Ивкин.

Все были одеты в обычную одежду, да еще и потеплее. И добираться до места соревнований, и там ждать тоже придется немало! Считай — весь день на улице провести. А сегодня хоть и был денек не сильно холодный, но все же градусов пятнадцать-семнадцать явно было. С самого утра было довольно пасмурно, но потом, как по заказу, тучки разошлись и выглянуло солнышко. Яркий денек будет, и это замечательно!

Доехав на передвижке до вокзала, они довольно долго ждали трамвай до парка на окраине города. А потом еще и пешком топали как бы не три километра.

«Молодец Коля, что так рано нас погнал! А то могли бы и опоздать. И так добирались чуть не два часа».

Времени было уже около девяти часов утра. Народу и по пути в парк, и в самом парке было — не продохнуть! Казалось весь город сегодня здесь!

Ивкин, оставив их на краю огромной поляны, или даже — поля, под приметной сосной, куда-то убежал. К палаткам организаторов, не иначе.

Парк этот только назывался так. Располагался он на краю города, и от входа действительно смотрелся парком. Как сейчас положено — входная арка ворот, дорожки, скульптуры вдоль них, неявно видимые под снегом клумбы и скамейки. Но через какое-то

расстояние этот парк плавно переходил в настоящий лес — дорожки превращались в тропинки, замысловато виляющие меж сосен и берез; скамейки и прочие архитектурные формы сходили на нет. Сейчас эти тропинки изрядно натоптаны и полны народа. Виднелись палатки, где торговали пирогами, на скамьях и табуретках торговцев стояли армейские термосы, откуда народу наливали чай и какао.

Такая палатка стояла и неподалеку от них. Девушки расположились на какой-то валежине, стряхнув с нее снег. Иван довольно бесцеремонно стянул с себя куртку и штаны от «горки», и поверх белья натянул спортивный костюм. Куртку накинул на плечи, а штаны, свернув вдвое, подложил под девушек, согнав их на секунду с места.

— Не дело это — девушкам на холодном сидеть! Вам еще рожать! — заставив покраснеть Пашу, и кинуть на него удивленный взгляд Клаву.

Потом он сбегал к торговке, и взял четыре стакана горячего чая. Михаил помог принести к их биваку.

— Вот! Горячий чай! До старта еще час, а то и полтора! А Вы, если и ели, то уже часа три назад, надо подкрепиться! Сейчас-сейчас!

Он достал из сумки припасенные заранее пирожки, которые по его просьбе напекла супруга Мироныча, и развернув бумагу, протянул сверток девушкам. Михаил тоже угостился.

— Х-м-м... теперь понятно, почему тебя во всяких... похождениях обвиняли! Дамский угодник, да? — улыбаясь, чуть удивленно протянула Клава. А Паша опять зарделась!

— Это... это вовсе не то! Это... просто по-товарищески! — смутился Косов.

— Ага-ага! То-то ты и штаны подложил нам, и чай нам же принес, и пирожки предлагаешь! — продолжала «троллить» его Клава.

— Да ну Вас! Хочешь как лучше... а думают, как всегда! — Иван рассердился.

— Вот видишь, сам говоришь — как всегда! — смеялась Клава.

«Вот же язва! Что-то и аппетит сразу пропал!».

Иван кое-как дожевал пирожок, запивая его чаем. Отойдя чуть в сторону, разглядывал происходящее на поле.

«Ага! Вон трассы флажками разноцветными обозначены! Так... здесь у нас старт значит, ага — а вот тут финиш! А вот и другая трасса! Блин! Ну народу-то сколько! Тут одних спортсменов... да пару-тройку тысяч точно есть! Как же они все это разруливать будут?».

Здесь его мысли прервал запыхавшийся Ивкин. Николай, прибежав, сразу же отобрал у Ивана стакан, с остатками чая, схватил пирожок и в два укуса умял его.

— Это Вы хорошо придумали, ага! Нам еще здесь толочься часа полтора, а то и два! Вон там есть несколько павильонов для обогрева участников. Можно туда пройти, если замерзли. Нет? Ну и правильно — там сейчас толкотня! Михаил! Метнись, возьми мне еще стаканчик чая, а то Косов все выхлебал!

Косов с улыбкой смотрел на Николая — «вот же жох!».

Прихлебывая принесенный чай, Ивкин продолжил:

— Трасса для женщин, — покосился на Пашу, — и девушек... вон там! Там «трешка», это для тебя, Паша! Она обозначена зелеными флажками, не перепутай! Потом ты, Клава... Ваша «пятерка» — это желтые флажки. Она рядом с «трешкой». Ага... Значит, наша — в-о-о-н там, видите, красные флажки. Сначала будет старт женщинам... то есть девушкам! Выпускать решили по одной, разрыв в двадцать секунд! Пашенька! Я тебя знаю, ты у нас девчушка крепкая, свою «трешку» пройдешь легко! Смотри — вон там, за поворотом есть

такая горочка неприятная. Она небольшая и вполне пологая, не упади! А потом — резко-резко-резко! Ну ты умеешь, я знаю!

— Так... Клава! Ваша трасса, как говорят, без сюрпризов. Тут только бежать! Смотри сама, как настрой. Можешь сначала рвануть, пока силы будут. Можешь — наоборот, приберечь, а потом рвануть. Только не ошибись с расчетом сил!

— Ну а мы... мужчины, — тут Ивкин чуть покосился на Михаила — не похож тот еще на мужчину, — даже не знаю, что сказать... по силам рассчитываем, только по силам!

— А когда стрельбы? — поинтересовался Иван.

— Стрельбы... стрельбы... Стрельбы — после гонок! Вон там, если до конца поля дойти, есть стрельбище. Его отсюда не видно. Да! Стреляем по трем упражнениям: лежа, с колена, стоя. По пять патронов на каждое упражнение! Пристрелочных будет три! Винтовка ТОЗ. Ну, она всем нам знакома!

Девушки стали негромко что-то обсуждать, Михаил отошел чуть в сторону, разглядывая места гуляний и соревнований. Да, праздных людей, просто пришедших поглазеть и погулять было раз в пять больше, чем спортсменов, которых можно было отличить по более легкой, не всегда именно спортивной, одежде.

Ивкин толкнул Ивана рукой в плечо и негромко спросил:

— Охмуряешь?

— Ты о чем, Коля?

— Ну как... подстилочку организовал, чаек, пирожки девушкам.

— Да ладно тебе! Это просто... заботу проявил!

— Ага-ага! Заботу... Только зря все это — Паша еще юная. Я сам тебе голову отверну, если чего насчет нее подумаешь! А Клава... там если только все всерьез! Очень... серьезная девушка!

— Говорю тебе — без всякой подоплеки! Вот же... А потом про меня говорят — типа озабоченный! И это еще... отворачиватель голов — за своей смотри, как бы тебе не отвернули! — шипел в ответ Косов.

Ивкин расхохотался:

— Вот же ты... дурень! Я же шучу! — потом чуть успокоился, — хотя про Пашу... не шучу!

Николай, доев пироги и допив чай, вытащил из-за пазухи сверток с номерами участников.

— Так! Девочки — синие номера! Мальчики — красные номера! Так... вот — твой Клава! Это — тебе, Паша! Нет, Миха, этот отдай Ивану. Вот твой!

— А почему так? Неправильно же! — удивился Иван.

— Что неправильно? — отвлекся Ивкин.

— Ну... обычно наоборот. Красный — женщинам, синий — мужчинам! Хотя... ладно, забудь!

Еще потолкавшись и поболтав, они направились к своим трассам. Ивкин, человек с моторчиком, успел и девушек сопроводить до старта, и с ними провести инструктаж.

Первую половину трассы Иван прошел играючи. Шел легко, даже залихватски. Потом... потом стало сложнее. Чувствовалось, что организм не привык полностью к таким дистанциям. Последние километра полтора Косов тянул, что говорится — «на зубах». Ноги сводило, руки стали тяжелеными, и лыжи с палками налились свинцом. Выкатив за финиш, Иван повис на палках, пытаясь сплюнуть тягучую и вязкую слюну. В груди горело и что-то

посвистывало!

Чуть отдышавшись, Иван постарался размять ноги, походил вокруг, помял бедра и икры руками. Не заметил, как с финиша выкатил Михаил. Парню тоже нелегко далась гонка — он все хватал воздух ртом, и лицо его пошло красно-белыми пятнами. А там и Ивкин завершил гонку.

Девушки уже ждали их немного в стороне.

— Бросай курить, вставай на лыжи! Здоровьем будешь не обижен! — бурчал Косов.

Услышав его, Николай скривился:

— Так-то ты прав! Курить надо бросать. Пошли, найдем палатку, да чайку выпьем.

На стрельбище, куда они пришли гурьбой, народу тоже — хватало.

«Не перегореть бы! И так руки-ноги забиты напрочь, еще и психологически скиснешь — как стрелять-то тогда?».

— Так... парни! Знаете, что мешает даже хорошим стрелкам перед соревнованиями? — спросил Косов товарищей.

— Думаю, тоже самое, что мешает и танцорам! — сдохмил Николай.

— Это — да! — покосился Иван на стоявших рядом девушек, — но есть и еще вредный фактор! Тремор! То есть — руки трясутся от волнения. И что может нам помочь? А поможет нам небольшой такой... — хотел сказать допинг, но в последний момент удержался. Вряд ли они знают, что такое допинг!

— Поможет нам... витамин! Да! Витамин «ка»!

— Витамин «ка»? Это что такое? — людям было интересно!

— Так... Клава, подай мне мою сумку! — девушка перед его стартом взяла его сумку, — вот! Вот он — витамин «ка».

Косов достал из сумки свою старенькую фляжку, где плескалось граммов триста коньяка.

— Это что? Водка? Или самогон? — поморщился Ивкин.

— Нет, брат! Это — коньяк! Витамин «ка»! По стопке будет в самый раз, чтобы снять волнение!

— Ну-у-у... я не знаю! Не знаю, поможет ли... И не знаю — может это запрещено? — сомневался Николай.

— Поможет — это точно! А вот — запрещено или нет... Мы же никому не скажем! Так... здесь граммов триста! То есть нам, мужикам — по сто граммук!

— Если это поможет, почему и нам тогда нельзя? — возмутилась Клава.

Коньяк пришлось поделить!

Еще в прошлой своей жизни, будучи «ментом», Сергею приходилось несколько раз участвовать в соревнованиях — либо просто по огневой подготовке, либо — в служебном биатлоне. Служебный биатлон, это когда бежишь на лыжах пять «кэмэ», да еще и стреляешь из табельного «макарки». Никаких особых мест он не занимал, середнячком был. Лишь раз ему удалось отстреляться на четвертое место. Но и в учебке «ментовской», да и позднее, при прохождении курсов переподготовки, инструктора по огневой у него были нормальные. В омской «ментовской» учебке в те времена вообще были очень неплохие «преподы». И, как говорил Стас Внуков, инструктор по огневой:

— Пулевая стрельба — единственный, пожалуй, вид спорта, где пятьдесят-семьдесят грамм крепкого спиртного перед соревнованиями — помогают! Тремор снять, чуток расслабиться, глаз «наострить». Понятно, что на больших соревнованиях это не пройдет,

там проверяют! Но на таких — «увэдовских» — почему нет? К Вам же никто принюхиваться не будет?

Стас как раз-таки был из тех стрелков, для которых «пятьдесят из пятидесяти», из любого оружия — норма, обыденность. А с Сергеем Елизаровым они неплохо сошлись на фоне того, что и сам Стас был из «армейских» офицеров, и Сергеевы три курса ВМУ признал за — «свой!». И винца вместе попили, да и по «лялькам» не раз бегали.

Иван, как джентльмен, сначала передал фляжку девушкам. Паша чуть отхлебнула из горлышка, вся сморщилась, стала отплевываться:

— Какая гадость! Не буду пить!

Ивкин усмехнулся:

— Ну не — так нет! Нам больше достанется!

Больше — не досталось: Клава вполне прилично отхлебнула, чуть поморщилась, и «занюхала» допинг своей пуховой варежкой.

Михаил тоже глотнул лишь чуток и передал фляжку Ивкину. Тот, склонив голову, прислушался к содержимому, побулькал им, что-то для себя решил и кивнул. Потом сделал три коротких глотка и передал емкость Ивану:

— Вот так вроде бы поровну будет!

Косов допил спиртное. Коньяк потек внутрь, согревая и успокаивая.

«Хорошо! Но — маловато!».

Стреляли, как и говорил ранее Коля — лежа, с колена, стоя. Винтовка ТОЗ-8, пять патронов и три пристрелочных.

— Получил, осмотрел, замечаний нет! — привычно пробормотал Косов «раздатчику».

Дождавшись своей очереди на лежащую на дощатом поддоне кошму, Иван постарался выбросить все из головы.

«Так... вдох-выдох... вдох-выдох... мне все по хрену, и я — само спокойствие! Мишень вижу четко! Аккуратно подводим... совмещаем... тянем плавно-плавно... выстрела не ждем. Чего его ждать-то? Выстрел же не девушка!».

Ивкин умудрился выпросить у кого-то старенький затертый бинокль, и сейчас, стоя где-то позади Ивана, тоже замер.

Выстрел! Выстрел... выстрел.

— Что там, Коля?

Тот чуток помолчал:

— Ну ты... зверюга! Тридцать! Три десятки! Ты понял, да?! Давай, Ваня! Еще пяток десятков, до смены упражнения!

Но пяти десятков не вышло! Сорок восемь...

«Но и так неплохо, как мне кажется!».

Ивкин тоже был согласен с Косовым:

— Давай, давай, Иван! На тебя вся надежда! Я и половину того не набью! Мишка тоже — тот еще стрелок. Клава чуть получше, но до тебя не дотягивает.

Но ожидания Ивкина Косов не оправдал — с колена отстрелялся хуже, а «стоечку» — еще хуже! Сорок четыре и тридцать шесть, соответственно!

«М-да... тренироваться мне еще и тренироваться!».

Но все остальные совхозные спортсмены стреляли хуже Косова, тут Ивкин оказался прав. Только Паша, ко всеобщему удивлению, не опускалась ниже сорока очков по всем упражнениям.

— Вот, Коля! А ты говорил! Посмотри, как девчонка «молотит»! Ее бы потренировать еще! И будет тебе вполне стрелок! Не знаешь ты, товарищ инструктор, свои кадры! Не знаешь! — в шутку «пенял» Ивкину Иван.

Тот отшучивался, но, было видно — задумался!

Уже когда они ждали окончательных результатов соревнований, стоя стайкой и притопывая ногами, Ивана кто-то неожиданно и довольно крепко хлопнул по плечу сзади.

— Привет! Ты тоже участвуешь? И каковы результаты? — звонко так! Ну да — Кирочка, а сзади и викинг Сирожа!

Иван подсознательно с самого начала осматривался — не может быть, чтобы такие активные спортсмены-комсомольцы пропустили эти соревнования! Но народу было столько, что разглядеть какие-либо знакомые лица было крайне сложно.

— Привет! — непроизвольно во все лицо «расплылся» Косов, — ну да... участвую от совхоза. А результаты — не знаю пока. Да я на высокие и не надеюсь!

С Сергеем они чинно-нейтрально поручковались.

— Ну а у Вас как? — в ответ поинтересовался Иван.

Кира сморщила недовольно носик:

— Неважно... шестая среди женщин! Вот представь — ну никак мне этот пьедестал не дается! То пятая, то шестая! Лучший результат — четвертое место!

— А ты, Сергей?

Викинг спокойно, даже флегматично, пожал плечами:

— Седьмой! Ну я и не рассчитываю на призы!

Про стрельбы он у парня спрашивать и вовсе не стал. Там результаты, скорее всего — тоже неслабые!

Потом Сергея отвлекли какие-то знакомые парни и они с Кирой остались стоять вдвоем.

— Представляешь — Зина переводиться! — Кира была явно огорчена.

— Куда переводиться? И почему такая грусть? Вы же вроде бы — поссорились? — Иван удивился.

— Поссорились, не поссорились, а она — моя подруга! Мы уже и помирились давно! А переводиться в Томск, в мединститут. Родителям предложили должности преподавателей, и ей тоже — на перевод. Да еще и этот... друг ее сердечный — он инженер. Тоже переезжает в Томск, на какой-то завод. Все одно к одному, представь!

— Грустно тебе без подружки будет..., - посочувствовал Косов.

— Так а я о чем? — вздохнула Кира.

— Ух ты! — к ним быстрым шагом подошел Ивкин, — Иван! Представь меня своей знакомой!

— Кира! Это наш завсектора спорта, член бюро комсомольской организации совхоза, Ивкин Николай! — чуть шутовски раскланялся Иван.

Тот зашипел:

— А без этих... своих штучек — не можешь?

— Не шипи, Змей Горыныч! Вон видишь — добрый молодец стоит? Зовут его Сергей. Он таким... шипящим быстро головы-то откручивает, кто рядом с Кирой виться начинает!

— Да ладно... добрый молодец! Мы сами молодцы не злые! И голова у нас на плечах сидит крепко, ее не враз открутишь! — оценивающе посмотрел на Сергея Николай.

— Да, кстати... Иван! У тебя двадцать седьмой результат на дистанции! Очень, знаешь

ли, неплохо! Я — тридцать первый! У Мишани — похуже! И представь, Паша — семнадцатая! Молодец же, да?

Иван скривился: «К чему было это озвучивание? Да еще зная результаты Киры и Сергея?». Позор — не позор, конечно... Но очень жиденько, очень...

Тут Сергей вернулся к Кире, они распрощались и направились к выходу из парка.

— Ты чего морщишься? Нормальный результат же! — недоумевал Ивкин.

— Нормальный... ага. У Киры — шестой, а у Сергея — седьмой!

— Чё, правда, что ли? Ну ни х... чего себе! Тогда да... зря я наши озвучил! Зря! Ну — я же не знал! А чё — и правда у них там... все серьезно, да? Жаль! Какая девушка, а?!

«Ой не кажи кума, у самой курыдохнуть!» — грустно подумал Косов.

Но результаты их выступления всю команду вполне устроили!

— Так... ага! Мы нынче поднялись на пять позиций в общекомандных результатах! По сравнению с прошлым годом. Очень неплохо, я считаю! — разглагольствовал Ивкин в передвижке, — не стыдно будет руководству совхоза докладывать! Но! Будем готовиться лучше — в марте еще соревнования будут, между спортивными обществами.

Косов смотрел на мимо окна проплывающие пейзажи, и был меланхоличен. На ум приходила все та же Кира, да и отношения между ним и женщинами в клубе... были непонятными.

«Так! Надо отдохнуть, встряхнуться как-то! Жизнь продолжается. В кружке занятия становятся все более интенсивными и сложными. И вот что... сегодня отосплюсь, а завтра, с утра — рвану к Фатьме! Соскучился что-то, уже две недели не видел красавицу!».

К его удивлению и даже досаде, Фатьмы дома не оказалось.

«Ну а что? Она может пойти в магазин, по делам. Да мало ли еще что? Привык уже, что когда не приду — женщина дома и очень рада его приходу?!».

Однако, Косов решил проверить свою догадку и заглянуть в ателье.

«Все же разговоры о показе мод должны во что-то вылиться?».

В фойе ателье, у окна приема заказов, работница ателье в синем рабочем халате, что-то негромко обсуждала с женщиной средних лет. Они настолько были погружены в разглядывание какой-то вещи, что на вопрос Ивана о местонахождении мастера Александра, работница подняла голову, некоторое время смотрела на Косова отсутствующим взглядом, а потом махнула рукой на двери во внутренние помещения ателье.

«Примелькался я здесь, что ли? Как за своего принимают!».

Пройдя по коридору, Иван толкнулся в знакомые двери.

«Ага! А вот и моя красавица!».

Но Фатьма была в помещении не одна. Сидя за столом, она пила чай еще с двумя молодыми женщинами. И были они, все трое, в некотором неглиже, мягко говоря. Увидев Косова, Фатьма с радостью подскочила и бросившись к нему, обняла и расцеловала. Так — в щечку!

— Ну что такое! Почему сюда заходят посторонние! — довольно жеманно протянула сидящая за столом блондинка, — Ну сколько раз можно говорить Александру, чтобы как-то ограничил сюда доступ!

Фатьма в ответ фыркнула, оторвалась от Ивана и с вызовом протянула:

— А это не посторонний! Это мой мужчина!

Блондинка скорчила гримасу, и отвернулась к третьей женщине. Несмотря на явно

выраженное недовольство, Косов заметил, что ни эта блондинка, ни вторая женщина, не попытались как-то прикрыться, или более энергично возмутиться присутствию постороннего мужчины.

«Ага... как и говорил Елене: Фатьма — брюнетка, вот — блондинка, а вот и шатенка! А равнодушные женщин, и отсутствие стеснения — так дамы опытные, даже, похоже, привычные к таким обстоятельствам».

Обнимая Фатьму, которая была одета лишь в белье и чулках с поясом, Иван непроизвольно, придерживая ее одной рукой за талию, другой погладил ее по бедру и положил руку ей на попу.

Блондинка была интересной дамой. Похоже, что натуральный цвет волос — он был не платинового оттенка, а слегка соломенного цвета.

«Ну да... перекись водорода тут еще не сильно-то в моде!»

Длинные волосы, скрученные в какую-то прическу на затылке, были и густы, и пышны. Черты лица правильные; носик чуть приподнят, что создавало дополнительную «милоту» ее облику. Вот только гримаска на лице — этакая усталость от мужского внимания, отстраненность и пресыщение.

«Да и с фигурой у нее — все очень даже неплохо! Грудь в бюстгалтере — явно не меньше «тройки», узкая талия, довольно широкие бедра и длинные, красивые ножки! Ага! А комплект белья на ней — тот самый, автором которого можно назвать его самого. Красный цвет — ей идет!».

Накинутая на плечи «блонди» легкая блузка была расстегнута полностью. В комнате было очень тепло, а Ивану с улицы — так и жарковато!

Вторая женщина была интереснее блондинки. Не во вкусе Ивана, но — интереснее!

Рыжая, даже какая-то — огненная, с очень светлой кожей молочного оттенка. И сыпь конопушек по лицу. Прическа короткая, «каре», с высоко подбритым затылком. Даже вызывающая прическа!

«Фигуры не особо видно за столом. Грудь... хороша! Поменьше чем у «блонди», но — хороша! Интересная внешность! Этакая... Амалия Мордвинова. Помню, была такая актриса в прошлом-будущем! Мне, конечно, такие дамы не очень «в масть», но стоит признать — очень эффектная дама!».

Рыжая сидела, попивая чай, и глядела на Фатьму с Иваном с интересом, чуть приподняв бровь.

— Любимая! Ты не представишь меня дамам? — чуть оторвался от подруги Косов.

Фатьма, продолжая обнимать его, повернула голову, и сказала:

— Девушки! Этот молодой человек — Иван! Ваня! Это — Клава! — «ага блондинка», — а это Рита.

— Дамы! Мне очень приятно! Извините за вторжение, я и представить не мог, что в привычной для меня комнате будет расположен такой цветник!

Блондинка неопределенно хмыкнула, а рыжая, чуть улыбнувшись, встала, и пройдя к стоявшей у стены скамье, наклонилась и принялась что-то искать в лежавшей на скамье сумочке.

«Мда... Этот короткий халатик вообще ничего не прикрывает! Это... она мне так свой... «тыл» продемонстрировала? А что? Очень эффектный «тыл»! И ноги тоже длиннющие, модельные! Но не худые, как потом у моделек, а очень такие... ровные и полные! Только вот в целом — волосы, лицо, конопушки эти... не мой типаж!».

Не отрываясь от сумочки, и не глядя в их сторону, рыжая спросила у Фатьмы:

— Фатя! А что — молодой человек не слишком молод для тебя?

«Вот же... стервь!».

Подруга сверкнула глазами и, вздернув носик, заявила:

— Знаешь, Рита, в некоторых случаях юноши — гораздо лучше зрелых мужчин, и уж тем более — пожилых самцов!

— Ну-ну! — в ответ, с явно слышимой усмешкой.

«А здесь у них славный террариум сложился! Как быстро сформировался «дружный» женский коллектив!».

— А Елена где, красавицы? — отвлек Иван женщин от философских вопросов подбора спутников жизни.

Фатьма повернулась к нему:

— Они с Александром все никак место показа не могут согласовать! Это там, дальше по коридору. Там вроде бы раньше швейный цех был.

В этот момент в коридоре послышались голоса.

— Да вот они сами идут!

Елена обрадовалась приходу Косова, и Александр встретил его с явно видимым облегчением.

Почмокавшись с Еленой в щечки, он пожал мастеру руку.

— Ну как тут у Вас? Я вижу — подготовка идет полным ходом?

Елена чуть улыбнулась, а Александр скорчил такую физиономию, что было ясно — складывающейся ситуации он не рад!

— Ну... полным ходом — это громко сказано! Дирекция, на мой взгляд, не очень представляет, как проводить такие мероприятия, и хочет на копейку — получить алтын!

— Ну, Елена Георгиевна! Ну что опять-то... начинать? Все же уже обсудили... вроде бы! — затынул Александр.

— А вот — давай у Ивана спросим. Покажешь помещение, озвучишь Ваши предложения. Пусть человек со стороны посмотрит, может и посоветует что-нибудь интересное! — Елена посмотрела на Александра, а потом перевела взгляд на Косова, — а девочки тем временем и чай допьют, и приведут себя в порядок!

Они прошли по коридору и зашли в большое помещение.

«Вроде бы отсюда раньше стрекот машинок доносился! Сейчас пусто и чисто. Потолок вот только низковат!».

Он ни в коей мере не относился ранее к представителям модельного бизнеса. Но и фильмы какие-то смотрел, и что-то в книгах попадалось, да и по телевизору видел презентации, показы и прочее. То есть — какое-никакое представление об этом имел.

«Ага! Особенно нравились показы моделей бикини... и прочего белья!».

Здесь же и сейчас, в Стране Советов, это сторона жизни, если и была представлена, то очень невнятно, и скорее всего — в столичных городах. Москва, Ленинград. Может быть — Киев. Уж точно не в Красно-Сибирске!

Окна в помещении имелись лишь вдоль одной стороны. И окна эти были небольшими, и выходили не на солнечную сторону. А в условиях сибирской зимы — в помещении явно было темновато! Об этом он сказал Елене и Александру.

— Вот! А я об этом сразу же сказала! — женщина обличающе ткнула пальцем в Александра.

— Можно будет кинуть дополнительную проводку вдоль стен, под потолком и там расположить ряд ламп. Здесь не нужен свет как от софитов, но все же его должно быть побольше! Посредине потолка тоже можно будет кинуть несколько ламп — пусть место дефиле будет освещено лучше. И как-то продумать, чтобы лампы эти... задекорировать, что ли! Не на голой же проводке они будут болтаться?

Александр подумал и что-то чиркнул себе в блокноте.

Елена вмешалась:

— Могу привести декоратора...

Александр обреченно кивнул.

— А подиум Вы делать не будете? — повернулся Косов к организаторам.

— Ага! А я тебе, Саша, говорила! — опять торжествовала Елена.

Александр начал возражать, что потолки низкие — какой подиум?

— Да я же не говорю, что Вы должны задрать этот помост на метр! Но поднять место прохода моделей сантиметров на тридцать-сорок над полом все же нужно! — Иван ходил по залу, раздумывал, — сколотить его из досок, да обтянуть тем же брезентом! Времянка — ну да и пусть! Только чтобы ровно все было, а то девочки ноги переломают!

Теперь уже Александр приободрился:

— Вот, Елена Георгиевна! А Вам — ковры подавай!

— А где будет гримерная, раздевалка? Или как там называется помещение, где будут развешаны модели одежды, и где девушки будут переодеваться? — продолжал размышлять Косов.

— А они решили в ту комнату все поместить! Представляешь, Иван? — Елена как-то по-бабьи всплеснула руками.

— Это где сейчас чай пьют? Да нет, Александр, там это будет сделать вовсе невозможно! — удивился Косов.

Они прошли из зала в другой коридор, коротенький, переходящий в какую-то бытовку, двери которой выходили в совсем уж крошечный коридорчик, ведущий к двери во двор ателье.

— Да вот — эта бытовка и то больше подходит! Тут и вешалки можно разместить, и те же столики. Да просто — стакан воды выпить. И место для гримера! У Вас же будет гример? Ну — девчонкам макияж поправить, прическу там... — Иван старался мыслить логически, как это все провести организационно.

— А вести показ кто будет? — спросил он у Елены.

— Вести буду я. А вот в гримерке... она же — костюмерная, нужен еще кто-то, кто будет помогать девочкам переодеваться. Гример опять же... ну — здесь я знаю, кого привлечь!

— Елена Георгиевна! — взвыл Александр, — не забывайте про бюджет мероприятия! Он не резиновый!

— Знаешь, Саша... Вы ведете себя как... жиды! За копейку — удавитесь! Вам же нужен модный показ, мероприятие о котором будут говорить все женщины в городе! От этого и количество заказов зависит, и продажи, и доходы! А вы... ну давайте облачим моделей в мешковину, а проводить все будем... в клозете! Зачем же тогда все это начинать?

— Да нам и так уже пришлось все производство из этого здания перенести! Сейчас здесь только приемка осталась, да стол выдачи готовых заказов! Швей сейчас в бывшем складе разместились! А там... пришлось и освещение заново проводить и печи ставить!

«Похоже, что так они «собачатся» уже не впервые!».

Косов, не обращая внимания не перепалку женщины с мастером, еще раз прошел по помещениям, прикинул что к чему. А потом озвучил свои предложения. Они еще спорили минут тридцать, а то и больше. Елена все больше улыбалась, ей происходящее явно нравилось, а вот мастер «смурнел» все явственнее.

— Я даже не знаю, как все это докладывать Николаю Яковлевичу! А уж дирекцию как уговаривать?

Елена приобняла Александра за плечи:

— А давай мы вместе с тобой сходим! Я думаю, вдвоем нам получится все объяснить и убедить Ваших... старичков!

Когда они вернулись в комнату для «попить чая», девушки были уже полностью одеты, и занимались — кто чем. Змеюка Рита что-то чиркала в блокноте, а Фатьма и блондинка Клава листали какие-то журналы.

— А что, Иван, может у тебя есть еще что-то в памяти — из моделей одежды? — запивая чаем баранку с маком спросила Елена.

Александр сразу же забыл про грусть-печаль и явно насторожил уши. Рита смотрела на Косова с удивлением, а Фатьма — с интересом. Лишь «Блонди» не отвлекалась от журнала.

«И чего я им могу предложить-то? Что еще помнится из будущего? Что там еще носили женщины?» — пытался что-то вспомнить попаданец.

— Ну вот... если... Это вроде бы называлось — коктейльным платьем. Там... в тех журналах. Там еще статья такая была. Что оно надевается для приемов, которые начинаются до семи вечера. Без рукавов и плечей. Открытое. Ткани дорогие, но не из самых дорогих. Зимой приемлемы цвета черный и красный. Летом — более светлые, из тонких тканей. Длина — чуть выше колена.

Как и ранее, Александр сразу же стал накидывать женские силуэты, а Иван подсказывал, какое должно быть платье. Елена под села ближе к Александру. Так они и сидели — мастер в центре, а по краям — Косов и Елена. Фатьма под села к Ивану с другой стороны и тесно прижалась, приобняв его за талию.

— Что-то очень знакомое! — задумчиво произнесла Елена, — я уже видела где-то что-то подобное!

Подруга, увлеченно разглядывая получившиеся силуэты, положила голову Косову на плечо. Было не очень удобно, и довольно тяжело. Но — до одури приятно! Иван почувствовал, что даже чуть задерживает дыхание и млеет. А потом... потом он почувствовал, как кто-то навалился ему на спину, и начал тихонько и приятно дышать почти в ухо. Эта тяжесть на спине была приятно-упругой. Чуть покосившись, он увидел лицо Риты, которая внимательно смотрела на эскизы будущих нарядов. Почувствовав или увидев его взгляд, она улыбнулась уголками губ.

«И довольная такая! Вот же где... змея!».

А приятно, приятно ощущать вплотную к себе... и сбоку и сзади двух красивых женщин! И дыхание их — одной — слева... по щеке и уху. И другой красотишки — с другой стороны... в шею и другое ухо... приятно и возбуждающе щекотали лицо и волосы. И Косов почувствовал... определенное шевеление в паху.

Он осторожно, по сантиметру, просунул правую руку вниз и потянул ее назад.

«Где же ты... а-а-а... вот ножка! И по ножке... вверх! Гладкий и приятный чулок и такое теплое и упругое его наполнение!».

Скосил глаза вправо и назад. Рита подвинулась еще ближе и улыбалась, скрывая свое лицо от Фатьмы за его головой.

«И дыхание ее... изменилось! И на эскизы смотрит уже не так внимательно!».

А тут и Фатьма толи почувствовала что-то, толи по женской интуиции — тоже прижалась теснее. А потом... протянула левую руку и положила ее ему на пах!

«Это, мля... что за соревнование?!».

— Так... а не слишком ли коротко будет? — сбил весь настрой Александр.

Иван откашлялся.

— А это... давай вот у женщин спросим! — Косов перевел ответственность за решение вопроса на других.

Женщины дружно заявили, что «если вот так — то нет, все нормально! А вот если чуть короче... то, да — возможно уже и коротковато!».

— Иван! Еще! — потребовала Елена.

«Вот же... черт возьми!».

— Ну вот... почти тоже самое. Но не совсем! Мадам Коко Шанель придумала его еще в двадцать шестом году... по-моему... Называется — маленькое черное платье. Оно может быть совсем простым, а можно чуть усложнить его...

И опять — рисунки, правка их, бурные обсуждения. И опять — теплое дыхание в оба уха, и по шее. Он уже всю тискал левой рукой за бедро подругу, а правой — наглаживал по ножке Риту.

— Еще вспоминай, Иван! — требует Елена.

— Да что же такое-то? Ну не помню я!

— Девочки! Нужно как-то подвигнуть Ивана на воспоминания! — откровенно смеется Елена.

Александр вмиг стал пунцовым, и рисунки его стали резко хуже.

— Ну... может если только купальники? — засомневался Иван.

— А что с купальниками? — негромко спросила у правого плеча Рита.

— Ну... вот я видел только сплошные купальные костюмы для женщин.

— Раздельные тоже есть. Только вот они... какие-то... не очень! — Рита высказалась.

— Да я тоже их видел. Но вот мне не понятно — почему трусики в купальных костюмах такие... высокие? Я понимаю, если женщина полная — ну... там... животик спрятать! А если стройная, как вот... наши красавицы? Тогда зачем?

И опять — рисунки, рисунки, рисунки...

«Ага... бикини! Пусть и не такие узкие и откровенные. Хотя... там, в будущем — бикини вовсе не самые откровенные наряды. Скорее — уже классика!».

— Можно с боку задрапировать тело этакими бантами! Или вообще — что-то вроде юбочки поверх трусиков нашить! Вот я видел в парке девушка на коньках каталась — у нее поверх трико была такая юбочка коротенькая! Ну — здесь простор для воображения!

К удивлению Ивана, не «бикини» и не маленькое черное платье вызвали самые тяжкие раздумья присутствующих. А — женские брюки! Когда, по наводке Ивана, Александр изобразил женский брючный костюм! Классические неширокие, а скорее узкие брюки; пиджачок, похожий на мужской.

— Здорово! — выдохнула ему в ухо Рита, — как же здорово! Я такой костюм уже хочу!

— Хочет она! — усмехнулась Елена, — ты как рассчитываться будешь? Твоей зарплаты явно на все нехватит — ты уже и белья набрала, и юбку с платьем! А сейчас еще и этот

костюм!

— Ну не знаю... а может я с Александром как-то договорюсь? — и дыхание Риты от уха Ивана переместилось в сторону Александра.

— Так, красавица! Ты тут нашего мастера с мыслью и настрою не сбивай! — выручила пунцового Александра Елена.

Потом Елена с мастером принялись довольно долго обсуждать — насколько вызывающе будут выглядеть на женщине такие брюки. Сомневались они... и даже мнение Риты, выразившееся в словах, что, дескать, ей плевать на мнения окружающих — она хочет этот костюм! не очень убедили их.

«Ну да... я же где-то слышал, что женские брюки — считались чуть ли не вызовом обществу! Даже где-то и кого-то арестовывали за ношение брюк. Только не помню, где и кого!».

— А что еще? — снова Елена.

— Да что еще-то? Уже времени сколько? По домам нужно идти! — возмутился Иван.

— Ваня! У нас мало новинок для показа! Мало! Вспоминай еще! — требовала Елена.

— Ну не знаю... Вот только... если — обувь.

— А что с обувью? — заинтересовалась Елена.

— Ну там... модели разные. Каблочки... носок моделей можно изменить.

— Так, Александр! Давай — рисуй! А ты, Ванюша, объясняй!

В рисунках появился каблук «рюмка», и даже — «шпилька»! туфли «лодочки», ботики, сапоги «ботфорты».

— И как же на таком ходить? — ужаснулась Фатьма, разглядывая «шпильки».

— Чем выше каблук, тем больше напряжены голень и мышцы ягодиц. А значит — попа и ножки будут выглядеть красивее! — объяснил то, что помнил из будущего Косов.

— Да ты садист, Иван! — покосился на него Александр.

— Красота — требует жертв! — как отрубил Иван.

— Нет... ну если ненадолго, как сменная обувь для различных праздников, то, наверное, можно и потерпеть — ради красоты! — задумчиво протянула Елена, глядя на эскизы, — Александр! А Ваши сапожники могут такое пошить? И если могут — то за сколько времени?

— Елена Георгиевна! Здесь же не только пошить, тут и ходить на таком нужно научиться! — попытался остудить «зуд» Косов.

— А я бы — научилась! — заявила Рита.

— Еще, Иван! — не унималась Елена Завадская.

— Да хватит уже! Ну... еще — аксессуары разные... пояса там, шляпки, перчатки, сумочки!

Показалось, что Рита застонала, продолжая прижиматься к нему, нависая:

— Ой, как я все это люблю — сумочки, перчатки, шляпки!

Даже Клава заинтересовалась:

— Шляпки — это интересно!

Елена, к облегчению Ивана, а еще более — Александра, посмотрела на всех и сказала:

— Так! Действительно, нужно прерваться. Все уже устали, и больше всего — наш Александр! — она с виноватым видом погладила того по руке, — ты уж, Саша, прости нас! Просто, когда идет речь обо всем этом, женщины забывают о прочем!

— Иван! Отпустим Александра, а пока девочки собираются, пошли пройдемся по помещениям еще раз, и посмотрим — не забыли ли мы чего? Это хорошо, что ты, наконец-

то, нашел время и зашел сюда! — Елена поднялась и требовательно посмотрела на Косова.

Они прошли по помещениям. Иван начал что-то говорить о мебели для показа, но Елена потянула его за руку в ту бытовку, где обняла его, и потянувшись к его губам, сказала:

— А ты, юный негодяй, решил обмануть меня?

— С чего ты сделала такой вывод, красавица? — чуть возмутился Косов.

Ну не стоять же ему столбом? Пришлось взять ее чуть ниже талии!

— Ну как же? Кто обещал мне прийти ко мне в гости? А сам и носа не показывает — ни на службу ко мне, ни домой!

— Леночка! Красавица! Да я же со всей душой, но ведь и у меня дела есть!

— Вот! Вот вы все такие — все дела у Вас, дела! А кто-то многое обещал бедной женщине!

«М-да... обещал — нужно делать!».

— Да я же и не отказываюсь, красивая! Но ты же понимаешь, что вот сегодня — уж точно никак! Я Фатьму уже две недели не видел!

— Мерзавец ты, Ванечка! Ну и когда?

— К-х-м-м... может быть завтра? — предложил Косов.

Она засмеялась:

— Нет уж! Завтра — ты мне будешь не нужен! Если две недели Фатьма тебя не видела, то сегодня... Нет — ты должен быть бодр и неутомим!

Косова немного покоробили слова Завадской:

— А ты... не боишься меня?

— А чего я должна бояться? Я же сама хочу этого!

— Ну-у-у... может я очень требователен в постели? Может тебе это не понравится?

Она рассмеялась:

— Ну как же об этом судить, Ваня, не попробовав? Знаешь, я все-таки... осмелюсь!

— Ну ладно! Ты сама этого хотела!

Она поцеловала его в губы и прошептала на ухо:

— Я и сейчас этого хочу!

Потом отстранилась от него:

— Ладно... чего уж себя пережигать. Подожду еще немного! А вот скажи — как тебе понравились мои... девочки?

Иван хмыкнул:

— Ну... Клава. Она хоть и красива... внешне. Но вот эмоционально как-то не очень!

Елена засмеялась:

— Не так! Не эмоционально! Она просто... глуповата! А Рита?

— О! Рита это... Рита! На мой взгляд... она — опасна. Стерва первостатейная, по моему! Но... не в моем вкусе. Фигура, конечно — высший класс! Но вот этот вид — молочная кожа, рыжая, в конопушках... Нет, не мое!

— Ну и зря! Там такой огонь, что ты! А ты вцепился в свою смуглянку...

Косов потер кончик носа:

— А вот скажи... а ты с этой Ритой... сама... тоже?

Елена с интересом посмотрела на него:

— А ты что — не принимаешь такого?

— Да нет... отчего же. Любопытно. Но — не более! И да — противником этого я не являюсь! Только вот... мне кажется, что Фатьму... не надо к этому склонять. Она не такая! И

портить мне ее — не смей!

— Вот как?! Не смей? Хотя... ну и ладно! Немного жаль, конечно... Я честно скажу — хотела бы попробовать с такой... южаночкой. Но, если это твое условие, то и ладно! Но! Попробуй только меня обмануть! Знаешь, как мстительны и изобретательны могут быть отверженные женщины?

— Не пугай! Во-первых, я не собираюсь тебя обманывать! Я и сам... хочу. Только сразу предупреждаю... я требователен, как уже говорил. А во-вторых... ладно — довольно и первого!

Она снова обняла его, впиалась губами в губы.

— Ох... когда встретимся? И да... может... Ритку пригласить? Посмотришь... на нас? — она с ожиданием смотрела на Косова.

— Интересно... Но знаешь, для первого раза... не стоит! Мы же помирать не собираемся? Еще успеем попробовать, да?

— Я буду ждать с нетерпением!

Иван про себя улыбнулся и прижав ее к себе рукой за попу, провел правой рукой по низу живота.

— А ты не... мокрая сейчас?

Елена засмеялась негромко:

— А я давно уже... мокрая!

— Ну так... когда мне тебя навестить? В четверг?

Она чуть задумалась:

— Да! В четверг будет в самый раз! И... все — иди! А то я не хочу видеть сейчас довольную мордашку твоей подружки! Боюсь — зарычу от зависти!

Когда они с Фатьмой шли к ней домой, не торопясь, прогулочным шагом, женщина была задумчива.

— О чем загрустила, душа моя? — улыбаясь и любуясь ее красотой, спросил Косов.

Она чуть встряхнулась, и посмотрев на него, тоже заулыбалась:

— Ты знаешь, Ваня... Что-то мне все это не нравится. Нет, так-то даже интересно! Но вот... не нравятся мне эти... девушки! Да и Елена...

— А что такое?

— Ну... Клавочка — та просто дура-дура! Просто вот — на удивление глупая! А манерная какая, жеманная вся! И разговоры у нее только... про мужиков! Даже не про самих мужиков, не про это самое... А про то, кто и что ей подарил! Дура и хвастушка! А уж гонору в ней сколько!!! Мне как-то вовсе не понравилось с ней общаться! Хоть и красивая, но тупая кукла!

Потом помолчала:

— А Рита... Она умная, но... стерва первостатейная! Даже не так! Она... сволочь, вот! Она все продумано делает, все — не просто так! А уж как она над Клавочкой издевается! Тонко так, даже сразу и не поймешь! А от того — еще более противно! А та, дура, ничего не понимает! Еще и подружкой Ритку считает! В общем, мне такие знакомые и на дух не нужны! И если и остальные такие же — ну их к черту, такие знакомства!

— А Елена что же? Ты же ее интересной считала?

— А Елена... меня знаешь, что обидело? Когда она нас только познакомила, ну — в первый день... Клавка сразу нос стала задирать, цаца такая! А Ритка — присматривается-

приглядывается. И нет-нет, да на Елену поглядывает! А потом... тоже стала такие... подколки отпускать. Вроде и тонко, и даже не обидно... на первый взгляд. А потом чувствую я — толи в космы ей вот-вот вцеплюсь, толи — расплачусь! Так обидно стало! И даже не то обидно, что сука эта надо мной издевается, а то, что Елена на это смотрит так... изучающе. Как я отреагирую? И улыбается! Обидно мне стало, что я в ней... в человеке ошиблась! Закусило меня, понимаешь?! Ну, думаю, бросать это все негоже. Да и ты, вроде бы, мне это советовал. Но вот только... как только закончится вся эта канитель с показом — на дух они мне не нужны! Буду работу искать. Пусть и в столовку снова пойду, пусть посуду грязную мыть! Но только — не с такими... общаться-разговаривать!

— И что... даже не хочешь попробовать... ну — с Еленой?

Женщину ощутило передернуло от отвращения!

— Нет уж, Ванечка! Такие эксперименты не по мне!

Потом помолчала, засмеялась:

— Вот если бы... с какой-нибудь нормальной девчонкой... Душевной... Может быть и задумалась бы. Но вот с этими... нет!

Может от переживаний этих, или от разлуки двухнедельной, но Фатьма была той ночью нежна и неутомима. Ах, какая женщина! И свечи она уже расставляла сама, поглядывая на Ивана и улыбаясь.

И правда, вряд ли бы стоило следующим вечером идти к Елене. Очень вряд ли бы той понравился он, как любовник! Уж Фатьма постаралась!

Уважаемые читатели! Решил в тексте, для удобства НЕлюбителей откровенных сцен, делать предупреждения — о начале такового отрывка, и об окончании. Будьте внимательны! После этого претензии об «откровенной порнографии» приниматься ко вниманию не будут! Все люди взрослые, должны понимать и принимать предупреждения!

Начало текста с откровенной сценой. Предупреждаю! Алярм! Ахтунг! Нервным и впечатлительным, а уж тем более — высокоморальным! — не читать!

Иван брел по улицам города в задумчивости. Текущие проблемы не то, что навалились, но и расслабляться особо не давали. Соревнования прошли и физически можно было вроде бы чуток расслабиться. Однако занятия в стрелковом кружке таковой возможности лишали напрочь!

Как правильно говорил тот же Шедько, в Доме Красной Армии занятия велись по углубленной схеме — ладно там первая степень Ворошиловского стрелка, она уже позади! И даже корочки ему вручили, и значок выдали. Но среди знающих людей этот значок особым почтением не пользовался — его считали несколько... детским. Ну что там — «тозовка»?! Для детей, в крайнем случае — подростков! Даже тот же «наган» и винтовка Мосина для занимающихся в кружке были начальной ступенью овладения стрелковым искусством.

Хотя вот — «мосинка»... Для Ивана она оказалась не такой уж простой в овладении! Нет, так-то он изучил ее уже на «отлично» — и даже на спор с «шестаковцами» разбирал и собирал ее с завязанными глазами, и даже — на время. Но вот сама стрельба... Получается — не снайпер он! Вот ни разу не снайпер! Дистанция на триста шагов оказалась для него предельной по хорошим результатам. Чуть более двухсот метров, что там сложного? Ан — нет! Результаты были неоднозначными! Разброс попаданий откровенно бесил — то все шло в «кучку», которую можно ладонью накрыть, то — россыпь отверстий по всему полю мишени! И ведь ничего не понять — и зрение хорошее; цель, ну то есть мишень видно отлично, и методику стрельбы стараешься выполнять правильно. А результаты... нестабильные!

Квашнин походил возле мишени, похмыкал, развел руками и предположил:

— Тут, Косов, только практикой можно исправить... Наверное...

А сейчас, в рамках углубленного курса инструкторы стали давать им теорию и ТТХ Тульского Токарева, автомата... пардон — пистолета-пулемета Дегтярева, Дегтярева пехотного, пулемета Максим. И сразу стало видно различие между парнями и девушками! Ну не давалось грубое и тяжёлое «железо» девушкам! Там и парням-то хватало возможностей пошибать руки, а уж девушкам...

Инструктор пообещал в скором времени выезды на полигон, для овладения всем перечисленным в практической сфере. Интересно-интересно...

Хотя... Косов и тут выпендрился! Покрутив и оглядев «тэтэшник» пробурчал, что хоть пистолет и очень неплох, но и недостатков хватает. Квашнин, проходящий мимо, рассердился и предложил Ивану озвучить свои замечания и предложения. Попаданец, «не мудрствуя лукаво», вывалил присутствующим те знания об изъянах пистолета, которые ему были известны из будущего. Ну там... система предохранения ни к черту; слабая пружина-

фиксатор магазина пистолета — магазин при неосторожности легко вываливается из рукояти; рукоять короткая, неудобная; расположение патронов в магазине неоптимальное; емкость магазина недостаточна!

— В шахматном порядке, говоришь? До шестнадцати патронов увеличить? И рукоять чуть наклонить для удобства? Ты, Косов, знаешь, что? Вот выучись на инженера-конструктора, да и организуй все на должном уровне! А пока... используй то, что есть!

— Товарищ инструктор! Так я же... разве я не прав?

Ответа от Квашнина не поступило.

«Вот оно мне надо было — так выступать? Все же тело, а значит и голова молодого парня заставляют совершать необдуманные поступки, или молоть языком там, где стоило бы промолчать! Вот и сейчас — куда я направляюсь? А направляюсь я в гости к Елене Завадской! И, по большому счету — оно мне надо? Вот если да — так нет! Чего тебе не хватает, собака серая?! Фатьма — красавица, нежная и страстная женщина! А тебя куда несет? Нет, если уж пообещал, надо выполнять. Но кто заставлял обещать? Или нижняя головка полностью победила верхнюю голову?».

«Нет, ну так-то... если честно признать — женщина, Елена, конечно, красивая! Ухоженная и манеры — без изъянов. А что такие тараканы в голове? Так у кого их нет, этих насекомых? Так даже интереснее и пикантнее!».

«А вот то, что ты, придурок, по времени и месту встречи не договорился заранее, так это что? Мобилы тут нет, не позвонишь и «эсэмэску» не пошлешь! Обо всем нужно продумывать и договариваться заранее. И договоренности эти о времени и месте принято соблюдать, по понятным причинам!».

Пришлось Ивану топтать в театр оперы и балета, чтобы там уже перехватить красавицу. И топтать заранее, а то вдруг — отлучиться Завадская? И где ее потом искать? Дома? А во сколько она будет дома? И топтаться возле дома на, пусть и легком, но все же морозце, никакого желания нет — если ее дома не окажется. А если она дома и уже ждет? Негоже заставлять женщину нервничать!

Зайдя в фойе театра, Иван стал оглядываться и присматриваться — у кого бы спросить, где находится его, пусть и невольная, но — пассия?

«Ага... вот бабушка-вахтер, у нее и поинтересуемся!».

— Елена Георгиевна? Да, здесь, у себя должна быть. Только Вам туда, молодой человек, нельзя! Негоже посторонним по внутренним помещениям театра шастать!

— А не могли бы Вы как-то известить ее о моем приходе?

— Так кого же я туда отправлю, не видите разве — в фойе никого нет?

Иван уже самостоятельно «отловил» пробегающую мимо девчушку и попросил передать Завадской, что некий Иван Косов находится в фойе театра. Девушка мазнула по нему заинтересованным взглядом и пообещала передать. И даже слово свое сдержала — через несколько минут в фойе быстрым шагом вышла... балеринка! Как положено — в белом трико, пуантах, и пышной пачке! Вот только на плечах у нее была накинута вязанная темная кофта, что несколько смазывало картинку белого лебедя.

«И макияжа на лице нет! А вот нос у нее... великоват! Даже побольше, чем у Майи Плесецкой! А так... если не обращать внимания на лицо — очень интересная девчушка! Ножки вот только немного худоваты, и все перетянуты канатами мышц! Но все равно... все равно — балерины... это что-то! Несмотря на разность вкусов у мужиков — ни один не откажется... попробовать и замутить с балеринкой! Экая... птичка! Там же и растяжка —

ого-го!»).

Следуя за девушкой следом, по пути в костюмерную, Иван все время без стыда разглядывал стройные ножки и чуть видимую при колыхании пачки попку. Как еще дырку на трико не прожег? Похоже, взгляд его был... несколько материальным, потому как, подведя его к одной из дверей, девушка приоткрыла ее и чуть заглянув, крикнула: «Елена Георгиевна! Я его привела!», потом повернулась к Ивану и оглядев его с ног до головы, фыркнула: «Нахал и хам!», а после этого гордо вскинув голову, удалилась вдаль по коридору.

«М-да... вот же... мышь! Белая!».

Иван постучался и зашел в помещение. Оно было большим! Даже очень! И везде, как и представлялось ранее, стояли шпалеры костюмов. Ими было заставлено все помещение, а еще они свисали на балках, на каких-то тросах с потолка. Костюмами были завешаны и стены помещения. И лишь вдоль одной стены в ряд располагались раскроечные столы, и столы со швейными машинками.

— Ванечка! Как я рада, что ты пришел! — подошла к нему Завадская, чмокнула в щеку, и засмеявшись, вытерла след от губной помады со щеки.

Иван мазнул взглядом вокруг. Женские голоса звучали откуда-то из-за шпалер, но видно никого не было. Он бесцеремонно приобнял за бедра женщину, подтянул к себе, и крепко поцеловал в губы.

— Ну что ты! Ну что ты делаешь?! — горячим шёпотом ему в ухо, — Люди же здесь! Увидят и зачем мне эти разговоры? Ну потерпи немного, торопыжка!

«Ага! А сама только прижимается сильнее и рук с попы не убирает!».

— Ну все, все! Пойдем, я тебя представлю своим девочкам!

Они зашли за ряды костюмов. Здесь был образован такой, довольно уютный, закуток. Стоял большой и длинный стол; кожаный потертый диван с валиками и слониками на наддиванной полке; а также несколько довольно потрепанных, но — венских! стульев.

— Вот, дамы! Позвольте представить — мой хороший друг Иван! Ванечка у нас начинающий, но очень талантливый автор песен! Вы и сами уже могли слышать их — и по радио, и на концертных площадках! А еще он — очень симпатичный молодой человек, умный и с хорошим чувством юмора! И еще, хочу предупредить, девочки — Ванечка у нас завязтый ловелас. Так что — будьте осторожны!

И засмеялась...

«М-да... вот это представление! Тут и какая-нибудь... фригидна заинтересуется мужчиной. А зачем она это сделала? Как сватовство какое-то. Или, скорее — сводничество. И смех ее, этот... Ба-а-а! да она, похоже, возбуждена, как кошка! Или опять под марафетом?».

На диване, на стульях и вокруг стола сидели и стояли несколько девушек и женщин. Парочка девушек помоложе в балетных пачках, а еще... трое — в обычной, но красивой одежде.

«Ну да, тут же швейный цех! Поэтому и одеты женщины довольно элегантно, со вкусом! Сапожник без сапог — это не про этот случай!».

Лишь одна из женщин была обычной, чуть полновата и такой себе — обычной внешности.

«Ну, балеринки — понятно: очень яркие девушки... хотя... какие они девушки? Это уже вполне себе женщины! Как бы не под тридцатник! Грим меня с панталыку сбил! Еще одна дама, вполне себе — ничего так! И — Рита! А вот Клавоочки-дурочки не видно...».

— Зинаида Петровна у нас — мастер высокого уровня! Это не швея и не портной — это кудесник красивой одежды! — представляла Елена присутствующих дам.

«Это она про эту, внешне обычную женщину!».

— И не побоюсь сказать, но Зина у нас — лучший мастер в городе! Даже твой знакомый Александр к ней в подмастерье не годиться! — «а Елена — молодец! Вон как приятно женщине!».

— Ну — Риточку ты знаешь! — Ритуля на слова Елены чуть прищурилась от дыма, поднимавшегося от длинной папиросы в ее руках, и кивнула ему как старому знакомому, — эта женщина-вамп — моя давняя приятельница Софочка!

Иван раскланялся с дамой «ничего себе».

«Ну-у-у... я бы не назвал ее — вамп. Очень симпатичная, даже красивая, но уж — не вамп!».

— Девочки — Света и Екатерина! — ага... эти в пачках.

— У нас сегодня, Ваня, такой... междусобойчик с девчонками! Начальства сегодня в театре нет, вот мы и решили чуток посидеть, отдохнуть от повседневных забот!

Женщина-вамп наклонилась за диван и подняв оттуда поднос, переставила его на стол. На подносе стояла початая бутылка красного вина, фужеры и немного фруктов в вазе.

— Ну, значит — я вовремя заглянул в Ваш очаровательный и уютный уголок! — Иван, в свою очередь, потянул с плеча свою сумку и, расстегнув ее, начал доставать и выставлять на стол содержимое.

«М-да... с одной стороны — хорошо, что озаботился купить все это. С другой стороны — по пути к Елене вновь нужно будет зайти в магазин, восполнить потери!».

Бутылка коньяка, бутылка белого игристого вина, и еще — красного полусухого. Далее — коробка шоколадных конфет, пара плиток шоколада, несколько яблок, и готовые бутерброды с колбасой, сыром и бужениной.

«Хорошо, что уже есть определенные магазины. Такие — где дорого и не всем по карману, но зато и ассортимент богатый! А еще хорошо, что не поленился — поулыбался продавщице, сунул ей трешку «сверху кассы», и она приготовила бутерброды!».

— Да молодой человек — гусар! — удивилась с улыбкой «вампуса».

— Я бы предпочел наименование — кавалергард! — улыбнулся Иван, встал по стойке смирно и, щелкнув каблуками ботинок, обозначил кивок.

— Однако! Леночка! Ты где нашла такую прелесть? Хотя... молоденький совсем! — «вамп», похоже, тоже чем-то «закинулась»!

— Мадам! Молодость тот недостаток, который быстро проходит! — продолжал «валять Ваньку» Косов.

«М-да... дурень! Как есть — дурень! В женской компании такое ляпнуть! Дамы как-то завздохали!».

— А еще, Софи, Ваня — очень хорошо разбирается в женской одежде! Помните, девочки, я Вам белье показывала? Так вот — это он придумал и нарисовал! — Рита элегантно стряхнула пепел с папиросы в пепельницу, и чуть мазнув Ивана взглядом, улыбнулась.

«Чего это они мне такую рекламу устроили? Нет, так-то я и не против! У меня сейчас кровообращение пошло по малому кругу — член-голова! И дамы, ну — кроме швеи — все очень даже... очень! Но — зачем, и главное — нахуя? Или они так против Фатьмы сговорились? И Елена, и Рита же знают о наших отношениях!».

— Да-да! Очень разнообразно одаренный молодой человек! — улыбалась Елена, — и к тому же, насколько я знаю, за его песни ему идут отчисления от филармонии! То есть, юноша обеспеченный!

Чтобы как-то отвлечь внимание дам от своей такой... многоплановой персоны, Иван спросил:

— Красавицы! Так мне вино открывать?

Дамы засуетились, и уже через несколько минут стол был сервирован, как это позволяли несколько стесненные в средствах условия. После нескольких тостов, дамы зашебетали о своем, прерываемые Иваном для прослушивания анекдотов и шуток. Было весело!

— Много не пей, Ванечка! — наклонившись к нему, прошептала Елена, — у тебя сегодня будет трудная ночь!

И чуть слышно засмеялась.

— Я и не пью, так — коньяка чуть пригубил. Но и ты в таком случае — не переборщи. Нетрезвая женщина — это, конечно, пикантно. Но — в меру нетрезвая!

— Ну ты еще меня поучи к ночи готовиться! — и опять чуть хриловатый, негромкий смех.

Улучив момент, одна из балерин поднялась со своего места и присела рядом с Косовым, который расположился в торце стола. Прямо попой на стол!

«Вызывающе, однако!».

— Ванечка! А может Вы нам споете? — и в глаза так... очень откровенно уставилась. И ресницами своими накрашенными — блым-блым-блым! А потом... вообще ножку подняла и поставила ее на стул Ивана, и наклонилась, демонстрируя декольте.

«А демонстрировать-то там... особо и нечего! А вот ножка... Ножка — хороша!».

Косов потянулся к женщине, заставив ее в ответ наклониться к нему еще больше, и почти на ушко:

— Я бы с удовольствием спел тебе наедине! У меня есть такой инструмент... тебе точно понравится! — «Ну да, грубо! Пошло! Но — тут такой навал идет, что только так и реагировать!».

Женщина заулыбалась, раздурманилась. А вот то, что за столом разговоры чуть стихли, ни он, ни женщина — не заметили!

— Светочка! Дорогая моя! Ты ведешь себя несколько вызывающе, не находишь? Ванечка — мой гость! — Елена улыбалась, но улыбка была... нехорошая.

— Светик сегодня чуть перебрала. Да, милочка? — это Ритка поддержала подругу.

— Да ладно Вам! Хорошенький мальчик! Жадная ты, Ленка! Вот везет тебе на мужиков, а ты — жадничаешь! — балеринка вернулась на свое место, но уже оттуда зыркнула на Ивана и недвусмысленно улыбнулась.

Пришлось Ивану петь, чтобы снять напряженность в женском обществе. И гитара нашла тут же! Дамы притихли, глазки затуманились. Романтик, мля!

Съели и выпили все Косовские припасы. Иван и сам чувствовал, что в голове зашумело — все-таки выпить граммов сто пятьдесят пришлось! Потом Елена выпроваживала своих гостей-подруг, оттирая от Косова настойчивую Светочку.

Уже от дверей он услышал шепот Завадской, которая втолковывала подруге:

— Светка! Ты что такая есть-то? Ну подожди немного, имей терпение! Я не жадная, но я хочу быть первой, поняла?!

Это несколько возмутило его, чуток сняло хмель. И вообще сдуло небольшое опьянение, когда в коридоре, пользуясь тем, что Завадская задержалась в костюмерной, давая последние указания остающейся Зинаиде Петровне, Риточка прижала его к стене и зашептала:

— Хрен ей, Светке, этой кошке драной! Когда Лена с тобой наиграется, я буду второй, понял?! И ничего мне твоя чумазая не сделает!

Ивана возмутили слова красотки о Фатьме:

— А меня ты даже не спрашиваешь? И вот что — Фатьму даже не вспоминай, поняла?

Та чуть ослабила напор и несколько виновато прошептала:

— Да ладно тебе! Ну... красивая она, красивая! И что теперь? Почему она, а не я?

— Потому что она — хорошая, а ты — стерва! Злая, завистливая стерва!

— Вот как? Ну да... я — стерва, и что? Зато я, знаешь, как умею! Ты попробуй! Попробуй! Я... тебе понравится! И еще... я не ревнивая, вот! А хочешь... я с Леной тебя ублажу? Хочешь? И даже... можно еще кого-нибудь и мужчин позвать. Я даже так согласная!

— Слушай! Тебе что — мужиков не хватает? Ты же — красавица! Только помани, сколько у твоих ног будет? — опешил Косов.

— Да... надоели мне эти... козлы! Похотливые, трусливые... и жадные! Мне же Лена рассказала, сколько ты подарков этой... своей... подарил! Вон как одел ее! Как с картинки! — она подняла руку и погладила его по щеке, — а еще ты... молоденький, сладкий такой! А эти... елозят-елозят, а толком ничего сделать не могут. Противно! А мне знаешь, как хочется? Чтобы прямо — у-х-х-х! Чтобы голову от восторга срывало!

Из дверей костюмерной вышла Завадская.

— Ну ты подумай, Ванечка! Я подожду! — Ритка опять погладила его по щеке, потом засмеялась и обращаясь к Завадской:

— Ну, Леночка! Здоровья и удачи! Чтобы ночь была бессонной!

«Ну и как мне ко всему этому относиться? Они чего это — взбесились все разом? Перепили? Да вроде нет — все на своих ногах ушли! Ага... вот есть шлюхи — это женщины! А мужчина — шлюх? Чего это они на меня так «навелись»? Или это зависть к Завадской? Она тут у них, получается, вроде авторитет и неформальный лидер. А значит — если альфа-самка чего-то себе присмотрела — значит это стоящее дело? И очень хочется себе вот это же самое? Ну, хотя бы — после того, как альфа-самка наиграется? Как там эта теория называлась... в будущем? Этология, вроде бы? То есть я сейчас видел воочию, как это действует в стае обезьян? Вот... мартышки, ей Богу!».

Они шли, прогуливаясь, с Еленой по улице, и Иван пытался глубоким дыханием выгнать из нутра весь хмель.

— Ты мне можешь сказать, что сейчас это было? Чего это — и Света, и Рита взбесились?

Она засмеялась, поглядывая на него.

— А ты сам не понял? Ну... Ритка с первого раза на тебя «запала». А я еще, сдуру, ей рассказала, что все вещи и украшения, что на Фате — ты подарил. Сам представь: Ритка, она никогда излишней моралью не была отягощена! А тут — молодой, красивый, щедрый... И не у тебя! Как такое терпеть красивой женщине? А мы с ней подруги. Точнее, я ей вроде старшей сестры. Вот она и поперед меня не лезет, но и просто так лакомый кусочек упустить не желает! А Светка... она как развелась со своим... педрилой... Так все никак не может мужика найти. Все ей попадаются какие-то... козлы! А если не козлы, то импотент какой-нибудь встретиться! Вот девке голову-то и срывает!

— Х-м-м-м... а почему с педрилой? Ну — развелась Светка с которым?

— А-а-а... дело, в общем-то, среди балетных обычное. Здесь нормальных мужчин... очень мало! Редкость это! Все наши... мужинки грешат... своими задницами.

— Так на кой хрен тогда было за такого замуж выходить?

— А тут ты не знаешь нашей балетной кухни! Бывает такое... нечасто, но бывает: сговорится девочка с таким... мужинкой пару создать, чтобы вдвоем в нашем гадюшнике выжить было проще. Где-то она за него слово скажет, где-то он... раком стоя... за нее слово замолвит. Вот так и существуют! Только дело это зряшное, долго это продолжаться не может — разводятся все равно!

— Ну и грязища же у Вас! Пиздец просто какой-то! Лучше уж среди простых работяг жить, чем в такой клоаке!

— Ну да... можно и так сказать! Только это уже давным-давно так повелось! До нас так было, и после нас, скорее всего — будет также!

— Слушай... я вот не могу понять... ну как так-то? Вот она с ним жила... она же знала, что его... в задницу пользуют! Как она с ним спала? Или они не спали?

— Да почему не спали? Спали, конечно! Ребята-то у нас все-таки — красивые! И тела красивые, и лица — тоже! Да и... постель... он же не только с мужиками может. Он и с женщиной тоже — вполне. Ну... по крайней мере — пока молодой!

— М-да... там такие перипетии, похоже, бывают...

Она засмеялась:

— Да тебе лучше и не знать! Там и правда такие варианты бывают, что нормальные, со стороны, люди — ужаснутся. И муж жене мужиков приводит, и жена мужу... тоже мужиков! Пока молодые, кажется, что это такое... разнообразие! Интересно молодым! Такие оргии устраивают в юности! А потом... потом понимаешь, что природу-то не обманешь! Женщине все же нужен мужчина, а не... не понять кто!

— А ты? Ты тоже через это прошла?

— А тебе что — противно? — она насторожилась и довольно неприязненно посмотрела на него.

— Противно? Да нет... наверное. Я вот... вот ты идешь рядом, и я вижу красивую женщину. Элегантную, даже сказал бы — холеную. И ничего, кроме вожделения, я не чувствую. Пусть даже и было у тебя в прошлом... всякое. Может быть и я тоже... не очень нормален? Но вот точно — мужская задница меня не прельщает! Б-р-р-р... подумать страшно! А уж свой афедрон подставить? Да не... лучше сдохнуть! Это же... позор такой! Невместно это, вот!

Она засмеялась расслаблено и прижалась к нему:

— Какой ты славный! И... как хорошо, что я в тебе не ошиблась!

— Слушай, Лен! Надо в магазин зайти. Все мои припасы я там, на столе в костюмерной оставил!

— Да брось ты! Что у меня дома, бутылочки винца не найдется? Или бутерброды сделать не с чего? Все в порядке, никуда не надо заходить!

— А могу я тебя спросить...

Она остановилась и повернулась к нему с любопытством:

— Ну... спрашивай!

— Мне вот непонятно... а с чего ты меня вдруг выбрала?

Она повернулась и медленно пошла по тротуару.

— Тут... сложно объяснить... Чем-то ты мне запал... Может быть... напомнил мне моих давних знакомых юношей. Очень давно... форма юнкерская, юность, красивые все, бесшабашные, веселые... Знакомые гимназисты — серьезные, умные... Не знаю я, как объяснить...

— А я уж подумал... ну — когда я весь в крови был... что это тебя как-то... возбуждает. Она отвернулась в сторону, продолжая идти, держа его под руку.

— Может быть... и это... тоже. Я тебе кажусь сумасшедшей? — она повернула его к себе лицом, остановившись.

— Не знаю... а кто нормален, а кто — сумасшедший? Где критерий оценки? И пусть я псих! А вы не псих?

— Это что?

— Да песня одна... смешная.

— Споешь потом?

— Да она... если кто услышит, то могут и неприятности быть. Вплоть до...

— А ты разве мне не доверяешь? Евгению же помог... тогда.

— Ладно, видно будет!

Они прогуливались, никуда не торопясь. Косов — потому что... в общем-то... не сильно и хотелось. А она? Наверное — «нагуливала аппетит», что твоя кошка!

— А вот твои подружки? Рита и Клава? Они тоже... как-то так же у них?

Она засмеялась:

— Нет! У них все по-другому вышло! Марго... она знаешь какая была! Ух! Прима! Так танцевать, как она танцевала — я даже и не припомню такого. А потом... потом — травма колена! Партнер на «поддержке» не удержал, уронил. И все! Нет танцовщицы! А куда ей? У меня вот так же примерно и было! Вот я себе ее и подобрала. А что она такая злая стерва, так у нее и причины есть! Со мной она совершенно другая. И поплачемся, бывает, друг другу. И поддержим, если что не так.

Елена искоса посмотрела на него, улыбнулась:

— Ты, кстати, зря отказался... ну... чтобы мы вдвоем с ней были! Там знаешь какой фейерверк чувств! Себя забываешь! Некоторым это очень нравилось! И мы такое... далеко не всем предлагаем. Далеко не всем! А если точнее... всего несколько раз такое и было-то...

— А Клава?

— Ну, с Клавой — все по-другому, чем с той же Риткой. Она тоже была очень хорошей танцовщицей. Очень хорошей! Вполне могла в примы выйти. Только вот... ума у нее нет и никогда не было. Ее и обманывали все, кому не лень! А сколько раз ее «подставляли», гадили ей! Это же все и не вспомнить! Вот так она и болталась, как не пойми кто — и танцовщица хорошая, классная; и места себе найти не может, по дурости своей! Вот так... в тираж и вышла. Жалко мне ее стало...

— А сейчас что же?

— А сейчас? У нее работа есть. Да и я, скрывать не буду, иногда знакомлю ее с разными людьми. Подарки разные, деньги опять же... Даже жилье ей ухажеры оплачивают съемное. Это не проституция, если ты такое подумал. Содержанка? Ну да, так и есть! А что ей — на завод идти? Так она по своей безголовости тут же куда-нибудь влезет. А так... она же красивая! Ведь красивая, скажи?

— Да, тут не поспоришь, красивая!

— Ну вот видишь! Каждый живет — как может! Кому-то — на заводе работать, семью

заводить, детей нянчить. А такие как Ритка, или Клавка... они на такое не способны. И по красоте своей, и по уму. То есть — Ритка по уму, а Клава — по его отсутствию. Выходит... нужно кому-то и ноги раздвигать... Мужикам же это нравится, не так ли?

— М-да... ну а потом?

— А когда потом, Ваня? Где мы, и где это — потом? Потом... потом... Потом — суп с котом!

— Ну вот ты! У тебя же... по-другому вышло? Муж у тебя был, вот сейчас — квартира, служба. Если ты только захочешь — и семья будет! Причем, с твоей внешностью, вполне какого-нибудь начальника «захомутать» можно!

— Вот про моего мужа не надо! Ты ничего не знаешь! Этот старый педераст... ох как он мне дался! Сколько я слез пролила, сколько нервов сожгла! Он же мной только статус свой обозначил — серьезный человек, жена — красавица! А сам... У него тут, в начале двадцатых дружок образовался... тоже — любитель юных мальчиков! Из партийных! В больших чинах! Вот тот его и пристроил... директором. Сначала — просто театра. А потом, когда новый театр стали строить — этого, нового. Ты, Ваня, даже не представляешь, через что мне пришлось пройти, пока он карьеру строил. Сколько кроватей я прошла, с кем только спать не приходилось! Сколько хуев я пересосала... Извини... вырвалось! Ты меня зачем так вывел, сопляк, а? Ведь все вроде бы позабылось... Хотя... как такое забыть? Ну чего ты в душу-то полез, зачем?

Косов за руку остановил попытавшуюся убежать женщину. Развернул к себе лицом и прижал к себе. Благо, на улице уже стемнело и прохожих было совсем мало. Она сначала попыталась вырваться, а затем затихла у него на груди.

— Все... все! Отпусти меня, я успокоилась! Настроение только испортил, гавнюк! Дай мне папиросу и прикрой меня. Я курить хочу, а даме на улице курить не пристало!

Он стоял спиной к проезжей части и прикрывал ее, поглядывая по сторонам.

— Ну вот зачем, Ваня... Ну зачем ты это все из меня тянул? Зачем тебе все это? И мне настроение испортил! Ведь так славно все начиналось...

Он тоже закурил, задумался.

«А правда — зачем мне это было нужно? На кой хрен я к ней в душу лез? Ну хочет дамочка трахнуть хорошенько? Ну так трахнул бы ее, со всей пролетарской ненавистью, да и забыл! И она довольна, и тебе — приятно! Так нет же... полез с разговорами этими!».

— Лен! Знаешь, у меня к тебе предложение...

— Ну? — протянула она, не глядя на него.

— А пошли к тебе и... напьемся в хлам, в дрова! А потом завалимся спать в обнимку, без всякого блуда. Я тебя буду обнимать...

Она удивленно и даже с интересом посмотрела на него. Шмыгнула носом.

— Нет, Ваня! Дамам не прилично напиваться... в хлам, как ты сказал! Меня... девочки не поймут! Вон, Ритка завтра спросит — как? А я что ей скажу? Напились в хлам и проспали всю ночь? Сам представь, а?

Но видно было — представление того, как это было бы возможно, и реакция Риты, развеселили Елену.

— Нет уж, Ванечка! Будем делать, как задумали. А вот за то, что ты мне так настроение испортил, тебе придется... очень постараться!

— Я уж постараюсь! Но и тебе... придется соответствовать! Не боишься, что завтра толком ходить не сможешь?

Она снова с удивлением посмотрела на него и расхохоталась:

— А ты наглец! И правда — какой же ты наглец! Ну ладно, мальчишка, устроим соревнование — кто быстрее попросит пощады?

— Нет, не правильно! Кто сколько раз кончит! Если больше ты — значит я молодец! Если я — то ты победила!

— Вот же... сопьяк! Ты разве не понимаешь, что женщине проще мужчину довести, чем наоборот!

— А я — не жадный! Пусть это будет... такая фора тебе!

Она, улыбаясь, чуть задумалась, размышляя вслух:

— Так... кофе у меня дома есть. Коньяк... только по капельке! Тоже — есть! Что-нибудь перекусить — найдется! Ну что? Согласна! Устроим соревнование! Ох как это будет интересно! Слушай, но ты же — молодец, смог меня развеселить и заинтересовать! — она пихнула его в плечо.

— А разве я тебя раньше не интересовал?

— Интересовал. Но там было другое... Более чувственное, так скажу. А сейчас... сейчас у меня азарт появился! Давно я такого не припомню! Ну пошли, пошли быстрее!

Когда они пришли в ней домой, разделись и развешали одежду по шкафам, она заявила:

— Так... я сейчас в ванную! И знаешь, это небыстро. Ты займи себя чем-нибудь, хорошо? Не скучай! Я вот не скучаю, а вся в предвкушении нашего соревнования.

Она засмеялась, скрылась в спальне, чтобы через пару минут, уже в халате, убежать в ванную.

«Так! Чем мне заняться? Дама честно сказала, что это — небыстро! А значит — как более плодотворно потратить время? Да приготовить все на перекус! Как я тогда Зиночку кормил? Ей же понравилось!».

И Косов занялся инспекцией наличия продуктов питания в квартире Завадской.

Она плескалась в ванной и правда — чуть не час! За это время он смог найти кофе, чай, колбасу, сыр, банку с солеными огурцами, хлеб, яйца, масло и еще кое-чего — по мелочам. То есть, появлению Елены, он смог наготовить изрядную стопку бутербродов, перемолоть достаточное количество кофе, заварить свежий чай. Ну и — прибраться после такой экстренной готовки!

— Однако! Ты удивляешь меня все больше! Фатьма выходит не обманула, когда говорила, что ты не просто юный любовник. Но это все пристало зрелому мужчине, опытному в заботе о женщине! Предвкушение во мне нарастает все сильнее. Не тяни, бегом в ванную! Правда горячей воды в титане тебе может и не хватить... Но — ничего, ты молодой, тебе и прохладной водичкой помыться можно!

«Как она веселиться?! И возбуждена, это ясно видно! Ну ладно — «постой-ка, брат мусью!».

«Так... главное — чистота половых органов! А водичка-то и правда... летняя такая! Не опшаришься!».

Когда он вышел из ванной комнаты, обернувшись по поясу баннным полотенцем, Елена заперлась в спальне, крикнув оттуда:

— Я еще не готова! Подожди несколько минут на кухне!

«Ну что же! Покурим пока. Хотя... зубы вот только почистил, макая палец в зубной порошок. Да и ладно! Все равно потом курить будем, и я, и она!».

— Ну как? Тебе нравится?

Елена стояла в кухонном дверном проеме. Короткий, чуть до середины бедра, шелковый розовый халатик, отороченный по подолу и рукавам черным гипюром, затянутый на поясе широкой лентой, что подчеркивала талию. На голове интересная прическа: вроде волосы и забраны небрежно, но в то же время — очень привлекательно. И даже макияж неброский присутствует — чуть-чуть, но очень грамотно: подчеркивает красоту женщины! Ножки длинные, в меру полные и прекрасной формы.

«Ну да — балерина, пусть и в прошлом. Следит за собой!».

На ногах изящные домашние туфли на совсем небольшом каблучке, с таким кокетливым пушистым помпончиком на взъеме.

«Роскошная женщина! Не убавить — не прибавить! Вот даже не помню, были ли у меня в прошлом такие женщины? Шикарная мильфа! К тому же — при нашем нынешнем разрыве в возрасте, она именно — мильф!».

Прошлое — прошлым, а вот здесь у него точно не было таких женщин. Верочка была симпатична на лицо, со стройной фигурой, но несколько худовата. Зиночка — с красивой фигурой молодая девушка. Фатьма? У той фигура даже получше, но вот ростом — чуть маловата. А здесь... Здесь все было в плепорцию!

Иван непроизвольно сглотнул набежавшую слюну.

«И я сейчас буду... иметь... все это великолепие? Чего же мне так везет в этой жизни на красивых баб, а? Где-то тут есть подвох! Ибо — бесплатный сыр бывает только в мышеловке!».

— Ну ты что, Ваня? Язык проглотил? Я спросила — нравится? Или нет? — чуть подняв бровь, Елена ждала ответа. Хотя, судя по подрагивающим губам, ответ ей и не нужен — она сама все поняла!

— К-к-г-х... — Иван откашлялся — «что-то горло... перехватило!», — а ты... сама не понимаешь?

— Ну я хотела бы услышать это от тебя! Хотя... судя по поднявшемуся краю полотенца, тебе нравится, да?

— А я вот сейчас хочу проверить... что там у тебя... под халатиком!

— Ты знаешь, Ванечка, я так торопилась, так торопилась... я вот все вожусь-вожусь... а ты все ждешь и ждешь... Что-то я запыхалась! Давай я выкурю папиросу, а? Не против? — она прошла, улыбаясь, мимо него, присела полубоком на край стола. Одну ножку — чуть выше подняла, чтобы край халатика сполз с бедра.

«Издевается! Вот же ж... Ладно! В эти игры можно играть и вдвоем!».

Иван тоже закурил, искоса поглядывая на женщину. Спокойно курить не получалось — затяжки были быстрые и нервные.

— Лен! Может хватит, а? — протянул он.

— Ага! Сдаешься? — засмеялась Елена.

— Да я давно уже сдался! А вот ты издеваешься над взятым в плен молодым мужчиной!

Она затушила папиросу, встала и, подойдя к нему, обвила его руками за шею:

— Ну — это я еще не издеваюсь! Вот... только начинаю издеваться!

Поцелуй сначала был легким, она чуть касалась его губ. Потом начала чуть прикусывать нижнюю губу, перешла на верхнюю.

— Ты, Ванечка, такой сладкий! Прямо укусить хочется! — дыхание ее изменилось, стало прерывистым, а голос — каким-то грудным, низким и хриплым.

Он запустил руки ей под халат, поднял его полы вверх.

«Трусики, пояс, чулки! Это как тройка, семерка, туз! Только в другой игре! Ох, до чего же опытна эта женщина!».

Часть ноги между краем чулка и нижней кромкой трусиков — смерть мужская! Как же сносит голову от поглаживания этой части женской ножки!

Попа... попа у Елена была довольно большая, мягкая, но и упругая! Как ее приятно мять и потискивать! Переход поглаживания на переднюю часть трусиков выдал женскую тайну! Низ этой атласной тряпочки был уже мокрый!

Она сначала чуть слышно застонала, обхватила его шею руками крепче. Поцелуй ее сделался агрессивнее, жестче!

— Ты сейчас кончишь, красавица? — чуть слышный шёпот ей на ушко. И тут же языком провести по розовой раковине — изнутри наружу, сверху и до самой небольшой, аккуратной сережке в мочке.

— Так не честно! — задыхаясь простонала она.

— В чем же нечестность? Ну... скажи же! — и пошли поцелуйи шеи. С короткими движениями чуть высунутого языка, и чуть слышными прикусываниями зубами нежной кожи.

— Я слишком долго хотела тебя! А ты — не хотел, вот!

— Твой аргумент не принимается! Начнем открывать счет? Ну же? Кончишь? — «а у нее приятные ненавязчивые духи! Интересно — что за запах?».

— Вот же ты... враг! Ну же... давай, ласкай меня! Пусть будет один — ноль, я согласна! — «как интересно! можно ли кричать шёпотом? похоже вот сейчас был именно такой случай!».

«С кем решила соревноваться, девочка?! Это в этом теле я — восемнадцатилетний пацан, а ты — опытная, матерая красавица! А если по опыту этих игр? Мне — сорок семь, а тебе — тридцать пять? Ты же девчонка совсем!».

— Ваня! Ванечка! Пойдем на кровать, а? У меня ноги дрожат, я сейчас упаду... Колени не держат!

«И это я даже до груди не дошел! Как там говорил Маэстро? «Слабак!». И рукой махнуть от плеча!».

— А ты обними меня крепче! Можешь повиснуть на мне. Я хочу открыть счет здесь! — нежные поглаживания низа живота... пока — через трусики! потом... чуть сильнее, в небольшим нажимом — еще чуть ниже!

Он отодвинул резинку трусов и скользнул рукой внутрь, намереваясь продолжить. Женщина повисла на нем, чуть слышно постанывая и прерывисто дыша.

«Ах как тут тепло... и влажно! И волосы подстрижены совсем коротко! Наверное, это принято так — у балетных, чтобы заросли через трико не проглядывали?».

Он не успел продвинуть пару пальцев внутрь — женщина застонала громче, начала чуть подрагивать. И вдруг довольно ощутимо укусила его на грудь!

«Больно, блядь!».

Затихла...

— Сможешь унести меня на кровать? — чуть слышно, шёпотом, — я не смогу идти. И... дай мне дух перевести, пожалуйста...

Он перенес ее и аккуратно положил на кровать. Она лежала, глубоко дыша, одна ножка вытянута, другая — чуть согнута в колене. Рукой прикрыто лицо.

— Сними с меня трусы! Они так бессовестно мокрые! Я чувствую, как они

прилипают...

Также аккуратно и нежно, не торопясь он стянул с нее белье. Она помогла ему, чуть приподняв попу.

— Сейчас... сейчас. Я только отдышусь...

— А у тебя здесь в спальне — можно курить?

— Конечно. Пепельницу возьми ту, на кухне...

Когда он вернулся в спальню, она лежала так же, только бедра были прикрыты наброшенным покрывалом.

— Э нет, красавица! Так мы не договаривались! Покрывало — убираем! Я хочу тебя видеть.

— Видеть? — она тихо засмеялась, — а я хотела тебя попросить, чтобы ты выключил свет!

— Почему?

— Ну... ты знаешь, когда женщина кончает, у нее так искажается лицо... я видела! Не очень-то это красиво!

— Это что за глупости? Это тебе кто такое внушил? Когда женщина кончает, а мужчина видит это — так он сам заходится от эйфории!

— Врешь! Не может это быть красивым! Я... видела! Мы, когда с Риткой... ну вот... было у нас такое. Она так вскрикивала, у нее так рот кривился... А потом она... разрыдалась! Ничего красивого там не было!

— Бляха-муха! Что за глупости?! Нет картины прекраснее — чем кончающая женщина!

— Знаешь, Ваня... Это ты — извращенец, если называешь это — прекрасным!

— Так... ладно. Не будем спорить. Пусть я — извращенец, пусть! Но ты можешь мне позволить наслаждаться этим, как ты сказала, извращением?

— Ну... ладно! Все равно я себя в это время не увижу. А ты, если тебе так нравится, смотри! Только ты — гнусный извращенец! Так и знай!

— Хорошо, договорились!

— Ваня... Знаешь, я что-то стала сомневаться в своей победе. Ну да и ладно! Тем приятнее будет! И вот еще что... Пойдем, на кухне покурим, а? Очень уж успокоиться хочется, и сначала начать. А если здесь вдвоем дымить станем, то скоро дышать нечем будет!

— А зачем успокаиваться?

— Ну... я вот подумала, если ты сейчас продолжишь, то я так буду... кончать-кончать-кончать... а потом — умру. А я еще жить хочу!

Он расхохотался. Вот же — женщины! И ведь не девчонка давно, а все равно... логика — она у женщин такая, замысловатая!

— Ну ладно, пойдем покурим, если боишься умереть от наслаждения!

— От наслаждения умереть не боюсь. Просто... рановато как-то.

— Пошли, красавица! Или тебя унесли на ручках?

Она потянулась как кошка, улыбнулась и заявила:

— А-а-а-а — унеси! Это приятно, когда тебя на руках носят!

Он посадил ее попой на стол и потянулся за папиросами.

— На стол-то зачем посадил? Тут же... мокро сейчас будет! И запах...

— А мне нравится — и что мокро, и что — запах!

— Точно! Извращенец! — ткнула она его пальцем в живот, — пресс у тебя такой...

красивый! Ах как мне повезло с любовником! Вот расскажу Ритке, она от зависти лопнет!

Они курили, поглядывая друг на друга, улыбались.

— Вань! А может... в следующий раз... Ритку возьмем с собой, а?

— А чего так? И почему — Риту, а не Клаву, к примеру?

— Ритку... потому что я, мало того, что сомневаюсь уже, что выиграю у тебя наш спор... я сомневаюсь даже, что я смогу... ну... полностью удовлетворить тебя.

Он удивился:

— Почему?

— Потому как, пока я захожусь в экстазе, ты — спокоен. А когда я пытаюсь отдышаться, ты, тем временем, отдыхаешь! У меня просто силы быстрее кончатся!

Он, подумав, согласился:

— Ну да, логика вроде бы есть.

Потом вспомнил Риту, ее молочную кожу, рыжие волосы и веснушки на лице.

«А веснушки-то у нее, наверное, по всему телу!».

— А почему не Клаву?

— Нет, ну если хочешь, можно и Клаву. Но там... знаешь, она не только головой слаба. Там и с эмоциями — не очень. Я тоже... бывала с ней... в ситуациях. С женщиной, в общем! Она как красивая кукла, все делает механически, без эмоций. Минет? Механическое качание головой. На спину ляжет и лежит, закрыв глаза. Вообще кажется — как будто уснула. На четвереньки ее поставили, она растопырилась и в процессе ногти свои на руках разглядывает. Блин! Еще бы семечки щелкала, или папиросу курила! Даже непонятно — как природа, наделив ее таким красивым телом и мордашкой, так обделила ее умом и эмоциями!

— Ладно... посмотрим! Тебя нести назад?

— Да, неси!

На кровати они принялись целоваться. Сначала — просто ласкаясь, потом — все более интенсивно и страстно! Иван, целуя, начал медленно спускаться по телу подруги, от головы к поясу.

— Стоп-стоп-стоп, Ванечка! Так не честно!

— Что не честно?

— Теперь давай я тебе... приятно сделаю.

— Это — почему?

— Ну что — почему? Я так хочу, так понятно? Рассмотреть его хочу... и попробовать!

Она — умела! Она еще как умела!!! Пожалуй, это был лучший минет за его пребывание здесь! Да и в прошлой жизни... так вот, навскидку, не скажешь — а было ли лучше? Причем... у нее, похоже, даже сомнений не возникло — глотать или не глотать! Ощущение после этого было — как будто его выкачали до самого доньшка, как насосом! Он был пустой и легкий!

Косов пытался восстановить дыхание и, кажется, даже постанывал. Перед закрытыми глазами летали мушки. Он сразу и не понял, когда она поднялась вверх, к его лицу и спросила тихо:

— Ну как?

— А-г-к-х... к-х-х-а... к-х-а... не знаю, как сказать... Божественно!

Она довольно засмеялась, как заурчала большая теплая кошка:

— Один — один! Я еще повоюю!

— Согласен! С таким противником... приятно иметь дело!

Иван приоткрыл глаза. Елена, стоя на четвереньках, нависала над ним и с улыбкой разглядывала его лицо. Потом облизала свои губы и стала нежно целовать. Чуть помедлив, Косов ответил ей. Женщина опустилась промежностью ему на живот и стала чуть тереться, вызвав вполне понятную реакцию.

— Подожди, подожди... Давай я сама... сначала. Он у тебя немаленький, и, боюсь, что мне будет немного... некомфортно. Мне нужно привыкнуть к нему!

Чуть приоткрыв глаза, Иван подглядывал за любовницей. Она с закрытыми глазами покачивалась на нем, по миллиметру опускаясь вниз. Красиво! Он попытался помочь ей, чуть покачиваясь снизу.

— Стой-стой-стой... не надо, прошу! Дай я сама...

Потом открыла глаза и улыбнулась, глядя на него:

— А я видела, что ты подглядывал! И как тебе?

— Ты очень красива!

— А ощущения?

— Нет слов... у меня как будто внизу живота... так легко и как-то... сладко, как в меду!

Она, запрокинув голову, рассмеялась:

— Я только это хотела сказать! Сладко-сладко! Как будто медом намазано! Но ты все же дай мне немного времени. Я хочу полностью на него сесть!

Когда она сделала это, опустилась ему на грудь и замерла.

— Ты как, красавица?

Она замычала:

— Ох, как же мне хорошо! Сейчас, сейчас... я еще чуть полежу.

Потом она начала покачиваться снова, постепенно наращивая темп. Когда амплитуда ее движений позволила включиться, Иван стал активно ей помогать снизу. И тут женщина быстро зашла в серии стонов, переходящих в негромкие крики.

«Охренеть — не встать! Вот это страстность!».

Она снова лежала на нем, хрипло дыша. Потом немного приподняла голову:

— Два — один! Ты снова ведешь! Вот я и говорю — тут бы не помешала Рита! Вдвоем бы мы победили тебя наверняка!

— А если бы мы с Ритой тебя ласкали?

— Ну... Ритка умеет это делать, надо отдать ей должное! А почему — вы бы меня? Может мы с ней — тебя? Или мы с тобой — ее?

— А она такая же страстная, как ты?

Елена снова села на него верхом:

— Ты знаешь, нет! То есть я не то хотела сказать... Ее довести сложнее, она не так легка на это. Но если уж довести — там такой салют получается, что... оторопь берет!

— И у Вас... были такие любовники?

Завадская чуть покачалась на нем, задумавшись.

— Знаешь... там не столько их заслуга была, сколько наша взаимная с ней нежность. Бывали, конечно, ничего себе мужчины... Но чаще — так себе. Почему-то среди мужчин мало тех, кто заботиться о чувствах женщины. У них же как? Первое — лежать! Второе — молча! А уж тех, кто... сам захочет поласкать женщину... ну, там в общем... вообще единицы! Ты вот хотел же?

— Почему хотел? Я и сейчас хочу!

— Да-а-а? Ну что же... я готова это тебе позволить!

Косов постарался показать все, что знал и умел. Получилось...

Елена долго лежала, свернувшись клубком на боку, и казалось — вообще не дышала. Иван даже забеспокоился.

— Ванечка! Пообещай, что в следующий раз мы возьмем с собой Марго...

Косов вздохнул:

— Ну... если ты хочешь...

— Я хочу! Я очень хочу! Хочу попробовать — кто из Вас в этом более искусен! И еще хочу... чтобы она тоже попробовала... Ты же не откажешься... ну... с нею?

Косов задумался.

«А на хрена ему это нужно? Нет, конечно, у подавляющего большинства мужиков, такие фантазии... ну то есть две женщины, и он один — одни из самых популярных... Но... при всей привлекательности Риты, было в ней что-то... отталкивающее. Толи злость в глазах, толи еще что-то... Моль белая, мать ее! С другой стороны... Елена была — выше всяких похвал! Может она... как-то сгладить его неприятие Марго? Хрен его знает! Не попробуешь — не поймешь!».

— А если она взбрыкнет? Мне терпеть ее выкрутасы?

— Да с чего ты взял? Она вполне адекватная! Просто ты ее не знаешь!

— Зато я знаю Фатьму! И Вы ей — очень не понравились! Точнее... ты сначала понравилась, а потом она посмотрела, как ее унижают твои подружки, а ты к этому отнеслась с интересом. Энтомолог, мля! Поэтому сейчас она и к тебе относиться не лучше! Она... решила, что ошиблась в тебе.

— Ну... да! Я ошиблась, неправильно себя повела! Я хотела понять — удержится ли она, если... в общем... есть ли у нее характер и... стойкость.

— Характер у нее есть, и я это знаю лучше тебя! А оценка на приемлемость Вашего образа жизни, и Вашей клоаки — так себе оценка!

— В этой клоаке, как ты выразился, я живу всю жизнь!

— И тебе нравится?

Она замолчала. Потом нехотя ответила:

— Нет, не нравится.

— Так зачем же тянуть туда Фатьму?

— Я хотела помочь ей! Хотя... глупо, конечно, получается. Ну все! Никто никого и никуда не тянет! Успокоился? Пошли, Вань, кофе попьем, пока совсем не разругались. Вот этого я точно не хочу!

Елена накинула халатик и пошла на кухню. Иван, поленившись натягивать трусы, а уж тем более — брюки, снова замотался полотенцем.

— Будешь чуток коньяка? — было видно, что Завадская искренне пытается сгладить возникшее непонимание.

— Давай! — махнул он рукой, ссорится с ней он не хотел. Она ему — нравилась!

И снова — взрослые игры! Поцелуи, объятия, ласки. Елена, похоже, полностью доверилась ему и в играх этих уже вовсе не комплексовала. Хотя и ранее ее закомплексованной было не назвать!

— Ванечка! Я тебя попросить хотела... не знаю, как сказать, и как ты к этому отнесешься...

— Ну чего ты? Говори уж как есть! Я же сказал — моя задница неприкосновенна, а остальное — обсуждаемо!

Она засмеялась:

— На твою попку я не претендую! Если только чуток пощипать ее? Или даже — укусить! Очень уж она мне нравится!

— Ну так что?

— Я хотела бы спросить... а ты можешь быть... ну чуть... пожестче?

«Оп-па! Опять удивила! Это ее тараканы зашевелились?».

— Поясни, что имеешь в виду? Я должен отстегать тебя ремнем? Связать тебя? Или просто... трахать грубее?

Косов заметил, что при упоминании порки, Елена улыбнулась — значит не то! Про связывание — она явно вздрогнула, и глаза расширились! Похоже — тоже не то! Там скорее испуг был!

Она отвела взгляд:

— Ну да... последнее...

— Видишь ли, Киса, я просто боюсь как-либо повредить тебе.

— А ты не бойся! Если будет... больно или... некомфортно, я тебе скажу!

Ну так что же? Шлепать ее ладошками по таким красивым ягодицам? Можно, но только до определенного уровня силы шлепка! У Косова и в прошлой жизни был «бзик» — он не принимал эти игры в «садо-мазо»! Уж пороть ее ремнем, или, тем более плетью — точно бы отказался!

Разогрев Елену ласками, когда казалось — еще вот-вот и счет снова измениться в его пользу, он довольно грубо повалил ее на спину и приподнял на предплечьях ее голени, вошел грубо, резко.

Она ахнула, но лишь сильнее вцепилась ему в плечи.

«Значит, я на правильном пути!».

И — резко, резко! Еще резче! Глубже, на полную!

Ноги ее закинуть себе на плечи, фактически придавив ее телом в кровати! И снова — резко, еще резче! Глубже, глубже! Женщина уже даже не стонала и не кричала, она подвывала дикой волчицей!

Иван понимал, что счет изменился только тогда, когда Лена замирала, переставала стонать-кричать-выть, и лишь кусала его за плечи. Сколько там натикало этих «голов», он не считал, только старался сам не кончить. Таблица умножения — в помощь! В моменты «затишья» он замедлял движения, делался мягче и нежнее. Но лишь стоило Елене начать дышать чуть ровнее — возобновлял пытку. Он чувствовал, как пот течет с его спины вниз, а с груди — капает на тело любовницы. Через какое-то время лишь ее чуть слышимые шёпот остановил его:

— Ванечка! Хватит, хватит... Пожалей, не могу больше!

Несколькими рывками он догнал себя до «конца», но на этом не утихомирился, а рывком вытащил его из женщины, подтянулся на руках, и, фактически, насильно вставил его в ее приоткрытый рот!

Елена сначала замычала, попыталась оттолкнуть его, но затем остановилась и сама потянула его за ягодицы к себе, заставляя все глубже и глубже погружать член в рот. Так он сделал еще несколько довольно резких движений, и повиснув на вытянутых руках, замер, извергаясь в нее. И опять — она была только — «за»!

Он долго не мог отдышаться, потом приподнялся на подрагивающих руках и взгляделся в лицо подруги:

— Лен! Ты как? Живая?

— М-м-м-м... не знаю. Может и умерла! Но если и умерла, то какая это сладкая смерть!

— Ты... так хотела?

Она помолчала и ответила:

— Я, наверное, сошла с ума... И тебя свожу туда же! Ведь так делать нельзя... наверное...

— Да ладно... каждый по-своему с ума сходит! Этот способ еще очень даже неплох! Мы же никого не обидели, никому не сделали зла...

— Ванечка! Напой меня кофе, а?

Он нежно поцеловал ее в губы:

— Конечно, радость моя!

Как оказалось, женщина изрядно проголодалась. Да и Косов с удовольствием и жадностью уминал ранее приготовленные бутерброды, запивая их горячим, крепким и сладким кофе.

— Коньячка, красавица?

Завадская засмеялась и махнула рукой:

— А — давай!

Они чуть выпили, потом покурили. Он заметил, что она как-то стесняется смотреть ему в глаза. Протянул руку и накрыл ею ее ладонь.

— Ну что не так, радость моя?

— Я... я стесняюсь тебя... как пятнадцатилетняя гимназистка! И у меня в голове все вертится вопрос...

— Ну так — спрашивай, чего ты?!

— Вань! А сколько тебе лет, а? Вроде бы восемнадцать... но так не бывает! Я думала, что тебя придется соблазнять, чему-то учить... что-то объяснять, даже ломая стыд, уговаривая. А здесь... впору самой застесняться! Где ты всему этому научился? Нет... ты можешь не отвечать... но это меня гложет!

«Угу-м... и что отвечать?».

— Знаешь... можешь верить, можешь — нет, но у меня была очень хорошая первая учительница. Она... она была очень умелой, даже — изощренной! А потом... опыт. Изучать женщин — очень интересно! Это же — целый мир! Каждая женщина — свой, особый мир! Иногда — яркий, красивый. Иногда мрачный, чем-то очень испорченный. Веселый или грустный, спокойный или буйный... И приносить женщинам радость... пусть и таким... не очень приличным способом — это же здорово, не правда ли?

Елена, распахнув глаза, покачивала головой в такт его словам.

— Ваня! Ты — эротоман?

— Х-м-м... а я не знаю... Ну — пусть так!

— Она красивая была, ну... твоя первая?

— Все нет! Невысокая такая, серая мышка. Невзрачная даже! Но я ей — очень благодарен!

— Она... была намного старше тебя?

— Ну-у-у... да. Мне было четырнадцать, а ей... Ей, вроде бы, около тридцати шести.

— Обалдеть! Вот же... а я еще себя считаю сумасшедшей! Хотя... знаешь, я ей так завидую!

— Ну что — по рюмашке и продолжим?

— Ага... только еще покурим, хорошо?

Уже в кровати:

— Ванечка... только будь чуть поаккуратнее. У меня там немного болит. Ты все же великоват... для меня.

— Вот тебе и раз! — разочарованно протянул Иван, — я для тебя великоват? А я только хотел спросить, нет ли у тебя подходящего крема!

Она удивленно посмотрела на него, приподнявшись на локте.

— А зачем тебе крем? Там... там и так все мокро...

— Да нет... я тебе хотел предложить... вот не пробовала ли ты... другой способ?

— Какой способ? Говори, чего ты какими-то загадками?

— Даже не знаю... только сразу не бей, хорошо?

Елена засмеялась:

— Вот честно — заинтриговал!

— Ну... как ты отнесешься к тому, чтобы попробовать... в попу?

Она довольно долго молчала, уставившись в потолок. Затем вздохнула и улыбнувшись:

— Вот же, Ванечка... Чуть не напугал! Помнишь же... я тебе рассказывала, про... своего мужа? Так вот... когда мы только поженились, я еще всю танцевала на сцене. И была я тогда... существенно стройнее. Даже не стройнее, а — худее, вот! А этот... не к ночи будь помянутый... козел старый... педераст седой! Он же... иногда фантазировал, так сказать. Признавался, что представляет меня... мальчиком! Даже одежду какую-то заставлял надевать... мужскую. Ну там... рубашку... или еще что. Так что, Ванечка, я этот способ попробовала уже давным-давно, еще молоденькой девушкой. А потом... не знаю... может и не стоит тебе рассказывать... просто иногда так хочется поделиться своими болячками с кем-нибудь... Этот дружок его... видный партиец! Они же иногда у нас здесь... выпивали! Вот мне и приходилось... терпеть. Сначала противно было, когда они вдвоем... Но — куда деваться? У меня же к тому времени тут никого не осталось... Ни дома, ни близких. Разведусь я с ним? И из театра он меня выживет, и без крыши над головой останусь! А времена тогда были... ох и тяжкие! Не то, что жить людям негде было... есть-то было — не каждый день что! И я так подумала — ну уйду я от него, и что? Да ради своего дома, да куска хлеба каждый день — в том же театре! Сколько балерин на мое место выстроиться?

— А если бы... пожаловаться... ну на этого — партийца?

— Ты с ума сошел, мальчик? Он в таких чинах был, что меня бы и не нашел никто, где там меня закопали!

— Опять я тебе... настроение испортил, своими вопросами! Прости меня, дурня! — Иван нежно обнял женщину.

— Спасибо тебе, мальчик, за сочувствие твое... Только эти дела... давние совсем! Уже и отболело все... и попа — зажила! — она засмеялась, — а по поводу твоего предложения... давно я так уже не пробовала. Ты и правда так хочешь?

— Честно скажу... хочу. Но если тебе... больно будет... или — просто неприятно... воспоминания там... или еще что. Просто забудь!

— Да нет... ты не так понял. Я... могу попробовать. Только не знаю, получится ли? Ты... и правда большой! Кстати! Вот Ритке ты, скорее всего, очень понравишься! Она такая... любит большие, да...

— А она... этот способ?

— А вот — не знаю... я как-то рассказывала ей... про мужа и его приятеля. Но как уж

она отнесется... не знаю. Если хочешь — с поговорю?

— Ну... если ты просишь... попробовать втроем. Чтобы не попасть впросак во время этого... лучше заранее знать, что можно позволять, а что — нет.

— Хорошо, я поняла! А крем... сейчас принесу. И еще, Ваня... поласкай меня еще разок! Так сладко мне с тобой! А потом... еще раз... жестко. Только в другой позе... на четвереньках. Хочу попробовать.

Снова Елена заходила в столах, сначала от ласк, а потом — от соития. Она и в «догги-стайл» была красива и эмоциональна. А когда она, прогнувшись до предела, опустила грудь и лицом на подушку и вцепилась в нее зубами, Косов сам чуть не взвыл от такого вида! Пришлось напрячься, подключить все самообладание... И он начал ласкать ей попку. Сначала — подушечкой большого пальца. Нежно и слегка прикасаясь. Елена не подавала вида. Потом — только одну фалангу погрузив внутрь. И снова ожидание и внимательное наблюдение за реакцией подруги. Потом — полностью весь палец, и мягко-мягко... аккуратно. Потом пошел в ход и второй палец.

— Не медли... все хорошо, Ванечка! Мне — хорошо с тобой, мальчик мой!

И лишь когда он попытался переставить член, она отпрянула от него.

— Подожди! Подожди! Давай не так! Сейчас... чуть отдышусь!

Чуть восстановив дыхание, она предложила:

— Давай я сама... Сяду сверху, и сама попробую.

Снова Иван наблюдал за любовницей. Там такая смена чувств на лице отражалась — куда там великому режиссеру, мастеру крупных планов, постановщику эмоций и чувств! Женщина то замирала надолго и прислушивалась к себе, то начинала чуть заметно двигаться. То подавалась вперед, то снова приподнималась, а дальше — начинала все сначала! Это было... долго! Но с удивлением Косов почувствовал, что он — уже внутри нее!

Она наклонилась, открыла глаза и с удивлением произнесла:

— Ты знаешь, хороший мой... а ведь вовсе и неплохо! Удивительно! И правда — приятно... даже... хорошо! А ведь тогда... как же мне терпеть приходилось! Получается... не в способе дело, а с кем ты это делаешь! Вот с тобой... хорошо! Только погоди, не торопи меня... Я сама! Я скажу тебе, когда уже можно будет...

Уснули они, когда уже за окном стало светлеть...

— А разве тебе сегодня не на службу? — поинтересовался Иван.

— А я, надеюсь, что у нас все будет хорошо, отпросилась на сегодня! Вроде как — по делам мне нужно! Видишь, какая я продуманная!

— Ты вообще молодец, красавица!

— Ну... скажи мне еще что-нибудь... Ванечка!

— Мне было с тобой... даже не знаю, как сказать... все слова — они как пустые... не могут передать всех чувств, что я испытал!

— Спасибо, Ванечка! Именно этого я и ждала! Спасибо, хороший мой! Мне тоже было... ох как мне было! Я буду ждать новой встречи с тобой. А Фатя... она и правда — хорошая... Не обижай ее! И передай ей... мне очень жаль, что так вышло! Я виновата. Хотя... я и сама думаю поговорить с ней. Надо попробовать восстановить отношения. Пусть не обижается на меня. Это все жизнь моя так вывернула — я же не сломалась, вот и пытаюсь подготовить своих знакомых к такому, все проверяю их. Дура, конечно! Так и передай!

Да-дах! Да-дах! Да-да-да-да-дах!

Иван «добил» двумя короткими и одной — подлиннее, очередями диск «дегтяря», замер на секунду, и доложил об окончании стрельбы.

«Вот же все-таки, ну — что за «сноповязалка», а? Ладно — грохот! Но тут же и лязг этот еще! Насколько все же «пэка» ловчее!».

В прошлой жизни Косов вовсе не был мастерским пулеметчиком. Но в командировках в Чечню бывали такие моменты, когда бурная деятельность как бы замирала, особенно в период плохой погоды, и тогда было реально — скучно! Вот чтобы хоть чем-нибудь себя занять, раз книг мало, а «водовку» потреблять — так сопьешься на хрен за несколько месяцев! Сергей Елизаров, а также еще несколько человек вместе с ним, и заседали на более опытных коллег, в особенности на «фобосовских» «тяжелых». У тех тоже случались дни затишья и они, не все, но — некоторые, были согласны позаниматься с «тупыми ментами».

Так оказались довольно качественно изученными и освоенными «эсвэдеха», пулемет Калашникова, подствольник. Даже с «агээса» пострелять доводилось. Все это железо «тяжелые» давали сначала в теории, а потом и на практике, с некоторыми, особо никем не изучаемыми, практическими «примочками». Конечно, это ни в коей мере не давало им мастерства, но уж с какой стороны братья за то или иное оружие, они знали.

— К мишеням! — скомандовал Квашнин.

Группа курсантов побрела к мишенному полю. Группа — это, конечно, громко сказано! От их первоначальной группы — более двадцати человек! остались он, Ирина с двумя своими воздыхателями, Светлана, да трое из «шестаковцев». Восемь человек!

Остальные стали разбредаться после сдачи на первую степень «Ворошиловского стрелка», а точнее — уяснив для себя, с чем придется столкнуться при подготовке к сдаче на вторую степень. К удивлению Косова, Квашнин вовсе не расстроился. Как оказалось, вторую группу курсантов, параллельно с их группой вел Лазарев — просто в другие дни недели, и его группа с той — не пересекались. Кроме этого, велся набор и в новую группу, уже — Квашниным.

«На поток у них это поставлено! Все-таки здесь это налажено четко, не просто так люди за кружки деньги получают!».

— А почему ты так стрелял? — спросила Ирина.

— Как — так? — переспросил Иван.

«Шестаковцы», идущие чуть поодаль, тоже прислушивались.

— Ну... я имею в виду, не проще было бы... длинной очередью перекрестить мишени?

— Ага! А расход боеприпасов? Так и весь диск можно одной очередью высадить! И почти все патроны — в «молоко»! Да и перегрев ствола так «схватишь» очень быстро! А так — два-три патрона на мишень и довольно!

— Но ведь... в жизни-то если! Ну ранил ты врага. Но — не убил же!

— Я вот думаю, что и ранения такой пулей, как в «дегтяре» или «мосинке», вполне достаточно будет, чтобы человек забыл про «воевать», и думал лишь о том, как же ему хреново, и когда же это все кончится! К тому же, если вражеский солдат ранен, то его нужно эвакуировать из-под огня, оказать первую помощь... ну там — перевязать, оттащить в тыл. А это значит — минус еще парочка вражеских пехотинцев на поле боя!

— Так если... очередь, пусть — мимо, но рядом пройдет — солдат же испугается, упадет, будет искать укрытие, и атака сорвется.

— Знаешь, красавица! Я вот думаю... да и разговаривал с разными людьми, которые имеют реальный боевой опыт... Опытный солдат по типу ведения огня быстро понимает, что за пулеметчик перед ним. Если «поливает» белый свет, то есть — неопытный, либо испугался! Или же — делово, короткими очередями, хладнокровно, да тщательно прицеливаясь, выбивает солдат из цепи. Тут уже стоит и задуматься — а как к такому подбираться? А задуматься, искать решение — это и есть замедление, а то и срыв атаки!

Косов видел, что обращение к Ирине — «красавица» — очень нравится той. Хотя сейчас она имела вовсе не тот вид, как если — без верхней зимней одежды. Одета в ватную армейскую куртку, и такие же штаны, вид она имела... забавный. Этакий колобок! И ее выдающиеся верхние достоинства, числом «два», тут — не играли, скорее — добавляли комизма во внешний облик!

А вот Светлана, напротив, вид имела лихой и очень привлекательный. Похоже, носить форму для нее привычно. Одета в серо-зеленый бушлат, галифе, с какими-то меховыми сапожками, высокая, туго перетянутая офицерским ремнем... И лихая буденовка на голове!

Для девушек вообще в той воинской части, на базе которой проходили занятия, форменного обмундирования практически не было. Парней же обрядили в длинные шинели, мать иху, те же буденовки, и валенки.

Квашнин, идущий впереди них, похоже тоже прислушивался к их диалогу.

— И все же, накрыть цепь длинной очередью — это более правильно тактически! — влез один из «шестаковцев», самый старший из них, парнишка лет шестнадцати.

— Это более правильно только в одном случае — наше передовое охранение «зевнуло» врага, и подпустило его близко к нашим траншеям! Вот тогда да — времени выцеливать одиночных пехотинцев уже нет! Тут нужно быстро прижать врага к земле, дать минутую боевым товарищам на занятие обороны. Да и занятие обороны, в этом случае — это атака наступающих гранатами. Вот если бы стрелковые части были более насыщены скорострельным оружием... тогда да, врагу солоно пришлось бы!

— У тебя не будет времени так выцеливать каждого солдата! — не отступал паренек.

Тем временем, они дошли до мишеней. Парни, пройдясь по мишенному полю, поочередно подняли мишени в вертикальное положение.

— Ну что же... посмотрим! Кто из Вас прав — будет видно на мишенях! — предложил Квашнин.

Результаты Косова были ощутимо лучше. Ушедших «погулять» пуль почти не было.

— Сорок одно попадание, из сорока семи возможных! — улыбалась Светлана.

У остальных, «не заморачивающихся» длиной очереди — гораздо хуже: пятнадцать или чуть больше попаданий.

— Ну что, Косов... Неплохо! И все-таки — смог бы ты держать взвод пехотинцев неприятеля? — выводил на дискуссию инструктор.

— А давайте посчитаем! Дистанция — триста пятьдесят метров. Пехотный взвод идет в атаку цепью, быстрым шагом. Шаг в секунду, длина шага — семьдесят сантиметров. Эти триста пятьдесят метров вражина прошагает за пятьдесят секунд. Взвод — это тридцать человек. Примерно по полторы секунды на каждого. Прицелиться, выстрелить короткой... Теоретически — возможно! Тем более — при потерях, стремящихся к тридцати процентам, противник — они же тоже люди, и неуверенность им тоже не чужда, замедлит продвижение,

а потом и вовсе — заляжет. Подняться же под огнем... уже гораздо сложнее.

— Ну и какой вывод, Косов? — Квашнин поглядывал на Ивана, косясь на остальных курсантов.

— Вывод... вывод... Вывод будет таким, товарищ инструктор: если противник неопытный, необстрелянный, остановить его получится! Если же... противник опытный, боевой, мотивированный...

— То, что тогда?

— А-а-а... ни хрена не получится! — махнул рукой Иван.

— Объясни свой вывод! — потребовал инструктор.

— При начале обстрела опытный пехотный взвод, изменит способ передвижения — с быстрого шага цепью, перейдет на последовательные перебежки и залегания. Двигаться будут непрерывно, но — кратковременно и разнонаправлено. То с одного фланга, то с другого, то посередине. А еще — начнут погибать фланги, используя рельеф местности, и все время — прижимать огнем! Подойдут на бросок гранаты и все... амба!

— И что делать?

— А делать... один в поле не воин, товарищ инструктор! Даже сменить позицию не дадут, прижмут!

— А как же... доты или дзоты? — вспомнил один из «шестаковцев».

— И что? Бетонные или деревоземляные укрепления, без пехотного наполнения предполья — вовсе не пляшут! Подберутся с разных сторон, закидают гранатами, или же — дымовыми пашками — выкурят, как суслика!

— Кто-то воевал в Империалистическую? — спросил у Косова Квашнин, когда они всей группой возвращались на огневой рубеж.

— Напарник-сторож в клубе. В охотничьей команде был, «георгия» имеет!

— Охотники... это — серьезно! — протянул инструктор.

Ему дали попробовать проверить свои расчеты. Из двадцати пяти ростовых мишеней на поле, он смог сбить двадцать одну, израсходовав диск пулемета, то есть сорок семь патронов, и затратив на это шестьдесят пять секунд.

— Ну что, товарищи курсанты, результат понятен? То есть, воевать одному пулеметчику против взвода противника... можно и нужно! Но! И по времени не уложился, и враги, пусть немногие, но — остались целыми, а значит рубеж обороны врагом взят! То есть! Рубеж обороны должен содержать и качественное, и количественное наполнение! Вот если бы, к хорошему пулеметчику, имеющему две или даже три запасных позиции, да добавить бы хотя бы одно отделение стрелков! Результат бы был совсем другой! Косов! Какой вывод необходимо сделать из занятия?

— Как сказал когда-то германский военный начальник Клаузевиц: «Военное дело просто и вполне доступно здравому уму человека. Но воевать — сложно!».

— Он еще и немцев всяких в пример приводит! — довольно громко проворчал «шестаковец».

— А для некоторых... особо одаренных! хочу напомнить слова Владимира Ильича Ленина — «Чтобы бить противника, нужно его знать!». А хотел я сказать следующее... Прежде чем воевать, нужно крепко подумать! Где, как и в каком количестве расположить свои силы; продумать и постараться представить, как будет действовать враг в той или иной обстановке; найти и подготовить меры по противодействию его замыслам.

— Стратег..., - опять бурчание этого недовольного.

— Эта, кстати, не стратегия. Это тактика поля боя. Стратегия — это гораздо сложнее, и на нее я не махаюсь. Мне бы тут, под носом у себя понять, что делать!

Квашнин, как инструктор, был, несомненно — хорош! Грамотный, знающий, толково рассказывающий и показывающий. А еще — требовательный! Но... было в нем что-то... ни на шаг от Устава, или плана проведения занятия. Только в те немногие моменты, когда план занятий выполнен, мог позволить курсантам подискутировать или как-то поэкспериментировать.

Тот же Лазарев... он был человек более увлекающийся, с ним было интереснее, что ли...

В конце февраля, когда стояли трескучие морозы, перемежаемые сильными метелями, Квашнин приболел и Лазарев заменил его на нескольких занятиях. По погодным условиям, Лазарев проводил их в тире Дома Красной Армии. И Косов смог его «раскрутить» не ознакомительное занятие по оружию, так сказать, потенциального противника.

Оказалось, есть такое в Доме РККА! И винтовка Маузера, и «Парабеллум», даже «Кольт» был! Который одна тысяча девятьсот одиннадцатого года! И «Браунинг», что — «Хай Пауэр»!

Покрутив Кольт в руках, Косов признал, что правы были те, кто говорил, что машинка эта прикладистая и очень комфортная для стрелка.

— Здоровенный какой! — недовольно протянула Ирина, — и тяжелый, неудобный!

У Косова вертелась на языке пошлая шутка, что не всегда, дескать, здоровенный — плохо для женщины, но хватило ума промолчать.

— Для женщин, конечно, большеват пистолет! Товарищ инструктор! А вот как бы... попробовать его?!

Лазарев улыбнулся:

— Да уж понял, что одним осмотром дело не ограничиться! — и выложил на стол раздачи патронов несколько тяжеленьких картонных пачек.

Они попробовали пострелять из «люгера», потом из «кольта», и из «браунинга». Последний пришелся по душе Ивану — «хороша железяка!». Хотя «кольт» — это был «кольт»!

— Товарищ инструктор! Разрешите попробовать стрелять из другой стойки? — обратился Косов к инструктору.

— Это с какой же стойки ты собрался стрелять? И зачем? — Лазареву было самому интересно.

— Я вот подумал... Вот мы учимся стрелять, и потом сдаем зачеты, используя давно известную стойку стрелка, которая и в наставлениях закреплена. Назовем ее — буденновская! Но ведь в жизни — это не как в тире! И времени подчас нет, и результат... влияет на продолжительность жизни стрелка.

— Объясни и мне, и товарищам, что ты имеешь в виду! — предложил Лазарев.

На занятиях с «тяжелыми», тогда, в Чечне... Да и позднее — уже дома, и сам Елизаров, и его коллеги, интересующиеся боевой подготовкой не формально, переходили со штатной стойки на двуручный хват. Тогда уже и записи занятий «пендосовских» «пистолетчиков» можно было найти, а потом — и в Интернете появилось куча записей разных школ.

— Ну... как объяснить? Вот если... Стоять на двух ногах — всяко крепче, чем на одной! И даже на двух ногах — есть разница, если стоять по стойке «смирно», или раздвинуть ноги на ширину плеч?

— Ну это же ясно! На занятиях по приемам самообороны они так и называются — оборонительная стойка, или стойка для нападения! — снисходительно протянул Лазарев.

«Вот как? Уже где-то ведутся занятия по самбо? Ведь оно совсем недавно придумано! Интересно! Только вот... где времени на все найти?».

— Вот! И я подумал... если на двух расставленных ногах на земле стоять — проще и крепче... то, наверное, и стрелять с двух рук — тоже стойка получается жёстче?

— Ну... это понятно! Покажи, что ты имеешь в виду! — предложил инструктор.

Косов, как будто размышляя, показал несколько разных стоек — тут и стойка Вивера, и фронтальная стойка, и так называемая тактическая, или — боевая стойка. По каждой, в качестве своих размышлений, что-то объяснил.

— Ну вот... смотрите! Если встать так... то упор на ноги — крепче! А если и колени чуть согнуть, то стойка получается и крепкой, и позволяет быстро сменить положение... или сделать несколько шагов... вправо или влево. Да хоть присесть... или... отпрыгнуть в сторону, чтобы сбить прицеливание противника.

Иван покачался из стороны в сторону, сделал несколько приставных шагов вправо-влево, присел на колено, развернулся приставными направо и налево.

— А при необходимости... вот так... как-то... можно сменить руку, держащую оружие. Ну мало ли... магазин запасной из кобуры извлечь. Или — вдруг рука ранена!

Движения его были неторопливы, даже подчеркнута медленными.

«М-да... это тело мышечной памяти на такое не имеет!».

— Интересно... А как пистолет держать? Не забывай — при стрельбе рамка затвора будет интенсивно ходить назад-вперед, и руку тебе разобьет изрядно! — внимательно присматривался к Косову Лазарев.

— А вот так! — Косов показал инструктору хват пистолета, — вот тогда мои руки ничему не мешают! А с «наганом» там вообще такой проблемы не будет!

— Х-х-а-а-а... так ты всем корпусом стоишь перед противником! По тебе же попасть куда как легче! — все тот же «шеестаковец» все никак не унимался!

— Ну да... только тут, я думаю, нужно не дать ему времени выстрелить! То есть... отработка всех элементов — извлечение оружия из кобуры, приведение его к бою... то есть снятие с предохранителя, досылание патрона в патронник, вывод оружия на линию стрельбы, сама стрельба... все нужно делать быстро! очень быстро!

— Ну и как же это сделать быстро? Запугаешься же, если торопиться начнешь!

— А здесь... только постоянными и долгими упражнениями, я так думаю! Вот ты же ложку мимо рта не пронесешь? Даже с закрытыми глазами? Нет? Потому как для тебя это движение настолько привычно, что ты даже не задумываешься, как его делать. Вот и здесь так же — упражнения, упражнения, и еще раз упражнения! Пока в голову и в мышцы не втемяшится!

— Это сколько же раз так нужно проделать? — разочарованно протянула Светлана.

— Много... очень много раз! Думаю... несколько тысяч раз. И сами эти движения... разбить на этапы. И каждый этап — тренироваться с медленного движения, потом — быстрее, еще быстрее и совсем быстро. Как стало получаться без ошибок — переходить к следующему. И так этапами, а потом — уже все в комплексе! Вот тогда будет и быстро, и без ошибок!

В общем... не вдохновились товарищи такой перспективой! Столько занятий, и ради чего? Ради спорного умения быстро стрелять из пистолета?

— Ну-ка... Иван. Давай — попробуй это с «наганом», — предложил Лазарев.

Иван взял револьвер, вышел на огневой рубеж.

— Только Вы меня не торопите, хорошо?

Он походил по рубежу, прикрыв глаза. Потом встал лицом к мишеням, постоял, покачиваясь на носках, чуть переставил ноги, поудобнее, как казалось. Закрыв глаза, перехватил оружия двумя руками, вывел его перед собой.

«Ноги еще чуть по-другому... вот — левую чуть вперед! Так... руки... левую ладонь наклонить вперед-вниз больше... большой палец ее смотрит на мишень... и в холостую...».

Щелк-щелк-щелк...

«Еще раз! Так... ноги, да — все верно! Руки... извлекаем револьвер из кобуры... тянем к животу. Тут подключается левая рука и сразу формирует хват! Уже с оружием в двух руках... выводим «наган» на линию прицеливания, начинаем тянуть спусковой крючок! Посмотрим, куда там ствол вышел!».

Косов открыл глаза.

«А что... нормально!».

— Товарищ инструктор! — обратился он к Лазареву, который стоял в паре метров позади него и внимательно следил за его подготовкой, — разрешите получить патроны для пробной стрельбы.

Тах-тах-тах...

Осмотрев мишени, они с Лазаревым пришли к выводу, что — пробовать точно нужно! Это интересно! Прوماхов не было вообще. Правда и кучность была... так себе!

— Ты же из обычной стойки стреляешь куда лучше! — с удовлетворением заметил парень-«шестаковец».

— Ну ты сам посуди — из обычной стойки я уже сколько раз стрелял? А тут — впервые! И заметь — промахов не было вовсе! Первый раз встал в стойку и — нет промахов!

Но того было не пронять — скептицизм у него был нарисован на физиономии.

— Кстати... ты говорил, что в этой стойке я весь открыт противнику. Весь корпус! Но! Ты забыл, что при попадании мне в корпус, поражен будет только один орган... из парных у нас в организме! К примеру — легкое! Одно, понял? А если ты будешь стоять боком? То, что? Оба легких поражены! И пиздец котенку!

— Косов! Выбирай выражения! — одернул его инструктор.

— Извините, товарищ инструктор, вырвалось! И Вы, девочки, тоже извините! Не хотел, честное слово!

Девушки улыбались его эмоциональному состоянию.

— Кстати! Иван прав по поводу парных внутренних органов у человека! Лучше быть раненным в одно легкое — остается способность дышать. А вот если два сразу... Или... две почки! Да и просто — ранение с фронтальной стороны тела... они все-таки не столько критичны, чем если поражающий снаряд пройдет тело сбоку на большую глубину, — это его Ирэн поддержала.

«Медик, чё?!».

Когда занятие закончилось, его придержал Лазарев:

— Не хочешь походить сверх расписания, позаниматься? — похоже, инструктор сам заинтересовался новыми методами стрельбы.

Косов согласился, но предупредил, что не знает пока, как и по каким дням сможет это сделать.

— Да я здесь с утра и до вечера, каждый день! Причем — несколько раз в неделю — до позднего вечера! — Лазарев давал ему карт-бланш на дополнительные занятия.

«Надо бы ему простой интерес подкрепить более действенным и мотивирующим доводом!».

— Товарищ инструктор! Я вот что подумал... Не так давно... Да даже — вот — недавно! Стало известно о новом виде борьбы — самбо! Не так ли? И, соответственно, разработчик этих приемов был отмечен! Ну... мне точно не известно — чем и как он был отмечен, но что отмечен — это точно! Просто по-другому и быть не может! А что вот... если и новые методы стрельбы из короткоствольного оружия... методы огневой подготовки командиров армии, органов милиции и безопасности... если все не торопясь продумать, разработать, зафиксировать... это же... такое же нужное дело, как и самбо! А у Вас здесь и возможности есть для этого! Понятно, что дело это небыстрое, даже... медленное дело! Сколько лет нужно? Но ведь и Харлампиев — тоже не за год свою борьбу создал? Представьте — войти в историю, как разработчик и автор новой методы огневой подготовки!

«А зацепило его! Ох как зацепило! Вот как зарумянился и глаза заблестели. Хотя виду старается и не подавать!».

На занятиях же по другим темам... было тоже интересно! Вот, к примеру, оказание первой помощи! К ним приходил инструктор — военврач одной из частей. Тут Ирина была, конечно, на высоте! Это и понятно же — готовый медик! А военврач ей еще и комплементы раздавал, заставляя румяниться девушку!

«Вот вообще не понимаю этих... ее ухажеров-воздыхателей! Неужели не понятно, что эти их... отношения — дело временное! Стоит только ей перевестись из больницы в воинскую часть, уровень и статус ее воздыхателей сразу резво повысится! Там не мальчишки будут, а товарищи командиры! Пусть — молодые лейтенанты-старлеи, но все-таки... И на что они надеются?».

Ирина несколько сбавила свой напор по охмурению Косова, но нет-нет, да позволяла себе... взгляды, шутки, обращения к нему по каким-то вопросам.

Вот и на практических занятиях по оказанию первой помощи он попал в конфуз.

Они занимались в аудитории, разбившись на группы. И к неудовольствию «ухажеров», Иван попал с Ириной и Светланой в одну группу, а сами ухажеры и «шестаковцы» — в другую. Учились накладывать повязки. Здесь эта... «богатая на верхние девяноста» девушка, как водится, была на высоте. Ловкая, умелая, знающая...

Иван возлежал на сдвинутых в ряд столах, а девушки бинтовали его... по-разному. То нога, то рука, то голова, то — грудь. Вот и сейчас Иван смотрел и... ощущал, как ловкие и очень умелые руки Ирины бинтовали ему ногу. Светлана стояла рядом и внимательно смотрела на действия медсестры и слушала ее пояснения.

«М-да... а ведь... приятно попасть в руки такой... сестрички! Пусть даже и с ранением! Все же... есть какой-то психологический эффект, если медик... такой симпатичный и... «грудастый». Все лучше, чем грязные, прокуренные ручки санитары. Или там — старой грымзы!».

Косов начал впадать в нирвану, когда почувствовал, что... достоинства Ирины стали... изрядно так... придавливать его... достоинство. И реакция... сразу пошла... определенная... мать ее так! эту реакцию!

Чуть приоткрыв глаз, он увидел, как брови наблюдающей Светланы стали медленно

подниматься, а потом... и улыбка расплылась на лице, и румянец залил щеки.

— Ирочка! Ты не могла бы... чуть менее активно бинтовать мне... ногу, а? — чуть слышно прошипел он увлекшейся девушке, — или... что-нибудь другое давай забинтуем! Вот голову, к примеру! Дай я сяду!

— Товарищ ранбольной! Сейчас мы отрабатываем приемы оказания первой помощи при ранении нижней конечности! Лежите спокойно, не мешайте проведению медико-санитарных мероприятий!

«От же ж! А сама разругалась, улыбается! И ничуть не смущена! Правильно, все таки, тогда Зиночка говорила — медики... они изрядные циники!».

Иван искоса посмотрел на дальний стол, где перевязками занимались парни.

«Не заметили? И не услышали? Ну и славно... трам-пам-пам!».

Те, как раз чего-то бурно заспорили по поводу наложения бинтов на очередном «ранбольном».

— Ирочка! Давай все же... сменим упражнение, а? Свет! Я... не виноват! Это само как-то происходит, — постарался объясниться перед другой, менее циничной, «медсестрой». Все так же — шёпотом!

Ирина, заканчивая перевязку, по-прежнему... оказывая тактильное воздействие на вспотевшего от переживаний Косова, так же негромко объясняла Светлане:

— У мужчин... это довольно частая реакция на действия медперсонала! У них... определенные части тела не очень связаны с головой. И живут как будто своей жизнью!

— Ты забыла пояснить, что такая реакция характерна, если медперсонал — молодой и очень привлекательный! — шепнул Иван.

— Косов! Что я слышу? Ты впервые сделал мне комплимент? Вот видишь, Светочка, все когда-нибудь бывает впервые! Первые раны, первая перевязка, первый комплимент! — Ирочка явно издевалась над ним.

— Я и раньше... делал комплименты тебе!

— Врешь! Вот сейчас больной явно врет, коллега! Обычно так бывает, если они хотят охмурить молодую медсестру! — пояснила Ирина Светлане с улыбкой.

— Ты забыла еще один вариант! — Косов заерзал под ее руками.

— Это какой же?

— Когда ранбольной решит выклянчить спиртику у медперсонала! Ну все, все! Хватит издеваться!

— Вот видишь, Света, ничем не прикрытый цинизм и подлость! Что, в общем-то, свойственно мужскому племени! — и Ирочка, закончив наконец перевязку, приподнимаясь над столом и Косовым, на секунду, якобы невзначай, локотком оперлась... о самое дорогое! Чем вызвала болезненное шипение у него...

— Я вот... могу рассказать анекдот... про оказание медпомощи раненному... в медсанбате, — кривясь и покачивая головой от неожиданной «подлянки», Косов слез со стола.

— Сейчас пойдем в буфет, перекусим, там и расскажешь! — кивнула довольная Ирина, — а вообще... ты нас со Светой сегодня провожаешь домой!

— Как это? А твои... поклонники? Они — что же? — удивился Косов.

— А они сейчас... на перерыве... сбегут! У них сегодня в техникуме комсомольское собрание, опаздывать нельзя! Я им сказала, что мы вдвоем со Светой до дома доберемся! Но ты же нас проводишь? Тем более — ты виноват перед нами! Ну, по крайней мере, перед

Светой!

— Это в чем же я виноват? Нет, так-то я и не против проводить, но хотелось бы знать... в чем моя вина?

— Ну как в чем? А твои... эти... ничем не мотивированные, и так же — ничем не прикрытые реакции, на внешние невинные раздражители? Ладно я, хоть и молодая женщина, но — медик, уже изрядно работающая в больнице... насмотрелась на Вас! Но! Молодая девушка, Светочка — она-то почему должна краснеть за тебя?

— Ни хрена себе... невинные раздражители! Эти раздражители... размера четвертого... или даже пятого! Они что ли — невиновны? И их обладательница — она тоже невиновна? Ты, Ириша, провокатор!

Он чуть задержался в аудитории, одеваясь, и, уже подходя к двери, случайно услышал шёпот Светланы из коридора:

— Ирин! А вот ты... ну я спросить хотела. Ты же работаешь... ну — с мужчинами, в больнице. Это правда — частая такая реакция? И еще... они что... все такие большие? Ну — через брюки же было немного видно...

— Ну, Света... реакция не то, чтобы частая. Но — не редкая, да! Особенно у молодых парней. А что... большой... Не сказала бы, что совсем уж большой. Но — не маленький, ага! Дальше они или стали шептаться совсем тихо, или отошли чуть дальше по коридору.

Когда они спустились в буфет, Косов, отстояв небольшую очередь, взял себе и девушкам по стакану какао и по паре бутербродов.

— Ну, где твой анекдот? — покусывая продукт, спросила Ирина.

— Так... Только он... не совсем скромный, — он покосился на Светлану.

— Так от тебя другого ждать было бесполезно! Давай! Тут все люди взрослые, да, Свет?

Та кивнула в ответ, но опять смутилась.

— Ну ладно... слушайте! Идет гражданская война и в санитарный пункт привозят раненых бойцов Красной армии, — начал шёпотом Иван, — Как водится — принимают, обрабатывают, оперируют, перевязывают... Вот привезли очередного бойца... точнее — морячка с бронепоезда. А у него... Осколком артиллерийского снаряда... частичная ампутация полового члена.

Ирина поперхнулась какао и закашлялась. Светлана замерла ошарашенно. Похлопав Ирину по спине, Иван продолжил:

— Ага... значит — частичная ампутация. Вот медсестричка и заметила, когда обрабатывали... рану... что у него там осталась часть наколки. Ну — татуировки! Буквы — «ЛЯ»! Вот ей и стало... очень любопытно! Дождавшись, когда раненный придет в себя, улучив момент, она, смущаясь и краснея, спросила его: «Товарищ краснофлотец! Вы, конечно, извините, но... там у Вас... осталась часть татуировки. Буквы — «Л» и «Я». Это что же там было изначально? Ваше имя — Коля? Толя? Или может быть имя Вашей подруги — Оля? Галя? А морячок... грустно так... отвечает ей: «Нет, родная! Там у меня была татуировка-приветствие: «Привет славным морякам Балтики от доблестных защитников Севастополя!»».

Ирина, замерев на секунду, расхохоталась. А Светлана замерла, удивленно распахнув глаза. Когда Ирина успокоилась, Иван глазами показал ей на замершую девушку. Та сидела, загибая пальчики на левой руке и беззвучно, только губки шевелились, что-то шептала.

«Ага! Буквы считает!».

И снова Ирина закатилась в смехе, так, что Косову пришлось ее успокаивать.

— Ну вот... бесстыжая твоя морда, Косов! Ведь неудобно же перед людьми в буфете получилось! Я так давно не хохотала! Это же надо такое придумать! А Света-то, Света! Ой не могу! — и Ирина снова заходила в смехе.

— Ну хватит уже, Ира! — Светлана смущалась и сердилась, — я просто... просто я — растерялась! Ну... не бывает же так! Да ведь? Ирин! Ты как медик скажи — так же не бывает? Это же... это же ужас какой-то!

Это еще больше смешило ее взрослую подругу. Косов шел, скрывая улыбку, отворачивая лицо.

— Ужас — что? Что такой... был? Или что — такой — оторвало? — смеялась Ирина.

— Ну — перестань уже! Мне... неудобно! Такие темы... да при Иване с тобой обсуждать!

— Свет! Да успокойся ты! Это ведь — анекдот! А в анекдоте часты такие преувеличения, для неожиданности и смеха, конечно! — пытался успокоить девушек Иван.

— Бедный морячок! — немного фальшиво протянула Ирина и, не удержавшись, снова расхохоталась.

К его удивлению, Светлана пригласила Ирину переночевать к себе домой:

— Папа в командировке, а мама... она не будет против! Ну что тебе домой столько еще топтать? И Ивана быстрее отпустим!

Так что Косову здесь повезло, и он, проводив девушек до подъезда, с чистой совестью отправился ночевать к подруге.

Наматывая круги по лыжне, Иван задумался:

«Чего-то у меня... с женщинами... как-то все не так и не туда! Мысли — «враздрай»! По количеству этих самых... «баб-с»... Количество — явный перебор! И ведь... как там товарищ Саахов говорил: «И ведь ничего не сделал! Только зашел, да!»».

Хотя... он не только зашел. Себе-то чего ж врать?! Он их искал, он наводил с ним отношения... Только вот... как-то... Раз! И их чего-то много стало! И тут уже... не только приятные моменты!

А «раздрай» этот... он, в принципе, понятно отчего! Ведь уже сколько раз твердил себе — «Вот — Фатьма! Красивая, неглупая, страстная подруга! Чего тебе еще?».

Но вот эта ночь с Еленой... Он сначала был в некотором... «ахуе», от той ночи! Потом, когда немного успокоился, проанализировал, и с неожиданным испугом понял — а ведь ему с Завадской было... очень! Даже лучше, чем с Фатьмой! Если так — честно признаться! И это вызывало... вызывало это... чувство неловкости и даже вины перед «восточной красавицей». Вроде бы... как-то... предал, что ли.

Это чувство он старался сублимировать в нежность к подруге. Что, скорее всего, было сделано зря! Похоже, подруга почувствовала эти изменения по отношению к ней. С одной стороны, насколько Иван понял, ей это — понравилось. С другой стороны — видно было иногда, что она... не злилась, а... ревновала, да. Но старалась держать это при себе. И что-то в их отношениях не испортилось, но стало другим. И вот это «другое» было лучше или хуже? Здесь Косов определенно сказать не мог.

А если еще не засовывать голову в песок, что тебе тот страус, стоит помнить, что Завадской он пообещал... ага, разврат с третьей участницей, Ритой. А вот это уже... явный перебор!

Но! Весь прежний опыт Ивана говорил, что отношения с женщинами надо строить на

честности... ну... в какой-то мере! И здесь — пообещал, выполняй! А как выполнять? А если то, что предлагала Елена, перечеркнет его отношения с Фатьмой? Если она решит, что — хватит! Хватит терпеть?! Жаль? Да, несомненно! Рвать отношения с подругой он не готов. Да и не хочет он этого! Ему она нравится, и это — мягко сказано!

А тут еще и в клубе... Отношения с Лидой и Лизой спустя время стали восстанавливаться. Причем без малейшего участия со стороны Ивана! Женщины чего-то там себе уяснили, успокоились, о чем-то, возможно, договорились, и вот уже у него в комнате вновь начались посиделки-чаепития. Косов пытался исподволь понять — насколько они остались прежними, эти отношения? Вроде и так, а вроде и не так. И Лидочка снова повеселела, улыбалась, даже смеялась над шутками подруги. И Лиза... тоже вновь осмелела. Только иногда проскакивало в ее глаза что-то... вроде вины перед Иваном. Как у какающей собачки. А за что? Да хрен знает! А может он ошибается? Ну... возможно. Тогда что?

И его периодически посещает такая мысль, что женщины чего-то ждут от него. Или он и здесь — пальцем в небо?

Он старался быть вежливым, доброжелательным, даже — остроумным. Но какое-то чувство вины... или неудобства? Какая-то недосказанность... Но руки распускать, как раньше — явно стеснялся.

«Какие-то интеллигентские сопли, чес-слово! «Лезть под юбку? Так получишь по мордам!». Не... так-то получить «по мордам» — ничего страшного. Гораздо неприятнее не понять — чего от тебя ждут! Но, как говорить, лучше жалеть о том, что сделал; чем о том, чего не сделал!».

Лидочка сама предложила возобновить их занятия по русскому языку. Они по осени несколько раз занимались. Еще до того, как их отношения стали... несколько фривольными. Тогда был такой — легкий флирт, на уровне двусмысленных юморизмов. Она пеняла ему, что несмотря на его явную начитанность и словарный запас, ошибки в диктантах он делает — очень глупые, нелепые. А как ему их не делать, эти ошибки, если он нынешних правил не знает вовсе. Принесенный ею учебник он... просмотрел. Вот и сейчас она предложила его, если не обучить правилам русского языка, то хотя бы натаскать на диктантах.

Ага...И он пишет диктанты, а сам украдкой поглядывает на учительницу. С совсем нескромными мыслями. И похоже иногда она эти взгляды ловит, и ей... опять же! похоже, что эти взгляды нравятся. Что-то вроде «она знает, что он знает, что она знает». Или она видит, что он видит, что она видит!

Запутался он во всем этом, запутался! Скорее бы лето, что ли — свалить в Омск, в училище. А там... Там все довольно привычно! Что он, не помнит, что ли своего военного училища? Круглое — носить, квадратное — катать! Начальник всегда прав, а если он не прав — смотри пункт первый! Все ясно, четко, определено!

«Ага-ага! Вот там-то, через месяцок, ты и поймешь, как тебе не хватает этих «многочисленных баб-с»! Эт-да! Так и будет, к бабке не ходи!».

Косов с улыбкой вспоминал, как еще на первом курсе, в конце его, в одном из учебных корпусов училища руководство затеяло делать ремонт. Но учебных аудиторий не хватало, потому и первокурсников не стали переводить по другим корпусам. То есть — тут в двух-трех помещениях идет ремонт; а вот здесь — будущие военморы постигают разные науки! Делали ремонт этот несколько бригад отделочников. Все, как на подбор — женщины. Причем женщины эти были, мягко говоря, не совсем молоды. Да что там! Младшей из них было лет сорок пять, не меньше! И были они... далеко не модельных внешностей!

Однако! Первый курс, для кого «увал» — только снится, как неизбежный крах капитализма. «Курки», которые женщин последние несколько месяцев видели только во сне...

Хотя в училище женщины все-таки были. Но что это были за женщины? Женщины в армии, по крайней мере тогда, были крайне редки. И училищные дамы, разного возраста и разной внешности, настолько привыкали к постоянному вниманию мужчин... ну — пусть — молодых парней! Что даже самая замарашка из них мнила себя — принцесской! Еще по первости, будучи молоденькими девушками, только придя в училище на разные должности, они, проходя мимо толп курсантов, мимо марширующего строя, впитывали настолько густые и отчетливые флюиды... ага! желаний, что старались быстренько прощмыгнуть такими мышками — потупив взор, и густо-активно краснея всеми частями тела. Но уже через год-два эти женщины обретали такую броню непоколебимости! что, казалось, подвигнуть их на адюльтер не смог бы и сам Марчелло, который Мastroяни. Да что там Марчелло?! Аллен с Делоном, и Поль с Бельмондо — рыдали бы от безуспешности своих лямурных приступов! Вот такие стервы из них получались! Интересно, а как они жили, выходя за стены училища, с их то демонстративным презрением к мужскому вниманию? М-да-а...

Да! О чем это я? Так вот... эти зрелые и довольно потрепанные жизнью работницы мастерка и терки буквально и откровенно наслаждались взглядами определенной направленности со стороны курсантов-первокурсников! А толпы «курков», снующих по коридорам корпуса, периодически замирали в ступоре перед картинами, когда та или иная мастерица работала в позе «пьющего оленя», или же наоборот — вытягивалась вверх в попытке достать недосыгаемые участки стены или потолка.

А как бросало в жар этих восемнадцатилетних парней! Ага, да-да! После учебных пар, курсантов частенько «запрягали» на подсобные работы. Бетон таскать в носилках или ведрах; кирпичи с места на место перетаскивать; мусор выносить... палубу оскабливать от известки и прочей «жбони». И порой такие перлы приходилось слышать от ремонтниц, что просто — ой!

И может быть что-нибудь и сладилось бы у них, но «курки» были восемнадцатилетними пацанами, которые подходов к женщинам, тем более — зрелым, не знали от слова — совсем!

«Ой, девчонки! А вон тот-то — розовощекий — хорошенький какой! Прямо — в жар меня кидает!».

«Да нет... вон тот, ушастенький... миленький такой!».

«А вот я помню... году так в шестьдесят пятом, что ли? Иду я, тогда еще молоденькая девчонка... Да лет семнадцать мне тогда было, да! Я только после «фазанки» в Севастополь по набору приехала! Так вот иду я... ну — вот где сейчас гастроном построили, знаете же? Ну... тогда-то там пустырь был, что ты! Здоровущий, да весь кустами заросший! Так вот... иду я, значит. А тут из кустов морячок выскочил! Молоденький такой, симпатичный! Я и мякнуть не успела, как он меня в кусты затащил, юбку задрал и ну... Ой, девки! Что он только со мной не делал! Что только не делал! Я ж тем пустырем лет десять ходить потом боялась! А сейчас... и специально хожу-хожу по паркам там, или пустырям каким... И ни одна падла не выскочит! Как назло!».

Да-а-а... «духам», ну то есть первокурсникам — везде тяжело живется. Хотя... это только так кажется! Потом-то все эти неурядицы вспоминаешь, как сущий пустяк, пролетевший практически незаметно.

«Так вот... ага! О женщинах. А и пусть они будут — «Шло, ехало, брело. Потерялось —

не мое!»).

— Фатьма! Ты знаешь... я с тобой поговорить хотел..., - папироса в правой руке, и взгляд на огонек свечи, потому как на подругу он в этот момент смотреть... неловко было ему!

Женщина потянулась сладко, откинула в сторону мешавшую, растрепанную косу:

— Ну давай... поговорим! — как-то многозначительно у нее это прозвучало!

— Знаешь... я виноват перед тобой, вот что! Наверное... да я с самого начала, может быть и не желая того... но обманул тебя. Нет, не так! Ввел тебя в заблуждение, вот! Как бы это... в общем... хреновый я человек, а ты, видно, этого не поняла!

— Вот как интересно! Давай-давай... и что же дальше? — она, гибко изогнувшись, как-то по-змеиному села на попу, потом перекинула ногу через него и уселась сверху, — Ну! Чего же ты замолчал?

«Ага! И вот как мне с ней разговаривать? Сидит... ножки ровные, полные, смуглые, почти черные в свете свечи... бедра широкие, талия узкая и животика почти нет — свела она занятиями так полюбившийся ему животик! И груди небольшие, но такие... даже на вид тяжелые, смачные, очень правильной формы! И в глаза уставилась, ведьма! И так карие глаза сейчас — почти черные, аж оторопь берет! И на животе у него... чувствуется ее влага, от совсем недавних... чуть только времени прошло! занятий сексом!»).

— Ну... я так не могу! От твоего вида... у меня и мысли-то из головы выдувает! — попытался вернуть настрой «на покаяние» Косов.

— Нет уж, Ваня, сказал «А», говори и «Б» — так же ты говоришь? И нечего тут.. слабеньким прикидываться!

— Ладно! Вот я и говорю... ты неправильно меня... оцениваешь! Говорю — плохой я человек. А ты... ты вон какая — красивая, умная, хозяйка хорошая. И в постели... просто огонь! Нормальный мужик тебе нужен, чтобы семья... чтобы дети! Чтобы на руках носил!

— Ага... вон как? Бросить меня решил? — она наклонила голову чуть на бок, вроде как прицениваясь — придуть его, за ножом сходить, или просто — на хрен послать?

Он задохнулся от ее слов:

— Ты все не так поняла! Как тебя, такую... бросить?! Наоборот... я себя мудаком последним чувствую!

Она хмыкнула:

— Ты, Ваня, Достоевского что ли в последнее время читал? Или там... Толстого, Льва Николаича? Это у них там... все размышляют — плох ли я или вообще — чудовище? Или... а-а-а-а... поняла! Наблюдил, что ли? Куриц этих своих... в клубе... наконец-то покрыл?

И опять — «вот как с ней разговаривать?»).

— Ну что ты... При чем здесь Лида и Лиза? Да и не покрыл я их! И не курицы они вовсе!

— Нет, Ваня! Они — курицы! Если бы были нормальными женщинами, так уже давн бы... переспали с тобой! И я бы их тогда воспринимала как соперниц! А то... ковыряются что-то... ковыряются! Вроде и хотят, а вроде бы и нет — все раздумывают! Как там — «тварь я дрожащая или право имею!». Вот видишь — помню еще что-то из книг! А про баб, милый мой... так я давно тебе сказала, что у нормального мужчины может быть столько жен, сколько он может содержать! И на скольких у него сил хватит! Я вот больше опасаясь той же Елены! Да еще и этой кобылы рыжей — Ритки! Вот они — да! Соперницы! Елена — так та уж очень женщина! Прямо вот — женщина!

Фатьма задумалась, отведя взгляд, почесала себе кончик носа:

— Знаешь... если бы мы жили на Востоке... Я бы даже сказала, что она была бы хорошей старшей женой! Такой женщине... ну, то есть старшей жене и подчиняться не стыдно! Умная, красивая, опытная! А вот кобыла рыжая...

Фатьма перевела взгляд на него, замолчала, во что-то вглядываясь в нем, потом протянула:

— Та-а-а-к... ты что же — переспал с Еленой, что ли? Вот как! А я-то думаю, что она вокруг меня стала круги наматывать... как та кошка — подкрадывается! И все мур-мур-мур мне, да мур-мур-мур! А оно вон как! Ну — теперь понятно! И знаешь... мне даже не удивительно! Мы же с тобой об этом говорили уже. Ну-у-у... я и не против! Она — сильная! Такую кобылку объездить — жена своим мужем гордиться должна! Так! А вот... и рыжая была? Ну — говори!

Иван замотал головой:

— Нет! Не было!

— Смотри-ка, чувствую — не врешь! — удивленно протянула она, — хотя... это, похоже, временно! Она тебя точно в койку затянет, сучка! Т-а-а-а-к... ну и что же?

Женщина чуть пошевелила попой, поудобнее усаживаясь на нем, помолчала:

— Да и хрен с ней! Что мне, с моим мужчиной из-за какой-то сучки ругаться? Не пристало такого нормальной жене! Только... если ужставишь ей... сделай это... ну так! Чтобы мне не стыдно было, а ей, рыжей, завидно, что я с таким мужчиной постоянно сплю, а этой... крошки с моего стола перепадает! Ну? Сделаешь?

«Вот как относится мне к такой женщине? Она же с ума меня сводит! Если это не идеал жены — то, что тогда вообще — идеал?».

— Так... а теперь, Ваня... ты мне расскажешь... как там все у Вас было! Мне очень интересно!

— Ну ты вообще уже! — попытался возмутиться Косов.

— А что вообще? Я же сказала — Елена опытная, умная, красивая! У такой поучиться — только за счастье, для любой женщины! Если она не полная дура!

— Иван! Вот ты где! У-ф-ф-ф... хорошо, что ты на месте оказался! — девушка Паша, которая молоденькая спортсменка из команды совхоза, смешно сдула челку со лба, — А то тебя в клубе не враз и застанешь! Вот! Лазарев тебе передал — в пятницу, к одиннадцати часам, тебе нужно быть в райкоме комсомола! Там твое заявление на вступление будут рассматривать! Вот... ну ладно! Я побежала, а то дел еще — куча!

И унеслась так быстро, что Косов даже не успел спросить — а где он, этот райком?

«Ладно! Язык до Киева доведет! У того же Ильи спрошу!».

Двухэтажное здание. Похоже — дореволюционной постройки. Первый этаж — кирпичный, а вот второй — деревянный.

«А внутри тут... без изысков! Как писали в книгах про царские времена — казенное присутствие! Только вот народ тусуется все больше молодой, зеленый! Ну так — комсомолия вообще народ не старый!».

На прием в комсомол в коридоре толклись человек восемь-десять парней и девушек. Было видно, что все волнуются. Только волнение это у всех смотрелось по-разному: кто-то ушел в себя, кто-то лихорадочно листал какие-то записи в тетрадках, а кто-то нарочито весело и беззаботно общался со сверстниками.

Иван встал чуть в стороне, с интересом разглядывая народ. Не то, чтобы он совсем был спокоен — мандраж все же присутствовал. Но так — больше в легкой форме. Вызывали их по одному в кабинет, где проходило бюро райкома. Вызываемые задерживались на приеме ненадолго, минут пять-семь на каждого. И до Ивана все выходили с облегчением и радостью. Лишь один парнишка вышел обескураженный, и буркнув: «Перенесли на месяц!», быстро ретировался из коридора.

В свою очередь Иван зашел в кабинет. Семь человек: пять парней и две девушки. В центре стола сидел молодой мужчина лет двадцати пяти, худощавый, русоволосый, улыбчивый. Только глаза были усталыми и изрядно покрасневшими от недосыпа.

Пролистали дело Косова Ивана. Задали несколько вопросов — «в разбег», и по внутренней обстановке в стране, и по — внешней. Иван на рожон не лез, отвечал только по существу заданных вопросов. Вопрос — ответ, вопрос — ответ... Члены бюро оживились, когда председатель заседания спросил:

— Иван! А вот ты же песни пишешь. Хорошие песни! Знаете, товарищи, о этом?

Товарищи не знали. Точнее — песни знали, но никак их не связывали именно с этим молодым парнем, стоявшим перед ними.

— Мы, знаешь ли, тоже этот вопрос на бюро рассматривали, обсуждали эти песни! Даже решали вопрос — отметить авторов Грамотой райкома комсомола. Правда, товарищи? — дождавшись кивков присутствующих, мужчина продолжил, — Но оказалось, что один из авторов — не комсомолец! Ну что за безобразие? Непонятно! И вот теперь эта коллизия будет разрешена, да?

— А еще у тебя что-то есть? — спросил один из парней, — ну... из нового, свежего?

Косов почесал лоб.

«И что им предложить? Я уже думал над этим, даже есть кое-какие наброски, так сказать!».

— Я могу показать... только вот, что, товарищи... Удобно ли это будет? Там вроде бы еще люди ждут, а я тут... концерт давать буду?

— А прием окончен, не так ли, Людмила? — обратился мужчина к девушке, сидящей с краю стола.

— Да, все кандидатуры на прием мы уже рассмотрели. Там еще есть два комсомольца... они — по другому вопросу. Рассмотрение персональных дел...

— Так... ну-ка давай я погляжу, что там... с этими товарищами, — протянул руку за документами председатель, — ага... ну, здесь, я думаю, все ясно! Это те прохвосты, ребята, которых мы обсуждали не так давно. Помните, драка возле кафе, на привокзальной площади?

— Да, обсуждали, — подтвердил один из заседавших, — но я настаиваю, чтобы этих хулиганов основательно пропесочили, товарищи!

— Да какие они хулиганы, Василий? Пьяными они не были, повздорили из-за девушки. Ранее характеризуются положительно. Да они же еще и добрыми приятелями были, до этого случая! Предлагаю, объявить им по выговору, да и дело с концом! Ну что? будем голосовать?

После окончания заседания, присутствующие чуть расслабились, пара парней даже отошли к окну, где закурили, пуская дым в открытую форточку. Секретарь Людмила притащила откуда-то гитару. Народ снова расселся, а Иван, чуть подтянув струны по-своему, обратился к комсомольцам:

— Ребята! Я прошу строго не судить, это только... наброски. Мой соавтор, Илья, наш

директор клуба — он еще не слышал этой песни, а потому и музыка к ней... так — сырая совсем!

— Ладно, Иван, мы тут тоже не профессиональные музыканты! Не стесняйся!

Тут дверь в кабинет открылась и зашла... Кира.

— Извините, товарищи, я опоздала! Здравствуйте! Вот... в институте задержалась. Ну что у Вас? Как дела?

«Вот вижу ее... довольно редко! А как появиться перед глазами — и сердце как-то екает! Что-то... эмоционально-иррациональное у меня к этой девушке!».

Кирочка, было видно, торопилась и щеки ее горели румянцем. Или это от легкого морозца на улице? Косов почувствовал, как на лице его расплывается дурацкая улыбка, но ничего с собой поделывать не мог!

— Мы, Кира, твоему знакомому предложили спеть песни. А у него что-то новое есть!

Кира улыбнулась Косову и присела на предложенный ей стул. Судя по реакции присутствующих, знали ее здесь хорошо, и относились — тоже так же. Да — своя она здесь была!

Иван старался не смотреть на предмет своего сумасшествия, перебрал струны, настроился:

— Хорошо над родной рекой
Услыхать соловья на рассвете!
Только нам по душе не покой,
Мы сурового времени дети!

Комсомольцы-добровольцы!
Мы сильны нашей верною дружбой!
Сквозь огонь мы пройдем, если нужно
Открывать молодые пути.
Комсомольцы-добровольцы!
Надо верить, любить беззаветно.
Видеть солнце порой предрассветной —
Только так можно счастье найти!

Он вообще старался не смотреть на людей — где-то в глубине гнездилась неловкость за воровство этих песен. Как ни убеждал себя Иван-Сергей, как не успокаивал, не приводил разные доводы, но было это чувство, было! Он четко отдавал себе отчет, что никаких способностей написать такие слова у него нет. Даже не способностей! Это же должен быть сплав из знаний, убеждений, эмоций, чтобы писать такой текст. А у него этого — не было. Было понимание очень сильного воздействия таких текстов на людей — особенно нынешних, вот этих парней и девушек, сейчас сидящих перед ним. Даже сохранявшееся у него там, в будущем, это понимание, не поднимало его на уровень этой молодежи.

«Так что... мошенник, мелкий жулик!».

— Поднимайся в небесную высь,
Опускайся в глубины земные!
Очень вовремя мы родились,

Где б мы ни были — с нами Россия!

Комсомольцы-добровольцы!

«Они, конечно, очень разные все! Умные и не очень, искренние и не особо... красивые (Иван покосился на Киру!) и... обычные. Но все же... в целом — они лучше, чем мы там, в будущем! Вот что плохо... растеряли мы там этот запал, эту веру и искренность! И ты, Елизаров, как ни крути — мерзавец и прощельга! Ты же ногтя их не стоишь! А еще... на Киру, вон, заглядываешься...».

Он коротко, искоса, поглядывая на реакцию людей, видел в их глазах удивление, настороженность, восторг, радость... и внутри него нарастала злость, злость на самого себя, на никчёмность свою, изворотливость, похотливость!

«Как много среди них таких... искренних подвижников нового общества! Как же жаль... что большинство из них сгорит в огне Войны, не доживет, не вырастит детей, не воспитает из них своих единомышленников, не построит действительно нового общества!».

— Лучше нету дороги такой,
Все, что есть — испытаем на свете.
Чтобы дома, над нашей рекой,
Услышать соловья на рассвете!

Уже после второго куплета, запевая припев, он видел, как люди начинают беззвучно подпевать ему. Потом — все смелее, смелее... После третьего — все пели в голос! А какая атмосфера возникла!!! Он буквально чувствовал, как у него шевелятся волосы на голове — настолько все напитано было вокруг этой энергией, этим «электричеством»! А уж светящиеся глаза Киры, которая, не отрываясь смотрела на него...

«Сволочь ты, Елизаров! Старая, циничная и мерзкая... сволочь!».

Когда он замолчал, пару секунд в кабинете стояла звенящая тишина. И вдруг! она взорвалась криками, шумом... Иван только и успел отвести гитару в сторону, как на него налетела Кира и стала целовать его в щеки.

— Какой же ты молодец, Ваня! Какой же ты молодец!

Его обступили со всех сторон, хлопали по плечам, тискали, обнимали.

А на душе было... мерзко.

— Ну что Вы, ребята! Ну что вы, в самом-то деле? — Косов не поднимал глаз, опустив голову. Но то, что он продолжает обнимать Киру за талию, он чувствовал.

— А я же говорила Вам, как он талантлив! — поддавала жару на костер его самоедства Кира, — я говорила! Вот сами видите — какие песни он пишет!

Когда все чуть успокоились, Иван с удивлением обнаружил, что в кабинете оказалось куда больше людей, чем когда он начинал петь.

«Эти-то откуда здесь взялись?!».

— Так! Иван! Раз уж так получилось — а давай ты и другие свои песни споешь? — протолкался к нему председатель заседания.

Косов обвел взглядом столпившихся вокруг людей:

«И как тут отказать?».

Он отошел в торец кабинета, а народ вокруг расселся по стульям, столам, просто раздвинулся вокруг, вдоль стен. Кира, как представляется, пользуясь своим знакомством с ним, оперлась о стол рядом, не отходила от него дальше.

Он откашлялся, чуть замер, настроился...

Косов спел «Свинцовые ливни», «Товарищ песня», «Песню о тревожной юности». И «Русское поле» — тоже спел. Ему энергично хлопали, многие — подпевали.

— Ну все, ребята! Вроде бы все и спел! — немного смущаясь от такого внимания к себе, развел руками Иван.

— Ну как же — все? А еще? У тебя же и другие песни есть! — подала голос откуда-то от дверей незнакомая девушка.

— Да те песни... они же... другие совсем! — растерялся Косов.

— Ну и что? Они же тоже — хорошие! Спой и их тоже! — многие поддержали ее.

Он задумался.

«Ну... чисто кабацкие песни я точно здесь петь не буду! Нечего тут... реноме только что полученное ронять!».

Он спел «Эти глаза напротив». Потом — «Очарована, околдована». Атмосфера в помещении явственно поменялась, люди расслабились, заулыбались. С удивлением он заметил, что некоторые с улыбкой смотрят... на Киру. Покосившись, он еще более обомлел — девушка была смущена, щечки ее залились румянцем, а взгляд на него содержал... содержал взгляд... многое!

Косова обдало жаром.

«Зачем мне еще и это? Что же все так... кувыркком?».

Кто-то внутри его вроде бы спросил — «Ну ты же хотел этого? Чего ж теперь-то?».

«Да... хотел! Потому как — дурень! И что мне теперь с этим... делать?».

Чуть задумавшись, он перебрал струны...

— Сейчас я хочу спеть... попробовать спеть! Потому как... это — тоже новое! Вот! — скомкал он свой спич.

Он сыграл проигрыш, кашлянул:

— Месяц свои блестки по лугам рассыпал.

Стройные березки, стройные березки,

Что-то шепчут липам!

На Киру он уже старался не смотреть. Ну... старался, да. Она стояла, потупившись рядом — руку протяни. Улыбается как-то странно, загадочно...

— А что, ребята, хорошие же песни, согласны?! — обратился ко всем присутствующим тот, самый главный комсомолец.

Народ зашумел, переговариваясь, но чувствовалось — одобрительно.

— Я Вам так, товарищи, скажу! У нас сегодня не только новый комсомолец появился — вот, Иван! У нас, товарищи, образовался дуэт авторов песен... я бы сказал — союзного уровня! Вот увидите — эти песни еще и в Москве будут петь, и по радио мы их услышим! Точно Вам говорю! И это, между прочим, внушает гордость за наш город! Правильно?

Они, не торопясь, брели с Кирой по улицам города. Сначала Косов был в ступоре от происшедшего. Не от вступления в комсомол, а от того, как это произошло, и что в итоге

получилось. Как на это реагировать, он не знал. Так бывает, когда чего-то хочешь, но даже думать об этом не смеешь. А тут — раз, и вот оно! А ты этому... вроде бы и не рад! Хотя... рад, конечно, но... а что с этим теперь делать?

Он и раньше подозревал, что интересен девушке. Ну как интересен? Как этакий забавный, и довольно смешной зверек! А сейчас... Сейчас она явно показала, что он ей вовсе не безразличен.

«Хочу ли я развития этих отношений? Она мне нравится? Безусловно! Тут даже не «нравиться» нужно говорить, а... как-то по-другому! Я готов к такому? Нет! Однозначно — нет! Не ко времени все это! И еще больше запутывает ситуацию с моими женщинами! Струсил, прощелыга? М-да... Выходит — струсил».

Кира, похоже, чуть успокоилась, взяла себя в руки. И теперь шла рядом, попинывая свежий снежок, обутой в красивый ботик ногой. Изредка искоса поглядывая на Косова. А что говорить, он не знал. Тоже поглядывая на девушку, он видел, что она уже и улыбаться начала чуть насмешливо.

«Ну вот... это уже привычнее, такая Кира!».

— Г-х-м... ну как у тебя дела? — «вот дурак-то... нашел что спросить! И тон такой — фальшиво-участливый!».

Она засмеялась, глядя на него с удивлением.

«Противно мне что-то... от себя самого!».

Потом девушка как будто встряхнулась и, продолжая улыбаться, сказала:

— Дела? Да вроде бы все... нормально. Учусь в институте, вот... решила подработку взять в больнице. Не для денег, а для практики.

— Как родители? — «неправильно все, неправильно! Что ты мелешь, лишенец!».

— Тоже все... благополучно! Мама работает, папа — служит! Да! Витька вот... обормот, сделал Татьяне предложение! Наконец-то! Мы уж думали этого не случится! — она оживилась.

— Я... рад за них! — что-то же надо говорить?

— Да уж... Вы, мужчины, иногда так... смешные какие-то. Все цепляетесь за свою свободу!

— Ну-у-у... это понять можно. Когда сомневаешься, что важное решение правильно.

— Да ладно! Это — отговорки все! Сомневаетесь вы! Гулены и... бабники!

— Ну... и это есть. Но не все же! Вот — твой Сергей, он же не бабник?

Он вроде бы заметил, как девушка немного поморщилась. Или показалось?

— Да... Сережа — не бабник! Он... очень цельный такой... человек! Надежный, целеустремленный, честный.

Теперь уже Косову пришлось скривиться:

— Слушай... давай не будем... о Сергее.

— Так ты же сам о нем вспомнил! И как тебя понимать?

«Да я сам себя хрен пойму! Как меня понимать... Как законченного мудака и придурка!».

Она расхохоталась.

«Это что — я вслух что ли сказал?! Совсем уже крыша поехала?».

— Ну вот... с самокритикой у тебя все в порядке! Ну хоть это радует! Не совсем, значит, пропащий человек!

— Да... только это и радует! Ладно... давай о чем-нибудь другом! Вот ты сказала,

Виктор сделал предложение Татьяне. А что же Сергей тебе предложение не делает?

Она, чуть наклонив голову, посмотрела на него:

— А кто сказал, что он не делает мне предложение? Он уже не раз это делал. Впервые — еще на выпускном вечере, в школе! Представь! Только я... не готова сказать «да». Там... все сложно!

«Так вот как! Эта фраза у женщин уже сейчас популярна?».

— И почему же... позволь спросить? — Косов якобы без интереса посмотрел в сторону.

— Да-а-а... Сергею уезжать этим летом. Он в Качинское училище учиться поедет. А мне куда? Бросать институт? А потом что? Ладно бы он уже отучился, в часть поехал. Там хоть какая-то определенность есть. А сейчас? Ну поеду я с ним и что? Он — в казарме, а я — где? И чем мне заниматься? Нет уж... Вот доучусь, тогда и посмотрим!

— Х-м-м... так медикам же учиться долго! Сколько тебе еще? Три года? Четыре?

— Вот и поглядим... проверим наши чувства.

— А-а-а-а... а они есть... эти чувства? Ну — с Сергеем понятно. А у тебя?

Кира как-то нехорошо прищурилась:

— А вот это, Ваня, — не твое дело! Как мне кажется! Или у тебя есть другое мнение?

Он покачал головой и, чтобы взять паузу, начал прикуривать папиросу.

— Курить на ходу — вредно! — наставила на него палец Кира.

«Ну вот... вроде бы отошла от неудобного вопроса! Сдается мне, она просто не хочет ссориться!».

— Есть такое мнение... что жить, в целом, вредно! — хмыкнул Иван.

Она снова засмеялась.

«Как же мне нравится, как она смеется!».

— Слушай... я себя постоянно чувствую рядом с тобой... каким-то дурачком! Даже не знаю, что говорить, представь!

— Да-а-а-а? А я слышала, что ты умеешь с женщинами разговаривать! — она опять его троллит!

Иван почувствовал, что краснеет.

— Это... это с другими я умею разговаривать. А с тобой... с тобой, как ты сказала — все сложно! Вот знаешь что? А давай ты мне о себе расскажешь. Со мной-то все ясно — детство, потом — детский дом, работа на Северах, здесь уже... Ну, ты это и так знаешь!

— А что тебя интересует? Спрашивай! — она смотрела на него.

— Да все! Все меня интересует! Ну вот... давай так — где ты родилась, где училась, что тебе интересно. Все-все-все!

— Ух ты! Как странно! Прямо вот — все-все-все? — она улыбается.

«Ну... про твои отношения с Сергеем... можно опустить!» — подумал Косов и снова почувствовал, что краснеет.

Кира, глядя на него, снова засмеялась.

«Она меня что, как книгу читает, что ли?».

— Ладно! Уговорил! Буду рассказывать о себе, раз такой кавалер мне сегодня попался. Косноязычный и смущенный... как мальчик!

— Постой! А давай... вон в ресторан зайдём, а? Я очень уж есть захотел, со всеми этими переживаниями, нервами! — нашел выход Косов.

У девушки в животе чуть слышно заурчало. Она смущенно прыснула в кулачок, а потом они оба — расхохотались.

В ресторане они... налопались от души! Кира от него если и отставала, то ненамного.

— Знаешь, вся эта беготня по институту, потом в больницу, потом — еще всякие нагрузки... меня выматывают здорово! Еще и спортом нужно заниматься, а то растолстею и буду никому не нужна! Вон — маму мою видел? Она тоже раньше, знаешь, какая стройная была!

— Да я там особой полноты-то и не увидел! — засомневался Иван, вспоминая статную казачку.

— Да ладно! Это ей можешь такие комплименты делать, ей понравится. А я-то понимаю, что нужно следить за собой! Я же врач будущий, если ты забыл!

Они поболтали. Кира интересовалась учебой Ивана в Доме Красной Армии. С интересом полистала его зачетную книжку.

— Х-м-м... по стрельбе у тебя... даже лучше моего будет! Ишь ты как! Стрелок нашелся! Ага! А вот это — интересно! У меня, кстати, тоже этот двухдневный поход с ночевкой не сдан. Надо будет присоединиться, когда у Вас это организуют! Через дядю Васю Шедько узнаю. Возьмешь меня с собой в поход, а? Ванюша?

Она сидела с бокалом красного вина в руке и шурилась как довольная, сытая кошка.

— Так что там? На чем мы остановились в моем рассказе? Ага...

Как оказалось, ее брат Виктор, он брат только по матери.

— Так у него же и фамилия — Тальшев! Ты что — не знал?

Мама Киры была в первом браке — офицерской женой. Бравый кубанский казачок Василий Тальшев, хорунжий, погиб в одна тысяча девятьсот шестнадцатом.

— У мамы от него два «георгия» остались.

— Она любила его? Не рассказывала тебе?

Кира задумчиво протянула:

— Мне кажется — очень любила! Так..., по некоторым словам, обмолвкам. Хотя... и с гонором он был! Ну как же — казаченя!

— А потом... революция, Гражданская война. Папа в отряде латышских стрелков на Кубань приехал. Их к Сиверсу, на подмогу отправили, на Дон. А там... мама... да и папа — не любят рассказывать про то время. Мама говорит — очень страшно было! Там они и познакомились, когда их отряд в маминой станице стоял. Папа говорит — разбили их здорово! И вот так... как-то...

— Представляю, как это — казачка, вдова офицера, спуталась с большевиком, да к тому же — латышом! Как она жива осталась? Ее же родные должны были прибить!

— Нет... не представляешь! Даже я не представляю! Мама... ушла вместе с папой, с отрядом. И Виктора у родни оставила. Вот! Осуждаешь?

— Да с чего бы?! Там, как мне представляется, такая каша была! Семьи распадались, родные друг друга рубили-стреляли.

— Да... страшно, правда?

— Очень... Ну а дальше?

— А что дальше... Я, как говорят, в Царицыне, то есть сейчас — в Сталинграде, родилась. Потом маме пришлось поскитаться, с ребенком на руках. Аж в Костроме оказалась. А потом папа ее нашел. Виктора у родни забрали уже в начале двадцатых. А потом... папа — по гарнизонам и частям, ну — и мы за ним. Мы, знаешь, одно время на Украине жили, в Каменец-Подольске. Как же мне там нравилось! Ты не представляешь, какой это красивый город! Я так скучаю по нему...

«Загрустила, красавица!».

— А сейчас с родными, ну — теми, кто остался на Кубани, общаетесь?

Девушка встряхнулась от воспоминаний:

— Да практически — нет! Еще мальчишкой Виктор гостил у них пару раз. Вот его они принимают как своего. А меня, и маму — не очень-то! Я тоже там была... один раз. Мне не понравилось. Люди не понравились! И дед мой... мамин отец. Здоровенный такой, бородатый! Угрюмый и молчит все больше. Бабушка... та — получше, но тоже... Она вроде бы деда боится. У них, кроме мамы, еще дети были. Так вот... двое у белых... погибли. А младший мамин брат — за красных воевал. Он сейчас тоже с ним не живет, он с семьей в Ленинграде живет. Железнодорожником работает. Еще две маминых сестры есть. В той же станции живут.

— А по линии отца Виктора?

— А там и вовсе — бирюки! Тем еще солонее пришлось — почти все дети — парни, и все погибли в Гражданскую, уже, вроде бы, в самом конце войны.

«М-да... и что тут сказать?».

— Хотя знаешь... в последнее время вроде бы мой дед с бабушкой... получше стали относиться. По крайней мере — бабушка письма стала регулярно писать, а мама ей отвечает. Там у них... папа до сих пор — враг. Но, знаешь, такой враг — командир, то есть военный, в звании немало. А это там — уважают! Пусть и не любят!

Во время всего разговора Косов ловил себя на мысли, что он, периодически забываясь, начинал любоваться девушкой.

— Ваня! Перестань на меня так смотреть! Мне, конечно, очень приятно... Но... смущаешь ты меня! Знаешь, что! Ты меня так обкормил, что нужно обязательно прогуляться!

Они гуляли еще долго. Косов разговорился, начал шутить. Кира продолжала рассказывать о себе, о своих делах, смеялась над его рассказами, шутками и анекдотами.

— Как там Зиночка, ты не говорила о ней?

— А ты что, соскучился? — девушка, чуть подняв носик, с вызовом посмотрела на Ивана.

«Соскучился ли я по Зине? И нет, и да. Повидаться бы не отказался. Все же интересная она... девица!».

— Та-а-а-к... все с тобой ясно, кобелина! Нормально все у твоей... пассии! Живет хорошо, учится, водит шашни со своим ухажером, ясно?

Потом она засмеялась, ткнула его рукой в плечо:

— Да шучу я, шучу! Мы уж и помирились с ней, перед отъездом! Я сама скучаю по ней. Поболтать бы, посмеяться, обсудить всяко-разное... Эх, Зинка, Зинка!

Потом она опять притворно насупилась, хотя в глазах блестели огоньки:

— А она-то... Зиночка! Мне про Вас рассказывала! Ой, как интересно-о-о-о! Я даже не поверила! Врет же, правда? Ну скажи — наврала мне подруга?!

— Да откуда же я знаю, про что ты сейчас!

— Все ты знаешь, развратник! Ладно... но знай — я это — запомню!

«Это что сейчас было? И что — ей Зиночка все про нас рассказала? И как? Насколько подробно?».

Уже когда стемнело, Косов проводил девушку до дверей знакомого подъезда. Время они провели здорово, и он даже не заметил, как прошло полдня!

Кира, стоя у дверей, вздохнула:

— Ты, Ваня, дундук какой-то! Хоть бы поцеловал меня, что ли...

И, не дожидаясь его реакции, зашла в подъезд, громко хлопнув входной дверью.

«Жаль, конечно... Ох — как жаль-то! Но... не надо этого! Прежде всего — ей это не надо! Вот!».

Странные существа — люди. Такого в них накручено-наверчено, что просто диву даешься! Ладно бы там... физиология. Там примерно все одинаково... ну — плюс-минус. За явными перекосами в ту или иную сторону.

А вот с психологией как быть? Менталитеты разные, мировоззрения, характеры опять же! Взять к примеру — разницу в психологии мужчин и женщин. Принято считать, что женщины живут эмоциями, а мужики — головой. Так ведь и там тоже... очень все не просто. Принято считать, ага! А иногда такие «взбрыки» попадаются!

С женщинами вообще все сложно! Оставим их...

А с мужиками? И там тоже. Пусть и более понятнее, чем у этих... «кошек» с другой планеты, но тоже...

Вот к примеру — различия в возрастном восприятии. Как по-разному чувствуют и мыслят мужские особи разного возраста! Про отношение к женскому полу, например... В юности и молодости понятие женской красоты, оно такое — довольное широкое! А вот с возрастом, с опытом? Уже довольно требовательны становятся мужики. У каждого свое видение, свой вкус. И если в молодости большинство особей противоположного пола вызвали интерес, то зрелые мужички чаще всего носы воротят: то не так, это — не эдак! И все реже проходящая мимо красотка вызывает интерес. Может... лень? А то так — взглядом проводил: «Ага! Ничётак!» — и все!

Да ладно, эти... оттенки серого!

К миру вокруг относятся же по-разному! Вот... времена года, ну и погоды всякие. Весной молодой мужчина — весь в предвкушении: природа расцветает, воздух пьянит, женщины — сняли закрытую верхнюю одежду, и все более и более красивы!

Мужик же в возрасте думает: «ага... сквозняки эти... сырые, блин! Колени ломит, локти ноют! Вместо снегов идут дожди, и ведь всегда — в самое неудобное время, черт их возьми! И эти... еще... раздеваются! И чего? Вот же дуры-дурами! Еще «дубак» такой по утрам, а они — разделись уже! Вот простудят там себе... почки-придатки разные, а будущему мужу потом лечи их, по врачам, да по санаториям вози, деньги трать! Да и разделись-то... какие-то вещи... дурацкие! Вот раньше-то — юбки короткие, ножки стройные! А сейчас... унисекс мать его! Худи разные, штаны безразмерные! Худи Вам надо, а? И тату эти... Как жулики матерые, хожалые, чес-слово!».

Лето... «Лето — это маленькая жизнь»! И летом для юноши или молодого повесы — ах какая пора! Девушки уже мало того, что разделись предельно, но уже и подзагореть успели — чудо как хороши! И погода — шепчет! С друзьями-приятелями-подружками — на дачу, на речку, на море! Пляжи! И красотки — опять же! Шикардос!

А у мужика?

«Бля... жара-то какая? Ну чего оно так печет, а? А не печет — так духотища! И давление подскочило, и сердце — покалывает! И дача эта... гребанная! А там... комары, мошки. Работы непочатый край! И только изредка — шашлычки, компания! Да и то — мегера эта шипит: «Эта рюмка — крайняя! Все! Хватит!». Или, как вариант — «Ну хватит это пиво уже лакать, как бык пойло! Сколько можно уже?! А перегар-то от пива какой противный!».

Осень... Осенью так здорово гулять в парке, или там — в лесу с подругой! Листья палые разноцветные! Запах пряный, чуть с горчинкой. И не надыхаться им! И лучи солнца не жгут,

а чуть ласкают через редкую, еще не облетевшую, разноцветную листву деревьев! Ах, как же хорошо!!!

И тут же, в мозгу пожилого «самца»: «Лету ожидаемо пришел «писец»! Сейчас дожди... опять колени-локти. Простатит, с которым уже сроднился... А потом — эта гребанная зима на полгода! Снегу навалит — не пройти, не проехать! Морозы эти... Млять!».

А первый снег? Как же жаль топтать его нетронутую белизну ботинками! Это же... кощунство! На первом снежку хорошо смотрятся только отпечатки детских ботиночек. Или же изящные следочки женских сапожек — как лисичка пробежала! Легкие такие следочки, почти летящие, невесомые!

А потом — бодрящий морозец, когда так здорово бежать по лыжне, навстречу только показавшемуся солнцу. И дышать-дышать этим прозрачным, звенящим, таким вкусным воздухом! А как хорош этот румянец на щечках девушек?! Это же... никакая косметика этого не добьется — так украсить щеки красавиц!

«М-да... все же — хорошо быть молодым!».

Косов писал очередной диктант, под четкий, негромкий голос Лидочки. А у самого какая-то отвлеченная философия в голове.

Учительница прохаживалась перед его столом, держа в руке раскрытую книгу, из которой и зачитывала некоторые отрывки. Косов повел взглядом за прошедшей мимо женщины.

«Определенно, она поправилась! И вот же ж... бедра какие, а?! Хоть и скрыты темной зимней юбкой, изрядной длины, но — при ходьбе явно видны! Попа... опять же!».

— Так... Написал, Иван? — Лида остановилась рядом с ним, сбоку заглянула в тетрадку, — Хорошо! Продолжаем!

«Низкое серое небо... Аустерлица... мать его! Уже рука неметь начала! Наверное, пора заканчивать, а?».

Но Лидочка продолжала ходить между рядами столов библиотеки, надиктовывая ему текст. Судя по всему, она уже давно «срисовала» его оценивающие взгляды, потому как иногда румянец накатывал на ее щеки. И глазами так поблескивает-поглядывает!

— Иван! Не отвлекайся! Нужно внимательно относиться к занятиям! — и чуть улыбнулась!

«Внимательно... как же! Похоже, ей самой приятно его... определенное внимание!».

Она остановилась сбоку справа от него.

— Ну-ка, давай я посмотрю, что у тебя получается!

И, стоя рядом, пробежала глазами его писанину. Причем, бедром прижалась к его плечу!

«Ну и как тут быть внимательным?».

Не вполне отдавая себе отчета, Косов медленно опустил со стола правую руку и обнял женщину за бедра. Чуть поднял голову, увидел, как Лидочка, продолжая читать его диктант, улыбнулась. Осмелев, он осторожно прижал ее к себе.

— Нет, Иван! Я решительно не понимаю — как можно делать такие ошибки! — она наклонилась и красным карандашом стала что-то чиркать-подчеркивать.

«Ага... а попа у нее... ой как хороша!».

— Ну что ты делаешь, а? — это она шёпотом, — а если зайдет кто-то? Зачем ты так?

Косов, немного хриловато:

— Ну кто зайдет-то, Лидочка? Если кто сюда пойдет... мы же сразу шаги в фойе

услышим! А вот попа у тебя... мне прямо укусить ее хочется! Знаешь, как трудно удержаться!

— Совсем с ума сошел! Кусаться он еще вздумал! — женщина, улыбаясь, чуть отодвинулась от него, но только немного — движением подчеркнув неприятие такого развития ситуации.

Иван опустил руку, взял женщину под колено одной ноги, и чуть помедлив, повел руку выше, выше. Под юбку.

«Это, конечно, не чулки «фильдеперсовы», а рейтузы хлопковые, в «рубчик», но ощущения тоже — очень приятные!».

— Перестань! Теперь уже я не могу работать! Как я проверять буду? — но сама от него дальше не отходит.

И рука его уже натягивает ткань изнутри в районе бедра.

— Вань! Ну что ты в самом деле? Перестань!

— Тебе... не нравится? — и морду так... невинно-обиженно!

— Не скажу! Ну... мы будем еще заниматься? Или ты устал?

Косов шёпотом:

— Так вот я руку сейчас и разминаю. Восстанавливаю кровообращение!

— У меня под юбкой? — женщина хихикнула.

— А там это делать... лучше всего! А приятно-то как! Ножки у тебя, Лидочка... просто — прелесть! А уж попа... у меня слов нет, красавица!

— Так... ну все! Разыгрался он! — Лида отошла от него в сторону, вынуждая прекратить интересное... путешествие.

— Раз уж настроение заниматься у тебя закончилось, вот что я тебе скажу, Ваня... Ты знаешь, у тебя неплохо выходит писать диктант. И почерк у тебя стал лучше, и грамотность. Только вот... внимательности не хватает. Ошибки эти... глупые! А так... «четверку» я бы тебе ставила, это точно!

— Ну... я надеюсь, что там, в училище, при поступлении, диктант нам будет диктовать не такая красавица, а значит и отвлекаться я не буду!

Женщина улыбалась, будучи довольной его комплиментом.

— Вань... у меня просьба к тебе будет. Если сможешь, конечно!

— Для тебя, красавица, все, что угодно! Все, что в моих силах!

— Ты знаешь... моему супругу дают путевку в санаторий, в Кисловодск. Путевка на двоих, вот... Ехать нужно уже через неделю. Мы пробудем там... почти до конца марта. Я попросила Лизу, чтобы присмотрела за домом, печи топить опять же нужно. Да! Котика кормить надо! Знаешь, какой у меня котик? Тихон Иваныч. Пушистый такой! Очень красивый! А уж важный какой! Его мой муж очень любит! Так вот... а Лизе одной боязно, наверное, ходить будет. Все же — три километра каждый день, туда-сюда. Ты не смог бы... провожать ее, а?

— Так... Лизу — провожать? И это — каждый день, да? Или два раза в день?

Немного не поняв его интонации, Лида начала уговаривать:

— Да нет же! Достаточно будет и раза в день, по вечерам! Котика накормить, печи протопить. Ну... посидеть там немного... пока печи не протопятся. Тепла будет хватать на сутки, у нас теплый домик!

«Ага... с Лизой, каждый день ходить в Лидин дом, топить печи, кормить кота. Чего не понятно-то? С Лизой... топить печи... сидеть там... часа по три, пока не протопятся!».

Его размышления, судя по всему, отразились на его лице.

— Ну... Ваня... Лизе же... боязно будет одной ходить.

— Да нет... я-то не против. А вот Лиза? Она согласна... со мной к тебе ходить?

Лидочка вильнула взглядом, покраснела.

«Все ты понимаешь! Чем это может закончиться!».

— Н-у-у-у... да. Она согласна. Мы... так и договорились с ней!

Он встал... потянулся, разминая поясницу. Подошел к Лиде.

— А ты... ревновать не будешь?

Она опять отвела взгляд, снова зарумянилась:

— Ты о чем, Ваня? Я тебя не понимаю...

Косов приобнял ее за бедра и подтянул к себе:

— Ты же все понимаешь, да? Вы же... обсудили все риски такого... предприятия?

Она не отталкивала его, положила свои руки ему на плечи.

«Что есть — «гут»!»

— Смешной ты, Ваня. И говоришь тоже... смешно. Почему я тебя должна ревновать? Ты же... не муж мне, и даже... не любовник, вот! — и отвернулась в сторону.

— А если я... хочу таковым стать?

Она засмеялась:

— Кем? Мужем? Или... любовником?

— Ага, им!

Лида помолчала, чуть прикрыв глаза.

«Приятно ей, наверное? Как я поглаживаю ее попу...».

— А вот... приеду... там и видно будет! — шепнула она ему на ухо.

Поцеловаться они не успели — в фойе хлопнула дверь, и послышались шаги. Женщина отпрянула от него и зашла за конторку выдачи книг.

Косов чертыхнулся и выглянул в фойе.

«Оп-па! Калошин! Сколько лет, сколько зим!».

— Привет, Игорь! Кого ищешь?

— Ага! Привет-привет! Тебя-то мне и надо! — ответил знакомец.

Они прошли в Ивану в комнату.

— Ты куда пропал-то? Два месяца не слуху, не духу! Я же вроде бы тебе передавал, чтобы заехал ко мне в начале января! — Косов был удивлен и пропажей Калошина, и его внезапным появлением.

— Ты мне передавал? А когда? Не помню, честно! — Калошин скинул пальто и шапку на вешалку.

— Н-да, брат! Пить нужно меньше! Ну тогда, в ресторане, перед Новым годом, помнишь?

— А-а-а-а... ну ты и вспомнил! Когда это было-то? Да и был я в тот раз... немного не в форме!

— Вот я и говорю — пить нужно меньше!

— Да ладно тебе! Не так уж часто у меня такое бывает! — Калошин хмыкнул, — а чаем-то напоишь?

Они сидели, прихлебывая чай, хрустели сушками.

Калошин похихатывал:

— Тут же как? Меня же чуть не обженили недавно, представь? Так что... не до того мне было, не до визитов к Вам!

— Это как получилось? — Косов развеселился.

«Ну еще бы — Игорька, такого ловеласа, да чуть не захомутали!».

— Да что там! Ну, ты же знаешь, я на дам... падкий! Да и они ко мне вполне так... хорошо относятся! А здесь, как-то, работаем мы в ресторане. Все — чин-чинарем! Песни поем, народ радуем! Люди веселятся... все как обычно! Потом смотрю, а на меня так откровенно одна дамочка поглядывает! И знаешь — ничего так дамочка, хоть и в возрасте уже! Но — все при ней, и фигура, и на морду лица — тоже ничего! Одета очень так... небедно! В общем, а чем не вариант? Ну — ты понимаешь, да? Так вот... они там компанией веселились. Приличные такие люди, ну! И я знаешь... думаю — а почему бы и нет? Ну вот... стал я так... типа — для нее петь! И сам так глазками на нее, типа — «так бы вот и съел!». И она тоже... ага! Вот мы так переглядывались-переглядывались... а потом она — возьми да пригласи меня на танец... Когда у нас перерыв был! Ага, там патефон включили, во время перерыва, да! И вот она мне — «мур-мур-мур», да и прочее... всякое. Ну, и я ей, типа — «восхищен! сомлел от красоты Вашей!» и все такое. Да — как обычно! В общем... договорились встретиться!

Калошин допил чай, чуть подумал и снова налил вторую кружку.

— Ты извини, пока к Вам от станции доберешься... Поземка еще эта! Продуло всего!

— Да ладно, что мне — чая жалко, что ли? Или... может тебе чего покрепче плеснуть? — предложил, улыбаясь, Косов.

«Легкий все же мужик, этот Калошин! Пусть он и бабник, и в Ильей у них тогда... вышло. Но — легкий и в общении... веселый».

Игорь подумал и покачал головой:

— Не... не надо! Дел много, и все серьезные!

— Тогда... продолжай свой рассказ.

— Ага... так вот, значит... В общем, дамочка оказалась — огонь! И даже то, что ей уже прилично за сорок... А все равно — огонь! Во-о-от... Ну а что? Мне неплохо, ей приятно! Они, оказывается, недавно совсем переехали в город. Откуда-то из-под Москвы. Мужа ее главным инженером на наш Химкомбинат назначили, ага... Ну и... в общем, пару раз встретились, а потом она мне такое... серьезное предложение выкатывает, представь! Типа... ну... муж, хоть и главный инженер, но подкаблучник, выходит, тот еще! И да... что за серьезное предложение... Дочь у нее! Представь, а? Говорит, хотела бы иметь тебя в зятях! Неожиданно?! А уж для меня-то как! Я чуть с кровати не упал! Ну, думаю... писец! Это что же такое? Или, думаю, у нее дочка — крокодил форменный! Ну... бывает же так, да?

— Ну и что? Чем дело кончилось? — Косов откровенно смеялся, глядя на ошарашенную морду Калошина, похоже снова переживавшего шок от такого предложения.

— Как, как... И ведь представь... Приглашает она меня... типа на смотрины! Ну, так... негласно, ага! В общем, пришли они в ресторан, днем. С дочкой — типа кофе выпить! Ну, ты помнишь, у нас его хорошо варят, да? И я смотрю... а дочь-то — вовсе и не крокодил! Вполне себе такая... приятная девчонка! Я там... в общем, подсел к ним за столик. Типа — просто знакомый... Поговорили... так — ни о чем! Песни... парочку я им спел. И — представь! Даже дочке вроде бы понравился! И глазки там... заблестели, и щечки с румянцем! В общем... нормально так!

— Ну и что? Чего ж не женился?

— Да ты не поверишь... мы с этой дамой снова... как-то встретились, ну! И вот что-то мне так... совестно вдруг стало! — Калошин pokrutil головой, — Представь! Мне — и

вдруг совестно! Сам поразился! Девчонке-то чуть за восемнадцать! Можно сказать... цветок не целованный! А тут... как-то... Получается — мне и маму нужно будет «охаживать»? Как-то... не по себе! Ну я и... спасовал, вот!

«А был ли там... цветок не целованный? Если мамка — такая?».

— И чем закончилось? — Иван с интересом смотрел на неожиданно совестливого Калошина.

— Чем, чем... высказал я этой... все. Ну — вспылал, да! — Игорь почесал затылок.

— И что?

— А — ничего! Похоже... поняла она. Или вид сделала, что — поняла. Уже когда прощались... все допытывалась, соглашусь ли еще встретиться с ней, с дамочкой этой.

— Понравилось, выходит?

— Ну!

— А ты чего?

— А чего я? Я, вообще-то, дамам не привык отказывать... В общем... посмотрим там!

— М-да... и такое выходит бывает..., - Косов покачал головой.

— Так, а я о чем? — Калошин сокрушенно кивнул.

— Так ты чего приехал-то? Не для того, чтобы мне рассказать о нравах некоторых мам? У которых дочери на выданье?

— А... да нет! Не для этого! У меня проблема, вот! И Вы мне можете помочь!

— Ну... рассказывай!

Калошина дирекция Сибкомбайна озадачила подготовить и провести первомайский концерт. И не просто концерт, а концерт с большой буквы! Типа — и Первомай, и пятилетний юбилей завода. Ожидаются гости не только с обкома, но и из Москвы кто-то должен прикатить! А вот с репертуаром у Калошина с оркестром — не очень! Кабацкое там — не очень-то подходит!

— М-да... ты же понимаешь, что это не только от меня зависит? Тут и Илью нужно привлечь!

— А у тебя есть... что-то новое?

Косов удивленно уставился на Калошина:

— Так ты что — вообще ничего не помнишь с того нашего разговора? И эта... твоя подруга... ну — Светлана, которая с тобой тогда в ресторане была! Она тебе ничего не передавала?

— Кто? Светлана? А-а-а-а... понял о ком ты! Нет, ничего не передавала! А что она должна была мне передать?

— Так я же тебе... ну то есть и тебе, и ей говорил, что у меня есть новые песни!

— Вот как?! Да ладно... я тогда был... не в состоянии запомнить! Но Светка-то? Вот же... с-с-с-у-чка! Это она мне так... ну ладно!

— Это чего? Она так тебе отомстила, что ли? Поматросил, да и бросил? — засмеялся Иван.

— Ну... примерно так!

— Молодец, девушка!

— Ага... молодец! А я-то голову ломаю — как быть! А тут уже, можно сказать, готовое решение есть!

— Ладно! Чего ты на женщину обиду затаил? Сам виноват! Или мстить будешь? — Косову это было немного не по нраву!

— Да ладно... чего там мстить-то? Если честно — она в своем праве была! А чего она — понравилась тебе? А?

— Да я ее и помню-то... довольно смутно. Вроде красивая и все.

— Ну да... есть такое! Хочешь — познакомлю? Хотя... я помню, с какой дамой ты был тогда! Это, конечно, было... неожиданно! Такая красотка, а!

Увидев, что Косов нахмурился, Калошин — «дал заднюю!».

— Ладно, ладно! Не хмурься! Просто сказал, что красивая... и все! Без продолжения!

Они помолчали.

— Ну так что там по новым песням? Сколько их? И... посмотреть можно? — Калошин с ожиданием смотрел на Ивана.

— Игорь! Я же тебе уже говорил — мы работаем с Ильей вдвоем! Он — мой соавтор. Тебе можем предложить только готовые песни, и никак иначе!

Тут уже настала пора Калошину морщиться и хмуриться. Потом он коротко глянул на Косова и повеселел:

— А ты... Варю с тех пор видел? Или нет?

Иван недовольно ответил:

— Нет... С того, последнего концерта... Ни разу!

— Вот же... Варька! И как?

— Что как? Игорек! Ты, давай, выражайся яснее, хорошо?

— Ну-у-у... ты по-прежнему... к ней неровно дышишь?

Косов задумался.

— Наверное, нет... Сам видел — женщина у меня есть! И женщина — куда как красивее Вари. Просто... не люблю, когда меня обманывают! Наобещала, хвостом покрутила... а потом — и нет ее!

— Ну так... Хочешь, я тебе Варьку предоставлю? — Игорь смотрел... с интересом. Даже с каким-то хищным интересом.

— Ну ты... сутенер, мля... Как-то это... коробит!

— Чего тебя коробит-то? Чего — коробит? Варька... она же... за выгоду... Думаешь она — оступившаяся девочка? Ага-ага! Я... да что там! В общем, Варька попыталась карьеру сделать, да только что-то — плохо получается! Ну... я тебе, вроде бы, уже рассказывал, да?

Иван кивнул.

— Так вот... я помню про твои слова. Ну — про оркестр по примеру Утесова. Только Варька... она — та еще стервь! И ты тут не прав! Она... не из тех, за кого можно раскаиваться! Сама перешагнет и забудет!

Видя, что Косов не впечатлен речью Калошина про «низкую социальную ответственность» Вари, тот наклонился к Ивану поближе и, глядя ему в глаза, негромко сказал:

— А ты знаешь... что я... ее драл! Уже после того концерта драл! Да вот — буквально с месяц назад, в январе! И знаешь что? Она сама ко мне приходила! Как зачешется, значит... так и ищет меня! Причем — заметь! она не Илью ищет, или тебя... кто к ней отнесся по-человечески, а меня! Того, кто... как ты сказал — «поматросил, да и бросил!». И как тебе такое?

Ивану было... не понравилось ему сказанное Калошиным! Очень не понравилось!

— Иван! Я сейчас тебе это сказал не для того, чтобы уязвить как-то, или посмеяться над тобой! Я тебе сказал... чтобы ты понимал — к кому с уважением нужно относиться, а к кому

так... как они сами и заслуживают!

«М-да... неприятно! Хотя — а что ты хотел? И в той жизни приходилось видеть такое, когда женщина «ставит рога» нормальному мужику, бегая «на случку» к последнему мудаку! Бывало такое? Видел такое? Ну да, видел! Все же бабы, они такие... бабы! Подчас непонятно, почему они к тому, кто к ним с добром — жопой, а к явному козлу и сволочи — со всей душой!».

— Что? Не нравится? Ну так... это жизнь, и такое бывает! Как кто-то сказал — «Что не убивает нас — делает нас сильнее!», — Калошин насупил, поиграл желваками и закурил, потом продолжил:

— Думаешь у Игорька Калошина — всё всегда ровно было? Да как бы не так! И меня жизнь подчас по таким кочкам мордой возит, что только терпеть и остается! Так что — мой тебе совет, Ваня: отдери ты эту суку со всем прилежанием, и забудь обиды. Не стоит она того!

— Ладно! Оставим это..., - Ивану было неприятно и неловко, — давай про другое! Что с концертом?

— А давай... все же бахнем по маленькой, Иван! Бабы... они такие! Нервы нужно лечить, каждый раз после общения с ними! — Калошин смотрел на него... с удивленной жалостью. И это тоже было — неприятно!

Они выпили по сто граммов, закусили, тем, что было у Ивана. Покурили молча, потом Калошин встряхнулся.

— Ну так вот... по концерту. Концерт нужен в полном размере! С двумя отделениями! То есть... и содержание нужно, соответственно! Мне уже через пару недель нужно представить в дирекцию сценарий концерта. Что скажешь?

— Ну что скажу... Пока — не знаю. Хотя... давай вместе посмотрим, что у меня есть!

Косов достал свою «заветную» тетрадку, которую периодически открывал, если вспоминал слова какой-либо песни. Даже если вспоминалось буквально пара строчек. Ну а что? Вдруг потом еще что вспомнится?

— Так... А ну-ка — не наваливайся! Не наваливайся, я кому сказал! Я тебе... не Варя! — отодвинул он от себя Калошина, который буквально прилип глазами к открытой тетради.

Пробегая глазами текст, Игорь пробормотал:

— Бляха-муха! Да за эту... тетрабочку... я тебе десять Варь «притараню»! Хоть каждый день их меняй!

Они посидели, помычали друг другу слова той или иной песни. Калошин схватил висевшую на стене гитару, начал пробовать что-то наиграть. Через некоторое время:

— Да, Ваня! Все же Илья тут нужен. Нужен! Нет у меня той чуйки насчет музыки! Что то... более или менее готовое — могу наиграть. Даже поправить могу. Но вот так... с черновика. Нет, не получится!

Они еще закурили, несмотря на то что в комнате уже «топор можно было вешать»!

— Иван! Давай так... с Ильей... нужно разговаривать. Не знаю — как! Но — нужно! Без него либо вообще не получится, либо получится какая-нибудь... херня!

«Тут... с Тонечкой, что ли поговорить? Чтобы провела предварительную беседу?».

— Подумаю, как это сделать! А ты... вот, что еще! Пусть дирекция завода напишет письмо руководству совхоза! Так, мол, и так — просим оказать содействие в подготовке и проведении концерта. Ну чтобы Илью подтолкнуть!

Калошин вдруг засмеялся.

— Ты чего развеселился? — Иван был сосредоточен и веселья не понимал.

— Да так... Вот — посмотрел, и подумал, что может получится концерт! Все же ты, Ваня, — голова! Песни-то — опять хорошие! Замечательные песни! И еще... там почти все песни... для женщины! Говоришь, Варька тебе не запала? Да ладно? Ты все же отдери, эту козу драную! Легче же станет! А я... я еще поговорю с этой дурой упрямой!

С Тоней получилось поговорить на следующий день. Он рассказал про концерт, про приезд Калошина, про новые песни и про то, что ему требуется помощь Ильи. Девушка не сказала ни да, ни нет, но ушла задумчивая.

«Вот и пусть готовит своего... моралиста сраного... к нашей совместной работе!».

— Ты знаешь, Елена совсем нас загоняла! Мне этот драный подиум уже ночами сниться! Я знаю, сколько шагов до поворота, я знаю все складки на покрывающем его брезенте! Иногда мне кажется, что я вовсе не человек, а такая механическая кукла! — жаловалась на Завадскую Фатма, — и да, Ванечка, тебя я тоже убить готова!

— А меня-то за что? — удивился Иван, пребывающий в расслабленном после соития состоянии.

— А какой мудака, как ты выражаешься, придумал эти туфли? Кто это сделал, назови мне его! А уж девчонки... они тоже тебя убить готовы. Только я, в отличие от них, не обзываю одного малолетку неприличными словами! Хотя... очень хочется!

— Чего это я... малолетка? Мне восемнадцать! А скоро и девятнадцать будет! — довольно глупо надулся Косов.

«Хотя... если разобраться — а кто я для них? Малолетка и есть!».

— А Елена чего? — поинтересовался Иван.

— А Елена... она нахваливает тебя! Может — назло нам? Или и правда так считает, что ты — гений?

— Нет... тут она, несомненно, права! А что сделаешь? Ну — гений... И ничего не попишешь! Признайся, красавица, ведь ты тоже так считаешь? — наигранно-равнодушно протянул Косов.

— Ах, ты... говнюк! Ну-ка иди сюда! Иди сюда, я тебе сказала!

И через некоторое время:

— Да... да... вот так! Да! Еще, Ванечка! Еще!!! Сильнее!

«Игры такие, ага!».

Спустя некоторое время:

— А эта... Ритка. Подкатывала уже ко мне с разными... нескромными вопросами. «А вот скажи, Фатя, правда ли...?», «А вот... это — правда?».

— А ты что? — еще не совсем восстановив дыхание спросил Косов.

— А я что? Я улыбаюсь и молчу! Пусть думает, что хочет!

— Представь, Ваня! Мы, пока репетируем это... дефиле, мать его! Уже несколько вещей порвали, представь! Они же деньги стоят! Но и научиться все это снимать-одевать быстро-быстро — тоже нужно! Хорошо, что нам костюмер из театра помогает! Ну, такая... в возрасте женщина.

— А что Александр? Как эту вакханалию воспринимает? — улыбается Иван.

— Как, как... Вздыхает и молчит! Знаешь, его даже жалко становится!

— Вот что, Ваня! И даже не спорь со мной! Седьмого ты идешь со мной. Будешь с

самого начала и до самого конца! А то я... боюсь, что описаюсь со страха! Кстати, Завадская тоже спрашивала — будешь ли ты на дефиле.

Косов уже знал, что показ модной одежды приурочен к Международному женскому дню.

«А что? Не самое глупое решение! И таки да! Придется идти, поддержать мою девочку. Да и остальных... тоже!».

«Ни хрена ж себе! Это сколько же они работы проделали?».

Эта сквозная комната, ведущая во двор ателье, благодаря усилиям неизвестных Косову мастеров, превратилась во вполне уютную костюмерную-гримерную. Шпалеры одежды и белья по стенам, несколько небольших столиков вдоль одной из стен, диванчик вдоль другой, Несколько зеркал — метра по два высотой каждое!

«Где они только такие надыбали? Из какого-то балетного танцевального зала? Или как там называется зал... ну, где еще балетные станки вдоль стен стоят!».

Завадская встретила его тепло. Даже несколько излишне... тепло! Обняла, и расцеловала! Причем... как ему показалось — вполне искренне!

К удивлению Ивана, Фатма сделала вид, что ничего сверхъестественного не происходит. Рита почмокала возле его щек, покосившись на подругу Косова. Клава... Той, похоже, все было — параллельно!

С собой Иван принес несколько бутылок спиртного.

— На после Вашего фурора! Неужели такое, да не отметить?!

— Ну уж фурора?! Скажешь тоже, Ванечка! Хотя... при любом результате — лишним не будет!

Косов спросил Елену шёпотом:

— А перед выступлением... девочкам можно — по чуть-чуть? Чтобы волнение снять?

Та кивнула головой:

— Но только — по чуть-чуть! Граммов по тридцать-пятьдесят!

Пока девушек гримировали и делали прически, Елена под села к нему на диван:

— Представляешь! Дирекция ателье думала людей зазывать по бесплатным пригласительным. Только сразу же... не успели они распространить первые двадцать штук, как выяснилось, что впору — торговать билетами! Желающих — в зал не входят! Тут неприятностей, скорее, приходится ждать не от проведения такого мероприятия вообще, а от того, что какая-нибудь важная дама билета не получит!

— Странно! Никакой же рекламы не делали! Откуда же столько желающих поглазеть?

— Так сколько готовились? Все равно то тут проболтаются, то там по знакомым шепнут. Так-то никто тайны не делал. Вот и результат!

— И сколько ожидается зрительниц? Показ же закрытый? Только для женщин, не так ли?

Елена хмыкнула, покосилась на него с улыбкой:

— Как ты считаешь... если кто-то из обкома, или «гэпэу» заинтересуется — его можно будет как-то остановить или — вывести? Хотя... я уже разговаривала с некоторыми женщинами — женами видных деятелей, да и с парой мужчин в чинах... тоже. Мне было обещано, что мужчины, если и будут, то — только самый минимум. И только на первой части! Когда модели одежды будут демонстрировать! Но ты-то здесь сможешь и на белье полюбоваться, проказник! — последнюю фразу Елена произнесла шёпотом, подмигнув, и,

будто невзначай, погладила его по ноге.

«М-дя... однако — развернулись они здесь!».

— Так и сколько все же гостей будет? — «любопытно же?».

— Знаешь, я уже ругалась с администрацией по этому поводу! Зачем набивать людей как кильки в банку? Остановились примерно на семидесяти местах!

— Бляха-муха! Да где же они там рассядутся?!

— А пошли, я тебе покажу зал! — Елена бодро встала и потянула его за собой.

Они прошли в тот зал, который осматривали ранее.

«Ага! А освещение они все же сделали! Да и вообще... облагородили все тут!».

Место, вроде бы, хватало.

— А там, где холл... или приемный зал, после начала показа, двери перекроют и расставят столы с бутербродами, чаем. Тоже же твоя идея?

Здесь никого не было. Стояли пока пустые столы. Похоже ателье на день показа было закрыто. Елена, пользуясь этим, притиснула его к стене и опять погладила по... самому дорогому.

— А почему ты, Ваня, не приходишь в гости? Обманул меня?

— Леночка! Обманывать такую женщину, как ты? Которая настолько хороша в постели? — он обнял ее и шёпотом на ушко, — Я даже не могу сказать... была ли у меня прежде настолько шикарная женщина, от которой разум улетает в неизвестном направлении!

Завадская засмеялась:

— Ты говоришь так, будто опытный сорокалетний мужчина! Откуда у юноши такой опыт? Ну были у тебя женщины... но — сколько? Ты мне просто льстишь!

— Нет, душа моя! Нисколечко не льщу!

Она посмотрела на него внимательно:

— Да-а-а-а... что же... А почему тогда не приходишь?

— Красавица! У меня, к сожалению, еще куча дел!

— Ну вот... опять про дела! Ладно, прощаю. А... да! В следующий раз... Риту позвать?

Иван выматерился про себя, стараясь не подать виду:

— Я же тебе обещал, не так ли?

Она кивнула, не отводя взгляда.

— Тогда — приглашай! Я постараюсь предупредить тебя заранее, хорошо?

Она засмеялась довольноно:

— Ладно! Договорились. Пойдем! А то твоя... Шахерезада взревнует! А ты знаешь, что у нее характер... ой какой?

Он усмехнулся:

— А я тебе говорил об этом! Просто ты не обратила внимания!

Они вернулись в костюмерную.

— Девочкам делают прически. И знаешь, что самое сложное? Чтобы и прическа была красивой, и — не особо сложная, чтобы не испортить, когда переодеваться будут! Потом — макияж! Тоже неброский, но явно видимый! И чтобы все это не потекло в ненужный момент. Знаешь, как девочки работали?! Нет, не знаешь! Мне представляется, что и крестьянки в страду так не выматываются на полях, как они здесь на подиуме!

Потом они сидели, негромко разговаривая, чтобы не мешать моделькам, гримерам и костюмерам. Было видно, что все напряжены, на нервах, как говорится! Почувяв витавшее в

воздухе напряжение, он наклонился к Завадской и спросил:

— Лена! Может как-то сбросить эти... нервы? А то девчонки сейчас взорвутся!

— Попробуй! Будет интересно посмотреть!

И он начал скоморошить! Сначала по чуть-чуть, словно опробуя воду возле берега. Потом — увидев ответные улыбки девушек, смелее. К нему присоединилась Завадская. Вдвоем они немного встряхнули присутствующих, и к тому времени, когда в зале послышались людские голоса — сначала негромко, потом — все сильнее, перерастая в некий гул, девушки уже улыбались!

— Так! Девочки! Готовность! Настраиваемся! Все будет хорошо! — Елена посмотрела на часики на руке.

Иван, чуть поторапливаясь, открыл бутылку коньяка, вскрыл плитку шоколада, поломал ее. В подставленные чашки булькнул по обговоренной дозе.

— Ну, девочки! Вы — самые красивые! Самые обаятельные и привлекательные! У Вас — самые красивые фигуры! Вы — самые-самые! За Вас, красавицы!

Он прошел со своей кружкой по кругу, обнял по очереди всех и чмокнул в щечки. Ритку, озорничая и дразнясь — тискнул за красивую попу! Она улыбнулась и протянула:

— Ну вот... а у нас уже губы накрашены и толком поцеловаться не получится! — и проверила взглядом реакцию Фатьмы.

Подруга Ивана, придержала его в своих объятиях и чуть задумавшись, смачно поцеловала в губы.

— А тебя, радость моя, я просто — люблю! — вот вырвалось это как-то... само!

Фатьма победительницей посмотрела на Риту, а потом и на Елену, повернулась к женщине-гримеру:

— Поправьте мне помаду, пожалуйста!

А потом... потом начался марафон! Он уже боялся сказать даже слово, так все были погружены в процесс. Девчонки заходили за занавес, который организовали на входе, и который в нужный момент открывала-закрывала одна из женщин. И сразу их обступали две-три женщины, которые раздевали моделей, и тут же одевали в другую одежду! И все это быстро-быстро, без задержек и церемоний! Только гример успевала мельком осмотреть их лица, что-то и где-то промокнуть ваткой, добавить чуть пудры, теней, помады... И снова — в зал! Какой, на хрен, здесь эротизм?! Пахота! Самая настоящая пахота!

Елизаров никогда не был в закулисье этого процесса. Да и сам процесс видел только по телевизору. Но здесь и сейчас... В какой-то момент ему стало страшно — это же надо так вкалывать! А из зала доносился голос Завадской — она вела показ и представляла модели.

«Как она здорово... интонирует! Когда — интригует, когда нужно — чуть снижает тон! Когда — задорно и весело! Артистка!».

Только в перерыве девочки смогли чуть перевести дух и выдохнуть! И их выражения лиц тотчас же сменились — из томных красавиц, неприступных, загадочных, они превратились в просто усталых молодых женщин. Они по-прежнему были красивы, но вот вожелеть их? Их хотелось просто пожалеть и обнять!

Рита посмотрела на него и выдохнула:

— Ваня, блядь! Убью за эти... туфли! Вот — убью, и Фатя меня не остановит!

Фатьма, привалившаяся к нему всем телом, простонала:

— Нет, Ритка! Хрен тебе! Я сама его убью! Тебе ничего не достанется. Дважды же не убьешь?

Марго хмыкнула, помолчала, но потом буркнула:

— Но... все-таки я их себе куплю... потом!

Фатма повернулась к нему и прошептала:

— Нам пообещали потом, после показа, отдать все модели! Кто и что демонстрировал!

Точнее, не отдать, а продать по себестоимости и с хорошей скидкой! Вот мы все и облизываемся!

Елена тоже устала, это было видно.

— Так, девочки! Перевели дух, и снова — взяли себя в руки! Сейчас — вторая часть! И как бы не самая сложная! Белье — это дело такое! Тут особо ничего не спрячешь, все недостатки будут видны!

Одна из женщин-помощниц обернулась на Ивана и растерянно протянула:

— Может... молодой человек выйдет на это время из костюмерной?

Завадская фыркнула и спросила:

— Почему?

— Ну так... белье же!

— И что? Что он еще здесь не видел? — засмеялась Рита.

— Но Вы же... понимаете... модели будут голыми... пока переодеваются!

— И что?

Женщина смутилась, что-то пробормотала.

— Так! Не отвлекаемся! Нет здесь молодого человека, здесь все свои. Некого стесняться! Фатма — это его... подруга. Рита? Рита, ты стесняешься?

В ответ — негромкий смех.

Клаве, похоже, было вообще все — «до лампочки!».

— Ну вот и славно! Работаем, девочки, не стоим! — Завадская снова... как «мадам» в борделе.

Все же Косов улучил момент и, приоткрыв дверь во двор ателье, выскользнул на улицу.

«Курить хочу — аж уши пухнут!».

Курил он долго — пока не замерз окончательно!

Когда он шмыгнул мышкой в костюмерную, Рита как раз натягивала на белую попу очередные трусики. Увидев его, она демонстративно замедлилась, и повернулась к нему спиной:

— Ва-а-а-нь! Посмотри, по-моему, складки остались... вот здесь... чуть пониже!

Метнувшуюся к ней костюмершу, она придержала рукой:

— Поправь ты, Ваня, пожалуйста!

Он подошел и скрывая улыбку, чуть поправил-подтянул трусики:

— Марго! Ну что ты в самом деле?! Ну какие могут быть складки на твоей прекрасной попе? На нее мешок рогожный натяни, и то — глаз не оторвать будет!

— Да-а-а? Ты и правда так считаешь? — красавица, изогнувшись, повернула к нему лицо.

— Тут и думать нечего! А врать женщинам я не приучен! — он чуть чмокнул ее в плечо, — все, беги-беги! А то Лена тебе выволочку устроит!

И слегка шлепнул ее по попе!

Вовремя! В костюмерную заходила Фатма. Проверять подругу на реакцию, он все еще не осмеливался.

Он молча сидел на диванчике, смотрел на всю эту кутерьму вокруг, лишь изредка

подбадривающе улыбался и подмигивал подружке, когда она забегала переодеться. Хотя... Ритке он тоже пару раз подмигнул — уж очень она выжидающе на него поглядывала, когда находилась в костюмерной. Волновали ли его голые женские тела? Ну... если только в начале, потом его тоже захватила нервная обстановка. Впору было ногти начать грызть! А тела... да, тела были красивые, без всяких оговорок. Только эти тела сейчас работали!

«Надо признаться... ну — если так, отвлеченно оценивать! Самая красивая фигура, без сомнения — у Клавы! Она очень хорошо сложена, рост, пропорции — без изъяна! Фатьма, при всей ее красоте, чуть с ростом подкачала. Ей бы еще сантиметров пять... а лучше — десять добавить и — ВАЩЩЕ! А так... что есть — то есть! Красотка, но... Ритка... Ритка — хороша! Но вот эта ее «альбиносность»... Абсолютно белая кожа, как из алебастра! И по всему телу — россыпь веснушек и родинок. Рыжая еще! Может кому и нравится, но не мне!».

Поначалу — ага! Тело его отреагировало соответственно на череду красивых и голых тел, но потом наступило визуальное пресыщение, и даже апатия навалилась. Поэтому он в конце уже толком и не следил за всеми событиями, и когда Елена в зале объявила об окончании показа, ему пришлось немного встряхнуться.

Подруга плюхнулась рядом с ним на диванчик, и, удивленно посмотрев, пихнула его локтем.

— Р-и-и-и-т! Ты посмотри на него! Да он же — задремал тут. Перед ним чередой носятся полуголые красотки, а он... храпеть бы еще начал!

— А что? Он храпит? — беспардонно стягивая с себя трусики, повернулась к ним Рыжая.

— Да не замечала раньше. Вроде бы нет. Хотя, знаешь, когда мы спать валимся, он меня так уматывает, что я сплю без просыпу. Может и храпит, да я не слышу?

— Ну ладно Вам! Не храплю я! Не храплю! И кто кого уматывает — еще посмотреть надо!

Ритка, справившись с деталями нижней одежды, натягивая на себя юбку, с улыбкой протянула:

— Посмотреть надо, говоришь? А я бы... посмотрела!

Фатьма вскинулась с возмущением, но Рыжая уже повернулась к ним спиной и попросила костюмера помочь ей со «сбруей» бюстгалтера.

Елена предупредила девушек, что сейчас нужно будет всем выйти в зал для фуршета, чтобы «поторговать лицом». Иван отправился с ними.

Несмотря на то, что, как сказала Завадская, основная масса зрителей уже ушла, в фойе ателье у столов с закусками, бродили, стояли, разговаривали много женщин. И мужчины тоже были! И хорошо, что Фатьма была постоянно рядом, взяв Ивана под руку.

— А что, разве вторая часть показа была не закрытой? Ну... только для женщин? — удивился Иван, — или мужчины здесь ждали своих дам?

Подруга фыркнула, и, наклонившись ближе к нему, негромко прошептала:

— Для женщин конечно! Только вон тот «хряк», ну вон... в кителе полувоенном — точно был в зале. И вон тот хлыщ... ага — тот длинный и худой — тоже сзади сидел. Может кто еще был, но я не заметила.

Она попивала вино из красивого фужера, вид у нее был довольный, но Иван чувствовал, как тяжело она опирается на его руку.

«Устала. Да они все устали!».

Елена, под ручку с Александром, стояли и принимали поздравления и восхищение

зрителей. Какая-то дама очень представительного вида выразила общую надежду, что этот показ — только начало работы модного дома в столице Сибири. Все похлопали.

— Слушай... я так домой хочу! Поесть нормально, и спать завалится! Давай, чуть только все расслабятся, сбежим, а?

Косов погладил подругу по плечу и прошептал ей:

— А я думал баньку протопить, попарить тебя хорошенько, чтобы расслабилась...

Фатьма с улыбкой посмотрела на него:

— Но, чтобы только — попариться и расслабиться! Не больше, Ваня! Я сегодня... мало что могу!

— Да что же я — не понимаю, что ли?

Хорошо, что через непродолжительное время Елена, пояснив, что организаторы и модели очень устали, предложив гостям выпивать и закусывать, увела подопечных в костюмерную. Там они еще чуток посидели, выпили по рюмочке коньяка или ликера — кому что нравилось, стали собираться по домам.

Александр, сидевший сейчас с ними, на прощание повторил:

— Девушки! Все наши договоренности по моделям одежды, которые Вы демонстрировали, в силе. Найдите время на неделе посетить ателье и решить вопрос с выкупом.

Они шли с Фатьмой медленно, прогуливаясь и обсуждая прошедшее мероприятие, а также людей, в нем участвующих.

— Странно, а почему Клава почти всегда молчала? Всего пару слов от нее и услышал?

Фатьма засмеялась:

— А ей Елена постоянно говорит, чтобы она молчала. Мол, тогда умнее выглядит. Вот она и молчит. Тебе понравилось... все это?

— Ты знаешь... нет! Как Вы вкалывали, так это же — жуть просто! Мы вот дрова пилили-кололи в клубе — тоже тяжелая работа. Но ведь нас в спину никто не толкал: «быстрее-быстрее!»! Да и вероятности как-то... опозорится — нет! А здесь... все бегом, да под взглядами стольких людей!

— Вот и здрасти! И я не понравилась? — надула губки подруга.

— Да я же сейчас о другом! — попытался оправдаться Косов.

Фатьма рассмеялась, толкнула его в плечо:

— Да я поняла! Шучу я просто! А девчонки... понравились?

— Да... понравились! Вот только Клава... она совсем дура, да?

— Ой, Клава эта! Ну да... дура набитая! Мне вот интересно было бы узнать — а сколько слов в ее словарном запасе? Это же... уму не постижимо, как человек может быть таким глупым? — засмеялась подруга, — Но ты мне голову не глуми! Ты про Ритку скажи!

— А что — про Ритку? Рита... она, конечно — красавица... Но... как тебе сказать... не мой типаж красоты, вот!

— Ага-ага! Но при случае ты бы ее все равно... Не отпирайся, что я — не вижу, что ли? Ладно... А вот скажи, Ванечка... Ты вот там сказал... ну... что — любишь меня? Это так? Или — для красного словца ляпнул?

Иван задумался, почесал нос:

— Вот, как тебе сказать... Знаешь, я не очень хорошо представляю, что такое любовь. Нет, так-то... в книжках разных... понятно. Но — это же книжки, да? А вот... как в жизни? Честно могу тебе сказать... что у меня к тебе... вот ты — не просто мне нравишься! Тут что-

то другое... и более сильное, что ли? И более — нежное, наверное!

Все время, пока Иван подбирал слова, Фатьма внимательно смотрела на него.

— Х-м-м... не врешь, вижу... И знаешь, что, милый... Мне так сейчас хорошо! И это не испортит никто. Ни Ритка эта, ни Елена... Ни эти курицы, у тебя в клубе!

Они и баньку протопили, и попарились... И еще другое... немного совсем. Иван старался быть нежным и ласковым. Пили вино, закусывали, разговаривали.

— Замотался я совсем, красавица! Даже подарок тебе на Женский праздник не подготовил! — Косову было неловко.

— Да что ты? А вот мы так... душевно сидим сейчас. Разве это не подарок для меня? А все эти... духи, тряпушки разные... Это же так... Неважно все! Главное же — отношения, правда ведь?

— Правда, родная!

На следующий день, к обеду, Косов поспешил вернуться в клуб. Они с Ильей скинулись деньгами, решили накрыть стол для «своих женщин», работниц клуба. Да и сколько их там было-то? Тоня и Лида...

Пока Иван суетился в своей комнате, готовил стол и закуски, директор съездил в город, накупил вина, да всяких вкусняшек.

«А неплохо получилось, со столом! Особых разносолов нет, но и так... вроде бы неплохо!».

В основном на столе стояли всякие закуски. Но и пару салатов Иван умудрился приготовить — из тех, что попроще! Яков и Мироныч уже отметились в клубе, притащив к столу разные домашние вкусности и поздравив женщин с праздником. Правда оставаться на застолье не стали, отговорились, что, дескать, старые уже — «Это Вам, молодежи, все погулеванить хочется! А нам, людям степенным — все больше дома нужно быть!».

Собрались за столом уже под вечер. Лиза чуть опоздала, принимая поздравления всем женским коллективом в школе. Илья начал поздравления, постоянно сбиваясь на какой-то официоз. Потом смутился, скомкал речь, вручил женщинам премии, выделенные в отделе культуры. Но потом — по рюмочке, по рюмочке и обстановка стала более теплой, непринужденной. Болтали, рассказывали анекдоты и побасенки. Иван старался шутить в меру, зная, что его может «понести» и тогда возможны разные ляпы.

Илья спел какой-то романс, ранее Ивану незнакомый, и передал гитару Ивану.

— Ваня! Про какие новые песни ты говорил? Спой нам, — предложила Тоня.

— Красавицы! Тексты — не песни, а мы с Ильей даже не сядились над ними работать! Ну зачем я буду показывать Вам... заготовки? К тому же там, в основном, песни для женского исполнения.

— Ты опять сочинил песни для этой... дамочки? — возмутилась Лиза.

— Ну почему именно для нее? Их сможет спеть и любая другая певица! Не будем спорить, хорошо? Ладно... слушайте новые... но — другие! Илья! Ты тоже внимательно слушай, нужно будет посмотреть, что там по музыке...

Косов спел «Травы». Всем понравилось, только Илья заметил, что кое-что нужно поправить. Потом... после праздника. Потом... потом пошла в ход более веселая песня — «Ах эта девушка меня с ума свела!».

А после снова чуть грусти — «Букет» Рубцова.

Женщины разгружались, слушали внимательно. И не понять было, что на них так

действует — песни, или выпитое вино.

— Ну почему ко мне ты равнодушна?
И почему так смотришь свысока?
Я не прекрасен может быть наружно,
Зато душой красив наверняка!

Женщинам понравилось, женщины смеялись и подкалывали Косова.

— А эту песню вполне можно в концерт включить! — заявила Лиза, — обыграть ее, даже небольшую сценку поставить! Да, Илья?

Илья подумал и согласился.

— Ну... тогда и вот это послушайте! Песня, как мне кажется, должна петься на два голоса — мужской и женский! Такая песня... песня-шутка! Первой начинает женщина!

— Обещал — не позвонил!
Или ошибаюсь я?
Где ты шлялся? Пиво пил?
По друзьям таскаешься!

Народ веселился! Народу снова нравилось. После пару куплетов, припев пели уже все.

— И это — тоже песня-сценка! Как здорово! — радовалась Лиза, — интересный концерт может получиться!

— Вот может быть... Эту песню хочу Вам показать. Пусть она и женская, — Косову нравилось быть в центре внимания у таких женщин — Лиды и Лизы. Да и Тоня — так здорово, когда она смеется!

— На Тихорецкую состав отправиться.
Вагончик тронется, перрон — останется!
Стена кирпичная, часы вокзальные,
Платочки белые, платочки белые, платочки белые...
Глаза — печальные!

Компания, обсудив новую песню, решила — и выпила! Потом дамы потребовали спеть «Платочки белые» заново, предварительно переписав слова на листочки. И снова Иван играл и пел, улыбаясь, глядя как резвятся совсем как девчонки эти, в общем-то, уже взрослые женщины!

Лиза взмахнула рукой, требуя внимания, и запела сама, под аккомпанемент гитары Ивана и аккордеона Ильи:

— Начнет выпытывать купе курящее
Про мое прошлое и настоящее.
Навру с три короба — пусть удивляются!
С кем распрощалась я, с кем распрощалась я,
С кем распрощалась — Вас не касается!!!

«А хорошо она поет! Здорово! Как мне кажется — даже и не хуже той же Вари! А что если...», дождавшись окончания песни, он спросил у улыбающейся и раздумывавшейся Лизы:

— Лиза! А ты не хочешь спеть эту песню на концерте сама?

Остальные женщины подхватили и начали наперебой убеждать Лизу, как она здорово спела, и как будет здорово, если она выступит на концерте!

Лиза отнекивалась, отшучивалась, но было видно, что ей — очень приятно!

— А ты, Илья, что думаешь? Сможет Лиза хорошо выступить? — спросил Косов у директора.

Тот, улыбаясь, ответил:

— Ну а почему нет? Она же — учитель музыки и пения. Готовая певица! Голос хороший и поставлен на славу!

— Вот! Вот видишь! — заверещала Тоня, и они вдвоем с Лидой принялись снова уговаривать подругу.

— Так... женщины! У меня еще кое-что есть, — прервал бурные дебаты Косов.

Не сразу женщины успокоились, не сразу пришли в готовность к дальнейшему прослушиванию. Но:

— Стою на полустаночке, в цветастом полушалочке,

А мимо — пролетают поезда!

А рельсы-то, как водится — у горизонта сходятся,

Где ж Вы, мои весенние года?

И снова веселый визг уже изрядно нетрезвых женщин, снова причитания-уговоры Лизы — «стать певицей!», «это тоже песня для тебя!». Даже смутно был слышен шёпот Лиды — «а то опять отдаст все песни этой... толстожопой!».

«М-дя... однако! Тому, кто под столом — больше не наливать! Это наш шофер, ему еще нас возить! Чего это они так быстро... поднабрались?».

Но когда его нацеловывали... в щеки! обе дамочки было — приятно, и Иван этому не препятствовал!

Он вышел покурить на заднее крыльцо. Сюда же вышел подымить и Илья. Уже тоже заметно пьяненький, Илья сказал:

— Знаешь... меня всегда удивляло, как ты... быстро выдаешь песни! Не мучительно их рожаешь, а так — раз! И готово! Это ты все с осени написал?

Косов, промолчал, пожав плечами — понимай, как знаешь!

— Иван! — продолжил директор, — ты же понимаешь, что фактически мелодия песен уже готова. Отшлифовать ее — труда большого не составит! И тогда — зачем тебе я? Это... не соавторство, а... непонятно что! Вот! Зачем ты меня к себе тянешь, к этому творчеству?

— Илья! Мы же с тобой по этому поводу уже говорили, не так ли? Так зачем снова эти... мерехлюндии?

— Мне... неловко! Перед людьми, перед Тонечкой, перед самим собой — в конце концов!

— Илья! В тебе сейчас бурчит... излишняя интеллигентность! Брось ты все это... самокопание! Жить нужно легче, проще, понятнее для других! Помнишь ленинские слова — Будь проще, веди себя скромнее — и народ к тебе потянется!

Илья удивился и задумался:

— А что... Владимир Ильич так говорил?

«Да откуда я знаю?».

— А ты не помнишь? Стыдно! Стыдно должно быть, товарищ директор! — Косов не стал останавливать себя в желании чуть «постебаться» над пьяненьким директором.

В этот момент на крыльцо выглянула Тоня и заявила:

— Мужчины! Женщины хотят танцевать! Пойдемте! Хватит Вам уже мерзнуть здесь!

Они переместились в зал, где под патефон стали танцевать. Правда, мужчин было всего двое, а дам — трое. Но — ничего, вроде бы никто не обижался. А потом и вовсе — Илья стал выходить из строя, и они, под шутки и смех, помогли ему подняться в его кабинет, где Тонечка быстро организовала спальное место, куда и был помещен директор.

— Илюшка так устает в последнее время. Так устает! — оправдывала друга Тоня.

Они вчетвером уже вернулись в зал, где Косову пришлось отдуваться в качестве партнера уже с тремя дамами. Замотали они его — до изумления! Потом они пили чай в его комнате, потом Тоня поднялась в кабинет к Илье, а Иван пошел провожать женщин.

Лиза неожиданно засмеялась.

— Ты чего, подруга? — удивилась Лида.

Та покосилась на Ивана, потом посмотрела на Лидочку:

— Да я все удивляюсь — как Тоня... с Ильей на этом диване помещаются? Он же... неширокий, да и кожаный! Простынь же с него должна постоянно соскальзывать! Ну и они... тоже!

Лида расхохоталась:

— Ну, подруга, ты даешь! Такие вопросы у тебя! Нужно было у Тонечки спросить, как у них там... все. А давай у Ивана спросим, что он думает по этому поводу?

И женщины с интересом уставились на Косова.

Он почесал подбородок, хмыкнул:

— У меня вариант только один! Точнее — два! Либо она... сверху. Либо — он!

Лида усмехнулась, повернувшись к Лизе:

— Ну а что ты хотела еще услышать... от нашего Ванечки?

Лиза, дав улыбку, притворно ужаснулась:

— Так что же... получается они вообще не спят? А только... ну... это...

Косов сделал глубокомысленный вид:

— Если рассуждать, отталкиваясь от опыта матушки природы... Вот сами смотрите — кони обычно спят стоя! Я читал, что некоторые рыбы... акулы, к примеру, даже во сне, продолжают плыть. У них нет рыбьего пузыря и они, остановившись, просто утонут, погрузятся на самое дно! Вот... кони — стоя... акула — продолжая плыть. Может Тоня с Ильей... спят, продолжая... это самое?

Женщины развеселились.

— А ты, Ванечка, все же — изрядный пошляк!

«Ну вот! Я же еще и пошляк. А кто вообще этим вопросом заинтересовался?».

Сначала они проводили Лиду до станции, к дому. Потом — возвращались в село, к дому Лизы. По пути они сумасшедше целовались с Лизой, так, что у Косова губы болеть начали. Но на его предложение вернуться к нему в комнату, Лиза ответила пусть мягким, но — отказом.

«Ладно! Не будем торопить события!».

На следующий день, вечером, Лида зашла к нему в комнату и спросила:

— Ну что, Ваня? Наш уговор в силе — поможешь Лизе поухаживать за нашим домом?

Мы завтра уезжаем...

— Ну, конечно, Лидочка! Мы же договорились! Только... не боишься — вдруг чего случится?

Она засмеялась:

— А чего ж мне бояться? Вы — люди взрослые, не так ли? Только... не обижай Лизу, понял?!

— погоди! Давай я тебя провожу, хорошо?

— Ну... проводи!

И опять этот путь до дома на станции. Большую часть пути Лида молчала, только иногда чему-то загадочно улыбалась. Они расстались, чуть не доходя до станции — Лида не хотела разговоров и сплетен, и Иван это понимал.

— Ну все, Ванюша! Пока! Лиза все у меня дома знает, найдете, если что понадобится!

— погоди... а как же... мы с тобой?

— А что мы с тобой? — притворно удивилась женщина, потом помолчала и сказала:

— Я должна спокойно все обдумать. Вань! Я же замужняя женщина, мне не пристало бросаться... как в омут головой! Я... подумаю.

— Хорошо! Как скажешь. Я буду ждать... и надеяться!

— Надейся! — и тихий смех, когда уже повернулась к нему спиной.

— Бей винтовка метко, ловко

Без пощады по врагу!

Я тебе, моя винтовка,

Острой саблей помогу!

Иван напевал про себя, шевеля губами, чуть поворачивая ствол «Максима», и выдавая скупые, тщательно отмеренные очереди по мишеням.

«А вот интересно получается! Вот так отвлечешься... от непосредственно стрельбы! И результат ощутимо лучше. А если станешь раздумывать — как правильно прицелиться, да как стрелять — и точность сразу падает! Почему так? Вроде бы должно быть — прямо наоборот? Или чего-то я не понимаю?».

Их маленькая группа снова находилась на стрельбище. Только теперь уже — отработывали стрельбу из станкового пулемета системы Хайрема Максима. Получалось у Косова... подходяще так! Только, к удивлению всех курсантов мужского пола, у девушек с «максимкой» получалось не в пример лучше, чем с «дегтярем». Причем — у обеих девушек!

«Тут вроде бы все логично — станок не дает «играть» телу пулемета, и стрелять с него — легче! Таскать, правда, как раз наоборот! Вот и получается у девушек — аккуратно, тщательно выцеливать, не отвлекаясь на удержание грохочущей и норовящей попрыгать «дуры». М-да... но все равно — как-то напрягает эта необходимость догонять девчонок по результатам стрельбы!».

«Вот хорош «максимка» в стрельбе! Если бы еще не вес его! Тело, станок, защитный щиток... М-да... а еще — двадцать семь видов задержек! И все их нужно знать назубок, и уметь устранять их! Желательно — с закрытыми глазами и быстро-быстро! На норматив!».

Еще помогали отвлечься воспоминания о прошедших встречах с женщинами — Варей, а

потом — Лизой.

Калошин, как и обещал, прибыл с Варей уже на следующий день, после их празднования женского дня. Но Илья не стал с ними разговаривать, отговорившись занятостью и фактической неготовностью музыки для новых песен.

— Вон, с Иваном разговаривайте. Если захочет, покажет свои наработки. Сыровато там все, конечно... Сыровато! Ну да ладно! Мы с ним поработаем, доведем все до ума. До конца марта, думаю, управимся!

— Как до конца марта?! — вскинулся Игорь, — Илья! Ты чего — а когда же сам концерт готовить? Это же... и сценарий, и согласовать его, и песни разучить. Прогнать все на репетициях... Без ножа режешь! В конце апреля нужно, чтобы все было готово — как часики работало!

— Игорь! Я сказал же — я занят! Так что, все вопросы — к Ивану!

Они пошли из кабинета директора в комнату Косова. Калошин был обескуражен, а Варя... она молчала, не глядя на попаданца.

— Ну как так-то?! Иван! Ну чего он, а? Как укусил его кто! Чего он такой злой-то?

— Подруга не дала! — чуть слышно пробормотала Варя.

— М-да? Ты так думаешь? Ну... возможно, возможно! Варенька! А может ты сможешь в этом щекотливом деле? Так сказать — по старой памяти? — криво усмехнулся Игорь.

Та развернулась к Калошину всем телом, уставила на него палец:

— Знаешь, что, Игорек! Не хаами! Понял? Не хаами!

— А кто хаамит-то, хорошая моя? Не ты ли... начала? — ощерился Калошин.

— Так! Стоп! Брейк! Брейк, я сказал! Охолонули, успокоились, горячие творческие люди! Вы как собаки в подворотне — вместо дела готовы друг друга грызть! — вмешался Косов, — пошли ко мне! Попьем чайку, посидим, подумаем... как нам поступить. Чтобы и волки целы, и овцы сыты!

Варя усмехнулась, отходя:

— Там, вроде бы, наоборот должно быть!

— Ну так это — там! А у нас-то все всегда — не так!

— Да, точно! Всегда и все не так! — прошипел Игорь.

Когда они зашли в комнату, Косов поставил чайник греться, и спросил:

— Может... перед чаем..., - щелкнул себя по шее.

Калошин махнул рукой:

— А-а-а-а... давай!

Иван нарезал сала, колбасы, хлеба, подал вчерашние пироги.

— А неплохо ты тут питаешься! — Игорь с удовольствием вгрызся в пирог.

— Игорь! Водка или коньяк?

— Налей водки! Чего-то сегодня хочется все по-простому!

— Варя? Коньяк, водка? Или может быть вина? Есть красное полусухое. Есть белое... правда — только сухое. А! Вот есть еще немного ликера!

— Ого! Выбор у тебя, однако! Неплохо живешь, знаешь ли... Плесни чуть коньяка!

Они вышли. Косов заметил, что Варя «махнула» по-мужски, одним глотком. Покоробило как-то...

— Давайте рассуждать трезво, спокойно, — начал Иван.

— погоди! Давай закусим нормально. С утра ничего не ел!

Они, перекусывая, дождались чай. Иван пил, ненавязчиво поглядывая на женщину.

Вроде бы все, как и было — крепкие широкие бедра, талия на месте, немаленькие груди... И одежда в порядке, как всегда — Варя себя блюдет! А вот глаза... Глаза какие-то потухшие!

«Вроде бы и должен быть злой на нее, а не получается! Жалко как-то...».

Потом он достал свою тетрадь, поглядывая в нее, стал пытаться наигрывать мелодии, напевать. Варя заинтересовалась, под села ближе, стала заглядывать ему через плечо в тетрадку.

«Да уж... перед такими встречами... надо максимально разгружаться... «полово»! Вот сидит рядом, бедром тугим касается, и грудью чуть навалилась, и дышит-сопит почти в щеку! И пахнет от нее приятно! И мыслей... почти нет! Нормальных таких мыслей! А что есть — все про одно, да все про то же!».

Он пересел для удобства к столу, положил перед собой тетрадь. Варя снова села справа, а слева, чуть поодаль — сел Калошин, вытягивая шею, заглядывал в тетрадь.

Иван проигрывал им песни, пел негромко, Варя уже сама, где надо, перелистывала странички. Дело пошло! Они стали обсуждать, даже заспорили. Потом гитару взял Игорь, повернул к себе песенник. Варя так и сидела, касаясь его всем своим телом.

— Мне вот эта... и эта — очень понравились! — показала она в тетради песни.

— Ну так... а ты ехать не хотела! — прервался Калошин.

— Только вот что... тут, с этими песнями, которые тебе понравились... возможны варианты! — немного смущенно сказал Иван.

Калошин прижал струны ладонью:

— Объясни!

Варя просто смотрела на Ивана настороженно.

— Есть певица. И мы хотим ее попробовать на этих песнях. — объяснил Косов.

— Та-а-а-к... достукалась, дура! — бросил со злостью Игорь, не глядя на Варю.

— Иван! Как же..., - протянула обиженно женщина.

— Знаете что? Объяснитесь здесь... без меня! Пойду, покурю! — Калошин накинул пальто, шапку и вышел через фойе клуба к центральному входу.

Косов тоже поднялся, подошел к задней двери и немного приоткрыв ее, закурил.

Варя встала, подошла к нему. Он курил, стараясь не смотреть на женщину.

— Иван! Иван, послушай... я... я согласна!

Косов чуть повернул к ней голову:

— Ты о чем сейчас?

— Ну как... ну — ты же понимаешь! Так вот... я — согласна! Хочешь... я останусь сегодня у тебя? А лучше... поедем ко мне, а?

«Водевиль, мля... Неприятно! Нет! Даже не так! Корежит, почему-то, от такого... предложения! И почему я чувствую себя виноватым? Ведь, если бы она тогда не обманула... Ведь я бы ей за это время и больше песен предложил! А сейчас... Нет, она по-прежнему привлекательная женщина! Только вот... Обида во мне говорит, что ли?».

— Варь! Не знаю, как сказать... но... не надо этого! Песни, пусть и не все... но я тебе и так отдам! Будешь их петь! А вот этого — не надо!

— Т-а-а-а-к... Ванечка! А вот сейчас... сейчас, знаешь? Даже обидно стало! — Варя ошутимо разозлилась, — не привыкла я... чтобы вот так... со мной!

Он хмыкнул:

— То есть... когда сама так с другими — то нормально, да? А как с тобой так — так против шерсти?

— Да! Знаешь, ты прав — против шерсти! Эти песни... ты кому? Эта певичка... ты с ней, да? И что? Она — красивая?

Он ощутимо расслабился, даже засмеялся.

«Ну... женские скандалы. Они неприятны, конечно. Но в прошлой жизни разве ты их мало пережил?»

— Нет, Варенька! Ты ошибаешься! У меня с ней ничего нет. Спрашиваешь — красивая ли? Да, красивая! И вот еще... не злись! Она споет эти песни только на этом концерте. Она вообще не певица, она учитель пения из нашей школы. И еще — там пятнадцать песен получается. И тех еще, старых, и новых. Так вот — она споет всего две. Тринадцать — твои! Так что повода не вижу для ругани.

— Не видишь повода? Х-а-а... А я вижу! Но ты прав! И Игорь прав — сама виновата признаю! Ладно... постараюсь не злиться! Нет... вряд ли получится. Злюсь! И знаешь, что... мальчишка! Я не из-за песен злюсь! Из-за другого! Не ожидала я такого от тебя! Обидно! Но... знаешь? Вот я подожду! Я так себя... мало кому! А ты...

«Блядь! Только бы не расплакалась! Женские слезы — это такое... сильнодействующее средства против мужиков!».

Он повернулся к ней.

«Ух ты! Щечки зарумянились, глазки — горят! Куда делать эта, недавно еще потухшая женщина! А ведь красива! Красива, чертовка! Вот же стерва! Не... не заплачет! Вот... ножом бы не ткнула! Это — да, скорее выйдет!».

Варя еще чуть пожгла его своими глазищами, а потом отвернулась и отошла к столу.

«И чего там Лидочка назвала ее вчера «толстожопой»? Нет, так-то попа у Вари... немного широковата, но не толстая же! Вполне себе аппетитная попа, пусть и почти на грани!».

— А эта... певичка твоя... Она тогда на концерте же была? Ну — осенью?

— Ну да... она сюда ребятишек приводила!

— Ага! Это худая такая, как доска?

Он засмеялся:

— Нет, худая такая — это Лидочка, наша библиотечка! И она сейчас вовсе не худая. Она тогда после болезни была. А сейчас поправилась и очень хорошо выглядит!

— Так... тогда... такая — рыжеватая, да?

— Ну... можно и так сказать.

«Хотя... вроде бы Лиза вовсе не рыжеватая? Русая же она... Хотя да — чуть с рыжинкой!».

— Пон-я-я-я-тно! — протянула Варя, — так она же... вроде... Ей же за тридцать как бы? Разве нет?

«Су-у-учка крашена! Почему же крашена? Это мой натуральный цвет!».

— Да нет у меня с нею ничего! Чего ты себя накручиваешь?

«Хотя... скоро, возможно, и будет!».

Она повернулась к нему с удивлением:

— А тогда... с кем ты сейчас? С этой... Зиночкой?

— Нет. Зиночка уехала, еще перед Новым годом. Вроде бы...

— И тогда?

— Да что тебя так закусило-то? Да есть у меня подруга! Красивая! Очень! Представь — она была манекенщицей на недавнем показе в ателье... Знаешь, недалеко от Красного

проспекта? Позавчера.

— Вот как?! И... тебе хорошо с ней?

— Очень! Очень хорошо!

Варя прикусила губку, видно плохо контролируя себя.

— Ладно... Хотя... Посмотрим... Дай мне папиросу!

Он сел на топчан, смотрел как она курила у двери.

«А задница у нее все-таки — зачетная!».

— Все! Я успокоилась! Зови Игоря, давайте работать!

Они еще недолго посидели, обсуждая песни. Но было видно, что Варя сейчас вне этого обсуждения! Потом они собрались, договорившись приехать через пару дней. Иван должен был подготовить для них тексты. И желательно — хоть сколько-то — но с нотами!

Они ушли, причем Варя плотно так подхватила Калошина под руку.

«И что? Не жалко, что отказался? Ну-у-у... жалко! Чего там от себя скрывать! Хотелось бы... попробовать. Дама-то — вон какая... с характером! Если ее раскочегарить — огонь! А сейчас она — возьмет да и отдастся Калошину, благо у них там костер не совсем погас. Тлеет еще. Да и дровишек они периодически в него подкидывают! Ага... палки подбрасывают! Что — жаба давит? Давит, чего уж там... Ладно... обрыбишься! Хотя... судя по характеру Вареньки — еще ничего не решено! Интересно посмотреть — отступится она от него, или теперь сама уже будет... помогать?».

— Ну что, товарищи курсанты... Можно сказать, что результаты практических стрельб из пулемета «Максим» — неплохие! Да, неплохие... Но! — Квашнин назидательно поднял вверх палец, продолжая прохаживаться перед строем курсантов, — они могли бы быть и лучше! Ладно... У нас еще будут несколько учебных стрельб, можно будет попрактиковаться еще немного. Так... с этим — разобрались. Теперь о физической подготовке и сдачи зачетов на вторую степень «Ворошиловского стрелка». Как Вы и сами понимаете, без Золотого значка норм ГТО, это произойти — не может. А посему — в следующую субботу Дом Красной Армии будет проводить лыжный поход. Участвуют все, кто пожелал сдать вышеназванные нормы. То есть, не только Ваша группа, но и еще несколько групп курсантов. Задача сложная, но вполне выполнимая! Напоминаю условия лыжного похода: поход по пересеченной местности, протяженностью двадцать километров. Мужчинам — в полной боевой выкладке, то есть — форменное обмундирование, оружие и боеприпасы... из расчета штатного носимого боекомплекта, и — дополнительная нагрузка в размере двадцати килограммов на бойца, размещенная в заплечном вещевом мешке. Так... это — понятно? Хорошо... Все готовы участвовать в походе? Больных, ранен... отставить!

Фигура поджарого Квашнина остановилась перед строем. В хромовых сапогах, тесно облегающих его голени, синих диагональных командирских галифе и серой кавалерийской суконной бекеше с выпушкой, он отчетливо напоминал белогвардейских офицеров оттуда, — из прошлого, из фильмов. Вид портила только буденовка на голове.

«И бекешу где-то взял! Куртка явно не новая, потертости видны, но — все аккуратно так. Пижон! Бекеша эта, вроде бы, называется офицерская драгунская. А вот как они ходят в «хромачах» здесь и сейчас — это вопрос! Во-первых, ну холодно же! Кожа сапог хоть и мягкая, с юфтевыми — не сравнить, но — тонкая! А, во-вторых, и подошва довольно тонкая, кожаная! Скользящая — просто пиздец какой-то! И стирается она при ношении — довольно быстро! Особенно по камням, а тем более — в сырую погоду, по грязи!».

Иван помнил, как ему... в то время, после приема на службу в милицию, выдавали форму по нормам положенности. Барахла тогда навалили на прилавок склада АХО УВД — у-у-у! Одному унести все это — анреал, как говорится! Тогда еще действовали нормы советского времени, и форма на складах еще была. Вот и выдавали все — от парадного кителя стального цвета, до портянок — зимних и летних! Даже белые чехлы на фуражку — и те выдали! Ему, как сержанту, были положены именно юфтевые сапоги, но он, поулыбался пожилой кладовщице, пошутил, поклянчил, и она, махнув рукой, выдала ему «хромачи», которые положены офицерскому... пардон! отставить! старшему начальствующему составу органов внутренних дел!

И вот тогда-то, совсем недолго поносив «хромачи» в патруль, он понял — «такой хоккей нам не нужен!». Подошва, уже после первого похода по лужам провинциального городка, изрядно набухла и потеряла первоначальный вид. Старшие, опытные товарищи посмеялись над новичком и направили его в Дом быта, к сапожнику. Там, седой дядька обматерил Сергея Елизарова, сказав, что «чё сразу-то, со склада, не принес? все проще было бы!». Потом осмотрел сапоги и протянул:

— И-е-х! Мне бы таки «прохоря» в молодости! Тада я — кум королю и сват — министру! Все девки мои были бы! Лана... смори... края я обточу, отшлифую подошву.

Посля — клею сюды прокладку резиनावою, а уж на нее — подметку, тожа резиनावою! Те как, потоньша, или потолша, с протектором?

Иван тогда выбрал — «потолша» и далее об этом не жалел. Совсем другое дело же стало! А уж какие «родные кожатые» подметки были скользкие — кошмар! Не то, что по грязи — по вымытому влажному кафелю пройти было — как на коньках!

«М-да... вот я и думаю — как же они круглый год в таких «ходят»?».

Между тем, Квашнин продолжал:

— Так... по Вам, девушки... Есть такое предложение, что... предложить Вам тоже пойти в данный поход, чтобы не организовывать для Вас зачеты отдельно. Само собой, будете Вы в гражданской форме одежды, ну — как Вам удобнее. И само собой — без оружия и отягощения! Ну как Вам такое предложение? Согласны? Вас первыми, целину пробивать и лыжню делать, никто не поставит.

Стоявшие рядом с Иваном в строю Ирина и Светлана переглянулись и почти в один голос ответили:

— Мы согласны, товарищ инструктор!

Квашнин покачался с пятки на носок:

— Да? Ну вот и славно!

Когда они, уже переодевшись в свою одежду, шли к «захару», чтобы уехать на машине к Дому Красной армии, девушки подхватили его под руки. Справа — Ирина, а слева, чуть замешкавшись — Светлана. Девчонки были довольны результатами стрельбы и были веселы.

«А вот ухажер Иринин, один из двух — сдулся и свалил с курсов! Похоже — поумнее оставшегося. Или этот — просто упрямый? И на что-то еще надеется?».

— Ты, Вань, какой-то сегодня... не такой! Задумчивый, молчаливый, улыбаешься чему-то. Влюбился, что ли? — «подколола» его Ирина, посмеиваясь.

— Влюбился? А может... и влюбился! А что? Вот вокруг сколько девчат, да все — красивые такие! Может я в Вас, во всех сразу и влюбился! — засмеялся Косов.

— Во всех сразу? — протянула Ирина, — а разве так бывает? Да и хватит ли у тебя сил, Ванюша, всех сразу-то любить?

Светлана улыбнулась и чуть покраснела.

— Ну... на всех сразу... может и не хватить! Но я же стараться буду! Очень стараться!

Девушки засмеялись.

— Вот Света! Слушай его и мотай на ус! Это не любовь вовсе, это называется — кобелизм! Он просто кобель! — наставительно говорила Ирина приятельнице, — Вот посмотри на него — симпатичный, и даже — обаятельный... где-то! Обхождение имеет. Песни пишет, то есть талантливый. И не жадный, что тоже — важно! И вот такой кобель, подружка, — самый опасный для нас девушек вид! Оглянуться не успеешь, как он уже тебя охмурил, околдовал, и — уже умчался вдаль, за следующей юбкой! А ты сидишь одна и плачешь!

— Ну скажешь тоже! Прямо вот какого-то монстра из меня нарисовала!

— Как раз-таки — не монстра! И это, Светка, самое страшное!

Девушка снова засмеялась, но посматривала на Ивана с подозрением и даже с опаской.

А «шестаковцы», вместе с последним Ирининым ухажером, вызвались помогать бойцам части с чисткой оружия после стрельб.

«Интересно — а как они потом до города добираются? Так-то вроде и недалеко, но все равно — пошагать от части приходится. Ну да пусть их... Оружейные маньяки!».

Уважаемые читатели!

Предлагаю с этого момента подумать, стоит ли читать Главу далее. Увы! Развитие сюжета и правда жизни заставляет меня начать довольно откровенный отрывок текста. Я предупредил! Нихт шиссен в автора!

Ахтунг! Дас ист — порно!

Лиза пришла за ним в клуб не поздно. Еще и не стемнело даже. Хотя бы потому, что день уже ощутимо прибавил в продолжительности, и даже сейчас, в почти шесть часов пополудни, солнце только-только начало заходить за горизонт. Она, притопывая сапожком, стояла, ждала, пока он оденется.

— Ты замерзла, Лиза? — спросил он, удивляясь непривычной скованности женщины.

— Что? А, нет... Хотя на улице ощутимо похолодало! — отмахнулась она.

«Странно... это вот притопывание, губки покусывает, взгляд отводит. Нервничает? Может в школе что случилось? Или... да она же просто — трусит! Да? Похоже на то!».

Они пошли по дороге и Ивану пришлось самому предложить Лизе взять его под руку. Та чуть замешкалась, но потом подхватила его. Шли молча. Косов иногда поглядывал на Лизу, стараясь делать это незаметно. А сам... давил улыбку.

«Ишь как! А то — веселая такая, шутки-подколки, смелость и озорство! А как до дела дошло — сидит как мышь под веником! Ни писка, ни визга! Еще и трястись сейчас начнет! Как девчонка пятнадцатилетняя, честное слово!».

«Хотя... как-то жалко ее. И взбодрить-то надо, а как? Еще не то что-нибудь «ляпнешь» — обидится, или еще больше испугается!».

— Как у тебя на работе? Все хорошо? — чтобы хоть что-то сказать, развеяв тишину. А то только снег под ногами поскрипывает.

— А? Что? А-а-а... да, все хорошо! — женщина чуть встряхнулась, но именно что — совсем «чуть»!

— Слушай! — он остановился сам, придержал Лизу за руку и развернул ее к себе лицом.

— Что?! — «о как! а зрачки-то как расширились, и бледная совсем, и губы чуть подрагивают!».

— Послушай меня, хорошая моя! Так дело не пойдет! Ты... как будто на заклинание сейчас идешь. Ты что — боишься меня? — он приблизился к ее лицу — «глаза в глаза», благо почти равный рост это позволял.

Она вильнула взглядом, но нарочито фыркнула:

— Ну вот еще! Боюсь я его! С чего бы? — она чуть отстранилась и отвела взгляд.

— А мне так кажется — очень боишься! Что я хочу тебе сказать... только послушай меня, не уходи снова «в себя»! Я ничего не собираюсь делать того, чтобы ты сама не хотела! Ни-че-го! — протянул он по слогам, — и если... если ты так к этому... ну — к нашим этим походам относишься! То давай договоримся — и ходить будем на «пионерском» расстоянии, и вообще... переведем наши отношения в плоскость хороших, доброжелательных, но... товарищеских. Хотя... честно признаюсь! Мне будет очень жаль! Очень! Ты мне нравишься, чего тут... Помнишь, как я тебя после первого концерта за попу наглаживал?

Она хмыкнула, а потом рассмеялась:

— Да уж... такое забудешь, как же! Как я тогда обомлела! Да я просто — в шоке была! Как же так?! Мальчишка, сопляк, нахал! Что себе позволил!

«Ну вот... так-то — лучше!».

— Просто, Лиза... ты мне сразу понравилась! Первая мысль у меня была — «Ах какая женщина!».

— Ага, ага... скажи, что и песню поэтому такую написал! — она улыбалась, глядя на него, — Давай, Ваня, ври дальше!

— Ну почему же — ври дальше? — непритворно возмущился он, — я сейчас вполне себе честно говорю! И что нравишься ты мне, и что... хочу тебя... очень!

— Да-да... А царицу свою... шамаханскую... не хочешь? Или скажешь сейчас, что вы расстались?

Он поморщился:

— Да нет... не скажу я так. И царица эта... она мне очень нравится. И зря ты так к ней! Она... она знаешь какая хорошая!

«А вот это ты, Ваня, зря! Очень даже — зря! Хвалить женщину, даже... где-то соперницу перед другой женщиной — это верх безграмотности в отношениях с женщинами! Тут даже... сейчас... и Лиду-то нельзя хвалить! Даже — вспоминать не стоит, пусть они и подруги!».

Как будто в подтверждении его мыслей, Лиза хмыкнула, отвернулась и потянула его дальше. Но руку с его локтя не убрала.

«Так... нужно срочно восстанавливать положение! Срочно! А как? А вот как... пусть и не совсем это... морально-этично!».

— А ты знаешь, тут Калошин приезжал... с Варей.

«Во-о-от! Уже заинтересованно повернулась, ждет, что скажу дальше!».

— Поругались мы с ней!

— А чего так, Ванечка? Она же тебе вроде бы нравилась? — и легкая, будто бы участливая улыбка на устах женщины.

«О женщины! Вам имя — вероломство!».

— Ну как нравилась... ну да, нравилась, — он вроде как грустно вздохнул, — а поругались... я ей в общем... сказал, что эти песни... ну — которые тебе понравились, на концерте ты будешь петь! Вот и... поругались!

Лиза удивленно смотрела на него:

— Вань! Ты правда хочешь, чтобы я их пела?

— Ну да, конечно! У тебя так здорово получается! — говорил это Косов вполне искренне.

Она, улыбаясь, задумавшись, пошла дальше, потянув и его.

— Говоришь... не понравилось это Вареньке? — покачала головой.

— Ну да... не понравилось. Она даже... в общем...

— Соблазняла тебя поди? — Лиза смотрела на него.

— Ну как сказать... можно и так... Ну так, что-то такое намекала, что, дескать, отношения... там.

— Ой, телок! Ой, мальчишка! Она же тебя... охмуряла просто! — «ну вот! так, да! давай, пожалей меня!», — Она же... просто обманывает тебя! Опять вокруг пальца обведет! Оставит мальчонку... без сладкого! — Лиза засмеялась.

«А ты — не обведешь? Или — Лида не обведет?».

Он хмыкнул и посмотрел на Лизу:

— Да вот... кто-то тоже... обещал в гости вечером забежать! И что? И — не забежал!

Женщина смутилась, но — ненадолго!

— Вань! А на «пионерском расстоянии» — это как? — «с темы уходишь, да? ну — ожидаемо!».

— Да как, как?! Когда даже за руки — и то нельзя братья, а уж под руку взять — верх разврата!

Она засмеялась:

— Верх разврата?

— А вот ты сейчас — не боишься так со мной идти, под руку? А то — вдруг кто из знакомых встретится?

— А я уже давно на все эти сплетни... махнула рукой! Если люди захотят, то и наплетут всякое! Даже про монашек в монастыре, и то...

«Ну вот... так-то — лучше! Идет, улыбается!».

Когда они подошли к дому Лиды, уже довольно сильно стемнело. Дом был небольшой, но — ухоженный пятистенок, с большой застекленной верандой.

— Вань! Тут нужно руку вот так перекинуть через воротца, там крючок есть, снять с него, а то не откроется.

Он поднялся на цыпочках, нашарил крючок и открыл калитку.

— Это кто там фулюганит? Я вот сейчас людей кликну! — послышалось от соседнего дома.

Лиза что-то с досадой пробормотала, что-то вроде «вот же носит черт перечницу старую!».

— Степанна! Это я, Лиза! Меня Лида попросила ходить, печки топить, пока они в отъезде! Не узнала, что ли?

— Так как же тут узнаш? В патемках-та? Лиза, ты что ли? Ага-ага! Печки, значит? Ну, добре! А с тобой ета кто ишшо?

Лиза опять чертыхнулась негромко:

— Да провожатого взяла! Знакомый мой! А то назад-то идти по темну — боязно! — и она сжала его руку, чтобы молчал.

«Ну а что мы? Мы — молчим!».

— Да, да... то верно! Темно, да боязно! Ну и праильна, чё там! Дело-та... маладой, ну! Ну, как грицца, Бог в помащ, Лизанька! Бог в помащ! — за соседским забором кто-то заперхал, как подавился.

Зайдя в ограду, Лиза повернулась к нему и, прижавшись, прошептала:

— Ну вот, видишь! А ты говоришь — сплетни, сплетни! Вот так оно и бывает!

Он, обняв ее за талию, зашептал горячо в ушко, чуть виднеющееся под беретом:

— Так, может так и надо? Ну чего уж тут пустые сплетни разводять? Пусть уж будут — полными, эти сплетни, а?

Она тихо засмеялась:

— Вань! Ты так дышишь мне в ухо... щекотно!

Косов попытался поймать ее губы своими, но не преуспел — женщина отстранилась, уперлась рукой ему в грудь:

— Ты не забыл? Мы печки сюда пришли топить!

— Так одно другому — не помеха!

— Ишь ты быстрый какой! Охлонись! Отпусти, Вань...

Они, сняв замок с дверей веранды, прошли в дом. Лиза, нащупав на стене выключатель,

зажгла свет, резанувший им по глазам. Когда Иван проморгался, она уже сняла пальто и берет, вешала их на вешалку у дверей.

Он огляделся. Небольшая, но уютная кухонька. Стол у окна, задвинутые под него табуретки. Большая печь у другой стены. Деревянный тумбовый стол и навесной шкафчик над ним. За печью — раковина. Сразу и не заметил, что на плите печи лежит большой полосатый кот. Нет, не так — на плите печи ВОЗЛЕЖИТ! Да, именно — возлежит Большой, даже огромный пушистый, полосатый — КОТЯРА!

Как будто только что услышав их, кот нехотя повернул голову и спросил:

— Моу? — довольно утробно, но этак — вальяжно! Типа — «Ну что — пришли?».

Потом этот... «тигр» поднялся и потянувшись, сел на задницу.

— М-а-а-а..., - уже не вальяжно, а вопросительно, даже — требовательно!

«Принесла рыбкаф? курачкаф?».

— Тиша! Тишенька! Соскучился, да? Замерз, поди, проголодался? Бедненький, хороший мой! — Лиза начала наглаживать-натискивать «зверюгу».

«Ну вот как они это делают? И зачем? Ну какой там — замерз? С такой шерстью никакой шубы на хрен не надо, на снегу можно спать! А про «проголодался» — так с такой «хлебрезкой», он еще месяц может поститься! Без ущерба для здоровья!».

Лиза продолжала нажувливать котяру, чего-то ему негромко напевая-бормоча на ухо. Тот наклонив голову, изредка что-то «мявкали» так же негромко в ответ.

«Мыр... ма-а-а... мя-я-я!» — типа, да! И намерзся, и наголодался! Чуток только до смерти осталось!

Вообще-то Косов, а ранее и Елизаров, четвероногих любил. И котовских, и псинок! Но вот коты, а тем более — кошки! Они же только позволяют себя любить. В доме или квартире — они главные! Вокруг них все вертится, такой... котоцентричный мир.

Собаки все же честнее. Они любят или не любят — в открытую, душа — нараспашку. Если так посудить, по характерам и эмоциям, собаки — это мужчины, кошки — это женщины!

— Иван! Ну чего ты стоишь? Нужно принести дров и затапливать печь. А я пока Тишу накормлю!

Услышав планы Лизы, кот всем своим видом показал — да, вот правильные приоритеты в жизни любого нормального человека! И даже в подтверждении этого, прилег снова на плиту — «Лапки совсем не держат!».

— Г-к-х-м... Лизонька! Я готов на любые подвиги ради твоих красивых глаз, и не менее красивых ножек, но — вот незадача! Я вообще не представляю, где и что брать!

— Точно! — хлопнула себя по лбу женщина, — Сейчас! Тишенька! Ты потерпишь минуточку, хорошо? Славный мой котик!

Кот повернулся с бока на живот, вытянул лапы и положив на них свою лобастую «будку», тяжело вздохнул:

— Мя! — коротко и ясно: «Не уверен, что доживу, но... что тут поделать, если вы такие... двуногие!».

«Ишь, зараза! Каков артист, а? Помирает он, ага! А лапы-то какие толстые — не каждая собака может такими лапищами похвастать! И вот... носятся они с этими котами, носятся! И нацеловывают их, и наглаживают! Это хорошо, что коты... не мужики! Ну — в смысле конкуренции. А то бы нам с дамами — вообще ничего не светило! Где есть кот, на мужика женщина внимание обращает в самую последнюю очередь! Если вообще — обращает, это

внимание!».

Лиза, чмокнув умирающего артиста в нос, накинула на плечи пальто:

— Пошли, покажу, где, что брать! Так... вот здесь у Лиды свет в ограде включается!

Запомнил?

Она провела его в дровяник, где он набрал полную охапку дров, не забыв прихватить кусок бересты на растопку. На обратном пути женщина, нырнув на секунду в какой-то чулан на веранде, прихватила пару свертков.

— Здесь рыбка для Тиши, а здесь... да, все верно! Здесь мяско!

«Совсем неплохо живут некоторые! Совсем неплохо! Понятно теперь — как можно наесть такую морду!».

Иван сложил принесенные дрова у печи на кухне, потом сходил и принес дров для печи в зале. Зал оказался совсем небольшой, но тоже — очень уютным! Круглый стол под светлой скатертью посередине; над столом на длинном витом шнуре — люстра с бархатным зеленым абажуром. У стены — широкая тахта под покрывалом. Книжный шкаф полон книг, этажерка... оп-па — патефон! И буфет, полный разной посудой!

«А неплохо живет Лида с мужем! Видно, что он вполне себе обеспеченный человек по нынешним временам. А уютно-то как! Такой уют — типично женский! Все эти шторочки, занавесочки, рюшечки и оборочки! Молодец, Лида! Представляю, как ей... юморно глядеть на мой... г-х-м... спартанский уют в комнате, в клубе!».

В доме было не холодно, но... зябко. Недаром этот... клубок шерсти облюбовал печную плиту.

— Тиша! Иди кушать. Тиша! Ну чего ты?

«М-да... А у меня она не спросила — а не хочу ли я перекусить?».

Косов затопил «контрамарку» в зале и перешел на кухню. Здесь происходила кормежка, причем — под пристальным наблюдением Лизы, которая склонилась над котом.

— А рыбку почему не ешь, котик?

— М-ва... м-ва-ма... ма..., - послышалось в ответ.

«Объяснил, чё!».

— Ну ладно, потом поешь, когда отгадет, да? — согласие было выражено в виде недлинного движения хвостом.

— Не знал, что ты так любишь котов! — обратился он к Лизе.

— Ой, знаешь — очень люблю! Очень! У нас дома, ну — когда я с родителями жила, всегда были коты и кошки! Я с самого раннего детства с ними рядом. Правда сейчас... не получается держать — я же постоянно в школе, или у Вас — в клубе, у Лиды!

— Лиза! А ты не знаешь, у Лиды в доме курить можно? — повертел он в руках портсигар.

Она махнула рукой не глядя:

— Кури! Ее... супруг — тоже курит постоянно! Лидочка все сетует, что все прокурил в доме!

Он присел возле приоткрытой дверцы кухонной печи и выпуская дым в печь, наблюдал, как «зверюга», насытившись, моет мордашу. Лиза зашла в зал.

— А ты здоров, зверь! Ты тут за хозяина, как я понимаю? — негромко обратился он к коту.

Тот приостановил омовение, приподнял лапу повыше и презрительно посмотрел на Ивана. «А как иначе? Или ты полагал другое?».

— Ладно, ладно! Не гунди тут мне! Я здесь человек временный, пришел-ушел!

Кот опять отвел лапу и коротко чихнул, как сплюнул: «Вали побыстрее!».

— Вань! Ты с кем там разговариваешь?

— Ну как с кем? Если ты ушла в зал? Здесь только я и вот — Тихон Иваныч!

Кот опять посмотрел на него и вроде бы кивнул — типа: «Только так и обращайся! Одобряю!».

— Да-а-а... Ты разговариваешь с котом? — Лиза вышла на кухню, удивленно улыбаясь.

— Ну а что? Ты же с ним разговариваешь, почему я не могу?

— Ну... так... непривычно! Обычно мужчины до этого... не опускаются, что ли.

— А я вообще животных люблю! Мне кажется, что они, в основной своей массе — лучше, чем люди. Кстати! Вот читал где-то, что коты понимают человеческую речь. Ну... не всю, но за свою жизнь они начинают распознавать около ста слов. И может быть и отвечали бы, только вот у них горло по-другому устроено, не приспособлено под это. А собаки — еще больше понимают! Там же читал, что интеллект собак... не всех правда, а каких-то определенных пород, не помню... он примерно равен разуму пятилетнего ребенка. Представь, да?

Лиза как-то странно улыбнулась ему и, подойдя, обняла и крепко поцеловала.

— Ну погоди, погоди... сумасшедший! Ну что ты! Дай хоть маленько дом нагреется — холодно же! — она, смеясь, отталкивала его, — давай я тебя пока покормлю! Сейчас быстро... ну погоди же! Хоть яичницу пожарю на плите, и чай поставлю! Ты же голодный, наверное!

«Смотри-ка ты... все же вспомнила!».

Она смогла его чуть успокоить, и продолжая улыбаться, принялась суетиться на кухне. Он же, чтобы не приставать к Лизе, прошелся по залу и заглянул в спальню.

«Металлическая полуторка! Сейчас это — тоже признак достатка в доме! Но, как мне кажется, вот та тахта... для продолжения — больше подходит, прогибаться не будет!».

В спальне же стоял неширокий платяной шкаф и что-то вроде трюмо. Одной из стен этой спальни была стена кухонной печи.

«Как помнится — у моей бабули что-то вроде того было. Примерно такое же расположение комнат и печей!».

— Слушай! Мы с тобой наследили тут! — запоздало увидел он. Хотя... на улице — снег, грязи и в помине еще нет.

— Когда теплее станет, я подотру! — улыбнулась ему Лиза, — ты, пока я готовлю, хоть спой мне что-нибудь.

— А что, тут и гитара есть? — удивился Косов.

— Ну да... супруг у Лиды недурно играет и поет. Правда — все больше старые романсы.

Иван снова заглянул в оставшуюся темной спальню и приглядевшись, увидел на ковре, на стене, висящую гитару.

— Вей, бей, проруха-судьба,
Разбуди слов рябиновый слог,
Постучи в дверь, пораскинь снег,
По лесам вех, да по полям рек.

Пел он совсем негромко, чуть слышно, но с удовлетворением увидел, как распахнулись

удивленно глаза Лизы, как замерла она с вилок в руке, а потом, не глядя, присела на табурет.

— Кто-то не волен зажечь свет,
Кто-то не в силах сказать «нет»,
Радугой стелется судьба-змея,
Пожирает хвост, а в глазах — лед!
А в груди — страх, а в душе — тоска,
Больно ей, больно, да иначе — нельзя!
Да только...

— Вей, бей, проруха-судьба,
Разбуди слов рябиновый слог,
Постучи в дверь, пораскинь снег,
По лесам вех, да по полям рек.

Он старался не пялиться постоянно и откровенно в глаза Лизы, отводил взгляд, прищурившись смотрел на пламя печи, через неплотно прикрытую дверцу:

— Я так хочу притаится на твоём плече,
Рассказать слов, рассказать дум,
В карманах порыться и достать лед,
Охладить лоб, охладить лоб.
Тикают часики — «динь-дон»,
Да только стоп-звон,
Там, за седою горой.
Льется водица по траве век,
По тебе и по мне, да по нам с тобой.
Да только...

Когда он закончил петь и отставил гитару в сторону, Лиза поднялась с табурета, подошла к нему, и судорожно вдохнув, стала целовать. В губы, в щеки, покрывая все лицо своими горячими поцелуями. А он? А что он — железный что ли? Ответил ей со всей страстью и с пылом давно уже накопившегося к ней желания.

Но... Но продолжить начатое — не получилось. Уже и юбка поползла вверх, женщина дышала тяжело, и казалось бы — чуть постанывала... И тут явственно стал слышен запах подгоравшей пищи. Замер сначала Иван, потом — отстранившись от него, но еще с шалыми глазами, Лиза. Секунду она так постояла, глядя на него, но не видя...

— Батюшки! Яичница-то! — она кинулась к плите, отодвигая сковороду от открытого кружка плиты.

«Черт! Вот — хрен бы на ту яичницу! Но... «маемо, шо маемо!»».

Она смущенно разглядывала, что получилось на сковороде, разочаровано поджимая губки.

— Лиза! Да брось ты расстраиваться! Ну хочешь — давай я съем ее, да и дело с концом!
— Ты будешь это есть? — она удивленно посмотрела на него.

Иван подошел к ней и заглянул через плечо:

— Ну а что? Не сильно-то она и подгорела! Вполне себе еда. Ты не представляешь, что мне приходилось есть в жизни. Давай, ставь ее на стол!

— погоди! Давай я еще хоть сала нарежу. Вот же — хозяйюшка, да!

— Не кори себя! Я даже думаю — да гори она огнем, эта яичница! От такого... отвлекла!

Лиза засмеялась, нарезая хлеб и соленое сало. Иван достал из внутреннего кармана пальто свою «заветную» фляжку и плитку шоколада.

— Вот! Не пьянки ради — аппетита для! Будешь граммульку?

Лиза с сомнением посмотрела на емкость:

— Ну если только совсем — граммулечку! Да и чем тут закусывать? Разве что — шоколадом?

— А вот ошибаешься ты! Сало — это такой продукт, который ко всему подходит!

— Закусывать коньяк салом? Дикость какая! — она смотрела, как наливает янтарную жидкость в поданные ею рюмки.

Косов, не подавая вида, уминал со сковороды подгоревшую яичницу. Коньяк пролился внутрь жидким теплом. Лиза выпила свою рюмочку чуть поморщившись, и сейчас с улыбкой смотрела, как ужинает.

— Хороший муж из тебя когда-нибудь получится — не привередливый! Ешь, что на стол поставят!

Он угукнул, кивнул ей на фляжку — «по второй?». Женщина подумала и кивнула, улыбаясь.

— Ты же подпоить меня хочешь, не так ли? Нетрезва, податлива...

— Странно... я полагал, что ты и без этого... ну... серьезно настроена!

— На что настроена? — приподняв бровь, она посмотрела на него.

— На что... на что..., - и он замолчал.

— А вот скажи мне... Эта песня. Она... странная какая-то. И на твои песни она ничуть не похожа — совершенно другая! — перевела тему разговора Лиза.

Как не хотелось ему сказать, что он разносторонне одарен, но что-то внутри его сопротивлялось этому.

— Так она и не моя! Это один... парень сочинил. Игорь Сукачев. Я его и не знал вовсе, просто услышал и как-то... запала в душу!

— Запала в душу... Да, такая может запасть! Только вот ты сказал — парень! А мне показалось, что такую песню мог бы сочинить много переживший человек, уже не молодой! Тоской какой-то... внутренней от нее повеяло. И пел ты ее... тоже как не молодой парень!

— Лизонька! Ты полагаешь, что можешь себе полностью представить, через какие жизненные перипетии проходят люди? Я бы не был так уверен! Мало ли что пришлось пережить человеку?

— Да... согласна.

Они попили и чая, согревшегося на плите. На кухне стало совсем тепло от печи.

— Подожди, я сейчас полы подотру, где мы натоптать успели.

Она подхватила какое-то ведро, тряпку и прошла в зал. Иван прошел туда следом. Лиза, низко наклонившись, протирала пол. Повернувшись к нему, сказала:

— Здесь «контрамарка» дольше будет топиться, нужно еще немного подождать, а потом можно будет закрутить дверку.

«Э, нет! «На такое я пойтить не могу!». Это что же, она... передумала? Или я не так себя повел?».

— Ты, радость моя, не права! Тут не только нужно будет ждать, чтобы дверку «контрамарки» закрутить, но и ждать, пока на кухне печь полностью протопиться, а уж потом — закрывать вьюшку. Иначе — или выдует все, если вьюшку не закроем; либо Тихон Иваныч от угарного газа угорит!

— Ну что ты!? Что ты! Как можно? Тогда, конечно, ждать будем! — в испуге от возможного она выпрямилась, только юбка осталась приподнятой гораздо выше коленей.

Он уже какое-то время наблюдал за видом согнувшейся женщины и чувствовал, как поднимается внутри него жаркая волна. И попа, туго обтянутая юбкой, и ее красивые ноги, показавшиеся бедра — все тому способствовали! Пусть эти ножки и эти бедра были вовсе не в фильдеперсовых чулках, а каких-то вязанных штанишках.

Иван мягко подошел к ней: в одной ее руке, далеко откинутой в сторону — тряпка; предплечьем другой руки Лиза пыталась поправить выбившуюся прядь волос.

Обняв Лизу за талию, он посмотрел ей в глаза.

«А вот сейчас видно — она ждала этого!».

Полные губы чуть изогнуты в легкой улыбке, в глазах — пляшут бесята!

«М-м-м... как же она хороша! И как же долго я этого ждал! Все эти игрища с флиртом, легкими заигрываниями... они как-то — затянулись!».

Полные губы, чуть пахнувшие шоколадом, и оттого казавшиеся сладкими. Прикрытые в поцелуе глаза женщины... Юбка поползла вверх, сдаваясь его напору. Шлепнулась на пол выпущенная Лизой тряпка. Одной рукой она крепко обняла его. Потом и вторая ее рука присоединилась к объятиям, сделав их еще более крепкими.

— А-х-х... Ваня! Ну подожди ты! Ну чего ты... Ну дай, я хоть руки вымою — пол же мыла!

— Вздор! Все — вздор! Не отпущу! Я слишком долго этого ждал!

Лиза засмеялась тихо:

— Ну дай я... сама разденусь! Порвешь же юбку! Да и руки все же вымыть нужно! А еще... еще свет выключу!

— Это еще зачем? — оторвался он от ее шеи.

— Как зачем? Ты что? Совсем уж за бесстыжую меня принимаешь? Стесняюсь я! Чего же такой... глупый!

— А я хочу видеть тебя всю! Такую красивую и желанную!

И опять так будоражащий его смех!

— Нет, Ванечка! Все же свет я выключу. Не готова я... к такому! — она довольно бесцеремонно отодвинула его, засмеялась, увидев его недовольную гримасу, и чмокнув в губы, — А ты сам пока разденься!

И, выходя, щелкнула выключателем в зале!

«Не! Так-то я и не предполагал чего-то в стиле Завадской! Но... похоже, здесь придется все делать... постепенно, не форсируя событий. Так что минета, и уж тем более — анала! тут ждать не приходится! Ладно! «Ибу ибуди да-дао муди!».

— Лиза! Ты хоть на кухне свет оставь! А то... понадобится что, и будем здесь... запинаться впотьмах! — в ответ она засмеялась.

Он моментально скинул с себя все и улегся на тахту, слушая как брякает умывальником Лиза. И когда она попыталась проشمыгнуть мимо его в спальню, схватил ее за руку и

потянул к себе:

— Иди сюда, красавица!

Женщина «ойкнула» от неожиданности и повалилась на него.

— А ты... а ты чего здесь, а не в спальне?!

В руках у нее была свернутая аккуратно тючком одежда. Сама Лиза была в достаточно длинной, ниже коленей, темной «комбинации».

«Странно! А когда она «раком», с задранной юбкой стояла — комбинации видно не было! Она что же — подоткнула ее, что ли? Получается — все это было... продуманно? Однако!».

— А я подумал, что здесь удобнее будет!

— Ну погоди! Дай я одежду... вон хоть на стол брошу!

Она приподнялась и положила одежду на стол. Обтянутая комбинацией попа была слишком соблазнительна, чтобы упускать такой момент! Свет, все же оставленный Лизой на кухне по его просьбе, давал в зале достаточно освещения, чтобы глаза различали общий вид, чуть ретушируя детали. И этот вид... он был — вышибающий последние остатки разума!

Косов потянул женщину на себя сверху, и почти борцовским приемом, развернул ее к себе лицом. Оказался полулежавшим поперек тахты, а Лиза — сидящей сверху на нем. Они целовались как сумасшедшие, а Иван все тянул вверх «комбинацию», которая казалось — никогда не кончится! Женщина засмеялась, отвела его руки, и сама ловко освободилась от так мешавшей ему одежды.

В полумраке она казалась еще красивее, а ее фигура — безупречной!

«Интересный парадокс! Вот всегда мужчины хотят видеть женщину во всех подробностях. Но в такой вот обстановке — тоже есть своя прелесть! Так даже не красавица кажется очаровательной, или — загадочной, а уж вот такая красотка — и вовсе поведьмовски, как-то пугающе прекрасной!».

«Ага! Белье-то она надела — то самое, из ателье! А не простое, в большинстве своем принятое у местных женщин! Черный комплект — трусики и бюстгалтер! Что в полумраке — вообще отпад и срыв головы у мужчины! В данном случае — меня! Получается... все было продумано заранее? Ну — это как всегда! Мужчина думает, что он добивается женщину, и в результате — победитель! Ан — нет! Он лишь добыча в лапках хищницы!».

Рассчитывая на более или менее постоянную связь, и соответственно — обучение Лизы «всем премудростям», Косов старался все же не терять голову! Было трудно, но он — старался! В какой-то момент, кожей ноги он почувствовал уже влажную ткань трусиков, а значит — пора! Сам-то он уже давно... дымился! Иван подхватил одной рукой Лизу за попу, а второй — обнял за талию и, приподнявшись, поменял положение на наиболее привычное в данное время. Теперь она лежала на тахте, а Косов — чуть нависал над ней сбоку. Покрывая ее губы, шею, верх груди поцелуями, правой рукой — всю орудовал снизу. Но «орудование» это было — в меру.

Лиза уже всю постанывала и подрагивала, а Иван все тянул с продолжением, разглядывая ее лицо, тело — ну как возможно в полумраке!

«Ох, как же она — хороша! Я это сразу понял, еще в первую встречу с ней, что фигура здесь — на уровне! Молодец, чё! Глаз — вотерпас!».

Он чуть потянул край трусиков вниз, и женщина как будто очнулась! Сама приподнялась и рывком стянула их с себя, до уровня коленей, а потом — поочередно подтянув ножки к груди. Потом открыла глаза и поймав его взгляд:

— Ванечка! Хороший мой! Только не торопись, хорошо? Боюсь я... У меня... уже давно никого не было!

Почувствовав накатывающую волну нежности к ней, он ласково, без этого сумасшествия, которое накрывало его чуть ранее, поцеловал ее в губы, и аккуратно перекинул тело, стараясь не опускаться на женщину. И очень медленно... очень медленно, по чуть-чуть...

«Какая же она... узкая! Но вот... соков сейчас... обалдеть! Хорошо, что на тахте — покрывало лежит. Но стирать его Лизе — придется, однозначно!».

— Ох... что же ты... такой большой-то?! М-м-м-м... подожди, не торопись! — Лиза уперлась ему руками в живот, не давая опускаться ниже.

Ему показалось, что это продолжалось целую вечность.

— Ваня! Давай минутку... вот так полежим, хорошо? Только не надо глубже! Дай... привыкнуть!

Он ждал, нависая над ней на вытянутых руках.

«Хорошо, что физкультура — наше все! И руки в порядке, и пресс — в норме!».

Потом почувствовал, как Лиза начала по чуть-чуть двигаться ему навстречу.

— Полежи так... милый! Дай я сама!

«Как там в сказках пишут: «Долго ли, коротко!».

Но Косов почувствовал, что он вошел в нее... примерно на половину. Она снова открыла глаза, и горячо прошептала:

— Вот сейчас... помаленьку..., - все равно она придерживала его руками.

Он медленно опустился на нее, приподнявшись уже на локтях. Все-таки... поступательные движения позволили войти глубже. Лиза стонала все сильнее, но почти перестала его сдерживать. Только иногда, когда, видимо он позволял себе лишнего, чуть запускала ему коготки в кожу живота. Он сам застонал и опустив голову, впился в ее губы долгим поцелуем. И она ответила ему!

А потом...

— Все, все... хороший мой! Теперь не бойся! Все хорошо! — он и сам уже чувствовал, как входит в нее на полную длину. Хотя женщина еще вздрагивала в самый «острый» момент!

А еще через какое-то время, в течении которого он уже вполне себе повторял таблицу умножения, она раскинулась как можно шире, и вцепившись ногтями ему в попу, сама стала подтягивать его — все сильнее и резче!

Он, уже не сдерживаясь, мычал и даже... вроде бы рычал! А потом... сознание вспышкой вернулось — «вытащить!».

Но только он сделал попытку, как Лиза схватила его за зад обеими руками и буквально притянула к себе! Распахнула широко глаза:

— Нет! Хороший мой! Не надо, я так хочу... пусть! Да, хочу, не сомневайся! Ну же!

Наверное, он закричал. Да и она... как-то смутно показалось в тот момент, что тоже... не молчала!

Подрагивая всем телом, он лежал на ней и разум медленно возвращался в его голову.

— Как же хорошо! Господи, как же мне хорошо! — ее шёпот наплывал откуда-то издалека. И горячее ее дыхание ему в шею!

Косов открыл глаза и зрение медленно сфокусировалось. В углу зала, в его темном углу, зеленым светились два глаза.

«Ты, Тихон Иваныч, все же... извращенец! Как там... вот — вуайерист! Во!».

— Ты как, красивая? — прошептал Косов.

Из-под него донесся тихий смех:

— Я думала, что я умерла! Но как же хорошо! Ты, Ванечка, оказывается... не только языком болтать горазд, с женщинами-то! И так... тоже... хорош!

— Повторим «сладкую смерть»?

Она снова засмеялась:

— Только дай мне чуть дух перевести... И слезь уж с меня! Ты, конечно, не сильно тяжел, но... Да! А у тебя коньяк еще есть?

Фляжка была совсем не большая и Косов огорченно признался, что — нет, все выпили!

— Сейчас. У Лизы, я точно знаю, у супруга есть небольшой запасец!

Она поднялась с тахты, и в шутку шлепнула его по плечу:

— Не подглядывай! — быстро натянула на себя «комбинацию», — Ну что ты лежишь? Пойдем, немножко выпьем, ты покуришь. Да... и я тоже покурю, мне сейчас успокоиться нужно! А то... как-то... подтрясывает всю!

«Успокаиваться ей сейчас как раз-таки и не надо! Я рассчитываю на продолжение!».

Но поймать ее он не успел — с коротким смешком Лиза выскользнула из его рук и прошла на кухню, мелькнув на фоне света из кухни просвечивающимся через ткань «комбинации» телом.

«А мне чего на себя натянуть? Теплые кальсоны, что ли? Ага — весьма эротический вид будет! Но и совсем голым выходить... не комильфо!».

Компромиссом стали штаны, натянутые на голое тело.

Лиза поставила чайник на плиту, повернулась к нему:

— Ну что, господин хороший, угостите даму папиросочкой? — улыбалась.

— Ты не похожа на шпанскую девчонку, на беспризорницу! — засмеялся Иван, — ты... слишком красива и еще... ухожена. Дама, а не пацанка!

Они курили вдвоем у открытой дверцы печи. Он — сидя на корточках, а она — опустившись на пол на колени. Косов все не мог себя пересилить и на смотреть на изгиб ее спины совсем рядом с ним, на приоткрытые колени, на бедра, обтянутые тонкой черной тканью «ночнушки».

Она видела, как он косит на нее и улыбалась.

— Вань! Хватит пялится — ты меня смущаешь!

«Курит она... красиво! И колени у нее — чашечки совсем небольшие, такие... утонченные, не широкие!».

Он не выдержал и провел рукой по ее спине, от приоткрытой кожи плеч, по спинке и задержал руку на ягодицах. Стал поглаживать.

— Ты без трусиков..., - хрипло прошептал.

Она фыркнула, отвела руку с папиромой вбок:

— Так кто-то же довел меня... Труссы все мокрые! Сейчас состирну... вон под умывальником, да повешу рядом с печью. Они быстро просохнут, а то — как домой идти?

Она закинула папиросу в печь и гибко изогнувшись, поднялась на ноги.

Косов негромко зарычал от вновь нахлынувшего возбуждения и обхватил ее обеими руками за бедра. Поднимаясь, задрал руками и «комбинацию», стал, уже не сдерживая себя мять и гладить ее бедра, попу, груди.

— Ваня! Ну что ты... Ну дай я все же постираю...

Ага! Где там!

Он развернул ее к себе спиной и подтолкнул к столу так, что женщина, чтобы не упасть была вынуждена опереться руками о стол. Задрал «ночнушку», закинул ее выше, к плечам.

Она охнула, когда он «вошел» и замерла. Косов на мгновение потерял голову, двигался резко и сильно.

— Ой... Ваня! Не надо так... сильно... о-о-о-х-х... и глубоко... Больно, Ванечка!

Он опомнился и снизил темп, перейдя к неглубокому проникновению. Лиза стонала и покачивала головой в такт его движениям. Потом он почувствовал, как она сама стала подаваться навстречу ему.

— Вот сейчас... сейчас... можно. Глубже... Ванечка!

Косов довольно грубо вцепился руками в ее бедра, и стал с силой работать своими. Женщина стонала, а потом стала и покрикивать. Он протянул правую руку и запустил ее в промежность подруги, стал пальцами стимулировать.

— А-а-а-а..., - сначала негромко, а потом уже и в полный голос «завелась» Лиза.

Ему пришлось терпеть до того мгновения, пока, наконец, не понял — «вот теперь пора! Теперь — можно!». Лиза, к тому моменту выпрямившись почти в полный рост, вдруг вскрикнула и упала на стол. Благо, что на свои руки головой, а не ударившись со всего маху лицом о поверхность. Так они и подрагивали — она просто всем телом, а он — еще и продолжая движения вперед — короткие и судорожные.

Она лежала довольно долго, замерев и не делая никаких движений. Косов ждал, так и обнимая ее за бедра, и не «выходя». Ее дыхание, сначала какое-то пугающее — прерывистое, с сипящим втягиванием воздуха, со стонами, постепенно выравнивалось и становилось все тише и тише. Потом она сама чуть раздвинула ноги и подалась вперед, снимаясь с него. Выпрямилась, постояла так и развернулась к нему лицом. Взгляд ее был какой-то... ошалелый. Казалось, что женщина увидела в его лице что-то новое, ранее ею не замеченное и теперь с интересом и удивлением разглядывала это новое, не знакомое.

Он попытался поцеловать ее, но она отстранилась.

— Вань! Ты какой-то сумасшедший... Дай я, все же, постираюсь, а? Пойди вон... полежи, что ли?

Косов кивнул, отведя взгляд:

— Пойду в ограду... покурю. А то... прокурим здесь все!

Накинув на плечи пальто, вышел во двор и закурил. Курил довольно долго, сначала одну папиросу, потом, подумав и кивнув себе головой, закурил и вторую. Размышлял.

«Ну что — доволен? И да, и нет. Лиза, без сомнения — женщина стоящая! Ух какая! Все при ней — и на лицо красивая, и фигура шикарная, и умом не обижена — интересно с ней! Но вот... как это — «поел, но не наелся!». То есть познавать ее еще и познавать! Хочется все же... раскрыть весь потенциал женщины! А вот если сравнить? А — стоит ли сравнивать? Говорят, что женщин нельзя сравнивать, слышал такое. А почему нельзя? Нехорошо, или... неприлично? Вот если... с той же — Завадской. Нет, там Леночка по мастерству — сто очков вперед даст! Любой, пожалуй! А вот по чувствам, по отношению к нему? Нет... Завадская вот в этом — «в тихом омуте — черти водятся!». И как она на самом деле к нему относится, «хэзэ», что говорится. Фатьма? Та точно к нему относится — очень хорошо! Даже... совестно вспоминать, если честно! Она к нему — вот так, а он к ней... М-да... И в постели Фатя — очень хороша, горяча! И умения у нее сейчас, после общения с ним — ух! на каком уровне! И вот... Лиза. Нравится она тебе? Очень нравится! Но — не Фатьма, и тем более — не Завадская! Но... все еще можно исправить, всему научить и довести! Все же —

далеко не дураки они, эти мусульмане! Все правильно — мужчина может иметь столько женщин, сколько может содержать финансово и... физически! Вот бы гарем такой — Завадская, Фатьма, Лиза... Ага! А еще — Лида, а еще — Ритка! Не, не получится, даже если потянешь финансово, и физически! Там же и женский менталитет — другой! Там ревности нет. Ну — по поводу постели с мужем. Там только зависть и интриги по поводу «плюшек», получаемых от мужа! Так что... не выйдет у тебя такого, Ваня! Ладно... жаль, но — что есть, то — есть! Пойдем «постигать» Лизоньку? А-а-а... пойдем!».

И он отогнал от себя мелькнувшую мысль, что Лиза чем-то напоминает ему... Киру. Есть в них что-то общее, при всей несхожести и внешне, и по характеру.

К его удивлению, он обнаружил Лизу, сидящую на тахте в обнимку с Тихоном Ивановичем! И была она... уже одета! Хотя... юбки вот на ней еще не было! А так — эти вязанные штанишки, блузка, кофта. И прическу уже поправила, и на тахте прибралась. Ничего не говорило, что тут было еще совсем недавно. Только запах чуть витал на уровне подсознания — «тут что-то было!».

«Бляха-муха! Это чего это... здесь?! И чего она так? Собралась уходить? Как это? Вон же... трусики висят, сушатся — виднеются из-за печки на кухне! И чего она себе надумала, пока он курил-отсутствовал? Ведь говорят же — «Куй железо пока горячо!», а ты курил полчаса. Вот женщина что-то себе и «накубатурила» в красивой головке!».

Наверное, его удивление и переживание настолько отразились на его лицо, что Лиза, явно пытаясь скрыть улыбку, подтянула «комоч шерсти» поближе и зарылась в него лицом. А тот вовсе не против такому обращению! Морда — довольная, и мурчит-тарактит, как трактор «Комсомолец»!

— Ты чего это, красавица? Зачем оделась-то?

Лиза ничего не ответила, натискивая кота.

— И это... Если что — он подглядывал, пока мы тут с тобой... Вон там — в углу сидел, глазами «блымал»! — «сдал» кота Косов.

Лиза засмеялась:

— Ну тут — чего его винить, если гости такие развратные? Он что же — из своего дома должен уходить, чтобы не смотреть на такие непотребства? Тиша! Вот скажи — это же он во всем происшедшем виноват, кобель ненасытный, да?

Котяра, не переставая «тарактеть», что-то «мявкнул» вибрирующим тоном.

«Ну да, кто же еще тут виноват? Она? Да где там! Не кот же? Тогда выходит — Косов сволочь последняя! Больше некому!».

— Лиз... ну зачем ты так? Нам же хорошо было, да? Почему бы не продолжить?

Она опять молчала, продолжая наглаживать эту «зверюгу».

— Знаешь, красивая... Тихон Иваныч сытно покушал, просмотрел... эротический кинофильм и самое время... Тихону Ивановичу... поспать!

Он, преодолев короткое сопротивление женщины, отобрал у нее «предмет поклонения» и, не слушая ни возражений Лизы, ни возмущенного «мявка» кота, унес того на кровать в спальню, прошипел напоследок Тихону:

— Вот тут и спи, засранец! Попробуй только выйти — к ветеринару отвезу, на кастрацию!

Когда он вышел в зал, Лиза тихонько тряслась от смеха.

— Ты чего?

— Ой, уморил! Ох! Расправился с соперником, а еще — угрожал тому расправой!

Он «подкатился под бочок» к женщине, но та, довольно сильно отодвинула его и спросила:

— Мы будем коньяк пить или нет? И чая... тоже бы хотелось!

Они выпили по рюмочке коньяку, из найденной в шкафу початой бутылки «кавэвэка». Лиза опять выпила — чисто символически, какую-то микродозу, чес-слово! А потом сидела, попивая чай и глядя куда-то в сторону, лишь изредка с улыбкой поглядывая на него. Ивана довольно сильно «подбешивало», что он никак не может понять — а что ему сейчас делать? Спустить все на тормозах, довольствуясь тем, что уже было? Или проявить настойчивость в продолжении? Как тот или иной вариант воспримет женщина?

— Ли-и-и-з! — протянул он.

— М-м-м? — откликнулась она.

— Лиза... может быть не надо... испытывать мое терпение и проверять мою догадливость — что делать дальше?

— Ты сейчас о чем? — она явно «игралась».

— Ну... ты же все прекрасно понимаешь! Хватит играть, а? Пойдем на тахту... продолжим приятное для нас обоих развитие близкого знакомства.

— Ах вот как ты это называешь, да? — Лиза теперь смотрела на него удивленно.

«Опять играет? Делает вид, что обиделась? Как же... это все...».

Он отодвинул чашку, поднявшись подошел к ней, и бесцеремонно подхватив ее на руки, понес в зал.

— Ты вообще не думаешь, а хочу ли я... этого продолжения! — сопротивляясь слабо, скорее — не помогая ему в деле «разоблачения», спросила женщина.

Иван, не отвечая, энергично, но все-таки — аккуратно продолжил снимать с нее одежду.

Лиза расхохоталась:

— А сопит-то как... гневно! Ой, не могу! Ой умора! Ванечка! Какой же ты все-таки еще... мальчишка! Ой! Не порви бюстгалтер! погоди, я сама!

Вот теперь она была полностью голой. И Ивану это... нравилось! Об этом недвусмысленно говорил воспрявший и теперь покачивающийся прямо над Лизой... индикатор возбуждения.

Косов видел, как женщина, замерев и не отрываясь смотрит... на него.

— Нравится? — шёпотом спросил он.

— М-м-м? — встряхнулась Лиза, отводя взгляд от индикатора и посмотрев ему в глаза.

— Я спросил — нравится? — он прилег рядом, продолжая смотреть на нее.

— А я вот... не отвечу! Нахал! Такое спрашивать у женщины! — а сама улыбается.

Иван взял ее за руку и подведя ее ладошку к... нему, положил ее руку сверху и придержал, чтобы сразу не отдернула. Лиза сначала вроде бы дернулась в возмущении, но потом затихла.

— А теперь... давай целоваться! — предложил он.

— Х-м-м... целоваться я не против! — она обвила его шею рукой. А вторую... с члена — не убрала!

«Вот и славно! Трам-пам-пам!».

Целовались они нежно. Было видно, что ей это нравится — она замирала под его поцелуями, охотно отвечала ему. Губы ее были нежными, сладкими и очень умелыми! Иван подключил к поцелуям язык. Сначала ее губки, потом — провел по зубам; потом, протиснув

язык между ее зубов, нашел ее язык, поигрался с ним.

Лиза, улыбаясь, как было видно в полумраке, замерла, предоставив ему право перейти в исследованиях на ушки, шею. Потом — верх груди, а далее — задорно торчавшие соски! Вот только ниже пояса сдвигаться не позволила, к разочарованию Косова. Сама она уже давно стискивала его... г-х-м... «жезл» рукой — то почти отпуская его, то вцепляясь в него, как утопающий в соломинку, уже причиняя ему довольно ощутимую боль.

Все это время работы его губ и языка, рукам Ивана — тоже было чем заняться! И они без дела не лежали, поглаживая, пощупывая тело женщины. Где надо — чуть надавливая, а где надо — поглаживая, и даже — чуть пощипывая. Чуть-чуть... совсем не сильно! И вот рукам его она почему-то позволила гораздо большее, чем языку.

Она была уже влажной. Даже не влажной, а изрядно мокрой! И дыхание ее опять вернулось к показателям высокой возбужденности. Не торопясь, Иван все ждал явной демонстрации готовности перейти к самому важному. И дождался! Лиза с силой потянула его к себе и вверх!

— Все! Не могу больше! Не тяни же! — прерываясь на стоны...

— погоди! Давай не так! — целуя ее в губы предложил Косов.

Она открыла глаза:

— А как?

— Садись на меня сверху!

Она задумалась на секунду:

— Давай!

Косов помог женщине сесть поудобнее.

— Сможешь сама... ввести его?

Она посидела на нем, чуть покачиваясь и кивнула головой. Садилась она медленно, закрыв глаза и задержав дыхание. Когда почувствовала, что сидит на нем... наполовину, вновь открыла глаза:

— Только я... никогда не пробовала так. А что мне делать?

Любуясь женщиной, он ответил:

— А все что захочешь! Делай как тебе будет хорошо — садись... глубже. Или наоборот — приподнимайся. Двигайся — вверх и вниз. Можешь подаваться вперед или назад. Можешь лечь на меня, и я помогу тебе.

Вот это он сказал — зря! Потому как женщина сразу улеглась на нем, и, уперевшись локтями ему в грудь, посмотрела в глаза:

— Ну... давай, помогай!

— А ты сама... не хочешь попробовать? Может ты найдешь, как это делать лучше, для тебя самой?

— А я попробую... потом. Сейчас хочу — чтобы ты!

Он хмыкнул про себя — «халявщица!» и стал покачиваться на тахте. Сначала тихонько, а потом все сильнее. Через несколько секунд Лиза закрыла глаза.

— Нет, нет, нет! Открой глаза и смотри на меня! — запротестовал Косов.

Она удивилась, но подчинилась:

— А зачем?

— Я хочу, чтобы ты, прежде всего для себя самой, поняла — как тебе лучше. А с закрытыми глазами ты быстро уйдешь в процесс и отдашься ощущениям, не анализируя, как тебе лучше!

— Ты, Ваня, совсем уже! — она засмеялась, — прямо как в школе говоришь! Есть у нас там... один учитель. Все заставляет ребятшек делать все... осознанно, анализируя! А здесь я так не могу!

— Почему не можешь?

— Да потому, что я... во-первых — стесняюсь смотреть тебе в глаза... во время этого! Во-вторых... просто не могу! Они... глаза, то есть... они сами закрываются!

— Так... подожди... сейчас! — он лег чуть по-другому, взялся руками за ее ягодицы, чуть приподняв ее над собой — вот сейчас я буду... это делать. Руки, как ты видишь... у меня заняты. Потому — целуй меня сама.

Вот это — ей понравилось. Поцелуй ее были умелыми и очень нежными.

«Тут самому впору... голову бы не потерять!».

Когда его движения снизу стали размашистыми и довольно сильными, Лиза все равно закрыла глаза, перестала его целовать и уткнулась лицом ему в грудь. Как в наказание, он уменьшил амплитуду движений. Она почувствовала это моментально, подняла голову:

— Ну ты чего? — протянула обиженно.

Он засмеялся:

— Приподнимись надо мной. Упрись руками мне в грудь, а попу держи чуть повыше, чтобы мне было... место.

Она подчинилась:

— Вот так?

— Да! Вот так будет хорошо!

Лиза засмеялась:

— Посмотрим — будет ли хорошо!

Он продолжил, перенеся руки на ее грудь, лаская, поглаживая, чуть стискивая. Потом — пальцы занялись ее сосками: чуть покручивать, стискивать несильно, пропускать между пальцев — и снова чуть стискивать.

— Э нет, радость моя! Ну-ка открой глазки!

Она глубоко вздохнула:

— Вот же... поганец! Не могу я сейчас смотреть на тебя, не могу! Неужели не понимаешь?

— Тогда... давай сама!

— Ну и ладно! Буду сама! — Лиза села ровно. Получилось — куда как глубже. И это заставило ее протяжно простонать. Потом она посидела, чуть освоилась и стала двигаться: верх-вниз, верх-вниз.

— Только, Ваня... ты руками меня... по соскам, продолжай... пожалуйста!

«Очень красиво у нее получается! Очень!».

Ему самому пришлось чуть прикрыть глаза, чтобы не кончить раньше времени от такой картины. Лиза все активнее «скакала», стонала все громче и громче, а он — полностью отдался ласкам ее груди. Она начала покрикивать... все громче. Вдруг замерла выпрямившись, задрожала. Косов почувствовал резкие сокращения там... внизу. Его там как будто обхватывало, крепко стискивало, буквально выдаивало! А Лиза упала ему на грудь. Немного подождав, он вновь приподнял ее, взявшись за попу снизу и начал «работать» сам. Она не откликнулась ни голосом, ни телом. Буквально в несколько движений дойдя до точки, он заскрипел зубами, чтобы самому не разорваться от того блаженства, которое накатило на него. Лиза вдруг снова вскрикнула и неожиданно укусила его за грудь.

«Блядь! Больно же!».

Они наслаждались друг другом еще несколько раз. Лиза позволила ему поставить ее на четвереньки, мычала в процессе в подушку. Косов чувствовал, что покрывало под ними... мокрое, но старался не отвлекаться на это.

Уже под утро Лиза лежала, закинув на него ногу, и обняв рукой, посапывала в грудь, утомленная.

— Ли-и-из! — шепотом.

— У-м-м-м?

— Тебе понравилось?

— Ваня! Ну вот что за глупые вопросы, а? — чуть сонно, приподнявшись на сантиметр от его груди.

— Завтра... точнее — сегодня... продолжим? Ну — топить печки?

Она вскинулась:

— Ох нет... я так не смогу! У меня... немного болит... там.

— То есть — вообще никак?

Она снова опустила голову ему на грудь:

— Ну... не знаю... может и смогу... как-нибудь. Но точно — не так, как сегодня! Дай мне отдохнуть пару дней. Да! Пару дней — точно!

— Ладно, хорошая моя! А вот скажи мне...

— М-м-м? Что сказать?

— А зачем ты сказала мне... в тебя кончать? — вспомнил он то обстоятельство, которое после схода возбуждения, стало вдруг очень-очень важным. Ивана даже в дрожь кинуло!

— К-х-м... Ну... я так решила, Ваня! Я — так решила! И не думай об этом! Это... только мое решение!

— погоди, погоди... а разве... не про Лиду мы тогда с тобой говорили?

Она фыркнула возмущенно.

«Вот правильно тогда думал — нельзя при женщине... про другую женщину!».

— Ну да... про Лизу. И чего теперь? Там... все в силе остается. Мы с ней поругались, а потом... поговорили и помирились. И да! Мое к тебе предложение — остается в силе! Про Лиду. Она успокоилась и сейчас... согласна.

— Согласна? Или хочет этого? Это, извини, разные вещи!

— Вот же ты... зануда! И согласна и хочет! Так лучше? Спокойнее тебе стало?

— Ты знаешь — да, спокойнее! Так... ну а ты?

Она вздохнула:

— Ох, Ванечка! Хотела хоть чуток подремать... И что ты хочешь услышать? Что я? Ну да... что я — не женщина, что ли? Мне тоже... хочется хоть немного счастья. Пусть и такого...

— Ну ладно Лида! Там — понятно: разводиться она не хочет, а ребенка — хочется! А ты? Ты же — красавица, умница, поешь и играешь! Учитель — хороший. Что же ты... так? Неужели... человека не можешь себе найти, чтобы... всерьез все было?

— Ты, Ваня, как дурак, честное слово! Ага! Найти! Не ищутся что-то такие — серьезные, да умные! Либо уж вообще... ну не нравятся мне те, кто раньше попадался в жизни, не нравятся! Или... такие, которые только ради блуда! Мне уже тридцать... и чего еще ждать? Лучше уж я рожу ребеночка для себя... Я вот — тоже дура, не понимала этого... Вот до того разговора с тобой и не понимала! Даже чуть дальше... Вот когда поссорилась с

Лидой, а потом — помирилась. Вот тогда подумала... А чего же ты сама, дура, ждешь? Принца, что ли? Как в сказках? Так жизнь — это не сказка. Это только девочки... все там себе такое выдумывают. Уже девушки, которые не совсем дуры, понимают — что-то тут не так! В жизни все так красиво и просто — не бывает. А уж женщины... ясно же, что так можно и просидеть до седых волос, суженного ожидая! И время идет! Нет, Ванюша... Это решение мое — оно вовсе не спонтанное! Я все обдумала! Так что — не кори себя, я сама все решила! И думаю — так будет правильно! Только бы все получилось!

«М-да... Шок? Это — по-нашему! И чего теперь? Да хрен его знает, что теперь! Во уж... удружила подруга! Жалею? Не знаю. Но что неожиданно — точно! И как к этому относится — тоже не пойму!».

Видно почувствовав, что своим словами обескуражила Ивана, Лиза приподнялась, внимательно посмотрела ему в глаза, потом протянула руку и погладила его по щеке:

— Вань! Ну ты чего? Все хорошо же! Мне с тобой — очень хорошо, правда! Вот сейчас скажу... только ты не загордись... У меня такое... впервые было. Чтобы так хорошо! И ты не думай ничего, не надо. Это вообще — не твое дело, вот!

— Блядь! Да как не мое дело-то, Лиза?! Как не мое? Ты сама-то понимаешь, что говоришь? Не твое дело! Блин горелый! Ну как так-то?!

Он сел на тахту, яростно почесал голову.

— Не может это быть — не мое дело! Понимаешь ты?!

— Ну чего ты вскинулся? — она села рядом, поджав по себя ноги, — Ты чего? Испугался, что ли? Так не бойся — я все обдумала и ничего тебе плохого не скажу! Мне — нужно, Ваня! Мне! Не тебе. Я же понимаю все!

— Ни хрена ты не понимаешь! Как я могу... Нет! Не могу я так, понимаешь, не могу! Это что же... ребенок — без отца, что ли? Так тебя же... и его — заключают! Да и как ты одна...

— Вань! Ну чего ты, а? Да все я понимаю, я же не девочка! А ты... спасибо тебе, конечно... Но какой из тебя отец, Ваня? Ты же еще сам — мальчишка!

Она засмеялась:

— Ялду вон отрастил... на зависть мужикам! И... обращаться с ней умеешь. Но как отец... Вань! Перестань! Ты же в училище собрался уезжать? Вот и едь себе! А я уж как-нибудь. Да что там! Что я — хуже других, что ли? Все будет хорошо! Ну — не психуй, а? Давай я тебя... приласкаю. Хорошо? Ну скажи, ласковый мой, как тебе нравится?

Он, будучи ошарашен, не задумываясь, как отмахнулся:

— Как нравится, как нравится... Все равно ты так... не сделаешь! Не надо...

Лиза удивилась:

— Это чего же я сделать не смогу такого?

— Даже говорить не буду... Тем более — предлагать!

— Х-м-м... ты что... меня обидеть, что ли хочешь?

— Да причем здесь обиды, Лиза... Ну... просто это — я тебе предлагать не буду. Обидишься, а терять я тебя не хочу!

Она задумалась, поглядывая на него:

— А вот... подруга твоя... она — такое делает?

Косов покачал головой с неодобрением:

— Зачем тебе? Фатя... она многое делает, что тебе я даже предлагать не буду. Она... знаешь... она, похоже, любит меня. А я вот... такой вот... засранец!

Теперь уже она хмыкнула, глядя на него:

— Ну, что ты — засранец, это я уже давно знаю. И что ты это сам понимаешь, даже удивительно! А как же... она тебя любит, а ты... со мной! — потом она в некоем озарении усмехнулась, — ну да, понятно же! Кобелина! И той голову засрал, и других — вниманием не обходишь, да?

Он «угукнул».

Лиза рассмеялась, ткнула его кулачком в бок.

— А если ты такой кобелина, что же ты ее — не бросишь? — внимательно смотрела на Ивана.

— Знаешь... один человек сказал: «Мы в ответе за тех, кого приручили!». Вот и мне... совестно. Не совсем же я — сволочь? Точнее... не хочется превращаться в «совсем сволочь»!

— Как интересно! А мы уж с Лидой... а там, получается — вовсе и наоборот! Даже жалко ее стало, царицу твою. А она... она знает, что ты... так таскаешься?

Иван поморщился:

— О чем-то знает. О чем-то — догадывается. Вот про Вас...

— Что про нас? Договаривай! — она придвинулась ближе к нему, практически — навалилась.

— Подкальывает... ну... типа, что еще... не соблазнил Вас.

— Ревнует?

— Похоже... да.

— Ага! — какое-то непонятное это было «ага».

— А пойдем, кобелишка, покурим все-таки... Сон ты мне своими разговорами согнал. Пойдем-пойдем! Чаю выпьем, да домой собираться пора.

Они покурили, попили чаю. Косов был раздосадован таким окончанием свидания — настроение упало «ниже плинтуса».

И уж тем более удивила его Лиза, когда, вернувшись после чаепития в зал, якобы для облачения, стала явно и даже агрессивно «домогаться»!

— Ты чего? Ты ж сама сказала — болит, чтобы дал отдохнуть, разговоры эти, а теперь...

— Ну что теперь, Ваня? Разговоры эти — ты же сам затеял? Не так ли? А про болит... Ну — не так уж и болит. Так просто... с непривычки. И да — хочу я, понимаешь? Разохотил бедную женщину! Ну Ва-а-ань...

И снова руками... А он что — железный?

Лиза засмеялась:

— Ну вот видишь? Какой ты, Ванечка, стойкий оловянный солдатик! Ох, как же он мне понравился? Сейчас... ну же! Не разочаровывай меня — то сам сколько времени домогался, а то его уговаривать приходится!

Она фактически повалила его на тахту, руками помогла... воспрять.

— Ну что? Я сверху, ты не против? — а сама уже усаживается! — Ох! Как же это... Сладко!

Потом прилегла на него, и глядя в глаза:

— Ты что же? Не поможешь уставшей женщине? Ну... не вредничай, помоги!

Он — помог! Еще как помог! В этот... «крайний» — на сегодня! Раз они поменяли последовательно все эти, уже опробованные ими позы. Да их и было-то... всего три!

Он, нависая над ней, придерживая ее ножки у своих локтей, глядя ей в глаза, спросил:

— А тебе как больше всего понравилось?

Она чуть подумала, засмеялась и ответила:

— А мне с тобой... всяко хорошо! И сверху, и снизу... Вот только сзади — не очень понравилось! Нет! Так-то и сзади — здорово! Только я, Ваня, так тебя не вижу. А мне очень нравится на тебя смотреть! Не всегда, конечно, я смотрю... но так... иногда, чуть прищурившись! И так — здорово! Я от этого... еще больше улетаю!

Когда он кончал... только после Вас, сударыня! Она так тесно прижимала его к себе, так бесстыже заглядывала ему в глаза... Это лишало Косова последних капель разума!

Он лежал, отдыхая прямо на ней — она так попросила!

— А все-таки... Ванечка... А как это... ну — то, что ты мне не захотел рассказывать?

Он отрицательно замычал.

— Ну ладно, ладно... хороший мой, — и шепотом, почти не слышно, — в следующий раз расскажешь же, да?

И засмеялась очень довольно!

Поэтому он и улыбался, направляясь к машине под ручку с девчонками.

«Жизнь хороша, и жить хорошо!».

Тогда, возвращаясь из дома Лиды, они болтали с Лизой обо всем. Здорово, когда после такой ночи, с женщиной хочется болтать, даже дурачиться — значит и ему, и ей — все по душе! Куда как хуже, если пара после этого старается побыстрее разбежаться в разные стороны, не смотря друг на друга, не поднимая глаз. Вроде бы совестно, или... настолько все было — не так, что вертится в голове мысль — «Ну и на хрена все это было?». А тут... Тут все — наоборот!

И снова появилась в голове мысль — это за что же ему такое? За какие-такие заслуги? Что ни женщина в его новой жизни — то фейерверк чувств, мыслей, эмоций? И красотки, и поговорить можно — и за жизнь, и за быт. И в постели — ох как!

Был правда тогда, при возвращении, скользкий момент, когда Косову пришлось «мягкая» и «якая» объяснять Лизе, что каждый день он с ней ходить — не сможет. Лиза насупилась: — К царевне своей будешь ездить?

Он поморщился, не отвечая ни да, ни нет. Потом вздохнул и пояснил:

— Ну вот сама посмотри, красивая! Кино мне крутить по субботам надо? Надо! А сеанс кончается когда? Да уже в десятом часу вечера! И когда в этом случае мы пойдем? Дальше... Вот в эту субботу мне лыжный поход сдавать. Двадцать «кэмэ» по пересеченке. Я какой к вечеру буду? Всяко... как мужчина — не опасный. Ноги бы домой притащить! И потом... сейчас хоть уже и не совсем обязательно на занятия в стрелковый кружок ходить. Как раньше — понедельник, среда, пятница. Но хоть раз в неделю — появиться надо! А там занятия до восьми, а то и до девяти вечера. Пока я с города сюда вернусь — сколько времени будет? Да часов десять опять же! Вот и получается...

— Но к ней же будешь ездить? Да? Признайся! — Лиза заглядывала ему в глаза.

— Радость моя! Ну что же так... вопрос ставишь, а? Я же вроде бы тебе объяснил? Соврать тебе? Легче тебе будет? Да и не умею я врать... Нехорошо это — женщинам врать! «Ну да... лучше — промолчать!».

— Кобель! — она довольно сильно ткнула его в бок, — а там ты — как мужчина опасен, что ли?

— Там... там, знаешь ли... отношения такие, что меня просто — накормят, напоят и спать уложат. Другое там, понимаешь...

— Х-м-м... получается и правда... любит она тебя, наверное.

— Не сыпь мне соль на рану, а?!

— Ладно-ладно... кобелишка! Успокойся, не буду я тебе нервы трепать! Хотя... так хочется тебе по морде надавать!

Они прошли немного молча.

— Лиз! — протянул он.

— Что, кобелишка? — она фыркнула, демонстративно глядя в сторону.

— У меня к тебе просьба... Ты — вот что! Ты, если без меня, по темну не ходи. Можешь же сразу после школы сходить печки протопить, пока еще светло будет? Можешь! Вот так и договоримся — я тебя предупреждать буду, когда я не смогу с тобой идти. Заранее предупрежу, загодя!

Она помолчала, по-прежнему не глядя на него, и как выдавила:

— Хорошо...

«Ф-у-у-х-х... хоть здесь договорились! Самое неприятное позади!».

— И еще... Ли-и-з!

— Ну чего еще?

— Помоги мне для Калошина сценарий концерта составить, а? Ты же умница, и всю самодеятельность в школе ведешь! А, как мне рассказывали, до клуба все подобное в совхозе организовывала! Ты же — креативный человек, опытный!

— А креа... это вот что? — она с недоумением смотрела на него.

— Креативный? Творческий значит! Это вроде бы по латыни так! — объяснил Косов.

— А ты что — и латынь знаешь? — удивилась Лиза.

— Да ну! Где там! Так нахватался отдельных слов! Ну так что же? — Иван посмотрел на подругу.

— Ну-у-у-у... не знаю! Одно дело в школе там... или в совхозе. А другое дело — такой уровень уже!

— Да ты же не одна будешь его готовить! Соберемся все вместе — ты, я, Илью позовем, Тоню! Сам Калошин пусть тоже затылок чешет!

— Варя приедет..., - снова глядя в сторону, продолжила Лиза его фразу.

— Ну да! — он не сразу понял «подколку», — она же в скольких концертах участвовала! Опыт-то у нее — ого-го!

— Ага, опыт у нее — ого-го! — уже с явной издевкой протянула Лиза.

Он опешил, а поняв смысл ее слов, рассердился:

«Вот еще... ревности эти! Вроде бы все ей сказал, а она?».

Но тут же увидел, как Лиза, украдкой взглянув на него, тихо засмеялась.

«Вот же ж... Женщины... отродья дьявола! Племя Локки! Не слова в простоте!».

Она, уже не скрываясь, хохотала, глядя на него.

— Ваня, Ванечка! Ну что же у тебя так все... на лице-то... отражается! Ой, не могу! Ну — умора! Какая гамма чувств, какие внутренние переживания, выплеснувшиеся наружу! Какая сила эмоций!

— Вот, знаешь... вот возьму сейчас... и в сугроб закину! Чертовка!

— Да-а-а... а потом — как из сугроба будешь вытаскивать? Здесь они — глубоченные!

— А кто сказал... вытаскивать? Вот... пока на улице темно, и еще никого нет... заброшу тебя в сугроб, а там и... уестествлю! Самым грубым способом!

— Ой! А ты Ваня, опасен! Ох, как опасен! — она встала на дороге, прикрывая лицо варежками, и только трясущиеся плечи показывали — несколько безудержно ее веселье.

Он шагнул к ней, отвел ее руки в стороны и... поцеловал.

— Ваня! Ну что ты делаешь? Губы же... заветрит! И так... распухли... после такой ночи! Вот я красавицей буду в школе! — сбиваясь от недостатка воздуха бормотала она, — ну перестань... в другом месте... потом. Ох! Болят губы-то! Погоди... поцелуй еще!

Дальше они шли куда как веселее.

— Вань! Ты меня до самого дома — не провожай, хорошо? Сейчас уже доярки пойдут на ферму... увидят еще! Ох, успеть бы проскочить, пока еще никого нет...

Время, время, время!

Попаданцу его категорически не хватало! Слишком много на себя нагреб, не думая, как

все это — разгрести!

И занятия в кружке, и сдача норм, и отношения с женщинами. А еще — работа в клубе, от которой его никто не освобождал. А еще — подготовка концерта: сценарий; музыка к песням, что тоже — весьма немало отнимало времени. Оставить Илью одного подбирать музыку? Ну да... можно. Только вот песня получится — совсем не та, которую хотел выдать Косов! Творческий человек Илья, чё! Я художник, я так вижу!

«Иван! Ты не понимаешь, здесь должно быть все не так! Все по-другому! Бе-бе, бе-бе-бе! Убил бы, гада!».

А еще до обеда приходилось сидеть в библиотеке — подменять отдыхающую Лиду. Слава богу, после обеда этим занималась Лиза! А иногда и Тоне приходилось «нести вахту» в библиотеке.

Пришлось Косову вспоминать основы тайм-менеджмента, которые когда-то давно... в той жизни, проходил на курсах. Даже табличку расчертил — когда, что, сколько по времени! Только вот некоторые графы... пришлось никак не называть. Во избежание так сказать! И так-то... чиркая это табличку для себя, он время, которое сможет выделить для встреч с подругами, машинально отметил — «сердечками».

И Лиза, эта пройдоха, нахалка... насмешница! Взяла, да порылась в его записях, набросках, «почиркушках». Интересно, видите ли, ей стало, как он «творит свои «нетленки»! Она сначала с недоумением разглядывала таблицу в тетрадке, пользуясь тем, что Косов пытается что-то приготовить им всем на обед, и не обращает внимания, чем занята подруга. А потом... Как же она хохотала, как щипала его, как трясла... как грушу!

— Ох, не могу! Ох, бедолага! Вот же... бедный, бедный Ванечка! Совсем замотался бедненький! Пришлось мальчишке даже график составить! Умотали мальчонку... похотливые тетки!

Потом, чуть отдышавшись, вытирая слезы, бегущие из глаз, всхлипывая, спросила:

— А чего же не подписал... ну — когда и с кем? Не запутаешься, а?

Посмотрела на насупленного Косова, кое как отбившегося от подруги и сидевшего тихонько в уголке, снова расхохоталась:

— Ваня! Ну что же ты делаешь?! Я же... я же от смеха... умру я сейчас! Вот же... придумал? А вид-то, вид-то какой... сердитый! Ну — вылитый воробей, нахохлился! Нет... хомяк, надувшийся на крупу! Я такого где-то в детской книжке видела!

И до того у нее был вид... И так красивая женщина! А сейчас... она так искренне хохотала, так забавно сучила ножками, согнувшись и вытирая бегущие слезы ладошками... Что, казалось, скинула лет десять, а то и больше! Была похожа на юную совсем девчонку!

Иван обомлел:

«Ну а чего? Она что — не права? Это у него — проблемы такие? А со стороны, если посмотреть? Смешно? Ну да... наверное! И Лизка сейчас — подтверждение, что и впрямь — смешно! И ведь даже... не обиделась нисколько!».

От вида юной, красивой Лизы, его накрыла такая волна нежности, что она подошел к ней, поднял ее голову к небу, охватил ее покрасневшее и покрытое слезами смеха лицо ладонями, и стал горячо целовать! Целовал всю ее! И щеки, и ресницы, и мягкие и полные губы, и смеющиеся глаза!

Не сразу, но женщина остановилась в смехе, удивленно смотрела ему в глаза:

— Вань! Ты чего? — прошептала она.

— Ты... ты сейчас... такая красивая!

Глаза ее вспыхнули совсем по-другому, и она обняла его. Они стали целоваться. И руки его пошли «гулять» по ее телу. Случайно коснувшись его паха рукой Лиза, отдернула руку и испуганно шёпотом спросила:

— Вань! Ты совсем... обалдел? Ты что же это? Перестань, люди же могут зайти! Ну... успокойся же! Вот же... бешенный какой! И что ты сейчас... с этим будешь делать?

Они вместе посмотрели на оттопырившиеся штаны Косова.

— Не знаю, милая... Он как-то... сам!

Она отстранилась от него и снова фыркнула:

— Ты опять? Опять меня смешить? Ну — хватит уже! У меня и в животе уже что-то заболело! Все! Отходим друг от друга, садимся в разные углы и... успокаиваемся! А мне вон... вообще умыться надо!

Она умывалась, а Косов, чертыхаясь про себя, продолжил готовить обед. Лиза села в сторонке, и поглядывая на него, периодически вновь улыбалась.

— Ну, Ваня! Удивил, так удивил! Это же надо такое придумать! — негромко сказала она.

И хорошо, что сюда зашли Тоня и Илья, которых Иван пригласил на обед ранее.

Тоня удивленно посмотрела на Лизу, Ивана и спросила:

— А чего это Вы тут? Ругались, что ли? Чего ты, Лиза, такая...

Лиза отмахнулась:

— Да вон, Иван наш, так меня рассмешил, что я чуть... не умерла от смеха!

— Да-а-а? А нам расскажешь, Ваня? — заинтересовалась Тоня.

Лиза, видно представив рассказ, показ, и объяснения Косова, а еще — реакцию Тони и, тем более — Ильи на... графики, снова прыснула и повалившись на топчан, затряслась от смеха. Даже... чуть подвывая!

Директор с подругой в недоумении переводили взгляды с него на Лизу на топчане.

— Ну вы уж... совсем тут! — пробормотала Тоня.

Лиза приподнялась с топчана, махнула рукой и прерываясь «наотдышаться», сказала:

— Там, Тонечка... не совсем... прилично! Ну — как всегда, в духе Ивана!

Илья посмотрел уже на Косова серьезно, даже с неодобрением.

— Ну а что я-то? Я же — ничего! Это вон... она все так воспринимает! Я-то... вообще не то имел в виду!

— Вань! Ты прекрати уже, а?! Ну не могу я больше смеяться, не могу! — Лиза снова замахала на него руками.

— Так! Все! Садимся обедать! А эта хохотушка... пусть сначала успокоится! — Иван подчеркнуто строго посмотрел на присутствующих.

Лизе снова пришлось умываться.

Когда они поели, и за чаем принялись обсуждать что-то творческое, в двери постучали, и Илье пришлось выйти, чтобы решить какой-то хозяйственный вопрос с пришедшим человеком.

Иван стал мыть посуду. Услышал, как Тоня шёпотом спросила Лизу:

— Расскажи, чего он опять... набедокурил?

Косов покосился на женщин. Лиза, увидев это, шепнула Тоне: «Потом... как-нибудь!».

«Это она что — и правда расскажет Тоне? Да не... соврет что-нибудь! Так-то у нее и у Лиды с Тоней хорошие отношения, но не до такой же степени?».

Калошин приехал с Варей, как и договаривались, через несколько дней. Расселись все в кабинете у Ильи. Косов раздал всем те наброски сценария, что они уже успели накидать с Лизой, пока та сидела после обеда в библиотеке.

Все помолчали, раздумывая. Калошин постучал пальцем в листок со сценарием, и сказал Илье:

— Илья! Хронометраж! Понимаешь же?

Тот кивнул:

— Еще далеко не все готово... из песен. Потом, когда доработаем, соберемся снова, посмотрим, обсудим.

Калошин почесал затылок, вздохнул:

— Ну чего же... так-то... как черновик — сойдет! Потом в процессе дорабатывать будем. Нормально!

Варя, сидевшая рядом с Игорем «мышкой», подняла взгляд от сценария:

— А у меня вот вопрос... или может быть — предложение!

Она вообще вела себя очень сдержанно. На Ивана взглянула даже как-то равнодушно. На присутствующих, особенно на Тоню и Лизу — старалась вообще не смотреть! Особенно на Лизу! Ту немного выдавал румянец на щеках, да какой-то довольный взгляд победительницы. При обсуждении, переводя взгляд с других на Ивана, она чуть улыбалась.

«Похоже, Варя все поняла! Вон она как... холодом в сторону Лизы «пышет»!».

Иван, практически не разбираясь в нынешней творческой кухне, даже не старался вникать во все эти вопросы. А через какое-то время, вообще отошел от стола и уселся на диване, перебирая струны гитары.

Народ заспорил, обсуждая предложения Вари. Калошин больше молчал, задумался. Варя что-то стала доказывать Илье, и он, выслушав, сдался. Не понимая сути спора, Иван вопросительно посмотрел на Лизу. Та ответила ему кивком — то есть предложения Вари — здравые?

«Все же — какие эти женщины... молодцы! Вот компания — Тоня, да и Лиза — терпеть не могут Вари. Та это понимает, но — держит себя в руках, испытывая аналогичные чувства к ним. И тем ни менее — ведут деловую беседу, что-то предлагают, обсуждают, не переходя на личности. А Лиза — вон вообще поддержала Варю! Ни тебе склок, ни выяснения отношений, никакой... базарности, что ли?».

— А это вот нормально так... в концерте никаких танцевальных номеров? — подняв руку как примерная ученица, спросила Тоня. С подколкой так спросила, молодец!

— М-да... ну что сказать? Ты, Тонечка, абсолютно права! — улыбнулся Калошин, — только вот я во всей этой кухне... с танцами — вообще дуб — дубом!

Лиза горячо поддержала Тоню.

«Ну действительно, что за концерт без танцев?».

— Ну и что мы сможем придумать? — почесал лоб Илья, — Тонь! Ты что-то можешь предложить, у тебя готово что-нибудь?

Тут настала пора и Тоне задуматься.

— Пара номеров, не больше! За эти два номера с ребяташками — могу ручаться! Мы их еще отшлифуем, будет вполне на уровне. Но — не более...

— И что же делать? — спросила Лиза.

Иван, сидя на диване и не вмешиваясь, заиграл, а потом негромко запел:

— Когда-то россияне -
Ванюши, Тани, Мани,
Танцую на гулянье,
Открыли новый стиль!
Штилеты и сапожки,
Под русские гармошки,
Под бересту и ложки,
Прославили кадрили!
Теперь почти забытая,
Гитарами забитая,
Но все же непокорная,
Жива кадрили задорная!

Играя проигрыш, он с удовольствием смотрел на радостные глаза Тони, удивленные — Варе, и довольные, веселые — Лизы.

— Когда-то наши предки
Родные бабки, дедки
Не танцевали «Летки»,
У них другой был стиль...

Калошин развеселился и принялся отбивать ритм рукой по столу. А Илья — недовольно поглядывает, почесывая затылок.

— Ну вот... работы добавилось, — пробормотал директор, уткнувшись в стол, — а ты Игорь — все торопишь: ноты, ноты! Тут... когда тут этим заниматься?

— Тоня! Ты же танцуешь кадрили, да? — спросил Иван у девушки.

— Ну как танцую... изучала, конечно. Но давно не танцевала. Но — не сомневайся, и сама изучу, да и Вас еще заставлю!

Калошин расхохотался:

— А весело у Вас тут! Как там военные говорят — «Не умеешь — научим! Не хочешь — заставим!».

Немного подпортила Тоня:

— Ваня! А вот — «Летка» — это что за танец такой?

— Да откуда же я знаю, Тоня? Слышал где-то и все!

Когда они уже провожали гостей, и Иван с Игорем, стоя на крыльце, ждали Варю, которой вдруг захотелось в туалет, Калошин засмеялся, наклонился к Косову и сказал:

— А Варька-то... злая на тебя — жуть! Ты чем ее так вывел?

— Да... так. В общем-то — ничем!

— Ага, ага! Рассказывай мне тут! — смеялся Игорь.

— Ну... в общем, отказался!

Тот сначала не понял, а потом хмыкнул:

— Ну ты, Ваня, даешь!!! А чего так? Вроде бы... Ну ладно! Хотя — зачем отказался-то? Ну — вдул бы ей разок и делу конец! А сейчас... у-у-у!

Косов насупился:

— Думаешь пакостить будет?

— Пакостить? Да не... вряд ли! Нет, точно — нет! А вот накаты на тебя, с соблазнами — возможны! Сам, думаю, знаешь, отвергнутая женщина — это враг матерый! Пока не сдашься, не уймется! Ну смотри, дело твое, конечно! Но я бы лучше — сдался!

— Да вот... ты знаешь... сам уже засомневался, что правильно сделал!

— Ага! Боишься? Бойся-бойся! Интересно будет посмотреть за развитием событий! Не Варьку я предупрежу — не в ущерб делу! Кстати! А вот эта Ваша... учительница! Очень даже ничего дамочка! Очень!

— Ты это... на чужой каравай... Игорек!

— Опять? Да что ты будешь делать? Наш пострел — везде поспел! — Калошин расхохотался, и, увидев вывернувшую из-за угла Варя, толкнул Ивана кулаком в плечо, — Давай, держись, Иван! Я за тебя буду кулачки держать! Хотя... очень сомневаюсь, что твоя возьмет!

В Доме Красной армии Ивана отловил Лазарев:

— Косов! Ну-ка... пойдём ко мне! — и уже в его комнате, в подвале, — Ты знаешь, я подумал... А вдруг — получится? Так что — ты мне нужен! Надо продумать все, прикинуть, потренироваться! Так что слушай задание! Домашнее! Как ты тогда показывал? Во-о-от! Все движения. Все! Шаги, повороты, присяды, уклонения, развороты! Понял, да? И конечно — извлечение оружия, подготовка к стрельбе, прицеливание, обработка спуска! Все — чтобы на «ять» было! Потом, когда придешь, я приглашу знакомого художника. Покажешь ему, он накидает зарисовки. В общем, нужно подготовиться: описание, схемы-рисунки. Ну и... показ, конечно!

Видя скорченную морду Косова, Лазарев спросил:

— Чем недоволен-то? Сам же предложил!

— Ага! Инициатива... это самое... инициатора! — вздохнул Иван.

— Ну а как иначе-то? Мы ж — армия! Не колхоз какой-нибудь! Не журишь, казак! Прорвемся!

— Да как — не журишь? Времени ни на что не хватает — работа, учеба, общественная деятельность разная! Мне когда этим делом заниматься — ночью?

Лазарев развеселился:

— Не... ночью нужно или спать, или... к-х-м... спать в общем! Ты это, Косов... Я тебя понимаю, и вот что могу предложить... Вы же курсы практически прошли, да? Ага! Вот... всякие зачеты и прочие... сдачи. Могу помочь!

— Да я хотел бы сам...

Инструктор усмехнулся:

— Так я за тебя бегать-прыгать и не собираюсь! А вот с результатами... ну там... чтобы лояльнее все были. Не всегда же и не все с первого раза в норматив укладываются. Вот...

— Я понял, товарищ инструктор! Разрешите выполнять?

— погоди, не торопись! Что тебе нужно, чем помочь?

Косов задумался.

— Ствол бы мне какой...

— Ну... боевой я тебе не дам! Сам понимаешь... хотя... есть у меня кое-что... Но ты же понимаешь — это — строго, между нами, да?

— Да уж... не маленький! — усмехнулся Иван.

— Ага... тогда смотри! Вот, видишь? — Лазарев открыл шкаф, покопался там, в залежах папок, книг и наставлений, достал картонную коробку — старую, уже изрядно измочаленную жизнью и временем, — «наган».

«Ну — «наган»! и чего теперь?».

— В общем-то... он — списанный! Усек?

«Это чего он — ствол мне предлагает? Охренеть-не встать! Или я чего-то неправильно понял?».

Но Косов кивнул:

— Усек!

— Во-о-от... я могу тебе его дать... на время, для занятий. Потом — вернешь!

— Я могу отработать моторику, движения, методы... Но как я отработаю саму стрельбу? Покажем танец... а результат стрельбы?

— Покажешь сначала мне! Посмотрим. Если все в норме... здесь будешь отрабатывать стрельбу.

— В закрытой стрелковой галерее? Идея — не очень, как мне представляется. Направление стрельбы — только вперед! Никаких хотя бы имитаций коридоров, помещений. Мишени — на одном расстоянии, то есть перенос огня — только по фронту!

Лазарев почесал подбородок:

— М-да... резонно! Ну ты знаешь, что... ты сначала отработай движения все эти. Посмотрим, что делать дальше! Хорошо?

— Хорошо! Кобура нужна и ремень портупейный!

Лазарев нашел и передал Косову требуемое.

«Вот так, мля... еще одно занятие себе наскреб! Когда заниматься? В клубе с «пушкой»? Не поймут-с... Если только поздно вечером, когда уже никого нет?».

Уже уходя, Косов спросил у Лазарева:

— Ну Вы же понимаете, что отрабатывать я буду только с револьвером? Он всегда готов к бою! С «тэтэшником» такое уже не пройдет.

— Ты давай... сначала с револьвером отработаем! С ТТ... потом, если все будет получаться!

— Сколько у меня времени? — спросил Иван.

— Чем быстрее — тем лучше! Месяца хватит?

Косов пожал плечами — «хэзэ», как говорится...

«Поспешность нужна при ловле блох и при поносе!».

Но Лазареву он уже это говорить не стал!

В субботу, с самого утра, они были в воинской части. Из строя молодых парней, одетых в обычную армейскую форму — шинели, валенки, буденовки, выделялись девушки. Здесь — кто как! Кто в ватниках, кто в армейских бушлатах — как, к примеру, Ирина и Светлана. Ватные штаны, обычные мужские брюки и прочая...

«Светка Ирину придела! Отец видно помог!».

Ехали они в этот раз — порознь, так как все курсанты в один «захар» не вошли, а Иван, к тому же — и припоздал чуток!

Лазарев и Квашнин, а также — незнакомый поджарый молодой командир, стояли перед строем.

— Становись! Равняйся! Смирно! — скомандовал Лазарев, и отдал Квашнину рапорт:

— Товарищ старший инструктор! Группа курсантов для проведения лыжного похода построена! В строю — тридцать восемь человек. Больных нет! Докладывает инструктор Лазарев!

— Товарищи курсанты! Как и доводилось ранее — сегодня мы проводим лыжный поход! Дистанция — двадцать километров! Характер местности — пересеченная, с перепадом высот до двадцати метров, частично — лесистая! Принято решение — для некоторого усложнения задания... Точнее — для дополнительной проверки навыков стрельбы в условиях большой физической нагрузки, в условия похода добавлены стрельбы из винтовки Мосина, образца одна тысяча восемьсот девяносто первого дробь тридцатого года. Таким образом, старт похода будет происходить здесь, прямо со стрельбища. Первые десять километров — петлей! Потом — стрельбы здесь же, на стрельбище! Далее — еще десять километров, также — петлей, и возвращение сюда же. Петли — разнонаправленные, то есть — первая часть похода с основным направлением на запад, вторая часть похода — основное направление — на восток!

Косов слушал инструктора и матерился... про себя.

«Мсье знает толк в извращениях! Какие, на хрен, стрельбы после десяти-то «кэмэ»? Чего они там проверить хотят? Попадем ли мы вообще по мишеням? Так сразу могу сказать — очень вряд ли! Тут до финиша бы доползти!».

Только сейчас Иван понял, насколько это будет... нелегко, мягко говоря. Двадцать километров по «целику», где снега — до хрена! По высоте — от колена и выше! По «частично лесистой местности»! А про овраги — забыли?

«Мама родная! На кой хрен я под это подписался? Мне что — заняться больше нечем? Сидел бы сейчас у Фати дома! А лучше бы — лежал с ней в кровати!».

Но делать было нечего! «Поздняк метаться!». «Давать заднюю» — стыдно! И перед курсантами, и перед инструкторами, и уж тем более — перед девчонками! Только сцепить зубы и идти вперед!

«Так... чего он там еще глаголет?».

Квашнин между тем продолжал:

— Все Вы молодые люди, здоровьем не обижены, проходили медосмотры!

«Кстати — а я не проходил!».

— Значит — к походу готовы! Но! В целях сохранения Вашего здоровья, а также для предотвращения случаев получения травм... сейчас Вы пройдете через осмотр медицинских работников воинской части! Осмотр короткий, больше — опрос! Кроме того, один медик будет в составе колонны, для оказания первой помощи в максимально короткий срок! Военфельдшер Лисицина!

Звонкое «я» из той части строя, где стоят девушки.

— Выйти из строя!

К удивлению Ивана, из строя вышла Ирина и четко повернулась «кругом», встав к строю лицом!

«Ха-а-а... А она — Лисицына? Не знал. Получается — сбылась мечта Ирочки Перевелась! А почему — военфельдшер? Это же... офицерское... тьфу ты! Командирское звание? Ну — молодца, девка!».

— Именно военфельдшер Лисицына будет в составе колонны! Прошу любить и жаловать! Берегите ее! Именно она будет оказывать Вам помощь... в случае чего!

Ирочка смотрела прямо перед собой, но глазками — нет-нет, да стригла по строю. Когда она посмотрела в его сторону, он подмигнул ей! Было видно, что девушка старается сдерживать улыбку! Смотрит строго, как и подобает военнослужащей Красной Армии!

— Военфельдшер Лисицына! Встать в строй!

— Кроме того, — продолжал Квашнин, — для эвакуации раненых... отставить! Для эвакуации заболевших, травмированных, вышедших из строя курсантов, вдоль линии движения колонны будет перемещаться санитарная «летучка», на базе «ЗИС-5». По дорогам, естественно, не по целине! То есть, если кто-то почувствует себя плохо... и не в состоянии продолжить поход, также — получит травму... может быть эвакуирован с трассы похода. Эвакуация будет происходить на контрольных точках, в деревнях...

Косов слушал инструктора и откровенно... тосковал.

— Но, как Вы понимаете, если курсант получит травму между контрольными точками, нести его придется Вам, его боевым товарищам. Поэтому... Все готовы участвовать в походе?

«Бери ношу по себе, чтоб не падать при ходьбе! Как же хочется назваться... неготовым! Уехать к Фате... или вон — вечером с Лизой сходить в дом Лиды!».

— Далее! Товарищи курсанты! Сейчас Вам будут выданы винтовки и боекомплект! Внимание! Предупреждаю! Оружие — боевое! Еще раз — винтовки — боевые! И патроны — тоже не учебные! А потому — после получения оружия, винтовки патронами не снаряжать! Патроны в обоймах содержатся в подсумках, на амуниции!

Тут Квашнина перебил военный:

— Товарищи курсанты! Просто у нас в части нет такого количества учебного оружия! И учебных патронов в таком количестве — тоже нет! К тому же, Вам все равно нужно будет провести стрельбы. Вот у Вас уже и будет на руках — боевое оружие! И времени терять на его выдачу на стрельбы не придется!

— Да, все верно! — не по-уставному подтвердил Квашнин, — после похода и стрельб — чистим оружие, сдаем его в оружейку части!

Сообщение о том, что оружие — боевое, вызвало определенной оживление у курсантов, стоявших в строю.

«Не... так-то — понятно! Пацаны же еще! Вот им и нравится, что — все серьезно здесь! А мне-то... м-да... на хрена козе баян, если конь — не музыкант?».

— Сейчас, после построения всем подойти к столам медиков, пройти осмотр! После этого — вон к той полуторке, где будет происходить выдача оружия и боеприпасов! Вещевые мешки с отягощением получаем уже перед стартом! Всем всё понятно? Взв-о-о-од! Равняйся! Смирно! На прохождение медосмотра — разойдись!

«Итить твою мать!».

Он дождался своей очереди и подошел к столу, где сидела Ирочка. А рядом с ней, помогая той вести запись — Светлана!

— Привет, красавицы!

— Ой, Ваня! Привет! — разулыбалась Ирина. И Света — тоже улыбнулась!

— Тебя можно поздравить? Добилась своего? Молодец!

— Ты представляешь, только вчера приказ подписан! Мне даже форму не успели выдать! Знаешь — я так рада! — Ирина покосилась на соседний стол с медиками, где осмотр проводил пожилой и строгий военврач, сделала серьезное лицо и прошептала — Руку давай!

Иван протянул ей руку, а Ирина оголила его запястья и поглядывая на лежащие перед

ней часы, стала считать его пульс.

— А ты, Ваня, такой спокойный, прямо — хоть плакат с тебя рисуй! Образцовый боец! Уверен в себе и в своих силах!

«Это я-то спокойный? Ага-ага... спокойный, блин!».

— А мы так со Светкой боимся! Да, Света? Как эти двадцать километров выдержать? Я вот прямо трясусь вся! Опозорюсь еще, упаду на лыжне! Страшно-то как!

Косов, сделал «покер-фейс», потом улыбнулся и прошептал:

— Ну, Иришка, если ты упадешь — я тебя на себе потащу! Хоть натискаю тебя влать!

— Да-а-а? Так я, может, прямо на старте упаду! В таком-то случае, а, Светка? Будем падать?

Подруга ее заулыбалась.

— Только что же ты, Ваня... Раньше-то не тискал? Может я и не против бы была? — продолжала шептать Ирина.

— Товарищ военфельдшер! Есть какие-то проблемы с этим курсантом! — послышалось от соседнего стола.

— Нет, товарищ военврач! Никаких проблем у него нет! Все, свободен! Следующий! — напустила на себя «врачицу» девушка.

«Эх, девонька, девонька! Ты же даже не представляешь, куда ты попала и что тебя ждет впереди! И не предупредить же никак!».

От бессилия Косов закрипел зубами и поспешил отойти дальше. Настроение и так хреновое, упало еще больше.

Получив оружие, боеприпасы, курсанты переходили дальше. На старте их ждали бойцы. По виду — из старослужащих, потому как совсем молодых красноармейцев среди них не было видно. Именно они помогали «куркам» подогнать снаряжение; правильно разместить «сидор» с песком; проверяли винтовки на отсутствие патронов в магазине и патроннике; поправляли оружие, размещенное за спиной.

«Тут же еще... шинель эта! И заправить ее за ремень... можно, конечно! Но тогда и валенки, и галифе уже километров через пять — будут мокрыми от снега! Ну, через десять — точно! А не заправлять — так запаришься снег ею подметать, если первым идти, лыжню «торить»!».

Хорошо, что усатый боец негромко сказал им:

— Вы, хлопцы, если впереди идете — шинелку заправляйте... Ага, под ремень ее! А если в колонне — выпускайте, а то замерзнете быстро! Штаны-то с валенками быстро намокнут! Тут морозец как раз был бы в пору! Тогда снег сыпучий и не липкий, почти не тает, да и на форму не цепляется! А как сейчас... Тяжко Вам будет!

Они шли, меняясь в авангарде довольно часто — метров через сто, вряд ли больше! Поначалу Иван даже возмутился — чего так часто-то? Но когда очередь идти впереди дошла до него... осознал — почему! Метров через пятьдесят он понял, насколько это тяжело — пробивать лыжню в слежавшемся снегу, глубина которого была... Да сантиметров шестьдесят-семьдесят, не меньше! А еще через пятьдесят метров, когда он уступил место следующему, от него уже пар валил, и дышал он так тяжело, что казалось — и легкие вот-вот выплюнет!

Иван стоял чуть в стороне от лыжни, пропуская мимо себя курсантов. Таков порядок установили сразу: отпахал свое — сойди с лыжни, пропусти всех, встань на лыжню перед девушками. Чтобы значит — снова встать в очередь на место впередиидущего! Вот уже и

девчонки показались! А им-то тоже — несладко: лыжня хоть она уже и есть, но изрядно подразбита передними! И по такой лыжне идти — тоже не сахар! Не так, конечно, как «бить» лыжню, совсем не так, но... тоже мало хорошего!

Ирина, увидев его, обеспокоенно спросила:

— Вань! Ты как?

— Нормально, Иришка! Нормально! Все в порядке!

И постепенно он даже втянулся. По крайней мере — на первых пяти километрах. Дважды он становился впереди, каждый раз упахивался до изумления. Еще удивился, что оказывается, Лазарев — пошел с ними. Налегке, конечно, и лыжню не торил, больше времени держался в середине колонны, но все же!

«Вот тебе и рыхловатый мужик! Даже брюшко виднеется. А — встал и пошел на «двадцатку!»».

Первые пять километров все прошли нормально. Ну да — молодежь, все неплохо тренированы! После пяти — начались первые проблемы.

— Стой! Привал двадцать минут! — пронеслось по колонне.

«Нормально. Чуть передохнуть нужно, это — точно!».

Мимо него пронеслась на лыжах Ирина, а вслед за ней — Светлана. Он проводил их взглядом, а сам улегся на спину и высоко задрал ноги, приспособив к этому лыжи и палки. И снятый «сидор» под голову!

«Кровь должна отечь с ног. Легче будет забитым мышцам!».

Прикрыл глаза.

— Ваня! Ты как себя чувствуешь? — Ирина наклонилась к нему.

— Нормально, Ирина! Мне так льстит твое внимание!

Девушка фыркнула, повела головой.

— Что там случилось? — мотнул он головой вперед по ходу движения.

— Мышцы свело! Мы со Светой чуть размяли. Но — сомневаюсь, что парень дойдет. Зачем он вообще пошел? Вроде бы и здоровый, а к такому не готов.

На контрольной точке сошел тот парень. Еще один вроде бы и собирался идти дальше, но Ирина качала головой:

— Боюсь, там не мышцы... Как бы с сердцем у парня плохо не было. Так... вроде держится, но что-то страшно мне!

Вторая «пятерка» была существенно хуже. Теперь стала понятна роль в походе Лазарева. Он присматривался к парням, вернувшимся в колонну после пахоты направляющего. По каким-то ему понятным признакам, давал команду пропустить вперед другого, а самому — еще пройти в колонне дальше, побольше отдохнуть. Еще Лазарев частенько убегал вперед, чтобы дать направление движения первым.

«Вот же лось здоровой, а? А по виду — и не скажешь!».

В четвертый раз Косов встал первым уже в видимости стрельбища. Тянул — «на зубах»! Выкатившись на линию огневого рубежа, повис на палках, сплевывая тягучую и горькую слюну.

— Парни! У кого слюна горькая — быстро ко мне! — командовала неподалеку Ирина.

«Это что — какой-то известный признак? А чего признак? Не... ну нах... я лучше тут... повишу еще немного!».

И Косов не отозвался и не признался. Немного погодя, кто-то тронул его за плечо. Поднял голову — Света.

— Иван! Посмотри на меня! Выше голову подними! Ага! Так — вот ватка! Нюхай! — она сунула ему под нос ватку.

«Блин! Нашатырь! И не сматеришься же! Зачем девушку обижать?».

Но в голове прояснилось, стало лучше. Он еще поводит себе перед носом ваткой.

«Молодцы, девчонки! Сами «десятку» вытащили, а заботятся о других!».

— Привал пятнадцать минут! После привала — слушай команду на построение! — «о как! Квашнин тут как тут!».

Пятнадцать минут пролетели — как одна!

— Взвод! Слушай мою команду! В две шеренги — становись!

«Дождались, мать вашу! Ну на кой я вообще сюда поперся, а?».

Построились. Получили вводную на проведение учебно-тренировочных стрельб. Первая партия ушла на огневую. Еще можно чуток отдохнуть!

Куда он стрелял, он и сам толком не понимал! Но — стрелял! Старался прицеливаться, а потом поймал «дзен» и стал думать про... Лизу. И так хорошо стало! Так тепло и спокойно!

— Молодец, Косов! Молодец! Отлично отстрелялся, курсант! — «ну вот, Квашнин все испортил! А я бы еще пострелял... так здорово было!». Инструктор ходил от курсанта к курсанту, с биноклем на груди.

Приятным было то, что после стрельб им выдали каждому по большой жестяной солдатской кружке горячего чая, а на закуску — ломоть серого хлеба с большим куском соленого сала! Вкуснятина же! И хлеб это — ноздреватый и душистый! А уж сало — вообще выше всяких похвал!

— Отбой привала! Становись!

«Опять — двадцать пять! А можно я уже сдохну, а?».

И опять — снег, снег, снег! Впереди снег — только уже изрядно разбитый впереди прошедшими курсантами; сбоку снег — чистый, искристый на солнце!

— Снег, снег, снег...

От шагающих сапог!

Мне, мне, мне,

Мне давно уже все — «пох»!

«Чего-то я зачастил вперед идти! Или так кажется? Или — и вправду я чаще других впереди оказываюсь? Лазарев чего подтасовывает? А-а-а-а... точно, он же... сортирует парней. Кому побольше отдохнуть, кому — поменьше. И чего? Поэтому я чаще стал впереди идти?».

Косов как-то вскользь заметил, что они прошли через какой-то лес. Отметил, что идти было... неудобно. И так-то тяжело, а тут всякие палки... елки... мешаются!

А потом... потом им попался овраг. Иван услышал впереди маты, но даже и — смех, который, впрочем, быстро прекратился!

— Чего там, парни? — спросил он у впереди идущих.

— Да ни хрена хорошего! Овраг там! И здоровый, сука! Вот там сейчас передние спустятся, потом мы пойдем.

К счастью, спустился он нормально! Не скатился, а именно — спустился, шагая вниз боком, аккуратно выцеливая, куда поставить ногу. Медленно, но — верно! Внизу

копошились шедшие впереди и попадавшие, как доминошки, парни.

«Куча-мала получилась! Весело им, блин!».

Но в итоге веселого было мало — один из парней, похоже, потянул ногу. Точно Ирина сказать не могла — нужно смотреть в больнице. Иван подъехал к стоявшим внизу Лазареву и Ирине:

— Ну что, какие планы, отцы-командиры и красивые медработники?

Лазарев выматерился, потом извинился перед Ириной:

— Да какие планы? До контрольной точки — километра три, может — чуть меньше!

Нужно тащить его туда, иначе никак!

— Ну что же? Значит потащим. А пока нужно из этой ямы выбираться. Знать бы еще — может вправо или влево у этого оврага отнорки есть. По ним бы наверх и забрались.

— Не... не будем терять времени. Есть тут эти отнорки, или нет... лазить здесь внизу по снегу из стороны в сторону? Так тут снега еще больше, чем наверху! Намного больше!

По предложению Ивана, с нескольких винтовок сняли погонные ремни, связали их меж собой, а он, прихватив крайний ремень зубами, сняв лыжи, полез на карачках наверх.

«Ну вот какого хрена тебе надо, а? На кой ты сюда полез? Что — других не было? Стоял бы сейчас с ними внизу, смотрел-поплеывал как другой карабкается наверх!».

Пару раз ему пришлось съехать вниз на пару метров с пластами слежавшегося снега, но закусив губы, он вновь карабкался наверх.

«Ну сколько тут той высоты? Да метров восемь, не больше! Какого же хрена... края-то все нет?!».

Выбравшись наверх — наконец-то! — он откинулся на спину и дышал-дышал-дышал... А чуть только восстановив дыхание, набрал в грудь воздуха... и выдал все знакомые маты! Сначала — чуть слышно, потом — все громче и громче! Поминая всеми ему знакомыми словами — и снег, и лыжи эти, и... много всего-всего! Только краем сознания чувствуя, что не стоит поминать отцов-командиров, руководство области и страны, и прочих политических деятелей. Хотя... про политических деятелей других стран, как правило — враждебных молодой Советской республике, он вспомнил тоже. Видно, всплыли в памяти карикатуры из газет и журналов, да плакатов.

Ни малого, ни большого петровских загибов он не знал. И сейчас был очень огорчен этим, когда запнулся и не смог ничего более придумать. И только сейчас расслышал, как внизу, там, в овраге, растет и крепнет, как мощь родной страны, хохот.

— Ну ты, Косов, все сказал, что хотел? — услышал он голос Лазарева.

Иван перевернулся на живот и подполз к краю.

— Заканчивай уже эту... политинформацию! Ты ремень-то кидать думаешь или нет? Или потерял, пока полз? — Лазарев улыбался.

— Это было бы... обидно! — пробормотал Косов.

По проторенной им тропе, со страховкой ремнем, он вытащил сначала одного, потом — уже вдвоем — другого. А там... можно и отдохнуть — без него справятся! И он довольно хорошо успел восстановиться, когда наверху собрались все.

А вот этого, каличного... пришлось тащить. Сначала пробовали тащить на руках, но быстро оставили эту затею. Было тяжело и неудобно. Пришлось тащить его, положив на лыжи. Тоже — так себе затея! Они перешли еще через один овраг — благо тот был, не сравнить с первым! Играючи, если не учитывать нарастающую усталость и боль в мышцах.

Контрольную точку они ждали, как манну небесную. Там оставили в санлетучке

обезноженного. К удивлению Ивана, там же, только добровольно, остался еще один из парней, хмурый и молчаливый.

Последний этап этой пытки Иван запомнил неотчетливо. Даже привал облегчения не принес. И только девочки помогли ему выдержать все это. Они подошли к нему на последней остановке, и Косов с жалостью увидел темные круги под глазами Ирины и запавшие глаза Светы.

— Вань! У тебя от носа к подбородку — белая полоса идет. Это — плохой признак. Может останешься? — смотрела на него Ирина.

— Ты чего это придумала? Вот еще! — обозлился Косов, потом «сдулся», — Вы сами, девочки, держитесь! Вот Вы — настоящие молодцы! Есть женщины в русских селеньях...

Последние пятьсот метров, они вчетвером «били» лыжню по очереди. Метров по пятьдесят, даже меньше. Но больше уже не могли.

— Не лежим, не лежим, товарищи курсанты! Дух перевели, дыхание восстановили? Встаем, ходим, ходим — расхаживаем мышцы! — ходил между ним Квашнин.

И так хотелось послать его, но — низ-зя!

Через некоторое время, вняв голосу рассудка и призывам инструктора, Косов поднялся и, постояв немного, на не сгибающихся ногах стал прохаживаться туда-сюда. К нему подошли пара парней, из тех, с кем «бил» лыжню на последнем участке.

— А ты ничё так... крепенький — протянул руку один. Второй молча ткнул кулаком в плечо — подтвердил таким образом слова первого.

Косову было... фиолетово. Он кивнул парням и продолжил вышагивать по площадке. Посмотрел, как отсюда уже увели одного из парней.

«В санчасть... поплохело уже после финиша... бывает!».

Потом они сидели в столовой воинской части, швыркали ветошью винтовки, приходили в себя. И если дыхание у него восстановилось довольно быстро, и перестало «тукать» в голове, то вот ноги отходить не хотели, казалось — еще больше наливались свинцом. Также тянуло руки и плечи.

Местные повара пытались накормить их какой-то кашей с тушенкой, но, как видел Косов, к окну раздачи почти никто не подошел. В столовой было тихо, если кто и разговаривал, то — негромкими, короткими фразами. Иван и сам чувствовал, как навалилась нечеловеческая усталость и отупение.

«А как же... на войне? Когда такие марш-броски будут в порядке вещей?».

Ирина со Светой переговорили о чем-то с поварами, а потом начали разносить по столам подносы с крупнонарезанными кусками хлеба, жирно намазанными сливочным маслом. Сверху куски были обильно засыпаны сахарным песком.

— Ребята! Нужно хоть что-то поесть. Вот — хлеб с маслом и сахаром! Хорошо восстанавливает силы. Сейчас еще чай разнесем.

Им помогли остальные девушки, участвовавшие в походе.

К Фатьме он добрался не быстро. Ноги продолжали свой саботаж, практически не сгибались, а если он их сгибал усилием воли, норовили подкоситься в коленях.

«Не... лучше уж так — как на ходулях, чем спотыкаться и падать!».

Подруга была готова к его визиту. Баня! Это — то, что ему нужно сейчас! Красавица хлопотала вокруг, содрала с него пропотевшее байковое белье, бросила в жестяной таз — «потом постираю!», потащила в баню. Там она обильно поддала парку, и еще подбросила

дровишек в печь:

— Немного остыло уже, а тебе пропариться нужно! Сейчас нагреется получше, попарю тебя. А пока... давай я тебя разомну. У тебя ноги сейчас — как култышки деревянные, и руки, и плечи — все такое же, как каменное.

Она тискала его, мяла мышцы. Иногда это было — приятно, иногда — весьма болезненно. Сама женщина сначала как будто побаивалась причинить ему боль, разминала тело — слегка, больше наглаживала; но потом вошла в роль, даже — ожесточилась от слабых результатов своих действий, а потому — мяла и трепала его вполне качественно. Так, что ему приходилось иногда стискивать зубы, а потом — и постанывать.

— Фатя! Ты... как-то иногда — чересчур, ага! Ты что — Ритку вспомнила?

Она на секунду приостановилась, рассмеялась:

— А может и так! Сейчас я тебе... все припомню!

Постепенно он стал ощущать, как мышцы стали расслабляться.

— Вот! Сейчас я тебя... веничком!

Женщина, набрав в ковш горячей воды, не жалея ее, плеснула на каменку. И сама, взвизгнув, отскочила от потока пара, который яростно шипя, пыхнул во все стороны.

— Все-таки Вы, русские, сумасшедшие! Никак не привыкну я к такому... самоистязанию! Ой! Кажется, волосы потрескивать начали! А дышать-то тут как... теперь? — сдавленно пробормотала она, наклоняясь и закрывая лицо руками.

— Ты, красавица, полотенце на волосы намотай. А то испортишь себе эту шикарную шевелюру! Твоя коса меня с ума сводит, ты с ней как... ведьма!

Фатья тихо засмеялась:

— Боишься меня?

— Нет, не боюсь! С ума схожу от вожделения!

Она была по-прежнему в коротком халатике, который сейчас пропитался водой и потом, и облепил ее тело.

— А чего ты не разденешься, душа моя?

— Да я как-то... и забыла! Как тебя увидела, в таком состоянии — так из головы все вылетело! Вань! Ну вот надо это так — себя истязать? Зачем все эти марши, кроссы, занятия? Ты и так... как из веревок свитый! Живот — вон... как железный, не ущипнуть!

Косов вздохнул:

— Надо, милая... Надо!

Веник у нее в бане был такой — изрядно «хожалый». Она остановилась с ним руке перед полком, выглядела немного растеряно.

— Ты чего? — он поглядывал на женщину из-под руки, закинутой сейчас на затылок.

«Как же она красива! Женской такой красотой. И занятия, похоже, не бросает. И тело подтянулось заметно — животика уже вообще не видно. «Кубиков», конечно, еще нет, но и животик — пропал! А жаль! Хороший такой был животик, славно его было наминать-потискивать! Ноги вон — крепкие стали, даже мышцы на бедрах чуть виднеются. И попа — хороша попа! Крепкая, чуть приподнятая! Талия стала уже и очень отчетливая. Х-м-м... и на спинке — тоже мышцы проглядывают! И груди... хорошие груди — в меру полные и тяжелые. И практически еще не обвисшие. Не стоят торчком, как у девчонки, но все равно — хороши!».

— Да вот я... как-то не могу тебя... этим вот хлестать! — Фатья смотрела на него в замешательстве.

Косов засмеялся:

— Вспомни про Ритку!

— Ах ты так? Ну — держись! Сейчас я тебя... Ритка эта, курва рыжая, бесстыжая! А ты знаешь, что она из полячек? Ну — родители у нее... или деды, что ли... оттуда! А я эту братию видала. И на вокзале еще... в столовой. И после уже — на рынке! Высокомерные, презрительные такие!

— Ай! Фатя... ох-х... ты все же... поаккуратнее. Ай! Ну больно же!

— Не-е-е-т, милый! Сейчас ты мне за все ответишь!

Веник, и без того не богатый на обильную листву, быстро приходил в негодность. И все чаще Иван вздрагивал от ощущения не распаренных листьев на своей спине или ниже... а от прутьев.

— Ой! А тебя и правда рубцы красные появились! — испугалась результатов «экзакуции» подруга.

— Ну так, а я про что?

— Ой, Ваня! Извини меня дуру, а?

— Да ладно тебе! Окати-ка меня водой холодной. Пройдет все это! Быстро пройдет!

Он, шипя и кривясь слез с полка, а женщина, набрав в таз воды, окатила его с головой.

— О-о-о-х-х! Хорошо-то как! Ох и хорошо! — Иван стоял, отплеываясь, с удовольствием глядя на женщину, потом схватил ее в охапку, — может и тебя так... водичкой холодной, чтобы чуть остыла?

Фатяма взвизгнула от прикосновения его тела, облитого холодной водой, и забилась:

— Не надо, Ваня! Не вздумай даже! Нет-нет-нет! Не хочу-у-у!

Он поймал ее губы, крепко поцеловал:

— Не буду, радость моя! Не бойся! Давай на полочку ляжем, полежим-погреемся.

Они лежали рядом. Благо полочка дед плотник сделал с толком — широкий, крепкий, удобный! Вполне вмещал полочку и Ивана, и лежащую рядом с ним женщину. Он млел от жара, от запаха распаренной березовой листвы, от этого запаха русской бани. А больше того — от горячего тела рядом лежащей женщины.

Она чуть не мурлыкала от переполнявших ее чувств. Он поглаживал ее по спинке, самыми кончиками пальцев иногда дотягивался до крепких ягодичек.

— Вань... А ты сказал — что все эти занятия тебе нужны? А для чего?

Иван вздохнул:

— Милая! В мире сейчас... плохо все! И будет — еще хуже. Война будет... Через год, два... может — через три. Но точно будет! И мы... страна наша — в стороне не останемся! И там... тот, кто больше, лучше подготовлен — у того и будет хоть небольшой шанс уцелеть. Вот я и не хочу... как баран на заклание идти. Мужчиной хочу, а не телком на привязи... Понимаешь?

Она подняла голову, посмотрела ему в глаза:

— А может... не будет, а?

Он цыкнул зубом, дернул щекой, промолчал.

Женщина вздохнула, опустила голову ему на грудь. А потом... перевела свою руку, обнимавшую его — вниз. И пальчики ее... ага! И притихла сама, притаилась. Только Иван чувствовал ее целенаправленные действия. Она хихикнула, снова подняла голову, хитровато посмотрела на него, и ее голова переместилась вниз. Фатяма сама чуть слышно простонала, а затем, сквозь прищуренные веки Косов увидел, как белый тюрбан из полотенца заходил —

верх-вниз, верх-вниз!

Утром он проспал довольно долго. На кухне хозяйюшка чуть слышно чем-то побрякивала, шебуршала. Косов с удовольствием потянулся, с всхлипом зевнул. Мышцы болели. Болели сильно, но это было уже совсем не то, что вчера! Совсем не то! Жить можно, а, приняхавшись к запахам, доносящимся из кухни, он отчетливо понял — жить можно хорошо!

В комнату зашла Фатма. В халатике, с уже сделанной прической.

«Х-м-м... макияж она что ли сделала? А зачем? Бляха-муха! Да у нее же — чулочки на ножках! Это — явная провокация! Это даже — ничем не прикрытая агрессия!».

— Какая ты у меня красивая! Доброе утро, радость моя! Иди-ка ко мне сюда!

Фатма засмеялась, вытирая руки полотенцем.

— Вань! Ну не надо, а? Я завтрак приготовила, а потом мне надо в ателье сходить. Я же так и не забрала одежду. Ну — ту, что нам посулили!

— Завтрак, душа моя, у тебя всегда настолько вкусный, что... даже если и остынет немного — только вкуснее будет! А в ателье... В ателье — вдвоем ходим! Прогуляемся, может потом куда... в кафе, или — в ресторан... Так что — иди ко мне!

Прическу и макияж женщине пришлось делать заново! Но недовольства у нее это не вызвало — красавица порхала как птичка! Довольная, улыбчивая. А как смотрела на него... Так, что ему даже неудобно становилось! От таких, ничем не прикрытых к нему, чувств!

— Вань! Я вчера твоё белье постирала, возле печи развесила. Так что оно уже и высохло, я даже чуть прогладила его, с утра пораньше.

«М-да... ну и кто говорил, что идеальных женщин — не бывает? Нагло пиздят! Просто им так не везло с этим, как мне!».

Когда, спустя некоторое время они, под ручку вышли из дома, Косов заметил в ограде аккуратно сложенный штабель пиломатериала. Вчера не заметил — не в том состоянии был.

«Х-м-м... тес. А куда он и зачем?».

— Что строить собралась, хозяйка?

— Ты же сам сказал, Ваня — крышу нужно перекрыть. А потом мне мужики сказали, что они могут и дом проконопатить, и обшить его. Дед предложил даже наличники и ставни поменять! Говорит — если уж приводить дом в порядок — так делать все сразу, основательно, не растягивать на много лет! И говорит, что сейчас — самое время. Потом, дескать, дожди будут, промочит все!

«Угу-м... это они деньги у Фатмы почуяли! Хотя... и правильно! Отремонтирует дом, хоть проблем с этим какое-то время не будет! Ага! Деньги нужны. А деньги — есть?».

С деньгами было, в общем-то, неплохо. Пока! Деньги у Ивана еще были, но отвык он здесь особо заглядывать в «гаманок» — а сколько осталось? Как-то легко к этому стал относиться! И деньги, что характерно, периодически появлялись. Как будто — сами.

«Так! Нужно зайти в сберкассу — сколько там мне отчислений накопало? И да — надо бы к Савоське заглянуть. После того, неласкового приема, прошло уже... А сколько прошло? Да как бы не четыре месяца! Что-то же должно там накопиться, нет?».

— Ва-а-а-нь! Я тебе вчера не стала говорить... Ты не в том состоянии был, чтобы разговоры разговаривать... Мне Лена работу предложила!

— Х-м-м... и что это за работа, если не секрет? — посмотрел на женщину Иван.

«Что могла предложить Завадская Фатьме? Ну-у-у... совсем уж... неприличное — вряд ли! Не будет Леночка с ним ссорится, в «содержанки» идти Фатьме — не предложит! Но — интересно!».

Фатя немного повздыхала и чуть виновато глядя на него:

— Она предложила мне... администратором пойти. В одной из гостиниц у нее — знакомый работает, чуть не директором. Сначала-то, конечно, поучиться нужно, стажировка там... испытательный срок. Но Лена сказала, что все это — формальность! Зарплата там... не сказать, чтобы большая, но работа — чистая, культурная.

— Ага! А постояльцы, все как один, люди командировочные. В подавляющем большинстве — мужики! Приставать будут, всякие предложения делать. Ты же — красавица, ну какой мужик мимо спокойно пройдет? А служба в гостинице — вроде как... служба, в общем. Вот и будут... разные моменты!

— Ну, Ва-а-ань... Я что — девочка молоденькая совсем? Что я — не понимаю, что ли? Или вести себя не умею, даже и с мужиками! Да и не горничной же, не уборщицей она предлагает. И график там хороший — то в день, то... в ночь!

— Ага, ага! В ночь! А там — мужчинки разные, даже и начальнички... Понятно все!

Косов задумался.

«Ну а чего ты себя так ведешь, балбес? Ты что — муж ей? Или жениться собрался? Ревнуешь? Да! есть такое. И что ты ей можешь предложить взамен? Уедешь же через три-четыре месяца! Ведешь себя... как мальчишка! А там и правда — работа чистая, пусть и нервная иногда!».

Он заиграл желваками, но не от слов Фатьмы, а от своей реакции на эти слова.

Подруга шла рядом, заглядывая в его глаза, смотрела с ожиданием и... виновато.

— Хорошая моя! Даже не знаю, что сказать. С одной стороны — бесит, что на мою женщину будут другие... смотреть, да еще и предложения... делать! Разные! Блядь! И меня рядом, чтобы морду набить — не будет! А с другой... с другой... Ты же женщина умная, да и правда — не глупенькая девчонка! Но — бесит! Блядь!

Он, чтобы успокоится, достал портсигар, закурил. Успокоился. Женщина молча шла рядом.

— Ладно! Согласен! Хорошая, чистая должность. Но с Леночкой этой! Я переговорю! Ох и поговорю!

Фатьма улыбнулась, и чтобы скрыть улыбку, отвернулась:

— Отдерешь ее снова, да? И правильно, Вань! Женщина должна знать свое место! Только хорошенько это... чтобы запомнила, да!

«Да она же... смеется! Вот еще! Еще одна... Лизонька нашла!».

— Только, Ваня, похоже этот метод... не работает! Лене, как мне кажется, как раз это и нравится! Ну, по крайней мере она что-то такое и намекала! Восторгалась и мне говорила, что завидует... что ты со мной постоянно.

— Так! Хорошая моя... давай эту тему — оставим! Согласна? — зло прищурился Косов.

— Конечно, конечно! Ты сказал — я сделала! Правильно ведь? — она, смеясь, прильнула к нему, крепко обняв его плечо.

— А еще, Ваня, — чуть погода продолжила «вываливать» на него новости подруга, и замолчала, сделала паузу.

«Ну что еще-то?».

— Еще Лена договорилась с ателье, что они возьмут нас в штат... на показ моделей.

Договор нужно будет подписать. Там нас не постоянно привлекать будут, а от случая к случаю, но какую-то зарплату все же выплачивать будут. Пусть маленькую, но все же. Неплохо же, да? — посмотрела она на него.

— А тебе понравилось, что ли? — улыбнулся попаданец.

— Ну как понравилось... Тогда-то — тяжело пришлось, конечно. Но ведь — вот эту одежду, которую забирать идем... Она же, если платить за нее полную стоимость — ох и не дешевая! Да и понравилось тоже... Какой же женщине не понравится, когда вот так... в красивой одежде. А на тебя все смотрят!

— И в белье — тоже? — продолжал пытаться подругу Иван.

Та чуть искоса посмотрела на него, увидела, что он смеется, тоже улыбнулась:

— Ну и в белье тоже! Ни у кого такого еще нет, а у тебя — есть! Да и... ведь я тоже понимаю, что я куда красивее этих женщин в зале. Тоже же... приятно!

— И уже не стесняешься?

— Ну-у-у... немного. Но не голая же я была! — он не стал напоминать ей, что именно так и говорил ей тогда, осенью.

Когда они пришли в ателье, Фатма основательно так закопалась в принесенной ей одежде, что-то перебирала, рассматривала. Хотя чего там рассматривать? Ты же и носила все эти вещи на показе!

Иван подошел к окну, и открыв форточку, закурил. Здесь к нему присоединился Александр, который, поглядывая на женщину, негромко сказал:

— Тут Севостьян Игнатьевич с неделю назад заходил. Про Вас спрашивал, не появляетесь ли у нас. Просил передать, чтобы забежали к нему, выбрав время. Разговор к Вам какой-то имеет.

— Хорошо, спасибо, Александр. Зайду, как время будет.

«Вот же только вспоминал про старого барыгу!».

— Ну а что там за договор — для женщин Вы придумали? — кивнул Косов на Фатму.

— Ну как... нормальный договор. Руководству понравилась организация и сам показ. Продажи, опять же — взлетели! Вот, чтобы не искать каждый раз девушек и придумали — предложить им договор. Они будут привлекаться иногда, для выставки отдельных вещей, а пару раз в год — уже крупный показ, как прошлый. На время крупного показа — там, конечно, зарплату им будут платить хорошую. А между делом... так, деньги не большие.

— А чего же — два раза в год?

— Что? Не понял? — повернулся к нему Александр.

— Почему, говорю, два показа в год? Сезонов же — четыре! Зима, весна, лето, осень. Готовьте на каждый сезон новинки и перед его началом — демонстрируйте. А лучше — немного загодя!

— Х-м-м..., - задумался Александр, — мы как-то и не подумали! И все равно — почему четыре сезона? Весна же и осень — почти одно и то же?

— По погоде — может и так. Хотя... все равно — разница есть. Но — между весной и осенью — полгода! Неужели в мире женской моды ничего не измениться? Сейчас — быстро все меняется!

«Ты, Шурик, даже не представляешь, как быстро будет меняться все там, в будущем!».

— Посадите каких-нибудь специалистов на получаемые журналы. Наши ли, или найдете возможность из-за границы покупать. Пусть знающие люди просматривают, анализируют, что-то свое выдумывают!

— Ага — где же взять таких... знающих людей? — мастер был настроен скептически.

— Ну Вы... вообще! Где взять? Да вон — ту же Елену Завадскую привлеките! Еще какие дамы, имеющих вкус! Да художников, хотя бы! Только молодых — у кого еще взгляд не зашорен! Пусть творят, что хотят, а потом дамы... та же Завадская и такие как она, и отбирают какие-то модели.

Иван видел, что при упоминании Завадской Александр каждый раз морщится.

— Что? Далась Вам Елена в прошлый раз?

— Это... правильно сказано — далась! Нет, я не спорю — у нее тонкий вкус и даже какая-то... интуиция. Но характер у нее! — мастер покачал головой, — вроде и мягко говорит, и тактичная... но — свое возьмет, не мытьем, так катаньем! Хотя... я вот, когда успокоился после всей этой нервотрепки... даже как-то... заскучал. Интересно все-таки было! Значит, говорите — четыре сезона?

«А что? Чем не название ателье? Там же в будущем — фоур сисон есть? Ну а что? Пусть и у нас будет!».

— Александр! Вы — гений, пусть даже и не подозреваете об этом! Вот Вам готовое название для Вашего предприятия — «Четыре сезона!». А то — ну что такое — ателье, ателье... Этих ателье — как блох на барбоске! Один стол, одна швея — уже ателье! А у Вас? У Вас — серьезное, солидное предприятие! И творческое! Каждому сезону — своя коллекция женской одежды! Как? Звучит? Скажите — сложно и тяжело? Возможно! Но ведь как... перспективно, как грандиозно, а? На уровне нашего города — так точно! Да что там город? Чем мы хуже Москвы, Ленинграда, Киева? У нас что — люди лаптем щи хлебают? Или все сплошь — умственно отсталые? Или — из тайги только выбрались, морковка вместо сахара, и из развлечений — катание на медведях? Масштабнее надо жить, мастер! А ну как — через год-два и в Москве вдруг узнают про Ваш модный дом, а? Узнают — и взревнут! Хочется москвичей по носу щелкнуть, Александр? Так выпустите фантазию на волю!

Было видно, что Косов — увлек мастера в полет! Даже Фатя смотрела на Ивана удивленно, оставив просмотр одежды.

Потом Александр опомнился, смутился и пробормотал:

— Как бы мне дирекция... за такие масштабы... холку не намылила!

— Да убедите Ваших старцев! Рублем, как я Вам уже и советовал! Рублем! Расчеты сделайте, выкладки. Покажите перспективу. Они, старички эти, любят в циферках покопаться. Ну так... покажите им — куда надо двигаться!

Он опять оставил мастера в тяжких раздумьях. А за вещи Фатьмы заплатил, конечно же — он. Негоже это, чтобы подруга сама платила, негоже! Мы чай не в Европах, в двадцать первом веке живем, когда на свидании женщина сама за себя платит!

А тючок у Фатьмы получился ничего так себе, объемный. Благо — не тяжелый!

«Ага... все там же! Всё — те же!».

— Доброго здоровьичка Вам, Севостьян Игнатьич! Доброго здоровьичка!

— И тебе привет, Чибис! — проскрипел, не вставая с места, «старый пень».

«Бля... Как давно я уже не слышал эту «погремуху». И век бы не слышать!».

— Ты чего-то, Чибис, давненько не заглядывал. Позабыл старика? Все девочки на уме, все девочки!

— Так ведь, Севостьян Игнатьич, Вы ж сами... в прошлый раз-то! Так уж меня «ласково» приняли, так «ласково»! Что я и бежал от Вас — впереди собственного визга!

— Это ты брось, не придуривайся! Тебе не идет! Ничего такого не было! Нормально я тебя принял. Да ты и сам... все какие-то новости приносишь, что и видеть тебя... противно!

— Ну так а я о чём? Про то самое и речь веду. Только я ж не виноват, что жизнь так складывается. Если — то одно, то — другое. Тут, как говорится: все камушки — да в нашего Ванюшку!

— Ага, ага! А сам ты белый и пушистый!

— Ну как... нет, конечно, не святой! И не угодник даже!

— Вот-вот! — скрипит «Штехель».

«Ну ладно! Обнюхались, хвостами помахали! Поздоровкались, значит! Что хотел, пень старый?». Но вслух такого Косов, конечно же, не сказал. Чревато может стать!

— Тебе, Чибис, как я погляжу, спокойно не сидится, нет! Вроде бы и отошел, значит... а все — за свое? Да все как-то всерьез выходит, не так ли?

«Это он о чем? Про Шрама, что ли?».

Иван промолчал, решив послушать — только плечами пожал. Дескать, «а шо делать?»

— Ладно... в тот раз... ты человека выручил. Это ты — молодец! Помог в трудную минуту. Это, значит, зачтется! Шрам людям обсказал, как дело было! Шрам в своем праве был. Тут и разговора нет. И про тебя людям, стал быть — известно стало. Ну что ж... такая репутация — она, знаешь ли... в иной момент и помочь может! А вот скажи-ка мне...

Тут Савоська потянулся, повернулся и вытащил из шкафчика бутылку коньяка.

— Будешь, Чибис? А то... простыл я что ли... чего-то всего тянет, да неможется.

Чибис кивнул, и Штехель плеснул и ему «на пару пальцев». Выпили, закурили.

— Скажи-ка мне, Чибис... Ты что же... к Шраму в «пристяжь» подался?

— Чего это? С чего это Вы взяли? Где я, и где — Шрам? Шрам «ферзь козырный», а я так — погулять вышел! Да и «в завязке» я!

Штехель «заперхал», затрясся.

«Смеется значит!».

— Ой уморил! Хороша твоя завязка — с «мокрого» да на «мокрое»! Ты ж уже себе на пару «вышек» натянул! Ну, веселый ты парень! Или... дурак просто?

«Ишь как зыркнул! Как ножом ткнул!».

— Дурак! Как есть дурак! Не был бы дураком, разве ж я тогда впрягся бы... в чужие разборки!

— Да нет... тут сдается мне — не так все вышло! Да и разборки те... они же для тебя не чужие. Те ж разборки с того «скока» тянутся. Так ведь?

Иван пожал плечами:

— Выходит так!

— Ага... Вот я и спросил, не в «пристяжь» ли ты решил податься?

— Нет! В «завязке» я. Там — вышло, как вышло. А больше — не собираюсь. Я и «пиковые» подаваться не собираюсь!

— М-да? Чтобы ты знал... такие хлопцы... для которых человека подрезать, как высморкаться... они тоже нужны. А ты, как я понял, кровушки не боишься...

— А нечем тут хвастаться, я думаю!

— Ну... по-разному рассудить можно. Ладно... Значит — «один на льде» «ломом подпоясанный»?

Косов снова пожал плечами — «понимай как хочешь!».

— Добро... я тебя понял. Дело — твое! Вот еще... Шрам там людям сказал... люди —

посмотрели. Денег в тот раз... нам с тобой — недодали! Помнишь я сказал, что вещички — с историей были? Ну так вот... разобрались там, извинились. Держи! Твое это!

И Савоська перекинул через стол Ивану в руки пачку банкнот, перевязанную бечевкой.

«Ни хрена себе! А пачка-то... приличная! И не рублики здесь с «трешками!»».

— А... ошибки там быть не может? А то возьму сейчас «хрусты», а потом окажется — ошибочка вышла! Не хочю «понезнанке» в «блудняк» влететь!

— Не... все чисто! Бери, не менжуйся!

Штехель встал, прошел к двери из «кильдюма», выглянул:

— Э! Мелкий! Ты где там?! Чайку нам спровори! Да быстрее там!

— А ты, Чибис, все там же обретаешься?

«Ну, тут удивляться нечему! Если знакомец Штехеля меня в клуб устраивал, то и знать, где я живу — ничего сложного!».

— Ну да, там же! — кивнул Косов.

— Это хорошо! Да! Теперь — к нашим баранам! — Штехель снова кинул в руки Ивана пачку денег. Была эта пачка — гораздо тоньше прежней. Не сравнить даже! — это твоя доляшка с ателье! Неплохо у них дела идут, неплохо! И, как я слышал — опять ты там отирался, да?

— Так... боком проходил!

— Ага, ага... боком! Ты бы... мне прежде сказал, так может и с того можно было бы... «тити-мити» поиметь! А сейчас... что уж... теперь-то!

Косов снова промолчал.

— Изменился ты, Чибис... Молчишь чего-то? Поумнел может быть?

— Да где ж там поумнел? Сами же говорите — под двойной «вышкой» хожу. Был бы умный — вышло бы так?

— Ну вот видишь... хоть это понимаешь! А то есть, знаешь ли, бычки опоенные... даже того, что творят — не понимают!

Чай пили фактически в молчании.

«А вот интересно — куда этому... барыге столько денег? Семьи нет. Живет — скромно. Даже одевается — как большинство пожилых людей. Куда он деньги деваает? На баб тратит? Да нет — не похож он на сластолюбца! И, кстати — этот рассказ про неведомых людей, которые якобы хотели обмануть и его, Ивана, и Савоську — насколько он соответствует действительности? Больше похоже, что сам Савоська решил «кинуть» Ивана в тот раз, а как узнал про случай с помощью Штраму — так и откатил все «взад»! Да — вот похоже!».

На прощание Штехель проскрипел:

— Ты, Чибис, если что... парнишку пошлю. Дескать Севостьян Игнатъич — привет передавал; дескать, в гости звал! Ты уж помоги старику, да и я тебя не обижу!

«М-да... за «торпеду» работать на барыгу? Ну его на хрен!».

— Так как же, Севостьян Игнатъич? Конечно же помогу — дров там поколоть, снег почистить, может — ремонт какой... Что же я — добра не помню, что ли? Бывайте здоровы!

Уже сидя у себя дома, пересчитал деньги.

«Охренеть! Пять «кусков»! Пять, мать его, «кусков»! Вот это... м-да... кинуть меня хотел Штехель, редиска! И опять — только сегодня про деньги думал — и вот! Получите! Даже расписываться не нужно!».

От раздумий его отвлекла Лиза, заскочившая в комнату:

— Ну! Сегодня-то ты дома? Ну что... пойдём печки топить? — и густо покраснела.

«Прелесть ты моя!».

— Конечно пойдём, красавица! Сейчас — одеваюсь!

Поздним вечером в клубе пусто и гулко. Илья с Тоней — уехали в город до утра. Косов один во всем здании. Печки протоплены, ужин — приготовлен и частично — съеден. Есть время заняться... а заняться — много есть чем!

«Не только лишь все! Ага... где-то так!».

«Лазарев этот... со своим интересом! Хотя... чего его винить — сам вылез, сам напросился!».

Иван понимал, что эти занятия с «короткостволом» — ему нужны. Но вот... давно уже просто с книжкой не валялся на топчане! Просто — поваляться... Некогда!

Он уже выбирал время и по вечерам отрабатывал правильный процесс извлечения оружия из кобуры. Это только человеку далекому от работы с пистолетом, да и от оружия — вообще, кажется — ну что там сложного: расстегнул кобуру, вытащил оружие, навел и выстрелил! Ага! Как бы не так! И военные, и «менты», которым по роду службы положено иметь дело с оружием — в большинстве случаев ошибаются в таком несложном, казалось бы, процессе! То в кобуре запутаются, то вообще — уронят «ствол»! А уж — забыл снять с предохранителя, не дослал патрон в патронник, с перепугу да второпях «шмальнул» куда попало — это вообще «как здрасти!». А если в реальных условиях внезапного нападения? Мда... вот и статистика погибших сотрудников год от года — не радуется: сотнями там потери считают, сотнями!

В последнее время перед увольнением Елизарова из органов, начало появляться что-то свежее и нужное в подготовке работников органов внутренних дел, но — только начинало, и было — медленным и кривым! Взять те же кобуры! Как бегали «менты» с закрытыми кобурами в тридцатых годах двадцатого века, там и продолжают — через сто лет после! И понять логику принимающих решения Ивану было не под силу. Ну да — «а вдруг — потеряют!», или — «чтобы пылью не покрывалось!». И тренчик еще этот! Где, в каких странах «силовики» еще таскают «ствол», пристегнутый к ремню тренчиком? Выпадет? Потеряется? Да какого хрена Вы набираете в «органы» растяп и размазней? А если у толкового опера ствол в процессе борьбы с преступником и выпадет — ну так что же — и такое бывает. Хотя... тоже плохо!

Вот и... Исходное — стоим прямо, руки по швам, смотрим перед собой! Раз! Правая рука чуть приподнимается — на уровень клапана кобуры. Одновременно с этим левая рука переходит в район живота, чуть правее пряжки портупейного ремня, на этом же уровне, в готовности подхватить правую при выносе «ствола» вперед! Два! Правая рука чуть шевельнулась, большим пальцем скидывая ремешок, закрывающий крышку кобуры, с пенька. Левая рука сейчас остается на месте! Три! Правой рукой — револьвер за рукоять, извлекаем, но при этом не отводим далеко от тела, сразу переводим сам ствол револьвера по направлению к мишени! Ага — есть такая... тактическая стрельба, когда стрелок начинает стрелять уже от пояса. Америкосовские ковбойцы это практиковали! Четыре! Правой рукой револьвер подается чуть вперед, в район левой, где та подхватывает рукоять револьвера снизу спереди, обхватывая пальцы правой руки! Пять! Вынос револьвера, уже с правильным хватом, на линию прицеливания! Так! Стоп! Остановились, зафиксировали положение оружия, посмотрели — а правильно ли я его вывел? Оцениваем — насколько направления ствола корректно по отношению к выбранной точке прицеливания. Правильно? Тогда...

спуск. Плавно, без рывков, тянем! Щелк! Если рвануть на спусковой крючок, ствол — «кивнет» и пуля уйдет ниже! Если хват неправильный — при выстреле ствол чуть уйдет вправо... или влево. В зависимости от того, какая ошибка была допущена в хвате. Оружие не нужно судорожно стискивать в руках. Ни к чему это, лишнее. Оно и так никуда не денется! В момент выстрела оружие может быть удержано только указательным пальцем, который и давит на спуск и сгибом правой ладони — «мякушкой» между большим и указательным пальцами. Все... более и не нужно! Проверено! Ага! Есть нюанс — на спуск указательный палец должен давить... правильным местом! Будешь давить самым кончиком подушечки первой фаланги? Ствол качнется влево! Задвинешь палец к спуску на второй фаланге — ствол уйдет вправо! И опять же... Длина пальцев у всех разная: у кого-то не пальцы, а толстые колбаски, к тому же изрядно укороченные! А у кого-то — длинные, тонкие музыкальные пальчики. Тут... по месту надо смотреть, по месту. Вдумчиво разглядывать свои пальчики, щелкать спуском, смотреть...

Ага! Вот так — все упражнения последовательно! Раз! Остановился, посмотрел — а правильно ли я сейчас держу свои... грабли? Правильно? Нет? Медленно все делаем, медленно! Фиксируем положение рук, тела, ног! И повторяем это... медленно... десять, двадцать, сто раз! Отработали упражнения намбэ один? Все правильно? Лапки сами подергиваться стали в нужном направлении? Молодцы! Переходим к отработке упражнения намбэ ту! Ага — «тебя люблю!». Странные они были... те девяностые! Можно было представить в шестидесятые такого певца как Кай Метов? Сомневаюсь! Ладно, отставить! Дальше! Упражнение номер три!

И так долго, долго, долго! Как там — «две с половиной тысячи раз!». Ну — это уже, когда всё в комплексе! И вот тогда — будем Вам щастье! Супостат даже глазом не мигнет, как родной «кольт» у Вас в руках, а у супостата — дополнительная, не предусмотренная «тэтэха» дырка в лобе! Хорошо же, да? А то! Вестимо — неплохо!

И вот этот момент у Косова — уже в прошлом. Нет, так-то еще отрабатывать и отрабатывать. Но уже — неплохо получается!

«Говорил же Лазареву, что с «тэтэшником» — будут сложности! Здесь же, в «нагане» патрон досылать не нужно! А там? Как там еще получится? А вдруг — возвратная пружина в пистолете — тугая? А насечек в передней части затвора у наших родных пистолетов — никогда не было. Только в задней части! А это уже нюанс, который влияет на способ хвата пальцев за затвор при досылании! На наших стволах — этой насечки, или другого какого... уплотнения — и в будущем нет. Хотя... вроде бы на последних моделях стали делать?».

Но Елизаров их уже не застал и в руках — не держал!

После отработки всего процесса подготовки стрельбы, нужно начинать отрабатывать навыки движения с пистолетом. А также — стрельбу в движении. Поэтому он сейчас здесь, в актовом зале клуба, где и места много, и зеркала на стенах висят во множестве. Надо поглядывать — как у меня там получается?

Шаги вперед. Плавные, как в танце! Колени чуть согнутые, ступни — с пятки на носок! Тело чуть наклонено вперед! Ступни при шаге чуть приподнимаем, носком вверх, в расчете на возможные препятствия... камни там... кочки разные. Ступни ставим аккуратно! Вон — как кошки, когда подкрадываются! Они лапку абы как не ставят! Даже не глядя — аккуратно так! «На мягких лапах!». Машины для убийства... правда — небольшие такие, и мягкие, пушистые!

Шаги назад! Здесь сложнее, но нужно тренироваться! Так... поворот. Сразу — всем

корпусом. Шею не поворачиваем, помним — куда взгляд, туда и ствол оружия! Поворот вправо, поворот влево. Ноги переносим плавно, но быстро! Смена опорной ноги...

И так... до умопомрачения! А как Вы думали? Только так, вбивая в мышечную память! Руки, ноги, тело!

Через какое-то время... что-то начало получаться. Пусть и... коряво пока! Но медленно, медленно!

В какой-то момент Иван как будто отключил голову, только иногда — поглядывает на себя искоса в зеркала. Правильные движения — они будут... как вальс! Плавно, но быстро, без задержек и дерганья!

Как там в вальсе — и раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три! Или как вариант — слоу-слоу-слоу-стоп!

Стоило только отрешиться — и получается стало вроде бы и получше! И мысли другие в голову лезут!

С Лизой они сначала шли молча. Лишь Иван иногда поглядывал в сторону женщины, которая, перехватывая его взгляды, отворачивалась в сторону. Но... вроде бы — улыбалась. Так ему показалось...

Потом она же первой и не выдержала.

— Ну как прошел поход?

— Поход... прошел. Поход прошел сложно! Ты знаешь, даже не мог предположить, что мне будет так тяжело, что так вымотаюсь! Иногда казалось — вот сейчас упаду и сдохну! Но ничего... дошел. И Слава Богу — все позади! Хотя... в следующую субботу идем в двухдневный поход, с ночевкой в лесу. Тоже просто не будет, но все же — полегче. Там никто в спину гнать не будет. Просто пошли, переночевали и вернулись.

— А чего это у вас... так часто походы эти?

— Да тут я и сам не знаю. Чего они, начальство наше, так затянули? Все — на конец марта спланировали! Может боялись, что поморозимся? А сейчас все-таки — потеплее стало.

— Ага... значит и следующие выходные... ты со мной не пойдешь..., - протянула Лиза.

— Лиз! Ну чего ты? Вот же — идем с тобой!

Она фыркнула в ответ, отвернулась.

Он развернул ее к себе и попытался поцеловать, но получилось — только в щечку. Отвернула она лицо.

— Ну а... у царевны своей был?

Иван вздохнул:

— Был...

— И... как?

— Что и как? В бане она меня отпарила, отстирала все белье. Накормила.

Лиза вздохнула и развернув его, потянула за руку дальше.

Они еще чуть помолчали.

— А как там... Тихон Иванович поживает? — «надо же что-то спросить?».

— Сейчас придешь — увидишь! Что спрашивать-то?

— Лиз! Ну перестань дуться, а? Ну... говорили же уже... об этом.

— А с чего ты взял, что я — дуюсь? Вовсе нет!

— Вовсе — да! — передразнил он ее.

— Вовсе нет! — притопнула она ботиком по дороге, — Сейчас возьму вот... как стукну! Зла на тебя не хватает!

— А ты и стукни! Стукни! Если тебе легче будет, и ты снова веселой станешь — готов терпеть!

— Терпеть он готов! Кобель! — пробурчала подруга, — а тут Калошин приезжал, в субботу. С этой... толстожопой твоей!

— Лиз! Ну ты чего? И вовсе она... не толстожопая! Ты сама знаешь! Ты, конечно, красивее ее, и фигура у тебя — не сравнить с Вариной. Но ведь — не толстожопая она, да? Бедра широкие, рост — невысокий... Да и не моя она! Ты же знаешь, я тебе — рассказал! У нас ничего с ней не было! Зачем ты снова-то?

— Не его она... Она... как увидела, что тебя нет... сразу как-то... поскучилась. И интереса никакого к подготовке. Сидит, молчит. Только изредка на меня зыркает!

— Ну вот! Сама же все понимаешь. Я — с тобой, а не с ней. пожалела бы... соперницу несчастливую.

— Несчастливая она, как же! Сейчас несчастливая, а потом — фыр! И счастливая будет! Или скажешь — не может быть такого? Молчишь? Кобелишка ты, Ваня!

«У нее что — «пэмээс», что ли? Вот же... угораздило!».

Косов шел дальше погрузнев. Даже и не из-за того, что «сладкого» не получит. А из-за вот этих отношений. Казалось бы — вроде же все хорошо было. И вот опять, прямо — по Черномырдину: «Никогда такого не было, и вот — опять!».

Косов, довольно хмурый, наносил сразу дров на обе печи, стал растапливать их, не смотря на то, как Лиза снова «сюсюкает» с этим лохматым бандитом. Закурив в печь, он смотрел на огонь.

— Вань! Ты ужинать будешь? — «блин! и голос такой веселый, как будто и не было этого тяжёлого и дурного разговора! Вот как они так могут?».

— Нет, спасибо! Не хочу! — буркнул в ответ.

— Это что же мы, обиделись, да? — Лиза потянула его за руку, заставил подняться на ноги, — Ой-ой-ой! Какая букушка надулась! Да какие мы обидчивые и ранимые!

Она сама обняла его и заглядывая в глаза, с улыбкой, шёпотом:

— А ну-ка — целуй меня!

Обижаться на женщин? Можно, конечно, но затея — заведомо провальная!

Она на удивление быстро стала тяжело дышать и даже чуть постанывать.

— Как же ты здорово... целуешься. У меня сразу... туман в голове и ноги... как ватные становятся.

Косов уже и сам стал заводится, мля и тискал ее попу.

— А поцелуй меня так... как тогда... Ну как-то... языком ты делал.

Желание женщины — закон!

— М-м-м-м..., - застонала она уже в открытую, — Вань... я сейчас шмыгну в спальню. А ты... в зале будь.

Как положено солдату, Иван разделся за сорок пять секунд. Возможно — быстрее, не засекал!

Свет оставил в кухне включенным.

Она возилась в спальне в темноте, чего-то хихикала. Потом тенью скользнула к нему, с накинутой на плечи простыней.

«Ага... а «ночнушки» в этот раз уже нет! Опыта набирается красавица. Ну правильно —

а на хрена «ночнушка», если ее сразу же и снимает?».

Трусики и бюстгалтер.

— Ох, Ванечка... а я чувствую... ты уже готов? — негромко засмеялась.

«Ну да... тут трудно не почувствовать!».

Она навалилась на него телом, лежа чуть сбоку.

— Теперь я так полежу. Ты же не против? — прошептала, горячо дыша ему в ухо.

Сейчас уже больше она его целовала, чем наоборот. Иван, пользуясь моментом, всю ласкал руками так нравившуюся ему попу.

— Я вот так лягу, — шепнула, перенося свою ножку через его, — Я так соскучилась!

— Я тоже, красавица. Я тоже... очень!

Она засмеялась довольная и сама взяла в руку его член.

— Какой он у тебя... большой и горячий! — Лиза почти незаметно стала тереться о его ногу промежностью, — Как же мне хорошо с тобой! Дурманно так!

Чувствуя ногой как быстро намокает ткань ее трусиков, спросил чуть слышно, на ушко:

— А ты сможешь так... кончить?

Женщина отвлеклась:

— Что смогу?

— Ну... когда волна тебя накрывает... когда захлестывает с головой? Вот так сможешь... на моей ноге?

Она задумалась коротко:

— Смогу... наверное. Но я так не хочу!

— А как хочешь?

Лиза хрипловато засмеялась:

— А вот здесь, Ванечка, и наступает самое интересное! Ты же... позволишь мне... ну — как я захочу, да?

«М-да... а что она может захотеть? Вопрос! Хотя... вряд ли что-то — из ряда вон!».

— Да, позволю. Даже не так! Я сам хочу все так, как ты захочешь!

Она снова засмеялась негромко грудным смехом:

— Ох, какой же ты молодец! Как же с тобой... здорово! Ну тогда вот... Ты правда все-все будешь делать, как я скажу?

— Я же пообещал, душа моя!

Она привстала над ним:

— Тогда так... Закрой глаза! И не подглядывай!

«Что она там задумала?!».

Но — выполнил!

— Ты пообещал — не подглядывать!

Он чувствовал, как она соскользнула с тахты, потом скомандовала:

— Приподними голову! — и по его лицу скользнула легкая, мягкая ткань, — Вот! Это платок, сейчас я тебе глаза завяжу. Только не спрашивай, зачем!

«Как скажешь!».

Похоже, платок был черный, потому как потом щелкнул выключатель, и через ткань стал немного пробиваться свет.

— Во-о-от... Так, Ваня, не давит?

— Нет, все хорошо!

Она снова засмеялась:

— Ох, а мне-то как хорошо! И все-все теперь видно! А тебе нет! Вот! — и Косов почувствовал, как его щелкнули по носу, — Вот так-то, Ваня! Только не снимай платок, договорились?

— Договорились.

«Ну и ничего тут такого нет! Стесняется Лиза просто! А... посмотреть и на него, и на сам процесс — хочется! Возбуждает ее это значит! Это — здорово! Это мне нравится!».

Потом она чуть замешкалась, а далее — он почувствовал, как по нему скользнуло совсем голое женское тело. Ни трусиков, ни лифчика он уже не чувствовал. А вот ее влагу между ножек — чувствовал очень хорошо!

— Сейчас... сейчас, — она начала садится на него, — Только ты не мешай, я сама... Все сама сделаю!

И... ощущение мягкой, влажной тесноты. Такой сладкой и желанной!

— Ох, как же я этого ждала! Как же я этого... хотела! — женщина засмеялась, и в смехе ее было... счастье, что ли?

А вот удержаться и не начать... помогать ей... снизу — было очень нелегко. Косову даже зубы пришлось стиснуть!

Лиза стонала все сильнее, ненадолго затихая, когда чуть поправляла положение тела, усаживалась поудобнее, потом — снова стонала. Его руки она прижала к тахте, чтобы он не своевольничал... пока, будем надеяться!

Она не успела опуститься полностью на него... не до конца. Кончила раньше! Упала ему на грудь и вскрикнула. Он старался не шевелиться, лишь дышал тяжело.

Она помолчала, потом виновато прошептала:

— Вот же я... неумеха, да? Не смогла... удержаться! А ведь хотела помедленнее и подольше!

— А ты снова начни! У тебя получится!

— Да? Ты думаешь? — она хихикнула, — Ну хорошо, согласна! Так и сделаю!

Она снова села на него, немного поерзала и продолжила движения — верх-вниз! И снова — задышала-застонала!

Это было и сладко, и мучительно трудно — удержаться, чтобы не вмешаться, не сделать все по-своему! Быстрее, резче! Был момент, когда Иван вздрогнул, неосознанно подаваясь навстречу женщине. Но она сразу же легла на него, сильнее придавила его руки одной рукой и положила пальчик другой руки ему на губы:

— Ты обещал не мешать! Лежи тихо-тихо! Ты... обещал! — хриплым шёпотом... горячо — прямо в ухо ему.

— Хорошо, милая! Только... это сложно!

И опять смех!

— Но ты же сильный? Лежи...

— Тебе нужно было мне руки связать! Вон — протянуть веревку под тахтой и связать! А то... мне так хочется поласкать твою попу... груди...

— Поласкаешь! Я сама тебя... попрошу! А про... связать. Интересная мысль! Потом... как-нибудь, в следующий раз!

— Хорошо... буду ждать!

И снова медленные движения верх-вниз. Косов почувствовал, как она опустилась полностью и замерла... вся в ощущениях! Все-таки он не выдержал! Не сам он! Его член начал самостоятельно подергиваться внутри женщины — все сильнее, и сильнее. Иван

зарычал от сдерживаемых чувств, а Лиза закричала и снова упала ему на грудь! Он толкал ее снизу, уже не имея сил сдерживаться, и чувствуя, как толчками изливается в нее.

— Ну что же ты, а? Обещал же! — немного погодя шептала она ему на ухо.

— Извини, не смог! Не удержался. Ты такая горячая там... такая тесная, влажная. Что, похоже, он сам решил — все, хватит!

Лиза засмеялась:

— Вы что же... отдельно друг от друга живете?

— Выходит, что так... Иногда. Слышала же, небось, что у мужиков иногда не голова думает?

— У тебя это, я думаю, часто бывает, — фыркнула она ему в ухо.

Он продолжал лежать смирно, не трогая женщину. Лиза вновь поднялась на нем, охнула:

— Подожди... я сейчас. Вытереть нужно. Очень много ее...

Вытирала ласково, даже — нежно. А потом — снова уселась сверху!

— Веревки вот нет под рукой! Жаль!

«Снова смеется!».

Он чувствовал, как она наклонилась над ним, почувствовал ее груди на своей груди.

— А ты знаешь, Ванечка... Вот когда ты так лежишь... и глаза у тебя завязаны... Ты так на мальчишку похож! Ну совсем еще юнец! Даже как-то... совестно.

— Совестно? Но... возбуждает ведь, да? Тебе нравится?

— А вот... не скажу!

— Давай тогда поиграем? Хочешь?

— Поиграем? А во что? — он не видел, что чувствовал, что она сейчас улыбается.

— Ну... поиграем. Представь, что ты учительница, а я — ученик. Как тебе такое?

Она фыркнула:

— Ох и похабник же ты, миленький!

— Но... нравится идея? Поиграем?

Женщина вновь опустилась на него, стала перебирать его волосы, а потом — поцеловала в губы.

— Может и нравится... только как-то... стеснительно совсем! Как будто я вообще уж... такая... развратница!

— Но ведь — возбуждает? Ну скажи!

— Не скажу! — уперлась женщина.

«Да понятно же — интересно ей это. Может и попался кто из старшеклассников, кто нравился внешне!».

Иван вновь почувствовал прилив крови. Она ойкнула:

— Он что у тебя... опять самостоятельно живет?

— Я тебя хочу! Тебе разве не нравится это?

— Очень нравится! Только вот теперь... можешь меня ласкать. Только... позу менять не будем, хорошо?

— Как скажешь, хорошая!

И тут Косов дал волю рукам! Лиза большей частью лежала на нем, громко стонала и покрикивала. Он уже не сдерживался в глубине и резкости! В конце она уже просто — подвывала, уткнувшись головой ему в плечо! А еще... в процессе его повязка изрядно сползла на лоб. И Косов вдруг понял, чего добивалась женщина.

Ну... подумал, что понял! А так-то понять их... сложно!

Напротив тахты, в простенке окон висело чуть наклоненное вниз зеркало! И тахту их было очень хорошо видно!

«Вон оно чё, Михалыч! Вон оно чего! Ух и придумщица! Только я не буду признаваться, что раскрыл ее маленький секрет!».

— Ну как ты? Что тебе больше понравилось, как в первый раз, или как во второй?

— И так понравилось, и так! Просто... это по-разному очень.

Уходя, он, пользуясь тем, что Лиза не видит, потрепал Тихона по холке:

— Опять подглядывал, бандит? Вот же ты... извращенец!

Кот выгнул спину, открыл пасть и зашипел негромко, но — выразительно!

«Сам ты... извращенец! Устроили тут, понимаши-ш-ш-ш!».

— Ладно, ладно! Уймись! Уходим уже. Поди и хозяевам расскажешь, что мы тут делали?

Кот фыркнул, и развернувшись, дергая хвостом, ушел в спальню.

«М-да... чего-то он меня... не любит! Не к душе я ему, не к душе! А хозяйке, думаю, и без него найдется кому рассказать! Вот думаю, что не ошибусь!».

Вот об этом он и думал, пританцовывая в актовом зале с «наганом» в руках. И улыбался!

— Ой! А что это ты такое делаешь! — звонкий голос Лизы окликнул его.

Иван машинально развернулся и направил ствол в дверной проем!

«Тьфу ты! Вот же... балбес! Я дверь входную в клуб не закрыл, что ли? Ну да... в туалет бегал и... Вот же пень дурной!».

У Лизы был испуганный вид:

— Вань! Ты чего это?

— Извини, солнышко! Извини! — он убрал револьвер в кобуру, — Не бойся! Это я так... машинально! И не заряжен он! Извини!

Он подошел к ней и обнял. Она успокаивалась, но в глазах появилось любопытство.

— Испугал меня! Вот же ж! — и тут же, — А что это ты делал? А что — он настоящий?

— Да нет — учебный! А делал я... Ты же знаешь, я в стрелковом клубе занимаюсь? — дождавшись кивка любопытной мордочки, продолжил, — Есть такая новая методика подготовки стрелков. Вот и пробую, как оно лучше.

— А-а-а... вон в чем дело! А я думаю — чего это ты тут... танцуешь с оружием в руках! Интересно!

— А ты — как здесь оказалась?

— Ну-у-у... сидела я дома, сидела. Дай, думаю, посмотрю, чем там Ваня занимается? Вот..., - и глазками так в сторону вильнула, — А у тебя все открыто! Я уж думала — обойти клуб, да в окошко тебе постучать, а тут вон как... А ты что? Не рад мне?

— Ну как же не рад? Конечно же — рад! Ты и не представляешь, как рад! Пошли ко мне! Только дверь все же закроем, да? Чаю хочешь, красавица? — и приобняв ее за талию повел из зала.

А через некоторое время, она лежала на его плече, и что-то рисовала пальцем на груди.

— Вань!

— М-м-м?

— А ты помнишь, обещал мне рассказать... ну... как там еще... бывает. Ну — по-разному когда?

Он хмыкнул про себя.

«Интересуется, значит? Будем развращать Лизу дальше? Она же сама хочет, не так ли? А совесть у тебя есть? Совесть? Совесть есть. Но здесь, почему-то, не работает!».

Истолковав его молчание по-своему, она приподнялась и оседлала его.

— Ну ты чего? Обещал же! — «А я такое — обещал? Не помню! Но если говорит — значит обещал!».

— Ты и правда хочешь знать?

— Ну ты что со мной как девочкой? Издеваешься, да? — она пребольно щипнула его за бок.

— Ой! Ну ладно, ладно! Только вот... даже не знаю с чего начать... А давай... ты снова сверху сядешь, и я буду... тебе рассказывать.

Она засмеялась:

— Ну-у-у... я не против! Но — почему так?

— Не знаю... но, когда мы это делаем, я возбужден. И думаю, мне легче будет тебе про это рассказывать!

— Ну... давай!

Покачиваясь, она нависала над ним, а он нашептывал ей на ушко...

— Что? Правда? Прямо вот... в попу? Да ладно! Он же большой! Как же его туда? Ой нет! И не верится мне что-то... И что — правда нравится?

— Ну... мужчинам... многим — да, нравится!

— А женщинам?

— С женщинами... с Вами — сложнее. Не всем. Далеко не всем.

— У-г-ум... это-то и понятно! А вот... царевне твоей — нравится?

— Лиза! Ты опять?

— Ну что, Лиза? Что Лиза? Ну что я такого спросила? Я же... не обзываю ее никак Просто... интересно. Ну... скажи, а?

— Ну да... ей — нравится!

— Вот как..., - протянула Лиза, задумалась.

Потом, чуть погодя:

— Ну ладно... а еще вот что скажи... мне вот... рассказывали. А... ну еще — как это по-французски называется...

Он привлек ее к себе и стал тихонько нашептывать ей на ушко.

Она засмеялась:

— Ваня... мне так щекотно.

— Мне перестать?

— Нет... продолжай, я потерплю! Ну... рассказывай!

— Ага... я примерно так и представляла. И что? Ну понятно — вам это нравится! А женщинам? Что — правда, что ли? Да ну... Не врешь? И твоя... тоже? Правда? Х-м-м-м.. прямо вот — кончает? Вообще не понимаю, как от этого можно... Так! Ладно! Давай, рассказывай дальше!

Похоже, что от его объяснений она «завелась», потому, как и задышала чаще, и «качаться» стала интенсивнее.

— Ванечка! Подожди... давай прервемся, хорошо? О-о-ох...

Еще через некоторое время:

— И что? Да ладно? Прямо вот так... языком? А тебе разве не противно? Нет? Ой, как

то стыдно мне стало...

И уже под утро:

— Ну что, красавица? Может попробуем что-нибудь?

Лиза — это было видно в тусклом свете свечи — покраснела и ответила:

— Вань... давай я... подумаю. Хорошо? Подумаю.

«Девочке привыкнуть надо с новыми знаниями, а ты тут... с предложениями этими!».

— И вот что, Ваня, странно... Знаешь, у меня иногда такое чувство... что не мне тридцать, а тебе — восемнадцать... а как раз-таки — наоборот! Что я... как девчонка восемнадцатилетняя, а меня развращает такой — матерый бабник! И страшно так становится, и сладко одновременно... и в животе как-то щекотно так, и как будто там... бабочки порхают. Аж сердце замирает и дух захватывает!

«М-да... ну и как тут не вспомнить того Горбатого? Как там было: «Бабу не проведешь! Она сердцем чует!».

Утро на стрельбище воинской части, где занимались курсанты стрелкового клуба Дома Красной армии было суматошным. Сюда прибывали участники двухдневного похода из разных клубов, кружков и секций. Все, кому нужно было сдать зачет по данной дисциплине. Из их кружка остались считанные единицы. Он, Ирина со Светой, да двое парней-«шестаковцев». Но народа в целом было не меньше прошлого раза, так памятного Ивану.

«М-да... как вспомнишь — так вздрогнешь! Дошел, как говорится, на морально-волевых!».

Сейчас было еще морозно, снежок поскрипывал под ногами, но солнышко было яркое, весеннее и становилось понятно, что днем, когда оно начнет пригревать, станет тоже невесело. Снега-то по-прежнему — полно, хоть он уже изрядно осел. Последние дни марта были солнечными, с крыш уже всю капало, днем даже ручейки кое-где появлялись, и первые проталины показались на пригревных местах. Вот им и придется шоркать лыжами по этому влажному снегу. Пойти бы поскорее, чтобы хоть сколько-то успеть пройти по насту, по холодку.

«Хотя... понятно, что наст человека не удержит. Только если где будут попадаться надувы — участки плотно слежавшегося за зиму снега!».

Но как объяснили организаторы — большая часть пути, особенно во второй половине дня, будет проходить по лесу. Там же будет и ночевка. Сейчас со склада части на машине привезли различное имущество, необходимое в походе и на стоянке. А также — запас продуктов.

«Навскидку — опять человек тридцать пять, сорок! Знакомых лиц немного. А, вон вижу пару парней, с кем «грыз» лыжню на последнем этапе прошлого похода!».

Парни подошли, поздоровались, раскланялись с девчонками, пошутковали с Ириной, по поводу ее красоты и неоценимой помощи в походах. Немного двусмысленно получилось, но девушка не обиделась, весело смеялась вместе с ними.

Чем сейчас было лучше прошлого похода? Участников не стали переодевать в форму, нет оружия и отягощения. Все одеты в свое — кто в чем. Иван, к примеру, натянул свою «горку», с подстежкой. На ногах — берцы и теплые байковые портянки, подшлемник на голове. Смотрелся он довольно импозантно, если можно так сказать. Ну — на фоне различных фуфаяк, ватников, бушлатов, а то и самых настоящих пальто. Коротких правда.

Таких... Полупальто, вот! Судя по взглядам, брошенным на него девчонками, это — оценили! Да и другие косились.

Сами девчонки были, как и в тот раз — в военной форме: в бушлатах, буденовках, галифе. Только вот на ногах у них были высокие бурки. А Ирина — в полной форме, уже с петлицами, где на зеленом фоне, окантованом красной тонкой гранью, блестели по два новеньких «кубаря». Было видно, что форма и ее новый статус девушке очень нравится. Иван не преминул, наклонившись, сказать:

— Товарищ военфельдшер! Вот такому, как Вы командиру, я бы подчинялся хоть всю жизнь!

Она зарумянилась, заулыбалась:

— Вот прямо сейчас и начинай!

— Вот никак не пойму — почему девушкам так идет форма? И так-то — красавицы, а как форму наденут — вообще край приходит бедным мужикам! Кстати, знаешь, что значат твои эмблемы на петлицах, Ирочка?

— Ну давай, давай, Ваня! Наври что-нибудь! — Ирина засмеялась, и приглашающе улыбнулась ему.

— Есть такой анекдот! Идет армянин с женой по городу. А сами они — деревенские, в город из села по делам приехали. Проходят мимо аптеки, а на витрине — вот такая эмблема нарисована. Жена и спрашивает его: «Самвельчик! Слюшай, чито такое нарисовано, э?». Тот посмотрел мельком, взмахнул рукой эмоционально: «Это, Азгуш, твоя мама чай пьет!».

Девушки рассмеялись от немудреного юмора, а Иван начал поглядывать по сторонам: «Кто-то тоже обещал участвовать в этом походе! Не видно что-то!».

Парней окликнули, попросили подойти, чтобы распределить по мужским плечам имущество. Ивану достался тюк плотно укатанного брезента. Он как раз увязывал его поверх своего ранца, в который превратилась его сумка, когда он пристегнул к ней плечевые ремни, когда его хлопнули по плечу:

— Ну что, привет! Я же говорила, что вместе пойдем в поход! Вот видишь, слово свою держу!

Кира улыбалась. Кира была как всегда... Кира, одним словом!

Одетая в темно-коричневый лыжный костюм с «начесом», плотно облегающий ее по груди и попе, вязаная шапочка на голове, на ногах — аккуратные светлые фетровые бурки, подшитые кожей.

«Старший комсостав, насколько я понимаю, бурочки такие носит!».

Девушка приветливо поздоровалась с Ириной и Светланой, быстро познакомилась.

А он чувствовал, как на него вновь наплывает уже знакомое чувство дурацкого оцепенения от близости этой девушки. И улыбка, глупая такая, вновь полезла на лицо. Похоже, это было явственно видно и другим — Ирина сразу посмурнела, и даже надулась, поглядывая в сторону Киры. А Светлана удивленно переводила взгляд с него на Киру.

— Что-то ты, Кира, легко одета! Как же вечером-то..., - постарался «бытовухой» отвлечься Косов.

— Так вот же! — Кира чуть повернулась, демонстрируя за плечами ранец, примерно такой же, как и у Ивана. Только, судя по рыжей шкуре на верхнем клапане ранца — германский оригинал. На ранце был принайтовал армейский серо-зеленый бушлат.

Найдя какую-то причину, Ирина отлучилась, утащив с собой и Светку.

— Х-м-м... похоже, товарищ военфельдшер не очень рада моему появлению! Иван!

Можешь пояснить, чего она так... надулась? — улыбаясь, спросила Кира, но не дожидаясь ответа, сама рассмеялась, — Да ладно! Понятно все и так! Ты, Ванечка, времени нигде зря не теряешь, да? Здесь-то как медика уже окрутил?

— Это Ирина... Мы с ней уже почти полгода в одном кружке занимаемся. А сейчас она — здесь служит! — пробубнил Косов недовольно.

— Ага! А Светлана? Тоже здесь служит? Или — тоже с тобой занималась? — глаза ее смеялись.

— Тоже... занималась.

— Понятно все с тобой! Где Косов — там и бабы! Точнее — наоборот! Где бабы — там и Косов!

Он вздохнул. Почему-то в присутствии этой девушки весь его опыт общения с женским полом — не действовал. Куда-то пропадала веселость, юмор отказывал, голова работала... крайне слабо. Вместо зрелого мужика появлялся восемнадцатилетний влюбленный пацан! И ведь надеялся, что пройдет время, другие женщины... Так нет же! Вот — появилась, и его «болезнь» вернулась!

— Ну? Ты чего молчишь-то? Вот же... Косов, ты и пенёк! И чего они в тебе находят? — Кира явно притворно сердилась и выговаривала ему.

— Так! Придется заняться твоим воспитанием! Все время похода от меня ни на шаг не отходишь. А то... знаю я этих медичек!

— Сама такая, да? — попытался вернуть «бразды правления» телом и эмоциями зрелый мужик.

— Вот как? Это мы так за независимость боремся? Похвально! Только... мимо! Хотя... в чем-то ты и прав! Сама такая... ну — примерно такая же! Ты давай, давай, шути дальше! Может и получится что-то смешное.

— Ты чего это... ершистая сегодня, прямо вот с утра?

Она вздохнула:

— И правда... Ладно! С мамой с утра... поспорила.

— На какую тему спор был? По поводу диагноза очередного пациента?

— Х-м-м... ну, можно и так сказать. Ладно! Нужно мне все-таки с девчонками контакт налаживать! Не дело это... обиды эти, надуманные! Вот, Ваня, почему так — ты чего-то там... творишь, а мне с этим разбираться?

«Ну да... кто же виноват? Она что ли? Как же...».

Кира вернулась быстро, ведя за собой девушек. У Ирина на плечах уже была медицинская сумка-укладка. Кира была весела, что-то рассказывала девчонкам, отчего те весело смеялись. Ну как весело? Светка смеялась, а Ирина — улыбалась иногда.

— Вот еще, Ваня... Расскажи-ка мне, что там за концерт Вы опять репетируете? Почему я об этом узнаю через пятые руки?

— Почему ты об этом узнаешь таким образом? Так и что мне говорить? Калошин приехал, попросил помочь с концертом на Сибкомбайне. Чего тут рассказывать? И как, скажи мне, я должен был тебя об этом известить? Голубя почтового отправить? Телефона у нас в клубе нет, да и твоего телефона я не знаю. И зачем мне тебя извещать?

— Ну вот — разбухтелся, как дел старый! Забыл, что ли, что я инструктор горкома комсомола? И мне положено знать о таких мероприятиях! И даже — участвовать в них, и в их организации. А сообщить... мог бы и через Илью, в конце концов! И телефон наш я тебе давала! Забыл?

«Чего-то я такого... не припоминаю!».

— Так если Илья не поставил тебя в известность об этом, не считал необходимым, то с меня-то какой спрос? Ты чего, в самом-то деле?

Кира разозлилась, встала — руки-вбоки и приготовилась...

— Ой, не могу! Ой, смешно-то как! — Ирина, в отличие от удивленно стоявшей молча Светланы, ухохатывалась, — Вы как... супруги со стажем сейчас грызетесь! Ой, умора! У меня так мамка с папкой ругаются! Кир! У Вас с Иваном сколько лет... супружеской жизни? Ну мне, так... для информации — через сколько это в браке появляется?

Кира... выдохнула, все еще зло посмотрела на Ивана, перевела взгляд на Ирину... и тоже рассмеялась.

— Ну девочки! Ну вот как можно с ним разговаривать? Как Вы столько времени с ним вместе... учились? Это же... вредина такая!

Ирина, уже успокаиваясь, протянула:

— Так мы же... только учились. А там он — вполне компанейский парень!

Кира покраснела и опять зло «зыркнула» на Ивана.

Спасла его команда на построение.

Колонна медленно вытягивалась со стрельбища, и растягивалась по нетронутому снегу полей. Шли не торопясь, опять часто меняясь на местах, идущих первыми. Задним приходилось идти медленно, почти прогулочным шагом. Как и ожидалось, солнышко стало пригревать, и Ивану пришлось расстегнуть куртку. Кира шла рядом с девочками — благо ширина проложенного в снегу пути позволяла идти двум людям бок о бок. Они там негромко переговаривались, даже смеялись периодически.

Потом, когда в очередной раз он, сменившись, дождался конца колонны и пошел перед девушками, Кира подкатила к нему.

— Слышала, у тебя снова новые песни есть? Интересно было бы послушать!

— Так приезжай в клуб, на репетицию, услышишь!

— Вань! Ну перестань дуться! Ну... немного поругались, что теперь...

Он молча катил по лыжне, стараясь не обращать внимания на Киру, шедшую рядом. И ее крепкие, красивые ноги, которые так хорошо облегали штанишки лыжного костюма. И попу... И высокую грудь...

— Так! Слушай! Я тебя сейчас в сугроб спихну! Ну хватит обижаться! Ладно... была не права! Простишь? Ну-у-у... Ва-а-ань...

Он кинул взгляд назад. Девушки — Ирина и Света — всю «стригли» ушками.

— Знаешь, Кир... ты бываешь иногда... казачка, блин! Как с тобой Сергей... общается!

— А что Сергей? У него знаешь выдержка какая!

— Вот-вот! Тем и живешь! А если бы другой был? Убежал бы? Или... поубивали бы друг друга?

— Другой... а кто другой? Ты, да? — она засмеялась, закинула голову вверх и посмотрела в голубое небо над ними, — Ну... не знаю! Дрались бы, да? А это интересно было бы... попробовать! Будешь со мной драться, Косов? Вечером, на привале? Ну — бороться будем?

Не дождавшись ответа от него, продолжила:

— Да ладно... не бойся. Мы же так... не серьезно. Просто — как тренировка! Ну?

— Да иди ты! — он с силой оттолкнулся палками и резво побежал вперед. Только вот — далеко бежать было невозможно. Быстро нагнал впередиидущего. Кира, противная

девчонка, как приклеенная бежала рядом.

— Тьфу ты... Куда бы... от тебя убежать..., - Иван с тоской посмотрел вокруг.

Некуда бежать! Лишь проторенная лыжня перед ним, а вокруг — снежная равнина с высоченным слоем снега, искрящегося под солнцем.

Группа втягивалась в лес, и поэтому расстояние между лыжниками сократилось до минимума. Быстро не побежишь. Кире пришлось сойти на лыжню и шагом идти за ним. Косов слышал, как Ирина негромко сказала Кире:

— Знаешь, Кира, а ведь Иван прав! Тебя, похоже, подчас трудно... вынести. Боюсь даже представить... если бы я была парнем и была... твоим парнем. Убежала бы, наверное, через недельку.

— Да ладно... невыносима, как же! Убежала бы... Да он, знаешь, тоже не подарок, Ваня этот.

Но говорила это Кира негромко, как бы — больше для себя, оправдываясь.

На первом привале Иван лег на ранец с войлоком, поднял ноги на крестовину, сооруженную из лыж и палок.

— Ой, Вань... а как ты так сделал? Сделай и мне так же! — Кира смотрела на него просительно. Но ее вид Косова не обманул:

— Красавица! У тебя опыта таких походов — куда как больше, чем у меня! Не строй из себя неумеху и слабую девочку. Не верю!

— Вот же... не верит он. Какой же ты... вредный! Что тебе... сложно, что ли?

Косов демонстративно откинулся на свой «тючок» и, достав портсигар из кармана куртки, закурил.

— Ты зачем куришь-то? Ты совсем дурак, что ли? — возмутилась Кира.

— Ириш! А хочешь я тебе... ножки разомну. В походе очень помогает! Да ты и сама знаешь. Я, конечно, не такой мастер как ты, но кое-что тоже могу.

Ирина в ответ хмыкнула.

— Тогда ты, Света? Нужен тебе физкультурный массаж?

Света вообще промолчала.

— Вот ты как, да? Массаж? Ладно..., - негромко протянула Кира.

На большом привале, девчонки, действуя по заранее обговоренному плану, сбились в кучку, быстро нарезали хлеб, сало и разнесли получившиеся бутерброды по колонне. А затем откуда-то спереди, стали разносить чай в котелках. Подставив захваченную с собой кружку под обжигающий парящий чай в котелке, Иван набрал до краев, и поставил рядом с собой на снег — чуть остыть.

«Кто-то же из впередиидущих позаботился о костре, чае... Да и ладно! Не вечно же ему лезть вперед, иногда и «похалявить» нужно!».

Кира сидела рядом и поглядывала на Косова.

— Вань! Ну перестань, а? Ну... у меня такое бывает. Знаешь как? Сначала вроде бы в шутку начинаю цепляться... А потом, сама не замечаю — уже всерьез выходит! Не злись, а?

Косов долгим взглядом посмотрел на красавицу.

«Ох и хороша же! Только вот характер... М-да...».

Она, не выдержав его взгляда, смутилась, покраснела и отвернулась.

— Ну? Мир? — негромко пробормотала.

— Ну... ладно. Мир.

— Вот и хорошо! — моментально повеселела.

— Только и правда... бедный Серега!

Она покосилась, отвела взгляд и пробормотала:

— Да чего ты все... Сергей... Серега... А может... он мне и вовсе не нужен? Может... это все ошибка была? Бывает же такое?

Он не стал ничего говорить. Хотя... Похоже она ждала продолжения разговора.

— Ладно. Приезжай на репетицию.

— Да? А когда Вы репетируете? И где?

— В понедельник Калошин приедет. А репетируем? Да практически — каждый день.

Вместе собраться, правда, не всегда получается. Но Илья отдельные номера ставит.

— Хорошо, я обязательно приеду. Знаешь... я так часто вспоминаю, как мы тогда — осенью репетировали. Так здорово было! Как-то... душевно вспоминается!

А у Косова вертелась в голове мысль:

«Варя... Лиза. А теперь еще и Кира! Вот же... Там такие искры могут полететь. Посоветовать, что ли, Илье проводами заpastись и... какой-нибудь ломик, наверное, в качестве заземлителя!».

На ночлег становились загодя, еще посветлу. Небольшая поляна в смешанном лесу. Организатор, незнакомый мужик чуть за сорок, быстро раздал задания — кто из парней отвечает за костер и дрова; кто — за обустройство шалашей. Девушки, естественно — ужин!

Они выбирали подходящие места с деревьями, старались расположить шалаша торцами к поляне — можно будет ножи устроить, чтобы тепло всю ночь шло внутрь шалашей. Слега, вырубленная из подходящей елки, кидалась на выбранные суки деревьев, вязалась обрезками веревок. Потом, на слегу, рядами с наклоном — березовые стволы, на которых, с одной стороны, внешней, были оставлены сучки, срезанные сантиметров за двадцать от ствола. Уже на эти сучки размещались горизонтально жерди — опять из елок. А уж потом более длинные еловые лапы — слоями и рядами на жерди. Снизу — вверх. Торцы шалашей, противоположные поляне делались глухими — также закрывались еловыми лапами. Еловые лапы поменьше — внутрь шалашей, на подстилку. И добавить еще — до нужной толщины слоя.

Все это Косову было знакомо — еще по прошлой жизни. Да и среди парней было несколько человек, которых можно было назвать людьми опытными, знающими. А еще — рукастыми. Похоже — не впервой им такой лагерь ставить! Лесовики-сибиряки...

Внутри шалаша устилали принесенным с собой брезентом. Вот и войлок, точнее — кошма, которую тащил Иван пригодилась. Будет чем укрыться ночью. Ко времени окончания строительства, был готов и ужин. Всем собраться в одну компанию никак не получалось, и люди распределились по знакомствам. Вот и они уселись своим кружком — девчонки и он. Попытался позвать к их «дастархану» «шестаковцев», но те отмахнулись, объяснили, что у них есть здесь старые знакомые.

«Ну — была бы честь предложена!».

Пшенная каша с тушенкой. Казалось бы — ну что за непритязательные вкусы? А вот после дня, проведенного на воздухе, да не в зряшном безделье, а пройдя по снежной целине километров двадцать-двадцать пять... Каша эта становится — долгожданным деликатесом! И простой, даже чуть зачерствевший хлеб с не тонким куском сала на нем. Лепота!

Косов осмотрелся. Быстро темнело, а возле костра вообще казалось, что уже — глухая ночь! Котелки брякают, ложки стучат. Даже разговоров особо нет — люди устали! Иван потянул к себе ранец, достал из него фляжку, и не поднимая ее особо высоко, взболтнул.

Спросил шёпотом:

— Девочки! Вы как? Коньяк. Хороший.

Иринка посмотрела на него, потом на фляжку:

— То, что доктор прописал!

Кира, не поднимая головы от котелка:

— Поддерживаю!

Светлана просто мотнула головой.

— В чай? Или... так?

Иринка:

— Я лучше так!

Кира согласилась.

Светлана засомневалась:

— В чай же... тоже вкусно.

Кирочка подняла голову и с видом заговорщика прошептала:

— У меня тоже есть... для чая. Папка в ранец сунул, говорит — пригодится в лесу.

— Отец у тебя, Кира — мудрый человек! — кивнул Косов.

— Наверное... только ты, Ваня... ему не понравился.

— Х-м-м-м... а чего так? Я у Вас, в тот раз, ложечки вроде бы не «тырил». Вел себя пристойно... по-моему...

Кира засмеялась:

— Ну-у-у... в конце-то Вы с Зиной... не так уж скромно себя и вели, если честно! Но — не поэтому! У папы уже выбран кандидат в мои мужья! А немецкая его суть не позволяет быстро менять привязанности.

Фляжка быстро кончилась. Жаль, но — посмотрим, что там сунул дочери... «ваньканенавистник»!

Чай пили не торопясь, со вкусом. Хотя сам чай был... не очень. Но сдобренный немецко-латышско-кубанским коньячком — пошел как амброзия! У Светы еще нашлись «лампасейки». Вообще — замечательно!

— Кир! А что это за Зиночка? Ты упоминала..., - спросила, глядя на пламя костра Ирина.

Кирочка засмеялась:

— А это подружка моя! Она тогда с Ванечкой «шуры-муры» водила!

— Водила? — вычленила главное Ирина.

— Угу-м... она осенью с родителями в Томск переехала. И Ваню нашего бросила! — притворно вздохнула Кира.

— А я думала..., - протянула Ирина, искоса поглядев на Ивана и перевела взгляд на Киру.

— А может... ты и правильно думала, а? Подруга? — Кира с каким-то вызовом смотрела на военфельдшера.

Светлане оставалось с интересом переводить взгляд с одной на другую.

— Ну и... ладно, подумай! — фыркнула Ирина.

— Девочки! А ничего, что я здесь, рядом сижу? — возмутился Косов.

Почти одновременно девушки отмахнулись от него — «Да кто бы тебя спросил?».

«Абидна, понимаеш!».

— А если я скажу, что у меня есть подруга? Красивая? — «надо же как-то осаживать

этих... амазонок! Устроили тут... бояр-анимэ, блин!».

— Ой... это кто же такая? Варенька, да? Да нет же. Неужели... Лиза? Или — Лида? Дину... Они же... Им же уже лет по тридцать! Нет, не то... Так кто же, Ваня? — негромко смеялась Кира.

«Зла не хватает на эту... красотку! Убил бы!».

— Германия, средневековье. Судят ведьму! Орут — «Сжечь ее! Сжечь!».

Мужской голос из толпы: «Жалко... красивая же!».

Монах: «Ладно! Но потом — все равно сжечь!».

Девушки засмеялись.

— А ты сейчас про что, Ваня? — смотрит на него Кира.

— Да вот... смотрю я на некоторых, и думаю... Хреново, что средневековье закончилось!

Иринка со Светой снова расхохотались. Кира поджала губки!

— Так..., - послышался голос старшего, — если все поели, чай попили... Пора спать. День был нелегкий, и завтра ничем не лучше! Сейчас парней разобьем на смены. Хотя мы и не в армии, но пост выставить необходимо. Костер поддерживать, да и просто... положено так! Не дома спать ложимся. Лес вокруг.

Определились нести службу по часу, по три человека в смене — народу хватало. Даже с перебором.

Внезапно оказалось так что шалаш, который располагался позади них, и, как предполагалось, приготовлен для девушек — не занят! Остальные девчонки, которые пошли в поход, были из разных компаний, и уговорили старшего, что они будут спать... не по половому признаку, а по принадлежности к кружкам или секциям. Тот сначала немного... посомневался, а потом — махнул рукой. Ну да... не дети тут, и «облико морале» — далеко не из будущего. Если и были у кого-то из парней какие-то мысли... а может — и не только у парней... Но сами условия не располагали! Да нравы здесь все же другие! Тут эти девушки и парни больше — товарищи, а не... Хотя... Может быть и есть среди них «парочки», но все равно — опасаться старшему нечего. Не будет здесь разгула и nepотребства.

К удивлению Косова, девчонки спокойно переглянулись и посмотрели на него:

— Вань! Ты же с нами, да? — спросила Ирина.

— Ты, подруга, чего? А куда же он еще? — удивилась Кира.

Даже Светлана кивнула, хотя... вроде бы... чуток покраснела.

— Так, давайте сразу определимся, кто где спит! — уже в шалаше, вход в который закинули еще одним куском брезента, сказала Кира.

— Я с краю... если можно! — в потемках еле видно, что Света, как примерная школьница подняла руку.

— Принимается! — командует дочь комиссара... «или он все-таки особист?», — Ирина?

— Думаю, что здесь уже все распределено, не так ли, Кирочка? — «а Иринка все же — язва!».

— Вот, подруга, какая же ты все-таки — умница! — «м-да... Кира не уступает!».

— Ну и ладно... не больно-то и хотелось! — Ирина начинает укладываться на брезент, подтягивает на ноги кошму.

«Мне кажется... или все-таки — видно... довольную улыбку Киры?».

— Ну а ты чего стоишь, Вань? — Кира в недоумении.

— Да вот... все жду, где мне место определяют. Может я вот здесь, в ногах, как

собачка? — ерничает Косов.

— Так... Ну какая ты собачка, Ваня? Собачка... она милая, добрая. А в наших походных условиях еще — теплая, мягкая и пушистая! Тут, знаешь ли, многие бы задумались — может стоит и поменять тебя на собачку, хотя бы на эту ночь?

Было слышно, как фыркнула Ирина и засмеялась Света.

— Вот... не придумывай, ложись с краю. Да, здесь! А я... а я вот так лягу... между тобой и Ириной!

Ирина чуть слышно засмеялась:

— Вот ни секунды не сомневалась, что так и будет! Кир! У тебя вроде бы жених есть? Сама же говорила.

— Тут, Ириша, с какой стороны посмотреть... Если со стороны моего папы... и даже — мамы... то — да, есть! А вот я как-то не уверена.

— Я это... стесняюсь попросить... но — все-таки! Давайте все же — без этой возни и прочих... звуков! — «м-да... Ириша... батл-то продолжается! И вновь продолжается бой!».

— Ты сейчас... на что намекаешь, Ирочка? — от голоса Киры... и интонации — так вот жучков хорошо в крупе травить!

— Нет-нет! Абсолютно ни на что! Я вообще спать хочу!

— Ну все? Улеглись, ехидны и дочери ехиден? — Иван привстал.

Девчонки под кошмой укрылись еще и бушлатами.

Когда он улегся на свое место, Кира прошептала ему на ухо:

— Вань! А как ты сам, без бушлата-то, спать собирался? Околел бы к утру! Кошма, конечно, дело хорошее, но все-таки тонковата для нынешней температуры.

«Ну и что ответить? Что — придурок? Что про ночи минусовые не подумал? Выпендрился в горке! Днем-то, конечно, удобно. А ночью?».

— Так я ведь сразу подумал, что буду спать с девчонками. Вот и согреют!

Одновременно послышался возмущенный «фырк» Светланы, тихий смех Ирины, и возмущенное, от Киры:

— Так, а если бы я не приехала?

— Ну так... между Светой был лег и Иришкой!

Снова возмущенное бормотание со стороны Светы: «Нахал!».

— Вот как?! Ну — получи! — и очень-очень болезненный «щипок» от Киры.

— Ай, бля! Больно же! Ну Вы чего, совсем уже? Вы о чем думаете вообще? Вы же медики, должны знать! Я читал, что уже давно проводились опыты по медицинской помощи людям при переохлаждении. Разное там пробовали — и ванны горячие, и теплую одежду. Еще что-то... Лучшим оказался способ, когда замерзающего мужчину грели с двух сторон две женщины.

— Я что-то такое слышала, в медучилище кто-то говорил, — протянула Ирина.

— Ага, есть такой способ! Только и мужчина, и женщины должны быть голыми! Иначе никакого эффекта не будет! — голосом Киры можно было молоко морозить.

Ирина засмеялась:

— Ох, Ваня, ты и хитер, ох и нагл!

— А ты, Ирина, это только сейчас поняла? — Кира в сарказме.

— Давайте спать уже, а? — тянет Света, — И, Ваня, чтобы ты знал — я бы тебя так греть не стала!

— Вот как, Света? Даже если бы я погибал от переохлаждения? Даже так? Не стала бы

спасать, как комсомолка комсомольца? — Иван «включил» дурака.

Света промолчала.

Усталость брала свое. А еще — сытный ужин и доза коньяка! Постепенно Иван начал засыпать. В голове еще ворочались какие-то отрывки мыслей, о том, что он один... спит... с тремя красотками...

Проснулся от жары и... тяжести, навалившейся на него.

«Вроде бы засыпал, отвернувшись к стенке шалаша. А сейчас — на спине, и кто-то... навалился на него, весьма по-хозяйски закинув ногу ему на живот, и обняв рукой! Это же Кира, да?».

Ну а кто это еще мог быть? Она, Кира Александровна, собственной персоной.

«А жаркая-то какая!».

Он лежал, почти не дыша, чувствовал девичье дыхание у себя на щеке. И как ее волосы щекочут его нос. С замиранием сердца он потихоньку потянул правую руку и, почти не касаясь, провел по ноге девушки.

«Ноль реакции! Спит!».

И снова рукой по ее ноге.

«Ох какая... ножка! Крепкая такая, полная!».

И снова — рукой по ножке. Чуть стиснуть руку.

«М-м-м... какая ножка! Показалось... или нет? Вроде дыхание чуть изменилось?».

Сам притих, затаился.

«Да нет, спит!».

И снова рукой по ноге, от колена — и выше. И чуть дальше, погладил попу. Стало как-то... еще жарче. Но рука сама тянулась к запретному. И снова... погладить, слегка стиснуть. Девушка чуть пошевелилась, теснее прижалась к нему, крепче обняла рукой.

«Проснулась? Да нет... вроде бы. Спит. Ну а мне — что делать? Так я не усну, это точно!».

Выручило поскрипывание снега рядом с шалашом и негромкие голоса.

— Точно здесь? Не путаешь?

— Да точно, точно.

— Как, говоришь, его зовут?

— Иван.

И совсем тихо, еле слышно:

— Он что и правда с тремя девками спит?

— Ага...

— Вот же... жох! Ладно, надо будить!

Полог чуть приоткрылся и громкий шёпот:

— Иван! Иван! Слышишь!

Косов так же ответил:

— Слышу. Что хотел?

— Что хотел, что хотел... Вставай, тебе на пост заступать!

«А это и к лучшему!».

— Сейчас... минуточку. Вылезу.

Вылезти из объятий девушки было... нелегко. Первая его попытка была ею заблокирована — она сильнее закинула на него ногу, и крепче обняла, уткнулась носом ему в щеку. Иван аккуратно снял ее руку с себя. Потом просунул руку ей между ног, приподнял

ногу. Обдало жаром:

«Как же у нее... здесь... тепло!».

Не удержался, просунув руку чуть дальше, провел ладонью нежно между ягодиц, по промежности. И сам чуть не застонал!

«Как бы я хотел...».

Все-таки вылез. Из-под Киры, из-под кошмы, и — из шалаша. Мгновенно охватил озноб.

«Ух ты! А градусов пятнадцать морозца, не меньше! Небо-то как... вызвездило!».

И так потянуло назад, в тепло, под кошму, к Кире — что пришлось даже зубы стиснуть! Косов энергично помахал руками, поприседал. Сон уходил. Зачерпнул снег из сугроба, размял его в руках, и влажными руками — ох! растер лицо! Осмотрелся. У костра сидели двое парней, о чем-то негромко разговаривали.

Иван достал портсигар, выбрал при свете костра папиросу, с удовольствием закурил.

— Земляк! А еще курево есть? — обратился к нему один из парней.

Он молча кивнул, и подойдя к костру, протянул портсигар полуночникам.

— Тут у тебя мало осталось! — с сожалением сказал второй парень.

— Бери-бери! У меня в ранце еще заначка есть.

Молча они покурили.

— Там у костра, с твоей стороны... посмотри, котелок должен быть. Там чай. Мы уже попили. Вон — подвинь его ближе к огню, моментом согреется.

Он сидел, пил чай, курил, глядя в огонь.

«Как она ко мне прижималась! Вот... если бы представить, что Ирины и Светы нет. Не отказала бы Кира! Так, почему-то кажется... Они что — разбежались с Сергеем? Тогда еще, зимой. Она что-то такое говорила... с сарказмом или иронией, про их отношения. Как она ножку закинула, а? Так девушки не лежат. Так лежат женщины, для кого это уже привычно. И что? Ну — не девственница она, это и так понятно! Они сколько уже с Сергеем? Это меняет мое отношение к ней? Да — ничуть! Желанная... но и недоступная. Не по тому недоступная, что откажет, а потому — что... ни к чему это. Зачем девчонке жизнь портить?».

Он в который раз достал портсигар, протянул его парням — «давайте добьем остатки, а утром я из ранца доложу!» — закурил сам.

«Но почему же так хреново на душе? Кажется — вот она желанная... любимая женщина! И сам себе вынужден укорот наводить!».

Улыбался сам себе, размышляя.

«Вот Кира! Очень красивая, умная. Но, по большому счету, такая женщина — сейчас не в тренде, как в будущем говорили. Для этого времени она чересчур высокая, под метр восемьдесят, примерно. И еще — чуть перекачена, опять же — сленгом будущего. Крепкая такая! Нет в ней ничего от культуристок-бодибильдерш той поры. Никаких перекаченных мышц, нет и широких мужских плеч. Все в пропорции, все ровно и красиво. Но! Сейчас считаются привлекательными такие, как Ирина. Невысокие, чуть пухленькие, грудастые. Но Кира... он-то со своими вкусами... оттуда, где фитоняшки, где в тренде большие, красивые попы...».

Казалось, что этот час тянется невыносимо долго, а он — глядь! — и пролетел уже. Парни подняли сменщиков. Они хлебнули еще по чайку, сходили чуть дальше в лес, до ветру и пошли спать.

Очень осторожно приподняв брезент, Иван проскользнул в шалаш. Попытался

присмотреться.

«Ни хрена не видно!».

Очень медленно рукой нащупал край кошмы, лежавшую под ней Киру, и также медленно пролез внутрь. Замер.

«А как ложиться-то? Она же калачиком свернулась!».

При попытке его повернуться, Кира вздохнула, потянулась и пробормотала:

— Ну, где ты пропадаешь? Я замерзла так! Давай, обнимай скорее!

Повернулась к нему попой, взяла его за руку и потянула ее к себе на талию. Прижала к животу. А потом... еще сильнее притиснулась к нему... попой. Повозилась так, устраиваясь поудобнее.

— Ну, где твоя вторая рука? Давай ее мне... под голову. Да, вот так. И эту... вот сюда, да.

И прижала его руку к своей груди.

— Ну же, обнимай сильнее. Холодно же!

Иван замер.

«Даже представить не мог... Моя рука лежит на ее груди. Ладонь аж дрожит — так хочется «пожамкать»! И как прижимается попка! И не пошевелиться. Ибо — чревато! Тут впору к члену обращаться, призывая: «Не вставай! Не вставай!».

К утру он не чувствовал ни левой руки, ни левого бока — отлежал напрочь! К тому же — и проспал! Ибо когда он проснулся от голосов возле шалаша и открыл глаза, внутри, кроме него и Ирины, никого не было. Брезент был немного откинут, что и позволяло определить время, как раннее утро. Светло уже! Ирина стояла у входа, что-то собирая в вещмешок.

Пытаясь размять руку, Косов не выдержал и тихо застонал.

— Что, Ваня, далась тебе сегодняшняя ночь? — улыбалась девушка.

Он хмуро ответил:

— Есть такое дело...

— Ага... такие девушки, как Кира... они просто не даются. Сложно с ними. Но ведь красивая, да?

Иван промолчал. Ирина тихо продолжила:

— Красивая... Но характер — это что-то! Наплачешься ты с ней, Ваня...

— Да почему я-то наплачусь? Она... с другим она!

— Вот ты дурень! А то я не вижу, и как ты к ней... и как она — к тебе! — и вышла наружу.

Косов сел, морщась размял руку, чувствуя, как побежали мурашки. Вылез, осмотрелся, оценил суету в лагере.

«А не сильно-то я и проспал! Вот тоже... такие же только-только вылазят!».

Отошел в лес, поглядывая по сторонам, сделал свои дела, и возвращаясь назад, выбрал наиболее пушистый и чистый сугроб, протер снегом лицо.

«Дети! Не ешьте желтый снег за ярангой!».

Девчонки табунком суетились возле костра, раскладывая кашу по котелкам.

— Вань! Я нам с тобой в один котелок положила. Ты не против? — Кира была спокойна и улыбчива.

— Нет, не против...

По очереди запуская ложку в котелок, черпали кашу. Для разнообразия сегодня —

перловую.

«М-да... кто же кашу-то сегодня готовил? Перловку-то... хоть с вечера нужно было замочить. Кирза кирзой! Ладно... в брюхе доходить будет!».

— Ты чего такой насупленный с самого утра? Не выспался? — Кира — сама доброжелательность.

— Да так... Ты меня... всю ночь обнимала. Крепко так... Тебе что, Сергей снился?

Кира опешила, помолчала и спросила тихо:

— Почему Сергей? С чего ты..., - еще помолчала и как отрезала, — Дурак ты, Косов!

Потом встала, и пошла к шалашу собирать вещи.

— А ты и правда... дурак, Ваня! — сидевшая поодаль Ирина смотрела на него... с удивлением, — Не ожидала...

Весь обратный путь Иван проделал в одиночестве. Нет, так-то, в составе колонны. Но не Кира, ни Ирина к нему не подходили. Лишь последняя иногда смотрела. С каким-то удивлением, и — с жалостью. Как на убогого, честное слово! Между собой девушки вроде бы разговаривали, но — немного.

«Ну и пусть!» — решил Иван.

У Фатьмы его снова ждала баня, вкусный ужин и ласки красивой женщины.

Им никогда не удавалось заснуть сразу. И Иван, при виде своей подруги, забывал об усталости и всем прочем... и всех прочих. И женщина была горячее. Ему нравилось, что ей нравится. А потом? Ну как же не поговорить после этого? Это же форменное свинство, после такого, развернуться к женщине задницей и захрапеть.

— Смотрю тебе и крышу уже перекрыли. Быстро мужики справились! — еще на подходе к дому он увидел желтеющую свежим тесом кровлю дома.

— Ага! Мужики за неделю справились! Представь — за день старую разобрали, заменили некоторые стропила, и за три дня новую навели. Только деды говорят, что пока красить не стоит — краска долго сохнуть будет. Говорят — жди хозяйка, пока тепло не встанет. Там за день тебе покрасим.

— Так, а разве тес красят? Я вот сколько видел — все крыши не крашены.

— Ну... да. Но деды говорят, что, если проолифить, а потом краской покрыть — в два раза дольше стоять будет!

— Ну-у-у... пусть так. Деньги-то, поди, кончились?

Подруга помолчала, потом сказала:

— Осталось немного. Но мне хватит. А потом... зарплата будет. Слушай! — оживилась она, — А там в гостинице так интересно! И сама работа, да и вообще... Новое для меня все. Правда... бабы есть вредные. Представь! Оказывается, эта должность... ну — непросто на нее устроиться. С улицы туда не берут. Вот и косятся там... некоторые — кто такая, да откуда!

— Ты погоди про гостиницу. Позже расскажешь. Давай про деньги разберемся! Сколько тебе еще надо?

— Вань! Ты опять денег мне будешь давать? Ты же и в прошлый раз столько дал...

— Радость моя! Я сейчас чего-то не понял — что это за вопросы? Я спросил — сколько тебе еще надо! — подпустил строгости в голос Косов, — Или ты, женщина, спорить со мной будешь?

Фатьма удивленно уставилась на него, а потом фыркнула:

— Вань! Перестань! Ты не восточный мужчина, тебе не идет совсем, — потом прильнула к нему, начала ластиться, — Ты ласковый, и вовсе не строгий!

Он протянул руки, обхватил ее за попу и подтянул повыше, чтобы — глаза в глаза.

— И все-таки... сколько денег тебе нужно, чтобы все, что они предложили — сделать?

Они вместе посчитали, и Иван, поднявшись, отсчитал ей тысячу.

— Ваня! Ну ты совсем что ли? Ну куда ты... столько-то?

— Я тебе говорил — моя женщина должна жить хорошо. А дом — это самое важное! Приласкай меня лучше...

И через некоторое время.

— Что там... про гостиницу?

— Ну... в общем-то, девчонки там, в основном нормальные. И горничные, и коридорные. И администраторы. Правда вот — администраторы там все же старше меня! Такие важные дамы, что ты! Ответственность там большая! Представь — в смену выходит около пятнадцати горничных, плюс коридорные. Потом еще буфетчицы, кастелянша, еще прачечная. Хотя прачечная — это не мое... И вот всеми ими, в свою смену, я должна руководить! Представь, да? А еще и оформление постояльцев. Хотя я не одна администратор там, в смену. Двое нас, или даже — трое. Ночью вот — одна остается. Но все равно... времени на все не хватает, все надо успеть, все проверить! А ты говоришь — мужчины, блюд разный. Когда этим заниматься?

— И что, прямо так и не блудят?

— Ну-у-у... говорят, что бывает... всякое. Но это, в основном, горничные. Бывают, что и дежурные по этажам... ну — коридорные. А у администраторов времени на это нет.

— Да ладно, понял уже. Ну и что — нравится тебе?

— Ну... интересно. Но я еще толком не поняла.

— Ладно, вникай дальше. Только, думаю, мне тебя сейчас дома застать будет сложнее.

Она грустно кивнула.

— Ваня, я тебе потом перепишу мой график работы, чтобы ты знал. Хорошо?

— Договорились...

— А вот еще, что, Вань... Я тут немного напугалась. Уполномоченный тут ко мне приходил. Ну — участковый. Спрашивал, на какие доходы я ремонты делаю. Кто-то из соседей, наверное, насплетничал.

— М-да? Ну а ты чего? — немного напрягся Косов. Но только — немного! У него были отговорки перед властью, откуда деньги. Отчисления от песен!

— Ну а я чего... Так и сказала, мол, частью еще со старых накоплений, когда на рынке работала. Ну и что у меня... друг есть обеспеченный, который помогает. Не правильно сделала?

— Все правильно, хорошая! Все правильно! Все у меня в порядке с этим. А значит и тебе бояться нечего!

Непривычно рано они поднялись оба. Фатьме нужно было на работу в гостиницу, а ему — в клуб, на репетицию. Да и прочую работу нужно было работать. Ее никто другой делать не будет!

Иван сидел в зале клуба на скамейке, смотрел прогоны номеров. Рядом с ним сидели и другие участники готовящегося концерта. Сидели поодиночке, группками. Негромко переговаривались, обсуждали номера. Иногда выходили за различными надобностями. Но все — тихонько, чтобы не мешать остальным. Очень уж Илья злобствовал!

Этот... руководитель... Этот... творческий человек, м-м-мать его! в последнее время совсем с катушек слетел! Нет, так-то понятно — начало апреля, до концерта остается меньше месяца. Вот он и на нервах! Хотя, если взять по большому счету — ну какого хрена ты ерепенишься, чего ты народ выводишь? Ведь не ты отвечаешь за подготовку концерта! Хотя... Илья, как директор клуба совхоза, который является какой-то вспомогательной структурой завода «Сибкомбайн», включен в группу ответственных товарищей. Или по-другому — в оргкомитет. Но вон, к примеру, Калошин! Он тоже туда включен, но с ума не сходит — сидит сейчас, вполне себе мило общается с ребятами из танцевального коллектива. Хихикает, прикрываясь рукой от Ильи. Не иначе — девчонок-танцовщиц «кадрит»!

Этот коллектив «подогнала» им Кира. Три девчонки и три парня. Иван не вникал особо, откуда они. Но танцоры — профессиональные, это сразу стало ясно, как только они что-то там показали при знакомстве. Даже Тоня, ревниво поджав губку, кивнула — «уровень очень приличный»! Сейчас они вместе с той же Тоней ставят «Кадриль». Девчонки — симпатяги, веселые, общительные. Косов думал, что конфликты будут, когда Калошин сразу «сделал стойку» на девчонок. Но парни, их партнеры, были к этому индифферентны.

Косов, может быть, тоже был бы не против — «сделать стойку» по поводу этих красоток. Но! Лиза постоянно рядом, Лида вернулась — вот рядом сидит, смотрит на происходящее с интересом. А чуть поодаль, с калошинцами, сидит Варя, которая нет-нет да подглядывает в его сторону. И непонятно с какими мыслями и эмоциями.

Он попытался еще раз поговорить с Варей. Так сказать — объясниться, расставить все точки над «ё». Но как-то неубедительно, похоже, у него вышло. Не убедительно. Он и сам это понимал. Сдается, Варя «закусила удила». На его слова о том, что он и так ей предоставляет право петь все песни на концерте... ну — кроме двух обговоренных. И что после концерта Лиза не будет продолжать исполнять их где бы то ни было. То есть — все тебе, красивая, все — тебе! Но... обида, тем более женская — это такое...

Хотя внешне... Варя вполне спокойно его выслушала, кивнула головой:

— Да я все это понимаю и очень благодарна тебе... и за песни, и за твое... терпение и отсутствие злопамятности. И даже... Игорь убедил меня попробовать сделать свою программу. Песен вполне хватает, и обкатывать эту программу — есть где! С год можно не переживать за репертуар, кататься, «собирать сливки»! Так и имя, и известность себе сделать... Только, Ваня, все равно... Это я многим отказывала. Но чтобы мне?!

И сейчас выходит, Варя взяла тайм-аут, или — «Водяное перемирие, мать ее!».

С Лизой они вдруг стали подчеркнута вежливы, даже — некая доброжелательность проскакивает в словах. Но явно же — фальшивая!

А Лиза... Лиза это — что-то! За прошедшее время она похорошела. Всегда весела, дружелюбна к окружающим, много шутит и смеется. И даже внешне как будто скинула лет пять: сейчас ей вряд ли дашь больше двадцати пяти — двадцати семи лет! И ранее-то она

была — очень интересной женщиной, а сейчас — просто красотка, и, как бы сказали в будущем — «зажигалочка»!

Лида... Лида по приезде была удивлена поведением и состоянием подруги! И, как видится Ивану, была уведомила о происшедшем. Насколько это уведомление со стороны Лизы было... полным и откровенным, Косов не знал. Но по взглядам, которые он периодически ловил на себе первые дни по возвращению Лиды, откровенность там была если не полной, то где-то близко к этому. Очень уж удивленной и задумчивой была Лидочка. Даже несколько — ошарашенной.

Лиза... Лиза в моменты, когда они оставались одни — даже в клубе! была игрива, как молоденькая кошечка! Ну... если не было посторонних рядом! И еще не раз она прокрадывалась в клуб ночной порой.

«Х-м-м... а вот... чего-то я выпустил из внимания. А чего это она... ну — за месяц «общения» с ним не выходила... на вынужденный перерыв, так сказать? Это же физиология. Должна была. Ан нет! Не прерывались они во встречах. Так если только — на пару-тройку дней. Но ведь эти... дни у женщин бывают дольше? Не пара же дней! И чего тогда? Ты, Косов, скоро станешь папой? Данунах! Нет, не то, чтобы страшно... Но! Не понятно! И она... даже если и так — она вообще никак не изменила своего отношения к нему! Ничем не показала! И нет этого волнительного и обескураживающего мужиков момента — «Дорогой! Скоро ты станешь папой!». Рано? Ну... может быть. Хотя... И все равно — чего это она так весела? Даже я бы сказал — счастлива?».

«Ну вот — предмет мыслей и раздумий — на сцене! Послушаем...».

Лиза пела здорово! Как-то залихвацки, «на кураже»! Хлопали ей все, кто был на тот момент в зале. Даже Варя на секунду поджала губки. А это — показатель! Если бы Лиза сфальшивила, то, как представляется Ивану, Варенька должна была бы быть довольной и улыбочивой. А сейчас — наоборот! Значит, Лиза попала в тон с песней!

— Вань! Она же здорово пела, да? Как же мне понравилось! — в порыве восторга Лидочка, обняла Косова за руку, — Она просто замечательно спела!

Ивану оставалось лишь поддержать Лиду. И правда — замечательно! А когда Лиза, подбежав, подседа к ним, то была «обчмокана» подругой в щечки. Иван тоже выразил... да.

«Глазки горят, щечки покраснелись от переполняющих эмоций! Красавица!».

Улучив момент, Лиза благодарно стиснула его руку, и так улыбнулась, что Косову стало понятно, что, похоже — сегодня его снова ждет горячая ночь! Все-таки забавно было — как Лиза тайком, прячась от всех, пробирается к нему в комнату поздними вечерами! А тут еще в связи с подготовкой к концерту и записями музыки к песням, Илья с Косовым допоздна засиживались в зале, ругались, спорили, курили, пили чай литрами. Ну и Илья был вынужден почти полностью переселиться в клуб, в свой кабинет. А с ним и Тоня.

Пришлось им с Лизой усилить конспирацию и осторожность!

— Не вздумай завалиться спать после того, как разойдетесь с Ильей! Иначе — обнаружишь меня поутру замерзшей возле своей двери! — пихала Лиза его в бок.

Он перестал закрывать задние двери в свою комнату, чтобы женщина могла, прокравшись мимо окон клуба, шмыгнуть в его комнату. Ну не мерзнуть же ей на улице, в самом-то деле! Там она и дожидалась его вечерами.

— Ну что Вы так долго-то? Ты что — не можешь сказать Илье, что устал там... ну — спать хочешь! Или еще что-нибудь! — пеняла ему Лиза.

— Ага! Ему скажешь, пожалуй! Если Илюша сел за работу — пиздец и сну, и личной

жизни!

Как-то раз — чуть не «спалились», когда Илья, продолжая спорить с Иваном, не слушая того, что «все! я пошел спать!», так и топал за Косовым, прямо до дверей его комнаты. Пришлось Косову встать в дверном проеме, и стоять насмерть! повторяя, как попугай — «завтра! все завтра!». Илья долго шурился и не мог понять, почему Иван, обычно такой гостеприимный, так категоричен в нежелании «попить чая на ночь». Хорошо, что Тоня утатила творческую личность в кабинет.

«А вот Тоня, похоже, что-то тогда поняла! Да и потом они с Лизой чего-то шушукались-хихикали!».

Он был... удивлен, мягко говоря! когда она тогда запрыгнула ему на спину, спрятавшись за притолокой. А как же она хохотала, всхлипывая! А он все закрывал ей рот и шипел, что Илья и Тоня еще не успели подняться к себе! Вела она себя... как взбалмошная девчонка! И причем была — абсолютно голой!

— Ну как ты себя ведешь, хорошая моя? Нет, пойми меня правильно — мне все очень нравится. Но! Я же, прежде всего, о тебе беспокоюсь! А если бы он все-таки зашел, а? А если бы — увидел тебя? И что тогда? Да еще в таком виде!

— Тебе не нравится, как я выгляжу? — покрутилась она, притворно возмущаясь, — Странно... а раньше ты говорил, что тебе очень нравится!

— Мне и сейчас... очень нравится! Очень! Даже не нравится, а... Я без ума и от тебя, и от твоей фигуры!

— Ну вот и не бухти, как старый дед! А если бы он зашел... ну — зашел бы. Да, было бы... неловко. Но... пережили бы как-то, разве нет? Да я бы с Тоней все одно договорилась бы. И молчал бы Илюша, как миленький!

— И тебе не было бы... неловко — встречаться с ним после?

— Ну-у-у... может и было бы..., - она задумалась, потом тряхнула головой, засмеялась, — А может и нет! Как ты как-то сказал — «Стыдно — кому видно!». И... слушай! Ну не порти мне настроение! Мне так здорово сейчас! Так хорошо! Лучше... приласкай меня! Да! И посильнее, и понежнее! Да-да! И именно так... этим... совсем бесстыжим способом! Мне — так нравится!

М-да... и все же... на Лизу было просто невозможно обижаться или как-то... быть недовольным ею. Она сейчас — как влюбленная шестнадцатилетняя девчонка. Это было... дух захватывало! Только где-то в глубине оставалась боязнь скомпрометировать женщину.

«Так... ага! Варенька пошла! Она очень хорошо поет. Опыт!».

А так... так все шло нормально. Как-то вскользь прошли последние в этом году лыжные соревнования. Иван еще удивился, спрашивая у Ивкина:

— Коль! Ну как так-то — начало апреля же! Чего они тянули с окончанием сезона?

— Да ничего не затянули! И в прошлом году последние соревнования примерно также проводили. В лесу-то снега еще полно. А тот парк — тот же лес! В крайнем случае — на проталинах накидают снега из-под деревьев... или там — из оврага! Накатают лыжню, да и проведут эту гонку. Зато знаешь, как здорово — не мерзнешь совсем; пробежал, выехал на поле, где финиш — а там солнышко греет, девчонки уже по-весеннему одеты! Красота!

Вот так он и пробежал! И даже не особо удивился, что стал семнадцатым по результату. Куда как лучше, чем тогда, в феврале! Наверное, все эти походы дали +10 к выносливости, и + 5 — к скорости! А девчушка эта, Паша, из их команды — вообще девятой стала! Ивкин

ходил гоголем, как именинник! Не знал Иван, как и что там считают в общекомандном зачете, но вроде бы их совхоз поднялся в рейтинге команд.

А еще Ивкин его сейчас здорово выручает, когда надо свалить в субботу из клуба. Крутит вместо Косова кинофильмы. Для Николая освоить кинопередвижку труда не составило, а статус, похоже, Ивкин себе этим поднял. В общем — был не против, и даже, похоже — рад! Косов попытался с ним договориться по поводу оплаты этих подмен, но Коля, помявшись, попросил о другом:

— Ты, Иван, лучше... вот что... Ты как-то упоминал, что вроде бы... в этом, как его, в ателье у тебя знакомства есть. Ну — в центре там, которое!

— Ну... не знаю, про какое именно ты речь ведешь. Но — да, есть знакомства в одном из!

— Во-о-от... Там это... в общем, вроде бы... Там такие комплекты продают... Ну — для девушек и женщин!

— Это ты про белье, что ли?

— Ну... да!

— И чего? Тебе нужно его купить?

— Да.

— Так, Коля. Я договорюсь, а ты съездишь... ну — с подругой, и купите!

— А как-то... по-другому — нельзя?

— Как по-другому?

— Ну-у-у... я хотел... типа — сюрприз!

— М-да... это — сложнее! Нужно размеры знать, иначе, Коля, выйдет полная лажа! Не угадаешь с размером — одно расстройство и разочарование. А кто будет виноват? Ты, Коля, будешь виноват. А у тебя виноватым буду я!

— И как же быть? — расстроился Ивкин.

— Здесь могу посоветовать одно — когда будете... ну — с подругой. Выбери время... ну — хоть, когда она уснет, просмотри все ярлычки на трусиках и лифчике. Там должны быть такие кусочки ткани пришитые. Вот! Перепиши их «втихушку» на бумажку и мне принеси. А уж по этим размерам и подбирать можно.

Ивкин повеселел.

— Хочу Клаву порадовать! У нее же и день рождения скоро!

— Так ты что — с Клавой, что ли?

Николай энергично выматерился:

— Вот... бля! Проговорился! Ты, Иван... слышишь? Никому — да? И даже — забудь, что слышал! Понял? Иначе... и дружба наша... конец ей! И морду я тебе набью!

— Ты угомонись... набивальщик чужих морд! Не мой секрет, не мне и болтать! Могила, понял?!

Ивкин вроде бы успокоился.

— Только... мне вот интересно — ты ж говорил, что она — девка-ремень! Как же?

— Чего — как же? У нас серьезно все, понял? Я ей и предложение уже сделал!

— Как предложение? Ты же говорил — в Омск, в танковую школу поедешь! Что — передумал уже?

— С чего это — передумал? Ничего я не передумал! Только школа-то эта — полгода... ну — месяцев восемь, не больше! А потом — припишут меня к какой «тройчатке» танковой и в запас! А там уж... поженимся!

— Коль! Так, а если... ну — ребенок там...

— И чего? Я же здесь! Да может... и расписаться еще успеем, до моего отъезда. Не решили мы еще!

— Не... ну Вы молодцы, так-то... молодцы, чего сказать! А я вот как-то... боюсь по серьезному если...

— И чего? Ну и дурень! Чего там бояться? А так — все честно, если как у нас! Она мне очень нравится! Серьезная такая... И — да... ух какая!

— Ладно, влюбленный Ромео! Принесешь бумажку с размерами — будет тебе комплект, самый красивый!

— Вань! Я тебе благодарный буду.

— Да брось, Коля! Чего там. Хорошему человеку — что же не помочь-то? Тем более — если в любви. Это дело такое... очень уж хорошее дело!

Так Иван немного освободил себе времени, для решения прочих проблем.

— Иван! Ну ты где опять витаешь-то! Сколько тебя звать нужно? — услышал он раздраженный голос Ильи. И Лиза его уже пару раз в бок толкнуть успела.

— Иду, иду... Вот чем вы, товарищ директор, недовольны? Вот отрепетируем, все по домам разойдутся, а мы с Вами... опять песни там... музыку сочинять! Мне и спать-то остается... крайне мало! Вот так... вымотаете Вы меня до предела, помру во цвете лет. И что? Кто этим доволен будет? Наши с Вами зрители? Так нет! Исполнители? Тоже нет! Тогда кто же? Если только Вы сами, товарищ директор! Конкурент по славе — помер! Останется из творческого дуэта только один автор — Кучков Илья Николаевич! Ему все лавры и почести! А я... я забудусь под могильной плитой, и через пару лет никто даже цветочка не принесет! Вот давеча Вы меня плюшкой к чаю угостили. И чего-то я сейчас такую слабость почувствовал, так нехорошо мне! Признайтесь, Илья Николаевич, что в той плюшке было — стрихнин... или мышьяк?

Илья стоял перед сценой... немного ошарашенный:

— Ты чего мелешь-то, Иван? Чего ты... буробишь?

— Ладно-ладно... если, значит, вы что промолвили — так это, несомненно, истина в последней инстанции! А если я, скромный киномеханик, и по совместительству — сторож данного клуба, что скажу — так это, значит — «что мелешь?», да «что буробишь?».

Он вышел на сцену, и тишком подмигнул ждавшей его здесь Варе.

— Ты все скоморошишь? — тихо спросила она Ивана, улыбаясь.

— Нет, ну а что — все время серьезную мину на морде хранить, что ли? Скучно! Согласна?

Она снова улыбнулась.

— Ну так, все! Закончили! Готовы? Варя? — девушка кинула, — У тебя, клоун, спрашивать не буду!

Косов пожал плечами, и повернувшись к залу, развел руками, мол — «Видите? Вот так-то!». В зале раздались смешки.

— Обещал, не позвонил!

Или ошибаюсь я? — начала Варя.

Косов, слушая девушку, «напялил» на затылок прихваченную кепку, сдвинул ее

максимально залихватски, подхватил гитару:

— А у меня — все отлично!
Милая — все отлично у меня!

Перед последним припевом, который исполнять нужно было вместе, Иван чуть отставил в сторону гитару и выдал каблуками старых «хромачей» незамысловатую дробь, потом картинно наклонился в сторону партнерши и провел рукой, эдак — «Ну а Вы?». Варя его не подвела — взмахнула рукой и выдала уже более профессионально чечетку! А потом, снова, вместе:

— А у нас — все отлично!
У тебя, и у меня!

Народу понравилось. Люди смеялись и хлопали!
Он приобнял Варю и чмокнул ее в щечку, шепнул на ушко:
— Ты — чудо, что за партнерша!
Она не осталась в долгу:
— И ты молодец! — и тоже в щеку его — «чмок!».

— Ну что? Спели... хорошо! Да, хорошо! Да и сыграли — неплохо! Только, Ваня, ты эти импровизации... лучше согласовывай, да? — Илья-зануда!

— Так, Иван! Ты куда пошел? У тебя еще один номер. Давай, соберись! Варя, спасибо! Отдохни в зале.

— Ну почему ко мне ты равнодушна?
И почему ты смотришь свысока?
Я не прекрасен, может быть, наружно,
Зато душой красив — наверняка!

Иван не стоял на сцене столбом. Он прохаживался, подходил к краю, пел, обращаясь к той или иной девушке. И нарвался-таки на замечания Ильи:

— Иван! Так никто не делает! Ты поешь песни со сцены, а не во дворе... подружкам! Концерт! Понимаешь ты? Концерт — дело серьезное! А не вот эти... «хи-хи», да — «ха-ха!».
«Блядь! Как же он напоминает мне... как его там? Огурцова? Вот-вот!».

Благо за Ивана стали заступаться зрители-артисты. И даже Тоня сказала свое «фи» бюрократу от искусства!

— Илья! Это же шуточная песня! Шуточная! Я же не гимн пою со сцены. Это, можно сказать... музыкальный конференс! — пытался донести свое видение Косов.

Потом они смотрели на «Кадриль». Тоня стояла у сцены и чего-то там отсчитывала, шевеля губками и помахивая пальчиком. Девчонки, в коротких репетиционных юбочках были — ух какие!

Лида шептала, смеясь:

— Как Вы, с этой... Варей были хороши! Прямо вот — парочка! Причем, такая парочка — разгильдяйская!

Лиза чуть надула губки:

— И чего это они... парочка?

— Подруга! Ну это же... сценический образ!

Лиза засмеялась:

— Да понимаю я! И правда, были хороши! Надо было мне эту песню для себя оставить!

— Нет, Лиза! Ты здесь не подходишь! Ты — очень красивая, и... замечательная! А здесь нужна... попроче. Как девчонка из народа, такая — дворовая! У тебя... типаж другой! — сказал Косов.

«Ну вот... а ей — понравилось!».

— Ва-а-нь!

— М-м-м?

— Ну Ваня!

— М?

— Ну чего ты... как бычок какой-то! Тебя спрашиваю, а ты все одно — «м?» да «м?».

Пришлось приоткрыть глаза и приподнять голову:

— Что, хорошая моя?

— Я тебя спрашиваю — тебе нравится? Я все правильно делаю? А ты только мычишь и мычишь!

В сумраке свечи лицо Лизы, лежащей чуть пониже, кажется каким-то... особенно красивым. Но сейчас на этой мордашке пробивается лукавая улыбка, которую женщина старательно прячет. И еще бровка так... вопросительно приподнята.

Косов провел взглядом ниже. Красивые плечи, ровная линия спины, изгиб талии, и красивая... нет, не так! Очень красивая попа! А дальше — ровные, длинные ножки! Лежит на боку, как специально изогнувшись, как будто видит себя в зеркале! Хотя никакого зеркала здесь, в его комнате, и в помине нет. Ну, не считать же за такое — небольшое круглое, над умывальником.

И что особенно... пикантно и возбуждающе — его член плотно обхвачен ее аккуратными, длинными, музыкальными пальчиками. Ей нравится его держать вот так — в своих ручках.

— Ну! И чего ты молчишь? — улыбка прорывается на лице Лизы, — Я спросила — все правильно? Тебе нравится?

— Родная! Да как же я могу... отвечать, если у меня и слов-то нету? Вот и мычу...

— Да-а-а? А ты сейчас не врешь? Мне вот кажется, что врешь! Не могу же я вот так... не умела, не умела... даже и не пробовала никогда. А тут вдруг раз — и у тебя слов нет!

— Ну... как тебе сказать? Когда женщине это самой нравится... то это уже... очень многое. А тебе же нравится. Я это чувствую...

— У-гум... м-м-м... очень нравится! Вот даже не представляла раньше... думала — да ну, врет все!

Это она сейчас... Раскололась Лизонька как-то... в процессе первых опытов, что вовсе не новость для нее такой способ. Нет, сама женщина была в этом плане — вполне себе девственна. А вот подруга Лида... Угу... лакомкой оказался ее супруг. Опытный мужик, еще оттуда, с дореволюционных времен опытный. Гимназия, университет... курсистки-эмансипе. Потом и какая-то революционная деятельность. Правда, слабая, не четко оформленная, эта деятельность. Иван даже и не понял — а к какой партии тогда

принадлежал нынешний Лидин супруг. Но сдается, что точно — не большевик с дореволюционным стажем! Скорее всего, какой-нибудь кадет... или социалист. Может и меньшевик. Эти партии больше подходили для студента, а потом — инженера. А вокруг революционной деятельности всегда крутится столько восторженных девушек и молодых женщин! Даже если революционеры эти были больше — на словах! Уж интеллигенция всегда умела говорить красиво, не то, что эта серая убогая масса!

Ага... так вот. По словам Лизы, которые, впрочем, приходилось из нее вытягивать клещами... Нет, не пытками, а наоборот — ласками. Зачем это было Ивану? А любопытное было. Ну и еще... все-таки хотелось бы заочно познакомиться с Лидой получше, так сказать. А вдруг... идея с зачатием для Лиды не канула в Лету?

Так вот... получалось, что по мере накопления... к-х-м... жизненного опыта, и уменьшения, похоже на то! ума, супруг Лиды все чаще заменял обычный секс на его французский вариант. М-да... И как он намеревался... оплодотворить жену? Нет... так-то... говорят, были в истории случаи. Теннисист и госпожа Ермакова, ага...

Так вот... Лиза, по ее словам, сначала была шокирована рассказом подруги о таком способе любви. А потом... Стало интересно. Ну так — слегка. И подруга рассказала. Только вот сетовала, что... полагала, что с более молодым, и более симпатичным мужчиной это было бы... интереснее. Наверное.

Так что морально Лиза была к такому готова. Даже более того — сама хотела попробовать! А ее удивление, и, отчасти, гримаска брезгливости — ну так... что же — сразу говорить, что, мол — «Сама хочу!». Кокетство это вроде бы называется, нет?

Вот и сейчас... ей вполне нравится. Только разрывается женщина — и обычный способ ей желателен; и так — тоже очень хочется!

Лиза вновь поднимает голову, облизывает губки:

— Вань!

— У-м-м?

— Опять?

— Что, хорошая моя? — приходится переходить на более... членораздельную речь.

«Какое слово... своевременное... — члено раздельная...».

— А давай... ну как ты предлагал еще... ну, когда я — тебя ласкаю, а ты меня?

— Иди сюда, хорошая... Повернись, да вот так.

— Это вот так, да? А почему... я сверху, а не наоборот? Тебе так удобнее? А давай, потом... попробуем и наоборот, а?

Лиза кончала бурно. Очень бурно! Даже... больно для самого Косова. Проходило терпеть.

Через некоторое время, когда они вновь вернулись к одностороннему, г-х-м, процессу, она, вытирая пальчиком губы, задумчиво протянула:

— Да и не очень-то это и неприятно. Даже... скорее — вовсе не неприятно! Вполне так... Может только... Непривычно.

Потом рассмеялась, довольная:

— Зато, Ванечка, я успела увидеть твою мордашку, ну, когда... Ох какая это была забавная мордашка! Даже ради этого... стоило бы так... попробовать!

Потом... разное. По-разному. И снова:

— Ва-а-ань...

— Что, радость моя рыжая?

Кулачком в грудь! Да больно так!

— Я не рыжая, понял?

— Понял, понял! Ты русоволосая красавица!

— Да! Вот так — правильно!

— Ну вот видишь... Все хорошо, да?

— Ваня! — как-то чересчур уж вкрадчиво, даже страшновато становится.

— Что, красавица?

— А давай еще... ну вот... по-другому... тоже — попробуем?

— Это еще как?

— Ну-у-у... в попу.

«О как? Разохотило девочку!».

— А с чего так? Почему ты решила попробовать?

— Ну-у-у... решила.

«М-да... предельно понятно!».

— Ну, давай. Только сразу предупреждаю — скорее всего тебе не понравится. Может даже... больно будет. Если только почувствуешь, что больно — прекращаем, да?

— Вот до чего же ты, Ванечка, зануда иногда! А то я сама не разберусь! Ты мне вот скажи... как это лучше... попробовать.

Она все делала сама. Сверху. Косов сквозь ресницы — потребовала, чтобы он закрыл глаза и не подглядывал! подсматривает, как лицо женщины меняют эмоции. Вот интерес; вот — сосредоточенность; вот — похоже, ожидание. А вот — предчувствие ощущений. А вот — гримаска боли. Досада, разочарование.

«Нет! Не смогла! Только самую малость... и отказалась. Наверное, и правда — больно!».

Она приподнимается попой, опускается всем телом к нему на грудь и — неожиданно! — начинает смеяться!

«О как!».

— Ты чего?

Она чуть приподнимает лицо и со смехом:

— Вот уж и правда — «И хочется, и колется!».

И охота попробовать, а... никак!

Опять стучает его кулачком в грудь:

— Вот чего он у тебя... такой большой, а?

Теперь уже он смеется:

— Тебе, Киса, не угодить! То он — ах какой! Как он мне нравится! То — чего он такой большой!

Лиза тоже смеется:

— Нет, ну правда ведь! Вот если бы было так — хочу так! И он вот такой! Хочу вот эдак — и он уже другой!

«Нравится мне эта женщина — с ней не скучно! Вот та же Фатьма... она его, похоже — любит! И очень пылкая! Но вот шуток и смеха от нее — не часто-то дождешься! А здесь... хороша Лиза, во всем хороша!».

— Ну ты, Ванечка, не думай! Мы потом обязательно еще попробуем! Хочется мне... по-разному попробовать! Чтобы знать... самой знать — вот это хорошо, а вот это — так себе...

— Ну ты же... уже разбираешься, да?

— Не во всем, Ваня! Так только — чуток. А мне хочется... хорошо. Вон... твоя царевна

— всего попробовала, да? Обо всем свое мнение имеет. И мне так хочется. Что же — ей одной все это? Мне же тоже хочется... немного этого бабьего счастья.

Уже когда он провожал ее к дому, ранним-ранним утром, еще темень сплошная:

— А твои соседки... ничего не подозревают?

Иван знал, что Лиза живет в таком общежитии — для учителей школы. Семейные учителя жили в двух или трехквартирных домах — от совхоза. А такие как Лиза, одинокие — в доме, где были несколько комнат с общими коридором и кухней. Коммуналка, только одноэтажная и деревянная.

— Ну как не подозревают? Подозревают, конечно! Только они думают, что я к кому-то на станцию бегаю. Только Эльвира, мне кажется, догадывается...

Эльвира — это они так с Лидой зовут старую монументальную учительницу математики.

— И что? Неприятностей не будет от этой Эльвиры?

— Да ну, ты что? Эльвира — замечательная бабка! Она такая... вроде бы грубая, но... очень добрая. И — надежная!

Уже почти дошли, когда Лиза останавливает его, разворачивает к себе лицом, целует:

— Ну все! Дальше не провожай! Ох! — зевает, прикрывая рот ладошкой, — А я успею еще часок поспать, вот! И вот, что Ваня! Послушай, что я хочу тебе сказать... Выеби уже эту... толстожопую!

Косов опешил.

— Ну чего ты так на меня смотришь? Я уже боюсь ее, понял! Она на меня постоянно так зыркает, аж мороз по коже!

— Да ничего она не зыркает. Ну... может, когда посмотрит... иногда! Может она — завидует тебе?

— Во-о-от! И я о чем? Завидует! Точно. А бабья зависть, Ваня, это иногда очень страшно! Так, что... С тебя не убудет! И мне достанется, и Вареньке этой... Да и царице ненамного меньше будет!

«Пиздец! Кино и немцы!».

— Что-то, Косов, как-то... не очень! Вроде бы... что-то и просматривается уже. Но... невнятно как-то! Для показа это не годится!

Лазарев недоволен. Ну как же — месяц уже прошел, а у Ивана — не в шубу рукав!

«Ну да, а чего ожидать, если он и занимался только раза четыре или пять, по паре часов! Этого для какого-то результата — категорически мало!».

— Времени не хватает! Постоянно чем-то занят — с самого утра и до позднего вечера.

«И даже ночью!».

— Концерт мы готовим в Доме культуры Сибкомбайна, товарищ инструктор! Времени — просто нет, — пытается довести до Лазарева свои проблемы Косов, — Может чуть позже, в начале мая, после концерта времени будет больше, вот и начну плотно заниматься!

— В мае... В мае, Ваня — само собой! Мне, чтобы подготовиться, тоже время нужно. Тот же художник! А как я его приглашу, если у тебя самого... через пень-колоду! А там и времени-то совсем мало останется. Когда тебе ехать-то?

— Вроде бы в середине июля, пока не точно..., - отвечает Косов.

— Вот! А я и говорю — времени — в обрез!

Как оказалось, Квашнин — бывший комбат в полку Шедько. Через него и передал

комполка Ивану требование явится в Дом обороны, для получения предписания на прохождение медицинской комиссии, перед направлением в училище. Уже в Доме обороны изрядно мордатый капитан-кадровик заставил Косова исписать кучу бумаги — анкеты, автобиографию, еще какие-то листы с личными данными. К нему же Иван принес и характеристики — с места работы, и комсомольскую, которую, скрепя сердце, выдал ему комсорг совхоза.

Непосредственно про поступление в училище, капитан ничего толкового Косову не сказал — отделался общими фразами. Либо сам не знал, либо — не счел нужным говорить, сука толстая!

«Потом, все — потом! До Вас доведут в свое время, в части Вас касающейся!» — у-у-у... бюрократ военный!».

— Иван! А вот — про концерт. Нельзя ли там, как-то парочку контрамарок занять? Для меня и супруги? Может... еще для Квашнина?

А вот это была проблема! Уже не раз столкнулся Косов с просьбами — «про контрамарки». И сам думал — может можно как-то пригласить своих знакомых? В первую очередь — подумал про Фатьму. Потом... про Завадскую, Ритку. И Ирину со Светой! Всех хотелось пригласить, но! Как объяснил Илья — если и будет такая возможность — только пару шгук и не более!

Вот и неудобно получается. Приходится объяснять, что от него это — никак не зависит. Но он — попробует что-то сделать. Но — твердо обещать не будет! Интернета и телевизора — нет и в помине, из развлечений — кино, да разные концерты. И пусть последних проводится немало — в разных местах и по разным поводам, но спрос у людей есть!

Медицинскую комиссию Иван прошел очень быстро — пока нет той кучи проверок, анализов, собеседований и исследований, которые напридумывали потом, в будущем. А здесь — хирург, окулист, ЛОР, называемый — «ухогорлонос», терапевт. Ах, да! Еще и справка, что на учете у психиатра не состоишь. Все! Потолкался Иван в толпе таких же, как и он парней, послушал разговоры, обсуждения, сплетни разные. Ну все — как и в будущем, в таких же очередях в военкоматах. Разные страшилки, откровенное вранье, изрядное хвастовство — пацаны письками меряются, чё? Но парни все спортивные, подтянутые, крепкие.

По поводу этих отлучек наслушался от Ильи — по самое «не балуйся!». Концерт, концерт и только концерт! Нет более важного дела сейчас для всех них! И быть — не может!

Уже изрядно усталые, опустошенные очередной репетицией Ильи, они сидели у того в кабинете. Сам Илья, Игорь Калошин и... Варя. Директор был и сам вымотан «донельзя» сидел молча прихлебывая чай, размышлял о чем-то.

— Ну что — все на мази, не так ли? — спросил Косов.

Калошин кивнул:

— Да, вроде бы все получается, — потом улыбнулся, кивнул на Илью и сказал, — Ты на Илюху не обижайся! Перфекционист, и этим все сказано. Но... тут и по-другому нельзя. Только так! Молодец, Илья! Расслабимся уже после концерта. Ты, Ваня, еще нашего Матайса не знал! Вот где был — зверюга, да, ребята?

Илья и Варя оживились, заулыбались.

— Матайс — это наш преподаватель и завуч в культпросветучилище. Он потом директором стал. Все сценки, все номера, все концерты он готовил так, что девчонки слезами умывались, а парни кулаки сжимали. Но зато — все концерты были — образцово-

показательными! Ох и человечеще был!

— А почему был? — спросил Косов.

— А утянули его от нас! Куда-то... в Ленинград, вроде бы, соблазнили.

— А кто концерт вести будет? А то я как-то мимо этого прошел! — поинтересовался Иван.

— Ну как кто? Чего искать людей, если уже все обкатано. Первую часть концерта — Кира, — тут Варя немного сморщилась, — вторую часть — Елкин!

— А Елкин — это кто?

— О, дружище! Елкин! Елкин — это еще одна легенда культуры нашего города! Савелий Елкин — это что-то!

Калошин рассказывал интересно, смешно, передавая все в лицах.

— Елкин — он сам человек-концерт! Его можно слушать часами. А как он работает на сцене? Как он держит зал!

«Интересно будет посмотреть на этого конферансье!».

Варя тоже развеселилась, стала рассказывать какой-то смешной случай.

— А еще, Ваня, Елкин — это такой бабник! Представь — сам метр с кепкой, худой, весь какой-то нескладный. Но женщины от него — без ума! — продолжил после Вари Игорь.

— Просто он очень обаятельный! — возразила Варя.

— Ага, обаятельный! Мужики, которые раньше с ним не сталкивались — зубами скрипят, матерятся втихушку, видя, как этот обаятельный тип обхаживает их дам! И ведь так заплетет-заворкует даму, что та вся млеет. А он в это время ее по попе наглаживает! Нам с тобой, Иван, еще учиться и учиться этому высокому искусству соблазнения! Мэтр, иначе и не скажешь! Правда, Варя?

Женщина засмеялась:

— Да, Савелий — он такой! Ну а что по попе погладит — так он так это сделает, что... вот нисколько не обидно! Даже — приятно! Обхождение имеет. Не могу сказать, есть ли вообще женщины, которые в обиде на Савелия.

«Ну монстр, не иначе! Интересно будет пообщаться с мэтром!».

— Да он и в мужской компании — душа! А какие тосты выдает — там не знаешь, толи пить, толи за живот держаться от смеха. Анекдотами сыпет — и ведь не помню, чтобы он хоть раз повторился.

Тут и Илья подал голос:

— Просто он человек очень хороший. И судьба у него такая. Его в Киеве петлюровцы расстреливали. Чудом живым остался! А потом еще и в Одессе при французах в «контрразведке» сидел. Ему бы... памятник надо ставить. А он — простой как... как человек с улицы.

— Так он, получается, герой Гражданской? — удивился попаданец.

— Ну... можно и так сказать. Только этот герой — не где-нибудь в высоких кабинетах сейчас, а здесь, рядом. И посторонний никогда не догадается, что такой вот... человек перед ним!

— Так... а сюда, в Сибирь, как его занесло?

Илья пожал плечами:

— Не знаю... Только он уже давным-давно здесь живет.

— Ну вот видите — какие люди с нами будут работать! А Ты, Илья, еще беспокоишься. Как я слышал, хороший конферансье даже плохой концерт может «вытянуть».

— Может. Это так. Только... нам нужен очень хороший концерт! А Савелий пусть будет... такой розочкой на торте!

Калошин еще оставался в кабинете у Ильи, обсуждая какие-то детали, а он повел Варю вниз, проводить до крыльца... Угу-м, «до ветру» дамочка попросилась.

Когда она вернулась, и они зашли в вестибюль, она спросила:

— Может пригласишь к себе? Покурим в тишине. А то эти трудоголики уже изрядно... утомили. Или ты меня... боишься?

— Ну скажешь тоже, красавица! Пойдем...

Они стояли, курили у приоткрытой форточки окна.

— Она красивая! — негромко сказала Варя.

— Кто? — не понял Косов.

— Подружка твоя! Лиза. Красивая, да. Только ведь она... старше тебя, изрядно старше.

«Но ты-то — тоже старше! И ведь не скажешь ей в лицо такое!».

— Как она светится вся! Радостная такая... Хорошо дерешь ее? — Варя держала папиросу в пальчиках, а сама смотрела на него с улыбкой.

Иван поперхнулся, с укоризной посмотрел на женщину.

— Да ладно тебе! Видно же — хорошо дерешь! Женщина, когда довольна этим, она вся... Видно это. Женщинам сразу понятно. От нее даже пахнет... по-особенному. Довольством пахнет, радостью плотской.

Помолчали.

— Ну и зачем она тебе? Или — ты ей? Ей муж хороший нужен. Красивая, умная. А ты... пацан! Что ты ей сможешь дать... ну кроме постели? Отпусти ее.

— А тебе... что я смогу дать? — Косов старался не смотреть на Варю, хотя чувствовал, как она подвинулась к нему.

— Мне? Мне ты уже все дал — песни хорошие, отношения свое... тоже хорошее. Известность... это только дело времени.

— Так что же... тебе еще?

— Мне? Я не могу так... не привыкла! Бывало, что мне что-то давали. Вот — Илья потом — Игорь... Еще были... Но и брали — тоже. Теплом, участием, телом. А вот как с тобой... Ты мне... многое. А я, получается, в ответ — ничего. Так не бывает. За все надо платить! Иначе заплатить все равно придется, но позже, и может быть — гораздо больше платить выйдет. Не люблю оставлять долги.

Иван хмыкнул.

— Ну... осенью же ты — оставила.

— Да, оставила. Ошиблась. Можешь меня дурой назвать — так и есть. Вот и хочу... отдать должок. Пока — больше не накопилось!

Косов почувствовал, как ее крепкое, крутое бедро вплотную придвинулось к нему. И ведь как хитро придвинулось — не сбоку, не сзади, и даже не спереди — оперевшись ему в ногу! Нет — прямо между ног, прижав все его достоинство — прямо как к стенке приперев!

«Это... удар ниже пояса! Нечестный прием! Хотя... не удар, но тоже — вполне радикальный способ. И даже чувствую, как результат уже... есть! Прямо моментально результат проявился... и все увеличивается!».

Его рука, как сама собой, легла на бедро женщины, сжала его.

— Ну вот видишь, ты же сам хочешь! Чего же ты... упрямишься? Обижаешься за тот раз? Ну так я... извинюсь. Как умею, извинюсь! Ты же хочешь меня, да?

Он уже обеими руками обнимал ее за попу, а она стояла, закинув голову и глядя ему в глаза.

— Она... она ревнивая у тебя? — и глаза у нее такие... даже не с любопытством, а с интересом, серьезным таким интересом!

— Х-м-м... не знаю. Вроде бы... не очень.

— Я тоже так подумала — не похоже она на ревнивицу. Легкая. Я бы такую... в подруги не отказалась занять. С такими — легко. И весело.

— Она и человек... хороший.

— Да? Ну — похоже на то. И правда, этой Лидочке позавидовать можно — такая подружка у нее. Ну так что? Ты мне не ответил... Могу я... извиниться перед тобой?

— Можешь..., - прохрипел он. Ага... уже давит там, внизу. Изнутри штанины давит, и снаружи — ее бедро, — Только я... требовательный. Одного раза... мало будет.

— Так кто же... про один раз говорит? Почему же — один раз? Я же так не сказала, правда, Ваня?

Они целовались.

— Смотри... может, еще передумаешь? А то я люблю разнообразие в постели. Тебе может не понравится!

Она засмеялась:

— Ты меня прямо интригуешь! Ничего... я крепкая, выдержу. И кто сказал, что я сама не люблю разнообразия? Может тебе Калошин чего наплел? Тот — может!

— Нет... о таких подробностях... мы не разговаривали.

— Ну и хорошо! А то я бы ему космы повыдергивала!

— Но ты же... продолжаешь с ним спать! И как с этим быть?

— Ванечка! Я молодая, здоровая женщина. Мне иногда надо! А Игорь, он хоть и... мудака, но человек, все же, не самый плохой. И подлостей он не сделает.

— Подлостей не сделает? А тогда, когда вы с Ильей...

— Ой, да что ты знаешь про нас с Ильей? Хотя... ну вот ты сам с ним знаком уже больше, чем полгода. Ну и как с ним жить? Это же... невыносимо иногда бывает!

— Но Тоня же живет с ним?

— Ну да, живет... Только еще не так долго. И к тому же... может у нее терпение ангельское? А я так не могу. У меня тоже... характер!

— Ладно... оставим.

— Да, лучше не будем. Не говори о том, чего совсем не знаешь. Лучше вернемся к нам... Хочешь, я больше не буду... с Игорем? Мы и так-то... встречаемся с ним — раз в месяц — много!

— Это... это значит — уже ставить тебе условия! И это — уже отдача долга, да? Нет, я так не хочу, а, значит, и такое условие тебе ставить не буду!

— А ты интересный! — она засмеялась, — Сколько бы баб хотела бы иметь такого... дружка! Даже условия не ставит!

Она провела рукой у него... внизу. Удивилась.

— Ого! А ты... не мал! Очень даже немал!

— Тем интереснее будет отдавать долги?

— Пошляк! — она, смеясь, шлепнула его по груди ладошкой, — Но ты прав! Так будет... интереснее!

Потом задумалась:

— А хочешь... я останусь с тобой... сегодня?

«Ага! А тут и Лизонька подкрадется! Не-не-не... не надь нам такого!».

— Не получится... сегодня. Давай... потом... как-нибудь!

— Ну вот! Поманил девочку конфеткой, а сам... Подружка сегодня придет, да? Вот же... тоже — лакомка! Ладно, Ванечка! Мы еще свое возьмем, да?

Они снова целовались, когда услышали из вестибюля голос Калошина:

— Варя! Ну, где ты там? Ты идешь?

Она с видимым усилием оторвалась от него:

— Ну вот... пойду.

И уже стоя в дверях:

— А ты все же... отпусти ее. Не держи. Для ее же блага отпусти!

Чем ближе концерт, тем более задумчивой становилась Лиза.

«И что происходит? Волнение? Да вроде — не похоже. Задумчива и несколько... раздражена!».

Ночные «пытания» помогли понять. Типичная женская проблема, называется: «Нечего надеть!».

— Ну, красивая моя! Этому горю помочь не сложно! — пытался успокоить подругу Косов.

— Ага, не сложно! Не сложно ему! Как помочь-то? — Лиза злилась.

— Знач-так... собираемся, и завтра едем в ателье. Будем тебя одевать!

— В какое ателье? В то самое? Ты с ума сошел? У меня нет таких денег! Нет... сколько-то есть. Но с этим «сколько-то» — только расстраиваться лишний раз! Нет... никуда я не поеду! — Лиза «уросит»!

— Родненька-рыжунька! Кто тебе сказал, что с тебя кто-то возьмет деньги? — Косов, после того, что было перед этим, настроен был благодушно... и благодарно.

На «рыжуньку» Лиза ответила таким — несильным «пихом» в бок:

— Это что же? Они меня бесплатно одевать будут? Ага! Так я и поверила! — девушка еще не верит в свое счастье!

— Почему же бесплатно? Ты как-то плохо ко мне относишься! У тебя есть я, а у меня есть деньги.

— И что же... ты будешь меня одевать?

— Странно! А почему бы и нет?

Радостный визг и в Лизу вернулась игривая шестнадцатилетняя девчонка.

«Вот такой она мне больше нравится!».

Через некоторое время, еще не отдышавшись от их игривости:

— Слушай! Так они же не успеют все сшить! — опять озабоченность!

— Ну почему же не успеют? У них по моделям, насколько я знаю, есть заготовки-выкройки, они только проводят замеры, шьют, подгоняют. И не две недели ждать приходится, а несколько дней. И с одной примеркой. А если их очень попросить, то что-то могут и прямо сразу сшить. Только за срочность плати и все!

И опять — щенячья радость у любимой женщины! Это же здорово, да?

— Вань! А-а-а... Лиду с собой возьмем?

«Ну кто бы сомневался?».

— Ну почему бы и не взять? Только вот есть одно «но»! Как она будет объяснять

появление вещей своему мужу?

— Х-х-а! А чего там объяснять-то? Он у нее уехал. Навигация начинается! Сейчас он куда-то в Колпашево уехал, а оттуда уже — дальше. Если и появится, то не раньше конца июня! А то и вообще — только осенью!

— Тогда что? Завтра Илью с его репетициями посылаем лесом и едем покупать девочкам красивые тряпочки?

— Да-а-а-а! — он чуть не оглох от ее радостного вопля.

— Ты с ума сошла, прелесть моя? Тут же, этажом выше и Тоня, и сам — посланный лесом! Сейчас прибегут узнавать, что случилось!

— Плевать! Плевать мне, Ванечка! Какой же ты у меня... Ой, какой! Дай я тебя поцелую!

И через несколько минут — скреб-скреб тихонько в двери!

— Ну вот! Докричалась, да? Иди, узнавай кто там и чего нужно? — шёпотом Лизе.

«Нет, понятно же, что это — Тоня. Илья бы не стал так скрестись!».

Лиза подскочила с кровати и, как была голой, пошла к двери.

— Ты совсем уже, родная? А если это Илья? — засмеялся Косов.

— Ай! — отмахнулась от него Лиза, — Ну какой Илья? Тоня это, неужели не понятно!

Приоткрыв дверь, Лиза высунула голову, о чем-то негромко пошептала, хихикая.

— Вань! Накинь простынь на себя! Тоня к нам зайдет, — вынесла вердикт переговорам.

«Совсем рехнулись девушки! А если сюда Илья придет, в поисках подруги?».

Но иногда лучше помолчать, чтобы в женских глазах не выглядеть совсем уж идиотом. Он накинул на себя простынь, сел на топчане спиной к стене. Лиза, довольно беспардонно, пошла назад к топчану, и уселась на него, скрестив ноги по-турецки. Выглядит... очень соблазнительно.

Крадучись, в комнату зашла Тоня. Одета она... в штаны Илья, которые ей безбожно велики и длинны, и в его же расстегнутую рубашку. Все это она пытается одновременно и удержать, и запахнуть, что получается... прямо скажем — не очень. Руки-то всего две! Выглядело это забавно и... трогательно. Она пыталась не косить в сторону Ивана, что тоже не добавляло серьезности ситуации. Сначала Лиза, а потом и Косов начали смеяться, закрывая рты руками.

— Вы совсем уже! Вы чего тут... разорались-то! Ведете себя... как дети малые! — пыталась выговаривать им Тоня, что только добавляло им веселья.

Тоня села у стола, наконец-то справилась с одеждой и замерла.

— Ну! Лиза! Ты чего? А если бы Илья не спал так... как убитый? Если бы он... а не сюда прибежал!

Косов, успокаиваясь, ткнул пальцем в сторону Лизы:

— Я ей тоже самое говорил!

— Ой, да ладно Вам! Такие прямо серьезные, аж противно! Нельзя что ли человеку порадоваться? — Лиза надула губки.

— А чему ты так радовалась? Я уж испугалась, думала, что другое случилось, — спросила Тоня.

— А что могло случится? Думала — убивает меня тут Косов, да? — снова смеется Лиза, — А радовалась я, подруга, тому, что этот вот юноша пообещал мне, что завтра повезет нас с Лидой в то самое ателье, чтобы купить нам одежды, чтобы на концерт мы шли совсем нарядные и красивые.

Такое известие заставило Тоню совсем по-другому отнестись к происходящему. Глазки ее загорелись, про свой внешний вид девушка забыла. А зря! Отпущенная в районе груди мужская рубашка предательски расходится, почти полностью обнажая девичью грудь. Небольшую такую, но очень ладную.

«Двоечка! Очень симпатичная двоечка!».

— Ух ты! Что — правда, что ли? Ой... а я тоже хочу!

Лиза хмыкнула и немного виновато покосилась на Ивана.

«Вот за такие подставы, красивая моя, я с тебя спрошу! Очень крепко спрошу! Должна ты мне будешь! Правда, думается, что Лиза и не будет против такого спроса!».

— Ладно! Как будем обосновывать наше отсутствие на репетициях?

Наперебой женщины доказывали ему, что их-то присутствие — уж точно необязательно! Что все у них хорошо, и дальше — только портить!

— А мне так и вообще... ребята и сами вполне справляются! Мне даже неудобно... девчонки танцуют не хуже меня! А мне приходится какой-то важный вид делать, типа — руководить ими! — это Тоня, сама правдивость и непосредственность.

— Только... Ваня! А там... очень дорого? Так-то деньги у меня есть... Только не очень много. Могу еще у Ильи попросить... Но он же еще и своим помогает, — поджала губки Тоня.

Лиза, лиса такая, подползла к Косову, обняла его за руку и заглянула в глаза.

«Ну и что? Что ты на меня так смотришь? Да нет... денег-то как раз-таки и не жалко! Как пришли — так и ушли, и хрен бы с ними. Тем более, они такие... криминальные, грязненькие!».

Похоже вид Лизы сзади, когда она вот так ластится к Ивану, излишне... открыт, потому как Косову видно, как Тоня, покраснев, отвела взгляд.

— Может быть ты, красавица, все-таки оденешься? Ну или накинешь что-то на себя?

Лиза фыркнула, и поднимаясь, очень подло сдернула с него простынь, обматалась ею. Предоставляя ему право суматошно шарить руками по топчану в поисках одежды. Хоть какой-нибудь! Тоня еще больше покраснела, и отводя взгляд, пробормотала:

— Весело у Вас тут...

— Представь, подруга! И вот этот тип еще недавно убеждал меня, что ему очень нравится моя фигура! Обманывал, подлец!

Лиза демонстративно встала перед Тоней, закрывая тем самым ей обзор и шепнула:

— Развратишь нам совсем Тонечку, бессовестный! Ну! Ты оделся там или еще нет? — оглянулась через плечо.

Когда он, натянув на себя штаны и рубашку, подошел к столу, девушки расселись и начали смотреть на него как два спаниеля, жаждущие пищи.

— Вань! А что там вообще есть? — это Тоня.

— Все там есть! — немного недовольно бормотал Косов, понимая, что дальнейший блуд этой ночью — маловероятен, — Там для таких как Вы — пещера Али-Бабы! И самый главный смотритель этой пещеры — мой знакомый. Зовут его Александр!

— Вот прямо — все-все есть? И что — все красивое? — иногда так просто превратить взрослых женщин в маленьких девочек, жаждущих новую куклу, конфеты, торт... и мороженое!

— Там совсем недавно прошел модный показ новой коллекции женской одежды..., - объяснил Косов.

— Это, Тоня, тот показ, на который Ваня нам с Лидой обещал достать ангажемент, но так и не достал! — ехидно пояснила Лиза.

«М-да... права, ничего не скажешь! И обещал, и не достал! Сначала этот самый показ сдвигали по времени несколько раз, а потом — и вовсе замотался и забыл!».

— М-да... так вот... Там было множество всяких моделей. В общем, выберете сами.

— Вань! А ты же... поможешь Тоне, если ей не хватит? — опять Лиза-лиса, и глазки хитренькие такие.

— Помогу.

Косов поставил чайник на примус, закурил.

— Ой! Я, наверное, сегодня уже и спать не смогу! Я же сейчас все представлять буду, да думать! — признается Тоня Лизе.

— Да, уснуть будет сложно! — Лиза покосилась на Косова, улыбаясь.

Когда они пили чай, женщины продолжали щебетать о своем.

— Тоня! А что... ты про нас с Лизой знала? — спрашивает Иван.

— Да что тут... знала, конечно, подумаешь, тайна какая.

Лиза засмеялась.

— А... Илья?

— Нет... Он думает, что ты просто за Лизой ухлестываешь. И очень этого не одобряет. Но что Вы... ну, что уже — нет, не знает.

— А можно тебя попросить, чтобы это так и осталось?

— Ты, Ваня меня совсем, что ли, за дуру держишь?! — возмутилась Тонечка, — Мог бы и не говорить!

— Спасибо, Тонечка!

Утро следующего дня для Ивана началось рано. Казалось бы, Лиза вот только ушла, — опять затемно, чтобы не подвергать опасности свое реноме. И вроде бы не успел он даже глаз сомкнуть, чтобы немного вздремнуть — вот она уже опять здесь. И уже с Лидой! Только Тони не хватает. О чем он и не преминул сообщить, собираясь повернуться на другой бок, и еще минут пяток... Как же!

— Иван! Не будь таким... поросёнком! Вставай давай, Тонечка сейчас прибежит уже! Или ты опять собрался шокировать ее своим видом? — слышно, как Лиза смеется, — представь, Лида, так засмутил нашу девчонку, что она не знала, куда глаза деть! Абсолютно бессовестный тип!

«Ага... это кто засмутил-то? Кто пригласил ночью девушку к нам в комнату? Кто сидел самым беспардонным образом совершенно голым, не скрывая того, чем мы занимались перед этим? Кто потом сорвал с меня простынь? Я?».

— А Лида... не будет смущаться от моего вида? — пробормотал он, пытаясь открыть глаза.

— Так ты и так сейчас валяешься... ничего не скрывая! — притворно возмутилась Лиза. Косов пощарил рукой вокруг себя.

«Точно... задница совсем голая! И где это... одеяло? Простынь эта... совсем сбилась, и закрутилась!».

— Ты что? Снова закутываться собрался? — возмутилась Лиза и совершенно нелогично всему предыдущему разговору, сорвала с него остатки «драпировки».

Было слышно, как тихо засмеялась Лида.

— Ну вот что ты делаешь, Лиза? Ты же сама меня... разоблачила! — хмыкнув, заявил Иван.

— Да чего тебя... разоблачать? Уже и так всем известна твоя подлая и развратная натура! Вставай! Не томи дам! Я и так который час не могу успокоиться, все думаю — что там будет и как там будет! Давно уже всеми мыслями в этом ателье! Уже и Лидочку заразила своим нетерпением.

Косов посмотрел на Лиду. Та стояла возле дверей комнаты, и старательно старалась не смотреть в его сторону, покусывая губки и сдерживая улыбку. И щечки — розовые от румянца!

— Так... дамы! Может я все же смогу совершить моцион в одиночестве?

— Ой, да что я там не видела? — взмахнула руками Лиза.

— Вот сейчас ты, красавица, опять смущаешь Лиду. А если еще и Тоня войдет — то и вообще... будет совсем... прелестно!

— Вань! Ну вставай, а?! А я пока чай поставлю. Попьем чайку и поедем!

— Лида... ничего что я вот так? — вставая, развел руками Косов.

Та улыбнулась, отводя взгляд, и ответила:

— Я могу выйти. Или вон — сяду к столу, спиной к тебе и не буду смотреть. Лизе помогу на стол накрыть!

Иван прошлепал голыми ногами к умывальнику.

— Нет, ты посмотри на него, Лидочка! Бесстыжий тип! Ты хоть штаны натяни, Аполлон! Еще и Тоня сейчас прибежит!

— Вот Лида, поистине тот редчайший случай, можно сказать — уникальный! Когда Лиза призналась, что я ей нравлюсь!

— Не нарывайся и не выпрашивай комплименты, юноша! Штаны все же натяни! — и сама шлепнула его по «пятой точке»!

Пришлось подчиниться.

Когда он, уже умытый и с вычищенными зубами, вытираясь полотенцем, подсел к столу, к чаепитию уже все было готово.

— Ну вот — а Тони по-прежнему нет! И чего было торопить мой молодой и растущий организм? Еще и выспаться бы успел!

Ан нет! Не успел бы — едва он это сказал, как в вестибюле простучали каблучки и в комнату заскочила запыхавшаяся Тоня.

— А Вы чего еще — не собрались, что ли?

— Да все добудиться не могли... кое-кого! Сейчас, Тонечка, чай попьем и побежим! — Лиза немного успокоилась и перестала «троллить» Косова.

Чай пили... быстро! Женщины все щебетали, строили предположения, чего-то все выпрашивали у него, но ответа не дожидались и снова пускались в обсуждения.

«М-да... как-то я ночью плохо подготовился! Нужно было про эту поездку в ателье — как-то по-другому сказать. А сейчас — это же просто какое-то... стихийное бедствие! Но — поздно! Сейчас встать между ателье и этими красавицами... есть способы самоубиться гораздо проще!».

— А как Вас... Илья отпустил? Или я — опять во всем буду виноват?

— Ой, да успокойся ты... Все нормально! Мы с Тоней, еще до прихода Лиды уже все решили! Илья уже во всем согласен и ко всему готов. Хотя... возможно ты и будешь виноват. Ну тут, Ваня... как всегда!

— Спасибо, Лиза. Успокоила. А что с библиотекой? Кто там останется?

Лида, улыбаясь, пояснила, что метеор по имени Лиза уже и здесь все решила — привела из школы девочку-старшеклассницу, которая и посидит сегодня в библиотеке.

— Маша уже как-то оставалась за меня. Работу знает, и все будет хорошо.

«Вот бы еще и с Ильей подольше не встречаться! Ну — сегодня, по крайней мере. Может завтра он уже будет более спокоен?».

Как всегда, в последний момент Тоня вспомнила, что она что-то забыла в кабинете директора и они, с Лизой, унеслись из комнаты.

— Ваня! Мне все же... неудобно. Лиза сказала, что ты готов добавить личных денег, если... у меня не хватит. Но это... неудобно! Неловко мне!

Он подошел к женщине и глядя ей в глаза, ответил с улыбкой:

— Перестань! Что может быть лучше для мужчины, чем делать счастливой женщину? А Вы с Лизой, для меня — не чужие люди! Я Вам очень благодарен... за все. И сделать Вас, таких красивых, еще чуточку красивее... Лида, не надо — позволь мне распоряжаться своими деньгами так, как полагаю более правильным. Да и куда мне их девать? Отчисления мне постоянно идут, а тратить я их... На что?

Женщина улыбнулась, потом чуть смутилась и негромко сказала:

— Ну... с Лизой понятно. Ты ей... в общем — понятно! А мне... за что?

Косов обнял ее за талию, потом чуть подумав, перевел руки ниже:

— Лидочка! Я по-прежнему... равнодушен к твоей красоте. Да дело даже и не в этом! Не знаю, как сказать... Прошу тебя — не надо слов!

Он поцеловал женщину.

— Ну вот... помаду стер! — засмеялась она. И повернулась к зеркальцу, поправить, — Ты знаешь, Ваня... А я ведь и не видела Лизу прежде такой... счастливой. Она как птичка сейчас порхает, и весела всегда.

Косов подошел, протянул руки и стал поглаживать Лиду по бедрам. Глядя в ее глаза в зеркале, спросил:

— Может... мне получится сделать хоть чуточку счастливее и тебя?

Она улыбнулась, и отведя глаза, сказала:

— Может быть...

— Ну, где Вы там, мы уже выходим! — донесся из вестибюля звонкий голос Лизы.

— Пойдем, Ваня! Не будем испытывать их терпение, — засмеялась Лида.

— Лида... Мы вернемся к этому разговору?

— Вернемся, Ваня... обязательно. Но — позже!

Это было... нечто! Никогда прежде Ивану не было так трудно в этом пути — до станции, потом — на «передвижке», а потом — по пути в ателье. Он то плелся позади женщин, то, обгоняя их, вырывался вперед. Они — временами подхватывали его под руки, о чем-то спрашивали, потом — как будто забывали о его присутствии. И щебетали, щебетали и щебетали.

— Так. Красавицы! Минуточку внимания. Давайте сделаем так... Вы сейчас, в ателье, пока посмотрите журналы, каталоги разные, образцы тканей и модели одежды. А я пока переговорю со своим знакомым. Нужно договорится, чтобы Вас обслужили без очереди, быстро. Может что сразу получится подогнать и уже взять готовым. В общем... дайте мне минут пять-десять для переговоров.

Женщины переглянулись и «вразнобой» кивнули головами. Лиза и Лида сразу зашли в

ателье, а Тоня — чуть задержалась, смущено придержав Ивана за рукав:

— Вань! Ты говорил... ну, про деньги. Может не надо, а? Ну ладно Лиза — у Вас отношения! А я-то... как? Ой! Или ты... и на меня виды имеешь? — и так смешно испуганно прижала кулачок к губкам, что Иван рассмеялся.

— Ну ты чего, Киска-Терпсихора?! Ты очень симпатичная девушка! А фигура у тебя — так просто блеск. Но уж не надо из меня... какого-то маньяка делать! Все-таки у меня есть, пусть и самые остатки, но мораль и понимание, что можно, а что — нельзя. Ты — девушка Ильи. И у нас — очень хорошие отношения, не так ли? Зачем же я буду портить их с Ильей, и обижать тебя? Нет. Не беспокойся! А про деньги забудь. Сколько надо, столько и будет. Я уже объяснял и Лизе, и Лиде, что, в отличие от Вас... и от Ильи — у меня нет родных. Да и траты мои повседневные — не такие уж большие! Так что... будь спокойна.

В этот момент у дверей ателье выглянула Лиза и сделала «страшные» глаза, махнула рукой.

— Ну вот, нас уже ждут! Пойдем! — и он потянул Тоню к дверям.

«Эти все разговоры повторяющиеся... уже достали. А Тоня... Нет, если бы не их отношения с Ильей... Она — славная девушка! И даже, признаться честно, я поглядывал в ее сторону, особенно когда она в том трико занимается. Но вот как подругу? И мыслей не было!».

В холле ателье, кроме его подруг, были несколько женщин-клиенток, которых усилено «окучивали» пара молоденьких девушек-приемщиц. Дождавшись, пока одна из них не освободится, Иван негромко попросил, чтобы та пригласила Александра.

«Вот же тоже — телепень! Уже сколько общались с мастером, а так и не удосужился узнать его фамилии!».

Девчонка с сомнением посмотрела на него, немного подумала, но все же — ушла в недра здания.

«Похоже, Александр-то стал какой-то важной «шишкой» здесь, если его уже так просто и не позовешь!».

Через некоторое время, когда мастер вышел, Иван, сделав успокаивающий жест своим дамам, предложил тому поговорить. И, уже в знакомой небольшой комнате:

— Приветствую тебя, Бог ниток и иголок, идол, которому поклоняются все местные красавицы!

— Опять Вы... хохмите, Иван! — мастер поморщился.

— С чего бы это я хохмил? Кто стал недосыгаем для простых клиентов? Кто стал кумиром для всех дамочек этого города? К Вам еще невесты не выстраиваются в очереди?

— Нет, не выстраиваются. Иван! У меня очень много работы...

— Так... А вот сейчас мне что-то не нравится. Не припомните, а кто сделал Вам столько работы? После чего Ваше ателье завалено заказами? Или я, как клиент, уже не котируюсь? Не помните, с чего началось наше с Вами общение, Александр? Или мои заказы слишком мелочны для такого солидного предприятия как Ваше?

Косов, конечно, перегибал палку. Но та физиономия важного человека, утомленного просителями и «ходаками», с которой встретил его мастер, ему очень не понравилась. Очень!

«Осаживать нужно хлопца! Конечно, это может быть и чревато — тут такие клиентки сейчас трутся, что... Но и терпеть такое — тоже так себе! Потом вообще морды не повернет!».

— Или не мои модели Вы пустили в дело? Не я ли не раз подсказывал Вам идеи? —

Косов, прищурившись, смотрел на Александра.

«Все же... хлипковат ты, Шурик! Хлипковат! Ты портной, а не блатной! Интеллигенция!».

— Ну ладно, ладно! Ну что вы... в самом деле! Правда же — работы непочатый край! Вы по-прежнему наш клиент. Даже — партнер в определенном роде! — мастер «сдал назад».

— Вот, Александр! И попрошу Вас об этом не забывать, даже несмотря на усталость. А вот мне интересно... у Вас появились такие славные девушки. Вы служебным положением не пользуетесь? Пассии еще не завели?

«Ага! Покраснел, бродяга! Есть грешки у Шурика, есть!».

— Ну ладно... К делу! Мне хотелось бы, чтобы Вы, Александр, отнеслись к моим словам со всей серьезностью. Совсем скоро в «дэка» Сибкомбайна состоится концерт. Буквально пара недель осталась. А у Вас в холле сейчас находятся три молодых женщины. Они мои коллеги и участницы этого концерта. Их нужно максимально быстро, но! Без ущерба качеству! Одеть. Модели они выберут сами!

— Иван! Но — две недели! Всего — две недели! Это же невозможно! — возопил «Шурик».

— Стоп! Александр! Во-первых, я все забываю у Вас спросить — а как Ваша фамилия? — и уставился в глаза мастеру. Добавил «тяжести» во взгляд.

— Кинцлер моя фамилия...

«Бля... ну кто бы сомневался, а? Так — точно не я!».

— Так вот, товарищ Кинцлер! Как говорят в Одессе — не делайте мне нервы! Тут Вам не здесь! Не рассказывайте мне майсы! Это Вы своим клиенткам можете жевать в уши, о том, что все их модели пошиты на индивидуальных лекалах, что каждая модель — неповторима! Что я — не знаю, что ли, что у Вас все самые ходовые модели уже раскроены, сметаны на живую нитку и ждут не дождутся, когда их начнут подгонять по фигуре очередной дамочки?! Но я же кричу об этом на каждом углу? Я же — культурный человек, и понимаю слов! Понимаю, какое это таинство — создание очередного шедевра ткани и нитки! Так чего же мы будем тут «семьсоток» выплясывать? Мы же взрослые люди, Саша, не так ли?

Судя по молчанию, Иван был прав, и мастер Кинцлер — сдался.

— Ну так Вы готовы выслушать мою просьбу, мастер? Ага! Я так и думал, что Вы взрослый, даже половозрелый мус-с-чина, а не босяк-халамидник с Привоза! Так вот... Нужны пара-тройка ваших мастеров... Мастеров, заметьте, а не швей-практиканток! Да... мастеров, которые бы очень быстро, и очень тщательно обмерили этих красавиц, а потом — помогли им подобрать модели по фигурам. Фигуры там — вполне себе зачетные, а потому проблем я не предвижу. А затем... Затем — в течение пары-тройки дней — выдали бы «на-гора» все наши заказы. А несколько — даже уже сегодня.

— Это невозможно... ладно — одну-две модели сегодня. И остальное — в течении двух недель!

«Вот зря я ему ляпнул «за две недели», зря!».

— Ну давайте так... одну-две модели — уже сегодня! Не будем подвергать нервы красавиц опасности. Нужно им дать хоть что-то — но уже сегодня! И... ладно, не два-три дня... пусть будут — пять дней! Но, Александр, пять дней! И не беспокойтесь — денег за

срочность заказа... не пожалею! Их есть у меня! Но! Опять же то самое, пресловутое — «но»! Александр. Не нужно думать, что перед Вами какой-нибудь «дядя-сарай», и не пытайтесь брать меня «на арапа»! Деньги мне не жалко, но — имейте совесть! Хотя... кому и о чем я говорю, азохен-вей!

— А вот сейчас было обидно, Иван! Чего это Вы нас... так? Мы знаем предель разумного и лишнего не возьмем!

— Да ладно Вам... знают они пределы разумного! А то я не знаю, что эти пределы — у всех разные! «Папа, папа! Сколько будет дважды два?». «Синок! А мы продаем, или таки — покупаем?». Не делайте мне смешно, у мне губы болят, они обветрены! Мы поняли друг друга, Александр? Или требуется еще один раунд переговоров?

Мастер вздохнул:

— Какой суммой Вы располагаете?

— Вот! Деловой разговор! Сумма... примерно две... нет, две с половиной... Хотя... пусть будем три тысячи рублей!

— Это... на каждую даму? Или на всех трех?

— Ай-я-яй, Саша! И еще раз — ай-я-яй! Прямо — по слогам! На всех троих, на всех троих!

Александр еще пожевал губами:

— Это будет... небыстро!

— Ну так я понимаю! Скажем... через пару-тройку часиков — прикажите накрыть здесь стол, на обед! Вас же не разорят эти траты? Вот и я думаю — что не разорят! Ну что? За работу, мастер?

— Хорошо! Вы как всегда... с хорошим заказом.

— Так а я про что, мастер?!

— Зовите Вашим дам в ту комнату, ну... где костюмерная при показе была. Не заблудитесь? А я пока женщин пришлю, чтобы замеры сделали.

Косов вышел в холл, где уже нервничали его дамы.

— Ваня! А мы уже думали — сейчас как прогонят нас! Скажут — очередь большая, приходите после! — шептала Тоня, пока они шли по коридору.

— А то ты, Тонечка, не знаешь нашего Ваню! Наглец — каких поискать! — улыбалась довольно Лиза.

В комнате стало проще — не было многочисленных костюмов на стенах, шпалер с моделями. Столик остался всего один. Правда, вот — диванчик тоже остался! Вдоль стен стояли немногочисленные манекены с какими-то заготовками.

Сюда с внутреннего двора зашли две женщины — одна молодая, вторая — уже в возрасте. Возрастная дама осмотрела их, включая и Косова и сказала:

— Это Вас нужно одеть быстро и хорошо? Артистки, да? Ну... давайте приступим!

Потом покосилась на Косова:

— А этого молодого человека я здесь уже видела! Это же Вы здесь... ошивались, когда показ был, да? Помню-помню... Никакой стыдливости в Вас, юноша, нет! Еще такой молодой, а уже... кобель!

Иван несколько удивился и смутился.

— Что? Не нравится? Он, девочки, все время здесь околачивался, даже не выходил. А уж тут девчонки-модели постоянно в одних трусиках бегали! Сейчас тоже выходить не будете? Ну... вполне ожидаемо!

На него уставились все — и Лиза, со смехом в глазах; и Лида, с некоторым удивлением;

и Тоня — с испугом.

— Это что же я Вам, женщина, такого сделал, что Вы такие характеристики мне раздаете? Обидел чем, или еще что?

— А не люблю я Вас, кобелей! Наглые больно, да похотливые! Все норовите кому под юбку залезть! Стелите мягко, да жестко спать приходится!

«Понятно все! Тетю кто-то охмурил, в молодости? Или... что еще хуже — дочь ее попала... под «скромное обаяние буржуазии»? М-да... и что теперь? Просить Александра заменить мастера? Хрень какая!».

— А я трико прихватила с собой! В трико-то можно замеры сделать? Я же не голая буду, да? — пискнула Тоня.

— В трико? В трико можно, это же не голой при чужом мужике скакать! — разрешила дама.

— А я буду голой! Мне не стыдно! — а вот Лизу, похоже, тоже «закусило» от слов этой «бабенции», — да и вообще, он — мой друг, и мы друг друга в разных видах видывали!

— Ну — дело Ваше! А Вы... тоже в трико? Или — голой будете? — обратилась вредная баба к Лиде.

Та тоже дернула головой и ответила:

— Трико у меня нет. И не голой я буду, а в белье! И Ивана я стесняться... тоже не буду! Пусть и назло Вам!

— Интересно люди живут, да, Дуся? — хмыкнула «бабенция», обращаясь к молодой.

— Так... уважаемый мастер! Мне это как-то уже... надоело! Мне попросить Кинцлера заменить нам мастера? Вам неприятности нужны за Ваш длинный язык? Вы и про других клиенток такие же гадости говорите? Давно в заштатной мастерской заплатки на портки не пришивали? Так это можно устроить! Нужно Вам это?

Мастер ничего не ответила, только нахмурилась и поджала губы.

— Тогда делайте свою работу и... не варнячайте тут! — прошипел уже зло Косов, — и только попробуйте что-нибудь налажать! Я вам устрою... кружок кройки и шитья!

И потом, сменив тон:

— Девочки! Я пока выйду, покурю. Но скоро вернусь! — зыркнул на вредную бабу.

Курил он долго, успокаиваясь. Потом вернулся к примерочную, где, как оказалось — тех двух женщин — уже не было. Были три молодых женщины, каждая из которых занималась со своей клиенткой. Тоня была, как и обещала — в трико и крутилась перед мастером уже в какой-то юбке, все что-то спрашивая и переспрашивая. Лиза встретила его взглядом, залихватски подмигнула. В трусиках и бюстгалтере. В таком же виде была и Лида, которая посмотрела на него с улыбкой.

«Ну, тут процесс идет и мне здесь делать нечего! Пойду-ка я снова в комнату, покурю, да покемарю, пусть и сидя на стуле!».

Пришел он в себя, когда в комнату зашел Александр. Вместе с ним была девушка-приемщица, которая из судков быстро сервировала стол. Ничего особо выдающегося не было, но пообедать можно.

За обедом женщины всё обсуждали одежду, что-то переспрашивали у мастера, который решил пообедать с ними. Иван — в полудреме старался не вникать в эти разговоры.

Потом — еще пара часов дремы и...

— Получилось немного больше. Три триста! Меньше — невозможно, Иван. Ваши... коллеги имеют хороший вкус... и аппетит. Мы еще договорились с ними по обуви. Там еще

примерно в половину озвученной суммы. Но это — точно не быстро! Это не полуфабрикат пошить. Там работа штучная и небыстрая.

Косов махнул рукой — «Пойдет!».

И снова репетиция. Даже пока не генеральная. Но! Уже не в клубе, а в зале ДК завода «Сибкомбайн». И это уже совсем другая история! Большой зал, новая сцена, наличие примерок и других подсобных помещений. Причем, отдавая себе отчет в важности готовящегося мероприятия, дирекция завода фактически вручила организаторам карт-бланш. «Только чтобы и результат был!».

И вот сейчас Иван сидит в зале, неподалеку от сцены, и наигрывает себе тихонько на гитаре, поглядывая на происходящее на сцене. За кулисы не пошел — там сейчас в примерках суета и нервоотрепка! А выйти, отработать свой номер, он и отсюда сможет — даже удобнее!

В отличие от нервной обстановки «закулисья», на сцене — настоящий «орднунг»! Илья, выйдя на финишную прямую, отчего-то преобразился. Стал собранным, сдержанным и даже немногословным. Нет уже того крика и тех истерик, которые были в клубе — все четко, по делу. И ведь смог себя поставить, смог! Если там, в клубе, большинство артистов злились на директора, даже — обижались, то сейчас — беспрекословно выполняют его установки. Негромкие слова, а подчас даже — жесты стали как-то очень серьезно восприниматься всеми. Ну, пожалуй, кроме самого Ивана, и Калошина. Хотя Игорь тоже вполне серьезно выполняет требования директора, и только за спиной позволяет себе чуток позубоскалить. Косов тоже сдерживается. Старается. Но тут и изменение в образе Ильи помогают — в большинстве своем его требования вполне вняты и логичны. Зачем тогда «ощетиниваться» — если поводов нет?

Косов, глядя на директора, как-то вдруг подумал — «А ведь еще лет через пять-десять будет из него вполне себе опытный, грамотный и уважаемый руководитель!».

«М-да... будет! Если его «кондратий» не хватит во время вот такой подготовки! Как он сам-то на сцену будет выходить, да еще и петь-играть, если он как пружина на взводе! Вот уже и щеки впали, и круги под глазами видны! Надо Тонечке сказать, чтобы как-то... расслабляла его, что ли? Сгорит же мужик! А как расслаблять? Даже вот не знаю... а знают ли они оба про минет, к примеру? Лизе, что ли посоветовать, чтобы просветила подругу, да обучила немного. Х-х-а-а... Ну, если Тоню еще можно представить... То Ильюша, сама серьезность и мораль... Да не! Не бывать такому в их дуэте!».

Иван вспомнил, как через пару дней после их набега в ателье, Илья пришел к нему в комнату с серьезным разговором. М-да...

— Иван! Можно к тебе? — вполне корректно, но как-то с перебором в вежливости, заглянул к нему в комнату Илья.

«Можно подумать он сюда редко заходил? Сколько раз и обедали, и чай вместе пили! Значит что-то серьезное. А что? Да их поездка в ателье и ее результат в виде одежды у Тони!».

— Илья! Ты что-то как не родной! Чего спрашиваешь? Заходи, конечно! — Косов поднялся с топчана, и подошел к столу, — Чай будешь? Горячий еще. У меня и перекусить есть чем...

— Я с тобой поговорить хотел, — «ну вот... начинается!».

— Ну... давай!

— Мне не нравится... как у тебя складываются отношения... с Тоней! Хотя... и с Лизой

— тоже не нравятся. И даже Лида... к тебе как-то... чересчур тепло относится! — взлохматил шевелюру директор.

«А ведь он не уверен в себе! Не знает — а что ему, Косову то есть, можно предъявить!».

— Илья! Давай уж... как мужчина с женщиной! Если ты хочешь сказать, что у меня к Тоне есть что-то... кроме дружеских, товарищеских отношений... То ты — не прав! Категорически не прав! Она мне нравится, да! Но не как женщина! Хотя... глупость сейчас сказал. Она очень привлекательная... Но — девчонка! Я... к ней хорошо отношусь! И первым вцеплюсь в морду тому, кто посмеет ее обидеть! Я что, не понимаю, что у Вас все серьезно? Понимаю! И ты уж совсем из меня... мудака не делай. Я хоть и не сильно моралист, но какие-то... совесть, в общем, у меня еще есть!

«Хотя... по гамбургскому счету — пиздишь, ты Ваня, как Троцкий! Что — хочешь сказать, не заглядывался на ножки и попу Тони, когда она с ребятами в зале занимается? Заглядывался, конечно... Но все же — берега вижу!».

Иван закурил. Молча протянул портсигар Илье. Тот чуть поколебался, но, махнув рукой, взял папиросу. Помолчали, покуривая.

— Илья... может по пятьдесят, а? И нервы успокоишь, и внятно говорить сможешь. Репетиция-то уже закончилась.

Директора подумал, покачиваясь на табурете, и снова кивнул головой.

Иван быстро «накрошил» сала, порезал хлеб и «набулькал» из бутылки граммов по семьдесят. Приняли, немного закусили.

Продолжая жевать, Илья, уже явно расслабившись:

— Ну а эта... одежда? Это как?

В ателье женщины заказали себе примерно одинаковые модели — юбка-карандаш, платье-футляр, коктейльное платье. Какие-то блузки еще. Правда, по цветам была все же разница, тут уж — кому что нравится. Лида и Лиза еще к платьям заказывали... как его там... Болеро, что ли? Но было — красиво. Особенно с коктейльным платьем. И, наверное, в прохладную погоду такое уместно, чтобы закрыть открытые плечи. Еще что-то из летнего... Хорошо, что Косову там явно делают скидки. В розницу, другим людям, это стоило бы существенно дороже!

— Что как, Илья? Я с этой одеждой помог не только Тоне, но и Лизе, и Лиде. И что теперь? Сам знаешь, денег я практически не трачу на себя. А денежка нам с тобой на книжку капает. Регулярно, между прочим. И, в общем-то, неплохой такой ручеек уже получается. Я понимаю — ты там своим родным помогаешь, да и сами вы тратитесь. А я? Да мне на себя и моей зарплаты хватает. Ну и куда мне эти деньги девать? Копить, как Плюшкину? Глупость.

— Ну... потом же и у тебя будет семья, дом. Почему бы и не копить?

«М-да... семья, дом. Эх, Ильюша! Через два года здесь такое начнется... Какая, на хрен, семья, дом?».

— Вот когда будет все это — тогда и буду думать. А пока... Почему я не могу помочь своим близким? А ведь Вы и есть мои близкие. Ближе-то... кто у меня? Кого я знаю-то в этом городе? Ты, Тоня, Лиза, да Лида...

— Я понимаю... Но... у тебя же вроде бы... женщина есть? Ну... она еще приезжала к тебе, тогда... когда ты побитый лежал.

«Оп-па! А это уже кто? Лиза? Тоня? Скорее — Тоня. Вот же... болтушка! Так она и про Лизу... Хотя, нет. Она ясно обещала!».

— Есть... и что? Свою женщину я содержу... ну, то есть помогаю ей. Илья! Может

хватит уже об этом? Про свое отношение к Тоне я сказал. Здесь я с тобой честен. А про моих женщин... Давай я уж сам как-нибудь разберусь, хорошо?

— Но, Иван... эта одежда... а Тоня сказала, что еще заказала. Это же — недешево! Давай я тебе... хотя бы частями буду отдавать?

«Знал бы ты, насколько недешево! Но... и слава богу, что не знаешь! Женщинам я тоже ничего тогда не сказал — отдал Александру деньги один на один и все! Тоня, простая душа, похоже, даже не догадывается, сколько это стоит. А Лиза и Лида... те, скорее всего, предполагают, но будут молчать!».

— Илья! Вот я тебе говорил, говорил... а ты как будто ничего и не слышал! Мне не нужны никакие деньги! Если уж так хочешь — возьми скопи их, свои, и... да вон — себе хоть что-то купи! Зимнее там, костюм какой... Ты же директор клуба! Должен и внешне соответствовать, а не носить пиджак... по десять лет.

На том и расстались, хотя было видно, что Илья все-таки был против. «Против шерсти» ему такой расклад.

А вот и Лиза вышла на сцену. В цветастом платье чуть ниже коленей, рукава короткие, «фонариком» — сейчас здесь это самое модное. Узкий поясок подчеркивает талию. Платок на плечах — ну, для соответствия содержанию песни. Хороша! Ножки полные — ровные, длинные. Щиколотка узкая, аккуратная; белые туфли на небольшом каблучке. Когда начинает петь, чуть пританцовывая, край платья колышется, открывая красивые колени. И лицо красивое, обрамленное светло-рыжими локонами!

Косов с улыбкой смотрел на подругу, и снова вспоминал, как он попытался донести до мастеров в ателье свои пожелания по поводу юбки-карандаш на Лизе. Они, по его требованиям, все больше заужали и заужали синюю диагональную юбку, пока не получилось — «в полную обтяжку!», даже швы, сметанные «наживую» стали расходиться.

— Нехорошо! Боюсь, что шлица сзади разойдется при ходьбе! Да и как вообще ходить в такой узкой? — покачала головой молодая швея.

— Зато смотрите, как красиво! Это же... картинка! — настаивал Иван.

— Так попу же как облегает! — запротестовала швея.

— И что, разве некрасиво? — любовался Косов.

— И шлица... если как Вы предлагаете! Она же так высоко уходит... Край чулок же видно будет! — противилась швея.

«Ни хрена вы не понимаете в красоте женских ножек, и степени воздействия такой красоты на мужиков! Край чулок ей, видите ли, виден будет! Да это же... самый смак! Самый цимес! Когда вот так, вроде бы случайно — и раз! мужик увидел край чулка! Все, пиздец! — бери его за ноздри и веди его хоть куда: хоть в загс, хоть на бойню!».

Сама «модель» пыталась разглядеть себя в зеркале, крутилась, поглядывала на Ивана с улыбкой.

Точку в споре поставила Лида:

— Вань! Смотри — даже шовчики от трусиков видны. Неприлично! Как в таком по улице ходить?

«М-да... как-то я и не подумал, что стрингов-то сейчас нет! Или «придумать» их? Хотя... вряд ли сейчас женщины такое наденут! Неприлично же! А как жаль-то!».

Косов в расстройстве махнул тогда рукой и вернулся в комнату, дремать.

В перерыве репетиции, в коридоре за кулисами, послышался смех. Иван

заинтересовался у Калошина:

— Чего там?

— А-а-а... А это, друг мой, прибыл Савелий Елкин. Пошли, пошли — посмотришь! Да и познакомлю Вас. Сам сейчас увидишь, какой это человечище!

— Слушай! А чего это вы все его так — Савелий? У него что — отчества нет? — засомневался Косов.

— А он терпеть не может, когда его по отчеству называют! Ну — если только что-то совсем уж официальное. А так, в разговоре — только по имени!

В коридоре, в окружении артистов стоял невысокий и худощавый пожилой мужчина. Был он одет довольно просто — в какой-то поношенной темно-серой паре, с кепочкой на голове. Морщинистое лицо, серые поблекшие глаза.

«Такой... совсем простой дядька. На улицах таких — пучок на пяточок! И чем же он так славен среди творческих людей города?».

Только вот улыбался дядька хорошо — доброй, даже какой-то беззащитной улыбкой!

«Очень уж он Зиновия Гердта напоминает. Не один в один, но вот совсем рядом!».

Елкин как раз стоял, слушал с улыбкой одну из танцовщиц, поглаживая ту по руке. Потом повернулся к Варе, развел руками:

— Варенька! Вы как всегда — хороши! Все расцветаете? Когда же Вы остановитесь в таком коварном для мужчин деле? Мне даже страшно становится — какая фемина! А уж как Вы поднялись творчески! Слышал, слышал Ваши новые песни. Ну что, думаю Руслановой скоро придется подвинуться на московской сцене. Молодец, девочка! Какая же Вы молодец!

«М-да... и голос — чуть хриловатый баритон, очень уж хорош! Как-то завораживающе звучит. Убаюкивает, как матерый кот!».

— Родные мои! Мы с Вами еще непременно пообщаемся! Я очень рад всех Вас видеть, очень рад! Но нужно же и поработать, а то я и сценарий концерта видел совсем мельком, что уж и вовсе непростительно. Ну и где же режиссер этого проекта? Илья! Очень рад! Очень! Ты здорово вырос творчески с момента нашей последней встречи. Молодец! А уж музыка твоя к песням — выше всяческих похвал. Какие они получились, эти песни, а?! Заткнул ведь за пояс наших маститых авторов! И поделом! Молодым — везде у нас дорога!

Иван с Калошиным подошел поближе.

— А-а-а... а вот и наш Игорек! Все летаешь, коварный соблазнитель? Все кружишь, аки беркут над бедными беззащитными девочками? Ох, смотри у меня, ох смотри! Не обижай девочек!

Калошин, улыбаясь, пожал руку конферансье:

— Да будет Вам, Савелий! Не так уж они и беззащитны, эти девочки! И кто из нас более коварен — еще посмотреть нужно!

— Ты прав, мой друг, как же ты прав! Эти цветы вокруг нас — подчас полны яда. И очень просто мужчине порой попасть в плен такой красивой росянке! Но все же... не обижай такие красивые создания. Их надо любить, лелеять и холить. Ведь посмотри вокруг — это же прекрасно, что здесь так много красивых женщин. А вот я вижу новые лица! Да какие красивые, эти лица!

«Это он увидел подошедших стайкой Лизу, Лиду и Тоню!».

Елкин с женщинами познакомились-раскланялись!

— Ну, Илья... если уж тебе удалось собрать столько красивейших женщин, концерт не может не удался!

«Какая у него богатая мимика — вот он улыбается, вот задумывается, а сейчас — как будто немного грустит. А сейчас — искренне рад встрече. И интонации меняются — голос то становится гуще, но не громче; то — понижается до доверительного тона; то полон веселья, или радости! А потом — укоризны, но такой... мягкой и ненавязчивой! М-да... интересный дядька!».

Ивана представили Елкину. Тот, чуть наклонив голову, как умный ворон, посмотрел на Косова, пожал руку. Рукопожатие его было приятным. В меру крепким, а ладонь была сухой, теплой и чуть шершавой.

— Молодой человек! Я уже не раз слышал о нашем новом творческом дуэте — Вас и Ильи. Ну вот и познакомьтесь сподобился. И что я могу сказать? Не оскудела наша земля талантами! Рад, очень рад познакомится с таким молодым, но уже таким плодовитым автором. И как же удачно, что Вы нашли друг друга — поэт и композитор. Знаете, это дело такое... нечастое. Порой авторы долго ищут, перебирают партнеров. Часто это сопровождается неудачами, потерей времени. А здесь — бах! — Елкин обеими руками изобразил этот «бах!» — и такой тандем получился и быстро набирает обороты. Главное, друзья мои, не поссорится сразу, после первых успехов. Это порой кружит голову, появляются разные, иной раз — откровенно дурацкие мысли! Нужно пережить этот первый успех, перетерпеть и быть дружнее, участливее друг к другу!

Косов почувствовал, как щеки его заливают румянец. Незаслуженная похвала — жгла!

— О! Наш юноша смутился. Значит медные трубы еще не коснулись его ушей! И это — хорошо! Сохраняйте это как можно дольше! Молодец! Ну..., - Елкин чуть придвинулся к Косову, и доверительно, — Мы с Вами еще пообщаемся, не так ли, Иван?

Только и оставалось, как кивнуть, и даже так... смущенно, ножкой по полу пошаркать. Даже злость на себя появилась!

«Как юнец расчувствовался, право-слово!».

Подняв голову, Иван увидел смеющиеся глаза. Кира... Это ожидалось, конечно. Но... Лучше бы ее сейчас здесь не было. Кира с Лизой и Лидой и раньше общались, и вроде бы — неплохо. Но ситуация изменилась — Лиза... как бы это... перешла в другой статус. И что сейчас будет между его знакомыми женщинами, он предугадать не брался. Может все останется, как и было, а может изменится. Косов предпочел сбежать, лишь только расцеловался с Кирой. В щечку, конечно. Не иначе!

Он по-прежнему сидел в зале, в уголке, стараясь не отсвечивать. Наблюдал, улыбался, думал. Иногда смеялся. Выходил на свои номера, исполнял их и вновь уходил в уголок. Пару раз к нему еще подсаживался Игорь, удивлялся такому уединению, предлагал присоединиться к другим артистам. Но Иван, улыбаясь, отказывался — «дескать, там шумно, а ему хочется побыть одному!».

Смотрел, как Илья сидит на втором ряду с Елкиным и Кирой, и что-то обсуждает. Илья все больше говорил, иногда — довольно эмоционально, даже немного размахивая руками. Елкин больше слушал, кивал, что-то переспрашивал и опять же, судя по реакции — соглашался. Кира просто слушала, смотрела, иногда улыбалась.

Несколько раз к нему подбегали Лиза и Лида. Присаживались, что-то говорили, смеялись, отдыхали. Потом — снова убегали.

— Я так благодарна тебе, что вовлек меня во все это! Мне так это нравится! Вот прямо сейчас бы расцеловала, но — неудобно! — шептала ему Лиза. А Лида рядом — просто

улыбалась. Похоже ей тоже — все нравилось.

Несколько раз ловил на себе взгляды Киры, улыбался ей, но не подходил.

На большом перерыве все собрались в самой большой гримерке, чтобы перекусить. Места было маловато и каждый устраивался, как мог. Часть продуктов в уже готовом виде предоставила администрация ДК, часть — особенно спиртное, в небольшом количестве, притащили они с Калошиным. Улучили момент — и сбегали в магазин неподалеку.

Илья сначала надулся, как мышь на крупу, но потом согласился, что если по чуть-чуть, то можно, ничего страшного не будет.

Дирекция ДК, надо сказать, заняла странную позицию. Директор почти постоянно находился рядом, но в процесс не вмешивался. Смотрел, молчал. Да! И помогал чем мог, по мере обращения за такой помощью. Указания он такие получил, что ли? Типа — «Не мешать и ни в чем не отказывать!». Правда на Илью поглядывал с подозрением, с опаской — не иначе опасался, что подсидит его мерзавец залетный!

Когда голод был сбит, начались какие-то посиделки. Наверное, именно про такие рассказывают артисты после выхода на пенсию. Время до конца перерыва еще было, на сцену никто не звал. В основном, блистал, конечно, Елкин. Сыпал шутками, рассказывал какие-то побасенки, веселил людей. Очень смешно выходило и душевно! Уже без удивления видел Косов, как буквально заглядывая ему в рот, слушают люди конференсье.

— Ну-с... а молодые люди что же примолкли? Может порадуют нас какой веселой историей? — обратился он к Калошину, и выходит — к Ивану, потому как сидели они рядом.

— Соревноваться с мэтром? Так себе затея..., - пробормотал Косов.

Елкин услышал, улыбнулся:

— Ну, Иван, не всегда же я был... как вы сказали — мэтром. Игорь! Может быть споешь что-нибудь?

Но Калошин отказался:

— Если спеть — это вон, к Ивану. У него постоянно что-то новое, неизбитое!

Быть в центре внимания многих людей, большая часть из которых молодые, красивые женщины, конечно, приятно. Но — не всегда!

Иван как раз разглядывал коленки сидевшей напротив него танцовщицы.

«Очень ничего себе коленки! Очень... симпатичные!».

Лиза, запеленговавшая его взгляд, прошипела, не убирая улыбки с лица:

— Ты сейчас дырки прожжешь на трико у бедной девочки! Если уж тебе так... не терпится поглазеть, смотри на мои! — и чуть приподняла выше подол платья, открыв свои, не менее красивые колени.

Ее слова услышали. Получилось так забавно, что присутствующие рассмеялись. Смеялись все, даже Варя, сидевшая чуть поодаль. Особенно веселилась танцовщица, обладательница красивых ножек. Только Кира улыбалась как-то... «деревянно». И это опять было... неприятно!

— Ладно... если Вы так хотите...

Иван взял гитару, чуть подвинулся, чтобы было удобнее:

— Если у Вас нету дома,

Пожары ему не страшны!

И жена — не уйдет к другому,

Если у Вас, если у Вас,
Если у Вас нет жены!

Ему нравилось, что людям нравится! Задумчивый взгляд Вари на него; чуть обиженный — Киры; немного удивленный — Лиды; и восторженный — Лизы.
«Гарем! Как есть гарем! Канон, однако!».

— Если у Вас нет собаки,
Ее не отравит сосед!
И с другом не будет драки,
Если у Вас, если у Вас,
Если у Вас друга нет!

— Оркестр гремит басами!
Трубач выдувает медь!
Думайте сами, решайте сами —
Иметь или не иметь!
Иметь или не иметь!

Заинтересованный взгляд Калошина, размышляющего — стоит песня, или — не стоит? Немного раздраженный — Ильи; веселая, вся в слух ушла — Тоня. И очень задумчивый Елкин.

— Если у Вас нету тети,
То Вам ее — не потерять.
И если вы не живете,
То Вам и не, то Вам и не,
То Вам и не умирать!
Не умирать!

По окончанию песни все захлопали, смеялись. Только Елкин негромко сказал:

— Какая грустная песня... философская, я бы сказал. Хотя — все правильно! Жить нужно полной жизнью, а не бояться постоянно — кабы чего не вышло! Ну, молодой человек, а повеселее что-нибудь есть?

Косов подумал, тряхнул головой:

— Хорошо, когда женщина есть —
Леди, дама, сеньора, фемина!
А для женщины главная честь —
Если есть с нею рядом мужчина!
И повсюду, особенно здесь —
Где природа дика и невинна...

— А-а-а-а ба-боч-ка!

Крыльшками — бьяк-бьяк-бьяк!
А за ней воробушек — прыг-прыг-прыг!
Он ее голубушку — шмяк-шмяк-шмяк-шмяк!
Ам-ням-ням-ням! Да и шмыг-шмыг-шмыг-шмыг!

Иван поднялся, чтобы можно было и интонацией, и движениями передавать... «накал эмоций!».

— А ну-ка, друзья! Все вместе!

Повторил куплет. Люди смеялись, хлопали, подпевали. Он уставился взглядом в танцовщицу «с коленками»!

«Зарумянилась! Понимает же, что это шутка — но ей приятно!».

— Вы мой ангел! Вы — мой идеал!

Моя звездочка, ягодка, рыбка!

Губки — жемчуг, а зубки — коралл!

Хороши так же грудь и улыбка!

Я таких никогда не встречал,

Пусть исправится эта оши-и-ибка!

— Друзья! И снова все вместе! И-и-и...

— А! Ба! Бо! Чка! Крыльшками — бьяк-бьяк-бьяк-бьяк!

Долго Илья не мог успокоить людей, чтобы выгнать их на продолжение репетиции на сцену! Смеялись, перепевали, делились впечатлениями! Даже Елкин, посмеиваясь, приговаривал:

— Вот, девочки! Типичный пример, что Вас ждет, если Вы утратите бдительность! Шмяк-шмяк-шмяк-шмяк! Ам-ням-ням-ням! Да и шмыг-шмыг-шмыг-шмыг! Браво, Иван Браво! Брависсимо!

Лиза пихнула его кулачком в бок и прошептала, смеясь:

— Дома будет тебе и ам-ням-ням и шмыг-шмыг-шмыг! Вот получишь же ты! Ох, Ваня! Ну выпросишь же ты у меня!

Он наклонился к ней и просил шёпотом:

— А что я получу дома?

— Все! Все ты получишь! Вот все-все-все! Все, что захочешь!

— И даже — «И хочется, и колется?»

Лиза расхохоталась, и потом, так же шёпотом:

— Да! И даже это! Я уже и сама этого хочу! Очень хочу!

В коридоре Косов столкнулся с Кирой. Как не избегал, как не увиливал...

— Все развлекаешься, Ваня? — Кира улыбалась, но похоже — через силу.

— Кир! Ну пожалуйста! — прошипел он.

— Что пожалуйста? — и бровь удивленной дугой.

— Кирочка! Милая моя! Не рви ты нервы ни себе, ни мне! И сердце... тоже — не рви! — промычал он.

— Трус ты, Косов! Трус! — губка презрительно приподнялась, девушка развернулась и ушла, только юбка подолом взметнулась.

«М-да... трус. Очень пакостно на душе... как-то!».

Снова сбор оргкомитета. Теперь уже все серьезны. Обсуждаются костюмы.

— С парнями-то все — более или менее понятно! И у музыкального коллектива все есть. С Варей сложнее. У нее много номеров, нужны костюмы. Пусть и не на каждый номер, но... немало! И Лизе... Лиза! А ты можешь выступить в своем? Есть у тебя что-то попроще ближе к народному?

Илья уже видел наряды из ателье. И они — точно не подходят! Они... для дамы, для красоты. А нужно другое.

Лиза задумывается, переглядывается с Лидой. Потом кивает:

— Найду!

— Ну вот и хорошо! Только не забудь показаться мне в этом костюме! Может... не подойдет еще.

Женщины улыбнулись, переглянулись, хмыкнули.

— Так... что дальше? Дальше — танцоры! Ребята, у Вас есть такое... народное? Может и не совсем уж кокошники, но... русское?

Девчата-ребята тоже кивают — «подберем!».

— Иван! Так-то все песни ты можешь петь и в своем. У тебя есть приличная одежда. Да и официоз тут не нужен. А вот для номера с Варей? Те сапоги, да и пиджак... в которых ты в клубе пел... они не подойдут. Далеко не новые, ношенные и вида нет. А там, по сюжету ты — этакий щеголь городской, из народа. То есть... сапожки хромовые, пиджак приличный... Да! Еще и рубашка с длинным таким воротом, чтобы поверх пиджачного выпустить! Кепка.

— Нужен все же запас. На всякий случай! — посоветовал Елкин, — и желательно, все-таки, на всех! Костюмер нужен. Есть предложения по этому поводу?

«Опять двадцать пять! Придется вновь Завадской в ножки кланяться. А... не хотелось бы!».

Косов не то, чтобы боялся этой фам-фаталь, но опасался. Опасался погрузиться в это сладкое, такое притягательное «болото». И ведь Ритка там еще! И обещание свое... он все-таки помнил! Просто так... оттягивал сколько можно! Не мог решиться, «рубануть шашкой», раздать долги по обещаниям.

Все задумчиво молчали.

— Есть такой костюмер. У меня знакомая в Театре оперы и балета работает, — решил Косов.

Удивленные взгляды на него. Но явно с облегчением посмотрел Илья.

— В Театре оперы и балета? У меня там тоже знакомые есть. Но, Иван, там такие... снобы работают. Согласятся ли они помочь? Они же — богема! — усмехнулся Савелий.

— Она там — главный костюмер. Думаю — решит проблемы.

Елкин оживился:

— Позволь, позволь... Это кто же? Неужто Елена Георгиевна?

Косов вздохнул:

— Ну да, Завадская Елена Георгиевна!

— Интересные у тебя знакомства, Иван. Я с Еленой давно знаком. Не сказать, чтобы близко, но знаком. Только не на таком уровне, чтобы решать вопросы по костюмам. Может

по одному костюму, для себя, и решил бы. Но если, как сейчас — нужно много... Нет, не решился бы! — Елкин понимающе посмотрел на Косова, чуть усмехнулся, одними уголками губ.

— Нужен телефон, позвонить, договориться. Может человек занят и не сможет встретиться.

— Ну так что же? Пошли в кабинет директора, оттуда позвонишь! — Илья был настроен решительно.

В кабинете директора, он, чуть замявшись, попросил:

— Илья! И Вы, товарищ директор... не могли бы Вы выйти на минутку. Мне очень не нравится влезать в долги перед кем бы то ни было. Поэтому... разговор может сложиться не так, как хотелось бы. В общем, неудобно мне!

— Иван! Ну... если так вопрос стоит — может тогда и не надо? Ну откажет, да и бог с ней. Чего теперь? Решим что-нибудь..., - Илья был удивлен тем, что обычно нахрапистый Косов мнетя и не решается.

— Да как ты решишь-то его? Где еще возьмешь костюмы?

Илья перевел взгляд на директора ДК.

— Нет, Илья Николаевич! Тут я Вам ничем не помогу — ДК у нас новый, коллектив еще толком не сложились, а потому и базы сценических костюмов практически нет! — развел руками мужчина.

— Ладно... Вы пойдите, покурите, что ли...

Оставшись один, Косов тоже закурил, благо на столе директора стояла пепельница, и она не пустовала. Значит хозяин здесь курит и ничего страшного не будет, если и Иван покурит, настроится на разговор с Завадской.

Позвали ее к телефону быстро.

— Елена Завадская у телефона! — голос деловой, но не неприятный, — слушаю Вас!

— Елена Георгиевна?

— Да, а кто спрашивает? — деловитость из голоса ушла, появился интерес.

— Елена... это твой мимолетный знакомый. Фамилия моя... Косов! Помнишь такого? Вот... застываю пред тобой в глубоком пардоне! — Иван добавил в голос бархатистости и вины!

— Ванечка? Ой! Что же ты..., - было слышно, как Елена прикрыла ладонью трубку, и приглушенно..., - Софочка! Я хочу попросить тебя... не могла бы ты выйти на минутку! Мне очень нужно поговорить... Это довольно интимно!

И через несколько секунд, бархатно так, мурчаще:

— Ну и что же ты мне хочешь сказать, Ванечка? Почему же ты... маленький мерзавец, так обманываешь бедную женщину? Сколько же ты будешь попусту обещать ей?

«Х-м-м... а ведь и правда, мелькнуло что-то такое в голове. Как будто мальчишка оправдывается перед взрослой женщиной. Перед учительницей, вот!».

— Леночка... Хочешь поиграть в учительницу и мальчика? Ты будешь меня строго отчитывать, а я буду виниться перед тобой? Хочешь?

Было слышно, как женщина глубоко вздохнула, а потом, снова — «мур-мур-мур» хрипловато:

— Ах ты негодник! Ты меня заводишь даже на расстоянии! Ну что с тобой делать, Ванечка? У тебя совсем нет совести!

— Лена! Закрутился совсем — не знаю, на чем уже и душа держится! Но я, сладкая моя,

все помню. Можешь не верить мне, но — все помню.

— Ну и когда же? Сколько я могу тебя ждать? — потом негромкий смех, — И сколько я могу обманывать Риту?

«Бляха-муха! Еще и Ритка!».

— Она что — рядом с тобой?

— Ага... боишься? Правильно боишься! Чем дольше мы ждем, тем больше тебе придется вытерпеть! Но нет, Риты рядом со мной нет.

Иван поперхнулся, откашлялся и постарался вернуть себе хоть каплю маскулинности:

— Это еще кому терпеть придется, сладкая моя!

— Ваня! Ну зачем ты меня все больше заводишь? — было слышно, как женщина хихикнула и совсем понизила голос, — я и так уже... влажная! А может... может ты ко мне сейчас приедешь, а?

— Как сейчас? И куда?

— Ну как куда? На службу ко мне. Ты, что же, уже забыл даже и где я служу?

— Лен! Так как там-то... там же люди везде!

— Ой, я тебя умоляю — люди везде! Ага! Что мы, не найдем в таком большом здании какое-нибудь помещение, чтобы... пообщаться?

«Бляха-муха! Вот не хотел же звонить!».

— Леночка! Насколько я помню — ты очень громкая! Сбежится весь театр посмотреть!

Она засмеялась — как ручеек прожурчал:

— Да-а-а... будет неловко! Так-то и пусть... даже пикантно! Но вот службой я своей дорожу, а после такого афронта придется уходить. А может быть ты мне как-то рот зажмешь?

«Ага... кляп в рот. Наручники еще, плеть, кожаные маски... Только вот секс-шоп еще не открыли здесь. И долго еще не откроют! Представляю — вваливается в помещение толпа обеспокоенных артистов и прочих рабочих сцены... балерины там... в пачках, мужики в комбинезонах... эти еще — болеро разные! Хотя нет — этих как раз-таки и не надо! Ага... значит, вваливается вся эта толпа в помещение, а там! мы с Еленой Георгиевной в костюмах из фильмов для взрослых... для очень взрослых! и в позах, ага. М-да... и правда — пикантно! «И каждый вечер перед Вами на арене...»! Цирк уехал, а клоуны — остались, мля!».

В трубке снова горячий шёпот:

— Вань! Правда... приедь, а? Очень тебя прошу!

Косов снова откашлялся:

— Так, Елена Георгиевна! Мое решение сейчас будет зависеть от Вашего ответа. Мне нужна помощь!

— Ох и сволочь ты, Ваня! Ох и гад! Сначала так распалить женщину, а потом — раз и снова о делах! Ты садист?

— А ты — мазохистка?

Она засмеялась:

— Ну ты же знаешь! Зачем спрашиваешь?

— М-да... разговор у нас какой-то... Так что с помощью?

— Ты говори, что тебе надо?

— Про концерт в ДК «Сибкомбайн» ты слышала наверное? Мне нужны костюмы для артистов!

Она помолчала. Потом:

— Слышала. Это интересно! А про костюмы... Решаемо! Сколько, какие, на какое время! — и снова голос изменился, с придыханием, — Ваня! Привози всех сюда. Пока Вы едете, я решу вопрос с дирекцией. А так как дело это не быстрое, у нас с тобой будет время пообщаться! Все! Не тяни. А то и правда — разозлюсь!

Из кабинета директора Косов выходил в смятении чувств.

— Ну что? — спросил дымящий здесь с директором Илья.

— В общем... так! Сейчас, вот прямо сейчас! Все артисты... все, то есть — все! Едут в театр оперы и балета, где им подберут костюмы! Нужен транспорт. Автобус. Еще — срочно нужен перечень: какие костюмы, сколько, на какое время. И лучше было бы... от дирекции «Сибкомбайна» какую-то «попрошайку», что ли? — увидел непонимающие лица Ильи и директора, поправился, — ну... отношение там... письмо или как это там называется... ну типа — дирекция завода просит предоставить... бла-бла-бла... обязуемся вернуть все в целостности и сохранности!

Директор с уважением посмотрел на Косова, понимающе кивнул:

— Сейчас сделаем! А автобус у нас в ДК свой есть — артистов возить!

«Ага! Которых еще нет и в помине!».

Директор убежал решать вопрос с «бумагой».

Илья, на ходу, по пути в актовый зал:

— Иван! А как ты так... быстро все решил? Не понимаю! Как такое возможно? Р-р-р-а-з! И все решено!

Иван, представив реакцию Ильи на свой рассказ, не выдержал, и самым скотским образом, заржал!

— Ой, не могу! Ой... мля... обоссусь сейчас! Ну Илья...

— Ты чего это? — опешил директор.

— Да погоди ты! Сейчас... сейчас все пройдет! Вот... у-у-у... бля... Все-все-все!

Остановился, отдышался, и вытирая глаза:

— Извини... чего-то я перенервничал, что ли. Там такие люди... непростые все же. С ними разговор вести... непросто!

«Блядь такая! Вот чувствую себя сейчас... проститутком каким-то! Сонечка... мля... Мармеладова! И... «положил за други своя»! История эта должна умалчиваться, что именно положил герой «за други своя»! А то... не канон получается! Вообще — не канон!».

Илья, Варя, Лиза и танцоры уселись срочно писать перечень костюмов. И что-то они... размахнулись, похоже! Ну да — аппетит приходит во время еды. Калошинцам костюмы были не нужны. Ну и пусть их!

Здесь начинается откровенный отрывок! Если Вам не хочется погружаться в разврат — можете не читать! Я предупредил!

За костюмами поехали Варя; Лиза, с Лидой, конечно же; Тоня, которая хотела что-нибудь посмотреть для танцоров детской группы; танцоры и Иван. Увязался с ними и Калошин. Тому было просто любопытно. Или, как вариант, ради продолжения охмурения так понравившейся ему танцовщицы. Кстати, не той, на чьи колени пялился Косов.

Мест в автобусе было с избытком, и поэтому все расселись по интересам. Калошин присоседился к танцорам, а Иван и остальные женщины сели чуть поодаль.

Женщины все болтали о своем. Обсудили Савелия, поохали, какой он славный и интересный. Потом — о разном. Чаще всего и дольше — о «тряпочках». Именно здесь

прозвенел первый, такой тревожный для Ивана звоночек. В какой-то момент, совершенно неожиданно для него, Лиза подвинулась к его уху и прошептала:

— А у меня к тебе, мил-дружочек, есть вопросы! — и продолжила, зараза такая щебетать с подругами, отмахнувшись от его вопросительного взгляда, — Все потом, хорошо?

«Не... ну нормально, да? Она там чего-то себе надумала, провела анонс, так сказать... а мне сейчас — сиди, думай, о чем она вообще?».

Да, подумать было о чем. Хотя бы — как сейчас разругать ситуацию с Завадской? Косов, конечно, не думал, что Елена сразу же, при посторонних кинется к нему в объятия, но... а если она и впрямь решит где-нибудь уединиться? И как это обставлять перед Лизой? Да и Лидой — тоже. Да и просто — неудобно. И так уже привлек к себе внимание, у тех же танцоров, к примеру. Скандала не хотелось — совсем! Так что к театру Иван подъезжал хмурым и с некоторым трепетом в душе.

Похоже, что какие-то распоряжения по поводу их приезда уже были отданы, так как в фойе театра, вместе с пожилой вахтершей, их встречала молоденькая девчушка, тонкая как тростинка, но с изрядным макияжем на миленьком лице.

«Опять балеринка? Интересные у них тут курьеры и посыльные!».

— Проходите, товарищи! Елена Георгиевна Вас уже ждет! — прошептала девчуля и повела их по коридорам здания.

Угу... Завадская встречала их во всей красе!

— Спасибо, Танечка! Спасибо, хорошая моя! И не забудь — пуанты привезут на следующей неделе, по вторник! С самого утра — ко мне на примерку. Не забудешь? — с улыбкой проводила Елена девчонку.

— Так! Ну здравствуйте, товарищи! Здравствуйте, коллеги! — Завадская даже банальную встречу чужих артистов обставила как некую церемонию. Встретила она их в каком-то холле, между коридорами.

«Рекреация! Так это вроде бы называлось в будущем. Диванчики вдоль стен, кадки с фикусами... или как там называются эти кусты? В общем — миленько! Посидеть, поболтать между делом — очень уютное место!».

Сама госпожа Завадская сейчас была... что-то среднее между Снежной королевой, и эсесовкой-гестаповкой на входе в концлагерь. Темно-синяя плиссированная юбка чуть ниже колен; безупречно натянутые чулки на ногах; черные туфли вроде балеток; черный же пиджачок, приталенный по фигуре; под пиджаком — синяя блузка и черный узкий галстучек.

Красивое, холеное лицо ее было равнодушно-приветливым. Губы чуть изогнуты в вынужденной улыбке, тонкий ровный нос, казалось, чуть принюхивался к посетителям: «Кто такие? Может — с лестницы спустить? Или покусать сначала?».

Серые льдинки глаз изучающе рассматривали докучливых людишек. Лебединая шея эффектно держала изящную головку, с какой-то вроде бы простой, но одновременно — очень сложной прической.

Как бы само собой получилось, что все приехавшие выстроились вдоль стен холла. Лишь Косов чуть выбивался из этого строя — чуть впереди и немного в стороне.

— Ой! Чего-то мне... страшно как-то..., - услышал он сзади испуганный шёпот Тонечки.

— А у нее на шее... морщинки видны! — еле слышное шипение Лизы. Хмыкнула Лида.

— Знакомиться мы с Вами будем в процессе работы. Иван мне объяснил, что от нас требуется. Работы у нас с Вами много, а времени, к сожалению — мало. Не будем его терять!

Иван! Я просила список необходимого! — и не глядя на Косова, Елена протянула руку. Царственно так. Так могла бы протянуть руку королева, требуя от своего премьер-министра немедленного письменного доклада.

— Вот, Елена Георгиевна! Здесь список необходимого реквизита. А здесь ходатайство от дирекции завода «Сибкомбайн» в Ваш театр о выделении необходимого.

Мельком просмотрев ходатайство, Елена кивнула:

— Хорошо, что Вы об этом позаботились! Так..., - просматривая перечень костюмов и реквизита, — Как я и предполагала — немало! Сразу хочу сказать, что детских костюмов у нас практически нет. Есть небольшой выбор, но он больше тематический, для использования в операх в основном. Но Вам же не нужны костюмы шутов, пажей и прочих... Арлекинов? Нет? Ну вот видите, здесь я ничем помочь не могу. По остальному — решаемо. Прошу пройти следом за мной к костюмерную. У нас очень много костюмов, а помещение, к сожалению, не такое большое, как хотелось бы. Поэтому прошу Вас соблюдать определенную осторожность — костюмы дорогие! Следуйте за мной!

Развернувшись, Завадская, пошла, как поплыла по коридору, не утруждая себя заботой — следуют ли посетители за ней. Ну да — чего же на челядь внимание-то обращать?

Сделав страшное лицо, Косов кивнул остальным — «Вперед!», и направился первым за Королевой.

«Ох как она... вроде бы и бедрами не виляет, но юбка чуть подергивается снизу. Очень красиво! Не идет, а — пишет!».

Когда они молча, придавленные величием царственной особы, прошли в костюмерную, Елена остановила их почти на входе:

— Так, девушки и юноши! Сейчас наши мастера проведут с Вами необходимые манипуляции, и подберут Вам костюмы по размерам. У нас очень опытные и знающие мастера! Настоящие профессионалы своего дела! Предлагаю Вам разделиться — танцоры... да-да, Вы, молодые люди — пройдите в тот конец зала, там Вас ждут!

Иван с улыбкой заметил, как Калошин, практически на цыпочках, прокрался вслед за танцорами.

«На ходу подметки режет! Сейчас в суматохе примерок, очень детально сможет рассмотреть предмет своего интереса!».

— Вас, девушки, прошу подойти к средней части костюмерной. Вас ждут двое наших работниц. Кто из Вас Варя? Вы? С Вами предстоит самый большой объем работ. Костюмов для Вас нужно немало. Но ничего — мы справимся! Та-а-а-к... остается один человек... Да, юноша. Это вы, Иван? Ну что же... с Вами придется работать мне самой, ибо более некому. Не беспокойтесь, у меня вполне приличная квалификация! Да и костюм Вам нужен... незамысловатый.

«Как играет?! Как она играет! Это же обалдеть можно! Все делает, чтобы и лишних вопросов не задавали. Кто же задает вопросы Королеве? И подчинялись беспрекословно!».

— Извините! А можно вопрос? — как примерная ученица тянет руку вверх Тонечка.

Легкая, поощрительная улыбка на устах Королевы:

— Да, конечно! Слушаю Вас, милочка!

— Я по детским костюмам... если уж у Вас ничего нет, могу я просто походить, посмотреть?

Опять улыбка, чуть более добрая, понимающая:

— Вам интересно, да? Конечно, вы можете посмотреть. Только прошу помнить про мое

предупреждение по поводу костюмов. Так, Иван! А мы с Вами — пройдем вон туда, к окну, где стол закройщика. Там мы и остальным мешать не будем, и нам никто не помешает!

«Мне показалось сейчас, или и правда... улыбка была такая... многообещающая? Как у кошки, которая загнала мышку в угол? И что... она хочет... прямо здесь? Да нет... она же не настолько сумасшедшая!».

Следуя за Еленой, Косов зашел за шпалеры костюмов, и оказался в небольшом закутке, перед окном.

— Ну что? Как я тебе? — Завадская сразу же прильнула к нему, и с улыбкой зашептала на ухо.

— Бесподобно! Ты сейчас и не играла вовсе, а жила..., - руки его сразу потянулись к попе женщины: обнять и потискать!

— На том и стоим! Юбку не помни! Подожди... все будет! Давай сначала дело сделаем... Оттягивать сладкое — это же тоже... сладко! — Елена тихо засмеялась, — Так... сразу же давай определимся... чтобы не попасть в неловкое положение. Ты из них кого-то... дерешь?

Переход от величественной королевы к таким оборотам был... ошарашивающий!

Иван хмыкнул, покосился в просвет рядов костюмов. Да нет! Женщины уже ушли в процесс и внимания на них не обращали.

— Не беспокойся! Моим девочкам уже даны исчерпывающие указания, и они будут делать все как надо! Никто из этих женщин из их рук не вырвется, пока я не дам команду! Им сейчас всем — очень некогда! Ну так что... перед кем тебя прикрываем?

— Вот та... рыженькая!

— Да-а? А ничего так себе! У тебя есть вкус! Красивая девочка! Да вон и подруга ее — тоже женщина интересная! А эта... Варя? Или девчушка, которой нужны детские костюмы? Нет? А что так? Здоровья не хватает?

Завадская сейчас стояла сбоку и чуть сзади него, шептала ему в ухо, а сама... всю мяла ему пах. Да чего там мять-то? Там притронуться достаточно и все! Готов! Тем более для такой женщины!

— А Фатьмы не боишься? Не выцарапает она глазки твоей рыженькой?

— Не выцарапает!

— Ага... ну я давно поняла, что Фатя... умная девочка!

Он не выдержал, повернулся к ней лицом и попытался поцеловать.

— Я же сказала — подожди! Думаешь я не хочу? Сначала — работа! Делаем все по плану!

Иван чуть слышно засмеялся:

— У нас есть план? И чей же он? Кто автор?

— Конечно есть! И план этот — мой! Все продумано, не беспокойся!

И уже чуть громче:

— Иван! Ваш костюм проблем для нас не представляет. Я вообще не понимаю, зачем Вам какой-то... именно костюм. Здесь обычная одежда горожанина средней руки.

И вновь шепотом:

— Так... костюмная пара... сапоги, ага! Сорочка... кепка! Сейчас все принесу, померишь. Надо сделать вид примерки и подгонки... Хотя чего там подгонять — у нас мальчики все примерно твоей комплекции. Только вид сделаем и все!

— Мальчики, говоришь... Сладкие мальчики, да? Всех уже, наверное, перепробовала...,

- Косов зашипел, грубо привлекая Елену к себе и довольно сильно сжимая ее попу.

— Ой... Ванечка! Ты ревнуешь меня, что ли? Ой, как приятно! И как же ты... меня стискиваешь... у меня дыхание прерывается. Ну подожди, подожди... сейчас все сделаем, уйдем... а потом уже... если хочешь, я тебе и про мальчиков расскажу!

— Расскажешь? Я же тебя... накажу! Ох как накажу!

— И накажи... да, накажи меня! Но... только потом. Подожди немного!

Чуть выдавал Елену только появившийся румянец на щечках. А так... Хорошо играла!

Она моментально притащила ему требуемое.

— Вот, Иван. Нужно примерить. Раздевайтесь. И давайте... без этого стеснения здесь. Я — костюмер, это, примерно, как врач, да и только!

Он скинул с себя одежду и моментально напялил все, что она принесла. Хотя Завадская и улучила момент, чтобы потискать его за задницу!

— Да! Та-а-а-к... Здесь все нормально. А вот здесь нужно подшить! Да! Приберем чуть-чуть! Вот еще что, молодой человек! Сапожки эти... сценические, для танцоров. Подметка на них совсем мягкая. Поэтому, попрошу Вас, не использовать их... в быту! Только на сцене! Одели на выступление, и сняли сразу после номера!

«Как-то уж совсем обидно она ему выговаривает! Как будто он вообще — дикий, без понимания! Ну-у-у-у... Елена Георгиевна! Погоди, я тебе и это припомню!».

Сквозь шпалеры Косову были иногда видны девчонки. Были они тоже в неглиже, чего-то там примиряли, переодевались, советовались с мастерами. И если Лизу... он уже видел, ага. То вот — Варю... было бы интересно посмотреть! Но — некогда, некогда!

— Так! Все с тобой! Теперь еще нужно отыграть наш с тобой уход! — прошептала Лена, и направилась в сторону девчонок, неся перед собой плечики с его костюмом, — Так! Здесь нужно подшить, а здесь — чуть прибрать, да... по ширине. Да, хорошо!

Оставив костюм на столе у мастеров, она снова вернулась к нему, и довольно громко предложила:

— Так как мы с Вами закончили, Иван, предлагаю пойти выпить чая! Мне еще с Вами посоветоваться необходимо... по одному делу! Вы же помните моего знакомого..., - и подхватив Косова под руку, повела его на выход.

«Ай, молодец! Даже не представляю... может ли кто-то не поверить такой игре?».

Узкий и длинный пенал помещения без окон. Стеллажи с двух сторон, от пола до потолка, на которых складированы отрезы и шкуры разных тканей. Справа от входа какая-то выгородка. В торце помещения, между стеллажами — кухонный стол и два стула по краям его. Довольно тусклый свет от небольшой лампы под потолком.

— Это наша бытовка! Здесь мы с девочками обедаем, да чай гоняем! — Елена повела руками, объясняя ему назначение помещения.

— А тогда Вы прямо в костюмерной что-то отмечали!

— Так здесь видишь, сколько места? Если людей больше, приходится там устраиваться! Он потянул ее к себе за руку.

— Подожди-подожди-подожди... дай я дверь на ключ закрою.

Щелкнул замок.

— Ну..., - выдохнула она с улыбкой, — а теперь давай, негодяй, начинай оправдываться, почему ты меня столько обманывал!

Косов прижал женщину к себе, руками подкинул юбку повыше — «чтобы не помять!», и вцепился руками в попу женщины.

Она застонала.

— Ох, как долго я этого ждала... Объяснений я, похоже, не дождусь... Ну и бог с ними! Поцелуй меня!

Они целовались неистово. Елена перевела руку с его плеча на его пах, стала подтискивать его прямо через ткань брюк, все сильнее и сильнее.

— Подожди... дай я хоть трусы сниму... а то намокнут... и буду потом ходить... благоухать! — она, придерживаясь за него руками, стянула трусики и забросила их на полку стеллажа.

— А найдешь потом? — он проследил взглядом, куда упала деталь туалета.

— Ты сможешь...

Она и вправду уже была... мокрой.

— Стой! — она отстранилась от него. Глаза шалые, которые так пугали и притягивали его еще в тот раз.

— Что?

— Не хочу так... быстро! дай я сама! — женщина с силой развернула его, уперла спиной в стеллаж, — Вот так постой, хорошо?

Улыбнулась, и присела перед ним.

— Ну давай... помоги мне! С ремнем... еще твоим... разбираться!

Он помог, приспустил и брюки, и трусы.

— В-о-о-т... вот он где прячется... такой красивый! — она подняла лицо вверх, снова зыркнув на него пугающе-безумными глазами, — А-а-а-х...

И приняла его в рот. Короткими движениями головы стала загонять его — с каждым движением все глубже и глубже!

«Ох как! Я уже и забывать стал... какая она в этом деле... мастерица!».

Очень быстро женщина заставила его застонать. Работали не только губы, но и язык и умелые ручки!

— Подожди, Ваня... я тоже хочу... не так быстро. Вместе... давай вместе! Я тоже кончу!

— А разве ты не хотела, как-то по-другому...

Она снова оторвалась от него со всхлипом:

— Хотела... и хочу. Но первый раз — так! А то ты... если сразу... быстро кончишь! Лучше так... первый раз. А потом... М-м-м-м...

И снова головой — вперед-назад, вперед-назад... И еще чуть покачивает из стороны в сторону, меняя направление. И язычок... умелый такой... быстрый!

— Еще чуть-чуть, Ванечка! Немного совсем...

Косов увидел, как она сунула руку себе под юбку.

— М-м-м-м... давай... давай... хороший мой! М-м-м...

Он с тихим рычанием, взяв ее за голову, стал насаживать... грубо, глубоко... резко!

Она и сама тянула-рвала его на себя, вцепившись ноготками ему в ягодицы.

«Не пойму... как она не захлебнется и даже не поперхнется?!».

Потом Елена замерла, уткнувшись головой ему в пах. Негромко постанывая...

Он потянул ее за плечи вверх, поставил перед собой, заглянул в глаза.

«М-да... мыслей сейчас в ее глазах... ноль!».

Чтобы она не упала, а она так тяжело повисла в его руках, пришлось приподнять ее за попу.

— Сейчас... сейчас... Ванечка! Сейчас у меня голова перестанет кружиться...

И еще через некоторое время подняла на него глаза, улыбнулась:

— Ох как мне хорошо! Но... ты не выбился из сил? А то я рассержусь! Если скажешь, что уже обессилел!

— Дай только дух переведу... закурю. Ты не против? И здесь можно курить?

Она мотнула головой:

— Кури... Хотя и нельзя. Вот только... вон — блюдце возьми. Не сори здесь. А знаешь... пока ты куришь... я не буду терять времени.

Не успел Косов узнать, что она намерена... Она снова присела перед ним на колени:

— А ты кури... не обращай на меня внимания! — и засмеялась!

«И как тут... курить? Не обращать внимания? Издевается!».

Егохватило ненадолго. Зарычав, он с силой затушил окурок папиросы в блюдце, рывком поднял ее и развернул к себе спиной.

— Давай... ну давай же... что ты копаешься?! — постанывала женщина, и даже чуть притопывала ножкой в нетерпении.

И опять резко, не жалея!

— О-о-о-о... чуть больновато... но как же... хорошо!

Да она и сама не давала ему «нежничать» — подавалась навстречу резко, с силой.

— Ой... вот сейчас... Ванечка... а-а-а-х... чуть приотпусти... а-а-а-а..., - замерла, чуть подрагивая, а потом завывала, но быстро опомнилась, зажала себе рот рукой.

Опустилась на руках на стол, легла грудью.

— Еще... еще давай... мальчик мой!

«Мальчик?! Ну, блядь, я тебе сейчас устрою... мальчик! Забудешь у меня... всех здешних мальчиков!».

Он подался назад, не обращая внимание на ее разочарованный «Ах!», вытащил, и чуть приподнял его, грубо вошел. По-другому.

— М-м-м-м... что же ты... резко-то как? Хоть предупредил бы! Ах... ах... а-а-а-х! Ну и ладно... М-м-м-м... давай еще... Еще... Глубже, Ваня... еще глубже!

Теперь уже они вместе замерли, подрагивая и судорожно вздыхая.

— Ой... Ваня... пойдиди, в выгородке этой... умывальник. Обмойся... А потом и мне надо...

Обычный такой, деревенский рукомойник над раковиной и ветром под ней.

Он снова курил, уже расслаблено сидя на стуле. Лена плюхала водой в выгородке, постанывала и посмеивалась.

— Вот же... грубиян! Ну нельзя же так... с женщиной! Нет, все же дома куда как лучше! Удобнее... или комфортнее. Правда, Ваня? У-у-у... подлец! У меня же болеть теперь будет.

Дождался, когда она выйдет, подойдет к нему, встанет, чуть расставив ножки и уперев руки в бока.

— Извини, Леночка! Что-то на меня нашло... Не нравится, когда меня мальчиком называют.

— Да? Буду знать. Не извиняйся! Мне было хорошо. А то, что болит немного..., поболит и перестанет! Но... Ты же сам хотел поиграть в учительницу и мальчика? А, мальчик?

— Ты опять? Не надо... а то опять больно сделаю!

— Нет... так пока — не надо! А вот отшлепать... можешь!

— Давай эти игры до дома оставим?

— Так ты же опять обманешь! Будешь опять только обещать. Я уже и обижаться устала. Перед Риткой неудобно, она уже смеется. Ну правда, Ваня... Ну что это такое?

— Все, красавица. Сейчас разгребусь с этим концертом и буду посвободнее. Честно!

— Ага... ну — буду надеяться! Только загодя меня предупреди, хорошо?

Косов посмотрел на часы:

— А что, у нас есть еще время?

Завадская подумала и ответила:

— Есть. Я же не обманывала, когда говорила, что там дело небыстрое. Нет, с Рыжей этой твоей — недолго. С танцорами — подольше. А вот с этой Варей... небыстро! Да не беспокойся ты, есть еще время. Сможешь... еще раз?

— Ну... условия, конечно, не те. Но... если ты снова будешь ласкова? Смогу.

— Я буду ласкова! — рассмеялась она, вновь становясь на колени перед ним, — Ой! А он такой холодный... и капельки воды на нем. Бедненький! Надо пожалеть... Но как же мне это нравится!

Уже без прежней экспрессии, развернул Елену к себе лицом, чуть подсадил на стол. Она, понятливая, закинула ему ножки на поясицу.

— Дай я сама... введу. О-о-о-х... хорошо...

И уже вполне себе ласково, не торопясь, даже нежно! Глядя глаза в глаза...

— Мне так хорошо с тобой! Ты разный... То грубый, то нежный... То быстрый, то такой вот... неторопливый. Смотри мне в глаза, не отводи взгляд...

«Опять у нее мутнеют глаза... Накатывает на женщину!».

— А скажи... тебе хорошо с этой... рыжей?

— Зачем ты... Хочешь поговорить?

— Да... я хочу поговорить. Бесстыже так... поговорить. Ну же... не молчи!

— Да, мне с ней хорошо...

— Так же хорошо, как с Фатьмой?

— Н-н-н-е-т... там... совсем по-разному!

— Ох, молодец... понимаешь, да? Со всеми по-разному же, да?

— Да... ты права... по-разному...

— Вот... а со мной тебе как?

— С тобой... с тобой я теряю голову. И... ты очень умелая. Наверное, у меня никого до тебя... такой умелой не было.

— Ой, как мне это нравится... Поглубже сейчас, да. Ах! Да... вот так... Ты правда не обманешь меня?

— Да, обещаю.

— Угу... уже обещал.

— Послушай... а ты за кого сейчас просишь? За себя? Или за Риту?

— За обеих... дурачок. За обеих. Ну... давай... теперь — сильно! М-м-м-м... так-так-так! Еще!

Конец отрывка. Можете выдохнуть и читать дальше! □

Они успели. Успокоились. Иван достал Елене трусики со стеллажа, и она даже чуть состирнула их, повесила сушиться под какую-то занавеску. Потом согрела чай в маленьком чайнике на спиртовке.

— А когда, ты говоришь, концерт будет? — задумчиво спросила Елена.

— Тридцатого апреля. Только вот, Елена, — смутился он, — контрамарку я тебе достать не смогу. Нас уже предупредили, что — шиш Вам!

Она засмеялась:

— Вот еще проблема! Сама достану, и на Ритку тоже. А Фатьму с собой брать? — и хитро посмотрев, усмехнулась.

Иван почесал затылок:

— Ты знаешь, было бы неплохо. Ну что она там, дома все сидит. Хоть развеется. Но вот будет ли она свободна в тот день — я не помню.

Елена отмахнулась:

— Это тоже решаемо!

— Только, сама понимаешь, подойти я к Вам не смогу — времени не будет.

Когда в двери осторожно постучали, они уже тихо-мирно разговаривали, попивая чай.

— Да, кто там? — Елена подошла к двери, открыла замок.

— Елена Георгиевна! Здесь вот... дамочка... по поводу юноши интересуется. Извините, что побеспокоила, — у дверей стояла одна из мастеров, а через плечо ей заглядывала, конечно же, Лиза.

Мордашка у нее была злая. И стала смешно меняться со злости на удивление, даже — на обескураженность.

— Ой! Извините! А я думала... Простите, Елена Георгиевна!

— Что ты думала, милочка? Что я сейчас гнусно насилую этого юношу? — льда в голосе Завадской было столько, что... можно было хладокомбинат открывать! — Мы, как ты видишь, пьем чай! Нам, знаешь ли, есть о чем поговорить!

— Еще раз извините! — сейчас Лизу было даже жалко. Уж такой у нее был потерянный вид.

«Надо выручать подругу, а то ее Елена сейчас живьем съест!».

Косов поднялся из-за стола, подошел к двери и спросил:

— Что-то случилось, Лиза? Елена Георгиевна! Разрешите я поговорю со своей подругой?

— Это Ваша подруга, Иван? Ну что ж... Теперь понятно, почему девочка переживает. Знаете, милочка, мне это даже где-то льстит, что Вы приревновали Ивана ко мне. Он же милый мальчик, да?

«Опять мальчик?! И еще косит своим серым глазом, улыбается! Ну ничего, Леночка, ничего! Кошка скребет на свой хребет! Ты еще у меня каяться будешь и просить пощады! Выберу время... и мы с тобой вдумчиво пообщаемся!».

— Ну хорошо! Не буду Вас больше задерживать. Иван! Мы с Вами договорились, да? Вы мне позвоните. Буду ждать...

— Так что случилось-то, Лиза? — включил дурака Косов.

— Что случилось, что случилось... Ушел с этой... мегерой, и пропал. А мы, между прочим, уже и закончили. Только Варе осталось пару костюмов подобрать. Но это она и сама может сделать. Тем более, она живет здесь в городе, и в ДК ей сейчас ехать необязательно. Вот пусть остается, возится со своими костюмами, а мы бы поехали. Сейчас загрузим все в автобус и поедem. Кстати! Ребята-танцоры и Калошин тоже остаются. Только загрузиться нам помогут.

Продолжая придуриваться, Иван придержал Лизу, приобнял ее и спросил:

— А ты что и правда меня к Елене приревновала?

— Вот еще! — фыркнула та, отведя взгляд, — Ты не сумасшедший же с такой... связываться. Правда же?

Он, не отвечая, чмокнул ее в щечку — мол, конечно же!

Костюмов в итоге получилось изрядное количество. Хорошо, что народу было много, и перетаскали они их в автобус быстро. У Елены было все продумано, все костюмы были в чистых холщовых мешках, с ручками сверху — носить удобно.

В ДК их встретили. С помощью калошинцев, они быстро перетаскали костюмы по примеркам, закрыв те на ключ. Илья переговорил с директором ДК, тот только что честь не отдал — пообещав строгую сохранность чужого имущества на вверенной ему территории!

Потом всей оравой вывалили на станцию, благо до нее от ДК — рукой подать. Калошинцы ехали по домам. А также и Илья с Тоней собрались ночевать в городе, о чем уведомили остающихся здесь Ивана, Лизу и Лиду.

Когда вагончик «передвижки» увез всех соконцертников со станции, Лида вздохнула и сказала:

— Какой суматошный день, правда же? А я, признаться, так есть хочу, что... у меня уже в животе буркает, отчего я чувствую себя очень неловко.

Лиза хмыкнула:

— Да, подруга! Нас же никто чаями не поил в театре! Я тоже голодная, как медведь по весне!

— Так может пойдете ко мне, быстро что-нибудь на скорую руку сообразим — хоть картошки пожарим. Можно еще яичницу... Она же быстро готовится.

«Про яичницу... Ага... быстро!».

Переглянувшись с ним, похоже вспомнив тоже самое, Лиза фыркнула и ответила:

— Согласна, Лида! Надо поесть... А этого... с собой берем? Или пусть питается у всяких потрепанных тигриц?

Лида засмеялась, но возразила:

— Ты неправа, Лиза! Женщина эта Завадская, безусловно эффектная. Знаешь, подруга, я не отказалась бы также выглядеть в ее возрасте!

«Да какой там возраст? Она, Елена, старше этих двоих максимум лет на пять-семь. Но, безусловно, классом все же повыше!».

— А в чем вина моя, извините... Разрешите узнать?! А то вроде бы впал в немилость, а за что — сам не пойму! — «в любой ситуации нужно отрицать все до последнего»!

«Как там говорил один матерый сиделец, в той еще жизни — «Чистосердечное признание облегчает вину, но удлиняет срок!».

— Нет, ты посмотри, подруга! Он еще и невиноват, оказывается?! — Лиза всплеснула руками.

— Так в чем моя вина? — «скажи боярин!» — добавил про себя Косов.

«Вроде бы так в известном фильме вопрошал один персонаж!».

Лиза задумалась, накручивая локон волос на палец.

— Хотя бы в том, что мы так голодны! Кто придумал ехать в этот... театр? Где его уже ждала Елена Георгиевна! — имя Завадской Лиза произнесла явно с издевкой.

— Красивая моя! Человек помог нам, а ты так... к ней...

— Помог, помог... Но мне она — не понравилась! — уперла пальчик ему в грудь Лиза.

Лида смотрела на них с улыбкой:

— Лиз! Мне так нравится на Вас смотреть! Особенно на тебя, подружка! Ты с Иваном как будто лет десять скинула. Вы сейчас — как будто примерно одного возраста.

— Вот еще..., - опять «фырк» Лизы, — связалась же... с малолеткой. Как там эта его знакомая сказала: «Милый мальчик!». Убила бы!

И Лиза покрутила своим кулачком прямо под носом попаданца.

— Ладно... берем его с собой! Накормим уж... милого мальчика! Но за это, этот малолетний нахал, ответит на некоторые мои вопросы! Понятно, мальчик?!

«Нет... не понял! Но... все-таки интересно — а почему меня так бесит вот это обращение? Понятно же, что это такое ничем не прикрытое «подкусывание» — что у Елены, что сейчас — у Лизы. Умом понимаю, а эмоции — захлестывают! Надо держать себя в руках. Не хватало еще попадаться на такие простые провокации!».

Женщины действительно очень быстро все приготовили. В четыре руки. И ничего не подгорело на этот раз. Все это время Иван полулежал на такой знакомой тахте, пожулькивая за мохнатый, теплый и мягкий живот Тихона. Коту это явно не нравилось, он сначала шипел, урчал, подергивал хвостом. Но с тахты не уходил! Потом вроде бы — смирился, и только изредка чуть слышно подвывал — протяжно так!

— Иван! Хватит мучать Тишу, иди есть! — позвала его Лида, — Слушай! А чего он так тебя невлюбил?

— Сие тайна великая есть! Ну откуда же я знаю, Лидочка! Может... вон Лизу ко мне ревнует?

Лида засмеялась, похоже приняв его слова как версию.

— Так... И все-таки, Ваня, на несколько моих вопросов ты ответишь! — значит Лиза свою идею вывести его на чистую воду не оставила.

— Милые дамы! В старинном русском фольклоре, женщины, дабы выведать мужские секреты предпринимали следующие меры: накормить, напоить, в бане попарить и спать уложить. После такого-то какой мужчина устоит? Все-все расскажет! — поглощая горячую жареную картошку заявил Косов.

Женщины удивились, помолчали, а потом Лиза, обращаясь к Лиде, спросила:

— Это чего же, Лидочка, он сейчас нас Бабами Ягами обозвал? Ах ты ж! А ну иди сюда подлец! — это она уже к Ивану, предусмотрительно отскочившему ближе ко входным дверям.

— Лидочка! На твоём, хозяйкином месте, я бы сейчас убрал со стола ножи, вилки... Ага! Вон еще и кочергу от печки! А ведь и смертоубийство может случиться! А зачем тебе здесь, в твоём доме, мой молодой, красивый, хладный труп?

Лида снова хохотала, закрыв рукой рот:

— Ой, не могу! Лиза! Да успокойся ты! Неужели не видишь, что он все это специально делает, чтобы от твоих вопросов улизнуть!

— Ага! Ты права, подруга! А ну иди, сядь на место. Да иди — трогать не буду! — Лиза прищурилась, но вроде бы успокоилась.

Косов вернулся на свое место и просительно посмотрел на Лиду:

— Хозяюшка! Красавица! А нельзя ли мне... чего-нибудь спиртного граммов сто, а лучше — двести! Говорят, что от этого боль меньше чувствуется! Я боли уж шибко боюсь!

Смеясь, Лида спросила Лизу:

— А что, может и правда — по маленькой, для аппетита?

Та, все еще пристально глядя на Ивана, кивнула:

— Согласна! А то... рядом с этим мерзавцем... никаких нервов не хватит!

«Ага... а коньячок у супруга Лиды по-прежнему — хорош!».

— Ну и что же? Будешь рассказывать? — уже поспокойнее обратилась Лиза к попаданцу.

— А что тебя все же интересует, мед души моей! — поглядывая, как Лида наливает ему чай, уточнил Косов.

— Вань! Ну хватит уже, а? У меня уже живот болит, смеяться на Вас гляючи! — улыбнулась Лида, — Может ты не права, Лиза? Смотри как он к тебе!

— Нет, Лидочка, ты еще не знаешь, что этот негодяй может нашептывать на ушко, чтобы добиться своего! — и поняв, что получилось довольно откровенно, Лиза покраснела.

— Да? Интересно..., - улыбаясь и глядя на него, протянула Лида.

— Так вот... меня интересует — как ты познакомился с этой... Завадской! — начала допрос Лиза.

— Ну-у-у... тут ничего, в общем-то, такого и нет. История довольно банальная. Мы с Фатьмой..., - тут он сделал паузу, чтобы оценить реакцию на свои слова.

«А нет! Лиза чуть поморщилась, а Лида с пониманием кивнула — и все!».

— Мы с Фатьмой перед Новым годом ходили в ресторан. Там была и Завадская с одним своим другом. Он — какой-то приезжий, был здесь в командировке. Ничего так товарищ! Видно, что солидный и с деньгами!

Лида засмеялась:

— Вань! Ты сейчас это как босяк сказал!

— Лидочка! Так, а кто я? Я и есть босяк! Еще совсем недавно из детского дома, потом — работа на Севере. А там, знаете, тоже — не филиал Большого драматического театра был! И только последний год — мало-мало стал обтесываться. Вот, кстати, и от общения с Вами в том числе! За что Вам — огромное спасибо!

Женщины переглянулись и чуть «завиноватились» — типа, да! забыли они, кто он был в недавнем прошлом!

— Ну так вот... там, в ресторане компания одна была. Ну, так себе компания — вроде бы уже не шпана, но не «чистая» публика! Вот парочка из них и «навелась» на Завадскую. Или на ее друга, точнее — на его деньги! Я это увидел... В общем, немного помог! Вот... так и познакомились. А потом я... уже днем заходил в этот ресторан с ребятами из нашего стрелкового кружка — кофе выпить! Там, кстати, очень хороший кофе варят! И снова — Завадская там и ее друг. Уже спокойно посидели, пообщались немного. Вот и все! Елена Георгиевна мне тогда и телефон дала — типа, обращайся, если понадобится. Вот я и вспомнил, когда речь о костюмах зашла. Все!

— Точно все? Вот чувствую — врешь ты! — это получается: Лиза — злой следователь, Лида — добрый? Банально...

— Ну... ты же сказала, что рассказать, как мы познакомились. Вот я и рассказал!

Женщина посидела, в задумчивости, потом поняв, воскликнула:

— Ага! Так значит ты с ней и после... виделся?

— Ну да... В том ателье... а про ателье — тоже рассказывать? Ну — как и когда я там появился впервые... еще что-то? — Иван, похоже, переигрывал с «расколовшимся до задницы жуликом», потому как женщины, переглянувшись, покачали головами.

— Ты нам уже рассказывал о этом.

— Ну вот... а потом как-то... в ателье возникла идея провести показ новых моделей

одежды. Ну и в разговоре Александр... помнишь такого? Ага... в разговоре он сказал, что им нужен опытный костюмер, кто мог бы все это поставить и организовать. Вот я и вспомнил про Завадскую и предложил.

— Ага! Вспомнила! Чуть не забыла ведь! А что это, Ванечка, та гримза из ателье про каких-то полуголых красоток рассказывала, и что ты при этом присутствовал? — «ага... на третий день Зоркий Глаз увидел, что у сарая нет стены!».

— Ну так... в процессе подготовки Завадская предложила Фатьме поучаствовать, в качестве модели. А Фатя как раз без работы сидела... а там заплатили пообещали неплохо! Вот! А так как Фатя жутко стеснялась всего этого... непривычно ей было вот так... модели демонстрировать. Вот она меня и попросила, чтобы я поприсутствовал. Так сказать, за руку подержал, в качестве поддержки. Да и не сидел я там в костюмерной все время! Я больше в маленькой комнате с Александром был. Ну... заглянул несколько раз... Фатьме подмигнуть, дескать — я здесь. Вот и все!

Он в процессе рассказа видел, как женщины переглянулись несколько раз. Вот только не понятно было — они оценивали его рассказ на правдивость, или так... завидовали Фатьме, что она участвовала в показе мод?

Лида пожала плечами, посмотрела на Лизу:

— Ну что, подруга... Вроде бы не врет, а? Все вроде бы — складно. Как считаешь?

Лиза была задумчива, но уже не «наезжала» на Ивана.

— Не знаю... Но вот... ох и злая я на тебя, Ваня! Прибила бы! Только не понимаю еще — за что!

— Ну что ты, рыженькая? Что опять-то?

— Я тебе сказала — не называй меня рыжей! Ты опять? Ну-у-у...

И снова Лида смеялась!

«Как там... «Запоминаются последние слова!». Ну вот и пусть злится на «рыженькую», а не копается, не анализирует его слова на ложь!».

Когда они шли домой, Лиза снова была задумчива. Косов опасался чем-то натолкнуть ее на ненужное в воспоминаниях, в его словах, в поступках. Поэтому, когда уже подошли ближе, спросил:

— Ну что, хорошая моя, может ко мне?

Лиза встряхнулась от мыслей, посмотрела на него, не понимая. Усмехнулась:

— Вот чувствую, что где-то и в чем-то ты меня надурил. И ничего понять не могу! Это меня злит! Хотя... у тебя коньяк тот остался? Тогда... пошли!

Косов, в компании с Тоней, Лизой и Лидой, шел в ДК «Сибкомбайна». Настал он — День «Ч». Или день «Х». Да как угодно его можно назвать. В общем — день концерта. Илья рано утром уже умчался из клуба. Тоня даже чуть обиделась — и ее бросил, и в такую рань туда бежать? Концерт-то аж в семнадцать нуль-нуль, а сейчас еще и одиннадцати часов нет. Но таков уж директор — в сотый и последний раз все проверить, все самому оценить, вытрепать последние крохи нервов работникам ДК, и тамошнему директору.

Женщины одеты нарядно. Хотя до концерта еще уйма времени — зачем вышагивать сейчас по пыльному «большаку» «при всем параде»? Непонятно это Ивану, ну да — пусть их. Благо погода — «шепчет»: солнышко весеннее пригревает вполне, легкий ветерок.

Походный ордер работников сельского клуба выглядел следующим образом — впереди, «под ручку» — Лиза с Лидой. А он, также под ручку с Тоней, в метрах пятнадцати позади них. Вот... Идет, задумчивый. И вовсе не по поводу концерта! Хотя и некоторый мандраж присутствует, чего уж себе-то врать, но Косов его старательно гасит — рано еще мандражировать. Перегореть и вымотаться — времени еще навалом.

Для недопущения такого развития ситуации, у него сейчас в наплечной сумке «булькает» аж две бутылки хорошего коньяка, да какая-никакая закуска. Еще и Калошин обещал что-то притащить — день-то предстоит долгий, да если и «причащаться», то вдвоем все равно не выйдет — кто-нибудь один хрен «на хвост сядет»! Тому рюмочку, той — «граммулечку» и спиртное разойдется незаметно.

Все это сделано по совету Калошина, и при полном непротивлении Косова. Напиваться они не собираются, но «подогреться», по словам Игоря, надо! Так... по рюмочке, «пописят», не более. Уже потом, после концерта, можно будет «выпустить пар». Ну — тут дело такое, без этого никак. И банкет заготовлен самим Калошиным в репетиционном танцевальном зале ДК. Все там будет — и столы, и выпивка, и закуска. Уже потом, ближе к окончанию концерта, работники ДК, которых «законтрактывал» Игорь, все устроят-накроют. Косов предполагает, что и для «высокого начальства» где-то там, в недрах Дворца культуры, тоже что-то в этом роде будет организовано. Но у них, у Косова и Калошина — только для своих, артистов, их близких, да лиц, причастных к организации концерта. «Междусобойчик» такой...

Как сказал опытный и сведущий Калошин — заранее трястись перед концертом — дело зряшное, только хуже будет. Вот и будут они, по возможности, и вне глаз Илья, «убивать» время до начала.

— Вань! Такие мероприятия нужно проводить весело, на кураже! Тогда и зрителям понравится, и артисты будут веселыми. А так, как Илья... Не — так-то понятно, он — директор! Ему сам Бог велел всех на уши ставить и изводить придирами. А мы-то тут при чем? Вот и будем... готовиться к концерту по-своему.

Но задумчивый Косов сейчас вовсе даже по другому поводу. Чего-то не нравится в последнее время ему Лиза. Веселая, задорная, даже — «ершистая», в последние дни она стала... странной. Больше молчит, задумчива, улыбается нечасто, и шутит — еще реже. Несколько раз он ловил на себе ее странные взгляды — толи задумчивые, толи сердитые. И с Лидой они в последнее время все больше беседуют наедине, вдвоем, тихонько.

«Похоже и правда у подружки — «залет». М-да... доигрались. Хотя — это же и

логично! Все к тому и шло. Очень уж они... безрассудно постигали друг друга. Как больше пристало подросткам, а не взрослым людям. Опять же... если разобраться — а не того ли она сама и хотела? Ведь с самого начала их отношений, она сама сказала — «будем делать так!». И вот что тогда? Похоже, как не настраивалась женщина на такой результат, но... до конца не настроилась. А ему в таком случае — как быть? А хрен его знает!».

Косов не чувствовал в себе какой-то ответственности — чего хочет женщина, того хочет Бог! И кто этому будет противиться? Но все же в глубине души «свербило» непонимание — что ему делать в этом случае?

Да и похоже, тут у Лизы и кроме этого, что-то не так... Он уже и спрашивал ее, пытался как-то расшевелить, но женщина лишь отмахивалась от него, отшучивалась, да переводила разговор на другое. Иван уже и так думал, и эдак... Может Лиза все же чего-то подозревает по поводу Завадской? Или еще что? Или же — все в кучу! И то, и другое, и третье! Там могут такие думки у женщины в голове в клубок свиться, что мужику — не за что не разобраться.

И даже еще пара их встреч — как-то отличалась от прежних. Не было того задора, веселья и бесшабашности, которыми его так радовала Лиза ранее. Все было чувственно, очень хорошо... Но без огонька! Даже постижение «И хочется, и колется!» прошло эдак... более похоже на уроки сексологии. Коих во множестве развелось в будущем в интернетах.

Как видел Косов, Лиза очень внимательно прислушивалась к своим ощущениям, пробовала разные позы и способы... В общем — все, что знал Косов из прошлого. И в итоге задумчиво сказала:

— Нет, Ваня... Не мое это! Я понимаю, конечно, желание мужчины. И даже... можно иной раз пойти на поводу и доставить тебе приятное. Но самой мне это... нет, не очень! По крайней мере — я от этого не кончу, точно!

— И даже когда я тебя ласкал... ну — помогал? Тоже никак не повлияло?

Она усмехнулась:

— От этого, само собой, стало приятнее... Но — не до той степени, как прочими, более традиционными способами.

— Тебе было больно?

— Да нет же! Это и болью не назвать. Просто... ну — никак! К тому же... не самый гигиеничный способ близости между мужчиной и женщиной, согласишься?

Ему оставалось только кивнуть, соглашаясь.

— Ну что ж... и так бывает!

Вот и сейчас он идет сзади подружек, и поглядывает на них. Раньше всегда заводилой и рассказчиком в их паре была Лиза. Лида — больше слушала и улыбалась, а то и смеялась. А сейчас же — наоборот, Лида что-то рассказывает Лизе, а та молчит, улыбается и иногда кивает, соглашаясь. И на него — никакого внимания!

— В-а-а-нь! — заглядывая ему в лицо, тянет Тоня.

— Угу? — мычит он в ответ.

— Вань! А Вы чего... с Лизой поссорились, что ли?

— С чего ты это взяла? — вроде бы удивленно смотрит он на девушку.

— Ну... раньше Вы такие веселые были, всё больше смеялись... Лиза над тобой подшучивала. А сейчас... вон — все молчит, Лиду слушает.

— Да я Тоня... и сам ничего понять не могу. Вот и иду... думаю. Может она... волнуется перед концертом?

— Не... это-то — само собой! Но тут что-то другое, — качает головой Тоня.

— Не знаю... может стоит дать ей время — пусть сама в себе разберется, и станет прежней? Может такое быть?

— Может..., - снова тянет Тоня, но как-то — с сомнением.

Суматоха в ДК их сразу увлекла, закрутила, выбила все мысли из головы. Сосредоточенный, серьезный Илья; задумчивый Елкин; ушедшая в себя и что-то бормотавшая себе под нос Кира; чего-то и куда-то волокущие и матерящиеся вполголоса рабочие сцены; какие-то девчушки, мельтешащие туда-сюда...

— Так, Иван и... Игорь, да! Мы тут немного переиграли! Придется Вам переехать в репетиционный зал. Да, где сейчас танцоры. Нашим певицам мы отдали Ваш кабинет. Там же и музыканты, Игорь! В зале. Ну ничего — там места много, на всех хватит!

— Да ладно... но там же и девчонкам где-то переодеваться будет нужно. Танцовщицам! Будет ли это удобно?

— Ничего страшного! Там рабочие уже несколько ширм поставили. Они за ширмами переодеются. Уже и костюмы туда перенесли, и Ваши, и их!

— Ну... пусть так!

Калошин подмигнул ему, замахал рукой — «пошли, мол!».

— Подальше от начальства! Пусть и от сцены чуть дальше, но зато — спокойнее.

М-да... в этом зале уже стояли посередине столы и стулья — видимо для вечернего мероприятия. Всю эту мебель составили баррикадой посередине зала, разгородив его таким образом на две неравные половины — меньшая отошла танцорам, там уже и ширмами «отрезали» один угол; большая — калошинцам и ему. Вполне нормально сюда «вписалась» занесенная откуда-то мягкая мебель — тройка диванов и несколько разных кресел.

— Вот! Видишь — даже присесть с удобствами есть где! Так... ну-ка, ребятки, поправим немного столы... Да-да! Вот так! Ну — Вы и сами соображаете! — командовал Игорь своими музыкантами, — Так! Только... сами знаете — ни грамма больше необходимого! Все ясно? Виталий! Геннадий! Вот Вас это в первую очередь касается! И не надо мне ничего говорить! Все уже сказано, и я не раз слышал Ваши оправдания!

Посмеиваясь, Калошин вернулся к Ивану, усевшемуся на диване:

— Это я так... для проформы! У меня ребята — профессионалы, сами знают — когда и сколько можно принять!

Вот курить — приходилось выходить на «черную» лестницу, довольно далеко. Что было не совсем удобно.

На стене зала, возле выхода, была помещена информация о концерте — очередность номеров, их примерная продолжительность. Это Илья подстраховался, хотя по коридору носилась уже девчушка-метеор со сценарием концерта в руках. Именно она будет помогать распорядителям в подготовке к выходам артистов на сцену. Все было довольно просто. Сомнения вызывали лишь выступающие официальные лица. Как сказал тот же Елкин — чаще всего регламент выступлений их — не соблюдается от слова совсем. Ну тут уж — как пойдет! Ладно... нужно выдохнуть! И это когда-нибудь пройдет — уже вечером они будут вспоминать о всей этой нервозности, репетициях, ругани и обидах, как о прошлом.

Иван с Игорем, чтобы не мешать Илье, Савелию и Кире, отошли подальше от кулис.

— А пойдём к девушкам зайдём? Поддержим их, пошуткуем-посмеёмся...

В гримерке сидела за столом перед зеркалом Лиза, а Лида что-то поправляла ей в причёске. Подруга была уже в костюме для выступления, если можно так назвать довольно

простенькое платье, туфли и косынку на плечах. Лиза была бледна, только глаза лихорадочно блестели.

С места в карьер Калошин стал рассказывать что-то веселое. Лида смеялась, а Лиза лишь вымученно улыбалась.

— Красивая моя! Ну чего же ты так? Ты же — учительница пения! Сколько раз ты пела перед ребятами, да и в концертах разных участвовала не раз! Ну что за волнение, право слово? — Иван наклонился к ней, сжал легонько плечи и чмокнул к щечку.

Лиза благодарно улыбнулась, но здесь откуда-то сзади послышался недовольный голос Вари:

— Ну я так и знала! Костюмы развесили вовсе не по порядку! Ну все нужно проверять самой!

Косов повернулся на голос. Ну да, Варенька была бы не той Варей, если бы не придумала, как привлечь к себе внимания! Она стояла спиной к ним к блузке, чулках с поясом и туфельках. Только вот юбки на ней не было! А блузка по длине вовсе не скрывала всей прелести «пятой» точки певицы, одетой в белые трусики.

«М-да... а задница у нее все же — зачетная! Ух какая задница! И крепкая такая, ладная! И груди — ага! Ростом, вот только не удалась. Этакая... Сабрина... «бойз-бойз-бойз! Хотя нет, все же не тот типаж. Орлова, может... Ладынина. Но в тренде она сейчас!».

Как ни в чем ни, бывало, Варя повернулась к присутствующим и протянула:

— Ребята! Ну и что мне делать? Я ведь не помню точно — в каком костюме петь ту или другую песню!

Спохватившись, Иван снова повернулся к зеркалу, откуда на него с укоризной смотрела Лиза. Она прикрыла глаза и покачала головой, шёпотом: «Ну кобель же!».

Неловкую паузу сбил Калошин:

— Варя! Ну какая проблема? Ты у нас в любом наряде — королева сцены! Вот... хоть так выйди и фурор в зале будет обеспечен!

Все расхохотались — действительно! Фурор будет! Правда, сопряженный со скандалом, но все-таки!

Иван вытащил из внутреннего кармана куртки любимую фляжку, взболтнул ее:

— Ну, что, девчонки! По тридцать граммов, чтоб дома не журились?

Лида улыбнулась:

— А закусить чем?

— Ну что за вопросы, сударыня? Все учтено и приготовлено! — из другого кармана Косов — «ал-ле, ап!» — достал большую плитку шоколада.

Лиза повеселела, засмеялась ему в зеркале, залихватски махнула рукой:

— А-а-а-а... давай!

«Ну вот! Такой она больше похожа на прежнюю Лизу!».

Калошин плеснул граммов по семьдесят женщинам. Остатки поделили Иван и Игорь.

— Ну вот! Зарумянилась Лизетт! И стала еще краше! — Косов снова поцеловал подругу в щечку.

— И хватит уже разглядывать ее ляжки! Слышишь, Косов?! — шёпотом она ему.

«Ну вот! Это — прежняя Лиза!».

Так они и болтались с Калошиным по закулисью до трех часов, когда Илья объявил сбор всех в актовом зале — для последней «накачки!». Все расселись на креслах двух-трех первых рядов зрительного зала.

«Х-м-м... а немало нас здесь, не мало! Как-то не задумывался, сколько людей задействовано. Калошинцы, мы с Ильей, девушки, танцоры, ребятишки Тонины, рабочие и обслуживающий, подсобный персонал... Человек тридцать с лишним получается, ближе к сорока, наверное!».

Илья, и стоявший рядом с ним директор ДК, смотрели строго, сосредоточенно. Их речи он и не слушал толком. Сколько таких инструктажей пришлось пройти в прошлом? Нет, не именно вот таких творческих, концертных, но... Все эти инструктажи, планерки, оперативки чем-то похожи друг на друга, пусть и из разных сфер деятельности мероприятия.

— Скажите, а сколько всего будет выступающих от руководства и гостей? — подняв руку, с места спросил Елкин.

Илья с директором переглянулись, и директор откашлялся, ответил:

— Всего, по сценарию праздника выступающих четверо — сам директор завода, два его заместителя, и представитель от обкома партии. По регламенту — выступления от двадцати минут до получаса. Но тут уж, товарищи..., - директор развел руками, — Затем еще четверо... Нет! Пятеро товарищей с приветственным словом. От комсомольцев, от облизполкома... Да! Еще парочка — от приезжих высоких гостей. Будут от Наркомата авиационной промышленности, и еще... от сельскохозяйственного машиностроения. То есть... часа на два официальная часть получается! Вот... как-то так!

— Не менее двух с половиной, а то и трех часов кидай на это, уж я-то знаю! — прошептал ему на ухо Калошин, — Любят наши начальнички поговорить, показать себя!

— Итить твою... так это получается — сам концерт начнется не ранее семи, а то и восьми часов вечера? Так что ли? — поразился Косов.

Калошин в ответ кивнул и развел руками.

— Так... товарищи! У меня есть вопрос в связи с озвученной информацией, — поднял руку Косов.

— Да, слушаем тебя, Иван! — дал ему слово Илья.

— Получается... что все присутствующие, и дети в том числе, с утра и до позднего вечера — будут голодными? И при этом... нагрузка и физическая, и на нервы... Я сейчас к чему? Может можно как-то организовать перекус? Прямо здесь... Вон в том же зале, в котором мы расположились?

Директора переглянулись, и местный чуть смущенно потер скулу:

— Да... об этом мы как-то... Сами понимаете, товарищи, в столовую, которая расположена внутри территории завода, мы вас провести не можем. Предприятие режимное как-никак!

— Но можно же... бутерброды какие-нибудь, чай, компот...

— Да, сейчас что-нибудь такое... организуем! Буквально полчаса мне нужно! — и директор ДК умчался, прихватив с собой часть местных работников.

Во время перекуса в зале, организованном в виде фуршета — только ребятишек усадили за столы, Варя, улучив момент, подкралась к нему, и покусывая ровными белыми зубками бутерброд с колбасой, негромко спросила:

— Тут я обратила внимание... Все ваши девушки очень прилично приоделись. Очень интересные у них... юбочки, блузочки. И Тоня... проболталась, что это ты им все организовал, да?

«Ох уж эта... Тоня! Язык без костей!».

Иван невразумительно «угукнул», запивая еду компотом.

— Ванечка! Так что там... по моему предложению? Не передумал?

«Ну-у-у... вот же... упорная какая! И очень откровенная!».

Косов невольно окинул Варя оценивающим взглядом:

«Согласится что ли... Ядреная она «бабца» все-таки!».

— Передумал, не передумал... Варя, Варя, Варя... Я же тебе... ну осенью же! И что?

— Я уже сказала тебе, что ошиблась! И что очень сожалею об этом. Ну чего ты из меня снова слова извинения выдавливаешь?

— Угу... и ты все-таки не боишься? Ну, что я... очень вдумчиво подойду ко взысканию с тебя... задолженности? Не пожалеешь? — он наклонился к ней, мазнув взглядом по окружающим — «Не видит ли кто? Особенно — Лиза и Лида?», и прошептал, — Ведь драги тебя буду, Варенька, как врага народа! Я ведь очень требовательный и... темпераментный!

Девушка чуть отстранилась от него, оглядела с сомнением и задумчивостью:

— Да ладно! — и тоже шёпотом, — Напугал ежа голой задницей! Я выносливая! Да и... даже самой интересно! Хотя... вон, Лиза — выдерживает же как-то?!

— Ну смотри сама! Не пожалей потом! И давай... после концерта... через несколько дней как-нибудь встретимся? Договорились?

Они разошлись в стороны. Она — внешне вполне довольная, а он — с оглядкой, не увидели ли Лиза, Лида... да хотя бы и Тоня-болтушка? И Кира еще здесь, блин!

Шла официальная часть концерта, когда Игорь снова предложил — «по капельке!».

— Ну... по тридцать граммов. И — крайний раз! Через часок работать начнем, благословясь! — подмигнул он Косову.

Иван засмеялся:

— А ты не обратил внимания, что твои... некоторые, как-то часто стали на перекур на лестницу нырять? Плохой пример подаешь, товарищ руководитель ансамбля!

Калошин задумался и пристально посмотрел вслед выходящим «на перекур» музыкантам.

— Т-а-а-а-к... А ну-ка... подожди! Сейчас я кому-то мозги вправлю! — и Игорь выбежал следом.

Наполненные коньяком рюмки остались стоять на маленькой тумбочке, скрытой от остального зала придвинутым столом. Из-за ширмы в углу выпорхнула новая «пассия» Калошина, подошла к Косову, и улыбаясь, спросила:

— А что это вы, мальчики, даже и не поделитесь с нами, красивыми? Плеснули бы чуток своей «амброзии». Мы же тоже — на нервах!

«А вкус у Игоря все же есть! Хороша, чертовка! И... не стеснительная!».

Девушка была одета в верхнюю часть костюма, красных коротких сапожках, и... в подьюбнике.

«М-да... типа юбку надеть еще не успела! А хороши ножки! Очень хороши! Да и вообще — вся хороша!».

Довольно высокая, с крепкими ногами, тонкой талией...

«И подьюбник этот белый... чуть просвечивает! Вот же... дьяволово племя!».

Чуть поодаль от подруги Игоря, вроде бы в нерешительности, остановилась вторая танцовщица, та, на чьи коленки уже пялился Косов. Как-то... Правда, та была одета в полном танцевальном костюме. И улыбается скромно так...

— Да нам ведь и не жалко... для таких красивых! Только вот... можно ли Вам? Уже

скоро на сцену же? И ведь не петь, а танцевать, что сложнее физически.

— Да ну, чего там..., - отмахнулась от сомнений Ивана девушка, — Не так еще и скоро! Да и не нальете же вы нам по стакану. Так... капельку только.

Косов махнул рукой:

— Присаживайтесь! И подруг своих зови!

Но рядом с Иваном уселись только эти двое.

Подруга Калошина прошептала Косову на ухо:

— Третья наша... не придет! У нее там — шуры-муры с Петром начались, не одобрит он такое! — она кивнула на одного из парней-танцоров.

Парни, что характерно, не подошли на «халявное» угощение.

Девчонки, не чинясь, «замахнули» налитое Косовым, скромно взяв по кусочку шоколада.

— А ты что же, Иван, и на коленки моей подружки больше не смотришь? Неужто разонравились? Или... запретили тебе смотреть на чужие колени? — девчонки захихикали.

— Да кто ж мне запретит-то? Я — птица вольная! — ранее принятый коньячок сделал Косова немного вальяжным, веселым.

— Да-а-а? А у нас... сложилось другое мнение. Да, Оксана? — «ага... значит, эта... с коленками — Оксана! А подругу Игоря зовут... вроде бы Таня! Вот представляли же их нам, а из головы как выдуло! Со всеми этими хлопотами, нервами, «непонятками».

— Нет, красавицы! Вы ошиблись.

— Ну и ладно! А вот... в городе горсады стали открываться. Может как-нибудь... сходим, погуляем? Я — с Игорем. А ты... вот Оксану позовем?

Косов снова оглядел девушку — «Хороша! Не такая раскованная, как Таня, но — хороша!». От его нескромного взгляда девушка чуть покраснела, и поправила подол юбки на коленях.

— Я только — за! Только вот, и правда, дел — по горло! — Иван подтвердил наличие массы дел, проведя пальцем по шее, — Может быть ближе к середине месяца? Как-нибудь на выходных?

— Ну... смотри сам! Мы, вообще-то, в общежитие живем. Знаешь, это на углу Красной и Каменской? Так что... можно и к нам... в гости.

«О как! С места — в карьер?».

— Ну а ты, что молчишь, красивая Оксанка? — он повернулся к более скромной девушке, с красивыми коленями, — Ты тоже приглашаешь?

И довольно беспардонно — для проверки серьезностей намерений — положил той руку на колено. Посмотрел выжидающе.

Девушка, взглянув на его руку на своей ноге, улыбнулась и, подняв на него глаза:

— Да. Я тоже... приглашаю, — а потом, к некоторой оторопи Косова, наклонилась к нему, чуть пригнувшись, — От тебя так вкусно коньяком пахнет! И шоколадом!

И поцеловала в губы! Пусть — коротко, но...

«Однако!».

Иван протянул руку, но лишь успел провести ею по ноге девушки. Те вспорхнули и убежали за ширмы, засмеявшись. Только Оксана:

— В гости приходи, ага...

«Проблемы с дамами имеют склонность к... размножению!».

— Так! Музыканты! На сцену! Все... заканчивают официальную часть. Последняя речь и все! Только! Тихо-тихо! Там второй занавес для этого опустили — туда проходим. Не ошибитесь, не вылезьте к президиуму!

И сразу буйные, и шумные ребята как-то вдруг подтянулись, построжили, поправили костюмы и гуськом за Калошиным подались из зала в коридор. Иван отправился следом, но по пути заглянул в гримерку к девушкам.

— Ну все, красавицы! Мы пошли. А Вы тут ведите себя хорошо, вернусь — проверю!

Лиза подошла к нему, приобняла и лишь обозначила поцелуй в щеку, шепнула:

— Ни пуха, ни пера! У Вас все будет хорошо!

И отвела его руки от своей попы, за которую он уже так по привычке ухватился!

«И вот чего это сейчас было? Она платье мять не хочет? Или еще что?».

Косов выглянул за второй занавес, где музыканты «на цыпочках» разбирали инструменты, потом подошел к стоявшей за кулисами Кире. Девушка что-то выглядывала в щелочку занавеса. Настроение у него было — замечательное, веселое и никакого страха! А потому... подойдя к Кире, он приобнял ее за талию.

Она довольно спокойно повернулась и улыбнулась.

— Как-то ты спокойно отнеслась... к объятиям? — шутливо рассердился он чуть слышно.

— Ну так, а кто это еще может быть? Только ты. И... может я уже давно этого ждала? — Кира чуть принюхалась и очень удивилась! — Ты что, пил? Совсем уже, что ли? Вам на сцену сейчас выходить! Вы с Калошиным совсем белены объелись?

— Кирочка! Все хорошо! Выйдем, споем! Настроение — чудное, настрой — рабочий!

— Ага! Теперь понятно, почему это ты осмелился меня обнять!

Сзади к ним беззвучно подошел Елкин:

— Чего это Вы тут шушукаетесь?

— Да вот, Савелий, посмотрим, когда же товарищи из президиума начнут сцену покидать.

Косов чуть повернулся к Елкину, закрыв собой Киру, но руки с ее талии не убрал. Даже чуть стиснул ладонь.

«Ого! Ну и пресс у нее! Х-м-м... у меня, пожалуй, не такой будет!».

— Ну все! Встают...

В президиуме сидели человек семь-восемь всех официальных товарищей, которые сейчас вставали и спускались в зал, на подготовленные для них места.

«Ага! Это — директор завода. Это, похоже, его замы — вон как они свитой вместе пошли. Вот этих... не знаю. Этот... похоже из обкома. Вроде бы мельком видел его на генеральной. А это кто?».

Из-за стола президиума выходили двое. Один, высокий, представительного вида седовласый мужик; второй — летчик, с петлицами полковника.

«Че-т молод он для полковника! Хотя сейчас в авиации карьере делают — просто ой как! Но и обратно, вниз, слететь очень даже просто! Даже... еще ниже! Ага... Знамя и Звезда на кителе. Боевой товарищ! Хотя... был не прав! Не так уж он и молод — седина на висках, прихрамывает изрядно. Лет под сорок ему. Может — тридцать пять. Тогда — помотала жизнь мужика!».

— А кто этот летчик? — шепнул он Савелию.

— Полковник Красовский. Товарищ из Наркомата авиапромышленности. Сюда и с проверкой, и с поздравлениями. Второй — оттуда же.

«Ну да... несмотря на меры секретности, кто из местных не знает, что на базе «Сибкомбайна» построены два цеха по выпуску боевых самолетов. И еще вроде бы два строятся. А снаряды и бомбы на заводе выпускают уже как бы не лет шесть! Потом на базе этих авиацехов будет отдельный авиазавод построен. Ну — так, по крайней мере в моем мире, там — было!».

— Ну все! С Богом, Кирочка! — Савелий подошел и чмокнул девушку в щеку, — Все хорошо, не волнуйся!

Кира несколько раз глубоко вздохнула, встряхнулась. Иван не преминул погладить ее по попе! Чуть удивленно, с улыбкой она взглянула на него, кивнула сама себе и направилась к центру сцены.

— А мы с Вами, Иван, отойдем чуть дальше. Сейчас занавес поднимут. Вы же не хотите раньше времени оказаться перед зрителями? — Елкин увлек Косова на необходимое расстояние.

Иван чуть отвернулся, прикрыл глаза, постоял так покачиваясь с пятки на носок, выдохнул и тайком перекрестился. Но увидел, как удивленно поднялись брови Елкина.

Они «откатали» свои песни практически на автомате.

Первой шла «Песня о тревожной юности». Зрителям, и даже руководству все песни очень понравились! Их принимали здорово! И Косов иногда видел, как люди подпевают им. У него включилось какое-то «туннельное» зрение, когда он не видел зал в целом, а только выхватывал из массы людей отдельные лица, глаза... И странное оцепенение охватило его — вроде бы пел, а слова как будто шли не из него. Откуда-то рядом, словно пел кто-то другой.

«Человек же не может слышать себя? Не то что слышать... Просто для самого человека его речь слышится совсем по-другому, чем окружающим. Где-то я читал об этом... Что-то там со слуховым... или речевым аппаратом. Подчас люди, слышащие себя в записи, удивляются — «Это что — я говорю/пою?».

И Косову, надо сказать, вполне нравилось то, что он слышал.

«Неплохо поет, стервец! Не Магомаев, конечно... и не Кобзон. Но... вполне прилично! Ай да Пушкин, ай да сукин сын!».

Этими пятью песнями закрывалось первое отделение концерта.

И лишь зайдя в полумрак коридора, Иван почувствовал, что и сорочка у него... да, похоже, и пиджак — мокрые насквозь! Здесь их встречали. Все их встречали! Тут была и Лиза, и Лида, и Варя, и танцоры, еще какие-то люди...

Кто-то похлопывал по плечам, кто-то что-то говорил... А кто-то... вот кто это был, а? Очень ощутимо щипнул его за задницу!

— Очень достойно выступили! Очень достойно! — повторял, тряся их руки, Елкин, — Особенно мне понравились именно Вы, Иван! У ребят что — опыт все-таки был! Выступали же Вы уже, на разных сценах! Да? А Вы, Иван — молодец! Вот молодец — и все тут! И знаете, что я вам скажу, ребята? Илья! Иван! Песни Ваши... вот прямо — ух! Даже я, старый большой циник, и то... Очень, очень тронут! Прямо вот... от души говорю! От души!

— Ну все, товарищи... Не толпимся! У нас очень мало времени, чтобы передохнуть! Перерыв-то — все ничего! Так... все по примеркам! Отдыхаем, чуть расслабляемся, а потом — снова настрой, настрой и Настрой! — это уже снова Илья со своей «накачкой», — Девочки! Настраиваемся! Все будет — хорошо!

Первыми во втором отделении концерта — отплясали ребяташки. Стоя за кулисами,

Иван видел, как замерев, прижав руки к подбородку, переживая за своих подопечных, стояла Тоня. И как Илья обнимал ее сзади за плечи, поддерживая.

«Не-е-е-т! Ну его на хрен, всю эту концертную, эстрадную деятельность! Это какие же нервы сгорают, вот так, а? Лучше уж из зала за всем этим наблюдать!».

Потом — пошла Лиза. Она успокоилась, настроилась, была весела и задорна.

«Молодец! Какая же она — молодец!».

А как ее принимал зал — это же песня! Косов поглядывал в щелку занавеса — хорошо принимают! Только вот... этот... авиатор сраный! Чего-то он так... завелся-то? Прямо на месте сидеть не может!

Не добавил Ивану настроения и подслушанный мельком диалог Лизы и Лиды, после выступления.

— Ну как, подруга? — пытаюсь отдышаться, спросила Лиза.

— Здорово! Ты спела — просто здорово! — это Лида, — Я посматривала в зал, людям очень понравилось!

— Да? Хорошо... Только вот... не привычно мне перед таким залом стоять! И пялился все время кто-то... Я прямо всем телом чувствовала. Аж мурашки по коже!

— Это, наверное, этот... летчик! Я видела, как он на тебя глядел! Подруга! Он в тебя втюрился, точно!

— Да ну... брось! Такой мужчина... Скажешь тоже — втюрился!

— Да ты его глаз не видела! Я точно тебе говорю!

— Да? Ну... не знаю... Прямо вот так... смотрел?

— Ты даже не представляешь, как он на тебя смотрел!

— Ой... не знаю. Пошли в гримерку, а? Я хоть отдышусь немного...

«М-да... чего-то это мне... против шерсти!».

Как сказали бы в будущем, Варя Конева — порвала зал! Все ее песни — и грустные, и веселые — заходили на ура! Откуда-то у людей появились цветы. И они несли их и несли Вареньке!

«Может она... отстанет теперь от меня? Вон сколько обожателей новых появилось!».

На их песню он переоделся, посидел, настроился...

— Ты посмотри, Оксанка, какое преображение! Был симпатичный парень, культурный, веселый. А сейчас... как шпана какая-то! — «подкалывала» его Таня.

— Знаешь, Тань... Я таких парней боюсь. Я как где-нибудь в парке такого встречаю... у меня буквально все внутри замирает! — вторила ей Оксана.

— Так и что же? Теперь в общежитие к Вам мне ход уже и закрыт? — скинул на затылок кепочку Иван.

Прошелся перед девчатами приклатненной походкой, пританцовывая. Добавил «распальцовочку».

— Усики блатные, ручка крендельком! А галихфе штабные — серые на ём! Сладких опер ищешь? Ай, не бери на понт! В дуле ветер свищет. Нинка! Это ж шмон, я знаю!

— Ой! — Оксанка закрыла рукой рот.

— Ну, шо, красивая? Поехали кататься? — и вот так, чуть приседая, выделявая ногами колени, подкатился Иван к девушке, подмигнул.

— Ну шо? Можна мне к тебе в общагу? Ты знаешь, я таки такой ласковый, такой влюбленной! — потянулся он к ней руками.

— Ой, нет... Иван! Перестань! Хватит придуриваться!

Таня, стоя рядом, смеялась.

— Перестань пугать мою подругу, Иван! Хватит!

— Ты знаешь, Танечка! Мне сдаецца, шо цeya краля уже готова отдацца! Не мешайте мне крутить лубофф!

— И что же? Прямо здесь... крутить будешь? — Танюша закрыла собой подругу и улыбаясь, оттесняла Косова от Оксаны.

— Таки да... и это грустно! Придется подождать...

Вот только по пути на сцену, он чуть не столкнулся с этим... летуном, который пер впереди себя шикарный букет роз!

«Где только этот мудень розы в нашем городе в апреле «надыбыл»?».

Вышел на сцену. Опять сдвинул «кепарик» на затылок. Варя, пытаясь не засмеяться, прикусила губу. Прослушивая ее вступление, достал портсигар из кармана, кинул папиросу в угол рта, не прикуривая:

— А у меня — все отлично!

Милая! Все отлично у меня!

«А ничего так получилось! Вон как люди смеются, хлопают! Значит — узнаваемые, близкие им типажи показали они с Варей, спев эту песню!».

В коридоре снова встретился этот... «пернатый». Шел он какой-то ошалелый, с дурацкой улыбкой на лице. Постояв, посмотрев тому вослед, Иван свернул в гримерку к девушкам.

«Может он Варе тащил этот «веник»?».

Зашел... Убедился. «Веник» стоял на столе у Лизы... Развернулся и ничего не говоря, вышел. А что говорить-то? Драться, что ли, с ним? Вот же где глупость! И кто она ему, Косову? Жена? Так нет. Подруга-любовница? М-да... И как быть?

«Как хреново-то все складывается, а?».

А на сцене, в небольших перерывах, чтобы дать артистам перевести дух и поменять костюмы — по необходимости, блистали Савелий и Кира. Это как представить — Зиновия Гердта и Татьяну Судец, к примеру. Основную роль вел, конечно, Савелий. Именно он «тянул» зал, держал его внимание, периодически обращаясь к напарнице. Шутки, какие-то рассказы, сценки и даже пантомима. Но и Кира была хороша, все делала вовремя, была хорошей помощницей Елкину. И даже некоторые реплики удачно вставляла в его роль.

Они «оттащили» концерт, «оттянули» его. Как тогда — лыжный поход! «На зубах», на морально-волевых. И можно уже выдохнуть... Больше всех, конечно, отпахала Варя. Ей досталось хлеще всего. Ну и музыканты тоже.

Народ сам собой начал собираться у них, в большом зале. Все были вымотаны, молчаливы, расслаблены.

— Сейчас народ немного отдохнет, придет в себя... Вы, молодые, быстро восстанавливаетесь, — бормотал Косову Савелий, — И можно будет немного выпить, закусить, пообщаться.

Но, как говорится — не судьба. В зал зашел директор ДК и попросил пройти с ним

Ивана, Илью, Лизу, Варю, Калошина, Киру и Елкина.

— Директор и гости хотят немного пообщаться с Вами, выразить Вам свою благодарность, — негромко пояснил ситуацию директор.

Они прошли по каким-то коридорам, переходам и зашли в уютный зал, обставленный мебелью. Здесь было все заводское начальство, приглашенные лица. И, чего Косов вообще не ожидал, здесь уже была Завадская, Рита и... па-бам! Фатьма.

«А я и забыл совсем разговор с Еленой! Забыл! А они, выходит, и правда были на концерте! Нет, ну ладно — на концерте! Здесь-то они как оказались? Получается, что Завадская вхожа в такие сферы? Причем как вхожа — как своя? И кто здесь ее знакомый?».

Их быстро рассадили по подготовленным местам. Иван оказался между Риткой и Фатьмой. А Елена подмигивала ему, сидя через стол.

— Я же тебе сказала, что мы будем! — шепнула Ивану Завадская.

Их бокалы наполнились. Директор сказал речь. Хорошую такую — недолгую и довольно душевную. Поблагодарил за хороший концерт, выразил надежду в дальнейшем сотрудничестве, рассыпался дифирамбами в адрес Вари и Лизы. Похвалил Ивана и Илью за песни. Илью, повторно, за организацию концерта. Выпили.

На усталость, вымотанные нервы и голодное брюхо, Ивана сразу «повело». Фатьма и Ритка стали усиленно подкладывать ему разнообразной и вкусной закуски. Потом еще парочка тостов «высоких» товарищей.

— Вот как я все это не люблю! — прошипел сидящий рядом с Еленой Калошин, — Сейчас бы со своими, по-простому, расслабиться...

— Ничего, ничего... Это ненадолго..., — успокаивающе прошептала Завадская.

Это и правда оказалось недолгим. Но Косов чувствовал себя изрядно пьяным, и с облегчением удалился, когда это стало возможным. Завадская, напоследок пообещала, что женщины вскорости присоединятся к артистам.

— Мне и самой там будет проще! — усмехнулась Елена.

А у артистов уже начиналось веселье. Народ чуток взбодрился, расставил мебель, и активно помогал персоналу накрывать столы напитками и закусками.

— Игорь... ты это... давай я тебе часть расходов компенсирую, — немного заплетаясь языком, предложил Иван.

— Ты чего, дружище? Все проведено по смете концерта. С местным директором я дружу, замдиректора по хозяйству — тоже вполне нормальный, понимающий дядька. Так что успокойся и расслабься!

И Иван расслабился... Стало покойно, хорошо, лениво. Только вот со спиртным нужно немного повременить. И о женщинах пока не думать — где там Завадская, Фатьма... И еще Лиза, Лида... Кира.

Он сидел почти в обнимку с Елкиным на диване, и старый еврей насыщал его многовековой мудростью своего народа. Было интересно, иногда грустно, чаще — смешно.

А потом появились женщины. Его опять подхватили Фатьма и Ритка, усадили между собой и активно кормили, кормили, кормили. И вроде бы даже хмель прошел. Не совсем, а так — остался где-то на дне, легкой дымкой. С появлением Завадской и ее свиты, остальные женщины как будто поняли, что их сегодняшние притязания на его брэнное тело нужно... поставить на паузу.

Вот только ни Лизы, ни Лиды в зале не было. Это каким-то неудобством осознавалось на задворках мыслей, торчало занозой где-то там... неблизко. Заноза, она ведь что? Если ее

не трогать, можно и забыть о ней, на какое-то время.

Косов повеселел. Еще выпил. Они с Калошиным дуэтом пели. Люди танцевали и просили — еще! А они — и еще пели! В общем, было весело. А потом Елкин и почему-то с Завадской, стали рассказывать разные театральные и эстрадные байки — дополняя друг друга, меняясь ролями, в лицах передавая анекдоты и побасенки. Причем, перед Завадской Савелий рассыпался бисером, сыпал комплиментами, был предупредительным, внимательным и юморным дядькой. Она же относилась к нему душевно, смеялась, всячески показывая ему свою расположенность.

«Ага... а он говорил, что знаком с ней слабо. А сейчас, на них глядя, кажется, что они когда-то успели побывать в любовниках. Бывает же такое, когда после расставания, люди продолжают испытывать друг к другу теплые, но уже — платонические чувства?».

И все же... все же Иван в итоге... «нализался». Смутно помнил, что он с кем-то танцевал, что-то еще пел, и даже с кем-то... целовался... за ширмами. И вроде бы это была... Ритка. И было ему так хорошо, что вот просто — дальше некуда! Только вот перейти в более близкие отношения почему-то... не получалось. Что-то... мешало! Не... С Риткой? Да ну нах! Наверное, это ему приснилось! Последнее его более или менее четкое воспоминание... было связано с автомобилем? Или... с автобусом? Куда-то он ехал, смеялся, пел... И даже с кем-то снова целовался... Вроде бы...

Голова болела... оглушительно! Примерно так, когда он и оказался в этом мире. Но тогда-то его по голове... охерачили посторонние люди. А сейчас что же? Сам себе враг? Адиёт, как говорил кто-то в одном из вчерашних рассказов Савелия.

«Чего же я так... накушался-то?».

«И вот что интересно... а я где? У себя, в клубе? Было бы неплохо: дома, как говорится, и стены помогают. Или... у Завадской? Тогда — еще лучше: можно принять ванну, чуток опохмелиться. У Елены всегда есть качественный алкоголь. Или... у Вари? Не, не хочу! В таком месте, с такой дамой, да в таком состоянии? Или... а где я еще могу быть? В общаге, у тех девчонок-танцовщиц? стыдно... Кавалер, мать его! Нажрался, как свинья! Может... у Лиды... с Лизой?».

Где-то внутри чего-то зацарапало, заныло... Нет, не с Лизой.

«Похоже... Рыженькую я потерял. Ну не мудака, а? И чего я смог бы сделать? Она, было похоже — сама «повелась» на этого летчика-налетчика. Бороться за женщину? Дело, в общем-то, так себе... Если женщина сама не хочет с тобой оставаться — хрен ты ее удержишь! Ни драки с соперником, ни подарки, ни нежности — не помогут. Она уже засомневалась в тебе, и в своем месте рядом с тобой. А значит — уйдет. Не сейчас, так чуть позже, с другим. Так что — отпускай, не унижайся ни сам, ни ее не унижай своей слабостью, ее жалостью. Враньем, нытьем... На хрен!».

Вариант выпал — самый достойный! Он был у Фатьмы. Принюхался сначала, не открывая глаз — знакомо! Запах женщины, запах дома, запах вкусной еды. Кто еще это может быть? Только его самая лучшая женщина — немногословная, заботливая, нежная, страстная... Чуть шевельнулся воздух, и слабо запахло маслами, теми — которые он ей и подарил.

— Не притворяйся! Я же вижу, что ты проснулся, — голос не злой, а такой... с некоей долей участия.

— Фатя!

— М-м-м?

— Скажи мне — я свинья?

Женщина негромко засмеялась.

— Да нет, не свинья. Хотя... набрался ты вчера изрядно.

— Сам не понимаю, что такое... Зачем? И главное — нахуя? Как-то все сплелось — и усталость, и нервы...

— И бабы... — продолжила Фатьма.

«Все-таки ее участие имеет границы! Нет в природе совершенства, и нет в женщинах идеала! Но она — хотя бы максимально приблизилась к нему!» — нашел оправдание подруге Косов.

— И бабы... а что — бабы? Что с ними не так? — по-прежнему не открывая глаз, спросил Косов.

— Не знаю, тебе — виднее. Как мне представляется — как-то много их у тебя стало. Вот и не можешь разобраться, как быть.

— М-да... восточная женщина — мудрая женщина! — прошептал Косов.

— Не подлизывайся. Открывай глаза, вот... лечить тебя буду!

Иван открыл глаза.

Фатьма стояла перед ним в том недлинном халатике, который он ей подарил. Полы — чуть ниже середины бедра. Стройные смуглые ножки. Поясок подчеркивает тонкую талию. Низкий запах приоткрывает полную грудь.

«И прическа сделана! Ух, какая женщина!».

— Вот... я тут красного вина развела, с приправами. Выпей, станет легче. Потом — кушать будешь. Я хаш приготовила.

Косов сглотнул слюну — «Хаш!».

— Хаш... это же не Ваше блюдо?

— Ну и что? Если оно вкусное, и в таком деле помогает. Почему нет?

Глиняная кружка прохладная, тяжелая такая... Полная. Вино красное, полусухое, чуть разбавлено, слабенькое — чтобы сразу не «окосеть» «на старые дрожжи».

«Ох же ж! Ну ведь не может быть так хорошо? Как оно... вниз-то упало! И горло, и рот царапать сразу перестало. Смочило винцо! И в животе приятно стало, чуть успокоились там... каки всякие! И голова... вроде чуть полегчала! Кудесница же, эта женщина, разве нет?».

Он чуть прислушался к себе, прикрыв глаза. Потом посмотрел на женщину:

— Ты прости меня, красавица. Иногда веду себя... как свинья.

Она мотнула головой:

— Вот еще! Ничего не как свинья. У тебя был трудный период, он закончился. Ты и расслабился. Бывает!

«Так... я уже говорил, что эту женщину мне послал Аллах за неведомые заслуги? Говорил, да? И не устану повторять!».

— Вставай! Умоешься, потом поешь. Немного. Потом в баню тебя поведу, парить буду.

— А в бане...

Она засмеялась:

— Потом. Не в бане, а когда лучше себя почувствуешь.

— А вчера я...

Фатьма погладила его по голове, нежно так...

— Вчера... ох... вчера ты пытался... Но не смог. Ласкал меня... а потом уснул.

«Бля... стыдно-то как!».

Иван, отфыркиваясь, умылся. Тщательно почистил зубы. Попытался принюхаться к себе:

«Воняет, поди, от меня... Как от того козла!».

Он сидел за столом, жадно глотал горячий, острый и такой классный хаш. Оживал буквально на глазах.

— Давай еще немного вина налью, да? — спросила его подруга.

— Только разбавь, как ты сделала...

В бане было... Хорошо! Отстегала Фатьма его изрядно. Даже как бы — не в отместку за все его... проделки. И это тоже было — хорошо! Но сама ни раздеваться, ни мыться не стала. Хотя и халатик ее намок, облепил тело.

— Я уже с утра вымылась, пока ты спал, а я баню топила. Говорю же — не понимаю я Вас, русских. В такой жаре себя веником хлестать...

Он подхватил ее в предбаннике за попу, поднял перед собой, прижал крепко. Поцеловал. Посмотрел в глаза:

— Знаешь... я, наверное, все-таки тебя люблю! Нельзя не любить тебя, такую — красивую, заботливую, терпеливую...

— Нет, Ваня! Это в тебе сейчас благодарность говорит, а не любовь.

— Ты не права! И благодарность тоже... Но что-то и большее есть внутри. Только вот... ущербный я какой-то. Не могу любить одну женщину. Точнее — любить, наверное, могу. Только вот верным быть... не получается. Я и других хочу тоже. Вот пока ты рядом — и мне никого больше не надо. А только... нет тебя рядом — и я сразу и на других внимание обращаю.

В доме он постарался исправить свой вчерашний конфуз. Сильно старался, и, похоже, женщина осталась довольна.

«А действительно — чего это я вчера так надрался-то? Почти год здесь, и употреблять доводилось. Но вот как вчера... Вот тогда, с Зиной — тоже было... Но вчера все же — сильнее! Это... Лиза мне так... далась? Не знаю, даже думать в ту сторону не хочу!».

Странно все-таки получилось. Вот уже дважды ему приходилось расставаться с женщинами здесь. С Верой, потом — с Зиной. И что? Да все не так! С Верой — там просто сожаление было, от расставания с привычной и опытной партнершей. С Зиной... с той было и хорошо, и прикольно временами. Также — просто некая благодарность за приятные мгновения. Но так... тягостно — не было, ни в том, ни в другом случае.

— Слушай... А я вчера ничего такого... не натворил? А то последние час-полтора — как из жизни выкинул.

Подруга засмеялась, подняв голову от его груди:

— Да ничего такого... плохого не было. Резвился, конечно, но довольно безобидно. Все пытался девчонок-танцовщиц какому-то танцу научить. Не помню названия. Ламба... или ламда. Как-то так. Похоже, что очень нескромный танец. Сам что ли придумал? Признайся!

— М-да... А почему девчонок, а не — девчонку? Их всего трое было. Одна — с парнем со своим. Вторая — подружка Калошина. Одна же остается?

Фатьма опять засмеялась:

— Ах вон оно чего! А я все не понимала, чего это Игорек так на тебя косится, да все мне какие-то намеки делает!

— Да? А ты что?

— А я? Я смеялась и делала вид, что не понимаю.

— Ага... а еще что было?

— Ну-у-у... о чем-то все нашептывал Ленке на ушко, а та хихикала, да шурилась довольно, как кошка! Вы там вообще все... ну почти все, вокруг нее круги наматывали. Даже этот... старичок, забавный такой! И тот ей все руки целовал, да сожалел о чем-то. А ты этого старичка почему-то все дядей Зямой называл.

— А с Риткой?

— А с Риткой ты, Ваня, целовался взасос за ширмами. Уже в самом конце! Откуда я тебя и извлекла, и в автобус утащила.

«Значит не приснилось!».

— А мы с ней там... ничего такого?

Подруга расхохоталась:

— Да что Вы уже могли сделать? Раздеться, разве что? Она и сама уже была... чуть теплая! Когда я тебя от нее забрала, она все шипела, да повторяла, что, мол, Фатя, я тебе это припомню. Хотя я сомневаюсь, что она сама сегодня это вспомнит. Ее Лена увела. Там какой-то ухажер Завадской появился. В чинах мужчина, в кожаном пальто, да на «эмке».

«Вот опять этот персонаж... на «эмке». Никак — какой «энкавэдэшник» в чинах? Как бы это... не «аукнулось!».

— А больше ни к кому не приставал?

— Так, а там больше никого и не было. Ну, еще Ваш директор с женой. Или подругой, я не знаю. С ним Вы больше спорили. Он, кстати, тоже — поднаелся. Такой забавный был!

«Ага! Не святой Илья! Вовсе не святой!».

«А больше никого не было... То есть — ни Лиды, ни Лизы. Ни Вари. Ну, с последней-то — бог с ней! А вот куда эти... подружки делись? А тебе интересно? М-м-м-м... да, интересно. Очень!».

Похоже, Фатяма что-то почувствовала, потому как поднялась на локте, посмотрела на него, и уселась сверху:

— Давай... не трать времени попусту. Мне уже завтра утром на работу! И так-то редко появляешься... да еще и работа моя. Ну же... Я хочу...

В клуб он приехал рано, проводив на работу подругу. Послonyaлся по помещениям, помог Якову с протопкой печей. Хотя уже и было не холодно, но все же не лето, и хоть чуть-чуть, но печи нужно было протапливать. Ни Ильи, ни Тони...

Серой мышкой мелькнула в двери библиотеки Лида. Косов вышел, покурил, настраиваясь...

— Доброе утро, Лидочка! Как выходной прошел?

— Спасибо, Ваня! Все хорошо. Дома сидела, да с Тихоном занималась. Представь — этот проныра неделями где-то шарится, а потом мне то блох вычесывать, то репы из шерсти вынимать, то порванные ушки зеленкой мазать!

«А глаза — отводит... Или мне так кажется?».

— Лида!

— Что? — опять отвернулась.

— Ты мне скажи, пожалуйста, а где Лиза?

— Лиза? Наверное, в школе. Где же ей еще быть?

— Ну да... где ей еще быть... Ладно, пойду...

Лиза не появилась ни через день, ни через два, ни через неделю. По словам Тони, она забегала пару раз к Лиде, буквально на минутку и убегала снова. Лида же все твердила, отводя глаза — мол, работы у подруги вдруг столько образовалось, что ни минуты нет, чтобы в клуб заскочить.

Косову все было понятно. Но... никак не мог себя пересилить, чтобы не спрашивать Лиду снова и снова. Как будто свербило что-то внутри него, царапалось, пищало, и норовило вырваться наружу. Наконец он не выдержал и, выбрав время, когда точно никто не помешает разговору, зашел в библиотеку, запер за собой двери.

— Лида... Я думаю, нам нужно поговорить. Я предполагаю, что случилось у Лизы... Но... думаю — не красиво вот так водить меня за нос! Она мне... все-таки не чужой человек. Я понимаю, ты ее подруга, но... если она никак не может набраться смелости и прямо заявить — «Ваня! Пошел ты на хер!», то ты-то можешь сказать... У нее — другой мужчина?

— Вань! Ну зачем ты с этим... ко мне? Я что могу сделать? Она... она, думаю, все же появится... И вы поговорите.

— А тебе, как подруге... А если он ее... покатрошит, да и бросит? Он что, в Москву ее зовет?

— Почему в Москву? — удивилась Лида, потом смутилась, — Он, вообще-то, из Казани... Работает там на авиазаводе. Как это... военпредом.

— И что? У него к ней — серьезно?

— Она говорит, что... да. И мне кажется... он ее не обманывает.

— Ага... а семьи у него, стал-быть, нет?

Лида поняла, что, в принципе, она уже призналась, что ей все известно. Вздохнула, поднялась...

— Вань! Пошли уж лучше к тебе... Библиотеку можно закрывать, все равно по графику буквально минут десять осталось...

Они зашли к нему в комнату, и Косов поставил чай на керосинку. Приоткрыл заднюю дверь, сел возле нее на табурет, приготовился слушать...

— Вань... Ну не будь мальчишкой, а? Лизе... семья нужна. Чтобы муж был, чтобы дети...

— Я... я все понимаю.

— Ну а что ты тогда? Если понимаешь?

Косов вздохнул:

— Все равно... как-то хреново...

— Вань... ну... у тебя же были уже женщины, с которыми ты расставался. И что? В чем разница-то?

— В том и разница... что есть разница. То они, а то — Лиза...

— Ты что... влюбился, что ли? Так... у тебя же и эта... подруга есть.

— Есть... Но... Лиза — это... Лиза.

— Как сложно тебя понять..., - Лида покачала головой.

— Да, а что там... с семьей? У этого...

— Ну-у-у... как Лиза говорила... Он, после ранения... в общем, проблемы у него были, по службе. Вроде бы... серьезные. А та — взяла и ушла. Развелась. Вот... так.

— Хорошо, Лида... я все понял.

— И что?

— Переживу... как-нибудь. От этого же — не умирают, верно?

Когда Лида уходила, он с раздражением заметил, что посмотрела она на него с жалостью и смущением.

«Вот еще... не жалели только меня здесь! Терпеть ненавижу!».

Ситуация в клубе несколько накалилась. В отдельно взятой его части. Если Илья по-прежнему, похоже, пребывал в неведении относительно его отношений... теперь уже бывших, с Лизой, то между Тоней и Лидой «пробежала кошка». Раньше, в любое свободное время они вполне оживленно общались между собой, что-то обсуждали, пили чай, смеялись над разным, то теперь их общение сошло на нет. За исключением сугубо рабочих вопросов. И здесь опять же! часто Косов ловил на себе какие-то жалеющие взгляды Тони! Бесило это — невероятно! Брошенный коварной Лизой бедный мальчик... И как это «разрулить» — он не знал. Может взять и соблазнить саму Тоню? Да ну... до такого он точно не опустится! Мало того, что это подлость по отношению к Илье, так это и по отношению к Тоне... как котенка обидеть! И Лида еще... со своими виноватыми взглядами.

А может он сам себя так накручивает? Ну-у-у... не без этого. Но пока поделаться он ничего не мог — после нервотрепки концерта какая-то апатия навалилась. Можно было к Фатьме съездить, так ведь этот дурацкий график ее работы! Он и раньше-то не баловал подружку посещениями — в лучшем случае раз в неделю. Так еще и его выходные теперь не всегда совпадали с выходными женщины!

Он буквально заставлял себя чем-нибудь заниматься. Ничего неделание приводит к излишней рефлексии. И снова — зарядка по утрам, которую он максимально расширил и усилил различными отягощениями — и кросс снова бегать начал, и занятия на турнике увеличил, и даже соорудил некое подобие брусьев — помня, что ему еще сдавать по нормам ГТО гимнастику! И даже попробовал устроить заплыв по протекающей в непосредственной близости к клубу речушке. К Оби-то пока — не подойти, разлив в самом разгаре. Но только попробовав — сразу отказался! Вода в речке была... очень мягко говоря — не теплая! И когда в таком случае готовится к сдаче норм по плаванию? В июне? Когда вода чуть прогреется? Так не успеет он настолько «натаскаться» на нужных дистанциях, чтобы сдать зачеты!

Но все эти занятия и упражнения все равно занимали в лучшем случае половину дня. Добавил еще занятий пистолетчика. Но днем этим не позанимаешься — залы заполнены ребятишками. Приходилось вновь и вновь отрабатывать извлечение оружия, подготовку к стрельбе, и повороты, повороты, повороты... По крайней мере — этим можно было заниматься и у него в комнате.

— Иван! — толком не постучав в дверь, в комнату ворвался Илья, — разговор есть!

— Ф-у-у-у-х..., - Косов отбросил револьвер на топчан, помахал руками, с хрустом размял суставы рук, — проходи, садись... Сейчас чайку поставлю!

Илья скептически посмотрел на оружие, на кобуру на ремне Ивана, хмыкнул и протянул:

— А ты все продолжаешь дурью мучиться? Так и не оставил идею поступать в военное училище? Вот объясни мне — зачем тебе это надо? Ты... лучше бы в музыкальное училище поступил. Получил бы нормальное образование, то, которое тебе бы пригодилось как автору песен. Или... в пединститут, на филологическое. Тоже — хорошее для автора-песенника

дело. А это... «ать-два»? Зачем?

— Ну что ты опять за старое? Обговорили уже все! Нет — опять двадцать пять! Я же тебе прямо сказал — не вижу я себя в этом. Не мое! Нет... так-то, если что на ум придет — конечно не отброшу, запишу. Но все равно — нет, нет и нет!

Косов, говоря все это, продолжал манипуляции с чайником, водой, керосинкой. Хорошо, что уже тепло, и чайник на керосинке можно выставлять на крылечко перед задней дверью. А то керосином воняет — мухи дохнут! Не к месту он вспомнил, как когда-то сидели и курили на этом крыльце с Зиной. Интересно было!

— И вот еще что, Илья! Хочешь обижайся, хочешь — нет! Больше я в концертах не участвую. Хва! Попробовал я эту нервотрепку... Не стоит продолжать! Если что... вон у Калошина есть парни, которые вполне по типуaju подходят к этим песням, и петь умеют, и голоса есть. Их и обкатывайте! А я — отхожу в сторону и умываю руки, вот!

Директор всплеснул руками, с досадой хлопнул ладонями по коленям.

— Да что же такое-то?! Я ж к тебе с этим и пришел!

Вспомнив волка из хорошего мультика — «Шо?! Опять?!», Косов сел в проеме двери и закурил.

— Ну что там снова? Опять концерт намечается?

Илья почесал ногтем бровь:

— Ну-у-у... не то, чтобы намечается. Но — может быть, да! Примерно к концу июня... В центральном городском саду. Представь! Полная программа! Зрителей — масса! Как тебе?

Косов выпустил дым, проследил как его подхватил легкий ветерок прямо от дверей и унес куда-то ввысь:

— Да никак! Я уже тебе все сказал. Помогу, чем смогу. Но сам участвовать не буду. Это же страх божий — сколько нервов сгорело! Ты-то сам что ж — железный что ли? Сам ведь вымотался до последнего. И снова в то же... лезешь!

— Это моя работа, вообще-то! И... понимаешь... это же... пусть не слава, но известность! Как это... ты еще как-то говорил... А! Вот — востребованность у зрителей!

— Илья, Илья, Илья... Ты как будто слушаешь и не слышишь! Это тебе нужно, а мне — нет! Ну ладно, хватит! Поспорили и будет. Ты мне скажи — перед чаем коньячка примешь?

Илья секунду подумал и кивнул головой:

— Можно!

Пока «приняли», пока попили чай — директор успокоился.

— Я вот что рассказать хотел-то... В общем, наш концерт получил очень хорошую оценку и у дирекции завода, и — бери выше! Даже в горкоме партии! Даже в обкоме, говорят, обсуждали и удивлялись. По-хорошему удивлялись! Мне вот... предложили написать заявление... на кандидата в партию, представь?

— Х-х-а-а! А что — дело хорошее! Ты, Илюха, хоть мы с тобой и «лаемся» частенько, но — человек правильный! Честный, прямой! Так что — мое тебе одобрение, товарищ директор! Это хорошее, да? А что плохого есть?

— Да нет ничего плохого! Мне тут в отделе культуры Грамоту вручили. Прямо на совещании. И мне... немного неудобно. Есть ведь и твоя заслуга в этой Грамоте. Но мне пообещали, что в горкоме комсомола про тебя помнят, концерт оценили. Там сейчас обсуждают — Грамоту тебе от комсомола давать, или — премию.

— Тоже дело хорошее! — «вот премия мне... как-то без разницы! А Грамота, при поступлении в училище — была бы очень к месту!».

Уже уходя, стоя в дверях, Илья повернулся:

— Да, вот что еще... Ты слышал — Лиза уезжать собралась! Жалко-то как, да?! Так она к нам в коллектив вписалась... И товарищ хороший, и активная такая, и певица... тоже... Надо будет как-то собраться, что ли... проводить по-человечески.

Косов только неопределенно кивнул головой. Понимай как хочешь...

Вернувшись с вечерней пробежки, Иван застал, похоже, очередную ссору Тони и Лиды. Очень уж сконфуженно выглядели обе. Только у Тони еще горели яростью глазки да румянец растекся по щекам. А Лида... Она опять виновато покосилась на Ивана.

Излишне бодро Косов обратился к Тоне:

— Тонечка! А где Илья?

— В город поехал. Я тоже сейчас закончу и туда же направлюсь.

— Ага... это — хорошо! А ну-ка... подруги! Пошли обе ко мне в комнату! И это не приглашение, это — требование!

И Косов дождался-таки, пока обе зашли к нему.

— Так! Милые мои! У меня к Вам серьезнейший разговор. К обеим.

Косов поставил греться чайник, быстро заставил стол сахарницей, заварником, тарелкой с пирогами.

«Хорошо, что Мироныч сегодня притащил от супружницы пирогов. Я, конечно, уже изрядно ополовинил их изначальное количество, но пирожков еще много!».

— Так... для создания нужной для разговора атмосферы, считаю безусловно необходимым... «принять на грудь»! Возражения — не принимаются!

Видя сомнение на лице Лиды, и четко выраженное отрицание у Тони, добавил:

— Я Вас сам потом до станции провожу! Девочки! Не ерепеньтесь, берите и пейте!

Тоня, принявшись, выпила свои «пятьдесят» залпом. Смешно сморщилась, зафыркала, как кот. Лида рассмеялась:

— Ты сейчас как мой Тихон фыркаешь, когда мою пудру нюхнет!

Потом с сомнением покачала рюмку в руке, глядя как маслянистая жидкость обволакивает стенки, и, решившись, не торопясь выцедила.

— Ну вот... пути к консенсусу проложены! Будем считать наше заседание открытым! Основным докладчиком выступаю я! Для прений сторон назначаю время после основного доклада. Предлагаю выступать четко, аргументировано, экстрактно! Всем ясно? Я приступаю...

— Итак, дорогие мои и сердцу милые девушки! Мне очень горестно видеть, что между Вами возникло непонимание ситуации. Более того, скажу прямо и открыто, — он вперил палец в сторону Лиды, — мне категорически неприемлемы «жалостные» или виноватые взгляды в мою сторону. Если Вам, красавицы, чувства мешают видеть, то я подскажу — я вполне взрослый, половозрелый мужчина. И жалость ко мне... меня же и оскорбляет!

Иван задумался на секунду, поднял к лицу свою рюмку, вдохнул аромат напитка, и смакуя, выпил.

— Так вот... это было... вступление! Давайте разберемся по существу вопроса. Между мной и Лизой... некоторое время назад... возникли отношения. Да, отношения... Но! Мы ничего и никак друг другу не обещали. Нам было просто хорошо вдвоем. Более того! Я неоднократно говорил, что этим летом уеду из города. И вернусь ли сюда... Очень вряд ли! Поэтому, Лиза прекрасно понимала, что... никаких серьезных отношений со мной строить... не стоит. В-о-о-от...

Запал как-то пропал... И что говорить далее — было не понятно. Да и... не хотелось. Но — надо!

— Поэтому, Лиза, как красивая женщина... встретила другого мужчину. Ну что же... бывает. И что делать мне? Заламывать руки? Кричать, что она коварная, легкомысленная и прочее... Нет. Как-то это... не по-мужски. Я могу только... пожелать ей счастья... и семейного очага! Чтобы она не обманулась в чувствах своего избранника... Вот...

«Бля... чего-то и как-то я... «не в ту степь». Судя по взгляду Лиды, в котором сейчас жалости больше, чем... обычно. И Тоня... опять глазки засверкали, щечки зарумянились, ноздри носика раздуваются, трепещут!».

Не обращая внимания на Лиду, он подошел к Тоне, присел на корточки перед ней, взял ее ладошки в свои руки, и, пресекая готовые сорваться с ее губ слова, сказал:

— Тонечка! Не надо ничего говорить. Поверь — такое бывает. И это... не хорошо и не плохо. Это жизнь. Кто-то теряет, кто-то находит. И Лизе нужна... семья. Муж, ребенок... Посмотри на меня! Ну! Могу я ей это обеспечить? Я, который... не очень серьезен. Который женщин любит... и свободу. Ну... Не надо слов, прошу. Просто поверь — я понимаю, что так будет лучше для Лизы. А я к ней настолько хорошо отношусь, что... Пусть она будет счастлива! И мне от этого будет спокойно...

Косов и сам не заметил, как с потискиваний ее рук, перешел на поглаживание ее коленей. Понял это, он с удивлением посмотрел на свои руки, не понимая, как это так случилось? Тоня, судя по всему, и сама этого не заметила, слушая его, и пытаясь вставить что-то свое. Потому — тоже была очень удивлена, и, поняв, «вспыхнула» всем лицом.

— Ой! Извини... Тонечка, — Косов убрал руки, за спину, и, покачнувшись от неожиданности, совсем не «гламурно» шлепнулся на задницу.

Лида захохотала, а когда чуть успокоилась, пробормотала:

— Ваня! Ну ты же «в своем репертуаре»! Ой, не могу! Ну — насмешил!

Виновато он извинялся перед Тоней:

— Ну посуди сама... Ну как с таким... семью создавать? Если у меня руки... живут отдельно от головы.

Тоня, еще смущаясь, прижимала ладошки к щекам, сказала:

— Ладно, ловелас... хотя я с тобой не совсем согласна... Но видимо, в чем-то ты и прав. Тогда... Лида! Ты уж прости меня, хорошо? Не будем ссориться. Тем более... если сам Иван так... рассуждает. И коленки мои так тискает! Ух, ты! Кобелина! — погрозила ему кулачком и засмеялась, — Ты же опасный для общества человек, Иван! Ну... давай, еще налей нам немножко. Выпьем и я пойду переодеваться. А потом ты проводишь нас с Лидой! Как и обещал, слышишь?

Она пришла к нему вечером. Сама. Зашла в комнату, остановилась прямо у дверей, подложив ладони под попу, прислонилась ею к косяку. Стояла и молчала, глядя на него.

Он, терзал в этот момент гитару, бренькал струнами.

«Бра-а-а-м!».

«Нет... низко как-то получается, не то!».

«Бре-е-ень! Бре-ень! Брень!!!»

«Вот... уже ближе! А к чему ближе? А хрен его знает. Но — ближе! А красивая она Очень! Ножки; бедра, обтянутые серой юбкой; довольно тонкая талия, затянутая широким поясом; светлая блузка, которая совсем не скрывает хорошую такую грудь; накинутый на

плечи плащ... Хороша! Высокая шея. Красивое лицо, за короткое время ставшее вдруг родным. Локоны светло-русых, чуть рыжеватых волос. Как же... тяжело ее терять!».

Она смотрела на него и молчала, только чуть покусывала губки. И глаза лихорадочно блестели; щеки, покрытые румянцем.

— Вань! Ну чего ты... молчишь, а? Ну зачем ты молчишь?

Косов молчал, поглядывая на Лизу искоса, чуть исподлобья, наклонившись к гитаре.

«Бре-е-ень!».

— Ну не молчи же! Ну... ну хоть обматери меня... что ли?!

— Зачем?

— Что зачем? Зачем — что? Обматерить? Ну-у-у... я же достойна этих... матов.

— С чего ты взяла? Ты вон — красивая такая!

Она усмехнулась и отвернулась.

«Бре-е-нь!».

— Ты знаешь... я переспала с мужчиной! — «дерзко так получилось! и что? я должен ударить ее? начать орать, брызгать слюной, заламывать руки, рвать на голове волосы?».

— Я... я не раз с ним переспала... вот! Ну не молчи же! Ваня!

«Брень!»

«Совсем коротко получилось, как точку поставил!».

— А еще... еще... я беременна...

«Ну... это и ожидалось!».

— Зачем ты пришла? Вы... расстались?

— Расстались? Нет. Он меня к себе зовет. И... я согласилась. Согласилась стать его женой.

— Ну-у-у... это же хорошо, да? — «а что еще говорить?»

— Слушай! Ну я так не могу! Нам нужно поговорить. Что же ты меня мучишь?

— Разве... я тебя мучаю?

— Да! Невыносимо так... Давай... Расстанемся людьми, а? По-хорошему...

— А по-хорошему — это как?

Она помолчала.

— А я... не знаю. В прошлый раз... Когда я выгнала своего первого мужа... Все было по-другому. Там мне не было так тяжело. Нет... не так! Тогда тоже было тяжело, но... не так. А сейчас... сейчас просто невыносимо.

— Так зачем же ты тогда пришла?

— Не знаю... Я — не знаю. Просто вдруг поняла, что нельзя вот так просто взять — и уехать. Не поговорив с тобой.

— И чего же ты хочешь услышать? Что я... отпускаю тебя? Но ведь так и есть. Отпускаю. И принимаю все это... как необходимое.

— Да? А ты... разве... Ты не скучал... по мне?

— Что значит — не скучал? Я тут с ума сходил, когда понял, что потерял тебя. Но понял — это было неизбежно. Все наши отношения... они были неправильными изначально. Ладно бы... «перепихнулись» и разбежались. Но у нас получилось... не так. И я не совсем уж дурак. Понимаю, что такой умнице и красавице нужна семья, муж, ребенок. А лучше — несколько. Ты этого заслуживаешь. А что могу дать я? Ни хрена!

— Нет, Ваня... ты глупый! Ты мне и так... дал очень многое. Все не так... все не так хотелось бы сказать!

Она закусила кулачок и по ее щеке поползла слеза.

«А вот это уже... удар ниже пояса! Терпеть не могу... когда женщина плачет! Тем более... такая женщина!».

Хотелось вскочить, подбежать к ней и покрыть ее лицо поцелуями, обнять, прижать к себе и никуда не отпускать!

«Нельзя, блядь! И это нужно пережить!».

— Ну... прошу тебя! Сделай же что-нибудь... чтобы не было так больно! Ты же хороший, Ванечка!

Он все-таки встал, отложив гитару. Подошел к ней и обнял. Стоял, молча гладил ее по голове, спине. А она, уткнувшись ему в грудь, разрыдалась.

Потом она начала успокаиваться, еще всхлипывала:

— Дай мне папироску!

— Тебе сейчас нельзя курить. Ребенку может повредить!

— Вздор! Не так уж часто я и курю. А сейчас мне... нужно!

Она умылась под умывальником, вытерла лицо поданным им полотенцем. Потом курила, молча и глядя куда-то в угол.

— Может... коньяка рюмку? — предложил Иван.

Она кивнула:

— Да... давай!

Опять молчали, сидя рядом за столом. Он обнимал ее, но не нежно, как мужчина. А как-то... по-родственному.

— Вань... Я, конечно, та еще... Но... может быть... Мы с тобой простимся, как-то... по-другому.

— По-другому — это как?

— Ну, Господи! Ну что ты как... совсем дурак, а? Ну... «трахни» ты меня, а?! Хорошенько так! Как раньше...

Настроя не было от слова — «вообще».

— А это... ну как-то... это уж какая-то двойная измена получается. Нет?

Она усмехнулась криво:

— А может... так легче будет? Буду ощущать себя конченной шлюхой и мразью, нет?

— Вот еще! Глупость какая! Ты не шлюха и не мразь! Ты просто красивая женщина, которая хочет своего счастья — дом, муж, дети. Ну так и строй свое счастье, и не выдумывай глупостей! Все правильно, Лиза! Все правильно!

— Ну так... давай, а? Мне... правда очень этого хочется. Правда, я не лгу сейчас! В последний раз, а? Мне так хочется забиться у тебя на груди... после того, как... чтобы снова было так сладко... как тогда, бывало. Вань! Ну будь человеком, а?

— М-да-а... А что же... легчик твой?

— Он уехал. Пообещал, что вернется за мной в начале июня. И еще... чтобы ты все понимал и знал. Я сказала ему, что беременна...

— Вот как? А что же он?

— Он? Он сказал, что ему — плевать! Что он хочет этого ребенка, что он уже считает его своим! Он... Ваня, он любит меня! Сказал... что сразу это понял, когда увидел меня на сцене. Понял и сразу решил, что не уедет без меня!

«Ну... мужик, чё!»

— Да? А ты?

— Я... он очень надежный такой. Спокойный, рассудительный, умный. Мужчина.

— И как же мы тогда...

— Ну... пусть это будет мой грех!

Она была безумна сексуальна. Делала это... как в последний раз. Косов чувствовал, как волна за волной накатывало на него дикое желание. Он был то очень нежен с ней, так нежен, что боялся даже коснуться не так... То — на него нападало какое-то буйство, и тогда он даже рычал... вроде бы. И делал все грубо, резко, быстро. А ей, казалось бы, этого и хотелось.

«Даже не представлял, что так... хорошо всему ее обучил! Как же она... хороша»!

И тот же минет... в ее исполнении, казалось бы, мог поспорить с таковым у Завадской. По крайней мере — по чувственности, если не по технике!

А как она скакала на нем! То крича, то плача, то осыпая его поцелуями.

Они лежали на боку. «Ложки» — они такие... «ложки!».

— Не выходи из меня! Давай так полежим, хорошо?

— Угу...

— Вань?

— М-м-м?

— Представь... я кончила! От этого... мне же... не нравилось!

— Это плохо? Или... хорошо?

— Это и хорошо... и плохо! Как же я... теперь? Да еще и так... бурно! Мне показалось... что я даже сознание потеряла. Так мне было... хорошо!

— Ты... смотри! Не вздумай все это повторять... с ним. Боюсь, не поймет твой серьезный и рассудительный мужчина... такого разнообразия и умений.

— Ну... я сказала, что у меня... был любовник... такой... опытный!

— Ты что? Уже все это...

— Да нет! Что ты! Конечно, нет... Так... Так у меня только с тобой. Но... похоже, что его бывшая... была той еще... фифой!

Уже уходя, она, смутившись, спросила:

— Вань... У меня... до отъезда еще больше двух недель. Можно... я еще приду?

Не зная, что ответить, что будет более правильным, он поцеловал ее. Как можно более нежно...

«Ф-у-у-х-х!»

Мышцы ноют и чуть тянут. Значит хорошо позанимался! Иван вышел из сарая-дровяника, который сейчас полупустой и вполне хватает места для занятий. Сначала кросс. Вышел уже на уверенную такую «пятерочку». Потом разминка, растяжка и турник. Плотно с турником, до пота. Потом — брусья, тоже неслабо. А уж затем — в сарай, где висит его импровизированная груша. И там тоже — до пота, аж кулаки ноют!

Восстанавливая дыхание, вышел из-за клуба ко входу.

«А это что за фикус?».

На скамейке возле входа, щурясь от весеннего солнышка, и покуривая папироску, сидел пацан лет четырнадцати-пятнадцати. Приблатненный, не местный.

«Морда как-то... знакомая!».

Увидел его пацан, цыкнул слюной на дорожку, и «забычковав» окурок, уложил его в карман пиджачка.

— Ну ты чё так долго-то? Замаялся я тя ждать! — шмыгнул носом, — Ну ты и лосяра здоровый!

Вообще-то Косов себя «здоровым» не считал. Ну да, чуть выше среднего сейчас мужчины. Сто семьдесят восемь «сэмэ». Здесь средний рост примерно сто семьдесят-сто семьдесят пять. Помнится, по таблицам словесных портретов конца восьмидесятых-начала девяностых — средний рост как раз в этих пределах. Сто семьдесят шесть-сто семьдесят восемь значился как — «выше среднего». От ста восьмидесяти — уже «высокого роста». А если как викинг Сережа — тот уже конкретно — лось!

И по мускулатуре Косов не очень. Больше жилистый, чем накачанный. Что, в общем-то, является основой его «пичальки». Не растут мышцы дальше, хоть ты тресни! И не помнит он того, что нужно для роста мышечной массы, и специальной литературы еще не водится. Вот так... Но пацану видимо представляется иначе.

— А ты кури побольше — вообще ни хрена не вырастишь!

— Ой! Да чё там! Сам небось смолишь, как паровоз! — пацан презрительно хмыкнул на его педагогический экзерсис.

— Так я уже вырос, а ты еще нет!

Пацан снова сплюнул на дорожку, высказав тем самым свое отношение к его словам. И это здорово «выбесило» Ивана:

— Ты, мля, еще раз сплюнешь, я тобой тут всю дорожку подотру! Ну-ка, сявка, обозвался «по-бырому»! К кому «причалил», чё надо?! Быстро расклад весь на кон!

Пацан подобрался:

— Да чё ты? К те же и пришкандыбал!

— А ну встал, босота, когда со старшими базаришь!

Шкет, пытаясь «держать марку» хмыкнул, пусть уже и потише:

— Ты штоле старший? Ха!

— Так, мля! Я те щас в лоб ебну, и у тя уши отклеются! Быстро обозвался, сопля зеленая!

— Да чё ты... Чибис. Ну... «Вассер» я, и чё терь? — пацан все же поднялся с лавки.

— Ишь ты... «Вассер»! Сам придумал или в натуре погонялу люди дали?

— Чё придумал-то? Точняк — моя «погремуха»!

— Ладно... проехали. Зачем и от кого? Ну? «Шементом», «по-рыхлому»! Мне тут ещё не улыбалось, чтобы кто-то «срисовал» наши «базары»!

— Да ладно... чё такого-то? Ну стоят люди, базарят... Кому нах надо?

— Много текста, шпанский! А то могу походатайствовать, чтобы «кликуху» тебе поменяли. Был «Вассер», станешь — «Метелкой». Или — «Помело». Как больше нравится?

Похоже, пацан снова хотел цыкнуть, но вовремя вспомнив о предупреждении, сдержался:

— Карочь! Севостьян Игнатъич просил Чибиса подскочить к нему на днях. Куда — Чибис знает. Дело, грит, есть... Все!

— Ладно... услышал! Гуляй босота... от рубля и выше!

— Ты... слышь, Чибис! Дай папироску, а? Ты, грят, «фраер козырный».

— Кто тебе в уши дунул, что я «фраер козырный»? Масти не путай, «валет»!

Пацан смутился:

— Да чё я... так... слышал краем уха.

— Жди здесь!

Иван зашел к себе в комнату, взял пачку папирос и выйдя, отдал ее пацану.

«М-да... и на кой хрен я «Савоське» понадобился? Что-то это мне... не нравится!».

«Савоська» снова скрипел, сипел, кашлял...

— Привет тебе, Чибис, от Шрама. Спрашивал, как ты здесь, жив ли, здоров ли.

— Он что, заезжал к нам?

— М-да... был. Проездом.

— И как у него?

— Жив-здоров...

Посидели, помолчали.

— Да... Вот твоя «доляшка» от ателье, — «Штехель» перекинул ему небольшую «пачуху» купюр, стянутую резинкой.

«Немного. Но и то — хлеб!».

— Что звал-то, Севостьян Игнатъевич? — Иван сидел, покуривая, поглядывая на оппонента.

Тот побряхтел в раздумье:

— Ты, Чибис, все же — дурень. Вот сколь раз я это повторял и повторять буду. Сделал себе репутацию, шлёмиль... В общем, когда Шрам сюда заскакивал, разговор у него был. Ну и он... тебя порекомендовал людям. В общем, расклад есть один. Но — мутный! Дело того... денежное, но... мокрое.

— Эт чё я щас, за мокрушника попер?

— Ну а кто ты есть? Мокродел сопливый!

— Ладно, ладно... А ты тут при каких раскладах?

Савоська вдруг взъярился:

— Да при таких! При дурацких! Вот знал бы что из тебя выйдет — ни за что не влез бы тогда тебе помогать! «Отойти хочу! Помогите, дяденька!». А сам что? Из мокрого в мокрое, из стрёма в стрём! И меня, сучок, за собой тянешь! Уже и в масть пиковую окрасился!

— Тихо, тихо, Севостьян Игнатъевич! Что за «блудняк»-то намечается?

Тот закурил, полез в стол, достал бутылку коньяка.

— Вздрогнем! А то... и желанья-то такие «базары» вести нет!

После выпитого еще посидели, покурили, помолчали.

— В общем... есть тут у нас... мутная компания. Недавно образовалась. Чужие. Неворовской ход знают, и уважение показали. В общак заносят. Людям это вроде бы и не зачем... Да и против шерсти такое! Но... повода нет отказать. Решили... не влазить в эту блудню. В сторонке постоять. Посмотреть. А те, похоже, разворачиваться начали. Вот... Значит, укорот им нужно дать. Но! Тихо, чтобы «предъявить» нечего было.

— Ты можешь толком сказать, что, как, и мне это зачем?

— Тебе зачем? «Хрусты» там будут богатые. Или не нужны тебе стали «бабки»? Да и... не нужны людям здесь эти... польские.

«Интересно, интересно... А откуда здесь польские воры? Чего они тут забыли? Ладно еще в России, или там... на Югах. А здесь-то они... на кой хрен?».

— Сам я с ними не «базарил». Но в целом... В общем, на западе какая-то «замута» началась. Политика опять эта сраная! В общем... раньше эти поляки «дурью» «барыжили». А сейчас власти нагнали туда войск, «движняки» какие-то... «Гепеу» там шерстить начало. «Окна» на границе погорели все. В общем, дела делать у польских уже так не выходит. Вот они, значит, отправили сюда ходоков. Из тех, кто здесь раньше бывал. «Пробили» они, значит, тропку к чуркам, на Юг. Ну и... повадились возить разное. Ханка, шала, гандж... Уже несколько раз скатались. Сначала вдвоем-втроем катались, с опаской, стал-быть, а сейчас вообще оборзели. Один курьер ездит. Сюда «бабки», отсюда — «дурь»!

— И что, прямо из Красно-Сибирска?

— Да нет... Сюда ему чурки привозят. Здесь уж... меняют.

— И что?

— Что, что... Посмотрели люди на такое... Резво уж что-то поляки забегали. Чересчур. Нам здесь это... ни к чему. «Дурью» «барыжить» совсем уж... себя не уважать. Но и просто рядом стоять... стрёмно. И «защвар» может выйти. Куда ни кинь, везде — клин! В общем... нужен человек, который вроде и не из «воров», но и... дельный. Дело обстряпаешь — твоих пять кусков.

Косов поперхнулся дымом, откашлялся:

— Ты, Севастьян Игнатьич, сейчас серьезно? Пять кусков — за мокрое? Что-то..., - покрутил головой, — Да Вы совсем края потеряли! Прошлый раз я с Фролом и Тяпой... на «атанде» постоял и мне три с полтиной отслюнили. А здесь... за «вышку» фактически — пять! Ну благодетель, ну — щедрая душа!

«А вот на хрена я вообще эти разговоры веду, а? Оно мне надо? Так ведь нет! Что меня заставляет это делать? Нет... так-то деньги — они никогда не помешают. Но — за явную «мокруху»? В те разы... все по-другому было. Хлопа с Ильясом я... «прибрал» на злости и по необходимости. Шраму помог фактически спонтанно, по обстоятельствам. А здесь? Намеренно, осознанно идти на такое? Что еще меня подвигает на это? Почему сразу не отказался, стал слушать? Да и — фактически торговаться начал?

Ну-у-у... «барыг» наркотой я давно терпеть не могу — это оттуда, еще с тех девяностых. Насмотрелся на «нариков», на горе их родных и близких, на «передозы» эти бесконечные, на трупы в большом количестве. А сколько дел по кражам, грабежам, и разбоям довелось вести, по которым наркоманы проходили. За дозу — убьют, ничего не остановит! А «пушеры» эти... суки конченые! Что еще? Репутация у воров, авторитет? Рекомендация Шрама? Это на Чибиса могло повлиять, а на меня?».

После происшедшего с Лизой... Пусть вроде бы и дело разрешилось... Но что-то в его душе произошло. Как потеря... Как дырочка внутри, из которой сквозит все время, и это раздражает! Злость какая-то появилась... Или — жестче стал?

Вот ведь... так сразу и не разберешься. Но уже заметил за собой, что даже на Лиду стал смотреть без той теплоты, которая была ранее. Как на возможный объект для... ага, этого самого! А чего? Она же сама этого хочет, ей же надо, не так ли? Ну и хули теперь турысы на колесах разводить?

И вот сейчас... отторжения у него предложение «Штехеля» не вызывает. Раздумья есть — надо ли ему это. А вот соплей интеллигентских нет. «Польские» чужие? Да! Занимаются стремным, даже в понятиях воров, делом? Да! Нет возражений против их наказания? Нет! Да и «бабки» срубить при этом. Чего же? Плохо ли?

А про мокруху... Так прав Шрам еще тогда был, когда говорил, что на «вышак» они уже поймали! Тогда что? Соглашаться?

— Ты это... Чибис... охлони! Я здесь не при чем, просто посредник. Знали люди, что со Шрамом дела вел, что тебя знаю. Вот и предложили поговорить. И это... здесь ты прав — за такое пять косых... Скорее — это проверка была.

«Штехель» снова плеснул по стаканам коньяка.

— Ну так что? Твое согласие... можно сказать — есть? Дело только в размерах доли, так что ли? И сколько ты хочешь?

— А давай рассуждать логически... Курьер прибудет с «бабками». С малыми «бабками» в такую даль кататься — дурнем надо быть. Значит кус будет большим. Четверть, по любому, пойдет в общак. Вот от оставшегося... половина. А? Как тебе такое?

— Ты сдурел что ли, Чибис? Там... расклад идет об очень приличных «хрустах». Точно не знаю... но могу предположить, что не меньше сотни. Иначе — чего огород городить? Куда тебе такие... Не... не пойдут на это люди. Хотя... да по хрену мне! Я передам, а там... договаривайтесь сами.

— Да? А тебе за посредничество доля не нужна? — хмыкнул Косов.

— Одно дело просто свести Вас. Другое — влезть в это... по самые ноздри! Отстегнуть что-то — и ладно. Нет? Да и хрен с ним!

— Мне вот интересно..., - раздумывал Иван, — а сколько там будет человек? Двое? Трое? Железо при них будет? Хотя... да будет, наверняка. Деньги-то приличные! И как их, поляков этих... отработать? Где? Когда? Это же... пока они не разменялись, надо сделать.

Косов поднял голову, посмотрел на «Савоську»:

— И еще... а с чурками что делать? Тоже... класть? Они же сюда с товаром приедут. Им деньги будут нужны. Как бы под замес с разбором не угодить...

— Ты это... это все не ко мне! Сведу тебя... с людьми. Там и «обкашляете» все это.

— Угу... когда? И вот еще, Игнатъич... Вопросик у меня такой... А что же — у людей своих бойцов нет, что меня решили пристегнуть?

— Значит нет, если решили. Обычных «сявок» подвязать, так и дело не сделают, и сами засыплются. И других за собой потянут. А «пиковых» выходит в городе нет. Их в прошлом и позапрошлом году «красноперые» здорово проредили. Указилровка значит была... С верхов. Что, дескать, почистить города. Многие тогда... или на «кичу» уехали, или... вообще к стенке встали. Причем... особо не разбирали, гребли все подряд! Вот так вот...

— И еще один вопросик... А вот эти люди, кто попросил тебя со мной поговорить... Они как? Говна от них ждать стоит? А то — сольют меня после дела? Или вообще —

прикопают?

«Штехель» задумался.

— Нет. Не тот человек, кто все это затеял. Да и со Шрамом они, вроде как, в «кирюхах». А тот, видно, к тебе благоволит. Не будет подставы. Но... ты и сам ушки топориком держи. Все... Я позову тебя, когда от них гонец придет. Договаривайтесь сами.

— А когда они... с поляками решили...

«Савоська» вздохнул:

— Краем слышал, что польскОй на днях уехал. Значит... примерно через месяц.

— Ага... ну ладно, я пошел. А ты этому... «шнурку» своему, которого ко мне присылал, скажи, что в следующий раз — башку откручу. Разговаривать с людьми пусть учится, «ушлепок»!

Выйдя от «Савоськи», Косов потянулся и с удовольствием прижмурился от лучей солнца.

«Хорошо-то как! А это все... Ладно, встретимся, поговорим. Если что не так — «адиос амигос»! И хрен меня кто заставит! Вряд ли после разговора, даже если он откажется, к нему будут предпринимать самые крутые меры — на крайности идти даже блатные не хотят без веской причины. Тем более воры, а не «пиковые». «Пиковыми» сейчас называют «безбашенных» налетчиков — грабителей и убийц, для которых кровь людская, что водица. Это уже в шестидесятые «пиковыми» почему-то стали называться профессиональные преступники с Кавказа. Но далеко не все из кавказцев были действительно — «пиковыми»! Может из-за понтов? Понты для кавказцев — главное всего!

Хотя «бабки» все же нужны, потратился изрядно в последнее время на женщин! И хотя нисколько не жалею, но пополнить стратегический запас все же было бы нужно. Еще два месяца здесь, а то и больше! Еще Вареньку нужно «отодрать» как врага народа! Как у меня там знакомец говорил: «Отодрать волка, и шкуру на «запретку»!». Нет, все-таки решусь и отымею Варьку! Задница у нее зачетная, вот туда и буду пользоваться! Как там Вера говорила? Цыганский способ? Пусть будет цыганский! Кстати... о Вере. Хотел же ей денег презентовать на ремонт дома? Нужно посмотреть, сколько осталось, и отдать. А как? Да я же помню, где в садике она теперь работает. Вот и заскочу. На днях! А то потом опять забуду! Что еще? Да... танцовщица Оксана! Хороша девка! Хотя стоит признать, что подруга Калошина... поэффектнее будет. Вкус Игорьку не изменяет. Их тоже заносим в «поминальник»? Ну... а почему бы и нет?

Лида... Лида — это да, проблема, если можно так сказать. Проблема почему? Да потому, что там... подход нужен. Не будешь же, право-слово, как тот Ржевский подкатывать и предлагать: «Мадам! Разрешите Вам впендюрить?». Не поймет-с!

Что еще? Еще... да! хватит откладывать посещение Завадской и эти... игрища с ней и Риткой. Настройся и устрой дамам локальный армагеддец! Да! Надо настроиться... А потому... потому... А пойду-ка я в наш Театр оперы и балета! Навещу Леночку! Ох, и навещу! Все! Идем!».

«Куда идем мы с Пятачком — большой, большой секрет!

Но не расскажем мы о нем — о нет! о нет! о нет!

Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро!

То тут «стограмм», то там «стограмм» — на то оно и утро!».

Уважаемые читатели! Здесь начинается фрагмент текста, который читать не рекомендуется людям с повышенной планкой морали! Ахтунг! Их предупредил! Нихт обижаться на автора!

В фойе театра его неожиданно окликнула девчушка.

«Ага! Эта та самая, которая в прошлый раз нас тут водила. Да-да! Помню. Ей еще Елена новые пуанты обещала «подогнать!»».

— Привет! А ты опять к Елене Георгиевне? — девчуля махнула рукой вахтерше, — Это к Завадской! Я провожу!

— Привет! Да, к ней! — она была такая... забавная, желающая казаться взрослой, при макияже, что Иван невольно заулыбался.

Была эта пигалица едва ли ему по плечо. В облегающем трико, и совсем коротенькой серой юбочке, она была похожа на фарфоровую статуэтку балерины. Сначала она балетным «па-шоссе» вышагивала рядом, поглядывая на него. Но хмыкнула и чуть ускорила, обогнав его ровно на столько, чтобы ему стала видна ее талия... и попа. Потом, шагая впереди него по лестнице, чуть замедлила шаг, демонстрируя свои совершенные, какие-то кукольные ножки и, опять же — попу.

«Странно, а в тот раз мы вроде бы по этой лестнице не шли...».

— Ну что? Насмотрелся? — ехидно улыбаясь, спросила она его, остановившись на верхней площадке.

— Г-к-х-м... на что? — немного смутился Косов.

— Ай, да ладно! Скажи еще, что ты на мою задницу не пялился!

«М-да... вот тебе и... девчуля!».

Нельзя сказать, что Косов совсем «не пялился» на нее попу. Ну... трудно не пялиться на такую славную, очень изящную попку. Тем более, когда тебе ее, абсолютно не скрываясь, демонстрируют. Но... совсем уж она, эта девчонка, была... малАя. Вся! И талию, казалось бы, можно пальцами двух рук охватить. И попа, хоть и была совершенных форм, но... маленькая, как у Дюймовочки. И ножки, несмотря на красоту их линий, тоже были... тонковаты. Не во вкусе Косова, совсем нет! Ему-то подавай — чтобы было за что подержаться, помять, потискать! Но — без лишних килограммов, складок и прочего... ненужного!

А здесь... хотелось поставить ее на ладонь одной руки и так поднять. Чтобы получилась скульптурная группа. Скажем... «Юность!».

«Интересно! А смог бы я поднять ее на одной руке? Наверное — смог бы! Только поднять, а вот сколько-то так держать — уже вряд ли!».

— Ну! Что замер? В ступор впал, что ли? — девчонка тем временем, встала на верхней ступеньке последнего пролета, уперев ручки в бока.

Он засмеялся:

— Да нет, не впал. Просто не знал, что ответить. И не пялился я на тебя, а... любовался! Ты такая вся... изящная, тонкая!

— Х-м-м... ну так и скажи — понравилась! А мне и не жалко! Вот — смотри! — и девчонка, приподняв и так недлинную юбку медленно повернулась, — Ну как?

— Здорово! Я ж и говорю — красавица! — «а вот трико... она явно перетянула! Специально что ли? Неудобно же так заниматься! Врезается же все... и повсюду!».

У девчули, несмотря на не особую открытость нынешних трусиков, трико врезалось и спереди, и сзади! Сзади даже — побольше!

Косов почувствовал, что... ага! Пошла реакция! Хотя и не в его вкусе девушка, но... все-таки! Скрыть это не удалось, потому, как окинув его внимательным взглядом, девица хихикнула, и повернувшись к нему спиной, продолжая поднимать юбку, сказала:

— Ну-у-у... можешь погладить. Если хочешь.

— Вообще-то я бы шлепнуть предпочел!

Она повернула к нему голову, посмотрела удивленно:

— Шлепнуть? Не... шлепать не надо. Вон ты какой... лось. Так шлепнешь, что... больно будет! Улечу еще куда-нибудь! Но погладить — да! Можешь.

— Знаешь... я все-таки воздержусь! — «еще не хватало — малолеток соблазнять! Хотя... кто и кого тут соблазняет?», — Нет-нет! Не потому, что не нравится, а потому что... боюсь повредить! Говорю же — изящная очень!

Девчонка опять хмыкнула, и спросила:

— Ты дурак, что ли? Вроде нет... Еленочка с тобой не водилась бы!

Косов повертел головой:

— А куда мы с тобой пришли? Я здесь никогда не был.

Девчонка отмахнулась:

— Да это новый блок. Еще не достроенный. Мы здесь с девчонками курим... иногда.

— А разве Вам можно курить? Ну... дыхание там, нагрузки большие...

— Нет, ты точно какой-то дурачок! Ну — нельзя, конечно. Но мы — курим! Иди сюда...

Они зашли в какое-то помещение рядом с лестницей, где было светло от небольшого окна, сквозь немытые стекла которого пробивалось весеннее солнце. Стены оштукатурены, но не белены. Мебели практически нет. Лишь у окна валяются какие-то полуразбитые козлы, одну из досок которых, похоже, и приспособили юные танцовщицы в качестве лавки.

— Ну! Что стоишь? Садись, давай! Не буду же я трико пылью пачкать!

Пребывая к некотором... «ахуе» от ситуации, Иван сел, хихикая про себя:

«Пиздец! Гумберт Гумберт и Лолита, часть вторая, сибирская!».

Девица бесцеремонно уселась к нему на колени.

— Ну!

— Что ну?

— Вот ты тупой, а? Нет, правда — как еще Завадская с тобой... Папиросы доставай телепень!

— А-а-а...

— Х-м-м на! — все-таки девчонка проглотила первое слово, так и просящееся на язык.

Косов, повозившись, достал из кармана портсигар, но открыть не успел. Девчонка выхватила его из рук и открыла сама:

— Х-м-м-м... «Дукат»! А неплохо, неплохо! — взяв папиросы, понюхала ее с удовольствием, и потребовала, — Ну, где спички? Вот же ж... Кто так даму угощает?

Получив от него зажигалку, покрутила ее в руках, одобрительно хмыкнула и прикурила, поднимая лицо вверх и с удовольствием выпуская дым. Похоже — пыталась делать это «кольцами», но получалось плохо.

— Меня Иван зовут, если что... А тебя?

— Да знаю я, как тебя зовут! Я — Танька!

— А почему — Танька? Не Таня, и не Танюша, а — Танька?

Девчонка неопределенно хмыкнула, но не ответила.

— Ты, если кто будет подниматься, папиросу у меня возьми, и... ну вроде как ты куришь! Понял, да?

Косов кивнул.

— Ну а то, что ты у меня на коленях сидишь? Это — ничего?

— Ой! Да тут много кто обжимается! Вот еще — невидаль! А ты бы время не терял, как телОк... а потискал бы меня что ли. Я не против!

— Слушай... а почему ты меня к Завадской не отвела?

— Ой-ой-ой! А ты что — такой верный, ага? Да ладно! Не буду я к тебе приставать, успокойся! — потом, после пары затяжек, — Хотя... наверное и надо бы!

Это было так забавно, что Косов не выдержал и заржал.

«Нет, ну правде же — ситуация... комичная донельзя! Сижу тут, с этой нимфой на коленях, вот — дурак-дураком! А если кто появится — так должен забрать у нее папиросу, сделать вид, что курю! А если она еще и визжать начнет, обвиняя в домогательствах? Вот умеешь ты, Косов, «вляпываться»! Этого — не отнять! На том и стоим!».

— Ты что, совсем дурак? Услышат же! — девчонка повернулась к нему, так ерзнув ему по самому дорогому, что он охнул, — Припрется сюда кто-нибудь!

Потом отвела папиросу в сторону, зачем-то присмотрелась в нему, пробормотала: «А ты все-таки ничего...», и поцеловала его. Взасос. В губы.

«А вот целоваться она... уже умеет!».

— Ну... и что же ты сидишь, а? Чурбан! — еще чуть поерзала, потом прикусила губку и приподнялась, внимательно вглядываясь в его штаны.

«А что я? Что я — железный, что ли? Вот нечего было тут ерзать! И жопку бы ей... все же помягче!».

— Смотри-ка... а ты... неплох! — чего Иван точно не ожидал, так того, что девчуля, протянет руку и довольно беспардонно, через ткань, обхватит его... достоинство.

— Совсем неплох! Теперь понятно... что так Лена Георгиевна... А давай... ну... хочешь же меня? Я же вижу! — хихикнула, — И чувствую!

Хрипловато Косов пробормотал:

— Я с малолетками... не играю!

— Это я-то малолетка? Ты с дерева упал, что ли? Мне восемнадцать уже! — рассердилась, пофыркивает, как самовар!

Косов опять засмеялся, только уже старался — потише.

— Врешь ведь!

— Ничего не вру! У меня и паспорт есть, если что!

Против воли головы, Иван все же обнял ее за попку.

— Ну вот... другое дело! Эх... жаль, обстановка не та..., - протянула девочка Танька, — Или... может... раком, а?

«Ни... куя себе, заявки!».

Но Танька сама отменила приглашение:

— Не... у тебя большой... я еще кричать начну! Может тогда... ну... давай, я... ртом? Хотя опять нет же! Я плохо умею...

Девчонка так искренне расстроилась, что было и забавно и... даже жаль ее.

— А чего ты... так навелась на меня?

— Ну-у-у... интересно же стало, с кем это наша Королева кувыркается! Слушай! А

скажи... она хороша, да? Ну так... в постели? Все, наверное, умеет?

— А ты с чего все это взяла? Ну, что я... с Леной...

— Ай! — отмахнулась Танька, — Да об этом уже... половина труппы знает. Что у Елены новый мальчик завелся. Да и сама я... слышала. Они с Риткой болтали...

— Любишь подслушивать?

— Ага, люблю! Только они особо и не скрывались... Просто думали, что никого рядом нет... Вот! Слушай! А ты Ритку — драл?

— Однако у тебя и вопросы, девчуля!

Танька весьма больно сунула ему кулачком в бок:

— Не называй меня так! Не люблю! Ну так скажи — драл Рыжую?

Он засмеялся:

— Нет, не драл!

— А чего? Она же красивая, и, наверное, страстная! Рыжие — все страстные!

— Ну... не вышло как-то!

— Ну и дурак!

— Наверное...

— Да не «наверное», а точно — дурак! Ну ладно... Давай целоваться!

— Так... А как же Елена?

Танька отмахнулась:

— А-а-а... я тебе не сказала — она с рыжей ушла. Королева сказала, — здесь мелкая оторва скорчила мордочку и довольно похоже протянула, — Девочки! Я буду ближе к трем пополудни!

Иван засмеялся, мельком глянул на часы. Было еще чуть больше двух. Время есть!

— Ну-у-у... если ты так хочешь... Давай! Только вот в чем проблема... у меня уже стоит, а если мы продолжим, то... мне будет очень некомфортно! Болеть потом будет! И если Елена это поймет, а она точно поймет... То у кого-то, а именно — у мелкой бестии, будут неприятности! А кроме того... а ты разве сама не захочешь?

Танька отстранилась от него, задумалась, наматывая темно-русый, почти черный локон на палец.

— Ну да, ты прав и то, и другое... не очень-то... Ну и что? будем так сидеть? Ну-у-у... давай попробуем, а? Может я и не буду кричать?

— А про «кричать» — это ты от боли боишься закричать? Или... такая страстная? — в последнем Косов категорически сомневался — мала еще девочка, и явно не раскрыла свой потенциал.

Она опять чуть отодвинулась, потискала его за... ага... и с сомнением сказала:

— Даже и не знаю... Может и от боли... Вырастил себе елду! А может... и от страсти!

— Ой ли?! От страсти?

— А чего? Вон как Лена тогда мычала и стонала с тобой! А я что... бревно по-твоему?

— Та-а-а-к... Это когда... Опять подслушивала?

Она хихикнула:

— И подглядывала! Там... рядом со складом костюмерной... чулан с инвентарем. А в чулане том... дырочка в стене. Там же перегородка дощатая. И слышно, и видно было.

— И что?

— Ой... если честно... я тогда сама пару раз... нет! даже три... наверное... спустила. Пока Вас разглядывала, да слушала. Вот. А ты спрашиваешь — чего я на тебя навелась!

— Ремнем бы тебя... да уже большенькая.

— Ну так чего, а? Может... попробуем?

— Так! Стоп! И ручку убери с него! А откуда ты знала, что я сегодня приду? Ты же меня караулила в фойе?

— Вот же ты, Ваня..., - она постучала ему по лбу пальчиком, — У нас зал станковый окнами выходит на площадь. Я так тебя и увидела, когда ты к театру подходил.

— Так ты сейчас репетицию прогуливаешь? Не влетит тебе за это?

— Нет, ну ты все же дятел! Ну зачем тебе это сейчас? И — нет, репетицию я не прогуливаю. Утренняя уже закончилась, а вечерняя будет только в пять!

«М-да... как не оттягивай... видно... не судьба «отмазаться» от этой юной балеринки!».

А потом откуда-то всплыла подленькая мысль: «А на хера отмазываться-то! Вдуй ей! Она же хочет, и ты хочешь!».

И так это вошло "в струю", что Иван даже застонал, пытаясь изо всех сил сдержаться!

— Эй, ты чего? Тебе так плохо, да? И что же... Ну, давай я в рот возьму, что ли?

Она опять заерзала, пытаясь слезть с его коленей, что пришлось с силой придержать ее:

— Сиди! Сейчас пройдет! — Косов уткнулся в такую тонкую шейку, и увидел, прямо перед глазами, синеватую венку, что сейчас так сильно и часто билась под матово-белой нежной кожей.

Он смотрел на эту венку, и такая нежность на него хлынула...

Хрипло, как с похмелья, он прошептал:

— А хочешь... я тебя поласкаю... языком?

Она отпрянула от него удивленно:

— Что... прямо там? Ой! Хочу... только я точно кричать буду!

Он просунул руку снизу, подхватил ее за промежность и стал понемногу массировать. Большого и не требовалось — уже через несколько секунд она тяжело задышала, глядя куда-то в сторону шалыми глазами.

Потом вдруг вскочила, и отодвинулась от него.

— Ты чего, Тань?

— Я сейчас промокну вся... и буду тут светить мокрым трико. А потом... и запах девчонки могут почуять. У нас, знаешь ли... тут такой «змеюшник»! Мигом настучат!

— А ты приспусти трико и трусики и снова садись...

— Ага... Нет... давай по-другому сделаем!

— И как мы сделаем?

— Там, дальше по коридору, каморка одна есть... Мне девчонки рассказывали. Там и стол есть, и стулья... Только дверь там закрыта на замок. У тебя есть чем замок сорвать?

— Показывай!

Пройдя еще по каким-то закоулкам, они оказались перед дверью.

«Замочек-то плевый совсем! И гвозди, которыми навесик крепиться — явно не «сотка»!».

— Если я его сейчас скovyрну, сюда никто не войдет?

— Да нет... вроде бы. Завхоз поди и сам про эту каморку забыл! Тут рабочие бывали раньше. С осени уже никто не заходил. Наверное...

Косов вытащил из ножен на предплечье «финарь», чуток отколупал дерево возле гвоздей, потом поддел финкой скобу и аккуратно стал раскачивать ее. Подалась она довольно быстро.

— Ну вот и все! Потом вставлю гвозди назад, стукну вот здесь... Никто и не заметит!

— Вань! — сбоку осторожный шёпот Тани.

— Чего?

— А ты что? Бандит, да?

— С чего это ты взяла? — «вот же дурень! финку «засветил» перед девчонкой!».

— Ну-у-у... ножик этот... страшный.

— Да это так... колбаски там порезать... хлеба опять же...

— Ну да... как же!

— Ладно тебе! Мы идем? Или нет?

Она фыркнула:

— Идем, конечно! Или ты... струсил уже?

«На слабо берет... девчонка!».

В этой комнате и окна-то нормального не было. Под потолком только какое-то несуразное — невысокое и недлинное, как люк. Но света, в общем-то хватало. Иван сразу же скинул с себя куртку, набросил ее на стол.

«За неимением гербовой... Хотя хороший «траходром» сейчас бы не помешал! Как-то не очень... такую девчонку, да в таких условиях!».

Как только Косов решился, как только «отпустил вожжи», его — понесло. Целовались они... сумасшедше! И он вовсе не был застрельщиком этого! Она стонала, извивалась в его руках.

— Подожди, подожди, подожди... ну что же ты? Забыл, что ли... Дай я трико сниму!

«А она совсем не стеснительная! Абсолютно не стесняется быть голой!».

И посмотрев на нее, он еще больше впал в раздумья — как же не сломать такую... хрупкость и фарфоровость! Но вот она об этом не думала совершенно! И совсем уже не походила на девчулю-крохотулю. По поведению, как минимум... Обняла его за шею, чуть подпрыгнула, и обхватила его талию ногами. И через поцелуй:

— А ты почему еще не разделся?

Кое как он чуть спустил с себя штаны, стал стягивать трусы...

— Подожди..., - она чуть развернулась на нем, протянула руку и подтянула стул поближе, и как мартышка, съехала по нему на стул.

— Ты чего? — опешил он.

— Чего, чего... посмотреть хочу! Любопытно мне!

Было как-то не очень... Стоять и ждать, пока она разглядит его. Иван почувствовал тонкие пальчики на своем... «жезле». Пальчики поглаживали, чуть мяли его. Было безумно приятно! Он даже подрагивать начал... от нетерпения.

— Ой... он так у тебя... дергается. И сильно так! — пальцы обхватили его сильнее.

«У-ф-ф-ф... терпеть, терпеть, терпеть! Мать твою!».

— Слушай..., - совсем тихо, шёпотом, — Я и правда не умею... это. Но можно я попробую? Чуть-чуть... попробую.

— Пробуй..., - так же шёпотом.

И мягкий, влажный язычок... Снизу вверх... по стволу.

«О-о-о-х-х!».

Она чему-то хихикнула.

— Ты чего? — чуть слышно спросил он.

— Да вот... а как его в рот-то взять? Он же... не войдет...

— Ну и не бери... тогда.

— Ну вот еще! А чего я тогда девчонкам расскажу?

«Оп-ля-ля! Так это что? Исследовательская деятельность? С непременно обнародованием результатов? А оно мне надо?».

Но при всем его возмущении, остановить процесс Косов уже не мог. Был не в силах!

— А зачем рассказывать? И кому, если не секрет?

— Ну-у-у..., - прерывисто, в паузах между проведением язычка по поверхности исследуемого объекта, — Есть у меня парочка подружек... с кем можно поделиться... без опасности сплетен.

«Эх, девочка! Сдается мне, что эти подружки — первыми и разнесут все и всем!».

Потом пауза...

— Знаешь... я все-таки... попробую.

«Мля... зубы-зубы-зубы! Ну кто ж так... вот же... ай, бя! Не-е-е-т... на стажировку, к Завадской! С наказанием розгами за неправильные действия! Ой, блин!».

— Слушай... а ты не сможешь... спустить... ну, мне в рот?

«Сейчас, пожалуй, я никуда не смогу спустить! Целым бы остаться... а не с каким-то... огрызком! Как тот боец-краснофлотец! Ни Фатьма... ой! ни Елена... не поймут! Ох, ты ж!».

— А... зачем?

— Ну как зачем? Все же ты, Иван... Иван-дурак! Это же насколько... мой рассказ сильнее будет!

Он не выдержал:

— Ох! Танечка, милая! Ты не могла бы... зубки прибрать...

Она удивилась:

— А куда же я их приберу? Они же у меня... не складные!

И захихикала...

— Ой! Я поняла! Тебе больно, что ли? Ну вот... я же говорю — не умею...

Было заметно, что девчонка расстроилась искренне.

«Бедолага!».

Он поднял ее снова на руки, подкинул. И она понятливо обхватила его ногами.

— Плохо, да? — она заглядывала ему в глаза.

«Нет у меня времени, Кисуля, учить тебя этим премудростям! Может и правда, Елену попросить, чтобы поучила девчонку?».

— Ты мне ответь лучше... тебе понравилось... на вкус? — отвлекал ее Косов.

Таня задумалась. И похоже ей было вполне себе уютно у него на руках.

«Ну да... каждая ягодица вполне вмещается на ладонь. Маловата попка!».

— Ну так что...

— Сейчас... погоди. Я думаю. Здесь же еще и слова нужно подобрать... Вот знаешь... понравилось! Даже — очень! Только... не вышло же ничего! Вот же... я же видела тогда, как Королева... как она это сделала? Как? Куда она зубы деваает? И я видела, как ты от этого... млел!

«Да... там уж и правда — мастерство на грани фантастики!».

— Так спроси у нее! Может покажет, или расскажет.

— Ага! Она покажет, и расскажет... Нет, я себе не враг!

— А чего, она такая строгая с Вами?

— Ну-у-у... нет. Так-то она даже добрая. Помогает многим. Мне вот часто помогает. Но

все равно — боязно. А еще если... узнает, что я с тобой была... Нет, Ваня... Не буду я у нее спрашивать! Хотя... вот еще — ну куда она могла такую елдень засовывать? Я же разглядела тогда, что она... ну — почти весь его... Ну — до половины — точно!

«И опыт — сын ошибок трудных! И гений, парадоксов друг!». Александр Сергеевич Пушкин. «Очевидное-невероятное!».

Ивану вовсе не трудно было так стоять, держа девчонку на руках. Даже интересно с ней было беседовать. Так... Но ведь и делать что-то нужно!

— Так! Киса! Сейчас протяни свою ладошку с тонкими пальчиками... во-о-н туда, вниз... ага! Между своих ножек, да. И попробуй его вставить... да, себе... ага.

Приподнял ее, потом стал медленно опускать.

«Так... чего-то я... не пойму!».

— Киса... а ты... точно его туда, куда надо вставляешь?

Она фыркнула, приоткрыла глаза:

— Совсем уже? Туда, конечно... А куда еще-то?

«М-дя... я бы сказал куда еще-то. Но, похоже там — это для нее — терра инкогнита!».

«Чего же... туго-то так?! Она что... бляха-муха! Она что — еще... девочка, что ли? Тогда... ну его на хуй! Зажать свою красоту в мозолистую руку и бежать отсюда, впереди собственного визга!».

— Киса! А скажи мне, прелесть моя..., - сбивающимся голосом, стараясь не спугнуть ни ее, ни себя, спросил он, — ты что... еще девочка?

Она резко распахнула ранее крепко зажмуренные глаза:

— Ты чего, Иван, совсем дурак, что ли? Нет, конечно... И давно уже... довольно!

Потом расхохоталась:

— Ой, не могу! Испугался, да? Не бойся, я не девочка! Просто у кого-то... размеры... на пятерых хватит!

«Вот еще! Ни хрена подобного! Мне говорили... некоторые, что крупноват. Но — ничего особо выдающегося!».

— Знаешь, Ваня... Ты у меня... четвертый. Хотя, нет — пятый. Просто у тех... нормальные были, а не как у тебя!

«Э, нет! Это у меня — норма, а у тех... пичалька!».

«Но что-то же делать надо? А не так... поелозил и ушел!».

— Кисонька! А давай мы сделаем... следующее.

Косов аккуратно подошел к столу и медленно, даже нежно опустил такое хрупкое тело на свою куртку.

— Ты ложись вот так... да. А я вот так... на стул сяду. И ножки свои... такие красивые ножки... во-о-о-т... на плечи мне. Да, вот так... И глазки... закрой.

— А почему закрыть? Может я... посмотреть хочу.

— А тебе так уже делали?

— Угу-м...

— И как было? Приятно?

— Да.

— Ну... смотри. Только сможешь ли?

Он постарался быть нежным. Хотя... стараться особо и не пришлось. Нежность сама перла из него потоком. Сам вид такого тела навевал какие-то дурацкие мысли. Что вот... такая невесомая воздушная фея. А что крылышек не видно — так они аккуратно сложены за

спиной. На них она и лежит сейчас. А он... какой-то массивный и грубый орк. Ну... пропорции навевали. Она... и он. Слишком явно был виден контраст. Вот такая... фэнтэзия получается...

«Хотя... если так, честно признаться... то это тело... на самом деле вовсе не хрупкое, а вполне себе... жилистое, мускулистое!».

Особенно ярко он это почувствовал, когда она... начала... заходится! На секунду он приостановился, не понимая, что делать, а потом — рывком сдернул с предплечья ножны и сунул ей поперек раскрытого рта.

«Вот так-то лучше!» — признал он, — «Нах нам сейчас не надо, чтобы сюда кто-то приперся! А ведь припрутся, если дать ей... поорать!».

А потом... продолжил свое дело. Правда пришлось нехило так упереться руками, чтобы она и ему шею не свернула... своими ножками... точеными. И сама... не свалилась... со стола!

«Вот... сейчас уже можно... попытаться... что-то сделать!» — отдуваясь, подумал Косов.

М-да... все его лицо было мокрым. Как мокрой была и шея, и верх груди. Даже рубашка... сверху... насквозь.

«Ну она и... кончает! Это что-то! И как мне сейчас... Ну, к Завадской сейчас идти... идея крайне плохая. Ее реакцию трудно представить. Может расхохотаться и подтрунивать над ним. А может... и обидеться. И тогда некоей маленькой Танюшке... придется солоно! Но ведь... и по городу-то... как идти? Обмыться бы надо... но где? Вот... «прелести» секса в неподготовленных местах!».

Девчонка вроде бы перестала всхлипывать, но еще чуть подрагивала всем телом. Косов попытался снять ее ножки со своих плеч, и встать. Не тут-то было! Две прелестные, ровненькие, как с картинки ножки, были стиснуты... как губки пассатижей!

А потом она... разрыдалась! Это было... неприятно! Косов испугался чуть не до мокрых штанов. Что случилось-то? Но потом с облегчением выдохнул — сквозь всхлипы и стоны можно было разобрать, что «почему... некоторым старухам... все! а другим — ничего! почему там несправедлива жизнь? почему... почему... почему...».

«Да хрен знает почему? Я что — товарищ Бог, чтобы отвечать на такие вселенские вопросы? Да и... неверно же это! Вот же — чем сейчас недовольна эта маленькая, но уже — женщина?».

Вторая его попытка подняться вновь не увенчалась успехом. Но причина была другая! Танюшка озаботилась, что вот она, дескать... чуть не умерла от блаженства! А он, бедненький, никак и ничего!

Косов был даже где-то согласен, но время-то убегало.

«Ладно, к Елене сегодня зайти уже не судьба... Но как-то нужно возвращаться домой. К Фатьме бы... в баньку! Но — опять же нет! Там тоже... могут не понять!».

— Вань! А давай ты меня снова так... на руках поддержишь... мне так понравилось! А я снова попытаюсь вставить...

— Только вот беда... Он не выдержал пытки и умер! Пусть и не насовсем, временно, но сейчас он... не боеспособен.

— Ну давай я опять... нет-нет! Не ртом! Только языком и пальцами!

«А вот это предложение заслуживает внимания, да!».

И снова она у него на руках. Мордашка сосредоточенная, даже губка закушена! Так

старается человек, так старается, что не оценить — невозможно по-свински! И таки — да! У нее получилось! Помаленьку, по чуть-чуть...

«Но какая же она... тугая! Даже... может наврала, насчет... что не девочка?».

Он не торопился. Легонько покачивался...

«Умение и труд — все перетрут!».

«Хотя... вот перетирать сейчас ничего не нужно! Да и сложно что-либо перетереть... в такой влажной среде!».

Она вцепилась в него клещом. А с определенного момента, казалось, даже дышать перестала!

— Ты как, маленькая? Живая?

Она закивала головой.

— Может... немного... вынуть?

— Нет-нет-нет... еще хочу! Только... помаленьку... нежнее...

«О-х-р-е-н-е-т-ь!»

Она все-таки заставила его... добила своего! Опустилась на него полностью и так замерла надолго, прислушиваясь к себе, что-то оценивая и даже, как казалось, запоминала... в ощущениях.

А когда он, наконец-таки, дошел... до точки! Ух! Как же это было... небыстро в этот раз! Она вдруг сама подкинулась на нем, оттолкнулась и мягко опустилась перед ним на колени, и приоткрыв рот, приняла все... все.

Они курили... Она молчала, задумчиво глядя в стену. Он — подглядывал на нее.

«Нет, ребята-демократы... нах-нах-нах... такие приключения! Сколько бы раз они с Еленой... доставили друг другу удовольствия... за это время! А так... вымотался, как последний... президент на галерах! Нет, с этой минуты — только проверенные партнерши!».

— Ну и что... стоило оно того? — спросил он.

— Ты о чем? — встрепенулась она.

— Ну-у-у... в рот это... все.

Она засмеялась:

— Да! Стоило! И больше ничего не скажу, даже не спрашивай!

Уже спускаясь по лестнице, Таня попросила:

— Ты только Елене ничего не говори, хорошо? Мне и правда... немного не удобно перед ней.

Она собиралась проводить его до фойе. Но уже на самом выходе... они наткнулись на Завадскую.

— Ага... Вас-то я и ищу... Пойдемте-ка ко мне... голубки. Разговор есть!

«Вот и встрял! Вот же ж... Правильно сказала Танька — телепень!».

На саму его соучастницу было больно смотреть. Еще секунду назад веселая и довольная мордаха ее, вдруг скисла, как тумблер переключили.

Косов вздохнул, пожал плечами и направился следом за Еленой. Танька плелась рядом.

«Но все-таки... как же хороша Завадская! Ух! Огонь-баба!».

Цокая небольшими каблучками туфель, Королева, походкой «от бедра» шествовала впереди. Сегодня у нее опять был имидж Снежной Королевы на службе в «эсэс». Чулки телесного цвета, облегающая серая юбка чуть ниже колена, приталенный пиджачок. Сложная, но деловая и строгая прическа на царственной голове. А когда они стали подниматься по лестнице, и узкая юбка обтянула еще больше ягодицы Завадской, Иван

непроизвольно сглотнул слюну.

«Говорил уже, что мне здесь невероятно везет на баб? Говорил, да? И еще не раз скажу!».

И в прошлой жизни Елизарову несколько раз попадались такие вот... фам фатали. Но все-таки... не так часто, как здесь.

«А может... такие женщины здесь — пока не в тренде? По местным меркам — чересчур высокие, выше метр семьдесят; довольно худощавые — опять же, по местным канонам красоты. Да и черты лица у всех его знакомых красоток — тоже не каноничные для этого времени. Здесь же как? Образец красоты — Любовь Орлова. Невысокие, до метра шестидесяти пяти — не выше! Довольно коротконогие, тяжеловатые внизу, с неярко выраженной талией. С бюстом, конечно же! И на лицо... простоватые на вкус Косова. Круглолицые, как правило, курносенькие... А у него из таких знакомых — вот Конева, к примеру! То-то она так пользуется успехом у мужчин. Но ведь и ему она... вполне, Варенька наша! Доберусь я до нее, ох и доберусь! Только вот... с Еленой как-то надо... разрулить. И еще... пигалицу бы эту как-то отмазать!».

Косов покосился на Танюшку, хмыкнул: «Юная партизанка, идущая на казнь!».

Перевел взгляд на Завадскую, глаза сами опустились на уровень, максимально привлекательный в данный момент в фигуре Лены. Покачал головой, поцокал языком — про себя, не смог сдержать восхищения и кивнул Таньке на Завадскую, обрисовал ладонями округлость, поднял оба больших пальца — «Во!». Девчонка опешила, даже с шага сбилась, а потом выпучив глазенки и надув щеки, постучала себе по голове кулачком. После этого, видно засомневавшись, что Косов поймет — энергично подкрутила себе пальцем у виска.

«Ну да, я такой!».

— Так! Я все вижу! — ледяным голосом прервала их пантомиму Королева.

«Черт! По рекреации уже идем, и зеркало это... настенное... как назло!».

Завадская подошла к двери склада, распахнула ее решительно, отодвинулась чуть в сторону и рукой... эдак, не принимая возражений — «Заходим!».

«Ну чё... зайдем, раз просят, а чё нам... таким красивым-то?!».

«Я еще хлебнул кваску, и сказал — «Согласный!».

Иван, как джентльмен, пропустил вперед Таньку, и зашел следом.

— Ай, бя! — «как же больно она щиплется!», потирая полужопицу, прошипел Косов про себя.

«Нет... если Лена так делает, то... не сильно злится! Хуже было бы, если бы — не щипнула!».

Танька сразу судорожно вздохнула, как всхлипнула:

— Еленочка Георгиевна... Прости меня, пожалуйста! Прости дуру, а? Вот честно-честно... больше ни разочку!

— Да ты совсем охренела, засранка! — ледяным тоном прошипела Завадская.

— Ой... ну прости... прости! Не удержалась я! — причитала девчонка.

Иван с удивлением видел, что нисколько Танька не играет.

«Вот ни хрена ж себе, как тут Леночка... себя поставила?! Чего-то мне... и самому уже как-то... не по себе от такого испуга и искреннего раскаяния девочки! Надо как-то... сбивать накал страстей. Жалко этого мышонка!».

— Государыня! Кормилица наша! Краса ненаглядная! Не вели казнить, вели слово молвить! — Косов бухнулся на колени, и вытянув руки вперед, припал к полу.

— Та-а-а-к... с тобой, скоморох, я сейчас разберусь! А ты... мерзавка неблагодарная... поди прочь! После поговорим! — Косов услышал, как всхлипнула Танька и хлопнула дверь. Но продолжал лежать «ниц» и не шевелился...

Каблучки процокали вперед-назад, остановились возле его головы. Иван чуть повернул голову, приоткрыл глаза.

«Какие у нее изящные лодыжки! И голень такая... красивая!».

— И что с тобой делать? — уже другим тоном спросила Завадская.

— Может... понять и простить? — «Саша... Александ-г-г Бог-годач!»

— Вставай... клоун!

Поднимаясь, он отряхнул колени, и посмотрев на нее, улыбнулся:

— Знаешь, Лен... Не перестаю тебе удивляться! Ты... ты такая красивая!

— Ваня! А ты... козел!

— Я знаю... что уж теперь..., - и потом, шёпотом, — Лен! Я так соскучился! И так хочу тебя!

— Ага... так хочешь, что вдул этой засранке...

— Ну-у-у... так получилось. Пришел к тебе... тебя — нет. А Танюшка — она такая... интересная и славная! Ты только не казни уж ее... сильно!

Он подошел к женщине, обнял ее за попу, и прислонившись к волосам, глубоко вдохнул ее запах.

— А-а-а-х-х... какая ты!

Завадская, чуть помедлив, обняла его:

— Ну вот как... на тебя обижаться, а? — и негромко, тоже на ухо, — Я тоже соскучилась, а ты все не идешь, и не идешь!

Потом она потянулась к его губам, но остановилась и принюхалась. Отклонилась назад, и удивленно глядя ему в глаза:

— Ты... ты... совсем что ли? Вань? Ты... лизал ей... что ли? Вот же... скотина где!

«Да что ж такое! Вот же — точно придурок! Палево на палево! Нет... ну а где бы я умылся-то?».

— Лен! Лена! Леночка! — ему пришлось придержать ее за руки, иначе по мордасам он бы отхватил — это точно! — Красавица моя! Ну что ты?! Ну... перестань... Ты же знаешь... мне нравится быть ласковым... с женщинами!

— Ах ты... козел! Ну-ка отпусти меня... быстро!

Он отпустил. Правда, сделал пару шагов назад.

— Ну хочешь... надавай мне пощечин!

«А она так — еще красивее, когда в ярости!».

Но Завадская удержала себя в руках. Хоть и покраснела чуть щечками, и ноздри трепещут, но...

— Вот я себе, Ваня, удивляюсь! Ну как я тебя терплю, а?

— Может потому, что тебе хорошо со мной? А уж мне-то как... с тобой!

Он сделал шаг вперед, намереваясь вновь обнять ее.

— Не смей! Иди-ка ты... вон... умойся!

«И это правильно! Давно пора!».

Отфыркиваясь, Косов вышел из загородки, где стоял умывальник. Завадская подала ему полотенце, посмотрела на него и хмыкнула:

— С тобой, Ваня... не соскучишься.

— Так... на том и стоим, Леночка!

— Кобель!

— Согласен! И готов повиниться! Вот прямо хоть сейчас! И столько раз — сколько захочешь! И даже — как захочешь! Я правда шел к тебе, Лен!

— Ох и наглец! Ну до чего же... наглец!

— Но признайся, красавица, ведь это тебе и нравится? — он снова обнял ее.

Елена приняхалась к нему:

— Да что же такое! Все равно пахнет!

— Может... рубашка?

— Все! Отстань от меня! И руки убери!

Но Косов не убрал рук. Он с силой прижал женщину к себе и поцеловал ее. Долго. Поначалу сильное ее сопротивление стало уменьшаться... уменьшаться... стихать... И вот уже она сама его обнимает и целует.

— Сволочь же ты... Ванечка! Тут ждешь, ждешь его... А он каких-то малолеток дерет!

— Ошибся... не удержался.

«Сознаю свою вину. Мэру. Степень. Глубину.

И прошу меня отправить на текущую войну!

Нет войны? Я все приму! Ссылку, каторгу, тюрьму...

Но желательно в июле, и желательно в Крыму!».

Завадская фыркнула ему в ухо:

— Скотина! Талантливая...

Он собирался углубить раскаяние, делом доказать свое исправление... Но тут за стенкой... что-то зашуршало и даже негромко... брякнуло. Косов был готов поклясться, что это была дужка ведра.

«Вот как? Это что же... Танечка уже отошла от испуга? Или и не пугалась вовсе? Играла так? Какой талант пропадает!».

Он продолжил ласкать подругу, и даже юбку уже немного приподнял, но... на ушко ей, совсем тихо:

— Ты только... не кричи, и не говори ничего громко, хорошо?

Заинтригованная Елена, отодвинулась удивленно и кивнула. Он снова стал ее целовать, и приподнимать юбку, наглаживая по ногам, а сам, в перерывах между поцелуями, шептал:

— Тут в стене... дырочка есть. Кое кто признался... что подглядывал, как мы... тогда с тобой... И, говорит, так ей понравилось увиденное, что она так завидовала тебе... что не удержалась.

Завадская, к счастью, оправдала его ожидания, и вовсе не стала возмущаться, хотя была очень удивлена. Продолжая отвечать на его поцелуи, поощряя его руки, сама наглаживала его... ниже пояса. Дослушала, а потом не удержалась и фыркнув, расхохоталась!

— Ой... не могу! Что, правда, что ли? Вот же... нахалка! Так... ну-ка постой, дружок. Танька, сучка! — уже довольно громко.

За стенкой было тихо. Мышка затаилась.

— Танька! Не зли меня! Ну-ка, отзовись!

«А в ответ — тишина!».

Елена приблизила губы к его уху:

— Может тебе показалось? Может там нет никого?

— Нет... шорохи были и... брякнуло потом...

— Танька! Слышишь меня! Хуже будет!

Шорох раздался снова...

— Не вздумай убежать! Я знаю, что ты здесь! А ну-ка... нахалка! Иди сюда!

Послышался отчетливый бряк, потом снова шорох.

— Иди сюда... я сказала!

Снова шорох. Потом чуть слышно скрипнула дверь склада, и в узкую щелку «просочилась» балеринка. Встала у двери, понурилась. Но кинула взгляд на Косова, и губы чуть шевельнулись: «Предатель!».

«Вот дурочка! Я ж наоборот — вытаскиваю ее!».

В ответ он незаметно подмигнул Тане.

— Ты, Танечка, я вижу совсем обнаглела. Помогаешь тебе... помогаешь. А ты... вон — подглядываешь. А еще и мужчину моего с толку сбивать решила?

— Да... я... я же... я только разок... попробовать. Леночка Георгиевна! Ну что я... не понимаю, что ли... как Вы ко мне! Все я понимаю... Я же только...

И балеринка заплакала.

У Косова сжалось сердце — «Ну жалко же ее! Ой как жалко! Как котенка!».

— Лен! — начал он.

Завадская подняла руку, призывая молчать.

«Ну что... помолчим... Педагогический процесс, значит. Я же не знаю, всех этих местных «заморочек».

Но и просто стоять, смотреть, как девчонка рыдает, ему было не по себе.

— Лен! — позвал он шёпотом.

Завадская раздраженно посмотрела на него.

— Юбку поправь! — и глазами показал вниз.

Узкая юбка, после окончания воздействия на нее, вниз опадать не спешила. Зацепилась, видно, на край чулок... или за пояс...

Елена глянула вниз. Ага... ну до середины бедер ножки открыты. Даже повыше. Она прикрыла одной рукой рот, явно скрывая смех, а другой — одернула непослушную ткань.

— Так... хватит «нюнить»! — Завадская снова «натянула» на лицо маску Королевы, — умела напакостить, умей и отвечать!

Девчонка закивала, продолжая всхлипывать, закрывая лицо руками.

— Ладно... Умойся вон... соперница малолетняя!

Одними губами Косов прошептал Елене: «Жалко!». Она в ответ погрозила ему кулачком, сделав страшное лицо. Он поднял руки: «Сдаюсь и не вмешиваюсь!».

Девчонка вышла, утирая мордашку.

— Ну и что мне с тобой делать? — «какой знакомый вопрос!».

Елена как-то по-бабьи подперла рукой подбородок.

— Так! Сделаем так! А отдам-ка я тебя Маргарите, на воспитание!

«Ой!»

Что это будет за воспитание, Косов не знал, но предполагал, что легко Таньке не будет.

— Решено! А сейчас... чаю хочу! Если уж так вышло..., - Лена принялась ставить чайник на спиртовку, — садись, чего стоишь-то... мелкая развратница!

Они пили чай практически в тишине. Таня сидела мышкой, прихлебывала чай, по

крошке «клевала» печенье.

— Елена Георгиевна! — тихонько прошептала девчонка, — Мне на репетицию пора...

— Ну... иди! Хотя... стой! Ну-ка повернись? Ну да, как я и думала! — Лена покрутила Таньку из стороны в сторону, — Трико переодеть надо, вертихвостка! Ай-ай-ай! И не стыдно?

Да, на трико... на самом интересно месте были явно видны... влажные пятна.

— Вот! Чистое. И твой размер. Ах, да! Вот... трусы еще. Тоже чистые. Потом постираешь и вернешь, ясно! — Елена взяла из какого свертка на полке требуемое и передала девчонке.

Таня молча кивнула.

— Чего стоишь? Переодевайся! Косов! А ты чего здесь стоишь? Выйди, потом зайдешь! Или... не посмотрелся еще?

Иван вышел. Уже в дверях увидел короткий лукавый взгляд девчонки, брошенный на него искоса.

«Ай, актриса! Ай, лиса! Ну да... тут, похоже, такое «кубло», что без этого — никак!».

Когда девчонка вышла, сопровождаемая Завадской, опять кинула косой взгляд на Ивана. И губки чуть изогнулись в тщательно скрываемой улыбке.

«Не-не-не! Я на такое больше не поведусь!».

— Так. И вот, что еще... Если услышу, что кому-то рассказываешь... Берегись! Шутить уже не буду!

«Какая грозная Елена Георгиевна! И сдастся мне, не выдержит Танька, проболтается своим подружкам! Ну как же — такое приключение, да не рассказать?! Да и пусть!».

Елена, проводив взглядом балерину, уже улыбаясь, кивнула Ивану:

— Заходи уже!

Он попытался снова начать приставать, но она мягко отстранила его:

— Вань! У меня к тебе предложение... А давай ко мне пойдем? В комфорте... пообщаемся. Ты как со временем?

— Только за! Я же не врал, когда говорил, что к тебе шел. Что соскучился.

— Вот и славно! Сейчас я в костюмерную заскочу, посмотрю — что там и как? Указания раздам и пойдем!

Потом сама прильнула к нему:

— Я тоже очень соскучилась! Очень! Вот пока целовались... сама потекла вся. Как эта сучка малолетняя.

— Слушай! А почему малолетняя? Она сказала, что ей восемнадцать уже!

— Кому? Таньке? Да ну... Я, конечно, не знаю точно, сколько ей лет. Но думаю — шестнадцать, ну может быть — семнадцать... хотя вряд ли.

«М-да... везде обман! Везде! Никому верить нельзя! Как жить дальше?» — про себя пригорюнился Косов.

Пожалуй, впервые с того момента, как он приоделся после попадания, Косов чувствовал себя... настолько неловко. Нет, так-то... его «горка» вполне производила впечатление и на мужчин, которые старались незаметно окинуть его взглядом и оценить несколько непривычный костюм; и на девушек. Ему шло — приталенная куртка выгодно подчеркивала его спортивную, жилистую фигуру; а штаны, заправленные в «берцы», были довольно непривычны взгляду. Это как в начале восьмидесятых... ну, если взять модные импортные кроссовки, фирменные джинсы и «батник» какой-нибудь «Лакость», посреди

провинциального районного центра.

Но вот сейчас... Его такой современный в это время костюм никак не сочетался с шиком Завадской. Это как поставить рядом красивую модель в платье от Коко Шанель и, пусть брутальный, но — внедорожник. Ну вообще никак не сочетается! Она вся такая... ух! Мужики пытались не свернуть шеи, а женщины — сочились ядом и шипением!

Она заметила смену его поведения, и прямо спросила. Косов попытался косноязычно объяснить. Не получилось и он сконфуженно замолчал. Елена подумала и рассмеялась:

— Ва-а-а-н-ь! Ты что это..., - пощелкала пальцами, вспоминая, — как же ты говорил? А, вот — комплексуешь, что ли? Вот уж никогда бы не подумала, что ты так можешь...

Иван раздраженно дернул уголком рта, цыкнул, как босьяк, и невразумительно, опять же: — Ну так что ж... Ты — вон какая!

— Ой! Как мне это приятно! — протянула красавица и тесно прижалась к его плечу.

После перевела тему:

— А что, ты Фатю давно видел?

— Ну так... кто-то трудоустроил бедную женщину... так, что теперь и график ее не понять! Раз в две недели если увидимся — уже хорошо!

Она опять засмеялась:

— Ну ничего, я скрашу тебе скуку и одиночество!

— Да! Леночка! Может нужно зайти в магазин — какие-нибудь продукты... спиртное?

Она легкомысленно отмахнулась:

— Да не надо ничего! Тут... недавно Евгений заезжал. А он, как всегда, без подарков не приезжает.

Опять Косов почувствовал укол:

«Вот же... даже Шрам, приезжая очень редко и ненадолго, чем-то помогает женщине! А ты... мудила, ничем... Хоть и рядом!».

Выматерив себя... «про себя», Косов предложил:

— Лен! Ты меня извини... Давай вот что сделаем! Выберем время, сходим в ателье, и ты закажешь себе, все что нужно такой красивой женщине?

«Девчонкам-то, тогда, после показа мод, дали выкупить модели за недорого. А вот Елена чем поживилась? Или осталась при своих интересах?».

Завадская помолчала, а потом, заглядывая ему в глаза, спросила:

— Ванечка! Ты правда хочешь этого?

— Да! Хочу! А то... по-свински с моей стороны.

— Ты лучше о Фатьме подумай!

— А что о Фатьме? Ее я уже вроде бы полностью придел...

— Да-а-а... Фатя сейчас... блистает, надо сказать, в гостинице! — задумчиво протянула Елена, — Там, пожалуй, никто так стильно не одевается! Мне уже говорили об этом. И спрашивали, и меня, и ее — откуда такие наряды? И что... ты готов потратить деньги... а выйдет, наверное, немало... на меня?

— Лен! Ну ты чем слушаешь? Я же сказал...

— Вань! Я женщина с претензиями... У тебя денег-то хватит? Может не надо?

— Не комплексуй! Надо! И денег хватит! — «м-да... придется подписываться... однако!».

Она опять прижалась к его плечу, закинула голову и рассмеялась.

— Ты чего?

— А ничего! Просто... как-то хорошо! — посмотрела с улыбкой на него, — А может еще и... от предвкушения! Давай опять не будем спать... как в тот раз?

— Хочешь?

Она, улыбаясь, молча кивнула.

— А осилишь?

Елена снова засмеялась:

— Ну-у-у... я постараюсь!

— Договорились!

Прошли еще немного. Помолчали. Завадская посмотрела на него с улыбкой, потом прикусила губку, прищурилась и наигранно холодно спросила:

— А скажи-ка мне, милый, все же... а с чего это ты так на Таньку запал?

Косов рассмеялся:

— А я на нее не западал! Просто... она такой забавной мне показалась. Ну и фигурка у нее... Не отнять! А потом она... Слушай! А ведь похоже... она так грамотно меня подвела к этому. Да нет! Быть того не может! Она же девчонка совсем. Откуда такая продуманность? Не... показалось!

Завадская вздохнула, посмотрела на него с сочувствием, как на совсем глупого:

— Вань! Я же тебе говорила — девчонки и в интернате уже проходят такую школу интриг... и прочих пакостей. А потом, когда в труппу приходят... каждый день мастер-класс видят. К этому возрасту они уже... прежде чем слово сказать, сто раз подумают! Сама через это прошла, знаю, как это... Кстати! Подружка твоя... она вовсе не из простых. Чтобы ты знал!

Иван удивился:

— Что? Из бывших, что ли?

— Да нет... я не о том! Откуда она — я не знаю. Я говорю, что девочка как танцовщица — очень перспективная! Может и в примы лет через пять-семь выйти. Хотя... это будет очень сложно! И даже не от нее это зависит. Но уж в дубле — точно будет!

— А дубль это?

— Ну... дублеры прим. На всякий случай — болезнь, травма...

— Ты присмотришь за ней?

Завадская рассмеялась:

— Что? Понравилась?

Косов покачал головой:

— Во все нет! Вот честно скажу — нет! Она вообще... не в моем вкусе. Да и не умеет ни хрена! Просто... она какая-то... славная! Интересная девчонка!

— Ой, Ваня, Ваня! Телок ты, вот что я тебе скажу! Телок! Как же так получается — у тебя столько женщин, и все — непростые. Красавицы! И со всеми ты так успешно крутишь... А, оказывается, тебя облапошить — проще простого! У меня в голове не складывается — как же так можно? Сразу и то, и это. Не бывает так...

— Да... что хотела еще спросить... просто — любопытство женское. Если не хочешь, можешь не отвечать... Скажи... а вот ты говорил, про рыженькую... Мне показалось... или ты ее и правда потерял.

Настроение сразу упало, Косов насупился:

— Там это... Лизе замуж надо. Семью, ребенка... А я что? Так... ветер в голове...

Елена внимательно посмотрела на него:

— Пон-я-я-тно... Ты прости, что я... Не надо было спрашивать. Бабское любопытство!

— Перестань! Все нормально. Мы поговорили... и решили.

— Хороший ты, Ванька... Хоть и дурак!

«А вот здесь — не понял! Что дурак — это понятно, я каждый день и себе, и людям это доказываю. Но вот именно здесь и сейчас — почему дурак?».

«Хорошо у Леночки! Уют, комфорт... И хозяйка она... хорошая. Не просто светская блядь. Бляди не умеют быть такими — и чистота в квартире, и вон... на кухне чем-то брякает, и запахи доносятся даже в ванную... очень аппетитные. И ум ведь есть! Стольких людей знает... Это тоже... Люди разные и с каждым надо по-своему, умело. А Завадская... м-да. Похоже и руководитель тоже. И тетка авторитетная в театре, а это — показатель, однако! Интересно... ну так — чисто теоретически! Без каких-либо планов, ага! А можно как-то ее «блядскость» — приструнить? Может ли найтись мужчина, который так себя поведет, что она забросит эту всю... божественность? М-да-а... Вопрос! Ну да ладно, это не про нас!».

Отмокая в ванной, Иван философствовал, кайфовал. Как только пришли, хозяйка напрягла его растопкой водогрейной колонки, потом заскочила в ванную буквально на десять минут, пока он, покуривая, пил кофе на кухне. Кофе тоже по-быстрому, на керосинке, сварила она же, Елена. Пусть и не тот классный кофе, что... Но все-таки!

— Иван! Ты там не утонул? — заглянула она к нему.

— Я здесь жабры отращиваю! Говорят, в Оби русалок видели — кра-а-с-и-и-ивые, страсть! Вот и решил — уйду я от Вас, Вы все злые и меня не любите!

— Сдурел совсем! Вода же сейчас еще — б-р-р-р! И врешь ты все! Мы тебя очень любим! Вылазь, давай!

Он поднялся из ванны, смыл с себя пену. Краем глаза видел, как заблестели глазки Леночки. И румянец на щечках — прямо на глазах появляется. Вот и губку закусил.

— Ваня! — и голос негромкий, низкий, с хрипотцой, — Ванечка! Давай я тебя сама оботру...

Ну это же такая малость, а женщине — приятно!

Она вытирала его долго... даже чуть постанывать начала.

— Какой ты... славный и сладкий... мальчик.

«А движения все затихают и затихают! И руки у нее... подрагивают. Как же быстро загорается эта красавица!».

— Леночка! Я тебе уже говорил, что... не люблю, когда меня так называют. Я обещал тебя... наказать? Вот... сейчас накажу!

— А-а-х... накажи меня, хороший мой!

Завадская была... Завадская. Желто-бежевый цветами шелковый халатик с запахом не доходил до середины бедра. И запах был... подлый такой. Он норовил разойтись и сверху, приоткрывая черный ажурный бюстгалтер... и его содержимое. И снизу... тоже то и дело показывалась ножка в черном чулке.

Она наглаживала сначала его грудь, уже забыв про полотенце... ладошками настолько ласковыми и нежными, что его периодически бросало в дрожь. То переходила на ягодички, стискивая их пальчиками, прислоняясь щекой к его груди и постанывая. Потом... провела руками по груди — сверху вниз. Замерла, доведя руки до низа живота, подняла голову, заглядывая ему в глаза, засмеялась хрипло:

— Не могу... сдержаться не могу! Ты позволишь... его тоже нужно... вытереть.

И не дожидаясь его согласия, присела на колени. Застонала... И пальчики... такие быстрые и нежные пальчики... пробежали по «нему», заставляя дергаться и стонать уже его.

— Это... это что же такое? Ах, она сучка! Она что — совсем дура?! Ох... как она его... совсем не огрызла! А ты куда смотрел? Ну я ей... устрою! Вот же... дура малолетняя!

Хрипловато Косов пробормотал:

— Ты ее лучше... научи.

— Ага! Много чести, чтобы я ее учила... Сейчас, хороший мой... я его приласкаю. Ну как же так? Даже смотреть жалко! Ну нельзя же... такого красавца... так вот... Ритке поручу, уж она ее заставит... научит. Сучку эту...

Последняя фраза у Лены вышла... невнятно. По причине занятого рта...

«О-о-о-х-х... это даже сравнивать... нельзя!».

Он посмотрел вниз, подрагивая всем телом. Елена была занята... очень занята оказанием срочной медицинской помощи.

Несмотря на некоторый дискомфорт, вызванный жжением и пощипыванием в определенных местах, Елена заставила его... отстреляться быстро.

«Похоже... ни одной капельки не пропало! Вот же... хищница!».

Она подняла голову, посмотрела:

— Вань! А как же... ты меня наказывать будешь? Тебе же самому больно будет!

— Вот, сударыня! Цените — на что только не приходится идти ради Вашей экзекуции!

— Я ценю, Ваня. Правда — очень ценю. Но как же...

— Ну... у тебя же кремов всяких полно, не так ли?

Она улыбнулась:

— Тогда пойдем, я тебе снова кофе сварила — уже как положено, а не наспех! Спать тебе сегодня я не дам!

Кофе был уже холодный. Но и правда — вкусный...

Они проводили Лизу. Проводили довольно поспешно... Но не потому, что она куда-то торопилась, а... потому, что слишком уж тягостно это было. Илья даже начал какую-то речь, но, видно проникнувшись атмосферой, быстро сбился, смутился и сел, замолчав. Как на поминках, чес-слово! Тоня, широко открыв глаза, посматривала то на Косова, который молчал, закаменев лицом, то на Лизу, которая была... краше в гроб кладут! Потом Тоня, судорожно всхлипнув, схватила Илью за руку и выбежала, утащив за собой директора. Они... Лиза, Лида и Иван еще посидели молча.

Косов не выдержал, налил себе стакан коньяка, выпил его залпом, закурил.

«Как же... хреново-то! Вроде уже и жизнь там... прожил. И хоронить близких приходилось... Всякое бывало! Но как же сейчас...».

Иван смотрел в окно, шурился от дыма и молчал. Лиза вздохнула, поднялась тяжело, как старуха:

— Лида! Проводи меня... пожалуйста.

Косов, вдавил папиросу в пепельницу, шагнул к ней, обнял, уткнулся лицом в такие родные рыжие волосы:

— Родная моя... Я всё буду помнить... Только бы у тебя все было хорошо, слышишь! Только чтобы было все хорошо...

— Да что же Вы так-то... Нельзя же так! — всплеснула руками Лида.

— Как-то... не получается по-другому...

Лида, подойдя к подруге, испуганно глядя на Косова, потянула ту за руку к дверям. Он же повернулся и вышел через заднюю дверь, чтобы не видеть, как уходит его рыженькая. Пошел к реке, сидел, тупо уставившись в реку, курил до горечи. Голова была пустая и звонкая.

— Хорошо, Косов! Знаешь... хорошо стало получаться, интересно так. Сейчас уже можно и показать! Но... мало! Мало этого для показа! — инструктор Лазарев был доволен.

«Ну да... пришлось, конечно, попотеть, но результаты есть!».

После отъезда Лизы, времени по вечерам стало много. Вот он и тренировался с оружием. Извлечение и подготовка к стрельбе — вообще хорошо. Вот и Лазарев только языком поцокал, глядя, как ловко револьвер оказывается в руках Косова. Перемещения, развороты получались тоже не в пример лучше. Добавил он и ходьбу впрысядку, и уклонения корпусом.

— Что-то еще можешь придумать? — инструктор смотрел на Ивана.

Тот задумался, почесал мушкой «нагана» бровь.

— Из нижней стойки, при перемещениях, можно добавить кувырки — вправо или влево. Но тут уже сложнее, как мне кажется, — вслух раздумывал курсант, — Потренироваться надо!

— А вот смена руки... Чем это можно аргументировать? Про ранение или повреждение руки, ты уже сказал. Тут... довольно спорно. Если ранение серьезное... длительная стрельба, я думаю, будет невозможна, — сомневался Лазарев.

— Так и все это — нацелено на подготовку к скоротечному огневому контакту. Длительная стрельба изначально не предусмотрена. А что кроме ранения... Стрельба из-за укрытий, к примеру! Вот представьте, противник перед Вами... расстояние... скажем — до двадцати метров. Всегда лучше иметь перед собой хоть какое-то, но укрытие! Пусть будет... дерево или столб. И тогда вот так..., - Иван сымитировал стрельбу последовательно справа или слева из-за укрытия, показал, как это будет выглядеть, — Если руку не менять... рабочая правая... к примеру, то при стрельбе влево от укрытия, придется высовываться практически всем корпусом. Согласитесь... прикрыть тело хоть как-то... лучше, чем не прикрывать его вообще.

Лазарев, стоявший неподалеку, и периодически делавший какие-то пометки в блокноте, задумался:

— Я, Иван, что подумал... Вообще-то получается... это не армейская подготовка. Это какой-то... осназ выходит. Или оперативники разные... А мы-то все же «эркэкэа»!

— Давайте отработаем методы, а уж кому они пригодятся — дело десятое! Нужное же дело, согласитесь? — Косов возражал.

— Ладно... подумаем еще! Что еще... есть что-то?

— Можно попробовать... стрельбу с двух рук.

— Ишь ты! С двух рук? У нас, честно скажу, и с одной-то руки многие стреляют так себе. Ну... давай, показывай, что надумал.

— Второй «наган» нужен!

Косов попробовал, сцепив большие пальцы рук. Потом — в движении, потом — с уклонениями, с разворотами. Щелкал курками вхолостую.

— А и впрямь — здорово у тебя получается! Прямо как танцуешь! Так... ладно! Давай со стрельбой посмотрим... Но с одного револьвера пока.

— Жаль направление стрельбы только одно! — посетовал Косов.

— Ну-у-у... сейчас подсохнет стрельбище в части, можно будет съездить туда,

попрактиковаться, — предложил инструктор.

Надо отдать должное — и сам Лазарев что-то уже пробовал. По крайней мере и подготовка к стрельбе у него была уже неплохо поставлена, и передвижения. Похуже, чем у Ивана, но было заметно, что и инструктор «не сидит на попе ровно».

Освоил Косов и общепринятые методы стрельбы из штатного оружия командиров. Ох и спорили же поначалу они со Лазаревым по этому поводу!

— Ну не для «короткоствола» эта дистанция — двадцать пять метров! Пистолет или револьвер — пять, десять метров. Край — пятнадцать! А двадцать пять — я супостата бить буду или с «винтаря» или же с автомата.

— Нет в армии у командира «винтаря», как ты говоришь, или автомата. Ну ладно еще автомат, но винтовки — точно нет! — спорил Лазарев.

— А вот это и есть одна из ошибок наших уставов! Ну как так — лучший стрелок подразделения и не имеет нормального оружия?

Но обсуждать уставы Лазарев не хотел. Пусть и не Кваشین он, не матерый «уставщик», но все же субординация и почитание «умных книжек» в него уже вколочено намертво. Даже этот его интерес к новым методам стрельбы и подготовки к ней — пусть и говорил о том, что не до конца инструктор научился мыслить своей головой, но — Устав, он и в Африке — Устав!

— Уставы пишут люди, и они, как часто бывает, могут ошибаться. Устаревать могут уставы, что Вы и сами знаете!

— Да здесь-то что успело устареть? Наши Уставы вот только приняты — несколько лет назад!

В отработках «танцев» с «наганом» ему помогла, и очень неожиданно — Тоня. Посмотрев как-то вечером на его метания по залу, сказала:

— А вот эти движения лучше выполнять не так! В русских народных танцах есть такой элемент... Сейчас покажу!

И Тонечка прошлась в присядку, но не выбрасывая ножки вперед себя, а подгребая ими сбоку. Шла она фактически на внешних ребрах стоп, довольно забавно переваливаясь. Правда прошлась туда-сюда быстро, видно опыт есть!

Но Косов не был бы самим собой, если бы не «навелся» на ее ножки и попу в трико, замерев в ступоре.

Девушка поднялась, откинула рукой челку, и покраснев, сказала:

— Вань! Не надо на меня так смотреть... Нехорошо это...

Косов встряхнулся, смутился и пробормотал:

— Ты меня прости... Тоня. Как-то само собой это у меня выходит... Не специально я так!

Она с жалостью посмотрела на него и выдала «вердикт»:

— Ты, Ваня, по этому поводу какой-то... ударенный! Уже давно заметила — как где смазливое личико... или так — ножки стройные... или попу симпатичную увидишь — дурак дураком становишься! Тебе же самому это... не мешает разве?

Он кивнул:

— Мешает... иногда. Но... ничего с собой поделатъ не могу!

Она махнула на него рукой — «больной человек, что поделатъ!», и предложила:

— Давай! Пройдись, так как я показала. Я посмотрю, поправлю...

И еще позанималась с ним. Что характерно — Косов понял, что из такого положения, «в

низком присяде» — очень легко уйти в «перекат», а также качать корпус влево-вправо, и даже быстро выпрыгивать в стороны! В общем, помогла ему подружка директора!

Все это было интересно, а с того момента, как стали проявляться первые результаты — еще и удовлетворение приносило. Вот только сами «стволы» не радовали. В револьвере, при всех его плюсах, Косову не нравилось два момента — тугой спуск и тупая, и очень небыстрая перезарядка! И «тэтэшник» — тоже был с изъянами: отсутствие нормального предохранителя, дурацкая и неудобная рукоять, и слабая пружина в кнопке фиксации магазина. На остальное можно было смотреть сквозь пальцы.

Как сказала героиня «Военно-полевого романа»: «У мужчины может быть только один недостаток. На все остальные я смотрю сквозь пальцы!».

«Ах какая там была Наталья Андрейченко! У-у-у-х-х! Но фильм — грустный!».

Гонец от «Савоськи» в этот раз был корректен и лаконичен:

— Даров! Севастьян Игнатьевич просил передать, чтобы завтра в обед был у него. Человек будет...

— Чё за человек?

Пацан пожал плечами:

— А я знаю? Как сказано, так и передал.

— Ладно, услышал, буду.

— Проходи, Чибис... Присаживайся! — «Штехель» сегодня был сдержан, — Вот, Ваня, познакомься с человеком, по тому делу пришел. Толей звать...

В углу, за дверью, Иван сразу и не заметил, сидел молодой мужик. Интересный такой мужик, фактурный... Простенький пиджачок, в тон ему брючки, заправленные в «хромачи», на одном колене лежит кепчонка. В общем-то вид — девяноста процентов мужчин сейчас так ходят. Привлекала внимание и внушала физиономия. Короткая стрижка; черные волосы с обильной сединой; нос явно ломаный; левая бровь перерезана шрамом, тонкие губы сейчас искривлены усмешкой.

«Матерый урка, хоть и молодой еще. Хотя... как молодой? От двадцати семи и до... тридцати пяти, пожалуй. Волосы сединой только что-то рановато выбелило. Странно... на руках и пальцах «наколочек» не видно. А нет! Вон на правой руке, безымянный палец... что-то было, да сведено. Но — не очень аккуратно, края плохо сводили».

Урка улыбнулся пошире, протянул руку для рукопожатия:

— Толя! «Фикса», — и ткнул пальцем, показывая у себя во рту причину такой клички, — А ты ничё так... Ты видел, Игнатьич, как он меня всего срисовал, а? Ну чисто опер! Уже и портрет в голове поди сложил!

— Иван! «Погоняло» уже знаешь! — Косов пожал руку урке.

— Ну что? Я Вас свел... Чаю попьете, или сразу поедете? — «Штехелю» похоже не терпелось «сплавить» их обоих куда подальше.

— Не, Игнатьич! Попьем твоего чайку. Очень уж ты славно его завариваешь! Хорош «купчик» получается.

— А то у Валерьяна чаю нету? — скривился «Савоська».

— Как нету? Конечно есть, только чужое — оно же всегда вкуснее и слаще! — широко улыбался Толя, светя «фиксой».

«Ну вот... сначала был «Штехель», теперь и Толя «Живчик» нарисовался, хрен

сотрешь!»).

Сейчас оба они здорово напоминали персонажей из той же «Ликвидации» — «Штехеля» и еще одного урку. Помнится тот особого уважения к «Штехелю» не питал, но и за грань не переходил.

Попили чаю, особо не разговаривая. «Фикса» периодически поглядывал с интересом на Ивана, и с усмешкой — на «Савоську».

Потом вышли за ограду столовки, и подошли к какому-то автомобилю. Авто это заинтересовало Ивана. Было оно совсем небольшим, даже меньше полугорки, которая тоже не поражала своими габаритами. Двухместная кабина, капот спереди изрядно скошен, с когда-то никелированными вертикальными прутьями решетки. Кузовок был совсем уж небольшой, как игрушечный.

— Это что за «Лорен-Дитрих»? — с интересом Косов обошел авто по кругу.

— Это не «Лорен-Дитрих», а «Фиат», да и я тебе не Казимир Козлевич, — вдруг показал познания в литературе «Фикса».

«Ты посмотри какие урки начитанные пошли, а?».

— Садись давай, ехать надо! — поторопил его «Фикса».

— Ну ехать, так ехать! Лучше плохо ехать, чем хорошо идти! — согласился Иван, усаживаясь в кабину, — Далеко поедем?

— Далеко — не далеко... Не близко, в общем-то...

Ехать пришлось и правда — не близко. Фактически выехали из города, но — в ближний пригород. Частный сектор... Толи большая деревня, толи — небольшое село. Крепкий дом, крестовый, «утоплен» в немаленький участок, который по фасаду был засажен кустами сирени, рябины. Даже елки были, аккуратные такие, прямо — новогодние.

Косов постарался незаметно поправить «наган», передвинув его за ремнем на спине, ближе к правому боку, для удобства выхватывания. «Финарь» на левом предплечье привычно стискивал руку ремнями ножен.

«Вооружен и очень опасен, бля! Ну да — береженого Бог бережет!».

Патроны он легко смог сэкономить в тире. Лазарев часто оставлял его в стрелковой галерее, уходя по делам. А Косов — стрелял, стрелял, стрелял... Пачки с патронами инструктор выносил тоже загодя, и, похоже — без особого счета. Доверял, значит...

Толя провел его по дорожке вдоль дома. Зашли в дом, точнее — какую-то пристройку, где располагалась толи летняя кухня, толи большой чулан с плитой.

— Здесь посиди, Ваня — указал «Фикса» на табурет.

Косов пожал плечами — «Посидеть, значит — посидим!».

Сам урка прошел в двери, в торце чулана. Негромко раздались голоса. Иван закрутил головой:

«Откуда-то слышно... значит какая-то отдушина здесь есть! Неплохо бы послушать, о чем речь!».

Под самыми досками потолка, за плитой и правда нашелся «продух», прикрытый свернутым куском войлока. Косов чуть вытащил войлок, немного приоткрывая отверстие.

— ... и как он тебе? — глуховатый голос.

— А я знаю? — «Это «Фикса»! — Молодой какой-то... Но при железе, точно! Похоже, «шпалер» сзади за поясом. Может и еще что есть.

— Со «шпалером», значит... И не боится так ходить? А «лягавые» заметут? Похоже — «отморозь»...

— Ну так... Ты ж сам говорил, что тогда «Шрам» рассказывал... «пером» этого... расписал-разделал. Кто ж так делает? Точно — «ломом подпоясанный»!

— «Шрам» с совсем бестолочью водиться не стал бы. Значит... все же с головой. Ладно... зови его, разговаривать будем.

Косов решил прогнать картину — присел на табурет, поджал ноги под себя, как будто приготовившись к прыжку, левую руку — на колено, правую — поставил на крышку табурета, рядом с собой. Правая пола пиджака откинута назад, приоткрывает рукоять револьвера.

«Фикса», зашедший сюда, «срисовал картину» сразу, выставил руки перед собой:

— Ты это... спокойно давай, ага! Все пучком! Здесь к тебе претензий нет... Просто поговорим, обсудим все спокойно! Спрячь «волыну»!

Косов демонстративно закинул полу пиджака, поправил.

— Ну давай... Будем разговаривать.

В большой светлой комнате, за столом сидел коренастый, пожилой мужик. Простая косоворотка, коротко стриженные седые волосы. Лицо — как топором вырублено. Все на нем большое — нос, как клюв фламинго; скуластый; нависшие надбровные дуги, покрытые густыми бровями; глубокие морщины по всему лицу. Губы только подкачали — как с другой картины: тонкие, плотно сжатые, почти невидимые. Как будто и вовсе нет губ — только ножом кто-то рот прорезал.

«М-да... а горба-то нету! Да и я... вовсе не Володя Шарапов!».

— Ну садись, Чибис... Сейчас поужинаем, да поговорим..., - «сказал, а губы только чуть шевельнулись», — Меня Валерьяном зовут, если что... Маня! Подай нам чего!

На слова Валерьяна из-за занавески, ведущей в другое помещение дома, вышла женщина. Средних лет, довольно миловидная, но такого типажа — деревенского, что не привлекало Косова. Одета просто. За довольно бесформенной одеждой даже и фигуры не разберешь. Сноровисто собрала на стол. Тоже все простое, без вычурностей и деликатесов — отварная картошка, политая топленным смальцем, посыпанная шкварками и обжаренным луком; соленые грузди, огурцы такие же, квашенная капуста. Сало вот было явно хорошее — с мясными прослойками, тмином, средней толщины. Пахло чесноком. На стол поставила бутылку «беленькой».

— Ну что... Примем то, что Господь послал нам, грешникам, в день этот! — хозяин широко перекрестился и поднял полный лафитник.

«Это что еще... за спектакль? Урка в Бога верует? Да ну на... Не верю! А может он... из этих... как их там? Раскольников? Да нет — насколько знаю, они вообще с чужими за стол на садились — брезговали, нельзя это им! Или из еще каких... сектантов! Хотя... нам, татарам — все одно: что водка, что пулемет — лишь бы с ног валило! Или так — не лезь в чужой монастырь со своим уставом!».

Решив, не обращать внимание на странности, Косов поднял свою рюмку, чуть подождал — «чокаться не стали!» — опрокинул ее себе в рот.

«Хороша водка! Хоть и предпочитаю коньяк, но стоит признать — хороша! И чистая, и в меру охлажденная! Ледник видно есть!».

И сам Косов, и хозяин, и «Фикса» ели истово — не отвлекаясь, сосредоточенно, но не жадно глотая. Как работу работает хороший мужик — серьезно, вдумчиво, тщательно!

— По второй! — разлил водку хозяин.

Приняли. Хорошо! Косов чувствовал, что плотно подъял. Довольно уж...

Как будто услышав его мысли, хозяин снова чуть повысил голос:

— Маня! Самовар нам на веранду подай!

Перешли на веранду. Круглый стол, застеленный скатертью, штук шесть венских стульев за ним. Иван, дождавшись, пока Валерьян и Толя займут места, сел расчётливо — чтобы за спиной была стенка, а хозяин, его подручный, а также две двери — в дом и в ограду — были на виду. Заметил, как переглянулись собеседники.

«А чего? Зачем нам лишние неожиданности-неприятности? Лучше так, чтобы видно было!».

— Ну что, Ваня, поговорим? Расклад ты знаешь, не так ли? Что думаешь?

— К-х-м-м... а как Вас по отчеству? А то... неловко как-то — по имени с Вами разговаривать.

«Фикса» удивленно перевел взгляд с Валерьяна на Косова и назад, потом засмеялся, прикрыв рукой рот.

Хозяин неодобрительно посмотрел на подручного, пожевал губами, подумал:

— Степанычем называй! Валерьян — это кличка у меня такая... Еще смолоду — дескать, спокойный я.

— Ага... Спасибо! Я, Степаныч, все раздумываю — а на кой ляд мне во все это вступать? Севастьян Игнатьич мне такую «долянку» обрисовал, что это — просто курам на смех. За такое я даже «на вассере» и то подумаю, стоять или нет. А уж всю грязь на себя брать, «паровозом» пойти — и вовсе глупо! Так что... давай сначала определимся по серьезному — чего я с дела иметь буду. А уж потом, как сойдемся в цене, так и о самом деле поговорим.

Валерьян опять переглянулся с «Фиксой»:

— Ну а ты сколь хочешь?

Косов развеселился:

— Сколь я хочу, Вы мне все одно не дадите! А так... если подумать... треть от выручки!

— Ого! Вот это аппетиты! А что ж так мало просишь? Севастьян мне говорил, сначала половину запросил!

— Ну... скажем так — подумал, решил не борзеть!

— Ага! А треть — по-твоему — не борзеть, значит?

— Ну а что? Давай прикинем, Степаныч! Четверть уйдет в общак, тут без разговоров. Остается три четверти! От этого половину просить не буду. Вы тоже в дело вложите и в стороне не останетесь, не так ли? А давай — по-другому рассудим, чтобы понятнее... К примеру, взяли мы с польских «сотку». Треть от «сотки» — это тридцать. Двадцать пять — уйдет в общак. Останется семьдесят пять. Так вот — из них тридцать — мои. А Вам — сорок пять! Думаю — вполне честно! Мне самая грязная работа, Вам подчистить. Ну и на стадии подготовки — все посмотреть, проверить, подготовить...

— Ага! А ты, значит, зашел — «почикал» всех, взял тридцать «на карман» — и отвалил? — возмутился «Фикса».

— Ну так я не против — давай ты всех «почикаешь»! А я уж за тобой прибираться буду, — пожал плечами Иван.

«Фикса» ступешался, пробормотал:

— Не моя тема...

— Ну так и я про что? Каждому свое! Там же и по-другому выйти может. Залетные эти... польские — вдруг ребята ловкие окажутся и уже я там «лягу», а они при своих

останутся. А ты в это время, Толя, где будешь? На «мопедке» своей за углом будешь ждать? И чуть какой «кипишь» — по гашетке и бежать, да? Я не я, и хата не моя? Так чего теперь... Кто под пули идет — тому и куш больше. Всегда так было, разве нет, Степаныч?

Валерьян посидел, помолчал, раздумывая, пожевал губами.

— Пойдет! По рукам бить не будем, не купцы в старое время. Люди серьезные, все понимаем, да?

Косов кивнул.

«А потом, на отходе, нужно будет все равно хвост пистолетом держать!».

Про себя хмыкнул: «А будет этот... потом?». И почему-то с уверенностью решил — «Будет!».

— Добро! Тогда давай... по деталям пройдемся!

Замолчали, пережидая, когда женщина поставит самовар на стол, принесет чашки-блюдца-ложки. Варенья пару сортов, сахар кусковой, какие-то плюшки-булочки.

Иван налил себе чая покрепче, задумался, размешивая сахар в крутом кипятке.

— Так... что мы вообще о них знаем?

Снова хозяева переглянулись, Валерьян кивнул «Фиксе»:

— Говори!

— Так! Приезжают они примерно раз в месяц, берут товар, отдают деньги и сваливают!

— М-да... предельно информативно! Ладно... будем плясать от печки! Когда они вообще здесь появились впервые?

«Фикса» задумался, почесал затылок.

— Примерно год назад! — подал голос хозяин.

— Ага! А к кому они подъехали, кому обозвались? С кем порешали?

Валерьян посмотрел на него с недовольством:

— А нет тех людей больше! «Гепеу» прошлой осенью прибрало. Думали люди — сроками отделаются... А потом «малява» пришла — «к стенке» прислонили! По беспределу! Не по статье! С-с-с-у-к-и! Что творят, а?

— Степаныч! Прими соболезнования, но мы сейчас не об этом! — остановил Валерьяна Косов.

Тот глянул на него свирепо, хотел что-то сказать, но, чуть помедлив, передумал. Успокоился.

— Так вот! Нет тех, с кем польские базар вели! Приехали целой бригадой, но — с вежеством, как положено! В общак занесли, с людьми разговаривали нормально. Порешали. Потом на юг съездили, там с кем-то «добазарились». А уж потом здесь...

— А чего они все эти обмены именно здесь крутят? Чего же на Юг не едут?

— Да Бог их знает! Я с ними не разговаривал! Может... удобнее просто. Польские сюда с Запада приезжают... басмачи эти... с юга сюда же. Тут и встречаются! А может... польские не хотят к басмачам ехать, с деньгами-то! Там же тоже — не все так просто! С одним кланом «добазарились», а с другими? Может пройдет, а может и взбрыкнут, а? Мы ж не знаем, как у них там... между собой все идет! Они же не так, как у нас... Там еще и все эти «непонятки» с кланами, жусами этими... Дикари, бля! — Валерьян плюнул в сердцах.

— Ага-ага! Так... а могут эти «непонятки» с кланами... сюда дотянуться? — Косов вертел проблему и так, и этак.

Валерьян задумался.

— Не... непохоже. Если у них и будут какие-то... «терки», то только между собой. С

нами завязываться они побоятся. Все же торговля у них тут.

— У них торговля... А у кого — у них? Может — один клан торгует, а другой — завидует, а? Может такое быть?

— Да откуда я знаю! — разозлился Степаныч, — Я же тебе говорю — они сами по себе, если что — «доляшку» в общак занесут, и больше в дела не лезут! А мы — в их дела не лезем!

«Херово у них тут разведка поставлена! Херово! Ну как так, а? Какие-то люди крутят тут свои дела, а воры — и в ус не дуют? Расслабились? Или всю «верхушку» «гэпэу» на ноль помножила, и живут сейчас «люди» без царя в голове?».

— А если от этого... и сыграть? — бормотал Косов.

— Это как? — И Валерьян, и «Фикса» уставились на него.

— А вот скажите... есть у Вас люди, которые закон чтут... бродяги матерые, но — сами родом с юга, и связи у них остались?

Валерьян опять задумался:

— Нет! Даже если и есть «до хозяина хожалые», да здесь живут... Они, если связи со своими не потеряли... они скорее своих держатся, чем воровского хода. Говорю ж — дикари! И то, что ты такие вопросы задаешь, говорит о том, что у тебя «ходок» за плечами нет! Там, на «киче», да в лагере — быстро разбираешься кто и где! А не разберешься — так кто тебе виноват, если «под мох» закопают?

Хозяин усмехнулся, да и «Фикса» снисходительно поглядел.

«Нет, бля! Вот чем они сейчас кичатся? Ходками своими? Вот тоже наши — ордена! Заслуги! А еще чурок дикарями называет! Сам-то далеко ушел?».

— А я туда не тороплюсь! Хотя и зарекаться и не буду! Там не санаторий — чтобы туда спешить!

«Фикса» погрузился, кивнул согласно — «Не санаторий, ага!».

— Да вот... я думаю... как на елку влезть и рыбку съесть? После дела... польские же точно сюда смотрящих пришлют — «чёкаво?», и бабки пропали, и люди сгинули?

— Как приедут, так и уедут! — буркнул Валерьян.

— И что — войну будешь тут начинать? Так, то только «лягавым» на руку — пока Вы тут резаться с польскими будете, они и тех, и других и вязать, и стрелять начнут!

— Да кто про войну-то речь ведет? — возмутился Валерьян, — Перетрем с ними, да пошлем их... к себе пусть катят!

— А если не поверят, зло затаят? — подначивал Косов.

— Ты толком скажи — что предлагаешь?

— А... перевести стрелки на «чурок»! Пусть польские едут на юг и разбираются, кто там их людей «почикал», чей клан был! Хотя... думаю — не поедут они! Утрутся! Без толку туда ехать. Если только с армией — с пушками и пулеметами! А так... порежут залетных и делу конец!

«Фикса» хмыкнул:

— Ну ты... берегов не видишь! Как-то это..., - и покрутил головой.

Косов тоже «ощетинился»:

— Чего это? Какие берега, «Фикса»? И те, и другие — здесь нах не нужны! Чужие они здесь! На хрен пусть идут!

— Ладно, ладно! Успокоились оба! — призвал их к порядку хозяин, — Затея... конечно, гниловатая... Но! Ты прав — не нужны они тут! И наши... упокой, Господи, их души! не

правы были, когда разрешили польским тут «банковать»! Не правы!

— Ну вот... решение принято. Сейчас нужно обмозговать, что и как делать.

«Фикса» хмыкнул:

— Я-то думал... мы тут будет решать, как польских прикопать, да бабки взять! А тут... вон как все сложно!

Валерьян посмотрел на помощника, покачал головой:

— Толя, Толя! Вот сколько говорю я тебе... Эх! Дело сделать — это полдела! Сначала обмозговать все нужно — с чего начать, да чем закончить! А само дело... это уж потом... обкашляем!

— Нужно точно знать, когда приедут польские! Да, кстати! А где они здесь... квартируют? Не в гостинице же, с «бабками»?

«Фикса» засмеялся:

— Да вестимо не там! Ты еще скажи — в гостинице разместятся, в пачпортном столе отметятся, а «бабки» в Госбанк на хранение сдадут!

Косов решил не обращать внимания на «подъелдыкивание»:

— У тебя, Степаныч, есть кто «на бану»?

Тот хмыкнул:

— Есть! Как не быть?

— Они должны «отсемафорить», когда польские заявятся. Так где квартируют залетные?

— Да есть тут одна «хатка». Бывший поляк живет. Давно уже! Хожалый. Вроде бы «в завязке» был. Да видно не удержался, поманили его «хрустами».

Бывший «хожалый» поляк жил рядом с «железкой», в пригороде. Приблудился как-то к одной местной бабенке — видно домой не к кому возвращаться было. Или... в «косяках» был дома. Прижился, «пришипился». «Людям» «обозвался», но предупредил, что «соскочил». В дела не лез. Где-то работал. А потом — баба умерла. Так он вдовствовал.

— Да бирюк-бирюком! С соседями толком не знается, хоть и порядком уже живет. «Один на льдине»!

— Ага! А как хата расположена? Подходы там какие?

Толя развеселился:

— А подходы там знатные! Отличные подходы, я бы сказал! Дом стоит в конце улицы, с одной стороны улицы там пустырь, то есть та сторона домов до его дома метров сто не доходит! А по его стороне... там тоже разрыв такой есть! Перед его домом — соседи как-то погорели, да так этот участок заброшенный и стоит! То есть... метров тридцать, а то и сорок разрыв!

— А дальше что?

— А дальше — еще лучше! Разворотная площадка там, для машин, что на склады подъезжают. «Железка» там мимо проходит, а дальше — грузовая площадка. Краны, пандусы, подъезды... Да там даже ночью все время «движняк» стоит! То состав на разгрузку подают, то «порожняк» мимо проходит! И машины, машины все время — туда-сюда снуют. Даже ночью!

— А на разворотной площадке этой... Машины и ночью стоят? Шоферня, поди, толкуются?

«Фикса» подумал:

— Не! Ночью там... вроде не стоят! Чуток подальше! Все же ночью движение поменьше

будет. Вот днем — точно стоят машины. Почти до самого дома этого поляка!

Валерьян взял слово:

— Ты, Толя, там еще раз все пошустри! С шоферней побазарь... присмотришь. Но — аккуратно!

— А как туда поляки добираются? С вокзала-то?

Ни Валерьян, ни «Фикса» об этом не знали.

— А сколько их приезжает, поляков?

— Сначала как бы не четверо было! А сейчас вроде бы парочкой наезжают!

«М-д-я-я... толком ничего не известно! Как планировать? Так бы, по-хорошему, отложить на несколько... Пару раз попасть этих курьеров — кто, сколько, как передвигаются? Как с «чурками» встречаются? Тех сколько человек? Но... если раз в месяц — то нет у него этого времени, нет! Через пару месяцев он уже в Омске будет!».

— А про саму передачу? Где происходит? Сколько с юга людей приезжает?

«Фикса» снова почесал затылок:

— Да где, где? Да у этого бирюка, похоже, и передают! Вроде бы видели у него там... несколько раз этих... казахов, или кто они там!

— Вот я и думаю... Степаныч! А как бы нам... организовать, чтобы там эти... южные люди несколько раз — покрутились, а? «Левые» совсем южане. Как-то «в темную» их там задействовать. Пусть их там увидят! Типа — присматривались что-то! Были пару раз. И потом уже... после дела. Пусть эта информация всплывет, может даже... «ментам» это «слить». Пусть туда копают! В ту сторону! А там глядишь, приедут гонцы с юга — польских нет, а вокруг менты шныряют! Даже если этих южных гонцов с наркотой там «примут» — будет еще лучше!

Толя «взвился»:

— Ты чё мелешь-то? Как «ментам» слить? Стучать «ментам» что ли?

Косов вздохнул:

— Толя! Никто «ментам» стучать не собирается! А если люди... соседи там... шоферня эта! Вдруг вспомнят, что крутились тут какие-то... южные... в тубетейках там... да хоть — в чалмах, мне по хрену! Вот! Это было бы... кстати!

Валерьян посмотрел на «Фиксу», и, переведя взгляд на Ивана, прикрыл веки, типа — «Понял!».

— Нет... мне самому на место надо съездить. Посмотреть все, «жалом поводить»...

— Да вот, с Толей можно и съездить! Он туда часто мотается.

«Фикса» возразил:

— Не совсем туда, ага... Но езжу.

Договорились.

Уже прощаясь, договорившись встретиться, через пару дней, Валерьян спросил у Косова:

— Я так понимаю, «волына» тебе не нужна? «Маслята» тоже есть?

— «Волына» своя, «маслята» есть. Вот только...

Косов задумался.

«Глушитель бы не помешал! Ни днем не помешал бы, ни ночью!».

— Железяку нужно одну смастрячить! Есть слесарь хороший?

Собеседники, а теперь уже — подельники, переглянулись:

— Насколько хороший слесарь нужен? — спросил Валерьян.

— Ну-у-у... не водопроводчик — точно! Надо из трубы выточить кое-что... с резьбами разными, со вставками, с проточкой отверстий...

— Юзик? — спросил «Фикса» Валерьяна.

— Не хотелось бы старика беспокоить... Ну да ладно! Я заскочу к нему завтра, переговорю. «Подогрею» старика чем-ни-то... Скажу, что заедете на днях, с заказом.

Уже возвращаясь в город, Косов спросил «Фиксу»:

— Юзик — это кто? И как он... на язык не слабый?

— Ты чего?! Юзик... это легенда здесь! Он еще до революции знатным «шнифером» был. У него даже двое... или трое... учеников было! А потом... старый стал. Вроде отошел, но! Такие инструменты «людям» делал, что просто — ах! Там такие «мандолины» были! А «балеринки» какие из его рук выходили! Да обычный «фомич» у него получался, как произведение искусства!

— И чего? Он мне сможет сделать то, что нужно? — уточнил Косов.

— Так ты сам же сказал, что вроде бы сложного ничего нет?

— Ладно! А что... за языком у него?

— Ты, Чибис, вроде босяк правильный, но иногда такие «косяки» порешь... Юзик — это... Юзик! В общем...

— Ладно! Замяли тему, я просто не в курсе.

— Вот то-то же!

Толян замолчал, но ненадолго.

— Слушай... Ты вроде пацан совсем, а как ты... к «пиковым» попал?

— А вот сейчас уже ты, Толя... в «косяках»! Хорошо ли это, таким интересоваться? — криво усмехнулся Косов.

— Да ладно... я ж так только... Вместе же на дело пойдем.

— Может пойдем, а может — нет. Тут еще как карта ляжет... А сам-то на «мокрое» идти не «застремаешься»? — Иван посмотрел на подельника с интересом.

— Так я же... сам туда не полезу.

— Вот насмешил! — Косов и правда рассмеялся, — Ты это «ментам» расскажешь, если нас после этого «примут»? Какая разница, кто на курок нажимал? Был на «деле», значит — «мокрушник»! Ну ладно, я — «паровозом», но Вы-то — «вагонами» всяко пойдете!

— Типун тебе на язык! Что ж ты... Язык у тебя как помело, Чибис! — «Фикса» сплюнул в открытое окно машины, — Вот правда говорят, что Вы, «пиковые», все на всю голову «отмороженные»!

— Я, Толя, просто представляю, что мне «корячится» в случае чего...

— И что? Не страшно?

Косов засмеялся:

— Смерть, Толя, она — не навсегда! Будет что-то и после нее...

«Фикса» снова сплюнул в окно:

— Поговорил с тобой, как меду напился! Чё — в рай попасть считаешь? С твоим-то грехами? А в аду если... Не, ну ты на хрен, такие разговоры вести!

Замолчали. И Косов подумал — «а правда, как так получилось, что «правильный» мент в следующей жизни стал «мокрушником»? И даже то, что нормальных людей в его... «клиентах» не было... так себе отговорка!».

«Да ну их, думки такие! Все, кого он... «обнулил» были теми еще сволочами! И эти... польские... тоже людишки — не лучше! Так что думай лучше о том, как все сладить, да не

влететь! А еще, что бабки будут! На женщин своих потратить — все лучше, чем они «чуркам» за «дурь» пойдут!».

— Тебя где высадить? — окликнул его Толя.

Косов осмотрелся.

«Ага... мы где-то недалеко от моста! К Фатьме пойду! Если все правильно помню — она сегодня в день работала, значит — дома. И на работу ей только завтра вечером!».

— Вон там... у переезда высади!

— Ну так что? Где и когда встретимся? К дому бирюка поедем смотреть?

— Завтра... скажем, в три часа сможешь меня здесь же подхватить? — посмотрел на «Фиксу» Иван.

— Лады! До завтра!

— Бывай!

Он сидел на кухне, возле окна и негромко перебирал струны:

— Пусть этот мир вдаль летит сквозь столетия,

Но всегда по дороге мне с ним!

Чем дорожу, чем рискую на свете я?

Мигом одним, только мигом одним!

Смотрел на подругу, которая в коротком шелковом халатике суетилась на кухне, собираясь порадовать его брюхо чем-то вкусным. Вот и сейчас присела, слушая песню, подперла кулачком подбородок, глаза задумчивые смотрят в окно. Халатик, вроде бы и одернутый ею на бедре, немедленно сполз, открывая красивую ножку со смуглой кожей.

«А под халатом у нее ничего нет!».

Потому как первый раунд их встречи прошел плодотворно, со вздохами, стонами и даже — покрякиванием, в исполнении смуглой красавицы.

«Она как будто становится все краше! Ухоженная стала, и за фигурой следит. Вот только ее шикарные волосы, сплетенные в толстую косу сейчас чуть растрепаны, но это только добавляет ей шарма!».

— Песня красивая, но... плохая какая-то. Грустная! Ты в ней... как неприкаянный.

— Почему я? Ее же другой написал, и не про меня вовсе!

— Другой написал... ну что же? Видно, и он такой же как ты был. Как будто потеряли что-то и все найти не можете... Ну что ты на меня так смотришь? — немного смутилась, поправила волосы.

— Да я вот смотрю на тебя и думаю... Ты все краше и краше становишься. Есть ли какой предел твоей красоте? До каких пор...

Она засмеялась, довольная, оправила халатик, отчего и вторая пола его тоже спала с бедра, открыв вторую ножку... И даже... кажется темный треугольник волос стал виден... между ножками.

— Ох, и что же ты со мной делаешь, ведьма? — хрипло засмеялся Иван, отставил гитару в сторону, и подхватив женщину на руки, понес ее на кровать.

— Ваня..., - так чарующе шептала она ему на ухо, — Я так ничего не смогу приготовить! Сам же голодным останешься!

— Н-е-е-т... красавица! Пусть брюхо пустым будет, зато — голодным я не буду!

Через некоторое время, отдуваясь после бурного соития, он смотрел как ее головка качается вверх и вниз у него в районе пояса. Окончательно раскрутившаяся коса прикрывала поле... «непотребной» деятельности подруги.

«Во вкус вошла... даже причмокивает с удовольствием!».

— Радость моя! — прошептал тихо.

— М-м-м..., - выпустила «его» изо рта, получилось звучно... со всхлипом, отчего Фатьма посмотрела ему в глаза и засмеялась, — Что?

— Да я... все думаю... Надо тебя замуж выдавать. Только вот... человека хорошего найти. Чтобы такое сокровище лелеял и холил!

Потискивая его «достоинство» рукой, она озадаченно посмотрела на него:

— Ты опять за свое? Сам же сказал... что у нас еще два месяца есть. Так ведь?

— Ну-у-у... да.

— Ну так... и не мешай мне... наслаждаться!

Чуть позже, уже она, отдыхая, лежала на нем, уткнувшись лицом в грудь, а он поглаживал ей ягодицы. Подруга приподнялась, посмотрела на него мутными, шалыми глазами:

— Хочешь переставить? — приподнялась, протянула руку, взялась за член.

— Лежи... отдыхай! Отдохнешь — тогда! Попрыгаешь?

— А-х-х-а... в попу?

— А ты как хочешь?

— Нет, так не честно! Скажи, как ты хочешь!

— Все честно! Я первый спросил!

— Ничего ты не спрашивал! Ты просто спросил — попрыгаешь? А куда вставить ты не сказал! Вот я и спрашиваю...

— Вот же... Женщина! Я тебе говорю — делай так, как тебе будет лучше! Я муж твой... или погулять вышел? — притворно нахмурил брови он.

Фатьма засмеялась:

— Не... не похоже! Ну и ладно... сделаю, по-своему! Только потом не говори мне, что ты не так хотел!

Подходы были и правда хорошие. Они с «Фиксой» приехали на его «таратайке», развернулись на кругу и встали чуть дальше, чем стояли остальные машины.

— Пойду... пройду, посмотрю, что тут и как, — Иван открыл дверь.

— Лады... я тогда с мужиками поболтаю, о том, о сем, — Толя кинул в угол рта мундштук папиросы, кивнул на шоферов, кучковавшихся неподалеку, — Ты, если по улице пойдешь, там дальше магазинчик есть. Ну, чтобы понятно было куда ходил, да и пивка, по случаю можно было бы глотнуть.

— Ты вот что спроси — как часто тут составы проходят. И когда чаще — ночью или днем? — дал поручение «Фиксе» Иван. Тот кивнул в ответ.

Вышел, огляделся.

«Ага... вот этот забор огорода, получается и есть задний забор дома этого поляка-бирюка. Что же он бурьян вдоль забора не скосил — чуть не выше забора стоит прошлогодние будылья? И куда смотрит квартальный, и участковый? Непорядок... Это же, когда осенью высыхает, пожароопасную ситуации никак не улучшает. Ладно, пройдемся!».

Косов был одет в свою старую одежду — пиджак, еще покойного Фрола, его же брюки, да «прохоря». Кепка на голове — как одеты подавляющее большинство «работяг». Негромко

посвистывая, и потягивая папиросу, он прошел мимо дома по деревянному тротуару.

«Забор высокий, дощатый, хрен что увидишь, что в ограде у него там. Поэтому... смотреть лучше со стороны огорода».

Дом был немного утоплен в глубину, поэтому из-за забора была видна только крыша.

«М-дя... посмотрел, тык-скыть, на месте. Понятно, что ни хрена не понятно!».

Прошелся до магазина. Ну что — обычный такой почти сельский магазин. Ассортимент — то, что необходимо местным жителям в повседневном спросе. Купил пару пачек «Норда», две бутылки пива. Отметил для себя, что пара бабок, болтавших с продавщицей, никакого внимания на него не обратили. Получается, что шоферня с грузовой и разворотных площадок, здесь бывает часто. Примелькались уже.

«Не хер здесь делать! Бум действовать, в отличие от героя Папанова, без всякого плана — как Бог на душу положит! А чего — «Авось», да «Небось» уже сколько веков русского мужика поддерживают и помогают. Неужто и сейчас от злых ляхов, и частично — «пшеков», не уберегут?».

Проходя назад, остановившись на тротуаре у забора требуемого дома, как будто задумался, потом приподнял одну ногу — осмотрел подошву, потом — другую, и негромко матерясь, стал отскребать от подошвы якобы прилипшую грязь. Поматерился немного, потом погромче, потом бухнул пару раз ногой в забор — типа злиться и пытается что-то отбить с сапога.

Удовлетворенно отметил — «Нету собачки, нету! И это очень хорошо!».

В отличие от «пшеков» брать на себя грех, кончая собаку, Косов не хотел. Животные — всяко лучше людей, а потому... не виноваты, что хозяин — мудака жадный.

Когда вернулся к машине, «Фикса», продолжавший стоять вместе с шоферами, крикнул: — Ты че там лаешься? Случилось что?

Иван, продолжая «играть», негромко выматерился, отошел к забору с бурьяном, принялся вроде как вытирать подошву о прошлогоднюю траву.

— Случилось, не случилось! Серут тут под ноги... Суки тряпошные!

Шофера услышали, дружно «заржали». «Фикса» обеспокоился:

— Ты, слышь, Ванька... Ты лучше оттирай! А то пойдешь щас в город пешим порядком! Не буду я из-за тебя в кабине говно нюхать!

— А я и оттираю! — Иван прохаживался вдоль забора, яростно шоркал подошвой о стерню, а сам искоса поглядывал через бурьян и невысокий здесь забор.

«Да и здесь ни хрена не видно! Двор от огорода закрывает еще один забор. Но забор — явно ниже, чем со стороны улицы. Если вот здесь... поставить машину... со стороны никто не увидит. Через бурьян — шасть, через забор — прыг... по огороду к внутреннему забору. Там — глядь влево-вправо, а потом — снова прыг! И вот я уже в ограде! А больше как? А что бурьян помну, дак его один хрен дождями намочит, он и сам ляжет. Следы останутся по огороду? Ну... если по меже пройти, вон — вдоль того забора... где участок пустует, то если и останутся... хрен кто и что определит! Да и нет у меня протектора на этих сапогах — как и у большинства сапог, обычная кожаная подметка!».

— Ладно, поехали уже отсюда! — буркнул он Толяну.

— Ты сапог-то отчистил? — заволновался тот.

— Да не пачкал я его! Не тупи. Мне нужно было вдоль забора прогуляться! — прошипел ему в ответ Косов.

— Ишь ты... продуманный какой! А мужики вон — до се ржут над нами!

— Пусть ржут... их дело такое — жеребьячь! Натрескаются овса, пивком «полирнут», да кобыл ищут! Поехали к Юзику. Валерьян же сказал, что можно заезжать, он уже переговорил с поляком.

«Фикса» завел «драндулет», сел в кабину и поскрежетал коробкой передач:

— С каким поляком Валерьян разговаривал?

— Как с каким? С Юзиком же! — удивился Косов.

«Фикса» засмеялся:

— Ты с чего взял, что Юзик — поляк?

— А кто он?

— Да жид Юзик, жид! Ой уморил! — потом немного успокоился и уже серьезно предупредил, — Ты смотри самому Юзику не скажи, что он — лях! Он их на дух не переваривает, гоноровых этих!

Юзик оказался седым, худым и чуть сгорбленным старичком. О принадлежности его к «богоизбранному» народу, могли свидетельствовать лишь большие поникшие уши, густо покрытые седой же щетиной, да не менее большой нос, висевший изрядной сливой.

— Ну-с, молодые люди, что Вам потребовалось от старого еврея? — мутные глаза старика уставились на них.

Косов достал из кармана приготовленный чертеж, протянул старику.

— М-да... хоть Валерьян и сказал мне, что дело... чистое, однако все же спрошу — не втянете ли Вы меня, шимазлы, в политику. Мне уже довольно лет, чтобы я хотел помереть в своей постели, а не у расстрельного рва.

«Фикса» возмутился и хотел что-то сказать, но Юзик остановил его поднятой рукой:

— К тебе, Толя, вопросов у меня нет! А вот этот... халамидник... Зачем Вам это понадобилось, молодой человек?

— Шуметь не люблю... знаете ли!

— Ага, ага... Толенька! Скажи мне, бестолочь ты этакая, а с каких пор Валерьян стал ходить по «мокрому»? У Вас что, разум помутился? С какого это испугу, Вы вдруг «масть» сменили?

— Успокойтесь, уважаемый! Ни Толя, ни, тем более, Валерьян «масти» не меняли! Приборчик этот понадобился мне. Для каких целей, Вы и сами поняли. А для какого именно дела? Так... это и не Ваше дело. Спать спокойнее будете. И смею Вас уверить... ни с какой стороны это не касается политики. Просто есть люди, который хотят «срубить» немножко денег, и, так же — немножко наказать плохих людей.

— Эх, молодость, молодость! Глупость, помноженная на самоуверенность! От Ваших «немножко» стынет в жилах, и где-то будут плакать вдовы! Чего же Вам не сидится спокойно.

— Вы абсолютно правы, мастер, что — молодость... Таки — да! И не думаю, что лет сорок назад Вы были таким же спокойным и рассудительным!

— Ой-ц... А здесь Вы правы, да! Как же Вы правы! Выходит, это я поглупел, что пытаюсь донести до юных поцев мудрость старости? Ладно... дело Ваше, где и как Вам сподручнее сложить свою пустую голову! Ну-с... объясните мне поточнее... Вот это отверстие какого диаметра предполагается?

Косов старательно и терпеливо пояснил, что и как в немного доработанном им приборе братьев Митиных. Предполагалось, что глушитель будет разбираться на три составных части — первая часть, которая одевается на ствол «нагана», заканчивалась резьбой, посредством

которой к ней была присоединена вторая часть, с одной резиновой шайбой, и двумя камерами. Потом, также на резьбе — третья часть, с двумя камерами и двумя шайбами. Отличие от Брамита, который состоял всего из двух камер и имел всего две шайбы, позволяло, по мнению Косова, еще уменьшить звук выстрела. А размеры были немного поскромнее — и в длине, и в толщине корпуса глушителя. Ну да — результат покажет, был ли Косов прав.

— Да... конструкция простая, ничего сложного в ней нет. Когда Вы хотите получить требуемое?

— Здесь, уважаемый, как говорится — хотелось бы уже вчера!

Юзик хмыкнул, снова посмотрел на Косова с сожалением:

— Я привык за годы к тому, что все встреченные мной в жизни «пиковые» были людьми... нетерпеливыми. Но, однако, они были уже люди взрослые! А если и не так, то... молодежь Вашей «масти» долго не живет! А тут я вижу... молодого человека, который, тем ни менее, уже что-то соображает головой! Жаль, конечно... но что же! Кто я такой, чтобы читать Вам нотации? Приедете послезавтра. И — не раньше!

Возвращаться в клуб не хотелось.

«А не заехать ли мне... к Леночке! Как-то не договорили мы с ней в прошлый раз, не дообщались! Раны, причиненные молодому, растущему организму юной балериной Танькой, не позволили плодотворно сотрудничать с госпожой Завадской! Вот и наверстаем!».

Иван, задумался, и ехал сейчас, улыбаясь, вспоминая Завадскую в роли медсестры, оказывающей медицинскую помощь ранбольшому.

«Эвелина Блédанс, мать ее! в «Маски-шоу»».

«Фикса» поглядывал на него периодически, потом не выдержал:

— Слышь, Чибис! Вот не пойму я тебя... Раньше приходилось мне «кентоваться» с некоторыми из Ваших, «пиковых». И вот что я скажу... они все были немного с придурью. Да и особым умом не отличались. И сейчас смотрю на тебя... дело такое предстоит... грязное, и опасное. А ты едешь вон... лыбишься! Как будто... к теще, на блины собрался!

— И чего? Что мне теперь — заранее помирать, если дело грязное и опасное! Толя! В Библии написано — «Будет день — будет и пицца!». Так что раньше смерти — не помрешь! И не хрен начинать. А когда б не помирать — один хрен, день терять! Да и... насчет ума и придური... Вот ты Шрама знаешь? У него что — ума нет, или придური много?

«Фикса» подумал, пожевал губами:

— Шрам... Это случай особый! Я с ним близко не знаком... так только — издали видел, да когда он к Валерьяну заскакивает. Но я всегда в таком случае — ухожу. Меньше знаешь — крепче спишь! Да и Шрам... опасный он тип.

Косов ничего не стал отвечать на «спич» подельника. А тот еще некоторое время сидел, крутя «баранку» и чуть слышно что-то бормотал.

Здесь, уважаемые читатели, вновь начинается отрывок Главы, который многие ждали... А многие — будут плевать и ругаться на автора! Но, как говорится — «Из песни слов не выкинешь!». А что «песня» у меня такая выходит, так, то... на любителя! Хоть неказистая, зато — своя! А если не нравится? Придумайте песню лучше...

Перед дверь Завадской, он осмотрел себя, охлопал штаны, оббил, как мог пыль.

«Видок у меня, конечно... Босота с раёна!».

Завадская открыла дверь и удивленно замерла. В халатике, с прической, в домашних туфлях, она все равно оставалась — дамой.

— Ваня? Ой как неожиданно! — удивление сменилось явно видимой радостью.

— Здравствуй, душа моя! Ты одна? Или... может я не вовремя?

— Ну что ты? Ты очень даже вовремя! Даже сам не представляешь — как вовремя! Проходи, проходи!

Он прошел, закинул кепку на вешалку, приобнял подругу и смачно поцеловал ее в полные красивые губы.

— Ты извини... я в таком виде.

— Да я уже удивилась, что ты — как босяк одет? Откуда такой?

— Да... по делам катался тут! Ванну у тебя принять можно?

— Ну конечно можно! Даже... нужно! — Елена засмеялась.

«Умеет же она так смеяться — низким, хрипловатым голосом. Аж мурашки по спине, и в штанах сразу что-то шевелиться начинает!».

Он стягивал с ног сапоги, присев на «банкетку» у входа, когда услышал негромкий голос:

— Ну здравствуй, Ваня!

Поднял голову. В дверном проеме, ведущим в зал, стояла, опираясь о косяк Ритка. Тоже в халате. Недлинном. Ножки красивые, чуть скрещены.

«Блядь! Похоже — встрял! М-да-а-а... Сколько не отлынивал от обещания... Сколько ни «кормил завтраками» ... И все-таки — встрял!».

Судя по всему, его мысли были явно написаны на его лице, потому как Рита хищно потянулась, негромко засмеялась и протянула:

— Ну что... попался, Ванечка?

Косов непроизвольно шмыгнул носом. Получилось смешно. Завадская засмеялась:

— Р-и-и-и-т... ты чего его пугаешь-то? Сейчас еще сбежит! Подождать надо, пока разденется, ванну примет... И вот только тогда...

Женщины засмеялись.

«Отдохнул, мля... душой и телом!».

Одна из самых распространенных фантазий у мужчин — яркий секс с двумя красивыми женщинами. Сколько таких сюжетов снято в порно, сколько «влажных мечт» такого характера посещает мужчину в любом возрасте. В теории-то любой мужик — что ты! «Вот если бы... то я бы... у-у-ух!».

А если на практике?

Вот и у Косова... хотя — тогда еще Елизарова, не было такого в реальности. Все представляешь — как бы это могло быть? Все прикидываешь среди своих знакомых дам — а вот если бы... вот эта... а еще и вон — та! Но... в жизни все не так как в действительности.

И вот сейчас... ага.

«Ну и что? Рад? Доволен? А вот... хрен его знает! И не то, что — боязно, нет... И даже физически знаешь — здоровье не подведет, все будет работать как надо! Но... но... но... Есть такое опасение — не соответствовать ожиданиям женщин! И это очень здорово тормозит мужчину. Если он, конечно, не полный мудака, который заботиться только о себе! А как? А что делать? В теории, конечно... ага! Вон Лысый из «Браззерс» что вытворяет. Умеет, сука лысая — не отнять! А ты? Ты сможешь? Остается только себя успокаивать — не попробуешь, не узнаешь!».

Иван скинул пиджак на вешалку, сунул ноги в тапки, прошел на кухню, закурил, открыв форточку. Завадская зашла следом, остановилась, уперевшись попой о стол. В двери заглянула Ритка. Елена сделала ей «страшные» глаза, скорчила гримаску — «скройся!». Та хмыкнула, но вышла.

— Вань! Ты чего такой смурной? Случилось что?

Затянулся посильнее, выпустил дым:

— Да нет, все нормально! Только..., - повернулся к ней, развел руками и шёпотом, — Лен! Я не знаю... как это все делать. Оттого мне... не по себе! Просто... у меня никогда такого не было! Вот!

Она удивленно подняла брови, потом хихикнула, прикрыв рукой губы, подошла к нему поближе:

— Ваня! Ты чего... боишься, что ли?

Косов развел руками, скорчил морду:

— Ну... не то, что боюсь... просто... не знаю.

Она опять засмеялась, обняла его:

— Слушай... ты не перестаешь меня удивлять! То такой... самоуверенный кобель! Все знает, все умеет. Баб меняет, как перчатки. А то вот так... как мальчишка.

— Ну... с двумя женщинами... тут я точно девственник.

Она расхохоталась:

— Девственник... Мальчик! — погладила его по щеке.

— Опять так... называешь? — насупил брови Иван.

«Ага... в тот раз... она специально так дразнила его, дразнила. А потом... стоя на четвереньках, стонала и изгибалась, как змея! Просила — чуть медленнее, не так глубоко, больно! А стоило, чуть успокоившись, начать нежнее... и сразу просила другое — резче, сильнее, не жалея меня!».

— А что опять? Мне тот раз очень понравился! Ты был такой... грубый, сильный... Сам же видел — я текла как сука! Ах, как я тогда кончала! — Завадская закатила глаза, — Давай повторим?

— И попа после не болела?

Лена засмеялась:

— Ну-у-у... болела. Ну и что с того? Это — пройдет, а воспоминания...

— А Ритка у тебя в гостях? Вы что-то планировали? Или я помешал?

— Ну... планировали, да. Но — не помешал! Наоборот — так даже лучше! — Елена прижалась к нему, куснула за губу и прошептала, — Ритка и правда тебя уже давно хочет! А уж мои рассказы... а тут и эта сучка зубастая! Ха-ха-ха... знаешь... мне пришлось приложить усилия, чтобы успокоить Риту, а то я боялась, что она Таньку вообще удавит!

— А вот... Танюшку — не смейте обижать! — Иван прихватил Лену за попу по сильнее, — А то сейчас... как ущипну!

И снова смех подруги:

— Не надо... не щипли. От этого синяки остаются, а это... не красиво! Все, иди, мойся. Я слышала, Ритка уже котел снова растопила. Мы-то уже принимали ванну, до твоего прихода. Обмойся, а пока мы что-нибудь тебе перекусить приготовим.

— Вы что, вдвоем ее принимали? И как Вы туда поместились? — в мыслях Косова заиграла красками картинка из разных фильмов — «две красотки принимают ванну, ну... и занимаются там разным... «непотребством».

Лена засмеялась, щелкнула его по носу:

— Совсем уже? Там же и места мало, да и... неудобно в воде-то? Что же, у меня кровати нет, что ли?

Иван прошел в ванную, быстро разделся, пустил воду, задумался:

«А и правда? Чего я «стремаюсь»? В крайнем случае — буду вести себя как обычно. Все внимание уделю Леночке. А Ритка... а Ритка пусть довольствуется объедками!».

Попробовал ногой воду: «Прохладненькая! Нагреться не успела!». Шипя и поскуливая, забрался в воду, стал намыливаться. Услышал, как приоткрылась дверь.

«Леночка?».

Но тихий смех не был похож на Завадскую. Прищурившись, приоткрыл глаз.

«Ритка! Не терпится, что ли?».

— Ты не против? Может помочь чем... спинку там потереть?

«Можно подумать, если скажу — против! она обидится и уйдет!».

— Ну-у-у... если хочешь, можешь и потереть... спинку! — и Косов протянул рыжей намыленную мочалку.

Она немного удивилась, но все же взялась натирать ему спину.

— Ой! Вода же совсем еще холодная! Ты как моешься-то? Мог бы и подождать немного.

— А это, Риточка, я специально так делаю...

Она хмыкнула:

— А... зачем?

— Ну... в холодной воде... у мужчин все съезживается, и на какое-то время он становится небоеспособен! Вот! Предупреждаю свое возможное возвращение!

Рита расхохоталась:

— Ой, не могу... Ты думаешь, мы не сможем тебя привести в чувство?

Она наклонилась над ним. В разрез халатика смачно выперлись две хорошие такие... даже чуть сосок стал виден... левый. Коричневый на молочно-белой коже. Косову пришлось сглотнуть и отвести взгляд. Рита оперлась о край ванны, приблизила свое лицо к нему, и — глаза в глаза:

— Ваня! Я так долго этого ждала..., - а потом поцеловала... очень нежно, — И знаешь... мне непонятно... почему ты так ко мне относишься? Я так тебе не нравлюсь? Или обидела чем?

Она развязала пояс, откинула полы халата, а потом и сбросила его совсем. Повернулась:

— Что... не нравлюсь?

Черное белье на белом теле. Белье классное. Похоже, Александр из ателье «включил» фантазию и стал творчески дополнять предложения Косова. И фигура у Ритки была очень красивая. При ее росте, телосложение... ну можно сказать — идеальное.

«Только вот это сочетание... молочная кожа и медные волосы. А еще... веснушки по всему телу. Много!».

— Вообще-то... мне смуглые больше нравятся. Г-к-х-м... И с самого начала... ты как-то повела себя... высокомерно, что ли? И на Фатьму... наезжала!

Она, не одевая халата, присела на корточки возле ванны, снова приблизила свое лицо к нему:

— Смуглые, говоришь... Как Фатьма? А как же Лена? Она же не смуглая. И перед Фатьмой я уже давно извинилась. Хотя... и предупредила ее, что все равно тебя попробую. А сейчас... дай-ка я посмотрю... оставила ли Танька нам что-нибудь. Или все сгрызла...

Ритка сунула руку в воду и беспардонно стала наглаживать его член, бралась за него, как за свое, стискивая и чуть подергивая.

— О-о-о... да нет. Жив солдат! И реагирует правильно. Так что твой трюк с водой не вышел! Давай я тебя обмою, и пошли перекусим. Кофе выпьешь... спать я тебе сегодня не обещаю.

Она была и груба, и ласкова одновременно. То — очень нежно поглаживала его, то стискивала чуть не до боли. И член, и задницу, и бедра. Особенно больно тянула за соски.

«Да, еще одна... не совсем адекватная! Ну-у-у... хочешь грубо? Ай, бля... Будет тебе грубо!».

Иван вылез из ванны, стал обтираться поданным Риткой полотенцем. Потом откинул его, повернулся и грубо подтянул к себе женщину:

— Хочешь за щеку? — и тоже — глаза в глаза!

Ритка, не открывая взгляда, облизала губы и прошептала:

— Хочу... Очень хочу! Только... сначала Елена. А я... просто посмотрю... сначала.

— А полизать ей хочешь?

— И полизать хочу... Все хочу! Только... потом... второй буду. Так Лена... попросила.

Иван грубо поцеловал ее, буквально вцепился в губы. Ритка застонала, а когда он отпустил ее, сказала:

— Вань... ты ошибаешься. Грубо... это Лене нравится. А я... по-другому люблю.

— Ну, где Вы там?! — послушался требовательный голос Завадской, — Марго! Ну в чем дело? Или собралась все сливки снять? Идите к столу...

Ритка засмеялась и повторила, глядя на Косова:

— Сливки снять... Дашь мне попробовать... своих сливок?

— А это ты с Леной договаривайся... Самые первые сливки — самые вкусные, да?

Женщина улыбнулась, снова облизала губы и ничего не ответив, подхватив с пола халат, вышла из ванной.

Они сидели рядом за столом — Лена и Рита, попивали кофе и смотрели, как Косов жадно поглощает бутерброды, запивая их чаем. После ванны что-то аппетит проснулся! Лена покурировала, с улыбкой глядя на него.

— Хватит лопать! — прошипела Ритка, — Как с голодного края! Лучше кофе выпей... побольше. Ты знаешь, Лен, похоже этот парнишка решил нас с тобой сегодня «прокатить»! Сначала он воды холодной в ванну напустил, говорит — «чичирка» съезится и ничего у Вас не выйдет! Теперь вот... лопают, как в последний раз. Сейчас обожрется, станет сонным и вялым!

Завадская засмеялась:

— Ну... это он зря! Все равно ничего у него не выйдет! Куда ему против нас, таких красивых и умелых? Да если и так... Что же нам, Марго... разве вдвоем будет скучно? Хотя... Вань! Ты это брось, если чего задумал. Спать там завалится... Мы так долго ждали... Не обижай!

Потом он пил кофе с коньяком, курил.

«Не... однозначно — Елена красивее! И фигурой, и лицом. Ритка... она какая-то вся хищная. И более поджарая, мускулистая! Во! Ей бы в том «Ван Хельсинге» играть — типаж один в один!».

Когда Завадская пошла в зал, Ритка снова наклонилась к нему:

— Слушай! А может... тебе порошочка дать? Ну... как Лена иногда — носик

припудрить?

Косов отмахнулся:

— Не! Не пробовал этого никогда, и не собираюсь! Как говорится — не жили богато, и не хер начинать!

Ритка удивилась:

— Что? Вообще никогда не пробовал?

— Ну... шалу курил как-то... «гаш» — тоже. А марафет — нет, и не предлагай!

Он зашел в зал, подошел к стоящей у радиолы Елене, приобнял ее за плечи сзади:

— Сударыня! Не соблаговолите ли пройти... в койку?

— Фу-у-у, Ваня! Какое начало, и такое окончание! Фу!

Он развязал ей пояс халата, снял его с ее плеч, стал целовать ей плечи, шею. Протянул руки и стал поглаживать груди, потом чуть стянул бюстгалтер, и потерев ногтями соски. Лена охнула, и выгнувшись, уперлась попой ему в пах.

— Что, хорошая моя... Прямо здесь? — он засунул одну руку ей в трусики, стал активно ее ласкать там.

Она застонала, оперлась руками о тумбочку, потом встряхнулась, выпрямилась:

— Пойдем все же в спальню!

Он, не давая сделать ей ни шагу, подхватил ее на руки и понес на кровать. Где была в этот момент Марго — он даже не думал. Да и забыл в тот момент он про нее, как и не было Ритки в квартире!

Положил подругу на кровать, скинул с себя полотенце, намотанное вокруг пояса. Встал над ней на четвереньки и начал целовать — сверху вниз! Сначала губы, потом шея и ушки... Плечи, переход на груди... соскам — особое внимание! Посасывал их, прикусывал, прислушиваясь — как реагирует женщина. Леночка реагировала хорошо, правильно реагировала! Потом пошел ниже. Животик. Тут тоже задержался, действуя то языком, то целуя, а то и прикусывая... слегка. Дальше... дальше — бедра. По внешней стороне — прошлись руки, по внутренней — язык и губы. Вернулся наверх, просунул руки Лене под спину. Она поняла, приподнялась на локтях, позволяя снять бюстгалтер. Вот здесь уже — более предметно уделил внимание грудям. И руки, и язык, и губы. И даже — зубы... но только чуть-чуть, слегка.

И снова вниз... Она сама приподняла бедра, помогла стянуть трусики. И здесь он остановился надолго. Как говорил товарищ Жеглов: «Здесь у него любовь с интересом! Здесь у него — лежбище!». Все так и есть, только с другим смыслом.

Просунул руки под ножки, приподняв тем самым и ноги, и чуток — попу. Руки двинул дальше — к персям! И захватил каждой по соску — прижав их между пальцами. Женщина уже давно постанывала, чуть подрагивала всем телом. Воздействие на соски запустило процесс напрямую — к финишу. И «нижние» губы... ага — тоже чуть прижмем сильнее. Только уже своими губами! Перемежая это с ласками языком... этой горошины. Хотя какая это горошина? Это уже... тоже язычок. Правда совсем небольшой. Подбородком, шеей и даже грудью чувствовал, как обильно текла подруга. Еще чуть-чуть... Вот! Она начала приподниматься на ножках, изгибаться, всхлипывая. А потом и сжала его шею ножками... утробно зарывав.

Иван не ослабевал в напоре до тех пор, пока она не задергалась. Судорожно вскрикивая. И только сейчас заметил, что в углу спальни, в кресле... сидит Ритка. Сидела Рыжая с широко раскрытыми глазами, вцепившись в подлокотники, и крепко сжав ножки. Так

крепко, что подрагивала от напряжения.

«Бедолага! Как ей сейчас не хватает... тактильного воздействия! И когда только сюда просочилась? Да тихо так, я и не заметил!».

Косов решил немного похулиганить, подразнить... Он чуть приподнял голову, подмигнул Рите, и дождавшись ее внимания, приподнял правую руку и быстро-быстро начал сгибать-разгибать средний и безымянный пальцы, выпрямив остальные.

Марго сначала непонимающе всматривалась, потом фыркнула и прошептала одними губами: «И без тебя знаю!». Потом немного помедлила, но все же раздвинула ножки и сунув руку в трусики, чуть слышно простонала, а потом — показала язык Ивану, усмехнувшись.

«Вот же... А она — ничего, с чувством юмора девка! Как там было — «Сработаемся!».

Лена тем временем, немного успокоившись, запустила пальчики ему в волосы и негромко прошептала:

— Еще хочу! Ванечка! Давай еще!

Второй раз... он труднее, а значит действовать нужно уже понапористее, поглубже. Здесь уже и пальцы внутрь пошли... а потом... и в попку! Сначала один... потом и второй! Здесь Лена стонала-кричала, не сдерживаясь. Когда она затихла во второй раз, Косов, подняв голову, мотнул Ритке — «Подменить не желаешь?».

Но Завадская всхлипнула, замолчала, а затем подрагивающим голосом предложила:

— Пойдем... покурим, а?

На кухню вышли втроем. Причем ни он, ни Лена не одевались, так и курили гольшом. Ритка была в распахнутом халате, но трусиков на ней не наблюдалось. И ножки изнутри тоже поблескивают, влажные...

— Ну как, подруга? Умеет? — с улыбкой спросила Завадская.

Та тихо ответила, глядя на огонек папиросы:

— Умеет...

— Вань... Давай ты сейчас... с Ритой. А я чуть отдохну, полежу... Посмотрю на Вас.

Они выпили по рюмке коньяка, еще покурили.

— Рит! А ты чего терялась-то? — со смехом спросила Лена, — У Вани же... агрегат простаивал. Ну и занялась бы с ним!

— А я не могла... Я сама... кончила.

— Правда? А я и не заметила! — удивилась Елена.

— Так как бы ты заметила, если блажила во все горло, как мартовская кошка? — засмеялась Ритка.

Женщины расхохотались.

— Только... по-нежнее, Ваня! — попросила его на ухо Марго, когда они с ней начали обниматься-целоваться на кровати. Лена лежала рядом — руку протяни, но пока не вмешивалась.

«Какие у нее темные «нижние» губки! Темно-коричневые, почти черные... Хотя у нее и соски — коричневые. А она и правда... нежнее здесь. Поменьше размером, чем Лена!».

В какой-то момент Косов почувствовал, как его руки с грудей Ритки убрали и кинул взгляд выше. Лена очень нежно, только кончиком языка, наглаживала подругу. А вот поцелуй у них вышел очень страстный, как бы... не более, чем с Иваном.

«Прям... на зависть поцелуй у них!».

Он уже давно чувствовал дискомфорт у себя в паху.

«Перестоял, мля!».

Но опытная Завадская не упускала ситуацию из вида.

— Ванечка! Ложись на спину... Теперь наша очередь!

Они здорово это делали... каждая по-своему, но — здорово! Ритка — поглубже, Леночка — очень нежно, очень! Иногда поглядывая вниз, он видел глаза то одной женщины, то — другой. И это очень... очень заводило! Хотя... казалось бы — куда сильнее-то!

«Ритка! С-с-с-учка! Рукой передавила ствол... видно — оттягивает момент, не хочет так быстро... а я уже... все!».

В последний момент он услышал, как Лена шепнула:

— Рит! Кто?

— Давай ты... Только дашь попробовать.

Вьщедали его... насуху. И здесь он уже не разбирал, как менялись губы женщин, как с «чмоком» они охватывали его, как горячие языки ходили вверх-вниз по всей длине. И даже когда он начал опадать, ласки их продолжались. Правда, были уже не так интенсивны.

Когда дыхание его начало восстанавливаться, Ритка не хуже матерого старшины скомандовала:

— Десять минут на оправку и перекур! Время пошло! Не лежим, не лежим, желудки!

— Откуда в тебе эта военщина, Ритуля? — простонал Косов.

Ритка, смеясь, потянула его за руку с кровати и шлепнула по заднице:

— Пошли! Не лежи. А то сейчас еще в дрему начнешь впадать!

Он догнал ее уже в дверном проеме, остановил, схватив сзади и пропустив одну руку между ног, а второй — крепко взял за грудь. Притянул к себе, и спросил на ушко:

— Я тебя не разочаровал?

Ритка засмеялась:

— Пока нет... но это же только первый акт! Смотри — не разочаруй во втором, и в третьем!

Второй, как выразилась Ритка — акт, неожиданно для него, женщины решили начать сами. Зайдя в спальню, они начали целоваться, сначала вроде бы в шутку, поглядывая на него, но потом — все активнее и... слаще.

«А что... так даже интереснее! Где бы я в живую увидел лесби-шоу?».

Иван устроился поудобнее в кресле. А дамы, казалось бы, не обращают на него никакого внимания. Увлечлись друг другом в позе «шестьдесят девять! Ритка — сверху.

«М-да... а она в этом, похоже, мастерица! Опыт... Мне до нее — учиться и учиться! Вон как Ленку завела!»

Ан нет! Не забыли про него! Ритка, зараза такая, приподняла голову, с усмешкой посмотрела на него, и, подмигнув, свела пальцы «стаканчиком», покачала рукой — «верх-вниз».

«Это она что, предложила ему... самому управляться? Ах ты ж!».

Косов, уже и так пребывавший «на взводе», поднялся, и присел на край кровати.

«К Леночке? А вот — нет! Сначала... отвлечем Риту!».

Приподняв Рыжей голову, он подставил ей... предмет своей гордости. Ритка чуть слышно засмеялась, но не отказала в ласке, продолжив ласкать подругу пальчиками.

«А хорошо она это делает, умело!».

Ритка отстранилась, показала глазами, что ему стоит заняться Леной. Даже... помогла вставить. Леночка сразу громко застонала, как будто только этого и ждала. Начав медленно, он постепенно наращивал темп. Рыжая внимательно смотрела, переводя взгляд с... «поля

боя» на него, казалось, что что-то хочет высмотреть в его глаза. Заводило это Ивана — «нипадецки»! Потом Марго поднялась, села на колени и обняв его за шею, страстно поцеловала. Губы ее пахли Ленкой. Пришлось волей-неволей чуть ослабить напор на Завадскую. А Ритка снова отстранилась, посмотрела ему в глаза и показав пальчиком, шёпотом пояснила:

— Переставь... Ей будет приятнее!

— Крем нужен... смазать...

Она засмеялась:

— Да что там смазывать? Там и так... смазки хватает! Давай... я тебе помогу, сама переставлю...

Лена застонала уже в полный голос, прикусывала себе предплечье.

— Ты только не торопись... Сделай ей приятно... Умотай ее!

Сама Рыжая активно помогала в «уматывании» подруги — то ласкала освободившееся «место» пальцами, то разворачивалась и «взасос» целовала Лену. Когда та выбилась из сил, кончив толи два, толи три раза, и только тихо постанывала, Ритка подползла на коленях к нему, поцеловала-укусила за губы и, горяча его ухо своим дыханием, потребовала:

— В рот! Слышишь... мне в рот!

Они лежали, отдыхая, обнимали с двух сторон Завадскую.

— О-о-о-х... изверги. Как же Вы меня... А как же это было хорошо! — Елена приподняла голову, посмотрела еще мутными глазами сначала на Ивана, а потом на Ритку и спросила:

— Ну что, Рит? Будешь пробовать?

Та, не вытаскивая головы из-подмышки подруги чуть слышно ответила:

— Боязно что-то... Вон у него какая елда!

Завадская засмеялась:

— А мы тебя хорошенько поласкаем. Да, Иван?

— У-гу...

— Лен! Может... пусть это тебе остается? — опять подала голос из спутанных рыжих волос Марго.

— Что — правда боишься? Ну-у-у... как хочешь. Не пожалей только потом...

У них был и третий акт. А потом, после перекуса и небольшой выпивки — четвертый. Этот — был целиком заполнен Рыжей. Леночка же простонала, что ей довольно на сегодня. А вот Рыжая — бесчинствовала, показывая чудеса растяжки и акробатики.

«Огонь-девка! Чистый огонь! Только вот жаль... что в попку так не рискнула!».

Утром женщины разбудили его, когда сами уже встали, провели все мероприятия утреннего моциона, и даже приготовили завтрак. Наспех Косов обмылся, привел себя в порядок.

Сидя за столом и поглощая яичницу, он чего-то невпопад «угукал» на вопросы женщин, пытаясь досыпать сидя.

— Вань! У тебя глаза, как у кролика красные! — засмеялась Марго, — Лен! Вымотали мы его до доньшка!

— Да я и сама, признаюсь, подруга... Что-то усталая какая-то... Только это такая сладкая усталость, что прямо... приятно так!

Уже провожая его в дверях квартиры, Ритка шепнула ему на ухо:

— А может... встретимся как-нибудь вдвоем, а? Ваня?

— Понравилось?

— Да... только... хочу вдвоем с тобой. Только — вдвоем! Пообещай, а?

— В общем, Ваня, расклад такой...

Толян сейчас был серьезен. Еще в прошлый раз, в разговоре, Косов предложил «Фиксе» перейти с кличек на имена:

— Мы же с тобой серьезные люди, не так ли? Ну и чего мы тогда, как босяки малолетние, будем друг друга по погонялам кликать?

Так и договорились.

— Была у нас здесь проездом бригада одна. Ну как бригада? Чисто — табор. Цыганский. Только не весь такой табор... ну — знаешь, как бывает: кибитки, свора цыганок всех мастей, орда голопузых и грязных цыганят. Нет, тут такие, серьезные все люди. Какие уж у них дела — то дело не мое. Так вот... Валерьян их старшего, ну, значит — баро, знает. Чалились вместе или еще как. Вот он и попросил, значит... Покрутиться там, возле дома этого бирюка. Они, как велено было, приоделись под туркестанских цыган... Вот веришь-нет, так мне-то как-то невдомек — какие там различия. Но видно им эти различия известны. Есть там у них... что-то вроде разведчиков, или оперов ментовских, кто, значит, умеет смотреть и слушать, да спрашивать. Вот они и прогулялись... и с соседями пообщались, вроде как продавали там что-то... толи чего-то кованое... кузнецы-то у цыган бывают неплохие. Или что из чеканки... Да хрен их знает! Может какие платки бабам продавали... Так вот... Бирюк этот работает сторожем, на складах, неподалеку от своего дома. Гости у него бывают... И вроде бы... но это неточно, ждет он их... со дня на день!

— Отчего такой вывод? — Косов, внимательно слушает, покуривая, и разглядывая в лобовое стекло редких прохожих. А чего им быть не редкими, если с утра дождь как зарядил, так и не перестает моросить, шлепая сейчас по крыше машины.

— Там цыганка одна... ну ведьма — точно! В общем, она разговорила соседку бирюка. Тот эту соседку вроде как обманул. Как говорится — поматросил, да и бросил! А эта бабенка, значит, видно замуж за него собралась... да не вышло! Вот она и рада... вывалить всю подноготную.

«Все-таки правильно говорят — нельзя оставлять за спиной обиженную женщину! При случае — обязательно нагадит!».

— К-х-м... а потом эта бабенка... когда бирюк с гостями вдруг... помрет скоропостижно... или еще чего... Эта бабенка уже операм будет петь, что, дескать, приходили цыгане, расспрашивали чего-то, крутились тут... А от цыган — к нам тропка будет, не? — посмотрел Косов на Толяна.

— Ты, Ваня, как не слушаешь меня! Говорю же — цыгане приоделись, как туркмены эти. Знают они эти все одежды. Так что — не цыгане там крутились, а туркмены. Да и еще... Не думаю, что баба та вспомнит, о чем с ней эти чурки разговор вели.

— Это почему? Не хочешь ли ты сказать, что они ее — того? Бритвой по горлу и колодец? — хмыкнул Иван.

— Ты, Чибис, все же — точно из «пиковых»! У Вас там... безголовые все! Только и знаете — бритвой по горлу, или в башку с «волыны» бахнуть! Я же тебе говорю: цыганка та — ведьма! Она, говорит, так эту бабу заболтала, что и не вспомнит дурочка, о чем речь шла!

«Ну так-то да — бывает такое у цыган! Заболтать, «запудрить» мозги, сделать свое дело — а человек потом и сам не помнит, о чем говорили, что делали, почему он без денег

остался!»).

— Ведьма... ведьма! В «уголовке», чай, тоже не дурачки сидят. Разговорят бабу и все тут.

— Не, Ваня... Ты просто с этой «ромалой» не общался. Там и правда... Даже мне с ней разговаривать не по себе было!

— Что, страшная такая?

— Да брось ты! Наоборот — красотка! Представь — лет тридцать всего, красивая — страсть! А уж глазами как ожгет — аж мороз по коже! Баро их так и сказал Валерьяну — лучше нее никто с людьми не поговорит. Говорит — она и мужика-то любого вокруг пальца обведет, а уж про баб — тут и говорить нечего! Только вот... ух! Я бы с этой красоткой... Только... что-то боязно, даже если бы она согласилась! Ты, Иван, ее не видел — правда ведьма! А еще двое парней... так... при ней в качестве свиты были. Глаза отвести, товар носить...

— Ну так что там... по бирюку нашему.

— Ага... по бирюку...

«Видно и впрямь что-то в этой цыганке есть, если Толя так на ней подзавис!»).

— По бирюку, значит... Так вот! Со дня на день... Продуктами они подзакупился! И в «сельпе» ихнем, и еще было видно — съестное в дом нес! Соседка эта все пасет его, за ту обиду! А на хрена ему столько продуктов на одного? А если гости позже приедут — пропадет же все! И этих... ляхов эта соседка видела. И не раз! Говорит — последние пару раз двое их было. Представительные такие «мусчины»!

«Представительные? Представительные — это «гут»! Представительные — это значит, чтобы к ним в пути вопросов меньше было. Постовые на вокзалах, проводники в поездах... Логично, что к представительному человеку будут меньше придирааться, а то — и вообще не будут! А вот если были бы молодые... или урки явные, или «борзота» какая-нибудь... тут и ретивый постовой может прицепиться! Но представительность — это значит возраст, и реакция хуже... и «физиуха» не на том уровне! Хотя... «железки» при них точно будут! А может и «ксивами» какими-то прикроются «пшеки»!»).

— Что еще? — Иван повел рукой, предлагая Толе продолжить рассказ.

— Ага... Живут они, как правило, у бирюка три-четыре дня. Бывали и чурки какие-то... не то раз, не то — дважды она видела их. Обычно — втроем приходят. Ненадолго. Час-два и назад уходят.

— Ведьма эта... додумалась про хату бирюка что-то спросить?

— А то, как же! Говорю же — ведьма! Все знает, обо всем расспросила! Хата... значит. Дом пятистенок...

«Ну — это я сам видел!»).

— Дом пятистенок, комнат, значит две. Первая — большая кухня, со столом, печью и кроватью. Вторая, получается, горница. Две «шконки» хороших, стол, да комод. Шкаф платяной. Вроде все!

— И что? Никого у этого бирюка больше не бывает?

— Баба говорит — что нет. Бирюк... он и есть бирюк!

— А что он про «полькИх» соседям говорит? — поинтересовался Косов.

— Да толком и ничего! Обмолвился как-то раз... толи бабе этой, толи — вообще в магазине, что, дескать, знакомцев на постой пускает, когда те по производственной части к нам в город приезжают.

— Ага...

«Особо лучше и понятней не стало! Ну да ладно... За неимением кухарки... ага — дворника!».

Иван задумался. Крути-не крути, а за дело — взялся!

— А что, Толя, цыгане эти — надолго к нам в город? Не прихватят их за что другое «легавые»?

— Да нет... свалили они уже. Говорю же — проездом были!

«И что-то грусть такая у парня? Видно — запала эта цыганка ему в душу!».

— Ладно, Толя! Поехали к Юзику, что ли?

Старый Юзик встретил их со вздохом.

«Ну да... мы хоть и званы, но все одно — хуже татарина!».

— Вот, молодой человек... Извольте видеть — заказ Ваш готов! — Юзик протянул Косову завернутый в тряпицу продолговатый и круглый предмет.

Иван развернул, осмотрел.

«Вот не знал бы — решил, что заводское изготовление! И сделано все аккуратно, и покрашено в черный цвет!».

Глушитель был немного короче Брамитовского, и существенно уже.

«Ну так сам на чертеже такие параметры задал!».

Косов повертел глушитель в руках, оценил аккуратность изготовления, раскрутил на составные части, осмотрел изнутри.

«Не придерешься!».

— Стесняюсь спросить... А — опробовали?

Старый вор пожевал губами, снова вздохнул.

«Скорее всего у них и опробовать-то не на чем!».

Но Юзик снова удивил Ивана:

— Что могу сказать... Вы сейчас только пробовать не вздумайте! Звук глушит хорошо. Но — не идеально! Получается примерно вот так! — и старик хлопнул пару раз в ладоши, сложив их лодочкой, — И вот еще что, молодой человек... шайб этих, резиновых, хватает на десять... край — на пятнадцать выстрелов! Потом звук становится звонче! Если Вам нужно...

Юзик отошел к столу, выдвинул ящик, достал и высыпал Ивану на ладонь еще штук десять резиновых шайб.

— Про запас, так сказать...

— Ага... сколько я Вам должен, уважаемый?

— Пол косых...

«Ни хрена ж себе у него расценочки!».

Похоже удивление вылезло на лицо Косова, так как Юзик сразу разозлился и повысил голос:

— А чито Ви хотели, юный поц?! Чтобы старый Юзик работал за так? И еще неизвестно, чем все это закончится!

Косов успокаивающе поднял открытые ладони перед собой:

— Ну что Вы, право-слово! Я же ничего не сказал! Зачем же так возмущаться, нихбад Юзик!

Старик успокоился, пожевал губами:

— Еще иврит знает... Давай «бабки» и уе... уходи, шпимазл!

Рассчитавшись и засунув глушитель во внутренний карман пиджака, Косов с «Фиксой» вышли на улицу, к машине.

— А ты чего — по-ихнему говорить можешь? — с интересом спросил Толя.

— Нет... так только — несколько слов!

Не рассказывать же, что в прошлой жизни Елизаров был большим поклонником еврейских анекдотов, одесских приколов, и даже знал слова самых известных песен. Ну... по крайней мере — «Семь сорок» спеть бы смог.

— Так... что еще мы забыли? — раздумывал Косов, — Да... кстати! Мы так и не решили... как зачищать все будем? Самое простое — поджечь дом... только как-то... не очень это мне...

— Не... не надо этого! Мы с Валерьяном уже обговорили. Ну устроишь ты пожар, и что? Сразу и внимание привлечешь! Сам представляешь — тут и пожарные, и менты подскочат. «Жмуров» один хрен найдут потом. А там... еще и «лепилы» в «анатомке» пули наковыряют. Не... не надо такого!

— М-да... ну и что Вы решили?

— А увезем мы их... Как ты все... «обстрипаешь», заходим тишком, выносим холодных через огород... ну — туда, где ты в тот раз говно с сапога вытирал. Я машину подгоню поближе... в кузовок их, брезентом накроем, да и увезем. Ночью там машин немного стоит, и те — все ближе к грузовой площадке. Даже если разворачиваются — фарами до огорода не добьют. И от соседей никак не увидишь — все бурьяном заросло, да еще и забор закрывает.

— Ага... а потом?

— А потом... есть тут одно местечко. Тришкина пристань называется... Там раньше причал небольшой был. Это версты три-четыре от города. Сейчас-то никто уже туда не ездит, а раньше — да... Дорога какая-никакая туда есть. Железюку за ноги... и в воду. Там глубоко... говорят.

— Натопчем... на огороде-то! — засомневался Косов.

— Ну и че? Дождь пройдет и замочет все! А пока — внутри дома чуток приберемся. Чтобы в глаза сразу ничего не бросилось. Двери дома — на замок. Бирюк, как соседка эта говорит, частенько дня на три-четыре пропадает. Толи «маруха» у него где-то есть, толи еще зачем-то... А потом... А потом — суп с котом! Я, как дело сделаем, рвану отдохнуть... Куда-нить на Юг, к морю теплему!

«Ага! Пошью костюм с отливом, и — в Сочи!».

— Э-х-х... эту бы еще... ведьму цыганскую с собой взять! Ох и баба, Ваня! Ох и огонь! — продолжил вспоминать неизвестную ему цыганку Толян.

— Чего ж... огонь? Ты пробовал ее, что ли? — подкалывая подельника, улыбнулся Косов.

— Э-э-э... да ты молодой еще! Там по глазам видно! Точно тебе говорю — огонь-баба! И пробовать не надо, чтобы понять!

— Так... ладно! Уехала твоя цыганочка — лови ветер в поле! Как бы нам не потеряться, когда польские приедут...

— Да чего там... Договоримся! К примеру, ты каждый день выходишь к вокзалу, к десяти утра. Я там недалеко... завожу кое-что. Вот и буду тебя подхватывать у вокзала. Если есть что — сразу собираем все в кучу, дожидаемся вечера... да и дело делаем!

— А на само дело... кто пойдет? «Жмуров» таскать нам с тобой вдвоем... тухло как-то.

— Валерьян, говорит, сам пойдет. Но так только — для контроля!

— А чего? Еще парнишки не найти, что ли?

— Не... Дело такое... Лучше меньше народа, да... лучше!

— Ну и то верно! Ты, Толян, меня снова высади там, где в прошлый раз...

«К Фате в гости пойду! Как же хорошо мне у нее!».

Косов ехал, кивал на треп «Фиксы», стараясь — в нужных местах, а сам думал.

«Вот же... закрутило-понесло! Времени ни на что не хватает! И баб-с куча, и каждой внимание уделить нужно. А еще эти нормы сдавать! Может и правда — зря я с этим связался?».

Именно так и сказал ему Ивкин — «На кой хрен тебе нужен этот Золотой значок? Мороки с ним! Все это сдать — это же ничем другим не займешься, только готовиться, готовиться, и готовиться!».

Косов попросил Ивкина объяснить и показать Ивану, что есть — упражнение по гимнастике. Николай, придя вечером к клубу, на сооруженных Косовым турнике и брусьях показал, что знал. А уж самую методику сдачи Косов и сам вычитал в методичке по требованиям к сдаче норм ГТО на «Золотой значок». Вроде бы ничего такого сложного там нет, но... За каждый неправильно выполненный элемент — снижают баллы. Упал ниже минимально необходимого — до свидания, до новой встречи! Хорошо, что хоть сдавать можно аж три раза. Три попытки, значит.

— Ты, если уж так уперся в этот значок, не у меня бы спрашивал! Вон — твоя знакомая... ну помнишь, на зимних соревнованиях она к тебе подкатывала... Еще этот с ней был... здоровый такой, блондин!

«Ага! Это он про Киру!».

— Ну и что? Помню...

— Да мы тут... в горсад ездили, отдохнуть, развеяться! А там, на спортплощадке, эти... студенты. Так вот... она там была! И ты знаешь, что она на брусьях и турнике выделывала?! Я так точно не смогу! Веришь-нет... хоть и стыдно признаться, но... А уж про эти... кольца, которые. К ним я вообще не знаю, как подходить! А она так на них крутила! Ох и девка! Хотя... ты прав. Этот бычок постоянно вокруг нее крутился! Чуть кто поближе из парней подойдет... забодает! Смешно прям! Но ты, Иван, не прав! Я бы за такую девку... ну — не будь у меня невесты...

«Не! К Кире я с этим не пойду! Да я к ней... ни с чем не пойду! Не хочу опять впадать в сумасшествие, в болезнь эту под названием «Кира Каухер». Слюни опять пускать, как идиоту? Нах-нах-нах!».

А вот с Лидой... как-то неожиданно и даже... легко и ненапряжно... все сладилось.

Она сама пришла к нему в комнату, под вечер, вроде бы чаю попить, да поболтать.

— Чаем напоишь, Ваня? Что-то устала я сегодня... Ребятишек столько было. Конец учебного года! Эти пришли книги сдать, эти — наоборот по списку летнего чтения книг набрать... И тянуться и тянуться! А какой гвалт устроили! Пришлось немного поругаться...

Сидели, пили чай, молчали. Косов изредка ловил на себе ее взгляды. Взгляды эти были — не очень понятны.

— Лиза письмо прислала... Пишет, что добралась. Он встретил на вокзале с цветами. Пишет, что комната у него большая, светлая. А когда они распишутся, от завода обещают квартиру дать. Хорошо у нее все... Привет тебе передавала... Пишет, что скучает очень.

Только просила тебе этого не передавать! Вот...

— Угу...

Опять помолчали.

— Вань! Ну что — угу? Что — угу-то?

«А чего она сердится? Чем ей мой «угу» не по вкусу? Или мне тут слезу пустить нужно? Не дождетесь!».

— Ну а ты? — Косов закурил.

— Что я?

— Ты... тоже туда поедешь? Признайся... Хочешь ведь туда, к ней, к подруге?

— А откуда ты... Как ты понял? — Лида была чуть растеряна.

— А что тут понимать? Тоскливо же тебе тут одной. Зимой хоть муж дома. А сейчас?

Она хмыкнула, посмотрела на него:

— Муж... Муж — объелся груш! А так... ты прав. Буду уговаривать его переехать туда, в Казань! Тем более — у него там знакомых полно. Да что там полно? Он даже говорил, что его не раз туда звали, даже вроде бы с повышением! И да... там Лиза будет рядом. А мы с ней... как сестры стали, как родные! И мне сейчас... и правда, одиноко так...

Ну и что делать после таких слов? Может были и другие варианты, но они ему не пришли в голову. Вот такой кобель и свинья!

Он старался быть нежным и... деликатным. Она была тоже нежна, и послушна... Но — не Лиза, нет! Не было у Лиды той искры, того веселья и озорства. Даже в мыслях у Ивана не было как-то попридуриваться, как с ее подругой. Все было... как у многолетних уже супругов, когда нежность к партнеру еще остается, а вот задора... уже нет. Поэтому... многое он даже не предлагал Лиде. Да, было приятно чувствовать, как женщина замирает в истоме в твоих объятиях, как дыхание ее сбивается, как она стонет негромко. Но... не то! И не так!

Одно его... приятно удивило и порадовало! Минет Лидочка делала умело, качественно.

— Ты так... привычно это делаешь. Мне даже и предлагать не нужно было, сама решилась.

Она подняла голову, посмотрела ему в глаза с улыбкой, продолжая ласкать его рукой:

— Ну ты только не ври сейчас... Наверняка же Лиза все обо мне рассказала. Ну... что это для меня не ново!

— А тебе и правда нравится? Или просто... привычно! — Косову было интересно, он смотрел как Лида это делает.

— И привычно... И — нравится! Нравится... оттого, что он такой... молодой, большой и крепкий! И очень нравится... твой вкус. И вот еще... не смотри на меня. Ты меня смущаешь! А когда я смущаюсь... я не смогу в полной мере насладиться тобой. А вот так... если... ну... когда мы встречаемся глазами, когда я так делаю... меня как будто током бьет. И так стыдно становится, что... аж в жар бросает! Поэтому... не смотри...

«М-да... как все успеть? Зачеты эти! Тут зарядку-то не каждый день удастся сделать, а без подготовки, причем очень качественной подготовки, на сдаче делать нечего. Лучше вообще не ходить! То у Фатьмы ночую... ну — там хоть зарядку можно сделать. Правда — кросс утром не побежишь, некуда там бегать, да и соседи не поймут! А когда у той же Завадской? Когда там бегать и разминаться... если после той ночи он весь день отсыпался! Вымотали его подруги! Ой, как вымотали! И приятно... и... как будто и правда вагон разгрузил! А тут... еще дело это!».

— Ваня! Ты чего это? О бабах, поди, думаешь? — окликнул его Толя.

Они по-прежнему ехали по городу на машине «Фиксы». Косов встряхнулся как пес, отгоняя от себя мысли о проблемах, женщинах и прочем... бытовом.

— С чего ты взял... что о бабах? — Косов достал портсигар и закурил.

— Да чего там брать-то? С чего ты вз-я-а-а-л? — передразнил Толя Косова, — Да с того, что у тебя такая улыбка на морде, как у дитенка, когда он вспоминает, как его в воскресенье в горсаду мороженым угощали! Только ты не дитенок, а значит... что у тебя может быть такое — «сладенькое»? Только бабы! Они, стервы! И без них никак, и с ними — невозможно!

«Философ, мать твою!».

«Раз пошли на дело, я и Рабинович.

Рабинович выпить захотел...

Отчего ж не выпить бедному еврею...

«М-да... вот и дождались, мать их за ногу!».

Толя, как и договаривались, «подхватил» его у вокзала. По каменной морде подельника, через которую периодически пробивалась «нервенная» дрожь, Косов понял — приехали!

— И чего..., - вопрос Косова Толян прервал:

— У Валерьяна все... Там все обсудим!

«Халаднакровней, Маня, Вы ж не на работе! Чего это его так... колбасит? А когда к дому бирюка подъедем, его что — вообще кондратий хватит?!».

Вот и ехал Косов, мурлыкая то, что в голову придет и стараясь не смотреть на «Фиксу».

«Еще заразишься от него этой... «нервической» лихорадкой! И чего тогда — сливай воду, чеши грудь? Вот же... босота!».

«В Кейптаунском порту, с пробоиной в борту,

«Жаннета» поправляла такелаж.

Но, прежде чем уйти

В далекие пути...»

Валерьян был собран и внешне спокоен.

«Ну слава богам! Хоть этот адекватен!».

— Приехали! Как и в прошлый раз — двое. Саквояж при них. Босяки знакомые их «срисовали» «на бану».

— Когда?

— Сегодня... Рано утром. Их проводили аккуратно. У бирюка они.

— А чурки?

— Не было. Пока — не было. Там... на площадке под погрузку машинка одна сломалась. Парнишки знакомые... чинится будут.

«Ну вот! А говорили втроем все дело обстряпаем! Тут уже куча народа знает, что «Марио идет грабить банк!».

— Знаешь... Валерьян... Не нравится мне вся эта движуха! Кто еще в этом городе не знает, что польскИх пасут от самого «бана»?

— Не ссы... парнишки не в курсе! Просто присматривают.

— Ага! А потом, когда польские... пропадут? У этих парнишек... да и у тех бродяг — на «бану» которые заряжены были... у них никаких мыслей не возникнет? Что-то все это мне не нравится... Как говорится — «Вечер перестает быть томным!».

— И что ты предлагаешь? Сам в бурьяне том сидеть будешь? Или меня туда отправишь? — Валерьян разозлился.

— Да... тоже не вариант! А еще... и чурки туда подкатят. Вообще весело будет! Валерьян промолчал.

— Дядя! Разговор был какой? Вы меня выводите на позицию, я отрабатываю свое, получаю «долянку» и отваливаю. Так? Это я уже не вспоминаю, что и сам там засветился с Толиком, когда место смотрели.

— Ты сейчас это... к чему?

— Ни к чему... Через жопу как-то у нас все!

Валерьян набылся:

— Соскочить решил? Или... «долянку» хочешь пересмотреть?

Косову было... грустно.

«С такой постановкой вопроса... Как бы мне, вместо поступления в училище, «когти рвать» из города не пришлось!».

— Соскочить? Соскочить... вряд ли получится. У меня, уважаемый, тоже принципы есть. А вот про «долянку» — вопрос обсуждаемый!

— Сколько ты хочешь? Еще десять процентов? Двадцать?

— А ты сам как считаешь? Ладно... давай выдохнем. Посидим-подумаем... Вон — «Фиксе» стакан налить надо, а то перегорит до вечера!

— Дело! — кивнул Валерьян, — Пошли за стол!

Хозяин вышел из зала, где состоялся такой «непринужденный» разговор. Вернулся вместе со своей хозяйкой, которая быстро расставила на стол тарелки с незамысловатой закуской, поставила бутылку водки.

«Ноль семь? Нормально... за разговором перекусим!».

Валерьян налил Толяну сразу «стописят», заставил выпить, потом — еще столько же. Дождавшись, когда тот закусит, без разговоров распорядился:

— Сейчас — спать! И чтобы спал, понял?!

После выпитого, а также — после плотной «закуси», Косову «захорошело», напало благодущие, и даже где-то — веселость:

— Как думаешь, чурки когда прикатят?

Валерьян очнулся от «думок», потер рукой лицо:

— Точно не сегодня! Завтра... Или даже — послезавтра! Последнее — скорее. Эти западники всегда на пару дней раньше приезжали. «Жалом поводить», «принюхаться».

— Ну и лады тогда! Чего горячку пороть? Да... у тебя, где можно «кости бросить»? Чего я буду до вечера сиднем сидеть?

Хозяин провел его до какого-то чулана, где стоял топчан:

— Вались здесь... Часов в шесть я вас растолкаю.

Иван упал, как в омут. Как будто вычеркнул это время из жизни — не успел глаза закрыть, а Валерьян уже трясет его за ногу:

— Чибис! Вставай! Время... перекусим, да двигать надо!

После подсказки хозяина, Иван вышел во двор, долго плескался над бочкой с водой, отфыркивался, а потом немного размялся — шея, плечи, пояс.

«Разогнал кровушку по венам! Хорошо!».

Уже заходя в дом, вытираясь ранее поданным полотенцем, Иван услышал, как Толя ворчит:

— Нет, ты посмотри на него! На «мокруху» идти, а он — зарядку делает! Спортсмен, бля! Физкультурник!

Усмехнувшись про себя косо, Иван подумал:

«Зряшное дело, вот так себя накручивать! Не... на хрен! Дети! Не будьте как Толя!».

Услышал, как Валерьян «шикнул» на «Фиксу».

Они молча сели за стол. Хозяйка разнесла и поставила перед ними большие тарелки с ароматно парящей лапшой.

— С потрошками? Ой, как же я это люблю! Спасибо, хозяйюшка! — не дождавшись ответа, Иван, взял ложку, помешал в тарелке, принялся — «Хорошо!».

Валерьян опять разлил водку по стаканам:

— Ну! Будем!

— А то, как же?! Конечно, будем!

По «стописят», да под такую закуску — ну что твоему слону дробина!

Косов еще и бутерброд соорудил с ломтем свежего ноздреватого хлеба, обильно намазанного горчицей, а сверху, не жадничая — ломтики соленого сала. Белого, с темно-красными прожилками, пахнувшего чесноком и чуть-чуть — тмином.

— Вот уважаю я, Валерьяныч, твое сало! Очень оно у тебя... честное такое!

Хозяин хмыкнул, почесал подбородок:

— Оно не мое... оно — свиное!

— Ага... так-то оно верно! Не поспоришь! — кивнул Иван, потом глянул как прицелился — взял с тарелки жменью зеленого лука — «На подоконнике они его выращивают что ли?», густо обмакнул в солонку с серой крупной солью, захрустел смачно!

— Вот ты жрать, Чибис! — непонятно покачал головой Толя, — Appetit такой... прям завидки берут!

— А ты что же — не похмелился, что ли? Чего такой смурной?

— Похмелился..., - криво скосив рот в улыбке, протянул тот, — Только аппетита нет...

— Только нет аппетита у Тольки! Не нужны ему щедрые дольки! Не жалает он Юга и моря! Вот такое у Толика горе! — продекламировал Косов, в такт покачивая перышками лука.

— Ну ты... поэт-юморист, мля! — «Фикса» хотел сплюнуть, но сдержался, встал и вышел из зала.

Косов проводил парня взглядом, повернулся к Валерьяну:

— Ты это... придержи Толю, ага... Чего-то он «менжуется»! Как бы «с катушек» не слетел! А я не нянька, сопли ему подтирать! Может... «коксу» ему дать на понюшку...

— Разберемся..., - процедил тот, — Давно «Фикса» на дело не ходил! Привык «лавэ» за «барыжью» работу получать...

Увидев удивленный взгляд Косова, Валерьян пояснил:

— Чего ты смотришь? Заготовителем Толя трудится. По деревням катается, да крестьян облапошивает. Тем и живет!

— А я думал он из правильных бродяг! — пожал плечами Косов.

— Был из правильных... да вишь как — жизнь спокойная да сытая... Риска нет! Какой там риск — если только мужики, где в деревне за девку, или бабу в рыло насуют! Ну... тут

Толя может! Кулаками-то помахать он не отказывается. А здесь... другое здесь дело!

— Ладно... Ты, Валерьян, коньячка бы запас. Если сидеть на месте долго придется — коньячок будет в самый раз! Ночи-то еще ни хрена не летние!

— Не люблю я этот «клопомор»! — поморщился хозяин, — Может все же — водки?

— Не... водка — расслабляет! А коньячок — согревает и будоражит!

— М-да? Ну... тебе виднее, выходит! Добро, есть у меня фляга армейская... налью!

Они подъехали к грузовой площадке, когда уже начало смеркаться. Толя и Валерьян сидели в кабине, а Иван залег в кузове «бурбухайки», подстелив под себя брезент, и накрывшись им же. Было слышно, как остановившись, Толян, не выходя из кабины, спросил у шоферов:

— Мужики! А грузовой из Омска еще не подходил?

Кто-то засмеялся:

— Ты чего, паря? Омский тут если будет, то к утру, не раньше!

— Бля... и чё мне терь — туда-сюда мотаться? — Толя хорошо играл разочарование.

— Да вались в кабине, да спи!

— Да я не один... с испидитарам!

— Ну... как-нибудь уж!

— Лады... а хули ишо делать?!

Машина отъехала, развернулась, и подвывая, начала сдавать назад. Встали.

Косов чуть вытянулся, покряхтел:

«Все же кузов здесь... маловат! А мне еще отсюда... со «жмурами» ехать! Если все «выгорит»! Хотя... отставить сомнения! «Выгорит» непременно!».

Он чуть подался к краю кузова, подтянулся в щели в досках, и осмотрелся.

«Ага... встали нормально! До машин... ага! до трех чужих машин метров сто, не меньше! А темно, как... у афроамериканца в анусе!».

— Чибис! — шёпотом позвал его Валерьян.

— Ну! — чуть наклонился он из-за края кузова к кабине.

— Ну чё? Пойдешь?

— А хули делать? Предлагаешь вернуться? — чуть слышно засмеялся, услышав матерное шипение Валерьяна, — Ты это... фляжку мне подай, ага!

«Глыть-глыть-глыть! Ох! Хорошо пошел! Но больше не надо!».

— Ну лана... Вы тут сидите... только не спите! Я прогуляюсь! И это... если «кипиша» не будет — не вздумайте «свалить» отсюда без меня!

В ответ снова что-то негромкое, матерное.

«И так у нас всегда! Шутки, смех, веселье!».

Косов достал «наган» из-за ремня, глушитель. Поглядывая по сторонам, завел, и провернул. Проверил — как сидит. Сидел «глушак» хорошо, без люфта.

«Хорошо еще... удалось проверить, выйдя у Фатьмы ночью в туалет, как бы — по «нужде»! Не обманул Юзик — не громче тихого хлопка работает! Умеет... старый ворюга!».

Перевалился через борт со стороны бурьяна и забора, присел. Еще раз осмотрелся. Тихо...

«Тиха украиньская ничь, но сало треба перепрятать!».

Пошел гусиным шагом, медленно, очень медленно. Зайдя за угол забора, чуть выпрямился. И снова «Шаг, остановка! Другой, остановка!». Выйдя в створ улицы, по заброшенному участку, там, где раньше был сгоревший дом, присел. Выровнял дыхание,

успокоился. Посмотрел по сторонам, а точнее — прислушался. Ничего... и никого. Даже слышно, как побрякивает цепью во дворе напротив «кабысдох». Или показалось? Прошел вдоль забора, приник к нему, прислонился головой. Со двора бирюка — ни звука. Нашел щелочку, присмотрелся. Окна закрыты ставнями.

«Это — опять же — «зер гут!». Лучше звуки будет гасить... Если будут звуки!».

И снова — вокруг... тихо-тихо.

«Вернемся-ка и зайдем со стороны огорода!».

Сколько он уже так «гулял», Косов сказать не мог — толи полчаса, а толи и все полтора! Время как-то растянулось, стало как будто осязаемым и... упруго-резиновым.

«Бурьян, мля, этот! Штраф бирюку сраному! Что же за хозяин, а? Ну-у-у... сейчас мы ему оформим... штрафные санкции...».

Зря он охаивал бирюка, как хозяина. Забор из огорода во двор был... вполне добротным! Крепким таким! Что позволило Косову перелезть через него без треска, «грюка» и прочих... непотребств, совершенно не нужных в данный момент!

«Теперь сидим тут! Осматриваемся! А где у нас... дверь в сени? А то... пойдет сейчас кто-нибудь по нужде, откроет дверь — и вот он, Ваня, в освещенном пространстве!».

Нет, повезло. Сени примыкали к дому, и дверь открывалась в сторону ворот. А Косов сидел сейчас... возле будки, от которой... осязаемо пованивало!

«Нормальное место! В самый раз! Должен же кто-нибудь... на сон грядущий «облегчиться»?».

Он пошарил рукой вокруг будки. Есть щель! Вполне такая... щелистая! И позволяет туда... проникнуть.

«Все ничё! Только курить хочется... очень! Бля!».

Было так тихо, что казалось, что в ушах начинает звенеть. Еще бы не поваливало так, и вполне себе место, чтобы просидеть... долго. До морковкиного заговенья!

«Все... ушел в анабиоз! Хотя нет... нельзя! Надо иногда разминать ножки-ручки, чтобы не затекли!».

Как хлопнула дверь дома, Косов не услышал. Только вздрогнул от скрипа дверей сеней.

«О как! А свет-то... красноватый — он же от керосинки! И из щелей ставень тоже такой свет был. Это получается — дом не электрифицирован? Вот ты, Ваня, молодец какой! А уж внимательный-то — всем на зависть! Рекогносцировку он тут проводил намедни! А отсутствие столбов — не увидел! Зоркий Сокол, мля... Выходит... этот сраный собачий хутор еще не «прогоэзроили?».

Ему не было видно, кто проследовал в сортир. А выглядывать из-за будки была так себе идея!

Хлопнула дверь... Зажурчало. Воню пахнуло сильнее. Потом «ссыкун» еще и бзданул, громко так, отчетливо! Погромче, чем «глушак» на «нагане» хлопает.

«Что придется терпеть бедному «попаданцу», а?».

Дверца опять хлопнула, раздались негромкие шаги. Тут уже можно выглянуть — не идет же «ссыкун» спиной вперед, да и на затылке у него глаз нет...

«По крайней мере — я на это надеюсь!».

Легкими шагами, практически скользя по доскам, застилающим весь двор, Косов двинулся следом. «Облегчившийся» уже зашел в сени. Вот тут стало слышно, как открывается дверь дома — почти беззвучно, только легкий скрип. Еще два шага. Он в сенцах!

В освещенном светом из кухни проеме фигура мужчины в светлой сорочке и серых штанах. Тянет за собой дверь, собираясь закрыть.

«А вот не надо нам этого! Ну-ка... погодь!».

Левой рукой за внешнюю ручку двери, придержал. Мужик еще не понял, потянул посильнее. Глушитель уперт в спину, чуть левее позвоночника и немного ниже лопатки.

Бах! Хлопок есть, куда же он денется... Спина в светлой сорочке провалилась вперед и вниз. Открылась для взгляда кухня и стоявший спиной к двери человек. Два «баха» в эту спину, уже начавшую поворачиваться. Загремели посыпавшиеся со стола чашки-ложки. Два шага через порог, высоко поднимая ступни.

«Бах!»...и через секунду еще — «Бах!». Занавеска в дверном проеме из кухни в комнату судорожно дернулась, будучи навзничь убитой.

«Бляха-муха! Из чего же он так лупит?! У него там... пушка что ли? А стреляет на уровне груди, примерно... Может — чуть ниже! Ишь... хитрый какой! Упор лежа — принять!».

Косов мягко повалился на пол, чуть оттолкнулся носками сапог от порога, и прямо вкатился в дверной проем вниз. Чуть повернулся вправо-вверх... Ну да — прикинул откуда были направлены выстрелы.

«Ага... вот ты где... с-с-с-у-ка!».

«Бах! Бах! Бах!».

Шум упавшего тела, грохот слетевшей на пол какой-то жестянки. Иван согнулся, убираясь из дверного проема.

«Так... дверцу вниз... гильзы — на хрен! Раздуло одну! Вот же... блядь такая! Вот за это я и не люблю «Наган»! Дурацкая перезарядка!».

Руки немного трясутся... но... пусть и не по нормативу, но перезарядился. И только тогда выплыла мысль — «Нужно было подрываться и «контроль» делать финкой! Время не терять!».

Но... тихо. Все тихо. Даже — странно! Никто не стонет, ничего не брякает, не бежит супостат порешить попаданца, воспользовавшись его оплошностью. Косов поднялся, сделал пару шагов назад, осмотрелся.

«Так... этот... у порога — готов! Бирюк... а у стола, получается был именно он — тоже вроде бы... кончился. Но мы его после посмотрим, чтобы не подставлять спину тому «артиллеристу» в комнате! Вдруг... жив курилка?».

Косов окинул взглядом вешалку.

«Вот — трех собачий!».

Снял головной убор с вешалки и кинул его в занавески в дверном проеме в комнату. Тихо! Никто не хочет расстрелять лохматый рассадник моли. Тогда... кончиком глушителя занавеску в сторону. Опять тихо?

«Ну и ладно! Эй, там! Я захожу! Х-м-м... Уже сколько раз меня и клоуном, и скоморохом обзывали... А вот когда так... на нервах... все на какое-то «ха-ха» пробивает!».

Ну что? Зашел... осмотрелся, держа «наган» как положено — куда взгляд, туда и ствол. Лежит... родимый. Шаг... еще шаг... «пушку» его... носком сапога во-о-о-т туда... подальше!

«И что? А... и — все, получается! Больше боялся... мля... а тут — «пиф-паф» ... и даже «ой-ёй-ой» не было! Даже... неинтересно так... как-то!».

Иван чуток постоял, покачался с пятки на носок, вышел на кухню.

«Так... бирюк. Был бирюк, так и запишем! А ведь и правда — бирюк! И небритый... как бы не пару недель, и брови... Брежнев позавидует! И уши... тоже все заросли шерстью напрочь! И вот какая баба на это... все... польстилась? М-да... Ладно! Надо нашим «маякнуть», а то сейчас с перепугу «пятки смажут» и чего мне тогда делать?».

Косов вышел во двор, потянулся на носочках над забором в огород, достал папироску, прикурил и горячей спичкой аккуратнo — чтобы не погасить! — поводит из стороны в сторону.

«Бля... я сейчас как этот... Бэрримор! Подаю знак сидящим на болотах каторжникам! Бэрримор, сэр! Нет, бля — Беломор и Дуремар!».

Косов присел к забору и прикрывая огонек папиросы рукой, курил. Через пару минут вроде бы слышал шорох шагов.

«Ага! Точно — идут. Разведчики... следопыты, мля... Как бегемоты ломаются! Вон как бурьян хрустит! Ну так... береженного — Бог бережет!».

Косов приставными шагами, не поднимаясь во весь рост, переместился в угол ограды, подождал пока подельники перелезут через забор. Лезли, надо сказать, тоже — ни хрена не бесшумно! И негромко, чуть сильнее шёпота:

— Так! Встали на месте! Тихо! Не шевелимся... Ага! Сейчас прошли вон... освещенный квадрат.

Приглушенный голос Валерьяна:

— Чибис! Ты чего... совсем с глузда съехал? Это же мы!

— Береженного Бог бережет! А не береженного... черви жрут. Встали как я сказал, ну! — Иван щелкнул, взводя курок «нагана», — Ага! Повернулся «Фикса»! Медленно... вокруг себя. Да, ручки держи в стороны и ладошки открой, разверни... Ага! Так, теперь ты, Валерьян!

Осмотрев подельников, Иван скомандовал:

— Топаем в дом, тихо только!

— Ты, Чибис... совсем уже... ты... чего задумал?!

— Ничего я не задумал. А вот Вы... не уверен!

— Дурень ты, Ваня! Я ж... со «Шрамом» дважды на «киче» «чалился»! Он меня пару раз... из-под «молотков» вынул. Да и я ему тоже помогал. А он тебе навроде крестного. Чего мне с ним «рамсить»? Из-за бабок, что ли?

— Ладно... замяли тему!

Зашли в дом.

— Итить твою..., - высказывает эмоции «Фикса».

— Ты только сейчас блевать не вздумай! Так... скоренько-скоренько... смотрим здесь все. Ага! Вот... эту машинку я себе приберу... пока.

Косов подобрал с пола «ствол» стрелка.

«Какой... тяжеленький! Ух ты ж! Это же ВИС, тридцать пятый! Ни хрена ж себе! Зачетная машина! Вот он отчего так... грохотал! Надо и другого... «обшмонать»!».

Другой не порадовал. Обычный «тэтэшник». Патроны тоже прибрал себе!

Сумку, а точнее — саквояж, нашли быстро. Ее и не прятал, похоже, никто — так себе и стояла в платяном шкафу, снизу. Также не пустая! Валерьян решил пройтись, посмотреть еще что интересного, а на «Фиксу» рыкнул:

— Бегом в машину! Тащи брезент!

— Валерьян! Собрать «шмотье» все надо. Пусть думают, что все нормально, что просто

уши! — предложил Иван.

— А чё собирать-то? Все, что ли?

— Зачем все? Собрать только то, что точно бирюку не подходит. А потом... да на рынке хоть продать, только не самим!

— Ну — это понятно! За дураков-то нас не держи! — «окрысился» Валерьян.

Собрались быстро. Правда чуток потратили времени, пока Иван замыл на кухне пол — с бирюка все же натекло! Потом Валерьян сидел в машине, тащил «фишку», если по-армейски. А они с Толяном таскали... ох и запарились! Но вроде бы все прошло тихо. Старались, прислушивались постоянно.

Потом Косов, в компании бирюка и польскИх, в кузове проследовал к причалу.

«Путь к последнему причалу! Тут нужно быть снова настороже. Мало ли что Валерьян говорил?».

— Ты железяки приготовил? — спросил Валерьян Толика, стоя на полуразвалившимся причале.

— А как же! Как договаривались!

— Стоп! — скомандовал Косов, и пояснил удивленным подельникам, — В брезент не заворачиваем. Так рыбки быстрее есть начнут. Мы же не хотим, чтобы их когда-нибудь опознали. Раздеваем их! Шустрее, Толя!

Вот в чем Толян был хорош — так это узлы крутил, как заправский матрос!

— Ты во флоте не служил? Узлы вон как вяжешь!

— Не... я на мельнице одно время работал. Столько мешков завязать пришлось — что ты!

— Железки легкие чересчур! Херово это! — бормотал Косов.

— Чего это легкие? По паре пудов каждая! — возмутился «Фикса».

— Труп летом раздует... вода теплая будет... всплывет. Надо железяку весом в вес тела, чтобы наверняка! Ну... или кишки им выпустить!

Валерьян звучно сплюнул, выматерился. Толян же оторопело уставился на Косова:

— Ты... ты серьезно сейчас? Ты их чего... потрошить сейчас будешь?

— Да не ссы ты! Не буду! Говорю просто — как надо правильно! Чтобы не всплыли!

— Ну ты... Ваня... вообще без башки! Бля! Валерьян! Дай мне фляжку, а то сблюк сейчас!

— Я те сблюю! Я те щас сблюю! Блядь такая! И ты... Чибис... тоже... помолчи, если ничего умного сказать не можешь!

— А чё я? Я и так правильно говорю! — возразил Косов.

— Правильно он говорит, ага! Помолчи, я сказал! Вот же... дал Божинька мясника и подельники!

На ноги веревки вязали коротко, чтобы со дна высоко не поднимались!

«Плюх! ... Плюх! ... Плюх!».

— Ну вот и все! С «отжином» Вас, граждане бандиты! — отходянок у Косова еще не начинался и он... продолжал «юморить», — А можно мне фляжечку? За помин душ, тык-скыть!

«О-о-о-х-х! Как хорошо пошел! Славный коньячок у Валерьяна! Не поскупился дядя!».

— Ладно! Сваливать надо, дело уж к утру идет! Сейчас ко мне приедем, бакшиш пересчитаем, по «долянкам» разделим! Толя! Ты долго там возиться будешь? — прикрикнул на «Фиксу» Валерьян.

Толя, спустившись к воде чуть в стороне, пытался отмыть руки.

— Да... бля... испачкался немного! А это... Валерьян! А брезент куда деть? Тоже же... выпачкали!

Косов влез:

— Да забери домой! Чего там... отстираешь, еще куда пригодиться!

Увидел, как покосился на него Валерьян.

«Ишь ты! Какие все нежные, блядь! Да чувствительные!».

— На хер! Я его стирать не буду! Я еще... не буду и все! — «отгавкивался» Толя.

— Вот же ты... неженка! Брезент он стирать не будет... а сам руки моет, в десяти метрах от «жмуриков».

Ответом ему стала матерная тирада, от всей души выпущенная «Фиксой».

— Ты это... прекращай, Чибис! — сказал негромко Валерьян.

Иван выдохнул:

— Да... чего-то я... в перебор! Отходняк, что ли? Слышь... ты дай мне еще флажку... если осталось?!

Всего в саквояже насчитали сто сорок семь тысяч. Еще около тысячи наскребли по бумажникам.

— Сорок «косых» — на общак! Никто не против? — Валерьян, сидевший за столом, покосился на Ивана.

— Норма, чё! Не против. «Грев» босякам — дело богоугодное! — отозвался он.

Валерьян кивнул, откинул в сторону несколько пачек. Мелких купюр, надо сказать, не было вовсе. И даже червонцев было всего несколько пачек. Все остальное — солидные, красивые бумажки! Главарь чуть подумал и кивнул Толяну:

— Толик! Ты бы кинул в «котел» портсигар, запонки, да печатку, которую с поляка снял.

«О как! А я и не заметил этого! Ну, Толя, ну — жук!».

Когда «рыжики» были выложены на стол сконфуженным «Фиксой», Валерьян посмотрел на Косова с вопросом.

— Не! Не претендую! Нах это все! «Палево»! — покачал головой Косов.

— Вот, Толя! Смотри и учись! Хоть и молод волчонок, а уже ума поболее твоего! Правильно сказал — «палево» это! Скинуть Севастьяну, тот подальше скинет, «хрусты» за «рыжевь» отдаст. А там — покупай себе другое, если так хочется засветиться перед блядьми!

— Да чё я? Я с понятием..., - отвернулся в сторону Толян.

— С понятием он... Дурень! — «босс» покачал головой, — Так! Остается чуть больше сотни... Твоя доля, Чибис... сорок «косых», так?

Косов кивнул, перегорел уже и начинал накатывать отходняк, начинало потряхивать. Хотелось помыться, выпить чего покрепче, и завалиться спать.

— Вот твои сорок... И... еще десять! — Косов удивленно посмотрел на Валерьяна, «Фикса» тоже вскинулся удивленно, — Считай, что премия, как ударнику труда!

Валерьян усмехнулся.

— Ай, спасибо, дяденька! Думаешь, откажусь? Не-а... не откажусь! — засмеялся Косов, сгреб пачки и рассовал их по карманам, — Так, все! Остальное — без меня! Толян! Закинь меня в город, скажу куда! Лана... бывайте, бандиты!

«Фикса» вез его в город, а сам то клевал носом, то начинал балаболить без устали:

— А ты, Чибис, чего? Куда сейчас намылишься? Может вместе на Кавказ рванем, а? Биксы-самочки... вино-домино! Фрукты опять же! Гульнем, а?

Иван покачал головой: «Не хватало мне еще с Толей по Кавказу куролесить!». Даже развеселился, представив такое.

— Не... у меня другие планы. Из города — свалю, тут ты прав! Но... в другие места. Да и ты... мой тебе совет — не свети там на «югах» особо «бабками». Погулять, конечно, можно... Но — в пределах нормы. А то — обнесут тебя, да и все!

— Меня обнесут? Да ты чё? Я сам кого хошь обнесу!

— Так я же не говорю, что обворуют! Нарвешься по-пьяному на «шпильмана» опытного, или, что скорее — пара бабенок поумнее вцепятся в тебя и пока не высосут все — хрен сорвешься!

Толя захохотал:

— А я не против! Пусть высасывают, если сосут хорошо! Эх, Ваня! Однава живем! Чё там «лавэ» копить — дело зряшное! Гульнуть сейчас, чтобы на «киче» было, что вспоминать!

— Настрой мне твой, Толя, не нравится! Какая «кича», родной? Если всплывет что — там не «кича», там «стенка» корячится!

Толян загрустил:

— Умеешь ты, Ваня, настроение поправить! Тьфу ты... «стенка» ... скажет тоже!

«К Фатьме? Да нет... не выйдет. Она, как помниться, сегодня в ночь в гостинице. Тогда... тогда... К Ленке забуриться, что ли? А что? Она не откажет, уверен!».

— Толя! Высади меня... через парочку кварталов. К «марухе» загляну... Спать хочу... а-а-а-у-ф... как из пушки!

Он вышел не рядом с домом Завадской, а как бы не за пять кварталов. Постоял, прикурив папиросу, посмотрел, как развернувшись, рванул в обратный путь Толян. Еще постоял, подышал глубоко. И пошел потихоньку... помаленьку... с приглядкой.

«Стволы-то все у меня! Хорошо, Валерьян мешок дерюжный дал, а то пришлось бы все за пояс рассовывать!».

Косов засмеялся негромко:

«Хорош, красавелло! Три ствола за ремнем брюк и финка на руке! Как там в Дэшила Хэммита: «Китайцы — народ предусмотрительный: если кто-нибудь из них вообще носит пистолет, то всегда имеет при себе еще два, три или даже больше». Вроде не китаец, но ведь как про меня сказано!».

Куда деть стволы он пока еще не представлял. Но просто «спустить в питье» — жаба не подписала! Особенно — ВИС!

«Хэзэ, как говорить, куда его деть... Ну... к крайнем случае — продам! «Савоське» и продам! Возьмет, жучара! Перепродает подальше, еще и «наварится»! Тем более, как посмотрел — номера с них сточены! Хотя... там еще нужно посмотреть внутри на деталях. Не знаю, маркируют ли их сейчас на всем чем ни попадя, как в будущем!».

И только уже у дверей подруги подумал:

«А если она не одна? Ладно там... с Риткой! А если мушщина у Завадской?».

Но — поздно, уже постучал!

Подруга открыла двери, стоя в халатике и сладко позевывая:

— Ой, Ванечка! А ты чего так поздно?

— Скорее — рано! Ты одна?

Ленка кивнула:

— Ну конечно! Или ты думал — опять с Марго? — засмеялась, — Нет, хороший мой!

Мы развратом занимаемся не каждый день. Хотя... и жаль! Ну заходи, чего ты там встал?

Она стояла, смотрела, как стягивает сапоги, потом — вешает пиджак на вешалку.

— Слушай... порохом от тебя пахнет, что ли? И еще... чем-то. Как... железом.

— Ну... носик у тебя, красавица, очень уж тонкий! Как у лисички!

Попытался обнять, но Лена отстранилась:

— Ну правда же! Как будто... как тогда! Кровь, да?

Он угукнул: «Вот же чутье!».

— Опять во что-то вляпался? — она смотрела не строго, не с испугом, а с... сочувствием как бы...

— Есть такое дело... красавица! Но... зачем тебе?

Она постояла, закручивая локон на палец:

— Тогда — топай в ванную, отмывайся. Правда горячей воды нет. Котел топить долго!

— Да ладно... мне бы и холодной. Хоть взбодрюсь немного...

— А я тогда кофе поставлю... Сколько сейчас? Ой... похоже поспать уже не удастся!

Пока он плюхался, покряхтывая от холодной воды, и повизгивая от «удовольствия», она накрыла на стол.

— Лен! У тебя есть... оберточная бумага, шпагат?

Дождавшись запрошенного, прихлебывая кофе из большой чашки, разложил «стволы» на столе, осмотрел еще раз, разрядил и проверил, а потом — тщательно все упаковал. Получился небольшой, но тяжёленький сверток. Аккуратно вышло!

Потом сходил в прихожую, вытащил из карманов все пачки денег, сформировал еще один сверток — поменьше и полегче.

Лена сидела, курила, внимательно глядя на происходящее. Потом не выдержала:

— Вань! А откуда все это?

— А-а-а... не бери в голову! У плохих людей... отобрал.

— А они... эти плохие люди?

— А они... да что о них говорить? Нет их больше...

— И... сколько их было? Ты же знаешь... мне можно. Я — никому!

— Трое...

— Ты... убил троих?

— Ну-у-у... да.

Он видел, как в глазах Завадской начал разгораться тот самый, сумасшедший огонек.

— Ваня..., - «как-то совсем у нее вкрадчиво получилось!», — Ванечка! А ты... сильно устал, да?

Он засмеялся, глядя на нее:

— А это имеет сейчас значение?

— Н-н-н-е-т... не имеет. Просто я очень... очень тебя хочу! Вот просто... дрожу вся!

Подожди... я сейчас!

Она сбегала куда-то, только топоток босых ножек рассыпался дробью.

— Вот... чуть-чуть! — она протягивала ему маленькую металлическую коробочку.

«Кажется... бонбоньерка — так это называется».

Размерами... ну — чуть больше баночки с вазелином. Он открыл крышечку.

«Ну да... как я и думал! Порошочек!».

— Х-м-м... а зачем? — покосился он на Елену, которая приобняла его, наклонившись.

— Я не хочу, чтобы ты сейчас уснул! Ну же... не бойся! Чуть-чуть... совсем немного!

«О-о-о-х-х как! Взбодрило-то!».

Ясность ума, острота зрения, легкость какая-то во всем теле. Он посмотрел на Елену, которая довольно засмеялась:

— Ну вот... совсем другое дело! Сейчас мы все это уберем... и пойдем в спальню! Мне кажется... я сегодня опоздаю на службу!

«М-да... как-то под кайфом — совсем другое дело! И не то, что лучше, но... бодрее, что ли? И таки да — это первый и последний раз!».

Простыни были смяты. Подушки... а хрен их знает, где эти подушки. Лена сидела на нем, растрёпанная, но довольная — донельзя! Продолжала понемногу покачиваться.

— Ну как тебе, Ваня?

— А я... не понял. Сколько времени? — за окном было уже совсем светло, иногда слышался шум проезжающих машин.

— А я и сама не знаю! — счастливо засмеялась Завадская, — Но все-таки мне нужно собираться! Пусть и с опозданием, но на службу надо явиться! Только вот... сейчас... сейчас... еще разок... и буду собираться!

Он остался спать у Завадской, когда она ушла. Просто вырубился, и даже не слышал, как она собиралась, как хлопнула дверь.

Разбудило его бесцеремонное потряхивание за плечо.

— Давай, вставай, герой-любовник! — женский голос.

«Уже хорошо, что не опера из «розыска»! А я что... не доверяю Елене? Да ну — бред! Конечно доверяю! Но... «Ах, Нина, Ниночка — ошибочка моя!».

Он приоткрыл глаз: «Ага... Ритка! Ритка — это просто здорово! Ритка — это вообще к тому!».

В тему — потому как он чувствовал три потребности: пописать, поесть, и... женщину! Пописать — неотложно! Поесть... может и потерпеть! А вот женщину... женщину ему было точно нужно — и это было видно невооруженным взглядом! Ага — мужики знают такие моменты: когда и... аж в ушах булькает! И в то же время — «стояк» — дичайший!

Когда она стянула с него одеяло — «а кто его укрыл?» — увидела это и Ритка.

— А что это Вы делали ночью... если у тебя так... вот! — указала она удивленно на явный показатель его либидо.

— Я юный еще... мне много надо! Я в туалет, а ты... раздевайся пока! Что не так? Ты же сама хотела... наедине! Так вот — мы наедине, Лена же придет нескоро!

И проследовал в ванную.

«Ф-у-у-х-х... хорошо!».

Маршируя назад, в зале увидел Ритку. По-прежнему одетую.

— Ритуля! Я чего... чем-то тебя обидел? Ты чего — так? Еще не в койке?

— Дурак! Мы вовсе не наедине! Ты слепой, что ли? — Марго засмеялась.

— А что не так? — недоумевал Косов.

— Ну-у-у... я не так! — услышал он позади себя тонкий... но какой-то знакомый голосок.

«Бляха-муха! Балеринка Танька, что ли? А где она была? На кухне? И как я ее не заметил — мимо же проходил! Хотя... да! Туда пронесся раненным лосем, обратно — торопился в кровать к Рыжей!».

— М-да... А ты как тут? Хотя... да... и что? — почесал затылок Косов.

— Ты сейчас что сказал? — поразилась Рыжая, — Или на тебя так Танька подействовала? И ты... бесстыжий, хоть прикройся чем-нибудь — девчонка же смотрит. Хотя... ну да, вы же уже... Косов — как с тобой все сложно!

— Это со мной сложно? — возмутился Иван, — Это с Вами... сложно! Ни шагу и простоте! Все нужно обдумывать — не то сказал, не то сделал! Не так посмотрел! Мля... так! Что ты мне хотела сказать, Рит?

— Я? Я — ничего! Просто Лена попросила накормить тебя, поухаживать. И чтобы ты ее дождался!

— Ага! А... поухаживать — это... не то? — Иван кивнул Ритке на дверь спальни.

— Нет, не то! Может это и было бы — то... Но здесь посторонние! — отчеканила Рыжая.

— Я не посторонняя... я... это..., - пискнула Танька, и спряталась за косяк.

— Ты! Не посторонняя... хватит пялиться на его елду! Иди на кухню, нужно завтрак... или уже обед? Приготовить! И ты прикройся уже! Ходишь... размахиваешь... как поп кадиллом!

Косов посмотрел назад — Таньки не было. Из кухни доносился демонстративный «бряк» посудой.

— Рита! Риточка! Пойдем... в спальню. Поговорить надо!

— Знаю я чего тебе надо! — фыркнула Рыжая, а потом понизив голос спросила, — Ты что, до вечера потерпеть не можешь?

— Вот... положи руку на сердце — не могу! Правда не могу! Штырит меня так... что просто... да вот — сама полюбуйся! — и Косов рукой указал на что полюбоваться Ритке, — И, кстати, а ты вечером будешь?

— Полюбоваться, говоришь..., - Ритка поднялась, нервно сглотнула и крадущимся шагом приблизилась к Ивану, сказала шёпотом, — Я же... не знала, что так вот... получится! Я бы... не брала эту с собой!

— Ты что — ее стесняешься? Ее? Ты еще скажи — это непедагогично! Ритуль! Ты меня поражаешь!

Ритка прислушалась, чуть отодвинувшись от Ивана. Тот тоже прислушался — «бряка» на кухне не слышалось.

— Я тебе поподслушиваю! Я тебе поподслушиваю! Танька-сучка! Тебе чем сказали заниматься?

Донесся какой-то сдавленный писк и «бряк» возобновился.

— Вань! — шёпотом продолжила Ритка, — Я... я сама хочу! Но — как?

— Блядь! Ты что себя так ведешь? Она что — ребенок? Если стесняешься... закроем дверь на щеколду и все!

— Да не смогу я так... расслабиться не смогу. Одно дело — с Леной, другое... с этой пиздюшкой за стенкой!

— А давай... как будто ты ей урок преподаешь, личным примером, так сказать!

— Ага! Был у меня одно время знакомый... военный, из командиров. Так что я знаю, как это — рассказ, показ и отработка! Ну... показ — я не против, а отработка... это ты с ней, что ли? Не... меня Ленка не поймет!

И все это время... этого диалога... Ритка сама все теснее прижималась к нему, все чаще дышала, а потом... взяла в руку... «наглядное пособие».

— Что же... тебя так «вштыривает»-то... Кстати... это не твое словечко я от Лены услышала? И скажи-ка мне... тебе Лена ночью ничего не давала? — «тут и давать ничего не надо, если ты так на ухо мне шептать продолжишь!».

— Давала... «кокс» похоже! Уставший я был сильно, — так же шёпотом ей на ушко. А руки... руки его — совсем «распоясались»!

Рыжая чуть слышно простонала:

— Там... там не только «кокс». Есть у Лены порошочек хитрый... теперь понятно. Только почему так долго действует? Ох... мне и без порошочка уже... дурно стало! Ладно... пойдём в спальню. Только быстро, слышишь!

Ритка и так-то была хороша. Но — Ритка без юбки, без трусиков, только в блузке и в чулках с поясом... это было... что-то! А когда вот так — опершись о подоконник и подрагивая всем телом, постанывая...

— Только постарайся... небыстро... хорошо? О-о-о-х-х... ну что же ты медлишь?

Иван старался... небыстро. Очень старался!

«Таблица умножения! Табличка... родная... выручай!».

— Всё... все-е-ё... можешь... да! Да! Ох! Давай я развернусь! Давай в рот! Только не испачкай!

Косов старался не дергаться сильно, и не смотреть вниз. Там, внизу были такие... бесстыжие глаза Ритки... и рот ее занят!

Когда они зашли на кухню, маленькая, надувшись от обиды и чего-то грустно напевая, чистила картошку, сидя на табурете.

— Ну, как у нас идет процесс выполнения распоряжения вышестоящего начальника? — излишне бодро спросил Косов.

Танька вздохнула:

— А от нее пахнет!

— Чем от меня пахнет? — изогнула бровь дугой Ритка.

— Чем, чем... Мулафьей его от тебя пахнет! — как в омут шагнула, пискнула Танька и даже прижмурилась.

— И что? — ледяным тоном спросила Рыжая.

— Что, что... может я тоже... хочу так пахнуть! — горестно прошептала балеринка.

Косов, сдерживая улыбку, воскликнул:

— Тебя кто так учил картошку чистить?

Картофан был почищен... странно. Это были кубики, палочки и другие, не поддающиеся идентификации фигуры.

— Ну вот... еще и картошку испортила..., - выдохнула Танька.

— Ладно... не журишь! Сейчас поправим все! Рит! Лена во сколько обещала вернуться? К шести? Да у нас вагон времени! Давайте так — ужин с меня!

Танька воспряла, а Ритка — удивилась и была настроена скептически.

— Что у нас есть из продуктов? — Косов принялся хлопать дверцами шкафа, — Ага! Сыр — есть, колбаса... вызывает опасения... но — есть! Можно обжарить в крайнем случае! Картошку ты не всю извела, я надеюсь? Нет? Но мало осталось? М-да... траблы, траблы, траблы не успели... Ладно! Что еще есть? Крупы... крупы в наличие. Да ладно... чего это я? Так, малыш! — обратился он к Таньке, что ей, похоже — не понравилось!

— Не обижайся! Ты — красавица, просто — очень юная! Но! Так как ты юная, то есть — самая молодая из всех присутствующих, то! Будешь временно назначена гонцом!

— Каким гонцом? — в голос удивились и Ритка, и Таня.

— Каким, каким?! Гонцом — Золотая пятка! Не знаете Вы восточного фольклора!

Танька принялась загибать пальчики, шепча:

— Как там его... Карлик-нос! Или это не восточная сказка? Тогда... калиф-аист, потом

— Маленький мук. Кто там еще? Не знаю я Золотой пятки! Опять придумал?

— Неважно! — отмахнулся Иван, — Главное — тебя назначили гонцом! Так... вот, бери! Деньги... Топаешь на рынок, покупаешь... Так не пойдет! Половину забудешь! Рит! Найди у Лены листок бумаги и карандаш!

Он уселся за кухонный стол и принялся грызть кончик карандаша.

— А зачем ты это делаешь?

— Ну-у-у... девицы-красавицы! Вы уж — в-а-а-а-щ-е! Вы что — не знаете, что ли, что, когда грызешь карандаш, мысли обостряются, память — освежается и идет виртуальное структурирование планов? Это же начальная школа, второй класс!

Танька хихикнула:

— Я тоже карандаш грызла... Только не знала, что это такие сложные процессы запускает!

— Стоп! Не мешать мне, и не сбивать с мысли! Ага! Будем готовить плов по-узбекски! Рит! У Лены есть казан?

— Ты еще скажи, что это такое?

— О май гад! И достанутся же кому-то такие женщины в жены! — «фейс-палм» — как он есть!

Ритка пребольно ущипнула его за бок.

Надо сказать, при «угнездении» его на табурете во исполнении замысла составления плана, девушки заняли позиции по бокам от него, а в процессе обсуждения — еще и придвинулись максимально близко, чтобы не пропустить ничего из «мыслей о сокровенном!». Ну — интересно им было! И, если Ритка стояла справа, наклонившись, и оперевшись локтями о стол... Очень, кстати, интересно смотрелась... хоть и юбку уже одела. М-да... и все-таки — интересно стояла! То мелкая пролезла слева. Ну да — Ритке туда, к окну было не пролезть, мимо Ивана и буфета. Узковато. А Рыжая, хоть и стройная, но... тем ни менее... Так вот... Танька стояла слева. Пролезла. А левая рука Косова — была свободна от написания «букаф». И стройная «тростинка» максимально прижалась к его плечу. А он что? Он... ничего! Просто рука сама... сначала опустилась вниз, потом стала подниматься вверх... Ну... для удобства подъема, не иначе, воспользовалась... рука эта... ножкой стройной и вполне себе — красивой. И так дальше, дальше, дальше... Точнее — выше, выше, выше... Ага, под юбку и даже... до трусиков! Танечку это вообще не смутило! Она даже стала поудобнее, и даже как-то... чтобы Марго не заметила. В общем, рука шалила вне зависимости от происходящего обсуждения!

— Так ты не сказал, казан — это что? — Ритка была настойчива.

— Казан, Риточка, это такая кастрюля с толстыми стенками. Тяжелая! Чугунная! Хотя... последнее — не забывай! Бля! За что опять это щипок? Ну... понятно теперь? Есть такая кастрюля? Неужели есть? Да быть того не может! Ну, ладно. Тогда плову — быть!

— Смотри, Танюшка... Баранина... барашек должен быть молодой! Нас четверо... Так, на меня... полкило. Не, много! Пусть будет — триста граммов. Так... женщины... ну — по сто пятьдесят. Итого — килограмма будет нормально! Дальше — рис. Девзира!

— Это что такое? Или ты так сейчас материшься? — поинтересовалась Танька,

прислонившись еще ближе.

«Нравится девчонке! Ой как нравится ей противоправная деятельность моей левой руки!».

— Девзира, красавица, это такой рис!

— Фу! Рис! Нас им постоянно пичкают! Надоел — дальше некуда!

— Это совсем другое! Этот рис будет — пальчики оближешь! — вдохновенно вещал Косов.

— Я бы... что-нибудь другое облизала! — чуть слышно выдохнула прелестница.

— Танька! Я все слышу! — строго произнесла Рыжая.

— Ну и слышь себе..., - еще тише.

— Так вот, Танюша... рис этот — красного цвета! И его надо... ну... килограмм пусть будет! Дальше! Курдючный жир! Это тебе придется к чуркам на рынке идти! Не забоишься? Хотя... если что — скажешь им... Знаешь, что скажешь? Что если что — придет друг Фатьмы, и сделает им — бо-бо! Запомнишь — друг Фатьмы! Фатьма — это имя такое, женское!

Девчонка фыркнула:

— Да знаю я! У нас есть одна Фатьма в труппе!

— Да? Интересно! Ну да — ладно, продолжим!

— Ага! Продолжай! — выдохнула Танька и навалилась ему на плечо.

— Ваня! Ну-ка вытащи свою руку у нее из-под юбки! А то вот-вот кончит... мокрощелка! — потребовала Ритка.

Косов повернулся к Тане:

— Ну ты чего такая есть-то? Ну вот — спалилась!

Танька переадресовала вопрос к Рите:

— Марго! Ну ты чего такая есть-то? Ну тебе жалко, что ли, если я бы кончила? Ну чего ты такая... жадная?

— Так! Кто-то сейчас схлопочет! Причем — оба! — Рыжая поднялась и уперла руки в боки.

— Так! Мы будем продолжать планирование сюрприза для Лены? Если да — то не мешайте! — нахмурился Косов.

— Ах это вон какой сюрприз для Ленки готовится?! Чтобы эта... мелочь кончила здесь, да?

— Рит! Ну не начинай, а? Ну... пошалили немного! И все! Знаешь... я думаю, Вы бы ничего не потеряли... если бы...

— Так, Ваня! Хватит! Пиши дальше! А ты... дорогуша, иди сюда и сядь вот здесь — напротив его!

Насупившись, Танька обошла стол и уселась, как было сказано — напротив Ивана.

— На чем мы остановились? А то вы меня с мыслью сбили! — задумался Косов.

— На Фатьме мы остановились! На Фатьме! — отчеканила Танька, — А что, Ваня, она — красивая?

— Кто?

— Ну-у-у... Фатьма? — покрутила локон мелкая.

Ритка нахмурилась. Похоже, ей было неприятно вспоминать соперницу.

— Так... это к делу не относится! Рис! Поняла — рис! — наставил палец на девчонку Косов.

— Не рис, а курдючный жир, бестолочь! — хмыкнула противная.

— Ладно... курдючный жир, да! Двести граммов, не больше!

— Поняла, поняла, папочка! — пропищала Танька.

— Нет! Ну я так не могу! — хлопнул карандашом по столу Иван, — Марго! Давай я ее трахну, она успокоится, и будет действовать конструктивно!

Ритка устала на Таньку со злостью, а та...

«Вот же... бесенок! Кот из Шрека — вылитая! А Ритка — стерва! Ну... задержались бы мы с рецептом... на полчаса! Зато потом бы — все пошло как надо!».

— Давай, диктуй дальше! — Рита пихнула его в бок.

— Ага... Морковь... много — килограмм. Лук репчатый — полкило! — зачастил Косов, — Чеснок... пусть будет — большая головка!

— А как вы целоваться после чеснока будете? — опять этот детский, невинный взгляд от Таньки.

— Киса! Если чеснок едят все — то ничего страшного. Когда все — все его и не чуют! Дальше... Перец... острый... Специи — зира, куркума, черный перец, барбарис...

— Ой! Вот это вот все — я точно не запомню! Пиши!

— Пишу, пишу! А может у них есть уже все в сборе? Для себя-то они точно все правильно готовят! Ну — спросишь!

— Спрошу! Точно — спрошу! — Танька сидела, съехав с табурета до упора. Хорошо — шкаф у стены позволял ей сидеть так.

«А чья эта узкая и шаловливая ступня у меня в паху? Ладно... Сидим спокойно, не «палим контору»!»

— Так! Коньяк... хороший. Не дешевый, Тань! Да ладно — бери самый дорогой — не ошибешься!

— А ты у нас такой... денежный мусчина? — протянула Танька, — У тебя денежек-то хватит?

«И поглаживания эти... по паху! И воспрял боец, поднялся из небытия!».

— Хватит! Тебе, кстати, спиртное-то продадут? А то больно мелкой выглядишь!

Танька обиделась. Ножка с паха — убралась!

— Ну... не дуйся! Я пошутил! Ты у нас — красавица в самом соку!

Ритка фыркнула.

— Тань! Фрукты, овощи... если какие будет... хотя... рано еще. Но! Если будут — бери. Понемногу — по полкило! Дотащишь?

Та хмуро кивнула.

— Ну что еще... да! К чаю что-нибудь купи. Конфеты там... тортик может быть.

— Кое-кому тортики — нельзя! — припечатала Ритка, глядя на Таньку.

— Ну чего там — нельзя! Мы же не расскажем никому, да? Мама Рита? Да и почему нельзя-то? Я же не прима! Меня никто не таскает по сцене. Никаких там поддержек... то-сё. Кордебалет, одним словом! — заканючила Танька.

— Да? И никто не хочет стать примой? — усмехнулась Марго, — И о будущем никто не думает? Да, Танечка?

Девчонка понуро промолчала.

«Жалко девку! Вот жалко и пиздец как!».

— Да, Рит! Я как-то Елене обещал сводить Вас в ателье, к Александру. Она тебе не говорила? Ну вот — если Вы завтра можете — пошли присмотрим Вам что-нибудь красивое,

а?

— Ты сейчас серьезно, Ваня? — опешила Рыжая.

— Рит! А что, я когда-нибудь шутил с таким... дорогим для Вас?

— Ты правда поведешь нас с Леной в ателье? — продолжала не верить Ритка.

— Ну я же сказал! Что непонятного?

— И... каков бюджет похода? — насторожилась она, продолжая не верить.

— Ну-у-у... большой! Но — в пределах разумного!

Ритка взвизгнула и — не хуже той Таньки — прыгнула ему на шею.

— Ванечка! Ой... я даже не знаю, что сказать! Я же... Так! Мелкая! Деньги взяла?

Список взяла? Все — вперед!

И шёпотом ему на ухо:

— А тебя я сейчас благодарить буду... Заранее!

— Я очень рад, что ты так рада! Только... Таню с собой возьмем?

Танька замерла в дверях, не смея повернуться и поверить.

— Ты серьезно сейчас, Ваня? — Ритка без улыбки смотрела на него.

— Ну а почему нет, Рыженькая? Купим девочке красивое платье... и еще что-нибудь!

— Ладно... Я, Танька, не знаю, как ты будешь его благодарить... Хотя знаю... но не знаю — когда! На сегодня он точно занят!

— погоди, Танюшка! Я сейчас еще денег дам. Боюсь тех, что дал — не хватит тебе! Да... если тяжело будет — там на входе на рынок обычно машинки крутятся. Дашь водителю трояк... ну — пятерку! Да хоть червонец — за червонец он точно довезет! Поняла, да?

Она кивнула.

— Вань! — чуть слышно, — А вы... правда, завтра возьмете меня с собой... За покупками?

— Ну да... ты же слышала!

— И что... там можно будет купить... разное?

— Малыш! Ну ты чего? Я же сказал!

— И... белье — как у Лены и Риты?

— Ну... да. Может там и новое что есть!

Она обхватила его за шею, крепко поцеловала, шепнула:

— Если сегодня эти... кобылы тебя не замучат... я обязательно тебя отблагодарю! Хотя... не слушай меня! Я сейчас... глупости говорю! Я и так... очень тебя хочу! Правда-правда! Только я буду аккуратнее, чтобы — тебе больно не было! Веришь мне?

— Верю, котенок! И... если ты за эти вещи — то и вовсе не надо! Я же не ради этого!

— Дурак! Вот какой ты дурак, Ваня! То вроде — умный-умный... а то — такой дурак! Ладно... Иванушка-дурачок. Сейчас тебя пытать будут! Пошла... Но скоро — вернусь!

Из кухни выглянула Ритка:

— Ну... попрощались уже, или еще нет? Толай уже... мелочь пузатая!

Когда хлопнула дверь, Рита медленно, как кошка пошла на него:

— Ну а теперь... у нас есть часа полтора... А может и два. Ты же этого хотел, да? Пойдем, Ванечка... В спальню... дружочек!

«М-да... Как там говорил один умный монах? «Не множь сущего сверх необходимого!»?»

Ну — верно говорил. Несмотря на всю некоторую бестолковость попаданца, который сплошь и рядом пытался нарушить данный принцип, похоже само мироздание периодически вмешивается, не в силах смотреть на суету и явный бред возводимых им конструкций.

Ага... переживал — как же он управится с тремя-то... ночью? Опыт с двумя показывал, что если приложить определенные силы, плюсом шел опыт первой жизни в этом... нелегком труде, то — справится-то можно. Да! Только сил при этом тратиться и правда — много! Следующий день — отдых, сон, обильная еда.

А с тремя? Это же... Мужик не так устроен, как женщина. Это те из них, которые обладают нужным опытом, и к тому же — желанием... Те — да, могут. А мужчина? Нет... не может. Только... по очереди, меняя партнерш. А тем это ожидание может и не понравится! Не все же могут вот так... поддержать подругу в играх, пока своя очередь не наступила.

Но все разрешилось без его участия. Уже после ужина Завадская о чем-то пошептала в спальне с Риткой, и Рыжая отбыла, прихватив с собой мелкую Таньку. Вот уж кто был разочарован, чуть не до слез! А Косов? А Косов испытал некоторое облегчение.

После ухода мелкой бестии за покупками, они с Ритой очень плодотворно... поработали над взаимодействием и налаживанием нужных связей. Аж в два захода... поработали. Ему понравилось, очень! Да и рыжей — тоже понравилось, судя по ее визгам и стонам.

Как все же интересно познавать женщин! И если раньше, в прежней его жизни, это познание растянулось на десятилетия, то сейчас, непонятно чьей волей, за прошедший год, он их столько познал... Разных... Но — как правило — все красивые, или... просто симпатичные.

Вот и Ленка со своей подружкой были — разные. Лена, та — очень опытная, нежная с партнером, но... любящая, когда с ней не особо церемонились. Погрубее ей нужно — любит чтобы удовольствие было приправлено чуточку болью. От покусываний всего и вся, до грубого секса, включая анал.

Ритка — та другая. Сама грубоватая в процессе, даже — немного жесткая, по отношению к себе любимой требует ласки, и нежных прикосновений. Хотя... странноватый коктейль. Им и вдвоем-то, наверное, и хорошо друг с другом, что вот такие они — разные!

Но таки да! Косов с рыжей сумел перестроиться и доставил...

Уже одеваясь, Ритка шепнула:

— Спасибо! Все было замечательно... но... есть какая-то недосказанность, что ли...

— Не понял. Что ты сейчас имеешь в виду? Что-то не так делал?

— Нет, не то... Наверное, просто — маловато. Еще бы... хотелось. Вот курва мелкая... и тут напакостила!

Иван засмеялся:

— Рит! Ты почто так животинку тиранишь? Жалко же девчонку!

— Ничего! С нее не убудет. Она... хитрая! Но мы с Леной сделаем из нее человека! Она еще у нас прямой танцевать будет!

— А в кровати... тоже будете делать человека?

Рыжая фыркнула:

— Вот еще! Я ее к нам не допущу. Хотя... Лена вроде бы в шутку... что-то такое намекала. Что, дескать, обтесать девочку надо. А то... грызет, что ни попадя! Когда грызть вовсе не нужно.

— И как же? Ты же не допускаешь... к обучению на натуре?

— На тебе, что ли? Хрен ей! Пусть вон... на мальчиках тренируется!

— Ну-у-у... так она вряд ли чему научиться. Без подсказок-то... Лучше уж... на морковке... или на огурцах — засмеялся Косов.

— Точно! На морковке! Хотя... сгрызет ведь! Кролик мелкий!

— А ты рядом сиди и сразу, как хруст услышала — подзатыльник ей! А позволить сгрызть — только в качестве премии, за выполненный урок! — продолжал веселиться Иван.

Ритка расхохоталась:

— Так и поступлю!

— Да, это еще и полезно! Морковка — это ценный корнеплод, обладающий массой витаминов!

— Да? Надо запомнить и так и сказать!

Они как раз пили чай, когда в квартиру ввалилась пыхтящая под тяжестью покупок Танька.

— Уф-ф-ф... замаялась я все это тащить!

— Ну что ты опять врешь! Подняться на второй этаж — замаялась? Наверняка же машину подрядила.

— Ну да... подрядила. И все равно — тяжело! Вань! Там денежка осталась, тебе отдать?

— Что за вопрос..., - начала Рита.

Иван остановил ее взмахом руки:

— Оставь... На шоколадки... или на заколки!

— Вот спасибо, папочка! — опять пищит мелкая пакостница.

Потом девушки сидели, смотрели, как он готовит плов. Когда все ингредиенты были вроде бы подготовлены, а рис — поставлен замачиваться, Косов выдохнул. Время до прихода Елены еще было.

— Вань! А ты где научился готовить? — удивленно спросила Рита, до сих пор молчавшая.

— Я тоже это хотела спросить..., - пискнула из угла кухни Танька.

— Ну... девочки, так помаленьку — тут и там. И детском доме было... в общем, не то, чтобы голодно... но жрать хотелось всегда. А потом... у тетки жил, часто приходилось готовить. Она болела уже сильно. А потом — на Северах, когда работал. Тоже... выкинут на делянку, а на обед километров за пять... не находишься. Вот... на костре как-то приходилось. А там мужики... если совсем уж хреново готовить — подзатыльников надают враз! Так что — было бы желание!

— А у нас... тоже постоянно есть хочется! — вздохнула Танька.

— Вам там волю дай — так Вы такие задницы отожрете... парни Вас хрен поднимут! — Рита безапелляционна.

— И ничего мы не нажрем! А в столовке у нас... так готовят, что и есть не хочется! — продолжала жаловаться балеринка.

— Ну вот что же ты все врешь и врешь! У Вас же в общежитии и кухни есть — кто не дает готовить?

— Ага... Сама ты, пока в общежитии жила — много готовила? А? — пыталась

«наехать» на Рыжую Танька, — Да и сейчас... умеешь готовить?

Ритка немного смутилась:

— Ну... картошку-то уж почищу и пожарю, отварить могу. Вот еще — яичницу могу пожарить! — вспомнила Рыжая.

— Ай! — отмахнулась от нее Танька, посчитав что достаточно «уела» соперницу.

Потом пошла готовка. В перерывах он играл на гитаре и пел — Ритка притащила инструмент из зала. В общем — к приходу Завадской они успели. Не только успели приготовить плов, но и сервировать стол в зале. Танька додумалась кроме коньяка купить еще и вина — белого и красного.

— А я не знала, что с пловом пьют!

Признаться, Косов и сам не очень-то понимал — а что правильно пить с пловом. Ну — не белое сухое, это точно. А тогда что?

— Ох ты ж... какие запахи у них тут! — Завадская от входной двери поводила своим тонким красивым носиком, — Это что же... Ваня! Это ты, что ли, приготовил? Я же знаю, что Марго — повар тот еще. А уж про Таньку и говорить нечего!

Они расселись за столом. Плов и правда — удался! На вкус Косова — рису бы еще чуток поварится... Но женщины ели и нахваливали! Таньке плеснули немного красного вина, остальные пили коньяк. Но с пловом? Это же сколько нужно выпить, чтобы опьянеть?

Поэтому, когда Рыжая и Танька, после ужина, уходили, никто пьяным и не был.

Ночь была хороша — как хороша была каждая ночь с Завадской!

Утром... опять немного задержались. Лена смеялась:

— Вань! Я с тобой абсолютно не могу приходить на службу вовремя! Ну что же такое? Ты опять... пристаешь ко мне.

Хотя... кто к кому приставал — вопрос такой... спорный.

— Так... все, ушла! Как договорились — к тринадцати часам мы ждем тебя в ателье! Ваня... а что... правда брать с собой эту... малолетку? — смотрела на него Лена, подводя губы у зеркала в прихожей.

— Бери... я же обещал!

— Вот разбалуешь ты ее! Нам потом с ней не сладить будет!

— Недолго уже осталось... не успеет разбаловаться! А потом... будет ли кому ее баловать? А так... деньги у меня есть. К чему они мне, в таком количестве? Пусть красивые женщины — будут еще более красивыми!

Елена, задумалась, потом мягко подошла к нему:

— Вань! Я и забыла, что тебе скоро уезжать..., - обняла его и, заглядывая в глаза, попросила, — Вань! Ты уж... в этот месяц... или сколько там осталось... Удели нам чуточку побольше внимания, а? Нет! Я понимаю... у тебя еще и Фатьма есть... Вот и подели свое время между нами...

— Ты что же... предлагаешь мне к тебе переехать?

— Ну... а почему бы и нет? Фатьма... тоже на работе часто. А здесь я... или Ритка.

— Или Вы вдвоем, да? — засмеялся Косов.

— Да! Или мы вдвоем!

Сейчас он сидел на диванчике в ателье и задумавшись, смотрел как его женщины выбирают себе «красивые шкурки». И если Елена была сдержана, подходила к процессу вдумчиво, то Ритка была более заинтересована — подходила к манекенам с моделями,

разглядывала их, потом — перебирала плечики с вещами, что-то откидывала в сторону, что-то прикладывала к себе, смотрелась в зеркала, бегала в примерочную кабинку. И уж совсем буйно себя вела Танька! Носилась метеором, повизгивала, жалобно поскуливала, когда Завадская, а чаще — Ритка ее одергивали, категорически отбирая у нее ту или иную вещь.

Его женщины уже совершенно не стеснялись. Первое время еще пытались привлечь его внимание, демонстрировали ту или иную модель одежды или белья, потом отстали, когда он заявил:

— Девочки! Я не могу так — я уже совершенно запутался во всем этом. Ладно бы — одна-две вещи, но такое разнообразие? Вон — у Вас икона стиля — Елена Георгиевна! Все консультации — с ней! Вкус у нее — совершенный, а потому — все к ней!

Лена успела чмокнуть его в щеку:

— Как ты меня назвал... Икона стиля. Мне нравится!

Забавно получилось, когда Танька пыталась отвоевать темно-синее бархатное платье. Само платье было, конечно, очень красивым, но — для восемнадцатилетней девчонки — совершенно не подходило, старило ее лет на десять сразу.

Косову пришлось вмешаться:

— Танюшка! Ты же юное создание! Прелесть рассвета! А это платье для красивой... Но! Зрелой женщины. Тебе нужно что-то более изящное, воздушное.

Мелкая, бурча что-то себе под нос, была вынуждена согласиться.

Александр, похоже уже привычный к череде женщин Косова, промолчал. Предоставил им опытного мастера — не ту гримзу! И ушел в какие-то дали.

Вот и сидел, задумчиво покуривая, попаданец на диване.

«В суете этой... совершенно вылетело из головы, что прошел год с момента моего попадания сюда. И, кстати, прошел мой день рождения, если брать за основу те «ксивы», которые мне тут сделали. Прошла «днюха» неотмеченной! Да и хрен с ней... Я и в прошлой-то жизни никогда не делал из этого «сабантуя»! Если в молодости — еще куда ни шло, то после сорока... Чего их считать? Отмечать, что позади все больше, а впереди — все меньше? Так себе мероприятие! Друзьями я тут не обзавелся. И даже не скажу — это плохо? Или — хорошо? Женщины? Женщины — да! Их у меня — есть! И все — вон какие красотки! Так что... нормально все! Пора закрывать эту страницу этой жизни. Вот... помогу всем своим красавицам... как могу, и... пиздовать в Омск!

А что про свою преступную деятельность... Так тут даже и не скажешь — как так получилось, что у меня за спиной уже... шесть «холодных». Не мы такие — жизнь такая? Можно и так сказать! Правда, видно, говорят, что потри чуток любого цивилизованного человека, а там... под тонкой шкуркой — дикарь с дубиной! Или... восприятие этой жизни такое... как компьютерная игрушка с призовой игрой, непонятно за что выданной Системой! Вроде не людей убил... хотя — какие они, на хрен, люди? Мразь всякая... Карочь — набил фрагов, облугил их, получил — лэвэлап! Интересно... а если бы меня? Сейва я тут не видел. Началась бы новая игра? Да «хэзэ»! И не хрен об этом думать! Если и дойдет до этого... просто нужно сделать это как-то... не то, что — красиво... а по-мужски... что ли? Тихо и без испуганных воплей, обоссанных штанов... Больше трусости своей боюсь... одномоментной. Может такое быть? Не могу с уверенностью сказать, что нет. Вот как подумаешь о том, что пережили люди... в той же Уманской яме, к примеру. Смог бы так? Не скурвится, не пойти на поклон к врагу, сапоги лизать? Как тот же... Сотников у Быкова? А вот... не знаю! И дай Бог — не узнать! Лучше уж сразу — хлоп! И гейм овер! Или... к

примеру вспомнилась книга какого-то... художника, что ли? Про его войну в партизанах. Вот где жуть-жуткая! Не-не-не... только фронт! Хотя... кто, на хуй, тебя спросит? Сможешь... как Зоя, к примеру? Или как ее коллега по подвигу — Вера Волошина? Нет! Страшно... встать перед таким... выбором! Страшно! Поэтому — лучше пуля в лоб!».

— Вань! Ты чего это?

Он поднял голову. Перед ним, как на выставке, стояли три красавицы. Елена, Рита и Таня... Ленка, как всегда — дама. Хоть и не все в порядке с ее внешностью — волосы немного растрепаны, юбка вон — чуть сбилась, повернулась; пуговицы на пиджачке не все застегнуты... Но — дама! Даже не так! Леди! Обеспокоенный взгляд... нежность, смешанная с испугом?

Ритка... рыжая стервозная красавица. Характер — ну просто пиздец! Хотя... вроде бы у него получилось ее чуть объездить. Или нет? Вон — пытается поправить чулок, плохо пристегнутый к поясу и оттого разворачивающийся криво. Удивленно приподнятая бровь, чуть приоткрытые розовые губки...

Танька... ну — это не его красавица! Вот было бы ему действительно девятнадцать... Он бы с ней замутил! Хотя... если бы ему было бы девятнадцать... глупых, неопытных девятнадцать. Когда — в башке — дурь, эмоции и тестостерон? Да она бы тогда оторвалась на нем! Покуражилась бы тогда — покрутила, повертела бы пацаном! А сейчас... стоит испуганно в трусиках... А про лифчик и вообще забыла. Да с ее статью и лифчика-то не нужно. Грудки маленькие, торчком.

— Вы чего, девочки? — и погасшую папиросу — тык-тык в пепельницу, уже полную.

Ритка, как всегда, смелая... или наглая?

— Мы чего? Это ты чего! Сидишь... морда окаменела, зубами скрипишь! Что случилось?

Он выдохнул:

— Да ничего... так... что-то накатило! Все нормально! Все нормально, девочки! — улыбнулся через силу, — Ну! Как у Вас дела?

Лена сдула прядку со лба:

— Мы уже почти закончили, да, девочки?

По виду Таньки было похоже — что ни хрена она не закончила, только во вкус вошла!

— Нет, красавицы! Так дело не пойдет! Надо все делать не торопясь, с чувством, с тактом, с расстановкой! Сейчас мы прервемся, попьем чаю, а потом вы продолжите, да?

Лена подошла, потрепала его по голове:

— Хорошо, Ванечка!

Ритка засмеялась облегченно, подошла и поцеловала. Танька, оттолкнув Рыжую, уселась к нему верхом на колени, и смачно вцепилась ему в губы.

«Бля... она же почти голая! Она не думает... я же не железный! Да и мастер еще эта... здесь!».

— Татьяна! Как ты себя ведешь?! — голосом Завадской можно было... пельмени замораживать!

— Ой! — девчонка вскочила, сделала испуганную мордашку... именно — сделала!

— Уважаемая! Нельзя ли попросить Вас... ну — или через Александра... принести нам чай и какое-нибудь печенье? Мы прервемся ненадолго. Да и Вы чуть отдохнете, хорошо?

Через некоторое время, Завадская организовала им чай, сушки, какое-то варенье.

«А помнят ее еще здесь! Авторитет с показа мод еще сохранился!».

— Татьяна! Изволь одеться! Неприлично так себя вести, и уж тем более неприлично садиться пить чай в таком виде! — «ну я же говорю — Леди!».

«Хотя... помниться — сама Елена как-то пила чай — вообще голой. Правда это было у нее на кухне!».

— Пока Вы пьете чай, я Вас развлеку немного! — по просьбе Косова, Елена притащила и гитару. Откуда уж она ее взяла — ему было невдомек!

— Елена Георгиевна! — обратился он к подруге, которая в ответ на такое официальное обращение, удивленно приподняла бровь, — Краса Вы наша! Гордость нашего города! Позвольте начать этот импровизированный концерт песней для Вас. Знаете... в английской истории была такая пара... довольно скандальная, надо признать. Он — английский адмирал, знаменитый моряк и военачальник, лорд. Она... она поднялась из самых низов. Была натурщицей, куртизанкой. Красавица! Насколько красивая, что, невзирая на ее происхождение и неприличную славу, на ней женился целый английский посол, тоже — аристократ, по фамилии Гамильтон. Так она стала — леди Гамильтон. Так вот... их связь — леди Гамильтон и адмирала Нельсона стала темой для пересудов, а потом и массы произведений. Да... Он погиб во время Трафальгарской битвы.

Немного переделки первоисточника — там Клава, здесь Лена.

«Ну... думаю — не заметят!».

— В кинотеатре «Буревестник»,
После той, большой войны,
За полпачки «Беломора»
Проходили пацаны.

И смотрели, что хотели,
В десять лет, я — даже в семь!
И как водится — балдели
От запретных в детстве тем.

Женщины прекратили пить чай, слушали внимательно. Лена улыбалась.

— И была соседка Лена
Двадцати веселых лет.
Тетки фыркали: «Шалава!»,
Мужики — смотрели вслед.

На правах подсобной силы
Мог я в гости заглянуть,
Если Леночка просила
Застегнуть чего-нибудь.

Краем глаза Косов видел, как в приоткрытую дверь просочился Александр, встал у двери. Потом в проеме встала мастер, обслуживавший женщин. Вроде бы еще виднелись лица — там, в коридоре.

— И, конечно, я старался,
А в глазах стоял туман!
И в тумане я качался,
Как отважный капитан!

И смеялась Лена звонко:
«Что ли ты уснул, браток?»
И горел на шее тонкой
Золотистый завиток.

Где-то за окном, словно за бортом,
Вдаль плывет мое детство.
Леди Гамильтон! Леди Гамильтон!
Я твой адмирал Нельсон!

Как она ждала, как она звала,
Как она пила виски!
Леди Гамильтон! Леди Гамильтон!
Ты была в моей жизни...

По окончании песни повисла тишина. Завадская смотрела на него улыбаясь, а в глазах ее было ТАКОЕ обещание, что мурашки табуном пронеслись по шкуре Косова.

— Так... а дальше? Это же не все, правда? — Рыжая смотрела ему в глаза, припивая чай.

— Правда, Рыженькая! Слушай... Это — тебе!

— Что мне делать? Я пропал!
Ритка! Что ты сделала?
Твое тело — как крахмал,
Белее снега белого!
Отравила мне судьбу, отняла профессию.
Ритка! Я тебе не вру
Всей вот этой песнею!

Рыжая улыбалась довольно, не отводя от него взгляда.

— Ах, Ритка Дорофеева!
Что же ты наделала?!
Твое тело — вот дела!
Белее снега белого!
— Ах, Ритка Дорофеева!
Что же ты наделала?!
Твое тело — вот дела!
Белее снега белого!

Лена тоже улыбалась, глядя то на Ивана, то на подружку.

— Я работал в РСУ цементобетонщиком,
А теперь я на углу
С розовым бидончиком.
Бросьте, братцы, мне в бидон
Рублики-копеечки,
В Ритку я давно влюблен,
Это вам не семечки.
...

— Мне прораб Кузьмич читал
О женском поле лекции,
Только я давно пропал
От твоей комплекции.
Я работу задвигал,
Планы и задания,
И тогда Кузьмич сказал мне:
«Лёша, до свидания».

Марго засмеялась, даже захлопала в ладоши, услышав, как испортила судьбу парня белокожая Ритка:

— Только я не Дорофеева! — «И носик свой задрала повыше! Стерва!».
— Да? А я, честно говоря, и фамилию твою не знаю! Неудобно даже, Рит!
— Длугош моя фамилия!
— О как?! Полячка, что ли? — удивился Косов.
«Это многое объясняет... про ее характер! Да и внешность — тоже!».
— Ну да... предки были из ссыльных! После восстания... еще при царях.
Иван, замолчал, выпил залпом уже остывший чай.
— А я? — подала голос Танька.
— А для тебя, красавица... Слушай!

— Ее глаза небесно-васильковые
Притягивали взоры, как магнит!
За ней ходила вся шпана дворовая,
А я среди шпаны был знаменит!
...

— Вот, видите, женщины... и концерт послушали. Ну, все-все... за работу! — разогнал Александр персонал, — Ну, что? Вы продолжаете?
И они продолжили выбирать одежду.

Рано утром, договорившись с Завадской о встрече, Косов — «метнулся мухой» к себе в клуб. А то неудобно будет — такие красавицы с ним, а он одет как шпана! Вернувшись в город, Иван чуть подумал и — махнул к месту своего прежнего жительства.

«Надо навестить Веру! Решил же тоже ей помочь? Надо выполнять!».

Где ее место работы, детский сад, расположен он примерно знал. Нашел. Заглянул. Попросил позвать.

«Оп-па! И что я сейчас вижу?».

Вместо стройной, даже худоватой, его бывшей подруги, перед ним стояла... такой... арбузик на ножках.

«Мля... это что же — тоже я? Да нет... быть не может! Если посчитать... А может... Да нет — не сходится! По времени не сходится!».

Вера была... глубоко беременна.

— Ой, Ванечка! Привет! Сколько я тебя не видела уже! Как я рада! Ты такой... красивый! А я... видишь... вот!».

Вера смутилась.

— Ну что ты! Ты — молодец! Только... как же ты решилась-то? Это же... четвертый уже? — Иван все никак не мог прийти в себя.

— Ну... да. А что там решаться-то... Как вышло... Ой! Слушай, давай отойдем чуть подальше... вон — за угол! А то сейчас увидят меня... с тобой, бабы наши! Разговоров будет! А оно мне надо?

Они отошли за угол следующего здания, недалеко от крыльца детсада. Встали за какие-то елочки.

— Ну, ты рассказывай, как у тебя дела? У меня-то... сам видишь. Ну — не женился еще, кобель?

— Не... не женился. И не собираюсь пока!

— Ну да, ну да... тебя, пожалуй, заставишь жениться! Ой, Ваня... как же я вспоминаю... так сладко... и горько становится...

— Как сама? Как ребятишки? Андрей у тебя как?

— Да что там... все хорошо, Ванечка! Ребятишки... да вон — здесь двое, со мной! Старший — дома. Школа-то закончилась. Он у меня первый класс закончил. Молодец! Учиться хорошо! Дома все помогает! А Андрей... тоже все — слава Богу! Бригадирит Важный стал, что ты! Все ругается, рассказывает дома... мол, лучше бы простым работягой остался! А то все за других ругань слушает! А в зарплате ничего так у него... подходяще получается. И жить нам стало попроще... Мне вот только... рожать скоро. Ну да — это дело для меня привычное!

— Вер... Я чего спросить хочу... Даже неудобно...

— Чего, Ваня? Спрашивай уже!

— А это... не с наших встреч... результат?

— А ты что же — испугался, что ли? Если так... дак я тебе ничего... никаких претензий. Мой это... мой и Андрея ребенок.

— Да нет... не испугался я. Просто... знать хочу.

— Вань! А я и сама не знаю... Если только... в последние разы что вышло. Ну так... я же и с мужем жила. Чего уж там... И Андрей... тоже ничего не знает. И даже мысли не допускает, что не его. Только говорит, что, дескать, не ко времени... вот. А так он — не против. Да... даже если и твой... то — что? Ты же тоже светленький. Так что — не поймет Андрей. Да я и сама... Говорю же — не знаю. Уж все думки издумала... а никак не пойму. А потом и вовсе — думать бросила! Мой — и все! А где три, там и четыре!

— Ты... ты молодец, Вера! И Андрей твой — молодец! Я... рад, что у Вас так все...

хорошо. Знаешь... я вот... помочь тебе хочу. Только не знаю, как ты... Андрею объяснишь. Вот... тут деньги. Пять тысяч... Дом там поправите, одежду какую... себе, да ребятишкам.

Она смотрела на него, широко раскрыв глаза.

— Ваня... Ты сдурел, что ли? Откуда у тебя... такие деньги-то? Украл, что ли? Или убил кого?

Он разозлился от неожиданности:

— Да какой украл-убил! Сама же знаешь... песни я сочинял. Вот... за песни эти, если их артисты поют, филармония деньги авторам перечисляет! А мне они куда? Я и так работаю... и за сторожа... а еще отучился на киномеханика. Кино кручу. Тоже зарплата идет. На еду, да прочее... хватает! А эти... копились, копились и вот. А мне уезжать через месяц. В училище я поступать буду, в военное. В Омске. А там деньги мне не нужны. Там меня государство и кормить, и одевать будет.

Он посмотрел на ее поправившееся лицо.

«Обабилась Верка. Обабилась совсем! Хотя... может родит, да потом в норму опять придет. Не первый же раз рождает!».

— Ну вот... я и подумал — а куда мне их? Пусть уж Вам... пойдет. Говорю же — дом поправить... Или вообще — пристрой прирубите, все же детей-то у Вас сейчас прибавится. Тесно будет! А так... в общем, возьми! Только как с Андреем быть... Как объяснишь ему, откуда... Не побьет ли тебя? Боюсь за тебя.

Она задумалась, потом посмотрела на него:

— Вань... Деньжищи-то какие! Даже боюсь брать... Да так бы они нам... А с Андреем? С Андреем, что... Объясню как-нибудь... Или вообще... покаюсь ему. Не побьет. Он сейчас вообще и пить-то почти бросил. Нача-а-а-льник! Я смеюсь ему... говорю — ты еще и в партию вступишь! Нет... не побьет! Ругаться будет... это — да! А потом... Поплачусь, покаюсь... Может... ну — как ты меня научил...

Она рассмеялась:

— Очень уж ему так нравится... Вот... Вину заглаживать буду...

Потом как спохватилась:

— Вань... а как же... я же даже и отблагодарить тебя не смогу! Вишь, как разнесло меня! — она показала ему на свой большой живот, — Может... если только ртом?

— Вер! Я сейчас не для этого... Правда! Просто — помочь. И... в память, как мне было хорошо с тобой!

Она пригорюнилась:

— Ой, Ванечка... А мне-то как было хорошо... Я ж часто... вспоминаю.

— Ладно... все, Вера. Идти мне надо. Вот, возьми. Да спрячь! Людям-то не объяснишь чего еще навывдумывают себе...

— Да... это так... только повод дай!

Он коротко поцеловал ее в такие знакомые губы и ушел. Не оборачиваясь.

— Сегодня Вы, Иван, что-то особенно развернулись! Расточительно как-то..., — посмотрел на него Александр, подняв голову от счётов, посчитав все покупки и заказы его женщин, — Почти восемь тысяч... Осилите?

— Зряшное это дело, считать чужие деньги, Александр. Зряшное! А деньги? Что деньги? Песок... Вот только были, а раз — и нету их! Зато женщины довольны! И ведь красивее стали, не так ли?

Александр в ответ что-то пробурчал о том, что они и до этого были красивы. Косов рассчитался.

«И все одно — денег у меня сейчас до неприличия много! Ну что там — Верке пять, сейчас — восемь. Тринадцать... А осталось еще... больше тридцати семи. И куда их? В Фонд мира? Так нету его еще... вроде бы. Да и не буду я такую чушь творить! Пусть государство разные партии и партийки за рубежом поддерживает! Развели... понимаеш... Коминтерны разные...».

Они еще посидели в ресторане, плотно перекусили. По раннему времени, зал был почти пустым, что не помешало им пообщаться, поболтать. Женщины были чуть утомлены и от этого — томно-красивы. Кроме Таньки. Та развила бурную и довольно заметную «тайную» деятельность по организации их «тайной» встречи. Было забавно наблюдать, как Елена снисходительно посмеивается, а Ритка чуть покусывает губки в раздражении.

Улучив момент, когда Косов выходил из туалетной комнаты ресторана, Танька тут перехватила его, затащила в приоткрытую дверь гардероба, отмахнулась от попытавшейся что-то возразить гардеробщицы, и приобняв его за талию, горячо зашептала в ухо:

— Вань! А давай в воскресенье в горсад сходим, а? Вдвоем? Погуляем, мороженого поедим, на каруселях покатаемся... Там в воскресенье концерт будет. Оркестр Игоря Калошина и Варя Конева! Мне так нравится, как они выступают!

«О как! А я и забыл, что концерт Калошин готовил! Точно — он же еще меня хотел привлечь к этому делу, да я отказался. Только я думал — это позднее будет!».

— У нас девочки вообще без ума от Калошина! Он такой красивый! — продолжала «щебетать» ему на ухо Танька, — А в общаге у нас вообще одна живет... Болтают, что они с Калошиным... ну... «трали-вали» там... Врут, небось! А эта... Конева... Она поет, конечно, неплохо! Но такая «задавака»! Что ты, ну ты! Нос задрала!

— погоди! Как у Вас в общаге? Ты же в общаге театра живешь. Или нет?

— Ну да... Но у нас не только балетные и прочие из театра живут. Есть еще и те, кто в филармонии работает. Танцовщицы там... актеры разные. Немного, но есть!

— Эта общага... она где расположена?

— Да на углу Красного! Ой! А может ты... в гости ко мне придешь? Ну-у-у... мы могли бы... Хотя нет! Там вечно все снуют... только мешать будут! А то и вообще — коменданту нашепчут!

«А не та ли это общага, куда его как-то приглашали? Как тесен мир!».

— Строго у Вас там, да? А как же тогда народ устраивается? Ну там... «шили-вили», «трали-вали»?

— Да как, как... как могут! Не... так-то... между своими разное бывает. А вот чужих там гоняют, строго — да! А меж своих... какой интерес? Да и нет там таких... как ты!

«Ну — тут уж девушка явно врет! Льстит, причем явно!».

— Ладно... Договорились, пойдем в воскресенье, погуляем. А билеты как на концерт? Где их брать?

— С билетами там — да... Сложно все. Но там же — летняя эстрада! Туда хоть и набьются на концерт... но — можно же и за забором постоять, посмотреть, послушать... Там люди даже танцуют!

— Ладно... решим вопрос!

Они вернулись к столику, под ручку с изрядно повеселевшей Танькой.

После ресторана Елена с Риткой пошли по делам, а Косова «припахала» провожать ее

Танька — с разрешения Елена и под шипение Марго.

— А ты где наряды свои хранить думаешь? Девчонки... ну — соседки просить не будут? — спросил с улыбкой девушку Иван.

Та нахмурилась, сосредоточенно посопела:

— Вот и я так думаю! Попрошайничать же будут! Так все растащат... да затаскают! Можно Елену попросить что-то у нее хранить... Хотя... И боязно, и неудобно! У Ритки этой... тоже. Что-то можно будет и в общаге... ну... то, что попроще! Ой, как жалко-то... И похвастаться хочется, и не охота, чтобы просили. У нас знаешь как... Как девчонкам на свидание, так чуть не по всей общаге вещи собирают! Моя соседка один раз так юбку дала... а потом ей вернули... Всю задницу на юбке травой «зазеленело», да еще и... «обтрухана» вся была. Знаешь, какой скандал был! — девчонка расхохоталась, потом опять посурнела.

«Проблема у девочки, однако!».

— Что — даже белье дают?

— Ай! Там всякое бывает! — отмахнулась Танька, — Слушай! А пошли чуть дальше прогуляемся... А то мы так уже и придем... скоро.

Косов шел, с улыбкой поглядывая на девушку, которая все продолжала «сыпать» разными историями из жизни театра, балета. То — возмущалась, то — смеялась звонко.

«Вот правда... ну разве есть ей — восемнадцать? Девчонка совсем!».

Он старался поддакивать, кивать в нужных местах...

Они погуляли по скверу, потом... потом прошлись пару раз мимо главного входа в общежитие. Это Танька его «показывала» таким образом.

«Ага... даже повеселела и была предовольной, когда им встретила стайка из трех-четырех девчонок, такого же вида, как и сама его спутница! А уж нос-то как задрала и манерно, эдак, поздоровалась!».

Когда уже стало смеркаться, Танька вдруг потащила его куда-то в сторону.

— Ну и куда мы сейчас идем?

— Да есть здесь... место одно. Там такие... уголки укромные есть. Если не заняты еще... можно пообщаться будет!

Настрой девушки на «общение» был — конкретный.

«Хотя... этого стоило ожидать — как продолжение всего дня. Выбор вещей, ресторан... и вот! А ты что — против, что ли? Я? Да нет, не против. Только вот... к Фатьме же собирался? Ну... а что мешает пойти после этого к Фатьме? Не всю же ночь тут пробудешь? Таньке же точно к одиннадцати нужно будет в общагу! Так почему бы и нет?».

Слава Богу, что «продуманная» Завадская сразу настояла, что даже те вещи, которые они покупали готовыми, были оставлены в ателье, до перевозки их к Лене на квартиру. Таскаться с мешками и свертками — так себе затея! А большинство выбранной одежды — вообще будут выданы женщинам после подгонки и подшивки!

Это был толи заброшенный и заросший сквер, толи — просто пустырь, заросший кустами. Прямо рядом с Красным проспектом, только чуть в сторону отойди — пара кварталов, не больше. И общага Танькина — рядом!

«Похоже — места девчонке известные!».

Иногда в зарослях кустов проглядывали какие-то полуразвалившиеся постройки — чаще всего похожие на сарайки, или навесы...

«Не до конца здесь когда-то все снесли! Не иначе — под застройку планируется, да что-то временно подзабыли!».

Забурившись в какие-то кусты, Танька принялась энергично целоваться.

— Не помешают нам... общаться? — засомневался Косов, — Может вон... какую развалюшку найдем?

— Не... там еще хуже будет! Или... засрано все... или — занято! — девчонка была настроена решительно.

Он уже задрал Таньке юбку, намереваясь перейти к последней, мешающей им детали женской одежды, когда рядом раздался издевательский смех.

— Не... ты посмотри, Витюша... как тут молодежь бесстыдно время проводит!

«Твою ж мать! Не... ну так-то — можно было предположить такое. Если место в здешних «палестинах» известное, значит — есть те, кому доставляет удовольствие гадить людям, а то и банально — на «гоп-стоп» брать расслабленных граждан».

В нескольких метрах от них, на чуть заметной тропке, стояли двое субъектов, определенной наружности.

«Босота... лет по шестнадцать-семнадцать всего! Но — могут быть опасными... шакалята!».

— Вам, граждане, заняться нечем? Или Вы находите удовольствие в подглядывании за другими? Самим девки не дают, что ли? — в кривой усмешкой ответил Косов.

— Не ты посмотри, Витя... Фраер-то совсем припух! — цыкнул через зуб передний.

— Ты че... «гребень»? Совсем охерел? Щас мы тебе... — попытался вылезти вперед задний. Наверное — как раз Витюша.

— Ты кого «гребнем» назвал, лишенец?! Красными соплями давно не умывался, поц?! — ощерился Косов, — Ну иди сюда, я тебе сейчас кишки на кулак намотаю!

Злость явно ударила Косову в голову.

«Сука! Этот... «полупокер» меня «петухом» обозвал, что ли? Ну бля...».

Однако передний был явно поумнее своего другана, чуть придержал того рукой.

— Оц-тоц-первертоц! Неужто ошибочка вышла? А ну-ка, паря, «обзовись по-жигански!»!

— Чибисом — погоняют! — Косов уже задвинул за себя девчонку. Танька пыталась судорожно поправить задранную юбку.

— Ага... мож и слышал чё-та... Кого знаешь, под кем ходишь? — снова цыкнул передний.

— Ни под кем... Один. На льдине... А знаю многих! Тебе всех называть? — улыбнулся Косов. Нехорошо улыбнулся — сам чувствовал, как сводит злостью скулы.

— Не... ну а чё, а? Людей назови... если сам из людей будешь? Кто «по масти»? — продолжал «допрос» наглый парнишка.

— Хлопа слышал? Про Цыгана что слышал? Были раньше... «вместях». А сейчас.. «Фиксу» знаешь? Да и вообще — ты кто такой, чтобы я тебе людей называл? Или в «оперскую» «малявку» писать собрался — кто, с кем, зачем, да почему? За «спрос» может быть — «спрос»!

Косов видел, как на кличках «Хлоп» и «Цыган» пацан напрягся. А при упоминании «Фиксы» — вообще погрузнел.

— Ты сам-то под кем? И какой «масти»? Сдается мне — «баклан» ты «по жизни»! — продолжил наезд Косов, — Я вот... как люди говорят — из «пиковых».

На этом тихо прошуршала финка, вытащенная из наручных ножен.

«М-да... уже жарковато днем становится... Надо думать, как дальше «шабер» таскать «без палева»! Скоро в куртке совсем жарко станет!».

— Ты это... если и правда из «фартовых», то... это... прощевай за ошибку. С кем не бывает? Обознатушки, чё там...

— А «бикса» его, похоже, из этой... из общаги! Вишь какая мелкая, да худая! Точно из балерин! Не — ну тянет же кого-то на таких тощих! — второй, было очень похоже, что и правда — из совсем уж больных на голову. Тут такой разговор неприятный складывается, а он — ни хрена не понимает!

— Ты, Витюша... помолчи пока, ага! Тут непонятки, однако, вышли! Мы с тобой правильного пацана за фраера приняли! — не отрывая взгляда от финки в руке Косова, пробормотал первый.

— Чё? Кто правильный пацан? Этот, что ли? Да пигалицу его... кто-то ж драть будет? Дурень какой-то! Какой он — правильный? Чё ты несешь, Вося?

— А ты, значит, Вося? Так? Ну и чего делать будем, Вося? На ремни Вас резать начинать? — Косов поиграл финкой, картинно сделал пару перехватов.

— Витя, бля... Заткнись я те сказал, тупиздень! — прошипел «умный», — Ты это... Чибис, да? Ты, Чибис... обид не держи! Ошиблись — с кем ни бывает! Да и ты тоже... выбрал же место, где «шершавого засаживать»!

— Вот тебя, бля, не спросил — где, что и с кем мне делать! Ты, сявка, совсем берега потерял, как я вижу! За Вас меня даже на «правИло» не потянут! Ща порезу Вас и буду в своем праве!

Парень отступил на пару шагов и, демонстративно подняв руки на уровень груди, чуть помахал открытыми и пустыми ладонями:

— Ша! Все! Замяли! Не надо тут «пером» махать! Ни тебе не надо... срок с пола поднимешь. И нам — тем более не надо! Все! Были неправы! Все поняли! Давай — разойдемся, а?

— Стопэ! Стоять я сказал, босота! Я-то, может, и прощу... Но вот девочку — обидели! Пигалицей назвали... еще как-то... Так что — вира с Вас, понял! Уйти хочешь — гони «лавэ»!

— Какое «лавэ»? Мы на «голяке» сегодня... Вот... решили прошвырнуться... на «пузырек» наскрести! Пустые мы... правда!

— Вот же Вы... щенки «подкорытные»! С Вас даже взять нечего! Э! Скажи своему «кирюхе» — пусть стамесочку вон туда... в траву кинет! Ага! Быстро, сука! — «рыкнул» Косов.

Дождавшись, пока железяка отлетит в кусты, продолжил:

— Вот же Вы... «перхоть подзалупная»! Даже «финарь» таскать боитесь, а тоже — на дело вышли! Скройтесь, бля... пока дядя добрый!

Косов чувствовал, как адреналин, щедро выплеснутый в кровь, начинает перегорать без выхода. Его начинало «потряхивать».

— Эта... Чибис! Ты эта... зря ты тут... Здесь... если по тропке этой пройти чуть дальше... метров тридцать... Там сарайка есть... чистая. Туда чужие не ходят. Да и не знают особо... Ты б лучше туда шел, ага!

Иван зашипел со злостью и парочку как ветром сдуло.

«Видно даже до второго... тупого дошло, что не на того нарвались!».

Он чуть постоял, прислушавшись. Но похоже, что рядом и правда никого больше не было. Повернулся в Таньке:

— Ну что, красивая, помешали нам, да?

Та кивнула, продолжая смотреть на него широко раскрытыми глазами. Косов аккуратно вставил нож в ножны, поправил рукав.

— И что будем делать дальше?

Девчонка негромко ответила:

— Не знаю... А ты что хочешь?

Косов... Косов — хотел! Уже становится привычкой — после таких встрясок нужен хороший секс! Забойный такой, не разовый! Тогда отпустит, тогда все выйдет вместе с паром на женщине!

Он покопался в своей сумке, бормоча:

— Так... фляжка... ага — вот она родная! Та-а-а-к... О! Вот — шоколадка есть, поломанная правда... Ну да и — пусть, нам же закусить, а не в подарок!

Поднял голову:

— Ну что, красивая? Пошли? Как нам подсказали — через двадцать-тридцать метров есть сарайка. И даже, вроде бы — чистая!

Танька смутилась:

— Ваня... Я что-то писать хочу... Испугалась, наверное... Ты это... ты отвернись, а? Только... далеко не отходи, а то я боюсь!

Он отвернулся, сделал пару шагов к тропинке. Сзади послышалось:

— Вань! Ну не отходи, а? Я же просила! Страшно как-то...

Дождавшись конца «процедуры», Иван подхватил девчонку под локоть и буквально потащил за собой.

— А ты говорил, что не бандит! А сам вон как с ними разговаривал!

— Да не бандит я! Просто... нужно уметь разговаривать с разными людьми. Вот и с такими... ушлепками — тоже!

— Это фабзайцы были..., - бормотала Танька.

— Кто? Какие зайцы? — опешил Косов.

— Ну... фабзайцы... ну — так ученики ФЗО называются. Там у них... разные есть. Хотя в последнее время вот такого вроде бы не было. Давно уже! Вот раньше — да... всяких хватало. Даже было как-то: девчонок у нас двоих изнасиловали! Давно, правда...

«Ага... и правда — довольно чисто! Стол, сколоченный из досок; топчан, даже накрытый каким-то старым... толи — покрывалом, толи — одеялом... Ну — ничё так... для сброса пара!».

Девчонка непривычно жалась, потеряв свой напор и некоторую отвязность.

«Выходит и правда — испугалась!».

Пришлось выпоить ей чуть не половину фляжки коньяка, потом — заставить закусывать шоколадом. А дальше Косов пустил в дело руки, губы и язык! Его немного трясло — не понять — отходняк ли, или просто от возбуждения.

— Давай одежду снимем... а то — помнется. Ага... вот так! Мы ее сюда повесим! А сейчас... иди ко мне!

Девчонка осталась без белья быстро и без особых церемоний. Не до них было Косову. Потом... довольно грубо наклонил ее вниз.

— Вань! Я же... не умею. Тебе опять больно будет!

— Надо учиться... А то — так неучем и останешься! В-о-о-т... зубки приberi, ага! Губы... Киса, запомни — только губки! Да... еще и язычок пусть поработает!

— Так, да? — освободила речевой аппарат Танька.

— Так... о-о-о-х-х... да-да... так! Зубы! Я же сказал!

А потом и сам начал двигаться, не дожидаясь, пока девчонка овладеет такой... наукой.

«Нет! Так дело не пойдет!».

— А ну-ка... иди сюда! — он развернул ее спиной к себе, и заставил опереться руками о стол.

— Опять не понравилось, да? — пыталась отдышаться Танька.

— Уже лучше! Но все равно... еще — не то!

— Ай! Ой... Ваня... ну что же ты... потише! Не так... сразу!

Но постепенно дело пошло на лад! По звукам и движениям Таньки, он понял — «На правильном пути, товарищи!».

Почувствовав, что — все... еще и... вот-вот! Снова развернул ее к себе, и с силой наклонил:

— Рот открой! О-о-о... как же... хорошо!

Постоял так, чуть покачиваясь...

Танька выпрямилась, утирая губы и подбородок:

— Дурак! Вот же... дурак какой! Фляжку дай, хоть рот... прополощу!

— Что-то ты в прошлый раз... не говорила, что не нравится?

— Ты в прошлый раз не был таким грубым!

К его удивлению, девчонка не стала выплевывать коньяк, а проглотила. Потом подумала — и сделала еще пару глотков.

— А шоколад остался? Дай закушу... А то сейчас... опьянею, — Танька продолжала «дуться».

— Ну и хорошо... Мы же только начали, успеешь протрезветь!

— Ага! Молодец какой! А в общагу я как пройду? До одиннадцати вернуться надо!

— А что — через окна не судьба залезть?

— Как залезть-то? На первом этаже — решетки! А до второго — попробуй доберись!

Высоко...

— Да я тебя подсажу?

— Да? Точно подсадишь? Смотри — там высоко!

Получив заверения в его искренности, Танька повеселела:

— Ну тогда ладно... Давай еще? Только... не так грубо, хорошо?

Косов постарался не быть таким грубым. Правда — хватило ненадолго! Подмял под себя девчонку, вошел грубо, резко...

— Ай! Ну что ты опять-то... Больно! Не так резко... не надо...

Но уже через пару минут:

— Да... вот так! Еще! Ох! Еще...

Она сидела на нем, покачивалась, чуть приподнимаясь:

— Что-то ты сегодня... как с цепи сорвался! А вот так мне... хорошо!

Иван приподнялся на локтях, нашел ее губы своими губами, взял ее за попу и резко опустил вниз, прижал:

— А-а-х-х... ну что же ты опять-то... хотя... пусть... хорошо!

Было не понять — или она опьянела, и поэтому стала более раскованной и нежной одновременно... Но не забывала в кульминационные моменты соскакивать с него и прикивать ртом. Уже была не против!

«Да... беременность для балерина — это полная жопа!».

Сколько прошло времени — он не знал. Было темно. Хотя — как темно? В конце июня в Сибири по ночам особо темно не бывает. Так... густые сумерки.

— Ну и как ты себе это представляешь? Как ты меня подсаживать будешь? — обратилась к нему Танька.

«М-да... потолки тут высокие, что есть — то есть!».

Окна первого этажа, забранные решетками, поднимались... метров до трех! Потом... потом — еще метра полтора... даже — больше... около двух! И окна второго этажа, куда им и нужно было попасть.

— Ищи свое окно! Не будем же мы ломиться через соседей. А как? Посмотрим..., — задумчиво смотрел на преграду Косов.

— Да что его искать? Вот оно! — ткнула Танька рукой в окно ближе к углу здания.

Хорошо, что окна ее комнаты выходили во двор здания. Было тихо, только с улицы изредка доносился шум проезжавших машин. Редко доносился. А народ... народ уже давно спал — завтра же на работу! Но все равно — разговаривали негромко, не сказать, чтобы шёпотом.

— Ага... слушай, а где у Вас вахтер сидит? Далеко? — спросил он у девушки.

— Далеко! Вон там, где-то... на входе в здание. У нее там же и топчан стоит, за загородкой, — Танька махнула рукой куда-то «втустепь».

— А здесь что? Вот под Вами на первом этаже? — указал он на интересующие его окна.

— Здесь? Здесь — кастаньянная, здесь склад какой-то... А здесь... у-у-у... кабинет комендантши! — потрясла кулачком Танька.

Она была вообще в таком... интересном состоянии. Толи пьяная, толи сонная, толи расслабленная до предела. Похоже — девица словила дзен!

— К-х-м-м... так это же прекрасно! А скажи-ка мне... красавица... А к Вам часто к окнам лазят? — опять поинтересовался он, пробуя на прочность решетки окон первого этажа.

— К нам? К нам вообще не лазят! — «как-то грустно у нее получилось!», — А вон там... там, бывало, раньше, лазали! Ну помнишь — я тебе рассказывала, что у нас эти... кобылы из филармонии живут? Ну — которая хвасталась, что с Калошиным крутит? Вот... к ним лазали парни. Но потом кого-то поймали, и их предупредили, что, если еще хоть раз — выселят! И все... больше не лазят...

«Похоже... подруга Игорька... тоже — затейница та еще! Х-м-м... а подруга подруги Игорька? Интересно... меня же приглашали сюда, тогда... перед концертом! Но — видно не судьба... Просто времени на всех не хватит!».

Косов на взгляд оценил высоту до окна второго этажа, потом — перевел взгляд на подружку, которая высоким ростом похвастать явно не могла.

«Даже если я подниму ее на руках... на вытянутых вверх руках... Вопросов много! Во-первых — смогу ли я ее так удержать? Ну... допустим — смогу! А сможет ли она так устоять? А вот — не факт! Тогда что? Тогда...».

— Танюшка! А ты сможешь сейчас... залезть ко мне на спину, и руками обхватить меня за шею, а ногами — за поясницу? — как она в таком состоянии — цепкая ли?

Девчонка икнула, подумала, и кивнула:

— А чего там не смочь? Смогу!

— Ну... тогда — давай, как-то надо твою соседку разбудить, чтобы она окно открыла! Как, кстати, зовут ее?

— Кого ее? — не поняла Танька.

«У-у-у... похоже все-таки — окосела!».

— Соседку твою... как зовут? — тихонько спросил Косов.

— А тебе зачем? Ты на нее... навелся, что ли, как ты говоришь? — прищурившись, с подозрением, спросила Танька.

— Тань... послушай! Ну ты чего, а? Я ее и не видел ни разу! Как бы я на нее навелся?

— Откуда я знаю... как? Ик! Ты кобель известный... вон и Елену кроешь... и Ритку... сучку эту рыжую... и меня! Может ты... это... дистанционно! Вот!

— Нет... я не навелся на нее! И таки да! Мы же с тобой... только что! И несколько раз, если не помнишь! Мне сейчас это зачем? Я просто тебя хочу в комнату поместить...

— Ага... понятно! Кобель! Меня — в комнату... а Машку... значит — того!

— Так ее Маша зовут, да?

— Ну а я что говорила — кобель! Уже и на нее слюной капает, да? Вот же ты... А может... может я сама... еще хочу? Может мне — мало было?

«Похоже назревает женский бунт... пьяный, бессмысленный и беспощадный! Как-то надо... побыстрее все это... и сваливать! Или еще плеснуть ей граммов этак сто... и она бы ушла «баиньки». Но — где взять-то?».

Косов пошарил под ногами и нашел штук пять разных совсем небольших камешков.

«Ага! Еще окно разбить не хватало!».

Так что три камушка он потратил по стене здания, чтобы потренироваться в силе броска — по принципу: «много», «мало», «в самый раз!».

«Стук!» — негромко в стекло нужного окна. Тишина...

Еще раз — «стук!». За окном светлым пятном вроде бы мелькнуло лицо. Косов помахал руками, активно показывая на Таньку. Пара рывков изнутри комнаты и окно раскрылось.

— Чего Вам? Хулиганите? Я сейчас вахтера позову!

«Таньку, похоже, не узнали. Ну да... темновато!».

— Маш! Ты чего? Я вот соседку твою доставил. Сейчас нужно прикинуть как до койки ее поднять...

Сбоку раздалось бурчание Таньки, что она, дескать, сама «доставилась».

— Ты, Смелкова, совсем ослепла? Меня не видишь, что ли? — выразила недовольство Танька.

— А ты, Гордеева, рехнулась! Бродишь по ночам, как привидение! Вот увидит кто — будет тебе на орехи от комендантши!

— Так... ладно! Вань! Как мне туда попасть-то? — спросила подруга Косова.

— Ну... у меня одно предложение — хватаешься руками мне за шею, ногами — обхватываешь пояс и держишься покрепче. А я как мать-бибизьян... нет, все же отец-бибизьян медленно и аккуратно ползу вверх по решетке. Там вон... перехватываюсь, доползаю до окна, и ты уже, по мне — шмыг и в комнате!

— А мы с тобой... не рухнем? Нет... так-то ты — сильный! Но вот решетка эта...

— Да я проверил, вроде должна выдержать... Только ты держись покрепче!

— Ага... сейчас...

— Ну? Готова? Маш! Встречай нас там, наверху. В смысле — подстрахуй Таньку, чтобы не свалилась, когда с меня перелезает в окно будет.

Но пара попыток оседлать Косова, как Вакула черта, показала — что-то здорово мешается!

— Ну ты чего, Тань?

— Чего-чего... юбка, блин, узкая... Ноги раздвинуть не могу!

Косов не удержался от «шпильки»:

— Что значит ноги раздвинуть не можешь?! Ты же вот, недавно — очень хорошо раздвигала!

Сверху послышался смешок.

— Ой-ой-ой! Какие мы юморные! Говорю же — юбка мешает... узкая. Сейчас, подожди... я юбку сниму! Поддержи меня, а то... могу упасть! — раздраженно бормотала Танька.

Сверху послышалось:

— Гордеева! Ты что, пьяна? Совсем, Танечка, с ума сошла?

— Да не пьяна я... ну... может только чуть-чуть...

Косов придерживал Таньку, поглядывал на нее, но больше смотрел вверх. Там сейчас было интереснее — Маша далеко высунулась в окно и наклонилась, пытаясь разглядеть ситуацию получше. И была она в халатике с запахом... и халатик был не совсем... запахнут!

А Танька? А чего Танька? Там он уже все видел! А здесь... здесь было явно видно — все побогаче и поинтереснее!

— Гордеева! Ты... ты что — без трусов, что ли? — соседка была... очень удивлена... мягко говоря.

Косов повернулся посмотреть. Ага... так и есть!

Танька замерла с юбкой в руке:

— Ваня! А где мои трусы?

Косов чертыхнулся:

— Ну ты чего? Ты же сама заявила... что промокла до мокрых трусов. И надевать тебе их — противно! У меня в сумке они!

Опять смешок сверху и чуть слышный шёпот:

— Да они оба сумасшедшие!

— Ну! Чего стоим, чего ждем? Давай, хватайся. Сейчас же тебе ничего не мешает? Или мешает?

— На вот... юбку мою туда же... в сумку, к трусам!

Наконец-то Танька угнездилась у него на спине. Да крепко так... зараза! Бока сдавливают ощутимо. Ну конечно, ножки-то у нее накачаны — будь здоров! Вот бы шею еще так не давила...

— Скажи честно... Татьяна! Ты меня сейчас задушить хочешь? Что плохого я тебе сделал? Кроме того, всего хорошего... у-ф-ф... так... ногу вот сюда закинуть! Ага! Ты же сама говорила... как тебе хорошо...

— Может я тебя задушить хочу... в объятиях любви! Чтобы ты, кобелина такая... Ик! Больше эту Рыжую... не драл!

«А смотри-ка... и держится крепко, и рассуждает еще что-то. Может и правда — не сильно уж и пьяна?».

— Ага! Рыжую... значит... драть нельзя... так она — первее же тебя была?

— И что, что первее... Ладно там... Елена. Я ее уваж-ж-ж... ува-ж-ж-аю! Вот! А Марг эта... сучка рыжая!

— Да? А она мне обещала, что научит тебя минет правильно делать...

Вот это он сказал... зря...

И Танька дернулась, и нога чуть подалась на решетке. Но — удержался, ага...

— Что — правда, что ли? Врешь ведь! Чтобы Рыжая и такое пообещала! Х-х-а...

— Ну... не хочешь — не верь... Мне-то что?

— Ладно... мой конек-Горбунёк... вези уж меня... в постельку.

Он полз медленно. Сорваться было бы уж совсем... водевильно! И сам не заметил, как оказался лицом к лицу... с Машей. Та с интересом так... разглядывала появившуюся в окне композицию. Хмыкнула:

— А ты ничего так... Симпатичный!

Сюда же посунулась из-за спины мордашка Таньки:

— Смелкова! Ты эта... на чужой каравай — рот не разевай!

— Ой-ой-ой... подруга называется! А забыла, как ты тогда с Хмельницким переспала?

А ведь мы тогда с ним...

— Вот же язык у тебя, Машенька! Как помело! Не было у меня тогда ничего с ним!

Понятно?

— Ну да, ну да... как же... А голые Вы вот здесь спали — не иначе как от невероятной жары?

«Ой какие скелеты тут... в шкафах обретаются!».

— Машенька! Я вот... ничем тебе пока не пакостил... Может — пропустишь меня туда, в комнату? Или... как вариант — снимешь с меня эту красотку... полуголую? А то... представь — какую картину мы сейчас представляем оттуда... снизу и сзади!

Маша засмеялась тихо и заливисто, но отодвинулась:

— Въезжай уж... средство передвижения пьяных балерин!

Он... въехал. Было неудобно — окно оказалось узким, а Танька... Гордеева — да! Почему-то отказывалась слезать с него и далее передвигаться самостоятельно, мотивируя это абсолютно нелогично, что дескать — боится упасть! Так и пришлось... на карачках залезть в окно, а потом... изогнувшись... перелезть в позе креветки... на подоконник. А там, выдохнув, спуститься на пол.

— Ф-ф-у-х! — опустив съехавшую ему на грудь Таньку на кровать, он присел на подоконник.

— Что? Запарился ее тащить? — съехидничала Маша.

— Да нет... просто боялся, что она сорвется... или решетка не выдержит!

— Ва-а-а-нь! — протянула с кровати Танька.

— М-м-м?

— А может... ты не пойдешь никуда, а? Остайся у нас. Вот ляжешь со мной на кровати, я к тебе приставать не буду. Честно-честно! Ну куда ты пойдешь, а? До утра точно никто сюда не заглянет. А утром Смелкова разбудит нас пораньше... Вылезешь через окно, да и был таков.

Упомянутая Смелкова как-то очень уж плотоядно разглядывала его. Это было заметно даже при столько скудном свете огрызка свечи, который Маша зажгла на столе, после завершения операции его внедрения.

Косов уставился в ее глаза в ответ, а потом — чуть высунул кончик языка и изобразил... «язычок змеи»! Ошарашенный вид Маши стоило бы запечатлеть для истории. Даже в полутьме было видно, как густо потемнели ее щеки.

— Ага... умею! — прошептал он, еще более «вгоняя в краску» девчонку.

— Гордеева! — шёпотом обратилась к подруге Маша, — Ты где его нашла... такого... нахального?

— Где нашла... там больше нет! Да чего ты Смелкова... дурочку-то корчишь? Это же тот парень... ну... которого мы с девчонками обсуждали, вот!

— Это... Ленин хахаль, что ли? — ахнула Машка, — Вот ты дура, Гордеева! Завадская же тебя живьем съест!

— Не съест... а-а-а-х-х! — зевнула Танька, — Ну что, Ваня? Останешься, а?

— А ты точно приставать не будешь? — не отрывая взгляда от глаз Маши, спросил он у Таньки.

— Ну-у-у... ну до чего же ты противный, Ваня! Ну что тебе... жалко, что ли? Разок еще и спатьки!

Ваня осмотрелся. Две металлические узкие девичьи кровати. Стол у стены, две тумбочки, платяной шкаф. Почти казарма.

Только нет ни в одной казарме такого запаха. Запаха теплого девичьего тела, чуть-чуть — остатки запаха каких-то уже неопределимых духов... чего-то еще... но — присущего именно женскому жилью. И тепло... не физическое тепло, а тепло, которое ощущается где-то внутри. Оно расслабляло не хуже горячей, сытной пищи и емкой дозы спиртного после тяжелого физического труда на свежем зимнем воздухе. Посильнее теплой печи, после метельной ночи... Из Косова как будто воздух выпустили, так неохота стало никуда идти! Прибился бы... куда-нибудь... в уголок... и засопел часиков на пять!

— У-а-а-х-ф! — зевнул он, — Простите, дамы! Не удержался! Только вот... Тань! Твое предложение... ну — по поводу кровати! Оно не выполнимо! На такой кровати спать только друг на друге! Ты сверху или я?

— Ой! А я и не против! — оживилась та.

— Ага! Только подозреваю... кровать эта будет голосить так, что сбегутся все соседи!

Машка засмеялась. Косов обратил внимание, что девица совсем не пыталась поправить детали своего туалета — халат почти распахнут, а поясок завязан так, что и полы... как-то разъезжаются.

«Да ну ладно! Ага! Все тебя совратить хотят! Куда там! Может девушка просто спала в халатике, вот он и сбился так. А поправить — забыла!».

Только вот в памяти было твердое убеждение, что в таких ситуациях женщины поправляют туалет машинально, не задумываясь. А если не поправила? То — что? Специально так?

В брюхе у него вдруг заворчал, заурчало, напоминая, что питалось это брюхо уже давненько. А коньяка пара глотков, да кусочек шоколада — вообще «нио чем»! Танька тоже встрепенулась, встала, чуть покачнувшись, стянула с себя блузку, оставшись в одном лифчике и спросила у подруги:

— Маш! А где мой халат?

— Где, где... в шкафу! Где же ему еще быть?

— Ага..., - у раскрытой дверцы шкафа Танька скинула последнюю деталь туалета, зашвырнула его куда-то в недра мебели, и вытащив, надела халатик, близнеца того, что был на соседке.

А Машка продолжила играть «в гляделки» с Косовым.

— Гордеева! Перестань наводить свинарник в шкафу, я все вижу! — это она, не отрывая взгляда от Ивана.

— Ну и ладно... Завтра все равно прибираться собирались! Слушай! А правда... у нас ничего поесть нету?

— Есть холодная отварная картошка... Хлеб есть, правда немного. В чайнике вода... может быть еще теплая...

Брюхо Косова опять подало сигнал, что все перечисленное, хоть и так себе еда... но все-таки!

— Маш! А посуущественнее... ничего нельзя найти в Вашей богадельне? — «ну а вдруг?».

— У Поздняка если только? — переглянулись подруги, — Только он спит поди уже? И это... этот хомяк так денежку любит...

— А Поздняк? Это у нас кто? — заинтересовался Косов.

— А это помощник администратора наш... Здесь живет. Он с женой развелся... вот и ютится в общежитии.

— Ага... ютится! Смелкова! Он же к тебе — не ровно дышит! Сходи, а? Пожрать чего-нибудь... да и Ване вон... коньяк-то у этого хохла всегда есть! Сама же говорила! — начала «клянчить» Танька.

Маша покраснела снова, хмуро глянула на подругу.

«Да мне-то какая разница... спит с этим хохлом Машка... или нет! Хотя... если и спит — то, чего тогда не с ним сейчас, а здесь, в одиночестве?».

— Маш! Деньги ни разу не проблема! — поддакнул Таньке Косов.

— Ну... ладно! — согласилась Смелкова.

Косов, не глядя, вытащил из портмоне несколько купюр, протянул Маше.

— Ты чего? Этого же много! — попыталась возразить девчонка.

— Оставь! Вон Вам с Таней питаться тоже нужно...

— Ладно... я пошла, — Машка демонстративно распахнула халатик, поправила, не смущаясь от взгляда Ивана, — А вы тут... не шалите! И не вздумайте... я быстро вернусь!

Иван постоял у двери, послушал сначала тихий стук в какую-то соседнюю дверь, потом — негромкий голос Маши:

— Да мы с Танькой засиделись, заболтались... А потом чувствуем — есть хотим, а есть-то и нечего! Нет-нет... да, деньги у меня есть. Да, спасибо! А еще... Хорошо-хорошо! А вот... вы тогда говорили, что у Вас коньячок... ага! Нет-нет... Павел Степанович... Давайте в следующий раз. Ага! Да нет... что Вы, как я могу обмануть?! Спасибо большое! Да-да.. нет... ну — только если в щечку!

Он приоткрыл дверь изнутри, запуская девушку.

— Ф-у-у-х-х... Гордеева! Ты мне будешь должна! До чего же противный мужичонка! Знаешь, Танечка... может ты сама с ним как-нибудь... рассчитаешься?

— Ой-ой-ой... Смелкова! А кто к нему уже не раз в гости заглядывал? Вот только не надо здесь строить из себя Клару Целкин!

Маша фыркнула возмущенно и покосилась на Ивана.

— Ладно, девчонки! Не ссорьтесь! Вы молоды и красивы, почему бы у Вас не может быть поклонников? А поклонники... они разные бывают! Давайте лучше посмотрим, что там нам реализовал товарищ Поздняк! — постарался отвлечь девчонок от назревающей ссоры Косов.

В бумажном пакете оказался изрядный шмат сала. Выложенной на стол была половина буханки ржаного хлеба, пара луковиц, и початая бутылка коньяка.

— Ф-ф-у-у-у... лук! — скорчила мордашку Танька, — А завтра как на занятия с таких отвратным запахом приходиться?

— Гордеева! Ты совсем память потеряла? Завтра же... точнее — уже сегодня! Костюм!

— Ой! Точно! Костюм же завтра!

Из пояснений девчонок Косов понял, что примерно раз в две недели, в труппе проводится ревизия сценических костюмов, которая растягивается практически на весь день.

— Там с утра такое столпотворение в костюмерной! Можно смело приходить не ранее одиннадцати часов. А то и к двенадцати! Все одно — в очереди стоять. Там сначала будет всякие... примки... да — прочие... особы, приближенные. А мы, кордебалет, все — после них!

— Тань! А Елена не «запеленгует» твое отсутствие с самого утра? Проблем потом у тебя не будет? — поинтересовался Косов, видя, что Машка так и «стрижет ушками», с интересом прислушиваясь к их разговору.

— А это, Ваня, от тебя зависит — будут у меня проблемы или нет! Вот... доставишь Лене удовольствие, и попросишь за меня! — «коварно» заявила Танька.

Машка засмеялась:

— Ты, Гордеева, все-таки припадочная! Спать с любовником Завадской... это даже не знаю! Это как в цирке голову в пасть тигру класть!

— Ой, да ладно! Может у нас с ней... отношения налаживаются?! Может она и не против будет. Он вон какой молодой, у него сил много... С нее не убудет!

А вот стопку коньяка он Таньке налил — зря! Толи девчонка выдохлась, толи на «старые дрожжи»... Но она явно окосела! Коньяк, кстати, был так себе!

— Ваня! — с глупенькой хмельной улыбкой обратилась она к Ивану, — Если ты уже перекусил... давай матрас с моей кровати на пол переложим, а? И вдвоем ляжем?

— О-о-о-х-х... мне еще и это придется слушать? — неискренне всплеснула руками Маша.

— А ты, Смелкова, можешь не только слушать... но даже — смотреть! И завидовать! Сама вспомни, какие Вы тут с Хмельницким скачки устраивали! Я же ничего? Сопела на кровати и ничего против не говорила!

Маша отмахнулась, и надув губки, принялась поправлять кровать, демонстрируя свою готовность ко сну.

«А матрас-то, что логично, соответствует ширине кровати! И тоже... не разляжешься на нем!».

Танька в голом виде, на четвереньках, устроилась над ним, мерно покачивая головкой... верх-вниз... Причем, зараза такая, абсолютно бесстыже, даже — демонстративно выполняя минет. И даже потребовала, чтобы подружка не гасила свечу.

«А навыки-то у нее накапливаются! До мастерства еще далеко, но... Ага! А чьи этс глазки видны из глубины одеяла? Это Машенька так закуталась с головой, типа — ни видеть, ни слышать ничего не хочу!».

Косов, хулиганя, приподнял голову, и подмигнул девчонке. Ресницы захлопали ошеломленно, потом высунулась голова, и был продемонстрирован язык. Потом Машка одними губами прошептала: «Нахал!». Косов в ответ продемонстрировал «язычок змеи»! Девчонка фыркнула и снова закуталась в одеяло. Правда — и в этот раз с хорошей такой отдушиной, позволяющей дышать. А еще — видеть и слышать!

А Танька, похоже, и впрямь — быстро вырубалась. Уже и движения ее были замедленными, и присела она для удобства на попу.

— Иди сюда, Танюшка! — Косов потянул девчонку на себя, потом подумал, и перевернул ее на спину.

И если сначала Танька чуть постанывала и обнимала... то потом, спустя очень непродолжительное время... вдруг засопела.

— Ну вот ни хрена ж себе! И как быть? Не! Я так не играю! — приподнялся на руках Косов.

На соседней кровати, из-под одеяла немедленно появилась голова Машки, и она, хихикая и закрывая губы рукой, спросила:

— А что тебя останавливает? Ну и... Делай свое дело!

Глядя ей в глаза, Иван ответил:

— Да не могу я так... Мне нужно, чтобы девчонка отвечала... чтобы было видно — хорошо ей или плохо. А так... ну что это за блуд такой?

Машка засмеялась:

— Ага... а тем ни менее — качать продолжаешь!

— Ну... это сейчас выше моих сил... остановиться!

— Ты... это... в нее не вздумай спускаться! — забеспокоилась о подруге Маша.

— Да что ж я... совсем дурак? Не понимаю, что ли..., - и Косов — вышел.

Танька продолжала сопеть, даже делала это... ровнее. Он приподнял девчонку и повернул ее на бок.

— Так ей... удобнее будет!

— Смотри-ка... какой заботливый! — протянула Машка.

— Да. Я такой..., - а потом, глядя в глаза Смелковой, он протянул руку, — Машенька! Иди сюда!

Она фыркнула как молодая кобылка, возмущенно мотнула головой:

— Совсем уже?! Вот еще... Ну ты и наглец!

— Да-да... я, конечно же, наглец... И нахал! И хам! И... много еще чего разного! Только вот и ты же... мокрая сейчас вся. Или скажешь — нет? Ну же... правда ведь? Так?

— Ты вон... в Танькиных... соплях весь!

«Ага! А вот это уже конструктивное замечание! То есть — указано на проблему, но проблема — решаема! То есть — решаем проблему и дальше... без проблем!».

— А где я могу обмыться?

Девчонка секунду помолчала...

— Да вон... за шкафом кувшин с водой. И тазик там же...

— А может ты мне поможешь?

— Вот же ты...

— Да-да... я нахал, хам, наглец! Но все же — помоги мне, красавица!

Машка встала, на цыпочках подошла:

— Только тихо... Чтобы Танька не проснулась, понял?

— Конечно же понял, хорошая моя!

Он взял ее руки и потянув их к себе, вовлек девчонку в процесс обмывания.

«Х-м-м... а ей явно понравилось!».

Когда они... тихо-тихо вернулись на матрас на полу, Танька продолжая спать на боку, чуть скатилась, давай им место.

Машка придвинула свои губы вплотную к его уху:

— А правда... что ты умеешь так... языком?

— Хочешь попробовать?

— Очень хочу!

Стоило отметить, что Маша была в чем-то даже интереснее Таньки. Внешне. Брюнетка. Явно старше той года на два. Повыше ростом, покрепче, пошире в бедрах.

Они фактически не спали до самого утра. И даже чуть позже. И только начинающиеся шевеления Танькиной тушки, заставили Машу отпрянуть от него, и быстро заскочить на кровать.

Она отдышалась, чуть слышно засмеялась:

— Ф-у-у-х... хорошо, что успели... как раз.

Он приподнялся, нашел ее губы и крепко поцеловал:

— Спасибо, красавица!

— За что?

— За все! Мне было с тобой очень хорошо!

Машка хмыкнула, внимательно посмотрела ему в глаза:

— А ты сейчас не врешь... Ну... и тебе — спасибо! Ты и правда... умеешь.

Он снова поцеловал ее.

— Все, все, все... давай хоть полчасика подремлем, если уж ночью спать не пришлось! — она мягко отстранила его от себя.

«Ага... у кого — только этой ночью... а у кого-то и прошлая была... не очень сонной! Леночка тоже это дело — любит!».

Проснулся он от энергичного потрясывания его плеча.

— Ну? — не открывая глаз.

— Ваня! Уже десять... надо собираться. Нам — пора!

«Бляха-муха! А давно я уже в женских общагах не зависал!» — выныривая из сна подумал Косов, — «Здесь есть как плюсы... так и минусы! Минус — это вот когда тебя так... бесцеремонно будят и предлагают — выметаться!».

Поразмыслив, Косов все же отказался от предложения Елены о временном переезде к ней. Здесь было много аргументов — и нежелание хоть в какой-то мере стеснять женщину; и желание сохранить некую свободу действий; да и просто — у него были еще некоторые обязательства по жизни. От которых он начал потихоньку избавляться. К примеру — с мужиками-сторожами они договорились, что сторожить он больше не будет. Ну, только если остается ночевать в клубе, что происходило все реже и реже. Но, уже по договоренности с Ильей, увольняться он не спешил — просто отдавал всю свою зарплату Миронычу и Якову.

Так же, как и работа киномехаником. За собой оставил только смену лент в «Киносети». Сами фильмы крутил один парнишка со станции. Его предложил Коля Ивкин. Сам же Ивкин — убыл на сборы, в танковую школу Омска. Удостоверения механика у этого парня не было, но сам аппарат он знал, управлялся с ним вполне грамотно, и даже необходимость топать по субботам со станции в клуб, на киносеанс, а потом — возвращаться назад, его не остановила. Этот парень, Валентин, и на курсы киномехаников записался. Поэтому — денежку за эту должность, Косов опять же — отдавал.

Еще одно — все-таки тренироваться Косову было необходимо, не хотелось бы приехать в училище таким... «мешком с говном»! А где там у Лены тренироваться? Бег, турник, брусья... И отработка навыков пистолетчика — тоже никуда не делась. На утренних пробежках он добавил разминку, в которую включил и кувырки: вперед-назад, в стороны. С «наганом» в руках, и без него. И холостил, холостил, холостил... Развороты, качание «мятника», бег «вразножку».

Полигон подсох, и, как они договаривались с Лазаревым, был организован выезд. Со стрельбой и тренировкой. Лазарев «порешал» с одним из командиров, который отвечал за огневую подготовку в части, об организации стрелковой галереи в одной части очень небольшого полигона. Посмотрели, что вышло, поправили. «Колхоз», конечно... Но и сам Косов — не очень-то хорошо помнил все эти «айпиэссишные» приколы. Ну... как вышло — так вышло. Все одно — тут этого еще никто не знает. Косов вместе с выделенными бойцами сколотил деревянные стойки под размещение мишеней — как бумажных, так и металлических: гонгов, тарелок, слепленных из того, что удалось найти. Сбили из досок какие-никакие коридоры, дверные и оконные проемы.

Расставили мишени, посмотрели. Потом — не удержались с Лазаревым и прошли пару раз с револьверами в руках. Их деятельность привлекла внимание командиров и бойцов части. Приходилось отвечать на вопросы. Но, если старшие командиры, посмотрев на подготовку, а потом и прохождение городка Иваном, пофыркали: «Цирк с конями!» и разошлись, то пара-тройка из командиров помоложе — явно заинтересовались. Особенно их воодушевило прохождение городка Косовым с двумя револьверами в руках.

Лазарев не стал «выпендриваться» с кувырками, подбором оружия с земли при кувырке, но в движении работал вполне себе четко — с разворотами, переносом огня по сторонам и прочим «прибабахом».

— Еще пару раз съездим туда... потренируемся, а потом можно организовать «показуху», как ты сказал. Подумаю, кого можно пригласить, — размышлял инструктор.

— А методичку... ну — или как там назвать рекомендации по тренировкам? Вы подготовите? — отдыхая после тренировки, Иван сидел сейчас на травке и шурился на

солнышко.

— Наброски есть... а сам документ? Тут сначала нужно показать все... Товар — лицом, как говорится. Вот если будет интерес, тогда — да... Но я уже представляю, что должно получиться. Когда тебе уезжать?

— Да вроде в отделе комплектования сказали, что в двадцатых числах июля...

— Ага... почти месяц еще есть. Ну — должны успеть! Ты никуда не теряйся. Телефон у тебя мой есть, вот и позванивай день-через день... Скажу, когда следующая тренировка! — подвел итог Лазарев.

Вода в Оби уже спала, уровень вошел в летние границы, обнажив затопленные ранее берега, заросшие тальником и кустами ежевики. Там еще сыро, но знакомые Косову тропки уже подсохли. Бегать по ним — одно удовольствие. А для разминки и всяких кувыркков есть удобная полянка.

Бежишь, по сторонам пялишься, о всяком думаешь...

Получилось у них сходить в горсад на концерт с Танюшкой. Правда та сначала дулась на Косова, всячески выказывала недовольство его поведением. Ну да — у Маши... как у той утки — вода в попе не держится! Адюльтер Маши с Иваном тайной не стал. Но они все-таки подружки с куда большим стажем, чем знакомы с Иваном, поэтому к их следующей встрече, недовольство это Танькино было более — показным, чем искренним. Типа — сволочь ты, с моей подругой, а я то... Эх ты!

Что Косову нравилось в его подругах — так вот эта легкомысленность. Ну да — переспали, да и ладно. Что у Елены с Ритой... Что в этой паре прелестниц. Никто не претендовал на его «комиссарское» тело всерьез.

Правда ждать тогда пришлось — чуть не час. О точном времени же — не договорились? Вот и сиди тогда, жди, пока девицы не соберутся на такое важное мероприятие. Почему во множественном числе? А потому что соседки-подружки — поругавшись, уже помирились, а значит — «Маша идет с нами!». А может и не ругались? А Косову — до лампочки! Наслаждался видами полураздетых красоток, судорожно и суетливо ведущих сборы на «светское мероприятие»! И кто там больше попой перед ним крутил — Танька или Маша... так сразу и не скажешь!

А Косов? Он что — железный? То есть эти хаотичные перемещения в «неглиже» перед ним привели к известному результату, который, в свою очередь стал заметен девчонкам. Танька сначала фыркнула — «Так тебе и надо! Сладкого — не получишь!», но потом покосилась на Машу, чего-то себе подумала и предложила той — «Не хочет ли подружка прогуляться до кухни? Чай там поставить... или еще что? А чайник... опять же... покараулить надо, вдруг — умыкнут?». Маша в ответ ехидно уточнила — «Не помнит ли Таня, как она... мягко говоря — не скрываясь... отсасывала у этого мальчика? Да еще и свечу погасить не давала? И что пришлось Маше — за всем этим безобразием наблюдать... вынужденно!».

Танька почесала прелестный носик и заявила — «Да и ладно! Наблюдала? Ну и... наблюдай снова!». И присела на колени перед Иваном. И даже, начав процесс, прервалась и поинтересовалась, стерва мелкая! «Не смущают ли Машу... определенные звуки, без которых у Таньки... пока не получается?».

Маша возмущенно зыркнула на подругу, пробормотала: «Вот же... нахалка бесстыжая!» и все-таки удалилась на кухню, прихватив чайник, заявив напоследок, что «разворачивать все это непотребство в полноценные действия по всяким там... способам — не стоит!».

потому как чайник закипит быстро!»).

Косов удивился и поинтересовался у мелкой:

— А чего она так... в трусиках и блузке на кухню подалась? Там же... и мужчины могут быть?

Танька вновь прервала процесс и ответила:

— Ой, Ваня! Ну чего ты, в самом деле? Общага-то в основном — женская... Да и мужчины здесь — привычные к таким видам. Разного уже... навидались! И вообще... не мешай! Видишь — занята я!

Она явно набиралась опыта. И — довольно быстро! Хорошо уже... это делала! Видно — и самой нравится! Поглядывает еще так на него... чертовка! Выходит — по его виду мониторит, все ли правильно делает. Ага... чек-лист заполняет!

Потом они попили чай. И за столом было не понятно — кто больше смущался? Иван или Маша? Потому как мелкая «оторва» смущенной не выглядела вовсе!

«Далеко пойдет девочка! Если не остановят! Надо Лене сказать, чтобы присматривала за девчонкой!».

И ведь что характерно? При свете дня Косову стало ясно, что... вот если брать внешне... то Машка ему нравилась больше! И заметно выше Таньки, и в бедрах пошире, и вообще — как-то более женственна, если можно так сказать про девушку двадцати... или сколько ей там? лет. Да и на лицо... брюнетка с очень интересной внешностью. А эта... пигалица... Нет — так-то вполне себе красивая, но — девчонка!

Еще в общаге Косов заметил, с какой завистью смотрела Маша на Таньку. Ну да, та уже не преминула скататься к Елене и часть приобретенных в ателье вещей перетащить в общагу. Видно желание похвастать превозмогло над страхом потерять часть вещей от неудержимого попрошайничества соседок. А уж белье — было перевезено как бы не в полном объеме! Вот и во время сборов Танька нелогично сокрушалась, что на улице очень тепло, а днем — даже жарко будет... Чулки-то как надевать в такую погоду? Да с таким красивым поясом?

И Маша в своем бельешке... не смотрелась от слова — совсем! Поэтому Иван мысленно махнул рукой, и предложил заглянуть в ателье. Ненадолго!

«А-а-а! Сгорел сарай — гори и хата! Сорю деньгами налево и направо! Как те купчишки в царские времена — «Ндрав у миня такой! И ему — не перечь!».

Танька посмотрела на него с недоумением, а потом и с явно выраженной надеждой: «Опять покупки? Опять покупочки? Ой! Как здорово!». Но потом скучилась, когда Косов, чуть смущаясь, пояснил... Что, мол, если уж у него так с Машей получилось... Ну... то есть надо как-то отблагодарить девушку.

В общем... та же чехарда, что и случилась совсем недавно! Танька куksилась совсем недолго, и повеселела — либо она и правда была в хороших отношениях с Машкой, и переживала за подругу, либо — просто была такой легкой по жизни. Но... в отличие от самой Таньки, Маша подходила к выбору одежды взвешенно, и очень расчетливо. То есть — довольно скромно. Но — тем ни менее, пришлось потом возвращаться в общагу — заносить приобретенные вещи.

Это ли, или посещение ресторана — на обед! настолько порадовало девчонок, что они прямо светились и щебетали... как птички в ясное, теплое летнее утро!

«Ну не бутылка же красного сухого так повлияло на девочек?».

Сначала Маша просто шла рядом, а потом, когда чуть осмелела — взяла его под руку, с другой стороны, от Таньки. Хотя и было это не совсем удобно, его постоянная сумка через

плечо ощутимо мешала.

— Ва-а-а-нь! Может... снова у нас переночуешь? Ну... после концерта погуляем еще в саду... А потом ты — раз! И снова через окно у нас в комнате! — прильнула к нему Танька.

— У Вас говоришь... Х-м-м..., - посмотрел на Машу, потом, оглянувшись, убедился, что сзади никто не идет, опустил руку и погладил Машу по бедру, — А ты, Маша, что думаешь по этому поводу? Не против будешь? А то мы... опять тебе спать не дадим?

Маша улыбнулась, покосилась на подругу, через грудь Ивана, и прижалась бедром ближе:

— Опять не спать? Ты, Танечка, будешь мне должна за это!

— Вон нахалка! — возмутилась та, — Переспала с моим парнем... пока я спала... а я ей, видите ли, еще и должна?!

Маша засмеялась:

— Тань! Ты чего? Ты уверена, что он — твой парень? Вот я что-то сомневаюсь... Он, похоже, как тот кот — сам по себе! Где хочет, там гуляет... И с кем хочет...

Танька критично осмотрела Косова:

— А ведь она права... Шлюховатый ты какой-то, Ваня!

И девушки расхохотались, глядя на его обомлевшее лицо.

«А ведь Маша и впрямь, и старше, и умнее Таньки! Очень на то похоже!».

— Ну... если мы после сада идем к Вам... Тогда нужно зайти в магазин, закупиться всем необходимым.

И Иван решительно потащил девушек в сторону знакомого коммерческого магазина!

В горсад они пришли уже не в том порядке. Сумка существенно потяжелела, и Маше пришлось перейти на другую сторону, подцепиться к руке подружки.

Народу в саду было... много — одним словом! Толи ясный жаркий воскресный денек так сыграл, толи предстоящий концерт — но аллеи были заполнены фланирующим людом. И скамейки тоже были полны народом.

— А я бы сейчас сидро выпила... Или мороженого съела! — заявила Таня.

— Действительно... До концерта еще время есть! Пойдемте на веранду! — предложил Косов.

— Да ладно... там поди и мест нет — вон сколько народу! — усомнилась Маша.

— Не проверим — не узнаем! — решил Иван.

Мест на веранде и правда не было. По крайней мере — глядя со стороны. Но Иван решительно прошел к буфету, помахал рукой с зажатой в ладони «десяткой» и заявил буфетчику:

— Уважаемый! Как бы нам столик организовать?

«Х-м-м... знакомое, однако, лицо! Не он ли был тогда, осенью, когда мы здесь сидели компанией?».

Пожилой буфетчик мазнул взглядом по его руке, посмотрел на лицо, покусал губу и ответил:

— Сейчас что-нибудь придумаем!

А через пяток минут в пустом углу веранды появился стол, притащенный каким-то парнем, несколько стульев.

— Нам, пожалуйста, бутылочку «Шампанского» ... хорошего! «Абрау-Дюрсо»? Или есть от Голицинского завода? — негромко попросил Косов.

— Скажете тоже... от Голицинского завода! Вы еще Шустовский коньяк вспомните! Ну

да... найдем! Вам как — со льда? — внимательно смотрел на него буфетчик.

— Желательно! Не теплым же его пить? Да... еще мороженого — на Ваш вкус! И потом... а что потом? Да! Кофе и эклеры для девушек!

Буфетчик пожевал губами:

— Запросы у Вас... молодой человек! Здесь веранда, а не ресторан в Сухуми!

Иван опять вложил в свою руку несколько купюр.

— Да Вы присаживайтесь, присаживайтесь, юноша! Все организуем! Может... шашлычок?

— Не стоит! Мы только что из ресторана. Просто жарковато, вот девушки и захотели чуть охладиться!

— Ну что ж... я Вас понял. Пару минут поразвлекайте Ваших барышень... Все будет!

Славно посидели, славно! И «Шампанское» было вполне прохладным, и кофе старый прохиндей сварил как положено. Получается, что денежные знаки все же могут делать человека чуточку счастливее? Даже в стране победившей Революции?

К летней эстраде они подошли немного раньше. Но даже несмотря на это, людей на рядах скамеек было уже... Да почти заполнен был этот «загон»! Внутри еще пускали, но по какой-то непонятной системе. Иван не заметил, чтобы проходящие мимо билетера люди предъявляли какие-то билеты. Но пускали не всех, далеко не всех!

Девушки разочарованно зашептались, потом Маша предложила:

— Пойдемте вон туда, справа! Там, хоть и за забором, но и сцену будет видно, и слышно будет хорошо! А то сейчас и там будет не протолкнуться!

Косов же искал взглядом между брусьев забора знакомых на эстраде. Музыканты были уже там. Ага, вот и он!

— Игорь! Игорь! Калошин! Мать твою! Тетеря глухая! — помахал он рукой.

— Молодой человек! Что Вы кричите? Я вот сейчас милиционера позову! — возмутилась билетерша.

— Извините! Знакомого увидел... Сейчас, сейчас!

Калошину что-то сказал один из музыкантов, и показал рукой на Косова.

«Ага! Ну сразу бы так!».

— Ты что, Калошина знаешь? — теребила его за руку Танька.

— Ну да, знаю! Чего мне его не знать, если мы с ним вместе на концерте в «Сибкомбайне» выступали!

«Ага! Греют душу анимешные глазки Тани и Маши? Их удивленные мордашки? Да греют... признайся уж!».

— Здорово, бродяга! Сто лет уж не виделись! — пожал Калошин руку Ивана, — Ты куда пропал-то? Я пару раз в клуб заезжал, но тебя же не застать!

— Да ладно... сто лет! Скажешь тоже, всего-то месяца полтора! Ты это... сможешь сделать нам три места?

Калошин очень придирчиво, даже плотоядно осмотрел девчонок, дольше задержав взгляд на Машке, чем заставил ее зарумяниться, а Таньку — расстроено насупится.

— Ты, Ваня, как всегда — в окружении красоток! И причем — каждый раз с новыми! Ходок ты и блудня!

— Да ладно... на себя посмотри! Образец морали нашелся!

— А что я? Что я? Я мужчина уже в возрасте... Скоро в тираж выйду! Ты же и сам юн, и окружен сейчас юными прелестницами! — притворно завздыхал Калошин.

«Пижон! Еще и кокетничает!».

Калошин, в клетчатом светлом пиджаке, черных брюках, с галстуком бабочкой, пижонскими усиками, тщательно уложенной прической... как бы еще и не на бриолине! Поразительно напоминал Косову кого-то... стилижного. Как Хавтан из «Браво» в молодости. Только Калошин поплотнее и повыше...

«М-да... а девицы-то... поплыли! Причем — обе! И трусики уже мокренькие... наверное! Вон как Машка зарозовела и глазки блестят, а Танька — за малым не скулит, как щенок. Был бы хвост — мотался бы сейчас, как пропеллер! Вот же... Калошин, ну... с-с-с... сукин сын! Х-м-м... а ты что — ревнуешь? Ну-у-у... да. Неприятно как-то!».

— Так... слышь ты... ловелас престарелый! Ты нам места сделаешь, или как?

— Ого! Что я слышу? Мой приятель — взревновал меня к своим подружкам? Х-х-х-а... день уже прожит не зря! Я видел Косова в роли Отелло!

— Похоже, что сейчас кто-то достучается до отмены концерта! По причине травм у солиста!

— Да ладно, ладно... Шучу! Сейчас все сделаем! Проходите во-о-о-н туда, да! К сцене. Ага! Левее!

Они прошли все вместе. Игорь помахал рукой, указал на место с краю первого ряда, и кто-то из музыкантов притащил сюда короткую скамейку, как раз на троих, не больше!

— Ну вот... и разрешился вопрос! Да, девушки? Игорь! В очередной раз — зур рахмат тебе! Просто очень такой — зур! И не менее большой — рахмат!

Калошин подмигнул ему, двумя руками с оттопыренными большими пальцами энергично одобрил выбор девушек, и направился к эстраде.

— Ой! Как неудобно! Поглядите — на нас все смотрят! — прижала ладошки к красным щечкам Маша.

— Да ладно... в чем неудобства-то? А на Вас всегда все смотрят — такие Вы красивые! Скажи еще, что ты не привыкла к мужскому вниманию! А на сцене как? С голыми ногами и попой?

— Ну-у-у... скажешь тоже — на сцене! Как сравнить-то? Там мы... работаем! Да и не на переднем плане мы там. Кордебалет, одним словом...

Косов отвлекся — возле сцены появились двое.

«Ну — прямо сложившийся дуэт конферансье! Кира и Елкин!».

Косов привстал, и помахал кепкой, в ответ на улыбку, поклон и расшаркивание Савелия.

— Это кто, Елкин, что ли? Ты и его знаешь? — тут уже удивлялась Танька.

— Ну да... знакомы мы с мэтром! — Иван улыбался.

Потом все же решил подойти — «Неудобно!».

— Девочки! Вы сейчас минутку подождите, я должен засвидетельствовать свое почтение артисту!

— Доброго здоровьечка артистам разговорного жанра! — шутливо раскланялся и пожал руку Савелию, — Привет, красавица! Все хорошеешь? — улыбнулся Кире.

Та, приподняв бровь и чуть скривив губки:

— Привет! А ты все подружек меняешь? — и зыркнула в сторону девчонок, сидящих на скамейке.

Кира была как всегда — хороша. Темно-синяя юбка, облегаящая роскошные бедра длинных ног. Светло-голубая блузка, выгодно подчеркивающая наличие красивой высокой груди, черный широкий атласный пояс, темный галстук бантом на шее.

«Э-э-э-х-х... Кира-Кирочка!».

Он пожал плечами: «Не мы такие — жизнь такая!».

Девчонки сидели, внимательно глядя в их сторону и коротко о чем-то перешептываясь.

«А что? Очень даже красивые девчонки!».

Маша не рискнула сразу надеть обновки, поэтому была в светлом летнем платье чуть ниже коленей. Танька — вообще красавица в серой довольно короткой для данного времени узкой юбке — даже коленей не прикрывает! Ну да — ателье начало внедрять модели, которые сильно опередили это время! Светлая блузка с рукавами фонариком.

«Спинки подчеркнуто ровные, прямые. Осанка — королевская! Ага — балетная! Плечики чуть опущены. Ножки — в третьей позиции. Хороши!».

— А позволь полюбопытствовать, Иван! Барышни с тобой... они как-то знакомы мне... как мне кажется? Они не из театра? Балетные, да? — спросил, скрывая улыбку, Савелий.

Кира фыркнула и развернувшись, ушла на сцену и далее — за кулисы.

— Извини... мне показалось, что присутствие Кирочки здесь и сейчас... чревато! — пожал плечами Елкин, — Ваня! Это, конечно, твой выбор и я его уважаю. Кирочка... Она хорошая девушка. Красивая, умная! Но... с очень непростым характером! И... наверное тебе это и так понятно... Как мне кажется... она испытывает к тебе определенные чувства...

Савелий вопросительно посмотрел на Косова. Тот ничего не ответил, сделал «покерфейс».

— М-да... Так вот... С Кирочкой нельзя так... легкомысленно. Эта девушка не для короткой интрижки. И, как мне кажется, это правильно, что ты стараешься держать ее на расстоянии. Я ведь не ошибаюсь, да? — «нет — ну какая мимика у этого человека! как он может передать лицом столько эмоций — вопрос; глубокомысленное молчание; согласие; одобрение; понимание...».

— Все правильно, Савелий! Все правильно! Не по Сеньке шапка! В том смысле, что в данный момент Сеньке вовсе не ко времени обзаводится серьезными отношениями. Хотя... честно скажу — так жаль, что зубами только скрипеть...

— Да-да... Игорь как-то сказал, что вы намерены поступать в военное училище. Серьезный выбор. Калошин вот — осуждает и не понимает. Но я... понимаю, да. Дело трудное, но очень нужное!

— А мы что — снова на Вы? — удивился Иван.

— Ну что ты! Что ты..., - засмеялся негромко Елкин, взяв его под руку, — Конечно — на «ты». Только вот, Иван... дело может и не мое... Но вот этих девочек — тоже не обижай! Они, конечно, более легкомысленны, более... воздушны. Но это же не значит, что они — хуже? Не так ли?

— Савелий! Вон не знал бы я... тебя — обиделся бы! Как ты можешь? С чего ты взял, что у меня в планах обидеть юных танцовщиц? Я их... обожаю! И отношусь с нежностью!

— Вот! Вот! Слышу слова не мальчика, но мужа! Так и надо! С великой бережностью припадать к этим... нежным цветкам! Этим благоуханным бутонам!

— Да... к бутонам припадать... мне тоже нравится! — ляпнул Ваня.

Елкин замер на вздохе, закашлялся, с укоризной посмотрел на Косова.

— Ну... я же не так буквально... предлагал!

— А почему бы и не — да? Испытывая нежность к этим юным, но прекрасным цветкам... вкушать их аромат и сладость?

— М-да...ладно... Вы, Иван, провокатор! Разговаривать о таком... когда у меня через

несколько минут концерт начнется! Вот сбили мне весь настрой! Сбили! — морщинистое лицо умного, старого еврея возмущения не выдавало. Смех был в его глазах — это да!

— Ну ладно... идите к своим нежным созданиям, а я все же попробую настроиться на работу, Иван! И... если нам не суждено будет встретиться до Вашего отъезда... от всей души! От всей души! Удачи Вам великой... и везения! Ибо чувствую я... вот прямо... как говорится в определенных кругах — задницей чувствую! Что что-то назревает страшное... очень страшное...

— Да... спасибо, Савелий! Может Вам... стоит озаботиться написанием своим родным и близким предложений... переехать в страшную и морозную Сибирь? Как Вы говорите... страшное. Я почему-то убежден... что нынешняя война будет куда как более страшной. Особенно для Вашего народа. Этот... австрийский художник... он всей душой ненавидит Ваших людей. Не знаю уж почему, но — так есть!

— Да? Вы так думаете? Что ж... надо это обмозговать. Хотя... Вы знаете... всех моих соплеменников объединяет одна черта характера. Нет! Так-то этих черт... много. Но одна из многих... а может и самая главная — упрямство! Упрямство поразило наше племя! Это будет... сложно!

— Но попробовать — стоит?

— Да. Попробовать стоит! Я подумаю над Вашими словами, Иван! Спасибо! Ну все! Все! Идите уже!

«И опять скатились на «Вы». Хотя — с моей стороны такое — понятно! Насколько он старше?! А вот почему он постоянно переходит со мной на «вы» — тут понимания нет!».

Девчонки атаковали его с двух сторон:

— О чем Вы говорили? Что Елкин говорил? Почему он так смотрел на нас? — обе наперебой.

— Девочки! Давайте уж по порядку! Во-первых... говорили, что настоящий мужчина всегда с нежностью относится к своим женщинам! Заметь, Татьяна, — к женщинам! Во множественном числе, если не заметила?

Танька в ответ фыркнула! А Маша посмотрела с благодарностью.

— А Елкин говорил... говорил он, что очень завидует мне! Что если бы не возраст, то не побоялся бы побороться за таких нимф, даже и перед дракой бы не остановился!

— Да ладно! — не поверила Танька.

— Думаешь, что я сейчас вру? — «а я ведь... вру! хотя... в контексте беседы — примерно так и было!».

Танька промолчала, но довольно прижмурилась.

— А я вот верю! — заявила Маша негромко, — Он как-то так взглядом провел... и мне так тепло стало. Ну там... внизу живота!

— Вот! Это называется — энергетика! То есть у человека такая энергетика, что его чувства передаются на расстоянии... и даже ощущаются другими людьми!

— Да-а-а? — задумчиво протянула Танька, — Нет... так-то... вот когда ты на меня смотришь... такое иногда бывает! Вот прямо чувствую, как ты меня глазами раздеваешь... и прямо вот так... ой! Чего-ты мы расшумелись... и о таком говорим, что... а ведь люди рядом! Даже стыдно... немного.

— Да ладно... Мы же — негромко! — успокоил подругу Косов.

— Ладно! А вот скажи-ка мне... а что это за кобыла была? — прищурилась на него Таня.

— А вот так — не надо! — нахмурился Иван, — И она — не кобыла! А... очень красивая девушка! И... и вообще — не надо так... тем более — про нее!

Танька отвернулась, а Маша внимательно посмотрела на Косова. Немного удивленно посмотрела.

— Тань! Ты как будто слушаешь и не слышишь! Вот про Елкина я только что говорил... И оставь эту свою... дурацкую ревность! Ты мне нравишься, и это отчетливо видно! И я этого не скрываю! Но! Ты забываешь про... Елену! Ритку! И да! Маша мне тоже очень нравится!

«Маша притиснулась посильнее! Ага... Машенька — я это чувствую!».

— Да и ладно... Чего ты мне так... выговариваешь! — Танька насупилась, — Хорошо, папенька! Я постараюсь, папенька! Я буду послушной девочкой!

«Господи! А пищать-то сейчас так зачем? Змеюка мелкая!».

Слава всем богам — начался концерт!

Кира и Савелий вели его очень четко, профессионально. Здорово вели!

«А вот и Варя! Что-то ее не видно было перед концертом! От меня прячется? Да — вряд ли! М-да... не успеваю я с нее должок стрясти! Не успеваю! Да и хрен с ней!».

Калошин был слезоточив. Был Калошин — медоточив. Изнывал страстью и эмоциями, светлой грустью и темной тоской. Флюиды так и порхали по всей площади эстрады. Не знал Косов — как остальным мужикам, но ему было... несколько неприятно и... немного смешно. Но — видно было, что женщин — пробирало! Вон как девчонки тяжело дышат, прямо изнывают, еще чуть-чуть и стонать начнут.

«А лезть на эстраду, кидаться лифчиками и визжать — пока не принято!».

Поэтому, когда объявили антракт, Косов даже облегченно выдохнул. Очень уж девочки «навелись» на Игорька.

— Девицы-красавицы! А не желаете ли выпить газировки и съесть по пирожку? Возле входа я видел, что их продают.

Девчонки пошущукались и приняли решение:

— Знаешь, Ваня, с тобою вся наша диета — коту под хвост! Нельзя же нам так питаться. Быстро вес наберешь, заметят и будешь в поту сгонять все это! — посетовала Танька.

— Ну... как я понимаю — Вы отказываетесь? Тогда я возьму пару пирожков и бутылку сидро для себя!

— Вот же... Ну ты посмотри, Маша — не сволочь ли он? Будет тут сидеть жевать вкусный пирожок с повидлом, запивать газировкой... а мы — слюнки глотать?

— Попозже тебе представится возможность глотать не только слюнки! — громким шёпотом произдевался над девчонкой Иван.

Танька ткнула его кулачком в бок, а Маша засмеялась.

Вообще-то — да! Похоже, что с ним девчонки выбивались из принятой диеты — напрочь. Балетные — они такие...

Еще в прошлой жизни Елизаров, как-то болея гриппом, и находясь на «больничном», случайно наткнулся в телевизоре на толи документальный фильм, толи цикл передач об училище имени Вагановой. Читать не мог — глаза болели, а вот даже не смотреть «ящик», а больше — слушать, что из него говорят, было легче. И как-то из-за безделья и скуки — заинтересовался. Никогда не интересовался балетом, а здесь — так совпало! И было действительно интересно узнать, что балет — это целый мир, населенный... вот даже людьми их было не назвать. Эльфами населен этот мир — не иначе! Эти эльфы жили в

своём мире, общались с себе подобными, выступая для узкой прослойки знатоков и ценителей.

И уж легкой эту жизнь было не назвать! Как рассказывала одна дама среднего возраста, сама балерина в прошлом, преподаватель этого учебного заведения — для успешной карьеры в балете мало начать занятия в очень раннем возрасте, заниматься упорно и даже — очень жестко. Необходимо было иметь определенное телосложение. А это — уже генетика! Невысокие девочки, астеничные, но в то же время жилистые, как... как куры в советском гастрономе! Там даже схему показали — тип сложения у танцовщиков, и тип сложения у девушек. Даже ступня должна быть определенной формы, и — даже кости таза! Андроиды, блин!

А уж нормы веса — это вообще «запределье» какое-то! При росте сто шестьдесят пять — сто семьдесят сантиметров у девочек, вес должен быть не более пятидесяти килограммов. А еще лучше — сорок пять! Маленькая грудь, узкие бедра... Поэтому и в позднее советское время девушки эти были востребованы у довольно узкой прослойки советских мужчин определенного толка и социального положения. Эстеты, ага! Где-то совсем близко и эти... «радужно-прекрасные»!

Косов помнил, как тогда его покорило ответ преподавателя на вопрос — что же делать тем, кто, взрослея, стал выбиваться за рамки принятых норм? Снисходительно улыбнувшись, дама ответила, что в стране, кроме Москвы и Санкт-Петербурга, есть много других театров, в которых требования — не такие жесткие. Вот там — да, можно! А здесь — отнюдь!

Так что... ухаживая за девчонками, подкармливая их разными «вкусностями», Косов оказывал им — медвежью услугу!

«Но сейчас же... еще не то время? И нормы у балетных еще — не настолько жесткие? Хотя... Майя Плесецкая — уже вроде бы вышла на сцену. Пока еще ребенком! Вот уж кто — легенда сцены!».

— Танечка! Горячий пирожок со сладким повидлом! Ах, какой вкусный пирожок! — поглядывая с улыбкой на Машу, шептал он Таньке на ушко, — А сбросить набранные калории можно же не только возле «станка»! Если хорошенько постараться... ночью...

— Вот же ты скотина, Ваня! — засмеялась Танька, — Я же не одна буду есть эти пирожки. Вон, Машка тоже будет! Осилишь... двоих? Больно уж способ согнать вес... привлекательный!

Внимательно глядя в глаза Маше, Иван негромко произнес:

— Я буду очень стараться! — и с удовлетворением увидел, как та покраснела и отвела взгляд.

Он принес по пирожку девчонкам, пару — себе, и две бутылки газированной воды. Заодно выклянчил у продавщицы стакан, отдав, впрочем, за него деньги.

— Смотри... опять эта... твоя знакомая вышла! Ищет кого-то... не тебя? — с издевкой спросила Таня, оторвавшись от пирожка.

У сцены стояла Кира. И, похоже, действительно кого-то искала в толпе зрителей. При этом старательно не смотрела в их сторону. Уловка была... довольно детской.

— Так... девчонки! Мне все же нужно подойти, переговорить! — пробормотал Косов.

Танька хотела что-то съязвить, но подруга одернула ее.

— Еще раз здравствуй, Кира! — улыбаясь сказал, подойдя Косов.

Та сделала равнодушный вид и поинтересовалась:

— А что же ты... знакомых своих оставил?

— Ну ты же понимаешь... что я не мог просто поздороваться с тобой и уйти?

— Да-а-а? Спасибо!

— Кир! Ну перестань дуться! Как бы это... я же тебе ничего не обещал? — не мог подобрать слов Иван.

Девушка внимательно посмотрела на него:

— И правда... чего от тебя ждать?

— Ну да... вот такой вот.

— Да ладно... это не мое дело, в конце концов!

— А ты... я смотрю — прямо влилась в коллектив к Калошину.

Она хмыкнула, покосилась на него:

— Знаешь... хоть мои родители и обеспечивают меня всем необходимым, но все же иметь какие-то личные деньги... Я поэтому еще и на водную станцию устроилась!

— Да? И кем же?

— Инструктором и еще — медиком! Вот... подрабатываю! Кстати, Косов! А что у тебя со сдачей зачетов? Много сдал?

Иван скривился. Да ни хрена не много, на самом-то деле!

Похоже, Кира все поняла:

— И что ты собираешься делать? Так все и забросишь, да? Не жалко столько терять? Половина же уже сдана!

— Тихо-тихо, Кира! Ну что ты сразу — с места в карьер?! Ничего я забрасывать не собираюсь! Просто... мне через месяц уже уезжать. Я уже и с работы увольняться собираюсь... Времени ни на что не хватает!

Кира хмыкнула, прищурившись:

— Ну... на девушек же хватает?

Косов задрал кепку, дурашливо пропел:

— Первым делом, первым делом — самолеты!

Ну а девушки? А девушки — потом!

— Так вот, Кирочка, это — не про меня! У меня — все наоборот: сначала девушки, потом — снова девушки, ну а дальше... а дальше — вновь — они же! И лишь потом... месте там на пятом... или даже — на шестом — всякие самолеты, дирижабли, и даже... всякие катамараны!

— М-да... а ведь этот хмырь... ну этот — комсорг Ваш совхозный! Он ведь прав был, получается! Ты ведь жутко развратный тип, Косов! Получается, он — прав, когда пытался тебя «зарубить» на прием в комсомол; а я — не права!

— Да ладно, Кир! У каждого — свои недостатки! А без недостатков человека нет! Если был такой человек — он был бы — Бог, ну или близко к этому!

Кира скорчила мордашку, как бы сказали в будущем — «рука-лицо».

— Он еще и про Бога речи ведет! Да ты же — абсолютно сырой тип! Вот где твоя комсомольская сознательность? Где чувство ответственности? — но было видно, что Кира прячет улыбку.

— Кирочка! А давай ты не будешь сейчас говорить, как на комсомольском собрании, а? Кроме того, что мы с тобой комсомольцы, так мы же еще и люди, не так ли? Ты вон вообще — красивая девушка!

— Ты, Косов, мне зубы не заговаривай! Вот что! Если ты уже — бездельник, нигде не работающий, то я беру над тобой шефство! Тебе же нужно сдать все водные зачеты? И

гимнастику? Вот и приходи на станцию — я с тобой позанимаюсь!

Косов представил, в каком виде будет с ним заниматься Кира... ну да — станция-то водная! То есть — купальник там... мокрый... прилипающий...

«Не-не-не! На хрен, на хрен — кричали, разбегаясь пьяные пионэры!».

— Кира! Ты чересчур жестока со мной! Не оправдано жестока! — начал Иван.

— Это почему же? — удивилась девушка.

— Ну ты же сама сказала, что я развратен! И представь... как на меня будет действовать твое юное, прекрасное тело, разоблаченное почти до предела? Я же умру, не вынеся..., - что «не вынеся» Косов с ходу не смог придумать и потому — замолчал...

Кира засмеялась:

— А вот! Вот только так и надо с Вами... такими как ты! Воздержание, самодисциплина, самоконтроль! Воспитание характера!

— Так... а Серега как на это посмотрит? Ты, полуголая, и некто Косов в непосредственной близости?

Девушка заметно поморщилась:

— А никак он не посмотрит... Уехал Серега в училище! Уже две недели как уехал.

— Так — тем более! А ну как кто увидит такое, да сообщит ему, изложив в эпистолярном жанре!

— Так... Косов! Слушай сюда! Ты завтра приходишь к десяти... нет! К одиннадцати часам на водный стадион! Ты понял? А то я... предприму меры к принудительной доставке твоего тела к месту проведения занятий! Понял! — и Кира ощутимо ткнула его в грудь пальцем, — Ну все! Мне бежать надо, антракт заканчивается... И это... не перетрудишься сегодня... на занятиях может вредно отразиться!

Девушка засмеялась, и что было совсем неожиданно — поцеловала его в щеку, перед тем как скрыться за кулисами.

— А ведь она... к тебе равнодушна, Ваня! — задумчиво протянула Танька, когда он вернулся к девушкам. Маша молча кивнула головой.

— Давайте уже концерт смотреть, а? — с досадой одернул их Косов.

Варя была — хороша. Ее выступление подействовало на его спутниц холодным душем. Прямо вот видно, как оцетинились на певицу мадмуазели. Зато мужики — сидели с довольными мордами, «лыбу» давили! Варя здесь и сейчас — секс-бомба. Ну — относительно этого времени!

А вот ее партнер, который подменил Косова в песнях, ему не понравился! Как-то... ненатурально пел.

«Не верю!».

Пользуясь тем, что стало чуть темнее — солнышко скрылось, да и дело уже к вечеру, Косов ненавязчиво приобнял сначала Таньку, а потом и Машу. Нет-нет — все пристойно! За талии, ага!

Девчонки остались концертом — очень довольны! Он придержал их ненадолго, давая людской массе выйти из ворот эстрады, а потом повел гулять по аллеям сада. Правда, гулять долго не пришлось — всполошилась Танька:

— Ой! По-моему, я во-о-о-н там видела Риту! Значит и Елена где-то рядом! Ваня! Давай так сделаем — ты сейчас вон... по боковым аллеям пройдешь один к выходу. А мы... мы с Машей прогуливаясь... тебя там догоним! Только далеко не убегай! От входа иди вправо! Не перепутай! Вправо!

Планы нарушать и Ивану не хотелось. Очень уж ему возжелалось... поближе познакомиться с Машей. Не прочувствовал он прошлый раз... не познал ее в полной мере!

Косову пришлось немного подождать девушек на перекрестке. Они появились — веселые, смеющиеся, красивые!

— С чего такое веселье, красавицы?

— Да... Ваня, «кадрить» нас пытались! Еле отбились от ухажеров, — пояснила Маша.

— Цени! А парни-то были... ничего так! Можно было познакомиться на будущее! — подколола его Танька.

Девчонки щебетали, восторгались Калошиным, дружно осуждали Варю — зазнайку такую!

Хорошо, что концерт был не такой камерный, когда все песни анонсируются с именованьем авторов и исполнителей. А то бы у девчонок вопросов было к Косову — жуть! А так — больше вечер отдыха, где ведущие по сценарию тоже много шутили, разыгрывали смешные диалоги, плавно переходящие к песням. Пару раз только прозвучали фамилии — его и Ильи, но спутницы, похоже, не придали этому значения.

— А откуда Вы Калошина знаете?

— Ну-у-у... во-первых, он не первый раз выступает в горсаду со своим оркестром. Во-вторых, и в ресторане приходилось бывать, где они работают. А в-третьих... помнишь я тебе про ту девушку рассказывала, которая вроде бы с ним... ну — встречалась? Ага... так вот — разговоров было тоже много! Да и выделяется он... среди прочих исполнителей. Те — так... погулять вышли! — объяснила Танька.

— А вот ты откуда его знаешь? Да еще так — приятельствуешь? — поинтересовалась Маша.

— Ну так... они еще осенью выступали у нас, на открытии клуба, в совхозе. Тогда и познакомились. И потом еще... Да вот — весной на концерте в «Сибкомбайне» вместе выступали!

— А то что — тоже поешь, или играешь? А на чем? — допытывалась Маша.

— Ну... на гитаре. Немного — на аккордеоне. А пою? Ну так — точно до Калошина не дотягиваю! — засмеялся Иван.

Девушки тоже засмеялись — сравнил себя с Калошиным!

Танька еще протянула, этак — снисходительно:

— Понятно... сельская самодеятельность!

Косов усмехнулся про себя и «угукнул».

«Вот еще не хватало мне этих «охов» и «ахов», узнай они про авторство песен!».

— Слушай... а правда, что Калошин... ну с этой — нашей соседкой встречался? — все не унималась Танька.

Иван засмеялся:

— Да у Калошина подруг... как фантиков у дурака по карманам! Он их меняет... как перчатки! А так... ну — если ее тоже Таня зовут, то да — что-то такое было...

Танька насупилась:

— Вот же... кобыла толстая! И что он в ней нашел?

Косов изумился — не была та Таня «толстой кобылой»! Да и подруга у Тани... Оксана, да! тоже была очень красивой девушкой. Но — промолчал, покосился на невысокую и худенькую Таньку, хмыкнул про себя — «Ну да! По сравнению с этой Танькой, та Таня — точно толстая кобыла!».

Девчонки продолжали обмениваться мнением про концерт, обсуждали песни, исполнителей... Опять прошлись, перебив косточки Варе!

— А вот... если ты знаешь их! А эта — Конева — тоже с ним спала? — продолжала любопытствовать Танька.

— Ну... слышал, что у них роман раньше был. А сейчас — только рабочие отношения! — «хотя... хрен там знает — спят они или нет?».

— Танюшка! Не кажется ли тебе, что это как-то... не очень! Обсуждать со вздохами моего знакомого, при мне же? — начал раздражаться Косов.

— Да ладно тебе... Что тут такого-то? Ты — вон тоже ничего. Но то ж — Калошин! — отмахнулась Танька, а Маша покосилась с улыбкой на лице на Ивана, вздохнула, закатив глаза и отвернулась, чтобы подруга не успела заметить.

«Не... че-т, когда Таньки — много... она начинает «доставать»! Надо... подпоить ее, что ли... да побольше уделить внимания Маше. Вот та — да! Более достойна!».

Когда подошли к общаге, уже совсем стемнело. Этому способствовало и то, что погода испортилась, небо затянуло тучами, и начал понемногу моросить мелкий дождик, постепенно усиливающийся.

Девчонки с визгом заскочили на крыльцо, демонстративно «почмокали» его в щечки — типа, расстались! А Косов, пройдя чуть по улице, свернул, как и было обговорено в сторону пустыря. Найдя куст поразвесистее, присел на корточки, закурил и приготовился ждать.

«Ну... как они обещали — «полчасика» — это вряд ли! Час! Не меньше придется ждать! Пока поболтают с вахтершей, потом — соседки-знакомые по общаге... Потом — еще чего-нибудь! Без этого никак не обойдется! А вот после часа... да — стоит ждать сигнала в окне!».

Но к его удивлению, час — не час, но минут за сорок девчонки — уложились! Сначала в знакомом окне мелькали тени за шторами, потом свет погас, а окно раскрылось — Косов это увидел, потому как подошел поближе, обнаружив хороший навес в постройках, во дворе общаги.

— Сумку примите! — шепотом предложил он, и подал в раскрытое окно свою сумку с припасами, а потом и сам нырнув в теплую темноту комнаты.

И как-то сразу в руки ему попало что-то теплое, приятное на ощупь... В ухо хихикнули, но сопротивления не оказали! Ага... а его ручки сразу же начали путешествие по девичьему телу.

«Машка! Хороша, чертовка!».

— Э, подруга! Ничё, что что это — мой хахаль?! — послушался возмущенный голос Таньки.

Косов, продолжая обнимать одной рукой Машу, второй — всю наглаживал-потискивал ее за попу:

— Фу такой быть, Танюшка! Ты же — белый лебедь, ты сама грация, ты — маленькая леди! А ведешь себе — как базарная халда! — засмеялся он.

— Ой-ой-ой... ну ладно... так и быть! Если я леди — отпусти эту... перехватчицу, и наглаживай меня!

— Наверное, сначала все же — перекусим, чем Бог послал! Ты лучше свечку зажги!

При свете свечи, Косов достал из сумки ранее купленные продукты.

— Так... тут ветчина, буженина... ага... окорок! Здесь сыр... двух видов. Масло вот сливочное — вообще все растаяло! Хорошо еще, что не протекло! Ага! Вот две баночки икры

— черная и красная! Так... Здесь... спиртное! Шампанского, правда, не было, пришлось взять белого игристого... Девчонки! Вы что предпочитаете — красное полусухое... или все-таки коньяк? Или — игристое?

Девушки были впечатлены до ошеломленного молчания. В четыре глаза глядели на растущую на столе горку провизии. Ну да, они же не заходили с ним в коммерческий, не видели, что он покупал!

— Так... вот же черт — эклеры помялись! Конфеты... Вы как к хлебу? У Вас же диета... Я, на всякий случай взял и пшеничную булку, и половину булки ржаного.

Девчонки переглянулись.

— Нет... ну а чего? Если завтра хорошенько упереться на утренней тренировке... то и все лишнее сгоним. Да, Маша?

— Вань! А я вот хотела спросить... Танька говорила... Ты что, и правда — бандит? — настороженно смотрела Маша.

Косов засмеялся:

— Вот еще! Глупости какие! Никакой я не бандит! Тань! С чего такие выводы?

Таня смутилась:

— Ну а что? И нож у тебя... страшный! И с теми... хулиганами из «фабзайки» ты так разговаривал! Я, правда, мало тогда что поняла... Но видела же, что они испугались!

— Нож... нож. Этот что ли? — Косов вытащил из ножен, лежавших в сумке финку и принялся нарезать хлеб на бутерброды, — Это так... продукты порезать! Ну и... припугнуть кого — тоже можно! А про тех хмырей... тут же как? Если ты не спасуешь, не будешь мямлить, а наоборот, напористо, нагло с ними разговариваешь — они как минимум задумаются — а стоит ли с тобой связываться? А если еще кого упомянешь в разговоре, кто для них авторитетен — и вовсе отступятся!

— А ты — знаешь, кто для них авторитет? — Маша продолжала излучать недоверие.

— Ну... скажем так — в этом городе я многих людей знаю. Из разных сфер жизни. Вот — как-то так...

— Вань! А как быть с тем, что... вот ты сейчас на стол выложил чуть не половину месячной зарплаты? Деньги... такие — откуда? — Танька молчала, только с интересом переводила взгляд с него на Машу, продолжающую выспрашивать Ивана.

— Ну так... деньги у меня — есть. И что с того? Когда есть — я их трачу! Когда нет — ищу как их заработать!

— Ну и... кем же ты работаешь? Мало продуктов... ты же и на вещи нам... потратился!

— Машенька! Какая ты дотошная! Вроде бы и не жена мне... а такой допрос устроила! Ты правда балерина? Или может — в «энкавэдэ» работаешь?

— Вань! Ты не отшучивайся! Это Танька... ветер в голове! А я так думаю, что нам... воры-налетчики разные в знакомых не к чему! Одни проблемы от таких знакомств!

— Да что ты заладила! Никакой я не налетчик. Придумала тоже! Ладно... Если уж такая ты... любопытная... Вот Вы на концерте были? Песни слушали, да? Так вот... многие эти песни написали мы — я и мой знакомый! Я — тексты, а он — музыку! Вот... теперь нам за это филармония отчисляет деньги... За использование этих песен на концертах! А так как мне особо деньги не нужны... вот — они и копят на книжке. А я их вот так... трачу! — продолжая сооружать бутерброды, объяснил Косов.

Девочки снова были удивлены. Некоторое время продолжалась их игра в гляделки. Первой не выдержала Танька:

— И много там было... Ваших песен?

— Ну-у-у... я и не считал, вообще-то... Но не меньше половины — точно!

— Это какие? Которые Калошин пел? — спросила Маша.

— Да нет... не только. Варя — тоже почти все наши поет!

— Ни хрена ж себе! — протянула Танька, — А почему ты мне раньше ничего об этом не говорил?

— А что я тебе должен был говорить? Что, типа — я поэт? Да ну — брось... «Я поэт зовусь Незнайка! От меня Вам — балалайка!». Чушь какая-то!

«Интересно... а вот Носов же еще не написал своих книг? Или уже написал? Не помню!».

— Ага... скромный значит! — посмотрев на Таньку, резюмировала Машка.

— Это я-то — скромный? Ну да... ну да... Сейчас мы выпьем, закусим... И я покажу какой я скромный! — засмеялся Иван, поглядывая на девчонок.

Те тоже засмеялись.

— Танька! Достань старое одеяло, надо дверь занавесить! — попросила Маша.

— А это еще зачем? — удивился Косов.

— Ну... стены у нас нормальные. Ты не представляешь — как в других комнатах! Там перегородки дощатые... что не скажи — все соседи слышат! А уж тем более... - Маша засмеялась, — Вот... поэтому — нам только дверь занавесить, чтобы и слышно было похуже, и свет сквозь щели не пробивался. А то — не дай Бог, вахтерша вздумает прогуляться по коридорам. Да и соседям не нужно слышать, что у нас посторонний!

Девчонки налегали на бутерброды с игрой, закатывая глазки от удовольствия, запивая их игристым. Косов же — больше на бутеры с бужениной и ветчиной. Коньячок под это дело — очень ничего идет!

— Эх... все не съешь! И хранить долго — негде! Не зима сейчас! — с сожалением оглядела порядком опустошенный стол Маша.

— Да ладно... Завтра утром позавтракаете... Может — соседок угостите, чего жалеть-то? — хмыкнул Иван, — Глядишь, а там и они с Вами чем поделятся!

— Ага... а потом — разговоров будет!

— Да ладно, Маша... а то их и так не будет? Все равно же — видели, как мы с Ваней к общаге подходили! Наверняка... сплетни потом будут.

— Да и пусть их...

— Чайку бы сейчас... — протянул Косов.

— Ой... правда! Я сейчас на кухню сбегая... керогаз раскочегарю, и чай заварим! — подхватила Маша.

— А не «спалимся» мы так... чего по ночам бродишь? — удивился он.

— Да ладно... это — общага! Тут главное — не шуметь, не привлекать внимание. А так... все равно девчонки по комнатам посиделки устраивают. То — тут, то — там! А то и гулянки бывают! Только потом — разбирательства комендантша устраивает, если уж совсем громко получается.

Косов обратил внимание, что Маша на спиртное особо не налегала. А вот Танька — прикладывалась, Ивану даже пришлось одернуть ее. Что подвигло «мелкую» надуться и немного присмиреть. И сейчас она, как только Маша вышла с чайником за дверь, моментально оказалась на коленях у Косова. Халатик снизу распахнулся. Да и сверху — вполне так провокационно растопырился!

«Хотя... нечему там растопыриваться! «Нулевка»! Как есть — «нулевка!»».

Сейчас, когда Иван мог визуально сравнить Машу и Таню, последняя — явно проигрывала. У нее все было... как вот в том фильме про балетных. И ножки — худые, жилистые, и попка — «с кулачок», и с титьками... пичалька! На ее подругу смотреть было приятнее. Да и на ощупь — не сравнить! И Танька, похоже, это — понимала...

— Ты, Ванечка, на Машку — не пялься! Нет... я-то так... не против... но — только после меня! — пьяненько мурлыкала она ему в ухо, обвивая за шею руками, — Ну чего ты? Целуй давай!

«Эге... а Танюшка-то — захмелела! Так... этому Фунтику — больше не наливать!».

— Так — целовать? Или — давать?

Танька чуть задумалась, не поняв фразы, а потом — захихикала:

— Что? Прямо сейчас? Нет... я-то не против! Даже — за, но ведь Машка сейчас придет и дверь не заперта! Вдруг кто зайдет... а тут я... с хуем во рту!

Последнее почему-то развеселило Таньку, и она, уткнувшись ему в грудь, затряслась от смеха.

«Странно... а днем это ее не остановило! Женская логика, чё!».

— А ну-ка — брысь на свое место! Танька! Я к тебе обращаюсь! — Маша зашла как-то внезапно! — Сейчас Светка и Катька зайдут!

— Это соседки наши... Хорошие девчонки! — пояснила Маша Ивану.

— А зачем ты их... пррглсила? — насупилась Таня.

— Маш! Налей ей чайка, да покрепче! Чего-то она... «окосела». Слышишь — уже и язык заплетается! — предложил Косов.

— Угу... А пригласила я их, потому что... Ты что — забыла, что девчонки не раз нас выручали? А сейчас... с пустыми карманами, впроголодь сидят! Чего-то там напокупали... вот деньги и кончились! А у нас... вон — еще почти полный стол! Ты же не против, Ваня?

Хотя Иван был настроен на другое... совсем на другое! Но! В чужой монастырь со своим уставом...

Улучив момент, когда Маша наклонилась над столом, он, протянув руку, погладил ее по голой ноге, провел выше под халатом и шепнул:

— Вообще-то я настраивался на другое... Не на посиделки с девчонками, пусть и красивыми!

Она покосилась на подругу, которая дула на горячий чай в кружке:

— Все будет... обещаю! Ночь длинная..., - шёпотом, косясь на подружку, ответила девушка.

— А вот так... не боитесь, что застукают нас здесь? — уже громче спросил Косов.

— А-а-а... да ладно — сегодня можно! Танька! Представь, тетя Зина — вахтерша, ушла! На вахте оставила за себя Нюрку.

Танька засмеялась:

— Это же — здорово! Нюрка на вахте сидеть не будет! Посидит часок, а потом — дверь на щеколду, и — шмыг к своему Костику под бочок на всю ночь!

— Костик — это муж Нюркин! Они с месяц назад только расписались! — пояснила Маша Косову, — Вахтерша наша, бывает, убегает... она тут рядом живет, внук у нее на попечении! Ну и оставляет за себя... кому доверяет! Только вот Нюрке — она зря доверилась. Раньше-то девчонка была серьезной, а пока — не намиловались они еще после свадьбы!

В дверь тихонько постучались, а потом и просочились две девушки. Поглядывая на Косова с любопытством, они чинно расселись возле стола, согласно приглашению хозяек. Одеты также как и хозяйки комнаты в халаты, только — предельно приличные, даже — скучные, скрывающие фигуры.

«А так — девчонки очень симпатичные. Катька вон какая улыбчивая».

Когда их представили друг другу, Танька потребовала:

— Вань! Ну чего ты сидишь? Открывай вино... игристое-то уже заканчивается!

Продуктами на столе гости тоже впечатлились. Это было видно, хоть Маша с Танькой уже успели изрядно опустошить баночки с икрой.

Косов сначала больше слушал, чем говорил, но по мере того, как пришедшие насыщались, стал рассказывать анекдоты, веселя девушек. Танька «хряпнула» остатки игристого и демонстративно пересела со стула к нему на колени. Чуть слышно, на ушко он прошептал ей:

— Танюшка! С вином завязывай! Ты и так уже пьяненькая, а если еще и намешаешь белое с красным — ничего хорошего не выйдет. Ни сейчас, когда девчонки уйдут, ни завтра — болеть будешь, и это будет заметно!

Танька скуксилась, но убрала уже было подставленный стакан.

— Ну чего ты такой... душный, а? Так же ты говоришь?

— Да мне-то что... можешь налакаться, как поросенок. Только вот тогда я буду оказывать знаки внимания уже Маше. С тебя толка все равно не будет!

— Да ну... брось! Я не пьяная. И вот — больше не буду! Вот чай лучше попью.

Когда девчонки ушли, Танька захихикала и заявила, что пора готовить постельку.

— Тогда ты был прав... На наших кроватях это делать совсем не удобно! Сетки растянуты донельзя!

О присутствии Маши, Танька, казалось — и вовсе забыла. Та, привалившись в угол своей кровати, сделала вид, что собирается почитать перед сном какую-то книгу. Танька фыркнула, глядя на соседку-подружку, и заявила:

— Ты, Машенька, тут не делай вид, что тебе все равно! Но вот меня ты вовсе не стесняешь! Вань, перетащи мой матрас с подушкой на пол...

После экзерсисов с Завадской и Ритой, Косов уже не очень комплексовал — получится-не получится. Но все-таки нет-нет да поглядывал в сторону кровати, на которой читала девушка. А вот Таньке, похоже, было и впрямь — все-равно! Только было одно «Но!». Девчонка и впрямь изрядно захмелела, и чем дальше — тем больше это было видно. Поэтому минет в ее исполнении оставлял желать лучшего.

Иван развернул ее, не слушая несвязный «бубнеж», положил на спину на матрас, и в очередной раз удивился, насколько она все-таки... худошава.

«Ага! Особенно в сравнении с вон той красоткой, которая лежит на кровати, делая вид, что поглощена содержанием книги, но все же — косит глазенками! И щечки уже зарумянились!».

Танька была не против его ласк, быстро завелась, но и здесь ее опьянение сыграло с ней дурную шутку. Эмоции ее были смазаны, и отзыв на его действия был... невнятен.

— Вань! Чего-то я сегодня расклеилась. Иди сюда... давай просто потрахуемся..., - девчонка и сама поняла, что — не в форме!

«Нет... херня это все! Да она уснет сейчас, прямо подо мной! Чего она так быстро-то... Вроде и не пила вместе с девчонками!».

Обескураженно Косов приподнялся и сел в ногах Таньки. Как будто дождавшись этого, она глубоко вздохнула, повернулась на бок и поджав ножки, моментально засопела.

«Вот тебе и раз!».

— Что, кавалер? Ваша дама уснула? — хихикнула с кровати Машка, — Как же так? Вы не смогли разбудить в ней страсти?

Девчонка приподнялась, отложила книжку на подоконник, и повернулась на бок, и усмехаясь, уставилась на Ивана. Халат ее задрался совсем уж бесстыже, оголив полностью ножки и одну ягодицу, затянутую в новые, только сегодня купленные, красные трусики.

— Маш! А чего она так? Вроде же и немного выпила? Я же не давал ей больше пить с Вами...

— Ну-у-у... просто в чай был добавлен коньяк! — тихо засмеялась Маша.

«Вот же ж! И когда она это успела проделать? Устранение конкурентки?».

— Красавица! Так-то я... не против. Но не будет ли ей совсем дурно? Будем с тобой отваживаться с ней всю ночь, — почесал нос Косов.

— Да не... я немного в чай плеснула. Но ей — хватило, как видишь! Ну что... переноси ее на мою кровать. Пусть спит. Ага... вот так. Стоп-стоп-стоп... не лезь ко мне! В смысле — лезь... но только тебе обмыться не помешает!

Маша, подойдя к двери, прислушалась, а потом — и выглянула в коридор.

— Пойдем! Вроде бы все улеглись уже..., - шёпотом Косову.

На цыпочках они прошмыгнули в туалет.

— Может ты все же выйдешь? — немного смутился Иван, — Я вообще-то еще и в туалет бы сходил... по малому...

— Ой, да ладно... Делай все свои дела, я к двери отойду, да посмотрю, чтобы никто не пошел.

Потом он стянул с себя брюки, повесил их на шпингалет окна, и уже не стесняясь девушки, обмылся у раковины.

— Вот... возьми, оботрись! — протянула она Ивану полотенце.

Не стесняясь, а, наоборот, подчеркнуто неторопливо Косов обтерся полотенцем и обмотал его вокруг пояса, брюки взял в руки.

— Ну что... пошли?

Маша негромко засмеялась:

— Ты так и пойдешь? Вот же ты... бесстыжий!

— Да что тут идти-то? Два шага ступить!

Вернувшись в комнату, он прямо у порога обнял девушку и стал целовать. Она была не против, и активно отвечала ему.

«Ну вот... Совсем другое дело!» — мелькнула в голове мысль, в то время как руки всюду путешествовали по девичьему телу — «Уже чувствуется, что девушка... и попа есть, и грудки в наличие!».

Машка уже была изрядно распалена картинками, когда они развратничали с Таней, потому отвечала ему пылко, постанывая. Взял ее на руки, он отнес ее к организованной на полу лежанке и бережно опустил, скинув при этом полотенце с себя.

— Слушай..., - она чуть отстранилась от него, — А ты... правда вот нисколечко не стесняешься... когда девушек ласкаешь... ну... там?

— Нисколечко! Да я же уже тебя так ласкал... в тот раз.

— Ну да... только вот у меня в голове не укладывается... что парень так может!

Обычно... даже намеки воспринимают очень... нервно. Возмущаются... ругаются даже!

— Ну и пусть они так воспринимают! Я — другой! Вот ты же ласкаешь меня? А почему я так не могу? Сделать тебе приятное?

— Ну-у-у... это же другое дело. Обычно мужчины воспринимают, что вот женщины это делать могут, а наоборот — это... прямо — фу-фу-фу!

— Ну и дураки, значит, эти мужчины!

Она судорожно вздохнула, когда он начал свое путешествие губами, языком и руками вниз — от ее лица и дальше.

— И правда... дураки они! — простонала девчонка.

По мере его продвижения ее вздохи становились все более нервными, судорожными. А потом сменились постаныванием. Все громче и громче...

— Машенька! Ты так всех перебудешь! — оторвался он от нее, улыбаясь.

— Ой... и правда! Я... постараюсь... Ну же... давай еще...

Добравшись до «волшебной горошины», он поднял глаза вверх. Машка лежала, обеими руками зажимая себе рот.

«Горошиной» это можно было назвать — с натяжкой, больше это походило на крохотный язычок с утолщением на конце. Вот с ним, этим «язычком» он и поигрался вволю, не забывая, впрочем, и о самой «раковине», и об областях девичьего тела вокруг. Внутренняя поверхность бедра — это тоже... очень интересное место! А вытянутые вверх руки всю игру с ее сосками.

«А красивые у нее груди... Небольшие, четко очерченные, упругие... И ореол такой... темный. А сосочки-то немаленькие — вытянутые и сейчас довольно твердые!» — пропустив соски между пальцев, чуть стискивал он их.

На этом месте пришлось прервать свои рассуждения-исследования, потому как девушка начала подвывать, приподнимая бедра, сжимая их, ощутимо сдавливая его голову. Воспользовавшись приподнятым «рабочим местом», Иван скользнул языком ниже... ко второй дырочке. Машка ахнула и судорожно затряслась.

«Ни хрена ж себе... как на нее накатило!».

— В-ы-ы... В-а-а... Ван-н-н-е-ч-ка! Подожди... подожди... не надо пока! Не трогай! Ой... дай я отдышусь... немного! А то... умру сейчас!

Он подтянулся выше, на уровень ее груди и стал осторожно играть губами и языком с ее правым соском.

— А-а-а-х-х... О-о-х-х... как же мне... Так хорошо... аж — дурно стало! Голова-то как кружится...

Дождавшись, когда ее дыхание немного выровнялось, он спросил:

— Ну что? Еще разок?

Она отпрянула от него:

— Нет-нет-нет... Н-н-н-е надо! Пока не надо! Боюсь... я не выдержу! Умру... А уж орать начну — точно!

Косов чуть отодвинулся от Маши, потянувшись, взял папиросы и закурил.

— У-ф-ф... дай мне затянуться пару раз..., - она втянула в себя дым, чуть замерла и обмякла...

— Ой... ну как же мне... сладко-то...

— Так что... больше не хочешь?

Машка привстала, и легла, опершись на локоть, поглядела на него:

— Что значит — не хочешь?! Я просто не смогу так больше... Это... это очень уж большое... потрясение! И сладко-сладко... и даже — страшно... что вот-вот умру!

— Ну как же? А в прошлый раз?

— Прошлый раз, прошлый раз... В прошлый раз — я просто побаивалась еще тебя... Все прислушивалась... и к тебе, и к себе!

Видя, что девчонка малость отошла от бурного оргазма, он принялся снова исследовать ее тело...

— Маш!

— М-м-м?

— А давай еще разок, а? Очень уж мне понравилось, как ты кончала!

— Понравилось ему... Мне может тоже понравилось... Только боязно что-то...

— Ну чего ты? Давай... я тебе попку так поласкаю? Я же видел, что тебе понравилось!

— Ты что? Ты и там тоже... ласкал?

— Ну да... а ты что же — не чувствовала?

— Нет... просто в какой-то момент... меня как прострелило! Вот так — всю сразу... от головы и до ног. Мне кажется... я даже сознание потеряла... как тьмой накатило! И вот... ты и правда — совсем бесстыжий! Мало того, что такое делаешь... Ты же еще и обсуждаешь это! Ни стыда, ни совести! Ни на грош!

Косов засмеялся, приобнял ее за талию и рывком перенес-посадил ее на себя сверху.

— И что... так уж и не понравилось? Вот совсем-совсем?

— Ты, Ваня... дурачок что ли? Я же говорю... Это не так называется — не понравилось! Понравилось... конечно же! Только... страшно как-то... повторять!

— И вообще — не хочется? — продолжал «пытать» Машу Иван.

— Ну-у-у... хочется! Только страшно!

— Ну... дай мне поласкать тебя... попку?

— Вот же... настырный какой, а?! — притворно возмутилась Машка.

— А давай так — ты мне, а я тебе?

— Это — как?

— А вот так..., - Косов развернул девушку к себе спиной и подвинул ее повыше.

— Ох! — она замерла на секунду, — Вань! Я так вообще не смогу ничего сделать!

— Ну-у-у... мы только попробуем, хорошо?

Они — попробовали! Косову... не удалось получить наслаждение, потому как с определенного момента Машка вновь впала «в нирвану» — то судорожно стискивала его ногами; то приподнималась и терлась о его лицо промежностью; то замирала, постанывая и подергиваясь; то пыталась соскочить с него. Это дело он пресекал, удерживая ее за бедра. Потом она просто замерла, уткнувшись лицом ему в пах, и только тискала-сжимала ручкой член.

— Ты живая... красавица? — тихо засмеялся Косов спустя некоторое время.

— О-о-о-х-х... он еще... издевается... Вот же...

Маша приподнялась на нем, подрагивая руками, ногами. Подергивая мышцами живота, отдышалась... и развернулась к нему лицом. Села, оперевшись локтями ему в грудь и пристально всмотрелась в его лицо:

— Вот откуда ты такой взялся — бесстыжий, наглый... умелый?! — потом легла, уткнувшись ему подмышку..., - Ва-а-а-нь?

— М-м-м? — промычал вопросительно он, шаря по сторонам в поисках курева.

— А я же... ничего не смогла сделать, да? Ну-у-у... ты же... не спустил?

— Нет...

— Ну вот... я так и знала! А зачем тогда?

— Х-м-м-м... ну — я надеюсь, что у меня это еще впереди!

Она вздохнула, приподняла голову:

— А как ты хочешь?

Иван засмеялся:

— Я много как хочу!

— Да-а-а? А как именно?

«А вот правда — а как именно? Ну... на хороший минет здесь надеяться не стоит, я так думаю! Даже — уверен! Анал? Да тоже — очень вряд ли! А тогда как?».

— Вот, послушай! — мелькнула у него мысль, и появилось недоумение — «Почему я об этом совсем забыл? Ведь это же... да большинство мужиков же об этом тоже — мечтали! Порнуха там... то — сё!» — А вот у тебя же... как у балерины, должна быть хорошая растяжка? Ну там... шпагат... продольный, поперечный? Ножку там... за голову закинуть?

Девушка удивилась, отобрала у него папиросу и сделала несколько затяжек:

— Ну... вообще-то — да! Только... это же не так просто — раз! И шпагат! Или раз — и ножка за головой! Мышцы же и связки разогреть надо! Не так сразу!

— А давай... попробуем? Ну — пусть это будет и не полный... не чистый шпагат!

Они попробовали. Ощущения были... очень необычные! Это было — классно! Только вот Косов видел, что девчонка — не в восторге!

— Тебе не нравится? — нависая над ней на вытянутых руках, спросил Иван.

Маша держала руками свои широко раскинутые красивые ножки.

«Ну — почти чистый шпагат!».

— Ну... как сказать... во-первых... очень глубоко... даже — больно! Во-вторых... мне приходится контролировать себя... и ноги держать... и вообще... я так долго не смогу! И — точно не кончу!

«Облом-с!».

— Ладно... извини... просто хотелось попробовать! — Косов убрал ее руки с ног, и потянул красивые ножки вниз, просто приобнял ее за попу.

Она, похоже решив, что он разочарован, предложила:

— Ну... давай чуть позже еще попробуем?

И они попробовали, когда она стояла, уперевшись спиной в стену, а он, придерживая, одной рукой ее ножку, закинутую почти вертикально...

«Ах... как! Попробовал! И так... здорово!».

В процессе они целовались враскоряку. А когда он начинал целовать ее длинную шею, Машка начинала всхлипывать и стонать...

— У-ф-ф... вот теперь — другое дело! — снова лежала она на нем, — Теперь и мне... очень понравилось!

Они делали это — и снова, и снова, и снова. Ласкать его ртом она, как правильно подумал Косов, толком и не умела, но — была ласкова, послушна. А потому Косов выдавал рекорды выносливости.

Решили, что пора уняться, когда уже за окном было совсем светло, и птички уже всюду чирикали-щебетали. В комнате был еще полумрак. От окна веяло утренней свежестью.

«Ага! Окно пришлось открыть. А то — такая духота в комнате образовалась! А уж про

запах... мы-то здесь и не чувствуем. А если кто зайдет в комнату — сразу будет понятно, чем тут занимались всю ночь!».

В крайний раз, когда Ивану пришлось закрывать ее рот губами, чтобы не беспокоить соседей криками и воем, на кровати завозилась Танька. Простынь под ними была сбита в комок, мокрая от пота. Подушка...

«А где, кстати, подушка? Ага... под кроватью! Да и пусть!».

— Ты как, хорошая моя?

Ответом ему стал стон...

— Вань?

— Что?

— А правда... Танька сама рассказывала... ну... что она в первый раз тебя... ну — искусала... там прямо! Вот прямо за него?

Он засмеялся, Маша тоже...

— Ну как сказать — покусала? Просто делать это она не умеет, а — старалась. Вот... погрызла немного!

Девчонка хмыкнула:

— Не умеет... А я же — тоже не умею, да?

— Ну... ты более ласкова...

— А-а-а... научи меня, а? Как правильно...

Косов вздохнул:

— Да не получится, милая... Мне уезжать скоро!

— Да-а-а? А куда?

Он объяснил. Было видно, что Машка явно расстроилась, губки поджала...

— Тогда... давай еще разок, а?

«Ну что ты будешь делать?!».

Они сидели, уже пили чай, когда на кровати завозилась Танька, потом рывком села, застонала. Обвела мутным взглядом комнату, сфокусировалась на них. Хрипло спросила:

— А вы что... еще не ложились, что ли?

Иван засмеялся, Маша промолчала, позевывая, прикрываясь ладошкой.

— Так... я в туалет!

Проходя мимо, Танька остановилась, посмотрела на Ивана:

— Ты что? Ее всю ночь драл? — перевела взгляд на подругу, вперила в ту указательный пальчик — Ну, Машенька! Ты мне будешь должна! Очень сильно должна! И да... налейте мне чая покрепче... я сейчас приду!

Уходил он так же, как и пришел — через окно.

Солнечное утро на полигоне. Косов уже прошел стрелковую галерею пару раз — показ должен быть на уровне, без огрехов! Потом присел на заросшую травой обваловку стрельбища, покурил, стараясь успокоиться и не допускать волнения.

Лазарев, судя по виду и поведению, тоже был не на шутку взволнован. То расхаживал по галерее, то бросался поправлять мишени и гонги. Потом, посмотрев на часы, вздохнул, махнул рукой:

— Время! Пойду встречать высоких гостей!

— А что — много их будет, и насколько высокими будут эти гости? — поинтересовался Косов.

Лазарев засмеялся:

— Да это я так... Гости — не особо высокие. Но и не низкие... Несколько человек, из тех, кто заинтересовался — от «эркэкэа», сколько-то — от «энкавэдэ». Может еще от «гэпэу» кто-то будет — но это не точно...

Косов знал, что ГПУ уже несколько лет назад переименовано, но в разговоре многие еще называли «госужас» по-старому.

«А вот их тут видеть бы... не хотелось. Так-то — вроде и ничего мне не предъявишь. Не думаю, что «контора» так уж всеильна и всезнающа! Но... лишний раз привлечь внимание — тоже не «айс!»».

Но было уже поздно — думать нужно головой, а не... «тухесом».

«М-да... ну что скажешь — мудак безголовый! Что уж тут поделаешь...».

Лазарев вернулся в сопровождении группы командиров и начальников. Кроме уже знакомого командира из части, чье стрельбище сейчас занимал показ, здесь еще были человек пять командиров Красной армии, с различными петлицами — от «старлея» до майора. Парочка человек в белых гимнастерках начальников из НКВД, с ними — трое серьезных парней в «гражданке».

«Ага... а вот и эти... внучки железного Феликса. Числом в два экземпляра. Один — вроде бы два «кубаря» в петлицах, а вот второй... второй — со «шпалой». Одной, правда, но и то — чин не малый, для нашей провинции!».

Иван загодя встал, оправил выданную ему в воинской части форму красноармейца. «Бэу», конечно... Он хоть и не военнослужащий... пока! Но — зачем нарываться на ровном месте? Поприветствовал командиров и начальников отдаванием воинской чести.

— Товарищи! В сегодняшнем показе мне будет ассистировать наш курсант, закончивший курсы стрелковой подготовки — Косов Иван. Он с самого начала помогал мне в разработке данного комплекса, — немного волнуясь, представил его прибывшим Лазарев.

«Ассистировать я ему буду... Ага! На ходу подметки режет старший товарищ! Ну жох этот Лазарев, ну — хапуга! Все лавры, в случае успеха, значит — ему?! Хотя... так будет лучше! На кой хрен мне внимание привлекать? И так уже...

— Попал во все, что было, он выстрелом с руки!

По нем бабье с ума сходило...

И даже — мужуки!».

— Прежде чем начать показ, разрешите Вас ознакомить с разработанным нами стрелковым комплексом. Комплекс имитирует различные коридоры, узости и проходы, оконные и дверные проемы. Кроме того, для обозначения попаданий при проходе комплекса, часть мишеней нами заменено на металлические диски и тарелки — чтобы попадания фиксировались не только визуально, но и звуком, — продолжал речь Лазарев.

— А рикошетов в этом случае не боитесь? — перебил Лазарева кто-то из приглашенных.

Лазарев чуть сбился, потер лоб и, улыбнувшись, пояснил:

— Приглашенные не будут проходить с курсантом галерею. Вы будете стоять, не доходя до ее начала. Поэтому... не думаю, что Вам будет грозить хоть какая-то... реальная опасность. Да... рикошеты возможны, но мы с Иваном проводили тренировки уже не раз и не два... Да даже — не один десяток раз! Но... как видите — целы и невредимы!

— Товарищ инструктор! Не подскажите — а зачем это все... вообще? Есть же наставления, методики огневой подготовки? Что Вам в них не нравится?

— Товарищи! Наша методика вовсе не отменяет наставлений и методик по огневой подготовке, из уже имеющихся. А как бы сказать... развивает их, что ли! Является, можно сказать, вторым этапом для обучения уже имеющих твердые навыки стрельбы из пистолета и револьвера.

«Ну вот тут — спорно! Как по мне — так лучше уж совсем с новичками иметь дело, чем с теми, кому уже «вдолблены» в голову общепринятые приемы стрельбы. Хотя... Лазарев сейчас пытается «продать» покупателям свою методику. Так что — не будем ему мешать!».

— Как Вы все знаете, известные приемы стрельбы обучают навыкам стрельбы из оружия командиров. Ставится меткость, хладнокровие, сосредоточенность на результате. Однако, при всей ее пользе, данная методика... не учитывает жизненную необходимость... осмелюсь сказать — умение стрелять быстро, точно, при различных ситуациях, — продолжал инструктор, — Вот мы посидели, подумали... Разбили действия на несколько этапов, и решили посмотреть — что получится! Занимались мы этим уже больше четырех месяцев... Сразу скажу — обучение это еще не закончено! Даже у нашего курсанта! Но... результаты есть! И мы их хотим Вас сейчас показать! А после уж... можно обсуждать еще — что добавить, что убрать... может как-то — изменить подходы.

— Сейчас... Так! Иван — давай на исходную! Сейчас мы покажем Вам, с чего мы вообще начинали! — Лазарев прерывал свой рассказ подачей команд Косову, — Получить оружие!

— Боевой... Получил, осмотрел, замечаний нет! — четко рапортовал Иван.

— Сначала... Что делает боец до начала стрельбы? Первоначальный этап — это извлечение оружия из кобуры, его хват, занятие определенного положения, то есть — стойки, прицеливание!

По команде Лазарева, раз за разом Косов показывал, что он успел освоить за прошедшее время. Для недопущения ошибок — ушел в «нирвану», отрешился от окружающего, слушал только команды. А тело — уже само выполняло привычные для мышц движения. Получалось! И получалось — быстро! Очень быстро!

Косов не слушал пояснений Лазарева на вопрос — почему была выбрана такая стойка. Это было уже обсуждено даже не десять раз. Инструктор давал объяснения четко, аргументировано, доходчиво!

— Ну понятно! В чем-то с Вами даже можно согласиться, — подытожил кто-то из командиров постарше, — Давайте уж перейдем к стрельбе!

— Получить патроны!

— Получил... Осмотрел, замечаний нет...

— Огонь!

Выстрелы на полигоне — это совсем другое дело, чем выстрелы в тесном закрытом помещении. Уши не глушило совсем, а потому череда выстрелов на весь барабан револьвера, слившихся в почти пулеметную очередь, неудобств не принесла!

«Х-м-м... а неплохо, неплохо, товарищ попаданец!» — похвалил себя Иван.

Все три мишени, стоявшие на расстоянии пятнадцати метров, были поражены: две мишени — двумя пулями, а третья — тремя.

— А почему такая дистанция? Очков-то выбито немного! — посыпались вопросы, когда присутствующие, вместе с инструктором и Иваном, подошли к мишеням.

— Товарищи! Мы сделали упор не на количество выбитых очков, а на попадание по мишеням. Это — не соревнования. А попадание даже одной пулей по противнику — как

минимум приведет к его ранению, если не смерти! Как Вы видите — курсант старался одной пулей поразить мишень... скажем так — в область груди, второй — в голову! — распинался Лазарев.

— А почему нужно стрелять дважды?

— Да чтобы быть уверенным в попадании и выведении из строя противника!

— Вы так и не ответили — а почему такая дистанция? Чтобы легче попадать? — спросил с усмешкой один из армейских командиров.

— Товарищ инструктор! Разрешите мне ответить на вопрос товарища капитана? — обратился Косов к Лазареву.

— Ну что ж... отвечай! — кивнул тот.

— Товарищ капитан! Товарищи! Нам представляется, что двадцать пять метров, которые заданы нам всем имеющимися нормативами — все-таки не пистолетная дистанция! На двадцати пяти метрах, командир, даже неплохо умеющий стрелять из короткоствола, не может быть уверен в попадании в противника, и даже — нанесении врагу ранений, препятствующих тому продолжать бой! Волнение, быстро меняющаяся обстановка, движения противника — все будет мешать стрельбе. Поэтому, как нам представляется, на такой дистанции нужно использовать более серьезное оружие — пистолет-пулемет или же — винтовку.

— Да-да... которых у командира нет! — с сарказмом протянул капитан.

«Вот же... заноза где!».

— А вот здесь... как представляется — ошибка, заложенная в уставах! Лучший стрелок в подразделении... а командир, как правило — лучший стрелок подразделения! И не имеет серьезного оружия? Что-то нужно менять, на наш взгляд...

— Вы обратили внимание, товарищи, что барабан револьвера был опустошен за пять секунд! Пять секунд, товарищи командиры! Причем — все мишени — поражены! — Лазарев попытался отвлечь приглашенных от спорного утверждения о необходимости изменений уставов.

— Да... курсант Ваш натренирован — отменно! Что уж сказать..., - протянул один и милицейских начальников.

— Полагаю, что оперуполномоченные, которые постоянно сталкиваются с сопротивлением преступников, должны иметь такие навыки! — отрапортовал Косов.

— Четыре месяца, говорите? — спросил у Лазарева один из «гэбни», — М-да... действительно — неплохо!

По их предложению, Косов отстрелялся по мишеням снова. А потом — снова... Затем — сменил «наган» на «тэтэшку». И опять — два подхода к огневому рубежу. Здесь его результаты были даже лучше — все же спуск у «нагана» — очень тугой!

Командиры были задумчивы и негромко переговаривались между собой.

— Товарищи! Попрошу перейти к стрелковой галерее! Мы хотим показать Вам, чего добились упражнениями... в обстановке, как говорится — приближенной к боевой! Я буду следовать за курсантом, засекаю время секундомером, фиксировать попадания. Потом доложу Вам — сколько затрачено времени, сколько поражено мишеней, сколько израсходовано боеприпасов.

— Готов? — Лазарев замер за спиной Ивана. Сзади и справа.

— Готов!

— Пошел! — и легкий толчок в правое плечо.

Они проходили галерею трижды. В третий раз с ними увязался лейтенант-«гэбэшник». Шел он в паре метров сзади, не мешал, молчал. Когда они вернулись на исходный рубеж, Косов заметил, как «лейтеха» слегка кивнул своему старшему, подтверждая рапорт Лазарева.

Потом приглашенные ходили по галерее, расспрашивали инструктора и Косова, по параметрам коридоров, величине мишеней, гонгов, тарелок.

Уже в конце показа, Косов, как и было предусмотрено программой показа, провел «показуху» — стрельба в движении, враскачку, с кувырками. И даже — с двух рук! Сначала — из револьверов, потом — используя ТТ. Здесь с попаданиями было — хуже. Ощутимо хуже!

— Тренироваться больше нужно! — пожал плечами, смущенно улыбаясь, Иван.

После всего, присутствующие разбились по кучкам, активно обсуждая увиденное. Лазарев активно объяснялся с группой командиров, а к Ивану подошли сразу оба «гэбэшника».

— Товарищ курсант! А Вы сейчас чем занимаетесь? Где работаете? — поинтересовался младший. Старший же, покуривая, смотрел на Косова.

«Нах-нах-нах! Ваше внимание, товарищи сатрапы и палачи, мне абсолютно не нужно!».

— Сейчас, товарищи командиры, я нахожусь в процессе увольнения с места работы. Работаю я киномехаником в клубе совхоза, при «Сибкомбайне». Увольняюсь по причине убийства в город Омск, для поступления в Омское пехотное училище, — бодро отрапортовал он.

— М-да? А не думаете... поменять наркомат дальнейшей службы? — «палачи» переглянулись.

— Товарищи командиры! Ваш вопрос... очень неожиданный. Да и... все уже решено, и механизм машины запущен. А менять все... в последний момент... как-то — некрасиво, не так ли? Я в армии хочу служить... извините! — пожал он плечами.

— Да? Ну что ж... посмотрим..., - оба-два еще раз переглянулись и отошли в сторону.

«Ф-у-у-х-х... на хуй, на хуй — кричали пьяные пионеры!».

Лазарев был взъерошен и задумчив. Но в целом — вполне доволен! Внимание-то он к себе привлек! А дальше... Даже Москва — и то не сразу строилась!

— Опять ты, Чибис..., - в голосе «Савоськи» слышалось такое искреннее огорчение, что Косову стало даже неудобно.

«Чем это я так ему досадил? Прямо вот слышится — «Век бы тебя не видеть!».

— Что уж, Севастьян Игнатьич... Ты прямо вот... чем же я тебя обидел-то? — вполне искренне поинтересовался Иван.

— А то ты не знаешь? Хотя... где тебе? Пенек тупой, безголовый! Ты ж... ты ж, как появляешься, то все какие-то проблемы возникают... Не одно — так другое! Вот веришь или нет — я ж до прошлого года, пока ты не появился, куда как спокойнее жил. Так-то проблемы бывали... но ведь с тобой — каждый день не знаешь, откуда прилететь может!

— Да ладно... скажешь тоже! Да и денег ты со мной немало поднял — скажи не так? — все-таки немного смутился Косов.

— Да на кой мне эти деньги... если красноперые повяжут? Или эти... польскИе за жопу прихватят! — возопил «Штехель».

— Да тебя-то — за что прихватывать? — в свою очередь возмутился Иван.

— А то они разбираться будут! Ага... где там!

— Ну ладно, ладно... Севастьян Игнатьевич... Что уж... раньше времени-то помирать? — и Косов дурашливо заголосил:

— Эх, пить будет!

Да гулять будем!

А смерть придет —

Помирать будем!

— Тьфу ты! — в сердцах плюнул «Штехель», — Вот и говорю — дурак дураком! Ладно... Давай, говори — что надо, чего приперся?!

— Ну как чего... так — воздух понюхать, новости узнать. Как говорится — жалом поводить, из стороны в сторону..., - пожал плечами Косов.

— Жалом поводить... э-э-х-х... ладно, чего там... Чего узнать-то хотел?

— Как там дела... с польскИми? Чего там менты нарыли? — перешел к конкретике Косов.

— Чего нарыли, говоришь? Да особо — нечего не нарыли! Хоть Вы и грязновато сработали... гильзы менты нашли — от «Кольта». А потом и кровь замытую! Только вот... не могут понять — это пшки эти бирюка завалили, или бирюк — пшек, да в бега подался. А жмуров-то — нету! Так что... в раздумьях менты! А еще и эти... цыгане там ошивались — тоже непонятно... Зачем это цыганам?

«Похоже про цыган Валерьян «Штехелю» не обсказывал... Ну — пусть так и остается!».

— А сами польскИе там не видны были? Ну — на разбор никто от них не приезжал?

«Савоська» пожевал губами:

— Да не слышно было. Да не дурни же они — вот так сразу нахрапом на разбор ехать! Скорее всего — подрядят кого из москвичей... или — хохлов, что скорее будет. Но не сразу, думаю... Им тоже к лягавым в лапы попасть — не желательно! По горячему-то!

«Блядь... гильзы! О них я и не подумал тогда! Все в спешке, в спешке... Да и ладно... Живы будем — не помрем!».

— Кстати... о гильзах. Ты, Игнатьич, не возьмешь на реализацию один «Кольт» и

«тэтэшку»? — спросил Иван, — Стволы хорошие, чего там! Новье, можно сказать! И номерки уже спилены. Возьмешь, а? Недорого отдам!

«Выбросить — жаба не подписала! А таскаться с ними... Не — я не до такой степени безбашенный!».

«Штехель» выпучил глаза и сидел так... Молча.

— Ты, бя... Ты, бя, сучоныхш... Ты их себе прибрал, что ли? Ты совсем уже, Чибис? Ты... Ты и ко мне их сюда притащил? Совсем сдурел, малахольный! — наконец «отошел» барыга, и издал протяжный сип.

— Нет, бя... я их в питье что ли спустить должен был? Ты чё, Игнатъич? Зовсим с глузду зыхав? Говорю же — классные машинки! Денег хороших стоят! — возмутился в свою очередь Иван.

«Савоська» выдохнул, потер лоб, искоса посмотрел на Ивана, и полез в ящик стола. Косов напрягся. Но старый жулик достал оттуда бутылку коньяка, пару стаканов, и набулькал по половине — себе и Косову.

— Нет, Чибис... Ошибся в тебе «Шрам», точно — ошибся! Нету у тебя головы! Комелл березовый у тебя заместо нее! Ну кто ж так делает, а?

— А чего? Это ж — все равно, что деньги в речку выбросить! Да и сейчас... что ж, у нас менты всех подряд на улицах шмонают, что ли? Рук не хватит — всех обшмонать! Так чего ж бояться?

«Штехель» медленно, смакуя, и задержав дыхание выщедил янтарную жидкость из стакана. Косов — тоже «замахнул», но — безо всякого уважения к напитку.

— Вот что я тебе скажу... с «железяками» этими... не ко мне, ясно? — «Савоська» тщательно выбрал из пачки папиросу, и прикурил.

— А к кому? Посоветуй! — деньги Косову терять не хотелось.

— А вон... к Юзику иди! Может он примет...

«Ага... а говорили — отошел, отошел... А он, выходит, отошел только от «ломки» сейфов. А так — вполне себе в деле!».

— Да? Ну ладно... схожу к Юзику. Да! Еще вот... там с ателье что-то накапало? — уже собираясь уходить, спросил Иван.

«Штехель» покрутил шей, цыкнул зубом:

— Накапало... немного. А ты что ж — уже весь куш спустил, что ли?

— Спустил, не спустил... То дело мое! И долянка — тоже моя... Или ты по-другому решил?

«Савоська» посидел чуть, подумал, потом достал из ящика стола нетолстую пачку банкнот, перетянутых нитью, и перекинул ее Косову.

— Ага! Вот еще что, Игнатъич, я уеду... скоро. Не будет меня... может полгода, а может и год. Ты дольку мою с ателье прибери, хорошо? Можешь куда в дело пристроить, если есть куда... А приеду — заскочу, отдашь. Договорились?

Юзик принять «стволы» согласился. Пошамкал губами, поплямкал:

— Триста! Это — за ТТ! И пятисотенную — за «Кольта»!

— Господин хороший! Побойтесь Бога! Вы где ж такие цены увидели? Хороший «шпалер» по цене ботинок принять?! Это ж... грабеж среди бела дня! — опешил Косов.

— Ага, ага... Ты поори еще мне тут! Поори! А не хочешь... Вон — на базар иди, может там кому скинешь подороже! — пробурчал старый еврей.

— Да это ж — ни в какие ворота не лезет! Это ж... что за цены? «Опять за рыбу гроши?»

— Ну да, ну да... Ты еще начни орать — «За что боролись? За что кровь проливали?». И еще — жидом пархатым меня назови, ага!

— Пан Юзик! Вот я Вас сейчас не понимаю — откуда такое ценообразование взялось? — продолжал возмущаться Иван.

— А я — не пан вовсе! А ценообразование, шламазл ты обмороженный, такое! Их тут никуда не пристроишь... горячие они тут! А куда-то везти... подальше... тоже — денег стоит! Так что... Ладно! Штука. Но — не больше!

— Хрен с тобой, золотая рыбка! Бери! Грабь! Вы, Юзик, не к товарищам ли собрались в партию записаться? У них тоже лозунг — «Грабь награбленное!» очень популярен!

— Молодой человек! Если Вы «пиковый», так зачем же Вы вообще... орудия производства продаете? Пропились? Или в карты проигрались? — похоже, жид просто потешался над Косовым.

— Ни то, и не другое! Когти рву, активы сбрасываю! — почесал нос Косов.

— Ото ж! Вам же сейчас не о лавэ думать надо, а о том, чтобы свалить в темпе вальса!

— Не... не все так печально. Времени мало-мало есть... А лавэ — везде могут понадобиться!

— Да! Это верно... без этих красивых бумажек... даже в наше, насквозь социалистическое время — просто никуда! Вот еще что... Есть у меня «шабер». Ну как — «шабер»? Не «шабер», а цельное произведение искусства! Не желаете взглянуть? У Вас есть? М-да... вот эта банальная пацанская железка — Ваше? Ой, не смешите меня, у mine губы болят! Я Вам, многоуважаемый Чибис, ответственно заявляю — в приличной компании! Вам вот этим... даже колбаску не разрешат порезать! Вы игде это надыбали? Какой колхозный кузнец Вам это... наковал?

— Нормальная финка! Чего уж там... наговаривать! — насупился Косов.

— Да не... я же не спорю... Только скажу Вам так... в моем детстве ножик поприличнее Вашего был у моей сестры Мойры. А уж она — точно не была из «пиковых». Приличная девочка... на скрипке играла. Ну что Вы кобенитесь? Будете брать? Или окончательно упадете в моих глазах?

— А за «посмотреть» сколько? — Косов понял, что Юзик очень неплохо «наварился» на нем, и сейчас, имея хорошее настроение, устраивает спектакль.

— За «посмотреть» — абсолютно бесплатно! Как нашему постоянному клиенту! Молодой человек! Шоб я так жил! Берите ножик и не сомневайтесь!

А нож и правда был хорош! Очень хорош! Косов, как только вынул его из ножен, сразу понял — возьму! Точно возьму! Сероватая сталь, даже... вроде бы... узор просматривается! Нет, это, конечно, не булат никакой, но — что-то близко к этому! Сам «живорез» был без особых красотостей, сугубо функционален. Клинок длиной сантиметров семнадцать, вряд ли больше. Довольно широкий, на глаз так — сантиметра четыре. И толстый, миллиметра четыре, а то и пять. Но не создавал впечатления этакой... несуразной стамески. Острие — хищной «щучкой». Упор... или гарда — похож на НР, этак — искривленной буквой «S».

Рукоять — клееная кожа, очень аккуратно отшлифована, темно-коричневого цвета. Имелась и головка рукояти — металлическая, как бы не из нержавеющей стали. Хорошая такая, по башке садануть — мало не покажется!

Ножны были под стать ножу — черные, сшитые из толстой кожи; прошитые по

периметру крашеной в черный цвет сыромятиной. И даже заклепками в нескольких местах усилены. Вот только подвес — стандартный, на ремень.

Косов похмыкал для порядка, покрутил нож, заценил баланс — «По уму все сделано!». Юзик, скрывая довольную улыбку, стоял рядом, наблюдал.

«Это он... морда жидовская, уже понял, что ножик мне понравился! Не смог я покерфейс удержать! Сейчас цену загнет — мама не горюй!».

— Ну так и сколько, Вы, уважаемый, хотите за это произведение кузнечного искусства? Так-то... как столовый ножик... может и неплохо. Да... но вот — весь вопрос в цене!

— Да что там говорить?! Ага! Столовый ножик! Да ему цены нет! Самый настоящий булат! — начал рекламно-торговую речь Юзик.

— Ой! Не смешите мне нервы! Ага, ага... Булат, как же! Харалуг! Дамаск! Вы уважаемый Юзик... как вот недавно мне советовали — идите на базар, и там кому-нибудь голову... имейте! Нет... не скажу, что ножик плох! Отнюдь! Но и не булат, далеко не булат! Ножик — инструмент функциональный! Он должен резать, он должен колоть. Сбалансированный должен быть, да! А все остальное — от лукавого! К тому же... что бы Вы знали — дамаск, он склонен ржаветь. Его хранить нужно... особо. И за чистотой следить!

— Ну так... если у кого вместо головы тухес, а вместо мозгов — птичий помет, таки он и хорошую вещь угробит очень быстро! А если руки не из жопы растут — то вечный ножик! Еще внуки Ваши будут пользоваться и хватить старого Юзика!

— Ладно... с Вами говорить — как мед пить! Но времени у меня категорически мало! Скажите мне сразу — сколько?! Убейте меня цифрой!

— Ну так..., - Юзик почесал кончик носа, и как в омут с головой, — Триста!

— Ой! — прошептал Косов.

«Ну да... в эти игры одесского Привоза можно играть вдвоем! В одиночку — какой смысл в них играть? Если больше двух — то уже шумно, уже «мишпуха!»».

— Да что — ой?! Что — ой?! Молодой человек! Вы знаете, Вы далеко не Станиславский! Не сношайте мне здесь мозг! Берите вещь уже!

— Да как брат-то? Как брат? Мне после только зарезаться этим ножиком! Да меня же мой внутренний хомяк изнутри загрызет!

— Ваш... кто? — удивился еврей.

— Хомяк... мой тотемный зверь. Не любит он траты и расходы, а любит прибыль и доходы!

— А-а-а... вон Вы о чем... Хороший зверек, полезный. Ну так что же?

Косов покрутил нож в руке.

«А — была не была! В крайнем случае — в подарок кому-нибудь пойдет!».

— Согласен! Но! Есть условие! — кивнул он головой.

— Какое же условие? — скривился Юзик.

— Надо сбрую переделать! Петля под ремень пусть остается, но... нужно сделать ремни, чтобы на ногу... на голень можно было разместить, или же, как вариант, на предплечье!

Иван показал, как должен быть размещен нож в ножнах.

Юзик пожевал губами:

— Ну что ж... это не будет сложно! Что-то еще?

— Да... у Вас есть спец... нужно зачернить клинок и вот этот... набалдашник, на рукояти!

— Х-м-м... а зачем?

— Это несет две функции: первая — черненый клинок не так поддается ржавчине; вторая — клинок не отсвечивает там, где не надо!

— Ну-у-у... Логика в Ваших словах есть... Только нужно время. Да и... подороже это будет стоить!

Сговорились на трехстах пятидесяти рублях. И что за ножом Иван зайдет через неделю. Остальные деньги Юзик выдал ему наличными, причем... зараза такая! Старыми потертыми купюрами!

— Слушайте... Ну это как-то... Вы бы мне еще медью отдали! — кривился Косов.

— Молодой человек! Не говорите мне, что Вы эти деньги зашьете в матрас, и что... дескать, они будут Вам неприятно пахнуть! Сами же знаете — что через неделю-две у Вас от них ничего не останется!

— А Вы почему знаете?

— Ай! Не трепите мне нервы! А то Юзик не был таким молодым поцем, как Вы сейчас! Все, молодой человек! Вы меня задерживаете!

«Деньги, деньги, дребеденьги,
Позабыв покой и лень,
Делай деньги, делай деньги,
А остальное все дребедень,
А остальное все дребебедень!»

«А шо делать? Шо делать?! Остается только напевать... Вот куда мне деть эту кучу... ну — по нынешним временам! Деняж... Больше тридцати тысяч — не комар чихнул! И куда? Везти с собой в Омск? А там куда они мне? Подозреваю, что первый курс даже в «увал»-то не пускают. Да и в увольнении — куда их там тратить? На девочек? Ну — это да! Но... как показывает практика... точнее — показывала, в той еще жизни, в училище — увольнение — на четыре часа, ну — край — на полдня! И куда пойдешь в это время? Киношка... Погулять по городу. В горсад сходить. Что еще? Да не думаю, что сейчас в Омске, да и в любом другом городе Союза — масса развлечений имеется! И что? Ну... познакомился ты с девчонками... Хотя практика показывает, что в плане секса знакомиться следует с молодыми женщинами, а не девчонками. Те, что повзрослее — они в этом деле уже что-то понимают, без излишнего романтизма и розовых соплей! Ну и даже так — ну ресторан там... Ага! А рестораны — в центре города, а в этом центре — патрули! Да и в курсантской форме по «кабакам» ходить — так себе затея! Значит... значит «гражданка» все же — нужна! Сделать ревизию вещам... Зимнее — вряд ли стоит брать! Да и где их хранить, эти вещи? В каптерке? Ага, ага... кто-то их там у меня, у салаги-первокурсника примет! А потом — выдаст, чтобы в «увал» сбегать... Нет, так-то... найти квартиру, чтобы хранить там «граждань» — не вопрос, но — не сразу, далеко не сразу! Там сначала... летний лагерь, потом — «КМБ», потом — в училище нарядами, да хозработами — «заипут»! Первые полгода — точно ничего не светит!

М-да... Ладно! Что там поводу денег? Как пишут в книжках для попаданцев... точнее — писали! Сейчас этих книг пока нет. Так вот... что делает чел, попавший в прошлое, и вдруг заимевший кучу денег? Он их тратит на «богоугодные» дела! Ну там... в детский дом перечисляет! Как Юра Деточкин! Ага... Представляю, прихожу я сейчас на почтамт и говорю — «А ну-ка, девушка, перегоните-ка эти вот тридцать тысяч детскому дому!».

Обыденное явление, да? Каждый день стоит очередь граждан, желающих перечислить в детские дома такую кучу денег! И чего сделает удивленная девушка... ну или — тетенька на почтамте? Да милицию вызовет! Случай неординарный, и еще — откуда у молодого человека такие деньги? Да и, скорее всего, на почте стоит такой «сторожок» на перечисления такого типа! А потом — вопросы... «У Шпака — магнитофон, у посла — медальон!».

А еще... скорее всего и документы попросят, когда приду с таким на почту!

Но! Но даже — представим! Все прошло нормально, девушка-тетенька оказалась не из любопытных и оформила перевод в ближайший детский дом. Ага! А детдом, как госучреждение, работает в основном по «безналу». И тут такая кучка «деняж» — вздынь! Приходит на адрес! И что думает директор этого дома... или — бухгалтер его же? А думают эти люди — «Это чего такое?!». Радуются, говорят? Ну — не знаю, не знаю... может и обрадуются, что нашелся «лох», который им так денежку «заслал»! Тишком снимают денежку, «пилят» ее в тишине, и остаются довольными — «Ваня! Шлите еще!».

А скорее всего — директор с бухгалтером бегут наперегонки в «энкавэдэ» и пишут заявление — «Ни при чем мы, родненькие!». А «родненькие» начинают интересоваться — «Это чего это у нас такое, кто у нас такой тут красивый и добрый? А где взял деньги, щедрый? Из тумбочки, говоришь? А ну-ка, показывай, где та тумбочка!».

И становится красивому и доброму — очень грустно!

Так что... не — так-то не жалко! Денег, в смысле! А вот себя — жалко... от возможных последствий! Не... не буду я так делать! Что-то, конечно, возьму с собой — расширить горизонт возможностей, так сказать! А остальные?

В Сберкассу отнести? На свой счет положить, куда деньги из филармонии капают? Ну... примерно тоже самое — что по почте в детский дом отдать! Все перечисления из филармонии — они абсолютно прозрачны и понятны. А тут вдруг — такое поступление наличкой? Опять может вызвать вопросы... у компетентных органов.

Фатьме отдать? Ну... какую-то часть — да! Завадской и Ритке? Тоже! Но не все же? Нет? Или да? Пром-б-л-е-е-ма... мать ее за ногу! Савоське в рост отдать? Ага... А я найду потом этого Савоську? Нет, не потому, что он сбежит. Думаю — у этого старого черта денежек побольше заныкано. Но... бизнес у него такой... за чертой закона и вполне может «Штехель», после очередного «гешефта», поехать лет на несколько — Колыму осваивать! Вот — то ж!

Ладно... часть — Фатьме, часть — Завадской и Ритке... Остальные — с собой! У меня же в ранце, в верхнем клапане, есть потайной такой карман? Вот пусть там и соблюдаются!

Эх! Хреново без карточки... в смысле — банковской! Да еще проблема — как мне объяснили в сберкассе — деньги с филармонии идут на счет сберкнижки, заведенный в Красно-Сибирске. И я не смогу снять хоть сколько-то с этой сберкнижки в Омске! Вроде банк один, а книжка обслуживается только там, где заведена! Пичалька! И дорожных чеков — нетути! Вот же... тоталитарный «совок», сколько препон для финансово-состоятельного человека!

Ладно... поживем — увидим!».

Все эти мысли... все эти «думы окаянныя!» крутились в голове Косова, пока тело было занято другим. Тело занималось греблей! Нет — именно греблей! А не тем, что короче на две первые буквы!

Все-таки Иван приплелся, как и обещал Кире, на водный стадион. Водный стадион — здесь и сейчас, это такая заводь реки Оби, на ее излучине, в черте города. Изрядная такая заводь — в длину как бы не больше километра! А еще эта заводь отгорожена от основного русла реки бонами, поставленными на якоря. Боны бревенчатые, длиннющие, чуть не на всю эту заводь. Довольно широкие — почти два метра в ширину, накрытые сверху по бревнам дощатым настилом, выгоревшим на солнце и днем нагревающимся чуть не до горяча! Очень классно «наплюхавшись» в воде, завалиться на эти горячие доски и млеть так — кайф! Что множество людей и делает, кстати!

Еще на этом стадионе, по берегу, есть много различных построек — административные, служебные, какие-то склады, эллинги. Есть и вышки спасателей, и вышки для прыжков в воду, и даже зрительские трибуны — ну это вдоль берега!

Вот сюда-то Косов и приплелся как на голгофу несколько дней назад. Почему как на Голгофу? Да потому что видеть Киру для него — по-прежнему... тяжело! Все-таки что-то это тело к этой девушке испытывает! Интересно... это тело — к ней «испытывает», или все же — весь он? Разумом-то понятно, что — «ни-з-з-я!», а вот тело... реагирует вполне так резко, и даже — чересчур! Нет! Не ядерной, молодецкой эрекцией. Хотя... и это тоже присутствует! И ядерная, и молодецкая! А вот с психикой нужно что-то делать. Когда эта красавица комсомолка рядом — аж дух захватывает, в голове шум и непонятные волны плещутся, и неясное томление в груди! И язык становится... ватным, мягким. Аж противно, чес-слово! И речь невнятная... заплетаящаяся.

Когда этак — недолго, да в присутствии посторонних — еще ничего, а вот если они остаются наедине... Там все — очень плохо!

Спрашивается — а зачем пришел? Да хрен его знает! Вот прямо тянет его к ней, к этой... красотке! Уже и отговорку себе придумал — «ну обещал же прийти, чё!». И даже — продолжение этой отговорки есть — «Силу воли закаливаю!». Только вот... что-то не очень-то получается! Лучше бы вообще ее не видеть! Вот — жил же сколько-то времени без нее? И что — неплохо же жил! И женщины-девушки у него такие, что просто — у-у-х! А вот нет же... получается, что частенько вспоминал о ней. Гнал эти мысли, гнал... Но — вспоминал!

Кира встретила его на крыльце административного корпуса. В светлых летних парусиновых туфлях, довольно невзрачных серых свободных штанах, какие многими здесь используются вместо спортивных, в облегающей светлой футболке с коротким рукавом, верх которой, под горло — на шнуровке, и с эмблемой и надписью на высокой красивой груди — «ЦДКА».

— Пришел? Молодец! А я уже думала — сдрейфишь! — и засмеялась.

А у него — как колокольчики в голове от ее смеха!

— Привет! Скажешь тоже — сдрейфишь! — пробурчал Косов, — Мужик сказал — мужик сделал! Чё дрейфить-то?

— Да? — девушка с загадочной улыбкой посмотрела не него, снова рассмеялась, — Ну, давай свой зачетную книжку, посмотрим, что у тебя по водным дисциплинам!

Он разглядывал ее, пока она, «угукая», листала его «зачетку», и поймал себя на мысли, что его губы расплылись в дурацкой счастливой улыбке.

«Как даун, мля! Еще слюну пусти, идиот!» — разозлился на себя Иван и перевел взгляд на вышку, с которой, под управлением какого-то парня, прыгали сейчас ребяташки.

— Ну так... понятно все с тобой! — Кира тряхнула волосами и вернула ему «зачетку», — Смотри! Тебе нужно сдать греблю на шлюпке, плавание, и нырок, а также —

прыжок с вышки! Даже не знаю... времени остается очень не много. Конечно, можно упереться, заниматься очень плотно и постараться сдать все это вместе и сразу. Но... не думаю, что это возможно. Здесь нужно месяца два, а то и три очень ответственно тренироваться! У тебя как сейчас со временем?

— Нормально у меня со временем! Я уволился, времени поэтому — много! — продолжая смотреть на ныряльщиков, ответил Косов.

— Да? — обрадовалась девушка, — Ну... тогда можно попробовать! Смотри... я здесь с девяти часов утра, каждый день! И могу задерживаться... допоздна.

Девушка засмеялась:

— Если пообещаешь меня провожать по вечерам! Не испугаешься?

Иван с раздражением перевел на нее взгляд:

— А ты? Ты не испугаешься? А то — Сирожа ата-та Кирочке сделает!

— Не сделает. Потому как Сережа уехал... Почти месяц назад уехал в училище, в Саратов, — сказала она об этом спокойно, но отведя взгляд от Косова.

— Ага..., - протянул Косов.

— Слушай... вот как ты можешь, а? Это вот — «ага» так пошло сказать? — девушка возмутилась.

— Да я ничего такого и не имел в виду. Ну уехал... и уехал, мне-то чего? Это тебе переживать надо!

— Ладно! Давай сменим тему? — примирительно протянула Кира.

— Давай...

— Так... сейчас мы пройдем, и я тебе все покажу, где, что и как! До обеда я обычно свободна, а потом — кружки и секции начинаются. То есть — после обеда будешь заниматься самостоятельно.

— А разве тебе, как медику, не нужно постоянно сидеть где-то в одном месте, ну... на всякий случай... солнечный удар там... утопление? — удивился Косов.

— Типун тебе на язык — утопление! Вот скажешь тоже... Да и нас же здесь двое, медиков. Договорюсь с напарницей, буду до обеда с тобой заниматься... Сейчас зайдем в медпункт, я переоденусь сразу, чтобы потом не бегать, и пойдем.

«Переоденется... это она в купальнике будет, что ли? Хотя... а чего ты ждал? Что она в полушубке тут ходит?» — пресек нарождающуюся в себе панику Косов.

Как и ожидалось, Кира вышла из домика медпункта в купальнике. Уже знакомом Ивану — сплошном. Она шла, объясняя ему, где что находится, а тот старательно отводил взгляд от девушки.

«Да нет... вовсе она на бодибилдерш будущего не похожа! Никаких гипертрофированных мышц, ни тебе широчайших спины, ни трицепсов, ни мощных, более подходящих лошадям бедер. Но... широкие бедра, крепкие полные ноги, с явно видимыми мышцами, довольно тонкая талия. Высокая грудь... Так... на хрен, на хрен! Увлекся, и вот уже в штанах что-то отчетливо зашевелилось!».

Он поневоле чуть обогнал девушку, чтобы не видеть ее впереди себя.

— Иван! Ты куда побежал-то? Нам вот сюда! — Кира показала ему на мостки на боны.

— Смотри! Внутренняя длина затона — около двухсот метров. Это как раз дистанция для сдачи зачета. Ну — если туда-сюда сплавать. Ты сейчас как, в настроении устроить пробный заплыв? Хотя нет... много будет! Давай для начала — в одну сторону, согласен?

Не дожидаясь его ответа, девушка прошла дальше по бонам.

— Вот отсюда! До обеда, а точнее — часов до трех народа будет немного. Ни нам никто не помешает, ни мы — никому! Ну же... давай, раздевайся!

Косов чуть успокоился и уселся на настил:

— Давай я сначала покурю. Любая работа должна начинаться с хорошего перекура! — предложил он.

Кира хмыкнула:

— Это такой принцип лентяя? Ну ладно, кури! — и уселась на настил рядом.

Косов, не торопясь закурил, с удовольствием затягиваясь и подставляя лицо легкому ветерку от реки:

— Хорошо здесь! Сейчас бы не тренироваться, а просто — отдохнуть, покупаться в свое удовольствие, позагорать!

Кира засмеялась:

— Да, хорошо бы! А загорать... я и так уже загорела. Скоро как негритянка буду. Мама уже смеется надо мной, подшучивает!

Иван покосился на ножки собеседницы:

«Да! Точно — смуглая, почти бронзовая от загара!».

Трикотажный купальник очень плотно обтягивал в некоторых местах тело девушки, и Косову пришлось усилием воли отвести взгляд.

«Ладно! Сиди, не сиди — а начинать когда-то надо!».

Отбросил гильзу папиросы в воду реки, на что Кира покосилась неодобрительно, быстро разделся до трусов.

— Смотри-ка! А ты... ничего так подкачался! И в плечах раздался! Тебе — идет! Только вот — бледный, как поганка! — засмеялась Кира, потом подошла ближе и удивленно протянула:

— А ты что — подрост, что ли? Был же ниже... вроде бы?

Не глядя на ее лицо, Иван пробурчал:

— Я еще... расту! Мужчины, я читал, до двадцати пяти лет могут расти!

Кира стояла совсем рядом, почти вплотную. И он чувствовал ее запах — запах здорового женского тела, с чуть слышимым привкусом каких-то цветочных духов или мыла. Даже чуть слышимый запах женского пота ощущался — терпкий, чуть горьковатый и такой будоражащий! Казалось, что кожей лица он даже ощущает ее дыхание!

— Куда плыть-то? — каркающим голосом сбил он наваждение.

— Что? Ах, да... плыть. Вон, видишь — лесенка из воды, которая ближе к углу причала? Вот на нее и держи!

Иван чуть отстранился от Киры, обошел ее, присел и зачерпнув руками воду, обмылся — грудь, ноги, лицо. Плеснул и на голову.

«Ух! Хорошо-то как!».

И потом с плеском вошел в воду.

«М-да... погорячился я что-то. Метров тут... семьдесят-восемьдесят. А у меня уже... что-то руки одеревенели и ноги... как чугунные! Вроде же и плавал уже нынче... и не раз! Но... нагрузки при плавании мышцами еще не усвоены!».

Примерно на середине пути, он заметил сбоку от себя плывущую Киру. Девушка, сначала отпустив его подальше, уже догнала и сейчас плыла неподалеку.

«Мля... ты тонуть еще затей тут, придурок! Вот будет... позорище! А ведь эта Викинг-Барби вытянет меня, точно — вытянет! Как она вон... легко рассекает воду! Касатка...

сраная!».

Косов злился прежде всего на себя. Но что уж тут поделывать — если есть рядом на кого можно позлиться... Это же лучше, чем злиться на себя, не так ли?

Как Кира обогнала его, он не увидел, только подплыв... на морально-волевых... к стенке и лесенке из воды, увидел протянутую сверху руку. Посмотрел на Киру, сквозь стекающую с волос воду, зло помотал головой, и, шипя, стал вытягивать себя наверх.

«Надеюсь, ей не видно, как у меня руки... и ноги трясутся?».

— Ф-ф-у-у-х-х! — он плюхнулся на настил площадки, на девушку — не глядел вовсе.

— Ну-у-у... в общем-то — неплохо! Я, честно говоря, ожидала худшего! — негромко сказала Кира.

— Ага... не утонул! — хрипя, с сарказмом, ответил Иван.

— Да ладно тебе! Половина мужиков бы эту дистанцию не осилила! — немного возмутилась Кира, — Так что... нечего самоедством заниматься! Давай, отдыхай. А то нам еще назад плыть!

И увидев ошеломленное лицо Косова, засмеялась:

— Одежда-то твоя — там!

— Я бы и вокруг обойти... не постеснялся!

— Э нет! Это ты брось! Я тебя сделаю пловцом! Ты согласился? Согласился! А я пообещала с тобой позаниматься. А я, как комсомолка, слов на ветер бросать не привыкла!

Звон в ушах и голове постепенно стихал, дыхание выравнивалось, казалось уже, что жизнь продолжается. Только вот о необходимости плыть назад Косов старался не думать.

— У тебя мышцы забились. Давай разомну! — предложила Кира, и не дожидаясь согласия Ивана, стала разминать ему икры, потом бедра, а потом — руки.

Делала это она... очень энергично, мягко говоря. И Косову оставалось только шипеть сквозь зубы и прикусывать губы.

— А ну — встань! Встань, кому говорю! Вот! Разомнись, руками помаши, ногами. Корпусом поработай!

Косову оставалось только подчиниться.

— Ну что? Назад? Только не торопись, не выкладывайся! Сейчас — просто тренировка, не забывай! А то ты в прошлый раз сразу так «вчистил», вот и выдохся. Давай рядом, размерено. Ну — готов? Пошел!

Вылезти на боны сам он не смог. Кира выволокла. Стыдно...

Они лежали рядом, отдыхая. Только Косов сомневался, что ей нужен этот вот отдых.

— Вань... Тебе привет! — негромко сказала девушка.

— М-да? От кого?

— От Зины... Она приезжала недавно. Почти три недели у нас жила.

— Вот как?

— Угу... Я ее спросила — с Иваном встретится не хочешь? А она... нет, говорит. Смеется — могу, говорит, не удержаться. А я сейчас почти замужняя женщина, мне это не к лицу. Вот...

— Спасибо... За привет! Зина... она молодец! Я и правда хотел бы, чтобы у нее все было хорошо!

— Кобель ты, Ваня...

— А тут даже спорить не буду. Что же делать, если Вы, девушки, такие красивые!

— И ты так всех... под одну гребенку?

— Вовсе нет! В каждой есть своя... изюминка! А вот к некоторым..., - Косов со вздохом приподнялся и сел, доставая папиросы из кармана одежды, — К некоторым даже приближаться опасно!

Покосился на ножи... и выше! лежавшей рядом на животе Киры.

— Это почему же? Что в этих... некоторых... такого страшного? — смеясь глазами, спросила она.

— Не страшного... Опасно — я сказал. А опасно... потому, что... как в омут головой! А рассудка лишаться... не хочется! — с удовольствием затаился и выпустил дым.

— Дурак же ты, Косов! — девушка легко вскочила на ноги, — Пошли... будем ялик тебе выбирать! Сейчас пойдем в буфет, перекусим. Потом — пройдемся разок по гребной дистанции, и на сегодня — все. Пойдешь отдыхать... к тем, которые неопасны!

«Ну и чего она разозлилась так?».

Он подождал, пока Кира переоденется в медпункте, потом они перекусили в буфете водного стадиона.

— Не надо так резко! Не надо, я тебе говорю! Плавнее, плавнее... Сначала привыкни к лодке, к веслам. Дистанцию пойми. Вон, поглядывай искоса, как держаться нужно, расстояние от бонов, а потом от берега запоминай. Тут у тебя кормового не будет, рулить некому! И самому головой крутить тоже — особо некогда! Так что — только на память. А то — либо на реку выкатишься, либо в берег упрешься.

Кира, сидя на кормовой банке ялика, командовала, объясняла. А он то греб, стараясь это делать плавнее, то поглядывал по сторонам, запоминая расстояния.

«От бакена, до бакена... Там — разворот и назад! Вроде бы и немного, но — два километра вниз по течению, и, что гораздо хуже — два километра вверх по течению. И пусть течение тут, в излучине, ближе к затону, очень небольшое... Но оно все же — есть! И это — ни хрена не айс!».

Они проходили дистанцию несколько раз. Уже и плечи затекать начали, про спину Косов старался не думать. Возвращаясь к бонам, Кира командовала ему развернуться, а когда он поворачивался к ней спиной, разминала ему спину и плечи. Мяла жестко, больно...

И снова — и-э-х-х... и-э-х-х...

— И-и-и — раз! И-и-и — раз! Молодец! Уже куда как лучше! И плавно, и четко! Хорошо идешь!

«Ага... и голые коленки Киры перед носом! Да куда там — коленки! Ноги... голые — прямо до самого... паха!».

После обеда Кира снова переделалась, и на ней теперь были спортивные трусы, по типу — мужские «семейники», и такая же майка-алкоголичка.

«Ну нет сейчас всей этой спортивной формы будущего! Нету!».

И вот... в процессе занятий... Косову приходилось лицезреть стати спортсменки, комсомолки и просто — красавицы! А места в ялике было очень немного, очень! Он же — одноместный, не рассчитан на парные катания по водной глади!

Вот и приходится Ивану, при заносе весел назад, практически упираться носом в такой красивый, комсомольский бюст.

— Так... поворот! Не упирайся ты так веслом — еще ялик перевернешь! Все... сейчас к бонам... и тренировка окончена! Вань! Если ты сейчас все правильно сделаешь... я даже разрешу тебе мою коленку погладить! — засмеялась Кира, — А может и чуть повыше!

«Вот же... стервь!».

К бонам Иван причалил, будучи мокрым от пота. Подхватив ладошкой воды из-за борта, умылся, потом обильно полил на голову.

— Все-таки — молодец! Неплохо для первого раза! — Кира оперлась ему на плечо и ловко выпрыгнула на настил.

— Так... а это..., - протянул Косов.

— Что? — повернулась девушка.

— Ну... коленку погладить... и даже — выше?

— Да? Ну не знаю... ты же там... как ты говоришь — «налажал»! Если бы меня не было — выкатился бы на реку, да прямо — под лихтер! Так что... не получишь, Ваня! — засмеялась хитрая.

— Тьфу ты! Везде обман! — Иван прицелился и послал веслом хорошую порцию воды, попал хорошо — на майку и на трусы, — Вот так-то!

Кира взвизгнула, потом расхохоталась. Укоризненно покачав головой, спросила:

— Ну и как мне сейчас идти мимо людей? У меня же... все «в облик!».

— Будешь знать, как обманывать!

«Ага... а подгорел я в тот раз! Пусть и не сильно, но подгорел. Вроде бы уже и успел загореть немного, когда купался на реке... Но так-то понятно — часа полтора-два в тот раз гоняла меня Кира на этом ялике. И солнышко изрядно припекало, а он — в одних трусах веслами махал. Балбес! Ох и ругалась тогда Завадская на него, намазывая его спину какой-то толи простоквашей, толи сывороткой. И воняла она, эта жидкость, не очень приятно. Пришлось перед тем, как в койку к Лене прыгнуть, обмыться в ванной, а то — неудобно было перед женщиной!».

Ну так... а что делать? Насмотришься так за день на Кирочку... без должного релакса, а потом — к Лене! Стресс снимать. В тот, в первый день, буквально «заездил» подругу. И поутру, она вроде бы внешне была довольна, но Иван видел, как — нет-нет, да морщилась Завадская от дискомфорта там, внизу живота. Но — женщина мудрая и опытная:

— Ты где вчера весь день был? Как с цепи сорвался, честное слово! А-а-а... на водном стадионе? А что там делал? Зачеты ГТО сдавал? Ну-ну... посмотрелся, видать, на девчонок, за весь день, вот и отыгрывался всю ночь на мне! — смеялась она.

— Тебе сейчас больно? Ты извини меня, я как-то не подумал о возможных последствиях! — повинился Косов.

Лена отмахнулась:

— Да брось ты! Все было — прекрасно... Но вот последствия, да — имеются. Так, что мил-дружочек, я, наверное, сегодня Риту в гости позову. Боюсь... не смогу сегодня все это повторить. Ты не против? — засмеялась она.

— Я против Ритки? Нет, не против! Язва она, конечно, но... красивая. И очень чувственная! Лен! Все-таки прости меня, хорошо? Скотина я, как есть... Не думал, что ты из строя выйдешь!

— Прекрати! Говорю же — все нормально. Мне было хорошо, правда! А то, что сейчас... не очень, так это на пару дней немножко сбавить обороты. Вон, Ритку будешь сегодня выматывать! Хотя... еще кто кого вымотает? — снова засмеялась.

«И-и-и — раз! И-и-и — раз! Плавнее, без рывков... Не забываем поглядывать по сторонам!».

Косову казалось, что эту дистанцию на ялике он проходил уже сотню раз. Не так,

конечно... Всего-то пару десятков раз, не более. И вроде бы уже все привычно, но стоит чуть отвлечься — и ялик уходит то влево, то вправо от нужной линии движения.

По предложению Киры, он стал приходить раньше — к девяти часам утра, чтобы иметь больше времени на занятия, до того, как стадион начнет заполняться людьми. Здесь были и детские секции, и юношеские группы занимались, а во второй половине дня подтягивались и спортсмены постарше.

К удивлению Киры, да и самого Ивана, вот это упражнение — нырок на пять метров, с доставанием со дна предмета, у него получался вполне нормально. Даже без особой подготовки! Нет, так-то красавица погоняла его. Начали с ныряния на три с половиной метра. Сама инструкторша была как русалка. Казалось, что вода — ее естественная стихия, так внешне без особого напряжения она показывала Косову все упражнения для сдачи зачетов.

«Вот же... спортсменка, всесторонне одаренная! Ну как так?! И на лыжах носится, как какая-нибудь финка из «Лотта Свьярд»! Кстати — а здесь она есть, эта организация, или нет? Интересно... Ага! И лыжи, значит, и стрельба и вот... водные эти виды!».

Кира показала Косову и прыжок с вышки, причем в воду входила — как нож в масло, практически без всплеска! И доставала этот мешок с песком с пятиметровой глубины. А мешок-то — не хухры-мухры! Пять килограммов весом! Да еще — что неудобно — нырять за этим мешком нужно было — с воды, а не с вышки! То есть... плаваешь себе, плаваешь, на исходной, а по команде — нырк! И на пять метров! И найти этот мешок в не очень-то прозрачной речной воде, а потом — вытянуть на поверхность!

Но! И Ивана — получилось довольно быстро. Ну как быстро... Раз тридцать пришлось... погружаться, пока Кира не махнула рукой — «Нормально!».

А вот прыжки с вышки — получались гораздо, гораздо хуже! Начали, как водиться — с трехметровой. У Ивана получалось — сикось-накось! То — брюхо себе отшибет... А это — неприятно, мягко говоря! То — завалится на спину. Спиной и задницей о воду — тоже приятного мало! Но хуже всего, когда в последний момент, уже отталкиваясь от настила, Косов пытался что-то поправить, вдруг вспомнив про правильное положение тела. Тогда... Тогда Кира хохотала, захлебываясь, говорила, что:

— Слушай! Тебе в цирке нужно выступать, клоуном! У тебя сейчас вид был... вот как у лягушки, которую пацаны в воду зашвырнули! Руками-ногами машешь в разные стороны! А морда?! Морда-то — какая смешная была!

— Я рад... что тебе понравилось! Вот видишь... ты смеешься! А когда ты смеешься... ты еще красивее становишься! — хмуро бурчал Косов, плюхаясь в воде, держась руками на настил.

— Ой, да ладно тебе! Ну правда же — смешно! — продолжала девушка, — ладно... пошли вместе на вышку... спортсмен!

Когда они поднялись, она встала рядом с ним, и, не глядя на него, сказала:

— Вот... смотри! Встал, выпрямился, расслабился... Зафиксировал в памяти состояние тела! Смотришь перед собой, не надо смотреть вниз. Потом... вот так... поднял руки над головой, свел их прямыми... Можно наложить кисти одну на другую!

Косов повторял движение девушки, искоса поглядывая как она делает. А потом... потом — завис, уставившись на обтянутые мокрой тканью купальника груди.

«Гля-а... даже соски выступают! Ах какие груди! Не груди — перси! Так бы язычком по этим соскам!».

— Ты куда уставился? Я для кого все это показываю, Ваня?! Вот же... самец озабоченный!

А затем последовал сильный пинок ниже спины «озабоченного самца», заставивший его, дрыгаясь всем телом, лететь с вышки. Когда он, отфыркиваясь, вынырнул и подплыл к дощатой стенке, Кира — снова хохотала, согнувшись в поясе, вздохнув, тыкала в его сторону рукой, не в силах что-либо сказать.

— Ой, не могу! Аж слезы выступили! Вань! Ты специально это делаешь, что ли? Ну как у тебя это получается, а? — чуть отдышавшись, простионала девушка.

«Развлекаемся, мля! Потешно ей... А ведь со стороны, наверное, и правда — смешно наблюдать за ними!».

— Вылазь давай! Пошел снова на вышку. Ну — кому говорю, чего время тянуть? — командовала Кира.

— Сейчас... покурю сначала, — пробурчал Косов и выбравшись из воды, отошел к скамейке под вышкой, где были сложены его вещи.

— Вань... ты обиделся, что ли? — села рядом Кира, — ну... брось! Правда же — смешно получилось...

— Угу... вон тем зрителям... билетки нужно было продавать! — кивнул Косов на группу подростков, занимавшихся на соседней вышке.

— Да ладно! Не обижайся! — Кира придвинулась и приобняв его за плечи, положив голову ему на плечо, заглянула в глаза, — я не думала тебя обижать!

Потом... потом у него начало что-то получаться.

«Встал, выпрямился, глаза вообще можно закрыть... голову прямо. Запомнил положение тела. Руки... медленно поднял над головой. И чуть оттолкнулся... одними ступнями... от края настила!».

— Ну вот! Вот! Молодец! Ведь можешь же! Только зачем ты в последний момент ноги в коленях согнул? Не чисто вошел... Баллы снимут на зачете, — высказала замечание девушка, — так... ладно. Народ начал подтягиваться. Надо освобождать вышку. Пошли за яликом!

Пока машешь веслами — времени на «подумать» — полно!

«Вот зачем я всем этим сейчас занимаюсь? Уже давно сомнения точат — на кой хрен мне этот «Золотой значок»? Или... заняться больше нечем? А действительно — а чем заниматься? И Кира...».

Он по-прежнему гнал от себя мысли, что ему просто «по кайфу» быть с ней рядом, общаться... И уж тем более — гнал мысли о том, что вот если бы он... форсировал их отношения — отказала бы она ему или нет? Нет! Это — табу!

«Да и вообще... отношения с женщинами у него здесь... подходят к некоему финалу. Нет — Леночка и Рита... это до последнего дня. А вот с той же Фатьмой...».

За прошедшее время он ночевал у Фатьмы трижды. Чаще не выходило — у подруги был довольно дурацкий график работы, и «заваливаться» к ней в гости после ее рабочего дня — он не хотел. Уже был опыт... Женщина была уставшей, и морально вымотанной. Общение с постояльцами, и коллегами, судя по всему — было не простым. А приехать так... когда у нее был свободный день и будет свободной ночь — выходило нечасто!

И хотя ему были по-прежнему рады, и блюда хозяйки были как всегда — на высоте, а секс со знойной восточной красавицей — вообще феерия... Но... Чувствовал Иван некую отстраненность, которая появилась в их отношениях. Вроде бы все хорошо... А что-то —

ушло, и похоже — навсегда.

В последний его приход, Косов поутру отдал Фатьме пять тысяч рублей:

— Не знаю, получится ли еще встретиться перед моим отъездом... Но — не хочу, чтобы ты испытывала какие-то трудности. По крайней мере — в первое время. Так что... Закончить ремонт тебе этого хватит. И даже еще немного...

Женщина прильнула к нему, жарко обняла, но ничего не сказала, и в глаза — не смотрела.

«Попрощались, значит...».

Было ли ему плохо? Вот тут Косов не мог сказать твердо. Что-то ушло... где-то внутри тянуло, как несильной зубной болью. Грустно...

«Да и ладно! Уходя — уходи, и не оборачивайся!».

«А вот с Лидой... С Лидой — все проще, и даже не так грустно. Хотя... все же — немного грустно. Хоть с собой нужно быть честным!».

Еще дважды она оставалась у него на ночь. В те нечастые дни, когда он приезжал в клуб — отоспаться, постираться. Да — просто поваляться с книжкой на топчане! В отношении Лиды было у Ивана некое... разочарование.

«Ну как так — вроде очень симпатичная женщина, с хорошей фигурой. Пусть и не настолько хорошей, как у Фатьмы, или у Ритки. Но — все-таки! А вот в этом деле... Без огонька какого-то. Нет, так-то — и нежная, и послушная... Минет вот — на высоте! Самой, похоже, нравится. Или просто — привычен? Да — хрен ее знает! Не Лиза, в общем! Или может она скучает по подруге? Ведь в то время, когда Рыжая была здесь — Лида была вполне весела? А сейчас... вот вата какая-то, вата! Мягкая, теплая, уютная... Но... Никакая, что ли?».

И таки да! Она сказала ему, что очень благодарна, что у нее все получилось, как она и хотела. Вот когда она это говорила, глаза ее светились! Было видно, что рада без притворства. Ну... пусть хоть так...

«Да и Тоня еще... добавила неприятных ощущений!».

Тоня пришла в его комнату попить чая. Была какой-то отстраненной, даже взъерошенной! И как всегда — в трико! Косов сидел на топчане, чистил свои белые парусиновые туфли. Разговор? Разговор — ни о чем. Так — как дела, какие новости...

— Иван! Все-таки... хорошо, что ты уезжаешь! — как вырвалось у Тони давно сдерживаемое.

Он удивленно посмотрел на девушку.

— Ну что ты на меня так смотришь? Что — я не права? Выходит... Илья был прав, когда говорил, что ты... нехороший!

Косов отложил в сторону обувь:

— Тонь... Ты о чем сейчас?

— Думаешь... я не знаю про тебя и Лиду? — девчонка смотрела с вызовом.

— А-а-а... вон ты о чем. И что же?

— Как что? Ты... ты что — не понимаешь, что это... это нехорошо! Даже — гадко это! — возмутилась Тоня.

— Да? А что именно гадко? Не могла бы ты... пояснить?

— Ты... ты... не делай вид, что тебе непонятно! Сначала — Лиза! Потом, когда та уехала, Лида! Ты вообще... не разбираешь, что ли?

Иван почесал лоб, посмотрел на Тоню.

«А ведь — хороша! И правда — хороша! Может быть... стоило, а? Вон ножки какие классные, и попка — крепкая, сбитая такая! В попку бы ее — не? На мордашку, правда, простоватая».

Тоня покраснела щечками, фыркнула возмущенно:

— Вот и сейчас... разглядываешь меня! Как... как... так бы и разложил вот — на топчане этом! Да?

«В корень зрит девчуля!».

— Тоня! По-моему... ты не совсем права. Да, я вижу перед собой красивую девушку, и по-мужски... может даже вульгарно... оцениваю тебя. Бывает — не могу сдержаться. Но! Никогда я не переходил грани — ты подруга Ильи, и все... большего для меня не надо. Разве... я допускал что-то в отношении тебя?

— Да? Да я не раз чувствовала, как ты... меня разглядываешь!

— И что в этом такого? — удивленно поднял брови Косов.

— Ты не понимаешь, что ли? — удивилась Тоня.

— Нет... не понимаю. Если ты про библейское: «Не возжелай жены ближнего своего!», так я и не скрывал, что — слаб. Или я где-то делал вид высокоморального человека? Нет, вроде бы. Так что ж тогда? Не всем же быть такими, как Илья — одухотворенными и цельными натурами!

«Если честно сказать — не от мира сего! Это ближе к сути!».

— Оставим Илью! Разговор сейчас о тебе! — отмахнулась Тоня.

— М-да? Ну продолжай тогда...

— Ты... разве не понимаешь, что это... гнусно — спать сначала с одной, а потом — с другой? Причем они — подруги! А то, что они беременны? Как это принимать?

— Тоня, Тоня, Тоня... Ты сейчас рассуждаешь, не как взрослая девушка... Даже — женщина. А как идеалистически настроенная пионерка. Либо белое, либо черное; либо — все, либо — ничего! По-разному в жизни бывает... По-разному. То, что я спал с Лизой, а потом — с Лидой... так это и их решение тоже, не так ли? Они же не дети малые... И их беременность...

Тут Иван повернулся и постучал костяшками по доске топчана, пробормотав: «Чтобы не сглазить! Чтобы у них все было хорошо!».

— Их беременность... это — тоже их решение! Даже больше того — их желание!

— А ты здесь значит... как бычок-осеменитель, да? — скривилась Тоня.

— Да называй как хочешь! — Косова начал раздражать разговор.

— И что же... тебе самому не противно?

— Да что мне может быть противно, Тонечка? Я же спал с двумя красивыми женщинами! Не с мужиками же, право слово! Нет, Тоня! Мне не противно! Более того... Скажу честно — мне было хорошо! Думаю... нет, даже уверен — им было тоже хорошо! Все? Или еще что-нибудь?

Тоня пылала праведным гневом. Щечки горят, грудка взывается...

«Хотя грудка могла бы быть и побольше... Хоть чуток!».

— Ты... Ты — несносен! Ты — невыносим! Гадко это! Гадко!

— Да? Ну — пусть так... Я рад, что Вы с Ильей не такие!

«Илья ее покусал, что ли? Вот что значит... жить с идеалистом, в розовых очках! Писец, испортил девчонку! Не думаю, что она будет с ним счастлива. Хотя... Пусть я ошибаюсь!».

— Тонечка! Я скоро уеду и ничего здесь не будет напоминать обо мне! Ты успокоишься и... В общем — счастья тебе и Илюхе!

К радости Ивана, с Ильей он как-то разминулся. А то и с тем еще... отношения выясняй. «Вот же... дурацкая фраза — «Выясняют отношения!». Чаще всего употребляется она тогда, когда уже ясно — что все выяснено и выяснять больше нечего, пора бить морду!».

Кира заставляла его менять занятия по какой-то своей, Косову неизвестной схеме. То сегодня с утра — плавание, то — прыжки, то ныряние за мешком с песком. В общем-то, понятно — дает нагрузку на разные группы мышц. Но все равно, систему Косов уяснить не мог.

«Сегодня можно было не ходить... в принципе-то! Понятно же — и дождик с утра заморосил, и ветер такой... явно свежий! В общем, не поплавать, и даже на ялике не позаниматься!».

Но Косов все одно — перся на водный стадион, как лосось на нерест.

— Ой, я думала ты уж сегодня не придешь! Погода-то... не позаниматься сегодня! — Кира была явно рада тому, что он пришел несмотря ни на что.

В комнате медпункта, кроме Киры находилась еще одна молодая женщина в медицинском халате. Вполне себе симпатичная на лицо, а фигуры женщины Иван толком не рассмотрел — за столом сидит и вставать не собирается!

— Да? А Вы чем в такие дни занимаетесь? — поинтересовался Косов.

— Да в общем-то... ничем. Так, бумажки всякие заполняем... сумки санитарные перебираем. От делать нечего! — Кира, положил подбородок на кисти поставленных на стол рук, с улыбкой смотрела на него.

«А ведь она... рада, что он пришел! Точно — рада!».

И, несмотря на доводы разума, теплая волна счастья заполнила его.

Непонятно, сколько они так друг на друга пялились, но тактичное покашливание медсестры заставило Ивана встряхнуться.

— М-да... Кира! Я вот чего хотел спросить... Если Вы не сильно заняты... ну, в смысле — ты не сильно занята... Да. Нельзя ли тебя отпросить... у твоей коллеги? Дело в том, что мне скоро уезжать... Хотя — да, ты же и так об этом знаешь. Чего это я... В-о-о-т... Мне нужно купить кое-что с собой. И ты могла бы... ну... в общем — помочь мне. Составить компанию, да!

Улыбка девушки при упоминании о его отъезде померкла, и она слушала его лепет опустив голову. Потом подняла:

— Да! Познакомься! Это моя коллега — Катя! Катя! Это мой... знакомый, его зовут Иван!

— Да, Катюша! Можно ли отпросить Киру? Ведь все равно — похоже, что дождь сегодня на весь день. А с меня... торт и... бутылка игристого! Вы пьете игристое вино?

Медсестра Катя все это время сидела молча, только переводила взгляд с Ивана на Киру и назад. И был этот взгляд... как на убогих — с сожалением, и сочувствием.

— Идите уж... Погуляйте. Хотя погода сегодня не прогулочная, — вздохнула медсестра.

— Кир! Тогда я подожду тебя на крыльце, покурю. Хорошо? — повеселел Косов.

Девушка кивнула головой, снова заулыбавшись.

Иван стоял на крыльце, курил. Сквозь тонкое стекло одинарной рамы медпункта донеслось:

— Кир! Ты чего... влюбилась, что ли? Ты как... пыльным мешком ударенная последние дни. Это не мое дело, конечно... Но как же — Сергей? Да и этот... Иван... Сергей-то куда как красивше!

Что ответила Кира, Косов не расслышал за волной накатившей злости:

«Вот же... сука, эта Катя! Вот какое ее дело, а? Сама вон... подкрашенная, и маникюр на руках виден! Тоже небось... от внимания тренеров всяких здесь... не увиливает! А туда же... моралистка хренова!».

Со злостью Косов откинул от себя недокуренную папиросу. Кира вышла на крыльцо тоже — морщась. Но подхватила его под руку, заулыбалась:

— Ну! Куда пойдём? Что тебе купить нужно? Ты хоть сам понимаешь, что тебе нужно?

Косов направился к выходу со стадиона, не выдержав, прошипел:

— Сука! Терпеть не могу... советчиков этих...

— Ты чего, Вань? — опешила Кира, но поняв, засмеялась, — Ты про Катьку, что ли? Да брось! Она сама-то... не образец морали! Мы... знаешь... с Сергеем уже года три как на этот стадионе прописались! Ну — летом! Так вот... Знаешь, как она перед ним задницей крутила? Да и потом... есть у нас парни, которые могут записать ее в свой «актив». Так что... брось даже думать о ней!

— А тебе... неприятностями это не грозит? Еще найдет адрес Сергея, да чиркнет ему письмецо... Так, мол, и так!

Кира помолчала, задумавшись, потом грустно улыбнулась:

— Ты знаешь... а там, наверное... уже — всё! Так что мне... не сказать, что — все равно! Но... У нас в последнее время с Сергеем все как-то... Слушай! Давай не будем об этом, а?

Он вздохнул:

— Давай не будем!

— Ну вот — другое дело! Давай, улыбнись! Хоть погода сегодня и не очень... но погулять-то мы можем. Или зайдем куда-нибудь! — Кира прижалась к его плечу.

В светлом плаще, в косынке, наброшенной на плечи, Кира сегодня казалась постарше своих лет. Такая... молодая, очень красивая женщина! И телесного цвета чулочки на ножках, выглядывающих из-под плаща, и туфли на небольшом каблучке... Иван любовался девушкой, и волей-неволей постоянно улыбался. А под зонтом Киры ему приходилось также прижиматься к ней, постоянно ощущая ее плечо, а иногда и крепкое бедро, когда девушка прижималась к нему, обходя лужи.

— Ну... так куда путь держим! — весело спросила она Косова.

— Ты знаешь... есть одно ателье. Там мой знакомый работает! Так вот... у меня уже был опыт... В общем, там можно найти все, а не только одежду!

«М-да... опыт-то у меня был... в этом ателье! Как бы... какая-нибудь «мышь белая» не ляпнула бы чего, при Кире-то!».

— Это какое ателье? Это... не «Дом моды» который сейчас... случайно? — удивилась красавица.

— Ну... да. А что тебя удивляет?

— Ну так... там же... Там же... очень недешево все. Мы как-то с мамой и... тетей Тамарой, — Кира с подозрением покосилась на Косова, — там бывали. Даже — покупали кое-что... Больше, конечно, тетя Тома покупала...

— О как! А разве эта... княгиня... не уехала с мужем в дали дальние? — насторожился

Иван.

— Уехала... в дали дальние, да! Мы же еще в апреле там были. А они уехали уже в мае. Где-то сейчас в Киеве живет княгиня... как ты ее назвал. Да, кстати... Ванечка! А не подскажешь ли... мне просто любопытно! Ты... ну... с Тамарой... не?

— Вот еще! За кого ты меня принимаешь? — почти искренне возмутился Косов.

— Я тебя, Ваня, принимаю за того, кто ты и есть на самом деле! За кобеля блудливого я тебя принимаю! А Тамара... она... та еще фифа!

— Не-не-не... Я может... и кобель блудливый, но... я ее тогда испугался! Вот честно-честно! Она как... змея такая — красивая, но смертельно опасная. Ну — мне так тогда показалось..., - постарался откреститься попаданец.

Кира хмыкнула, внимательно посмотрела на него:

— Да-а-а? Ну не знаю, не знаю... Так-то она... и правда — красивая! А ты ж у нас... морально нестойкий, мог «запасть» на даму!

— Нет! Вот сейчас — как на духу — нет! Мне тогда Зиночка взор застилала! — Косов постарался быть максимально убедительным.

— Да? А сейчас вот — честно! Скучаешь по Зине? — Кира прижалась к его плечу и заглядывала в глаза.

— Скучаю ли я? Ну-у-у... как тебе сказать... Зина, она, конечно, красивая... И веселая! А уж..., - тут Иван опомнился и поперхнулся.

«Не хватало еще ляпнуть, что и в постели Зиночка была — огонь!».

Кира расхохоталась, ткнула его кулачком в бок:

— Ой, да знаю я все! У Зины никогда эти тайны не держались! А мы, все-таки, подружки с ней! Так что... все я знаю.

— М-да? — озадачился Косов, — и что... тебя это нигде... не скребет... внутри?

Кира задумалась, вздохнула:

— Честно? Скребет! Еще как... Как дала бы тебе по башке! Вот прямо со всего маху — да по наглой, белобрысой морде! Только это же в прошлом, так ведь?

Он помолчал, потом вздохнул:

— Кир! Мне же уезжать через пару недель...

Она насупилась:

— Косов! Вот что ты за скотина, а? Ну что за дурак? Зачем ты сейчас... Или ты думаешь, я не помню?

Помолчали, вышагивая по тротуару.

— Только... Вань! Омск — он же совсем недалеко, да? И адрес я тебе свой запишу!

— Хорошо...

Похоже, эта девушка не могла долго грустить. Потому как уже через несколько минут, стала весело поглядывать на Косова, помахивая сумочкой в левой руке.

— Слушай... а давай и правда куда-нибудь зайдем? Кофе выпьем... может — пирожное какое, а?

— А я не против! — весело кивнула она.

В уже знакомом ресторане, который только что открылся, зал был полностью пустым.

— Молодые люди! К сожалению, мы только открылись и особого разнообразия сейчас предложить не можем, — с ходу «разочаровал» их официант.

— М-да? Ну... просто кофе есть? Или чай? Что-то из выпечки? Может быть — просто бутерброды? — сморщился Косов.

— Ну-у-у... посмотреть могу. Кофе — это вряд ли, сразу говорю! Чай... бутерброды. Какие бутерброды желаете? — официант был явно не рад такому раннему визиту.

— А давайте... ну хоть с колбасой, если уж у Вас семги и буженины нет, — начал сердиться Иван.

— Ну почему же нет... Как раз-таки и семга, и буженина есть! — гордо заявил работник элитной точки общепита.

— Ладно! Давайте Ваши бутерброды! Надеюсь, буженина еще не позеленела от старости, и семга не почернела от горя? Уважаемый! Давайте так! Вы организуете нам нормальный... я подчеркиваю — нормальный перекус! И Ваши чаевые Вас приятно удивят! — «Вот еще... приходится тут выпендриваться! Перед Кирой неудобно!».

— Пить что будете? Или... только чай? — продолжил официант, похоже не поверивший в «приятные» чаевые.

— Кир! Не знаю как ты, а я бы, после такой прогулки, по такой погоде, коньячку бы выпил. Полезно для здоровья, говорят. Ты — как доктор, что порекомендуешь?

Кира фыркнула, приняла серьезный вид и кивнула:

— Да! После такой слякоти, рюмка коньяка — не спиртное, а лекарство!

— Вот видите, уважаемый! Медицина, в лице столь красивого доктора, рекомендует! Какой коньяк у Вас в наличии?

Противный тип, который уже стал надоедать своим снобизмом, пожевал губами и начал перечисление:

— «Кавэвэка», «Арарат»...

— Достаточно! Первого довольно! Кир ты — сколько примешь, как лекарство? — повернулся Иван к подруге.

Кира манерно задумалась, потом — не выдержав, фыркнула, и потеряв нос, протянула:

— Ну-у-у... думаю граммов пятьдесят...

— Вот что я скажу, — махнул рукой Косов, — несите бутылку!

Официант коротко кивнул и отправился в недра заведения.

— Вань, ты сдурел, что ли? Куда нам бутылка-то? Мы же... в ателье шли! Или решил не ходить и гулять... на всю Ивановскую?

— Да нет... У меня фляжка с собой. Почти пустая. А там тоже — «кавэвэка». Что не выпьем — вылью во фляжку!

— Ты что — фляжку с коньяком с собой носишь? Ты еще и алкоголик, что ли? — уставилась на него девушка, — что еще я о тебе не знаю?

— Нет, красавица! Я не алкоголик. Просто бывает — нужно! Мне или другим. Вот и ношу. Да ты же сама тогда, на кроссе, зимой, из этой фляжки пила! Ты что не помнишь, что ли?

Кира засмеялась:

— Да все я помню! Просто мне нравится тебя вот так... доводить. У тебя вид такой... искренне возмущенный! А еще... кроме фляжки, я помню, что кто-то ко мне ночью, в шалаше, прижимался и даже руки распускал!

— Да? Может быть... Я когда сплю — плохо себя контролирую. И как — тебе было приятно, или нет?

— А вот не скажу! — показала розовый язычок вредина.

— Ну тогда... тогда я тебе открою еще один секрет этой фляжки! Она мне помогает... подпаивать красивых девушек, и овладевать ими... по-всякому!

— Да-а-а? Ты — страшный человек, Косов! Страшный! Я не буду с тобой пить! — веселилась Кира.

— Вообще не будешь? Даже пятьдесят граммов? — удивился Иван.

— Пятьдесят граммов — это не пить! Это — лечиться. Ну... или профилактировать простудные заболевания! — ткнула пальцем ему в грудь девушка.

— Ага! Вот теперь все ясно!

Им принесли бутерброды, которые Косов осмотрел, а свои — даже демонстративно обнюхал. На предмет свежести! Кивнул головой официанту — «сойдет!», и протянул ему «пятидесятку».

— Хватит? — приподнял бровь.

— Вполне! Благодарю! — уже более душевно ответил тот и удалился.

— Ну... видит Бог — не пьем, а лечимся! — чокнулся с девушкой Косов.

Закусили.

— По второй? — поинтересовался у Киры.

— Так мы же — лечимся! Как по второй-то? — засмеялась она.

— Ну так... это курс лечения такой — первая, потом — вторая, ну и третья — заключительная!

— Еще и третья? — веселилась Кира.

— Не по-русски как-то — на двух останавливаться! Мы же — русские люди? — наклонился Иван к девушке, глядя в глаза.

— Русские, русские... только вот почему-то мне не дает покоя мысль... что это уже начался процесс «подпаивания»!

— Нет... тут могу тебя успокоить! Место не то! Как-то в ресторане подпаивать еще можно, а вот — овладевать... почему-то считается неприличным!

— И ты не знаешь — почему это считается неприличным? — смеялась Кира.

Косов пожал плечами:

— Не... не знаю. Предрассудки какие-то... давние обычаи предков. Ерунда какая-то в общем. Но все следуют ей, ретрограды и консерваторы!

— Действительно — как жить молодым и передовым, отринувшим все старое и замшелое! — смеялась глазами Кира.

— Только держь себя в ежовым рукавицах! Превозмогая... в общем!

Как же здорово было с нею гулять, даже по такой никчемушной погоде! Легкий хмель в голове, настроение — вот-вот и взлетишь в это хмурое и неприветливое небо, сыпящее мелкой взвесью. Хоть ветер прекратился! И рядом — сияющие, чуть хмельные глаза Киры, ее улыбка, румянец, видимый даже через смуглую кожу... Он что-то «молол», «молол», не закрывая рта, а она смеялась и даже хохотала, чуть нагибаясь, прикрывая лицо ладошкой и иногда смущаясь встречных прохожих.

— Вань! Ну прекращай уже! Я уже смеяться не могу... Правда... у меня уже живот болеть начал. Ну, в смысле — мышцы пресса, если точнее и по-спортивному!

«Как же хочется ее поцеловать! Ох как хочется!»

Они подошли к ателье.

— А ты правда определился с тем, что тебе нужно! — засомневалась в его здравости девушка.

Он, продолжая улыбаться, достал из кармана и подал ей листок с перечнем необходимых ему вещей и аксессуаров.

— Ты посмотри какой продуманный молодой человек! — она покосилась на него с удивлением, — А вот... одежда тебе зачем? Вы же там все время в форме будете ходить.

— Ну... может и не сразу, не в первые месяцы, но будут же нас выпускать в увольнение...

— И что? Курсанты же и в увольнение в форме ходят.

— Ага... в форме. Там же, наверняка, как и здесь — в центре патрулей, как блох на барбоске. Это не увольнение, а черт-те что получается! Больше времени уйдет на показ патрулям увольнительной, чем на само увольнение.

Кира задумалась и погрустнела.

— Ты чего, Кир?

— Да я вот подумала... Увольнение, гражданская одежда... Там же и девушки будут. Ну... появятся. Точно!

«Ой, дурак! Вот же где дурак-то!».

— Ты не о том думаешь, красавица! — убежденно заявил Косов.

— Да-а-а? А о чем же я должна думать? — чуть скривив губки протянула она.

— Ну вот смотри... После первого курса у курсантов точно есть отпуск. И куда мне ехать, если не сюда? А в чем мне с тобой гулять, если у меня «гражданки» не будет?

— Да? А сейчас на тебе — что? Не одежда? — все еще не верила Кира.

— Ай-яй-яй, девушка! Ну где твоя внимательность, а? Эту одежду я покупал еще год назад. Мало того, что она довольно потрепалась, так я же с нее и вырос... немного! По крайней мере, в плечах она мне точно жмет. Да и по росту... тоже чуток бы подлиннее.

Кира явно повеселела, внимательно оглядела его и кивнула головой:

— Да, сейчас заметила... Как-то раньше не обращала внимания. А ты что же... как подросток, еще растешь что ли?

— Ну-у-у... милая моя! — Косов увидел, как довольно прижмурилась девушка на такие слова, — Как медику, тебе должно быть известно, что мужчины растут до двадцати пяти лет, в отличие от женщин, у которых рост прекращается к восемнадцати годам. Это, конечно, если не считать — в ширину! В смысле, женщины после этого могут расти только в ширину!

— Я тебе покажу — в ширину! — она стукнула его по плечу, — Не дожدهшься ты от меня... в ширину! Я и так... стараюсь, стараюсь. Все время спортом... Вот мамина порода все — ты же видел ее, да? Во-о-о-т... это ты еще маминых родственниц не видел, там вообще... русские красавицы. Поперек себя шире!

— Ну... в общем-то я не заметил, чтобы твоя мама была полной. Стать есть, да... А вот полноты — не видел! Хотя... вот сейчас я что-то задумался... и даже засомневался, — Косов обхватил рукой подбородок, и сделав глубокомысленный вид, обошел Киру по кругу, — М-да... пока нет! Но кто знает, что будет в дальнейшем!

— Ах ты... я сейчас тебе..., - широко раскрыв глаза, девушка попыталась подскочить к нему, но Косов благоразумно отбежал.

— Все, все... шутка! Только шутка! Не убивай меня, Кира Прекрасная, я тебе еще пригожусь! Отслужу, как Серый волк!

— Ишь ты... разговорился он! Смотри у меня! Быстро... уши откручу! — она пригрозила ему кулачком, — Слушай! А где ты это прочитал — ну что мужчины растут до двадцати пяти, а женщины — до восемнадцати? Я вот пытаюсь сообразить, и не могу такого вспомнить! А я, между прочим, отличница по всем предметам!

— Да? Не помню... где-то читал. В журнале каком-то, — отмахнулся Косов, думая уже

о своем.

«Как бы это... провернуть, а? Как предложить ей... ну... оплатить ей одежду. Так-то, конечно, она одета сейчас вполне на уровне! Папка-то, как военный служащий немалого ранга, получает неплохо. Да и мать у Киры — врач, а врачам сейчас тоже неплохо платят. Но ведь явно у нее нет такой одежды, как сейчас шьют в ателье. Вон он как своих женщин приодел — прямо модели Ив Сен Лоран на Красной площади в Москве, в шестидесятых. Или когда там это было? И вот как ей предложить? Ведь... обидится может! Подумает еще... черт-те что!».

— Кир! Я вот даже... не знаю с чего начать..., - от растерянности он закурил.

— Да? Ты о чем? Что-то ты как-то... потух и растерялся. Даже не похоже на тебя, Косов, — улыбаясь протянула девушка.

— Правда, Кира... Ты... Я прошу — ты выслушай меня. Только... не обижайся, хорошо? Улыбка исчезла с лица девушки:

— Ну давай... ошарашь меня чем-нибудь таким... Что еще плохого может быть?

— Да это не плохое... Просто... я не знаю, как сказать, чтобы ты не обиделась...

— Что-то все страшнее и страшнее становится! Так, Косов! Не мямли, как... мальчишка, которого застали за занятием... нехорошим занятием, в общем! Ну — ты понял!

Смотрела она на него хмуро, и постукивала каблук по брусчатке.

«Это она сейчас про что? Мальчишка, которого застигли за плохим занятием? Курил, что ли? Или она... про онанизм? Вот же, медичка, блин! Эмансипированная комсомольская!».

— Кира! Ну... ты же знаешь, что мне перечисляют деньги? За песни, да? Знаешь же? В о-о-т... Вот там и скопилось... довольно изрядно. Я же на себя почти и не трачу ничего. Так... поест там, иногда вот...

— На девушек не трать, что ли? — и прищур «гепеушный» из-под пушистых ресниц.

— Да брось ты... я сейчас о другом. А ты сбиваешь меня... Вот! Ну, я могу продолжать? — он с тяжелым вздохом уставился на Киру.

— Можешь..., - протянула она, продолжая буравить его взглядом.

— Ну вот... говорят, что в последнее время в этом ателье шьют очень хорошую женскую одежду. Вот...

— И что? Ты сюда уже водил кого-то, что ли? — прищур уже напоминал дуло пистолета. И даже глаза как будто стали светлее от злости!

— Да перестань ты, а! Ну выслушай... только — не обижайся!

— Ладно... слушаю...

— Вот... давай мы тебе выберем что-нибудь, а? Ты такая красивая... А потом — еще красивее будешь. Хотя... я уже и не знаю — куда еще красивее!

— Так! Я правильно поняла — ты хочешь, чтобы я что-то выбрала для себя, а ты бы — оплатил? Так?

— Ну... да!

— Ну хоть здесь... не все так плохо..., - Кира задумалась, — Знаешь... это как-то... даже неприлично, что ли... И у меня есть чувство какой-то неправильности... а что могут другие подумать? Меня мама... прибьет, наверное!

— Ну уж... прибьет! Ты взрослый человек, и ведь... мы неприлично ничего не делаем! У меня есть деньги, есть вещи, которые тебе, возможно, понравятся. Я же это... не в каких-то гнусных целях...

— Да я понимаю, — скривилась Кира, — но все равно... как-то неудобно...

— Слушай, ну как так, а?! Почему я не могу сделать приятное девушке... которая мне... нравится?

Кира улыбнулась и, хитро прищурившись, спросила:

— Вот как? А я тебе — нравлюсь, да?

— Кир! Ну ты чего сейчас? Сама ведь знаешь...

— Ой, Вань! Ты иногда такой... смешной! Как парнишка совсем молоденький! Смущаешься так...

Она снова прижалась к его плечу и смотрела с улыбкой. Потом тряхнула головой, и с некоторым раздражением пробормотала:

— Я знаешь, сколько уже выслушала от мамы! И хорошо еще, что папы сейчас дома нет. Он в командировке... Он у нас постоянно в командировках! Ладно если дома бывает раз в пару месяцев. Неделя, две — и снова в отъезде!

— А папа? Он бы сделал Кирочке «ата-та» ремнем по попке? — усмехнулся Иван.

— Нет... он бы проводил с дочкой долгие, душещипательные беседы. Умные и логически выверенные, с доводами и обоснованиями!

«Папа-то у нас... зануда, получается!».

— А мама что? — интересно же — как там отношения в семье...

— А мама... мама вздыхает и говорит, что я — дура! Что... «вот Сережа — он такой молодец! Он умный, красивый, серьезный! За Сережей — как за каменной стеной!». А этот...

Тут Кира осеклась и чуть испуганно покосилась на Косова. А он сделал вид, что не заметил.

«М-да... да и ладно! Уеду через пару недель и... ладно!».

— Ну так что мы будем делать с красивыми тряпочками для девочки Киры? — усмехнулся Иван.

— Ну-у-у... в общем-то... я согласна! А вещи... вещи я, наверное, спрячу, а потом буду постепенно доставать... вроде как сама купила! Может и пройдет... Как думаешь?

Косов пожал плечами:

— Ну... тебе виднее. Можно еще сказать, что купила их со скидкой, через знакомых.

— Ну... или так, да!

И они направились к дверям ателье...

В фойе ателье...

«Или это уже — Модный дом? Понятия не имею — в чем различия! И где эта грань — вот еще ателье, а вот уже — Модный дом! Но тут у них опять перемены. Не глобальные, а... какие-то... как сказали бы в будущем — дизайнерские!».

М-да... Диванчики вдоль стен, столики с подборками моделей одежды — пока не журналы, а, скорее — подшивки листов с картинками. Манекены, одетые в разное. Цветы — на подоконниках, в горшках; и вдоль стен — в кадучках. По стенам — шпалеры с образцами тканей и зеркала.

«Уютненько тут у них стало!».

Возле стены девушка, одетая в синее платье-халат, помогала с выбором тканей какой-то женщине. Вторая девушка, повернувшись от коллеги, с улыбкой поприветствовала их.

— Добрый день, девушка! Как бы нам увидеть... Александра? — обратился он к ней.

— Какого Александра?

— Х-м-м... как же его по отчеству... Александр... а, вот — Кинцлер! Да! Именно его Возможно его увидеть? — улыбнулся Косов.

— Александра Иосифовича? Вы его имели в виду? — с какой-то легкой неприязнью переспросила приемщица.

— А он — Иосифович? Не помню... Но разве у Вас много Александров Кинцлеров?

«А может Александра уже под зад коленом «наладили? Да нет... не может быть!».

— А Вы по какому вопросу к Александру Иосифовичу? — скорчила маску «Снежной королевы» девушка.

— По личному вопросу, по личному! Передайте Александру... Иосифовичу... что его ожидает его давний знакомый Иван. Иван Косов! И могу ли я Вас попросить... оповестите его побыстрее!

«Чего-то Шурик... вознесся! Смотри-ка ты — Александр Иосифович! Мама дорогая! И произносить это полагается шёпотом и с придыханием! Ага! Как же... Ну — это их внутренние «терки». Не пришлось бы Александра вновь... «осаживать», чтобы не возомнил себя невесть кем! Перед Кирой не удобно может быть!».

— Присаживайся, Кира... Подождем немного! — Иван показал рукой на диван.

— Слушай... как-то неудобно! Может... ну... в общем порядке обратимся, — прошептала ему на ухо подруга.

— Ага! Сейчас! Только шнурки поглажу! Год назад тут все было гораздо проще. И, кстати, кое-что именно я подсказал Александру. И они это благополучно внедрили. Как видишь — вполне успешно! И да... хочу сказать, что они мне, некоторым образом, ежемесячно делают за те подсказки небольшие отчисления. Это — к вопросу... откуда у меня еще деньги берутся... кроме отчислений за песни.

Кира удивленно хмыкнула:

— Ты еще и в женской моде разбираешься? Вот уж... подумать бы не могла!

— Да не..., - отмахнулся Косов, — там просто... на виду лежало... вот я и показал — что же Вы, уважаемые, это не используете? Да и не столько в женской моде. Вот этот костюм на мне... ну как бы — охотничий, тоже я им подсказал.

За дверью, ведущей во внутренние помещения слышались голоса.

— Наглый такой... позовите, говорит, Александра... я, говорит, его давний знакомый...

- слышался приглушенный голос посланницы.

— Хорошо, хорошо... я понял тебя...

«Ага, а вот это уже и искомый Александр!».

Если Александр Иосифович и был чем-то недоволен, то — виду не показывал. Поручковался с Косовым, как ни в чем ни, бывало, улыбнулся Кире и спросил:

— Ну-с... что тебя привело к нам на этот раз?

— Мы будем разговаривать здесь? — повел рукой Косов.

— М-да... да, конечно! Давайте пройдем ко мне! — поморщился «большой начальник».

Пройдя по коридору, они остановились перед приличной такой дверью — еще не великий начальник, но уже и не простой портной!

— Александр! А давай не будем занимать твой кабинет? Да и суть разговора — прежняя! Нам нужны кое-какие вещи... Может пройдем в то помещение, где встречались и ранее? — предложил Иван.

— Да! Пойдемте!

«Ну вот... здесь как-то привычнее и удобнее!».

Косов и Кира расположились на диванчике, а Александр, подставив стул к журнальному столику, сел напротив них. Иван посмотрел на девушку с вопросом.

— Нет, нет — сначала ты! — покачала она головой.

— Ну ладно... Так, прежде чем мы перейдем к выбору девушки, мне нужны вот эти вещи, — и он протянул Александру список, который ранее показывал Кире.

— Ага... так... ну — с этим не проблема! Вот это... тоже посмотреть надо. Должно быть! — Александр просматривая список, делал отметки на нем простым карандашом, — А вот брюки... будешь брать готовые, или... что-то свое опять предложишь? И еще — ты все же парусиновые туфли хочешь темно-серые? Все же ходят в белых и ничего?

— Александр! Вот все ходят — пусть и продолжают ходить! А мне нужны темно-серые! Я же предлагал их Вам начать шить еще когда? А в белых... знаешь поговорку: «Видал я тебя в гробу в белых тапках!»? Так вот... я пока не тороплюсь!

Александр хмыкнул, наметив на лице улыбку:

— Да нет... шить-то мы их начали, только... Особым спросом не пользуются. По привычке все берут белые.

— Ну а я возьму! На мой размер есть готовые, или ждать придется?

— Надо посмотреть... вроде бы были! — почесал переносицу Александр.

— Так... еще мне нужен чемодан. Темно-коричневый, фибровый. Не большой, но и не маленький. Средний. Туфли кожаные, покажешь, что у Вас есть из готового. Сорочек простых штук пять. Цвета — от темно-синего, до светло-зеленого. Куртку, ну помнишь — как в тот раз брал? Да, такую... легкую летнюю.

Кира сидела молча, с интересом наблюдая за Иваном. Когда Александр вышел, чтобы позвать портниху с образцами брюк, наклонилась к нему и с улыбкой сказала:

— Слушай... ты сейчас — как другой человек! Серьезный, деловой, знающий, что ему надо. А не как обычно — разгильдяй и повеса!

— Кира! Разным обстоятельствам — разный подход. Разве нет?

Выбрал он светло-серые брюки.

— Вот тут должен быть залом, снизу. Именно такой должна быть длина брюк, понимаете? Да, так! И по ширине... да — по ширине — убрать! Мне шаровары не нужны.

Насколько убрать? А давайте посмотрим!

Женщина обмеряла его, делала защипы булавками, накалывала что-то иглами. Александр стоял чуть поодаль и с интересом смотрел, даже делал какие-то пометки в блокноте.

— Опять идеи ворует, да, Александр? — в шутку спросил у него Косов.

— Ну почему ворую? Смотрю... интересно, что получится? Может тоже потом внедрим, как модель...

— Ну-ну...

Когда женщина утащила брюки, чтобы подшить, где надо, а где не надо — отпустить, Косов предложил Александру выйти на крылечко во внутренний двор. Там он взглядом показал на оставшуюся в помещении Киру, и негромко прошептал:

— Это сейчас Вы мучились со мной! А предстоит — помучиться с нею!

— Опять? Это в который раз? — также, шёпотом, спросил мастер.

— Тихо ты! Чего контору палишь?! — прошипел Косов.

— Какую контору? Ничего я не палю! — опешил тот.

— Да ладно... не журишь! Это выражение такое... Саша! В общем — все, что она выберет, я оплачу, понял? И это... для нее — итог покажешь... Ну — раза в три меньше, понятно?

— Странно... ты хочешь произвести впечатление на девушку, и в то же время... скрываешь — сколько ты на нее тратишь? — хмыкнул Александр.

— Это... не как в те, другие разы... Понял? Здесь — все серьезно!

— Да? — с выражением скепсиса покосился Кинцлер на Косова.

— Да, Саша! Да! И еще... не знал, говорить или нет... в общем... с Фатмой мы расстались. По-хорошему расстались, надеюсь... Так что..., - Иван взялся за пуговицу на пиджаке мастера, — ты же вроде бы... к ней неровно дышал, да? Есть смысл подумать... Только... если я вдруг узнаю, что ты ее обидел...

Кинцлер с усилием оторвал руку Ивана от несчастной пуговицы, поморщился и с раздражением ответил:

— Я уж как-нибудь... сам! Знаете ли...

— Саша! Как-нибудь — не надо! Если решишь, что надо — то как надо! — Косов сменил тон, и уже более дружелюбным голосом, погромче, — А пока... предложил бы чаю девушке! Ну что Вас все учить надо, как сервис для клиента организовывать?!

Пока мастер выходил, чтобы дать распоряжение о чае, Кира покачала головой и протянула:

— Ох и наглый ты, Косов! Ох и наглый!

— Я не наглый, Кира! Я — адаптивен к складывающимся обстоятельствам, — и не глядя на удивленную девушку, закурил.

Они попили чай в тишине. Кира иногда поглядывала на него с непонятым выражением лица. Иван — отмалчивался. Затем сюда принесли уже готовые брюки, и Косов их померил.

— Ну как? — покрутился он перед девушкой, надев, кроме брюк одну из сорочек.

— Хлыщ! — припечатала та, — А чего брюки такие узкие, непривычно?

— Да где же узкие? Нормальные брюки! Вон смотри, и присесть ничего не мешает, и ногу поднять, — Косов все это продемонстрировал.

— Ну да... только все равно... как-то непривычно! — склонив голову чуть набок, оценивающе смотрела Кира.

— Ладно... дело — за тобой!

— Давайте пройдем в другое помещение. Там у нас есть образцы моделей, там Вы и сможете выбрать, что Вам захочется! — пригласила девушку портниха.

Косов придержал Киру за локоть:

— Кир! Только прошу тебя... не дури! И выбирай все... я подчеркиваю — все, что тебе захочется!

Она засмеялась:

— Правда? Вот прямо — все-все? А денег у тебя хватит?

— Денег хватит! — глядя ей в глаза ответил Косов.

Кира смутилась, и отвернувшись, пробормотала:

— Ну хорошо, хорошо... Я поняла.

Пока Косов ждал результатов отбора, сюда вновь зашел Кинцлер, уселся рядом с Иваном.

— Дай папиросу...

— Во как! Ты же вроде бы не курил?

— А-а-а..., - отмахнулся тот.

— Чего так? Что — все так плохо? — с сочувствием спросил попаданец.

— Да не то, чтобы... просто... Как всегда — тришкин кафтан, рвется то тут, то там! Работы — завал полный! А портных... Хороших портных! Днем с огнем хрен найдешь... А абы кого нам не надо! Да и эти еще... как ты их тогда назвал... аксакалы... Сами не знают, чего хотят! То им прибыль давай, а сами денег на обновление машин не дают! То — «мы такое шить не будем, это не будут носить»! Откуда Вы знаете, старичье, что будут носить, а что нет?

— Ладно... держись! Перемелется — мука будет! Вы вон и так размахнулись! Ого-го! И думаю — это еще не предел.

— Ну да... не предел. Да я порвусь тут, со всеми этими вопросами! И так уже... чуть не живу на работе! — прошипел Александр.

— Ты неправильно делаешь! Нельзя все на себя взваливать! Делегируй полномочия, — вспомнил попаданец модную фразу из будущего.

— Как это? — удивился Кинцлер.

— Ну-у-у... помощники тебе нужны. Делишь задачи, раздаешь помощникам, контролируешь исполнение!

— Ага... где их взять-то, помощников этих?

— Знаешь... Фатьма уже полгода администратором в гостинице работает. А характер у нее — есть! Так что... Обучить, объяснить, что и где...

— А... вы и правда... расстались? — кинул быстрый взгляд на Косова мастер.

— Да... мне уезжать на днях. А она... женщина серьезная. Ей семья нужна... Муж, дети. А не так, как со мной — распиздяй покровский!

Кинслер задумался, покуривая.

— Слу-у-у-шай! А помнишь мы с тобой разговор вели... ну — когда женское белье обсуждали? Тогда я еще говорил, что у женщин нормальных купальников нет, ерунда все какая-то..., - вдруг вспомнил Косов.

— Ну да, помню... Только перепробовали мы кучу тканей... и трикотаж, и шелк, и хлопок... да и еще — кучу всего! Либо не тянется, чтобы облегал, как ты предлагал, либо — наоборот — растягивается при намокании! Эластичное что-то надо, а что — понятия не

имею! — вздохнул портной.

«Ну да... с синтетикой сейчас — вообще никак! Когда еще этот Дюпон придумает что-то? Или — уже придумал? Да и все одно — где мы, и где этот Дюпон!».

— И что — вообще ничего? — спросил Косов.

— Да есть образцы... Вроде получше того же трикотажа, но все равно... А тебе это сейчас зачем? — покосился Александр на Ивана.

— Да Кира... она же спортсменка! Вот сейчас на водном стадионе работает... ну и... сам понимаешь — вида никакого... в смысле — от купальника! — поправился Косов, вспомнив виды Киры на стадионе.

— Да? А давай... есть у нас один образец... Даже — примерно на нее! Вдруг подойдет? А потом... если она поносит его какое-то время... может и подскажет чего улучшить! — загорелся модельер.

Александр «подорвался» и куда-то «умелся».

А потом... потом Косову пришлось выдержать показ моделей. Точнее — модель была одна — Кира! А вот моделей одежды было... немало.

— Ну как? — покрутившись перед ним в блузке и юбке-карандаш, спросила зарумянившаяся Кира.

— Нашему подлецу — все к лицу! — улыбнулся Косов.

— Я тебе дам — «подлецу»! — погрозила ему кулачком, — Ну правда — скажи! А то сидишь себе и только улыбаешься! — начала «канючить» девушка.

— Правду сказать? Не могу! Действительно — не могу. Я просто буду необъективен, ведь ты мне во всякой одежде нравишься. Но могу сказать — что эта... тебе очень идет!

— Ну вот... а то — «не могу, не могу»! — довольная Кира убежала в кабинку, где ее уже поджидала улыбающаяся портниха.

Платье-футляр; еще юбка-карандаш, только уже — серая; блузка; еще блузка; снова блузка...

«О! Что-то другое!».

Костюм — юбка и короткий пиджачок, темно-серые, в тонкую полоску.

«Юбка, пожалуй, обтягивает ее попу как-то... чересчур. Или мне так кажется?».

Косов уже давно испытывал дискомфорт в районе паха. При всем прочем, Кира, в охватившей ее ажитации, периодически, заходя в кабинку для смены одежды, не до конца задергивала занавес, поэтому... иногда! Были видны отдельные части ее красивого тела.

«Ну хоть в белье... а не полностью голая!».

Спасался он усиленным курением папирос. Причем... вроде бы портниха что-то говорила Кире по поводу занавеса. И та что-то ответила, отчего женщина тихо засмеялась и как бы невзначай покосилась на Косова.

«Заговор! Это точно — заговор!».

— Фу! Накурил-то уже как! Ты бы хоть окно открыл, чтобы проветрилось! — после очередного показа возмутилась девушка.

«И то — правда!».

Наконец показ подошел к концу. Иван выдохнул расслабленно. Так же расслабленно выдохнула и Кира, упавшая рядом с ним на диванчик, и приобнявшая его за руку.

— Какой кошмар, оказывается, весь этот выбор и примерки! Я раньше как-то... ну — нужна вещь, пришла, выбрала, купила. А чтобы вот так... это же — какие нервы! Ну что посмотрелся?

— Ага... насмотрелся! — вздохнул Иван.

Девушка засмеялась:

— А белье я тебе демонстрировать не буду, вот! — и показала ему кончик розового языка.

— Погоди... Еще не все! Александр что-то запропастился.

— А что такое? — заинтересовалась Кира.

— Да они тут... «мараковали» что-то по поводу купальника. Все никак не могут подобрать ткань, чтобы не сильно растягивалась при намокании. Вроде бы что-то такое у них есть. Вот он и понесся... Он хочет тебе предложить опробовать, что получилось. Чтобы потом ты сказала про недостатки, а они бы, в случае успеха, могли наладить пошив.

— Да-а-а? Интересно! Это и правда — очень интересно! А то и правда... вроде оденешь — сидит нормально, а чуть искупнулась — и все куда-то слазит, все растягивается..., - вновь оживилась девушка.

Александр вошел, держа на плечиках комплект:

— Вот... Трусики и бюстгалтер! Я посмотрел, прикинул размер...

«Ну да — с его-то опытом! Глаз-ватерпас!».

— По-моему... должен подойти!

— Он что... отдельный? — поразились Кира, — Ну-у-у... даже не знаю... Это как-то непривычно.

— Да... отдельный. Вот в этом — половина проблемы! Если со сплошным еще можно сделать какие-то допущения на растягивание... То здесь боюсь, не получится. Вы не могли бы его примерить?

Чрезмерной стыдливостью Кира не страдала, а потому, надев купальник с помощью все той же женщины, довольно просто вышла из кабинки.

— Ну как? Как по мне так просто здорово! — похоже, ей все нравилось.

Темно-синего цвета, на ней он и впрямь смотрелся куда лучше той привычной майки.

«М-да... это, конечно, не бикини. Далеко нет. Довольно скромный — по меркам конца двадцатого или начала двадцать первого века! Трусики вот... на мой вкус — высоковаты! И уж близко — не стринги... и все эти ленточки, тряпочки. Но как же она все-таки красива! И тело... ох какое тело!».

Все же Кира под его взглядом смутилась, посмотрела на него и зашла в кабинку, теперь уже тщательно задернув шторку.

— Резинка там как — не растянется... в самый неподходящий момент? — шёпотом спросил он у Александра.

— А мы там резинку продублировали нетолстой тесьмой... чтобы можно было дополнительно завязать впереди, на поясе! — так же шёпотом произнес Александр, — там и бретельки верха — тоже регулируются. Чтобы можно было подтянуть... при необходимости. И крючки сзади... тоже несколько рядов, для утяжки. Ну — или наоборот, чтобы ослабить на случай, если, где туго будет!

Из кабинки послышался смех Киры:

— Да, да... мы все это нашли! Спасибо!

— Ладно... Кира! Ты тут одевайся, приводи себя в порядок... А мы с Александром отойдем... посчитаем все!

«Ну вот... еще почти восемь тысяч в минус! Так доведу до приемлемой суммы, которую можно взять с собой!».

А тючок-то у Киры вышел... изрядный! Косов шел с чемоданом со своими вещами в одной руке, и с тючком подмышкой, под другой. Было немного неудобно... Но все лучше, чем терпеть ту демонстрацию, что была организована Кирой чуть раньше. Провожал ее до самого дома. К счастью, про деньги Кира речь не вела — видно, что свыклась с мыслью о таком вот... подарке.

«Ну да — попробуй-ка отбери теперь у женщины все эти «тряпочки», которые она так тщательно и с восторгом выбирала!».

— Знаешь... я, наверное, подниматься к Вам не буду! — остановился он у подъезда.

— Ну ты чего? Мама еще дома нет... наверное! — протянула обиженно Кира.

«На хуй, на хуй! Кричали пьяные пионэры!».

— Ну хоть... в подъезд-то зайди, помоги занести! — просительно протянула девушка.

— Ну в подъезд — ладно! — согласился Иван.

— Вот же... трусишка! — засмеялась она.

В подъезде она остановилась, подняла голову и прислушалась:

— Никого!

А потом обняла его и поцеловала!

«Ну вот... она и целоваться-то толком не умеет! И чем они с Сирожей занимались? Устав «вээлкаэсэм» учили? Вроде же взрослая девушка? Даже, скорее всего — женщина!».

— Ну все, Кир! Мне пора! Еще и вещи в клуб увезти нужно! — с усилием отстранился Косов от такой притягательной красавицы.

— Это ты правильно сделал, что вчера не зашел к нам... Ой, что было бы! — Кира опустив голову, негромко засмеялась.

— Мама была дома? — усмехнулся, покуривая, Косов.

— Ну да. И чего так рано домой пришла? Всегда намного позже приходит!

— И как... все прошло? — покосился Иван на девушку.

— Как, как... Если вначале — то очень плохо. Я думала, она мне пощечин надает — так ее разозлил твой подарок мне. А потом... потом ругались долго. А в конце... она же тоже женщина. Как выдохлась, так ей любопытно стало, что же ты мне подарил. А когда рассмотрела все, заставила все примерить, замолчала. Ну... я же ей объяснила, что у тебя перечисления за песни идут, и что в ателье этом — у тебя знакомые.

— Ладно... Думаю, перемелется — мука будет! А тебе здорово в этом купальнике! — не покривив душой, сделал девушке комплимент.

— Да? Ой... а мне так неудобно... ну — то есть — непривычно! Кажется — все так плятятся на меня! И Катька все вокруг крутилась, когда я в медпункте переоделась — как, да что, да сколько стоит? — было видно, что Кире и самой нравится ее новый внешний вид.

Косову было... непонятно. С одной стороны, старый купальник, который «майка», тот больше скрывал. Но! Только до той поры, пока был сухой, а вот как намокнет... Стоило Кире наклониться, или наоборот прогнуться — ткань облегалась ее... ну, не как вторая кожа, но... видно было все... изрядно. Здесь же — вроде бы все плотнее, не так видны «детали», но и открытого тела больше. А значит — Ивану труднее смотреть на «предмет воздыхания».

И что самое... трудное для него — девушка сразу поняла это, и, как издеваясь над его «тонкой душевной конституцией», частенько... вроде и ненавязчиво, вроде бы — не специально, но демонстрировала изгибы, выпуклости и «впуклости». И даже улыбки подчас не скрывала, чертовка!

— Ты знаешь, Иван, в субботу можно будет сдать прыжок с вышки, нырок с доставкой предмета... Ну и греблю, хотя... вот тут я еще сомневаюсь, что ты уложишься в норматив. Прыжок тоже, скорее всего, без штрафных — не обойдется, но — ладно... А вот плавание... нет, не уложишься ты в нужное время!

— М-да? Тогда чего лежим, чего вылеживаем? Загораем? Так ты и так уже коричневая, как шоколадка! Вперед, поддерживать меня, хилого и слабого... Или будешь со стороны наблюдать, как я тону?

«Вот вроде бы... ну что это — четыреста метров? Если пройти, или — пробежать? Тьфу и растереть! А вот проплыть? Ага... Это уже совсем другая песня!»

Дистанция Ивану — не давалась! Нет... все эти принуждения Киры к занятиям... да и сам он вроде бы совсем уж слабаком не был. Но... но... но!

Если он уже и проплывал дистанцию, то — вовсе не за положенное время. Хоть бы просто — проплыть нужные метры! И так... девушке приходилось подчас вытягивать его из воды на боны — сил уже не оставалось.

— Вань! А может... ну его этот зачет? Ну, в крайнем случае — в Омске, уже в училище подготовишься и сдашь? Поздно спохватился...

Они лежали на бонах, на их, ставшим уже любимом месте — в самом их конце, где акватория водного стадиона переходила в гладь реки. Косов несколько раз поинтересовался у девушки — не влетит ли ей за такое «манкирование» своими обязанностями инструктора и медика? Но Кира только отмахнулась — «парни подстрахуют с группами, а Катька — как медик!». Было видно, что авторитет здесь у девушки есть.

Иван лежал на животе, вытянув ноги, и опустив голову на согнутые руки, пытался все же восстановить дыхание. Пусть медленно, но это удавалось сделать, а вот ноги периодически сводило судорогой, да и спина и руки — затекли невероятно. Хорошо, что подруга, присев на колени рядом, очень активно, хоть и болезненно разминала уставшее тело.

— Ой! А ты — облазишь! Знаешь? — хихикнула Кира.

— Угу... подгорел немного. Я же не такой смуглый, как некоторые...

— Да какой — немного! Вон... вся спина в лохмотьях! Ты... не против... ну... если я это поотдираю? — снова негромко засмеялась девушка.

«Интересно... ну вот что у них за тяга к этому? Это... какое-то извращение? Или... еще норма?»

Косов помнил, как еще в прошлой жизни, бывало, так же — сгоришь на солнце, а через некоторое время... сначала жена Ирина, ну — совсем в молодости, а потом, когда чуток подросла — дочка, сопя и очень заинтересованно ползали по спине, и тянули, и обдирали эти лохмотья. Получается, что и Кира... подвержена всяким... перверсиям?

Хотя... это еще и безобидно! А вот почему очень многие девушки и молодые женщины так любят... х-м-м-м... ну — откровенно говоря — прыщики на теле близкого мужского пола выдавливать? Тут уже — точно, что-то нездоровое!

Вот и сейчас... Кирочка улеглась перпендикулярно ему на бонах и принялась скрупулезно... обновлять его шкуру. Это было... наверное, это атавизм какой-то... еще от бибизян! Но почему же так... приятно самому обдираемому? Прямо... нирвана какая-то наступает! Плынешь себе по волнам блаженства, а близкий, прямоходящий примат пыхтит и сопит тебе в ухо. И так уютно и хорошо!

Девушка чуть слышно засмеялась:

— Ты знаешь... мы когда еще в Средней Азии жили... в военном городке. Нам не разрешали никуда отлучаться. Ну там... обстановка была такая. А через военный городок арык проходил. Вот ребяташки и проводили возле него все время. А наш Витька... он — как ты, блондинистый всегда был. За лето раза четыре обгорал! Вот я, маленькая, так же... над ним пыхтела! И так... уютно вспоминается это... почему-то. А потом, когда в Астрахань папу перевели... он тоже... частенько сгоревший был. И мне разрешалось его вот так... обдирать. И знаешь... вот ведь странно как! Вот чужого же человека — даже мысли не придет так... даже неприятно подумать. А когда близкий...

— Кир! А я... близкий? — чуть слышно прошептал Косов.

— Дурак! — она ощутимо пихнула его кулачком в бок, — Ну а какой ты? Вот будешь глупости говорить, я тебя... укушу!

— Укуси! — засмеялся Иван, — Я даже хочу этого!

— Что — правда? — удивилась она, — Ты какой-то... неправильный! Ну... держись тогда!

И Кира, демонстративно осмотрев его руку и выбрав место, впилась в его плечо. Хорошо так впилась! Больше губами, конечно, но и зубки там присутствовали. И все это время выжидающе смотрела ему в глаза. А в глазах ее — бесята резвятся!

— М-м-м... знаешь, как приятно! — улыбнулся Косов, — Только... это больше на «засос» похоже, чем на укус!

— Д-а-а? Странно, я вроде бы кусала! — девушка оторвалась от его плеча и осмотрела место укуса, — Ой! И правда... больше «засос» какой-то получился. Как-то даже... неудобно... и немного стыдно! И что... тебе не было больно? Вот — вообще-вообще?

— Вообще-вообще! Это было... восхитительно приятно! — глядя на нее, улыбался Иван.

— Да? Вот я и говорю... ты какой-то... неправильный! Тебя даже укусами не проймешь! Кусаю его, грызу... а он — «приятно»! Ну... если так... можешь меня тоже укусить! Чтобы... квиты быть!

— Знаешь, красавица... я бы с удовольствием тебя укусил... но куда-нибудь в другое место! — засмеялся Косов.

— Вот же... пошляк! — девушка притворно насупилась, а щечки-то румянцем окатило! Немного помолчала:

— А... а куда бы ты меня укусил? — приподнялась и откинула волосы с лица.

«А вот этот жест... с волосами, они тренируют, что ли?».

Косов тоже приподнялся, нарочито серьезно и тщательно осмотрел ее тело, еще больше вгоняя Киру в румянец, вздохнул:

— Я бы тебя... так укусил, так укусил! У-у-х-х... как! За попу! Очень уж она мне... покоя не дает!

Она удивленно приподняла бровь, хмыкнула:

— Вот я и говорю... неправильный ты! Другой бы сказал... ну... плечо там. Или вот — за шею. Хотя... от этого некрасивые засосы получаются... А Косов — укусил бы за попу! Так! Тогда вались назад, продолжу тебе... спину обдирать!

«Ну какой же кайф валяться вот так на горячих досках настила, и такая девушка рядом!».

— Вань! А чем тебе... моя попа нравится? А остальное, что же... не нравится? — еле слышно пробурчала Кира.

— Мне в тебе... все нравится! Ты очень красивая... вся! Но некоторые части твоего

тела... они не поддаются описанию! О них можно только... стонать!

— Да? А о чем еще на мне можно стонать?

— Х-м-м... ну... обо всем! О твоих губах, таких... полных и красиво очерченных... то смеющихся, то... зовущих... Твоя шея... изгиб спины. Красивые длинные ножки...

Она тихо засмеялась:

— А... о попе ничего не сказал... Ну и... про груди забыл упомянуть!

— Так я же сказал... о некоторых местах — только стонать!

— Да? Понятно... Что ничего не понятно! Только вот попу кусать я тебе все-таки не позволю. Просто полагаю, что сейчас вон с той вышки на нас в бинокль пялится Антоша... есть тут такой... мой воздыхатель. Не стоит здесь меня за попу кусать, а то еще Антон с вышки брякнется... Производственный травматизм! И мне еще этому балбесу и первую помощь потом оказывай.

— Ну... давай... говори мне еще... что тебе нравится! — Кира продолжила чуть слышно посапывать ему в правое ухо.

И это почти детское посапывание, этот еле слышный поток воздуха от ее дыхания так будоражил Косова, что он чуть слышно застонал.

— Вань... ты чего?

Косов приподнял и повернул голову, потянулся к ней и глубоко вздохнул:

— От тебя так пахнет... так пахнет, что... я даже не знаю, что мне сейчас ближе... Схватить тебя, обнять и целовать-целовать и целовать... И плевать мне на всяких Антошек! Или просто... умереть от такого блаженства... когда ты вот так... рядом.

— Ваня... не надо так говорить... прошу... а то у меня и у самой... дыхание перехватывает.

— Да?

— Угу...

— Тогда... Тогда — заплыв!

И Косов, чтобы скрыть отчаянно оттопыривавшиеся трусы, перекатом сиганул в воду, откуда уже плеснул пригоршню на девушку.

— Ах так?! Тогда... беги, несчастный, а то догоню и утоплю!

Иван, как не старался, так и не смог оторваться от девушки. Они плыли к далекой стенке стадиона рядом, и он, периодически, видел ее смеющиеся глаза возле себя. У самой стенки Кира вырвалась немного вперед и легко подтянулась на руках, мелькнув перед ним областью желаемого им укуса. А потом... снова опустилась в воду, повернулась к нему.

— Косов! Ты почему меня не поцеловал? — прошептала.

— Так... Антоша же... — выдохнул он.

— Насрать на Антошу! А ты... дурак! — и теперь уже с силой вышла из воды.

Он попытался также вылезти... Не вышло! Она стояла над ним на стенке и странно, и пристально смотрела на него. Потом вздохнула, присела и протянула руку.

«Говорю же — стыдно! А что делать?».

— Все на сегодня! Мне еще работать надо! — девушка направилась по настилу в сторону медпункта. Ивану оставалось лишь вприпрыжку припустить за ней.

— Кир! Ты чего? — попытался окликнуть он ее.

— Ничего! Ты... в душевую пойдешь?

Душевых на стадионе было две. Собственно — мужская и женская, сколоченные из досок, темноватые внутри сараи, беленые известью.

— Ну да... надо!

— Тогда пошли! — и девушка решительно направилась к душевым.

— Да подожди ты... Сама же говоришь... я — странный! Вот... могу я чего-то не понять!

Между душевыми был небольшой закуток... Именно здесь Иван все же догнал Киру, и придержав за руку, развернул к себе.

— Кира! Подожди... ну что за перепады настроения, а?

— Косов! Ты... дурак! — решительно, сквозь зубы, прошипела девушка.

— Ну-у-у... да. Ты уже не раз об этом говорила. И что?

— Ну что же ты за дурак, а? — она наклонила голову.

— Так... Иди-ка сюда, красавица! — Иван с силой затолкал ее в этот темный и невидимый со стороны угол.

— Ты чего это..., - продолжение ее вопроса Иван прервал поцелуем.

В первый миг она как будто решила оттолкнуть его, но... сама обняла. Целовались они страстно, как пишут в романах — неистово!

— погоди, погоди... не так! — оторвался от девушки Косов.

— Что... что не так? — глаза ее были шалыми.

— Дай я тебя поцелую... вот так... нежно... губами...

Потом в ход у него пошел и язык. Было заметно, что для нее это было... внове. Несмело и нерешительно... но она стала отвечать ему. Потом — все больше и больше входя во вкус.

— М-м-м... как же ты... целуешься... здорово! Еще! Еще целуй! — Кира то закрывала глаза, то открывала их, и Иван видел в глазах девушки... если не безумие, то где-то рядом.

А его руки то наглаживали, то мяли ее крепкое тело, все то, что он недавно перечислял в качестве своего фетиша.

— А-а-а-х-х... я сейчас упаду... держи меня, Ванечка!

Это получилось... не специально. Но в какой-то момент его рука скользнула между ее ног и приподняла левую ножку, которая сразу же... уже сама поднялась выше и обхватила его за пояс.

А он чувствовал, как дрожит ее тело. И как дрожит, и крепко упирается... в его мокрые трусы и их содержимое ее другая нога. И эта дрожь... была так сладка... И рука его... почему-то уже не держала ее ногу, а гладила и чуть надавливала... там, где сейчас стекала по плавкам девушки вода. Там... где так мешала ему сейчас эта ткань ее новых трусиков.

Накатывало на них... сладко и тяжело. И чем бы это все могло закончиться... Вот только сквозь шум в ушах, Косов слышал приближающиеся голоса.

«Черт! Черт! Черт! Надо же так... ну что это, в самом-то деле!».

В упор он видел испуганные глаза Киры.

— Ф-у-у-х-х..., - он отпрянул от нее.

— Чуть не попались! — хихикнула она.

— Ага..., - он перевел взгляд вниз, — Черт! Мне в душ нужно!

И уши, и лицо его залила краска стыда.

«Бля... «обтрухался»... как пацан! Сты-до-ба!»

— Мне... мне — тоже! — простонала девушка и нырнула в душевую.

Иван успел зайти в мужскую душевую, пустил воду в дальней от входа лейке, стянул с себя трусы с такими, явно видимыми следами его позора, и найдя на дощатой решетке пола какой-то обмылок, принялся яростно стирать ни в чем не повинное нижнее белье.

«Еще и эти..., - с раздражением посмотрел он на стайку пацанов, зашедших вскоре за ним в душевую, — какого хрена приперлись? Хотя... если бы они не приперлись как раз в этот момент... неизвестно, чем бы все могло закончиться! Ага... неизвестно? Как раз-таки — известно!».

Пацаны вообще-то «приперлись» — вовремя! Так-то, обычно мало кто из несовершеннолетних спортсменов, после тренировки шел в душ. Ну как же — чего там делать? Из воды, пусть и речного затона, да снова под воду, пусть и чистую... душевой? Зачем? Это те, кто постарше, все же перед тем, как надевать одежду старались ополоснуться. А ребятишкам это непонятно...

«И, если бы нас застукали за процессом в его развитии — было бы гораздо хуже!».

Косов обмылся под чуть теплой водой сам, отжал трусы, и вышел в раздевалку, к скамье, куда успел бросить свою одежду, когда волна страсти накрыла его с головой.

«Ну вот если рассудить... Вот что со мной происходит? Ведь не мальчишка же? Пусть и в теле парня, но... голова-то — зрелого мужика! Чего же меня так накрывает от этой девушки? Ну ладно там... любовь-морковь... все дела. Химия процессов, мать ее! Диаграмма «Железо-Углерод»! Флюиды, феромоны и прочая хрень! Но почему все мысли из головы исчезают напрочь! Одно мычание и бляение — «Ах, Кира! Ах, Кирочка!». Ну да... красивая девушка! Ладно — очень красивая девушка! Она, даже если и трезво-то поразмыслить — мне очень нравится, прямо вот — очень! Высокая, ладная такая, спортивная...».

Перед глазами опять встала картинка, как она рывком вышла из воды, подтягиваясь на руках на стенку стадиона. Раньше... ну — в будущем! Были очень популярны короткие ролики, где вот так девушки из воды... и вода стекает по телу, и попы такие... красивые, загорелые, спортивные... в стрингах.

«Блядь такая! Опять в штанах шевелиться начинает! Суки они, эти юношеские гормоны! Стоит только подумать — и вот сразу результат! А ведь попа Киры — вообще ничем не хуже виденных тогда роликов! Даже лучше! Намного! Потому что она — попа Киры! Блядь! Опять?!».

Он яростно вытирался полотенцем, не жалея своей шкуры, тихо матерясь про себя. Наверное, увидев его морду, и услышав это шипение, пацаны, вышедшие из душевой, предпочли быстро-быстро удалиться.

«Ну и чего ты добился? Точнее — чего добилось вот это тело, переполненное гормонами, и налитое под завязку этой отравой под наименованием — «Кира»? «Обкончался» как тринадцатилетний пацан, увидевший голую сиську? А если бы... в другой обстановке, ну... когда можно было бы продолжить общение? Ну — стыд же один! И перед собой... и еще больше — перед девушкой! «Скорострел» долбаный! И ведь не далее, как сегодня ночью... с Риткой же! И ведь ничего подобного не было, отдаешь себе отчет — как делать, что делать, сколько делать. Чтобы девушке понравилось... Да и с другими — все же нормально? Ну да... возбуждение, желание, даже — страсть! Но — голову же не теряешь? А здесь... мать твою! Может... усилить ночные упражнения с Леночкой и Марго? Так ведь нет... Ленка уже и так смеется — «Ваня дурмана какого-то наелся! Как с цепи сорвался!». Да и Ритка... тоже вроде бы удивлена... была. Лена вот, вчера... побаловалась немного, да сославшись, что устала, прилегла на край кровати. А они, с Ритой, чтобы не мешать Завадской, ушли в зал, на ковер, и там еще... часа три, а то и больше. С перерывами и перекурами. А с Кирой... Это даже не любовь... как мне кажется. Это наваждение какое-то! Кстати... а она же тоже... что-то такое пискнула, когда убегала в душевую? Или мне

показалось? Она... тоже кончила, что ли? Ох уж эти игры-игрища!».

Чистый и свежий телесно, но с диким сумбуром в голове, Косов уселся на лавке и перекурил все эти мысли.

«Как-то... надо быть спокойнее, ага. Сдержаннее, как Гойко Митич!».

Заглянул в медпункт — уходить, не попрощавшись, все же счел неуместным. Кира сидела за своим столом и что-то читала. Катя уставилась на него с непонятым выражением лица.

— Кир! — тихонько позвал он девушку.

— Ваня! Я... занята пока. Давай завтра поговорим, хорошо? Мне сейчас некогда! — покраснев щечками, головы от бумаг девушка не подняла.

«М-да... как дети малые, чес-слово!».

— Хорошо! Тогда... до завтра! До свидания, Екатерина! — не удержавшись при виде удивленно поднятой брови медсестры, показал ей язык, и аккуратно прикрыл за собой двери.

«Мля... ну что за детство, а? Откуда это все прет?».

На следующий день, с утра, Косов зашел в медпункт. Кира снова отговорила занятостью, дала указание заниматься самостоятельно. Чувствовалась какая-то неловкость между ними.

«И мне самому как-то... неудобно. А вот почему — непонятно! Нет, так-то ясно — оконфузился вчера. Но ведь с точки зрения взрослого мужика — «Ну что такого? Бывает!», а все равно — неловко. С другой бы — отшутился, пусть даже и как-то скабречно... Мол, слишком долго она его дразнила. А вот с Кирой... с нею так не получается!».

Да и непонятно было — отчего это чувство неловкости, даже какого-то стыда? Как будто шумно пустил газы в самый ответственный момент.

«Ладно! Не сдержались, вцепились друг в друга, как сумасшедшие. И место было — вовсе не подходящее, да и чуть не «спалились» этим пацанам. Но ведь все одно — дело-то житейское. Откуда же этот стыд? Испугался, что девушку мог «подставить»? Ну да... могло быть такое. Интересно — а у нее что же? Досада? Стыд? Переоценка его как мужчины? Да хрен их знает, этих дам! У них и в жизни-то подчас — ничего не понятно... И мысли, и поступки, и слова. А в такой ситуации? Тут как не думай — почти со стопроцентной вероятностью попадешь пальцем в небо!»

В эти пару-тройку дней Косов занимался иступлено. Даже не для того, чтобы сдать зачеты, а для того, чтобы заглушить в себе непонятную... робость? Досаду? Чувство вины?

В медпункт больше не заходил — «держал фасон, проявлял характер»! Но и девушка не горела желанием к общению. В субботу, как Кира и говорила, он довольно легко сдал зачет по нырянию. Прыжок с вышки... вышел со штрафными баллами, но все же в норматив уложился.

— Ну я же говорила, и сколько раз говорила — ты зачем при входе в воду ноги в коленях сгибаешь?! Вот же бестолочь! — послышалось сзади.

«Ну вот... прошло чувство неловкости? Решила продолжить общение?».

— Привет! Решила проявить милость к падшим? — покуривая, протянул он.

— Падший! — фыркнула она, присаживаясь рядом, — Ну вот как с тобой, Косов... Сложно все как-то и непонятно!

— По гребле... по гребле — тоже норматив! — не желая вдаваться в разговор о чувствах, доложил он про успехи в спорте.

Кира отмахнулась:

— Да я уже видела. Подходила к принимающим. Молодец! Но я и не сомневалась...

По плаванию же он, приняв доводы подруги, даже «не заявлялся».

— Ладно... Что собираешься дальше делать? — краем глаза он видел ее взгляд.

«Сегодня одета в спортивные штаны и футболку. Это что значит? Все, заигрывания закончены?».

— Не знаю... Надо собраться, в Дом Оборона забежать, уточнить все там. Может — документы какие-то забрать. Да и в клубе... Попрощаться надо по-человечески. Может вечером погуляем, в городской сад ходим?

Кира поднялась, задумалась:

— Сегодня и завтра — точно нет... Просто — некогда! А потом... ты же знаешь, где я работаю.

«Да и ладно... Так — может и лучше! А строить догадки, что твориться в ее красивой голове? Не... я все-таки совсем с ума сходить не хочу!».

Косов выбрался в клуб, собрался, отсортировав имущество. Брал только самое необходимое, не более. Остальное...

Позвал Илью, показал на собранные на топчане вещи:

— Илья! Вот... собрался. А это... это мне уже не пригодится. Я так думаю. Может с Тоней решите, да отдадите кому-нибудь. Тебе — они не подойдут. Ты ростом все же повыше. Хотя... если надставить. В общем... решите сами. Это моя просьба. И еще... если вдруг получится выбраться в отпуск... зимой там... или следующим летом. Разрешишь мне тут пожить на время отпуска?

Хмурый директор немного задумался, потом пожал плечами:

— Не вижу причин тебе отказывать... Ты конечно — тот еще фрукт, но... Хорошо, приезжай!

— Ну вот и договорились! А через пару дней... я хотел бы Вас всех собрать. Отвальную поставить, так сказать. Ты не против?

— Дело твое!

«М-да... отвальная — не задалась!».

Не было только Якова. Лида была молчалива. Илья сказал тост, не то, чтобы неискренне, но без особого тепла — так... по необходимости. Тоня старалась взглядом с Косовым не встречаться. Потом все тихо разошлись, остался только Мироныч.

— Дал ты, парень, концерта... Да... Коротко живешь! Как будто... помирать собрался, все сразу и сейчас! — вздохнул Мироныч, когда они вышли покурить на крыльцо, — Яков... снова приболел, извинялся. Все с брюхом своим мается.

— Да ладно... что ж я — не понимаю, что ли? Ты вот что... Мироныч. Вот тебе, значит, на память! — Косов протянул мужику свою старую финку в ножнах.

— Ишь ты! Ты чего ж... такой справный инструмент отдаешь-то? А сам как? Мужик же без ножа... В любом деле же пригодиться может.

— А мне другую подарили! Так что... две — это много!

«Ага... подарили! Юзик, поц противный. Дождешься от него подарков, как же!».

Но все-таки, хоть и немного жаль Ивану было старой финки... Но — память такая... нехорошая. А новая-то была куда как лучше! Так что — не стоит жалеть!

В Доме Оборона, капитан-кадровик выдал ему направление в Омское пехотное училище, воинское требование на проезд в поезде к месту направления.

— Все, Косов! Основной пакет документов мы уже направили в училище, это — не твои

заботы. Так что — успехов! — пожал руку.

«Ну да — а чего тут «рассусоливать?»».

В кассе вокзала, незаметно сунув кассирше плитку шоколада и «пятерку», он обменял полагавшийся ему «плацкарт» на «купе», с доплатой.

— А билетов в спальный вагон нет?

— А не жирно тебе, парень, в спальном вагоне-то путешествовать? — засмеялась в ответ молодая женщина, — И так «плацкарт» положен... А тебе что — деньги девать некуда, раз доплачиваешь? Тут ехать-то — пятнадцать часов! Чай попил, спать завалился, а утром — вот уже и твой Омск!

— Да деньжата чуток есть! А если есть — то почему бы в комфорте не ехать? — пожал плечами Косов.

— Нету билетов в спальный, нету! Туда, как правило, на дальние расстояния билеты берут. И то — только большое начальство! Ишь, любитель комфорта выискался! — смеялась женщина, но смеялась не зло, и потому Иван не обиделся.

Иван сходил на водный стадион, попрощаться. Постояли с Кирой на крыльце, помолчали. Косов курил, а девушка стояла рядом, не поднимая головы.

— Ладно... Мне пора! Что ж..., - чуть развел руками Иван.

— Когда у тебя поезд? — чуть слышно спросила Кира.

— Завтра... в семнадцать...

— Угу... удачи тебе...

Со злостью отбросив от себя окурок и махнув рукой, он ушел.

А вот с Завадской и Ритой у него все было — наоборот! Такого тепла, ласки и даже нежности, как от Елены, он давно уже не видел. Марго была более сдержанна в чувствах, если дело не касалось секса. Каждая ночь была как последняя! С удивлением Иван отметил про себя, что вот в этот, крайний период их общения, ему было лучше именно с Риткой. Почему так? Бог весть! Хотя красивая полячка и не оставалась с ними каждую ночь...

Проводы женщины ему организовали — очень душевные! Когда они пришел со стадиона, его уже ждал накрытый стол и нарядные, и очень красивые женщины.

— Ну зачем же Вы так... Но! Большое спасибо! Вот правда — тронут...

Ритка, по своему обыкновению, больше отмалчивалась, улыбалась. А если и раскрывала рот — то для очередной «подначки» Косова. Леночка же была — сама нежность!

— Девочки! Родные мои! Любимые! Вы мне столько радости принесли, что у меня не хватает слов для выражения благодарности! — уже слегка подпив, и плотно закусив всякими «вкусностями», Косов сидел с гитарой на коленях, — Поэтому... у меня для Вас небольшой презент.

Он сходил в прихожую, достал из сумки приготовленные пачки денег.

— Вот... Не считите... что я с Вами так вот... рассчитываюсь. Просто суматошно было в последнее время, и времени на выбор подарков у меня не было. Так что... выберите сами, что сочтете необходимым.

Лена обняла его молча и поцеловала. Ритка спросила:

— И сколько здесь?

— Знаете... не желая обижать ни одну из Вас, решил... по пять тысяч.

— Ни хрена себе... небольшой презент! Ты, Ваня, что — кассу ограбил? — Марго была очень удивлена.

Лена с улыбкой покосилась на подругу.

— Да брось ты — кассу ограбил! Набежало там... за песни. Вот...

— Ты себе-то хоть что-то оставил? — продолжая обнимать его, шепнула на ухо Завадская.

— Оставил. Да мне там многого и не надо — кормят, поят, одевают... Так что — все в порядке!

— М-да... Ванечка! А может — ну его в пень, училище это? Останешься здесь, я за тебя замуж выйду. Буду тебя холить и лелеять! — с легкой улыбкой уставилась на него Ритка.

— Рит... вот честно — если бы не обстоятельства... я бы на тебе, может быть, и женился! А что — красивая, умная... А что характер «не сахар»... Ну — дрались бы иногда, а что тут такого? Многие так живут. Зато — какое бурное потом примирение у нас бы случилось, да? — засмеялся Иван.

— Ох и дрались бы! — мечтательно прикрыв глаза промурлыкала Марго.

— А к Лене бы — ревновала? — продолжая обнимать Завадскую за талию, спросил Косов.

— К Лене? К Лене бы не ревновала. А вот к остальным...

Уже поздно ночью он стоял голый на кухне, курил в открытое окно. Завадская, в накинутом на плечи халатике, сидела за столом, а Ритка, полностью голая, сидела на подоконнике и тоже курила.

— Лен! — обратился он к подруге, — Там... Танька... Ну — у Вас на нее планы уже есть. Вы не обижайте ее сильно, хорошо?

Дождавшись кивка Завадской и хмыканья Ритки, продолжил:

— Там с ней девчонка есть... Маша. Они в одной комнате живут, в общежитии. Маша... она очень хорошая. Мне почему-то кажется, что «примы» из нее не выйдет, но... Ты уж присмотрись к ней. Она, правда, хорошая. Честная и не... лукавая, что ли... Пристрой ее куда-нибудь... потом. Хорошо?

— Ты, Ваня, как тот ветерок полевой... везде успел побывать, да? — Ритка в своем репертуаре.

— Я тебя поняла, Ваня, посмотрю на нее повнимательнее! — кивнула Завадская.

Он предупредил женщин, чтобы не вздумали его провожать — «Долгие провода — лишние слезы!». А еще... он надеялся, что все-таки Кира придет...

С Леной они попрощались утром, в прихожей, когда она уходила на работу. Ритка, в халате стояла в проеме дверей в зал и молча наблюдала за ними.

— Ну все, родная, беги... А то — опоздаешь! — развернул он от себя Завадскую.

Когда хлопнула дверь квартиры, Ритка протянула:

— А ты знаешь, что Лена... очень переживает твой отъезд? Мудак, ты, Ваня! На кой хрен тебе то училище?

— Муда-а-а-к? Ну ладно... Иди-ка сюда, «пшечка», сейчас я тебе покажу, что такое мудак!

После... они лежали на полу в зале. Косов раскинулся «звездой», а Ритка, абсолютно голая, лежала рядом.

— И все равно... мудак! — пытаюсь восстановить дыхание, бормотала Рыжая, — И вон... синяки у меня на руках останутся...

— А нечего было... отбиваться и царапаться! Отдалась бы... без боя — не было бы никаких синяков!

— Ага... без боя отдаться такому... мужлану...

— Ну а тогда — какие претензии?

Она подобралась поближе, и положила ему голову на грудь:

— Никаких претензий... Вань! Вот почему ты такой...

— Какой?

— Странный! Ты то... жесткий, почти грубый. То — ласковый до истомы! Знаешь... у меня мужчин было... немало. Но... они какие-то... понятные! Вот этот — грубый и неотесанный болван. И знаешь, что от него ожидать. А этот — вроде ласковый и нежный, но... до омерзения! А ты... другой.

— Да? — поглаживал он ее по спине.

— Подожди ты! Вот еще... Вань! Меня замуж тут зовут...

— Да? Ну а ты чего?

— А я чего... Не нравится он мне! Хоть и летчик...

— Военный, что ли?

— Да нет... из Гражданской авиации. Но тоже... представительный такой.

— Так, а что ж тогда не нравится?

Ритка фыркнула:

— Ну-у-у... во-первых, он ниже меня... почти на голову, вот! Потом... кряжистый какой-то, как медведь! Вот вообще не похож на поляка!

— Так он что — еще и поляк? — удивился Косов.

— Ага... тоже... как ты говоришь — из «пшек»! Также как и я — из местных уже! Во-о-о-т...

— И что?

— Да не знаю я! Говорю же — не нравится! А еще у него характер! Мы же — поубиваем друг друга...

— Ну-у-у... не знаю, что тебе посоветовать.

Марго хмыкнула:

— Да больно нужен мне твой совет!

— Ну тогда... иди-ка сюда!

— Нет! Не так! Ты лучше... приласкай меня еще разок! Да... вот так!

Ритка успела ему собрать снеди в дорогу. И, как это положено в русских поездах — курицу отварила, и вареных яиц собрала. Хлеб там... помидоры-огурцы. Бутылку беленькой — ну а как иначе? А если попутчики? А они же точно будут!

Уже собравшись — сумка-ранец за плечами, чемодан в руке! Косов посмотрел на стоявшую возле дверей в кухню Ритку:

— Рит! А если... я в отпуск приеду... мужу со мной изменять будешь?

— С тобой? С тобой... буду! — она подошла к нему и, обняв, крепко поцеловала. В губы. Взасос. И Косову показалось, что ее полные, чувственные, такие красивые губы, были чуть солоноваты...

«А может — показалось?».

Она все-таки пришла. Иван, закинув сумку и чемодан на полку в купе, стоял возле вагона и курил.

В легком летнем светлом платье в мелкий черный горох...

— Вань... Ты прости меня, пожалуйста... Я... я вела себя как последняя дура! Мы

потеряли с тобой все эти последние дни! Я не знаю, что на меня нашло!

— Перестань, Кира... Все хорошо! И все — правильно! Пусть и не так, как хотелось бы, но... Все хорошо, не кори себя!

— Да-а-а? Не уговаривай меня... Я и правда — дура!

Косов выбросил папиросу, обнял ее и прижав к себе, стал поглаживать по волосам:

— Все хорошо, глупая... Никакая ты не дура. А что чувства порой подводят, так что ж?

— Да? Ладно... поцелуй меня!

— Кир! Тут люди вокруг...

— Ну и пусть! Люди, расставаясь, целуются. Это — правильно... и ничего тут неприличного нет.

После поцелуя, она отстранилась и стала судорожно что-то искать в сумочке:

— Вот! Вот, возьми! Это мой адрес. Обязательно пиши, слышишь! Я буду ждать. Я буду очень ждать! Если не напишешь... я приеду в Омск... и убью тебя! Ты понял, Косов?

С улыбкой он глядел на Киру, такую взволнованную и красивую:

— Ты очень красивая! И я напишу... не знаю — как скоро, и как часто буду писать... Но напишу — обещаю. Ты же знаешь — если я пообещал, то обязательно сделаю, да?

Она снова обняла его и прильнула головой к его голове:

— И все-таки... я была душой! Надо было сразу... еще и Зиночку допустила до тебя... Еще тогда надо было... И ты — дурак! Зачем ты не настоял тогда, еще осенью?

— Я не знал еще... как ты ко мне относишься.

— Да? Я и сама тогда... еще не знала...

— Ну вот видишь?

— Как же глупо все вышло! Как же глупо! — она стискивала его за плечи, — Ну же! Поцелуй меня еще раз!

— Хорошо. И ты пойдешь, да?

— Да... пойду. Терпеть не могу все это... расставание. И себя — терпеть не могу! И тебя... дурака такого!

— Молодые люди! Поезд отправляется! Молодой человек, пройдите в вагон! — обратилась к ним проводница.

— Все, Кира! Все... все будет хорошо!

— Да? Ты обещаешь? Пообещай, ну же!

Косов стоял, глупо улыбаясь, и негромко:

— Я надеюсь...

Ту-тух-ту-тух... ту-тух-ту-тух...

Поезд шел, вагон покачивался. Косов лежал на верхней полке и старался заснуть. Его попутчиками оказалась семья — муж с женой, годами — ближе к сорока, и их дочь, девчушка лет четырнадцати-пятнадцати.

После того, как поезд тронулся от перрона, Иван, стоя в тамбуре вагона, снова закурил, и не желая того, пытался в перронной толчее высмотреть Киру. И даже, вроде бы, увидел ее платье, когда девушка заходила в вокзал. А может и не она?

— Молодой человек! Вы бы прошли в купе. Сколько же Вы курить тут будете? Не накручивайте себе нервы! — вполне сочувственно посоветовала ему проводница.

— Да, спасибо! Вы правы!

Прошел, познакомился с соседями. Хорошие, наверное, люди. Едут на КавМинВоды, по путевке. Муж-инженер, жена — домохозяйка, дочь — школьница, Ирочка. Последняя, наверное, увидев их расставание, смотрела на него восторженно.

— А это Ваша девушка, да? — улучив момент тихо спросила девчонка у Ивана.

— Кто ж знает? — вздохнув, улыбнулся он.

— То есть? — опешила юная поклонница «романтик».

— Жизнь... она по-всякому повернуться может...

Через пару часов, по приглашению главы семейства, Косов присоединился к ним за столом. Достал свою провизию, улыбнулся, вспомнив Ритку.

«Марго... Рыжая... Ритка... Хорошая она все же баба! Только... вредная! «Пшечка» — что с них взять!».

С папашей они «раздавили» беленькую.

— Ты это... Свою-то спрячь — пригодится еще! Давай вот моей отпробуем! — заявил ему инженер.

Супруга попутчика, выпив две маленькие рюмочки, от продолжения отказалась.

— А чего так, Иван? Ну зачем тебе эта... армейщина? Институт! Вот! Политехнический институт! И лучшего — не надо! А там... всю жизнь по гарнизонам... ать-два!

Выходили покурить. Василий Михайлович, как звали попутчика, продолжал агитировать Косова за сугубо гражданскую карьеру. Сославшись на усталость, Косов отпросился поспать. Не спалось. Ворочался на своей верхней полке, думал.

«Ну вот... Вжился-встроился! И как тебе самому? Да вроде бы все нормально... Но с женщинами... как-то... перебор! И ведь все такие... что мимо — никак не пропустить! Как же их, таких, пропустить? Никак это невозможно!».

«А так... нормально! Сыт, пьян и нос в табаке! Деньги есть. Планы — есть! Помирати пока — не к спеху! Значит — будем жить!».

Спрыгнул вниз, пожал плечами на взгляд читающей какую-то книгу Тамары Петровны:

— Не спится что-то!

Увидел повеселевший взор их дочери, которая время от времени, поглядывала наверх, на его полку, с разочарованием.

— Может тогда — в шахматишки? — предложил Глава семьи.

— Да я как-то в шахматы... не очень! Я же не инженер! — пошутил Иван, — вот тут другое... Где-то я тут... гитару слышал, в каком-то купе!

Натянул на ноги «парусинки». Прошелся по коридору, заглянул в купе:

— Извините! А нельзя ли у Вас гитару... ненадолго?

Компания молодых мужиков интеллигентной наружности, но в состоянии легкого подпития, оживилась:

— Играешь? А то у нас тут Игорек — только учиться!

«Это было слышно!».

— Немного...

Подстроил гитару — Игорек и здесь был не на высоте! Спел и сыграл... Народу понравилось!

— Давай еще!

Дал... еще. Опять — понравилось.

В дверях купе заметил Ирочку, слушавшую из коридора.

— Прошу прощения! А могу я пригласить вот эту прелестную девушку — посидеть с нами в купе?

За Ирочкой пришла недовольная мама:

— Молодые люди! Может быть Вы разрешите нам взять гитару с собой, в наше купе! Обязуемся вернуть ее в целости и сохранности, да, Иван?

— Последнее прости с любимых губ слетает.

Уеду я на год, а может быть — на два!

А может навсегда ты друга потеряешь?

Еще один звонок — и уезжаю я!

«Вот этот... ЛыР, похоже был лишним! И Ирочка как-то повлажнела глазками, губки приоткрыты. Да и мама ее смотрит на меня... излишне сочувствующе!».

Его «беленькая» пошла в дело. И уже в их купе сидят незнакомые люди. Хорошо, что уже стемнело, и мама Ирочки, стала разгонять всех по местам.

Утром, тихо и поглядывая на похрапывающего на своей верхней полке Василия Михайловича — все же вечером, во время концерта, глава семьи «поднабрался» — Иван собрался и вытащил в коридор свою вещи. Его жена и Ирочка посапывали на нижних полках.

— Чего так рано-то «подкинулся»? — позевывая спросила его проходившая проводница, — Еще час, а то и больше будем до вокзала тащиться...

— Да в тамбуре покурю пока... Постою-подумаю...

— Ну стой, мне не жалко! — махнула рукой женщина.

«Но, если есть в кармане пачка сигарет — значит все не так уж плохо на сегодняшний день!».

— А ты что ж грустный такой? Вон вчера какой концерт давал? Или по девушке своей уже соскучился? — чуть отодвинула его в сторону при подъезде к вокзалу.

— Да... даже не в этом дело, — пожал плечами попаданец.

— Да? А в чем же...

— Да как объяснить... Я вот вчера... как будто последнюю страницу книги перевернул. Образно говоря...

— Да поняла уж! Не совсем глупая, — хмыкнула проводница, — и как? Книжка-то была интересная?

— Ну-у-у... местами — да. А так... не понял пока.

— Ну и ладно! Сколько у тебя еще интересных книжек впереди! Вон молодой какой... Да и бабы видно тебя любят. Что — скажи, не права? — засмеялась железнодорожница.

— А Вы как поняли? — удивился Косов.

— Да что там понимать-то? Или я сама не женщина? Пусть и старше тебя... Ладно! Иди уже... читатель!

«Ага... и без страшных книжек впереди, похоже — не обойтись! Ну да ладно! Утро-то какое... замечательное! Свежее, прозрачное!».

— Спасибо Вам... за все! — кивнул проводнице Косов.

Больше книг на сайте - Knigoed.net